

БИБЛИОТЕКА
ВЕЛИКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

С. А. ВЕНГЕРОВА

БАЙРОНЪ

Т.

II.



Е. ЛАНСЕРЕ. 1900.

ИЗДАНИЕ
БРОКГАУЗА-ЕФРОНЪ.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1905.

Типографія Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ. Прачешный пер., № 6.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 4 Августа 1904 г.

Шильонскій узникъ.



Рисунокъ, приложенный къ первому изданію перевода Жуковскаго.

ШИЛЬОНСКІЙ УЗНИКЪ,

ПОЭМА

ЛОРДА БЕЙРОНА.

—

ПЕРЕВЕЛЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

В. Ж.

—————

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА НАРОДНАГО
ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1822.

Заглавная страница перваго изданія перевода Жуковскаго.



Шильонскій узникъ.

I.

Въ апрѣлѣ 1816-го года Байронъ выѣхалъ вторично за границу, и дневникъ Чайльдъ-Гарольда, прерванный четыре года назадъ, начнется снова: 10-го іюля секретарь Байрона, Полидори, писалъ Мёррею, что третья пѣсня въ 118 стансахъ уже готова. Настроение дневника осталось то-же, пессимистическое въ личномъ и общественномъ отношеніяхъ, но послѣ семейнаго разрыва, который англійское общественное мнѣніе подняло на высоту скандала, источники недовольства собой и всѣмъ забили сильнѣе. И въ первыхъ пѣсняхъ Чайльдъ-Гарольдъ говорилъ о своей душевной усталости (I, ст. 84), тоскѣ, которая роднила его съ печальными картинами Греціи, пережившей свое величіе (II, ст. 92); его тянуло отъ людей въ лѣса и горы, на которыя не вступала нога человѣка: въ бесѣдѣ съ природой онъ не одинокъ, но быть въ толпѣ, гдѣ никто тебя не благословитъ и некого тебѣ благословить—вотъ настоящее одиночество. И онъ завидовалъ участи аеонскаго отшельника, сидящаго вечеромъ на утесѣ, откуда открывался видъ на голубыя волны и ясное небо; кто побывалъ тамъ въ такую пору, отрвется отъ священнаго мѣста со вздохомъ, чтобы снова пойти въ міръ, почти имъ забытый,—и его ненавидѣть (II, ст. 25—7).

Вторая пѣсня кончалась вопросомъ: что хуже ожиданія старости, которая глубже врѣжетъ морщины на лицѣ? Хуже—видѣть, какъ со страницъ жизни стирается все, что мы любили, быть на землѣ одинокимъ, какъ я. Остается склонить передъ Наказующимъ голову—надъ сердцами раздѣленными и разрушенными надеждами (II, ст. 98).

Принимаясь за третью пѣсню, поэтъ под-

водитъ себѣ итоги: онъ слишкомъ долго отдавался мрачнымъ мыслямъ, фантазія одинокю кружилась въ своемъ пламенномъ водоворотѣ, сердце смолodu не приучилось къ обузданію. Всего этого не перемѣнить, но самъ онъ измѣнился, хотя, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, тотъ же: по прежнему способенъ переносить, чего не исправитъ время, питается горькимъ плодомъ, не обвиняя судьбу („Сновидѣніе“ VIII: питаться ядами, какъ Митридатъ, и жить тѣмъ, что для другого было бы смертью).—Когда, вслѣдъ за поэтомъ выступитъ его двойникъ, Чайльдъ-Гарольдъ, онъ скажетъ про себя, что у него теперь „болѣе благородныя цѣли“, чѣмъ въ ранней юности, но слѣдующія далѣе признанія указываютъ на такую же неспособность жить въ обществѣ, подчинить свою мысль чужой; то-же стремленіе ограничить жизнь души ея самою, „дышать внѣ человечества“; среди людей онъ, что рожденный на волѣ соколъ, которому обрѣзали крылья; пустыня, лѣсъ, пещера, пѣнистая волна—вотъ его товарищи, ихъ говоръ ему понятнѣе родного, который онъ готовъ забыть для страницъ природы, сіяющихъ блескомъ солнечныхъ лучей на лонѣ озера (III, 7—15).

Настроение осталось то-же, тотъ-же и планъ поэмы, если вообще говорить о планѣ. Дневникъ-исповѣдь слагается капризно, впечатлѣнія и думы, вылившіяся въ случайныхъ стансахъ, сошлись въ прихотливомъ безпорядкѣ и лирическіе перлы низаны порой на риторическую нитку. Личный протестъ Байрона противъ гнета общественного мнѣнія, противъ тиранніи человѣка надъ человѣкомъ, обобщился въ нѣсколько абстрактное, но страстное вожделѣніе народной свободы: въ первыхъ двухъ пѣсняхъ оно нашло пищу въ впечатлѣніяхъ Испаніи и Греціи, въ III-ей въ воспомина-

ніяхъ о Ватерло и Моратъ (ст. 18 слѣд., 63 слѣд.). Картины Рейна не успокоили Чайльдъ-Гарольда: природа тамъ уравновѣшена, не слишкомъ грустная и не слишкомъ веселая, дикая, но не суровая, яркая, но смягченная налетомъ славной старины; лица довольныя, берега цвѣтутъ и изобилуютъ, хотя рядомъ рушатся царства. Все это хорошо для созерцателя, для двухъ любящихъ сердецъ, не для того, чью самовольно подставленную грудь непрерывно терзаютъ коршуны.—Онъ покидаетъ Рейнъ съ печальной благодарностью (ст. 59 слѣд.) и станетъ искать внутренняго мира на берегахъ Лемана.

Но и здѣсь успокоеніе неполное; картина двоится подъ перебоемъ впечатлѣній — и вліяній.

Уже при первомъ появленіи III-ей пѣсни „Чайльдъ-Гарольда“ и современнаго ему „Шильонскаго узника“ критика усмотрѣла въ пейзажахъ Байрона, въ его чувствахъ природы, манеру когда-то осмѣяннаго имъ Вордсворта, забывая раннее увлеченіе Байрона оссіановскимъ стилемъ, отзвуки котораго еще слышны въ произведеніяхъ его поздней поры. Вскорѣ имъ овладѣетъ пантеизмъ Шелли, но для первой швейцарской поры важнѣе обаяніе Руссо. Байронъ и Шелли отдались ему всецѣло: съ „Новой Элоизой“ въ рукахъ они знакомятся съ окрестностями Лемана, въ кристальную поверхность котораго смотрятся звѣзды и горы; для Байрона пока „все еще слишкомъ много человѣка“, „но вскорѣ одиночество обновитъ въ немъ мысли, скрытыя, но не менѣе дорогія, чѣмъ встарь“.

Эти мысли намъ знакомы: бѣжать отъ людей не значитъ — ихъ ненавидѣть; не лучше ли быть одинокимъ и любить природу для нея самой, чѣмъ жить въ толпѣ, угнетающей или выносящей гнетъ? Стать частицей великаго окружающаго тебя цѣлага и въ немъ расплываться—вотъ жизнь! (ст. 68 слѣд.).

Размышленіе обрывается: это пока не моя тема (ст. 76)—и слѣдуетъ характеристика Руссо, восторженно разбросанная и не прикрашенная, интересная для самого Байрона: ихъ недаромъ сравнивали, чѣмъ Байронъ бывалъ недоволенъ. Въ пламенномъ (wild) Руссо подчеркивается жажда славы, которой онъ пожертвовалъ всѣмъ остальнымъ; онъ самоистязающій софистъ, апостолъ печали, сѣмѣвшій одѣтъ страсть очарованіемъ, заблужденія поступковъ и мыслей небесной прелестью слова. Жить и любить было для

него одно и то-же; любовь не къ смертной женщинѣ, не къ умершей, являющейся порою въ грезахъ, а къ идеальной красотѣ, которая стала его сущностью и кипитъ на его огненныхъ страницахъ. Его жизнь была долгою борьбою съ самодѣльными врагами, съ друзьями, которыхъ онъ отъ себя отстранилъ, потому что умъ его сталъ святилищемъ подозрѣнія, и, принося жестокую жертву, онъ, въ непонятномъ ослѣпленіи, сталъ неистовствовать противъ людей.—Байронъ характеризовалъ, по поводу Наполеона, тѣхъ неспокойныхъ, которые слишкомъ мощно движутъ тайными пружинами человѣческаго сердца: завоевателей и королей, софистовъ, поэтовъ, государственныхъ дѣятелей, „безумцевъ (madmen), заражавшихъ своимъ безуміемъ другихъ“ (III, ст. 43). Руссо такой-же frenzied, — отъ недуга, горя или чего другого, этого мы никогда не узнаемъ, но его изступленіе доходило до того худшаго подъема, когда оно казалось разумнымъ. Тогда онъ вдохновлялся, и изъ его устъ вылетали, какъ въ былое время изъ таинственной пещеры Пиеи, тѣ пророчества, которыя зажгли весь міръ, пока не погибли царства. Революція зашла слишкомъ далеко въ дѣлѣ разрушенія, оставивъ развалины, на которыхъ снова воздвигались престолы и тюрьмы; но этакъ не останется: молчаніе не знакъ подчиненія, страсть только задерживаетъ дыханіе до часу, который воздастъ за годы; онъ настаивалъ, настанетъ, настанетъ (ст. 76—84).

И снова передъ нами картина „свѣтлаго, мирнаго Лемана“, тишина котораго побуждаетъ поэта бросить для болѣе чистаго источника мутныя общественныя волны. Когда-то ему былъ любъ грохотъ взбурдаженнаго океана, теперь спокойный лепетъ озера звучитъ нѣжно, какъ голосъ сестры, укоряющей его за то, что онъ могъ отдаваться столь суровымъ забавамъ.

Голосъ сестры Августы; въ кругу всѣхъ его привязанностей одно лишь любящее сердце осталось ему вѣрнымъ. „О, еслибъ ты была со мною! писалъ онъ ей (Epistle to Augusta); но я сталъ игрушкой своихъ желаній, прибавлялъ онъ: вѣдь я такъ страстно желалъ—одиночества!“

Августъ посвящены и прелестныя стансы, полныя такой чистой любви и неувядающей поэзіи. Они написаны были въ юлѣ, одновременно съ „Сновидѣніемъ“ и нѣкоторыми другими мелкими пьесами, и доставлены издателю вмѣстѣ съ III-ей пѣсней „Чайльдъ-Гарольда“ и еще одной новинкой: „Шильонскимъ узникомъ“.

II.

Въ іюнѣ 1816 года Байронъ и Шелли предприняли на лодкѣ прогулку по Женевскому озеру; „Новая Элоиза“ служить имъ руководителемъ по мѣстностямъ, описаннымъ Руссо. Они посѣтили Шильонскій замокъ, къ которому Руссо приурочилъ катастрофу своей героини; его замѣчаніе къ 8-му письму VI книги гласитъ, что въ Шильонѣ былъ узникомъ въ теченіи шести лѣтъ „Франсуа Бониваръ, пріоръ Св. Виктора, человѣкъ съ большими достоинствами, испытанной прямою и твердостью, другъ свободы, хотя савоецъ, вѣротерпимый, хотя и священникъ“. Друзья посѣтили подземелье, гдѣ содержался Бониваръ, и тюремный сторожъ (gendarme въ письмѣ Шелли), водившій ихъ, рассказалъ имъ, что о немъ зналъ. На обратномъ пути непогода задержала друзей на два дня (28—29 іюня) въ Ouchy, близъ Лозанны; здѣсь, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ видѣннаго и слышаннаго, набросанъ былъ „Шильонскій узникъ“.

Историческій Бониваръ (de Bonnivard; род. 1493 г.) игралъ замѣтную роль въ исторіи борьбы женевцевъ съ герцогомъ Савойскимъ, Карломъ III, за политическую и религиозную свободу. Это былъ человѣкъ ренессанса, открытый его вѣяніямъ, любитель просвѣщенія и книгъ; въ этой средѣ сложилось его отрицательное отношеніе къ старому обществу и его порядкамъ, которые онъ бичевалъ, не доходя до открытаго съ ними разрыва. Онъ не долюбивалъ монаховъ, но пугался крайностей реформаціи. „Мы говоримъ, что католическіе священники грызутъ мертвыхъ, и это правда, выразился онъ однажды, но мы поступаемъ и того хуже: мы грыземъ живыхъ. Что выгадаетъ бѣднякъ отъ того, что попомъ будетъ хуже житься? Обѣ стороны хвалятся тѣмъ, что исповѣдуютъ распятаго Христа,—но они далеки отъ истины, ибо мы оставили Спасителя распятымъ и обнаженнымъ на древѣ креста, а сами у его подножья весело играемъ въ кости—о его ризахъ“.—По собственному признанію Бонивара, историческія чтенія развили въ немъ интересъ къ республикѣ, любовь къ свободѣ, но, какъ всѣ люди ренессанса, онъ аристократически чуждался толпы и косо смотрѣлъ на Бертелье, когда тотъ брался въ тавернахъ съ женевскими буржуа, вербуя ихъ на общую борьбу; мелкій людъ, говаривалъ онъ, любить правду только въ другихъ, а купцы

навѣрное предпочтутъ независимости празднества и эку савойскихъ дворянъ.

Для савойскаго герцога такой человѣкъ былъ опасенъ; уже ранѣе онъ подвергся двухлѣтнему заключенію; въ 1530-мъ году, когда онъ ѣхалъ въ Лозанну, снабженный свободнымъ пропускомъ отъ имени герцога, онъ былъ взятъ по его приказанію и заключенъ въ Шильонскомъ замкѣ. Первые два года комендантъ держалъ его въ комнатѣ и содержалъ прилично, но послѣ посѣщенія Шильона герцогомъ его посадили въ одну изъ тюремъ, дно которой было ниже уровня озера. Тамъ онъ провелъ четыре года, и досуга у него было такъ много, что, шагая по скалѣ, служившей поломъ, онъ протопталъ въ немъ дорожку, точно выбилъ ее молотомъ. Въ 1536-мъ году попали въ Шильонъ, при такихъ-же обстоятельствахъ, еще три женевца; всѣ они вышли на свободу лишь повзятіи замка гражданами Берна.

Все это Бониваръ рассказывалъ самъ, ибо, пишетъ онъ, его дѣло и заточеніе—принадлежатъ исторіи Женевы. Одна хроника присоединяетъ къ этому рассказъ, какъ онъ встрѣтилъ свое освобожденіе: на первыхъ порахъ онъ какъ будто не понималъ, чего отъ него хотятъ, а какъ-то равнодушно выслушалъ вѣсть о свободѣ, и, выходя, обернулся на порогъ, и его влажный взоръ точно прощался съ тѣмъ, что онъ покидалъ. — Бониваръ вернулся къ общественной дѣятельности и еще долго жилъ.

Свидѣтельство Бонивара и хроники не даютъ возможности разобраться въ источникахъ „Шильонскаго узника“: что въ его канвѣ принадлежитъ сообщенію досужаго „жандарма“, что измышленію Байрона? Насъ было семеро, говоритъ въ поэмѣ узникъ, отецъ и шесть братьевъ, но исторія знаетъ лишь о двухъ братьяхъ Бонивара, изъ которыхъ одинъ носилъ имя Amblard; съ другой стороны, число семь слишкомъ определенное — и ненужное для Байрона, чтобы можно было поставить его на его счетъ. Всѣ эти люди пострадали за вѣру, отъ которой не хотѣли отречься; такова, видимо, точка зрѣнія безымянной политической пѣсни, современной взятію Шильона и освобожденію Бонивара:

Le chateau de Chillon par force fu conquys,
Là où les bons gendarmes n'ont grand trësor
acquis,

Fors que par le pays l'on presche l'evangille,
Lequel à tout croyant est à salu utile.

Содержаніе байроновской поэмы извѣстно. Рассказъ ведется отъ лица узника, уже вы-

шедшаго на волю. Онъ съ двумя братьями въ тюрьмѣ; ихъ приковали каждаго къ столбу, но имъ не видать другъ друга въ полусвѣтѣ солнечнаго луча, сбившагося съ пути въ расщелину стѣны, упавшаго на мокрый полъ и поползшаго по немъ, какъ болотный огонекъ (ст. II).—Современная критика нашла возможнымъ позаботиться на счетъ реализма этого „упавшаго луча“.—Братья поддерживаютъ другъ друга бесѣдой, „новой надеждой или старой легендой“ (ст. III), но неволя беретъ свое: умираетъ одинъ изъ братьевъ, альпійскій охотникъ, привыкшій къ свободному воздуху горъ; дольше держится меньшой братъ, любимецъ отца, которому его небесные голубые глаза (въ переводѣ Жуковского: „И глазъ умильная краса, лазоревыхъ, какъ небеса“) напоминали жену. И узникъ относится къ нему съ какимъ-то материнскимъ, страдальческимъ чувствомъ, точно не наглядится на него—въ воспоминаніи: „онъ былъ прекрасенъ, какъ день (бывалъ онъ прекрасенъ и мнѣ, какъ на свободѣ орлятамъ), какъ полярный день, не знающій солнечнаго захода, пока не пройдетъ его лѣто, безсонное лѣто съ долгимъ свѣтомъ,—одѣтое снѣгомъ порожденіе солнца“ (ст. IV; въ переводѣ Жуковского: Милый цвѣтъ, прекрасный, какъ тотъ дневный свѣтъ, который съ неба мнѣ свѣтилъ, въ которомъ я на волѣ жилъ). Юноша увядалъ тихо, безропотно, безъ слезъ, и узникъ галлюцинируетъ: ему кажется, что румянецъ мальчика гаснетъ, какъ гаснетъ лучъ радуги, его глаза такъ свѣтло-прозрачны, что почти освѣтили тюрьму; узникъ прислушивается къ его вздохамъ, дыханію, зоветъ его—и вдругъ отклика нѣтъ; когда онъ бросился къ нему, оборвавъ цѣпи, братъ былъ мертвъ, а онъ—одинъ. Какое-то безуміе овладѣваетъ человѣкомъ, когда онъ пойметъ, что того, что онъ любилъ, никогда болѣе не будетъ. Умереть онъ почему то не могъ, нѣтъ у него никакой земной надежды, кромѣ вѣры, запрещающей самоубійство (ст. VIII).

Страшное, хаотическое чувство душевнаго одиночества охватило его: его не выразить, оно не образно, а какъ-то безплотно-отвлеченно. Байронъ прибѣгаетъ къ отвлеченіямъ; рецензентъ современной „Critical Review“ нашелъ ихъ непонятными, несуразными; Жуковский съ ними не совладалъ. Что такое въ самомъ дѣлѣ: пустота, поглотившая пространство, неподвижность внѣ мѣста; ни звѣздъ, ни земли, ни времени, ни остановки, ни перемѣны, ни добра,

ни зла, а тишина и недвижимое дыханіе, дыханіе ни жизни, ни смерти; море болотнаго покоя, слѣпое, безграничное, безмолвное, безъ движенія? (ст. IX). Это кошмаръ, изъ котораго выводитъ узника пѣніе голубокрылой птички: она усѣлась въ расщелинѣ стѣны, откуда проникалъ солнечный лучъ, и пѣла такъ сладко, словно принесла ему вѣсть любви, когда уже никого не осталось въ живыхъ, кто бы любилъ его. Была-ли то гостыя изъ рая, или, прости Господи! душа брата? Эта мысль заставила его и улыбнуться, и заплакать: но птичка улетѣла; братъ такъ бы его не оставилъ (ст. X).

По смерти брата, когда узникъ оборвалъ свои цѣпи, его болѣе не приковывали, онъ могъ свободно бродить по тюрьмѣ; у него даже не являлось мысли о бѣгствѣ: онъ похоронилъ всѣхъ, кто любилъ его въ человѣческомъ образѣ, и теперь вся земля для него не что иное, какъ болѣе просторная тюрьма. Онъ проложилъ въ стѣнѣ тропку и могъ любоваться изъ-за рѣшетчатыхъ оконъ Леманомъ, далекими горами и голубой Роной. Проходили дни, мѣсяцы, годы, сколько, — онъ не помнитъ; онъ обжилъ въ своемъ уединеніи, подружился съ пауками, слѣдитъ за ихъ работой, за игрой мышей въ лунныя ночи, и когда его пришли освободить, у него явилось чувство, точно его хотятъ оторвать отъ второй его родины; онъ успѣлъ полюбить свои цѣпи и вздохнулъ, выходя на свободу (ст. XI—XIV).

Во всей поэмѣ Бониваръ ни разу не названъ по имени; если бы не упоминаніе Лемана, Шильона, Роны, мы никогда бы и не узнали, гдѣ происходитъ дѣйствіе. Комментаторы, нерѣдко заглядывающіе въ уголки, гдѣ нечего и искать, доказали, что узникъ-Бониваръ не могъ видѣть изъ оконъ своей тюрьмы многого, о чемъ сказано въ поэмѣ. Не видны снѣжныя горы, а только Dent du Midi; Рона при впаденіи въ озеро не голубая (eaux bourbeuses, Nouv. Heloise IV, 16), островокъ, съ котораго доносится до узника ароматъ весеннихъ цвѣтовъ, при Бониварѣ еще не существовалъ (онъ насыпанъ лѣтъ сто тому назадъ) и цвѣтовъ тамъ не водится и т. п. И безъ этихъ удостовѣреній мы естественно ожидаемъ, что Байронъ впопыхахъ, залпомъ написавшій свою поэмѣ послѣ бѣглаго посѣщенія Шильона, не могъ унести съ собой точныхъ топографическихъ воспоминаній à la Baedeker. Но комментаторы на этомъ не остановились: голубокрылая птичка, въ которой узнику почудилась душа брата, не только вызвала

справки въ народныхъ повѣрьяхъ о душѣ, являющейся въ образѣ птицы, но и вопросъ,—почему она голубокрылая. Такихъ птицъ въ Швейцаріи не водится, но въ Америкѣ извѣстна синяя птичка, *Sylvia sialis*, о чемъ писано было въ филадельфійскомъ журналѣ „Portfolio“, 1826 г., т. XXI. Предполагается у поэта память на мелкіе, случайные образы, отложившіеся отъ чтеній, либо походная бібліотека, гдѣ былъ и Драйденъ, и „Orlando Furioso“, котораго въ 1816-мъ году Байронъ могъ еще не знать: въ нихъ находятъ параллели и источники къ мотивамъ его „Узника“. Особенно занималъ вопросъ: откуда явился у Байрона остовъ поэмы, легенда о трехъ заключенныхъ братьяхъ, не имѣющая ничего общаго съ подлинными свѣдѣніями о заключеніи Бонивара? Что дантовскій Уголино могъ вдохновить его въ смыслѣ настроенія, на это указывали уже Шелли и Вальтеръ Скоттъ; недавно припомнили эпизодъ книжки, которой Байронъ и его товарищи зачитывались въ школѣ д-ра Гленни, а Байронъ воспользовался во 2-й пѣснѣ „Донъ-Жуана“ (ст. 87 слѣд.). Это разсказъ о крушеніи „Юноны“ у береговъ Арауканы (*William Mackery, Shipwreck of the Juno on the coast of Aracan in the year 1795*). Съ этой параллелью можно и не считаться; разсказъ узника, пережившаго брательевъ, какъ бы продолжаетъ повѣсть Уголино, когда его три сына умерли, одинъ за другимъ, голодною смертію, а онъ—

mi diedi
Già cieco a brancolar sovra ciascuno
Etre di li chiamai poich'è fur morti.

Сущность, главный нервъ байроновской поэмы—въ ея послѣдней трети, гдѣ начинается самоанализъ одинокаго узника. На этотъ мотивъ параллели не простираются.

Поэма вызвала при своемъ появленіи болѣе критики, чѣмъ признанія; припомнили и историческаго Бонивара. Въ планы Байрона не входило дать его раздѣльную характеристику, писалъ Вальтеръ Скоттъ („Quarterly Review“, v. XVI), мы не найдемъ у него ничего, что бы напомнило намъ о мужественной твердости и выносливомъ терпѣніи человѣка, страдающаго за вопросы совѣсти. Задачей поэмы было, какъ въ знаменитомъ эссеѣ Стерна, взглянуть на заточеніе отвлеченно, отмѣтить его вліяніе на постепенное пониженіе умственныхъ способностей и тѣлесныхъ силъ, пока несчастный не становится какъ бы частью своей тюрьмы, отождествляется со своими цѣпями. Такой процессъ не разъ наблюдался; лишь немно-

гіе, сильные, какъ Тренкъ, устояли въ самомъ строгомъ заключеніи противъ страшнаго врага—меланхоліи и послѣ долгихъ лѣтъ тюрьмы выходили побѣдителями. Тѣ, которые претерпѣли за родину или вѣру, находили еще большую podporу въ сознаніи правоты своего дѣла, въ увѣренности ожидающей ихъ въ небѣ награды; таковы древніе христіанскіе мученики. — Впечатлѣніе поэмы болѣе сильное, чѣмъ пріятное, заключаетъ Вальтеръ Скоттъ, тѣмъ непріятнѣе, что оно не даетъ мѣста надеждѣ, представляя намъ человѣка талантливаго и доблестнаго—недѣятельнымъ и безсильнымъ подъ гнетомъ накопившихся надъ нимъ страданій.

Нѣтъ мѣста надеждѣ: самъ Байронъ вызвалъ эти требованія, заставивъ своего узника пострадать за религіозную свободу и ничѣмъ не оправдавъ этого мотива. Нельзя же поставить въ счетъ такія общія мѣста, какъ то, что вѣра запрещаетъ самоубійство, или возгласъ узника, на минуту повѣрившаго, что душа брата посѣтила его въ видѣ птички: Господи, прости!

Лишь когда поэма была написана, Байронъ могъ познакомиться болѣе точно съ исторіей Бонивара изъ сообщеній одного женевскаго гражданина, гордящагося памятью человѣка, которому надлежало бы жить въ лучшую пору древней свободы. Женевскій гражданинъ ограничился выдержкой изъ книги швейцарскаго естествоиспытателя Jean Senebier, о чемъ Байронъ могъ и не знать. Напечатавъ эту справку въ примѣчаніи къ „Sonnet on Chillon“, Байронъ прибавилъ отъ себя, что еслибъ онъ ранѣе былъ знакомъ съ жизнью Бонивара, „онъ прославилъ бы его мужество и доблесть“, достойнымъ образомъ отнесся къ своему сюжету. Теперь ему стали понятны Бониваръ, — *ami de la liberté* (Руссо), и могъ быть написанъ сонетъ къ Шильону, печатающийся передъ поэмой,—сонетъ въ возвеличеніе свободы; „вѣчный духъ незнающаго цѣпей ума“, она озаряетъ темницы; пусть ея сыны томятся въ нихъ, ихъ мученичество искупительно. Шильонъ—святое мѣсто, оно освящено стопами Бонивара; да не уничтожить никто его слѣдовъ, „ибо они взываютъ отъ тиранніи къ Богу“.

Этотъ сонетъ не переведенъ Жуковскимъ, какъ не перевели его ни Кернеръ, ни Николини и др. Въ сущности, поэма—не исторія, а fable, какъ называлъ ее авторъ—стоитъ за себя, какъ довлѣющій себѣ психологическій этюдъ—въ вѣнѣ времени, а такъ какъ

ШИЛЬОНСКІЙ УЗНИКЪ.

въ ней нѣтъ имени Бонивара, то понять связь поэмы съ сонетомъ можно только при посредствѣ біографической справки, доставленной Байрону его женевскимъ знакомымъ. Да и настроеніе поэмы и сонета разныя: послѣдній, съ своими яркими контрастами свободы и тиранніи, входитъ въ рядъ тѣхъ заявленій общественнаго протеста, которыя разсѣяны въ стансахъ „Чайльдъ-Гарольда;“ „Узникъ“ написанъ въ томящемъ настроеніи одиночества, вольнаго и самодѣльнаго, которому Байронъ не разъ отдавался. Вторая пѣсня „Чайльдъ-Гарольда“ кончалась горькимъ признаніемъ, что онъ одинъ на землѣ, и жалобой на раздѣленные сердца; третья начинается и кончается болѣзненно-патетическимъ обращеніемъ къ дочери, которую онъ почти не зналъ; онъ увѣренъ, что она его полюбитъ, и теперь онъ любитъ ее печально, вчужѣ, горюетъ о ней. Съ третьей пѣсней отослано было въ Англію и „Сновидѣніе“: оно написано было Байрономъ „съ слезами на глазахъ“ и рассказываетъ о его юношеской, нераздѣленной любви къ „Мэри Чавортъ“; рядъ слѣдующихъ другъ за другомъ видѣній о

„странникъ“, который теперь одинокъ, нѣтъ съ нимъ никого изъ тѣхъ, кто были, иные съ нимъ враждуютъ (The Dream VIII); „Узникъ“ также похоронилъ всѣхъ близкихъ, у него ни рода, ни племени, ни хозяина, ни участника въ горѣ; свѣтъ—ему тюрьма (ст. XII). Вотъ почему онъ вздохнулъ, выходя на свободу. Такъ вздыхаетъ тотъ, кто, испытавъ тихую прелесть аэонскаго уединенія, отрывается, чтобы пойти — ненавидѣть міръ („Чайльдъ-Гарольдъ“ II, 24). А изъ міра доносится порой одинъ лишь дорогой, умиротворяющій голосъ сестры, и Байронъ отзывается на него: „Изъ крушенія погибшаго прошлаго я вынесъ по крайней мѣрѣ одно: я понялъ, что та, которую я наиболѣе любилъ, болѣе всѣхъ достойна быть любимой. Есть въ пустынѣ ручеекъ, на широкой дали дерево; тамъ птичка поетъ одиноко; она говоритъ моею душѣ—о тебѣ“.

Психологически эта параллель ближе къ видѣнію узника, чѣмъ водящаяся въ Америкѣ голубая птичка.

Александръ Веселовскій.



СОНЕТЪ КЪ ШИЛЬОНУ.

Духъ вѣчной мысли, ты, надъ кѣмъ владыки нѣтъ,
Всего свѣтлѣй горишь во тѣмѣ темницъ, свобода!
Тамъ ты живешь въ сердцахъ, столь любящихъ твой свѣтъ,
Что имъ съ тобой мила тюремная невзгода.

Когда твоихъ сыновъ, хранящихъ твой завѣтъ,
Бросають скованныхъ подъ сѣнь глухого свода,—
Въ ихъ мукахъ торжество восходитъ для народа
И вмигъ свободы кличъ весь облетаетъ свѣтъ.

Шильонъ! Твоя тюрьма—святыня! Полъ гранитный
Алтарь. Его топталъ страдалецъ беззащитный
Такъ долго, что въ скалу, какъ въ дернъ, вдавилъ слѣды.

Ихъ не сотретъ никто, клянусь я Бонниваромъ!
Пусть къ Богу вопіють они о рабствѣ старомъ,
Пусть возвѣщаютъ смерть насилья и вражды!

Н. Минскій.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ то время, когда я писалъ эту поэму, я не былъ достаточно знакомъ съ исторіей Боннивара; будь она мнѣ извѣстна, я бы постарался быть на высотѣ моего сюжета, попытался бы воздать должную хвалу мужеству и доблестямъ Боннивара. Теперь я получилъ нѣкоторыя свѣдѣнія о его жизни, благодаря любезности одного изъ гражданъ республики, продолжающей гордиться памятью мужа, достойнаго быть сыномъ лучшей поры древней свободы:

„Франсуа де Бонниваръ, (Bonnivard) сынъ Луи де Боннивара, родомъ изъ Сейселя (Seysel) и владѣлецъ Люна (Lunes) родился въ 1496 г. Онъ учился въ Туринѣ: въ 1510 году Жанъ Эмъ де Бонниваръ, его дядя, передалъ ему пріоратъ Санъ-Викторъ, прилегающій къ стѣнамъ Женевы и дававшій крупныя бенефиціи... Этотъ великій человѣкъ (Бонниваръ заслуживаетъ такой эпитетъ силой духа, прямою, благородствомъ помысловъ, мудростью совѣтовъ, отважностью поступ-

ковъ, обширностью знаній и живостью ума), этотъ великій человѣкъ, передъ которымъ будутъ преклоняться всѣ, кого трогаетъ геройская доблесть, будетъ возбуждать еще болѣе живое чувство благодарности въ сердцахъ женецевъ, любящихъ Женеву. Бонниваръ былъ всегда однимъ изъ ея самыхъ твердыхъ столповъ: чтобы упрочить свободу нашей республики, онъ часто ставилъ на карту свою свободу; онъ забылъ о своемъ спокойствіи, отказался отъ своихъ богатствъ; онъ сдѣлалъ все что могъ для того, чтобы упрочить счастье страны, которую почтилъ своимъ избраніемъ; съ того момента, какъ онъ призналъ ее своей родиной, онъ полюбилъ ее какъ самый ревностный изъ ея гражданъ; онъ служилъ съ геройскимъ безстрашіемъ и написалъ свою „Исторію“ съ наивностью философа и горячностью патріота.

Онъ говоритъ въ началѣ своей „Исторіи Женевы“, что „съ того времени, какъ онъ

ШИЛЬОНСКІЙ УЗНИКЪ.

началъ читать исторію народовъ, онъ почувствовалъ влеченіе къ республикамъ и принималъ всегда ихъ сторону; эта любовь къ свободѣ несомнѣнно и побудила его избрать Женеву своей второй родиной.

Бонниваръ былъ еще молодъ, когда открыто выступилъ защитникомъ Женевы противъ герцога Савойскаго и епископа. Въ 1519 году Бонниваръ сдѣлался мученикомъ за свою родину: когда герцогъ Савойскій вступилъ въ Женеву съ пятьюстами чело-вѣкъ, Бонниваръ, опасаясь гнѣва герцога, хотѣлъ укрыться въ Фрибургъ отъ грозившихъ ему преслѣдованій. Но его предали два чело-вѣка, сопровождавшіе его, и по приказу герцога его отвезли въ Гролэ, гдѣ онъ пробылъ въ тюрьмѣ два года. Путешествія не спасали Боннивара отъ бѣды: такъ какъ несчастія не ослабили его преданности Женевѣ и онъ продолжалъ быть страшнымъ врагомъ для всѣхъ ея недруговъ, то и подвергался всегда опасности преслѣдованій съ ихъ стороны. Въ 1530 году на него напали въ горахъ Юры воры, ограбили его и препроводили къ герцогу Савойскому. Послѣдній заточилъ его въ Шильонскій замокъ, гдѣ Бонниваръ пробылъ, не будучи ни разу подвергнутъ допросу, до 1536 года, когда его высвободили изъ тюрьмы бернскія войска, завладѣвшія всѣмъ кантономъ Ваадъ (Pays-de-Vaud).

Выйдя на свободу, Бонниваръ былъ обрадованъ тѣмъ, что увидѣлъ Женеву свободной и преобразованной: республика поспѣшила выказать ему свою благодарность и вознаградить его за вынесенныя имъ бѣдствія: въ іюнѣ 1536 года онъ былъ возведенъ въ званіе женевского гражданина, республика принесла ему въ даръ домъ, гдѣ нѣкогда жилъ генеральный викарій, и назначила ему пенсіонъ въ двѣсти золотыхъ

эку на все время его пребыванія въ Женевѣ. Въ 1537 году онъ былъ выбранъ членомъ Совѣта двухсотъ.

Бонниваръ продолжалъ служить на пользу своихъ согражданъ: позднѣе, послѣ того какъ онъ помогъ Женевѣ стать свободной, ему удалось также сдѣлать ее вѣротерпимой. Бонниваръ убѣдилъ Совѣтъ предоставить (духовенству и крестьянамъ) достаточно времени для обсужденія сдѣланныхъ имъ предложеній; онъ достигъ цѣли своей мягкостью; для того чтобы успѣшно проповѣдывать христіанство, нужно дѣйствовать любовью и кротостью.

Бонниваръ былъ ученымъ; его рукописи, сохраняющіяся въ публичной библіотекѣ, доказываютъ, что онъ хорошо зналъ латинскихъ классиковъ, а также обладалъ обширной эрудиціей въ области богословія и исторіи. Этотъ великій чело-вѣкъ любилъ науку и полагалъ, что она можетъ составить славу Женевы; поэтому онъ всячески старался насадить ее въ городѣ, начавшемъ жить самостоятельно. Въ 1551 году онъ подарилъ городу свою библіотеку и положилъ этимъ основаніе нашей публичной библіотекѣ; книги Боннивара и составляютъ часть рѣдкихъ прекрасныхъ изданій XV вѣка, имѣющихся въ нашемъ собраніи. Наконецъ, въ томъ же году, этотъ истинный патріотъ назначилъ республику своей наслѣдницей, подъ условіемъ, что она употребитъ его состояніе на содержаніе коллежа, основаніе котораго проэктировалось тогда.

Бонниваръ умеръ по всей вѣроятности въ 1570 году, но точно установить дату его смерти нельзя, потому что въ спискахъ умершихъ есть пробѣлъ отъ іюля 1570 г. до 1571^а.

(Histoire Littéraire de Genève Жана Сенебьера (1741—1809), 1786, I, 131—137) ¹⁾.



¹⁾ Выдержка изъ Сенебьера у Байрона приведена по французски



Тюрьма Бонниари въ настоящее время.

ШИЛЬОНСКІЙ УЗНИКЪ.



ШИЛЬОНСКІЙ ЗАМОКЪ ВЪ 1820-хъ ГОДАХЪ.
(The Castle of Chillon),

Рис. Гардингъ (I. D. Harding), грав. Э. Финденъ (Edw. Finden).

I.

Взгляните на меня: я сѣдъ;
Но не отъ хилости и лѣтъ;
Не страхъ внезапный въ ночь одну
До срока далъ мнѣ сѣдину.
Я сгорбленъ; лобъ наморщенъ мой,
Но не труды, не хладъ, не зной—
Тюрьма разрушила меня.
Лишенный сладостнаго дня,
Дыша безъ воздуха, въ цѣпяхъ,
Я медленно дряхлѣлъ и чахъ,
И жизнь казалась безъ конца.
Удѣлъ несчастнаго отца:
За вѣру—смерть и стыдъ цѣпей,
Удѣломъ сталъ и сыновей.
Насъ было шесть—пяти ужъ нѣтъ.
Отецъ, страдалецъ съ юныхъ лѣтъ,
Погибшій старцемъ на кострѣ,
Два брата, падшіе во прѣ,
Отдавъ на жертву честь и кровь,
Спасли души своей любовь.
Три заживо схоронены

На днѣ тюремной глубины
И двухъ сожрала глубина;
Лишь я, развалина одна,
Себѣ на горе уцѣлѣлъ,
Чтобъ ихъ оплакивать удѣлъ.

II.

На лонѣ водъ стоитъ Шильонъ;
Тамъ, въ подземельѣ, семь колоннъ
Покрыты влажнымъ мохомъ лѣтъ,
На нихъ печальный брежжетъ свѣтъ.
Лучъ, ненарокомъ съ вышины
Упавшій въ трещину стѣны
И заронившійся во мглу.
И на сыромъ тюрьмы полу
Онъ свѣтитъ тускло, одинокъ,
Какъ надъ болотомъ огонекъ,
Во мракѣ вѣющій ночью.
Колонна каждая съ кольцомъ;
И цѣпи въ кольцахъ тѣхъ висятъ,
И тѣхъ цѣпей желѣзо—ядъ;
Мнѣ въ члены вгрызлося оно:
Не будетъ ввѣкъ истреблено

Клеймо, надавленное имъ.
И день тяжелъ глазамъ моимъ,
Отвыкнувшимъ съ столь давнихъ лѣтъ
Глядѣть на радующій свѣтъ;
И къ волѣ я душой остылъ
Съ тѣхъ поръ, какъ братъ послѣдній былъ
Убить неволей предо мной
И, рядомъ съ мертвымъ, я—живой—
Терзался на полу тюрьмы.

III.

Цѣпами тѣми были мы
Къ колоннамъ тѣмъ пригвождены,
Хоть вмѣстѣ, но разлучены.
Мы шагу не могли ступить;
Въ глаза другъ друга различить
Намъ блѣдный мракъ тюрьмы мѣшалъ:
Онъ намъ лицо чужое далъ—
И братъ сталъ брату незнакомъ.
Была улада намъ въ одномъ:
Другъ другу голосъ подавать,
Другъ другу сердце пробуждать
Иль былью славной старины,
Иль звучной пѣснью войны—
Но скоро то же и одно
Во мглѣ тюрьмы истощено;
Нашъ голосъ страшно одичалъ:
Онъ хриплымъ отголоскомъ сталъ
Глухой тюремной стѣны;
Онъ не былъ звукомъ старины
Въ тѣ дни, подобно намъ самимъ,
Могучимъ, вольнымъ и живымъ.
Мечта ль?—но голосъ ихъ и мой
Всегда звучалъ мнѣ, какъ чужой.

IV.

Изъ насъ троихъ я старшій былъ;
Я жребій собственный забылъ,
Дыша заботою одной,
Чтобъ имъ не дать упасть душой.
Нашъ младшій братъ—любовь отца...
Увы! черты его лица
И глазъ умильная краса,
Лазоревыхъ, какъ небеса,
Напоминали нашу мать.
Онъ былъ мнѣ все—и увядать
При мнѣ былъ долженъ милый цвѣтъ,
Прекрасный, какъ тотъ дневный свѣтъ,
Который съ неба мнѣ свѣтилъ,
Въ которомъ я на волѣ жилъ.
Какъ утро, былъ онъ чистъ и живъ,
Умомъ младенчески-игривъ,
Безпечно-веселъ самъ съ собой...
Но передъ горестью чужой
Изъ голубыхъ его очей
Бѣжали слезы, какъ ручей.

V.

Другой былъ столь же чистъ душой;
Но духъ имѣлъ онъ боевой:
Могучъ и крѣпокъ въ цвѣтѣ лѣтъ,
Радъ вызвать къ битвѣ цѣлый свѣтъ
И въ первый рядъ на смерть готовъ...
Но безъ терпѣнья для оковъ.
И онъ отъ звука ихъ завялъ!
Я чувствовалъ, какъ погибалъ,
Какъ медленно въ печали гасъ
Нашъ братъ, незримый намъ близъ насъ.
Онъ былъ стрѣлокъ, жилецъ холмовъ,
Гонитель вепрей и волковъ —
И гробъ тюрьма ему была:
Неволи сила не снесла.

VI.

Шильонъ Леманомъ окруженъ,
И вокругъ его со всѣхъ сторонъ
Неизмѣрима глубина;
Въ двойную волны и стѣна
Тюрьму совокупились тамъ;
Печальный сводъ, который намъ
Могилой заживо служилъ,
Изрытъ въ скалѣ подводной былъ;
И день и ночь была слышна
Въ него бѣющая волна
И шумъ надъ нашей головой
Струй, отшибаемыхъ стѣной.
Случалось—бурей до окна
Бывала взброшена волна,
И брызговъ дождь насъ окроплялъ;
Случалось—вихорь бушевалъ
И содрогалась скала;
И съ жадностью душа ждала,
Что рухнетъ и задавить насъ:
Свободой былъ бы смертный часъ.

VII.

Середній братъ нашъ—я сказалъ—
Душой скорбѣлъ и увядалъ.
Унылъ, угрюмъ, ожесточенъ,
Отъ пищи отказался онъ:
Ѣда тюремная жестка;
Но для могучаго стрѣлка
Нужду переносить легко.
Намъ козь альпійскихъ молоко
Смѣнила смрадная вода;
А хлѣбъ нашъ былъ, какой всегда—
Съ тѣхъ поръ какъ цѣпи созданы—
Слезамъ смачивать должны
Невольники въ своихъ цѣпяхъ.
Не отъ нужды скорбѣлъ и чахъ
Мой братъ: равно завялъ бы онъ,
Когда бъ и нѣгой окруженъ

ШИЛЬОНСКІЙ УЗНИКЪ.

Безъ воли былъ... Зачѣмъ молчать?
Онъ умеръ... я жъ ему подать
Руки не могъ въ послѣдній часъ,
Не могъ закрыть потухшихъ глазъ:
Вотще я цѣпи грызъ и рвалъ—
Со мною рядомъ умиралъ
И умеръ братъ мой, одинокъ;
Я близко былъ и—былъ далекъ.
Я слышать могъ, какъ онъ дышалъ,
Какъ онъ дышать переставалъ,
Какъ вздрагивалъ въ цѣпяхъ своихъ
И какъ ужасно вдругъ затихъ
Во глубинѣ тюремной мглы.
Они, снявъ съ трупа кандалы,
Его безъ гроба погребли
Въ холодномъ лонѣ той земли,
На коей онъ невольникъ былъ.
Вотще я ихъ въ слезахъ молилъ,
Чтобъ брату тамъ могилу дать,
Гдѣ могъ бы дневный лучъ сіять;
То мысль безумная была,
Но душу мнѣ она зажгла:
Чтобъ воленъ былъ хоть въ гробѣ онъ.
„Въ темницѣ“, мнилъ я, „мертвыхъ сонъ
Не тихъ...“ Но былъ отвѣтъ слезамъ
Холодный смѣхъ; и братъ мой тамъ
Въ сырой землѣ тюрьмы зарытъ,
И въ головахъ его виситъ
Пукъ имъ оставленныхъ цѣпей:
Убійцъ достойный мавзолеей.

VIII.

Но онъ, нашъ милый, лучшій цвѣтъ,
Нашъ ангелъ съ колыбельныхъ лѣтъ,
Сокровище семьи родной,
Онъ—образъ матери душой
И чистой прелестью лица—
Мечта любимая отца,
Онъ—для кого я жизнь щадила,
Чтобъ онъ бодрѣй въ неволѣ былъ,
Чтобъ послѣ могъ и воленъ быть...
Увы! онъ долго могъ сносить
Съ младенческою тишиной,
Съ терпѣньемъ яснымъ жребій свой.
Не я ему—онъ для меня
Подпорой былъ. Вдругъ день отъ дня
Сталъ упадать—ослабѣвалъ,
Грустилъ, молчалъ и молча вялъ.
О, Боже! Боже! страшно зрѣть,
Какъ силится преодолѣть
Смерть человѣка. Я видалъ,
Какъ ратникъ въ битвѣ погибалъ;
Я видѣлъ, какъ пловецъ тонулъ
Съ доской, къ которой онъ прильнулъ
Съ надеждой гибнущей своей;
Я зрѣлъ, какъ издыхалъ злодѣй



Прокрадывался лучъ дневной
Въ стѣнную скважину ко мнѣ.

I saw the glimmer of the sun

Рис. Уоренъ (H. Warren), грав. Э. Финденъ
(Ed. Finden).

Съ свирѣпой дикостью въ чертахъ,
Съ богохуленьемъ на устахъ,
Пока ихъ смерть не заперла;
Но тамъ былъ страхъ: здѣсь скорбь была,
Болѣзнь глубокая души.
Смиреннымъ ангеломъ въ тиши
Онъ гасъ, столь кротко-молчаливъ,
Столь безнадежно-терпѣливъ,
Столь грустно-томенъ, нѣжно-тихъ,
Безъ слезъ, лишь помня о своихъ
И обо мнѣ... Увы! онъ гасъ,
Какъ радуга, плѣнная насъ,
Прекрасно гаснетъ въ небесахъ:
Ни вздоха скорби на устахъ,
Ни ропота на жребій свой;
Лишь слово изрѣдка со мной
О нашихъ прошлыхъ временахъ,
О лучшихъ будущаго дняхъ,
Объ упованьи... но, объять
Той тратой, горшею изъ тратъ,
Я былъ въ свирѣпомъ забытѣ.
Вотще, кончаясь, онъ свои
Терзанья смертныя скрывалъ...
Вдругъ рѣже, трепетнѣе сталъ
Дышать, и вдругъ умолкнулъ онъ...
Молчаньемъ страшнымъ пробужденъ,

Я вслушиваюсь—тишина!
Кричу, какъ бѣшенный—стѣна
Откликнулась—и умеръ гуль...
Я цѣпь отчаянно рванулъ
И вырвалъ... къ брату—брата нѣтъ!
Онъ на столбѣ, какъ вешній цвѣтъ,
Убитый хладомъ, предо мной
Висѣлъ, съ поникшей головой.
Я руку тихую поднялъ:
Я чувствовалъ, какъ исчезалъ
Въ ней слѣдъ послѣдней теплоты...
И, мнилось, были отняты
Всѣ силы у души моей;
Все страшно вдругъ сперлося въ ней.
Я дико по тюремѣ бродилъ—
Но въ ней покой ужасный былъ;
Лишь вѣялъ отъ стѣны сырой
Какой-то холодъ гробовой.
И, взоръ на мертваго вперивъ,
Я зналъ лишь смутно, что я живъ.
О! сколько муки въ знаньи томъ,
Когда мы тутъ же узнаемъ,
Что милому уже не быть.
И мигъ тотъ могъ я пережить!
Не знаю—вѣра ль то была,
Иль хладность къ жизни жизнь спасла?

IX.

Но что потомъ случилось со мной—
Не помню. Свѣтъ казался тьмой,
Тьма—свѣтомъ; воздухъ исчезалъ;
Въ оцѣпенѣннн стоялъ,
Безъ памяти, безъ бытія,
Межъ камней хладнымъ камнемъ я:
И видѣлось, какъ въ тяжкомъ снѣ,
Все блѣднымъ, темнымъ, тусклымъ мнѣ;
Все въ мутную слилося тѣнь;
То не было ни ночь, ни день,
Ни тяжкій свѣтъ тюрьмы моей,
Столь ненавистный для очей:
То было—тьма безъ темноты;
То было—бездна пустоты
Безъ протяженья и границъ;
То были образы безъ лицъ;
То страшный міръ какой-то былъ,
Безъ неба, свѣта и свѣтилъ,
Безъ времени, безъ дней и лѣтъ,
Безъ Промысла, безъ слагъ и бѣдъ:
Ни жизнь, ни смерть, какъ сонъ гробовъ,
Какъ океанъ, безъ береговъ,
Задавленный тяжелой мглой,
Недвижный, темный и нѣмой.

X.

Вдругъ лучъ внезапный посѣтилъ
Мой умъ: то голосъ птички былъ.

Онъ умолкалъ, онъ снова пѣлъ;
И, мнилось, съ неба онъ летѣлъ—
И былъ утѣшно-сладокъ онъ.
Имъ очарованъ, оживленъ,
Заслушавшись, забылся я;
Но не надолго. Мысль моя
Стезей привычною пошла—
И я очнулся. И была
Опять передо мной тюрьма,
Молчанье то же, та же тьма;
Какъ прежде, блѣдною струей
Прокрадывался лучъ дневной
Въ стѣнную скважину ко мнѣ.
Но тамъ же, въ свѣтѣ, на стѣнѣ
И мой пѣвецъ воздушный былъ:
Онъ трепеталъ, онъ шевелилъ
Своимъ лазоревымъ крыломъ;
Онъ озаренъ былъ яснымъ днемъ;
Онъ пѣлъ привѣтно надо мной.
Какъ много было въ пѣсни той!
И все то было—про меня!
Ни разу до того я дня
Ему подобнаго не зрѣлъ!
Какъ я, казалось, онъ скорбѣлъ
О братѣ, и покинутъ былъ;
И онъ съ любовью навѣстилъ
Меня тогда, какъ ни однимъ
Ужъ сердцемъ не былъ я любимъ.
И въ сладость пѣснь его была:
Душа невольнo ожила.
Но кто жъ онъ самъ былъ, мой пѣвецъ?
Свободный ли небесъ жилецъ?
Или, недавно отъ цѣпей,
По случаю къ тюрьмѣ моей,
Играя въ небѣ, залетѣлъ
И о свободѣ мнѣ пропѣлъ?
Скажу ль?... Мнѣ думалось порой,
Что у меня былъ не земной,
А райскій гость; что братній духъ
Порадовать мой взоръ и слухъ
Примчался птичкою съ небесъ...
Но утѣшитель вдругъ исчезъ:
Онъ улетѣлъ въ сіянье дня...
Нѣтъ, нѣтъ, то не былъ братъ: меня
Покинуть такъ не могъ бы онъ,
Чтобъ я, съ нимъ дважды разлученъ,
Остался вдвое одинокъ,
Какъ трупъ межъ гробовыхъ досокъ.

XI.

Вдругъ новое въ судьбѣ моей:
Къ душѣ тюремныхъ сторожей
Какъ-будто жалость путь нашла;
Дотолъ ихъ душа была
Безчувственнѣй желѣзъ моихъ.
И что разжалобило ихъ?

ШИЛЬОНСКІЙ УЗНИКЪ.



БАННИВАРЪ И УМИРАЮЩІЙ МЛАДШІЙ БРАТЪ ЕГО (Bonnivard and his brother).

Рис. Стэнфильдъ (C. Stanfield, R. A.), грав. Э. Финденъ (E. Finden).

Что милость вымолило мнѣ?
Не знаю... но опять къ стѣнѣ
Уже прикованъ не былъ я;
Оборванная цѣпь моя
На шеѣ билася моей;
И по тюрьмѣ я вмѣстѣ съ ней
Вдоль стѣнъ кругомъ столбовъ бродилъ,
Не смѣя братнихъ лишь могилъ
Дотронуться моей ногой,
Чтобы послѣднія земной
Святыни тамъ не оскорбить.

XII.

И мнѣ оковами прорыть
Ступень удалось въ стѣнѣ;
Но воля не входила мнѣ
И въ мысли... я былъ сирота,

Миръ сталъ чужой мнѣ, жизнь пуста,
Съ тюрьмой я жизнь сдружилъ мою:
Въ тюрьмѣ я всю свою семью,
Все, что знавалъ, все, что любилъ,
Невозвратно схоронилъ,
И въ области веселой дня
Никто ужъ не жилъ для меня;
Безъ мѣста на пиру земномъ,
Я былъ бы лишній гость на немъ,
Какъ облако при ясномъ днѣ
Потерянное въ вышинѣ,
И въ радостныхъ его лучахъ
Ненужное на небесахъ.
Но мнѣ хотѣлось бросить взоръ
На красоту знакомыхъ горъ,
На ихъ утесы, ихъ лѣса,
На близкія къ нимъ небеса.

XIII.

Я ихъ увидѣлъ—и онѣ
 Всѣ были тѣ жъ: на вышинѣ
 Вѣковъ созданіе снѣга,
 Подъ ними—Альпы и луга,
 И бездна озера у ногъ,
 И Роны блещущій потокъ
 Между зеленыхъ береговъ;
 И слышенъ былъ мнѣ шумъ ручьевъ,
 Бѣгущихъ, бьющихъ по скаламъ:
 И по лазоревымъ водамъ
 Сверкали ясны облака;
 И быстрый парусъ челнока
 Между небесъ и водъ летѣлъ;
 И хижины веселыхъ селъ,
 И кровы свѣтлыхъ городовъ
 Сквозь паръ мелькали вдоль береговъ.
 И я примѣтилъ островокъ:
 Прекрасенъ, свѣжъ, но одинокъ
 Въ пространствѣ былъ онъ голубомъ;
 Цвѣли три дерева на немъ;
 И горный воздухъ вѣялъ тамъ
 По муравъ и по цвѣтамъ,
 И воды были тамъ живѣй,
 И обвивалися нѣжнѣй
 Кругомъ родныхъ береговъ онѣ.
 И видѣлъ я: къ моей стѣнѣ
 Челнокъ съ пловцами приставалъ,
 Гостилъ у берега, отплывалъ
 И, при свободномъ вѣтеркѣ
 Летя, скрывался въ далекѣ;
 И въ облакахъ орелъ игралъ,
 И никогда я не видалъ
 Его столь быстрымъ: то къ окну
 Спускался онъ, то въ вышину
 Взлеталъ—за нимъ душа рвалась;
 И слезы новыя изъ глазъ
 Пошли, и новая печаль
 Мнѣ сжала грудь: мнѣ стало жаль

Моихъ покинутыхъ цѣпей.
 Когда жъ на дно тюрьмы моей
 Опять сойти я долженъ былъ—
 Меня, казалось, обхватилъ
 Холодный гробъ; казалось, вновь
 Моя послѣдняя любовь—
 Мой милый братъ—передо мной
 Былъ взять несытою землей;
 Но какъ ни тяжело ныла грудь—
 Чтобъ отъ страданья отдохнуть,
 Мнѣ мракъ тюрьмы отрадой былъ.

XIV.

День приходилъ—день уходилъ—
 Шли годы—я ихъ не считалъ:
 Я, мнилось, память потерялъ
 О перемѣнахъ на земли.
 И люди, наконецъ, пришли
 Мнѣ волю бѣдную отдать.
 За что и какъ—о томъ узнать
 И не помыслилъ я: давно
 Считать привыкъ я за одно—
 Безъ цѣпи ль я, въ цѣпи ль я былъ:
 Я безнадежность полюбилъ—
 И имъ я холодно внималъ,
 И равнодушно цѣпь скидалъ,
 И подземелье стало вдругъ
 Мнѣ милой кровлей... тамъ все другъ,
 Все однодомецъ было мой:
 Паукъ темничный надо мной
 Тамъ мирно ткалъ въ моемъ окнѣ;
 За рѣзвой мышью при лунѣ
 Я тамъ подсматривать любилъ;
 Я къ цѣпи руку приучилъ;
 И—столь себѣ невѣрны мы!—
 Когда за дверь своей тюрьмы
 На волю я перешагнулъ—
 Я о тюрьмѣ своей вздохнулъ.

В. Жуковскій.









Тѣ двое—дѣва съ юношей—глядѣли,
Она на мѣръ, простертый передъ нею,
Цвѣтушій, какъ она сама, а онъ—
Лишь на нее.
These two, a maiden and a youth, were there
Gazing—the one on all that was beneath
Fair as herself—but the boy gazed on her.

Рис. Корбу (Edward Corbould), грав. Гудъиръ (J. Goodyear).

С О Н Ъ.

(The Dream).

I.

Жизнь наша двойственна. Есть мѣръ особый сна,
На рубежѣ двухъ тайнъ, что мы невѣрно
Зовемъ существованіемъ и смертью.
Есть мѣръ, принадлежащій сну, есть царство
Безбрежное дѣйствительности дикой;
И сновидѣнья, въ немъ рождаясь, дышутъ,
Скорбятъ, льютъ слезы, радости не чужды.
Они надъ нашей мыслью тяготѣютъ
И наяву; они-жъ по пробужденъи
Дневныхъ заботъ намъ облегчаютъ тяжесть.
Они двоятъ все наше существо,
То близки намъ и нашему мгновенью,
То на герольдовъ вѣчности похожи.
Они скользятъ, какъ духи дней былыхъ,
Вѣщаютъ, какъ Сибиллы, о грядущемъ.
Имъ власть дана блаженства и мученій.
Они, своей лишь прихоти послушны,
Насъ дѣлаютъ иными, чѣмъ мы были,
То потрясая образомъ мелькнувшимъ,

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ВАЙРОНА.

То тѣню насъ исчезнувшей пугая.
Ужели и они лишь только тѣни?
Не все-ль былое тѣнь? Такъ кто-жъ они?
Не дѣти-ли мечты? Мечта лишь въ силахъ
Сама собой дѣйствительность творить
И населять планеты существами
Прекраснѣе когда-либо рожденныхъ,
И жизнь вдыхать въ безплотныя черты,
Отнынѣ долговѣчнѣй всякой плоти.—
Хочу повѣдать объ одномъ видѣннѣи,
Что созерцаль, быть можетъ, въ краткомъ снѣ,
Но грезы сна способны къ долгой жизни,
Въ единый часъ вмѣщая много лѣтъ.

II.

Я видѣлъ на холмѣ стоявшихъ рядомъ
Два существа во цвѣтѣ юныхъ дней.
То былъ зеленый холмъ въ уступахъ мягкихъ,
Похожій на отрогъ послѣднѣй гребня,
Хотя не омывался у подножья
Морской волной. Кругомъ сверкала жизнь
Лѣса и нивы съ хлѣбомъ волновались,
Кой-гдѣ средь нихъ дома людей виднѣлись
И дымъ, вѣясь, вставалъ отъ сельскихъ крышъ.
Былъ холмъ увѣнчанъ круглой діадемой
Деревьевъ, такъ взрощенныхъ не игрой
Природы, а рукою человѣка.
Тѣ двое—дѣва съ юношей—глядѣли,
Она—на мѣръ, простертый передъ нею,
Цвѣтушій, какъ она сама, а онъ—
Лишь на нее. И оба были юны,
Она—ктому-жъ прекрасна. Оба юны,
Но въ юности различны межъ собой.
Какъ нѣжная луна на краѣ неба,
Сіяла дѣва на зарѣ созрѣвшей
Въ ней женственности. Юноша годами
Моложе былъ, но страсть переросла
Въ немъ возрастъ, и глазамъ его казалось
На всей землѣ одно лицо желаннымъ,—
Лицо, теперь сіявшее предъ нимъ.
Ея черты онъ созерцалъ такъ долго,
Что больше не былъ въ силахъ ихъ забыть.
Лишь ей одною жилъ онъ и дышалъ
И словно говорилъ ея устами.
Нѣмѣя передъ ней, онъ трепеталъ
При каждомъ словѣ, ей произносимомъ.
Ея глазами онъ глядѣлъ на мѣръ,
Окрашенный въ ихъ цвѣтъ. Онъ пересталъ
Жить самъ въ себѣ. Въ ней былъ источникъ жизни
И океанъ, куда неслись потоки
Всѣхъ чувствъ его, чтобъ слиться тамъ навѣкъ.
Ея прикосновенье, звукъ единый,—
И кровь его то прилиwała къ сердцу,
То бурно отливала вновь къ лицу,—
Хоть сердце и не вѣдало причины
Своихъ страданій. Въ этихъ страстныхъ чувствахъ.



СОНЪ (Lord Byron's Dream).

Картина Истлака (Sir Charles Lock Eastlake, 1793—1865).

С О Н Ъ.

Участія не принимала дѣва.
Она вздыхала—только не о немъ.
Онъ для нея былъ братомъ и не больше,
Хоть это было многимъ. Славныхъ предковъ
Послѣдній отпрыскъ, выросши безъ братьевъ,
Она въ пріязни дѣтской имя брата
Давала лишь ему. Онъ это имя
Любилъ и ненавидѣлъ. Почему?
На то отвѣтъ глубокій дало время,
Когда она другого полюбила.
И вотъ теперь она другого любить
И, стоя на вершинѣ, смотреть вдаль,
Не мчится-ль конь съ возлюбленнымъ, летитъ-ли
Онъ такъ же пламенно, какъ ждетъ она?

III.

Мой сонъ исчезъ и замѣнился новымъ.
Я видѣлъ старый замокъ. У крыльца
Осѣдланый богато конь стоялъ.
А юноша, кого я видѣлъ раньше,
Въ старинной ждалъ часовнѣ одиноко.
Печальный, блѣдный, онъ шагаль въ раздумьи,
Вдругъ сѣлъ, схватилъ перо, и начерталь
Слова, которыхъ разобрать не могъ я,
Поникъ челомъ на руки, весь затрясся,
Какъ-бы въ припадкѣ судорогъ, вскочилъ
И разорвалъ дрожащими руками
Исписанный листокъ,—но слезъ не пролилъ.
Онъ вскорѣ превозмогъ свое волненье,
И принялъ видъ спокойный. Въ этотъ мигъ
Владычица души его вошла,
Свѣтла, съ улыбкой на устахъ, хоть знала—
Такое знанье возникаетъ быстро,—
Что любить онъ ее, что сердце въ немъ
Она своею тѣнью омрачила.
Она видала, что теперь онъ страждетъ,
Но видѣла не все. Онъ всталъ, ей руку
Пожаль пожатъемъ, легкимъ и холоднымъ.
Одно мгновенье на его лицѣ
Чувствъ несказанныхъ отразилась повѣсть
И вмигъ исчезла, какъ возникла вмигъ.
Онъ руку отпустилъ и не спѣша,
Съ ней будто не прощаясь, удалился.
Съ улыбкой оба тихо разошлись.
Онъ вышелъ изъ воротъ тяжелыхъ замка,
Сѣлъ на коня и въ дальній путь поѣхаль,
И больше за порогъ старинный этотъ
Не преступилъ обратно никогда.

IV.

Мой сонъ исчезъ и замѣнился новымъ.
Тотъ юноша сталъ мужемъ. Онъ жилищемъ
Избралъ себѣ пустыни знойныхъ странъ,
Гдѣ духъ свой услаждалъ лучами солнца.
Живя средь зрѣлищъ странныхъ и суровыхъ,
Онъ сдѣлался и самъ не тѣмъ, чѣмъ былъ.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ВАЙРОНА.

Скитальцемъ сталъ онъ суши и морей.
Какъ волны, предо мной чередовались
Картины странъ различныхъ—и повсюду
Я различалъ его. И наконецъ
Я видѣлъ: отъ полуденнаго зноя
Онъ отдыхалъ среди колоннъ упавшихъ,
Уснулъ въ тѣни развалинъ, пережившихъ
Названья тѣхъ, кто древле ихъ воздвигъ.
Кругомъ паслись верблюды и стояли
У водоема спутанные кони.
Въ одеждахъ развѣвающихся мужъ
На стражѣ бодрствовалъ; межъ тѣмъ какъ рядомъ
Дремали люди племени его.
Лазурь небесъ надъ всѣми простиралась,
Столь чистыхъ, столь безоблачно-прозрачныхъ,
Что въ глубинѣ ихъ видно только Бога.

V.

Мой сонъ исчезъ и замѣнился новымъ.
Царицу думъ его взялъ въ жены нѣкто,
Ее любившій менѣе, чѣмъ онъ.
Въ своемъ дому—за много тысячъ миль—
Въ своемъ дому она живетъ родимомъ,
Окружена цвѣтущею весною
Прекрасныхъ дочерей и сыновей.
Но посмотри! Легла печать страданій
На ликъ ея и тѣнь борьбы сокрытой.
Глаза ея опущены тревожно,
Какъ будто-бы непролитыя слезы
Отяготили вѣжды ихъ. О чемъ
Ея печаль? Кто ей любимъ, тотъ съ нею.
А тотъ, кто самъ любилъ ее, далеко,
И не смутить ея мечтаній чистыхъ
Надеждой низкой, иль желаньемъ грѣшнымъ,
Иль плохо скрытой горестью. О чемъ-же
Ея печаль? Онъ не былъ ей любимъ,
Она его не обольщала лживой
Надеждой на любовь свою. Всему,
Что угнетаетъ духъ ея, не можетъ
Онъ быть причастнымъ—блѣдный призракъ дѣтства.

VI.

Мой сонъ исчезъ и замѣнился новымъ.
Домой вернулся странникъ. И я видѣлъ
Его предъ алтаремъ, съ невѣстой рядомъ.
Ея лицо плѣняло красотой,
Но не было лицомъ, что возсіяло
Надъ юностью его звѣздой лучистой.
И вотъ предъ алтаремъ его черты
Вдругъ вспыхнули тѣмъ страннымъ выраженьемъ,
И грудь его стѣснилась той-же дрожью,
Какъ нѣкогда въ часовнѣ одинокой.
Теперь, какъ и тогда въ тотъ часъ прощальный,
Одно мгновенье на его лицѣ
Чувствъ несказанныхъ повѣсть отразилась
И вмигъ исчезла, какъ возникла вмигъ.

С О Н Ъ.

Спокойный онъ стоялъ, произнося
Слова объѣта, словъ своихъ не слыша.
Все вокругъ него кружилось и плыло,
И видѣлъ онъ не то, что видѣть могъ бы,
А старый замокъ, памятные сѣни,
Знакомые покои. Тѣ мѣста,
Тотъ день и часъ, свѣтъ дня, тѣней узоры,
Все, связанное съ этимъ днемъ и мѣстомъ,
И съ той, кто стала рокомъ для него,—
Всѣ образы минувшаго вернулись
И стали между нимъ и свѣтомъ солнца.
Къ чему? Что нужно имъ въ подобный часъ?

VII.

Мой сонъ исчезъ и замѣнился новымъ.
Владычицу души его—увы—
Глубоко измѣнилъ недугъ душевный.
Ея разсудокъ навсегда покинулъ
Свою обитель, и ея глаза,
Лишившись блеска жизни, созерцали
Предметы не земные, точно стала
Она царицей призрачнаго царства.
Ея мечты казались сочетаньемъ
Вещей несовмѣстимыхъ. Существа,
Ничьимъ глазамъ незримыя отъ вѣка,
Безплотныя, съ ея сдружились взоромъ.
Безумьемъ называютъ это люди,
Но мудрость смотритъ глубже. Для нея
Безумье—роковой и страшный даръ,
Какъ будто-бы подзорная труба
Для истины. Оно пространства міра
Отъ призрачныхъ видѣній обнажаетъ,
Являя жизнь въ послѣдней наготѣ,
И кажется дѣйствительность тогда
Намъ слишкомъ близкой и неодолимой.

VIII.

Исчезъ мой сонъ и замѣнился новымъ.
Скиталецъ сталъ какъ прежде одинокъ.
Домашніе покинули его
Иль враждовали съ нимъ. Въ душѣ носилъ онъ
Отчаянья и увяданья знакъ
И окруженъ былъ ненавистью общей
И клеветой. Страданья отравляли
Такъ долго все, къ чему онъ ни касался,
Что наконецъ, какъ древній царь Понтійскій,
Онъ въ пищу сталъ употреблять отравы,
Всю силу потерявшія надъ нимъ.
Онъ жилъ лишь тѣмъ, что смертью угрожаетъ.
Вершины горъ ему друзьями были,
Съ звѣздами, съ вольнымъ гениемъ вселенной
Онъ велъ бесѣды. И они учили
Его волшебству чаръ своихъ. Широко
Предъ нимъ была раскрыта книга ночи.
Онъ бездны голосамъ внималъ, вѣщавшимъ
О чудесахъ и тайнахъ.—Такъ да будетъ!—

IX.

Растаялъ сонъ и новымъ не смѣнился.
Такъ предо мной, какъ будто на яву,
Въ порядкѣ странномъ развивался жребій
Двухъ любящихъ существъ, и завершился,
Безумьемъ одного, страданьями обоихъ.

Н. Минскій.

Т Ъ М А.

(Darkness).

Я видѣлъ сонъ... не все въ немъ было сномъ.
Погасло солнце свѣтлое—и звѣзды
Скитались безъ цѣли, безъ лучей,
Въ пространствѣ вѣчномъ; льдистая земля
Носилась слѣпо въ воздухѣ безлунномъ.
Часъ утра наставалъ и проходилъ—
Но дня не приводилъ онъ за собою...
И люди въ ужасѣ бѣды великой
Забыли страсти прежнія... Сердца
Въ одну себялюбивую молитву
О свѣтѣ робко сжались—и застыли.
Передъ огнями жилъ народъ; престолы,
Дворцы царей вѣнчанныхъ, шалаши,
Жилища всѣхъ имѣющихъ жилища—
Въ костры слагались... города горѣли...
И люди собирались толпами
Вокругъ домовъ пылающихъ—затѣмъ,
Чтобы хоть разъ взглянуть въ лицо другъ
другу.
Счастливы были жители тѣхъ странъ,
Гдѣ факелы вулкановъ пламенѣли...
Весь міръ одной надеждой робкой жилъ...
Зажгли лѣса; но съ каждымъ часомъ гасъ
И падалъ обгорѣлый лѣсъ; деревья
Внезапно съ грознымъ трескомъ обруша-
лись...

И лица—при неровномъ трепетаньи
Послѣднихъ, замирающихъ огней—
Казались не земными... Кто лежалъ,
Закрывъ глаза, да плакалъ; кто сидѣлъ,
Руками подпираясь—улыбался,
Другіе хлопотливо суетились
Вокругъ костровъ—и въ ужасѣ безумномъ
Глядѣли смутно на глухое небо,
Земли погибшей саванъ... а потомъ
Съ проклятьями бросались въ прахъ и выли,
Зубами скрежетали. Птицы съ крикомъ
Носились низко надъ землей, махали
Ненужными крылами... Даже звѣри
Сбѣгались робкими стадами... Змѣи
Ползли, вились среди толпы,—шипѣли

Безвредныя... ихъ убивали люди
На пищу... Снова вспыхнула война,
Погасшая на время... Кровью купленъ
Кусокъ былъ каждый; всякій въ сторонѣ
Сидѣлъ угрюмо, насыщаясь въ мракѣ.
Любви не стало; вся земля полна
Была одной лишь мыслью: смерти—смерти,
Безславной, неизбѣжной... Страшный голодъ
Терзалъ людей... и быстро гибли люди...
Но не было могилы ни костямъ,
Ни тѣлу... пожиралъ скелетъ скелета...
И даже псы хозяевъ раздирали.
Одинъ лишь песь остался трупъ вѣренъ,
Звѣрей, людей голодныхъ отгонялъ,
Пока другіе трупы привлекали
Ихъ зубы жадные... но пищи самъ
Не принималъ. Съ унылымъ долгимъ сто-

номъ

И быстрымъ, грустнымъ крикомъ, все лизалъ
Онъ руку, безотвѣтную на ласку.
И умеръ, наконецъ... Такъ постепенно
Всѣхъ голодъ истребилъ; лишь двое гражданъ
Столицы пышной—нѣкогда враговъ—
Въ живыхъ осталось... Встрѣтились они
У гаснущихъ остатковъ алтаря,
Гдѣ много было собрано вещей
Святыхъ.
Холодными, костлявыми руками
Дрожа, вскопали золу... огонекъ
Подъ слабымъ ихъ дыханьемъ вспыхнулъ
слабо,

Какъ-бы въ насмѣшку имъ; когда же стало
Свѣтлѣе, оба подняли глаза,
Взглянули, вскрикнули, и тутъ же вмѣстѣ
Отъ ужаса взаимнаго внезапно
Упали мертвыми.
. И міръ былъ пустъ,
Тотъ многолюдный міръ, могучій міръ
Былъ мертвой массой, безъ травы, деревь-

евъ,

Безъ жизни, времени, людей, движенія...
То хаосъ смерти былъ. Озера, рѣки
И море—все затихло. Ничего
Не шевелилось въ безднѣ молчаливой.
Безлюдные лежали корабли
И гнили на недвижной, сонной влагѣ...
Безъ шума, по частямъ валились мачты
И, падая, волны не возмущали...
Моря давно не вѣдали приливовъ...
Погибла ихъ владычица—луна;
Завяли вѣтры въ воздухѣ нѣмомъ...
Исчезли тучи... Тѣмъ не нужно было
Ихъ помощи... она была повсюду.

И. Тургеневъ.



МОГИЛА ЧЕРЧИЛЛЯ.

(Подлинное происшествіе).

(Churchill's grave).

Передъ холмомъ того, кто метеоромъ
Блеснулъ въ быломъ, предъ скромною плитой
Я въ ужасѣ стоялъ съ печальнымъ взоромъ.
Увядшій дернъ и памятникъ простой.
Полуистерлось имя какъ безвѣстныхъ
Именъ черты на камнѣ плоть окрестныхъ.
Я здѣшняго садовника спросилъ:
Зачѣмъ сквозь дебри полувѣковая
Людскихъ смертей, здѣсь путникъ невпервы
Изъ памяти его извлечь спѣшилъ,
Все, что онъ зналъ объ этомъ насажденьѣ?
Отвѣтилъ онъ:—Такого поклоненья
Причинъ не знаю, онъ положенъ былъ
Здѣсь до меня, не я могилу рылъ.—
—И это все!—Я думалъ,—мы, срывая
Покровъ съ безсмертья, ждемъ, что забле-
стить
Въ дали временъ намъ слава вѣковая
Лишь для того, чтобъ вынести этотъ стыдъ
Такъ скоро позабыть!—Межъ тѣмъ стро-
итель
Всего, что попираемъ мы пятой
(Миръ цѣлый сталъ надгробною плитой),
Припомнилъ все, что зналъ о персти той,
Чѣй сложности дивился бы мыслитель,

Когда бъ вдали, въ единомъ бытіи
Всѣ жизни не сливались какъ ручьи.
Его воспоминанье отразило
Неясный отблескъ прежняго свѣтила
И молвилъ онъ:—Я думаю, что тотъ,
Кто здѣсь лежитъ въ могилѣ—незабытый—
При жизни былъ писатель знаменитый.
Изъ-за него всѣ дѣлаютъ обходъ,
Чтобъ принести ему дань уваженья,
Амнѣ, коль милость есть—вознагражденье.
Довольный, я могильщику въ отвѣтъ
Далъ нѣсколько серебряныхъ монетъ,
Изъ глубины кармана извлеченныхъ,
Но не избавлю васъ—непосвященныхъ
Отъ этихъ словъ:—Я вижу, какъ смѣшны
Мои слова, что правдою полны.
Не я, но вы—безумны. Въ размышленье
Глубокое всей погрузясь душой,
Я выслушалъ—и взоръ смягчился мой—
Могильщика простое наставленье:
Безвѣстность въ немъ и славы торжество,
Блескъ имени—съ ничтожествомъ его.

О. Чюмина.





ПРОМЕТЕЙ.

(Prometheus).

Не съ равнодушіемъ, какъ боги,
Титанъ безсмертный, ты глядѣлъ
На человѣческій удѣлъ,
Его напасти и тревоги.
Ты насъ любилъ; но что жъ тебѣ
Наградой было? Лишь страданья
Въ упорной и нѣмой борьбѣ,
Борьбѣ, не знавшей упованья—
Оковы, коршунъ и скала...
Всѣ скорби душъ непобѣдимыхъ
Душа твоя пережила:
Жестокость мукъ, никѣмъ незримыхъ,
Весь гнетъ тоски, которой стонъ
Въ груди страдальца подавлялся,
Чтобъ Зевса вѣстникъ и шпионъ
Не услыхалъ... И ты боялся,
Чтобъ даже эха легкій звукъ
Не выдалъ небу тайныхъ мукъ.
Борьбу страданія и воли,
Титанъ, извѣдалъ ты до дна!
На свѣтѣ нѣтъ мрачнѣе доли:
Средь пытки въ гробъ ведетъ она.
И вотъ—царь неба непреклонный,
Злой деспотизмъ судьбы глухой,
Капризъ всевластной силы, склонной
Творить существъ несчастныхъ рой,
Тебѣ и въ смерти отказали—
И въ этомъ благѣ,—и вѣнцомъ
Безсмертья жалкаго вѣнчали.
Но ты не слабымъ былъ бойцомъ,
И перенесъ свой жребій твердо.
Все, что громометатель гордый
Исторгнуть могъ изъ устъ нѣмыхъ,
Была угроза—голосъ рока,
И съ ней весь ужасъ мукъ твоихъ
Проникнулъ въ грудь его глубоко.
Какъ ясно твой провидѣлъ взоръ
Судьбу звѣзды его случайной;
Но ты не подѣлился тайной,

И будто смертный приговоръ
Слова твои ему звучали!
Раскаянье и блѣдный страхъ
Имъ овладѣли... Задрожали
Перуны въ трепетныхъ рукахъ.
Твое святое преступленье—
Въ томъ, что ты былъ добра пророкъ,
Что ты, давъ людямъ наставленья,
Изгнать часть бѣдствій имъ помогъ,
И человѣка духъ унылый
Довѣрьемъ къ разуму поднялъ;
Но ты, при всѣхъ гоненьяхъ силы,
Примѣръ намъ мощный завѣщаль—
Въ отпоръ стойкомъ злобѣ дикой
И въ твердости души великой,
Сломить которой не могли
Всѣ грозы неба и земли.
Для смертнаго, въ твоей судьбинѣ—
Вѣсть силъ и участи его:
Какъ ты, онъ частью божество,
Токъ ясныхъ водъ, бѣгушій въ тинѣ.
И онъ способенъ жребій свой
Предугадать—свои мученья,
Напоръ бѣды и споръ съ бѣдой,
Дни одинокаго томленья—
Все, отъ чего ему оплотъ
Духъ мощи собственный даетъ,
Духъ равносильный всѣмъ страданьямъ...
И въ немъ есть воля, есть сознание
Высокихъ, вѣчныхъ правъ своихъ—
То чувство, что и въ пыткахъ злыхъ
Не остается безъ награды—
Глубокой внутренней отрады—
Всечасно крѣпнеть средь обидъ,
Въ бореньи доблестномъ мужаетъ
И въ битву радостно спѣшить,
И смерть въ побѣду претворять.

Василій Марковъ.

О Т Р Ы В О К Ъ.

(A Fragment).

Когда бь вновь вынесла меня волна рѣки
Къ первоисточнику блаженства и тоски—
Я не поплылъ бы вновь межъ тѣми берегами,
Что пожелтѣвшими усѣяны цвѣтами,—
Пускай бы какъ теперь текла рѣка часовъ,
Сливаясь съ множествомъ безвѣстныхъ ручейковъ.

Но что такое Смерть? Покой сердецъ, гробница?
И цѣлое того, чего мы всѣ—частица?
Вѣдь жизнь—видѣніе. Лишь то изъ бытія
Мнѣ кажется живымъ — что взоромъ вижу я,
И мертвыми считать отсутствующихъ можно.
Для сердца мысль о нихъ мучительно тревожна,
Воспоминанія въ часъ отдыха ночной
Окутываютъ насъ печали пеленой.
О, да, они мертвы и холодны; едва ли
Мы вновь увидимъ ихъ, какими раньше знали.
Они измѣнчивы, а если и хранить
Воспоминанье тотъ, кто нами не забытъ,
Мы все жъ разлучены—лежитъ ли между нами
Земля, просторъ морской съ шумящими волнами
Иль земли и моря—пока въ своихъ гробахъ
Въ одинъ безчувственный мы не сольемся прахъ.
И кто они—жилищъ подземныхъ население?
Милльоны мертвецовъ, что стали жертвой тлѣнья?
Тысячелѣтій пыль, покрывшая собой
Все то, на что ступалъ иль ступитъ родъ людской?
Полна обитель ихъ молчаніемъ глубокимъ
И тамъ живутъ они по кельямъ одинокимъ?
Иль есть у нихъ языкъ, сознанье бытія
Ихъ бездыханнаго, что въ мрачномъ напряженьѣ
Безмолвью полночи подобно? О, земля!
Гдѣ—опочившіе, и для чего—рожденье?
Усопшіе—твои наслѣдники, а мы—
Зыбь на поверхности. Среди могильной тьмы—
Ключъ отъ глубинъ твоихъ, и служить гробъ вступленьемъ,
Преддверьемъ въ твой чертогъ съ громаднымъ населеньемъ.
Войдя туда какъ духъ, я суть земныхъ веществъ
Тамъ въ превращеніяхъ постигъ бы несказанныхъ,
И видѣлъ чудеса, и—нынѣ бездыханныхъ—
Открылъ бы тайну избранныхъ существъ.

О. Чюмина.



МАДАМЪ ДЕ-СТАЛЬ

(Madame de Staël)

Съ портрета Жерара (Gerard) прав. Э. Финденъ (Ed. Finden).

СОНЕТЪ КЪ ЖЕНЕВСКОМУ ОЗЕРУ.

(Sonnet to lake Lemman).

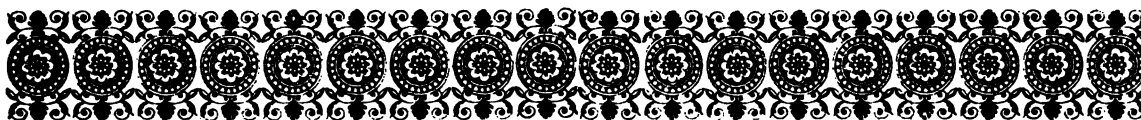
Руссо, Вольтеръ, де-Сталь, нашъ Гиббонъ,—имена,
О Леманъ, береговъ твоихъ достойны эти,
Какъ ты достоинъ ихъ. Пусть ты-бъ изсякъ до дна,
Ихъ слава сохранить твою среди столѣтій.

Какъ всѣмъ, отраденъ былъ имъ звукъ твоей волны,
Для насъ-же послѣ нихъ милѣе валъ пѣвучій.
Такъ смутной повѣстью про жизнь души могучей
Руины мертвыхъ стѣнъ навѣкъ освящены.

Но также, надъ твоей скользя пучиной мирной,
О Леманъ, озеро прозрачной красоты,
Сильнѣй мы чувствуемъ горѣнье ихъ мечты,
Тотъ благородный пылъ, что къ славѣ велъ всемірной.

Тамъ, гдѣ наслѣдники безсмертья жить могли,
Не тщетной кажется дѣйствительность земли.

Н. Минскій.



СТАНСЫ КЪ АВГУСТЪ.

(Stanzas to Augusta).

Хоть минули и счастье, и слава,
И звѣзда закатилась моя,
Ты одна не взяла себѣ права
Поносить и тревожить меня;
Ты одна не шатнулась душою,
Въ нѣжномъ сердцѣ твой братъ не упалъ,
И любовь, столь цѣнимую мною,
Я въ тебѣ лишь одной отыскалъ.

Пусть же шлетъ, улыбаясь привѣтно,
Мать природа свои мнѣ дары:
Я отдался ей весь беззащитно,
Вспоминая улыбку сестры.
И пускай на сраженіе съ волнами
Бурный вихрь по небу летитъ,
Я скорблю лишь о томъ, что межъ нами
Океанъ необъятный лежитъ.

Пусть послѣдній мой якорь сорвался,
Пусть исчезъ онъ средь мутныхъ зыбей,
Пусть повсюду злой недугъ ворвался—
Не согнусь предъ судьбою своей!
Пусть клеветаютъ безстыдные люди,
Помогая жестокой судьбѣ—
Не пробить имъ закованной груди:
Ей защитой—мечта о тебѣ.

Изъ людей—ты одна мнѣ не льстила,

Между женщинъ—осталась вѣрна;
Ты въ разлукѣ меня не забыла,
Клеветамъ не вняла ты одна,
Не стремилась за общимъ порокомъ,
Не слабѣла горячей душой,
За любовь не платила упрекомъ,
За добро не платила враждой.

Я усталъ; но людей не клянущу я
И себя не зову ихъ врагомъ—
Пусть ихъ рвутся, свирѣпо ликуя,
На войну съ одинокимъ бойцомъ!
Я могу ли корить ихъ презрѣниемъ?
Бой неравный мнѣ очи открылъ:
Какъ отрадны борьба и гоненье:
Черезъ нихъ я тебя оцѣнилъ.

Средь обломковъ и дикой пустыни
Я безъ страха и гордо стою:
Не отбить имъ послѣдней святыни—
Не утрачу любовь я твою!
И пустыни той видъ не печалень,
И обломки тѣ дороги мнѣ,
И блескитъ изъ-подъ груды развалинъ
Бриллиантъ, неврежденный въ огнѣ!

А. Дружининъ.





СВОДНАЯ СЕСТРА БАЙРОНА АВГУСТА ЛИ

(The Hon. Augusta Leigh).

Съ эскиза сэра Джорджа Гейтера (From a drawing by Sir George Hayter).

ПОСЛАНИЕ КЪ АВГУСТЪ.

(Epistle to Augusta).

I.

Сестра моя! Будь въ мірѣ ближе слово,
Священнѣй—я тебя назвалъ бы имъ.
Съ тобой морями разлученъ сурово—
Пусть не оплаканъ буду, но любимъ.
Гдѣ бъ ни была—ты будешь мнѣ былого
Воспоминаньемъ вѣчно дорогимъ.
Еще двѣ цѣли мнѣ даны судьбою:
Міръ—для скитаній, кровь родной—съ тобою.

II.

Что міръ! Съ тобой я гавань могъ обрѣсть.
Гдѣ уберегъ бы счастье отъ крушенья.
Но у тебя другія узы есть,

ПОСЛАНИЕ КЪ АВГУСТЪ.

Я не могу желать ихъ умаленья,
Обязанъ я мой странный жребій несть,
Возврата нѣтъ и нѣтъ мнѣ искупленья.
Какъ дѣдъ мой—въ морѣ, такъ наоборотъ
На сушѣ я попалъ въ водоворотъ.

III.

Но если мнѣ среди стихій другихъ
Наслѣдье бурь досталось, и—безпечень
Я встрѣтилъ рядъ утесовъ роковыхъ,
Что непредвидѣнъ былъ иль незамѣченъ—
Моя вина. Да, я чистосердечень:
Лже-истиной не скрою винъ моихъ,
Я самъ искалъ крушенья въ безднѣ моря—
Усердный кормчій собственнаго горя.

IV.

Моя—вина, отвѣтственность—на мнѣ.
Вся жизнь моя—борьба со дня рожденья:
Онъ, давъ мнѣ жизнь, даръ омрачилъ вдвойнѣ,
Мнѣ волю давъ, что впала въ заблужденъе.
Томясь борьбой, въ душевной глубинѣ
Я ждалъ отъ узъ земныхъ освобожденья;
Теперь бы я хотѣлъ еще пожить,
Чтобъ поглядѣть: что дальше можетъ быть?

V.

Я не одной монархіи надменной
Видалъ конецъ, а мнѣ—немного лѣтъ.
Въ сравненіи съ тѣмъ—подобны влагѣ пѣнной,
Оставшейся волнѣ морской во слѣдъ—
Года моихъ тревогъ. И неизмѣнной
Храню я стойкость подъ наплывомъ бѣдъ;
Хотя бы ради самаго страданья—
Мы не напрасно терпимъ испытанья.

VI.

Презрѣнъе ль, вызовъ это, или вдругъ
Отчаяньемъ холоднымъ я охваченъ,
Какъ въ дни, когда—мучительнѣй недугъ,—
Иль воздухъ здѣсь такъ мягокъ и прозраченъ,
Что облеченъ броней легкой—духъ
Становится не такъ тяжелъ и мраченъ?
Но странный миръ сталъ нынѣ мнѣ сродни,
Невѣдомый въ спокойнѣйшіе дни.

VII.

Почти такимъ, какъ въ дѣтскіе былъ годы,
Я становлюсь. Такими жъ предо мной
Являются цвѣты, деревья, воды,
Какъ и въ быломъ, пока духъ юный мой
Не предался наукѣ. Красотой
Мнѣ умиляетъ сердце видъ природы;
Порою вновь любить способенъ я,
Ни никого—такъ сильно, какъ тебя.

VIII.

Картины Альпъ—источникъ созерцанья,
И не простой восторгъ на краткій срокъ,
Но высшее въ насъ будятъ пониманье,
Тутъ не страдаютъ тѣ, кто одинокъ,
И многое полно очарованья,
Но болѣе всего меня привлекъ
Видъ озера; оно—родного краше,
Но менѣ мнѣ дорого, чѣмъ наше.

IX.

О, если бъ ты со мною здѣсь была!
Безумецъ я! Словами сожалѣнья
Загублена невольно похвала,
Что воспѣвалъ я въ честь уединенья.
Но тайныхъ сожалѣній—безъ числа
Въ душѣ моей и нѣтъ имъ выраженья!
Я чую философіи отливъ,
Слеза встаетъ, мнѣ очи затопивъ.

X.

Объ озерѣ у замка родового—
Напомнилъ я,—онъ будетъ ли моимъ?
Прекрасенъ Леманъ, но любуюсь имъ,
Не позабылъ я берега родного.
Въ пустырь я память обращаю сурово
Скорѣе, чѣмъ *тебя* забуду съ *нимъ*,
Хотя все то, что я любилъ когда то—
Утрачено во многомъ безъ возврата.

XI.

Весь міръ—передо мною, но въ мечтахъ
Я одного желаю: жить въ природѣ,
Купаться въ лѣтнихъ солнечныхъ лучахъ,
Сливаться съ синевою въ небосводѣ.
На ликъ ея безъ маски, на свободѣ—
Хочу взирать я съ радостью въ очахъ,
Пусть будетъ мнѣ она сестрой родною,
Покуда ты не будешь вновь со мною.

XII.

Всѣ чувства заглушу я, но не это.
Я на закатѣ вижу предъ собой
Все то, что мнѣ являлось въ часъ разсвѣта.
Зачѣмъ не шелъ я раннею тропой?
Когда бы раньше избѣгалъ я свѣта,
То лучше былъ бы, чище я душой.
Борьба страстей меня бъ не волновала
Я бъ не страдалъ, ты—слезъ не проливала.

XIII.

Я не нуждался въ честолюбіи ложномъ,
Въ любви, а въ славѣ—менѣе всего.
Они пришли безъ зова моего

ПОСЛАНИЕ КЪ АВГУСТЪ.

И сдѣлали, что было имъ возможнымъ—
Мнѣ дали знаменитость. До того
Стремился къ цѣлямъ я не столь тревожнымъ,
Достойнѣйшимъ. Положенъ имъ предѣлъ,
Милльоновъ душъ я раздѣлилъ удѣлъ.

XIV.

Что бѣ ни сулилъ мнѣ этотъ мѣръ—тревога
О будущемъ чужда душѣ моей.
Я пережилъ мой срокъ на много дней,
Затѣмъ, что пережилъ я слишкомъ много.
Я не дремалъ; въ теченье жизни всей
Лишь бодрствовалъ я неусыпно строго,
Вмѣстила бы столѣтье жизнь моя,
А четверти его не видѣлъ я.

XV.

Что бѣ ни принесъ остатокъ дней съ собою—
Благодарю за многое въ быломъ,
Въ итогѣ общемъ грозныхъ бурь съ борьбою—
И счастья лучъ дарилъ меня тепломъ,
И въ настоящемъ очерствѣть душою
Я не хочу. Смотрю на все кругомъ
Съ познаньемъ, и въ глубокомъ умиленѣ
Я воздаю природѣ поклоненье.

XVI.

Сестра моя, какъ въ сердцѣ ты моемъ—
Такъ и въ моемъ увѣренъ я глубоко.
И ты, и я узъ нашихъ не порвемъ.
И вмѣстѣ-ль мы, разлучены-ль жестоко,
Будь это первымъ иль послѣднимъ днемъ
И смертный часъ нашъ близко иль далеко—
Мы связаны, и всѣхъ другихъ прочнѣй
До самой смерти—узы первыхъ дней.

О. Чюмина.

НА БОЛѢЗНЬ ЛЭДИ БАЙРОНЪ.

(Lines on hearing that lady Byron was ill).

Скорбѣла ты—и не былъ я съ тобою,
Болѣла ты—и былъ я вдалекѣ;
Я мнилъ, что мѣсто боли и тоскѣ—
Лишь тамъ, куда заброшенъ я судьбою.
Ужель сбылось пророчество? Того,
Кто мечъ извлекъ—онъ ранить самого.
Межъ тѣмъ, какъ сердце стынетъ—бездыханно,
Отчаянье все грабитъ невозбранно.
Мы смерть зовемъ не въ бурю, въ грозный часъ,
Но посреди затишья рокового,
Когда всего лишились дорогого

И теплится остатокъ жизни въ насъ.
 Теперь отомщены мои обиды;
 Въ какой ни укорятъ меня винѣ—
 Творцомъ не ты дана мнѣ въ Немезиды:
 Орудье кары слишкомъ близко мнѣ.
 Кто милосердъ—тѣхъ небо не осудить,
 Всѣмъ воздано по ихъ заслугамъ будетъ.
 Ты изгнана въ ночи изъ царства сна,
 Пускай тебѣ все льстило безъ изъятъ—
 Неисцѣлимой мукой ты больна,
 Ты изголовьемъ избрала проклятья.
 Ты сѣяла—и долженъ былъ страдать я,
 И жатву гнѣва ты пожать должна.
 Я не имѣлъ враговъ, тебѣ подобныхъ,
 Я защититься могъ отъ остальныхъ,
 Имъ отомстить, друзьями сдѣлать ихъ,
 Но ты была въ своихъ нападкахъ злобныхъ
 И слабостью твоей ограждена,
 И нѣжностью моею, что не должна
 Была бѣ иныхъ щадить—тебѣ въ угоду;
 И въ правоту твою повѣрилъ свѣтъ,
 Что зналъ грѣхи моихъ минувшихъ лѣтъ,
 Когда во зло я обращалъ свободу.
 На основанъ этомъ возведенъ
 Мнѣ памятникъ тобой—грѣхомъ скрѣпленъ.
 Какъ Клитемнестра, мужа палачемъ
 Духовно ты была, клеветъ мечемъ
 Надежду, честь, покой,—ты все убила,
 Что вновь расцвѣсть могло бѣ для бытія,
 Когдабъ ихъ безвозвратно не сгубила
 Измѣна хладнокровная твоя.
 Ты добродѣтель сдѣлала порокомъ:
 За мечь—теперь, за будущій барышъ
 Продавъ ее, въ спокойствіи жестокомъ
 Ея цѣною ты меня казнишь.
 Съ тѣхъ поръ, какъ ты пошла кривой дорогой
 Съ правдивостью ты разлучилась строгой,
 Присущею тебѣ, и глубины
 Не сознавая собственной вины—
 Съ двусмысленностью утвержденій дикихъ
 И думъ, достойныхъ Янусовъ двуликихъ,
 Съ обманами поступковъ и рѣчей,
 Со взоромъ знаменательнымъ очей,
 Что осторожность выставивъ предлогомъ,
 Безмолвно лгутъ изъ выгоды во многомъ—
 Со всѣмъ мирится нравственность твоя.
 Любимъ путемъ ты къ цѣли шла желанной,
 И вотъ къ концу приводитъ путь избранный.
 Какъ ты—со мной, не поступилъ бы я!

О. Чюмина.



ШЕРИДАНЪ (Richard Brinsley Sheridan).
Съ портрета Рейнольдса (Sir Joshua Reynolds, P. R. A.).

МОНОДІЯ НА СМЕРТЬ Р. Б. ШЕРИДАНА,

читанная на сценѣ Дриери-Ланскаго театра.

Когда въ лучахъ заката, замирая
И уходя отъ насъ, въ ночную тѣнь
Склоняется сквозь слезы лѣтній день,—
Кто въ этотъ часъ, на тотъ закатъ взирая,
Не чувствовалъ, какъ, духъ его смиривъ,
Въ него нисходитъ нѣжности приливъ,
Какъ на цвѣтокъ—роса, въ лучахъ играя?
Съ глубокимъ чувствомъ, чистымъ и святымъ,
Въ задумчивый часъ отдыха Природы,
Когда межъ тьмой и свѣтомъ золотымъ
Изъ мрака Время воздвигаетъ своды
Возвышеннаго моста,—въ этотъ часъ,
Когда покой и миръ объемлютъ насъ,
Кто не знакомъ былъ съ думою безгласной,
Которую не выразить безъ слезъ,
Съ гармоніей святой, съ печалью ясной,
Съ сочувствіемъ души, высокихъ грезъ
Исполненной, къ отшедшему свѣтилу?

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ БАЙРОНА.

То не тоска болѣзненная,—нѣтъ,—
Грусть нѣжная, душъ чистыхъ лучшій цвѣтъ,
Безъ горечи; лишь сладостную силу
Она имѣетъ; чуждъ ей всякій слѣдъ
Себялюбивыхъ чувствъ: она свободна
Отъ узъ мірскихъ, чиста и благородна,
Какъ капли слезъ, которыя прелить
Не стыдно намъ,—не больно и таить.

Какъ эта нѣжность властвуетъ надъ нами,
Когда заходитъ солнце за холмами,
Такъ думъ полна душа и очи—слезъ,
Когда мы видимъ огорченнымъ окомъ,
Какъ все, что смертно въ Геніи высокомъ,
Суровый рокъ безжалостно унесъ!
Могучій духъ нашъ міръ покинулъ; Сила
Великая изъ свѣта въ тьму вступила,—
Въ тьму безъ просвѣта! Славою онъ сіялъ,
Онъ славы всѣ лучи въ себѣ собралъ!
Блескъ остроумья, разума сіянье,
Огонь рѣчей, стиха очарованье,—
Исчезло все,—все закатилось съ нимъ,
Съ навѣкъ зашедшимъ Солнцемъ злотымъ!
Остались, правда, убѣжавъ отъ тлѣнья,
Души безсмертной вѣчныя творенья,—
Зари его прекрасныя труды,
Его полудня славныя плоды,—
Остелась часть безсмертная титана,
Который смертію унесенъ такъ рано;
Но какъ мала та часть въ сравненіи съ нимъ,
Чудеснымъ цѣлымъ: яркія частицы
Души, обнявшей все,—то чаровницы
Ласкающей, то кличемъ боевымъ
Бодрящей насъ, то ласковой, то грозной!
Среди ль пировъ, въ бесѣдѣ ли серьезной,
Всегда онъ былъ властителемъ умовъ;
Хвалилъ его хоръ высшихъ голосовъ:
Его хвалить имъ было честью, славою!
Не онъ ли былъ заступникъ величавый
За женщину, когда до нашихъ странъ
Домчалъ свой вопль обиды Индостанъ?
Онъ, онъ потрясъ народы рѣчью жгучей,
Онъ былъ для нихъ карающимъ жезломъ
И Господа довѣреннымъ посломъ!
Смирясь предъ нимъ, какъ предъ грозящей тучей,
Хвалу ему воздалъ сенатъ могучій.

А здѣсь! О, здѣсь еще плѣняють насъ
Его души веселыя созданья;
Какъ прежде, юнъ и полнъ очарованья
Его живой сценической разсказъ,
Гдѣ остроумье, радостно и дивно,
Безсмертное, струится непрерывно;
Какъ прежде, живъ портретовъ яркій рядъ,
Которые правдиво говорятъ
О тѣхъ, кто имъ служилъ оригиналомъ;
Все, что въ своей фантазіи живой

НА СМЕРТЬ ШЕРИДАНА.

Онъ создавалъ, пріютъ нашло здѣсь свой,
Служившій славныхъ дѣлъ его началомъ;
Здѣсь и теперь блестятъ они вдвойнѣ,
Какъ въ яркомъ Прометеевомъ огнѣ,
Какъ слѣдъ былого, отблескъ величавый
Почившаго свѣтила—солнца славы.

Но, можетъ быть, не мало есть людей,
Которымъ дивной Мудрости паденье
Доставить можетъ злое наслажденье,
Которымъ нѣтъ забавы веселѣй,
Какъ если умъ великій вдругъ сорвется
Съ возвышеннаго тона, для него
Природнаго, и скорбно ошибется?
О, пусть они сужденья своего
Удержать пылъ: быть можетъ, намъ придется
Увидѣть въ томъ, что въ ихъ глазахъ—порокъ,
Одно лишь только горе! Тяжекъ рокъ
Для тѣхъ, чья жизнь вся на виду проходитъ,
За кѣмъ народъ глазами жадно водить,
Ища хвалы иль брани въ нихъ предметъ;
Ихъ имени—во вѣкъ покоя нѣтъ:
Мученье Славы для глупцовъ отрадно!
Сокрытый врагъ, не зная сна, слѣдитъ
За жертвою внимательно и жадно,
Шпіонитъ онъ, и судитъ, и грозитъ;
Соперникъ, врагъ, завистникъ и губитель,
Озлобленный глупецъ и праздный зритель,—
Всѣ, кто чужому горю только радъ,
Его сразить, унижить норовятъ;
Приводятъ славы путь на край могилы,
Ошибки всѣ, что отъ избытка силы
Творитъ порою геній, стерегутъ,
Скрываютъ правду и безстыдно лгутъ,
Чтобъ, накопивъ несчастье и обиду,
Изъ клеветы воздвигнуть пирамиду!
Таковъ его удѣлъ; а если онъ
Притомъ еще болѣзнью удрученъ
Иль, нищету терпя и разоренье,
Забудетъ гордый духъ свое паренье
И принужденъ предъ Низостью дрожать,
Нападки грязной Злобы отражать,
Съ Позоромъ биться, а надежды ласку
Встрѣчать лишь, какъ обманчивую маску
Грядущихъ золъ,—такъ диво ль, что бѣда
И сильнаго сражаетъ иногда?
Та грудь, что всѣми чувствами богата,
Содержитъ сердце бурное въ себѣ:
Гроза и вихрь во всей ея судьбѣ,
Она борьбой и бурями чревата,
И если выше мѣръ напряжена,—
Отъ грозныхъ мукъ взрывается она.

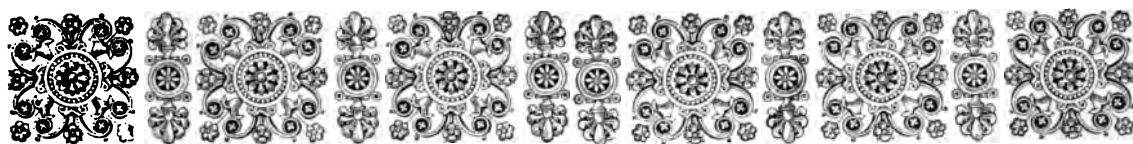
Но прочь все это,—еслибъ такъ и было,
Отъ насъ и нашей сцены! Въ этотъ часъ
Нашъ долгъ—почтить почившее свѣтило,
Хоть не нужна хвала ему отъ насъ;

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ ВАЙРОНА.

Воздать ему должны мы дань почтенья,
Дань слабую за годы наслажденья!
Ораторы блистательныхъ палатъ,
Скорбите: умеръ славный вашъ собратъ!
Великимъ Тремъ онъ равенъ былъ по силѣ:
Слова его—безсмертья искры были!
Поэты драмы! Подвигомъ своимъ
Онъ вамъ примѣръ далъ: состязайтесь съ нимъ!
Вы, остроумцы, общества отрада—
Онъ былъ вашъ братъ: почитите прахъ его!
Угасла Сила высшаго разряда,
Разнообразьемъ дара своего
Великая; одно другого краше
Въ ней было: рѣчь, поэзія и умъ,
И рѣзвый смѣхъ, среди заботъ и думъ
Гармонію вносящій въ сердце наше!
Все это въ насъ живетъ и будетъ жить,
Пока мы будемъ гордо дорожить
Таланта гордой силою! Такого,
Какъ онъ, не скоро мы найдемъ другого
И возвращаться будемъ много разъ
Къ тому, что имъ оставлено для насъ,
Вздыхая и печалясь, что отъ вѣка
Лишь одного такого человѣка
Дала Природа, свой разбивъ чеканъ.
Когда былъ ею созданъ Шериданъ!

Н. Холодковскій.





МАНФРЕДЪ.

Лѣто 1816 года Байрону пришлось прожить въ Швейцаріи, почти наканунѣ того рѣшительнаго момента, когда жизнь свободнаго странника, мыслителя и наблюдателя смѣнилась для него жизнью добровольнаго политическаго агитатора, сначала въ рядахъ итальянскихъ радикаловъ, затѣмъ борцовъ за независимость Греціи. Нельзя сказать, однако, что эта перемѣна внѣшней роли сопровождалась какимъ нибудь рѣшающимъ переломомъ въ міровоззрѣніи поэта. Она измѣнила кое что въ его поведеніи и въ образѣ его жизни; измѣнила также представленіе, какое о немъ сложилось у лицъ, привыкшихъ каждое слово поэта считать за личное признаніе и потому причислявшихъ Байрона не только къ „сатанинской“ школѣ пѣвцовъ, но чуть ли не къ послѣдователямъ самого сатаны; она благотворно отозвалась на его поэзіи, обогативъ ее новыми современными мотивами—но въ общемъ переходъ отъ жизни созерцателя къ жизни дѣятеля не видоизмѣнилъ существенно его міросозерцанія. Оно осталось въ своей основѣ такимъ же печальнымъ, какимъ было раньше, и только одна черта въ немъ, дѣйствительно, преобразилась: это мрачное міросозерцаніе, всегда оттѣнявшее въ жизни ея страданія и неразрѣшенныя противорѣчія, ея конечный исходъ въ небытіе, ея призрачность и ея затерянность среди всевозможныхъ тайнъ природы—сдѣлало одну весьма важную уступку, а именно—оно значительно смягчило свой мизантропическій взглядъ на человѣка. Съ момента переселенія Байрона въ Италію, съ тѣхъ дней, когда онъ попалъ въ кругъ энергичныхъ, смѣлыхъ, страстныхъ людей—замѣчается и въ немъ извѣстный приростъ симпатіи къ людямъ и притомъ не той сим-

патіи, которая была у него всегда и которая выражалась въ его негодованіи на ходъ міровой жизни, а симпатіи болѣе нѣжной, болѣе сострадательной, замѣняющей негодованіе сожалѣніемъ и обличеніе призывомъ къ жалости. По крайней мѣрѣ въ его послѣднихъ произведеніяхъ, въ его венеціанскихъ драмахъ, въ „Донъ Жуанѣ“, въ „Островѣ“, въ мелкихъ стихахъ, написанныхъ за это время—къ оцѣнкѣ человѣка, какъ умственной и нравственной величины, примѣнена болѣе разносторонняя и справедливая мѣрка, чѣмъ та, которой писатель руководствовался въ своихъ первыхъ сочиненіяхъ. Тогда онъ былъ обвинителемъ по преимуществу, теперь онъ сталъ судьей, который своимъ иногда сентиментальнымъ, иногда ироническимъ, иногда патетическимъ отношеніемъ къ людямъ стремится повліять на смягченіе приговора. Быть можетъ этимъ отливомъ мизантропіи слѣдуетъ объяснить и готовность Байрона пожертвовать собой ради Греціи—готовность, въ которой такъ часто хотѣли видѣть все что угодно, но только не искреннюю и безкорыстную симпатію къ угнетеннымъ и страдающимъ. А между тѣмъ этотъ походъ въ Грецію былъ всего вѣроятнѣе актомъ искупленія человѣка, который такъ строго судилъ людей и не принеся пока самъ никакой жертвы для того, чтобы имѣть право такъ судить ихъ.

Какъ бы то ни было, но съ 1816 года въ рѣчахъ этого гордаго духа, въ рѣчахъ иногда столь оскорбительныхъ, начинается становиться слышной нота болѣе примиренная и миролюбивая. Настроеніе его по прежнему печально, но оно уже свободно отъ столь характерной для него мизантропіи.

Эта байроническая мизантропія, нерѣдко

вызывавшая столько недоумѣній и осужденій — явленіе весьма сложное, которое должно быть понято и судимо лишь въ совокупности съ цѣлымъ рядомъ аналогичныхъ психическихъ настроеній, господствовавшихъ въ тѣ годы, когда Байронъ былъ царемъ мысли. Только въ связи съ общимъ настроеніемъ своего вѣка эта мизантропія становится серьезнымъ, важнымъ свидѣтельствомъ и исповѣдью цѣлаго поколѣнія: взятая отдѣльно, какъ выводъ, къ которому пришелъ одинъ человекъ, хотя бы и гениальный, она рискуетъ быть принятой за капризъ, какимъ ее, какъ извѣстно, одно время и считали. На самомъ дѣлѣ ничто не имѣетъ такъ мало сходства съ временнымъ капризомъ или внѣшней позой, какъ эта выстрадавшая Байрономъ мизантропія. Она есть проявленіе не только индивидуальной склонности и условіями личной жизни воспитанной гордыни, она — самое типичное выраженіе болѣзни цѣлаго поколѣнія, которое нелюбовью къ людямъ и презрѣніемъ ко всѣмъ общественнымъ вопросамъ расплачивалось за слишкомъ легковѣрное недавнее увлеченіе этими вопросами и за свою пламенную любовь къ человеку. Ставить гениальному, обеспеченному, избалованному человеку, человеку, привыкшему ко всѣмъ успѣхамъ и защищенному отъ всѣхъ невзгодъ житейскихъ, — ставить ему въ вину его презрительное и злобное отношеніе къ людямъ, которые передъ нимъ ни въ чемъ не провинились, — значитъ, отнимать у такого выдающагося человека право говорить не только за себя, но и за все свое поколѣніе, за всѣхъ тѣхъ, кто, дѣйствительно, былъ обиженъ своимъ вѣкомъ и, дѣйствительно, много выстрадалъ отъ людей. А поколѣніе, которое чтитъ Байрона, какъ пѣвца своихъ страданій, какъ наиболѣе сильнаго выразителя своихъ самыхъ завѣтныхъ чувствъ, принадлежало именно къ числу пострадавшихъ поколѣній — тѣхъ, которымъ пришлось быть свидѣтелемъ одной изъ самыхъ глубокихъ трагедій жизни, отозвавшейся на всемъ ихъ духовномъ составѣ.

За крайности, какъ извѣстно, приходится расплачиваться такими же крайностями и глубокое чувство, покидая наше сердце, оставляетъ его столь воспримчивымъ и обезсиленнымъ, что имъ легко можетъ завладѣть чувство діаметрально противоположное тому, отъ котораго оно пострадало. Переходъ отъ любви къ ненависти — одна изъ обычныхъ болѣзней души много страдавшей.

Въ рѣзкомъ пониженіи симпатичныхъ чувствъ въ человекѣ и въ полномъ охлажденіи его общественныхъ инстинктовъ и заключалась знаменитая „болѣзнь вѣка“, которая такъ утомляла людей въ началѣ XIX столѣтія и въ поэзіи Байрона облеклась въ самое красивое литературное одѣяніе.

Болѣзнь эта въ различныхъ формахъ, отъ болѣе слабыхъ до болѣе острыхъ, замѣчается на протяженіи всего такъ называемаго сентиментальнаго и романтическаго періода въ нашемъ недавнемъ культурномъ прошломъ. И понятно, почему именно сентиментальныя и романтическія души были всего больше подвержены сначала легкимъ, а затѣмъ острымъ пароксизмамъ этой болѣзни. Люди тѣхъ годовъ были большими идеалистами и поклонниками всемогущаго человѣческаго ума и сердца. Любить, вѣрить и мечтать было для нихъ все, и всякое сомнѣніе, обманъ или просчетъ поражалъ ихъ въ самое сердце, которое сопротивляться не умѣло, быстро увядало и переполнялось отчаяніемъ. Въ этомъ увядшемъ состояніи находились всѣ чувствительныя и пылкія сердца, которымъ пришлось вынести тяжесть великаго умственного, нравственнаго, религіознаго, общественнаго и политическаго переворота, разразившагося надъ Европой въ концѣ XVIII вѣка. Французская революція была въ исторіи этого переворота всего лишь однимъ эпизодомъ, правда самымъ трагическимъ и драматичнымъ. Но еще до того, какъ она развернулась со всей своей силой, показавъ людямъ все разнорѣчіе между желаемымъ и настоящимъ, воображаемымъ и возможнымъ, болѣзнь вѣка давала себя чувствовать. Всякій разъ когда вѣра человека во всемогущество его разума (а эта вѣра была въ тѣ годы безгранична) подвергалась испытаніямъ; когда сентиментальная надежда на врожденную доброту человѣческой души терпѣла крушеніе, наконецъ всякій разъ, когда чувство человѣческаго достоинства и справедливости — въ то время также очень чуткое — бывало оскорблено, — избытокъ вѣры и надежды влекъ за собой такой же избытокъ невѣрія и отчаянія. Идеалистъ могъ пожелать мстить своему поколѣнію, своему ближнему, наконецъ и самому себѣ, за то, что великій предметъ его надежды и любви — человекъ — не оказывался на высотѣ своего призванія и вмѣсто того, чтобы идти *ad astra*, падалъ все ниже и ниже — такъ по крайней мѣрѣ могло казаться тѣмъ, кто предъявлялъ ему все большія и большія требованія.

Когда наконецъ французская революція, столь много общавшая и покупавшая новую жизнь цѣною такихъ страшныхъ жертвъ, разрѣшилась невиданной бойней и очистила дорогу военному деспотизму сначала, а затѣмъ старымъ, разбитымъ, но наскоро починеннымъ идоламъ—человѣкъ, сохранившій свободу чувствъ и мыслей и не пожелавшій стать рабомъ минуты, получалъ право и ненавидѣть и презирать человѣка и всю его мудрость, и всѣ движенія его сердца, и всю его хваленую культуру.

За вѣрой и любовью могла слѣдовать мизантропія во всѣхъ ея видахъ, смотря по темпераменту того человѣка, который былъ ею охваченъ. Намъ, на разстояніи слишкомъ цѣлаго столѣтія, многое въ этой мизантропіи и міровой скорби кажется и напускнымъ, и условнымъ; намъ трудно сродниться съ душой тѣхъ лицъ, которыя были участниками и ближайшими свидѣтелями отчаянной борьбы, которая стоила имъ столько слезъ и мученій, а намъ дала лишь однѣ выгоды. Вѣрное живое пониманіе этой широкой полосы мизантропическаго настроенія затруднено для насъ также и тѣмъ, что истинно художественныхъ памятниковъ, которые сохранили-бы эту старину нетлѣнной, весьма немного.

Поэзія Байрона, самый цѣнный въ художественномъ—и потому въ психологическомъ смыслѣ—документъ этой больной эпохи, документъ важнѣйшій, такъ какъ онъ поясняетъ самый критическій, самый острый моментъ этой болѣзни. Были современники Байрона, были и поэты за нимъ слѣдовавшіе, которые не менѣе, если не болѣе, чѣмъ онъ, были печально настроены,—вспомнимъ хотя бы Леопарди,—но никто не сѣмѣлъ такъ полно выразить самый характерный для того времени мизантропическій, антиобщественный элементъ въ печальномъ міросозерцаніи идеалиста, какъ именно Байронъ. Онъ пояснилъ намъ, до какихъ рѣзкихъ степеней печали можетъ доходить въ человѣкѣ чувство оскорбленной любви—готовой удариться въ противоположность, въ чувство полной отчужденности отъ людей, презрѣнія къ нимъ или въ лучшемъ случаѣ—индифферентизма.

Наиболѣе глубокій анализъ этого сложнаго психическаго процесса данъ Байрономъ въ драматической поэмѣ „Манфредъ“. „Манфредъ“ былъ начатъ лѣтомъ 1816 г. и законченъ въ слѣдующемъ году, и время его созданія совпадаетъ такимъ образомъ съ тѣмъ уже отмѣченнымъ нами переломомъ въ

душѣ поэта, который стремился стать въ болѣе миролюбивое отношеніе къ ближнему и къ вопросамъ его личной и социальной жизни. Въ „Манфредѣ“ Байронъ какъ-бы простался съ пережитымъ уже настроеніемъ, съ болѣзью, которая для него отходила въ прошлое, и не только для него, а и для всего его поколѣнія.

Дѣйствительно, къ двадцатымъ годамъ XIX вѣка подмѣчается весьма замѣтная убыль столь господствовавшихъ недавно мизантропическихъ взглядовъ, придававшихъ такую мрачную окраску романтической литературѣ начала столѣтія. Отрѣшаясь отъ чрезмѣрно печальнаго взгляда на міръ, взгляда, который трывалъ свою злобу на людяхъ, не оправдавшихъ надеждъ и оказавшихся ниже поставленной вѣкомъ задачи, человѣкъ становился въ болѣе примиренное отношеніе къ своимъ ближнимъ и къ ихъ общественной жизни. Приливъ нѣкогда безграничной вѣры въ человѣка и увлеченіе его добрыми инстинктами теперь вновь сталъ обнаруживаться, хотя и не въ такой безусловной и рѣзкой формѣ, какъ прежде. Примиряющій и оптимистическій философскій идеализмъ двадцатыхъ годовъ, расцвѣтшій въ Германіи и нашедшій себѣ отголосокъ во Франціи; быстрый ростъ хотя бы фантастическихъ, но опять таки оптимистическихъ въ своемъ выводѣ социалистическихъ системъ, начиная съ сенсимонистовъ; возрожденная и нѣсколько насильственно воспитанная, но христіански мирная религіозность двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ, наконецъ необычайно быстрый подъемъ интереса къ политическимъ и социальнымъ вопросамъ во всѣхъ культурныхъ странахъ Европы—все это показываетъ, что недавній до нельзя скорбный и мизантропическій взглядъ на жизнь и человѣка исчезалъ. Но, конечно, не съ тѣмъ, чтобы никогда больше не возвращаться.

Поэма „Манфредъ“ занимаетъ, такимъ образомъ, совершенно особое мѣсто въ ряду литературныхъ памятниковъ той необычайно сложной по своему смыслу эпохи.

Въ исторіи развитія міросозерцанія самого Байрона она отражаетъ очень важный моментъ. Мрачное, желчное, враждебно настроенное противъ людей и всего земного порядка, это міровоззрѣніе въ „Манфредѣ“ доходитъ до крайнихъ своихъ выводовъ; и поэтъ въ фантастическихъ образахъ излагаетъ намъ свою житейскую отчаянную философію, которая въ немъ совсѣмъ созрѣла. Кто хочетъ имѣть понятіе вѣрное и исчерпывающее о настоящемъ байронизмѣ,

не о томъ, который въ смягченномъ видѣ былъ долгое время даже послѣ Байрона ходячей литературной монетой, а о настоящемъ неразбавленномъ байронизмѣ, тотъ найдетъ его именно въ „Манфредѣ“ и увидитъ, что новаго внесено Байрономъ въ пессимистическое міропониманіе его эпохи.

Но кромѣ личнаго значенія, „Манфредъ“ имѣетъ еще и общеміровое, несравненно болѣе цѣнное. Какъ Донъ Жуанъ, какъ Фаустъ, какъ маркизъ Поза, какъ Гамлетъ—Манфредъ есть міровой типъ, одна изъ художественныхъ фигуръ, въ которую вложено цѣльное, свой кругъ завершившее въ себѣ замкнутое, искреннее міросозерцаніе, не скомпанованное фантазіей поэта, а дѣйствительно живое, нѣкогда достаточно распространенное, имѣющее за собой все значеніе историческаго факта. Въ этомъ смыслѣ „Манфредъ“ великое міровое художественное произведеніе, которое вѣроятно переживетъ все написанное Байрономъ. Оно останется памятникомъ давно отжившаго времени, единственнаго по своей душевной тревогѣ и страдавшаго тяжелой психической болѣзнью, которая выразилась въ повышенной до крайнихъ степеней нелюбви къ тому, къ чему раньше пламенѣлъ человѣкъ всей душою, и въ полномъ отчужденіи отъ того, съ чѣмъ раньше считалъ себя тѣснѣйшимъ образомъ связаннымъ. Самую послѣдовательную проповѣдь отчужденія отъ людей и отъ всего людскаго—вотъ что поэтъ облекъ въ таинственный образъ своего загадочнаго героя.

Какъ произведеніе большой художественной цѣнности, „Манфредъ“ нерѣдко навелъ изслѣдователей на вопросъ объ его связи съ другими предшествующими и современными литературными памятниками, однородными по настроенію и смыслу. Вопросъ самъ по себѣ не лишенный интереса, но вопросъ второстепенный въ виду признанія самого Байрона, который говорилъ что въ концепціи этого типа, равно какъ и въ литературной разработкѣ самой темы, онъ былъ вполне независимъ и оригиналенъ. И это вполне допустимо.

Трагедія Манфреда была лично пережитымъ эпизодомъ духовной жизни поэта; ему не нужно было никакихъ толковъ извнѣ, чтобы пройти черезъ эту полосу настроенія и онъ не нуждался ни въ какомъ примѣрѣ. Если въ поэмѣ и можно уловить кое-какія аналогіи съ другими литературными памятниками, какъ напр. съ „Фаустомъ“, то такія совпаденія объ-

ясняются общими литературными приѣмами той эпохи и нисколько не умаляютъ оригинальности созданія Байрона. Эта оригинальность подтверждается также и тѣмъ фактомъ, что самъ поэтъ, приступивъ уже къ созданію своей поэмы, никакъ не могъ отдать себѣ полнаго отчета въ томъ, что онъ пишетъ. Въ своихъ частныхъ письмахъ онъ называлъ „Манфреда“ поэмой дикой, метафизической и непонятной, онъ долго работалъ надъ ней и передѣлывалъ ее—что указываетъ на отсутствіе опредѣленнаго, закругленнаго плана и свидѣлствуетъ о томъ, что авторъ передумывалъ и переживалъ то, чему хотѣлъ придать окончательную художественную форму. На живость впечатлѣнія и броженія мысли, при какихъ создавалась эта поэма, указываетъ и ея фантастичность, граничащая часто съ туманностью. Въ ней такъ много недосказаннаго, слегка намѣченнаго, — и по всему видно, что циклъ идей и чувствъ, въ которомъ вращается писатель, еще не успѣлъ стать для него предметомъ спокойнаго наблюденія и оцѣнки. Онъ еще въ полной власти своей мизантропіи и своего пессимизма, хотя этой болѣзни и не суждено было въ немъ усилиться, и „Манфредъ“ былъ ея послѣднимъ симптомомъ.

Слово „мизантропія“, примѣненное къ міросозерцанію того времени, требуетъ однако какъ комплексъ психическихъ движеній нѣкотораго поясненія.

Эта мстительная нелюбовь къ людямъ могла выражаться въ активной враждѣ съ ними, въ войнѣ противъ нихъ, могла выражаться въ злорѣчьи и издѣвательствѣ, или, наоборотъ, могла принять видъ сначала постепеннаго, затѣмъ полнаго отчужденія отъ людей, нежеланія имѣть съ ними что либо общее, молчаливой жалобы на нихъ и молчаливаго презрѣнія, или, наконецъ, все болѣе и болѣе возрастающей гордыни, которая замыкается въ полное одиночество.

Въ концѣ XVIII вѣка и въ началѣ XIX-го всѣ эти формы мизантропическаго отношенія къ людямъ имѣли своихъ представителей и въ жизни и, соответственно съ нею, и въ литературѣ. Среди излюбленныхъ поэтическихъ образовъ того времени мы находимъ самыхъ разнообразныхъ враговъ человѣка—отъ гордо мыслящихъ и презрительно на міръ смотрящихъ мрачныхъ отшельниковъ до настоящихъ разбойниковъ и террористовъ, не останавливающихся ни передъ какими насиліями.

Байроническій типъ не любитъ насилія

и прибѣгаетъ къ нему лишь въ случаяхъ самообороны и мести за испытанное страданіе. Онъ предпочитаетъ гордое одиночество и отчужденіе, направляя свою силу больше на возвеличеніе самого себя, чѣмъ на униженіе ближняго, т. е. проявляя въ своей мизантропіи самую высшую ступень — полное невниманіе къ ближнему и ко всѣмъ тѣмъ вопросамъ, какими онъ живетъ.

Давно извѣстно, что спорить съ чѣмъ нибудь или отрицать что либо значить еще на половину признавать отрицаемое; полная побѣда надъ чувствомъ есть полное отрѣшеніе отъ него, побѣда надъ мыслью — упраздненіе ея. Герои Байрона въ ихъ постепенномъ развитіи именно и шли этой дорогой, поднимаясь отъ враждебнаго и боевого отношенія къ людямъ до отношенія безразличнаго, оскорбительно индифферентнаго. Каждый шагъ въ этомъ направленіи повышалъ ихъ гордыню, и самомнѣніе, самолюбованіе и вмѣстѣ съ этимъ неоспоримая сила ума, характера и воли возрастали въ нихъ въ той мѣрѣ, въ какой уменьшался кругъ ихъ людскихъ интересовъ и сфера ихъ вліянія на ближняго. На послѣдней ступени своего развитія этотъ типъ переходитъ уже за границы человѣчески возможнаго и превращается въ какой-то туманный фантастическій символъ.

Въ ореолѣ такого символа является намъ и Манфредъ. Какъ символъ онъ достаточно понятенъ, но если стараться понять его, какъ реальное воплощеніе человѣческаго типа, то многое окажется въ немъ и неправдоподобнымъ, и непонятнымъ, не говоря уже объ общей фантастичности всего разсказа.

„Манфредъ“ символическое выраженіе двухъ основныхъ чертъ байронической мизантропіи. Изъ всѣхъ созданныхъ Байрономъ типовъ это образъ самой сильной и могущественной личности, вооруженной умомъ и знаніемъ, страшной силой воли и способностью необычайно глубоко чувствовать; и кромѣ этого, онъ же — самый полный выразитель отчужденности, самый глубокій символъ того одиночества, на которое осудилъ себя человѣкъ, порвавшій всѣ связи съ окружающимъ его міромъ.

Въ отрѣненіи этихъ двухъ главныхъ чертъ антисоціального отношенія къ человѣку и заключенъ весь смыслъ поэмы Байрона.

Манфредъ, какъ личность, съ самаго начала поставленъ внѣ сравненія съ обычными людьми, даже людьми сильными. Онъ не человѣкъ, онъ волшебникъ, обладающій сверх-

человѣческимъ знаніемъ. Всѣ тайны науки ему открыты, знаніе міра дано ему, дана ему и сила надъ духами, т. е. надъ всѣми тайнами природы. Съ этими духами онъ говоритъ не только какъ равный съ равными, а какъ властелинъ, который не знаетъ надъ собой никакого владыки, ни добраго, ни злого. Ему не страшны ни адъ, ни небо: онъ самъ на половину безплотный духъ, такъ какъ обладаетъ временнымъ безсмертіемъ, т. е. не можетъ до поры до времени по своей волѣ прекратить своего существованія. Если это безсмертіе и не есть преимущество, такъ какъ Манфредъ самъ желаетъ смерти, то все-таки это есть даръ особенный, который показываетъ, что судьба среди всѣхъ людей избрала его для особой цѣли. Это знаютъ всѣ, даже сами злые духи, которые не дерзаютъ къ нему прикоснуться.

„Этотъ человѣкъ, — говорятъ они про него, — человѣкъ необыкновенный, о чемъ свидѣлствуетъ его внѣшній обликъ и его присутствіе здѣсь, въ аду. Его страданія безсмертны, какъ наши страданія. Его знанія, сила и воля — рѣдкія въ человѣкѣ. Его стремленія превышали человѣческія желанія; они научили его тому, что намъ вѣдомо, они показали ему, что знаніе не даетъ счастья и что наука есть лишь обмѣнъ одного невѣжества на другое. Страсти сожгли его сердце и подъ ихъ властью онъ сталъ существомъ столь несчастнымъ, что злые духи, которые не могутъ испытывать состраданія, все-таки должны простить тѣмъ, которые съ состраданіемъ къ нему отнесутся... Здѣсь въ аду нѣтъ духа, который имѣлъ-бы душу, сходную съ его душой, или былъ-бы надъ нимъ властенъ“.

Такое признаніе въ устахъ злыхъ духовъ, привыкшихъ презирать человѣка, лучшее доказательство того могущества, какое приобрѣлъ этотъ сверхчеловѣкъ; и, дѣйствительно, во всѣхъ тѣхъ сценахъ поэмы, гдѣ Манфреду приходится стать лицомъ къ лицу съ существами высшими — вездѣ проявляетъ онъ эту страшную силу, которая даетъ ему право говорить либо дерзкими, либо гордыми словами. Такъ говоритъ онъ со всѣми духами земли, воздуха, моря. Такъ говоритъ съ дѣвой горь и съ духами преисподней. Та же гордыня, наконецъ, звучитъ и въ тѣхъ глубокомысленныхъ словахъ, въ какихъ онъ ведетъ бесѣду со священникомъ, пришедшимъ напутствовать его въ часъ смерти.

Ни адъ, ни небо не имѣютъ надъ нимъ власти; съ служителемъ церкви онъ почти-

теленъ, цѣня въ немъ его доброе желаніе, но онъ неумолимъ въ своемъ гордомъ самосознаніи; онъ знаетъ, что обращеніе къ Богу въ этотъ послѣдній моментъ жизни было-бы бесполезно и равносильно измѣнѣ самому себѣ. Онъ понимаетъ, что спасеніе невозможно и что даже тому, кто въ этотъ моментъ близко подойдетъ къ нему, грозитъ опасность; „умирать не трудно“ говоритъ онъ въ отвѣтъ на всѣ увѣщанія священника, и это потому, что онъ Бога не боится, а не боится его потому, что сознаетъ себя сильнымъ помимо Божьей воли.

И, въ самомъ дѣлѣ, откуда сила Манфреда? Она не отъ Бога, о которомъ этотъ гордый человѣкъ во всю свою жизнь ни разу не вспомнилъ. Но эта сила и не отъ дьявола, такъ какъ въ отношеніи къ злему началу Манфредъ сохраняетъ то же независимое положеніе, что и въ отношеніи къ началу доброду. Будь онъ дьяволу обязанъ своимъ волшебствомъ, онъ не говорилъ бы съ его служителями какъ равный съ равными. Въ минуту, когда приходится прощаться съ жизнью и когда мрачные духи уже обступили его, онъ кричитъ имъ: „я презираю васъ всѣхъ! Хотя я чувствую, что душа моя меня покидаетъ, я все-таки презираю васъ; я не уйду отсюда, пока во мнѣ есть земное дыханіе; я изолюю на васъ мое презрѣніе, пока во мнѣ есть земная сила, чтобы бороться съ вами; хоть вы и духи, но развѣ только по частямъ сможете вы извлечь меня отсюда“. „Клеветникъ!“—говоритъ онъ демону, который заподозрилъ въ его словахъ боязнь смерти,—ты лжешь! Для моей жизни наступилъ послѣдній часъ—это я знаю; но я не пожелалъ бы купить ни одного мгновенія у этого послѣдняго часа. Не со смертію борюсь я, но съ тобой и съ окружающими тебя духами. Не на договоръ съ тобой и съ твоей свитой была основана моя сила, она покоилась на высшей наукѣ, на моемъ трудѣ и смѣлости, на долгихъ безсонныхъ ночахъ, на силѣ души и на моемъ знакомствѣ съ мудростью нашихъ отцовъ, съ мудростью того времени, когда земля видѣла, какъ люди и духи жили вмѣстѣ одной жизнью и когда вы не имѣли никакого преимущества надъ нами. Я опираюсь на мою собственную силу, вызываю, отрицаю, отвергаю и презираю васъ!“

Сила, на которую опирается Манфредъ, принадлежитъ ему одному; она не дана ему ни Богомъ, ни дьяволомъ, онъ самъ взялъ ее безъ всякаго чужого разрѣшенія или благословенія; взялъ потому, что въ немъ

самомъ горитъ искра Прометея, хоть духъ его и заключенъ въ прахъ. И что такое въ сущности эта сила, какъ не сила знанія, та самая сила разума человѣческаго, на которую въ XVIII вѣкѣ возлагали такія надежды и о которой думали, что она можетъ перестроить весь міръ по своему закону, не повинувшись никакимъ до того времени установленнымъ категоріямъ добра и зла, а сама ихъ устанавливая? Манфредъ—символь такой силы, основанной на знаніи, пріобрѣтенномъ при независимомъ трудѣ, едиными усиліями человѣка и—что всего характернѣе для того времени,—это символъ глубоко горестный, а не торжественный и радостный, какимъ бы онъ долженъ быть. Что принесло Манфреду его знаніе? Не оно ли въ концѣ концовъ привело его къ афоризму, что древо знанія не есть древо жизни? При всемъ могуществѣ своего разума онъ глубоко несчастливъ. Это могущество мыслящаго человѣка, обладателя всѣхъ недоступныхъ тайнъ, не заставило Манфреда любить жизнь, а наоборотъ, только усилило тутяготу, какою оно на него ложится. Смыслъ жизни остался для него темень, хоть онъ и былъ повидимому лучше другихъ подготовленъ къ тому, чтобы понять его. Какъ объяснить это горе отъ знанія, эту печаль при могуществѣ разума, когда одно изъ условій счастья человѣческаго есть именно хорошо вооруженный умъ? Трудно уловить ходъ мысли Байрона по этому вопросу, въ виду неясностей и глухихъ намековъ, которыхъ такъ много въ его поэмѣ, но если мы вспомнимъ какъ въ началѣ XIX столѣтія потускнѣлъ ореолъ разума въ глазахъ всѣхъ его недавнихъ поклонниковъ, какъ дискредитировано было—на время, конечно—всякое знаніе, почерпнутое человѣкомъ самостоятельно изъ жизни, какъ, наконецъ, возвеличеніе человѣка какъ разумнаго существа смѣнилось жаждой откровенія, умственной опеки и страхомъ передъ трезвостью сужденія—тогда, быть можетъ, часть тумана, который теперь окутываетъ эту тайну души Манфреда, разсѣется, и таинственный символъ разрѣшится въ очень простое, исторически вѣрное сужденіе поэта объ одномъ изъ основныхъ вопросовъ своего времени. Устами Манфреда поэтъ какъ будто говорилъ отъ лица своего поколѣнія: великаго всегда ждетъ человѣкъ отъ знанія и отъ разума, ждетъ прежде всего уменьшенія страданій и прироста счастья, и когда въ этомъ знаніи онъ поднимется до ступеней высо-

кихъ, онъ видитъ, что онъ такъ же далекъ отъ счастья, какъ былъ и раньше, а можетъ быть и еще дальше, потому что онъ такъ вѣрилъ въ чудотворную силу своего ума, и обманулъ „Древо знанія не есть древо жизни“ — выводъ понятный въ началѣ XIX столѣтія въ умахъ людей, которые сами могли убѣдиться, сколько безумствъ творить человѣкъ во имя разума и какимъ звѣремъ онъ можетъ быть при всемъ наличномъ богатствѣ его познаній—и выводъ, отъ котораго человѣкъ, конечно, отступилъ очень скоро, какъ только успокоился послѣ пережитой страшной трагедіи.

Сила личности человѣка опредѣляется не одной лишь силой его разума. Для полноты могущества необходимо желѣзное напряжение воли и необычайная повышенность темперамента, обусловленная большой интенсивностью чувства. Чтобы быть сильнымъ, надо быть характеромъ.

Глубина и быстрая воспримчивость чувствъ—отличительная черта психики всѣхъ байроническихъ типовъ; всѣ они сангвиники, съ кипучими страстями; вся жизнь ихъ — кипѣніе страсти или страстей, которая вопреки обычному теченію нашей внутренней жизни какъ-то мирно уживаются въ нихъ съ холоднымъ разсудкомъ. Это своего рода психическая аномалія, но она нужна была нашему поэту, да и вообще поэтамъ того поколѣнія, для созданія истинно сильныхъ во всѣхъ отношеніяхъ личностей.

Примѣромъ такой разносторонней силы, — и притомъ поднятой на наивысшую ступень — былъ и Манфредъ. Его сердце — вулканъ и его воля — желѣзо. Поэту было трудно найти подходящія слова и въ особенности подходящія драматическія положенія, чтобы образъ этой личности — единственной въ своемъ родѣ — вполне соотвѣтствовалъ замыслу. И Байронъ умышленно отнесъ къ прошлому всю исторію страстей и увлеченій своего героя, и объ этомъ прошломъ предпочелъ опять говорить лишь намеками и полусловами. Онъ изобразилъ намъ сердце Манфреда какъ вулканъ уже потухшій и волю его какъ застывшую въ своемъ напряженіи. Мы ничего почти не знаемъ о томъ, какъ жилъ этотъ человѣкъ раньше, прежде чѣмъ мы застали его въ такомъ безысходномъ горѣ. Это отсутствіе всякихъ свѣдѣній о жизни Манфреда и составляетъ главную неясность всей поэмы; въ чемъ причина его страшной грусти? и почему онъ такъ несчастливъ?

На этихъ вопросахъ всегда остановится читатель и едва ли онъ разрѣшитъ эту загадку, если въ объясненіи психологіи Манфреда будетъ держаться обычныхъ понятій и если на самого героя будетъ смотрѣть какъ на простаго человѣка. Тайна можетъ объясниться только, если Манфреда понять какъ символъ всего того поколѣнія, которое имъ такъ восхищалось. Какъ такой символъ, онъ — олицетвореніе силы чувства и воли, которыя вмѣсто того, чтобы оказаться благотворными, толкнули людей на путь страшныхъ преступленій и несчастій.

А Манфредъ, насколько можно судить по нѣкоторымъ вполне яснымъ указаніямъ въ поэмѣ, дѣйствительно, представленъ какъ великій грѣшникъ и преступникъ. И преступленіе его не въ томъ, что его разумъ не желаетъ знать надъ собой никакого владыки, преступленіе его не интеллектуальное, если такъ можно выразиться, характера, оно — вытекло изъ грѣховнаго направленія его воли и его чувствъ. Онъ не только думалъ преступно, но онъ и преступно чувствовалъ и дѣйствовалъ. Какія же преступленія совершилъ онъ? Объ этомъ мы ничего не знаемъ, и только одно намъ извѣстно, что источникъ ихъ — его пылкое страстное сердце.

„Я знаю тебя, говоритъ ему дѣва горь, я знаю тебя за человѣка разумныхъ помысловъ, за человѣка добрыхъ и злыхъ дѣяній, крайняго и въ добрѣ и во злѣ“. Почти то же говоритъ о немъ и священникъ. „Этотъ человѣкъ, говоритъ онъ, могъ-бы быть благороднымъ созданіемъ; въ немъ есть та сила, которая могла бы создать хорошее сочетаніе изъ сильныхъ элементовъ его духа, будь только они мудро смѣшаны. Такой, каковъ онъ теперь, онъ представляетъ собой достойный удивленія хаосъ, смѣшеніе свѣта и тьмы, духа и праха, страстей и чистыхъ мыслей, которыя всѣ смѣшаны, всѣ безъ конца и безъ порядка другъ съ другомъ спорятъ, и либо бездѣйствуютъ, либо грозятъ разрушеніемъ“. Если не знать, къ кому эти слова относятся, можно подумать, что священникъ говоритъ вообще о поколѣніи конца XVIII вѣка и начала XIX-го, когда, дѣйствительно, душа чувствующаго и мыслящаго человѣка была похожа на хаосъ, на смѣшеніе свѣта и тьмы, изъ котораго могло родиться — и въ дѣйствительности родилось — разрушеніе. Сколько было совершено преступленій, которыя вытекли изъ чувствъ, могущихъ повести къ добру и къ счастью? Какъ много было лю-

дей, которые сознавали себя сильными волей и сильными въ чувствахъ и должны были признать себя преступниками или могли, какъ Манфредъ, сказать, что на нихъ—кровь ближняго. Вѣроятно, какъ Манфредъ, они отказались-бы принести болѣе полное покаяніе и, чтобы не растревлять своихъ душевныхъ ранъ, стали-бы говорить полунамеками. И не къ нимъ-ли относились тѣ слова, которыми незримый голосъ проклиналъ Манфреда, когда онъ лежалъ въ обморокъ? Голосъ этотъ осуждалъ Манфреда на мученія, напоминая ему о всѣхъ его порокахъ и преступленіяхъ. Онъ говорилъ ему, что его сердце холодно, что его улыбка—улыбка змѣи, что душа его неизмѣримая пучина коварства; онъ говорилъ ему объ его двуличіи, о тайныхъ злыхъ умыслахъ его мудрости, о томъ, что онъ находитъ наслажденіе въ страданіи ближняго, о томъ, наконецъ, что онъ по духу братъ Каина.

Если этотъ таинственный голосъ принадлежалъ существу, одаренному всевѣдѣніемъ, то онъ говорилъ завѣдомую ложь, такъ какъ никакой умышленной злобы, умышленнаго коварства или каинской ненависти въ душѣ Манфреда не было—о чемъ свидѣлствуютъ всѣ люди, которымъ приходилось съ нимъ встрѣчаться. Въ поэмѣ есть много указаній на его доброе и сострадательное сердце. Но слова таинственнаго голоса не надо понимать буквально: ихъ нужно также истолковать иносказательно. Они станутъ понятны, если мы вспомнимъ—и это нетрудно подтвердить многими ссылками на литературные памятники того времени—какъ часто люди, переживавшіе ту тревожную эпоху, могли упрекнуть себя въ томъ, что дѣло любви въ ихъ рукахъ обратилось въ дѣло злобы и вражды, что улыбка счастья стала улыбкой злорадства, что добрые помыслы ихъ получили видъ коварныхъ замысловъ и что они сами, желая быть Авелями, на время превратились въ братоубійцъ Каиновъ. Таинственный голосъ, проклиная Манфреда, былъ голосомъ не незримаго духа, а голосомъ совѣсти своего вѣка.

Въ смыслѣ такой-же самообличающей исповѣди можетъ быть истолкованъ и знаменитый, совсѣмъ туманный эпизодъ поэмы Байрона—таинственная любовь Манфреда къ Астартѣ. Много было подыскано объясненій этому эпизоду, начиная съ чисто личныхъ, взятыхъ изъ области сплетенъ. Всѣ эти объясненія мало что разъясняютъ въ виду дѣйствительно непроницаемой тьмы,

какой окутанъ этотъ эпизодъ. Его придется либо оставить безъ объясненія какъ эффектный, но совсѣмъ недосказанный разсказъ о какой-то таинственной любви сильной демонической натуры, любви пагубной для слабой женщины (мотивъ очень распространенный въ тѣ годы), либо этотъ разсказъ придется опять понять какъ символическое выраженіе душевной трагедіи людей того поколѣнія. Страданія Астарты, ея гибель, участіе Манфреда въ этой гибели; его стремленія добиться свиданія съ ней и наконецъ ея появленіе передъ самой его смертью въ залогъ прощенія, все это—въ лицахъ изображенная трагедія любви, но не только любви между мужчиной и женщиной, а любви въ широкомъ смыслѣ—любви какъ принципа жизни, которому люди измѣнили не потому, что они злы отъ природы, а потому, что они слишкомъ страстно любили и подъ властью этой страсти незаметно для себя самихъ перешли къ отрицанію любви и во имя любви стали враждовать другъ съ другомъ. Любовь, сгорѣвшая въ своемъ собственномъ пламени—вотъ какъ можно понять этотъ мрачный эпизодъ поэмы Байрона, если уже все въ ней истолковывать символически. Тогда станутъ понятны и нѣкоторыя очень туманныя слова Манфреда о своей подругѣ, т. е. о своей собственной никогда столь чистой любви далекой отъ вской вражды и насилія.

„Она была на меня похожа, говорить онъ, ея глаза, ея волосы, ея черты, все, даже звукъ ея голоса напоминалъ меня. Но все это было въ ней болѣе мягко, все умиротворено красотой. Она любила уединенныя мечты и мысли, въ ней была жажда тайнаго знанія и умъ ея былъ способенъ объять всю вселенную. И не только одними этими качествами обладала она,—въ ней были иныя, болѣе нѣжныя, чѣмъ мои—состраданіе, улыбка и слезы, которыхъ я не имѣлъ, нѣжность, которую я ощущалъ только къ ней, и смиреніе, котораго у меня никогда не было. Она раздѣляла со мной мои ошибки, но ея добродѣтели принадлежали ей одной, я любилъ и я погубилъ ее“. „Я убилъ ее не рукой своей, а своимъ сердцемъ, которое сломило ея сердце. Глядя на него, это сердце завяло. Я пролилъ кровь, но не ея кровь, но она отъ этого изошла кровью. Я видѣлъ это все, но былъ не въ силахъ спасти ее“. Какъ похожи эти слова не только на жалобу объ утратѣ любимаго человѣка, но и на жалобу объ утраченномъ собственномъ покоѣ, о погибшей

чистотѣ души, о гибели непорочнаго любящаго сердца!

Итакъ, если взять поэму Байрона и центральную въ ней фигуру въ той исторической обстановкѣ, когда было написано это произведение, то легко убѣдиться въ его тѣснѣйшей связи съ одной изъ основныхъ проблемъ того времени.

Психологія сильной личности—сильной своимъ умомъ и знаніемъ, глубиной своихъ чувствъ и напряженіемъ своей воли—выражена образно и въ своей основной трагической сущности. Эта сильная личность, какихъ тогда было много, обозрѣвая все богатство своихъ знаній и измѣряя силу своего ума,—убѣдилась, насколько поспѣшны были надежды, на нихъ возлагаемыя, и увидела какъ недостаточна эта умственная сила для достиженія главной цѣли, на которую была направлена, т. е. счастья человѣка. Эта же сильная личность, вспоминая, какими глубокими чувствами она жила, какъ пламенно свой идеаль любила, какъ не жалѣла себя для его достиженія, должна была съ глубочайшей печалью и отчаяніемъ убѣдиться, что все то, что она считала своими достоинствами—и ея любовь къ человѣчеству, и ея желѣзная воля, поддерживавшая пламеннымъ чувствомъ—все обернулось на погибель того идеала равенства, свободы и братства, который для всѣхъ этихъ сильныхъ людей былъ конечной цѣлью ихъ желаній и стремленій.

Всѣ люди, отдавшіе себя на служеніе этой высшей идеѣ, должны были прійти къ выводу, что всѣ они — сила, которая сама себя разрушила, и какъ Манфредъ могли считать за высшее счастье — забвеніе, которое однако было невозможно. Ихъ мысль должна была „перестать смотрѣть на внѣшнее и всецѣло углубиться внутрь“, чтобы начать тотъ процессъ сначала обвиненія, затѣмъ самообвиненія и самобичеванія, который въ концѣ концовъ по долгимъ путямъ пессимизма и всяческаго отрицанія долженъ былъ привести ихъ неизбѣжно къ мизантропіи.

Въ поэмѣ „Манфредъ“ отмѣчена и эта вторая господствующая черта въ міросозерцаніи того времени. Манфредъ такой, какимъ мы застаемъ его,—величайшій мизантропъ, стоящій на самой высшей ступени отчужденія отъ людей и всего міра. Онъ не обличаетъ людей не враждуетъ съ ними, не мститъ имъ, какъ дѣлали его предшественники — другіе, Байрономъ созданные типы. Онъ не замѣчаетъ людей, онъ для

нихъ давно умеръ. У него нѣтъ ни одной связи съ ними, ни идейной, ни нравственной. Онъ живетъ одинъ въ своемъ уединенномъ замкѣ, въ общеніи съ призраками, или на просторѣ безлюдной дикой альпійской природы. Ни подчиненныхъ нѣтъ у него, ни друзей, ни даже любимаго существа, которое Байронъ почти всегда оставлялъ въ утѣшеніе своимъ одинокимъ героямъ. Онъ стоитъ не рядомъ съ людьми, не надъ ними, а вообще внѣ ихъ круга. Онъ самъ сравниваетъ себя съ кометой и онъ, дѣйствительно, промелькнулъ среди людей, не оставивъ слѣда, чтобы никогда болѣе съ ними не встрѣчаться. Забвенія и смерти проситъ онъ. Ни борьба, ни волненіе, ни новый наплывъ чувствъ, ни покой, ни движеніе,—ничто человѣческое не вернетъ его къ жизни, его, въ которомъ столько чувствъ и воли и который вооруженъ такимъ знаніемъ! Онъ стоитъ на рубежѣ той черты, которая отдѣляетъ людей отъ безплотныхъ духовъ; не назадъ къ людямъ желалъ-бы онъ вернуться, онъ „хотѣлъ-бы стать незримымъ духомъ какого нибудь нѣжнаго звука, живымъ голосомъ, дыханіемъ гармоніи, безтѣлесною радостью, которая рождается и умираетъ вмѣстѣ со звукомъ, который ее создалъ“.

Глубокая меланхолія и тоска звучитъ въ этомъ пожеланіи, — тоска человѣка, который рѣшительно не знаетъ, зачѣмъ ему данъ человѣческій образъ. Всегда ли онъ былъ такимъ или эта мизантропія получилась какъ выводъ изъ знанія людей и общенія съ ними?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ нѣсколько затрудненъ однимъ встрѣчающимся въ поэмѣ противорѣчіемъ. Антисоціальная тенденція въ характерѣ Манфреда казалась самому Байрону столь повышенной и столь мало мотивированной, что онъ для облегченія ея пониманія приписалъ ее самой природѣ героя, а не людямъ, которые ее въ немъ воспитали. „Съ юныхъ лѣтъ, говорить онъ устами самого Манфреда, моя душа не жила общей жизнью съ другими людьми; на землю я смотрѣлъ нечеловѣческими глазами; я не раздѣлялъ съ людьми ихъ жажды самолюбивыхъ желаній. Цѣль ихъ жизни не была моей цѣлью; мои радости, печали, мои страсти и моя сила дѣлали меня чужимъ среди нихъ; хотя я и носилъ человѣческій обликъ, во мнѣ не было любви къ человѣку... Рѣдки и незначительны были мои столкновенія съ ближними и съ образомъ ихъ мысли“. Въ

третьемъ заключительномъ актѣ своей драмы Байронъ взялъ, однако, назадъ это объясненіе, и на тотъ же вопросъ,—почему онъ сталъ мизантропомъ, Манфредъ отвѣчалъ вполне ясно и совсѣмъ въ духѣ исторической истины. „Отецъ, — говорилъ Манфредъ священнику, умирая, — и я имѣлъ эти земныя обольщенія, эти благородные порывы въ моей молодости; и я хотѣлъ вмѣстить въ себѣ душу другихъ людей; стать просвѣтителемъ человѣчества. И я хотѣлъ летѣть все выше—куда? я самъ не зналъ, и быть можетъ затѣмъ, чтобы упасть... Но все это прошло, я обманулся“.

Лучшаго объясненія всей глубоко скорбной мизантропіи Манфреда, чѣмъ то, которое дано въ этихъ простыхъ словахъ, мы не подыщемъ. Эти слова принадлежать не столько поэту, сколько историку. Нужно было выстрадать всю трагедію своего поколѣнія, чтобы такъ отчетливо представить себѣ причину, почему люди того времени были такъ печальны и озлоблены.

При торжествующихъ кликахъ, какими встрѣчены были въ XVIII вѣкѣ смѣлые набѣги человѣческаго разума на всѣ предрассудки, при общемъ убѣжденіи въ добротѣ человѣческой природы, въ естественной благожелательности всѣхъ врожденныхъ склонностей,—какъ было не имѣть земныхъ обольщеній и благородныхъ порывовъ, направленныхъ къ тому, чтобы всю жизнь построить на новыхъ началахъ добра, справедливости и истины? Всякій идеалистъ того времени хотѣлъ вмѣстить въ себѣ душу другихъ людей, „обнять миллионы людей“, какъ въ своемъ гимнѣ говорилъ Шиллеръ, и стать просвѣтителемъ человѣчества. Всѣ хотѣли летѣть все выше и выше, куда—сами не знали. И когда послѣ полета пришлось очнуться опять на землѣ, среди всѣхъ ужасовъ проигранной кровавой битвы, могла-же прійти въ голову мысль, что весь полетъ былъ самообманомъ, что люди затѣмъ и летѣли выше, чтобы упасть такъ низко. При вѣрѣ въ Бога можно было смириться или возроптать, а безъ этой вѣры оставалось только обрушиться всею тяжестью своего негодованія, своей злобы, наконецъ, своего презрѣнія—на участниковъ этого смѣлаго полета, сначала на людей, а

затѣмъ и на самого себя. Человѣкъ своимъ страданіемъ купилъ право на мизантропію...

Поэтическое обоснованіе этого права, представленное въ видѣ фантастическаго видѣнія и выполненное съ замѣчательной художественной техникой,—и составляетъ весь историческій и философскій смыслъ знаменитой поэмы Байрона.

Времена, когда она была написана, давно прошли, всѣ старыя раны давно зажили или забылись въ виду новыхъ, и сама великая трагедія конца XVIII и начала XIX вѣка обрисовалась для насъ въ иномъ свѣтѣ. Мы готовы признать, что трагедія была и неожиданна, и кровава, что много грѣховъ взяли на свою душу ея участники, что и разумъ человѣка, и его сердце не оправдали возложенныхъ на нихъ надеждъ, но мы знаемъ теперь, сколь многимъ человѣчество обязано тѣмъ годамъ испытанія, какой въ общемъ благотворный итогъ получился изъ всѣхъ этихъ золъ и несчастій. Мизантропію старыхъ идеалистовъ мы готовы счесть за слабость или малодушіе, но если мы это негуманное чувство поставимъ имъ дѣйствительно въ вину, мы окажемся плохими психологами, а потому и плохими историками. Впрочемъ, намъ нѣтъ основанія опасаться этого: современная жизнь поднимаетъ иногда со дна души такія злобныя чувства противъ человѣка, который привыкъ гордиться своимъ богоподобіемъ, что понять, какъ любовь можетъ обернуться въ ненависть и филантропъ стать мизантропомъ—намъ не трудно, и большихъ усилій стоитъ подчасъ не пойти дальше этого пониманія и не впасть въ искушеніе.

Но помимо нашего личнаго опыта это пониманіе облегчено намъ великими сердцевѣдами, которымъ данъ особый даръ сохранять прошлое на цѣлые вѣка свѣжимъ и нетлѣннымъ.

„Манфредъ“ созданъ однимъ изъ такихъ хранителей истинъ прошлаго и въ этой фантастичной поэмѣ, въ которой всѣ дѣйствующія лица какія то тѣни и призраки, сохранена живая душа цѣлаго поколѣнія, такъ много выстрадаващаго за своихъ отцовъ, за себя самого и за насъ, конечно.

Н. Котляревскій.





МАНФРЕДЪ.

DRAMATIS PERSONAE.

Манфредъ.	Альпійская фея.
Охотникъ за сернами.	Ариманъ.
Аббатъ Санъ-Мориса.	Немезида
Мауилъ.	Судьбы.
Германъ.	Духи и т. д.

Мѣсто дѣйствія въ верхнихъ Альпахъ—частію въ замкѣ Манфреда, частію въ горахъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Манфредъ одинъ. Сцена—готическая галлерей.
Время—полночь.

МАНФРЕДЪ.

Долить пора бы лампу, хоть и полной
Ея не хватитъ мнѣ на бдѣнье;
Дремота, если задремлю, не сонъ,—
Все та же мысль въ ней непрерывно длится,
Я не могу прогнать ее, и въ сердцѣ
Есть вѣчный стражъ; глаза смыкаются
Чтобъ внутрь глядѣть, а я дышу
И двигаюсь какъ существо живое.
Печаль должна наставникомъ быть мудрыхъ;
Познанье — скорбь и кто всѣхъ больше
знаетъ,
Тѣмъ горше плакать долженъ, убѣдившись,
Что древо знанія—не древо жизни.
Философовъ, науку, волшебство,
Премудрость міра я успѣлъ извѣдать,
Умомъ своимъ я все могу усвоить,
Но пользы нѣтъ: добро я дѣлалъ людямъ
И даже между нихъ съ добромъ встрѣчался,
Но пользы нѣтъ: враговъ имѣлъ я много
И устоялъ, а сколько ихъ погибло!

Но пользы нѣтъ: добро и зло, и жизнь,
Власть, страсти—все что есть въ другихъ—
Все было для меня какъ дождь въ пустынь
Съ той роковой минуты. Нѣтъ ужъ больше
Боязни. Надо мной лежитъ проклятье:
Въ природѣ всей не вѣдать больше страха,
Не трепетать ни отъ надеждъ, ни отъ же-
ланій

И на землѣ не знать уже любви.
Но къ дѣлу!

— Вы, таинственные силы!

Вы, духи безграничности вселенной!
Я васъ искалъ во мракѣ и въ сіяньѣ—
Со всѣхъ сторонъ вы охватили землю
И носитесь тончайшею стихіей.
Для васъ шатры—вершины снѣговья,
Вы движетесь въ моряхъ и подъ землею—
Я васъ зову могучимъ заклинаньемъ,
Которому послушны вы—явитесь!

(Молчаніе).

Ихъ нѣтъ еще.—Такъ голосомъ того,
Кто первый среди васъ, и этимъ знакомъ,
Предъ коимъ вы трепещете, и правомъ
Безсмертнаго — явитесь! Слушайте — яви-
тесь!

(Молчаніе).

О, если такъ, земли и неба духи,
Вамъ отъ меня не ускользнуть: и силою
Глубокою—всевластнымъ заклинаньемъ,
Рожденнымъ на звѣздѣ давно погибшей,
Теперь пылающемъ обломкѣ міра
Разбитаго, блуждающаго ада
И тѣмъ проклятіемъ, что на душѣ моей,
Той мыслью, что во мнѣ и надо мной,
Я заклинаю васъ: ко мнѣ!—явитесь!

*(Въ темномъ концѣ галлерей пока-
зывается звѣзда и останавливается,
слышится голосъ, который поетъ).*

первый духъ.

Смертный, здѣсь я. На твой зовъ
Я примчался съ облаковъ,
Изъ чертоговъ золотыхъ,
Яркимъ солнцемъ залитыхъ;
Отразился въ нихъ закатъ—
И синѣютъ, и горятъ.
Хоть не правъ ты можешь быть,
Я готовъ тебѣ служить.
Я пришелъ въ лучахъ зари—
Что же надо? Говори.

голосъ второго духа.

Монъ-Бланъ въ коронѣ изъ снѣговъ
Есть царь сѣдыхъ вершинъ,
Окутанъ ризой облаковъ
Стоитъ какъ властелинъ.
На немъ повисли льды лавинъ,
Но умолкаетъ громъ
Среди трепещущихъ долинъ
При голосъ моемъ.
Когда жъ громады ледниковъ
Сползаютъ день за днемъ—
Я путь указываю льдѣвъ,
Иль задержу на немъ.
Мнѣ внемлетъ снѣговой просторъ,
И подъ моей стопой
Дрожатъ громады скалъ и горъ—
Что общаго съ тобой?

голосъ третьяго духа.

Тамъ, гдѣ вѣтеръ молчитъ
Въ глубинѣ голубой,
Гдѣ морская змѣя
Улеглась подъ водой,
И гдѣ кудри свои
Чешетъ моря краса,
Какъ степной ураганъ
Твой призывъ ворвался,
Надъ чертогомъ моимъ
Прокатился волной.
Всѣ желанья свои
Духу моря открой.

четвертый духъ.

Тамъ, гдѣ долго пламя
Дремлетъ подъ золой,
Гдѣ сверкаетъ лава
Огненной рѣкой,
Гдѣ проникли Анды
Въ глубину земли,
А короной снѣжной
Въ небеса ушли,—
Я царю тамъ вѣчно,
Но услышалъ зовъ—
Жду твоихъ велѣній,
Сдѣлать все готовъ.

пятый духъ.

Я вѣчный всадникъ урагана,
Я бури рулевой;
Лечу надъ бездною океана
Я въ тучѣ грозовой.
Я мчался на твое призванье
И видѣлъ мощный флотъ,
Но утра ранняго сіянье
Обломковъ не найдетъ.

шестой духъ.

Живу лишь ночью, мучусь дня сіяньемъ:
Зачѣмъ меня терзалъ ты заклинаньемъ?

седьмой духъ.

Я управляю той звѣздой,
Что править всей твоей судьбой:
Когда-то чудный, свѣтлый міръ,
Она стремилась сквозь зѣвиръ,
Неслась впередъ свободно, плавно,
Въ пространствѣ не было ей равной.
Но часъ пробилъ и время наступило
Ей стать блуждающею силою.
Ея кровавое сіянье
Стоитъ угрозой мірозданья;
Небесъ прорѣзывая сферы,
Стремясь безъ цѣли и безъ мѣры,
Несется грозная комета,
Чудовище огня и свѣта!
Ты подъ лучомъ ея рожденъ
И смѣешь мнѣ повелѣвать—
На мигъ тебѣ я подчиненъ,
Но будешь ты мой рабъ опять.
Но говори, умчусь я скоро,
Пусть этихъ духовъ слабый рой
Съ тобой ведетъ переговоры—
Ты только прахъ передо мной.

всѣ семь духовъ.

Земля, моря и ночь, твоя звѣзда и горы,
Гроза и воздухъ здѣсь мы—всѣ къ тебѣ
пришли.
Мы духи ихъ и на твой зовъ явились скоро—
Что хочешь ты отъ насъ, ты, смертный
сынъ земли?

М А Н Ф Р Е Д Ъ.

Забвенія!
МАНФРЕДЪ.

ПЕРВЫЙ ДУХЪ.

Чего? Кого? Зачѣмъ?

МАНФРЕДЪ.

Того, что здѣсь въ груди, читайте сами,
Вы знаете, что я сказать не въ силахъ.

ДУХЪ.

Мы можемъ дать лишь то, что мы имѣемъ:
Проси отъ насъ господства, власти, царства
Надъ всей землей или надъ частью, знака,
Чтобъ надъ стихіями повелѣвать, которыхъ
Владыки мы—и все отъ насъ получишь.

МАНФРЕДЪ.

Забвенія лишь—самозабвенія
Ужели не добыть въ тѣхъ тайныхъ цар-
ствахъ,

Которыя такъ щедро вы дарите?

ДУХЪ.

Оно не въ нашемъ существѣ и власти;
Но—у тебя есть смерть.

МАНФРЕДЪ.

Забвеніе въ ней?

ДУХЪ.

Безсмертны мы и мы не забываемъ;
Мы вѣчны и прошедшаго для насъ,
Какъ будущаго, нѣтъ. Вотъ нашъ отвѣтъ.

МАНФРЕДЪ.

Вы надо мной смѣетесь, но та сила,
Что привлекла васъ, сдѣлала моими,
Тотъ духъ, та прометеевская искра,
Какъ молнія души моей сверкаетъ
И такъ же далеко хватаетъ, какъ и ваша,
И не уступить вамъ окованная прахомъ!
Отвѣтите мнѣ, иль покажу вамъ, кто я!

ДУХЪ.

Мы нашъ отвѣтъ тебѣ уже сказали—
Ты самъ отвѣтилъ.

МАНФРЕДЪ.

Какъ понять мнѣ васъ?

ДУХЪ.

Когда у насъ съ тобою та же сущность,
Такъ мы уже отвѣтили, сказавъ,
Что смерть для насъ совсѣмъ не суще-
ствуетъ.

МАНФРЕДЪ.

Такъ я изъ вашихъ царствъ васъ звалъ
напрасно,
И вы не можете иль не хотите мнѣ помочь.

ДУХЪ.

Что есть у насъ мы предлагаемъ все,
Подумай и скажи, пока мы здѣсь—
Власть, сила, царство, дни безъ счета...

МАНФРЕДЪ.

Проклятіе! Къ чему мнѣ эти дни?
Итакъ ужъ тянутся довольно. Прочь!

ДУХЪ.

Постой, тебѣ помочь хотѣли бъ мы;
Подумай, не найдешь ли дара ты иного,
Который мы могли бы предложить?

МАНФРЕДЪ.

Ни одного. Но нѣтъ, нѣтъ, погодите—
Хотѣлъ бы я увидѣть васъ, я слышу
Звукъ голосовъ и сладкій, и печальный,
Какъ музыка воды, я вижу
Звѣзды прекрасной ровное сіяніе
И больше ничего... Приблизьтесь, какъ вы
есть,
Одинъ ли, всѣ ли, но въ обычныхъ формахъ.

ДУХЪ.

У насъ нѣтъ формъ—онѣ въ стихіяхъ на-
шихъ,
Мы имъ даемъ начало и значеніе.
Самъ форму выбери—мы въ ней предста-
немъ.

МАНФРЕДЪ.

Нѣтъ для меня на всей землѣ
Ни безобразной формы, ни прекрасной.
Пусть тотъ изъ васъ, кто всѣхъ сильнѣе,
Мнѣ явится въ какомъ угодно видѣ.

СЕДЬМОЙ ДУХЪ (являясь въ
образъ прекрасной женщины).

Смотри!

МАНФРЕДЪ.

О, Боже! если это такъ
И ты не призракъ лживый, не безумье,
Я могъ бы счастливъ быть, тебя обнять
И будемъ мы опять...

(Образъ исчезаетъ).

Разбито сердце.

(Манфредъ падаетъ безъ чувствъ).

Слышится голосъ, поющий слѣдующее заклинаніе.

Мѣсяцъ свѣтитъ уныло,
Еле дышитъ вѣтерокъ,
Метеоры надъ могилой,
Надъ болотомъ огонекъ;
Звѣзды, падая, сверкаютъ,
Совы смѣхомъ отвѣчаютъ,
И не шепчутъ съ высоты
Неподвижные листья.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ БАЙРОНА.

Но парю я надъ тобою,
Вѣя силой неземною.

Спи же, спи глубокимъ сномъ,—
Духъ не спитъ во снѣ твоёмъ;
Не отгонишь ты видѣній,
Не забудешь всѣхъ сомнѣній;
Дни потянутся чредою,
Буду я вездѣ съ тобою:
Ты какъ саваномъ обвить,
И туманъ кругомъ стоитъ.
Такъ отнынѣ до вѣковъ
Ты отвѣтишь на мой зовъ.

Предъ тобой пройду незримо,
Но и то, что невидимо
Ты почувешь надъ собой
Неизбѣжною судьбой.
И когда въ тревогѣ тайной
Обернешься ты случайно—
Не повѣришь ты глазамъ,
Что меня не видишь тамъ.
Все, чѣмъ будешь ты страдать,
Въ сердцѣ долженъ ты скрывать.

Ты окованъ волшебствомъ,
Ты проклятіемъ влекомъ,
И въ невидимыя сѣти
Ты попалъ подъ звуки эти.
Вѣтеръ пѣснейю своей
Сонъ отгонитъ отъ очей,
И среди ночной прохлады
Ты не будешь знать отрады,—
Въ блескѣ солнечныхъ лучей
Ночь ты будешь звать скорѣй.

Изъ твоихъ же лживыхъ слезъ
Ядъ смертельный я принесъ,
Сердце я твое видалъ,
Черной крови въ немъ досталъ;
Я улыбку взялъ твою,
Изъ нея извлекъ змѣю,
Изъ твоихъ же волхованій
Добылъ силу заклинаній;
Яды всѣ я испыталъ,
Всѣхъ сильнѣе твой призналъ.

Злобой сердца и улыбки,
Безграничною виной,
Лицемѣріемъ ошибки
И коварною душой,
Торжествомъ того искусства;
Гдѣ притворство гонитъ чувство,—
Заклинаю всѣмъ, что зло,
Всѣмъ что будетъ, что прошло,—
Ты спасенія не жди,
Адъ носи въ своей груди!

Казнь свою ты самъ избралъ,
Надъ тобой пролить фіаль,
Жизнь твоя осуждена:
Ни забвенія, ни сна!
Смерть ты будешь призывать
И предъ нею же дрожать.
Чу! Теперь ты очарованъ,
Цѣпью словъ моихъ прикованъ:
Заклинанья прозвучали
И на вѣкъ тебя связали.

СЦЕНА II.

Гора Юнгфрау. Время—утро. Манфредъ одинъ
на утесахъ.

МАНФРЕДЪ.

Исчезли мною вызванные духи,
И тайныя науки обманули.
Мое лѣкарство обратилось въ муку,
Волшебной помощи не жду; у ней
Надъ прошлымъ власти нѣтъ, а то, что
будетъ,

Мнѣ все равно, пока все то, что было,
Во мракѣ не исчезнетъ. Мать земля!
И ты, разсвѣтъ румяный, и вы, горы,
Зачѣмъ прекрасны вы? Мнѣ васъ любить
Нельзя. Ты, око ясное вселенной,
Отверзтое для всѣхъ и надо всѣми,
Всѣмъ милое, ты въ сердце мнѣ не свѣ-
тишь;

И вы, вы, скалы, съ высоты которыхъ
Тамъ, надъ потокомъ, сосны вѣковыя
Мнѣ кажутся ничтожными кустами
Въ ужасной глубинѣ; одинъ прыжокъ,
Одно движеніе, вѣтра дуновенье
Могло бъ меня на каменной постели
На вѣки успокоить. Что жъ я жду?
Влеченье есть, а я стою недвижно;
Опасность вижу—и не отступаю.
Кружится голова, а ноги тверды.
Такъ связанный невидимою силой,
Какъ рабъ и не хочу, а долженъ жить;
И это жизнь!—Носить внутри себя
Глухую пустоту, быть для себя
Своей могилой. Я ужъ пересталъ
Въ своихъ глазахъ оправдывать себя—
Послѣдней слабости не знаю зла.

(Пролетаетъ орелъ).

Крылатый вѣстникъ, ты сквозь облака
Полетъ счастливый направляешь въ небо,
Я радъ бы сдѣлаться твоей добычей
И накормить твоихъ орлятъ. Исчезъ,
Ужъ я тебя не догоню и взглядомъ;
Но все для твоего доступно взора,

М А Н Ф Р Е Д Ъ.

Внизу,верху, кругомъ. — Какъ все пре-
красно!

Какою красотою полонъ миръ!
Въ его явленіяхъ, въ себѣ самомъ!
А мы зовемъ себя его царями?
Соединенье Божества и праха,
Борьба враждебныхъ вѣчно элементовъ—
Мы смѣсь ничтожества съ гордыней,
Желаній низкихъ и высокой воли,
Пока въ насъ смертное не пересилить
И мы тогда не превратимся въ то,
Что и самимъ себѣ назвать намъ страшно.
(Въ отдаленіи слышится наступившя свирѣль).

Чу, горной музыки простые звуки—
Здѣсь дни патріархальныя не сказка:
Звучать здѣсь въ вольномъ воздухѣ на-
пѣвы;

Подъ звонъ бубенчиковъ бродящихъ стадъ—
О, если бѣ звуками дышать и быть
Незримымъ духомъ тихаго напѣва,
Лишь голосомъ гармоніи звучащей,
Блаженствуя, родясь и умирая
Въ ея звенящихъ тихо переливахъ.

(Снизу поднимается охотникъ за сернами).
охотникъ.

Такъ, такъ и есть, я здѣсь обманутъ серной:
Слѣдовъ ужъ нѣтъ; едва ли мнѣ сегодня
Оплатится опасный трудъ.—Но кто тамъ?
Онъ, кажется, не нашъ, а здѣсь достигъ онъ
Такихъ высотъ, которыхъ достигаютъ
Изъ горцевъ и охотники не всѣ.
Онъ мужественъ и гордый видъ имѣетъ,
Какъ вольный гражданинъ; но далеко—
Я подойду къ нему поближе.

манфредъ (не замѣчая его).
Такъ отъ тоски сѣдѣть, какъ эти сосны,
Зимы нагіе, жалкіе остатки,
Какъ дерево погибшее, сухое,
Чей корень проклятъ былъ, и сознавать
Паденье—быть лишь этимъ, вѣчно этимъ,
Когда я былъ инымъ! Состариться
Не отъ годовъ, а отъ однихъ мгновений,
Переживать часы ползущіе вѣками!..
Нависшія громады ледяныя,
Сорваться съ горъ готовая лавины,
Неситесь, чтобъ меня теперь засыпать.
Я слышу васъверху и подъ собой,
Вездѣ гремятъ тяжелые раскаты,
Но гибнетъ только то, что хочетъ жить:
Цвѣтушіе луга и поросли лѣсныя,
И хижины безвинныхъ поселянъ.

охотникъ.
Туманы подниматься начинаютъ,
Ему пора сойти, не то онъ можетъ
Дорогу потерять, а съ ней и жизнь.

манфредъ.

Туманъ ползетъ, змѣится ледниками
И подо мною тучи всѣ горятъ.
То плещетъ океанъ глубокой ада;
О берегъ жизни каждая волна
Въ немъ разбивается съ глухимъ ударомъ.

охотникъ.

Мнѣ подойти къ нему придется осторожно:
Заслышавъ шагъ, онъ оступиться можетъ,
А онъ и такъ дрожитъ.

манфредъ.

Когда-то горы
Обрушившись столкнули и другія,
Обломками засыпали долины,
Потокамъ сразу путь загрозили,
Съ землею и съ камнями смѣшавши воды,
Заставивъ ихъ искать другой дороги.
Ты это сдѣлалъ въ старину, Монъ-Розъ,
Зачѣмъ я не былъ тамъ?

охотникъ.

Другъ, берегитесь!
Во имя Господа, что создалъ васъ,
Не подходите къ пропасти такъ близко.

манфредъ (не слыша его).
Да, то была бы славная могила,
Спокойно въ глубинѣ лежало бѣ тѣло,
А не разорванное все на части
По этимъ скаламъ на потѣху вѣтру.
Прощай же ты, разверзшееся небо,
И не смотри сюда съ такимъ упрекомъ,
Тебѣ я чуждъ. Земля, прими мой прахъ!

(Въ то время, какъ Манфредъ готовъ
спрыгнуть со скалы, охотникъ внезапно
схватываетъ и удерживаетъ его).

охотникъ.

Безумецъ, стой! Хотя жизнь тебѣ постыла—
Ты нашихъ горъ не запятнаешь кровью.
Иди со мной, тебя я не пущу.

манфредъ.

Я сердцемъ боленъ тяжело, пусти!
Да, я совсѣмъ ослабъ. Кружатся горы.
Я больше ничего не вижу. Кто ты?

охотникъ.

Сейчасъ отвѣчу, а теперь за мной.
Все гуще облака—вотъ такъ, держитесь,
Ногой сюда; возьмите эту палку
И тамъ скорѣе этотъ кустъ хватайте.
За поясъ мой держитесь. Тише. Такъ.
Мы черезъ часъ уже должны быть дома.
Итти тамъ дальше будетъ много легче.
Потокъ тамъ проложилъ себѣ дорогу
Зимою. Такъ, вотъ это хорошо—
Изъ васъ охотникъ вышелъ бы хорошій.

(Пока они съ трудомъ сходятъ, за-
навѣсъ опускается).



МАНФРЕДЪ И ФЕЯ АЛЬПЪ (Manfred and the witch of the Alps).

Рис. Мидоусъ (K. Meadows), грав. Л. Стоксъ (L. Stocks).

Д Ъ Й С Т В І Е В Т О Р О Е.

СЦЕНА I.

Хижина въ Берпскихъ Альпахъ.—Манфредъ и охотникъ за сернами.

ОХОТНИКЪ.

Нѣтъ, подожди, ты долженъ отдохнуть,—
Въ тебѣ и духъ, и тѣло не способны
Другъ друга охранять, хотъ нѣсколько часовъ.
Когда оправишься, я провожу...
Куда?

МАНФРЕДЪ.

Не надо, я дорогу знаю,
И мнѣ не нуженъ больше проводникъ.

ОХОТНИКЪ.

Ты рода знатнаго—и это видно
Въ одеждѣ и въ походкѣ; ты изъ тѣхъ,
Кому въ горахъ принадлежатъ тѣ замки,
Что смотрятъ сверху въ нижнія долины.
Котораго жъ изъ нихъ хозяинъ ты?
Я рѣдко въ нихъ вхожу, но мнѣ случилось
Въ прихожихъ тамъ погрѣться или выпить.
И всѣ пути туда я знаю съ дѣтства...
Который же тебѣ принадлежитъ?

МАНФРЕДЪ.

Не все ль равно?

Ты заслужилъ его... Теперь прощай,
Не провожай: я здѣсь дорогу знаю.
(Exit Манфредъ).

СЦЕНА II.

Нижняя долина въ Альпахъ. — Водопадъ.
Входитъ Манфредъ.

И полдня нѣтъ; лучи косые солнца
Блестящей радугой надъ водопадомъ
Стоять, а онъ серебряныя воды
Со скалъ, кипя и пѣнясь, мечетъ въ бездну,
И тамъ, какъ дымъ густой, клубятся брызги,
Колеблясь, будто хвостъ того коня,
На немъ же въ день послѣдней смерти воз-
сѣдетъ,

Какъ въ Откровеніи написано.
Одинъ, люблюсь этою картиной,
Но данъ сверкающихъ, шумящихъ водъ
Съ ихъ духомъ раздѣлю... Позвать ее.

(Манфредъ зачерпываетъ горстью воды
и бросаетъ ее въ воздухъ, тихо произ-
нося заклинанія; черезъ нѣкоторое вре-
мя фея Альпъ появляется подъ радугой
водопада).

Прекрасный духъ съ лучистыми кудрями,
Съ очами полными огня, чьи формы
Возводятъ прелести земныхъ красавицъ
До красоты небесной, неземной,
Въ стихіи чистой ты сіяешь,
Вся въ блескъ этихъ радужныхъ огней
Зардѣлась, какъ ребенокъ, мирно спящій
Въ объятіяхъ у матери своей,
Какъ тѣ снѣга, когда заря мгновенно
Охватитъ неприступныя вершины,
Земли румянецъ при объятіяхъ неба.
Передъ твоею красотой блѣднѣетъ
И радуга, что блещетъ надъ тобой,
Прекрасный духъ; въ твоихъ очахъ глубо-
кихъ,

Гдѣ свѣтитъ спокойствіе души
И ясно такъ безсмертіе сквозить,—
Прощеніе тому ужъ я читаю.
Кому подъ часъ таинственныя силы
Даютъ возможность быть въ общеньѣ съ
ними.

Да, ты простишь теперь мнѣ этотъ вызовъ,
Чтобъ на тебя взглянуть.

Фея.

Тебя я знаю,
О, сынъ земли! И знаю тѣхъ, кто далъ
Тебѣ твое могущество; я знаю—
Ты человѣкъ и мысли, и рѣшенья,
Добра и зла—и крайній въ нихъ обоихъ,
Мужъ роковой и рокомъ обреченный.
Да, я тебя ждала, чего жъ ты хочешь?

МАНФРЕДЪ.

Смотрѣть на красоту твою—и только.
Лицо земли мнѣ стало ненавистно,
И я проникнулъ въ то, что сокровенно,—
Въ жилища тѣхъ, кто управляетъ ею,
Но и они не могутъ мнѣ помочь,
Не могутъ дать того, чего искалъ я
И пересталъ искать.

Фея.

Чего же дать
Не могутъ тѣ, кто всѣхъ сильнѣе въ мірѣ
И управляютъ всѣмъ незримымъ?

МАНФРЕДЪ.

Дара...
Но для чего мнѣ повторять? Напрасно...

Фея.

Я ничего не знаю. Говори.

МАНФРЕДЪ.

Что жъ, хорошо—пусть это будетъ мукой,
Но пусть исходъ она найдетъ хоть въ рѣчи.
И въ юности я не стремился къ людямъ
И не глядѣлъ на землю ихъ очами;
Ихъ честолюбе не было моимъ,
Ихъ цѣли жизни мнѣ казались чужды;
Все—радости, и скорбь, и страсть, и сила—
Все дѣлало меня чужимъ для нихъ.
Я образъ смертнаго носилъ, но плоть
живая

Сочувствія во мнѣ не вызвала.
Среди существъ тѣлесныхъ, лишь одна...
Но нѣтъ, о ней потомъ,—что до людей,
Какъ я сказалъ, я съ ними знался мало.
Отрадно было мнѣ въ пустынь дикой
Дышать морознымъ воздухомъ вершинъ,
Гдѣ птицы гнѣздъ не вьютъ и мотыльки
Надъ голымъ камнемъ не порхають;
Любилъ я плыть одинъ въ водахъ потока
Межъ острыхъ камней и водоворотовъ,
Иль по волнамъ ревающимъ океана,—
Такъ сила юная во мнѣ кипѣла;
То ночью за движеніемъ луны
Я пристально слѣдилъ, то ждалъ,
Чтобъ молнія меня вдругъ ослѣпила;
То чутко слушалъ шелестъ желтыхъ листь-
евъ,

Когда свистя ихъ вѣтеръ гналъ осенній.
Вотъ чѣмъ былъ занятъ я,—я былъ одинъ
И, встрѣтивъ тѣхъ существъ, къ которымъ я
Принадлежалъ,—какъ ни томился этимъ,—
Я чувствовалъ, что самъ я опускаюсь
И прахомъ становлюсь. И я тогда
Все глубже погружался въ царство смерти,
Искалъ ея причинъ, ея послѣдствій,
Изъ вида череповъ, костей и праха
Запретное я сдѣлалъ заключенье.
Такъ много лѣтъ я ночи проводилъ

М А Н Ф Р Е Д Ъ.



МАНФРЕДЪ И ФЕЯ АЛЬПЪ (Manfred and the witch of Alps).

Рис. Говардъ (H. Howard, R. A.), прав. Бэконъ (F. Bacon).

Надъ позабытой съ древности наукой;
Трудомъ упорнымъ, тяжкимъ испытаньемъ
Я силу приобрѣлъ надъ поднебесной,
Надъ духами въ пространствахъ безконечномъ
Что населяютъ все; я приучилъ
Глаза свои смотрѣть на вѣчность,
Какъ это дѣлали когда-то маги,
Что заклинаньями умѣли вызвать
И Эросъ, и Антѣросъ у Гадары,
Какъ я тебя;—и съ каждымъ днемъ росла
И жажда знанія, и власть, и радость
Все глубже понимать, пока...

ФЕЯ.

Ну, что жъ?

МАНФРЕДЪ.

Я рѣчь свою затягивалъ такъ долго,
Не нужная подробности упоминая,
Лишь потому, что подходилъ къ моей пещере.

Но дальше. Я тебѣ не называлъ
Отца и мать, ни милой, ни друзей
И ни одной привязанности цѣпи;
Ихъ не было, иль я не видѣлъ ихъ,
Одна...

ФЕЯ.

Себя ты не щади... Что дальше?

МАНФРЕДЪ.

Она была со мною схожа всѣмъ:
Ея глаза, и волосы, и обликъ,
И даже голосъ—все такое жъ было
И только красотою смягчено;
Такія жъ одинокія мечтанья
И жажда тайныхъ знаній; умъ способный,
Какъ мой, проникнуть въ глубину вселенной,

И то въ ней было что мнѣ недоступно:
Улыбка, жалость, слезы—я не зналъ ихъ—
И нѣжность—у меня лишь къ ней одной—
И мнѣ совсѣмъ невѣдомая скромность.
Ея грѣхи моими были—прелесть
Лишь ей одной принадлежала—полюбивъ...
Ее убилъ я!

ФЕЯ.

Какъ, своей рукой?

МАНФРЕДЪ.

Разбилъ я сердцемъ сердце... Въ грудь мою
Оно лишь заглянуло и завяло. Кровь

Я проливалъ, но не ея, а кровь
Ея лилась, и я не могъ помочь.

ФЕЯ.

И ради одного изъ тѣхъ созданий,
Что презираешь ты, желая самъ
Возвыситься, смѣшаться съ нами, ты
Дарами знанья высшаго пренебрегаешь?
Къ ничтожеству стремишься вновь? Сту-
пай!

МАНФРЕДЪ.

Дочь воздуха, ужъ я сказалъ: съ тѣхъ поръ...
Но что слова! Взгляни въ мой сонъ,
Когда я сплю, иль прослѣди за бдѣньемъ!
Я въ одиночествѣ ужъ не одинъ,
Я фурий вижу. Ночи напролетъ
Зубами скрежеталъ и дни потомъ
Я проклиналъ себя и о безумствѣ
Молился какъ о высшей благодати—
Никто мольбѣ моей не внялъ. Я смерти
Искалъ, но среди грозъ, въ борьбѣ стихій
Прочь отъ меня бѣжали сами волны,
И все смертельное скользило мимо.
И тутъ меня лишь за единый волосъ
Какой-то демонъ держитъ безпощадно,
Но онъ, какъ цѣпь желѣзная, не рвется.
Во глубь фантазіи я погрузился,—
Я ею прежде былъ богатъ какъ Крезъ,
Но какъ отливъ она меня назадъ бросаетъ
Въ пучину безысходной мысли.
Съ людьми смѣшался я—искалъ забвенья
Вездѣ; но лишь не тамъ, гдѣ есть оно,
А только въ немъ одномъ я и нуждался.
Но здѣсь моя наука и искусство
Кончаются—и нѣтъ нигдѣ надежды,
А я живу и вѣчно буду жить.

ФЕЯ.

Быть можетъ я могу тебѣ помочь.

МАНФРЕДЪ.

Чтобъ это сдѣлать, ты теперь должна бы
Умершихъ снова воскресить иль съ ними
Меня похоронить; о, сдѣлай это,
Когда, гдѣ хочешь, только бы конецъ!

ФЕЯ.

Я въ этомъ не властна; но если ты
Клянешься мнѣ во всемъ повиноваться—
Исполнить я могу твое желанье.

МАНФРЕДЪ.

Нѣтъ, никогда! Кому повиноваться?
Рабомъ тѣхъ духовъ быть, которымъ самъ я
Повелѣваю. Никогда!

ФЕЯ.

Такъ вотъ
Отвѣтъ твой и его ты не измѣнишь?
Подумай лучше.

МАНФРЕДЪ.

Я уже сказалъ.

ФЕЯ.

Довольно! Я могу уйти?

МАНФРЕДЪ.

Иди.

(Фея исчезаетъ).

МАНФРЕДЪ (одинъ).

Мы лишь игрушки времени и страха;
Приходятъ дни—и дни проходятъ мимо;
Мы проклинаемъ жизнь, а смерть страшитъ
насъ.

Дни ненавистные идутъ безъ счета;
Какъ иго, жизни бремя давить сердце,
Оно то отъ тоски замреть, то бьется
Отъ радости, чтобъ въ мукѣ изнемоетъ.
Среди всѣхъ дней минувшихъ и грядущихъ
(Нѣтъ въ жизни настоящаго) такъ мало,
Такъ мало можно насчитать такихъ,
Когда душа не жаждала бы смерти.
Но мы, какъ отъ потока ледяного,
Бѣжимъ отъ ней, хотъ дрожь одно мгно-
венье.

Одно осталось мнѣ въ моей наукѣ:
Умершихъ вызвать и спросить о томъ,
Что насъ страшитъ... Могила? вѣдь страшнѣе
Отвѣта нѣтъ, а это лишь ничто.
А если не дадутъ совсѣмъ отвѣта...
Отвѣтилъ же пророкъ давно умершій
Волшебницѣ Эндора; царь спартанскій
Узналъ судьбу отъ византійской дѣвы,
Убивъ въ невѣдѣннѣ, что было мило.
Онъ умеръ не прощенный, хотъ и звалъ
На помощь Зевса и волхвовъ заставилъ
Творить надъ грозной тѣнью заклинанья,
Чтобъ гнѣвъ ея смягчить или поставить
Предѣлъ для мести, и отвѣтъ
Ея неясный позже оправдался.
Когда бъ я не жилъ, та, кого любилъ я,
Была бъ жива; когда бъ я не любилъ,
Она была бы до сихъ поръ прекрасна,
Счастлива, счастье бы дарила. Что же
Она теперь? Страдаетъ за меня?
Иль то, что страшно мыслить—иль ничто?
Я скоро буду звать и не напрасно,
А самъ теперь страшусь того, что смѣю.
До сей поры смотрѣть я не боялся
На духовъ добрыхъ или злыхъ, теперь
Дрожу и холодъ проникаетъ въ сердце;
Но все въ душѣ я въ силахъ превозмочь,—
Могу бороться съ ужасомъ. Темнѣетъ.

(Уходитъ).

М А Н Ф Р Е Д Ъ.

С Ц Е Н А III-я.

Вершина горы Юнгфрау.

Входит Первая Судьба.

СУДЬБА.

Сверкает мѣсяцъ, ясный и холодный;
По дѣвственнымъ коврамъ серебрянаго
снѣга

Мы движемся, слѣдовъ не оставляя;
Скользимъ беззвучно надъ угрюмымъ мо-
ремъ—

Надъ этимъ океаномъ горныхъ льдовъ,
Гдѣ кажутся зубчатая вершины
Валами грозными съ блестящей пѣной,
Которые замерзли вдругъ. Картина
Безжизненной, окаменѣлой бури.
Вотъ мрачныхъ скалъ причудливыя стѣны,
Работа древняго землетрясения...

Тутъ облака порою отдыхаютъ,
И мы сюда для пира и для бдѣнья
Слетаемся,—здѣсь буду ждать сестеръ;
Потомъ помчимся вмѣстѣ къ Ариману:
Тамъ пиръ большой сегодня. Что жъ ихъ
нѣтъ?

Голосъ поющихъ извнѣ.

Низвергнуть жестокий
Тиранъ и забыть;
Въ дремотѣ глубокой
Одинъ онъ лежитъ.
Но цѣпь я разбила,
Чтобъ власть ему дать.
Въ немъ новая сила—
Царить онъ опять.

За трудъ заплатить мнѣ рѣкой кровавой,
И казни будутъ для него забавой.

Второй голосъ извнѣ.

Корабль удалялся знакомымъ путемъ,
Но паруса нѣтъ ужъ, ни мачты на немъ,
Обломковъ его на волнахъ не видать
И некому будетъ о немъ горевать.
Одинъ уцѣлѣлъ, я ему помогла,—
Онъ стоилъ того, чтобъ его я спасла:
На сушѣ предатель, а въ морѣ пиратъ,
Разбоемъ всегда услужить онъ мнѣ радъ.

ПЕРВАЯ СУДЬБА (*отвѣчая*).

Пусть утро свѣтаетъ,
Но городъ во снѣ
Не грезить, не знаетъ
О будущемъ днѣ.
Чума пролетая
Въ немъ бросила ядъ;
Одни, умирая,
Теперь ужъ лежатъ;

А завтра кто можетъ
Отъ нихъ убѣжить...
Ничто не поможетъ—
Смерть всюду царить.
Отчаянья море
Надъ краемъ шумить;
Невѣдомо горе
Лишь тѣмъ, кто зарытъ.

Брошу въ зловѣщую ночь
Сѣмя и мчусь уже прочь.
Я страны и царства гублю искони
И буду губить ихъ въ грядущіе дни!

Входят Вторая и Третья Судьбы.

ВСѢ ТРИ.

Въ рукахъ у насъ сердца людей,
Слѣдъ нашихъ ногъ—могилы;
Мы имъ даемъ немного дней,
И служатъ намъ ихъ силы!

ПЕРВАЯ СУДЬБА.

Привѣтъ тебѣ! Гдѣ Немезида?

ВТОРАЯ СУДЬБА.

Вѣрно .

За дѣломъ, но не до нея мнѣ было.

ТРЕТЬЯ СУДЬБА.

Смотрите, вотъ она!

(Входитъ Немезида).

ПЕРВАЯ СУДЬБА.

Гдѣ ты была?

И ты, и сестры что-то опоздали.

НЕМЕЗИДА.

Разбитые я утверждала троны,
Безумцевъ сватала и династіи
Возстановляла; мстила за людей
И заставляла каяться въ ихъ мести.
Я доводила мудрыхъ до безумства.
Оракулы другіе извлекала
Изъ мрака,—прежніе ужъ устарѣли,
И смертные рѣшались разсуждать,
Судить царей и даже говорить
Про запрещенный плодъ—свободу!
Но намъ пора. Летимъ же въ облакахъ.
(Exit!)

С Ц Е Н А IV-я.

Чертогъ Аримана.—Ариманъ на своемъ тронѣ.—
Огненная сфера, окруженная духами.

ГИ МНѢ ДУХОВЪ.

Владыку славьте всѣ живые!—
Онъ царь земли и водъ, и тучъ, и грозъ;
Покорны скипетру его стихіи:
Онъ можетъ ихъ смѣшать въ одинъ хаосъ.
Дохнетъ—и въ море мчатся ураганы,
Онъ скажетъ—отвѣчаетъ въ тучахъ громъ!

Онъ взглянетъ—меркнетъ день, ползуть туманы,
Онъ двинется—земля дрожитъ кругомъ.
Чума есть тѣнь его, а подъ ногами
Растутъ вулканы и курятся вслѣдъ,
И путь его кровавый небесами
Какъ факель озарить огонь кометъ.
Приносить гекатомбы ежечасно
Ему война... смерть платить дань, рядъ мукъ,
Какъ выкупъ, жизнь несетъ ему напрасно,
И держится лишь имъ вселенной кругъ!
Входятъ Судьбы и Немезида.

ПЕРВАЯ СУДЬБА.

Хвала Ариману! Растетъ надъ землею его сила.
Вотъ сестры мои его волю исполнили обѣ,
И я свое дѣло усердно исполнила тоже!

ВТОРАЯ СУДЬБА.

Хвала Ариману! Предъ нами склоняются люди,
Но всѣ мы предъ трономъ его преклоняемся сами!

ТРЕТЬЯ СУДЬБА.

Хвала Ариману! Мы знака его ожидаемъ!
Немезида.
Властитель всѣхъ властителей! Мы служимъ
Тебѣ—все что живетъ отчасти наше,
А многое вполнѣ,—но умножать
Должны мы нашу власть, а съ ней твою;
Не дремлемъ мы и всѣ твои велѣнья
Теперь исполнили вполнѣ.

(Входитъ Манфредъ).

одинъ изъ духовъ.

Что тамъ?

Какъ? смертный! Падай въ прахъ, несчастный!

Скорѣ поклонись!

ВТОРОЙ ДУХЪ.

Его я знаю,

Волшебникъ онъ и сильный и искусный.

ТРЕТИЙ ДУХЪ.

Дрожи и падай, рабъ! Не знаешь развѣ
Ты своего и нашего владыки?

всѣ духи.

Ничтожный сынъ земли, скорѣй склонись,
Не то близка твоя гибель!

МАНФРЕДЪ.

Знаю,

Но передъ нимъ не преклонюсь.

ЧЕТВЕРТЫЙ ДУХЪ.

Научать.

МАНФРЕДЪ.

Нѣтъ, я ужъ наученъ, ужъ много разъ
Я ночи напролетъ лежалъ во прахѣ,
Посыпавъ пепломъ голову свою.
Всю глубину я знаю униженья;
И падалъ ницъ безсильный, побѣжденный
Передъ отчаяньемъ своимъ.

ПЯТЫЙ ДУХЪ.

Какъ смѣешь

Ты здѣсь, здѣсь, у престола Аримана,
Упорствовать? Не видишь развѣ
И ужаса, и славы? Падай ницъ!

МАНФРЕДЪ.

Пусть онъ преклонится предъ тѣмъ, что выше
Его,—предъ Безконечнымъ и Всесильнымъ,
Кѣмъ созданъ самъ онъ не для обожанья,
И мы тогда поклонимся съ нимъ вмѣстѣ.

духи.

Такъ уничтожьте же его и разорвите!

ПЕРВАЯ СУДЬБА.

Прочь! прочь! не смѣйте трогать—мой онъ.
Внемли мнѣ, силъ незримыхъ повелитель!
Ты видишь предъ собою челоуѣка
Необычайнаго; ты видишь, самъ онъ
Сюда дошелъ и всѣ его страданья
Безсмертны были, такъ же какъ и наши;
Его могущество, познанныя, воля,
Насколько это совмѣстимо съ прахомъ,
Въ которомъ заключенъ огонь безсмерт-
ный,—

Все было глубже, чѣмъ доступно людямъ.
Да, онъ стремился за предѣлы міра
И онъ постигнулъ, такъ же какъ мы сами,
Что знаніе не счастье, а наука—
Обмѣнъ невѣдѣнья, гдѣ лишь одно
Незнаніе смѣняется другимъ.
Въ немъ даже страсти, всюду разлитыя,
Которымъ все подвластно—все живое,
Пронзивши сердце, сдѣлали его
Такимъ, что я сама, хоть жалость мнѣ

чужда,

Прощаю тѣхъ кто пожалѣетъ. Мой онъ
И твой быть можетъ; но надъ нимъ никто
Изъ этихъ духовъ власти не имѣетъ
И не сравнится съ нимъ по силѣ воли.

Немезида.

Зачѣмъ же здѣсь онъ?

ПЕРВАЯ СУДЬБА.

Пусть отвѣтитъ самъ.

МАНФРЕДЪ.

Извѣстно вамъ, что я позналъ—и то
Что я безъ силъ не могъ бы быть межъ
вами,



МАНФРЕДЪ И АСТАРТА (Manfred and Astarte).

Рис. Гербертъ (J. Herbert), грав. Стоксъ (L. Stocks).

Но силы глубже есть и я пришелъ
Для нихъ,—у нихъ хочу просить отвѣта.

НЕМЕЗИДА.

Чего жъ ты хочешь?

МАНФРЕДЪ.

Ты мнѣ не отвѣтишь;
Зови умершихъ—ихъ спросить мнѣ надо.

НЕМЕЗИДА.

Великій Ариманъ, ты разрѣшишь ли
Желанье смертнаго исполнить?

АРИМАНЪ.

Да.

НЕМЕЗИДА.

Кого жъ изъ мертвыхъ хочешь ты увидѣть?

МАНФРЕДЪ.

Могилы нѣтъ у ней. Зови Астарту.

НЕМЕЗИДА.

Тѣнь или духъ,
Что бъ ни была ты,
День твой потухъ,
Но здѣсь должна ты

Снова предстать
Той же какъ прежде.
Выйди опять
Въ той же одеждѣ,
• Снова у тлѣнья
Вывавши дань,
Безъ измѣненья
Здѣсь ты предстань.
Явись!—явись!—явись!
Къ тому, кто отослалъ тебя, вер-
нись!

*(Появляется призракъ Астарты
и останавливается посрединѣ).*

МАНФРЕДЪ.

Такъ это смерть? А на щекахъ ея румя-
нецъ;

Но вижу я: то не живыя краски,
А мертвыя, подобно тѣмъ, что осень
На листьяхъ облетѣвшихъ оставляетъ.
Она! О, Боже! И я могъ бояться
Ее увидѣть... Ты, Астарта!.. Нѣтъ!
Я говорить съ ней не могу—вы прикажите:
Пускай проститъ меня или осудитъ.

НЕМЕЗИДА.

Властью той же вѣчной силы,
Что опять тебя на свѣтъ
Вызываетъ изъ могилы,
Слушай. Дай ему отвѣтъ.

МАНФРЕДЪ.

Молчать... Новѣзтомъ больше чѣмъ отвѣтъ...

НЕМЕЗИДА.

Нѣтъ больше у меня надъ нею силы.
Царь воздуха! лишь ты надъ нею властенъ.

АРИМАНЪ.

Духъ, видишь этотъ скипетръ, повинуйся!

НЕМЕЗИДА.

Молчать! Она принадлежитъ не намъ—
Другимъ подвластна силамъ. Смертный,
здѣсь

Напрасно ты искалъ, и мы безсильны.

МАНФРЕДЪ.

Услышь, услышь меня, Астарта!
Любимая, отвѣтъ мнѣ, говори:
Я столько выстрадалъ, я такъ томился,—
Тебя могила меньше измѣнила,
Чѣмъ измѣнился я. Любила ты
Чрезмѣрно, какъ и я. Но мы другъ друга
Терзать не созданы. Хотя грѣхомъ
Смертельнымъ было такъ любить, какъ мы.
Скажи, что ты меня не ненавидишь,
Что я наказанъ за обоихъ, ты жъ,
Избранница, скажи, что я умру.

До сей поры какое-то проклятье,
Какъ цѣпь, меня приковываетъ къ жизни
И мнѣ весь ужасъ вѣчности рисуется,
Того, что было,—нѣтъ нигдѣ покоя.
Чего ищу, чего прошу—не знаю;
Я сознаю лишь, кто ты и кто я!
Пока я живъ лишь, одного хочу—
Услышать голосъ твой: о, говори!
И призывалъ тебя въ безмолвной ночи,
Пугая спящихъ птицъ въ вѣтвяхъ недвиж-
ныхъ,

Будя волковъ, пещеры оглашая
Завѣтнымъ именемъ твоимъ,—мнѣ эхо
И не одно лишь эхо отвѣчало.
Мнѣ говорили духи, люди,—ты молчала.
Но говори!.. Я звѣзды вопрошалъ
И въ небѣ я искалъ тебя напрасно;
Я землю исходилъ—и не нашелъ
Подобья твоего. Но говори!
Смотри, кругомъ враги и тѣмъ я жалокъ,
Ихъ не страшусь—люблю тебя одну.
Но говори!.. Хоть въ гнѣвъ говори,
Что хочешь, только бѣ голосъ твой услы-
шать,

Лишь разъ, еще лишь разъ!

ПРИЗРАКЪ АСТАРТЫ.

Манфредъ!

МАНФРЕДЪ.

Еще!

То голосъ твой, живу лишь этимъ звукомъ!

ПРИЗРАКЪ.

На утро кончено земное горе.
Манфредъ, прощай!

МАНФРЕДЪ.

Такъ я прощень?

ПРИЗРАКЪ.

Прощай!

МАНФРЕДЪ.

Скажи, мы встрѣтимся опять?

ПРИЗРАКЪ.

Прощай!

МАНФРЕДЪ.

Еще скажи: меня ты любишь?

ПРИЗРАКЪ.

Манфредъ!

(Духъ Астарты исчезаетъ).

НЕМЕЗИДА.

Ушла, и вновь ея не вызвать,
Но слово сбудется. Вернись къ землѣ.

одинъ изъ духовъ.

Лишился чувствъ. Что значить, бывши смерт-
нымъ,

М А Н Ф Р Е Д Ъ.

Искать того, что за предѣломъ смерти.

другой духъ.

Смотри, смотри, онъ овладѣлъ собою
И муку сердца волѣ покорилъ.
Когда бъ онъ былъ однимъ изъ насъ, онъ
былъ бы
Могучій духъ.

НЕМЕЗИДА.

Къ владыкѣ нашему
И намъ нѣтъ у тебя другихъ вопросовъ?

МАНФРЕДЪ.

Нѣтъ никакихъ.

НЕМЕЗИДА.

Тогда прощай покуда.

МАНФРЕДЪ.

Такъ мы увидимся? Здѣсь, на землѣ?
Какъ хочешь, впрочемъ; я же за услугу
Послѣднюю у васъ въ долгу... прощайте!
(Exit Манфредъ).

Занавѣсъ опускается.

Д Ъ Й С Т В І Е Т Р Е Т Ь Е.

СЦЕНА I.

Покой въ замкѣ Манфреда.

(Манфредъ и Германъ).

МАНФРЕДЪ.

Который часъ?

ГЕРМАНЪ.

Не долго до заката,
И сумерки, должно быть, будутъ ясны.

МАНФРЕДЪ.

Скажи: ты въ башнѣ все ли приготовилъ,
Какъ я велѣлъ?

ГЕРМАНЪ.

Готово все, извольте
Взять ключъ, а вотъ шкатулка.

МАНФРЕДЪ.

Хорошо.

Ты можешь удалиться. Надо мной
Спокойствіе такое, тишина,
Какихъ я никогда не вѣдалъ въ жизни.
Когда бы я не зналъ, что философія
Пустая самая изъ всѣхъ суетъ,
Бесодержательное только слово,
Лишь терминъ школьный, я бы могъ подумать
Что я нашелъ искомое „калонъ“
И утвердилъ въ душѣ. Пусть не надолго,
Но хорошо хоть разъ его извѣдать.
Да, новое во мнѣ открылось чувство
И записать мнѣ слѣдуетъ на память,
Что это чувство есть; но кто стучится?

ГЕРМАНЪ (снова входит).

Позвольте доложить—изъ Санъ-Мориса
Аббатъ желаетъ видѣть васъ.

(Входитъ аббатъ Санъ-Мориса)

АББАТЪ.

Миръ вамъ.

МАНФРЕДЪ.

Благодарю, и вамъ привѣтъ!
Приходъ вашъ освѣщаетъ эти стѣны
И тѣхъ, кто въ нихъ живетъ.

АББАТЪ.

О, если бъ такъ,
Но говорить наединѣ намъ надо.

МАНФРЕДЪ.

Оставь насъ, Германъ. Что же вамъ угодно?

АББАТЪ.

Скажу безъ предисловія — вотъ въ чемъ
дѣло.

Мои года, намѣренія и санъ
Даютъ на это право, и сосѣдство
Отчасти тоже служить извиненьемъ...
Вездѣ молва объ имени моемъ
Недобрые разноситъ слухи, пусть же
Его носитель безъ пятна его оставитъ,
Какъ было въ старину.

МАНФРЕДЪ.

Я слушаю.

АББАТЪ.

Молва идетъ, что ты вступилъ въ сношенія
Съ таинственнымъ и запрещеннымъ міромъ
И съ обитателями темной бездны,
Что съ духами нечистыми и злыми,
Витающими надъ долиной смерти,
Въ общеніи ты. Я знаю, что съ людьми,
Собратьями твоими по творенью,
Ты рѣдко говоришь и одиноко
Живешь отшельникомъ. Дай Богъ, чтобы
свято...

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ВАЙРОНА.

МАНФРЕДЪ.

А кто же тѣ, кто говорятъ все это?

АББАТЪ.

Крестьяне набѣжные, наши братья.
Твои же слуги за тебя боятся,
И жизнь твоя въ опасности теперь.

МАНФРЕДЪ.

Возьми ее!

АББАТЪ.

Спасать, а не губить
Мой долгъ. Я не хочу проникнуть въ тайну
Твоей души; но если это такъ—
Пора покаившись тебѣ найти
Миръ съ церковью, а чрезъ нее и съ Бо-
гомъ.

МАНФРЕДЪ.

Тебя я понялъ; вотъ отвѣтъ мой: что бы
Ни сдѣлалъ я и кто бы самъ я ни былъ,
Посредникъ смертный между мной и не-
бомъ

Не нуженъ мнѣ, а если противъ васъ
Грѣшилъ—наказывай; но—докажи.

АББАТЪ.

Нѣтъ, не о наказаньи рѣчь идетъ—
О покаяньи только, о прощеньи;
Достигнуть ихъ лишь отъ тебя зависитъ,
Но учрежденья наши, наша вѣра
Даютъ мнѣ власть помочь при переходѣ
Къ надеждѣ, къ лучшимъ мыслямъ отъ
грѣха.

Наказываетъ небо. „Местъ моя“,
Сказалъ Господь, а какъ мы слуги, —
только

Смирненно повторяемъ это слово.

МАНФРЕДЪ.

Старикъ, ничто не можетъ облегчить стра-
данья

Души, познавшей тяготу грѣха.
Напрасны святость и молитвы прелесть,
И покаянье, постъ и всѣ обряды.
Тоска и то, что горше всѣхъ страданій—
Отчаянья безвыходнаго муки,
Упреки совѣсти, безъ страха ада,
Которые легко могли бы сами
И небо превратить въ кромѣшный адъ—
Нѣтъ муки въ будущемъ, чтобы сравниться
Съ тѣмъ осужденіемъ, что произноситъ
Онъ надъ самимъ собой.

АББАТЪ.

Пусть будетъ такъ,
Но это все пройдетъ, потомъ наступитъ
Надежда свѣтлая, и ты увидишь
Въ спокойной вѣрѣ край благословенный,
Доступный всѣмъ, кто ищетъ, каковы бы

Ихъ заблужденья ни были земныя.
Все искупается: начало жъ искупленья
Его потребность,—только захоти—
И наша церковь все тебѣ откроетъ
И все что можно отпустить—простится.

МАНФРЕДЪ.

Когда погибъ шестой властитель Рима,
Онъ рану самъ себѣ нанесъ мечомъ.
Хотѣлъ онъ избѣжать позорной казни,
Суда сенаторовъ—рабовъ своихъ недавнихъ;
Изъ жалости къ нему какой-то воинъ
Пытался кровь плащомъ остановить,
Но отстранивъ его, сверкнувши властнымъ
взоромъ,

Промолвилъ императоръ, умирая:
„Ужъ поздно—это-ль значить вѣрность?“.

АББАТЪ.

Что хочешь ты сказать?

МАНФРЕДЪ.

Отвѣтитъ съ нимъ:

Ужъ поздно!

АББАТЪ.

Нѣтъ! Нѣтъ, никогда не поздно!
Съ своей душой ты можешь примириться,
А душусъ небомъ примирить. Какъ странно:
Всѣ тѣ, кто не надѣются на небо,
Себѣ мечты земныя создаютъ,
Какъ утопающій за нихъ хватаясь.

МАНФРЕДЪ.

Да, мой отецъ, мечталъ и я когда-то:
Стремился въ юности къ высокимъ цѣлямъ,
Духъ челоуѣчества хотѣлъ усвоить,
Стать просвѣтителемъ народовъ, вверхъ
Подняться съ тѣмъ, чтобы пасть потомъ
быть можетъ,
Но такъ упасть, какъ горный водопадъ,
Который, пѣнясь съ кручи, мчится въ без-
дну,

Спускаясь внизъ туманными столбами
И облакомъ взлетая снова къ небу,
И вновь на землю падая дождемъ,
Тамъ успокоится; но все прошло—
Ошибся я въ мечтѣ,

АББАТЪ.

А почему?

МАНФРЕДЪ.

Не могъ я укротить своей природы.
Кто хочетъ власти, тотъ служить и льстить,
Вездѣ быть вѣчно наготовѣ долженъ.
Ходячей ложью быть, чтобы стать могучимъ
Среди людей: да, такова толпа.
И я не захотѣлъ быть въ этомъ стадѣ
И вожакомъ—не захотѣлъ вести волковъ.
Въ пустыни левъ одинъ живетъ—я также.



ACTAPTA (Astarte).
Γυμ. Κορδύ (H. Corbould), γραφ. Ραούλ (H. T. Ryall).



• МАНФРЕДЪ и АСТАРТА (Manfred und Astarte).
Картина К. Лиска (K. Liska).



МАНФРЕДЪ и АСТАРТА (Manfred und Astarte).
Картина К. Лишки (K. Liska).



ЮХАННА МЕЙЕРЪ ВЪ РОЛИ АСТАРТЫ.

(Johanna Meyer als Astarte).

Картина Габриеля Маса (Gabriel Maza).

JOHANN MEYER BP POLN ACTAPL.
(Johanna Meyer als Astarie).
Johanna Meyer (Johanna Meyer).



МАНФРЕДЪ и АСТАРТА (Manfred und Astarte).
Картина К. Лишки (K. Liska).



АСТАРТА (Astarte).
Картина Габриэль Макса (Gabriel Max).

АСТАРА (Astara)
Астана (Astana)



МАНФРЕДЪ.



МАНФРЕДЪ и АСТАРТА (Manfred and Astarte).

Рис. Корбу (H. Corbould) грав. Ромней (J. Romney).

АББАТЪ.

Но отчего не жить съ людьми другими?

МАНФРЕДЪ.

А потому, что жизнь претитъ моей природѣ.
Я не жестокъ, я не стремлюсь разрушить,
Но какъ самумъ живу лишь въ разрушенѣ.
Онъ дуетъ лишь въ пустынь раскаленной
И носится надъ голыми песками,
Гдѣ не растутъ ни травы, ни кусты.
Безплодная онъ поднимаетъ волны,
Не ищетъ никого, никто его не ищетъ,
Но встрѣча съ нимъ смертельна,—такъ и я
Въ моемъ пути земномъ. Но я встрѣчалъ
Порою то, чего ужъ нѣтъ.

АББАТЪ.

Увы!

Боюсь, что здѣсь помочь не буду въ силахъ
Ни самъ я, ни мой санъ; но ты такъ мо-
лодъ.

Хотѣлъ бы я...

МАНФРЕДЪ.

Смотри. Есть родъ людей,
Что въ юности состариться успѣли
И умирають раньше зрѣлыхъ лѣтъ

И не въ бою, не отъ кровавой смерти,
Отъ наслажденій, или отъ работы
Усиленной, отъ слабости порой
И отъ болѣзни или отъ безумства
Въ иныхъ сердца разбиты или чахнутъ;
Отъ этого недуга гибнетъ больше,
Чѣмъ значится по списку роковому.
Мѣняетъ онъ и формы, и названья.
Взгляни же на меня—я испыталъ
Ихъ всѣ, когда и одного довольно.
Не удивляйся же, что я таковъ—
Дивись тому, чѣмъ я когда то былъ
И, бывъ такимъ,—еще передъ тобою.

АББАТЪ.

Но выслушай...

МАНФРЕДЪ.

Старикъ, я уважаю
Твой санъ, твои года, я вѣрю также
Въ твои намѣренья; но все напрасно.
Обидѣть не хочу, но я тебя,
А не себя щажу и потому кончаю
Теперь нашъ разговоръ—итакъ, прощай.
(Exit Манфредъ).

АББАТЪ.

Онъ могъ бы существомъ быть благороднымъ,

Въ немъ сила есть, которая могла бы
Создать прекрасный образъ свѣтлыхъ эле-
ментовъ,
Когда бъ они разумно въ немъ смѣшались;
Теперь же хаосъ въ немъ и свѣтъ, и мракъ,
И духъ, и плоть, и свѣтлый умъ, и стра-
сти,—

Все борется безъ цѣли и порядка,
То дремлетъ, то бушуетъ. Онъ погибнетъ,
А долженъ бы спастись. Я попытаюсь.
Такой какъ онъ—достоинъ искупленья,
Мой долгъ ни передъ чѣмъ не отступать;
Пойду за нимъ вездѣ, но осторожно.

(Exit аббатъ).

СЦЕНА II.

Другая комната.

(Манфредъ и Германъ).

германъ.

Какъ вы велѣли, я пришелъ сказать,
Что солнце за горы заходитъ.

манфредъ.

Какъ?

Уже? взгляну.

(Манфредъ подходитъ къ окну залы).

Блестящій шаръ, кумиръ
Природы юной и могучей расы
Людей первичныхъ. Дѣти великановъ,
Родившихся отъ духовъ и красавицъ,
Привлекшихъ ихъ съ небесъ безповоротно,
Блестящій шаръ,—тебѣ всѣ поклонялись,
Не зная твоего происхожденья.
Ты Всемогущаго служитель ранній,
Лучами радости свѣтилъ ты на вершинахъ
И грѣлъ сердца халдейскихъ пастуховъ
Во время ихъ молитвъ. Богъ вещества,
Непознаваемаго представитель,
Избравшаго тебя своею тѣнью,
Свѣтило первое и центръ другихъ свѣтилъ,
Ты нашу землю сдѣлалъ выносимой
И только ты всему даешь окраску,—
Всему, что ходитъ при твоихъ лучахъ.
Владыка времени и царь пространства,
Всего того, что въ нихъ живетъ и дышитъ,
И въ насъ самихъ нашъ духъ тобой окра-
шенъ,

Какъ и наружный видъ. Встаешь и свѣтишь
Во славѣ и заходишь. Но прощай,
Тебя я не увижу больше; первый
Къ тебѣ направленъ былъ мой взоръ,
Прими же и послѣдній, ты не будешь
Свѣтить тому, кому любовь и свѣтъ
На гибель были. Но оно зашло.
Иду за нимъ.

(Exit Манфредъ).

СЦЕНА III.

Горы.—Замокъ Манфреда въ отдаленнѣ.—Терраса
предъ башней.—Время—сумерки.—Германъ, Ма-
нуиль и другіе служащіе у Манфреда.

германъ.

Какъ странно: ночь за ночью много лѣтъ
Онъ проводилъ безъ сна вотъ въ этой башнѣ
Совсѣмъ одинъ. Я самъ туда входилъ.
Мы всѣ бывали тамъ не разъ, но все
Убранство въ ней еще не позволяеть
Опредѣлить того, къ чему стремится
Его работа. Есть, навѣрно, въ ней
Еще покой, куда никто не входитъ.
Готовъ отдать я плату за три года,
Чтобъ тайну ту узнать.

мануиль.

Оно опасно.

Доволенъ будь и тѣмъ, что знаешь.

германъ.

Ты, Мануиль, и осторожнѣе, и старше,
Но могъ бы много рассказать про замокъ—
Ты здѣсь давно.

мануиль.

Его отцу служилъ я
Здѣсь до рожденья графа. Сходства мало.

германъ.

Про многихъ сыновей мы скажемъ то же.
Но въ чемъ же разница?

мануиль.

Я говорю

Не о чертахъ лица и не о формахъ.
Графъ Сигизмундъ былъ гордъ, но прямъ
и веселъ,
Любилъ войну, пиры, не окружался
Онъ книгами и одиноко ночи
Не сживалъ безъ сна, а веселѣй
Ихъ проводилъ, чѣмъ день. Онъ не бродилъ
По скаламъ и лѣсамъ, какъ будто волкъ,
Людей и радости онъ не чуждался.

германъ.

Ахъ, чортъ возьми, вотъ это было время!
Когда бъ оно могло вернуться къ намъ!
Его и стѣны позабыли.

мануиль.

Для этого другой хозяинъ нуженъ...
Я странныя здѣсь видѣлъ вещи, Германъ.

германъ.

Будь другъ и Расскажи, пока дежуришь...
Ты какъ-то смутно говорилъ о дѣлѣ,
Случившемся у этой самой башни.

мануиль.

Да, это ночь была такая... Помню,

М А Н Ф Р Е Д Ъ.

Смеркалось какъ теперь, такой же вечеръ
И облака багровыя стояли
Надъ Эйхгорномъ все такъ же. Такъ же
вѣтеръ

Едва дышалъ, и горы снѣговыя
Сребриться начинали въ лунномъ свѣтѣ.
Графъ Манфредъ какъ сейчасъ былъ тутъ
же въ башнѣ
И занятъ... чѣмъ? Кто можетъ это знать?
Но бдѣній всѣхъ и всѣхъ его блужданій
Съ нимъ спутница была; ее одну,
Казалось, и любилъ онъ на землѣ,
Къ чему, по правдѣ, кровью былъ обязанъ.
Съ графинею Астартою его...
Но тише. Кто идетъ?

АББАТЬ.

Гдѣ графъ?

ГЕРМАНЪ.

Тамъ въ башнѣ.

АББАТЬ.

Я говорить съ нимъ долженъ.

МАНУИЛЬ.

Невозможно.

Онъ хотеть быть одинъ и не позволилъ
Себя тревожить.

АББАТЬ.

На себя беру я
Вину, коль въ этомъ есть вина, но долженъ
Его увидѣть.

ГЕРМАНЪ.

Ты почти сейчасъ

Его ужъ видѣлъ.

АББАТЬ.

Германъ, слышишь?

Стучи и доложи, что я пришелъ.

ГЕРМАНЪ.

Но мы не смѣемъ.

АББАТЬ.

Видно о себѣ

Самъ доложу.

МАНУИЛЬ.

Святой отецъ, постойте,
Постойте лишь минуту.

АББАТЬ.

Для чего?

МАНУИЛЬ.

Идемте вмѣстѣ,—я скажу вамъ послѣ.
(Уходятъ).

СЦЕНА IV.

Внутри башни.

МАНФРЕДЪ (одинъ).

Блеснули звѣзды, мѣсяцъ озаряетъ
Вершины снѣговыя... Какъ прекрасно!
Природа трогаетъ, и образъ ночи
Мнѣ остается ближе, чѣмъ людскія лица...
Привыкъ я въ этомъ звѣздномъ полумракѣ
Среди безмолвія и тишины
Читать одинъ языкъ другого міра.
Мнѣ помнится, что въ юности когда-то
Я странствуя зашелъ въ такую ночь
Въ разрушенныя стѣны Колизея—
Остатокъ властнаго когда-то Рима.
Росли деревья на разбитыхъ аркахъ,
Чернѣя въ синей полуночи. Звѣзды
Сквозь трещины руинъ глядѣли, и порой
Далекій лай былъ слышенъ изъ-за Тибра.
Вблизи, въ жилищѣ кесарей, смѣялся
Лишь филинъ; окликъ стражи долеталъ
И замиралъ въ дыханіи тихомъ вѣтра...
Стояли кипарисы за проломомъ
И горизонтъ, казалось, замыкали,
Но отъ стѣны они далеко были...
Въ жилищѣ кесарей ночныя птицы
Беззвучно рѣяли среди вѣтвей
Кустарника, ушедшаго корнями
Подъ древнія и царственные стѣны.
Бурьянъ растетъ гдѣ лавры расцвѣтали...
Но гладиаторовъ кровавый циркъ
Стоитъ еще обломкомъ дивнымъ совершен-
ства,

Гдѣ Цезаря и Августа палаты
Неразличимой грудой камня стали...
И ты все озарялъ, блестящій мѣсяцъ,
Все заливалъ волною нѣжной свѣта;
Она смягчала видъ опустошенья,
Вѣковъ минувшихъ бездну заливала:
Прекрасное такимъ же оставалось,
Прекраснымъ некрасивое казалось,
И все кругомъ—все становилось храмомъ
Для поклоненья древнему величью
Властителей, которые и въ урнахъ
Царятъ надъ мыслями.

Такая жъ ночь!

Какъ странно, что я вспомнилъ это время!
Но я замѣтилъ: мысли убѣгаютъ
Всего скорѣй, когда должны бы стройно
Идти и по порядку другъ за другомъ.

(Входитъ аббатъ).

АББАТЬ.

Прошу простить за мой приходъ вторично,
Но не сердитесь на мое усердіе.
Что есть худого въ немъ, пусть на меня

МАНФРЕДЪ.

духъ.

Упорный смертный,
Такъ вотъ волшебникъ, что хотѣлъ
когда-то
Въ незримый міръ проникнуть вмѣстѣ
съ нами,
Какъ равный намъ; и это онъ, тотъ
самый,
Что въ жизнь свою влюбился—въ ту
жизнь,
Гдѣ бѣдствовалъ.

МАНФРЕДЪ.

Коварный врагъ, ты лжешь!
Уходитъ жизнь моя—я это знаю
И не хочу продлить ее ни мигомъ.
Сражаюсь не со смертью, а съ тобой
И съ ними. Власть свою я приобрѣлъ
Не договоромъ низкимъ съ вашимъ
сонмомъ,
А смѣлостью, наукой, покаяньемъ,
Ночными бдѣньями и силой духа,
Познаньемъ древности, когда земля
Носила рядомъ духовъ и людей
И не дарила вамъ преобладанья.
Я вызываю васъ и силою моей
Гоню васъ прочь, еще смѣясь надъ
вами.

духъ.

Но преступленія твои...

МАНФРЕДЪ.

Что значать
Они для васъ, и развѣ наказанье
Другой преступникъ можетъ налагать!
Ступайте въ адъ. Вы надо мной не властны,
Я это чувствую; твоимъ не буду,—
Я это знаю; но что сдѣлалъ я,
То сдѣлано,—оно внутри меня,
И мукъ моихъ твоя—не увеличить.
Безсмертный духъ самъ носить воздаянье
Въ себѣ за добрыя и злыя мысли,
И въ немъ самомъ начало и конецъ,
Пространство, время. Если чувства въ немъ
Отъ брэннаго свободны, имъ не нужны
Извнѣ цвѣта измѣнчивыхъ явленій;
Духъ поглощенъ блаженствомъ или скорбью
Въ сознаніи того, что совершилъ...
Ты не прельстилъ меня, да и не могъ
Ни обмануть меня, ни сдѣлать жертвой.
Я погубилъ себя, и самъ я создалъ
Свою судьбу на вѣкъ—враги, долой...
Я руку смерти чую, а не вашу.

(Духи исчезаютъ).



... враги, долой.
Я руку смерти чую, а не вашу.

Рис. Вестолъ (Richard Westall, R. A.)
грав. Гизъ (Charles Heath).

АББАТЪ.

Какъ блѣденъ ты. Твои бѣлѣютъ губы,
Въ груди твоей спирается дыханье
И слышенъ хрипъ. Молись, молись же небу
Хоть мысленно, но такъ не умирай.

МАНФРЕДЪ.

Конецъ. Тебя едва-едва я вижу...
Вокругъ меня все вертится. Земля
Какъ будто уплываетъ... Но прощай,
Дай руку.

АББАТЪ.

Холодна. До сердца холодъ
Проникъ. Молись! Молись! Но что съ тобою,
Скажи?

МАНФРЕДЪ.

Старикъ, не трудно умереть.
(Манфредъ умираетъ),

АББАТЪ.

Ушелъ. Душа умчалась въ дальній край...
Куда—подумать страшно; но ушелъ.

Кн. Д. Цертелевъ.

ЖАЛОБА ТАССА.

переводъ Т. Л. Щепкиной-Куперникъ.
съ предисл. М. Н. РОЗАНОВА



Торквато Тассо (Torquato Tasso).

Портретъ кисти Алори (Alessandro Allori, 1535—1607) во Флоренции (Firenze, Galleria Uffizi).



ЖАЛОБА ТАССА.

Байронъ чувствовалъ въ себѣ какое-то прирожденное тяготѣніе къ югу: южное солнце и тепло, южныя яркія краски, южныя пылкія страсти—все это было ему не только крайне симпатично и привлекательно, но и какъ бы сродни. „Кровь у меня южная“—говоритъ онъ въ стихотвореніи, посвященномъ графинѣ Гвиччіоли. Читатель легко согласится съ этимъ заявленіемъ, если припомнить, что Байронъ обладалъ рѣдкимъ по страстности и пылкости темпераментомъ. Неудивительно, что подъ голубымъ нобомъ юга онъ чувствовалъ себя гораздо лучше, чѣмъ среди тумановъ Лондона.

Въ Италіи провелъ Байронъ восемь послѣднихъ лѣтъ своей жизни (1816—1824). Эта страна сдѣлалась его второй родиной. Здѣсь развернулся его талантъ во всей своей шири и мощи, здѣсь написалъ онъ свои величайшія произведенія. Уже при первомъ знакомствѣ Италія совершенно покорила нашего поэта: въ первый годъ своего пребыванія въ ней Байронъ пишетъ четвертую пѣснь „Чайльдъ-Гарольда“, представляющую не что иное, какъ восторженный апофеозъ этой прекрасной страны, ея природы, искусства и литературы.

Во время путешествія въ Римъ, которое дало главное содержаніе этой пѣснѣ, Байронъ посѣтилъ Феррару, старинную столицу герцоговъ д'Эсте,—меценатовъ эпохи Возрожденія. Сюда привлекло его желаніе посмотрѣть ту тюрьму, въ которой въ продолженіе семи лѣтъ томился Торквато Тассо, авторъ прославленной поэмы „Освобожденный Іерусалимъ“ (ср. письмо къ Т. Муру изъ Венеціи 11 апрѣля 1817 г.).

Горячимъ поклонникомъ Тасса былъ Байронъ еще въ Англіи. Въ его библіотекѣ, передъ отъѣздомъ на континентъ, имѣлось цѣлыхъ четыре изданія „Освобожденного Іерусалима“ на итальянскомъ языкѣ. Стихъ

изъ Тассо послужилъ ему эпиграфомъ къ „Корсару“; во второй пѣснѣ „Чайльдъ-Гарольда“, въ поэмахъ „Лара“ и „Паризина“ замѣчаются отголоски внимательнаго изученія итальянскаго поэта.

Представленіе объ Италіи и Римѣ у Байрона такъ же тѣсно было связано съ именемъ пѣвца „Освобожденного Іерусалима“, какъ и у нашего Баратынскаго, мечтавшаго о путешествіи въ „прекрасную Авзонію“:

Небо Италіи, небо Торквата,
Прахъ поэтическій древняго Рима,
Родина нѣги, славой обѣята,
Будешь-ли нѣкогда мпою ты зрима?

Байронъ былъ такимъ же восторженнымъ почитателемъ итальянскаго поэта, какъ и другой нашъ поэтъ—Батюшковъ, прославлявшій Тассо и въ стихахъ, и въ прозѣ. (Стихотворенія „Умиравшій Тассо“, „Посланіе къ Тассу“ и статья: „Аріосто и Тассо“).

Духовнымъ очамъ англійскаго писателя авторъ „Освобожденного Іерусалима“ рисовался въ двойномъ ореолѣ: вдохновеннаго пѣвца и гонимаго судьбою страдальца. Къ пышнымъ поэтическимъ лаврамъ примѣшивались острыя терніи мученическаго вѣнца. Байронъ былъ всегда краснорѣчивымъ ходатаемъ за права человѣческой личности, пламеннымъ защитникомъ угнетенныхъ и страдающихъ, безпощаднымъ врагомъ деспотизма и притѣсненія. Всякое человѣческое существо, по его воззрѣнію, имѣло право на свободу. Всякое насиліе надъ человѣческой личностью его глубоко возмущало. Еще болѣе возмутительнымъ казалось ему насиліе, направленное противъ отмѣченнаго Божьимъ перстомъ избранника, мирнаго служителя музъ, гордость и славу родной страны.

Такое возмутительное насиліе употребилъ герцогъ феррарскій Альфонсъ II по отно-



Такъ называемая Келья Тасса въ госпиталѣ Св. Анны въ Феррарѣ.
(The prison called Tasso's Cell in the hospital of Sant'Anna).

шенію къ пѣвцу „Освобожденнаго Іерусалима“, подвергнувъ его семилѣтнему заключенію среди сумасшедшихъ въ госпиталѣ св. Анны (отъ марта 1579 г. до іюля 1586 г.). Это заключеніе было одиночнымъ и сопровождалось чрезвычайно суровымъ и грубымъ обращеніемъ съ несчастнымъ поэтомъ. Кромѣ черстваго тюремщика, никто не имѣлъ къ нему доступа. Хотя официальнымъ предлогомъ заключенія выставлялось сумасшествіе Тасса, онъ былъ совершенно лишенъ и медицинской помощи. Вступивъ въ тюрьму въ цвѣтущемъ возрастѣ (ему было тогда всего 35 лѣтъ), поэтъ покинулъ ее черезъ семь лѣтъ, почти старикомъ по наружности, съ ослабленнымъ зрѣніемъ и слухомъ и съ признаками начинавшагося развиваться, подъ вліяніемъ всего испытаннаго,—душевнаго недуга.

Психическое состояніе Тасса въ эти томительно-долгіе годы абсолютнаго одиночества было чрезвычайно тяжело. Его письма, опубликованныя Гвасты въ 1853 г., рисуютъ намъ мрачную картину душевной удрученности и подавленности. Всего болѣе угнетаетъ его одиночество, которое онъ называлъ своимъ жесточайшимъ врагомъ („E sovra tutto,—пишетъ онъ въ маѣ 1580 г.—

m'afflige la solitudine, mia crudele e natural nimica“). Онъ теряется въ догадкахъ относительно причины своего несчастья: „Что сдѣлалъ я? Почему я запертъ въ тюрьмѣ? Если я боленъ, то почему же отказываютъ мнѣ во врачѣ и въ духовникѣ? Если меня обвиняютъ въ чемъ-нибудь, то почему же отказываютъ мнѣ въ возможности защиты?“ Напрасно онъ пишетъ трогательныя и убѣдительныя письма къ Альфонсу,—онъ не получаетъ на нихъ никакого отвѣта. Тогда онъ ищетъ прибѣжища въ религіи, начинаетъ считать себя великимъ грѣшникомъ, упрекать за сомнѣнія и колебанія въ вопросахъ католической вѣры — и мало по малу погружается въ бездну мрачнаго мистицизма. Ему начинаютъ слышаться какіе-то таинственные голоса, злой духъ приходитъ искушать его, онъ страдаетъ отъ видѣній и галлюцинацій.

Тюрьма совершенно погубила его чудный поэтический талантъ. Свой невольный досугъ онъ посвящаетъ исключительно разрѣшенію мучащихъ его вопросовъ философіи и религіи и изнываетъ въ безплодныхъ попыткахъ примирить идеи жизнерадостнаго Возрожденія съ суровой догматикой католицизма. Его духъ падаетъ подъ тяжестью

этой задачи. Тассо превращается въ аскета, считаетъ грѣховными всѣ свои поэтическія произведенія и, умирая (въ 1595 г.), завѣщаетъ сжечь „Освобожденный Іерусалимъ“.

Задатки такого печальнаго исхода таились, несомнѣнно, въ самой натурѣ Тассо, натурѣ нѣжно-организованной, нервной, до болѣзненности впечатлительный и легко возбудимой. Сынъ переходной эпохи, живя подъ противорѣчивымъ воздѣйствіемъ послѣднихъ отголосковъ Возрожденія и наступившей, въ противовѣсъ ему, католической реакціи, онъ могъ легко сдѣлаться жертвою культурной борьбы своего времени. Герцогъ Феррарскій усугубилъ тяжесть положенія Тассо, превративъ его также и въ жертву деспотизма, и этимъ нанесъ такой ударъ автору „Освобожденнаго Іерусалима“, отъ котораго онъ уже не могъ поправиться.

До сихъ поръ не вполне выяснены причины, обусловившія такой жестокой образъ дѣйствій Альфонса. Лучшіе біографы Тассо (Cecchi: Torquato Tasso e la vita italiana del secolo XVI, Firenze 1877 и Solerti: Vita di Torquato Tasso, 1895) сходятся лишь въ томъ утвержденіи, что, вопреки преданію, любовь къ сестрѣ герцога—Элеонорѣ—не была такою причиною. Эту прекрасную принцессу Тассо зналъ въ теченіе тринадцати лѣтъ, пользуясь ея дружескимъ расположеніемъ и покровительствомъ. Элеонора была на семь лѣтъ старше поэта, и въ моментъ заключенія его въ тюрьму ей уже было сорокъ два года. Черезъ два года, въ 1581 году, принцесса умерла. Что любовь къ ней Тассо не была причиною его заключенія, видно уже и изъ того, что и послѣ ея смерти это заключеніе продолжалось еще пять лѣтъ.

Тассо палъ жертвою рокового стеченія неблагоприятныхъ для него условій, среди которыхъ немаловажную роль сыграли, и придворныя интриги, опутавшія его сѣтью зависти и злобы, и деспотическія замашки избалованнаго мецената, и собственный неуравновѣшенный характеръ поэта. При дворѣ велась противъ поэта систематическая травля въ родѣ той, которой подвергалъ большой свѣтъ нашего Пушкина. Къ его итальянскому собрату вполне примѣнимы лермонтовскіе стихи:

Не вынесла душа поэта
Повора мелочныхъ обидъ;
Возсталъ онъ противъ мнѣній свѣта
Одинъ, какъ прежде...

„Мелочныя обиды“ больно уязвляли нерв-

ную и болѣзненно впечатлительную натуру Тассо и доводили его до раздраженія, которымъ искусно пользовались его враги, чтобы посорить поэта съ герцогомъ Альфонсомъ. Кромѣ того, своими неосторожными сношеніями съ Медичи и папою Тассо возбуждалъ большое неудовольствіе въ подозрительномъ герцогѣ, увидѣвшемъ въ нихъ чуть ли не измѣну Феррарѣ. Желаніе Тассо отстоять, живя при дворѣ, свою нравственную самостоятельность, его неумѣнье „сгибаться въ перегибъ“ и раболѣпствовать—подлили масла въ огонь. Все это, взятое вмѣстѣ, и привело къ роковому исходу; ссорѣ съ герцогомъ и безжалостному семилѣтнему заключенію въ домѣ сумасшедшихъ.

Всѣ эти сложныя обстоятельства, раскрывшіяся только въ наше время, были совершенно неизвѣстны Байрону, когда онъ въ апрѣлѣ 1817 г., вслѣдъ за посѣщеніемъ Феррары, написалъ свое прочувствованное стихотвореніе. Здѣсь все построено на предположеніи, что причиною долготѣяго заключенія Тассо была любовь его къ принцессѣ Элеонорѣ.

Я не былъ слѣпъ, а ты была прекрасна—
Вотъ почему судьба моя несчастна,—

въ этихъ словахъ Тассо выраженъ основной мотивъ стихотворенія, проведенный съ начала до конца. Байронъ не имѣлъ въ виду освѣтить личность итальянскаго поэта съ культурно-исторической точки зрѣнія, не думалъ выяснитъ ту сложную душевную борьбу, которая выпала на его долю, какъ чуткаго представителя переходной и полной контрастовъ эпохи. Такой цѣли не преслѣдовалъ и Гете въ извѣстной трагедіи „Торквато Тассо“. Нѣмецкій поэтъ далъ лишь тонкій психологическій эскизъ нѣжно-организованной поэтической натуры, страдающей отъ соприкосновенія съ грубою прозою жизни. Байронъ еще болѣе сузилъ свою задачу, ограничившись характеристикой Тассо въ отношеніяхъ его къ любимой женщинѣ.

Элеонорѣ Байронъ приписываетъ такую же роль въ жизни Тассо, какую играли Беатриче и Лаура въ жизни Данта и Петрарки. Его любовь—не минутное упоеніе, не бредъ пылкой крови, а, подобно тому, какъ это было у его предшественниковъ,—явленіе высокаго нравственнаго порядка, исполненное глубины и нѣкотораго мистическаго оттѣнка. Если бы Петрарка потерпѣлъ заключеніе за свою Лауру, то его

ЖАЛОБА ТАССО.

жалобы, вѣроятно, мало бы разнились отъ тѣхъ, которыя англійскій поэтъ влагасть въ уста Тассо.

Хотя Тассо является у Байрона въ нѣсколько одностороннемъ освѣщеніи, но все-таки его „жалоба“ исполнена глубокаго лиризма, искренности и трогательности. Образъ несчастнаго пѣвца, свѣтлый умъ котораго начинается мутиться подъ вліяніемъ семилѣтней пытки одиночнаго заключенія, прочно запечатлѣвается въ памяти читателя.

Подобно шильонскому узнику, Тассо изображается жертвою деспотизма. Какъ на Бонниварѣ, такъ и на пѣвцѣ „Освобожденнаго Іерусалима“ (законченнаго, вопреки Байрону, задолго до заключенія въ тюрьму) авторъ одинаково прослѣживаетъ ужасающую послѣдствія произвола надъ человѣческой личностью: въ шильонскомъ узникѣ тюрьма подавляетъ врожденное стремленіе къ свободѣ, а въ Тассо она убиваетъ его выдающіяся духовныя способности.

Какъ въ „Шильонскомъ узникѣ“ основная мысль подчеркнута въ предшествующемъ поэмѣ сонетѣ, прославляющемъ свободу, такъ „Жалоба Тассо“ заключается апoteозой поэта въ будущемъ, служащей осужденіемъ образа дѣйствій герцога Альфонса:

И перейду къ далекимъ временамъ.
И превращу мою темницу въ храмъ—
И цѣлые народы, поколѣнья
Сюда толпой придутъ на поклоненье.

Этотъ мотивъ еще болѣе развитъ въ нѣсколькихъ строфахъ IV-ой пѣсни „Чайльд-Гарольда“, въ которыхъ Байронъ снова вернулся къ судьбѣ Тассо, клеймя „презрѣнный деспотизмъ“ Альфонса съ новою силою:

Припомнивъ пѣснь, въ ту келью бросьте взоръ,
Куда поэта ввергъ Альфонсъ надменный.
Но угасить не могъ тиранъ презрѣнный
Великій умъ поэта своего
И эту ужасною гееной
Безумія, и Тассо торжество
Прогнало сумракъ тучъ; вокругъ имени его
Хвалы и слезы всѣхъ временъ. Въ забвеньѣ
Межъ тѣмъ исчезла бь память о тебѣ,
Какъ прахъ отцовъ—когда-то самопѣвья
Исполненныхъ, не будь къ его судьбѣ
Причастенъ ты: теперь твои гоненья
Намъ памяты, и герцогскій твой санъ
Съ тебя спадетъ. Будь происхожденія
Иного ты, родился бь ты, тиранъ,
Рабомъ того, кто былъ тебѣ на муки данъ.

„Жалоба Тассо“ вполне гармонируетъ съ общимъ содержаніемъ и настроеніемъ байроновской поэзіи, подчеркивая лишній разъ одну изъ самыхъ выдающихся ея сторонъ—пламенную борьбу за неотъемлемыя права человѣческой личности.

М. Розановъ.





ЖАЛОБА ТАССА.

Въ Феррарѣ, въ библіотекѣ, сохраняются оригинальныя рукописи „Gierusalemо“ Тассо и „Pastor Fido“ Гварини, вмѣстѣ съ письмами Тассо, однимъ письмомъ Тиціана къ Аріосто, а также чернильница и стулъ, гробница и домъ Аріосто. Но такъ какъ несчастье болѣе интересно потомству и почти совершенно не интересуеетъ современниковъ, то камера, въ которой Тассо былъ заключенъ въ госпиталѣ св. Анны, привлекаетъ больше вниманія, чѣмъ домъ и памятникъ Аріосто—по крайней мѣрѣ я это испыталъ на себѣ. Тамъ есть двѣ надписи, одна на наружныхъ воротахъ, вторая надъ самой камерой, вызывая ненужнымъ образомъ изумленіе и негодованіе посѣтителей. Феррара сильно разрушена и мало населена; замокъ еще существуетъ не тронутымъ и я видѣлъ дворъ, гдѣ были обезглавлены Паризина и Гюго, какъ на это указываетъ хроника Гиббона.





ЖАЛОБА ТАССА

I,

О, долгіе года безвинныхъ оскорбленій,
Жестокой клеветы и травли, и тревогъ,
Кто бъ могъ васъ вынести—и кто бъ не изнемогъ?
Вы, вы ослабили неутомимый геній,
Орлиный, гордый духъ и тѣло сына музъ.
Ты, одиночество! Никто мнѣ не поможетъ
Разрушить тяжкій гнетъ твоихъ проклятыхъ узъ.
И душу точно червь неумолимый гложетъ,
И жажда воздуха и свѣта бьется въ ней,
И сердце и томить и сушить—все сильнѣй.
Напрасно солнца лучъ сіяетъ лаской кроткой:
Путь загражденъ ему желѣзною рѣшеткой;
Она гнететъ мой умъ, а рабства призракъ злой
Встаетъ насмѣшливо у двери запертой,
Готовой пропустить черезъ свою преграду
Одинъ лишь свѣтъ дневной—короткую отраду—
Да пишу скудную въ опредѣленный часъ.
Я свой безвкусный кормъ вкушалъ ужъ столько разъ
Наединѣ съ собой, поспѣшно и безгласно,
Что одиночество мнѣ больше не ужасно
Во время трапезы, и я могу теперь
Угрюмо пировать—какъ будто хищный звѣрь,
Въ берлогѣ у себя уединясь унылой,
Что ложемъ служить мнѣ —послужить и могилой.
Все это выше силъ людскихъ. Но и сверхъ силъ
Я долженъ все сносить, какъ до сихъ поръ сносилъ.
И до отчаянья, до полного безсилья
Я не позволилъ-бы унизиться себѣ.
Я создалъ для себя магическія крылья
Съ моей мучительной агоніей въ борьбѣ:
На нихъ я, тѣсную покинувши темницу,
Летѣлъ освобождать Господнюю гробницу;
Я душу изливалъ въ честь Бога моего,
Того, кто укрѣпилъ смятенный духъ, Того,
Кто былъ здѣсь на землѣ и есть на небѣ нынѣ.
Я жилъ межъ радостей Божественной святыни,
И чтобъ страданіемъ прощенье заслужить,
Мой плѣнъ я посвящалъ на то, чтобъ изложить
Какъ завоевана была,—какъ нынѣ чтима
Твердыня вѣчная святынь Іерусалима.

II.

Но это все прошло. Любимый конченъ трудъ.
Другъ долгихъ, долгихъ лѣтъ, мой свѣтъ во мглѣ
темницы:

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ВАЙРОНА.

О, если на его послѣднія страницы
Украдкой капли слезъ горячія падутъ—
То знайте: до сихъ поръ инья всѣ страданья
Ни разу у меня не вызвали рыданья.
Но ты! Мой милый трудъ, дитя моей души!
Ко мнѣ съ улыбкою слетало ты въ тиши,
Забвеніе мнѣ несло и кроткою любовью
Мирило разумъ мой съ ужасною судьбой.
Но ты уходишь прочь,—и счастье за тобой,
И плачу, плачу я, весь истекаю кровью,
И, какъ и безъ того надломленный тростникъ,
Подъ окончательнымъ ударомъ я поникъ.
Тебя ужъ больше нѣтъ. Какъ будутъ дни унылы!
Что остается мнѣ? Какъ вынести страшный гнетъ?
Не знаю!.. Лишь въ себѣ искать я долженъ силы;
И вѣрю—ихъ душа сама въ себѣ найдетъ.
Вѣдь я не палъ еще! Вѣдь я не зналъ позора,
Не зналъ раскаянья: причины нѣтъ къ нему.
Они зовутъ меня безумнымъ... Почему?
Ты не отвѣтишь ли на это, Леонора?..
Да, я безумцемъ былъ, что смѣлъ мои мечты
Поднять до тѣхъ высотъ, гдѣ обитаешь ты;
Но то безуміе лишь сердца—не сознанья.
Я зналъ свою вину; и тяжесть наказанья
Я чувствую вполнѣ, хотъ и не палъ подъ ней.
Увы! Я не былъ слѣпъ, а ты была прекрасна,
И въ этомъ весь мой грѣхъ, наказанный ужасно,
Замкнувшій жизнь мою навѣки отъ людей.
Но пусть они меня терзаютъ какъ угодно:
Знай, сердце все жъ тебя любить всегда свободно!
Счастливая любовь—та можетъ до конца
Спокойно догорѣть, дойти до пресыщенья;
Несчастные—вѣрны: всѣ чувства, ощущенья
Внѣ чувства одного теряютъ ихъ сердца.
У нихъ въ душѣ царитъ одна любовь навѣки,
Какъ льются въ океанъ сверкающія рѣки,
Такъ въ ней теряется иныхъ страстей волна;
Ея бездонная безбрежна глубина!...

III.

Чу! Слышу дикій крикъ, протяжный и безумный,
Плѣненныхъ душъ и тѣлъ. Сильнѣй! Свистятъ бичи...
И вой... и богохульствъ безсвязныхъ ропотъ шумный...
Но здѣсь есть худшіе безумцы: палачи;
Они терзаютъ умъ, измученный несчастьемъ,
Ненужной пыткой съ какимъ то сладострастьемъ,
И затемняютъ ей послѣдній жалкій свѣтъ,
Мерцающій въ душѣ. Для ихъ жестокой воли
Восторгъ—усугублять тоску и ужасъ боли.
И я—среди ихъ жертвъ! И мнѣ спасенья нѣтъ,
Въ хаосъ этихъ лицъ и страшныхъ звуковъ—годы
Мучительно пройдутъ, мнѣ не узнать свободы,
И здѣсь окончится погибшей жизни путь...
О, если-бы скорѣй! я жажду отдохнуть.

IV.

Я терпѣливымъ былъ: молю, еще терпѣнья!
 Я позабылъ—не все, чему просилъ забвенья,
 И прошлое живетъ. Иль рокъ не повелить,
 Чтобъ сталъ забывчивъ я настолькоъ-жъ какъ забыть?
 Но есть-ли гнѣвъ въ душѣ къ тѣмъ людямъ, чье ве-
 лѣнье

Меня въ обитель слезъ повергнуло на вѣкъ
 Въ огромный лазаретъ, гдѣ умъ ужъ не мышление,
 Гдѣ каждый человѣкъ уже не человѣкъ,
 Гдѣ слово ужъ не рѣчь, а смѣхъ ужъ не веселье,
 Гдѣ крики ужаса и вой со всѣхъ сторонъ,
 Отвѣтъ удару вопль, отвѣтъ проклятью—стонъ,
 И каждый терпитъ адъ въ своей отдѣльной кельѣ:
 Насъ цѣлая толпа, но одиноки мы,
 Насъ дѣлитъ камень стѣны; и всѣ углы тюрьмы
 Звучатъ, и эхо шлють безумія и бреда.
 И могутъ слышать всѣ зловѣщій вой сосѣда,
 И слышать—но никто не слушаетъ вокругъ.
 Никто! Одинъ лишь тотъ, поистинѣ несчастный,
 Тотъ, кто не созданъ быть средь этой тьмы ужасной,
 Кого не оковалъ безумія недугъ!
 Но есть-ли гнѣвъ въ душѣ къ виновникамъ мученья,
 Подвергнувшимъ меня всей пыткѣ заточенья,
 Унижившимъ меня во мнѣніи людей,
 Къ тѣмъ, кто разбилъ навѣкъ надежды жизни всей
 И сдѣлалъ мысль мою источникомъ боязни?
 Хотѣлъ-бы я отмстить за ужасъ этой казни
 И познакомить ихъ съ щемящею тоской,
 Съ тѣмъ, что такое стонъ душевной тайной боли,
 Борьбою добытый искусственный покой,
 И то холодное отчаянье неволи,
 Что подрывается подъ стойкость нашихъ силъ.
 О, нѣтъ! Я слишкомъ гордъ, чтобы мечтать о мщенъѣ.
 Своимъ мучителямъ я даровалъ прощенье
 И лишь о смерти бѣ я судьбу теперь просилъ.
 Ты, князя моего сестра, о, Леонора,
 Ему изъ-за тебя я не пошлю укора.
 Во мнѣ проклятъ нѣтъ—изъ-за одной тебя,
 Съ тѣхъ поръ, какъ о тебѣ мечтаю я, любя—
 Изъ сердца моего изгналъ я злобу смѣло:
 Ей гостей тамъ не быть, гдѣ ты царишь всецѣло.
 Твой братъ мой злѣйшій врагъ—прощаю я врагу,
 Хоть не жалѣешь ты—забыть я не могу.

V.

Смотри! Не уступивъ отчаянья порывамъ,
 Неугасимую любовь къ тебѣ мою,
 Часть лучшую души, такъ глубоко таю
 Я въ сердцѣ замкнутомъ и вѣчно молчаливомъ,
 Какъ тучи грозовой таинственная мгла
 Скрываетъ молнію въ своемъ покровѣ свитомъ,
 Пока не вылетитъ воздушная стрѣла—
 Такъ и при имени твоёмъ не позабытомъ
 Пронзитъ живая мысль мое все существо,

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ВАЙРОНА.

На мигъ прошедшее передо мною встанетъ,
Потомъ—исчезнетъ вдругъ, растаетъ и обманетъ,
А я... все тотъ-же я, хотъ больше нѣтъ его!
И все-жъ, моя любовь чужда была надеждѣ,
Какъ вѣдаю теперь, такъ понималъ и прежде
Мое ничтожество и твой высокій санъ;
Я вѣдалъ, что не мнѣ блаженный жребій данъ,
И что любовь принцессъ—поэту недоступна.
Да, страсть моя была бѣ безумна и преступна,
Когда бы словомъ я иль вздохомъ хотъ на мигъ
Могъ выдать эту страсть. Но я душой постигъ,
Что въ отреченіи—безмѣрная отрада.
Моя любовь была сама себѣ награда,
Жила сама въ себѣ. А если я не разъ
И выдавалъ себя нѣмою рѣчью взгляда,
То я наказанъ былъ молчаньемъ милыхъ глазъ.
И все же не горѣлъ страданьемъ и томленьемъ;
Ты мнѣ Святынею божественной была,
Хранимой отъ меня прозрачностью стекла,
Я обожалъ ее съ нѣмымъ благоговѣньемъ,
Благословлялъ ее, слезами обливалъ,
И тихо вкругъ нея я землю цѣловалъ.
Не потому, что ты была принцессой знатной.
Нѣтъ! Но сама любовь рукою благодатной
Тебя обвѣяла сіяніемъ святой
И облекла тебя такою красотой,
Что поражаетъ насъ—не страхомъ, но невольнымъ
Благоговѣніемъ восторгомъ богомольнымъ,
Достойнымъ лишь того, кто въ небесахъ царить.
Въ той дивной строгости для сердца что-то было,
Что прелесть нѣжности земной превосходило.
Не знаю, почему моя звѣзда горитъ
Недвижно предъ твоей. Ты духъ мой побѣдила.
Хотъ бѣ и дерзостью любить безъ цѣли было,
Мнѣ стоилъ дорого печальный жребій мой,
Но ты—дороже мнѣ! И я мирюсь съ тюрьмой,
И за тебя готовъ на всѣ мои мученья.
Та самая любовь, что страшной цѣпи звенья
Сковала для меня—и облегчаетъ ихъ
И силу мнѣ даетъ нести мой гнетъ смертельный,
И побѣждать тоску унылыхъ дней моихъ,
И на тебя взирать душою нераздѣльной.

VI.

Но въ этомъ чуда нѣтъ. Ужъ съ первыхъ дѣтскихъ
лѣтъ

Моя душа была опьянена любовью.
Она съ младенчества склонялась къ изголовью
И въ душу мнѣ лила свой благодатный свѣтъ.
Я смѣшивалъ ее со всѣмъ, что видѣлъ въ мірѣ:
Въ бездушной вещи я—какъ въ дорогомъ кумирѣ —
Умѣлъ ее найти. Изъ мрачныхъ, дикихъ скалъ,
Гдѣ дикіе цвѣты взростали одиноко
И гдѣ часами я, задумавшись глубоко,
Въ сквозной тѣни деревъ трепещущихъ лежалъ,
Мечтая, создавалъ себѣ я—кущи рая.



ЭЛЕОНОРА Д'ЭСТЕ (Eleonora d'Este).

Рис. Стоунъ (F. Stone), грав. Райолъ (H. T. Ryall).

Смотрѣли мудрецы и, надо мной качая
Главами бѣлыми, твердили, что меня
Одно лишь горе ждетъ, что плохо общаю
Я кончить жизнь и что подобному лѣнтяю
Наука лишь—битье... И, въ сердцахъ ихъ кляня,
Не плакалъ все-же я; молчалъ, снося удары,
И вновь скрывался я, и плакалъ ужъ одинъ—
И снова ждалъ, пока моихъ мечтаній чары
Не встанутъ предо мной, какъ дивный рядъ картинъ.
Шли годы. И душа познала трепетъ странный
И сладкую тоску... И охватилъ меня
Восторгъ одной мечты, неясной и туманной,
Неясной только лишь до памятнаго дня,

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ ВАЙРОНА.

Когда я понялъ все—и сердцу вдругъ открылось,
Зачѣмъ оно въ груди до той минуты билось,
И то чего искалъ, что звали всѣ мечты—
Явилось наконецъ: да—мнѣ явилась ты.
Съ тѣхъ поръ утратилъ я свое существованье,
Чтобъ слить его съ твоимъ, и жилъ въ очарованьи;
Вселенной не было ужъ больше предо мной:
Твой образъ заслонилъ отъ глазъ весь міръ иной.

VII.

Да, одиночество мнѣ было прежде мило.
Но Боже! Зналъ-ли я, что приведется мнѣ
Извѣдать власть его навѣки и вполне?
Проклятіе меня отъ жизни отдѣлило;
Все общество мое—безумецъ иль палачъ!
Будь я подобенъ имъ, подкошенные силы
Меня бы довели давно ужъ до могилы.
Но кто слыхалъ мой бредъ, кто подсмотрѣлъ мой плачъ?
Хоть здѣсь я и терплю ужаснѣе мученья,
Чѣмъ погибающій въ борьбѣ съ волной морякъ.
Тамъ передъ нимъ—весь міръ; мой міръ—вотъ этотъ
мракъ

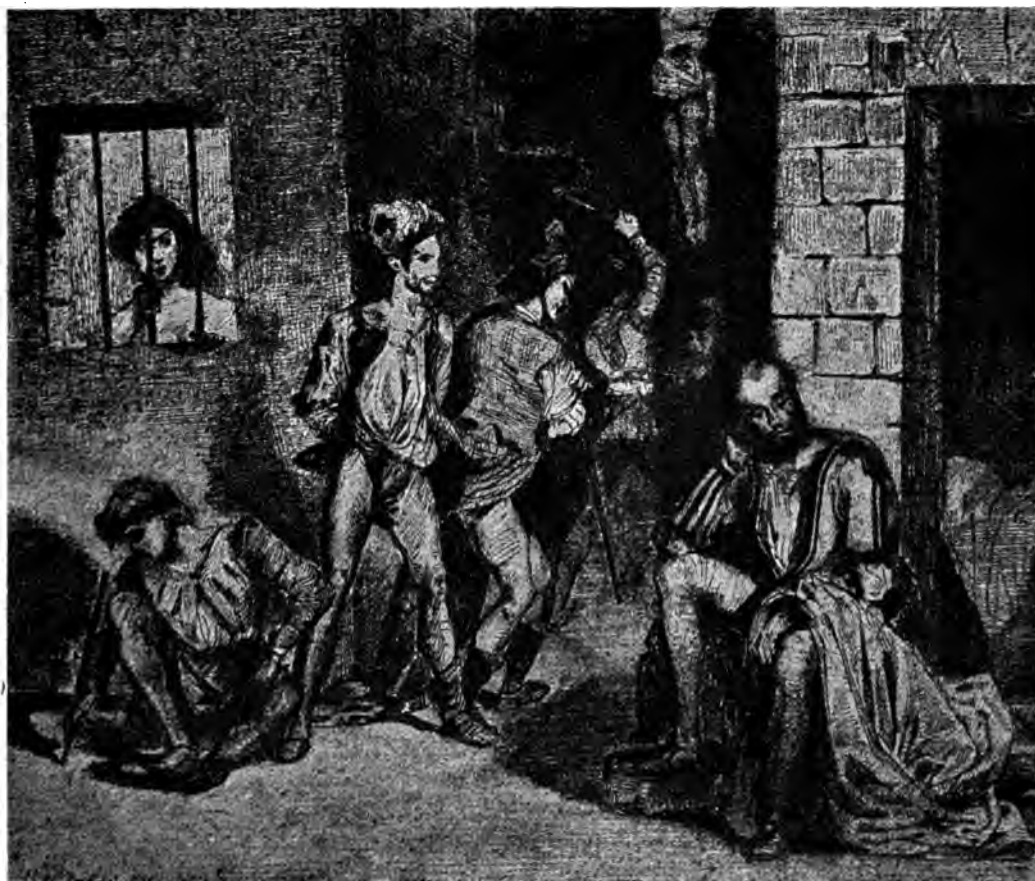
Да келья тѣсная и ужасъ заточенья
Въ пространствѣ лишь едва двойной величины,
Чѣмъ то, что мнѣ они для гроба дать должны;
Онъ гибнетъ—но вокругъ все вольно, все широко,
И можетъ къ небесамъ поднять онъ взоръ упрека.
Но у меня въ душѣ упрека небу нѣтъ,
Хоть тѣнь темничныхъ стѣнъ мнѣ застилаетъ свѣтъ.

VIII.

И все жъ я чувствую день ото дня невольно,
Слабѣть разумъ мой—хоть и не гибнетъ, нѣтъ;
Я вижу иногда какой то чудный свѣтъ
И духа страннаго, что дѣлаетъ мнѣ больно:
Страданья мелкія, насмѣшки, пустяки,
Что были бы ничѣмъ—здоровымъ и свободнымъ,
Но страшныя для тѣхъ, кто гибнетъ средь тоски;
Боль въ сердцѣ... Тѣснота во мракѣ безысходномъ...
Страшна мнѣ до сихъ поръ вражда людей была,
Но могутъ съ ними вѣдь сплотиться духи зла.
Покинутый землей и небомъ позабытый
Я больше не покрытъ Его святой защитой,
И можетъ быть теперь, напавъ изъ-за угла,
Творенье жалкое погубить сила зла!
За что-же закалять мой духъ въ такой печали,
Какъ въ пламени горнилъ упругость твердой стали?
За то, что я любилъ то, что не смѣлъ? Любилъ,
Что видѣть, не любя, превыше смертныхъ силъ?...

IX.

Давно-ли пламя чувствъ въ душѣ моей пылало
Со всею яркостью? То время миновало,
И раны, мнится мнѣ, безчувственны мои.
Иначе-бъ я давно разбилъ свой мозгъ несчастный
О прутья крѣпкіе рѣшетки той ужасной,



ТАССО СРЕДИ СУМАСШЕДШИХЪ (Le Tasse dans la maison des fous).

Рисунокъ карандашомъ Ежени Делакруа (Eugène Delacroix).

Когда свѣтъ солнца льетъ сквозь нихъ свои струи,
 Съ насмѣшкой горькою.—Но если всѣ мученья,
 Какихъ не высказать, сношу я и молчу,—
 То это потому, что смерти не хочу
 И что навѣты всѣ, и ложь, и обвиненья.
 Повергшия меня во мракъ тюрьмы моей,
 Самоубійствомъ я-бъ лишь подтвердилъ скорѣй.
 Я клевету-бъ еще унижилъ состраданиемъ
 И припечаталъ-бы тѣмъ самымъ навсегда
 Безумье къ памяти моей клеймомъ стыда.
 О нѣтъ! Безсмертіе—удѣлъ моимъ страданьямъ;
 Изъ мрачныхъ стѣнъ тюрьмы отнынѣ я создамъ
 На поклоненіе народамъ—свѣтлый храмъ.
 И ты разрушишься, бездушная Феррара,
 Тронъ герцогскій падетъ, тебя постигнетъ кара,
 И гордые дворцы разсыплются во прахъ,
 И будетъ пустота въ разрушенныхъ стѣнахъ.—
 Но лишь одно тогда беречь ты будешь свято:
 Вънецъ единый твой—безсмертный лавръ Торквато,

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ВАЙРОНА.

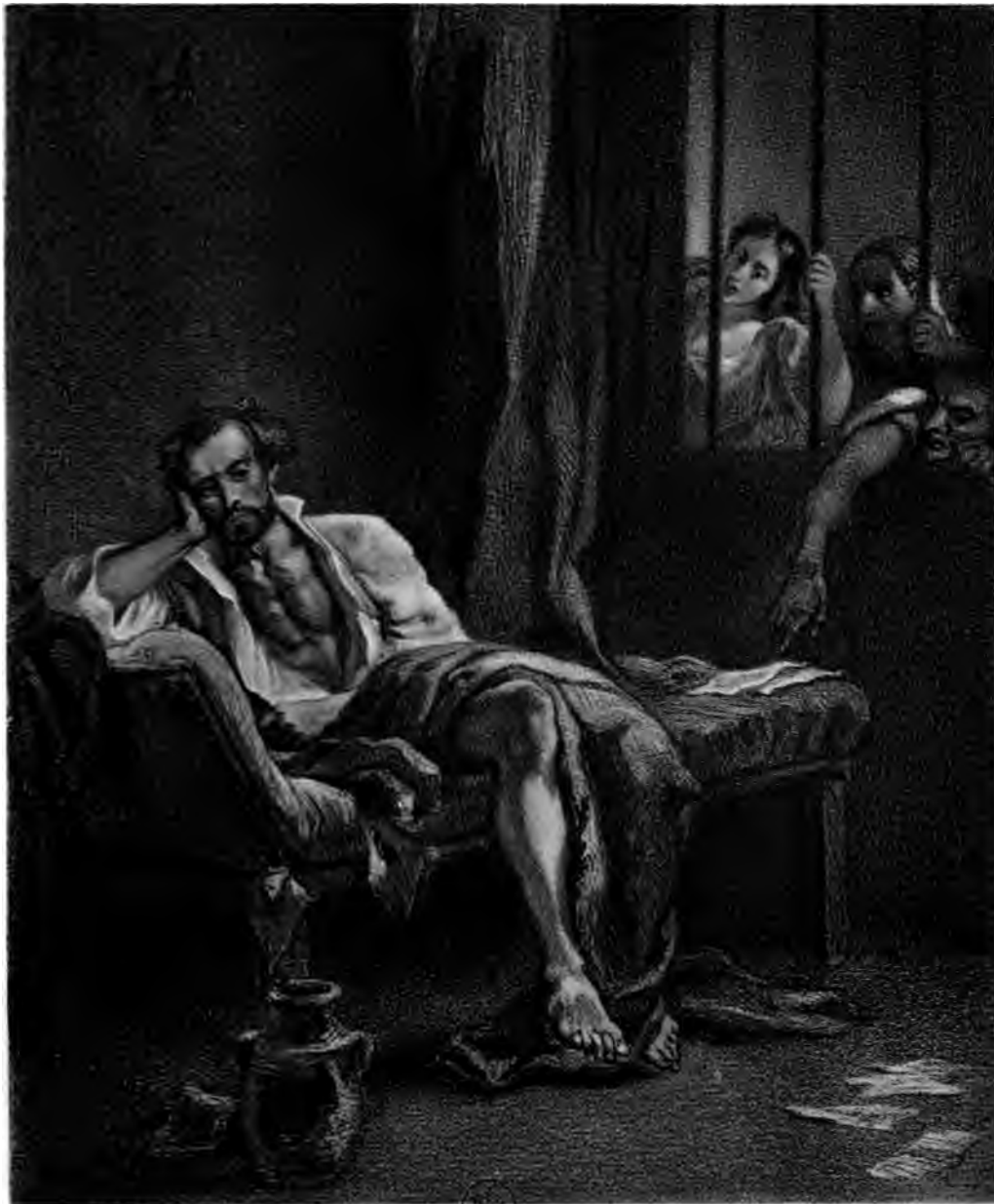
И славу лучшую—останки этихъ стѣнъ,
Гдѣ выстрадалъ пѣвецъ свой безпримѣрный плѣнъ.
Такъ будетъ—знаю я. И ты, о Леонора,
И ты, краснѣвшая, поднять не смѣя взора,
При мысли, что тебя любилъ простой поэтъ,
Не вѣнчанный монархъ—ступай! Повѣдай брату,
Что сердце бѣдное, склоняясь къ закату,
Не измѣнилось отъ горя долгихъ лѣтъ,
Отъ зараженія берлоги смрадной ядомъ,
Гдѣ и сама душа гнѣетъ совмѣстно съ адомъ
(Хоть это жаждалъ онъ прибавить мнѣ пятно).
Нѣтъ! Все еще тебя боготворить оно.
Скажи ему еще: когда, покорны власти
Сѣдого времени, предъ нимъ склонятся ницъ
Твердыни башенъ тѣхъ зубчатыхъ и бойницъ,
Что нынѣ стерегутъ часы забавъ и страсти
И плясокъ, и пировъ, и сладостнаго сна—
Когда покинутъ ихъ во мракъ безъ призора,
Навѣкъ останется святынею одна
Тюрьма, гдѣ я томлюсь! А ты, о Леонора,
Когда исчезнетъ все, чѣмъ обладаешь ты—
Дары рожденія и чары красоты,
Тогда я раздѣлю съ тобой тѣхъ лавровъ славу,
Что осыплетъ мой гробъ—они твои по праву.
Когда обниметъ насъ могильный вѣчный сонъ—
Никто ужъ нашихъ двухъ не раздѣлитъ именъ,
Какъ въ жизни власть ничья не въ силахъ вырвать
грозно
Изъ сердца моего небесный образъ твой.
Да, Леонора,—такъ навѣки насъ съ тобой
Судьба соединить,—но горе! слишкомъ поздно.

Т. Щепкина-Куперникъ.





ТАССЪ ВЪ ТЕМНИЦѢ.
(Le Tasse dans la prison des fous).
Картина Деметриоса (Евгения) Власова.





Б Е П П О.

„Беппо“, небольшая, шаловливо-граціозная поэма, которой самъ поэтъ не придавалъ серьезнаго значенія, занимаетъ тѣмъ не менѣе почетное мѣсто въ исторіи байроновскаго творчества.

Эта поэма была поворотнымъ пунктомъ къ тому направленію, которое Эльце окрестилъ названіемъ „сатирико-нигилистическаго“. Когда 28 февраля 1818 года *) „венеціанская повѣсть“, написанная еще въ октябрѣ 1817 г. [12 октября 1817 года Байронъ упоминаетъ **) о написанной имъ юмористической поэмѣ изъ 84 стансовъ, очевидно остальные 15 строфъ были прибавлены позднѣе ***)] появилась въ печати, для всѣхъ, кто внимательно слѣдилъ за развитіемъ поэта, стало ясно, что „міровая скорбь“, необузданная романтическая фантазія восточныхъ поэмъ и таинственный „демонизмъ“ далеко не исчерпываютъ содержанія байроновской поэзіи. Замѣчательно, что „Беппо“ былъ написанъ между „Манфредомъ“ и IV пѣснью Чайльдъ-Гарольда: среди стиховъ, звучавшихъ похоронной пѣснью земнымъ радостямъ и тревогамъ, писались строфы, полныя смѣха и заразительнаго веселья, среди героевъ, звавшихся къ отреченію отъ земли, тоскующихъ и грезящихъ о несбыточныхъ идеалахъ, появились причудливыя фигуры въ „маскахъ клоуновъ и арлекиновъ“, въ нарядахъ „всѣхъ временъ и народовъ“, кружащіеся подъ веселые звуки гитары, этой традиціонной спутницы венеціанскаго карнавала! Одинъ нѣмецкій критикъ (K. Bleibtreu: „Byron der Uebermensch“) назвалъ „Беппо“ подготовкой къ „Донъ-Жуану“ и замѣтилъ, что каждое произведеніе Байрона какъ-бы выросло изъ предыдущаго съ удивительной послѣдовательностью. И дѣйствительно, въ

то время какъ въ „Манфредѣ“ и въ заключительной пѣснѣ „Чайльдъ-Гарольда“ грустные мотивы, звучавшіе тихо въ восточныхъ поэмахъ, слились въ могучую скорбную мелодію,—въ это время „Беппо“ отразилъ въ себѣ проблески новыхъ интересовъ и стремленій поэта, нашедшихъ вскорѣ такое полное и гениальное выраженіе въ „Донъ-Жуанѣ“.

Нѣтъ сомнѣнія, что Байронъ, такъ легко проникавшійся каждымъ твореніемъ поэтического генія и съ такимъ интересомъ изучавшій итальянскую литературу, въ ея богатой комической поэзіи нашелъ краски и образы для своего перваго крупнаго юмористическаго произведенія. Изъ итальянскихъ писателей наибольшее вліяніе на Байрона оказалъ, вѣроятно, Пульчи; какъ извѣстно, Байронъ даже перевелъ часть его Morgante Maggiore. Даже у себя на родинѣ Байронъ не былъ первымъ творцомъ того комическаго жанра, образцомъ котораго является „Беппо“. Въ коварныхъ продѣлкахъ, жертвой которыхъ становится Фальстафъ, или въ шуткахъ, которыя устраиваютъ слуги Оливіи надъ одураченнымъ гордецомъ Мальволио, можно усмотрѣть отраженіе того же своеобразнаго легкомыслія, той же скрытой ненависти къ лицемѣрному англійскому пуризму, которыя водили и перомъ автора „Беппо“. Поэтъ чувствовалъ эту связь, соединявшую его первое произведеніе въ новомъ жанрѣ съ бытовыми, сатирическими и комически-любовными сценами шекспировскихъ комедій, и эпиграфомъ къ „Беппо“ выбралъ слова изъ комедіи „As you like it“. Приступая къ изображенію Лауры, Байронъ вспоминаетъ, что Шекспиръ уже нарисовалъ подобный типъ въ Дездемонѣ. Наконецъ, Байронъ самъ назвалъ одинъ изъ литературныхъ источниковъ, который вдохновилъ его при созданіи поэмы. Его соотечественникъ Джонъ Фриръ (John Hookham Frere) подъ псевдонимомъ Whistlecraft'a напечаталъ остроумную пародію на легенды о королѣ

*) Letters and Journals Vol. IV, стр. 173, прим. 2. Lond. 1900.

**) To John Murray 12 окт. 1817. Letters and Journals Vol. IV. Lond. 1900, стр. 173.

***) Въ письмѣ отъ 23 окт. 1817 г. Байронъ уже говоритъ о Беппо, какъ о story in 89 stanzas. Let. and Jour. Vol. IV. стр. 176.

Артуръ *). Она появилась не задолго до „Беппо“ и такъ понравилась Байрону, что онъ взялъ ее за образецъ **).

Великіе подражатели всегда затмевали оригиналы, которыми они пользовались. Трагедіи Шекспира стали достояніемъ всего міра; хроники, изъ которыхъ онъ черпалъ сюжеты, извѣстны только специалистамъ. Имя Уистлькрафта давно забыто, „Беппо“ переведенъ на всѣ языки. Несомнѣнно, что литературные источники не могли послужить единственнымъ матеріаломъ для этой драгоценной бездѣлки. Жизнь, живая дѣйствительность была главнымъ источникомъ поэта. Извѣстно, что Италія расширила кругозоръ поэта. Здѣсь его опьяненіе радостями и наслажденіями жизни достигло апогея, но здѣсь же началось и серьезное увлеченіе поэта политическими и социальными вопросами, здѣсь онъ вступилъ въ сношенія съ карбонаріями.—„Венеція и я подошли другъ къ другу какъ нельзя лучше“, пишетъ Байронъ ***) вскорѣ по пріѣздѣ въ этотъ городъ, пребываніе въ которомъ ненавистники Байрона считаютъ особенно печальнымъ періодомъ въ жизни его: періодомъ распущенности и нравственного „паденія“ поэта. Какіе нравы нашелъ Байронъ въ Венеціи, видно изъ слѣдующихъ строкъ: „женщина, по здѣшнимъ правиламъ, считается добродѣтельной, если у нея кромѣ мужа только одинъ любовникъ; если ихъ два, три и больше, то женщину находятъ немного своевольной (*a little wild*) ****).

Поэтъ отдался венеціанскому веселью со всѣмъ свойственнымъ ему увлеченіемъ. Но стоитъ внимательно перечестъ письма, относящаяся къ венеціанскому періоду, и не трудно убѣдиться, что среди кутежей, которые принято изображать въ преувеличенно мрачномъ свѣтѣ, Байронъ не переставалъ быть тонкимъ наблюдателемъ и оригинальнымъ мыслителемъ. Никогда онъ не работалъ и не думалъ такъ много. Его письма къ издателю (1816—1818 гг.) *****) наполнены сообщеніями о новыхъ литера-

турныхъ планахъ и замыслахъ, объ оканчиваемыхъ работахъ, о сомнѣніяхъ поэта по поводу законченныхъ произведеній.

„Беппо“ самый характерный продуктъ венеціанскаго періода жизни поэта. И неподдѣльное увлеченіе жизнью, и болѣе глубокой интересъ къ ней, начало вдумчиваго отношенія къ вопросамъ, занимавшимъ передовое общество Европы, словомъ, все, что дала поэту Италія, нашло здѣсь свое отраженіе.

Самъ Байронъ, какъ мы уже замѣтили, не придавалъ особенно серьезнаго значенія своему произведенію. Однако, посылая поэму своему издателю и увѣдомляя его, что эта юмористическая повѣсть основана на венеціанскомъ анекдотѣ, онъ замѣтилъ, что въ ней есть „политика и драма“. И въ этихъ двухъ словахъ поэтъ прекрасно опредѣлилъ отличительныя черты своей поэмы. Она полна драматическаго движенія; въ ней бьется пульсъ современной жизни и среди шутокъ не разъ слышенъ голосъ серьезной социальной и политической сатиры.

Сюжетъ поэмы чрезвычайно несложенъ. Купецъ Джузеппе, или просто Беппо, ведшій морскую торговлю, часто отлучался изъ дому и однажды совсѣмъ исчезъ; долго горевала его одинокая жена и наконецъ рѣшила прибѣгнуть къ помощи „вице-мужа“ (*vice-husband*), котораго завела „главнымъ образомъ для защиты“. Лаура и графъ, щедрый кутила и изящный законодатель модъ, прожили много лѣтъ, счастливые и довольные другъ другомъ. Но вотъ во время блестящаго карнавала, гдѣ появленіе красивой и нарядной Лауры было встрѣчено восторженнымъ шопотомъ мужчинъ и завистливыми взглядами женщинъ, графъ и его возлюбленная обратили вниманіе на незнакомца, одѣтаго туркомъ и не спускавшаго глазъ съ Лауры. Незнакомецъ оказывается мужемъ Лауры. Онъ попалъ въ плѣнъ къ туркамъ, затѣмъ сталъ пиратомъ, разбогатѣлъ и вернулся домой. Въ Венеціи, странѣ счастья и веселья, въ странѣ легкихъ нравовъ и чудной природы, нѣтъ мѣста трагедіи и кровавой развязкѣ. Измѣнница-жена встрѣчаетъ мужа какъ ни въ чемъ не бывало, расспрашиваетъ его о приключеніяхъ; графъ ссужаетъ его на первое время своимъ платьемъ, такъ какъ не удобно же ему появляться въ костюмѣ турка; графъ и Беппо становятся навсегда друзьями, и въ домѣ водворяется миръ и согласіе.

На этой простой канвѣ геній поэта вышилъ роскошные, причудливо-яркіе узоры.

*) Prospectus and Specimen of an intended National Work, by W. and R. W., of Stomarket, in Suffolk, Harness and Collar Makers. Canto I and II, Lon., 1817. III and IV 1818. Cp. *Lord Byron* von Richard Ackermann, стр. 106.

**) «У мистера Уистлькрафта нѣтъ болѣе ревностнаго поклонника, чѣмъ я». To John Murray. Venic. October 23. 1817.

***.) To John Murray. Jan. 2. 1817

****.) Letters and Jour. Vol. IV, стр. 40.

*****.) Lett. and Journals Vol. IV, стр. 42, 52, 53, 85 и т. д.

Реализмъ и протестъ противъ соціальной и нравственной неправды шли въ началѣ XIX вѣка часто рука объ руку. Переходя отъ романтическихъ грезъ и разочарованія къ изображенію дѣйствительности, литература серьезнѣе всматривалась въ жизнь, и правдивое изображеніе послѣдней стало могучимъ орудіемъ бичеванія соціальныхъ не порядковъ и политическаго гнета. Реализмъ и сатира—главныя достоинства „Беппо“.

Вспомнимъ Чайльдъ-Гарольда или Лару. Это—романтическіе герои; они внѣ времени и пространства; ихъ прошлое окутано мракомъ; они почти не соприкасаются съ дѣйствительностью; прикосновеніе жизни уничтожило бы ихъ обаяніе, величіе ихъ демоническихъ; образовъ, свело бы ихъ съ пьедесталовъ; они возвышаются надъ пошлостью житейской прозы, надъ людскими дрязгами; мы не видимъ ихъ въ семьѣ, среди близкихъ, среди обыденныхъ заботъ. Взгляните теперь на героевъ венеціанской повѣсти. Они прикрѣплены къ мѣсту и времени; они являются передъ нами не на снѣжныхъ вершинахъ Альпъ, какъ Манфредъ, не на безконечной глади океана, какъ Чайльдъ-Гарольдъ. Мы видимъ Беппо скучающимъ въ карантинѣ, гдѣ возвращающихся издалека моряковъ держатъ по сорока дней; авторъ сообщаетъ даже названіе города, съ которымъ велъ торговлю Беппо. Въмѣсто таинственнаго Чайльдъ-Гарольда, о которомъ извѣстно только, что онъ принадлежалъ къ знатному роду, предъ нами въ лицѣ любовника Лауры, этого vice-husband'a Беппо, типичная и яркая фигура великосвѣтскаго франта. Онъ прекрасно говоритъ по французски и тоскански; онъ завсегдатя театровъ; къ его мнѣнію прислушиваются; фальшивая нота не могла ускользнуть отъ его слуха; сердце примадонны трепетало отъ страха, когда она замѣчала неодобреніе на его лицѣ. Его образованіе было свѣтскимъ и дилетантскимъ. Трудно, взирая на портретъ графа, не вспомнить безсмертный перечень познаній Онѣгина:

Онъ по французски совершенно
Могъ изъясняться и писать,
Легко мазурку танцевать
И кланялся непринужденно...
Имѣлъ онъ счастливый талантъ
Безъ принужденія въ разговорѣ
Коснуться до всего слегка,
Съ ученымъ видомъ знатока
Хранить молчанье въ важномъ спорѣ.

И возбуждать улыбку дамъ
Огнемъ лежанныхъ эпиграммъ.

Развѣ не его прототипъ воскресаетъ передъ нами въ строфахъ XXXI—XXXIII?

Пространство, отдѣляющее Венецію отъ Петербурга, не мѣшало свѣтскому обществу той и другого выработать почти тождественную образовательную программу для модныхъ франтовъ. Объ Онѣгинѣ и „свѣтъ рѣшилъ, что онъ уменъ и очень милъ“. Графъ тоже считался въ своемъ кругу „perfect cavaliero“.

Лаура по яркости одинъ изъ очаровательнѣйшихъ женскихъ образовъ, созданныхъ Байрономъ. Туманный образъ Астарты, контуры котораго едва выступали изъ окутывавшей его романтической дымки, героини восточныхъ поэмъ, обаятельныя, но далекія и чуждыя европейскому обществу, даже Гаиде и Мирра, обрисованныя болѣе реальными, но все же неожиданными красками,—какой контрастъ представляютъ онѣ съ Лаурой, чувства которой такъ просты и понятны. Это—истая итальянка, отдающаяся во власть настроеній, быстро переходящая отъ впечатлѣній къ впечатлѣнію. Грустная, томимая тревожными предчувствіями, разстается она съ мужемъ; но ея сердце не выноситъ одиночества и ожиданія, и она со всей страстью отдается новому возлюбленному. Она не молодая, но время щадитъ ее и ея красота остается все такой же привлекательной; она умѣетъ вознаграждать недостатокъ юности: какъ эффектно ея появленіе на карнавалѣ, какъ умѣетъ она разливать счастье вокругъ одной своей сіяющей улыбкой, сколько вкуса въ ея нарядѣ, сколько чарующей силы въ нѣжныхъ лукавыхъ взглядахъ, сколько презрѣнія въ ея взорѣ, когда она замѣчаетъ безвкусное платье какой-нибудь дамы! Она владѣетъ собою и умѣетъ быть коварной, какъ истинная куртизанка.

Смущеніе овладѣваетъ ею при видѣ вернушагося мужа; но мгновенье — и она уже овладѣла собою, и слышится такой естественный, такой милый наивный лепетъ:

Въ чужой странѣ ты не жепился ль снова?
Ужель тамъ дамы пальцами ѣдятъ?
Какъ шаль твоя красива! мнѣ обновой
Ты дай ее. Вамъ правда ль не велятъ
Свинины ѣсть? Съ страной сроднившись
новой,
Какъ могъ ты пропадать въ ней столько
лѣтъ?
Ахъ, какъ ты желтъ! Болѣли ль это слѣды-

Обрей бороду (жизнь этого подарка
Не откажи). Тебѣ она нейдетъ,
Къ чему она? у насъ вѣдь климатъ жаркій...
Какъ вынесла я времени полетъ и т. д.

Говоря о Пушкинѣ, какъ о подражателѣ Байрона, мы всегда имѣемъ въ виду, главнымъ образомъ, раннія поэмы нашего поэта. Но развѣ добродушныя насмѣшки надъ женской добродѣтелью въ „Нулинѣ“ не напоминаютъ разсужденія о венеціанскихъ дамахъ въ „Беппо“? Развѣ Нулинъ съ „запасомъ фраговъ и жилетовъ“, завсегдатай театровъ, знатокъ дамскихъ модъ и модныхъ поэтовъ, не двойникъ возлюбленнаго Лауры? Развѣ смѣхъ Лидина и дружба Беппо съ графомъ не представляютъ собою однородной развязки? Развѣ остроумная болтовня отъ лица поэта въ отступленіяхъ „Евгенія Онѣгина“ и „Домика въ Коломнѣ“ не походятъ по тону и настроенію на таковую же въ „Беппо“ и „Донъ-Жуанъ“ и развѣ въ этихъ отступленіяхъ у обоихъ поэтовъ не скрыты за легкомысленной формой самыя серьезныя и глубокія мысли?

Эти послѣднія составляютъ вторую важную черту интересующаго насъ произведенія. Байронъ не только превращался изъ романтика въ реалиста по формѣ; и по содержанию его поэзія начинала принимать другое направленіе; Байронъ спускался съ неба на землю; вмѣсто неопредѣленной титанической скорби о мірѣ и міровомъ порядкѣ, — онъ ищетъ въ жизни и бичуетъ тѣ темныя ея стороны, которыя прикрываютъ гнетъ и несправедливость. Его поэма полна сатирическихъ выходокъ: здѣсь мы встрѣтимъ ѣдкія насмѣшки надъ корыстолюбіемъ духовенства, злую карикатуру на лицемѣрный англійскій пуризмъ, нападки на злоупотребленіе парламентской свободой, на тяжесть налоговъ. Изображая пестрые костюмы карнавала, поэтъ не забываетъ прибавить, что лишь одинъ костюмъ, костюмъ капуцина не допускался сюда подъ страхомъ адскаго огня, отъ котораго ничто не можетъ спасти, кромѣ внушительнаго денежнаго взноса. Рисуя въ граціозныхъ стихахъ красоту итальянокъ, свободу венеціанскихъ нравовъ, искренность

и увлекательность южнаго веселья, онъ пользуется случаемъ, чтобы противопоставить этой простотѣ и искренности чопорность англійскихъ миссъ, не смѣющихъ говорить и чувствовать безъ разрѣшенія мамашъ. Закатъ южнаго солнца заставляетъ его вспомнить о жалкомъ вечернемъ освѣщеніи Лондона, музыкальный итальянскій языкъ — о свистящихъ, шипящихъ и плюющихъся во время разговора англичанахъ. Онъ любитъ англійское „правительство“ (когда оно дѣйствительно правительство), свободу печати и пасквилей, Habeas Corpus (когда мы не лишены его), парламентскія пренія, когда они не затягиваются слишкомъ поздно, налоги, когда они не слишкомъ тяжелы“ и т. д. Трудно, конечно, искать въ Беппо слѣдовъ положительнаго политическаго или социальнаго міросозерцанія поэта. Но несомнѣнно, что всѣ оскорбленія и обиды, накопившіяся въ душѣ Байрона и выбросившія его навсегда за предѣлы неблагодарной родины, школьная рутина, печатные пасквили, клеветы и обвиненія въ развратѣ, картины нищеты и эксплуатаціи, противъ которой онъ выступилъ еще въ палатѣ лордовъ въ своихъ рѣчахъ, — все это постепенно выступало въ болѣе ясныхъ очертаніяхъ изъ хаоса фантазій и „міровой скорби“, и въ Байронѣ вырабатывался общественный реформаторъ. „Беппо“ — одинъ изъ первыхъ симптомовъ этого новаго направленія байроновской поэзіи. Старая тема венеціанскаго карнавала, которую Байронъ, какъ второй Паганини, поднялъ, по выраженію Брандеса, „концомъ своего божественнаго смычка, разукрасилъ безчисленнымъ множествомъ смѣлыхъ и гениальныхъ варіацій, осыпалъ жемчугомъ и расшилъ золотыми арабесками“, этотъ „венеціанскій анекдотъ“ останется навсегда свидѣтельствомъ разнообразія байроновскаго генія, воплотившаго не только мечты и скорбныя думы своего вѣка, но и сумѣвшаго подслушать бѣненіе новаго времени, подойти къ новымъ жизненнымъ и социальнымъ проблемамъ, выдвинутымъ эпохой.

П. Коганъ.



Б Е П П О.

Венеціанская повѣсть.

Розалинда. Прощайте, господинъ путешественникъ! Старайтесь картавить и носите странное платье, браните все хорошее въ вашемъ отечествѣ, проклиняйте ваше рожденіе и чуть чуть не упрекайте Бога за то, что онъ создалъ васъ не съ какимъ-нибудь другимъ лицомъ. Иначе я съ трудомъ повѣрю, что вы плавали въ *Гоннолагг*.

Какъ Вамъ это понравится. Дѣйствіе IV, сц. 1.

Примѣчаніе Комментаровъ.

Венеція, которую въ то время очень много посѣщала знатная англійская молодежь, была тогда тѣмъ-же, чѣмъ въ настоящее время является Парижъ—сосредоточіемъ распущенности всяческаго рода.

I.

Католики, свои усилія множа,
Чтобъ искупить грѣхи, передъ постомъ
За нѣсколько недѣль пируютъ. Кто же,
Скажите мнѣ, не вѣдаетъ о томъ?
Готовясь къ покаянью, и вельможа,
И нищій тѣмъ же слѣдуетъ путемъ.
Веселію всѣ предаваться рады;
Тогда въ ходу пиры и маскарады.

II.

Нисходитъ ночь, и чѣмъ она темнѣй,
Тѣмъ для влюбленныхъ болѣе отрады,
Хоть мракъ густой опасенъ для мужей.
Веселье разрушаетъ всѣ преграды;
Разгулъ царить; притворство безъ цѣпей;
Любовники ликують; серенады.
Романсы, пѣсни, страстный шопоть паръ
Волшебно вторять рокоу гитаръ.

III.

Средь оживленья праздничной картины
Костюмы всѣхъ временъ и странъ блестятъ;
Здѣсь видны янки, буффы, арлекины,
Тамъ римляне и греки тѣшатъ взглядъ,
Есть турки и жида, но ни единый
Не встрѣтится монашескій нарядъ.
Глумленья надъ монахами опасны...
О, вольнодумцы, будьте жъ здѣсь безгласны!

IV.

Изъ терній лучше сшить себѣ нарядъ,
Чѣмъ инокомъ одѣться. Безъ сомнѣнья

За это попадаетъ грѣшникъ въ адъ,
Гдѣ ждутъ его тяжелыя мученья.
Кипящаго котла не охладятъ
Святыхъ отцовъ усердныя моленья;
Въ такой бѣдѣ спасется только тотъ,
Кто за молитвы кушъ двойной внесетъ.

V.

За исключеніемъ рясы, вы свободны
Надѣтъ какой вамъ нравится нарядъ.
Такъ, въ Лондонѣ на ярмаркѣ народной
Наемныхъ одѣяній цѣлый рядъ;
Такихъ здѣсь лавокъ сколько вамъ угодно,
Но только благозвучнѣй рѣчи складъ:
У насъ „Piazza“ слово безъ значенья...
(Одно я знаю только исключенье).—

VI.

Коль слово „Карнавалъ“ перевести,
Услышите въ немъ съ пищею мясною
Надолго безнадежное прости!
Дѣйствительно, лишь рыбою одною
Постомъ живетъ народъ. За что жъ въ
честь
Веселье передъ трапезой такую?
То для меня, сознаюсь, темно;
Такъ въ часъ отъѣзда друга пьемъ вино.

VII.

Простяся съ мясомъ, рыбу разварную
Ѣдятъ, поста не прерывая нить;
Приправъ здѣсь вовсе нѣтъ. Ъду такую

Не может иностранец не бранить.
(Но повторять не слѣдъ мнѣ ругань злую).
Возможно ль эту пищу выносить,
Когда о соѣ даже нѣтъ помину,
А мы ѣдимъ лишь съ нею лососину.

VIII.

Поэтому совѣтъ я дать могу:
Запасъ приправъ различныхъ брать съ собою.
Готовясь быть на чуждомъ берегу,
Съ багажемъ захватить недурно сою;
Пускай приправы къ рыбѣ и рагу
Не покидаютъ васъ,—а то, не скрою,
Что умереть въ теченіе поста
Отъ голода—не праздная мечта.

IX.

Запасъ такой имѣть необходимо,
Коль вы католикъ и хотите жить,
Обычай чтя, какъ римляне средь Рима;
Не всѣмъ же надо постниками быть:
Пусть протестантъ, больной, что ѣдетъ мимо,
Иль дама не постятся; но таить
Отъ нихъ нельзя, что ждетъ ихъ, какъ награда,
За этотъ грѣхъ тяжелый—пекло ада.

X.

Венеціи роскошный карнавалъ
Разгуломъ, серенадами, балами
Всѣ прочіе собою затмевалъ;
Но прелести его раскрыть предъ вами
Не въ силахъ я; кого онъ не плѣнялъ?
Венеція, рожденная волнами,
Во всей красѣ являлася въ тотъ часъ,
Когда мой начинается рассказъ.

XI.

Красивы и стройны венеціанки!
Когда судить по копіямъ плохимъ
Съ великихъ образцовъ—черты гречанки
Давно минувшихъ дней присущи имъ;
Венеры Тиціана по осанкѣ
И граціи—онѣ лицомъ своимъ
Напоминаютъ, стоя на балконѣ,
Красу Мадоннъ картинъ Джіорджіоне.

XII.

Его картины дышатъ красотой
И граціей. Одно его творенье
Блеститъ въ дворцѣ Манфрини: нѣтъ такой
Картины, что съ нимъ выдержитъ срав-
ненія.
Я не боюсь встрѣчать его хвалой:

Увѣренъ я, что вы того же мнѣнья.
Въ картинѣ, гдѣ съ женою виденъ онъ,
Земной любви имъ образъ воплощенъ.

XIII.

Предъ вами не созданіе поэта,
Не идеальный плодъ его мечты,
А вдохновенный образъ, полный свѣта
Земной любви и женской красоты;
Разстаться не легко съ картиной этой...
Вамъ кажется, что дивныя черты
Встрѣчали вы и знали ихъ когда-то;
Но встрѣчи ихъ напрасно ждать возврата.

XIV.

Въ дни юности предъ нами иногда
Витаютъ мимолетныя видѣнья...
Отъ нихъ не остается и слѣда,
Но ихъ красу и лицъ ихъ выраженъ
Мы позабыть не въ силахъ никогда.
Ихъ видѣть вновь—напрасное стремленье.
Такъ навсегда скрываются отъ насъ
Плеяды тѣ, которыхъ свѣтъ угасъ.

XV.

Когда венеціанка на балконѣ
Красуется, сравнишь невольно съ ней
Картины, что писалъ Джіорджіоне.
(Издалека она еще милѣй).
Ей любо героинею Гольдони
Сердца сжигать огнемъ своихъ очей.
Венеціанки всѣ почти красивы
И любятъ, чтобъ замѣтить ихъ могли вы.

XVI.

Отъ взгляда вздохъ, рождаяся, ведетъ
Къ словамъ любви; письмо за ними слѣдомъ
Летитъ. То для Меркурія доходъ
(Вѣдъ честный трудъ бездѣльнику невѣдомъ);
Затѣмъ любовь въ сердца отравы льетъ;
Нѣтъ перечня рожденнымъ ею бѣдамъ;
Она плодитъ развратъ и сѣетъ грѣхъ;
Порою смерть—вънецъ ея утѣхъ.

XVII.

Невинна Дездемона! къ сожалѣнью,
Спасти не могла отъ злыхъ клеветъ;
Здѣсь и донинѣ (дать ли ходъ сомнѣнью?)
Не мало женъ такихъ; но мужа нѣтъ,
Способнаго убить по подозрѣнью
Красивую жену во цвѣтѣ лѣтъ,
За то, что увлеченъ ея красотою,
Поклонникъ къ ней относится съ хвалою.



ВЕНЕЦИАНКИ НА БАЛКОНѢ (Venetian women seen from a balcony),

Рис. Дэвисъ (J. F. Davis), грав. Гуддиръ (Goodyear).

XVIII.

Коль здѣсь мужа ревнивы, ревность ихъ
Довольно мирныхъ свойствъ и знаетъ мѣру.
Они въ перинахъ бѣдныхъ женъ своихъ
Душить не стануть, слѣдуя примѣру
Отелло. Нѣтъ!—здѣсь мужъ и въ мщеньи
тихъ.

Въ законную жену утративъ вѣру,
Онъ съ женщиною сходится другой,
Плѣняясь иногда чужой женой!

XIX.

Видали ль вы гондолу? Это—лодка
(Такихъ здѣсь масса цѣлая видна)
Съ рѣзной кормой, навѣсомъ и рѣшеткой.
Легка на видъ гондола, но прочна.
Два гондольера правятъ ею. Ходко.
Какъ темный гробъ, несется въ даль она,
Вся траурною краскою покрыта.
Отъ глазъ толпы, что въ ней творится,
скрыто.

XX.

Гондолы вдоль Ріальто все снуютъ
И по каналамъ; темною гурьбою

Онъ найма вокругъ театра ждугъ;
Ихъ мрачный видъ сродняетъ васъ съ
тоскою,

Онъ жъ утѣхъ таинственный пріютъ
И лишь веселью служить. Такъ порою
Въ каретахъ послѣ пышныхъ похоронъ
Звучитъ веселый смѣхъ—не скорбный стоишь.

XXI.

Мнѣ бъ за рассказъ приняться не мѣшало!
Тому назадъ лѣтъ тридцать (можетъ быть
И менѣе)—въ разгарѣ карнавала,
Когда народъ веселью радъ служить,
Взглянуть на балъ роскошный пожелала
Одна изъ дамъ Венеціи. Открыть
Ея не могъ я имени. Съ цезурой
Не ссорясь, назову ее Лаурой.

XXII.

Синьора та была „извѣстныхъ лѣтъ“,
Не молода и не стара. Что значить
Опредѣленье это? Средства нѣтъ
Рѣшить вопросъ. Вездѣ васъ озадачить
На тотъ вопросъ уклончивый отвѣтъ.

Пускай мужчина сердится иль плачетъ,
Все жгучей тайны не узнаетъ онъ,
Хоть, сознаюсь, такой пріемъ смѣшонъ.

XXIII.

Блескъ юности Лаура сохранила.
Ее не тяготило бремя лѣтъ
И время красоту ея щадило,
Къ лицу ей шелъ богатый туалетъ.
Всегда красы неотразима сила—
Восторга полнъ предъ ней склонялся свѣтъ;
За то, что всѣ кадитъ ей были рады,
Весь родъ людской ея ласкали взгляды.

XXIV.

Былъ у Лауры мужъ. На шашни дамъ
Мы, христіане, обращаемъ мало
Вниманья, но безжалостны къ грѣшкамъ
Дѣвицъ. Для прекращенія скандала
Бракъ во-время необходимъ иль срамъ
Ихъ вѣчный ждетъ; злословья страшно жало!
Чтобъ жертвами не быть своей вины,
Скрывать концы онѣ умѣть должны.

XXV.

Лауры мужъ нерѣдко на чужбинѣ
Живаль и, возвращаясь, не разъ
Сидѣлъ въ сорокадневномъ карантинѣ.
(Вѣдь карантинъ спасаетъ отъ заразы).
Въ тѣ дни, на вышкѣ стоя, въ злой кру-
чинѣ,

Лаура не спускала съ моря глазъ.
Купецъ-морякъ, что торговалъ съ Алеппо,
Джузеппе назывался или Беппо.

XXVI.

Онъ смугль былъ, какъ испанецъ; не схо-
дилъ
Съ его лица загаръ природы юга;
А все жъ красивъ морякъ отважный былъ.
Храбрецъ глядѣлъ на море, какъ на друга,
И полонъ былъ энергіи и силъ.
Хотя его красивая супруга
Святошей не казалась, но она
Была, по слухамъ, долгу предана.

XXVII.

Они давно другъ друга не видали;
Иные говорили, что въ волнахъ
Погибъ морякъ; другіе—что едва ли
Вернется онъ, запутавшись въ дѣлахъ.
Вернется онъ иль нѣтъ—пари держали.
Побиться объ закладъ во всѣхъ странахъ
Охотниковъ всегда найдется масса;
Той страсти лучшій врачъ пустая касса.

XXVIII.

Томило ихъ въ разлуки горькій часъ
Предчувствіе, подъ тяжкимъ гнетомъ горя,
Что видятся они въ послѣдній разъ.
(Предчувствіе порой, страданью вторя,
Пророчествомъ бѣды смущаетъ насъ).
Въ слезахъ, на берегу родного моря
Стояла Аріадна нашихъ дней,
Когда, въ уныньи, мужъ разстался съ ней.

XXIX.

Поплакавъ и прождавъ его не мало,
Себя Лаура въ трауръ облекла
И аппетитъ, горюя, потеряла;
Безъ мужа спать къ тому же не могла:
То чудился ей воръ, то спать мѣшало
Ей привидѣнье, и она нашла,
Что нуженъ ей вицъ-мужъ, по той причинѣ,
Что дамъ безопаснѣй при мужчинѣ.

XXX.

Надежный другъ (всегда плѣняетъ тотъ,
Кто съ дамою въ борьбу вступаетъ смѣло!)
Лаурою былъ избранъ; мужъ прерветъ,
Вернувшись, эту связь; за нимъ лишь дѣло...
Богатый графъ, красивый фатъ и мотъ,
Ей близокъ сталъ, отдавшись ей всецѣло...
Такихъ господъ успѣхъ неоспоримъ,
Хоть дорого пороку стоитъ имъ.

XXXI.

Графъ не однимъ былъ надѣленъ талан-
томъ:
Прекрасно по-тоскански говорилъ,
Что крайне рѣдко здѣсь; былъ моднымъ
франтомъ;
Французскій зналъ языкъ; къ тому же былъ
Во всемъ значеніи слова музыкантомъ.
За критика серьезнаго онъ слылъ;
Успѣха не имѣла партитура,
Когда его звучало: „seccatura“;

XXXII.

Онъ крикомъ: bravo! пьесъ судьбу рѣшалъ:
Увѣренность терялъ оркестръ смущенный,
Когда являлся графъ; его похвалъ
Не заслужить боялись примадонны.
Весь театральный міръ предъ нимъ дро-
жалъ
И не одинъ пѣвецъ, имъ уязвленный,
Жалѣлъ, что подъ Ріальто онъ въ волнахъ
Не утонулъ: такой внушалъ онъ страхъ.

XXXIII.

Онъ былъ импровизаторовъ опора;
Писалъ стихи; пѣлъ пѣсни и блестялъ



ЛАУРА (Laura).

Рис. Рихтеръ (H. Richter), грав. Райоль (Ryall).

Въ салонахъ остроумьемъ разговора;
Картины продавалъ; ему въ удѣлъ
Досталось слыть за ловкаго танцора;
(Затмить его французъ бы лишь сѹмѣлъ).
Въ такой онъ модѣ былъ, того не скроемъ,
Что и слугѣ казаться могъ героемъ.

XXXIV.

Онъ, женщину любя, измѣнъ не зналъ,
И перечень его грѣховъ былъ кратокъ;
Его любили дамы; онъ похвалъ
Не мало получалъ отъ нихъ въ придатокъ,
Какъ воскъ, онъ впечатлѣнныя принималъ,
Но какъ гранитъ хранилъ тотъ отпечатокъ.
Чѣмъ больше остывалъ въ немъ страсти
пыль,

Тѣмъ постоянству онъ вѣрнѣй служилъ.

XXXV.

Такимъ героемъ можно было слѣпо
Увлечся; проходилъ за годомъ годъ,
А все домой не возвращался Беппо

И не писалъ. Давать терпѣнью ходъ,
Прождавъ такъ долго, было бы нелѣпо.
Коль о себѣ извѣстѣй мужъ не шлетъ,
То значить онъ скончался иль, повѣрьте,
Считаться долженъ всѣми жертвой смерти.

XXXVI.

Въ Италіи имѣть разрѣшено
И по два мужа женамъ. (Безъ сомнѣнья,
Такъ поступать позорно и грѣшно).
Кто въ моду ввелъ такое наводненіе
Сказать я не могу, но ужъ давно
Cavalier servente здѣсь явленіе
Обычное вполнѣ. Миряся съ нимъ,
Такъ нарушаютъ *первый* бракъ *вторымъ*.

XXXVII.

Другъ дома назывался чичисбеемъ
Въ былыя времена, но терминъ тотъ
Такъ грубъ, что въ ходъ пускать его не
смѣемъ.

Мнѣ безконтрольной прессы голосъ милѣ,
Хулить свой край я не ищу предлога,
Лишь только бы свободѣ онъ служилъ;
Люблю я и парламентскія пренія,
Когда не безконечно ихъ теченье.

XLVIII.

Налоги я люблю, коль мало их;
Камина свѣтъ, коль дешево топливо;
Когда не слышно капель дождевыхъ,
Люблю я климатъ Англіи счастливой.
(Но много ль насчитаемъ дней такихъ?)
Бифштексъ люблю; не прочь отъ кружки
 пива...
Чтобъ доказать, что всѣхъ и все люблю,
Я Регента и Церковь похваляю!

XLIX.

Люблю войска, что въ бой идти готовы;
Мнѣ жаль, что оскудѣлъ нашъ славный
 флотъ;
Я радъ, когда срывать съ себя оковы
Готовъ свободу любящій народъ.
Могу забыть, что климатъ данъ суровый
Моей странѣ; что наши дамы — ледь;
Побѣдами горжусь, но полнѣ печали,
Что ихъ не мы, а тори одержали.

L.

Грѣшно все прерывать разсказа нить...
Коль мнѣ замашка эта надоѣла,
Зачѣмъ же ей читателя дразнить?
До нужды пѣвца ему какое дѣло?
Онъ можетъ всю поэму похулить,
Найдя, что авторъ пишетъ неумѣло.
Очутися тогда, сомнѣнья нѣтъ,
Въ печальномъ положеніи поэтъ.

LI.

О, еслибы легко умѣлъ писать я,
То взобрался бы тотчасъ на Парнасъ;
Тамъ музы мнѣ открыли бы объятья,
И я бы могъ, ихъ пѣньемъ вдохновясь,
Создать (вѣнчается славой то занятъе)
Сирійскій или греческій рассказъ,
Гдѣ Запада герой сентиментальный,
Плѣняя всѣхъ, въ странѣ бѣ скитался
дальной.

LII.

Но не такой пѣвецъ я и порой
Подыскиваю риѣмы въ лексиконѣ;
Коль сносной нѣтъ, довольствуюсь плохой,
Не думая о томъ, что въ фельетонѣ
Напишешь, негодуя, критику злой.

Я даже къ прозѣ льнулъ, о Геликонѣ
Забывъ; но такъ какъ спрость на пѣсни есть,
Стихи мнѣ надо прозѣ предпочесть.

LIII.

Лаура съ графомъ мирно проживала,
Почти безъ бурь. Шесть лѣтъ прошло съ
 тѣхъ поръ,
Какъ ихъ судьба неожиданно сочетала.
Нельзя жъ весь вѣкъ прожить безъ мел-
 кихъ ссоръ
Изъ ревности; тѣ ссоры длятся мало;
Проходитъ гнѣвъ; сердитый меркнетъ взоръ
Въ отрадную минуту примиренья;
Безъ ссоръ возможны ль эти отношенья?

LIV.

Коль счастьемъ дышитъ грѣхъ, моя чета
Вкушала счастье: графъ былъ нѣженъ съ
милой,
А ей въ удѣлъ досталась красота.
Хоть брачныхъ узъ ихъ бремя не тягчило,
Въ салонахъ связь не осуждалась та.
Вражда однихъ ханжей ей адъ сулила;
Но хитрый адъ крутыхъ не принималъ мѣръ;
Вѣдь часто вводить въ грѣхъ дурной при-
мѣръ.

LV.

При красотѣ имъ улыбалась младость;
Что безъ нея любовь и что любовь
Безъ юности? Она приноситъ радость
И, грезы намъ дая, волнуется кровь.
Съ теченьемъ лѣтъ, свою теряя сладость,
Любовь встрѣчаетъ опытъ, хмурая бровь;
Ей юность лишь мила; не отъ того ли
Присущи старикамъ ревнивцевъ роли?

LVI.

Строфъ тридцать шесть назадъ я ужъ ска-
залъ,
Что посреди роскошной обстановки
Венеціанскій длился карнавалъ:
Лаура въ ослѣпительной обновкѣ
Поѣхать собиралася на балъ.
(Нельзя жъ являться въ свѣтъ безъ под-
готовки!)
Не больше ночи длится маскарадъ
Въ другихъ странахъ; здѣсь — шесть не-
дѣль подъ рядъ.

LVII.

Всѣхъ восхищаль красивый видъ Лауры;
Къ лицу ей шелъ изысканный нарядъ;
Свѣжа, въ роскошномъ платьѣ, какъ Амуры,



ЛАУРА (Laura).

Съ картини Бокколи (W. Boccioni), грав. Эдмондъ (J. Adcock).

Что иногда на вывѣскахъ торчатъ,
Она могла изящною фигурой
Напоминать картинокъ модныхъ рядъ.
Обложками, которыхъ смыслъ понятенъ,
Предохраняютъ тѣ листки отъ пятенъ.

LVIII.

Въ Ридотто, гдѣ танцуютъ и кутятъ,
Направились они. (Напрасно баломъ
Я назвалъ тотъ народный маскарадъ).
Ридотто сходно съ Лондонскимъ вокзаломъ,
Хоть менѣе его; но дождь и градъ
Не могутъ угрожать блестящимъ заламъ.
Какъ общество тамъ *смѣшано* подчасъ!
(То означаетъ: недостойно васъ).

LIX.

Мы называемъ *смѣшаннымъ* собранье,
Гдѣ въ меньшинствѣ находится нашъ кругъ,
Лишь тотъ достоинъ нашего вниманія
Кто намъ или знакомый, или другъ.
Всѣ жъ прочіе не стоятъ описанья;
Къ нимъ относясь презрительно, мы вслухъ
Лишь называемъ лицъ большого свѣта;
Но почему? Мнѣ непонятно это.

LX.

Въ тѣ дни царили Дэнди. Можетъ-быть,
Узнавъ судьбы тяжелыя невзгоды,
Другимъ пришлось имъ мѣсто уступить...
Царятъ не долго демагоги моды,
Непрочно въ мірѣ все; за то винить
Мы можемъ смѣло страсти, войны, годы...
Порой и отъ морозовъ даже свѣтъ
Переносилъ не мало тяжкихъ бѣдъ.

LXI.

Такъ Бонапарта стужа погубила;
Не могъ онъ съ грознымъ Торомъ вынести
бой.

Стихійныхъ бурь неотразима сила.
Онъ палъ, сраженъ неровною борьбой;
Ему къ тому жъ Фортуна измѣнила;
Съ почтеніемъ отношусь къ богинѣ той;
Я не могу въ ней видѣть лишь химеру
И въ власть ея едва ль утрачу вѣру.

LXII.

Въ женитьбѣ, въ потеряхъ намъ даетъ
Она удачу. Смертный съ нею связанъ
Въ прошедшемъ и грядущемъ. Рядъ не-
взгодъ

Я испыталъ и мало ей обязанъ,
Но съ ней пока я не окончилъ счетъ.
Надѣюсь, что не буду ей наказанъ;
Подачекъ щедрыхъ жду я и о ней
Не буду говорить до лучшихъ дней.

LXIII.

Отъ рукъ разсказъ отбился. То и дѣло
Приходится на мѣстѣ мнѣ стоять;
Не хочетъ онъ впередъ нестися смѣло;
На мой разсказъ кладетъ свою печать
Размѣръ, что муза выбрать захотѣла;
Капризенъ онъ; съ нимъ трудно совладать;
Коль справлюсь съ нимъ, на будущее время
Меня тягчить его не будетъ бремя.

LXIV.

Направили они въ Ридотто путь.
(Туда пойду я завтра же; мнѣ надо
Свою тоску разсѣять какъ-нибудь.
Быть-можетъ, оживленіе маскарада
Мнѣ средство дастъ душою отдохнуть
Хотя на полчаса,—и то отрада,
Когда душа гнетущею тоской
Объята и утратила покой).

LXV.

По заламъ, гдѣ толпа необозрима,
Лаура ходитъ; этимъ шлетъ поклонъ;
Киваетъ тѣмъ, когда проходитъ мимо;
Здѣсь шепчется; тамъ возвышаетъ тонъ;
Когда жъ отъ духоты невыносимо,
Пьетъ лимонадъ, что графомъ принесенъ;
Пріятельницъ окидывая взглядомъ,
Лаура недовольна ихъ нарядомъ.

LXVI.

Намазана одна; парикъ у той;
Тюрбанъ на третьей будитъ смѣхъ невольно;
Четвертая—что призракъ гробовой;
Глядѣтъ на платьѣ пятой просто больно;
Вульгарна та; не свѣжъ костюмъ седьмой;
Восьмая... но глядѣтъ на нихъ довольно;
Ихъ всѣхъ не перечестъ; конца имъ нѣтъ,
Какъ призракамъ, что вызывалъ Макбетъ.

LXVII.

Тогда какъ эти длились наблюденья,
Съ нея иные не спускали глазъ;
Когда былъ слышенъ шопотъ одобренья,
Она ему, уйти не торопясь,
Внимала; приводили въ изступленье
Ея побѣды женщинъ. Имъ дивясь,
Онъ твердили: вкусъ мужчинъ развратенъ;
Успѣхъ въ года Лауры непонятенъ!

LXVIII.

Нельзя не осуждать развратный вкусъ.
Когда къ объятіямъ зла ведетъ дорога,
Я отъ нея со страхомъ сторонюсь.



Въ картинѣ, гдѣ съ женою виденъ онъ,
Землю долинъ нѣмъ борозъ водворенъ,
— Бешовъ, строфа XII.

Картина Джорджоне (Giorgione), во времена Байрона находившаяся въ палатцѣ Манфрими, теперь - въ Palazzo Giustiniani. Считается, что художникъ (около 1500 г.) изобразилъ въ ней себя и свою жену. Картина известна также подъ именемъ La Tempesta — Гроза, приближеніе которой чувствуется на заднемъ планѣ картины.

1

Проповѣдей я написалъ бы много,
Коль заключилъ бы съ церковью союзъ;
Въ своихъ рѣчахъ я грѣхъ каралъ бы
 строго;
И Вильберфорсъ, и Ромили въ нихъ кладь
Нашли бѣ навѣрно нравственныхъ цитатъ.

LXIX.

Въ то время, какъ Лаура въ вихрь бала,
Поклонниковъ толпой окружена,
Кокетничая, весело болтала
И, сладостью побѣдъ упоена,
Красою горделивою блистала
(Чѣмъ гнѣвала пріятельницъ она)—
За ней слѣдилъ съ пытливостью ревнивой
Какой-то незнакомецъ молчаливый

LXX.

Въ костюмѣ турка, съ бронзовымъ лицомъ.
Она была неожиданной встрѣчѣ рада,
Опору многоженства видя въ немъ,
Но стать женою турка не отрада:
Всѣхъ женъ своихъ онъ держитъ подъ зам-
комъ
И рабства цѣпь носить имъ вѣчно надо;
Къ тому же четырехъ имѣя женъ,
Наложницъ сколько хочетъ держитъ онъ.

LXXI.

Турчанки взаперти; мужского пола
Онъ не видятъ даже и родныхъ;
На сѣверѣ судьба съ средой веселой
Сродняетъ дамъ; а эти, никакихъ
Забавъ не зная, чахнуть; гнетъ тяжелый
Бездѣля и рабства губить ихъ.
Кормить дѣтей, купаться, тѣло холя,
Рядиться, мужа тѣшить—вотъ ихъ доля!

LXXII.

Безграмотны онѣ, и потому
Безцвѣтныхъ не строчать стихотвореній;
Остроты недоступны ихъ уму;
Нѣтъ книгъ у нихъ, журналовъ, обзорѣній;
Какую подняла бы кутерьму
Ученость средь гаремныхъ развлеченій!
Но, къ счастью, патентованныхъ пѣвцовъ
Въ гаремахъ нѣтъ и синихъ нѣтъ чулковъ.

LXXIII.

Тамъ не блистаетъ, смыслъ утративъ здра-
 вый,
 Маститый бардъ, скучнѣйшій изъ людей,
 Что съ удочкой весь вѣкъ гнался за сла-
 вой,
 Ловя, при счастьѣ, только пискарей;

Несносенъ предсѣдатель величавый
Мельчайшихъ сошекъ, другъ пустыхъ идей;
Посредственность, что ловить жаднымъ слухомъ.
Лишь отзвукъ эха—словомъ, нищій духомъ.

LXXIV.

Тамъ не царить любитель звонкихъ фразъ,
Котораго безъ вѣса одобренья;
Который желчной бранью дразнить васъ,
Хвалою же выводитъ изъ терпѣнья;
Поэтовъ онъ переводилъ не разъ,
Не понимая ихъ; его творенья
Такъ жалки, что слабѣе будь они,
Все такъ-же оставались бы въ тѣни.

LXXV.

О, какъ невыносимы тѣ поэты,
Что въ свѣтѣ только заняты собой;
Увы! въ плащи шутовъ они одѣты;
Въ нихъ дышитъ зависть съ тайною вра-
ждой:
Быть-можетъ, парой вѣскихъ плюхъ со-
грѣты,
Они задоръ бы охладили свой.
Пустѣйшій фатъ мнѣ болѣе пріятенъ,
Чѣмъ шутъ, хранящій слѣдъ чернильныхъ
пятенъ.

LXXVI.

Понятно, что нельзя причислить къ нимъ
Людей, которыхъ чтить литература;
Какъ далеко бездарностямъ такимъ
До Вальтеръ-Скотта, Роджерса и Мура!
Талантъ всегда идетъ путемъ инымъ.
Пусть же, на талантъ взирая хмуро,
Бездарный бардъ царить въ кружкѣ сво-
емъ:
Обрѣсть успѣхъ онъ можетъ только въ
немъ.

LXXVII.

Въ гаремахъ незнакомы типы эти,
Какъ неизвѣстенъ звонъ колоколовъ
Ходящимъ для моленія въ мечети;
Я новый предложить проектъ готовъ
(Хотя, порой, и лучшіе на свѣтъ
Проекты погибаютъ безъ плодовъ):
Послать въ гаремы авторовъ бездарныхъ
Для пропаганды фразъ высокопарныхъ.

LXXVIII.

Гаремнымъ дамамъ авторъ ни одинъ
Моральныхъ книгъ не посвящаетъ строки,
Ихъ химіей не мучать безъ причинъ,

Шадять ихъ метафизики уроки;
Невѣдомы имъ выставки картинъ;
Онѣ не изучаютъ міръ далекій
Свѣтили и математикѣ гаремъ,
Благодаренье Богу!—чуждѣ совсѣмъ.

LXXIX.

Но почему благодарилъ я Бога?
На тотъ вопросъ позднѣе дамъ отвѣтъ;
Теперь же мнѣ молчать причинъ есть
много,

Современемъ о томъ узнаетъ свѣтъ;
Открою тайну я въ сатирѣ строгой:
Намъ смѣхъ милѣй, чѣмъ гнѣвъ, съ те-
ченьемъ лѣтъ

Хоть онъ не веселитъ; такого смѣха
Тяжелое раздумье часто эхо.

LXXX.

Прошли тѣ дни, когда мы съ молокомъ,
Разбавленнымъ водою, были дружны;
Въ нашъ черствый вѣкъ, поработанный
 зломъ,

Напитки намъ забористѣе нужны.
Я отъ души жалѣю о быломъ;
Увы! въ борьбѣ со зломъ мы безоружны!
Но я, любя промчавшіеся дни,
Пью водку, чтобъ вернулись они.

LXXXI.

Преслѣдѹя Лауру, сынѣ Ислама
Упорно не спускалъ съ синьоры глазъ;
Казалось, взоръ его твердилъ упрямо:
„Побудьте здѣсь, пока гляжу на васъ!“
Когда бы взгляду подчинялась дама,
Ее бѣ онъ побѣдилъ; но, не смѣясь,
Она тотъ взглядъ выдерживала смѣло
(Вѣдь жгли ее глазами то и дѣло).

LXXXII.

Кончалась ночь; свѣтъ могу благой
Я дамамъ дать: пока не засверкала
Румяная заря, онѣ домой,
Не мѣшкая, должны уѣхать съ бала.
Когда погаснутъ лампы, свѣтъ денной
Усталому лицу вредить не мало;
Сіяніемъ зари освѣщены,
Какъ дамы послѣ пиршества блѣдны!

LXXXIII.

На балѣ оставаясь до разсвѣта
(На то причины были у меня),
Я наблюдалъ (скажете, грѣхъ ли это?),
Какъ блекнуть лица дамъ при блескѣ дня,
По окончаньи танцевъ; въ вихрѣ свѣта

Красивыхъ женъ не мало видѣлъ я.
И что жъ? всего одна была румяна
Не только при свѣчахъ, но утромъ рано.

LXXXIV.

По имени назвать Аврору ту
Я не хочу, хоть повредить едва ли
Ей могъ бы тѣмъ; ея лишь красоту
Цѣнилъ я; мы другъ друга знали;
Все жъ пищу дать молвъ за грѣхъ сочту.
Коль даму ту вы встрѣтите на балѣ,
Ее узнать не трудно будетъ вамъ:
Она свѣжѣй и краше прочихъ дамъ.

LXXXV.

Лаура, понимавшая прекрасно,
Что послѣ бальной ночи ей съ зарей,
Блеснуть готовой, встрѣтиться опасно,—
Нашла, что ей необходимъ покой;
Съ ней вмѣстѣ вышелъ графъ, на все со-
гласный,
Неся за нею шаль. Они домой
Готовы плыть; но (не досадно ль это?)
Гондола ихъ тогда застряла гдѣ то.

LXXXVI.

Съ извозчиками нашими сходны
Здѣсь гондольеры; въ тѣсный кругъ со-
мкнуты,

Они бранятся, ярости полны;
Безъ стычекъ не проходитъ ни минуты;
У выхода всегда вы ждать должны;
Имъ не до насъ. Отъявленные плуты
Такую сквернословью платять дань,
Что передать ихъ невозможно брань.

LXXXVII.

Дождавшись наконец своей гондолы,
Съ Лаурой графъ поѣхалъ. Болтовни
И розказней насталь чередъ веселый;
О балѣ говоря, они въ тѣни
Злословья не оставили уколы.
Когда жъ къ крыльцу подъѣхали они,
Невольное смущенье ихъ объяло:
Предъ ними очутился турокъ бала.

LXXXVIII.

Нахмуры брови, графъ сказалъ ему:
„Чѣмъ извините ваше появленье?
Какъ вы сюда попали, не пойму?
Быть можетъ, это случай безъ значенья;
Когда причинъ понятныхъ нѣтъ тому,
Потребую отъ васъ я объясненья!“
Магаметанинъ далъ такой отвѣтъ:
— Нечаянности въ этой встрѣчѣ нѣтъ!



Магометанинъ далъ такой отвѣтъ:
—Нечаянности въ этой встрѣчѣ нѣтъ!
Я здѣсь съ своей женой.

„Sir“ (quoth the Turk) ’tis no mistake at all
„That lady is my wife“.

Рис. Гербертъ (I. Herbert), грав. Ролсъ (C. Rolls).

LXXXIX.

Я здѣсь съ своей женой!—Была не мало
Поражена Лаура вѣстью той,
Но гдѣ бы лѣди въ обморокъ упала,
Дочь юга можетъ справиться съ собой;
Она къ своимъ святымъ въ моментъ скан-
дала

Съ горячей обращается мольбой,
И рвать шнурки корсета, оттиранья
Пуская въ ходъ, излишнія старанья.

XC.

Она молчитъ, и кто бъ не замолчалъ?
Но иностранца графъ просилъ любезно
Войти въ ихъ домъ; онъ такъ ему сказалъ:
„Намъ ссориться публично бесполезно;
Къ чему послужить уличный скандалъ?
По городу пойдетъ лишь сплетень бездна;
Не лучше ль потому, чуждаясь драмъ,
Келейно вѣсть переговоры намъ?“

XCI.

Они вошли; имъ кофе предложили
(У христіанъ и турокъ онъ въ чести,
Хоть разное пьютъ его); не безъ усилій
Придя въ себя, съ нимъ стала рѣчь вести
Лаура: „Какъ тебя тамъ окрестили?
Ну, далъ же бородѣ ты отрасти!
Твоихъ скитаній безконечна повѣсть.
Ужель за нихъ тебя не мучить совѣсть?“

XCII.

Признайся мнѣ: ты вправду ль ренегатъ?
Въ чужой странѣ ты не женился ль снова?
Ужель тамъ дамы пальцами ѣдятъ?
Какъ шаль твоя красива! мнѣ обновой
Ты дай ее. Вамъ, правда ль, не велятъ
Свинины ѣсть? Съ страной сроднившись
новой,
Какъ могъ ты пропадать въ ней столько
лѣтъ?
Ахъ, какъ ты желтъ! Болѣзни ль это слѣдъ?

XCIII.

Сбрей бороду—(мнѣ этого подарка
Не откажи). Тебѣ она неидетъ.
Къ чему она? у насъ вѣдь климатъ жар-
кій...

Какъ вынесла я времени полетъ?
Прошу, костюмъ не надѣвать твой яркій,
А то, повѣрь, насъ рядъ насмѣшекъ ждетъ.
Ты будешь злыми сплетнями пристыженъ,
Ахъ, Боже, какъ ты сѣдъ; къ тому жъ об-
стриженъ“.

XCIV.

Что молвилъ онъ?—не вѣдаю о томъ;
Но вотъ, что мнѣ извѣстно: онъ близъ Трои,
Исчезнувшей безслѣдно, сталъ рабомъ
И получалъ за трудъ одни побои
И черствый хлѣбъ; затѣмъ, бѣжавъ тай-
комъ,
Къ пиратамъ онъ присталъ и сталъ разбой
Производить съ ихъ шайкой, какъ собрать;
Онъ вѣрѣ измѣнилъ и сталъ богатъ.

XCV.

Разбогатѣвъ, онъ возымѣлъ желанье
Свой край родной увидѣть; утомлень,
Рѣшилъ бросить онъ свои скитанья;
Вѣдь скучно жить весь вѣкъ, какъ Робин-
зонъ.
Корабль, что плылъ въ Корфу, его вни-
манье
Привлекъ. Съ табачнымъ грузомъ нанялъ
онъ
Испанскій бригъ и въ путь пошелъ опасный,
Желая край родной увидѣть страстно.

XCVI.

Сокровища свои, за нихъ боясь
(Темно вѣдь было ихъ происхожденье),
Онъ перенесъ на судно въ добрый часъ;
„Меня спасло отъ смерти Провидѣнье“,
Такъ Беппо говорилъ друзьямъ не разъ,
Но я его не раздѣляю мнѣнья.
Корабль въ Корфу домчался безъ препонъ;
Задержанъ былъ лишь въ Боннѣ штилемъ
онъ.

XCVII.

Когда пріѣхалъ Беппо, онъ товары
Сейчасъ въ другое мѣсто перенесъ
И туркомъ сталъ, что ѣздить на базары;
Когда бы скрыть концовъ не удалось,
Онъ за грѣхи не избѣжалъ бы кары,
Но счастливо былъ разрѣшенъ вопросъ;
Понесся Беппо къ городу родному,
Стремясь къ женѣ, друзьямъ, отчизнѣ, дому.

ХСVIII.

Онъ принять былъ женой и окрещенъ
Вторично патріархомъ. (Даръ богатый
Былъ ренегатомъ церкви поднесенъ).
Съ него dospѣхи турка были сняты,
И день ходилъ въ одеждѣ графа онъ.
Для пиршествъ онъ открылъ свои палаты,
Разсказами смѣша друзей не разъ.
(Но какъ, порой, бываетъ живъ разсказъ!)

ХСIX.

Въ дни юности боролся онъ съ врагами,
Но зажилъ безъ тревогъ на склонѣ лѣтъ;
Хоть онъ съ Лаурой ссорился, друзьями
Они остались съ графомъ. Мѣста нѣтъ:
Оконченъ листъ, и я прощаюсь съ вами;
Давно пора ужъ кончить, но позтъ,
Начавъ повѣствованіе, порою,
Никакъ не можетъ справиться съ собою.

Павелъ Козловъ.



ВСТРѢЧА ЛАУРЫ СЪ МУЖЕМЪ.

Рис. Рихтеръ (H. Richter), грав. Смитъ (S. S. Smith).

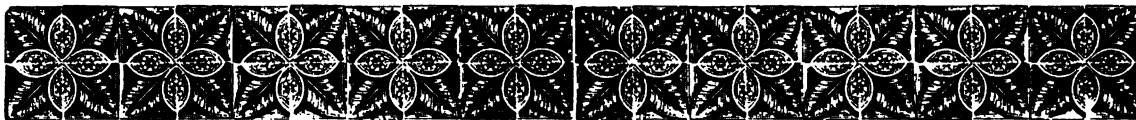
О Д А К Ъ В Е Н Е Ц І И.

ПЕРЕВОДЪ Т. Л. Щепкиной-Куперникъ.



ЗАГЛОХШАЯ ВЕНЕЦІЯ.

Рис. Кармишель (Carmichel)), грав. Вильморъ (Willmore).



ОДА КЪ ВЕНЕЦІИ.

I.

Венеція! Когда тебя поглотятъ воды
И съ моремъ мраморъ твой сравняетъ власть временъ—
О, надъ тобой тогда заплачутъ всѣ народы
И громко прозвучитъ надъ моремъ долгій стонъ.
И если я теперь рыдаю надъ тобою,
Я, путникъ сѣверный,—то какъ твои сыны
Тебя мучительно оплакивать должны!
И что-жъ они? Мирясь съ ужасною судьбою,
Въ дремотѣ ропшутъ лишь, не отгоняя сна;
И доблесть ихъ отцовъ такъ съ ними не сходна,
Какъ съ грязью мутною берегового ила
Потока вешнихъ водъ сверкающая сила,
Что рыбака влечетъ на берегъ безъ челна.
И пресмыкаются они въ испугѣ слабомъ
По влажнымъ улицамъ, подобны жалкимъ крабамъ.
И ужасъ ихъ гнететъ, что для родной земли
Столѣтѣя лучшихъ жатвъ добиться не могли!
Тринадцати вѣковъ — съ ихъ пышностью и славой—
Вся память отдана лишь мраку и слезамъ.
И каждый памятникъ — дворецъ, колонна, храмъ —
Пришельцу шлетъ привѣтъ съ печалью величавой,—
И даже самый Левъ какъ будто побѣжденъ.
А барабанный бой, зловѣщимъ эхомъ вторя
Тумана голосу, теперь звучитъ вдоль моря,
Вдоль тѣхъ же кроткихъ волнъ, гдѣ лишь гитары звонъ
Да пѣсни сладкія, бывало, ночью лунной
Лились подъ плескъ гондолъ, подъ тихій ропотъ струнный.
Гдѣ прежде слышался лишь шумъ толпы живой,
Веселыхъ, молодыхъ созданій звонкій лепетъ,
Чей самый тяжкій грѣхъ былъ развѣ сердца трепетъ,
Избытокъ радости безпечной, огневой,
Чье безудержное стремленье къ страсти, къ счастью,
Лишь время удержать могучей можетъ властью.
Но лучше юный пылъ волненія любви,
Борьба кипучихъ чувствъ, бушующихъ въ крови,
Чѣмъ эти мрачныя ошибки, заблужденья,
Нородовъ плевели въ годину ихъ паденья;
Когда Порокъ, влача тяжелый Ужасъ свой,
Повсюду празднуетъ безстыдно новоселье;
Когда Безуміемъ становится веселье

О Д А К Ъ В Е Н Е Ц І И.

И Смерть несетъ въ своей улыбкѣ роковой.
Надежда-жъ — ложная отсрочка, облегченье
За часъ до гибели — послѣдняго мученья.
Такъ иногда больной (когда — тяжелыхъ Мукъ
Послѣднее дитя — отниметъ Слабость силы
У тѣла бѣднаго, и, пробираясь въ жилы,
Стремится заглушить послѣдній пульса стукъ, —
Въ началѣ тягостномъ той скачки беспощадной
Гдѣ побѣждаетъ Смерть) — вдругъ облегченъ на мигъ,
Какъ будто-бы въ него влился потокъ отраднй,
Освободивъ его отъ мертвенныхъ веригъ.
И вотъ лепечетъ онъ съ трудомъ о жизни новой,
О томъ, что духъ его хоть слабъ, но ужъ парить;
О свѣжемъ воздухѣ онъ жадно говорить,
Искать спасенія, здоровья вновь готовый...
И шепчетъ все слабѣй, не чувствуя того,
Что задыхается, что Смерть ужъ ждетъ его.
Не сознаетъ онъ, что рукой сжимаетъ тонкой;
Глаза подернулись неувимой пленкой,
И тихо комната вся плаваетъ вокругъ,
И Тѣни близъ него уже снуютъ безгласно
Съ заботой странною; онъ ловить ихъ напрасно,
Пока... послѣдній стонъ задушенный — и вдругъ
Все ледъ и темнота, и міръ въ одно мгновенье
Сталъ тѣмъ-же, какъ за мигъ до нашего рожденья.

II.

Надежды въ мірѣ нѣтъ для націй и племенъ;
Переверните вы исторіи страницы:
Все уплывающихъ столѣтій вереницы,
Приливъ и вновь отливъ — несмѣнный ихъ законъ.
И „будетъ“, каждый мигъ преображаясь въ „было“,
Насъ все-же ничему почти не научило.
Опоры ищемъ мы, какъ прежде, только въ томъ,
Что тяжестью своей уничтожаемъ сами;
Сражаясь съ воздухомъ, мы силы отдаемъ
Невѣдомо на что — и управляетъ нами
Природа наша-же, и нынѣ, какъ и встарь.
Такъ всѣ животныя (и высшаго разряда):
Бичу надсмотрщика имъ покоряться надо,
Хотя-бы ихъ вели на жертвенный алтарь.
О вы, что льете кровь за королей, какъ воду,
Потомкамъ вашимъ что дадутъ они взаменъ?
Наслѣдство бѣдствія, слѣпой и жалкій плѣнъ,
И награжденную ударами свободу!
Скажите, неужель васъ все еще не жжетъ
Плугъ докрасна давно ужъ раскаленный тотъ,
Что, спотыкаясь, вы тащите устало?
Ужели все еще насилія вамъ мало?
Вы честность мните въ томъ сознательно вполне,
Что съ униженіемъ лобзать готовы руку,
Толкающую васъ на раны, боль и муку,
И славу возглашать на медленномъ огнѣ?
То, что оставили для своего народа
Владыки щедрые, и что дала свобода
Вѣкамъ — прекраснаго, и то, чѣмъ такъ великъ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ БАЙРОНА.

Завѣтъ Исторіи — у нихъ иной родникъ.
Смотрите-же теперь, читайте... и вздохните,
Потомъ падите ницъ и кровью изойдите!
Всѣ, кромѣ гордыхъ душъ, кому невѣдомъ страхъ,
Кто, несмотря на все, — на эти преступленья,
Происходящія отъ страстнаго стремленья
Разбить твердыни стѣнъ своей темницы въ прахъ,
И выпить, наконецъ, тѣ сладостныя воды,
Что льются изъ святыхъ источниковъ свободы;
На преступленія, творимыя толпой,
Дошедшей наконецъ до ярости слѣпой
Отъ долгихъ тяжкихъ лѣтъ мученія и гнета,
Когда у каждого уже одна забота:
Топча другихъ вокругъ, добыть воды скорѣй,
Что имъ забвеніе несетъ въ струѣ своей, —
Забвеніе цѣпей, забвеніе печали,
Ярма, въ которомъ всѣ песокъ они пахали,
Безплодный и сухой... А если-бы зерно
Взошло нежданно тамъ, — то имъ-бы все равно
Колосья не могли достаться золотые.
О, слишкомъ долго ужъ они сгибали выи
Подъ тяжестью ярма; и мертвый ихъ языкъ
Лишь жвачку горести одну жевать привыкъ.
Да, кромѣ гордыхъ душъ, въ комъ, несмотря на это,
Все на грядущее надеждами согрѣто.
Хоть ненавистны имъ подобныя дѣла —
Они съ *причиною* не смѣшиваютъ зла
Отъ этихъ временныхъ, случайныхъ уклоненій
Природы отъ ея законовъ. Ихъ умы
Готовы видѣть въ нихъ прообразы чумы
Иль бѣдствій міровыхъ, большихъ землетрясеній...
На мигъ пройдутъ они, промчатся надъ землею —
А тамъ утихнутъ вновь смятенная стихія,
И весны прилетятъ, и принесутъ покой,
И поколѣнія появятся младыя,
И въ гордой красотѣ возстанутъ города,
Прекрасны — если имъ свобода не чужда;
Лишь для тебя вѣдь нѣтъ цвѣтовъ, о Тираннія!

III.

О, какъ, Имперія и Слава, вы въ своемъ
Союзѣ царственномъ съ Свободою втроемъ,
Владѣли нѣкогда твердыней этихъ башенъ.
Союзъ народностей сильнѣйшихъ не былъ страшенъ
Для духа гордаго Венеціи тогда!
Завидовали ей; но даже и вражда
Склонялась передъ ней. Она привыкла видѣть
Монарховъ у себя; всѣ поклонялись ей
И увлекались хозяйкою своей,
Не въ силахъ ни за что ее возненавидѣть.
Съ монархами толпа была здѣсь заодно:
Она — красавица — Венеція — давно
Была уже для всѣхъ пришельцевъ чужестранныхъ
Приманкой дивною мечтаній постоянныхъ.
И преступленій кто-бъ простить ей не сдумѣлъ?
Они смягчались, рожденныя любовью.

О Д А К Ъ В Е Н Е Ц І И.

И никогда она не упивалась кровью,
И не были нужны ей груды мертвыхъ тѣлъ.
Но всѣхъ ея побѣдъ безбольныхъ достоянье
Дарило радости счастливое сіянье.
Она спасала крестъ, и постоянно онъ
Съ небесъ благословлялъ ту сѣнь ея знаменъ,
Что развѣвлася преградою святою
Межъ Полумѣсяцемъ невѣрнымъ и землею.
И Полумѣсяцъ тотъ померкъ и поблѣднѣлъ,
Благодаря лишь ей... и вотъ ея удѣлъ:
Земля дарить за то Венеціи прекрасной
Неумолимый звонъ, тяжелый лязгъ цѣпей;
И онъ терзаетъ слухъ, насмѣшкою ужасной,
Всѣмъ, кто обязанъ ей Свободою своей.
Но съ ними можетъ лишь дѣлать она Страданье.
И „королевство“ врагъ ей даровалъ названье!..
Но знаетъ и она — какъ мы — всю цѣну словъ.
Которыми тиранъ жонглировать готовъ.

IV.

Уже для трехъ частей измученнаго міра
Исчезла и прошла Республики мечта:
Венеціи — конецъ; Голландія — взята,
И въ ней царятъ теперь и скипетръ и порфира.
Швейцарцы, тѣ еще среди родимыхъ горъ,
Не знающихъ оковъ, спокойны и свободны;
Но тираннія имъ готовить ужъ позоръ:
Ея усилія и хитрость не безплодны...
Она растетъ, растетъ, и гаситъ на пути
Всѣ искры, что въ золѣ могла еще найти.
Но есть великій край, свободный и счастливый,
Въ расцвѣтѣ юныхъ силъ встаетъ онъ горделивый.
Могучій океанъ хранить его народъ
И въ сторонѣ его ревниво бережетъ.
Народъ тотъ вскормленъ былъ съ заботой неизмѣнной
Въ благоговѣніи къ Свободѣ драгоцѣнной,
Еще отцы его сражались за нее
И дѣтямъ отдали наслѣдіе свое;
Отличье гордое отъ странъ другихъ, несчастныхъ,
Движенію руки монарха лишь подвластныхъ,
Какъ будто-бы для нихъ бездушный скипетръ въ ней
Былъ жезлъ магическій, науки всей сильнѣй.
Одинъ великій край, непобѣжденный, твердый
Еще возносится своей вершиной гордой
Изъ водъ Атлантики! Тотъ край намъ доказалъ —
Исавамъ - первенцамъ, — что гордая знамена,
Неустранимая защита Альбіона,
Легко парящая надъ высью нашихъ скалъ —
Должны склоняться ницъ въ почтеніи къ народу,
Что кровью заплатилъ за Право и Свободу.
О, если въ людяхъ кровь подобна бѣгу водъ —
Не лучше-ль, чтобъ она стремилась все впередъ,
Не лучше-ль, чтобъ ея потокъ былъ мощенъ, силенъ,
Чѣмъ въ жилахъ тысячью лѣнивыхъ ползъ извилинъ,
Цѣпями загражденъ, какъ сумрачный каналъ, —
И, какъ больной во снѣ, едва-едва шагаль?

ПОЛНОЕ СОВРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ БАЙРОНА.

Нѣтъ! лучше гибнуть тамъ, гдѣ и поднесъ Свобода
Спартанцевъ память чтить, погибнувшихъ въ бою,
Отдавши за нее такъ гордо жизнь свою
У Термопильскаго безсмертнаго прохода, —
Чѣмъ мертвенный застой. Иль—прочь изъ этихъ странъ,
И новый влить потокъ въ могучій океанъ;
И, вольною душой достойнаго ихъ, сына
Дать предкамъ доблестнымъ, погибнувшимъ въ борьбѣ,
И новаго еще прибавить гражданина,
Свободнаго бойца, Америка, тебѣ!...





МАЗЕПА.

Одновременно съ выходомъ въ свѣтъ, безъ имени автора, первой пѣсни „Донъ-Жуана“, 28 іюня 1819 г., появилась небольшая брошюра, съ полною подписью Байрона, заключающая въ себѣ поэму „Мазепа“ и „Оду къ Венеціи“. Написана была эта поэма,—по крайней мѣрѣ, вчернѣ,—гораздо раньше, вѣроятно, осенью 1818 г. Ея содержаніе, какъ указываетъ самъ авторъ въ небольшомъ предувѣдомленіи, заимствовано изъ „Исторіи Карла XII“ Вольтера, именно — изъ 4-й книги этого сочиненія, въ которой разсказывается о неудачномъ походѣ Карла на Россію и объ его бѣгствѣ въ Турцію послѣ Полтавскаго сраженія. Это событіе, имѣвшее такое рѣшительное значеніе въ жизни „последняго рыцаря“, и послужило исходнымъ пунктомъ для Байроновской поэмы. Личность Карла XII, безъ сомнѣнія, интересовала поэта не меньше, чѣмъ личность Мазепы: судьба и характеръ шведскаго короля должны были напоминать поэту судьбу нѣкогда излюбленнаго имъ героя—Наполеона, для котораго походъ въ Россію оказался точно такъ же роковымъ, какъ и для Карла XII. Это сопоставленіе обоихъ героев проскользнуло въ первой строфѣ „Мазепы“, гдѣ поэту вспомнился „день еще болѣе мрачный и ужасный“, чѣмъ день Полтавскаго боя. Замѣчательно, однако, что, не взирая на все сходство между шведскимъ королемъ и французскимъ императоромъ и на постоянное вниманіе Байрона къ личности Наполеона, о Карлѣ XII ранѣе появленія „Мазепы“ поэтъ не обмолвился ни однимъ словомъ. Можетъ быть, это молчаніе объясняется тѣмъ, что поэтъ успѣлъ познакомиться лишь въ сравнительно позднѣйшее время съ тѣмъ произведеніемъ Вольтера, которымъ внушена эта поэма.

Пушкинъ, хорошо изучившій произведенія Байрона, досадовалъ на англійскаго

поэта за то, что онъ, избирая героемъ Мазепу, остановился на одномъ только эпизодѣ изъ юношескихъ дней гетмана и вовсе не коснулся позднѣйшихъ событій его жизни, представляющихъ гораздо болѣе сильный драматическій интересъ. Прочитавъ въ первый разъ въ поэмѣ Рылѣева „Войнаровский“ стихи:

Жену страдальца Кочубея
И обольщенную имъ дочь...

Пушкинъ „изумился, какъ могъ поэтъ пройти мимо столь страшнаго обстоятельства. Обременять вымышленными ужасами историческіе характеры и не мудрено, и не великодушно... Но въ описаніи Мазепы пропустить столь разительную черту было непростительно... Байронъ пораженъ былъ только картиной человѣка, привязаннаго къ дикой лошади и несущагося по степямъ. Картина, конечно, поэтическая, — и за то, посмотрите, что онъ изъ нея сдѣлалъ! Но не ищите тутъ ни Мазепы, ни Карла, ни сего мрачнаго, ненавистнаго, мучительнаго лица, которое проявляется почти во всѣхъ произведеніяхъ Байрона... Байронъ и не думалъ о немъ; онъ выставилъ рядъ картинъ, одна другой разительнѣе, — вотъ и все; но какое пламенное созданіе, какая широкая, быстрая кисть! Если-жъ бы ему подъ перо его попала исторія обольщенной дочери и казненнаго отца, то, вѣроятно, никто бы не осмѣлился послѣ него коснуться сего ужаснаго предмета“.

Выборъ сюжета объясняется, конечно, тѣмъ, что Байронъ зналъ о Мазепѣ лишь тѣ подробности, какія могъ найти у Вольтера, вовсе не упоминающаго о дочери Кочубея. Но, помимо поразительной картины человѣка, несущагося на дикой лошади, — безспорно, одной изъ тѣхъ картинъ, которыми охотнѣе всего увлекалась фантазія

английского поэта, въ „Мазепѣ“ есть еще другая черта, близкая Байрону по обстоятельствамъ его личной жизни: изображеніе любовныхъ отношеній героя къ молодой женѣ стараго мужа имѣетъ до извѣстной степени автобіографическое значеніе; недаромъ поэтъ постоянно возвращается къ этой темѣ то съ серьезной, то съ комической стороны въ произведеніяхъ венеціанской поры своей жизни,—въ 1-й пѣснѣ „Донъ-Жуана“ и въ „Беппо“, недаромъ и возлюбленной молодого пажы Мазепы, женѣ старика-воеводы, дано имя Терезы, — имя, въ ту пору особенно близкое Байрону. Въ апрѣлѣ 1819 г., на вечерѣ у графини Бенцони, поэтъ былъ представленъ юной графинѣ Терезѣ Гвичіоли, урожденной графинѣ Гамба, которая только что вышла замужъ за богатѣйшаго землевладѣльца Романьи, шестидесятилѣтняго старика, уже похоронившаго двухъ женъ. Это представленіе произошло наперекоръ желанію обѣихъ сторонъ: молодая графиня была утомлена и собиралась ѣхать домой, а Байрону не хотѣлось заводить новыхъ знакомствъ; они познакомились только изъ вѣжливости по отношенію къ хозяйкѣ дома. Но едва успѣли они обмѣняться нѣсколькими словами,—въ ихъ сердца запала искра, которая съ тѣхъ поръ уже не потухала. „Дивныя и благородныя черты его лица“, говоритъ графиня въ своихъ запискахъ,—„звукъ его голоса, его манеры и окружавшее его невыразимое очарованіе дѣлали изъ него феноменъ, превосходившій все, дотолѣ мною видѣнное. Съ этого вечера мы видѣлись каждый день во время моего пребыванія въ Венеціи“. Нѣсколько недѣль спустя, Тереза должна была уѣхать вмѣстѣ съ мужемъ въ Равенну. Разлука съ Байрономъ такъ потрясла ее, что въ первый день она нѣсколько разъ падала въ обморокъ, а потомъ такъ сильно занемогла, что ее привезли домой полуживою. Въ это же время у нея умерла мать. У графа было нѣсколько имѣній и замокъ между Венеціей и Равенной,—и съ каждой изъ этихъ станцій графиня посылала Байрону самыя страстныя письма, въ которыхъ выражала свое отчаяніе по поводу разлуки и умоляла пріѣхать въ Равенну. Въ письмахъ изъ этого города она трогательно изображала происшедшую съ нею перемѣну: раньше она мечтала только о праздникахъ и балахъ, а теперь любовь такъ передѣлала ея натуру, что она, согласно съ желаніемъ Байрона, стала избѣгать общества и проводить время въ совершенномъ оди-

ночествѣ, занимаясь только чтеніемъ, музыкой, верховой ѣздой и домашними дѣлами. Отъ тоски и огорченія она опасно заболѣла: у нея началась изнурительная лихорадка и появились признаки чахотки. Узнавъ объ этомъ, Байронъ пріѣхалъ въ Равенну. Онъ нашелъ свою Терезу въ постели: она кашляла, харкала кровью и была, повидимому, близка къ смерти. „Я боюсь, что она страдаетъ чахоткой“, писалъ поэтъ. „Вотъ такъ случается со всякимъ предметомъ и со всякою личностью, къ которымъ я чувствую искреннюю привязанность. Если съ ней случится бѣда,—это будетъ гибелью для моего сердца: вѣдь это моя послѣдняя любовь. Увлеченія, которымъ я до сихъ поръ предавался и которыми уже пресытился, имѣли по крайней мѣрѣ ту хорошую сторону, что теперь я способенъ любить въ болѣе благородномъ значеніи этого слова...“ Всѣ окружающіе удивлялись своеобразнымъ отношеніямъ стараго графа Гвичіоли къ молодому лорду: графъ былъ съ нимъ въ высшей степени вѣжливъ и предупредителенъ, каждый день заѣзжалъ за нимъ въ экипажъ, запряженнымъ шестеркой лошадей, и всюду разѣзжалъ съ нимъ,—по выраженію Байрона—„какъ Виттингтонъ съ своей кошкой“. Байронъ чувствовалъ себя совершенно счастливымъ подлѣ своей возлюбленной Терезы; эта единственная полная и счастливая его любовь возвратила ему поэзію его юношескихъ чувствъ; онъ былъ влюбленъ и нисколько не старался скрывать своего чувства. Когда графиня на нѣкоторое время уѣхала съ мужемъ въ одно изъ имѣній графа, Байронъ ежедневно посѣщалъ ея жилище, заходилъ въ ея комнату, читалъ ея любимыя книги и дѣлалъ на поляхъ отмѣтки. Когда дѣла потребовали присутствія графа Гвичіоли въ Равеннѣ, онъ позволилъ женѣ уѣхать вмѣстѣ съ Байрономъ въ Венецію, гдѣ они и поселились вмѣстѣ въ виллѣ Ла-Мира. Нѣсколько времени спустя, графъ обратился къ Байрону съ просьбою о займѣ въ 1000 фунтовъ; Байронъ отказалъ; тогда графъ потребовалъ, чтобы жена вернулась къ нему въ Равенну. Пріѣхавъ туда, въ концѣ 1819 г., графиня опять заболѣла; ея отецъ умолялъ Байрона пріѣхать къ ней; мужъ на это согласился, и въ декабрѣ того же года Байронъ поселился въ Равеннѣ, сначала въ домѣ дяди Терезы, маркиза Кавалли, а затѣмъ—въ домѣ самого Гвичіоли, нанятомъ имъ у графа. Лѣтомъ слѣдующаго

года графъ опять сталъ требовать, чтобы его жена оставила Байрона; на этотъ разъ дѣло кончилось формальнымъ разводомъ графини. Она переѣхала къ своему отцу, а черезъ нѣсколько времени уѣхала съ Байрономъ сначала въ Пизу, потомъ—въ Геную, гдѣ они и жили вмѣстѣ до самаго отъѣзда поэта въ Грецію.

По словамъ Шелли, связь Байрона съ графиней Гвичіоли была для поэта „не-оцѣненнымъ благомъ“. Привязанность молодой женщины къ красавцу-поэту была совершенно безкорыстна, и много лѣтъ спустя она вспоминала о времени, съ нимъ проведенномъ, какъ о самой счастливой порѣ своей жизни. „Если бы какой-нибудь духъ, только что вкусившій небеснаго блаженства, былъ низвергнутъ на землю для того, чтобы испытать всѣ ея горести“, говоритъ она въ своихъ запискахъ,—„его скорбь не могла бы быть сильнѣе той, какую я чувствую съ той минуты, когда получила страшное извѣстіе (о смерти Байрона) и навсегда утратила надежду еще разъ увидѣть того, чей одинъ взглядъ былъ для меня дороже всякаго земного счастья“.

Ради своей любви къ Байрону графиня Гвичіоли отказалась отъ богатства и общественнаго положенія; она не побоялась скомпрометировать себя открытою связью съ поэтомъ и не согласилась принять отъ него деньги передъ его отъѣздомъ въ Грецію, а также не позволила ему сдѣлать завѣщаніе въ ея пользу. „Ея поведение въ отношеніи ко мнѣ“, писалъ Байронъ къ лэди Блессингтонъ, „было вполне безупречно; рѣдко можно встрѣтить привязанность болѣе сильную и безкорыстную, чѣмъ та, какую она сохраняла ко мнѣ во все время нашей связи“. Впослѣдствіи, въ концѣ 40-хъ или въ началѣ 50-хъ гг., она вышла замужъ за маркиза де-Буасси, который очень гордился тѣмъ, что его жена была нѣкогда предметомъ любви Байрона. По смерти маркиза, она вернулась въ Италію и поселилась во Флоренціи, гдѣ и умерла въ 1873 г.

Вотъ эти-то отношенія къ графинѣ Гвичіоли и отразились въ произведеніяхъ нашего поэта, написанныхъ около 1819 г. Байронъ нѣсколько разъ, какъ мы уже говорили, возвращается къ изображенію неравнаго брака молодой женщины со старикомъ и внѣ-брачной любви ея къ юношѣ. Въ частности, любовная исторія Мазепы и Терезы въ нѣкоторыхъ своихъ подробностяхъ очень близко совпадаетъ съ личною

исторіею самого поэта. Такъ, Мазепа рассказываетъ, что онъ и Тереза съ первой же встрѣчи полюбили другъ друга; то же, какъ мы видѣли, произошло и съ Байрономъ. Связь Мазепы съ графиней вскорѣ была открыта и юный пажъ навсегда разлученъ со своей возлюбленной; точно такъ же и Байрону пришлось разстаться съ Терезой въ самомъ началѣ ихъ близости, такъ какъ она принуждена была уѣхать съ мужемъ въ Равенну,—и въ первое время разлуки поэтъ едва ли могъ знать навѣрное, увидятся ли они еще когда-нибудь. Это настроеніе оказалось у Байрона и въ написанномъ въ маѣ 1819 г. въ Болоньѣ стихотвореніи „Къ По“, гдѣ онъ обращается къ рѣкѣ, текущей къ тому городу, въ которомъ живетъ его милая. До извѣстной степени отождествляя себя съ влюбленнымъ Мазепой, поэтъ рисуетъ Терезу идеальными чертами женской красоты, придавая ей, впрочемъ, „азиатскіе“ глаза, которыхъ у нея въ дѣйствительности не было и которыми отличалась другая возлюбленная поэта, венеціанка Маріанна Сегати.

Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что нѣкоторые комментаторы (напр. Кельбингъ) считаютъ имя Терезы въ „Мазепѣ“ лишь случайнымъ и высказываются противъ допущеннаго нами отождествленія, ссылаясь, главнымъ образомъ на то, что поэма была уже написана раньше знакомства поэта съ графиней Гвичіоли, и что Терезою же звали и другую особу, которою въ свое время также увлекался Байронъ, именно—такъ называемую „афинскую дѣву“. Но если „Мазепа“ и былъ готовъ вчернѣ ранѣе встрѣчи Байрона съ графиней, то окончательно отдѣланъ онъ былъ уже послѣ того, какъ влюбленные сблизились: рукопись поэмы, присланная Байрономъ своему издателю, была переписана рукою графини.

Выборъ сюжета для поэмы обусловливался, однако, не только личными отношеніями автора и его постояннымъ отрицательнымъ взглядомъ на „законныя узы“, которыхъ любовь не хочетъ знать. Любовная исторія занимаетъ въ этомъ произведеніи лишь очень скромное мѣсто: она служитъ только предисловіемъ, поводомъ къ тому, что составляетъ самую суть поэмы,—къ изображенію человѣческаго страданія. По справедливому замѣчанію Брандеса, участіе къ страданію мало-по-малу поглощаетъ въ патетической поэзіи Байрона интересъ ко всему прочему. Послѣ разрыва поэта съ своей родиной это чувство сдѣлалось

еще болѣе рѣзкимъ и искреннимъ, чѣмъ когда-либо прежде; въ этой формѣ сознаніе житейской дѣйствительности прорывается сквозь романтизмъ и, можно сказать, уничтожаетъ его. Въ „Шильонскомъ узникѣ“ изображены страданія благороднаго Бонни-вара, который въ теченіе шести лѣтъ былъ прикованъ къ столбу въ подземельѣ такою короткою цѣпью, что не могъ лечь, и видѣлъ, какъ умирали прикованные къ соседнимъ столбамъ его братья, не будучи въ состояніи протянуть имъ руку помощи. Теперь въ томъ же духѣ написанъ былъ и „Мазепа“: юноша привязанъ къ спинѣ дикой лошади, которая бѣшено мчится по лѣсамъ и степямъ, между тѣмъ какъ самъ онъ, невольный всадникъ, переживаетъ всякаго рода физическія и нравственныя мученія. И въ другихъ произведеніяхъ Байрона, напр., въ „Жалобѣ Тасса“ и въ „Прометей“ мы находимъ тотъ же излюбленный поэтомъ мотивъ, — несчастіе и страданіе свыше мѣры и силъ. При склонности поэта къ такому настроенію нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что нѣсколько строкъ, сухихъ и сжатыхъ, изъ книги Вольтера развились въ „Мазепѣ“ въ яркую и полную ужаса картину, однородную съ картиной мученій мифологическаго титана. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Муррею Байронъ говоритъ, что Прометей „крѣпко засѣлъ у него въ памяти“; воспоминаніе о немъ, дѣйствительно, не осталось безъ вліянія на все, или почти на все, написанное поэтомъ; отголоски этого вліянія можно указать и въ „Мазепѣ“. Подобно прикованному къ мертвой скалѣ Прометею, Мазепа, привязанный къ мертвому коню, лежитъ въ пустынѣ, „гдѣ не увидишь ни людей, ни звѣря, ни слѣдовъ копыта“, гдѣ „самъ воздухъ точно онѣмѣлъ“, никто не услышитъ стона, нѣтъ никакой надежды на спасеніе, — „и только воронъ злой кружить надъ сумракомъ равнины“, спускаясь все ниже и ниже къ своей жертвѣ...

Другой мотивъ поэмы — изображеніе бѣшеной скачки — вызываетъ рядъ другихъ литературныхъ сопоставленій. Въ началѣ прошлаго столѣтія этотъ мотивъ часто и на разные лады варіировался въ англійскихъ балладахъ, которыми Байронъ всегда очень интересовался. Такова, напр., баллада Коупера о почтенномъ лондонскомъ купцѣ Джонѣ Гильпинѣ, который вздумалъ поѣхать верхомъ на пикникъ; лошадь испугалась, понесла неумѣлаго всадника, и только послѣ цѣлаго ряда трагикомиче-

скихъ приключеній ему удалось, наконецъ, полуживымъ добраться до своего дома. Въ другой, подобной же, балладѣ Бернса: „Тэмъ о'Шентеръ“ герой разсказа, горячій поклонникъ эля, возвращается съ ярмарки въ полночь, также верхомъ, и, проѣзжая мимо кладбища, встрѣчаетъ цѣлую толпу вѣдьмъ и привидѣній, которыя пускаются за нимъ въ погоню... Серьезнымъ и уже трагическимъ оттѣнкомъ отличается тотъ же мотивъ въ поэмѣ Кольриджа „Кристалль“, гдѣ лэди Джеральдина разсказываетъ о томъ, какъ пятеро воиновъ схватили ее, привязали къ бѣлому коню и бѣшено помчались съ нею, а потомъ бросили подъ дубомъ, гдѣ она и была найдена въ безсознательномъ состояніи — какъ былъ найденъ и Мазепа. Такую же бѣшеную скачку встрѣчаемъ, далѣе, въ балладахъ Вальтера-Скотта: „Вильямъ и Елена“ (передѣлка извѣстной „Леноры“ Бюргера, изъ которой Жуковскій заимствовалъ свою „Свѣтлану“), „Дикій охотникъ“ и „Пѣснь послѣдняго менестреля“. Наконецъ, и самъ Байронъ также изобразилъ бѣшеную скачку въ „Гяурѣ“.

Скачка Мазепы получаетъ особый характеръ, благодаря своеобразно нарисованной и освѣщенной картинѣ мѣстности. И здѣсь, опять по двумъ-тремъ сухимъ замѣткамъ, разсѣянными въ разныхъ мѣстахъ „Исторіи“ Вольтера, воображеніе поэта создало удивительный пейзажъ южно-русской степи, огромной и безлюдной пустыни, коегдѣ прерываемой лѣсами, рѣками и болотами. Въ примѣчаніяхъ къ поэмѣ мы приводимъ тѣ мѣста изъ книги Вольтера, которыми, по всей вѣроятности, вдохновлялся Байронъ, изображая эту дику мѣстность; но память поэта могла подсказать ему еще и другіе образцы въ томъ же родѣ. Такъ, въ названной выше „Пѣснѣ послѣдняго менестреля“ Вальтера-Скотта рыцарь Вильямъ Делорэнъ, по порученію своей госпожи, мчится на быстромъ скакунѣ на кладбище, чтобы добыть изъ старой гробницы волшебную книгу. Онъ несется, не разбирая дороги, по мхамъ и пескамъ, по лѣсамъ и болотамъ, переплываетъ рѣки, не боясь ни дождя, ни снѣга, ни жара, ни холода. Конь Мазепы также несется сначала по равнинѣ, затѣмъ пробѣгаетъ черезъ дремучій лѣсъ, переплываетъ рѣку и, съ трудомъ взобравшись на крутой берегъ, продолжаетъ бѣжать въ степи. При этомъ обоихъ всадниковъ, — вольнаго и невольнаго — озаряетъ своимъ таинственнымъ свѣ-

томъ луна; передъ однимъ мелькають болотные блуждающіе огоньки, другой напрасно надѣется увидѣть въ окружающей его пустынь даже и такой огонекъ,—„какъ счастья проблескъ мимолетный“...

Избранная Байрономъ для своей поэмы форма личнаго разсказа главнаго дѣйствующаго лица какъ нельзя больше отвѣчаетъ характеру содержанія. „Мазепа“ представляетъ драматическій монологъ, точно такъ же, какъ „Шильонскій узникъ“, какъ исповѣдь „Гяура“ (пріемъ, повторенный Лермонтовымъ въ его „Мцыри“), какъ страстные монологи Манфреда и проч. Страданіе физическое и нравственное, конечно, чувствуется несравненно сильнѣе и настойчивѣе, когда о немъ говоритъ самъ страдающій: здѣсь вы ощущаете почти непосредственно жгучую, вопіющую боль... Такое же сильное впечатлѣніе производитъ на читателя и написанная въ той же формѣ поэма Кольриджа „Старый морякъ“, въ которой изображеніе ужасовъ одиночества на кораблѣ, заброшенномъ въ полярное море, можно сказать, однородно съ картиною страшнаго томленія Мазепы въ пустынь. Для Байрона, какъ поэта въ высшей степени субъективнаго, форма драматическаго монолога подсказывалась въ данномъ случаѣ, какъ и въ другихъ подобныхъ произведеніяхъ, самою сущностью повѣствованія. Если замѣчаніе Эльце о томъ, что Байронъ могъ изображать только то, что самъ видѣлъ и пережилъ, и должно быть принято съ нѣкоторыми ограниченіями, то во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что поэтъ, который самъ перенесъ много страданій, могъ лучше всякаго другого прочувствовать и внутренне пережить въ своемъ воображеніи и такія мученія физическія и нравственныя, какихъ онъ не переживалъ въ дѣйствительности. Эти мученія были близки его сердцу — и онъ умѣлъ передавать ихъ съ такой силой и разнообразіемъ, какихъ мы напрасно стали бы искать у другихъ поэтовъ. Недаромъ почти всѣ любимые его герои — Гуго, Паризина, Фоскари, Гяуръ, Корсаръ, Манфредъ,—постоянно изображаются въ борьбѣ съ страшной душевной тоской, лицомъ къ лицу съ крушеніемъ, пыткой, смертью, — собственной мучительною и продолжительною смертью или горькою утратою самыхъ дорогихъ имъ людей,—съ угрызениями совѣсти, среди зловѣщихъ ожиданій грозной вѣчности, не имѣя иной опоры, кромѣ своей природной энергіи и непреодолимой гордости. Въ каждомъ изъ этихъ байроновскихъ

героевъ несомнѣнно есть часть самого поэта, его собственной личности, и характеръ Мазепы роднится съ ними не однимъ только тяжкимъ страданіемъ, но и другими чертами. Несмотря на свой преклонный возрастъ, гетманъ сохраняетъ неодолимую физическую и духовную мощь,—„какъ дубъ, что снесъ грозы удары и подъ которымъ нынѣ онъ искать пріюта осужденъ“; онъ смѣлъ, спокоенъ и суровъ, какъ въ былые годы, и такъ же безпощадно готовъ бороться и теперь съ врагами, какъ безпощадно отомстилъ нѣкогда грозному воеводѣ за свой позоръ и мученія, разрушивъ до основанія его замокъ. Такимъ образомъ въ семьѣ прочихъ байроновскихъ типовъ Мазепа является вполне своимъ.

Карлъ XII, лишь мимолетно захваченный поэмою, также представляетъ нѣкоторое душевное сродство съ этими типами; и въ немъ мы видимъ также личностя, хотя и измученную физическими страданіями, но не ослабѣвшую духовно; онъ — „покинутый судьбой, мученія сноситъ какъ герой, и предъ усилениемъ мощной воли, смирясь, нѣмѣютъ рабски боли“; войско его разбито, власть уничтожена, онъ долженъ спасать свою жизнь бѣгствомъ, среди лишеній, но онъ не побѣжденъ: духомъ онъ такъ же смѣлъ и бодръ, какъ его старый товарищъ-гетманъ и съ тою же небрежностью, съ тѣмъ же равнодушіемъ, какъ тотъ, относится къ ударамъ судьбы, беззаботно засыпая подъ рѣчь Мазепы... И вамъ такъ и кажется, что чуть забрежжетъ утро, этотъ неутомимый и несокрушимый въ несчастіѣ „последній рыцарь“ разбудитъ своего спутника бодрымъ окрикомъ пушкинскаго Карла:

Ого! Пора!
Вставай, Мазепа!

Вы чувствуете въ этомъ мимолетномъ изображеніи все ту же могучую натуру, которая, какъ и Мазепа, какъ и другіе байроновскіе герои, „не знаетъ мѣры въ добрѣ и злѣ“ и до конца вѣрить въ свои силы.

Кто угадаетъ жребій свой?
Не опускай лишь взоръ долу
И будь безтрепетенъ душой!

Смерть, рано или поздно, неизбежна; но человекъ, одаренный духовною мощью, спокойно предается своей судьбѣ. Онъ хочетъ жить—даже и среди страданій ждетъ иного, лучшаго жребія и не склоняется передъ ударами судьбы, а смѣло и гордо посылаетъ ей свой вызовъ. Такова заключительная

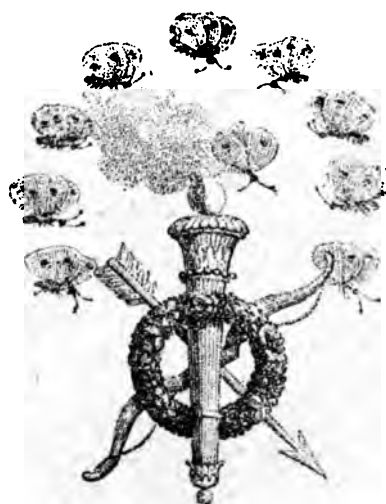
ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ БАЙРОНА.

мораль, выведенная Мазепой изъ его разсказа и вполне совпадающая съ моралью самого Байрона.

„Мазепа“ оставилъ въ европейской литературѣ довольно яркій слѣдъ. О связи поэмы Байрона съ „Полтавой“ Пушкина уже сказано выше. Почти одновременно съ „Полтавой“ явилась одна изъ „Orientales“ Виктора Гюго на ту же тему (1829); затѣмъ, въ 1840 г. написана трагедія „Мазепа“ знаменитаго польскаго поэта Юлія

Словацкаго, одного изъ самыхъ замѣчательныхъ представителей байронизма на славянской почвѣ. Къ болѣе позднему времени относится трагедія Рудольфа Готтшалля. Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть и о произведеніи изъ другой области искусства — о симфонической поэмѣ Листа „Мазепа“, въ которой содержаніе байроновскаго разсказа гениально иллюстрируется звуками (1857).

П. Морозовъ.





МАЗЕПА ВЪ СТАРОСТИ (Mazepa aetatis 70).

*Воспроизведено из великого оригинала с родчайшего офорта Порблана (Norblain
и la Gourdaigne, 1745–1830), находящегося в Публичной Библиотеке в СПб.*



МАЗЕПА.

„Тотъ, кто занималъ тогда этотъ постъ, былъ польскій шляхтичъ, по имени Мазепа, родившійся въ Подольскомъ палатинатѣ; онъ былъ пажемъ Яна Казимира и при его дворѣ приобрѣлъ нѣкоторый европейскій лоскъ. Въ молодости у него былъ романъ съ женой одного польскаго шляхтича, и мужъ его возлюбленной, узнавъ объ этомъ, велѣлъ привязать Мазепу нагишемъ къ дикой лошади и выпустить лошадь на свободу. Она была родомъ изъ Украины и убѣжала туда, притащивъ съ собой Мазепу, полумертваго отъ усталости и голода. Его пріютили мѣстные крестьяне; онъ долго жилъ среди нихъ и отличился въ нѣсколькихъ набѣгахъ на татаръ. Благодаря превосходству своего ума и образованія, онъ пользовался большимъ почетомъ среди казаковъ, слава его все болѣе и болѣе росла, такъ что царь принужденъ былъ объявить его украинскимъ гетманомъ“. (Voltaire. Hist. de Charles XII, p. 196).

„Король бѣжалъ и гнавшіеся за нимъ враги убили подъ нимъ его коня; полковникъ Гіета, раненый и истекающій кровью, уступилъ ему своего. Такимъ образомъ дважды посадили на коня во-время бѣгства этого завоевателя, который не могъ сѣсть въ сѣдло во-время битвы“ (стр. 216).

„Король отправился другой дорогой съ нѣсколькими всадниками. Карета, въ которой онъ сидѣлъ, сломалась по пути, и его посадили верхомъ на лошадь. Къ довершенію несчастія, онъ заблудился ночью въ лѣсу. Тамъ, обезсиленный, несмотря на свое мужество, невыносимо страдая отъ ранъ, потерявъ лошадь, упавшую отъ усталости, онъ лежалъ нѣсколько часовъ подъ деревомъ, подвергаясь опасности быть застигнутымъ ежеминутно побѣдителями, которые гнались за нимъ со всѣхъ сторонъ“ (стр. 218).





КАРЛЪ XII (Karl XII).

Съ современнаго портрета Крафта (David Krafft 1655—1724).

I.

Въ полтавской битвѣ прежней славой
Покинуть былъ державный шведъ;
Недвижно, грудю кровавой
Легли товарищи побѣдъ;
И мощь и доблесть измѣнили,
Какъ ихъ служитель—человѣкъ,
Примкнувъ тщеславно къ новой силѣ,—
Къ царю Москвы; враговъ набѣгъ
Ея стѣнамъ не страшенъ болѣ;
Но грянулъ часъ и худшихъ бѣдъ,
Предавшій горькой, тяжелой долѣ
Именъ и воинствъ лучшій цвѣтъ.
Онъ одному принесть паденье,
А міру—ужасъ и смятенье.

II.

Таковъ судьбы слѣпой законъ!
Карлъ, мучась болью жгучей раны,
Скакалъ чрезъ рѣки и поляны,
Спасаясь бѣгствомъ, обагрень
Чужой и собственной кровью.
Скакалъ онъ день, скакалъ онъ ночь;
Чтобъ бѣгству этому помочь
Погибли тысячи съ любовью,
И не сказали ничего
Въ упрекъ тщеславію его,
Хотя развѣнчанная сила
Ужъ больше правдѣ не грозила.
Вождю Гіета далъ коня,
А самъ въ плѣну погибъ, стена.

Но палъ скакунъ въ безумномъ бѣгѣ,
И Карлъ во тѣмѣ, въ глуши лѣсовъ,
Близъ цѣпи вражескихъ костровъ,
Остановился на ночлегъ.
Для этихъ лавровъ-ли порой
Народа кровь течетъ рѣкой?
Окоченѣлый, изнуренный,
Лежитъ подъ деревомъ король.
Тревожитъ ранъ тупую боль
Холодный мракъ въ ночи безсонной,
Но онъ, покинутый судьбой,
Мученья сносить, какъ герой.
И предъ усилениемъ мощной воли
Смирясь, нѣмѣютъ рабски боли,
Какъ нѣкогда, во дни войны,
Народы—имъ покорены.

III.

Гдѣ сонмъ вождей? Увы, ихъ мало!
Несчастный день развѣялъ ихъ,
Но честь и вѣрность сохраняла
Горсть оставшихся въ живыхъ.
Печальный кругъ ихъ отдыхаетъ
Вблизи монарха, у коней;
Они—товарищи; равняетъ
Бѣда животныхъ и людей.
Здѣсь и Мазепа; хмурый, старый,
Какъ дубъ, что снесъ грозы удары
И подъ которымъ нынче онъ
Искать пріюта осужденъ.
Казацкій гетманъ смѣлъ, спокоенъ;
Усталый,—все-жъ какъ истый воинъ,
Сначала вытеръ онъ коня,
Постлалъ изъ листьевъ ложе другу,
Ослабилъ поводъ и подпругу,
Труды товарища цѣня.
И смотреть съ ласковой заботой,
Какъ ѣстъ скакунъ свой кормъ съ охотой.
Его усталость не беретъ;
Не прихотливъ, какъ гетманъ, тоже
Себѣ не требуетъ заботъ
О пищѣ иль удобномъ ложѣ.
Косматый, быстрый, полный силъ,
Мазепу бѣшено носилъ
Онъ по степямъ необозримымъ
И средь несчетныхъ голосовъ,
Узнавъ въ толпѣ хозяйскій зовъ,
Шелъ за хозяиномъ любимымъ.
Пусть ночь темна, пускай густымъ
Покровомъ сумрака одѣта,
Какъ лань, съ заката до разсвѣта
Конь смирно слѣдовалъ за нимъ.

IV.

Лишь покормивъ коня, раскинулъ
Мазепа плащъ, и отодвинулъ

Свое тяжелое копье,
Съ тревогой, скрытою во взорахъ,
Онъ посмотрѣлъ, цѣло-ль ружье,
Въ пороховницѣ есть-ли порохъ,
Не отсырѣли-ли кремни,
Не перетерлись-ли ремни...
За всѣмъ присмотръ въ походѣ нуженъ.
Раскрывъ ларецъ, свой скудный ужинъ
Монарху предложилъ герой
Стократъ спокойнѣй, чѣмъ иной
Придворный могъ-бы сдѣлать это
Въ разгарѣ пышнаго банкета.
Съ улыбкой грустной съѣлъ король
Ему предложенную долю,
Чтобъ подкрѣпить, скрывая боль,
Свой духъ и гаснущую волю.
Затѣмъ сказалъ: „Мы всѣ сильны
Безстрашнымъ сердцемъ и рукою,
Но кто-бы сдѣлалъ въ дни войны
Все то, что сдѣлано тобою?
Ты, гетманъ, замкнуть, молчаливъ,
За то въ бою краснорѣчивъ.
Тебѣ—ничто враговъ твердыни;
Съ дней Александра и понынь
Никто подобныхъ паръ не зналъ,
Какъ ты и вѣрный Буцефалъ.
Скача чрезъ рѣки и овраги,
Ѣздою, полною отваги,
Затмилъ ты скиѣскихъ ѣздоковъ!“
Но гетманъ, грустенъ и суровъ,
Промолвилъ: „горе тяжелой школѣ,
Гдѣ я ученъ носиться въ полѣ“.
И обратился Карлъ къ нему.
— Ты недоволенъ? Почему?
„А... мой рассказъ не будетъ кратокъ,—
Отвѣтилъ старецъ:—„мы пройдемъ
Еще не мало миль средь схватокъ
Съ сильнѣйшимъ въ десять разъ врагомъ.
И только тамъ за Борисееномъ
Не въ силахъ онъ грозить намъ плѣномъ
Вамъ нуженъ, государь, покой!...
Я стану самъ, какъ часовой,
Стеречь вашъ сонъ и ваше ложе“.
Но Карлъ сказалъ ему:—„и все-же,
Прошу тебя, начни рассказъ:
Быть можетъ, онъ, хотя на часъ,
Мнѣ дастъ забвеніе покоя,
Котораго не зналъ давно я“.
„Пусть такъ! Для этого готовъ
Я вспомнить жизнь былыхъ годовъ.
Лѣтъ съ двадцати, при Казимірѣ
— Янъ Казиміръ былъ королемъ —
Я состоялъ шесть лѣтъ пажемъ.
Онъ былъ ученъ; со всѣми въ мирѣ,
Не забиралъ земель чужихъ,
Чтобъ послѣ не утратить ихъ.
Не схожъ онъ съ вами былъ—нѣтъ споровъ,

И если не считать раздоровъ
 Въ варшавскомъ сеймѣ, жизнь текла
 Его спокойна и свѣтла.
 Положимъ, зналъ и онъ печали:
 Любилъ онъ музъ и женскій полъ,
 И потому порой едва-ли
 Не сожалѣлъ, что предпочелъ
 Ихъ игу воинскому игу,
 И въ гнѣвъ выйдя изъ себя,
 Мѣнялъ любовницу иль книгу.
 Пирѣ роскошные любя,
 Къ себѣ сзывалъ онъ всю Варшаву,
 И Польши лучшій цвѣтъ и славу
 Влекъ Казимира пышный дворъ.
 Недаромъ польскимъ Соломономъ
 Назвалъ его поэтовъ хоръ.
 Одинъ лишь не пошелъ съ поклономъ,
 Блюда достоинство и честь:
 Лишенный пенсіи, сатиру
 Сложилъ онъ и повѣдалъ міру,
 Что для него противна лестъ.
 Дворъ, вѣчно занятый пирами!
 Всѣ изъяснялись тамъ стихами,—
 И даже самъ я написалъ
 Однажды нѣжный мадригалъ
 За подписью: „Терситъ, объятый
 Тоской“... Тамъ былъ и графъ-старикъ,
 Какъ соляная копь, богатый,
 Иль какъ серебряный рудникъ.
 Надменно гордый древнимъ родомъ,
 Казалось, мнилъ онъ, что народамъ
 Съ небесъ на радость посланъ онъ.
 Тщеславный саномъ и казною,
 Среди придворныхъ отличенъ,
 Своею честью родою
 Онъ увлекался, какъ глупецъ,
 И началъ думать, наконецъ,
 Что предковъ славныя дѣянья
 Имъ лично были свершены.
 Но не таковъ былъ взглядъ жены
 На мужа гордыя мечтанья.
 Юнѣй его была жена
 На тридцать лѣтъ; истомлена
 Супружеской гнетущей властью,
 Она стремилась жадно къ счастью,
 Борясь межъ страхомъ и мечтой.
 Въ оковахъ тщетнаго желанья,
 Слегка поплакавъ на прощанье
 Съ былой душевной чистотой,
 Сказавъ съ однимъ, съ другимъ два слова,
 Она была уже готова
 Ждать случая, который самъ
 Идетъ на встрѣчу волѣ дамъ,
 Чтобъ графа наградить отличьемъ,
 Ведущимъ въ рай, какъ говорятъ...
 Но, странно, мужъ хвастнетъ наврядъ
 Такимъ заслуженнымъ величьемъ!

V.

Я молодъ былъ и былъ пригожъ;
 Теперь сказать я вправѣ это,—
 Мнѣ семь десятковъ, но не ложь,
 Что въ годы моего расцвѣта
 Со мной тягаться изъ мужчинъ
 Не могъ безспорно ни одинъ.
 Я веселъ былъ, былъ полонъ силы;
 Теперь мои движенья хилы,
 Легли морщины на чело,
 Веселость время унесло,
 Приниженъ гибкій станъ войною,
 И встрѣться я теперь съ роднею,
 Сомнѣнья нѣтъ, моя родня
 Едва-ль признала-бы меня.
 Но, впрочемъ, въ томъ виной не время!
 Вы сами знаете, что я
 Несу годовъ преклонныхъ бремя,
 И мощь и бодрость сохраняю.
 Не то подъ мрачнымъ небосводомъ,
 Въ глуши лѣсной, въ полночный часъ
 Не посвятилъ бы я рассказъ
 Когда-то прожитымъ невзгодамъ.
 Но дальше!... Такъ и мнится мнѣ,
 Что межъ деревьевъ, въ тѣмѣ унылой,
 Скользятъ здѣсь тѣнь Терезы милой...
 Хоть память мнѣ вѣрна вполне,
 Но все-жъ нѣтъ словъ для описанья
 Красы прелестнаго созданья.
 Глаза, какъ сводъ небесъ, темны,
 Горѣли нѣгой и любовью...
 У турокъ, съ нашей польской кровью
 Смѣшавшихъ кровь свою, должны
 Такіе-жъ чудные быть очи —
 Какъ свѣтъ луны на небѣ ночи;
 Сіяли грусть и томность въ нихъ.
 Въ былое время взгляды святыхъ
 Хранилъ такое выраженье,
 Когда, подъявши къ небу взоръ,
 Они всходили на костеръ
 И радость видѣли въ мученьѣ.
 Ея прекрасное чело
 Спокойно было и свѣтло,
 Какъ озеро цвѣтущимъ лѣтомъ,
 Когда въ его нѣмую гладь
 Глядится солнце знойнымъ свѣтомъ,
 Чтобъ въ немъ свой образъ увидеть.
 Уста... ланиты... Впрочемъ, что-же
 Ихъ тщетно вспоминать... Повѣрь,
 Ее, кто былъ мнѣ всѣхъ дороже,
 Любилъ тогда, люблю теперь!
 Такой, какъ я, не знаетъ мѣры
 Въ добрѣ и злѣ... Онъ, полный вѣры,
 Любить до бѣшенства готовъ
 И тѣни прожитыхъ годовъ



ЯНЪ КАЗИМІРЪ (Jan Kazimierz)

Рисункъ Яна Матейки (Jan Matejko, 1891).

Съ нимъ неразлучны до могилы,
Какъ мнѣ, на склонѣ жизни, милы.

VI.

Мы повстрѣчались... Я вздохнулъ,
Многозначительно взглянулъ.
Она мнѣ отвѣчала взоромъ.
Порой безмолвнымъ разговоромъ
Очей и мыслей будимъ мы,
Какъ искрой средь полночной тьмы,
Другъ къ другу тайное влеченье
И безотчетное волненье,
Горящей цѣпью, наконецъ,
Смыкаетъ чувства двухъ сердецъ,
Воспламенивъ ихъ ненарокомъ,
Какъ будто-бы магнитнымъ токомъ.
И я грустилъ, лилъ слезъ потокъ,
Но не видать ея не могъ.
Мы познакомились... Отнынѣ
Намъ было легче говорить
Другъ съ другомъ, и моей богинѣ
Я жаждалъ страсть мою открыть...
Томился, ждалъ... хотъ при свиданѣхъ
Смолкало на устахъ признанье...
Но часъ насталъ. Тамъ, при дворѣ,
Въ пустой безмысленной игрѣ
(Ее назвать я не съумѣю)
Дни проводили напролетъ.
И вотъ игралъ я какъ-то съ нею.
Мнѣ безразличенъ былъ исходъ
Игры... Я счастливъ былъ сознаньемъ,
Что вижу ту, что близокъ къ той,
Кого любилъ я всей душой.
Какъ вѣрный сторожъ, со вниманьемъ
Ее вездѣ стерегъ мой взоръ
(Пускай съ подобнымъ же стараньемъ
Насъ охраняетъ нашъ дозоръ!).
И я замѣтилъ,—не играю
Она была увлечена;
Какой-то смутною тоскою
Ея душа омрачена.
Она играла безъ разсчета,
Въ раздумьѣ сидя по часамъ,
Но не корыстная забота
Ее удерживала тамъ.
И какъ-то разъ она взглянула...
Въ душѣ зарницею блеснула
Внезапно мысль, что этотъ взглядъ
Сулитъ мнѣ тысячу отрадъ.
И вслѣдъ за мыслью своевольно
Признаній вырвалась волна
Безсвязныхъ, странныхъ, но она
Внимала,—этого довольно!
Кто разъ внималъ,—тотъ и второй
Внимать захочетъ, безъ сомнѣнья,

Коль сердце не въ бронѣ лдяной...
Отказъ еще не отверженъ!

VII.

Да, я любилъ и былъ любимъ!
Вы, государь, какъ мнѣ сказали,
Не склонны къ нѣжностямъ такимъ.
Разскажъ о счастьѣ и печали
Я сокращу,—иначе онъ
Вамъ показаться-бъ могъ смѣшонъ.
Не каждый сердцемъ править властно,
Какъ вы—народомъ и собой.
Я—князь, вѣрнѣе былъ имъ; въ бой
Послать могъ сотни ежечасно,
Чтобъ крови пролить былъ потокъ,—
И все-жъ владѣть собой не могъ.
Но я разскажъ мой продолжаю:
Да, я любилъ и былъ любимъ.
О что за счастье! но съ нимъ
И что за горести!—я знаю!
Украдкой мы встрѣчались; часъ,
Когда я шелъ къ ней въ первый разъ,
Былъ часомъ страстныхъ ожиданій;
О немъ мечталъ я ночью, днемъ,
И нѣтъ милѣе ни о чемъ.
Въ моей душѣ воспоминаній!...
Чтобъ снова юнымъ быть пажомъ,
Располагавшимъ лишь мечомъ,
Да нѣжнымъ сердцемъ и дарами
Природы—юными годами,
За это все я былъ бы радъ
Тобой пожертвовать, Украйна!
Встрѣчались крадучись мы: тайна
Инымъ въ любви милѣй стократъ.
Но для меня въ ней лишь мученья...
Я-бъ отдалъ жизнь безъ сожалѣнья,
Чтобъ громко, не таясь людей,
При всѣхъ назвать ее моей,
А не дрожать при встрѣчѣ краткой
За счастье, взятое украдкой!

VIII.

Какъ всѣхъ влюбленныхъ, сотни глазъ
Подстерегали также насъ.
Хотъ дьяволъ могъ-бы быть любезнѣй.—
Да впрочемъ, онъ-ли виноватъ?!
Вѣрнѣй, усердный невпаздъ
Ханжа подумалъ, что полезнѣй
Всю желчь свою излить на насъ.
Ну, словомъ, ночью какъ-то разъ
Шпіонамъ въ руки мы попали.
Графъ былъ отъ гнѣва внѣ себя,
Я безоруженъ... Если-бъ я
И былъ тогда въ бронѣ изъ стали
Закованъ съ головы до ногъ,



И я замѣтилъ—не играю
Она была увлечена.
... She was pensive, not perceived
Her occupation, nor was grieved
Nor glad to lose or gain.

Рис. Рихтеръ (H. Richter), грав. Стэнсъ, (R. Staines).

Все-жъ съ ними биться-бъ я не могъ!
Что было дѣлать?... Часъ разсвѣта...
Уединенный замокъ гдѣ-то
Въ нѣмой глуши... и думалъ я,
Что наступила смерть моя.
Смирясь предъ участью такою,
Вознесся мысленной мольбою
Я къ Богоматери... Но вдругъ
Былъ увлеченъ толпою слугъ
Къ воротамъ. Съ этого мгновенья
Судьба Терезы мнѣ чужда:
Она исчезла навсегда.
О, ярость графа! Безъ сомнѣнья,
Былъ палатинъ надменный правъ,
Боясь, чтобъ это вѣроломство
Не повліяло на... потомство.
Къ тому-жъ, взбѣшенъ былъ гордый графъ
Тѣмъ, что при немъ, славнѣйшемъ въ родѣ,
Неумолимая судьба
Пятнала честь его герба!
Его, кто славенъ былъ въ народѣ,
Кто первымъ былъ въ глазахъ своихъ
И думалъ, что въ глазахъ другихъ,
— Особенно въ моихъ,—онъ тоже
Всего важнѣе и дороже.

А то вдругъ пажъ!... Ну, будь король...
Куда ни шло!... Обиды боль
Слабѣе при такомъ сознанъ...
Но пажъ... Нѣтъ!... Онъ негодовалъ...
Я гнѣвъ супруга понималъ,
Но описать не въ состоянъ.

IX.

„Коня сюда!“ Конь приведенъ.
Въ степяхъ Украйны выросъ онъ,
И быстръ, какъ будто мысли сила
Его движенья окрылила.
Онъ дикъ и робокъ, какъ олень,
Лишенъ свободы только день
И не знакомъ еще съ уздою.
Онъ тщетно рвется и храпитъ
Въ испугѣ, пѣною покрытъ,
Тряся упрямо головою.
Такимъ онъ подведенъ ко мнѣ,
Бездушной челядью къ спинѣ
Его привязанъ я ремнями...
Конь сразу выпущенъ... И вотъ
Помчались мы впередъ... впередъ!...
И не угнался-бы за нами
Потокъ шумящій бурныхъ водъ!

X.

Впередъ! И замерло дыханье.
 Я потерялъ почти сознание,
 Куда направленъ бѣгъ коня.
 Разсвѣтъ чуть брезжилъ, а меня
 Конь уносилъ все далѣ, далѣ,
 И только по вѣтру звучали,
 Издалека летя за мной,
 Насмѣшки слугъ и хохотъ злой.
 Пытался въ ярости сорвать я
 Петлю, которая меня
 Сковала съ шеею коня,
 Чтобъ имъ послать мои проклятья,
 Но, звонкій топотъ скакуна
 Ихъ заглушалъ... О, если-бъ снова
 Была возможность мнѣ дана
 Отмстить за горести былого!...
 Но впрочемъ, что жалѣть о томъ!?
 Я отомстилъ за все потомъ...
 Отъ замка гордаго, отъ башенъ
 И неприступныхъ стѣнъ его,
 Отъ мирныхъ пажитей и пашенъ
 Я не оставилъ ничего.
 Погибло все!... Лишь уцѣлѣли
 Кусты, что раньше зеленѣли
 У стѣнъ, да камень очага
 Въ покаяхъ злобнаго врага.
 Я видѣлъ, какъ дробился камень
 Дворцовыхъ рушившихся стѣнъ,
 Какъ обращалъ жестокий пламень
 Ворота, мостъ и башни въ тлѣнъ,
 Какъ ползъ огонь все выше... выше...
 И текъ расплавленный свинецъ
 По опаленной, черной крышѣ,
 Но не смогла она дворецъ
 Спасти отъ гибели и мщенья.
 Никто не думалъ въ тѣ мгновенья,
 Когда я пущенъ былъ стрѣлой
 На встрѣчу гибели лихой,
 Что я вернусь туда для мести
 И десять тысячъ скакуновъ
 Со мною явятся на зовъ
 Разсчета съ графомъ свести по чести
 За непріязненный пріемъ.
 Да, шутку онъ шутилъ плохую,
 Когда связалъ меня съ конемъ!
 Но поудачнѣй шутку злую
 И я шутилъ съ нимъ въ мой чередъ.
 Возмездье время намъ несетъ.
 Не существуетъ въ мірѣ власти,
 Спасти способной отъ напасти
 Врага, который не прощенъ,
 Коль тотъ, кто былъ имъ оскорбленъ,
 Хранить въ настойчивомъ терпѣннѣ,
 Какъ кладъ, бывшее оскорбленье.

XI.

Впередъ!... Впередъ!... Мой конь и я,
 Минуя всякій слѣдъ жилья,
 На крыльяхъ вѣтра мчались, скоры
 Какъ зимней ночью метеоры,
 Когда свѣтло озарена
 Сіяньемъ сѣвернымъ она...
 Ни городовъ, ни селъ... Равнина
 Легла угрюмымъ пустыремъ
 И лишь порою надъ холмомъ
 Мелькала сѣрая руина
 Ограды замка, что служилъ
 Оплотомъ противъ вражьихъ силъ.
 Безлюдно все... Не больше года
 Прошло съ турецкаго похода...
 Гдѣ спаги конь ступилъ ногой,
 Все стало пустошью нѣмой,
 И почвѣ, кровью обгащенной,
 Сталъ чуждъ травы зеленой всходъ...
 Былъ мраченъ хмурый небосводъ...
 Вылъ вѣтръ въ тоскѣ неугомонной—
 — Я-бъ могъ мой вздохъ ему послать,—
 Но мы неслия все быстрѣе,
 И я не въ силахъ былъ, нѣмѣя,
 Рыдать, молиться иль вздыхать.
 На гриву конскую струею
 Мой потъ катился; подо мною,
 Дрожа отъ страха, конь лихой
 Летѣлъ дорогою степной.
 Мое безжизненное тѣло
 На немъ безпомощно висѣло.
 Порой казалось мнѣ, что онъ
 Свой бѣгъ смиряетъ, утомленъ...
 Но нѣтъ! Для этой дикой силы
 Что значилъ я, ослабшій, хилый?!
 Мой каждый стонъ, наоборотъ,
 Какъ шпора, гналъ его впередъ.
 Въ свирѣпомъ гнѣвѣ, выгнувъ шею,
 Онъ, будто слыша трубный звукъ,
 Скакалъ—весь трепеть, весь испугъ!
 Веревки рѣзали мнѣ шею,
 Ихъ крови брызнувшей струя
 Дождемъ багрянымъ оросила,
 И жажда жгучая палила
 Языкъ мой горячѣй огня!

XII.

Вотъ лѣсъ, разросшійся широко!
 Его границъ не видитъ око.
 Деревья старья стоятъ
 Непобѣдимымъ мощнымъ строемъ;
 Ихъ непреклонный, гордый рядъ
 Не гнется по вѣтру, что съ воемъ,
 Летя изъ сѣверныхъ степей,



ТЕРЕЗА (Theresa).

Рис. Вудъ (E. Wood), граф. Момъ (W. H. Mote).

Срываетъ въ ярости своей
Ихъ листья, обнажая вѣтки!...
Но здѣсь деревья были рѣдки.
Межъ ними заросли кустовъ
Пестрѣли свѣжею листвою,
Цвѣтушей каждою весною,
Но отъ осеннихъ холодовъ
Съ непроницаемымъ туманомъ
Спадавшей на землю въ багрянномъ
Кровавомъ рубищѣ солдатъ.
Сраженныхъ битвой; ночь нѣмая
Вперяетъ въ нихъ свой мутный взглядъ,

Морозный пологъ простирая
Надъ каждой мертвой головой,
Столь твердой и заиндевѣвшей,
Что даже воронъ въ часъ ночной
На пиръ постыдный прилетѣвшій,
Навѣрно-бъ, проклевать не могъ
Обледенѣлыхъ, мерзлыхъ щекъ.
Таковъ былъ лѣсъ; среди прогалинь
Мы мчались... Дубъ... каштанъ... сосна...
Не то-бъ мой жребій былъ печалень:
Кустовъ подвижная стѣна
Не рвала тѣла, уступая

Дорогу намъ, и я хранилъ
 Въ себѣ еще остатокъ силъ,
 И боль, и страхъ преодолевая.
 Летя, какъ вѣтеръ, межъ кустовъ,
 Мы оставляемъ за собою
 И рядъ деревьевъ, и волковъ...
 Я по ночамъ внималъ ихъ вою
 И звуку медленныхъ прыжковъ.
 Ихъ бѣгъ за нами поспѣваетъ,
 Тотъ мѣрный бѣгъ, что побѣждаетъ
 И ярость псовъ, и гнѣвъ стрѣлковъ.
 Съ разсвѣта, по лѣсу мелькая,
 Неслась за нами эта стая
 На разстояніи сука,
 А ночью слышенъ былъ ихъ шорохъ...
 И думалъ я съ огнемъ во взорахъ:
 Когда-бъ теперь моя рука
 Владѣла саблей или пикой,
 Сражался-бъ я со стаей дикой!
 Коль умирать, такъ ужъ въ бою,
 Продавъ дороже жизнь свою!...
 Въ началѣ быстрой скачки, прежде
 Томился въ смутной я надеждѣ,
 Что конь устанетъ и падетъ.
 За то теперь, въ холодный потъ
 Меня бросало замедленье!
 Но, впрочемъ, тщетное волненье!
 Былъ быстръ его летучій бѣгъ;
 Хранилъ онъ бодрость горныхъ ланей,
 И не быстрѣй слѣпящій снѣгъ
 Заноситъ путника у зданій,
 Куда не въ силахъ онъ войти,
 Порывомъ вѣтра сбить съ пути.
 Какъ избалованный съ пеленокъ,
 Отказъ извѣдавшій ребенокъ,
 Конь мчался гнѣвенъ и смущенъ,
 И въ гнѣвѣ томъ похожъ былъ онъ
 Движеній рѣзкихъ быстротою
 На женщину, когда она,
 Возмущена, возбуждена,
 Теряетъ волю надъ собою.

XIII.

Мы миновали лѣсъ; унылъ
 Прохладенъ лѣтній полдень былъ.
 Иль это кровь застыла въ жилахъ?
 Вѣдь мощный духъ скорѣй не въ силахъ
 Сносить стѣсненія оковъ,
 Хоть былъ тогда я не таковъ,
 Какимъ теперь кажусь. Могучій,
 Я, какъ потокъ съ вершины скалъ,
 Въ порывѣ ярости кипучей
 Всѣ чувства страстно изливалъ!
 А тутъ и гнѣвъ, и страхъ, и голодъ,
 И стыдъ, и боль, и грусть, и холодъ,
 И нагота!... Все вынесъ я,

Чей родъ, какъ злобная змѣя.
 Былъ при малѣйшемъ оскорбленіи
 Готовъ на месть и нападеніе!
 Что-жъ удивляться, если гнетъ
 Стыда, страданій и невзгодъ
 Въ конецъ измучилъ это тѣло?
 Казалось, небо потемнѣло
 И разверзалася земля.
 Ужъ былъ готовъ подумать я,
 Что упаду,—но нѣтъ, напрасно!
 Я крѣпко связанъ былъ... Ужасно
 Въ вискахъ стучало... Колесомъ
 Вертѣлось небо и кругомъ
 Деревья гнулись, какъ хмельныя...
 Сверкнули искры огневая
 И свѣтъ померкъ въ моихъ глазахъ.
 Я умиралъ, измученъ скачкой,
 Охваченный какой-то спячкой,
 Боролся съ ней... Такъ на волнахъ,
 Цѣпляясь за доску рукою,
 Нырешь въ бездну головою
 И снова, волею вѣтровъ,
 Взлетаешь на спину валовъ.
 Жизнь трепетала въ лихорадкѣ,
 И какъ въ горячечномъ припадкѣ,
 Томила взоръ моихъ очей
 Игра причудливыхъ огней...
 Но стихла боль... И лишь сознанье
 Твердило мнѣ, что смерть страшна,
 Когда подобное страданье
 Въ послѣдній часъ сулитъ она,—
 И даже худшее, быть можетъ!...
 Но страхъ мнѣ сердца не тревожитъ:
 Я смерть не разъ встрѣчалъ и,—смѣлъ—
 Въ лицо безстрашно ей глядѣлъ.

XIV.

И вотъ очнулся я!... Но гдѣ я?
 Я весь дрожалъ, то холодѣя,
 То мучась жаромъ, какъ въ огнѣ.
 Жизнь возвращалася ко мнѣ
 Съ ударомъ пульса... Приступъ боли
 Внезапно пронизалъ меня
 И къ сердцу, слабому дотолѣ,
 Вновь крови хлынула струя.
 Я ощущалъ его бѣненіе...
 Въ ушахъ шумѣло... Слухъ и зрѣніе
 Вернулись вновь, хоть все кругомъ
 Еще казалось тусклымъ сномъ;
 Я слышалъ ропотъ волнъ вспѣнныхъ,
 Я видѣлъ звѣздный небосклонъ,—
 Но это былъ уже не сонъ.
 Мой дикій конь средь разъяренныхъ
 Валовъ переплывалъ потокъ,
 Который, свѣтелъ и широкъ,
 Катился вдаль; напрягъ онъ силы,

Чтобъ выплыть на берегъ унылый,
Безвѣстный берегъ... Холодъ волнъ
Прогналъ мое оцѣпенѣнье,
А конь, суровой мощи полнъ,
Одолѣвая ихъ теченье,
Упрямо двигался впередъ
Безъ колебанія... Но вотъ
И берегъ!... Только пристань эта
Была ничто въ моихъ глазахъ:
Грозилъ сзади ночь безъ свѣта,
А впереди—туманъ и страхъ!
Какъ долго длилось страданье—
Не знаю я,—но въ тишинѣ
Порой казалось, что дыханье
Навѣки замерло во мнѣ.

XV.

Съ блестящей шерстью, съ мокрой гривой,
Скользя нетвердою ногой,
Мой конь въ поспѣшности ретивой
Взобрался на берегъ крутой.
Мы наверху; сквозь сумракъ ночи
Широкий долъ чернѣетъ тамъ;
Ему конца не видятъ очи;
Какъ бездна, сныщаяся намъ,
Его равнина необъятна,
И только блѣдный свѣтъ луны,
Взошедшей съ правой стороны,
То здѣсь, то тамъ бросаетъ пятна;
Нигдѣ ни признака жилья
Среди пустыни безысходной,
Нигдѣ звѣздой путеводной
Не вспыхнулъ слабый свѣтъ огня;
И даже огонекъ болотный,
Какъ счастья проблескъ мимолетный,
Не посмѣялся надо мной!
Хотя-бъ онъ лгалъ своей игрой
И завлекалъ воображенье,
Но все-жъ принесть-бы утѣшенье,
Напоминая мнѣ собой
О милой близости людской.

XVI.

Впередъ мы двигались, но вяло...
Измученъ бѣгомъ роковымъ,
Весь въ пѣнѣ, плелся конь устало,
Ребенокъ справился бы съ нимъ.
Но эта кротость не имѣла,
Увы, значенія для меня;
Ремнями связанный вкругъ тѣла,
Лежалъ безъ силъ недвижимъ я;
Но если бъ даже и свободна
Была рука,—гдѣ силы взять?
Пытался долго, но безплодно
Я эти узы разорвать:

Лишь крѣпче стягивались пути;
Боль увеличивалась; мнѣ
Казалось, что съ той минуты
Оконченъ бѣгъ коня вполнѣ,
Хоть не достигъ онъ дальней цѣли...
Лучи съ востока заалѣли,
Провозвѣщая близость дня.
Но какъ медлительно всходило
Дневное яркое свѣтило
Въ туманной дымкѣ! Думалъ я,
Что никогда ужъ день привѣтный
Не смѣнитъ ночи безпросвѣтной.
Туманъ клубился тяжело,
Пока не вспыхнуло свѣтло,
Какъ ярко пурпурное знамя,
Тамъ на востокъ аломъ пламя
И не закрыло отъ очей
На колесницахъ звѣздъ огней.
Но вотъ и солнце! Съ небосклона
Оно даритъ живой привѣтъ
И шлетъ съ высотъ далекихъ трона
Свой необычный, странный свѣтъ!

XVII.

Настало утро... Сквозь туманы,
Вездѣ, куда ни кинешь взоръ,
Пустынный тянется просторъ.
Напрасно мчатся чрезъ поляны,
Гдѣ не увидишь ни людей,
Ни звѣря, ни слѣдовъ копыта
И тучная земля степей
Никѣмъ не вспахана, не взрыта.
Самъ воздухъ точно онѣмѣлъ;
Въ кустахъ не слышно пѣнья пташекъ
И рой стрекозующихъ букашекъ
Въ травѣ затихъ и присмирѣлъ.
Съ трудомъ дыша, мой конь усталый
Еще тащился путь не малый,
Но одиноко съ нимъ вдвоемъ
Глухимъ плелись мы пустыремъ.
И вдругъ почудилось мнѣ ржанье!...
Не вѣтръ-ли въ сучьяхъ шелеститъ,
Вводя въ обманъ мое сознанье?
Нѣтъ! Съ громкимъ топотомъ копытъ,
Какъ эскадронъ, несется смѣло
На насъ табунъ коней степныхъ,
И восклицанье онѣмѣло
Въ устахъ испуганныхъ моихъ.
Они летятъ сплошной толпою,
Не зная сѣделъ и узды,
Но средь несущихся волною
Ни одного нѣтъ для ѣзды.
Летятъ съ стоящей дыбомъ гривой
И разметавшимся хвостомъ!
Ихъ своенравности ретивой
Суровый поводъ не знакомъ.

Онъ имъ не рвалъ ноздрей до боли,
 Подковы не сжимали ногъ
 И ранъ отъ шпоръ не вѣдалъ бокъ.
 Табунъ коней, питомцевъ воли,
 Какъ въ морѣ всплывшійся валъ,
 На встрѣчу съ грохотомъ скакалъ.
 Скакунъ мой ожилъ на мгновенье,
 Вернулъ ногамъ бывшее рвенье
 И слабо ринулся впередъ...
 Но только мигъ одинъ... И вотъ,
 Дыша порывисто боками,
 Онъ на земь падаетъ; кругомъ
 Обводитъ мутными глазами
 И, засыпая мертвымъ сномъ,
 Шлетъ, какъ послѣднее прощанье,
 Протяжно-жалобное ржанье
 И прекращаетъ съ нимъ навѣкъ
 Свой первый и послѣдній бѣгъ.
 Табунъ приблизился скачками
 И видитъ,—мертвъ и недвижимъ
 Лежитъ мой конь, а рядомъ съ нимъ
 И я, привязанный ремнями
 Къ его измученной спинѣ;
 Кружатъ вокругъ насъ въ испугѣ кони,
 То вдругъ приблизятся ко мнѣ,
 То, будто въ трепетѣ погони,
 Отпрянуть въ сторону опять,
 Чтобъ своенравно ускакать
 Въ исканья шири и свободы
 За патріархомъ всей породы,—
 Прекраснымъ воронымъ конемъ
 Безъ бѣлыхъ пятенъ и отмѣтинъ,
 Который въ табунѣ большомъ
 Своею статью былъ замѣтенъ.
 Они кружатся, ржутъ, храпятъ,
 И, человека избѣгая,
 Внезапно бросились назадъ,
 Въ лѣсу сосѣднемъ исчезая...
 Они покинули меня
 У трупавшаго коня
 И подо мною коченѣло
 Его безжизненное тѣло,
 Освободившись навсегда
 Отъ непосильнаго труда.
 Я—умиравшій—крѣпко связанъ,
 Лежать на мертвомъ былъ обязанъ
 И не надѣялся, что впредь
 На свѣтъ придется мнѣ глядѣть.
 Такъ умиралъ съ конемъ я рядомъ
 Съ утра до темноты ночной,
 Слѣдя своимъ потухшимъ взглядомъ,
 Какъ солнце скрылось за горой.
 Мною овладѣло изнуренье.
 Казалось мнѣ, что я обрѣлъ
 Въ душѣ усталой примиренье
 Съ тягчайшимъ изъ житейскихъ золъ.
 Оно для насъ бываетъ благомъ,

Хоть преждевременно порой,—
 Но избѣгаютъ робкимъ шагомъ
 Всѣ неизбежности слѣпой
 И ждутъ въ душѣ, что осторожность
 Доставитъ въ силахъ имъ возможность
 Спасти изъ этой западни;
 Иные-жъ въ тягостные дни
 О немъ усердно молятъ Бога
 И даже направляютъ мечъ,
 Чтобъ испытаніе пресѣчь.
 Но все-жъ, коль поразмыслить строго,
 И для страдающихъ сердецъ
 Внушаетъ страхъ такой конецъ.
 Но странно,—тѣмъ, кто жизнь проводитъ
 Въ богатствѣ, радости, пирахъ,
 Въ утѣхахъ праздныхъ смыслъ находить,
 Тѣмъ смерть внушаетъ меньшій страхъ,
 Чѣмъ знавшимъ горькія лишенья.
 Оно понятно, впрочемъ; тотъ,
 Кто испыталъ всѣ наслажденья
 Отъ жизни большаго не ждетъ
 И сожалѣть о ней не станетъ;
 Онъ не желаетъ ничего,
 И только будущность его,
 Какъ неизвѣданное, манитъ,
 Ее-жъ себѣ рисуетъ всякъ,—
 Будь добръ иль золь онъ,—только такъ,
 Какъ создаетъ воображенье
 Въ тревожномъ нервномъ возбужденіи.
 Межъ тѣмъ страдалецъ вѣчно ждетъ,
 Что прекратится тяжкій гнетъ,
 И смерть встрѣчаетъ не какъ друга,
 А какъ врага, который радъ
 Лишить его изъ-за недуга
 Всѣхъ неизвѣданныхъ отрадъ.
 Вѣдь можетъ завтра, какъ нарочно,
 Судьба страдальцу-бъ принесла
 Отдохновеніе отъ зла
 И создала-бы счастье прочно.
 Быть можетъ, завтра въ первый разъ
 Узналъ-бы онъ блаженства часъ
 И получилъ бы искупленье
 За слезы, муки и паденье;
 Быть можетъ—завтра-же дано
 Ему извѣдать власть и силу...
 Такъ неужели-жъ суждено
 Ему сегодня лечь въ могилу?!

XVIII.

Садилось солнце... На конѣ,
 Къ его привязанный спинѣ,
 Я все лежалъ, терзаясь страхомъ,
 Чтобъ съ этимъ охладѣлымъ прахомъ
 Мнѣ не пришлось смѣшать мой прахъ.
 Въ моихъ тускнѣющихъ глазахъ
 Стояла гибель; на свободу



...воронъ злой
Кружилъ надъ сумракомъ равнины
I saw the expecting raven fly

Рис. Вестоль (Rich. Westall, R. A.), прав. Гизъ (Ch. Heath).

Надежды лучъ въ душѣ погасъ,
Я обратилъ въ послѣдній разъ
Глаза къ нѣмому небосводу
И увидалъ, какъ между мной
И блѣднымъ солнцемъ воронъ злой
Кружилъ надъ сумракомъ равнины
И только ждалъ моей кончины,
Чтобъ пиръ затѣять роковой.
Леталъ онъ низко надо мной;
Все ближе... Вотъ трепещутъ крылья,
Его бы я ударить могъ,
Но нѣтъ,—напрасныя усилія!...
Вотъ захрустѣлъ въ тиши песокъ
Моею тронутый рукою,
И горло испустило вдругъ
Какой-то хриплый, слабый звукъ.
Вмигъ улетѣлъ онъ, скрытый мглою.
Затѣмъ померкло все кругомъ...
Лишь смутно помню, какъ во снѣ я,
Что звѣзды чудныя, блѣднѣя,
Въ глаза свѣтили мнѣ лучомъ
Въ ненарушаемомъ покоѣ...
То безразличіе тупое
Смѣняло просвѣтлѣнья мигъ,
То вновь придя въ себя, въ волненьѣ,

Я чуялъ смерти приближенъе,
Затѣмъ короткій вздохъ иль крикъ...
Дрожь... трепеть... сердце холодѣло...
Огнемъ пронзали искры тѣло...
Кололи мозгъ мой... жгли его...
Боль... стонъ... и больше ничего...

XIX.

Пришелъ я въ чувство... Гдѣ?... Ужели
Передо мною ликъ людской?
Ужель я самъ лежу въ постели
И кровъ пріютный надо мной?
Людскія-ль очи съ тихой лаской
Глядятъ такъ нѣжно на меня?
Мнѣ все казалось дивной сказкой
Иль продолженьемъ забытья.
И я закрылъ глаза рукою...
А у стѣны, въ углу жилья,
Съ густою, русою косою
Глядѣла дѣва на меня.
Едва лишь я пришелъ въ сознанье,
Какъ встрѣтилъ взоръ ея очей,
Блестящихъ, полныхъ состраданья
Къ печальной участи моей.

И я смотрѣлъ въ нѣмомъ волненіи,
Въ груди дыханье затаивъ:
Ужели-жъ это не видѣнье,
Не сталъ я пищей птицъ и живъ?
Когда-жъ казачка увидала,
Что я слегка глаза открылъ,
Она улыбкой просіяла,
Но не нашелъ въ себѣ я силъ,
Какъ ни пытался, молвить слово,
И палецъ приложивъ къ губамъ,
Она мнѣ знакъ дала, чтобъ снова
Я воли не давалъ рѣчамъ,
Пока не возвратятся силы;
Затѣмъ, мнѣ руку сжавъ рукой,
Заговорила... Голосъ милый
Былъ полонъ музыкой такой,
Какой не слышалъ я доселѣ.
Она звучала и въ шагахъ,
Когда скользнула отъ постели
Казачка тихо и въ дверяхъ
Звала кого-то осторожно;
Затѣмъ прислушалась тревожно.
Но спали всѣ, кого звала
Она, и дѣвушка ушла,
А передъ тѣмъ, какъ удалиться,
Опять взглянула, сдѣлавъ знакъ,
Что здѣсь мнѣ некого страшиться,
Что здѣсь, какъ дома я, что всякъ
Охотно пріютитъ больного,
По мѣрѣ силъ служить готовъ
И что она вернется снова,
Какъ только мой услышитъ зовъ.
Она ушла... и вновь все было
Кругомъ такъ пусто и уныло.

XX.

Она вернулась съ отцомъ
И старой матерью своею...
Васъ утруждать я не посмѣю

Подробной повѣстью о томъ,
Что было далѣе со мною,
Когда я найденъ былъ семейю
Гостепріимныхъ казаковъ
И принесенъ подъ тихій кровъ...
Они взялися за лѣченье,
Меня въ сознанье привели,
Кому судило Провидѣнье
Быть властелиномъ ихъ земли.
Самъ злой безумецъ, пожелавшій
Насытить мукой мѣсть свою
И съ дикимъ смѣхомъ привязавшій
Меня къ взбѣшенному коню,—
Открылъ дорогу мнѣ къ престолу.
Кто-жъ угадаетъ жребій свой?
Не опускай лишь взоровъ долу,
И будь безтрепетенъ душой!
Увидитъ завтра Днѣпръ, быть можетъ,
Какъ на турецкомъ берегу
Отрядъ нашъ весело стреножитъ
Коней усталыхъ на лугу!
Съ какимъ восторгомъ завтра встрѣчу
Рѣку синѣющую я,
Коль къ ней пробьемся мы сквозь сѣчу!
Спокойной ночи вамъ, друзья".
И гетманъ легъ подъ старымъ дубомъ
На листьяхъ,—можетъ быть и грубомъ,
За то удобномъ ложѣ; онъ
Къ нему давно былъ пріученъ.
Такое ложе всѣмъ знакомо,
Кто часто не ночуетъ дома,
А спать бываетъ принужденъ
Тамъ, гдѣ его застигнетъ сонъ.
Что-жъ благодарности не слышитъ
Старикъ отъ Карла за рассказы?
Король спокойно, ровно дышитъ,
Король усталый спитъ ужъ съ часъ.

В. Мазуркевичъ.





ЛОШАДЬ КЪ КОТОРОЙ ПРИВЯЗАНЪ МАЗЕПА ПЕРЕПЛЫВАЕТЪ РЪКУ.

Рисунокъ Милошенъ Бронно (Voyd Madax Bronno).

В. П. ПУШКИН. ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ. В. П. ПУШКИН. ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ.

Итак, вот что
 и вышло из
 этой истории.
 И так же, как
 и вышло из
 этой истории.

Итак, вот что
 и вышло из
 этой истории.

Итак, вот что
 и вышло из
 этой истории.

Итак, вот что
 и вышло из
 этой истории.

Итак, вот что
 и вышло из
 этой истории.

Итак, вот что
 и вышло из
 этой истории.

Итак, вот что
 и вышло из
 этой истории.

Итак, вот что
 и вышло из
 этой истории.

Итак, вот что
 и вышло из
 этой истории.

Итак, вот что
 и вышло из
 этой истории.

Итак, вот что
 и вышло из
 этой истории.

Итак, вот что
 и вышло из
 этой истории.

Итак, вот что
 и вышло из
 этой истории.

Итак, вот что
 и вышло из
 этой истории.

Итак, вот что
 и вышло из
 этой истории.

Итак, вот что
 и вышло из
 этой истории.

Итак, вот что
 и вышло из
 этой истории.

Итак, вот что
 и вышло из
 этой истории.





ЛОШАДЬ, КЪ КОТОРОЙ ПРИВЯЗАНЪ МАЗЕПА ПЕРЕПЛЫВАЕТЪ РѢКУ.

Рисунокъ Мадокса Броуна (Ford Madox Brown).



МАЗЕПА, ОКРУЖЕННЫЙ ТАБУНОМЪ ДИКИХЪ ЛОШАДЕЙ.

Картина Ораса Верне (Horace Verne).



МАЗЕПА, ОКРУЖЕННЫЙ ТАБУНОМЪ ДИКИХЪ ЛОШАДЕЙ.

Картина Ораса Верме (Horace Vermet).

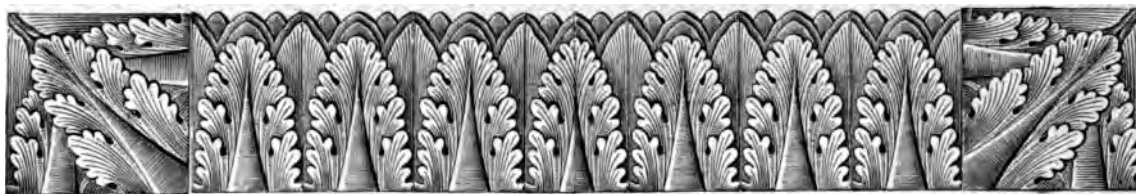


МАЗЕПА, ПРЕСЛЪДУЕМЫЙ ВОЛКАМИ.
(Mazepa aux loups).

Картина Огюста Верме (Hugues Vermeil).

МАЗЕПА, ПРЕСЛАВНЫЙ ВОЛКАМ.
(Mazepa aux loups).
Кавказ (Юго-Вост. Россия).





ПРОРОЧЕСТВО ДАНТЕ.

Достигъ съ закатомъ дней я высшаго наитья
На все бросаютъ тѣнь грядущія событія.

Кэмпбелль.

„Пророчество Данте“—одно изъ прекраснѣйшихъ произведеній политическаго характера, написанныхъ Байрономъ,—относится къ періоду пребыванія поэта въ Равеннѣ и его увлеченія, въ близкой ему средѣ семьи Гамба, идеями освобожденія и объединенія Италіи. Возлюбленная поэта, графиня Тереза Гвичіоли, несмотря на свою юность, свѣтскость, страсть къ нарядамъ и забавамъ, была не только ревностной патриоткой, мечтавшей объ освобожденіи дорогой родины изъ-подъ власти тирановъ, но и большой любительницей итальянской поэзіи. Особенно увлекалась она произведеніями Данте и Тассо; „Божественную Комедию“ она знала чуть не наизусть, и декламация красавицы производила чарующее впечатлѣніе. Подъ вліяніемъ Терезы Байронъ еще болѣе укрѣпился въ своихъ симпатіяхъ къ итальянскому языку и литературѣ. Языкомъ онъ успѣлъ овладѣть въ совершенствѣ, а итальянскіе поэты, въ особенности Данте и Тассо, стали для него какъ бы родными. Написавъ „Жалобу Тассо“, онъ перевелъ на англійскій языкъ первыя двѣ пѣсни героя-комической поэмы Пульчи „Morgante Maggiore“ и извѣстный эпизодъ изъ „Божественной Комедіи“ о Франческѣ Риминійской, то и другое—размѣромъ подлинника и съ соблюденіемъ почти буквальной точности. Въ апрѣлѣ 1819 г., уѣзжая изъ Венеціи, графиня Гвичіоли взяла съ Байрона обѣщаніе непременно пріѣхать въ Равенну. „Могила Данте, классическая сосновая роща“ и проч. послужили предлогомъ для этого приглашенія. Байронъ, однако, замедлилъ пріѣздомъ и явился въ

Равенну, только узнавъ о томъ, что Тереза „при смерти“,—въ день праздника „Тѣла Господня“, который въ 1819 г. приходился на 10 іюня. Свои книги онъ оставилъ въ Венеціи; въ свободное время ему нечего было дѣлать—и онъ придумалъ, по совѣту графини, написать „что-нибудь на сюжетъ изъ Данте“. Такимъ образомъ и возникло „Пророчество Данте“,—произведеніе, которымъ самъ поэтъ былъ очень доволенъ и о которомъ онъ писалъ Муррею: „Это—лучшая вещь изъ всего, мною написаннаго,—если только она не непонятна“.

Въ виду тогдашнихъ итальянскихъ симпатій и отношеній Байрона представляется вполне естественнымъ его желаніе связать, такъ или иначе, свое имя съ именемъ „великаго Алигieri“, которое въ ту пору, можно сказать, носилось въ окружавшей нашего поэта атмосферѣ. Фридрихъ Шлегель еще въ 1814 году, въ прочитанной въ Вѣнѣ публичной лекціи, замѣтилъ, что „величайшій и наиболѣе національный изъ всѣхъ итальянскихъ поэтовъ никогда не былъ такъ любимъ своими соотечественниками, какъ въ наше время“. И дѣйствительно, въ концѣ второго десятилѣтія XIX вѣка въ Римѣ, Флоренціи, Болоньѣ появляются превосходныя изданія „Божественной Комедіи“, сопровождаемыя цѣлымъ рядомъ изслѣдованій о жизни и произведеніяхъ Данте. Гобгоузь, въ одномъ изъ своихъ историческихъ примѣчаній къ 4-й пѣснѣ „Чайльдъ-Гарольда“, говоритъ, что современное поколѣніе „боготворитъ“ Данте и что увлеченіе имъ сѣверныхъ итальянцевъ болѣе скромные тосканцы считаютъ даже чрезмѣрнымъ. Самъ Байронъ запи-

салъ въ своемъ дневникѣ, подъ 29 января 1821: „Они, итальянцы, говорятъ о Данте, пишутъ о Данте, думаютъ о немъ наяву и во снѣ; можно было бы сказать, что они увлечены имъ до смѣшного, если бы онъ дѣйствительно этого не стоилъ“.

Но, помимо этого чисто-литературнаго увлеченія „Божественной Комедіей“, существовала, какъ уже замѣчено выше, еще и другая причина, побудившая Байрона написать „стихотвореніе на сюжетъ изъ Данте“: это было если еще не ясное предвидѣніе, то по крайней мѣрѣ ожиданіе переменъ въ политическомъ положеніи Италіи,—ожиданіе освобожденія отъ власти Бурбоновъ, отъ тиранніи иноземнаго правительства. „Данте былъ поэтомъ свободы“, говорилъ Байронъ Медвину: „ни преслѣдованія, ни изгнаніе, ни страхъ умереть на чужбинѣ не могли поколебать его убѣжденій“. Байронъ писалъ свою поэму для итальянцевъ, желая показать имъ прекрасное видѣніе свободы и политическаго воскресенія родины. Отдаленное прошлое должно было оживить воспоминаніями былой славы заснувшій подъ игомъ неволи народъ; великій Алигieri долженъ былъ явиться пророкомъ свободы, руководителемъ новыхъ поколѣній,—чуть не вождемъ карбонаріевъ. Вѣщій во многихъ случаяхъ авторъ „Божественной Комедіи“ какъ нельзя лучше подходилъ къ роли прорицателя, умѣющаго разглядѣть будущее за непроницаемой пеленой настоящаго.

Судя по одному письму къ Муррею, гдѣ Байронъ говоритъ: „Посылаю вамъ первыя четыре пѣсни Пророчества“, надо думать, что поэтъ имѣлъ намѣреніе продолжать поэму; но, по всей вѣроятности, отвлеченный разными обстоятельствами—личными и политическими, оставилъ эту мысль и уже не возвращался къ ней впослѣдствіи. По крайней мѣрѣ, въ его рукописяхъ не оказалось никакого продолженія „Пророчества“. Эти четыре пѣсни были присланы издателю 14 марта 1820 г., но печатаніе ихъ, несмотря на нетерпѣливую настоянію поэта, указывавшаго на то, что „теперь какъ разъ время издать Данте, потому что Италія находится наканунѣ великихъ событій“, замедлилось до слѣдующаго года. Поэма была напечатана въ одной книжкѣ съ трагедіей „Марино Фаліери“, вышедшей въ свѣтъ 21 апрѣля 1821 г.

„Пророчество Данте“ раздѣляется на четыре пѣсни.

Въ первой Данте жалуется на не-

благодарность своей родины — Флоренціи. Онъ не можетъ простить ей жестокихъ обидъ, ему нанесенныхъ, и лишь воспоминаніе о красотѣ Беатриче, родившейся въ стѣнахъ этого города, смягчаетъ суровость поэта.

Вторая пѣснь рисуется положеніе Италіи и перспективу безконечныхъ бѣдствій, ее ожидающихъ. Подобно всѣмъ итальянскимъ патріотамъ, Данте восклицаетъ обращаясь къ Италіи: „Объединеніе — вотъ спаситель твой!“.

Въ третьей пѣснѣ мы находимъ рядъ пророчествъ Данте о своихъ преемникахъ—поэтахъ, которые прославятъ имя Италіи. Особенно хороши характеристики Аріосто и Тассо. Прекрасны и глубокомысленны замѣчанія Данте относительно трудности призванія поэта.

Четвертая пѣсня изображаетъ художественное возрожденіе Рима трудами такихъ великихъ представителей искусства, какъ Микель Анжело. Весьма замѣчательны и здѣсь строфы, посвященныя призванію поэта.

Пѣсня кончается новымъ обращеніемъ Данте къ неблагодарной Флоренціи.

Уже немедленно послѣ своего выхода въ свѣтъ поэма Байрона, переведенная на итальянскій языкъ, была понята въ качествѣ лозунга и призыва къ возстанію. Власти призывали къ конфискаціи этого изданія, и автору грозила-бы серьезная опасность, если-бы его не охраняло званіе лорда и англійскаго подданнаго.

Общіе приемы произведенія заимствованы Байрономъ у Мильтона; но поэма во многомъ выиграла-бы, еслибъ оказалась болѣе краткой и не раздѣленной на четыре части. Равнымъ образомъ, слишкомъ пространныя отступленія въ область исторіи задерживаютъ вниманіе читателя на интересныхъ, но второстепенныхъ эпизодахъ. Высоты паэоса поэтъ достигаетъ въ обличительныхъ частяхъ своей поэмы, особенно тамъ, гдѣ онъ говоритъ о наказаніи, которое ожидаетъ Флоренцію за ея преступное бездѣйствіе.

Представляетъ нѣкоторый интересъ уясненіе вопроса о томъ, насколько Байронъ усвоилъ себѣ стиль „Божественной Комедіи“ и политическія воззрѣнія Данте. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ формальномъ отношеніи англійскій поэтъ въ совершенствѣ проникся стилемъ Данте и сѣмѣлъ вполне овладѣть его стихомъ. Но въ то время какъ итальянскій поэтъ сурово и безпощадно, съ сарказмомъ и ироніей, коритъ

ПРОРОЧЕСТВО ДАНТЕ.

неблагодарную родину, голосъ англійскаго поэта звучить жалобой. Въ XXVI пѣсни „Ада“ Данте такъ язвить свою родину:

Ликуй, Флоренція! Моря и землю
Покрыла ты подъ сѣнью крылъ своихъ,
И о тебѣ въ аду вездѣ я впемлю.
Въ числѣ татей я встрѣтилъ пять такихъ
Твоихъ гражданъ, что долженъ ихъ сты-

диться,
Да и тебѣ немного чести въ нихъ.
Но если намъ предъ утромъ правда снится,
Почувствуешь ты скоро то, чему
Какъ онъ ни малъ, самъ Прать вознесется.
Теперь пора исполниться всему
Коль быть бѣдамъ, грозой пусть грянутъ
скорой:

Вѣдь въ старости я къ сердцу ихъ приму.

Нигдѣ, сколько извѣстно, Данте не унижается до жалобъ на свою судьбу изгнанника; любовь къ родному городу не проглядываетъ въ его суровыхъ стихахъ: ее смѣнили гнѣвъ и презрѣніе. Нигдѣ Данте не

высказался-бы аналогично слѣдующимъ стихамъ Байрона:

Флоренція! Хоть судъ жестокой твой
Разрушилъ кровь мой, — все жъ любилъ
тебя я,

Но мстительный мой стихъ, твоихъ обидъ
Неправыхъ горечь вѣчно вспоминая,
Переживетъ все то, чѣмъ дорожитъ
Моя отчизна,—сплу, честь, свободу
И даже то, чѣмъ злобный адъ грозитъ
Всего страшнѣй несчастному народу,—
Тирановъ мелкихъ ненавистный рой!

„Пророчество Данте“ должно считаться однимъ изъ наиболѣе патетическихъ произведеній Байрона, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ политической атмосферѣ того времени и значительной начитанности поэта въ „Божественной Комедіи“ и произведеніяхъ болѣе позднихъ поэтовъ. Личныхъ автобіографическихъ моментовъ поэма отражаетъ сравнительно немного.

Л. Шепелевичъ.





ПОСВЯЩЕНІЕ.

Для той страны, прелестное созданье,
Гдѣ я рожденъ, но не найду конца,
Я строю лиру—пѣснѣ подражанье
Великаго Италіи пѣвца,

Но копіей простой—очарованья,
Всея прелести безсмертной образца
Не передамъ; и жду я оправданья
Въ твоёмъ лишь сердцѣ нѣжномъ для творца.

Въ своей красѣ и юности—лишь слово
Ты молвила, и сердце вмигъ готово
Исполнить все; на свѣтломъ югѣ намъ

Изъ устъ прекрасныхъ рѣчь звучить такая,
Цвѣтетъ такая прелесть, взоръ лаская:
Къ какимъ не вдохновятъ они трудамъ?

Равенна, 21 іюня, 1819 г.





ГРАФИНЯ ГВИЧІОЛИ (Countess Guiccioli).

Съ миниатюри рис. Вудъ (E. C. Wood), грав. Динъ (T. A. Dean).



DISPATCH.





ГРАФИНЯ ГВИЧІОЛИ (Countess Guiccioli).

Съ мініатуры рис. Вудъ (E. C. Wood), грав. Динъ (T. A. Dean).



ПРОРОЧЕСТВО ДАНТЕ.

Во время одного посѣщенія Равенны, лѣтомъ 1819 года, автору подали мысль написать послѣ того, какъ онъ вдохновился заточеніемъ Тассо, и что нибудь на сюжетъ изгнанія Данте, гробница котораго составляетъ главную достопримѣчательность Равенны и въ глазахъ жителей города, и для прїѣзжающихъ туда иностранцевъ.

Я послѣдовалъ этому совѣту и результатомъ является нижеслѣдующая поэма изъ четырехъ пѣсней, написанныхъ терцинами. Если эти пѣсни будутъ поняты и заслужатъ одобреніе, то я предполагаю продолжить поэму дальнѣйшими пѣснями и довести ее до естественнаго конца, т. е. до событій нашего вѣка. Читателю предлагается предположить, что Данте обращается къ нему въ промежутокъ времени между окончаніемъ Божественной Комедіи и своей смертью — незадолго до нея, и пророчествуетъ о судьбахъ Италіи въ слѣдующіе вѣка. Составляя этотъ планъ, я имѣлъ въ виду Кассандру Ликофрона и пророчество Нереея у Горация, также какъ и пророчество Священнаго писанія. Поэма написана стихомъ Данте, terza rima, кажется еще никѣмъ не введеннымъ въ нашъ языкъ, за исключеніемъ быть можетъ м-ра Гэлея (Hauley); но я видѣлъ только одинъ отрывокъ его перевода, приведенный въ примѣчаніяхъ къ Калифу Ватеку. Такимъ образомъ, если я не ошибаюсь, эта поэма представляетъ собой метрической экспериментъ. Пѣсни коротки; онѣ приблизительно такой же длины, какъ пѣсни поэта, отъ имени котораго я говорю—по всей вѣроятности напрасно заимствовавъ у него его имя.

Одна изъ непріятностей, выпадающихъ на долю современныхъ авторовъ, заключается въ томъ, что трудно для поэта, составившаго себѣ нѣкоторое имя — хорошее или дурное—избѣжать переводовъ на другой языкъ. Я имѣлъ счастье видѣть чет-

вертую пѣснь Чайльдъ-Гарольда переведенную на итальянскій языкъ стихомъ, называемымъ *versi sciolti*; это значитъ, что поэма, написанная спенсеровскими строфами, переведена была бѣлыми стихами съ полнымъ пренебреженіемъ къ естественному распредѣленію стиховъ по смыслу. Если бы и настоящая поэма, въ виду ея итальянскаго сюжета, подверглась той же участи, я бы попросилъ итальянскаго читателя помнить, что если мое подражаніе великому „Padre Alighier“ и не удалось, то вѣдь я подражалъ тому, что всѣ изучаютъ, но не многіе понимаютъ. До сихъ поръ не установлено, что собственно означаетъ аллегорія первой пѣсни *Inferno*, если не считать, что вопросъ окончательно разрѣшенъ остроумнымъ и вполне правдоподобнымъ толкованіемъ графа Маркети.

Итальянскій читатель уже потому можетъ простить мнѣ неудачу моей поэмы, что вѣроятно не былъ бы доволенъ моимъ успѣхомъ; вѣдь итальянцы изъ вполне понятнаго національнаго чувства очень ревниво оберегаютъ единственное, что у нихъ осталось отъ прежняго величія—свою литературу; въ теперешней ожесточенной борьбѣ между классиками и романтиками они очень неохотно разрѣшаютъ иностранцу даже преклоняться или подражать имъ, и стараются опорочить его ультрамонтанскую дерзость. Я вполне это понимаю, зная, что сказали бы въ Англіи объ итальянскомъ подражателѣ Мильтону или если бы переводъ Монти, Пиндемонте или Ариччи ставился бы въ примѣръ молодому поколѣнію, какъ образецъ для ихъ будущаго поэтическаго творчества. Но я вижу, что отклонился въ сторону и обращаюсь къ итальянскому писателю, когда мнѣ слѣдуетъ имѣть въ виду англійскихъ. Но будетъ ли ихъ много или мало, а я долженъ имъ откланяться.





ПРОРОЧЕСТВО ДАНТЕ.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Опять я въ міръ этомъ, что на время
Я покидалъ; и снова удрученъ
Я чувствую земного праха бремя,

Безсмертнаго видѣнія лишень,
Что вознесло къ Творцу меня въ селенья
Изъ бездны той, гдѣ слышенъ грѣшныхъ стонъ,

Откуда нѣтъ возврата и спасенья,
И изъ другого мѣста меньшихъ мукъ,
Гдѣ всѣ проходятъ пламень очищенья

И въ ангельскій затѣмъ вступаютъ кругъ,
Приблизясь къ Беатриче совершенной,
Чей дивный свѣтъ мой озаряетъ духъ

И къ Троицѣ Предвѣчной, всеблаженной:
Въ ней—истинный и тріединный Богъ.
Земному гостю ты, душа вселенной,

Была вождемъ, чтобъ славой онъ не могъ
Быть опаленъ, хотя черезъ свѣтила
Онъ восходилъ къ Всевышнему въ чертогъ.

О, ты, чье тѣло нѣжное могила
Скрывала долго, чистый серафимъ
Святой любви, что сердце охватила

Съ дней юности: и сталъ неуязвимъ
Въ ея лучахъ я для всего земного.
То, безъ чего мой духъ, тоской томимъ,

Кружилъ, какъ голубь изъ ковчега—снова
Съ тобой успѣлъ я въ небѣ обрѣсти:
Нѣтъ полноты блаженства неземного

Безъ свѣта твоего. Лѣтъ десяти
Я былъ, когда ты сутью помышлений
И жизни стала. Я не зналъ любви,

Но я любилъ; среди борьбы, гоненій,
Изгнанія—струилъ я слезъ ручьи
Лишь по тебѣ, безчувственъ для мученій,



ДРЕВНѢЙШІЙ ПОРТРЕТЪ ДАНТЕ.

(Фреска Джіотто. Флоренція, Museo Nazionale).

(Firenze. Museo Nazionale. Ritratto di Dante Allighieri, Giotto, 1266 1337).

1

ПРОРОЧЕСТВО ДАНТЕ.

И радуютъ мой взоръ лучи твои.
Сломить меня—безсиленъ гнетъ тирана,
Хотя напрасно я года свои

Влачилъ въ борьбѣ, и лишь сквозь мглу тумана
Черезъ Аппенины мой духовный взоръ
Въ отчизну проникаетъ невозбранно,

Гдѣ прежде мной гордились. Изъ-за горъ
И въ смертный часъ мнѣ нѣтъ туда возврата,
Но твердъ мой духъ въ изгнаньѣ до сихъ поръ.

Тучъ не страшилось солнце, но заката
Пришла пора, пришелъ мой день къ концу.
Дѣлами, созерцаніемъ богата

Была душа, встрѣчалъ лицомъ къ лицу
Во вѣхъ его я видахъ разрушенье;
Миръ до сихъ поръ немилостивъ къ пѣвцу,

Но до конца избѣгъ я оскверненья
И низостью я не купилъ похвалъ.
Несправедливость—въ мирѣ, но отмщенье—

За будущимъ; быть можетъ пьедесталь
Оно воздвигнетъ мнѣ, хотя желанья
Клонились не къ тому, чтобы попалъ

Я въ списокъ тѣхъ людей, что въ лжесіянѣхъ
Купаются, и гонить ихъ суда
Не вѣтеръ, устъ измѣнчивыхъ дыханье.

Ихъ цѣль одна: межъ тѣхъ, кто города
Оружьемъ бралъ и судъ чинилъ неправый—
Прославиться на многіе года

Исторіи страницей кровавой.
Флоренція, о если бъ я узрѣлъ
Свободною тебя, вѣнчанной славой!

Съ Іерусалимомъ сходенъ твой удѣлъ,
Гдѣ плакалъ Онъ о гибнущей столицѣ,
„Не хочешь ты!“ какъ онъ не захотѣлъ.

Укрылъ бы я подобно голубицѣ
Птенцовъ твоихъ, но ядомъ воздала,
Какъ лютый змѣй, ты за любовь сторицей.

Имущество отнявъ, ты обрекла
Мой прахъ огню. Страны родной проклятья,
Вы горьки тѣмъ, кому она мила!

Для родины готовъ былъ жизнь отдать я,
Но тяжко умереть *черезъ* нее,
Любя ее душой. Есть вѣроятье:

Въ грядущемъ заблужденіе свое
Пойметъ она, и мнѣ, кому судила
Черезъ палача покончить бытіе—

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ВАЙРОНА.

Откроется въ ея стѣнахъ могила.
Но этому не быть. Пускай лежитъ
Мой прахъ—гдѣ палъ. Въ землѣ, что подарила

Мнѣ жизнь и нынѣ въ ярости казнить,
Хотя бъ съ отмѣной приговора злого—
Не будетъ прахъ разгнѣванный зарытъ.

Тамъ, гдѣ лишень былъ моего я крова—
Не надлежитъ моей могилѣ быть.
Отталкивала грудь она сурово,

Готовую кровь для нея пролить,
И духъ, противопоставшій искушеньямъ,
И гражданина, что привыкъ служить

Ей каждымъ сердца вѣрнаго бѣньемъ.
Но Гвельфъ въ законъ тамъ смерть мою возвелъ,
Воспользовавшись быстрымъ возвышеньемъ.

Забудется ль подобный произволъ?
Флоренціи скорѣй грозитъ забвенье.
О, нѣтъ, ударъ былъ черезчуръ тяжель

И черезчуръ истощено терпѣнье,
Чтобъ сдѣлалася менѣе тяжка
Ея вина и легче мнѣ—прощенье.

И все жъ моя любовь къ ней глубока.
Изъ-за нея и Беатриче ради—
Не мщу странѣ, что мнѣ была близка.

Прахъ Беатриче молить о пощадѣ,
Съ тѣхъ поръ какъ онъ туда перенесенъ—
Охраною онъ грѣшнымъ въ цѣломъ градѣ.

Хотя порой я гнѣвомъ распаленъ,
Какъ Марій средь развалинъ Кареагена,
И чудится мнѣ гнусный врагъ—сраженъ;

Онъ корчится, изъ устъ клубится пѣна,
И торжествомъ сію я, но—нѣтъ.
Такая мысль, что я гоню мгновенно—

Не-человѣческихъ мученій слѣдъ;
Намъ служить Местъ замѣной изголовью,
Она—съ неутоленной жаждой бѣдъ

Переверотомъ бредить лишь и кровью:
Когда мы всѣхъ затопчемъ въ свой чередъ,
Кто насъ топталъ, глумяся надъ любовью—

Вновь по главамъ склоненнымъ смерть пройдетъ.
Не мнѣ, Господь, Тебѣ—свершенье кары.
Пусть всемогущій жезлъ на тѣхъ падеть,

Кто мнѣ нанесъ жестокіе удары.
Будь мнѣ щитомъ, какъ былъ Ты въ городахъ,
Гдѣ царствовалъ духъ возмущенья ярый,

ПРОРОЧЕСТВО ДАНТЕ.

Въ опасностяхъ и въ боевыхъ трудахъ—
Изъ-за отчизны тщетно понесенныхъ.
Къ Тебѣ, не къ ней взываю я въ мольбахъ,

Къ Тебѣ, кого средь сонмовъ преклоненныхъ
Я созерцалъ въ той славѣ безъ конца,
Что я одинъ изъ плотью облеченныхъ

Узрѣлъ при жизни—волею Творца.
Увы! Опять къ земному возвращенье
Гнететь чело мнѣ тяжелѣй свинца.

Страсть ѣдкая, тупыя ощущенья,
Подъ нравственную пытку сердца стукъ,
День безъ конца и ночь безъ сна, видѣнья

Поль-вѣка крови полного и мукъ,
Остатокъ дней—сѣдыхъ и безнадежныхъ,
Но выносимыхъ легче: пусть вокругъ

Нѣтъ никого. Добычей волнъ мятежныхъ—
Одинъ такъ долго былъ я на скалѣ
Отчаянья, въ виду пучинъ безбрежныхъ,

Что не могу мечтать о кораблѣ,
Минующемъ утесъ мой обнаженный.
И кто услышитъ голосъ мой во мглѣ?

Мнѣ чуждъ народъ и вѣкъ мой развращенный,
Но въ пѣснѣ повѣсть дней я разверну
Междоусобной смуты изступленной.

Никто бъ ея страницу ни одну
Не прочиталъ, когда бъ въ моей поэмѣ
Предательства людского глубину

Стихомъ не обезсмертилъ я. Со всѣми,
Кто мнѣ подобенъ—я дѣлю судьбу:
При жизни выносить страданій время,

Томиться сердцемъ и вести борьбу,
Чтобъ умереть въ уединеніи полномъ.
Когда жъ ихъ прахъ уже истлѣлъ въ гробу—

Паломники спѣшатъ, подобно волнамъ,
Чтобъ поклониться каменнымъ гробамъ
И славу расточать—глухимъ, безмолвнымъ

И безучастнымъ къ ней ихъ именамъ.
За славу я платилъ цѣной громадной.
Что смерть! Но въ жизни къ низменнымъ путямъ

Пустыхъ людей склоняя беспощадно
Высокій разумъ, взору пошляковъ
Являться въ пошломъ видѣ заурядно;

Скитальцемъ быть, когда и у волковъ
Есть логово, и сладости общенья
Лишеннымъ быть въ теченіе годовъ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ ВАЙРОНА.

Съ родными, домою, всѣми, кто мученья
Смягчить бы могъ. Какъ царь, живу одинъ,
Но власти—нѣтъ, въ которой возмещенье

За свой вѣнецъ находитъ властелинъ.
Завидую я крыльямъ голубицы,
Что мчатъ ее чрезъ выси Аппенинъ

Къ волнамъ Арно, къ предѣламъ той столицы
Неумолимой, гдѣ съ дѣтьми она
Осталася, чьей злобѣ нѣтъ границы—

Мнѣ гибель въ даръ принеся жена.
И видѣть, зная въ отчаяннѣ бесплодномъ,
Что жизнь мою направила судьба

Путемъ непоправимо-безысходнымъ—
Мнѣ тяжело, но ведена борьба
Достойно мной, остался я свободнымъ:

Изгнанника не превратятъ въ раба.

П Ъ С Н Ъ В Т О Р А Я.

Духъ полныхъ вѣры стародавнихъ дней,
Когда слова сбывались, и, сверкая,
Мысль озаряла будущность людей,

Изъ хаоса событій вызывая
Тѣхъ образовъ незавершенныхъ рядъ,
Которымъ жизнь назначена земная;

Я вижу все, что зрѣлъ пророковъ взглядъ
Въ Израилѣ; ихъ духъ—на мнѣ отнынѣ.
Пусть какъ въ быломъ—Кассандрѣ, не хотятъ

Внимать и мнѣ, пусть вопію въ пустынь—
На нихъ вина, награда же моя
Во мнѣ самомъ. Италія, въ кручинѣ

Не вижу ли, что льется кровь твоя
И будетъ литься? Мрачныя видѣнья
При тускломъ свѣтѣ факеловъ! И я

Въ ихъ ужасѣ забылъ мои мученья.
Отчизна—лишь одна, мой прахъ земной
Въ ея груди найдетъ успокоенье,

И духъ мой въ рѣчи оживетъ родной,
Угасшей съ римской славою могучей.
Но я взаменъ создамъ языкъ иной—

ПРОРОЧЕСТВО ДАНТЕ.

Такой же гордый, болѣе пѣвучій.
Пыль мужества съ любовнымъ забытьемъ—
Все передастъ онъ прелестью созвучій,

Подобныхъ краскамъ на небѣ твоемъ;
Осуществить онъ гордый сонъ поэта
И станешь ты Европы соловьемъ.

Предъ нимъ языкъ другихъ народовъ свѣта—
Покажется чириканьемъ. Одинъ
Я совершу—тобой гонимый—это:

Тосканскій бардъ, изгнанникъ гибеллинъ.
Грядущаго разверзлось покрывало
Тысячелѣтъя, какъ просторъ пучинъ

Лежащія, пока не взволновало
Ихъ грозно бурь дыханье—предо мной
Изъ вѣчности плывутъ, но не настала

Еще пора, нѣтъ тучи грозовой,
Въ утробѣ спитъ землетрясенья сила;
Не наступаетъ хаосъ роковой,

Но жребій твой судьба уже рѣшила.
Лишь слова одного стихіи ждутъ:
— Да будетъ мракъ!—и будешь ты—могила.

Италія прекрасная, падетъ
Мечъ на тебя! Красой ты схожа съ раемъ,
Что намъ въ тебѣ здѣсь на землѣ цвѣтеть.

Ужель его мы дважды потеряемъ?
Лучъ солнечный тамъ золото полей
Одинъ вспахалъ, и все жъ обилья краемъ,

Ты житницей была бъ Европы всей.
Твоя лазурь—прекраснѣйшаго цвѣта,
Созвѣздія твои—другихъ свѣтлѣй.

Свои дворцы въ тебѣ воздвигло лѣто,
Ты—колыбель Имперіи, твой Римъ
Украшенъ данью всѣхъ монарховъ свѣта,

А онъ—свободный былъ непобѣдимъ.
Алтарь—святымъ, героямъ давъ рожденье,
Величіемъ небеснымъ и земнымъ

Вѣнчалась ты. Все, что воображенье
Себѣ рисуетъ—затмеваетъ ты:
Дѣйствительность прекраснѣй представленья.

Когда глядимъ съ альпійской высоты
Черезъ снѣга, утесы и стремнины,
Гдѣ сосенъ, полныхъ дикой красоты,

Подъ бурей склоняются вершины,
Все ближе увидать стремится взоръ
Италіи цвѣтушія долины.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ВАЙРОНА.

И все дороже глазу ихъ уборъ,
И былъ бы для него дороже вдвое,
Когда бъ дала тиранству ты отпоръ.

Но выносила иго ты чужое,
Здѣсь совершился готтовъ произволъ;
Теперь грозитъ нашествіе иное:

Германцы, франки, гунны. Свой престолъ
На Палатинѣ, осѣненномъ славой—
Воздвигла Смерть. Римъ кровью изошелъ

У ногъ ея, и въ воздухѣ отравой
Кровь жертвъ людскихъ дымится—разлита,
И желтый Тибръ течетъ волной кровавой.

Покинулъ жрецъ священные мѣста
И жрицы, что остались безъ охраны,
О помощи взываютъ ихъ уста.

Ломбардцы, иберійцы, аллеманы—
Добычу рвутъ на тысячу кусковъ.
Ихъ—человѣчнѣй тѣ, что лижутъ раны

И трупы жрутъ: рой птицъ и злыхъ волковъ;
Насытятся, тѣ уйдутъ. Но насыщенья
Звѣрь-человѣкъ не знаетъ, и готовъ

Онъ безъ конца изобрѣтаетъ мученья.
Въ немъ голодъ Уголино—даже онъ
Не насыщаетъ чувства злого мщенья.

И девять разъ луна на небосклонѣ
Взойдетъ, зайдетъ надъ страшною картиной.
Средь мертвецовъ смертельно пораженъ

Падетъ и принцъ-предатель предъ дружиной
Здѣсь у воротъ. Когда бъ остался живъ—
Тебя онъ пощадилъ бы, но единый

Васъ жребій ждетъ, обоихъ осудивъ.
Римъ! Франціи—отъ Бренна до Бурбона
Ты—жертва иль палачъ. Враговъ наплывъ

Печалью наполняетъ Тибра лоно.
Когда чрезъ По и Альпы ихъ орда
Ворвется къ намъ—пусть какъ во время оно

Утесъ съ волной сметутъ ихъ навсегда.
Зачѣмъ въ горахъ лавиною лѣнивой
Сметенъ бываетъ путникъ иногда,

И неизмѣнно надъ крестьянской нивой
Спѣшитъ разлиться мутный Эриданъ?
Не лучше ль имъ пастъ карой справедливой

На варваровъ? Пустыни океанъ
Камбиза поглотилъ съ его дружиной,
И Фараонъ, Израиля тиранъ,



ДАНТЕ.

Портрет кисти Андреа делла Кастаньо, из монастыря Санта-Аполлония во Флоренции (Ex convento di Sant'Apollonia Firenze, Ritratto di Dante Alighieri, Andrea del Castagno, 1390—1457).

ПРОРОЧЕСТВО ДАНТЕ.

Не поглощенъ ли былъ морской пучиной?
Вы, горы, поступите, какъ они,
Вы, римляне! Живетъ въ васъ духъ старинный

Тѣхъ, чѣмъ мечомъ сраженъ въ былые дни
Былъ Ксеркса побѣдитель. Ихъ могилы
Забвеніе минуетъ искони.

Доступнѣй Альпъ гряда, чѣмъ Оермопилы,
И для пришельца легче ль переходъ?
Иль сами вы для чужеземной силы

Свободнымъ оставляете проходъ?
Движенію побѣдной колесницы
Природа здѣсь преграды создаетъ,

И недоступны стали бы границы,
Но войны ей помогать должны,
Тогда падутъ пришельцевъ вереницы.

Бываетъ такъ въ предѣлахъ той страны,
Гдѣ матери борцамъ даютъ рожденье,
Не въ той землѣ, гдѣ трусы рождены.

Для нихъ ничто—всѣ въ мірѣ укрѣпленья,
И безопаснѣй норка червяка—
Алмазныхъ стѣнъ, скрывающихъ смятенье

Людскихъ сердець. Доселѣ есть войска
Въ Авзоніи, чтобъ поражать насилье,
Есть руки и сердца въ ней, но пока

Раздоръ въ ней сѣетъ горе въ изобилѣ—
Врагъ собираетъ жатву. О, страна
Прекрасная, давно въ своемъ безсилѣ

Надеждъ гробницей ты наречена,
Межъ тѣмъ ту цѣпь, что наложилъ гонитель—
Однимъ ударомъ ты порвать властна,

И все жъ и все жъ доселѣ медлитъ мститель.
Встаютъ между твоими и тобой
Сомнѣнье и раздоръ—твой побѣдитель.

Но для того, чтобъ не была рабой,
Чтобъ оградить намъ Альпы отъ вторженья
И полною ты расцвѣла красой—

Сынамъ твоимъ лишь нужно *Единенье*.



П Ъ С Н Ъ Т Р Е Т Ъ Я .

Изъ бездны золь—безсмертныхъ въ жизни нашей:
Чумы, меча, престола, пришлеца,
Являющихся грозной гнѣва чашей,

Что льется, наполняясь безъ конца—
Все-ль передамъ, что видѣлъ вѣщимъ окомъ?
Ту лѣтопись, что сокрушить сердца—

Не умѣстить ни на небѣ высокомъ,
Ни на морѣ. Слова ея горять
Превыше солнцъ и звѣздъ въ краю далекомъ:

Развернутый, какъ стягъ у горныхъ вратъ—
Кровавый свитокъ золь неисчислимыхъ,
Сквозь пѣніе архангеловъ звучать,

И отголоски будятъ въ серафимахъ
Земные наши стоны; вопіетъ
Кровь сыновей Италіи гонимыхъ

Къ Всесильному подателю щедротъ;
Какъ звуки струнъ, что вѣтромъ въ колыханье
Приведены—ихъ стонъ къ нему дойдетъ.

А я—твое ничтожное созданье,
Я—прахъ земной, безсмертьемъ приведенъ
Къ сознанію и полнотѣ страданья.

Пускай падетъ—тираномъ побѣжденъ
Тотъ, кто боится бури дуновенья—
Тебѣ, мой край, да будетъ посвященъ

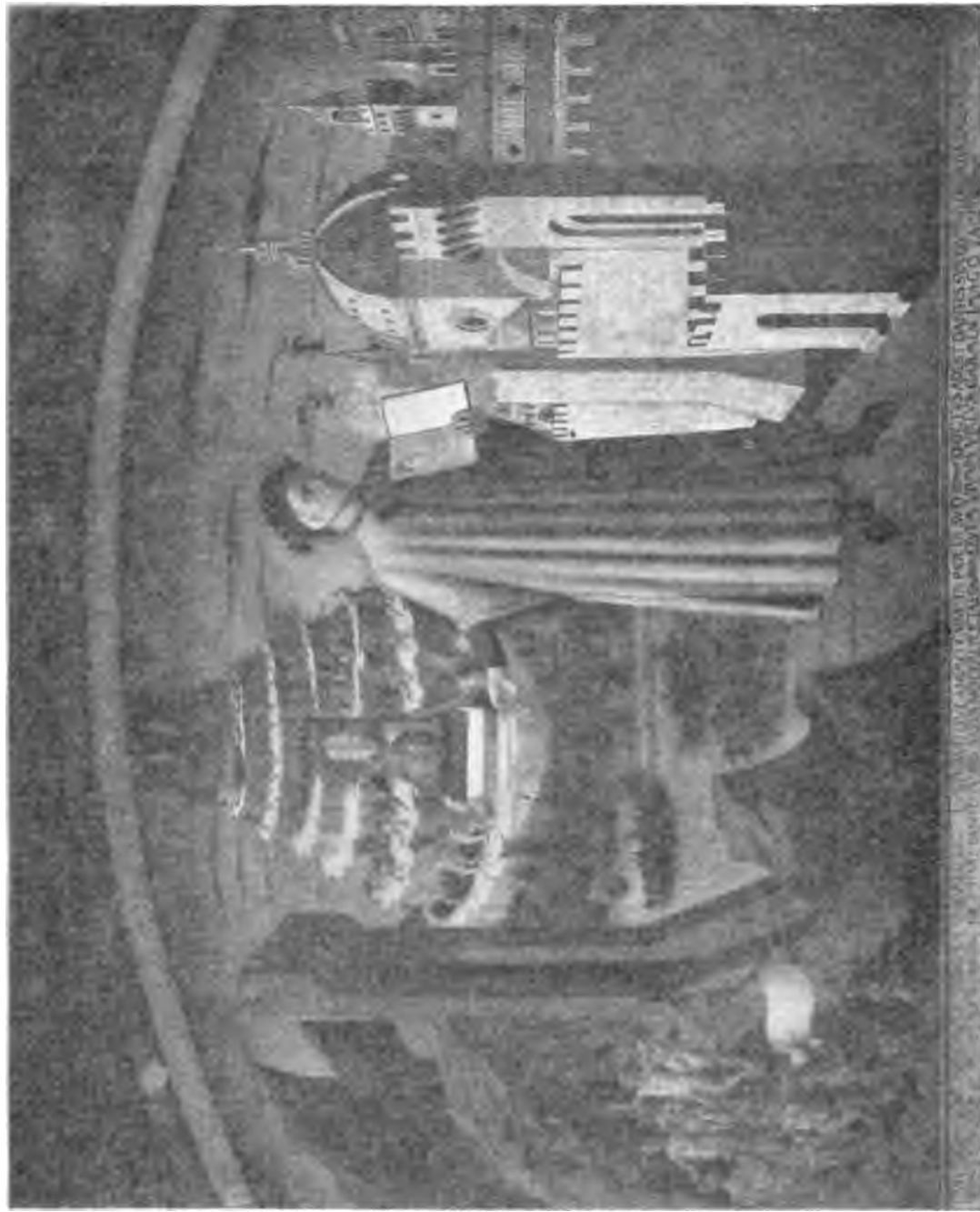
Звукъ каждый скорбный лиры и—прозрѣнье
Грядущаго, что свѣше мнѣ дано.
Когда мое померкло вдохновенье—

Прости! Твой жребій нынѣ суждено
Мнѣ предсказать, затѣмъ я умираю,
Его не видѣть—мнѣ разрѣшено.

По волѣ духа, истину вѣщаю
И смерть за то—желанная мной дань.
Я надъ тобой слезами истекаю.

Но прежде чѣмъ за горестную ткань
Твоихъ печалей вновь примусь—въ унылой
Ночи твоей пусть, пробивая грань.

Блеснетъ мнѣ лучъ, затеплятся свѣтила.
Красой безсмертной, созданной рѣзцомъ—
Украсится навѣкъ твоя могила.



ДАНТЕ И ЕГО ПОЭМА.

Картина живописца Доменико ди Франческо, по прозванию ди Микелино, из флорентинского кафедрального собора
(*Dante e il suo Poema. Domenico di Francesco, detto di Michelino*).

100

• ' • • • •

..:23:

1. *Chlorophyll a* and *Chlorophyll b* contents were determined by spectrophotometry using the method of Lichtenthaler and Whistler (1973).

1. *Phragmites australis* (Cav.) Trin. ex Steud.

• 11 -



ДАНТЕ И ЕГО ПОЭМА.

Картина живописца XV в. Доменико ди Франческо, по прозванию ди Микеллино, из флорентинского кафедрального собора (Firenze, Cattedrale. Dante e il suo Poeta. Domenico di Francesco, detto di Michelino).

ПРОРОЧЕСТВО ДАНТЕ.

Изъ нѣдръ ея—созданія вѣнцомъ
Пускай умы возстанутъ міровые;
Пѣвцомъ, ученымъ, мудрымъ и борцомъ—

Чревата будь, они—тебѣ родные,
Какъ лѣто—небесамъ твоимъ. И тотъ,
Кто страны покорилъ себѣ чужія,

Кто имя міру новому даетъ—
Нѣтъ силъ у нихъ для твоего спасенья
И вся твоя награда—ихъ почетъ,

Для нихъ, не для тебя—ихъ возвышенье.
Какъ? Слава—имъ? Позоръ—тебѣ одной?
Славнѣй ихъ тотъ, кто дастъ освобожденье:

Онъ явится еще въ странѣ родной,
Чело твое вѣнчаетъ онъ короной,
Измятой нынѣ варваровъ рукой,

Блеснетъ твой день красою обновленной,
Твой хмурый день, что тучей омраченъ
И вѣяньемъ Авернской мглы зловонной.

Ее вдыхаетъ тотъ, кто умаленъ
Неволею, чей духъ—въ тюрьмѣ позорной.
Сквозь вѣковую скорбь, что небосклонъ

Здѣсь облекла затмѣнья тучей черной—
Прорвется кличъ, услышанный толпой.
И тѣ пѣвцы проложатъ путь просторный—

Что мнѣ во слѣдъ пойдутъ моей тропой.
Ихъ вдохновятъ все тѣ же небосводы,
Что вдохновляютъ птицъ въ глуши лѣсной,

И будетъ пѣснь ихъ откликомъ природы
И такъ же сладкозвучна. Запоетъ
Кто—пѣснь любви, иные—пѣснь свободы.

Но съ ней свершатъ орлиный свой полетъ,
Чтобъ солнце взоромъ увидать орлинымъ—
Немногіе. Потянетъ ихъ къ долинамъ,

Чтобъ дань похвалъ возвышенныхъ принести
Тамъ на землѣ ничтожнымъ властелинамъ.
Изобличить рѣчей фальшивыхъ лести

Стыдъ генія: онъ—красотѣ подобенъ—
Съ достоинствомъ позабываетъ честь,
И такъ же торговать собой способенъ.

Къ тирану гостемъ кто вступилъ въ чертогъ—
Тотъ цѣпь надѣлъ: борцомъ быть не способенъ,
Рабомъ онъ сталъ, переступивъ порогъ,

И мысль его ужъ не свободна болѣ,
Въ безсилѣ духа разумъ изнемогъ.
Нельзя вблизи сидящихъ на престолѣ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ВАЙРОНА.

Стоять пѣвцу, страшиться словъ своихъ
И угождать онъ долженъ поневолѣ.
Угодливость—удѣлъ людей такихъ:

Чтобъ услаждать правителей досуги
Онъ сокращать въ другомъ обязанъ стихъ,
Но воспѣвать подробно ихъ заслуги,

Самъ измышляя поводъ къ похваламъ—
Замкнуться съ вдохновеньемъ въ тѣсномъ кругѣ.
Такъ—связанъ, къ лъстивымъ присужденъ рѣчамъ,

Бойтся онъ дать волю мыслямъ честнымъ:
Измѣною они бѣ явились тамъ,
Подобныя мятежникамъ небеснымъ.

Обязанъ пѣть онъ съ камнями во рту,
Чтобъ истина путемъ не вышла тѣснымъ.
Но въ длинномъ сочинителей ряду

Появится одинъ поэтъ, мнѣ равный,
Онъ приметъ за любовь мученій мзду,
Среди пѣвцовъ любви онъ будетъ главный,

Онъ обезсмертитъ слезы, и ему
Свободы пѣснь вѣнецъ даруетъ славный.
И два другихъ—сильнѣйшихъ по уму

Близъ народятся, и вражду окажетъ
Имъ свѣтъ, что благосклоненъ былъ къ нему,
Пока ихъ прахъ близъ моего не ляжетъ.

Пѣснь первого откроетъ міръ чудесъ,
О подвигахъ дней рыцарства расскажетъ.
Его мечта—блескъ радуги, съ небесъ

Онъ взялъ огонь безсмертный вдохновенья.
Гдѣ мысль окрылена—тамъ перевѣсь
Надъ нею не одержитъ утомленье.

На крылышкахъ, какъ дивный мотылекъ,
Порхаетъ радость вокругъ его творенья.
Въ природу воплотить искусство могъ

Мечтой прозрачной онъ неуловимо.
Другой, чей духъ печаленъ и глубокъ,
Намъ воспоетъ судьбу Іерусалима,

Гдѣ за Христа лилась кровь христіанъ.
Своей священной арфой пѣснь Солима
Въ краю, гдѣ протекаетъ Іорданъ—

Онъ воскреситъ, борьбы ожесточенье
И ту побѣду, что одержитъ станъ
Борцовъ Христовыхъ, ада ухищренья,

Чтобъ отвратить ихъ сердце отъ Христа,
Пока не развернется съ возвышенья
Тамъ стягъ священный Краснаго Креста,

ПРОРОЧЕСТВО ДАНТЕ.

Гдѣ первый крестъ алѣлъ въ крови Христовой,
Что ради насъ была имъ пролита.
Утратитъ онъ въ немилости суровой

Свободу, даже славу; плѣнъ его
Молвою изворотливой дворцовой—
Пріютомъ назовется: для того,

Чтобъ оградить безумнаго поэта
Отъ горя и стыда. Вотъ торжество,
Что ждетъ пѣвца, кѣмъ Божья рать воспѣта,

Вѣнчаннаго Христомъ. Я присужденъ
Рѣшеніемъ Флоренціи совѣта
Лишь къ смерти иль изгнанью. Заключенъ

Въ тюрьму онъ будетъ герцогомъ Феррары.
Удѣлъ тягчайшій! Незаслуженъ онъ.
Я наносилъ моимъ врагамъ удары,

На міръ съ любовью онъ подниметъ взоръ,
И обезсмертятъ дивной лести чары
Мельчайшаго изъ жившихъ до сихъ поръ

Правителей. Поэтъ съ душою нѣжной—
Чѣмъ вызоветъ подобный приговоръ?
Полюбитъ онъ? Но страстью безнадежной.

И безъ живой могилы—пытка въ ней.
Таковъ удѣлъ двухъ бардовъ неизбѣжный.
И рыцарства пѣвецъ, не мало дней

Въ лишеняхъ проведя, умретъ въ кручинѣ,
Оставивъ міру и странѣ своей,
Что не скорбѣла при его кончинѣ—

Сокровище; обогатитъ оно
Тѣхъ, кто пойметъ души его святыни.
Двойнымъ вѣнцомъ вѣнчаться суждено

Отчизнѣ ихъ. Черезъ всѣ олимпіады,
Межъ тѣхъ, кому безсмертіе дано,
Не сыщется среди сыновъ Эллады—

Подобныхъ двухъ именъ. Ужель такой
Подъ солнцемъ ждать могли они награды?
Еозвышенная мысль, огонь святой,

И трепетъ тотъ, что одухотворяетъ
Ихъ плоть и съ небывалой остротой
Все то переживать ихъ заставляетъ,

Что есть и что мечтаетъ видѣть взоръ --
Конца такого-ль ждать ихъ подобаетъ?
Ужели и въ грядущемъ бурь напоръ

Блестящее развѣтъ оперенье?
Изъ вещества нѣжнѣйшаго—уборъ
Тѣхъ райскихъ птицъ, онѣ спѣшатъ въ селенья

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ БАЙРОНА.

Родимья; вредна земная мгла
Для крыльевъ ихъ, и смерть иль униженье—
Ихъ ждуть. Побѣждена заразой зла

Бываетъ мысль; отчаянье и страсти,
Подобно хищнымъ птицамъ безъ числа,
Помчатся вслѣдъ, готова ей напасти

Едва она замедлитъ свой полеть,
И жертву разорвутъ они на части,
Когда она опустится съ высотъ.

И будетъ тотъ лишь неприкосновененъ—
Кого сломить ничей не можетъ гнетъ,
Кто борется съ собою—дерзновененъ.

Задача безнадежная! Удѣлъ,
Что въ мірѣ не совсѣмъ обыкновененъ.
И если бы такимъ я стать успѣлъ,

Я болѣе гордиться былъ бы вправѣ,
Чѣмъ если бъ мной достигнуть былъ предѣлъ,
Ведущій къ болѣе блестящей славѣ.

Но ближе-ль къ небу Альпы, чѣмъ жерло,
Дающее исходъ ужасной лавѣ?
То пламя, что сіяетъ такъ свѣтло—

Горитъ въ груди вулкана распаленной,
И временный исходъ изъ тьмы нашло.
Огонь, излившись лавой раскаленной

Въ теченье ночи ужаса,—опять
Стремится въ мракъ геенны разъяренной,
Въ тотъ адъ, гдѣ вѣчно долженъ обитать.



П Ъ С Н Ъ Ч Е Т В Е Р Т А Я .

Поэты есть—быть можетъ—съ даромъ высшимъ,
Которые не пишутъ ничего,
Они не передавъ созданьямъ низшимъ

Ни чувствъ, ни думъ своихъ, и божество
Въ себѣ скрывая, вознеслись къ плеядамъ,
Здѣсь не извѣдавъ славы торжество.

Но тѣхъ они счастливей, что разладомъ
Унижены ихъ собственныхъ страстей
И слабостей честолюбивыхъ рядомъ—

Достигли славы, но въ борьбѣ своей
Изранены жестоко. Есть не мало
Невѣдомыхъ поэтовъ средь людей.



Д А Н Т Е.

Изъ „Парнаса“ Рафаеля въ Ватиканъ.

(Dante. Dettaglio del Parnaso, Raffaele, Vaticano).

ПРОРОЧЕСТВО ДАНТЕ.

Поэзія—не жажда-ль идеала,
Духъ творчества, избыткомъ рожденъ
Добра иль зла? Кого она объяла—

Быть Прометеемъ новымъ осужденъ.
Огонь съ небесъ онъ похищаетъ снова,
И коршуномъ терзаемъ, пригвожденъ

Въ цѣпяхъ къ скалѣ у берега морского,
Онъ поздно сознаетъ: за даръ небесъ
Вознагражденъ страданьемъ онъ сурово.

Да будетъ такъ: мы стерпимъ,—перевѣсъ
Въ комъ духъ беретъ, кто одухотвореннымъ
Изъ узъ плотскихъ къ сознанію воскресъ—

Въ какой бы формѣ ни далъ претвореннымъ
Свой замыселъ—становится пѣвцомъ.
Въ лицѣ, лучомъ искусства озаренномъ,

Изваянномъ художника рѣзцомъ—
Поэзіи не меньше, чѣмъ въ твореньи
Того, кто Одиссеи былъ творцомъ.

Одинъ мазокъ живить произведеніе
И обоготворяетъ полотно,
Пока такой красою безъ сравненія

Не заблистаетъ—обожествлено
Созданіе искусства взору міра,
Что людямъ въ грѣхъ не будетъ вмѣнено

Склонять чело къ подножію кумира.
Мысль, образы, что мыслью рождены—
Что большее намъ дастъ поэтовъ лира?

Въ борьбѣ да будутъ лавры суждены
Художнику; подъ гнетомъ осужденій
Чело онъ клонить: тѣсно сплетены

Между собой отчаянье и геній.
Искусство той достигнетъ высоты
Какъ въ дни, когда рядъ Фидіи твореній

И Апеллеса полныхъ красоты—
Создалъ разцвѣтъ искусства незабвенный.
Средь разрушенія—формы и черты,

Духъ греческой красы, столь совершенной—
Вы здѣсь воссоздадите: оживетъ
Духъ Рима въ той работѣ вдохновенной,

Созданіи римскихъ рукъ. Въ прахъ не падетъ
Тамъ Пантеонъ, стоящій горделиво,
Какъ здѣсь главу храмъ новый вознесетъ,

Его подобье—странамъ всѣмъ на диво.
Величьемъ превзойдетъ онъ каждый храмъ,
Всѣ въ мірѣ племена благочестиво

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ БАЙРОНА.

Колѣна для молитвъ преклонять тамъ,
И сложать гнетъ грѣховъ своихъ у входа,
Подобнаго святымъ небесъ вратамъ.

А геній тотъ, строитель смѣлый свода,
Въ искусствѣ — властелинъ: рѣзцомъ своимъ
Вождя ли онъ еврейскаго народа,

Что могъ повелѣвать волнамъ морскимъ,
Изъ камня изсѣчетъ, иль въ краскахъ ада
Онъ Страшенъ Судъ напишетъ, или имъ

Создастся храма дивнаго громада
Невиданной красы, я—гибеллинъ,
Кѣмъ пройдена загробныхъ царствъ триада,

Что составляютъ вѣчность, я—одинъ
Источникомъ явлюсь тѣхъ вдохновеній!
Вѣкъ, что предвижу я въ дали годинъ,

Средь звона стали, грохота сраженій—
Онъ назовется вѣкомъ красоты.
Покуда страждетъ міръ, народный геній

Поднимется до гордой высоты,
Какъ кедръ среди пустыннаго простора;
Шлютъ небу фиміамъ его листы,

Издадека замѣтенъ онъ для взора.
Забывъ о полѣ ратномъ, не одинъ
Земной монархъ отъ крови и раздора

Здѣсь отдохнетъ средь статуй и картинъ.
Надъ нимъ, губившимъ красоты созданья—
На мигъ искусство будетъ властелинъ,

И расточить оно очарованье,
Признательностью введено въ обманъ,
И обезсмертитъ тѣхъ существованье,

Кто имъ лишь забавлялся, какъ тиранъ,
Кто генія таскать заставилъ грузы,
Нося первосвященническій санъ,—

Кто наложилъ на трудъ и душу узы,
Трудящійся для родины своей—
Бѣднякъ, но онъ свободенъ; кто же музы

Своей плоды готовить для царей,
Онъ—тотъ же царедворецъ позлащенный,
Что ждетъ подобострастно у дверей,

Нарядный, сытый и низкопоклонный.
О, Власть, которой все вдохновлено,
Покорно все, ужель онъ—надѣленный

Могуществомъ, что на землѣ дано
Правителямъ и съ виду величаво,
Но свойствъ твоихъ небесныхъ лишено,

ПРОРОЧЕСТВО ДАНТЕ.

Ужели онъ, поправъ пятой кровавой
Главы людей, бываетъ убѣжденъ,
Что ты даешь ему на это право?

И тѣ, кто славой былъ усыновленъ,
Кого сіяньемъ озаряетъ геній,
Носители прославленныхъ именъ—

Они иль жить должны среди мученья,
Иль въ высь идти безславія тропой.
Замѣтнѣй — ихъ клеймо, цѣль — драгоцѣннѣй.

А если имъ и суждено судьбой
Возвыситься, не зная искушеній,—
Терзаются они страстей борьбой.

Флоренція, когда безъ сожалѣнія
Снесла ты кровь мой—я тебя любилъ,
Но мечь моихъ стиховъ, ядъ оскорбленій,

Что долго я съ проклятьями копилъ—
Переживутъ все то, что дорогого
Есть у тебя: разцвѣтъ свободы, силъ,

И даже то, что самого есть злого
Изъ золь земныхъ: тирановъ мелкихъ гнетъ.
Порой и демагогъ царить сурово

Съ той разницей, что раньше онъ падетъ.
Во всякомъ злѣ, несущемъ людямъ раны,
Оно—грѣха и смерти гнусный плодъ,

Въ жестокости, трусливости тирана,
Въ насильяхъ, что рождаетъ произволь—
Вождь партіи—лишь братъ родной султана

И деспота во многомъ превзошелъ.
Флоренція, томяся одиноко
Мой духъ, забывъ о тѣмъ обидъ и золь,

Къ тебѣ давно стремился издалека.
Изгнанье—худшій плѣнъ; моря, холмы
Намъ кажутся рѣшеткою жестокой,

А цѣлый міръ—подобіемъ тюрьмы,
Насъ разлучившей съ той страной единой,
Которую—какъ ни страдали бъ мы,

Но увидать мы жаждемъ предъ кончиной.
Флоренція, духъ одинокій мой,
Въ изгнаніи томившійся кручиной—

Когда найдетъ средь душъ родныхъ покой,
Меня оцѣнишь ты, но прахъ далекій
Въ тебѣ замѣнятъ урною пустой.

„Что сдѣлалъ я тебѣ, народъ жестокій?“
Ты всякой злобы превзошелъ предѣлъ.
Какъ гражданинъ, стоялъ я внѣ упрека,

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ БАЙРОНА.

Въ войнѣ и мирѣ твой дѣля удѣлъ,
И на меня ты встаешь жестоко.
Свершилось! Вѣчной не преодолѣлъ

Преграды я: умру я одиноко;
Для избранныхъ въ грядущемъ бѣдствій рядъ
Лишь вѣщее мое предвидитъ око.

Взываю къ тѣмъ, что слышать не хотятъ,
Пока являсь, какъ древле, въ грозной силѣ—
Вмигъ истина не поразитъ ихъ взглядъ,
И правъ пророкъ окажется въ могилѣ.

О. Чюмина.





МАРИНО ФАЛІЕРО.

„Историческая трагедія“ „Марино Фаліеро, дожъ Венеціи“ была задумана Байрономъ въ 1817 г., когда онъ, пріѣхавъ въ Венецію, впервые увидѣлъ залу совѣта во дворцѣ дожей съ чернымъ покрываломъ на томъ мѣстѣ, гдѣ долженъ былъ находиться портретъ казненнаго государя-заговорщика. Мысль, отодвинутая на время другими работами, получила осуществленіе только три года спустя, въ Равеннѣ. Начатая 4-го апрѣля трагедія была закончена 17-го іюля 1820 года. Въ началѣ 1821 года она была поставлена безъ согласія и вопреки желанію автора на сценѣ лондонскаго Дрюриленскаго театра. Успѣха она не имѣла; неблагоприятны были и отзывы о ней въ тогдашнихъ газетахъ и журналахъ. Реакція въ ея пользу началась сравнительно недавно; но уже Гете, которому Байронъ намѣревался посвятить свою трагедію, удивлялся яркости мѣстнаго и національнаго ея колорита и считалъ возможной обработку ея для сцены. Опытъ такой обработки, не особенно удачный, былъ сдѣланъ гораздо позднѣе извѣстной мейнингенской труппой.

Въ предисловіи къ „Марино Фаліеро“ Байронъ указываетъ источники, по которымъ онъ изучалъ избранную имъ тему. Нѣкоторые изъ нихъ, судя по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, не во всемъ и не вполне достоверны; но основные факты, на которыхъ построена трагедія, не возбуждаютъ серьезныхъ сомнѣній. Вѣрно въ главныхъ чертахъ воспроизведено прошедшее дожа, мотивы, побуждающіе его примкнуть къ возстанію; согласно съ истиной изображена судьба заговора и заговорщиковъ. Название „исторической“ поэтому дано трагедіи по праву. Безусловной точности деталей отъ художественнаго произведенія, переносящаго насъ въ далекое прошлое, требовать нельзя: вполне достаточно, если оно *правдоподобно*, если оно не нарушаетъ въ общемъ и цѣломъ исторической перспективы. Не страдаетъ трагедія Байрона и отъ того,

что онъ рѣшился соблюсти одно изъ псевдо-классическихъ единствъ—единство времени. Событія, проходящія передъ нами, *могли* совершиться въ теченіе однѣхъ сутокъ. Фаліеро могъ примкнуть къ заговору подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ снисходительнаго приговора, постановленнаго надъ Стено; Бертуччіо, получивъ неожиданнаго союзника въ лицѣ дожа, могъ или, лучше сказать, долженъ былъ ускорить введеніе его въ среду заговорщиковъ; заговорщики, заручившись могущественной поддержкой и сознавая опасность медленности, могли поспѣшить переходомъ къ дѣйствію, для котораго все было подготовлено заранѣе; совѣтъ десяти, зная о враждебномъ настроеніи народной массы, могъ признать неотложной казнь главныхъ виновныхъ. Что Байронъ вовсе не считалъ себя связаннымъ требованіями традиціи, объ этомъ свидѣтельствуетъ свобода, съ которою онъ отнесся къ единству мѣста, нѣсколько разъ нарушаемому въ трагедіи. И это вполне понятно: заключивъ дѣйствіе въ предѣлы дворца, авторъ былъ бы вынужденъ отказаться отъ такихъ капитальныхъ сценъ, какъ разговоръ дожа и Бертуччіо у церкви С. Джованни-э-Паоло, какъ появленіе ихъ среди заговорщиковъ, какъ монологъ Ліони, прерываемый приходомъ Бертрама. Не говоримъ о единствѣ дѣйствія, наиненѣ условномъ и искусственномъ изъ „трехъ единствъ“: если оно соблюдено въ „Марино Фаліеро“, то это объясняется самымъ замысломъ пьесы, интересъ которой сосредоточивается почти всецѣло на ея главномъ героѣ.

Не помѣшало ли, однако, стремленіе Байрона къ единству времени обрисовкѣ характера Фаліеро, скрывъ отъ насъ его постепенное развитіе? Такъ думаетъ одинъ изъ новѣйшихъ біографовъ Байрона, Аккерманнъ, упуская изъ виду, что моментъ кризиса часто отражаетъ въ себѣ, точно въ зеркалѣ, всего человѣка, какимъ сдѣлала

его предшествующая жизнь. Очень не великъ промежутокъ времени, отдѣляющій первую сцену „Пикколомини“ отъ послѣдней сцены „Смерти Валленштейна“, но развѣ вслѣдствіе этого остается что-либо не додѣланнымъ въ образѣ Шиллеровскаго героя? Развѣ дѣйствіе, производимое „Ипполитомъ“ Еврипида или „Федрой“ Расина, уменьшается отъ того, что мы не видимъ зарожденія и роста страсти, а застаемъ ее въ полномъ разгарѣ?.. Съ большимъ искусствомъ показалъ намъ Байронъ, что искра недовѣрія и вражды къ господствующей олигархіи теплилась въ Фаліеро издавна, задолго до тенденціознаго рѣшенія по дѣлу Стено, раздуваго ее въ пожирающее пламя *).

Или ты
Не знаешь дѣлъ Венеціи? Но знаешь
Совѣта Сорока?

спрашиваетъ онъ своего племянника, выражающаго, до объявленія приговора, надежду на справедливость судей (I, 2).

Знаю я
Ихъ преданность и, вмѣстѣ съ тѣмъ, почтенью

замѣчаетъ онъ съ горькой ироніей, выслушавъ почтительныя слова, предпосылаемая судомъ непочтительному приговору. Если этотъ приговоръ—присуждающій оскорбителя догарессы, клеветника Стено, къ мѣсячному аресту,—сразу возбуждаетъ безграничную, неудержимую ярость Фаліеро, причина тому коренится глубоко въ его прошломъ. Увѣнчанный славой воина и дипломата, спаситель родного города, которому была посвящена вся его долгая жизнь, онъ возведенъ на первое мѣсто въ государствѣ какъ бы для того, чтобы дать ему почувствовать все безсиліе мнимо-верховой власти, всю тщету номинальныхъ ея прерогативъ. И кто же превращаетъ дожа въ призракъ, никому не страшный, въ жалкое подобіе государя? Не народъ, который самъ „обращенъ въ ничто или хуже чѣмъ ничто“, а „ядовитая гидра аристократіи“ (I, 2), горсть презрѣнныхъ сибаритовъ (III, 2). Противъ нихъ направляется гнѣвъ Фаліеро, противъ нихъ возгорается въ немъ жажда мщенія. Ничтожный обидчикъ Стено отсту-

паетъ на задній планъ; наложивъ на него снисходительное взысканіе, аристократическая корпорація заслонила его собою и стала лицомъ къ лицу съ дожемъ, уже и раньше нетерпѣливо переносившимъ ея тираннію.

Съ перваго взгляда можетъ показаться преувеличеннымъ негодованіе, вызванное въ Фаліеро сначала поступкомъ Стено, потомъ приговоромъ Сорока; но стоитъ только вчитаться въ трагедію, чтобы придти къ другому заключенію. Анджіолина любитъ старика Фаліеро не какъ мужа, а скорѣе какъ отца; Фаліеро женился на ней, чтобы доставить беззащитной сиротѣ, дочери друга, „почетную безопасность“ среди „гнѣзда пороковъ“ (II, 1), какимъ является венеціанская знать. Для него немислимо поэтому примириться съ сознаніемъ, что въ союзѣ съ нимъ Анджіолина не нашла единственнаго блага, которымъ могъ быть оправданъ неравный бракъ. Клевета Стено направлялась, въ добавокъ, противъ жены главы государства; санъ дожа, выскій если не въ дѣйствительности, то въ глазахъ Фаліеро, долженъ былъ обезпечить за догарессой особое уваженіе, а ей отказываютъ въ защитѣ, которой вправѣ ожидать послѣдній изъ гражданъ. Фаліеро требовалъ только справедливости—

Я лишь хотѣлъ обрушить на злодѣя
Ударъ законной кары, въ чемъ отказа
Не получилъ послѣдній бы голякъ,
Когда-бъ имѣлъ жену онъ, дорогую его
душѣ и т. д.

И въ этой справедливости ему отказали, несмотря на то, что онъ дожъ,—или, вѣрнѣе, именно потому что онъ дожъ! Понятно, что послѣ перваго порыва бѣшенства Фаліеро сразу останавливается на мысли, какъ замѣнить иллюзію власти ея реальною полнотою. Слова его племянника, выразившаго желаніе видѣть его настоящимъ государемъ Венеціи, погружаютъ его въ тотъ „міръ мечтаній“, который открылся для Макбета съ привѣтомъ вѣдьмъ. Онъ чувствуетъ, однако, что для труднаго дѣла ему нужны союзники—и въ это самое время передъ нимъ является Израэль Бертуччіо, глава заговора, готоваго разразиться надъ правящей кастой. Плебея и патриціа сближаетъ общее чувство обиды; Бертуччіо рѣшается посвятить дожа въ тайну заговора—дожъ поспѣшно, почти радостно общается ему свое содѣйствіе. Вся сцена между ними полна удивительно мѣткихъ штриховъ, сразу дорисовывающихъ фигуру Фаліеро. „Хоти-

*) Фаліеро говоритъ предъ судомъ:

Пожаръ
Рождается отъ искры: капля можетъ
Пролить сосудъ, а мой былъ переполненъ.

те-ль—быть монархомъ”—спрашиваетъ его Бертуччіо. „Да! но только счастливаго народа“—отвѣчаетъ дожъ.—

Угодно-ль намъ

Монархомъ быть Венеціи

О, да

Но только съ тѣмъ, чтобъ мой народъ и я
Служили свергнуть его злобной гидры
Патриціевъ.

И вмѣстѣ съ тѣмъ въ Фаліеро все еще сказывается рожденный аристократъ, готовый дѣйствовать заодно съ народомъ, но мнящій себя чѣмъ-то высшимъ сравнительно съ чернью. „Ты смѣешь, тварь, напоминать мнѣ сына“—воскликаетъ онъ, когда Бертуччіо, нѣсколькими неосторожными словами воскрешаетъ въ немъ память о его погибшемъ сынѣ. Оставшись одинъ, дожъ ужасается при мысли, что вступилъ въ общеніе съ „низкою сволочью“ (common ruffians), злоумышляющею противъ государства. Моменты нерѣшительности, вызываемой этою мыслью, чередуются съ стараніями увѣрить себя въ справедливости задуманнаго дѣла. Чѣмъ-то не-человѣческимъ вѣяло бы отъ Фаліеро, еслибы онъ, безъ колебаній вступивъ на страшный путь, безъ колебаній слѣдовалъ по немъ все дальше и дальше. Вѣдь ему предстоялъ разрывъ съ своимъ сословіемъ, съ принципами, которымъ онъ служилъ, съ традиціями, которыми онъ гордился. Напрасно, подходя къ церкви, служащей усыпальницею его предковъ, онъ призываетъ ихъ въ свидѣтели своей правоты: нѣсколько минутъ спустя ему начинаетъ казаться, что ихъ покой нарушенъ дерзновеніемъ потомка. Мучительными его сомнѣнія становятся тогда, когда онъ видитъ, что бунтъ, во главѣ котораго онъ рѣшился стать, долженъ привести къ поголовному избіенію людей, близкихъ ему по крови и по воспоминаніямъ цѣлой жизни. „Ты не вкушалъ съ ними хлѣба и соли,—говоритъ онъ, обращаясь къ Бертуччіо (III, 2),—не пилъ съ ними изъ одной чаши, не смѣялся и не плакалъ вмѣстѣ съ ними. Сѣдиной, какъ моя голова, открыты головы старѣйшинъ совѣта, съ которыми я былъ молодъ, съ которыми сражался противъ невѣрныхъ. Каждый ударъ, имъ нанесенный, будетъ казаться мнѣ самоубійствомъ“. Въ этомъ внутреннемъ конфликтѣ—главный трагизмъ положенія Фаліеро, превосходно схваченный и изображенный Байрономъ. „Я видѣлъ васъ,—го-

воритъ онъ, ожидая сигнальнаго удара въ колоколъ св. Марка,—я видѣлъ васъ, морскія волны, окрашенными кровью генуэзцевъ, сарацинъ, гунновъ, съ которою смѣшивалась кровь побѣдителей-венеціанцевъ; неужели я жилъ восемьдесятъ лѣтъ только для того, чтобы узрѣть васъ смѣшанными съ кровью, пролитую въ междоусобной распрѣ—я, прозванный спасителемъ города?..“ (IV, 2) Прощаясь съ Анджіолиной, Фаліеро ищетъ утѣшенія въ мысли, что онъ былъ орудіемъ въ рукахъ судьбы—и, идя на эшафотъ, признаетъ, что осужденъ не безвинно.

Живя въ Равеннѣ и работая надъ „Марино Фаліеро“, Байронъ находился во власти двухъ чувствъ: страстнаго желанія свободы для Италіи и страстной любви къ графинѣ Гвиччіоли. Оба чувства наложили свой отпечатокъ на „историческую трагедію“. Участіе въ политическомъ движеніи помогло Байрону возсоздать психическій міръ людей, стремившихся столѣтіями раньше, къ однородной цѣли. Отсюда сильное, живое впечатлѣніе, производимое и вождями заговора — Бертуччіо, Календаро, и массой заговорщиковъ. Какъ легко возникаетъ въ ихъ средѣ опасеніе измѣны, какъ быстро исчезаетъ довѣріе къ вождю, избранному ими самими! Какъ легко разногласіе относительно средствъ становится препятствіемъ къ достиженію цѣли? Бертуччіо головой выше своихъ товарищей: неукротимая ненависть къ притѣснителямъ соединяется въ немъ съ расчетливостью и осторожностью искуснаго политическаго дѣятеля. Онъ спокойно, повидимому, переноситъ личную обиду, чтобы разомъ свести счеты не только съ обидчикомъ, но съ цѣлымъ строемъ, создающимъ безнаказанность немногихъ и беззащитность большинства; онъ угадываетъ настроеніе Фаліеро и искусно пользуется имъ для своихъ видовъ, не останавливаясь передъ двойнымъ рискомъ — рискомъ жестокой казни, если расчетъ его на сообщество дожа окажется невѣрнымъ, рискомъ подозрѣнія со стороны товарищей, если они не повѣрятъ въ искренность Фаліеро. Въ словахъ Бертуччіо слышатся убѣжденія самого Байрона, руководившія имъ въ служеніи освобождающимся народомъ. Вѣра въ правоту задуманнаго дѣла поддерживаетъ Бертуччіо и послѣ неудачи: его отвѣты на судѣ, короткіе и твердые, исполнены достоинства. Допрашиваемый о сообщникахъ, онъ указываетъ на преступленія патриціевъ и на страданія народа. Когда Календаро протестуетъ противъ приказа ве-

сти ихъ на казнь съ завязанными ртами, Бертуччіо останавливаетъ его словами:

..... Я предпочту,
Напротивъ, умереть, не бывъ обязанъ
Ничѣмъ убійцамъ нашимъ. Наша кровь
Возопіетъ сильнѣе къ небесамъ.

Календаро уступаетъ Бертуччіо въ про nicательности, въ широтѣ взгляда, но не въ мужествѣ. Онъ одинъ изъ всѣхъ заговор щиковъ не смущенъ появленіемъ въ ихъ средѣ дожа—не смущенъ потому, что безус ловно довѣряетъ своему руководителю и другу. Порывистый и горячій, онъ согла шается ждать, пока болѣе мудрый Бертуч чіо не признаетъ, что наступило время дѣй ствовать. Передъ судомъ онъ является столь же безстрашнымъ, какъ и Бертуччіо, но менѣе спокойнымъ: онъ грозитъ судьямъ и проклинаетъ измѣнника Бертрама, котораго великодушно прощаетъ Бертуччіо. Не безъ основанія Фаліеро сравниваетъ обоихъ во ждей заговора съ Брутомъ и Кассіемъ: есть что-то древне-римское и въ рѣшимости ихъ „возстать на море бѣдъ“, и въ твердости, съ которой они встрѣчаютъ ударъ судьбы.

Когда Байронъ задумалъ избрать Фаліеро въ герои трагедіи, онъ хотѣлъ сдѣлать мо тивомъ его дѣйствій ревнивое чувство къ молодой женѣ. По совѣту друзей, онъ отка зался, къ счастью, отъ этого намѣренія. Рев ность уже раньше слишкомъ часто служила темой для драматическихъ произведеній (и въ томъ числѣ для такого, какъ „Отелло“); въ старикѣ притомъ она легко могла бы показаться смѣшною. Оригинальной и кра сивой вышла, наоборотъ, картина супру жеской четы, тѣсно соединенной, несмотря на неравенство лѣтъ, взаимнымъ довѣріемъ и уваженіемъ. Нарисовать такой высокій женскій типъ, какимъ является Анджіо лина, могъ только поэтъ, глубоко про никнутый любовью. Конечно, Анджіолина, не допускающая даже и мысли о нарушеніи супружескаго долга (см. II, 1)—не портретъ Терезы Гвиччіоли, измѣнившей ради Бай рона своему мужу: но вѣдь между ничтож нымъ Гвиччіоли и героическимъ Фаліеро нѣтъ ничего общаго. Для перваго бракъ былъ коммерческой сдѣлкой, для втораго— исполненіемъ послѣдней, священной воли умершаго друга. Преклоненію Байрона пе редъ Терезой и, въ ея лицѣ, передъ иде альной женщиной внѣшнія узы, наложен ныя на нее бракомъ, препятствовать не мо гли... Анджіолина соединяетъ въ себѣ жен-

скую нѣжность и незлобивость съ твер достью и энергіей мужа. Она не раздѣляетъ мстительныхъ чувствъ Фаліеро по отноше нію къ Стено и легко примиряется съ снис ходительнымъ приговоромъ судей, но пре зрѣніе ея къ клеветнику такъ велико, что исключаетъ возможность прощенія. Она не умоляетъ судей простить Фаліеро, но напоминаетъ о его правахъ на милость со стороны представителей спасеннаго имъ го сударства. Она,—убѣдясь въ непреклонно сти суда, обращается къ мужу съ словами: „Умри жъ, Фаліеро, если такъ быть дол жно“. Она спокойно выслушиваетъ смерт ный приговоръ надъ Фаліеро, отказывается отъ той доли его имущества, которую пред лагаютъ ей судьи; силы измѣняютъ ей только въ минуту послѣдняго прощанья.

Съ точки зрѣнія исполненія, главнымъ недостаткомъ трагедіи являются нѣкоторыя длинноты, иногда не только замедляющія ходъ дѣйствія, но и не соответствующія ха рактеру и положенію дѣйствующихъ лицъ. Совершенно невѣроятно, на примѣръ, чтобы Анджіолина, потерявъ надежду на спасеніе мужа, могла произнести передъ судомъ об ширную рѣчь на тему: „малыя причины ве дуть иной разъ къ важнымъ послѣдствіямъ“—рѣчь ни для чего не нужную, усна щенную историческими примѣрами и не чуждую педантизма. Слишкомъ медленно подвигается впередъ и первая бѣсѣда между дожемъ и Анджіолиной. Въ общемъ, однако, трагедія захватываетъ читателя и вовсе не заслуживаетъ упрека въ скукѣ, сдѣланнаго ей Маколеемъ. Не слѣдуетъ забывать, что Байронъ не предназначалъ ея для сцены и могъ поэтому вводить въ нее такіе эпи зоды, какъ монологъ Ліони (IV. 1). Очень слабо связанный съ дѣйствіемъ, онъ богатъ поэтическими красотами, напоминающими самые высокіе порывы Байроновскаго ли ризма. Въ картину Венеціи, разстилающуюся передъ глазами усталаго патриція, Бай ронъ вложилъ всю свою нѣжность къ уди вительному городу, въ которомъ онъ только что провелъ три года, полныхъ впечатлѣ ніями и творчествомъ... Тамъ, гдѣ поэтомъ овладѣвалъ трагизмъ сюжета, дѣйствіе раз вивается съ неудержимою силой. Первая сцена между Фаліеро и Бертуччіо, сцена появленія дожа среди заговорщиковъ, сцена суда надъ Бертуччіо и Календаро, и на те атральныхъ подмосткахъ едва ли оказались бы менѣе эффектными (въ лучшемъ смыслѣ этого слова), чѣмъ въ чтеніи. Превосход нымъ заключеніемъ трагедіи и лучшей эпи-

тафіей для ея героя служить говоръ народа въ ожиданіи казни Фаліеро.

..... Онъ дерзнулъ умертвить
Того, кто дагъ хотѣлъ намъ всѣмъ свободу;
Онъ былъ всегда къ намъ добръ и милосердъ

..... Если-бъ мы
Предвидѣли ихъ замысль, то пришли-бъ
Съ оружіемъ, чтобы разбить замки.

И подъ шумъ этихъ словъ, оправдывающихъ или, по меньшей мѣрѣ, извиняющихъ замысль Фаліеро окровавленная голова казненнаго дожа скатывается съ лѣстницы гигантовъ.

Какъ драматиченъ сюжетъ, избранный Байрономъ—объ этомъ можно судить по числу авторовъ, послѣдовавшихъ однажды данному примѣру. Уже въ 1829 г. появилась трагедія Казимира Делавиня: „Марино Фаліеро“, мѣстами очень близкая къ байроновской, но уступающая ей на столько, на сколько талантъ французскаго стихослагателя ниже дарованія англійскаго поэта

Изъ нѣмецкихъ писателей трудились надъ той же темой Генрихъ Крузе, Отто Людвигъ Альбертъ Линднеръ, Францъ фонъ-Вернеръ (подъ псевдонимомъ: Мурадъ Эфенди), Мартинъ Грейфъ и Вильгельмъ Валлотъ, изъ англійскихъ—Свинбернъ *). Францъ Краузе въ подробномъ критическомъ этюдѣ **), посвященномъ этимъ произведеніямъ, приходитъ къ выводу, что ни одно изъ нихъ не выдерживаетъ сравненія съ трагедіей Байрона— и всѣ приводимые имъ отрывки, какъ и все сообщаемое имъ о ходѣ дѣйствія, подтверждаютъ такой выводъ. Между твореніями Байрона „Марино Фаліеро“ не занимаетъ, конечно, одного изъ первыхъ мѣстъ—но не потому, чтобы слабыми сторонами трагедіи перевѣшивались сильныя, а потому, что не въ ней геній автора достигаетъ высшихъ точекъ своего полета.

К. Арсеньевъ.

*) На тотъ же сюжетъ написана опера Доницетти.
**) «Byron's Marino Faliero. Ein Beitrag zur vergleichenden Literaturgeschichte». Бреславль, 1897 и 1898.



«Dux inquieti turbidus Adriæ».—Гораций.

Заговоръ дожа Марино Фаліеро,—одно изъ самыхъ замѣчательныхъ событій въ анналахъ самаго своеобразнаго правительства, города и народа въ новой исторіи. Событіе это относится къ 1355 году. Все въ Венеціи необычайно—или во всякомъ случаѣ было необычайно; ея внѣшній обликъ кажется сновидѣніемъ, и исторія ея похожа на поэму. Исторія Марино Фаліеро разсказана во всѣхъ хроникахъ и особенно подробно въ „Жизнеописаніи дожей“ Марина Сануто, которое я привожу въ приложеніи. Она передана просто и ясно и, быть можетъ, болѣе драматична сама по себѣ, чѣмъ всякая драма, которую можно написать на этотъ сюжетъ.

Марино Фаліеро, повидимому, былъ очень талантливъ и храбръ. Онъ предводительствовалъ венеціанскими войсками при осадѣ Зары и побѣдилъ венгерскаго короля съ его восьми-тысячной арміей, убилъ восемь тысячъ воиновъ и въ то же время продолжалъ вести осаду; я не знаю ничего равнаго этому подвигу въ исторіи, за исключеніемъ дѣйствій Цезаря подъ Алезіей или принца Евгенія подъ Бѣл-

градомъ. Въ той же войнѣ Марино Фаліеро былъ послѣ того начальникомъ флота и взялъ Капо д'Истрія. Онъ былъ посланникомъ въ Генуѣ и Римѣ и въ Римѣ получилъ извѣстіе о своемъ избраніи въ дожи. Тотъ фактъ, что онъ былъ избранъ заочно, доказываетъ, что онъ не велъ интригъ съ цѣлью быть избраннымъ, потому что узналъ одновременно о смерти своего предшественника и о своемъ избраніи. Но у него былъ, какъ видно, необузданный характеръ. Сануто разсказываетъ, что за нѣсколько лѣтъ до того, когда Фаліеро былъ подестой и капитаномъ въ Тревизо, онъ далъ пощечину епископу, который слишкомъ долго не выносилъ причастія. Сануто осуждаетъ за это Фаліеро, но не говоритъ, получилъ ли онъ порицаніе отъ сената, и былъ-ли наказанъ за свою дерзость. Кажется, что онъ былъ въ послѣдствіи въ хорошихъ отношеніяхъ съ церковью, такъ какъ назначенъ былъ посланникомъ въ Римъ и получилъ въ лэнъ Валь-ди-Марино въ маркѣ Тревизо, а также титулъ графа отъ Лоренцо архіепископа ченедскаго. Эти факты я почерпнулъ изъ такихъ автори-

тетныхъ источниковъ какъ Сануто, Веторъ Санди, Андреа Навагеро, а также изъ отчета объ осадѣ Зары, впервые напечатаннаго неутомимымъ аббатомъ Морелли въ его „*Monumenti Veneziani di varia Letteratura*“ (1796); все это я прочелъ въ оригиналѣ. Современные историки, Дарю, Сисмонди и Ложье, приблизительно сходятся со старыми лѣтописцами. Сисмонди приписываетъ заговоръ ревности Фалиеро, но это не подтверждается свидѣтельствами національныхъ историковъ. Веторъ Санди говоритъ, правда, что: „иные писали, будто-бы... изъ-за своей ревливой подозрительности (Микэль Стэно) дожъ рѣшилъ на свой поступокъ и т. д., но это далеко не общее мнѣніе и на это нѣтъ намекъ ни у Сануто, ни у Навагеро; Санди самъ прибавляетъ также, что, „судя по другимъ венеціанскимъ преданіямъ, не только жажда мести вовлекла его въ заговоръ, но также его врожденное честолюбіе, внушавшее ему желаніе стать независимымъ правителемъ“. Первымъ поводомъ послужило, повидимому, оскорбленіе, нанесенное дожу Микэлемъ Стэно, который написалъ на герцогскомъ престолѣ грубыя слова, и тотъ фактъ, что къ обидчику слишкомъ снисходительно отнесся судившій его „Совѣтъ сорока“, въ виду того, что Стэно былъ однимъ изъ его *tre Carì*. Ухаживанія Стэно, повидимому, относились къ одной изъ придворныхъ дамъ, а не къ самой „догарессѣ“, репутація которой была безупречной, хотя ее славили за ея красоту и за ея молодость. Я не нахожу нигдѣ указаній (если не считать таковымъ намекъ Санди) на то, что дожъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ ревности къ женѣ; напротивъ того, онъ высоко чтилъ ее и отстаивалъ свою честь во имя прежнихъ заслугъ и своего высокаго положенія.

Я не встрѣчалъ указаній на всѣ эти историческіе факты у англійскихъ писателей, за исключеніемъ того, что говоритъ д-ръ Муръ въ „*View of Italy*“. Его передача невѣрна и непродумана, переполнена пошлыми шутками о старыхъ мужьяхъ и молодыхъ женахъ, и онъ удивляется тому, что такія мелкія причины привели къ такимъ важнымъ послѣдствіямъ. Не понимаю, какъ это можетъ удивлять такого глубокаго и тонкаго знатока людей, какъ авторъ „Зелуко“. Онъ вѣдь зналъ, что герцогъ Мальборо получилъ отставку изъ-за того, что пролилъ кувшинъ воды на платье м-ссъ Машамъ, и что это привело къ позорному утрехтскому миру,—что Людовикъ XIV-й

впутался въ несчастныя войны изъ-за того, что его министръ обидѣлся, когда онъ высказалъ неудовольствіе по поводу какого-то окна, и король хотѣлъ занять его чѣмъ-нибудь, чтобы заставить забыть обиду. Извѣстно, что Елена погубила Трою, что Лукреція была причиной изгнанія Тарквиніевъ изъ Рима, что Кава привела мавровъ въ Испанію, что галловъ повелъ въ Клузіумъ и оттуда въ Римъ оскорбленный мужъ, что одинъ насмѣшливый стихъ Фридриха II-го Прусскаго по адресу аббата Берни и шутка надъ мадамъ де-Помпадуръ были причиной битвы при Росбахѣ, что бѣгство Дирборгили съ Макъ Мурхадомъ привело къ пораженію Ирландіи Англіей, что личная ссора между Маріей Антуанетой и герцогомъ Орлеанскимъ ускорила первое изгнаніе Бурбоновъ и—чтобы не нагромождать еще примѣровъ—что Коммодъ, Домиціанъ и Калигула пали жертвами не своей тиранніи, а личной мести, и что приказъ Кромвелю сойти съ корабля, на которомъ онъ хотѣлъ отплыть въ Америку, погубилъ и короля и республику. Какъ же въ виду всѣхъ этихъ примѣровъ д-ръ Муръ удивляется тому, что человѣкъ, привыкшій повелѣвать, занимавшій самыя отвѣтственные посты, долго служившій родинѣ, можетъ глубоко возмутиться тѣмъ, что ему безнаказанно нанесли самое грубое оскорбленіе, какое только можно нанести человѣку, будь то владѣтельный князь или крестьянинъ. Къ тому же Фалиеро былъ въ то время старикомъ, а—какъ говоритъ поэтъ—„гнѣвъ юноши горитъ какъ солома, но раскаленной стали подобенъ гнѣвъ старика... Юноши легко наносятъ обиды и забываютъ о нихъ, но старость медлительна и въ томъ и въ другомъ“.

Разсужденія Ложье болѣе философскія; „таковъ былъ позорный конецъ человѣка, котораго его рожденіе, его возрастъ, его характеръ должны были оградить отъ страстей, ведущихъ къ тяжкимъ преступленіямъ. Его таланты, проявлявшіеся въ теченіе долгихъ лѣтъ въ самыхъ важныхъ дѣлахъ, опытъ и умъ, которые онъ выказалъ въ управленіи государствомъ и какъ посланникъ, снискали ему уваженіе и довѣріе гражданъ и объединили всѣ голоса въ выборѣ его главой республики. Когда онъ поднялся на высоту, почетно завершавшую его жизнь, ничтожная обида влила въ его сердце такой ядъ, что всѣ его прежнія доблести исчезли, и онъ закончилъ жизнь позорной смертью предателя. Этотъ печальный при-

мѣръ показываетъ, что нѣтъ возраста, въ которомъ разумъ человѣческій былъ-бы въ безопасности, и что въ человѣкѣ всегда остаются страсти, которыя могутъ ввергнуть его въ позоръ, если онъ недостаточно владетъ собой“.

Откуда д-ръ Муръ взялъ, что Марино Фаліеро просилъ пощадить его жизнь? Я справлялся во всѣхъ хроникахъ и нигдѣ ничего подобнаго не нашелъ. Правда только, что онъ во всемъ сознался. Его повели на мѣсто пытки, но нигдѣ не упоминается о томъ, что онъ просилъ о помилованіи; и то обстоятельство, что его пытали, менѣе всего указываетъ на недостаточную его твердость; если бы онъ выказалъ малодушіе, то объ этомъ, навѣрное, упомянули-бы хронисты, которые очень далеки отъ доброжелательнаго къ нему отношенія. Малодушіе совершенно не въ характерѣ такого воина, такъ же, какъ и не въ характерѣ времени, въ которое онъ жилъ и въ которое умеръ,—это обвиненіе противорѣчитъ къ тому же исторической правдѣ. Я считаю непростительнымъ клевету на историческія личности чрезъ сколько бы ни было времени. О мертвыхъ и несчастныхъ слѣдуетъ говорить правду, а тѣ, кто умерли на эшафотѣ, въ большинствѣ случаевъ достаточно виновны и безъ того; не слѣдуетъ поэтому взводить на нихъ обвиненія, совершенно невѣроятныя уже въ виду опасностей, которымъ они подвергались, совершая погубившія ихъ преступленія. Черное покрывало, нарисованное на мѣстѣ портрета Марино Фаліеро въ галлерей венеціанскаго дворца дожей, и Лѣстница Гигантовъ, гдѣ онъ былъ коронованъ, развѣнчанъ и обезглавленъ, произвели сильное впечатлѣніе на мое воображеніе, такъ же, какъ его властный характеръ и странная исторія. Въ 1819-мъ году я нѣсколько разъ ходилъ въ церковь San Giovanni e San Paolo искать его могилы. Когда я стоялъ подлѣ усыпальницы другой семьи, ко мнѣ подошелъ одинъ священникъ и сказалъ: я могу вамъ показать болѣе прекрасные памятники, чѣмъ этотъ. Я сказалъ ему, что ищу гробницу семьи Фаліеро, и въ частности дожа Марино. Я вамъ покажу ее,—сказалъ онъ, вывелъ меня изъ церкви и указалъ на саркофагъ въ стѣнѣ съ неразборчивой надписью. По его словамъ, гробница эта находилась прежде въ прилегающемъ монастырѣ, но была удалена оттуда, когда пришли французы, и по-

ставлена на свое теперешнее мѣсто. Онъ сказалъ, что присутствовалъ при открытіи могилы, когда переносили останки дожа, и что тамъ осталась груда костей, но ясныхъ признаковъ обезглавленія не было. Конная статуя передъ церковью, о которой я упоминаю въ третьемъ актѣ, изображаетъ не Фаліеро, а какого-то другого, забытаго теперь воина позднѣйшаго времени. Было еще два другихъ дожа изъ этой семьи до Марино. Орделафо, павшій въ 1117 г. въ битвѣ при Зарѣ (гдѣ его потомокъ въ послѣдствіи побѣдилъ гунновъ), и Виталь Фаліеро, правившій въ 1082 г. Семья эта, родомъ изъ Фано, была одна изъ самыхъ знатныхъ по крови и богатству въ городѣ самыхъ богатыхъ и до сихъ поръ самыхъ древнихъ семей въ Европѣ. Подробности, которыя я привожу, доказываютъ, насколько меня заинтересовалъ Фаліеро. Удалась-ли мнѣ, или нѣтъ моя трагедія, но во всякомъ случаѣ я передалъ на англійскомъ языкѣ достопамятный историческій фактъ.

Я задумалъ эту трагедію четыре года тому назадъ и прежде, чѣмъ изучилъ въ достаточной степени источники, склоненъ былъ объяснять заговоръ ревностью Фаліеро. Но, не найдя подтвержденія этому въ источникахъ, а также въ виду того, что чувство ревности слишкомъ использовано драматургами, я рѣшилъ держаться исторической правды. Это совѣтовалъ мнѣ также покойный Мэтью Льюисъ, когда я говорилъ съ нимъ о моемъ замыслѣ въ Венеціи въ 1817 году.—„Если вы изобразите егоревнивцемъ,—сказалъ онъ,—то вѣдь вамъ придется соперничать съ авторитетными писателями, даже помимо Шекспира, и разрабатывать исчерпанный сюжетъ. Остановитесь же на историческомъ характерѣ стараго мятежнаго дожа—онъ вывезетъ васъ, если вы его очертите какъ слѣдуетъ—и постарайтесь соблюдать правильную конструкцію въ вашей драмѣ“. Сэръ Вильямъ Друмондъ далъ мнѣ приблизительно такой-же совѣтъ. Насколько я исполнилъ ихъ указанія и оказались-ли мнѣ полезными ихъ совѣты—объ этомъ не мнѣ судить. Я не имѣлъ въ виду сцены; положеніе современнаго театра не таково, чтобы онъ давалъ удовлетвореніе честолюбію, а я тѣмъ болѣе слишкомъ хорошо знаю закулисныя условія, чтобы сцена могла когда-либо соблазнить меня. И я не могу представить себѣ, чтобы человѣкъ съ горячимъ характеромъ могъ отдать себя на судъ театральной публики. Надсмѣхающийся читатель, бранящійся критикъ и рѣз-

кіе отзывы въ прессѣ—все это бѣдствія довольно отдаленныя и не сразу обрушивающіяся на автора. Но шиканіе понимающей или невѣжественной публики произведенію, которое—хорошо ли оно, или дурно—стоило автору большого умственнаго напряженія,—слишкомъ осязательное и непосредственное страданіе, усиленное еще сомнѣніями въ компетентности зрителей и сознаниемъ своей неосторожности въ выборѣ ихъ своими судьями. Если бы я смогъ написать пьесу, которую бы приняли для представленія на сценѣ, успѣхъ не обрадовалъ бы меня, а неудача сильно бы огорчила. Вотъ почему, даже когда я состоялъ нѣсколько времени членомъ одной театральной дирекціи, я никогда не пытался писать для театра и не буду пытаться и впредь. Несомнѣнно, однако, что драматическое творчество существуетъ тамъ, гдѣ есть такія силы какъ Іоанна Бэли, Мильманъ и Джонъ Вильсонъ. „City of Plague“ и „Fall of Jerusalem“ представляютъ наилучшій „матеріалъ“ для трагедіи со времени Гораса Вальполя, за исключеніемъ отдѣльных мѣстъ въ „Этвальдъ“ и „Де-Монфоръ“. У насъ не цѣнятъ Гораса Вальполя, во-первыхъ, потому что онъ былъ аристократомъ, а во-вторыхъ, потому что онъ былъ джентльменомъ. Но, не говоря о его несравненныхъ письмахъ и о „Castle of Otranto“, онъ „Ultimus Romancrum“ авторъ „Mystericus

Mother“ трагедіи высшаго порядка, а не слезливой любовной драмы. Онъ создалъ первый стихотворный романъ и послѣднюю трагедію на нашемъ языкѣ и несомнѣнно стоитъ выше всѣхъ современныхъ авторовъ, кто бы они ни были.

Говоря о моей трагедіи „Марино Фаліеро“, я забылъ упомянуть, что хотѣлъ если и не вполне соблюсти въ ней правило единства, то во всякомъ случаѣ избѣжать той неправильности, въ которой упрекаютъ англійскій театръ. Поэтому у меня заговоръ представленъ уже составленнымъ, и дожъ только примыкаетъ къ нему; въ дѣйствительности же заговоръ былъ задуманъ самимъ Фаліеро и Израэлемъ Бертуччіо. Другія дѣйствующія лица (за исключеніемъ догарессы), отдѣльные эпизоды и даже быстрота, съ которой совершаются событія, вполне соответствуютъ исторической правдѣ, за исключеніемъ того, что всѣ совѣщанія въ дѣйствительности происходили во дворцѣ. Если бы я и въ этомъ отношеніи слѣдовалъ истинѣ, то единство мѣста было бы еще болѣе полнымъ, но мнѣ хотѣлось представить дожа въ присутствіи всѣхъ заговорщиковъ, вмѣсто однообразной передачи его діалоговъ съ одними и тѣми же лицами.

Желающихъ ознакомиться съ фактической подкладкой я отсылаю къ приложенію.





Дѣйствующія лица:

Мужчины.

МАРИНО **ФАЛЬ(И)ЕРО**, дожъ Венеціи.
БЕРТУЧЧІО **ФАЛЬ(И)ЕРО**, его племянникъ.
ЛІОНИ, патрицій и сенаторъ.
БЕНИНТЕНДЕ, предсѣдатель Совѣта Десяти.
МИК(А)ЭЛЬ **СТЕНО**, одинъ изъ трехъ предсѣдатель-
 телей Совѣта Сорока.
ИЗРАЭЛЬ **БЕРТУЧЧІО**, начальникъ арсенала.
ФИЛИППЪ **КАЛЕНДАРО**,
ДАГОЛИНО,
БЕРТРАМЪ,
ВИНЧЕНЦО,
ПЬЕТРО,
БАТИСТА,

} заговорщики.

} офицеры при дворѣ дожа.

Начальникъ ночной стражи (Signore di notte).

Первый гражданинъ.

Второй гражданинъ.

Третій гражданинъ.

Секретарь Совѣта Десяти.

Стража, заговорщики, граждане, члены Совѣта Десяти, свита дожа и догарессы.

Женщины.

АНДЖІОЛИНА, жена дожа.

МАРІАННА, ея подруга.

Женская прислуга и прочія.

Мѣсто дѣйствія Венеція, время—1350 годъ.





ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ПЕРВАЯ СЦЕНА.

Передняя во дворцѣ дожа.

Входятъ ПЬЕТРО и БАТИСТА.

ПЬЕТРО.

Вернулся ль нашъ посланникъ?

БАТИСТА.

Нѣтъ. Его

Я посылалъ не разъ, какъ вы велѣли,
Но синьорія все еще сидитъ
И судить дѣло Микаэля Стено.

ПЬЕТРО.

Нельзя сказать, чтобы они спѣшили.
Такъ думаетъ, по крайней мѣрѣ, дожъ.

БАТИСТА.

А какъ себя онъ держитъ въ ожиданьи?

ПЬЕТРО.

Съ замѣтнымъ нетерпѣньемъ. Правда, онъ
Сидитъ предъ герцогскимъ столомъ, за
грудой

Бумагъ, депешъ, рапортовъ, просьбъ и
актовъ,

И съ виду занятъ дѣломъ, но едва
Послышится внезапно шорохъ, скрипъ,
Походки звукъ, иль просто тихій шопотъ,
Онъ вскакиваетъ съ мѣста, и затѣмъ
Опять вперяетъ взоръ въ свои бумаги,
Хотя я видѣлъ самъ, что вотъ ужъ часъ
Листа не повернулъ онъ предъ собою.

БАТИСТА.

Онъ, говорятъ, ужасно раздраженъ;
Да и сказать, поступокъ Стено точно
Должны признать мы гнуснымъ.

ПЬЕТРО.

Да!—когда бы

Онъ былъ простой бѣднякъ; но Стено
знатень,
Красивъ собою, молодъ и патрицій.

БАТИСТА.

Вы, значить, думаете, что его
Судить не будутъ строго?

ПЬЕТРО.

Лишь бы только

Судили справедливо. Впрочемъ, намъ
Не слѣдуетъ предсказывать впередъ
Рѣшенія верховнаго Совѣта.

Входитъ Винченцо.

БАТИСТА.

Вотъ, кажется, несутъ его. Ну что,
Винченцо, новаго?

ВИНЧЕНЦО.

Сейчасъ рѣшили!

Не знаю чѣмъ еще, но видѣлъ самъ,
Какъ президентъ прикладывалъ печать
Къ пергаменту, который сообщить
Рѣшеніе Сорока немедля дожу.
Я посланъ доложить ему о томъ.

(*Уходитъ*).

ВТОРАЯ СЦЕНА.

Комната во дворцѣ.

Дождъ и БЕРТУЧЧІО ФАЛЬЕРО.

БЕРТУЧЧІО.

Чтобъ ни было, повѣрьте, что они
Окажутъ правосудье вамъ.

ДОЖЪ.

Не то ли,

Что оказали мнѣ Авагадори,
Пославъ мое прошеніе въ тотъ совѣтъ,
Гдѣ? засѣдаетъ съ ними самъ преступникъ?

БЕРТУЧЧІО.

Онъ этимъ не спасется: оправданье
Подобныхъ дѣлъ могло бы повести
Къ презрѣнью всякой власти.

дожъ.

Или ты

Не знаешь дѣлъ Венеціи? не знаешь
Совѣта Сорока? Мы, впрочемъ, скоро
Узнаемъ все.

Входитъ Винченцо.

БЕРТУЧЧІО.

Ну что? какія вѣсти?

винченцо.

Меня прислали доложить Его
Высочеству, что судъ окончилъ дѣло
И тотчасъ же, по исполненіи всѣхъ
Формальностей, пришлетъ рѣшеніе дожу.
При этомъ „Сорокъ“ шлютъ свое почтеніе
Главѣ республики и просятъ вѣрить
Ихъ преданности дѣлу.

дожъ.

Знаю я

Ихъ преданность равно какъ и почтеніе.
Сказалъ ты—дѣло кончено?

винченцо.

Да, Ваше

Высочество. Глава совѣта былъ
Готовъ ужъ приложить печать къ рѣшенію,
Когда меня послали, чтобъ минута
Отсрочки не заставила прождать
Просителя и вмѣстѣ съ тѣмъ главу
Республики, соединенныхъ вмѣстѣ
На этотъ разъ въ одномъ лицѣ.

БЕРТУЧЧІО.

Успѣлъ ли

Подмѣтить ты, какого рода можемъ
Мы ждать рѣшенія?

винченцо.

Нѣтъ, синьоръ: вѣдь вамъ

Извѣстно, какъ умѣетъ облекать
Венеція свои рѣшенія тайной.

БЕРТУЧЧІО.

Да, это такъ; но ловкій наблюдатель
Съумѣетъ зоркимъ взглядомъ подглядѣть
Вездѣ что надо. Шорохъ, шопотъ, слово,
Торжественность рѣчей или небрежность,
Съ какою произносятся ихъ въ судѣ—
Все знаки для него: вѣдь ихъ совѣтъ
Составленъ изъ людей же! Всѣ они,
Я знаю, мудры, хитры, осторожны,
И, какъ въ гробу, умѣютъ сохранять
До срока тайну приговора; но
Тотъ, кто вглядѣлся бѣ ближе въ выраженіе
Лица судей Совѣта, а тѣмъ больше
Тѣхъ, кто изъ нихъ моложе, прочиталъ бы

Навѣрно суть рѣшенія—и твои
Глаза, увѣренъ я, узнали это.

винченцо.

Я вамъ сказалъ уже, синьоръ, что долженъ
Былъ выйти прежде времени и, значить,
Не могъ замѣтить ровно ничего
Изъ преній засѣданія, даже мелькомъ;
Да сверхъ того мой постъ вѣдь былъ на
стражѣ

Судившагося Стено...

дожъ (*быстро и перебивая его*).

Ну, а онъ

Какъ велъ себя? скажи скорѣй!

винченцо.

Спокойно

И безъ отчаянья. Онъ ждалъ рѣшенія
Съ достоинствомъ, и какъ-бы покоряясь
Всему, чѣмъ дѣло кончится. Но вотъ
Идетъ сюда посланецъ для прочтенія
Того, что рѣшено.

Входитъ секретарь Совѣта Сорока.

СЕКРЕТАРЬ.

Судъ „Сорока“

Привѣтствуетъ властительнаго дожа,
Главу Венеціи, и повергаетъ
Ему на утвержденіе приговоръ
По обвиненію Микаэля Стено,
Патриція. Вина и наказаніе
Изложены пространно въ протоколѣ,
Который представляется при этомъ.

дожъ.

Ступай и дожидайся за дверями.

(*Секретарь и Винченцо уходятъ*).

Прочти бумагу. Буквы исчезаютъ
Въ моихъ глазахъ: я не могу читать ихъ.

БЕРТУЧЧІО.

Терпѣнье, добрый дядя! для чего
Такъ беспокоиться? Повѣрьте, дѣло
Устроится, какъ можно лишь желать.

дожъ.

Читай!

БЕРТУЧЧІО (*читаетъ*).

„Совѣтъ рѣшилъ единогласно,
Что Стено, обвинившій самъ себя
Признаніемъ, что имъ, въ день карнавала,
Написаны на спинкѣ креселъ дожа
Слова...

дожъ.

Иль ты ихъ хочешь повторить?

Ты? самъ Фальеро? хочешь обезславить

Еще нашъ домъ, такъ тяжко оскорбленный
Въ лицѣ его главы и государства!
Скорѣй къ рѣшенью дѣла!

БЕРТУЧЧІО.

Извините!
Сейчасъ прочту конецъ рѣшенья я,

(*Читаетъ*).

„Рѣшили заключить Микэля Стено
На тридцать дней въ темницу!“

дожъ.

Продолжай!

БЕРТУЧЧІО.

Тутъ все, мой повелитель.

дожъ.

Все? ты бредишь
Или я сплю? Подай бумагу мнѣ!

(*Вырываетъ бумагу и читаетъ*).

„Рѣшили заключить Микэля Стено...“
Дай руку мнѣ, племянникъ! (*Шатается*).

БЕРТУЧЧІО.

Успокойтесь,
Прошу, синьоръ! сердиться пользы нѣтъ!
Эй, кто-нибудь!

дожъ (*оправляется*).

Молчи! Прошло! Ни слова!

БЕРТУЧЧІО.

Я съ вами соглашаюсь самъ, что кара
Чрезъ-чуръ мала сравнительно съ виной.
Совѣтъ безчестно дѣйствовалъ, назначивъ
Ничтожное возмездье за проступокъ,
Которымъ долженъ былъ бы оскорбиться,
Въ лицѣ своихъ всѣхъ членовъ съ вами,
самъ

Какъ подданный; но есть еще возможность
Исправить все: верните протоколъ
Назадъ въ Совѣтъ иль просто обратитесь
Опять къ Авагатори. Увидавъ,
Что судъ нарушилъ правду—просьбу вашу,
Хотя и отклоненную сперва,
Они навѣрно примутъ и накажутъ
Виновника достойно. Что на это
Вы скажете? Но вы молчите! взоръ
Вашъ устремленъ въ пространство непо-
движно.

Иль вы меня не слушаете, дядя?

дожъ

(*сорвавъ съ себя дождевую шапку и бросивъ на полъ, хочетъ наступить на нее ногой, но племянникъ его удерживаетъ*).

О, если бѣ сарацины ворвались

Въ соборъ святого Марка, чтобъ за это
Я могъ сказать спасибо имъ!

БЕРТУЧЧІО.

Синьоръ,
Во имя всѣхъ святыхъ, прошу васъ...

дожъ.

Прочь!

О если бѣ генуэзцы взяли портъ,
Иль гунны, мной разбитые при Зарѣ,
Стояли бѣ предъ дворцомъ!

БЕРТУЧЧІО.

Какія рѣчи
Для герцога Венеціи!

дожъ.

Кто герцогъ
Венеціи? Скажи его мнѣ имя,
Чтобъ знать, къ кому я долженъ обра-
титься,

Прося о правосудьи.

БЕРТУЧЧІО.

Если вы
Забыли такъ свой долгъ и санъ и званье,
То вспомните достоинство и честь
Хоть просто человѣка—удержите
Порывъ негодованья! Вы, дожъ Венец...

дожъ (*прерывая его*).

Въ Венеціи нѣтъ дожа! Это имя
Пустой и лживый звукъ! нѣтъ, хуже звука:
Ничтожное присловье! Жалкій нищій,
Накормленный изъ милости—и тотъ,
Когда ему откажутъ разъ въ подачкѣ,
Надѣется найти ее, отправясь
Къ комунибудь, кто лучше и добрѣй.
Но тотъ, кому отказано въ правахъ
Толпой людей, назначенныхъ нарочно
Для дѣла правосудья, тотъ бѣднѣе
Послѣдняго оборвыша; онъ рабъ,
Какъ я, какъ ты, какъ всѣ мы съ нашимъ
домомъ!

Теперь на насъ укажетъ пальцемъ всякій
Ремесленникъ, а дворянинъ намъ будетъ
Плевать въ лицо. Кто защититъ насъ нынѣ?..

БЕРТУЧЧІО.

Законъ, синьоръ...

дожъ (*прерывая его*).

Ты видѣлъ, что онъ сдѣлалъ!
И я искалъ защиты лишь въ законѣ,
Хотѣлъ закономъ мстить, просилъ судей,
Назначенныхъ закономъ! Государь—
У подданныхъ своихъ искалъ защиты,
Тѣхъ подданныхъ, которые избрали
Его главой и дали этимъ самымъ

Principe,

ò Doge.



СТАРАЯ ВЕНЕЦІЯ (XIII—XIV вѣковъ).

ДОЖЪ.

(Этотъ и дальнѣйшіе типы старой Венеціи воспроизведены непосредственно по книгѣ Cesare Vecellio, «Habiti Antichi e Moderni», Венеція 1589).

Двойное право власти. А теперь
Права рожденья, выбора, заслуги,
Рубцовъ мечей, кровавыхъ ранъ, трудовъ,
Опасностей, сѣдинъ восьми десятковъ
Прожитыхъ лѣтъ—все брошено на чашку
Пустыхъ вѣсовъ, чтобъ перевѣсить тяжесть
Позорнѣйшей обиды, нанесенной
Заносчивымъ патриціемъ!.. И что же!
Чѣмъ кончилось! Что долженъ я терпѣть!

БЕРТУЧЧІО.

Не стану съ вами спорить: если вашъ
Второй процессъ окончать тѣмъ же самымъ,
То мы найдемъ другія средства мести.

ДОЖЪ.

Судиться вновь? Скажи, Бертуччо, сынъ ты
Моей сестры? изъ дома ль ты Фальеро?
Племянникъ ли ты дожа? та ли кровь

Течетъ въ тебѣ, которая дала
Трехъ герцоговъ Венеціи? Но, впрочемъ,
Ты правъ, что мы до времени должны
Смириться и терпѣть.

БЕРТУЧЧІО.

Любезный дядя,
Вы слишкомъ разсердились! Я согласенъ:
Обида велика и тѣмъ больнѣе,
Что не наказана, но въ гнѣвѣ вы
Ужъ превзошли и силу оскорбленья.
Мы требуемъ въ обидѣ правосудья,
А если намъ откажутъ, то конечно
Беремъ его и сами; но при этомъ
Всего нужнѣе сдержанность. Должна
Созрѣть въ молчаньи месть. Годами я
Моложе втрое васъ; я преданъ дому
Отъ всей души. Въ лицѣ я вашемъ чту
Его главу, блюстителя моей

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ БАЙРОНА.

Прошедшей юности; но какъ ни больно
Мнѣ видѣть васъ обиженнымъ, я все же
Скажу, что мнѣ прискорбно видѣть вашу
Безсильный гнѣвъ, подобный всплеску
волнъ

Родной намъ Адриатики, въ тотъ часъ
Когда она, разрушивъ всѣ преграды,
Взлетая, пѣнится до облаковъ.

дожъ.

Ужель тебѣ я долженъ объяснить
То, что отецъ твой понялъ бы съ полслова?
Иль нѣтъ въ тебѣ души? или ты способенъ
Почувствовать лишь боль тѣлесной пытки?
Иль ты безъ чести, гордости и страсти?

БЕРТУЧЧІО.

Клянусь тебѣ, такое подозрѣнье
Коснулось въ первый разъ меня, и вѣрно
Въ послѣдній бы, когда бъ слова такія
Посмѣлъ сказать мнѣ кто нибудь иной.

дожъ.

Ты знаешь весь позоръ, которымъ я
Покрѣпъ рукою этого мерзавца,
Змѣи и труса этого! Онъ ядомъ
Запачкалъ честь жены моей! жены!
Чистѣйшей, лучшей части человѣка!
Онъ выпустилъ позоръ ея на свѣтъ
Въ добычу шайкѣ сплетниковъ, гдѣ каждый
Усилить эту сплетню во сто разъ,
Украшивъ ложь прибавкой грубыхъ шутокъ
И дерзкихъ словъ. Я, кажется, ужъ вижу,
Какъ дерзкіе патриции съ усмѣшкой
Другъ другу шепчутъ на ухо ту ложь,
Что рогоносцемъ сдѣлала меня,
Подобнымъ имъ, и думаютъ, быть можетъ,
Что мнѣ не только слѣдуетъ сносить
Безропотно свой стыдъ, но даже имъ
Гордиться или хвастать!

БЕРТУЧЧІО.

Но, синьоръ,
Вы сами знаете, что это ложь—
И это всѣмъ извѣстно.

дожъ.

Ты слыхалъ ли
Про то, что славный римлянинъ сказалъ:
„Супруги Цезаря и подозрѣнье
Касаться не должно“—и вслѣдъ затѣмъ
Не сталъ съ ней больше жить.

БЕРТУЧЧІО.

Да! Но вѣдь это
Въ иное было время.

дожъ.

Что не могъ
Снести суровый римлянинъ—не стерпить

И дожъ Венеціи! Старикъ Дандоло
Отъ всѣхъ коронъ вселенной отказался,
Чтобы носить ту шапку золотую,
Что я теперь съ презрѣньемъ попираю.

БЕРТУЧЧІО.

Да, это вѣрно, дядя.

дожъ.

Вѣрно! вѣрно!

Я не хочу обиды вымещать
На существѣ невинномъ, чей проступокъ
Весь состоитъ лишь въ томъ, что ея взять
Въ супруги старецъ, другъ ея отца
И пѣстунъ всей семьи ея. Какъ будто
Заставить сердце женщины любить
Способны лишь распутные мальчишки
Съ смазливомъ личикомъ безъ бороды!
Не это побуждало такъ упорно
Меня искать возмездья наглему!
Я лишь хотѣлъ обрушить на злодѣя
Ударъ законной кары, въ чемъ отказа
Не получилъ послѣдній бы голякъ,
Когда бъ имѣлъ жену онъ, дорогую
Его душѣ, имѣлъ бы домъ, чей кровъ
Ему всего милѣй былъ, или имя,
Въ которомъ онъ бы видѣлъ честь и славу.
Позорно оскверненные дыханьемъ
Тлетворной клеветы!

БЕРТУЧЧІО.

Какую жъ кару
Ему желали-бъ вы назначить?

дожъ.

Смерть!

Не я ль, властитель и глава страны,
Обиженъ былъ такъ дерзко на престолѣ,
Осмѣянъ былъ той самою толпой,
Которая должна меня бояться?
Не горько ль оскорбленъ я, какъ супругъ,
Какъ человѣкъ? не въ досталь ли униженъ
Мой санъ, какъ герцога? не вправъ ль я
Сказать, что оскорбленіе здѣсь граничить
Съ измѣною?—И дерзкій оскорбитель
Еще живетъ! Когда бъ онъ этотъ пасквиль
Осмѣлился прибить не къ трону дожа,
А къ стулу въ бѣдномъ домѣ голяка,
То и тогда навѣрно бъ поплатился
Своей за это кровью! Оскорбленный
Его бъ убилъ на мѣстѣ.

БЕРТУЧЧІО.

О, когда

Вы жаждете лишь этого, то вѣрите,
Что онъ умретъ сегодня жъ! Поручите
Исполнить это мнѣ и успокойтесь.

дожъ.

Остановись, племянникъ! Я бѣ доволенъ
Еще вчера такой былъ мстѣю: нынче жъ
Мой гнѣвъ къ нему ужъ сдѣлался ничѣмъ.

БЕРТУЧЧІО,

Какъ долженъ васъ понять я? Оскорбленье
Удвоено подобнымъ—не хочу
Сказать я даже—оправданьемъ. Лучше
Ужъ просто оправдать, чѣмъ признавая
За кѣмъ нибудь свершонную вину
Ее оставить вовсе безъ возмездья.

дожъ.

Ты выразился точно: оскорбленье
Удвоено, но въ этомъ виноватъ
Уже не онъ: „Совѣтъ“ приговорилъ
Его на мѣсяцъ заключить въ темницу;
Совѣту жъ мы послушны быть должны.

БЕРТУЧЧІО.

Послушны быть! кому? не тѣмъ ли, кто
Забыли долгъ и вѣрность государю?

дожъ.

Кому же иначе? Ты, наконецъ,
Самъ вижу, догадался, что они,
Поставивъ приговоръ, меня лишили
Равно обоихъ правъ моихъ: какъ дожа,
Блюстителя суда, и гражданина,
Просившаго защиты (въ этомъ дѣлѣ
Я былъ обоими). Но все жъ покаместъ
Не вздумай тронуть даже волоска
На головѣ измѣнника—онъ долго
Носить ее не будетъ.

БЕРТУЧЧІО.

Онъ не сталъ бы

Носить ее двѣнадцати часовъ,
Когда бѣ вы дали способъ мнѣ и средства.
Злодѣй не ускользнулъ бы, если бѣ вы
Прослушали спокойнѣй мой совѣтъ.
А потому, прошу васъ, усмирите
Порывъ безумной страсти и давайте
Спокойно разсуждать, какимъ путемъ
Достигнуть цѣли мести.

дожъ.

Нѣтъ, племянникъ!

Пусть онъ живетъ покаместъ: жизнь такой
Презрѣнной, низкой твари не была бы
Достаточнымъ возмездьемъ. Въ старину
Бывали жертвы двухъ родовъ: въ однѣхъ
Довольствовались малымъ приношеньемъ;
Но страшные поступки выкупались
Лишь грозной гекатомбой.

БЕРТУЧЧІО.

Мнѣ законъ

Все, что вы скажете, и я стремлюсь

Скорѣй вамъ доказать, что слава дома
Всегда была дороже мнѣ всего.

дожъ.

Не бойся! часъ придетъ—докажешь все;
Лишь не впадай въ излишнюю горячность,
Какъ это сдѣлалъ я. Мнѣ самому
Теперь сознаться стыдно въ лишнемъ гнѣвѣ,
И я прошу: прости меня за это!

БЕРТУЧЧІО.

Ну вотъ, теперь я узнаю въ васъ, дядя,
Властителя отечества, народа
И самого себя! Я удивился
Лишь, видя васъ въ преклонныхъ вашихъ
лѣтахъ,
Разсерженнымъ такъ сильно, что казалось
Вы позабыли даже осторожность,
Хотя къ тому причина...

дожъ.

Вотъ ее-то

И помни хорошенько! Помни ночью,
Когда ты спишь—пускай она встаетъ
Тогда передъ тобой, какъ черный призракъ
Среди пріятныхъ сновъ! пускай по утру
Застелетъ эта мысль лучи разсвѣта
Въ твоихъ глазахъ, какъ облако, внезапно
Смутившее весенній свѣтлый день!
Такъ буду поступать и я; но прежде
Всего будь тихъ и скромнѣй! Остальное
Беру я на себя. Намъ много будетъ
Работы въ будущемъ и ты получишь
Участье въ ней. Теперь же уходи,
Чтобъ встрѣча наша всѣмъ осталась тайной.

БЕРТУЧЧІО

(*поднимаетъ и кладетъ на столъ дожескую шапку*).

Я ухожу, но прежде обращаюсь
Къ вамъ съ просьбою: не презирать вѣнца,
Который вашъ еще, пока не будетъ
Возможно вамъ смѣнить его короной.
Теперь прощайте, дядя! Положитесь
На преданность и долгъ мой. Вѣрьте—я
Вѣдь родственникъ не меньше вамъ чѣмъ
вѣрный

Вашъ подданный и преданный слуга.

(*Уходитъ*).

дожъ (*одинъ*).

Прощай, достойный сынъ мой!

(*Беретъ дожескую шапку и продолжаетъ, обращаясь къ ней*).

О, игрушка,

Усыянная тернами, какъ всякій
Вѣнецъ властителя; но между тѣмъ
Отнюдь не награждающая раны

Истерзаннаго иглами чела
Величьемъ королей! Пустая вещь,
Покрытая лишь сверху позолотой!
Да, я беру тебя назадъ; хотъ это
Одна лишь только маска!

(Надъваетъ шапку).

Мозгъ болить
И судорожно кровь вскипаетъ въ жилахъ
При мысли, сколько горя и безчестья
Приносишь ты съ собой. О, если бъ могъ я
Смѣнить тебя короной настоящей!
О, если бъ могъ я скипетръ Бриарея
Изъ рукъ взять ста сенаторовъ—тотъ ски-
петръ,

Который служить имъ, чтобъ обращать
Въ ничтожество народъ, а дожа—въ куклу
Въ блестящемъ, пышномъ платьѣ? Сколь-
ко разъ

Трудился я на пользу тѣхъ, кто нынче
Мнѣ платятъ такъ позорно за труды!
Такъ почему жъ не вправѣ заплатить я
Имъ тою же монетой? О, когда бы
Вернуть я могъ хотъ на годъ или часъ
Пору счастливой юности, въ которой
Плоть бодро служитъ духу, какъ послушный
И вѣрный конь хозяину? Немного бъ
Мнѣ нужно было силы, чтобъ нагрнуть
На этотъ гнусный сонмъ и уничтожить
Безслѣдно ихъ! Но нынче я, увы,
Обязанъ прибѣгать уже съ мольбою
Защиты посѣдѣвшей головѣ
Къ чужимъ рукамъ! Но я съумѣю сдѣлать
Все это такъ, что подвигъ Геркулеса,
Который я затѣялъ, не уйдетъ
Отъ рукъ моихъ, хотя до сей поры
Я смутно лишь предчувствую, какъ надо
Его вести. Мой умыселъ въ зачаткѣ;
Но все же въ головѣ мелькаютъ искры
И умъ уже способенъ выбирать,—
Что можетъ быть полезнѣе для дѣла.
Войска немногочисленны...

Входитъ Винченцо.

винченцо.

Синьоръ!

Какой-то незнакомецъ просить чести
Увидѣть васъ.

дожъ.

Я нездоровъ сегодня,
И не могу его принять, хотя бы
Онъ даже былъ патриціемъ. Пусть съ просьбой
Своею обратится онъ въ совѣтъ.

винченцо.

Исполню въ точности. Рѣшенье ваше
Его не оскорбитъ: онъ изъ плебеевъ
И капитанъ галеры.

дожъ.

Что сказалъ ты?

Онъ капитанъ галеры... то-есть я
Сказать хотѣлъ: слуга онъ государства.
О такъ зови его! Ему навѣрно
Я нуженъ по дѣламъ.

(Винченцо уходитъ).

дожъ.

Не худо будетъ

Повыпытать его! Народъ, я знаю,
Давно уже открыто негодуетъ
Со дня побѣды Генуи—и ропотъ
Удвоился, когда онъ увидалъ
Какъ мало значить онъ въ дѣлахъ пра-
вленья,

И вдвое меньше въ городѣ, гдѣ люди
Не болѣе какъ жалкіе рабы
Патриціевъ. Солдаты громко ропшутъ
За то, что имъ задерживаютъ плату
За тяжкій трудъ ихъ. Всякій лучъ
Надежды улучшить такой порядокъ
Покажется имъ радостью—они
Себѣ заплатятъ сами грабежомъ.
Одна бѣда—попы! Они, пожалуй,
Не будутъ съ нами: я вѣдь ужъ давно
Противенъ имъ—съ несчастнаго событія,
Когда въ моментъ горячности ударилъ
Епископа Тревизо и разстроилъ
Его въ священномъ шествіи, но это
Еще исправить можно. Не задобрю
Самихъ поповъ—тогда задобрю папу
Какой-нибудь уступкой. Главнымъ дѣломъ,
Не надо только медлить. Въ эти лѣта
Немного дней ужъ остается жить.
Удайся мнѣ омытъ свою обиду
И, вмѣстѣ съ тѣмъ, освободить отъ ига
Венецію—я самъ скажу, что жилъ
Достаточно и отойду спокойно
Къ моимъ отцамъ. Когда же замыслъ мой
Не можетъ быть исполненъ, то я лучше
Желаю, чтобъ изъ прожитыхъ ужъ мною
Восьмидесяти лѣтъ я былъ въ могилѣ
Всѣ шестьдесятъ. Мнѣ было бы пріятнѣй
Совсѣмъ не жить, чѣмъ сдѣлаться такимъ
Ничтожнымъ существомъ, какимъ я сдѣланъ
Толпой тирановъ этихъ. Но, однако,
Пора обдумать дѣло. Войскъ, я знаю,
У насъ стоитъ три тысячи...

*Входитъ Винченцо и Израэль Бер-
туччио.*

винченцо.

Вотъ, Ваше

Высочество, тотъ человѣкъ, который,
Какъ я сейчасъ вамъ доложилъ, желаетъ
Быть выслушаннымъ вами.

Principessa, o Dogaressa.



СТАРАЯ ВЕНЕЦІЯ (XIII—XIV в.).
ДОГАРЕССА.

дожъ (*Винченцо*).

Можешь выйти.

(*Винченцо уходитъ*).

Приблизься и скажи чего ты хочешь.

ИЗРАЭЛЬ БЕРТУЧЧІО.

Защиты.

дожъ.

Чьей?

ИЗРАЭЛЬ БЕРТУЧЧІО.

Господней и монаршей.

дожъ.

Ну, добрый другъ! ты вздумалъ обратиться
Къ такой четѣ, которую не очень
Привыкли чтить въ Венеціи. Ступай
Просить Совѣтъ.

ИЗРАЭЛЬ БЕРТУЧЧІО.

Просить Совѣтъ—напрасно:
Обидчикъ мой изъ ихъ числа.

дожъ.

Я вижу
Лицо твое въ крови. Скажи, ты раненъ?

ИЗРАЭЛЬ БЕРТУЧЧІО.

Я раненъ былъ не разъ уже въ защиту
Венеціи, но въ первый разъ рукою
Такого же, какъ я, венеціанца:
Я оскорбленъ патриціемъ.

дожъ.

И онъ
Остался живъ?

ИЗРАЭЛЬ БЕРТУЧЧІО.

Да,—такъ какъ я надѣюсь

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ВАЙРОНА.

Что вы, какъ герцогъ и солдатъ, найдете
Возможность защитить того, кто самъ
Не можетъ защититься по закону
Венеции. Когда же я ошибся,
То не скажу ни слова больше.

дожъ.

Все же

Ты что-нибудь да сдѣлаешь?

ИЗРАЭЛЬ ВЕРТУЧЧИО.

Синьоръ,

Я человѣкъ!

дожъ.

Равно, какъ твой обидчикъ.

ИЗРАЭЛЬ ВЕРТУЧЧИО.

Въ Венеции онъ больше: онъ патрицій!
Но съ той поры, какъ, позабывъ, что я
Такой же человѣкъ—позволилъ онъ
Почестъ меня животнымъ, онъ увидитъ,
Что и червякъ сѣумѣетъ отомстить.

дожъ.

Кто родомъ онъ?

ИЗРАЭЛЬ ВЕРТУЧЧИО.

Его зовутъ Барбаро.

дожъ.

За что жъ ты оскорбленъ имъ?

ИЗРАЭЛЬ ВЕРТУЧЧИО.

Я по службѣ

Начальникъ арсенала, гдѣ теперь
Идетъ работа по починкѣ старыхъ
Испорченныхъ галеръ во время бывшихъ
Сраженій съ генуэзцами. Сегодня
Пришелъ Барбаро утромъ въ арсеналъ
Съ угрозами и бранью на рабочихъ
За то, что тѣ осмѣлились оставить
Какую то ничтожную починку
Въ его дворцѣ, чтобъ выполнить приказъ
Республики. Я защитилъ людей,
На что въ отвѣтъ Барбаро поднялъ руку!...
Вотъ кровь моя!—смотрите! Въ первый разъ
Мной пролита она была безславно!

дожъ.

Какъ долго ты служилъ?

ИЗРАЭЛЬ ВЕРТУЧЧИО.

Съ осады Зары,

Гдѣ былъ моимъ начальникомъ герой,
Разбившій силу гунновъ: вождь тогда,
А нынче дожъ Фальеро.

дожъ.

Значить мы

Товарищи. Я дожемъ сталъ недавно
И потому ты, вижу, получилъ
Теперешнее мѣсто, прежде чѣмъ

Вернулся я изъ Рима. Потому
Тебя и не узналъ я. Кто назначилъ
Тебя на этотъ постъ?

ИЗРАЭЛЬ ВЕРТУЧЧИО.

Покойный дожъ,

Оставивъ въ то же время въ прежнемъ
званьи

Начальника галеры. Сдѣлалъ это
Онъ, какъ сказалъ мнѣ самъ, въ награду
прежнимъ
Рубцамъ моимъ и ранамъ, и, признаться,
Не думалъ я, чтобъ эта милость дожа
Могла причиной сдѣлаться чтобъ-я
Когда-нибудь явился беззащитнымъ
Просителемъ и по такому дѣлу
Къ его преемнику.

дожъ.

Скажи, глубоко

Ты чувствуешь позоръ свой?

ИЗРАЭЛЬ ВЕРТУЧЧИО.

Такъ глубоко,

Что даже не предвижу, чѣмъ его
Вознаградить.

дожъ.

Не бойся—молви смѣло.

На что рѣшился бъ ты, чтобъ отомстить
Тому, кѣмъ оскорбленъ?

ИЗРАЭЛЬ ВЕРТУЧЧИО.

Я не рѣшаюсь

Сказать мой планъ, за то сѣмью точно
Его достичь.

дожъ.

Зачѣмъ же ты явился

Тогда ко мнѣ сюда?

ИЗРАЭЛЬ ВЕРТУЧЧИО.

За правосудьемъ.

Начальникъ мой сталъ дожемъ и, конечно,
Не станетъ онъ давать въ обиду старыхъ
И преданныхъ солдатъ. Будь что иной
Теперь у насъ глава, а не Фальеро,
То кровь моя навѣрное была бъ
Омыта только кровью же.

дожъ.

Ты просишь

Защиты у меня? меня? Такъ знай же,
Что я, глава Венеции, не только
Не въ силахъ дать ее, но даже
Нуждаюсь въ ней и самъ. Мнѣ отказали
Въ защитѣ точно такъ-же часъ назадъ.

ИЗРАЭЛЬ ВЕРТУЧЧИО.

Что говорите вы!

дожъ.

Совѣтъ рѣшилъ
Подвергнуть Стено мѣсяцу ареста.

ИЗРАЭЛЬ ВЕРТУЧЧИО.

Какъ, онъ, простершій дерзость до того,
Что написалъ на герцогскомъ престолѣ
Преступныя слова! Ихъ отголосокъ
Позоромъ прозвучитъ во всѣхъ ушахъ
Венеціи...

дожъ.

Его слова, конечно,
Проникли до тебя и въ арсеналь,
Гдѣ звукъ ихъ могъ чередоваться съ каж-
дымъ

Ударомъ молотка, служа потѣхой
Работникамъ. Ихъ распѣвали хоромъ
Преступники въ цѣпяхъ, причемъ могли
Себя утѣшить мыслью, что позоръ ихъ
Куда далекъ отъ оскорбленья дожа!

ИЗРАЭЛЬ ВЕРТУЧЧИО.

Не вѣрится ушамъ! Тюрьма на мѣсяцъ!
И это все для Стено!

дожъ.

Ты сравнилъ
И кару, и проступокъ—что жъ искать
Тебѣ во мнѣ защиты? Обратись
Въ Совѣтъ съ твоею просьбою. Онъ рѣ-
шилъ

Процессъ Микэля Стено, такъ конечно
Рѣшить съумѣетъ дѣло и Барбаро.

ИЗРАЭЛЬ ВЕРТУЧЧИО.

О, если бъ я осмѣлился сказать,
Что думаю!

дожъ.

Откройся мнѣ безъ страха!
Я больше не могу быть оскорбленъ.

ИЗРАЭЛЬ ВЕРТУЧЧИО.

Я выскажу лишь то, что вы должны
Искать возмездья сами, и возмездья
Не за меня: что значитъ оскорбленье
Такой ничтожной личности какъ я,
Въ сравненьи съ тѣмъ стыдомъ, какимъ
покрытъ

Глава страны и герцогъ!

дожъ.

Ты мнѣ хочешь
Приписывать гораздо больше власти,
Чѣмъ я ее имѣю. Власть моя—
Одинъ наружный знакъ. Да, шапка эта—
Не герцогскій вѣнецъ! Моя порфира
Внушата способна только сожалѣнье,
Какъ рубище простого бѣдняка!

Да и бѣднякъ богаче тѣмъ, что тряпки,
Которыя онъ носитъ, составляютъ
Все жъ собственность его, тогда какъ я
Одѣтъ въ парчу и мѣхъ, подобно куклѣ,
Обязанной исполнить что велятъ.

ИЗРАЭЛЬ ВЕРТУЧЧИО.

Хотите ль быть монархомъ?

дожъ.

Да! но только

Счастливаго народа.

ИЗРАЭЛЬ ВЕРТУЧЧИО.

Вы хотите

Монархомъ быть Венеціи?

дожъ.

О, да!

Но только съ тѣмъ, чтобъ мой народъ и я
Съумѣли свергнуть иго злобной гидры
Патрициевъ, чье смрадное дыханье
Успѣло отравить какъ злой чумой
Меня и всѣхъ.

ИЗРАЭЛЬ ВЕРТУЧЧИО.

Но вы родились сами

Патрициемъ?

дожъ.

Мой день рожденья былъ
Несчастливымъ днемъ. Онъ мнѣ сулилъ быть
дожемъ

На стыдъ себѣ и горе. Но я жилъ
И дѣйствовалъ, какъ воинъ и слуга
Страны моей родной, а не сената:
Народа благо было мнѣ наградой!
Я весь израненъ въ битвахъ; какъ началь-
никъ,

Я всюду побѣждалъ; въ переговорахъ
Умѣлъ устроить такъ, что всѣ трактаты
Служили къ пользѣ родинѣ. Я въ жизни
Пространствовалъ по сушѣ и морямъ
Десятки лѣтъ—и это все для блага
Венеціи, страны отцовъ, чьи башни
Витаютъ надъ лазурной глубиной
Ея лагунъ—вотъ гдѣ моя награда!
Не для пустой, презрѣнной, злобной шайки
Я тратилъ кровь и потъ свои. А если
Захочешь ты спросить, зачѣмъ я дѣлалъ
Все это, такъ—спроси у пеликана,
Зачѣмъ себя терзаетъ онъ? Будь голосъ
У птицы молвить слово—онъ сказалъ бы,
Что дѣлаетъ все это для *птеницовъ*.

ИЗРАЭЛЬ ВЕРТУЧЧИО.

Патриции однако дали вамъ
Санъ герцога.

дожъ.

Да! правъ ты, молвя—*дали*.

Я не искалъ высокой этой чести:
Рѣшенъ ихъ—облечь меня въ тенета
Ихъ почестей—узналъ я, лишь оставивъ
Посольскій постъ мой въ Римѣ; и коль
скоро

Я принялъ предложенъе, то лишь въ силу
Моей привычки давней не бояться
Труда ни въ чемъ, когда предпринять онъ
Для родины. Вотъ почему, презрѣвши
Преклонный возрастъ свой, я согласился
Принять тотъ пышный титулъ, славный съ
виду,

А въ сущности ничтожнѣйшій изъ всѣхъ.
Ты самъ, бѣднякъ, мой подданный, при-
шедшій

Просить моей защиты, можешь видѣть,
Что я не лгу, сказавши такъ, коль скоро
Не въ силахъ сдѣлать что-нибудь въ за-
щиту

Обоимъ намъ.

ИЗРАЭЛЬ ВЕРТУЧЧИО.

Вы сдѣлаете это,
Когда лишь захотите. Много тысячъ
Озлобленныхъ, какъ вы, стоятъ и ждутъ,
Чтобъ данъ былъ знакъ. Возьмитесь дать
его.

дожъ.

Твои слова—загадка.

ИЗРАЭЛЬ ВЕРТУЧЧИО.

Я готовъ
Вамъ ихъ открыть съ опасностью для жизни,
Когда вы согласитесь подарить
Мнѣ мигъ одинъ вниманья.

дожъ.

Говори.

ИЗРАЭЛЬ ВЕРТУЧЧИО.

Не вы, не я одинъ, оскорблены
Позорнымъ игомъ рабства; весь народъ
Почувствовалъ, что злая чаша бѣдствій
Наполнилась чрезъ край; отряды войскъ
Наемниковъ сената громко ропшутъ,
Давно служа безъ платы; стража гражданъ
И моряки горятъ желаньемъ мстить
За честь своихъ друзей, затѣмъ, что есть ли
Хоть кто-нибудь изъ нихъ, чьи жены,
братья,

Родители иль сестры не подверглись
Насилію иль грубому безчестью
Отъ дерзкихъ рукъ патриціевъ! А наша
Послѣдняя несчастная война,
Затѣянная противъ генуэзцевъ!
Вѣдь, мы ее ведемъ до сей поры,
Поддерживая кровью и трудомъ
Несчастливаго народа, отбирая
Его ничтожный заработокъ! Все

Пришло къ тому, что злоба накинѣла
Во всѣхъ слояхъ! И даже нынче... Впро-
чемъ,

Я позабылъ, что, этакъ говоря,
Пожалуй, самъ себѣ накличу гибель.

дожъ.

А ты боишься смерти послѣ всѣхъ
Претерпѣнныхъ обидъ?—Тогда живи
И все глотай, чтобъ вѣкъ быть молча би-
тымъ

Отъ рукъ людей, въ чью пользу проливалъ
Ты кровь свою.

ИЗРАЭЛЬ ВЕРТУЧЧИО.

Нѣтъ, я молчать не буду;
Напротивъ, все скажу, и если дожъ
Венеціи не брезгаетъ доносомъ,
То пусть меня погубитъ! Стыдъ падетъ
На голову его: онъ потеряетъ
Поболѣе, чѣмъ я.

дожъ.

Меня не бойся!
Объ этомъ нѣтъ и рѣчи.

ИЗРАЭЛЬ ВЕРТУЧЧИО.

Такъ узнайте жъ,
Что есть лихое общество друзей
Достойныхъ, храбрыхъ, преданныхъ и дав-
шихъ

Святую клятву вѣрности. Бѣды
Извѣстны имъ ужъ съ давнихъ поръ, а
горе

Венеціи всего больнѣй ихъ сердцу.
Въ томъ, впрочемъ, нѣтъ мудренаго: они
Служили ей на сушѣ и на морѣ,
Они ее спасали отъ враговъ;
Такъ какъ же имъ не постараться вырвать
Ее изъ рукъ злодѣевъ, что живутъ
Въ самихъ стѣнахъ отчизны? Ихъ число
Пока немногочисленно для дѣла,
Затѣяннаго ими, но за то
У нихъ найдутся руки, храбрость, сердце,
Мечи, душа и бодрость выжиданья.

дожъ.

Такъ что жъ они бездѣйствуютъ?

ИЗРАЭЛЬ ВЕРТУЧЧИО.

Ждутъ часа.

дожъ (въ сторону).

Съ вершины Марка грянетъ этотъ часъ!

ИЗРАЭЛЬ ВЕРТУЧЧИО.

Теперь—ты видишь—я тебѣ довѣрилъ
Мои надежды, жизнь мою и честь!
Но если я себѣ позволилъ это,
То только съ той надеждою, что ты,

Senatore antico.



СТАРАЯ ВЕНЕЦІЯ (XIII—XIV в.)
СЕНАТОРЪ.

Согрѣтый мыслью мести, въ насъ обоихъ
Родившейся отъ одного стебля,
Устроишь дѣло мести! Если такъ,
То будь главою дѣла, а затѣмъ
Владыкой государства!

дожъ.

Сколько тѣхъ,
О комъ ты говорилъ мнѣ?

ИЗРАЭЛЬ ВЕРТУЧЧІО.

Я отвѣчу,
Когда вы свой дадите мнѣ отвѣтъ.

дожъ.

Не вздумалъ ли грозить ты мнѣ?

ИЗРАЭЛЬ ВЕРТУЧЧІО.

О, нѣтъ!
Я только говорю, на что рѣшился;

Пусть я въ твоихъ рукахъ; но знай, что
нѣтъ
Такой ужасной пытки въ подземельяхъ,
Сокрытыхъ подъ дворцомъ твоимъ, иль въ
клѣткахъ,

Съ свинцовыми листами, вмѣсто крышъ,
Которая могла бъ меня принудить
Предать моихъ друзей. Колодцы, клѣтки
Исторгнуть могутъ кровь мою изъ жилъ,
Измѣны жъ—никогда! Я перейду
Безропотно подъ сводомъ Моста Вздоховъ,
Довольный и счастливый тѣмъ, что буду
Послѣднимъ, чьи шаги звучатъ надъ зыбью
Стигійскихъ волнъ, текущихъ между жер-
твой

И палачемъ—тѣхъ волнъ, что омывають
Темницу и дворецъ; я буду знать,
Что живы тѣ, которые сьумѣютъ
Отмстить за смерть мою!

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ БАЙРОНА.

дожъ.

Коль скоро вы
Готовы такъ на дѣло, то къ чему жъ
Приходишь ты просить ко мнѣ защиты?
Когда ты можешь мстить за честь и самъ.

ИЗРАЭЛЬ ВЕРТУЧЧИО.

Я рассчиталъ, что тотъ, кто прибѣгаетъ
Съ мольбой къ властямъ, показываетъ этимъ
Свою покорность имъ и уваженье
И менѣ рискуетъ потому
Въ нихъ возбудить тревожный страхъ иль
мысль

О заговорѣ. Если я спокойно
По виду снесъ такое оскорбленье,
То потому, что громкій, ярый гнѣвъ
Отмѣтилъ бы меня въ глазахъ Совѣта
Опаснымъ человѣкомъ. Между тѣмъ
Покорная мольба, хотя и съ видомъ
Разсерженнымъ, скорѣй достигнуть можетъ
Желанной цѣли намъ, не возбуждая
Излишнихъ подозрѣній. Впрочемъ, я
Имѣлъ еще иную цѣль, рѣшившись
Направить дѣло такъ.

дожъ.

Скажи, какую?

ИЗРАЭЛЬ ВЕРТУЧЧИО.

Прошедшій слухъ, что герцога оскорбленье
Судомъ Авагатори, передавшимъ
Рѣшенье дѣла въ руки Сорока,
Подвигъ меня на это. Я всегда
Глубоко уважалъ васъ и увидѣлъ
Всю глубину тяжелаго позора,
Какому вы подверглись! Зная васъ
Однимъ изъ тѣхъ людей, какіе платятъ
Сторицею за зло или добро,
Я васъ хотѣлъ подвигнуть къ дѣлу мести.
Теперь вамъ все извѣстно, и залогомъ,
Что я сказалъ лишь правду, можетъ вамъ
Служить моя довѣрчивость, съ которой
Я вамъ предался въ руки.

дожъ.

Многимъ ты

Рискнулъ, такъ поступивъ; но, кто затѣялъ
Великія дѣла, рискуетъ больше
И выиграть. Покамѣстъ общаю
Тебѣ хранить лишь тайну.

ИЗРАЭЛЬ ВЕРТУЧЧИО.

Какъ! не больше?

дожъ.

Что жъ я могу сказать тебѣ, покуда
Не знаю дѣла глубже?

ИЗРАЭЛЬ ВЕРТУЧЧИО.

Я хотѣлъ бы,

Чтобъ вы себя довѣрили вполне
Тому, кто самъ предался вамъ всецѣло.

дожъ.

Я долженъ знать, по крайней мѣрѣ, ваши
Намѣренья, число и имена.
Число стараться надобно удвоить,
А тамъ все обсудить и укрѣпить.

ИЗРАЭЛЬ ВЕРТУЧЧИО.

У насъ готово все. Для общей связи
Нуждаемся мы только въ васъ однихъ.

дожъ.

Скажи, по крайней мѣрѣ, имена
Зачинщиковъ.

ИЗРАЭЛЬ ВЕРТУЧЧИО.

Отвѣчу вамъ, когда
Дадите вы торжественную клятву
На преданность и вѣрность, точно такъ же
Какъ мы клянемся вамъ.

дожъ.

Когда? и гдѣ?

ИЗРАЭЛЬ ВЕРТУЧЧИО.

Въ сегодняшнюю ночь я приведу
Въ покои ваши двухъ изъ нашихъ главныхъ
Начальниковъ; прійти жъ съ большой толпой
Я не рѣшился бы.

дожъ.

Дай мнѣ обдумать!

Не лучше ли, напротивъ, мнѣ рѣшиться
Прійти въ собранье ваше самому,
Оставивши дворецъ?

ИЗРАЭЛЬ ВЕРТУЧЧИО.

Но съ тѣмъ, чтобъ вы
Пришли одни.

дожъ.

Я къ вамъ явлюсь съ моимъ лишь
Племянникомъ.

ИЗРАЭЛЬ ВЕРТУЧЧИО.

Нельзя, хоть даже съ сыномъ.

дожъ.

Ты смѣешь мнѣ напоминать о сынѣ!
Онъ въ Сапіенцѣ смерть свою нашелъ
За благо родины неблагодарной.
О если бы онъ жилъ, а я, напротивъ,
Лежалъ въ гробу! Иль, лучше говоря,
Когда бы не умеръ онъ до срока, раньше
Чѣмъ самъ я легъ въ могилу не пришлось бы
Мнѣ помощи искать отъ чуждыхъ рукъ!

ИЗРАЭЛЬ ВЕРТУЧЧИО.

Не мало этихъ чуждыхъ будутъ рады

Назвать тебя отцомъ, хоть ты, какъ вижу,
Не хочешь имъ довѣриться и этимъ
Мѣшаешь имъ почувствовать къ тебѣ
Сыновнюю любовь.

дожъ.

Мой жребій брошенъ
Гдѣ мѣсто нашей встрѣчи?

ИЗРАЭЛЬ ВЕРТУЧЧИО.

Въ полночь я
Приду одинъ, подъ маскою въ то мѣсто,
Какое вы назначите, а тамъ
Сведу я васъ въ собранье, гдѣ найдете
Вы кругъ друзей и выскажете вашъ
Рѣшительный отвѣтъ.

дожъ.

Какъ рано нынче
Встаетъ луна?

ИЗРАЭЛЬ ВЕРТУЧЧИО.

Не рано, но погода
У насъ мрачна; теперь пора сирокко.

дожъ.

Сегодня ровно въ полночь будь у церкви,
Гдѣ гробъ моихъ отцовъ; ее зовутъ
Иначе храмомъ Павла и Іоанна;
Гондола будетъ ждать съ однимъ гребцомъ
У пристани, близъ узкаго канала.

ИЗРАЭЛЬ ВЕРТУЧЧИО.

Исполню все.

дожъ.

Теперь ступай.

ИЗРАЭЛЬ ВЕРТУЧЧИО.

Иду

Съ надеждою, что мы не встрѣтимъ въ васъ
Препятствія въ великомъ нашемъ дѣлѣ.
Прощайте, принцъ!

(Уходитъ).

дожъ (одинъ).

Сегодня темной ночью
У церкви, гдѣ зарытъ священный прахъ
Моихъ отцовъ—рѣшаюсь я!... на что?
На заговоръ противу государства
Съ какой-то темной шайкой! И не страшно
Подумать мнѣ, что предковъ рядъ, изъ
коихъ

Зарыты тамъ два дожа, грозно встанетъ,
Чтобъ взять меня и уложить въ могилу
Съ собою рядомъ, чтобъ остался я
Тамъ чистымъ между чистыми... Но я
На горе мнѣ теперь обязанъ думать
Не объ отцахъ, а о презрѣнной шайкѣ,
Успѣвшей запятнать такимъ стыдомъ
Мое неопозоренное имя,
Сіявшее такимъ же точно блескомъ,
Какимъ блестятъ доселѣ имена
Сенаторовъ на древнихъ римскихъ камняхъ.
Но я съумѣю вновь возстановить
Честь лѣтописей дома, отомстивши
Всему, что есть постыднаго и злого
Въ Венеціи, и давъ въ придачу ей
Желанную свободу. Пусть иначе
Достанусь я въ добычу тѣхъ клеветъ,
Которыми клеймятъ обыкновенно
Споткнувшихся въ преслѣдованьи цѣли!
Будь Цезарь я или Катилина—все же
Попытку я обязанъ предпринять.



ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Комната во дворцѣ дожа.

Анджіолина и Маріанна.

АНДЖІОЛИНА.

Какой отвѣтъ былъ дожа?

МАРІАННА.

Онъ сказалъ,
Что занять важнымъ дѣломъ. Но теперь
Совѣтъ ужъ конченъ; на моихъ глазахъ
Послѣдніе сенаторы сѣли
Въ гондолы, чтобъ уѣхать. Вонъ вдали
Они еще мелькаютъ по лагунѣ.

АНДЖІОЛИНА.

О, если бъ только онъ скорѣй вернулся!
Онъ такъ разстроенъ былъ послѣднимъ
горемъ!

Преклонный возрастъ не сломилъ его—
И пылкій духъ попрежнему живетъ
Въ состарѣвшемся тѣлѣ! Онъ умѣетъ
Живыя силы черпать въ крѣпкомъ духѣ,
Сломившемъ бы давно иную плоть;
Но годы не имѣютъ, къ сожалѣнью,
Способности его заставить меньше
Почувствовать несчастье. Онъ ни въ чемъ
Не схожъ съ людьми подобнаго жъ закала.
Которые, внезапно разгораясь
Порывомъ бурной страсти, такъ-же скоро
Находятъ вновь покой. Въ немъ все, на-
противъ,

Бушуетъ безъ конца. Его всѣ чувства,
Дурныя и хорошія, всѣ мысли
Ни мало не походятъ на порывы
Ослабленнаго жизнью старика.
Его чело въ морщинахъ, но вѣдь это
Морщины крѣпкой мысли, а отнюдь
Не старости! Она въ немъ воспитала
Лишь опытность, не тронувъ бодрость силъ,
И все же былъ онъ нынче раздраженъ,
Какъ никогда! О, если бы онъ только
Вернулся поскорѣе! я одна
Способна утишить его.

МАРІАННА.

Вы правы.

Нашъ герцогъ былъ глубоко оскорбленъ
Поступкомъ гнуснымъ Стено, и, конечно,
Причина не мала. Но въ этотъ мигъ
Преступникъ, безъ сомнѣнія, наказанъ
За дерзкій свой поступокъ должной карой,

Которая заставитъ уважать
Его вашъ родъ и вашу добродѣтель.

АНДЖІОЛИНА.

Онъ тяжело оскорбилъ меня; но я
Взволнована не такъ его обидой
И гнусной клеветой, какъ безпокоюсь
О томъ глубокомъ, тяжкомъ впечатлѣннѣи,
Которое она произвела
На пылкій духъ Фальеро! Гордый, строгій
Ко всѣмъ—лишь не ко мнѣ, что можетъ онъ
Подумать или сдѣлать!

МАРІАННА.

Ужъ, конечно,

Онъ васъ не заподозритъ.

АНДЖІОЛИНА.

О! объ этомъ

Я и не думаю! Самъ гнусный Стено
Не смѣлъ бы это сдѣлать, и когда
Писалъ онъ злую ложь свою украдкой
При блѣдномъ свѣтѣ трепетной луны,
Я вѣрю въ то, что и тогда дрожалъ онъ
Предъ совѣстью, что даже сами стѣны
Стыдились презрѣнной клеветы
И хмурились подъ легкимъ переливомъ
По нимъ мелькавшихъ тѣней.

МАРІАННА.

Онъ, конечно,

Наказанъ будетъ строго.

АНДЖІОЛИНА.

Онъ позорно

Уже наказанъ тѣмъ, что уличенъ.

МАРІАННА.

Вы думаете, этого довольно?

АНДЖІОЛИНА.

Я не могу судьей быть въ дѣлѣ, лично
Касавшемся меня, и не берусь
Рѣшать, какого стоятъ наказанья
Подобные распутники, какъ Стено.
Но ежели рѣшавшіе вопросъ
Его вину моимъ оцѣнять взглядомъ,
То онъ навѣрно будетъ осужденъ
Быть отданнымъ лишь въ жертву своему же
Безстыдству и позору.

МАРІАННА.

Добродѣтель

Должна жъ быть возстановлена.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ВАЙРОНА.

Признаться, слушая такія рѣчи,
Отъ васъ, жены патриція.

АНДЖІОЛИНА.

Такъ думалъ
И мой отецъ; онъ мнѣ оставилъ взглядъ свой
Единственнымъ наслѣдствомъ.

МАРИАННА.

Вамъ другого
Не надобно, супругъ славной дожа,
Главы отечества.

АНДЖІОЛИНА.

Я не искала
Его, когда была бѣ простой невѣстой
И бѣдняка. Но, впрочемъ, я сердечно
Обязана отцу за то, что онъ
Отдать позволилъ руку мнѣ такому
Вѣрнѣйшему и преданному другу,
Какимъ всегда былъ въ домѣ нашемъ графъ
Валь-ди-Марино, нынче дожъ и герцогъ!

МАРИАННА.

И сердце ваше отдалъ онъ съ рукою?

АНДЖІОЛИНА.

О, да! вполнѣ! рука моя иначе
И не могла быть отдана.

МАРИАННА.

А эта
Чрезчуръ большая разница въ лѣтахъ
И вмѣстѣ съ нею разница во взглядахъ?
Не могъ ли свѣтъ подумать, что такой
Неравный бракъ едва ль быть могъ счастли-
вымъ?

АНДЖІОЛИНА.

Свѣтъ думаетъ, какъ шайка болтуновъ.
Что до меня—мнѣ сердце подсказало,
Каковъ мой долгъ—и этотъ долгъ отнюдь
Не труденъ для меня, хотя и важенъ.

МАРИАННА.

Вы любите его?

АНДЖІОЛИНА.

Да! какъ люблю
Все то, что есть хорошаго на свѣтѣ,
И стоитъ быть любимымъ. Такъ любимъ
Былъ мой отецъ, который научилъ
Меня распознавать все то, что должно
Любить въ другихъ, и подчинять стремленье
Порой и лучшихъ чувствъ, готовыхъ часто
Отдаться низкой страсти. Онъ рѣшилъ,
Что я должна женою быть Фальеро:
Онъ зналъ его прекрасный нравъ и храбрость.
Зналъ качества, какъ друга, гражданина
И воина—я ихъ нашла такими жъ,
Какими описалъ ихъ мой отецъ.

Его ошибки даже таковы,
Какія могутъ жить лишь въ сердцѣ
высшихъ
Людей, привыкшихъ къ власти. Правда, въ
немъ

Кипитъ избытокъ гордости, бываютъ
Порывы ярой страсти—недостатки,
Присущіе патриціямъ; но онъ
Провелъ всю жизнь среди житейскихъ бурь,
Войны и споровъ власти въ государствѣ.
Мнѣ страшно за него, когда я вижу
Въ немъ эту щекотливость, чуть коснутся
Его вопросы чести, чтò, конечно,
Прекрасно въ должной мѣрѣ, но иначе
Становится порокомъ. И при всемъ,
Что я о немъ сказала—недостатки
Его горячей крови до того
Умѣрены высокимъ благородствомъ
Характера, что власти въ государствѣ
Давно уже привыкли поручать
Фальеро одному все то, что было
Труднѣе и почетнѣй, начиная
Со дня его прославившей побѣды
Вплоть до того, когда, покинувъ Римъ,
Гдѣ былъ посломъ, онъ ими избранъ дожемъ.

МАРИАННА.

Но прежде чѣмъ вы вышли за него,
Скажите мнѣ, ужели сердце ваше
Не билось ни разу для другого—
Для юноши, который подходилъ
Годами бѣ больше къ вамъ иль красотою?
Ужели никогда вамъ не случилось
Внезапно увидать кого-нибудь,
Кто бѣ возбудилъ въ душѣ у васъ невольно
Такую мысль, что если бѣ нынѣ ваша
Рука была свободна, то ему
Могла бѣ принадлежать она скорѣе.

АНДЖІОЛИНА.

На первый твой вопросъ я отвѣчала,
Сказавъ, что замужъ вышла я.

МАРИАННА.

Второй же?

АНДЖІОЛИНА.

Не требуетъ отвѣта.

МАРИАННА.

Извините!

Вы, кажется, оскорблены?

АНДЖІОЛИНА.

Ни мало!

Но, признаюсь, мнѣ страннымъ показался
Такой вопросъ: не приходила мнѣ
Ни разу въ жизни мысль, что можемъ мы.
Разъ выйдя замужъ, разсуждать, не лучше ль

Ambasciatori, & Consoli.



СТАРАЯ ВЕНЕЦІЯ (XIII—XIV в.).
САНОВНИКЪ, ПОСЛАНИКЪ, КОНСУЛЪ.

(Изъ *Caesare Vecellio, Habiti Antichi e Moderni, Венеція 1589*).

Намъ было-бы остановить свой выборъ
На комъ-нибудь другомъ.

МАРИАННА.

Но первый выборъ
И заставляетъ часто думать насъ,
Что мы бы нынѣ выбрали умнѣе,
Когда бъ могли свой выборъ повторить.

АНДЖІОЛИНА.

Быть можетъ, но мнѣ чужды эти мысли.

МАРИАННА.

Вотъ вашъ супругъ: должна я удалиться.

АНДЖІОЛИНА.

Да, это будетъ лучше. Онъ о чемъ-то
Задумался. Какъ тихо онъ идетъ.

(*Маріанна уходитъ*).

Входятъ Дожъ и Пьетро.

дожъ (*задумчиво*).

Сказали мнѣ, что въ арсеналѣ служить
Филиппо Календаро, и что будто,
Стоя въ главѣ восьмидесяти слишкомъ
Испытанныхъ людей, онъ обладаетъ
Значительнымъ вліяніемъ на прочихъ
Товарищей. Онъ, какъ я слышалъ, храбръ,
Рѣшителенъ и смѣлъ, хотя при этомъ
Хранить умѣетъ тайну. Мы должны
Привлечь его къ себѣ, и я надѣюсь,
Что Израэль успѣлъ ужъ это сдѣлать.
Желалъ бы я...

ПЬЕТРО.

Простите мнѣ, синьоръ,
Что я прервать рѣшаюсь ваши мысли.
Сенаторъ и вашъ родственникъ Бертуччо

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ВАЙРОНА.

Покорно просить васъ ему назначить,
Когда онъ можетъ видѣть васъ.

дожъ.

Съ закатомъ...

Нѣтъ, погоди!—дай мнѣ подумать, лучше
Назначить будетъ ночью въ два часа.

(*Пьетро уходитъ*).

анджіолина.

Синьоръ!

дожъ.

Ахъ, милый другъ! прости мнѣ... Что же
Ко мнѣ не подошла ты? Я тебя
И не видалъ!

анджіолина.

Я видѣла, что вы
Такъ заняты. Тотъ, съ кѣмъ вы говорили,
Казалось мнѣ, пришелъ къ вамъ съ важной
вѣстью

И прямо изъ сената.

дожъ.

Изъ сената?

анджіолина.

Я не хотѣла помѣшать исполнить
Ему и всѣмъ сенаторамъ предъ вами
Свою обязанность.

дожъ.

Какая можетъ
Быть ихъ ко мнѣ обязанность? Напротивъ,
Мы всѣ сенату служимъ, какъ рабы.

анджіолина.

Я думала, что герцога значить все
Въ Венеціи.

дожъ.

Да долженъ значить! Впрочемъ,
Оставимъ эти рѣчи. Будемъ думать
О чемъ-нибудь пріятнѣй. Какъ себя
Ты чувствуешь? Гуляла ль ты сегодня?
Погода, правда, пасмурна; но волны
Чуть катятся и манятъ погулять
На ихъ веселыхъ гребняхъ по лагунѣ.
Иль, можетъ быть, желаешь ты принять
Своихъ друзей, иль предпочтешь заняться
Въ уединеніи музыкой? Скажи мнѣ,
Желанья нѣтъ ли у тебя такого,
Которое исполнить могъ бы дожъ
При жалкой власти, что ему осталась?
Ты, можетъ быть, желаешь сдѣлать
праздникъ,
Пріемъ иль пышный вечеръ, чтобъ разсѣять
Немного хоть себя и наградить
За скучныя минуты, на какія
Судьба тебя невольно обрекла,

Отдавъ такому старому супругу.
Скажи—все будетъ сдѣлано.

анджіолина.

Вы такъ

Ко мнѣ добры, что право ничего
Я не прошу и не желаю кромѣ
Желанья видѣть васъ какъ можно чаще,
И болѣе спокойнымъ.

дожъ.

Какъ спокойнымъ?

анджіолина.

Да, добрый повелитель мой, зачѣмъ
Вы ищите всегда уединенья?
Зачѣмъ вы такъ задумчивы? Какою
Заботой ваше хмурится чело?
Старанье ваше скрыть ее—напрасно:
Она открыта всякому.

дожъ.

Открыта!

Но что жъ въ лицѣ моемъ ты видишь?

анджіолина.

Сердце,

Глубоко уязвленное печалью.

дожъ.

О, полно, будь спокойна! Въ государствѣ—
Сама ты знаешь—не проходитъ дня,
Который бы не несъ съ собой заботы
Тѣмъ, кто стоитъ въ главѣ правленья. Наши
Невзгоды—въ ссорѣ съ Генуей, и много
Другихъ заботъ внутри; вотъ гдѣ причина
Того, что я невольно беспокоюсь
Гораздо больше прежняго.

анджіолина.

Но эти

Причины существуютъ ужъ давно.
А между тѣмъ мнѣ не случилось видѣть
Ни разу васъ такимъ. Простите мнѣ,
Но я убѣждена, что въ вашемъ сердцѣ
Скрывается какая-то печаль
Важнѣй простыхъ заботъ о государствѣ!
Привычка ваша къ нимъ и свѣтлый умъ
Ихъ сдѣлали вамъ легкими и даже
Почти необходимыми, чтобъ духъ вашъ
Не сталъ томиться праздною. Нѣтъ, нѣтъ!
Не думы и заботы о правленіи
Васъ могутъ такъ разстроить—васъ, кому
Достался такъ легко высокій постъ вашъ.
Тотъ, кто его достигъ, не оступившись
Ни разу на дорогѣ, можетъ смѣло
Стоять на немъ—и видѣть съ высоты
Зіяющую глубь, не ощущая
Круженья головы. Когда бы врагъ нашъ
Грозилъ ворваться въ портъ иль площадь
Марка



АНДЖІУЛИНА (Andzholina)

Съ картини Стона (Frank Stone), грав. В. Фанден (W. Fadden).

Кипѣла возмущившейся толпой,
Вы не были бѣ задумчивы! Напротивъ,
Выгрознобы возстали съ смѣлымъ взглядомъ,
Какъ это было прежде. Нѣтъ! печаль
Теперь томить иная васъ: она
Задѣла вашу гордость, а не ваши
Заботы о правленьи.

дожъ.

Гордость! Нѣтъ!
Она во мнѣ прошла, Анджіолина.

анджіолина.

Да! гордость, тотъ же грѣхъ, который
свергнулъ
Съ небесъ безгрѣшныхъ ангеловъ, а въ
людяхъ
Всего скорѣе портить души тѣхъ,
Которые по духу схожи съ ними!
Духъ высшій гордъ, а низшій лишь тщесла-
вень.

дожъ.

И я былъ гордъ твоею честью—гордъ
Всей силою души!.. Но перемѣнимъ
Объ этомъ рѣчь.

анджіолина.

О нѣтъ! Коль скоро ты
Дѣлилъ со мной всегда минуты счастья,
То я хочу съ тобою раздѣлить
И горести. Я никогда бѣ не стала
Стараться ихъ узнать, когда бѣ онѣ
Касались дѣлъ правленья; но печаль
Твоя иного рода! Успокоить
Тебя должна въ ней я. Ты съ той поры,
Какъ глупый Стено дерзко такъ нарушилъ
Покой и миръ души твоей, вѣдь сталъ
Совсѣмъ инымъ, и я должна утѣшить
Тебя, во что бѣ ни стало сдѣлавъ прежнимъ.

дожъ.

Мнѣ прежнимъ быть! Ты слышала ль къ
чему
Его приговорили?

анджіолина.

Нѣтъ.

дожъ.

Къ темницѣ,
На мѣсяцъ срокомъ.

анджіолина.

Развѣ не довольно?

дожъ.

Довольно ли? О да, конечно, если бѣ
Вопросъ касался пьянаго раба,
Посмѣвашаго ворчать на господина
Подъ палками; но не довольно, если

Виновенъ негодай, двуличный, дерзкій,
Позволившій коснуться доброй славы
Жены его властителя—и это
Публично, передъ трономъ.

анджіолина.

Все же я
Считаю эту кару слишкомъ строгой
Патрицію, когда ему она
Присуждена въ возмездье за его
Безчестные поступки. Все другое
Ничто передъ уликою въ безчестьи!

дожъ.

Въ подобныхъ людяхъ чести нѣтъ: у нихъ
Есть жизнь презрѣнная. Зачѣмъ она
Ему оставлена?

анджіолина.

Ужели точно

Хотите вы, чтобъ онъ отвѣтилъ жизнью
За это оскорбленье?

дожъ.

О, напротивъ!

Теперь ужъ не хочу! Пусть онъ живетъ,
Пока живу я самъ. Онъ искупилъ
Свою вину, взваливъ ее на плечи
Своимъ судьямъ. Они теперь виновны
Въ проступкѣ, а не онъ.

анджіолина.

О, если бѣ этотъ
Распутный, глупый мальчикъ поплатился
За свой поступокъ жизнью, то, клянусь,
Я не нашла минуты бы покоя
Во весь остатокъ жизни и ни разу
Не знала бѣ сна иль радости!

дожъ.

Но развѣ
Законъ небесъ не назначаетъ карой
За кровь такую жъ кровь? и развѣ тотъ,
Кто тяжело запятналъ насъ—не убійца?
Мы терпимъ въ этомъ случаѣ не меньше
Страданья и стыда, чѣмъ при ударѣ,
Нанесшемъ смерть! Людской законъ казнить
За меньшее, чѣмъ честь,—за кражу денегъ.
Не смертью ли карается измѣна?
Ужель ничто не значить влить отраву
Въ чужую кровь, здоровую дотолѣ?
Ужель ничто не значить запятнать
Позорной клеветою наше имя,
Столь всѣми уважаемое? Какъ
Назвать попытку сдѣлать честь владыки
Посмѣшищемъ для подданныхъ? Презрѣтъ
Вошедшее въ обычай уваженъе
Въ мужчинѣ—къ зрѣлой старости и къ
нѣжнымъ
Годамъ—въ прекрасной женщинѣ? Попрать

Такъ дерзко честь твою и уваженъе,
Заслуженное мной? Пускай объ этомъ
Подумали бѣ прошившіе его!

анджіолина.

Намъ Богъ велѣлъ прощать врагамъ.

дожъ.

А развѣ

Прощаетъ Онъ своимъ? Иль развѣ дьяволъ
Спасенъ отъ мукъ?

анджіолина.

Не говори такъ страшно!

Господь проститъ тебѣ, равно какъ всѣмъ
Твоимъ врагамъ.

дожъ.

О, да! прости имъ, Боже!

анджіолина.

И ты простишь имъ также?

дожъ.

Да! когда

Уйдутъ они на небо.

анджіолина.

Какъ! не прежде?

дожъ.

Что значить имъ мое прощенье—старца,
Согбеннаго, осмѣяннаго всѣми?
Не больше, чѣмъ злопамятность! Дурного
Не причинить ни то имъ, ни другое!
Нѣтъ! вижу я, что слишкомъ долго жилъ..
Что, впрочемъ, толковать объ этомъ! Другъ
мой,

Обиженный мой другъ, дочь Лоредано,
Честнѣйшаго изъ смертныхъ! Могъ ли думать
Отецъ твой, отдавая мнѣ тебя,
Что отдалъ онъ тебя на поруганье,
На стыдъ. Тебя! невинную! Будь мужъ твой
Не я, а кто-нибудь другой—ну кто бѣ
Тамъ ни былъ, лишь бы только невластитель
Венеціи—не смѣла бы коснуться
Тебя такая злая клевета!
Теперь же ты—невинная, святая—
Должна терпѣть безъ мысли объ отмщеніи.

анджіолина.

Я чувствую себя вполнѣ отмщенной
Ужъ тѣмъ однимъ, что ты комнѣ привязанъ
Попрежнему, что такъ-же вѣришь мнѣ
И также уважаешь. Люди знаютъ,
Что я чиста, а ты правдивъ—что жъ больше
Могу я ждать иль ты желать?

дожъ.

Ну, полно;

Будь такъ или иначе, я прошу,

Храни о мнѣ хорошую лишь память,
Что бѣ ни было со мной.

анджіолина.

Зачѣмъ мнѣ это

Ты говоришь?

дожъ.

Зачѣмъ бы ни сказалъ,

Но мнѣ сердечно хочется, чтобъ ты
Равно меня цѣнила, какъ при жизни,
Такъ и въ гробу, чтобъ свѣтъ ни говорилъ.

анджіолина.

Къ чему сомнѣнья эти? Развѣ я
Давала поводъ имъ?

дожъ.

Поди сюда,

Мое дитя—и выслушай! Мнѣ надо
Съ тобой поговорить. Отецъ твой былъ
Мой лучший другъ. Случайность привела
Къ тому, что сдѣлался онъ мнѣ обязанъ
За помощь, мной оказанную. Это
Насъ сблизило тѣснѣй еще, и вскорѣ,
Въ послѣднюю болѣзнь, задумалъ онъ
Сковать насъ цѣпью брака. Не подумай,
Прошу тебя, что это было знакомъ
Одной лишь благодарности—онъ въ этомъ
Давно со мной расцелся тѣсной дружбой
И честностью. О, нѣтъ! Онъ думалъ только
Упрочить жребій твой и защитить
Невинность красоты твоей отъ тѣхъ
Опасностей, которыми коварно
Усѣянъ былъ бы жребій одинокой
И бѣдной сироты въ вертепѣ этомъ
Змѣинаго разврата. Я согласенъ
Съ нимъ въ этомъ хотъ и не былъ, не желалъ
Разубѣждать въ предсмертную минуту.

анджіолина.

Вѣрь, я не позабуду благородства,
Съ которымъ ты просилъ меня сказать
Открыто: не живетъ ли въ этомъ сердцѣ
Иной мечты о комъ-нибудь другомъ,
Съ кѣмъ я была бѣ счастливей, не забуду
Я также обѣщанья одарить
Меня приданымъ, равнымъ съ самой первой
Невѣстою въ Венеціи, забывши
Все то, на что тебѣ давали право
Слова отца

дожъ.

Ты, значить, понимаешь,

Что это не былъ взбалмошный капризъ
Влюбившагося старца, чье желанье
Влекло его безумно насладиться
Во что бѣ ни стало юной красотой:

Antiche nobili di Venetia.



СТАРАЯ ВЕНЕЦІЯ (XIII—XIV в.).

ЗНАТНАЯ ДАМА.

(Из *Caesare Vecellio, Habili Antichi e Moderni, Венеція 1589*).

Я даже въ ранней юности умѣлъ
Обузывать подобныя желанья—
И потому не могъ мой зрѣлый возрастъ
Быть зараженъ порочнымъ помышленьемъ,
Какимъ порой исполнена бываетъ
Жизнь старыхъ сластолюбцевъ, что готовы
Насиловать природу до послѣдней
Минуты издыханья, лишь бы выпить
Подонки грязной страсти, замѣнившей
Былое счастье юности. Какъ часто
Такіе видимъ браки мы, гдѣ юность
Приноситъ жертву старости, въ безсильи
Открыто предпочесть честнѣйшій путь,
И этимъ признаетъ себя сама
Ничтожествомъ! Но наши узы были
Завязаны не такъ: ты выбирала
Супруга безъ стѣсненія и рѣшила
Послѣдовать желанію отца.

АНДЖІОЛИНА.

И это мною сдѣлано свободно
Предъ небомъ и землей. Ни разу я
Не вздумала раскаяться въ рѣшеніи,
А если иногда въ судьбинѣ нашей
Кого-нибудь жалѣла, то тебя лишь,
Хотя бы такъ, какъ нынче, видя горе,
Которымъ ты постигнуть.

ДОЖЪ.

Я увѣренъ,
Что никогда не обойдусь съ тобой
Съ суровостью и знаю точно также,
Что дни мои, сочтенные давно,
Недолго протомятъ тебя. А послѣ,
Дочь лучшаго изъ всѣхъ моихъ друзей,
Ты сдѣлаешь свободно новый выборъ,
Въ прекраснѣйшей порѣ расцвѣтшихъ лѣтъ
И опыта, съ задаткомъ выбрать лучше,

Пройдя чрезъ эти годы испытанья,
Которые должна была провести
Со старикомъ; наследуешь мой титулъ
И все мое имущество безъ страха
Законныхъ тяжбъ, которыми могла бы
Преслѣдовать тебя твоя родня
Изъ зависти. Дочь друга моего
Найдетъ себѣ тогда супруга ближе
Къ своимъ годамъ, но любящаго столько жъ
Ее, какъ я.

анджіолина,

Напрасно! выборъ мой
Основанъ мною былъ на точномъ смыслѣ
Послѣднихъ словъ отца,—и я рѣшилась
Исполнить честно долгъ мой въ отношеніи
Того, кому была обручена.
Ни разу честолюбие не смущало
Мои мечты и если бы пришелъ
Тотъ часъ, который называлъ ты—я дѣломъ
Умѣла бъ доказать мои слова.

дожъ.

Тебѣ вполнѣ я вѣрю. Вѣдь, любви
Горячей и порывистой, какую
Считалъ всегда мечтой я даже въ лѣта,
Когда еще былъ мслодъ, и ни разу
Не видывалъ примѣровъ, чтобъ она
Была прочна, несчастна жъ очень часто—
Такой любви я даже не желаю
И даже бы не принялъ, если бъ мнѣ
Ее и предложила! Но любить
Со скромностью, предупреждать твои
Священныя желанья, наслаждаться
Твоею добродѣтелью, смотрѣть
Сквозъ пальцы на невинныя утѣхи,
Къ которымъ склонна молодость, умѣя
Остановить излишекъ ихъ не съ сердцемъ,
Но съ кротостью, чтобъ ты могла подумать,
Что будто образумилась сама;
Не столько наслаждаться обладаньемъ
Твоею красотой—какъ честнымъ сердцемъ;
Любить тебя и вѣрить, какъ отецъ,
Не какъ любовникъ пылкій; быть тебѣ
Достойнымъ, вѣрнымъ другомъ—вотъ чего
Всегда я добивался и ласкалъ
Надеждой получить.

анджіолина.

Тобою это
Достигнуто вполнѣ.

дожъ.

Я вѣрю твердо.
Ты знала, выбирая разстоянье,
Какое раздѣляло насъ въ годахъ—
И все же избрала меня. Я вѣрилъ
Не въ то, что ты могла увлечься видомъ

Моимъ или рядомъ качествъ: въ нихъ не
вѣрилъ

Я даже въ ранней юности; но мнѣ
Была порукой кровь! та кровь, какая
Текла въ тебѣ—кровь друга Лоредано!
Я довѣрялъ душѣ твоей и правдѣ,
Въ которой воспиталъ тебя отецъ!
Въ твою я вѣрилъ набожность и въ свойство
Прекраснаго характера, въ твои
Понятія о правдѣ и о чести!

анджіолина.

И ты былъ правъ! Я вѣчно благодарна
Тебѣ за эту вѣру и всегда мнѣ
Ты будешь тѣмъ дороже.

дожъ.

Тамъ, гдѣ вѣра
Спокойна и тверда—союзъ супруговъ
Останется незыблемой скалою;
Гдѣ жъ нѣтъ ея, гдѣ мысли суеты
Прельщаютъ сердце блескомъ удовольствій
Иль чувственныхъ желаній—тамъ, повѣрь,
Напрасны будутъ поиски за счастьемъ
Иль честностью: ея слѣда не сыщешь
Въ испорченной крови, хотя бы даже
Союзъ былъ заключенъ нашъ съ тѣмъ, кого
Мы любимъ всей душой, и будь онъ даже
Не хуже красотой, чѣмъ богъ поэтовъ,
Съ его антично-мраморнымъ величьемъ,
Иль самъ Алкидъ—чья доблесть превзошла
Все, что дано достигнуть человѣку
Здѣсь, на землѣ. Навѣкъ тамъ счастья нѣтъ,
Гдѣ нѣту добродѣтелей: его
Поддерживаетъ только постоянство.
Порокъ всегда измѣнчивъ; добродѣтель,
Напротивъ, постоянна. Разъ упавъ,
Вамъ, женщинамъ, нельзя уже подняться:
Пороку надобно разнообразье.
Добро одно сіяетъ ровнымъ свѣтомъ,
Какъ солнце въ небесахъ, и все кругомъ
Въ его лучахъ находитъ свѣтъ и счастье!

анджіолина.

Такъ почему жъ, когда тебѣ такъ ясны
Людскіе нравъ и сердце, позволяешь
Себѣ ты увлекаться самому
Порывомъ яркой страсти, безпокою
Себя ничтожной личностью какъ этотъ
Презрѣнный Стено?

дожъ.

Ты ошиблась! Стено
Не могъ бы разсердить меня такъ сильно.
А если бъ это было такъ, то онъ
Навѣрно бы... Но, впрочемъ, что объ этомъ
Намъ говорить!

анджіолина.

Что жъ сердить такъ глубоко
Тебя теперь?

Spofe antiche.



СТАРАЯ ВЕНЕЦІЯ (XIII—XIV в.).

ЗНАТНАЯ ДАМА.

(Из *Caesare Vecellio, Habiti Antichi e Moderni, Венеція 1589*).

дожъ.

Величье государства,
Униженное въ личности его
Главы и герцога.

анджіолина.

Но почему же хочешь
Ты такъ смотрѣть на это?

дожъ.

Эта мысль
Преслѣдуетъ меня! Возвремся, впрочемъ,
Къ предмету прежней рѣчи. Взвѣсивъ все,
Что я сказалъ, рѣшился заключить я
Съ тобою узы брака. Свѣтъ одобрилъ
Поступокъ мой вполнѣ; мой образъ дѣйствій
Всѣмъ доказалъ, что я былъ правъ; твои же
Достоинства превысили всѣ мѣры
Похвалъ и уваженья. Ты владѣла
Вполнѣ моимъ довѣрьемъ и любовью

Моихъ всѣхъ близкихъ; предоставилъ я
Во всемъ тебѣ свободу. Дочь семьи,
Немало давшей герцоговъ отчизнѣ
И свергнувшей съ престоловъ многихъ
принцевъ

Чужихъ земель, ты заняла достойный,
Высокій постъ среди всѣхъ прочихъ женщинъ
Венеціи.

анджіолина.

Къ чему ведешь ты рѣчь?

дожъ.

Къ тому, что все исчезло это прахомъ
Предъ гнуснымъ, дерзкимъ словомъ наглеца.
Тотъ негодяй, котораго я долженъ
Былъ выгнать со стыдомъ изъ залы пира,
Чтобъ научить, какъ слѣдуетъ вести
Себя въ покояхъ герцога, оставилъ
Зловредный ядъ, излившійся изъ сердца,

Наполненного желчью—и зараза
Его проникла всюду! Добродѣтель
Невинной, чистой женщины и честь
Ей преданнаго мужа отдаются
Въ насмѣшку всѣмъ, а дерзкій оскорбитель
(Уже виновный разъ въ такомъ же гнусномъ,
Безстыдномъ дѣлѣ тѣмъ, что оскорбилъ
Публично дамъ изъ свиты герцогини)
Отмститъ теперь за то, что онъ былъ выгнанъ,
Злословьемъ на супругу государя,
И будетъ вновь оправданъ гнусной шайкой
Своихъ товарищей.

анджіолина.

Но онъ, вѣдь, будетъ
Наказанъ заключеньемъ.

дожъ.

Заключенье

Такимъ, какъ онъ—ничто! онъ проведетъ
Смѣшной арестъ свой во дворцѣ. Но,
впрочемъ,
О немъ довольно! Я хочу заняться
Теперь тобой.

анджіолина.

Мной?

дожъ.

Да, Анджіолина!

И ты не удивляйся. Я хотѣлъ,
Насколько могъ, отсрочить объясненье,
Но чувствую, что жизнь моя не можетъ
Продлиться очень долго, между тѣмъ,
Мнѣ надо посвятить тебя въ рѣшенье,
Которое касается тебя.
Возьми бумагу эту и прочти
Ее потомъ. Не бойся! Все, что въ ней
Написано—ведетъ къ твоей лишь пользѣ.

анджіолина.

Я буду уважать тебя равно
При жизни и по смерти, но молю
Создателя, чтобъ онъ тебѣ послалъ
Въ грядущемъ дни счастливѣй настоящихъ.
Богъ дастъ, ты успокоишься и будешь
Опять здоровъ и веселъ, какъ бывало.

дожъ.

Я буду, чѣмъ я долженъ быть: иначе
Не стоитъ быть ничѣмъ! Но никогда,
Нѣтъ, никогда не обрѣтетъ Фальеро
Въ теченіе ничтожнаго остатка
Своихъ преклонныхъ лѣтъ довольства мира!
Святая тѣнь покоя и забвенья
Не осѣнитъ послѣднихъ тихихъ дней
Когда-то славной жизни и не сгладитъ
Отхода къ вѣчной ночи! Мнѣ не много
Осталось ужъ надеждъ. Все, что хочу я
И требую—лишь сводится къ желанью,

Чтобъ мнѣ не отказали въ уваженіи
Къ моимъ трудамъ и крови, пролитой
За родину. Я былъ ея слуга—
Слуга, хотя и герцогъ—и желаю
Теперь лишь отойти къ моимъ отцамъ
Съ такимъ же чистымъ именемъ, какое
Они носили всѣ. Но въ этомъ мнѣ
Отказано. О! для чего не умеръ
Я подъ стѣнами Зары!

анджіолина.

Ты спасалъ

Тогда свою отчизну—такъ живи же
На славу ей и нынче. День, подобный
Тому, который вспомнилъ ты, отмститъ
Всего славнѣй врагамъ твоимъ.

дожъ.

Подобный

Великій день бываетъ въ жизни разъ—
Не болѣе, а жизнь моя подходитъ
Уже къ концу. Я благодаренъ року
Ужъ и за то, что онъ послалъ мнѣ счастье,
Котораго пытаются напрасно
Достичъ немало гражданъ, одаренныхъ
Немалымъ благомъ въ прочемъ. Но теперь
Не стоитъ толковать о томъ! Отчизна
Забываема этотъ день—такъ для чего же
Я стану вспоминать о немъ? Прощай,
Мой добрый другъ! Я долженъ удалиться
Теперь къ себѣ. Часы бѣгутъ, а мнѣ
Немало предстоитъ еще работы.

анджіолина.

Не забывай, чѣмъ былъ ты въ славномъ
прошломъ.

дожъ.

А для чего? Воспоминанье счастья
Утѣхи не даетъ, а память горя
Терзаетъ насъ и послѣ.

анджіолина.

Отдохни же,

Прошу тебя, хоть нѣсколько. Оставь
Обычныя занятія! Сонъ твой былъ
Такъ страненъ и тревоженъ въ это время,
Что я не разъ собиралась разбудить
Тебя отъ смутныхъ грезъ, и лишь надежда
На то, что мать-природа, наконецъ,
Осилитъ рой тревогъ твоихъ—мѣшала
Исполнить мнѣ намѣренье. Покой
На часъ или два придастъ тебѣ опять
И бодрости и силъ.

дожъ.

Я не могу

Теперь забыться сномъ, да и не долженъ,
Когда бы могъ. Ни разу въ цѣлой жизни
Мнѣ не были такъ нужны осторожность



СТАРАЯ ВЕНЕЦІЯ (XIII—XIV в.).

ЗНАТНЫЙ ЮНОША.

(Из *Caesare Vecellio, Habiti Antichi e Moderni, Венеція 1589*).

И бдительность. Но протекутъ еще
Пять-шесть дурныхъ ночей—и я засну
Спокойнымъ сномъ: какимъ—не знаю!

Впрочемъ,

Что будетъ—будь! Прощай, Анджіолина!

анджіолина.

Позволь пребыть съ тобой мнѣ хоть минуту!
Одну всего! Я не могу оставить
Тебя въ такой тревогѣ.

дожъ.

Подойди же

Ко мнѣ, мое дитя! Прости мнѣ!—ты
Могла бы ждать счастливѣйшаго жребья,
Чѣмъ тотъ, который данъ тебѣ объ руку
Сомной, чья жизнь ужъ близится къ концу,
Къ долину той, гдѣ царствуетъ въ своемъ
Покровѣ мрачномъ смерть. Когда меня
Не будетъ въ этомъ мірѣ... А погибнуть

Могу я даже раньше, чѣмъ того
Потребуютъ года мои, когда лишь
Мы примемъ во вниманье то волненье,
Которое господствуетъ теперь
Въ Венеціи и можетъ населить
Быстрѣй ея кладбища, чѣмъ бы это
Исполнили моръ или мечъ. Итакъ—
Я повторю—когда отъ человѣка,
Какимъ я прежде былъ, не будетъ больше
Въ остаткѣ ничего, то я хотѣлъ бы,
Чтобъ съ нѣжныхъ устъ твоихъ тогда
срывалось

Порой воспоминаніе о томъ,
Кто жаждетъ отъ тебя не слезъ печали,
Но только доброй памяти. Однако,
Пора, мой другъ! Идемъ, дѣла не ждутъ.

(Уходитъ).

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ ВАЙРОНА.

ВТОРАЯ СЦЕНА.

Уединенное мѣсто близъ арсенала.

Входятъ Израэль Бертуччіо и Филиппо
Календаро.

КАЛЕНДАРО.

Ну, что жъ, добился ты рѣшенья дѣла?

ИЗРАЭЛЬ БЕРТУЧЧІО.

О, да! вполне!

КАЛЕНДАРО.

Возможно ль? Твой обидчикъ
Потерпитъ наказанье?

ИЗРАЭЛЬ БЕРТУЧЧІО.

Да.

КАЛЕНДАРО.

Какое?

Тюрьму иль пеню?

ИЗРАЭЛЬ БЕРТУЧЧІО.

Смерть.

КАЛЕНДАРО.

Да ты рехнулся!

Иль, можетъ быть, рѣшился отомстить
Ему своей рукой, какъ это я
Совѣтовалъ тебѣ и прежде?

ИЗРАЭЛЬ БЕРТУЧЧІО.

То-есть

Продать за мигъ одинъ ничтожной мести
Давно уже затѣянную мысль—
Отомстить за всю Венецію? Смѣнить
Надежду на изгнанье? Раздавить
Пятою скорпіона, что ужалилъ
Меня лишь одного, оставивъ сотню
Другихъ, не меньше вредныхъ? Жалить

братьевъ

И преданныхъ друзей? Нѣтъ, Календаро!
Та кровь, что пролилъ братъ мой, будетъ

точно

Искуплена такой же кровью, только
Не онъ одинъ прольетъ ее! Убить
Кого-нибудь изъ личной мести можно
Въ припадкѣ ярой злости; но не такъ
Приступитъ къ дѣлу тотъ, кто далъ обѣтъ
Возстать на тиранію!

КАЛЕНДАРО.

Ты, однако,

Я вижу терпѣливѣе, чѣмъ я.
Будь я съ тобой, какъ онъ тебя ударилъ,
Я просто бы убилъ его иль умеръ
На мѣстѣ-самъ въ безсиліи сорвать
На немъ мой гнѣвъ.

ИЗРАЭЛЬ БЕРТУЧЧІО.

Ну, значить, слава Богу,

Что ты при этомъ не былъ. Гнѣвъ твой только
Испортить бы все дѣло, а теперь
Оно еще недурно.

КАЛЕНДАРО.

Говорилъ ты

Объ этомъ дѣлѣ съ дожемъ? Что сказалъ онъ
Тебѣ въ отвѣтъ?

ИЗРАЭЛЬ БЕРТУЧЧІО.

Что людямъ, какъ Барбаро,
Нѣтъ кары, ихъ достойной.

КАЛЕНДАРО.

Я объ этомъ
Твердилъ тебѣ и прежде. Не отъ нихъ
Ждать можно правосудья.

ИЗРАЭЛЬ БЕРТУЧЧІО.

Я успѣлъ,
Принесши эту жалобу, отвлечь
По крайней мѣрѣ общее вниманье,
Которое навлекъ бы на себя,
Снеся обиду молча. Каждый сбиръ
Сталъ слѣдовать за мной бы по пятамъ,
Задавшись тою мыслью, что, конечно,
Я мстить хочу въ тиши навѣрняка.

КАЛЕНДАРО.

Зачѣмъ не обратился ты къ Совѣту?
Вѣдь, дожъ пустая кукла. Онъ не могъ
Добиться правды даже для себя,—
Такъ что и говорить съ нимъ?

ИЗРАЭЛЬ БЕРТУЧЧІО.

Я скажу

Тебѣ объ этомъ послѣ.

КАЛЕНДАРО.

По какой же

Причинѣ не теперь?

ИЗРАЭЛЬ БЕРТУЧЧІО.

Помедли только

До полночи. Теперь же собери
Своихъ друзей и дай имъ знать, чтобъ были
Готовыми. Урочный часъ пробьетъ,
Быть можетъ, очень скоро. Долго ждали
Мы радостной минуты—и она,
Какъ кажется, должна прійти съ разсвѣтомъ.
Откладывать рѣшенье дольше—было бъ
Опасно намъ вдвойнѣ. Смотри, чтобъ всѣ
Сошлись на сборномъ мѣстѣ и съ оружіемъ.
Шестнадцать пусть останутся при войскѣ
И ждутъ сигнала.

КАЛЕНДАРО.

Вотъ слова, что могутъ
Влить снова въ душу жизнь! А то ужъ мнѣ
Наскучили всѣ эти проволоочки
И глупыя сомнѣнья. День за днемъ
Бѣжить давно напрасно, и при каждомъ

Donzella da Marito.



СТАРАЯ ВЕНЕЦІЯ (XIII—XIV в.).
МОЛОДАЯ ДѢВУШКА.

(Изъ *Caesare Vecellio, Habiti Antichi e Moderni, Венеція 1589*).

Куемъ себѣ мы новое кольцо
Для цѣпи бѣдствій нашихъ, подвергая
Несчастьямъ нашихъ братьевъ и давая
Своимъ врагамъ сознанье новой силы.
Пора сцѣпиться съ ними, что бѣ ни вышло
Изъ этого! Будь смерть то иль свобода—
Я все равно обѣимъ буду радъ.

ИЗРАЭЛЬ ВЕРТУЧЧІО.

Мы будемъ одинаково свободны
И въ жизни, и въ могилѣ: въ гробѣ нѣтъ
Цѣпей и узъ. Готова ль у тебя
Записка съ именами и дошло ли
Число друзей шестнадцати отрядовъ
До полного комплекта въ шестьдесятъ?

КАЛЕНДАРО.

Оно неполно только въ двухъ, гдѣ меньше
На двадцать пять товарищей.

ИЗРАЭЛЬ ВЕРТУЧЧІО.

Ну, это

Бездѣлица; мы можемъ обойтись
Легко безъ нихъ. А чьи это отряды?

КАЛЕНДАРО.

Бертрама и Соранцо. Оба мнѣ
Они, признаться, кажутся далеко
Не такъ глубоко преданными дѣлу,
Какъ вы и я.

ИЗРАЭЛЬ ВЕРТУЧЧІО.

Горячій нравъ твой склоненъ
Всегда считать холодными людей,
Умѣющихъ удерживать порывы
Своихъ намѣреній. Но знай, что часто
Таится въ людяхъ, замкнутыхъ по виду,
Гораздо больше смѣлости, чѣмъ въ самыхъ
Горячихъ крикунахъ; а потому
Не бойся понапрасну.

КАЛЕНДАРО.

За Соранцо

Я не боюсь; онъ старъ и смѣлъ; Бертрамъ же
Нерѣдко обнаруживалъ задатки

Чувствительности сердца, что всего
Опаснѣй для подобныхъ предпріятій.
Онъ—видѣлъ я—нерѣдко горько плакалъ
Надъ бѣдствіемъ другихъ, точъ въ точъ
ребенокъ,
Не думая о томъ, что въ то же время
Былъ самъ несчастнѣй вдвое. Разъ, при
дракѣ,
Гдѣ былъ побить какой-то негодяй,
Ему, при видѣ крови, стало дурно.

ИЗРАЭЛЬ БЕРТУЧЧІО.

Кто храбръ и смѣлъ, бываетъ часто мягокъ
И съ горестью рѣшается исполнить,
Что требуетъ обязанность. Бертрамъ
Извѣстенъ мнѣ давно, и я не знаю
Кого-либо честнѣй и чище сердцемъ.

КАЛЕНДАРО.

Быть можетъ, это такъ. Да, вѣдь, и я
Боюсь не столько въ немъ прямой измѣны,
Какъ этой лишней слабости. Онъ, впрочемъ,
Мы знаемъ, не женатъ; любовницъ тоже,
Какъ кажется, не любить—значить, трудно
Сказать, кто бѣ могъ подѣйствовать на
мягкость

Его души; и потому онъ, вѣрно,
Исполнить долгъ свой съ твердостью. Не-
дурно

И то еще при этомъ, что Бертрамъ
Совсѣмъ бобыль; ему на свѣтѣ близки
Лишь ты да я. А вотъ когда бѣ онъ вздумалъ
Завестъ семью, тогда жена и дѣти
Навѣрное бы сдѣлали его
Ничтожнѣе рѣшимостью, чѣмъ сами.

ИЗРАЭЛЬ БЕРТУЧЧІО.

Такія узы вредны для людей,
Назначенныхъ для высшихъ предпріятій,
Какъ, на примѣръ, очистить государство,
Прогнившее до корня. Мы должны
Забуть на свѣтѣ все, за исключеньемъ
Одной завѣтной мысли: отогнать
Всѣ радости и страсти, кромѣ нашей
Рѣшимости; не думать ни о чемъ,
Какъ только объ отчизнѣ. Смерть должна
Казаться намъ блаженствомъ, если кровь,
Которую прольемъ мы, ниспадетъ
На родину желанною свободой.

КАЛЕНДАРО.

А если не удастся?

ИЗРАЭЛЬ БЕРТУЧЧІО.

Неудача

Немыслима въ дѣлахъ, когда за нихъ
Пролита кровь. Пусть оросится плаха,
Пусть солнца зной иссушитъ наши трупы,
Пускай прибиты будутъ наши члены

Къ воротамъ и стѣнамъ,—нашъ духъ при
этомъ

Останется въ живыхъ! Пройдутъ года,
Другія жертвы лягутъ вслѣдъ за нами,
Но каждая изъ нихъ намѣтитъ глубже
Своею смертью радостную вѣсть
О томъ, что свѣтъ когда-нибудь достигнетъ
Желаемой свободы—вѣсть, которой
Нельзя противостать. Чѣмъ были бѣ мы,
Когда бы не жилъ Брутъ? Своею смертью
Онъ далъ свободу Риму и оставилъ
Безсмертный намъ урокъ! Такое имя
Само ужъ добродѣтели! Духъ подобныхъ
Людей, какъ онъ, умножится по смерти
И вновь воспрянетъ тамъ, гдѣ сонмъ ти-
рановъ

Гнететъ людей, а государство гибнетъ
Въ цѣпяхъ тяжелыхъ рабства. Брутъ съ его
Достойнымъ, вѣрнымъ другомъ получили
Названіе послѣднихъ славныхъ римлянъ:
Такъ пусть же насъ почтутъ названьемъ
первыхъ

Венеціанъ, потомковъ римскихъ предковъ!

КАЛЕНДАРО.

Коль скоро предки наши отступили
Предъ полчищемъ Атиллы, удалясь
На эти острова, гдѣ рядъ дворцовъ
Возникъ изъ волнъ, отторгнутыхъ у моря,
То это не затѣмъ, чтобы смѣнить
Власть одного на тираннію многихъ.
По моему, ужъ лучше было прямо
Признать царемъ татарина, чѣмъ этихъ
Кичливыхъ шелковичныхъ червяковъ!
Тотъ былъ хоть человекъ и сдѣлалъ скуп-
тромъ

Свой грозный мечъ, тогда какъ эти бабы
Успѣли, точно помощью какихъ то
Проклятыхъ чаръ, забрать и насъ и наши
Мечи себѣ во власть, повелѣвая
Надъ всѣми нами словомъ.

ИЗРАЭЛЬ БЕРТУЧЧІО.

Эта власть

Окончится—и скоро! Ты сказалъ,
Что все уже готово. Нынче я
Не могъ ходить, какъ принято, дозоромъ—
Ты знаешь почему, но долгъ мой былъ
Тобой исполненъ лучше. Приказанье
Совѣта Сорока начать немедленно
Оснастку всѣхъ галеръ намъ послужило
Отличнѣйшимъ предлогомъ, чтобы ввести
Своихъ друзей въ ворота арсенала,
Одѣвъ ихъ въ платья плотниковъ, матросовъ
И прочихъ лицъ, потребныхъ для работы.
Снабдили ль ихъ оружіемъ?

КАЛЕНДАРО.

Только тѣхъ,

Altra Donzella.



СТАРАЯ ВЕНЕЦІЯ (XIII—XIV в.).

МОЛОДАЯ ДѢВУШКА.

(Изъ *Caesare Vecellio, Habiti Antichi e Moderni, Венеція 1589*).

Которые надёжны. Между ними
Немало есть такихъ, которыхъ лучше
Держать пока въ невѣдѣннѣ и дать
Оружье имъ въ минуту самой схватки:
Тогда они не стануть разсуждать—
И волею-неволею пристануть
Къ толпѣ другихъ.

ИЗРАЭЛЬ ВЕРТУЧЧІО.

Придуманно недурно.
Ты знаешь всѣхъ такихъ?

КАЛЕНДАРО.

Я записаль
Извѣстныхъ мнѣ, за остальными жъ строго
Велѣль слѣдить начальникамъ, съ при-
казомъ

Держать въ такомъ невѣдѣннѣ и ихъ.
Насколько могъ судить я, мы имѣемъ
Всѣ данныя успѣха, если даже
Начать возстанье завтра; но за-то

До той поры не можемъ мы провести
Спокойно ни минуты.

ИЗРАЭЛЬ ВЕРТУЧЧІО.

Пусть шестнадцать
Начальниковъ придуть въ извѣстный часъ
Въ назначенное мѣсто. Николетто,
Соранцо и Джіуда сохранять
Посты при арсеналѣ, чтобы быть
Въ готовности по первому сигналу.

КАЛЕНДАРО.

Исполнимъ все, какъ должно,

ИЗРАЭЛЬ ВЕРТУЧЧІО.

Остальные жъ
Пускай придуть, какъ сказано, сюда:
Я имъ хочу представить новобранца.

КАЛЕНДАРО.

Сказаль ты: новобранца! Значить тайна
Ему уже извѣстна?

ИЗРАЭЛЬ ВЕРТУЧЧІО.

Да!

КАЛЕНДАРО.

И ты

Рѣшился такъ подвергнуть всѣхъ друзей
Опасности, довѣривъ незнакомцу
Завѣтный нашъ секретъ?

ИЗРАЭЛЬ БЕРТУЧЧИО.

Я подвергалъ

Опасности при этомъ лишь себя!
Будь въ этомъ убѣжденъ! Мой новобранецъ
Изъ тѣхъ людей, чья помощь можетъ сдѣ-
лать

Успѣхъ вѣрнѣйшимъ вдвое. Если жъ онъ
Откажется, то будетъ въ нашей власти,
И мы его не выпустимъ. Къ тому же
Онъ явится одинъ. Да, впрочемъ, я
Увѣренъ въ немъ вполне.

КАЛЕНДАРО.

Я не могу

Судить о немъ, не видѣвши. Скажи мнѣ,
Онъ нашего сословья?

ИЗРАЭЛЬ БЕРТУЧЧИО.

Да, по духу,

Хотя породой знатенъ. Онъ изъ тѣхъ,
Которые способны овладѣть
Престоломъ или разбить его. Онъ много
Свершилъ великихъ дѣлъ и много видѣлъ
Превратностей на свѣтѣ. Не тиранъ,
Хотя и могъ имъ стать по воспитанью
Храбръ на войнѣ и мудръ въ дѣлахъ совѣта;
Высокъ душой, хотя и гордъ; поспѣшенъ
Во всѣхъ дѣлахъ, но также остороженъ.
Онъ страстенъ въ увлеченьяхъ, и когда
Задѣтъ въ своихъ нѣжнѣйшихъ упованьяхъ,
Какъ это было нынче, то едва ли
Отыщется такой примѣръ во всей
Исторіи Эллады, чтобы злоба
И жажда мстить впились кому-нибудь
Такъ жадно въ грудь калеными когтями,
Покуда месть, затѣянная имъ,
Не будетъ свершена. Прибавь къ тому,
Что онъ свободомыслящъ, плачетъ горько
Надъ бѣдствіемъ народа и страдаетъ
Его страданіемъ самъ. Онъ, словомъ, всѣмъ
Сподрученъ намъ, какъ мы сподручны сами
Во всемъ ему.

КАЛЕНДАРО.

Какую жъ хочешь ты

Ему назначить должность въ нашемъ дѣлѣ?

ИЗРАЭЛЬ БЕРТУЧЧИО.

Быть можетъ, постъ вождя.

КАЛЕНДАРО.

Какъ! устранивъ

Себя отъ этой чести?

ИЗРАЭЛЬ БЕРТУЧЧИО.

Безъ сомнѣнья!

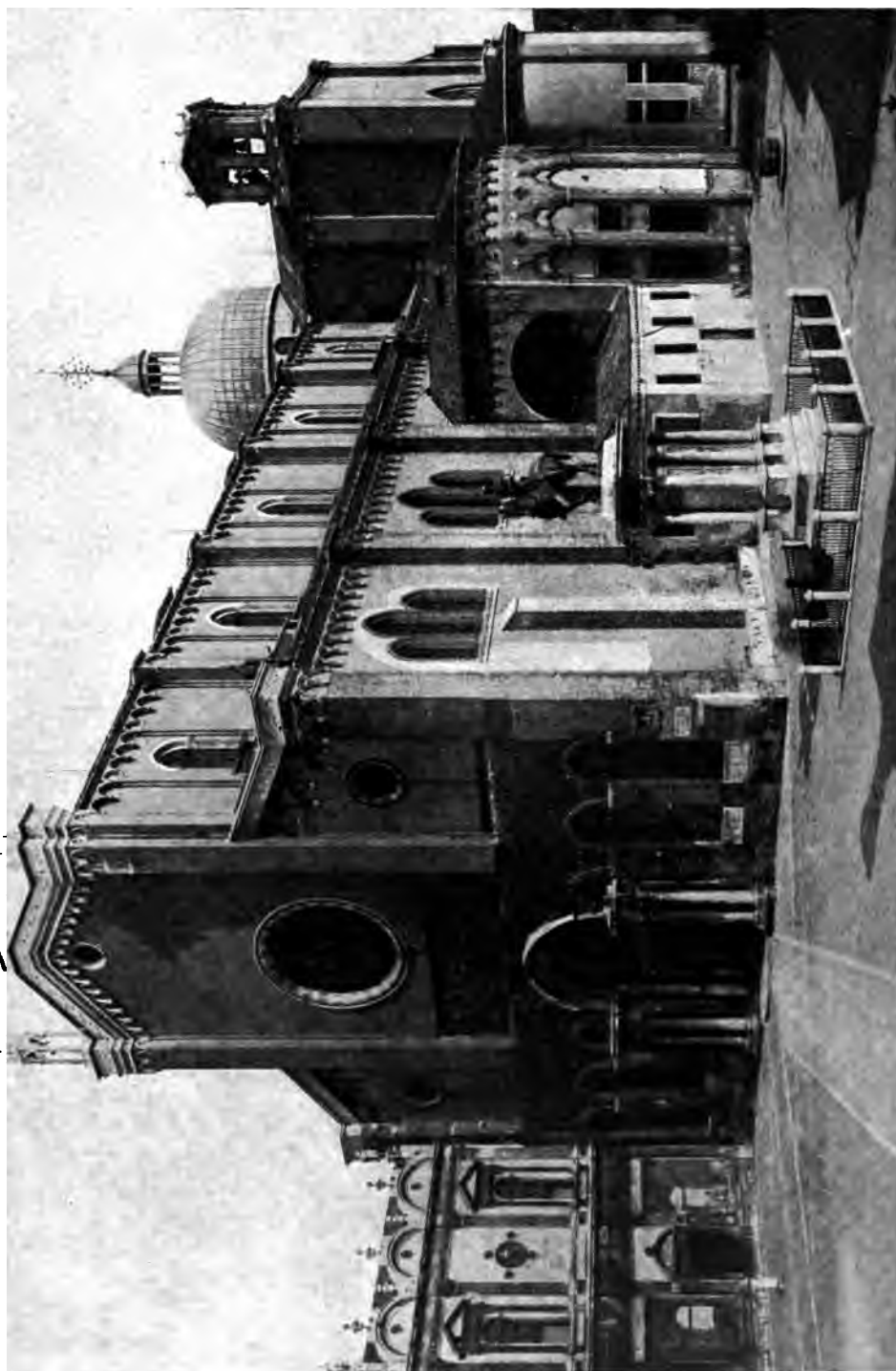
Я жажду лишь успѣшнаго конца
Затѣянному дѣлу и далеку
Отъ мысли властолюбыя. Ваша воля
И кой-какая опытность въ дѣлахъ
Заставили меня принять покамѣстъ
Начальство въ предпріятіи; но коль скоро
Явился вождь достойнѣйшій—я долженъ
Сдать постъ ему. Ужели могъ ты думать,
Что если я дѣйствительно сыскалъ
Достойнаго—въ чемъ, твердо вѣрю я,
Сознаетесь вы сами,—то позволю
Себѣ поколебаться хоть минуту
Пожертвовать всеобщимъ благомъ, ради
Своихъ минутныхъ выгодъ, отказавшись
Признать главой его? Нѣтъ, Календаро,
Я лучше, чѣмъ ты думаешь! Вы, впрочемъ,
Рѣшите это сами! А теперь
Пора итти, чтобъ встрѣтиться опять
Въ урочный часъ. Будь только остороженъ,
И все пойдетъ, увидишь, хорошо.

КАЛЕНДАРО.

О, честный нашъ Бертуччио! Я зналъ
Тебя всегда исполненнымъ достоинствъ
И мужества. Все то, что ты ни скажешь,
Я радъ исполнить свято, но, повѣрь,
Что самъ бы не желалъ себѣ иного
Вождя, чѣмъ ты. Пускай рѣшаютъ, впро-
чемъ,

Другіе это дѣло. Я жъ всегда
Тебѣ останусь преданнымъ во всемъ,
Что бъ ты ни вздумалъ сдѣлать. До сви-
данья,

И будемъ ждать рѣшенной встрѣчи въ ночь.



ЦЕРКОВЪ САНЪ-ДЖИОВАНИ е ПАОЛО ВЪ ВЕНЕЦИИ.
(Chiesa dei SS. Giovanni e Paolo, Venezia).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА I.

Площадка между каналомъ и церковью Сантъ-Джованни е Паоло. На сценѣ конная статуя. Въ пѣкоторомъ разстояніи на каналѣ привязана гондола.

Входитъ дождь переодѣтый.

дождь.

Явился я до срока. Грозный часъ,
Готовый прогнѣтъ во мракъ ночи,
И потрясти въ основахъ мраморъ стѣнъ,
Еще не наступилъ. Жильцы палатъ
Лежатъ въ тревожномъ снѣ, какъ будто чуя,
Что ждетъ ихъ впереди. Пора очистить
Тебя, надменный городъ отъ потоковъ
Твоей нечистой крови, обратившей
Тебя въ притонъ тирановъ.—Предназначенъ
Судьбой на это я! Самъ не пытался
Я сдѣлать это прежде и жестоко
За это былъ наказанъ: власть твоихъ
Патриціевъ, развившись, какъ чума,
Заставила внезапно содрогнуться
Меня въ моемъ покоѣ. Ядъ заразы
Присталъ ко мнѣ, и я обязанъ смыть
Его цѣлебной влагой.

(Обращаясь къ церкви).

Славный храмъ,

Гдѣ спятъ мои отцы, гдѣ изваянья
Ихъ доблестныхъ фигуръ кидаютъ тѣнь
На грудь земли, лежащей между нами
И мертвыми, гдѣ ихъ сердца, когда-то
Кипѣвшія горячей кровью, нынѣ
Не болѣе какъ горсть простой земли,
Оставшейся отъ тѣхъ людей, что были
Героями! Великій храмъ святыхъ,
Хранящихъ славный родъ нашъ! ты, въ

стѣнахъ

Котораго схороненъ прахъ двухъ дождей,
Предшествовавшихъ мнѣ, отдавшихъ жизнь
Свою за благо родины: одинъ
Среди трудовъ на пользу ей, другой же
На полъ бранной чести! храмъ, гдѣ спитъ
Такъ много мудрыхъ, доблестныхъ и храб-

рыхъ,

Оставившихъ мнѣ славное наслѣдство
Трудовъ своихъ и ранъ—открой теперь
На мигъ твои гробницы! допусти,
Чтобъ мертвые, возставъ изъ нихъ, сошлись,
Вперивъ въ меня свой взоръ! Я ихъ зову

Въ свидѣтели, равно какъ и тебя,
Священный храмъ, что если я затѣялъ
Задуманное дѣло, то затѣмъ лишь,
Чтобъ отомстить позоръ ихъ славной крови,
Ихъ погранныхъ гербовъ и ихъ именъ
Такъ низко обезчещенныхъ не мною,
Хоть и во мнѣ, презрѣнной этой шайкой
Патриціевъ, въ чью пользу проливали
Мы кровь свою, и сдѣлали изъ равныхъ
Своими господами! Обращаюсь
Къ тебѣ я, Орделафо! Ты, погибшій
На томъ же полѣ Зары, гдѣ потомъ
Я одержалъ побѣду! Неужели
Принесъ я въ жертву мести кровь враговъ
Венеціи за смерть твою, чтобъ быть
Такъ дурно награжденнымъ! Ободрите
Меня улыбкой, тѣни! Мой успѣхъ
Равно вѣдь вашъ успѣхъ, когда вы только
Еще способны чувствовать земное.
Значенье ваше, слава, имя—все
Поставлено на ставку здѣсь со мною
На зрѣлище потомкамъ! Если только
Удастся мнѣ—я сдѣлаю отчизну
Свободной и безсмертной: нашъ же родъ
Поставлю такъ высоко, какъ ни разу
Онъ не стоялъ ни прежде ни теперь.

Входитъ Израэль Бертуччіо.

ИЗРАЭЛЬ БЕРТУЧЧІО.

Ей, кто тутъ?

дождь.

Другъ Венеціи!

ИЗРАЭЛЬ БЕРТУЧЧІО.

Онъ точно.

Я васъ узналъ по голосу, синьоръ.
Пришли вы раньше срока.

дождь.

Я готовъ

Отправиться на мѣсто совѣщанья.

ИЗРАЭЛЬ БЕРТУЧЧІО.

Сердечно радъ. Мнѣ лестно видѣть въ васъ
Подобную готовность. Значитъ, ваши
Сомнѣнія съ послѣдней нашей встрѣчи
Исчезли безъ слѣда?

дождь.

Не въ этомъ дѣло!

Я радъ пустить въ игру остатокъ дней,
Сужденныхъ мнѣ прожить. Мой жребій былъ
Рѣшенъ уже тогда, когда склонилъ я
Мой слухъ къ рѣчамъ измѣны. Не пугайся!
Я назвалъ дѣло прямо. Мой языкъ
Не можетъ скрыть подъ мягкой болтовней
Гнуснѣйшаго изъ дѣлъ, хотя я самъ
Иду его свершить. Я сталъ виновнымъ
Въ тотъ самый мигъ, когда, услышавъ рѣчи,
Которыми пытался ты склонить
Меня на это дѣло, не отправилъ
Тебя сейчасъ въ тюрьму. Ты можешь сдѣ-
лать

Теперь со мною то же, если хочешь.

ИЗРАЭЛЬ БЕРТУЧЧИО.

Синьоръ, какія рѣчи! Чѣмъ я могъ
Ихъ заслужить? Я не бывалъ шпиономъ
И мы здѣсь не измѣнники.

дожъ.

Мы! Мы!

Но, впрочемъ, все равно: теперь ты вправъ
Равнять съ собой меня! Скорѣй же къ дѣлу.
Когда оно удастся, и сыны
Венеціи, обрѣтшей вновь свободу,
Придутъ когда-нибудь почтить могилы
Спасителей отчизны, чтобъ осыпать
Рученками дѣтей гробницы наши
Дождемъ цвѣтовъ, тогда лишь только будетъ
Оправданъ нашъ поступокъ и страницы
Исторіи поставятъ наше имя
Въ ряду двухъ славныхъ Брутовъ; если жъ
намъ,

Напротивъ, не удастся, то повѣрь,
Что рядъ кровавыхъ средствъ и тайныхъ
кововъ.

Хотя при доброй цѣли, заклеимъ
Насъ именемъ измѣнниковъ. Да, честный
И добрый Израэль! ты здѣсь измѣнникъ,
Равно какъ тотъ, кто прежде былъ твоимъ
Властителемъ, теперь же только твой
Собратъ по преступленью.

ИЗРАЭЛЬ БЕРТУЧЧИО.

Намъ не время

Объ этомъ разсуждать—иначе зналъ бы
Я, что сказать въ отвѣтъ. Пора итти—
И мы, оставшись дольше здѣсь, пожалуй
Дадимъ себя замѣтить.

дожъ.

Мы давно ужъ
Замѣчены! Насъ видятъ и теперь.

ИЗРАЭЛЬ БЕРТУЧЧИО.

Замѣчены! Скажите—кѣмъ? Кинжалъ мой
Всегда при мнѣ.

дожъ.

Не горячись! здѣсь нѣтъ
Людскихъ очей.

(Указывая на статую).

Но погляди туда!
Скажи, что видишь тамъ ты?

ИЗРАЭЛЬ БЕРТУЧЧИО.

Въ лунномъ свѣтѣ
Мелькаетъ предо мной громадный всадникъ
На гордомъ скакунѣ.

дожъ.

Тотъ всадникъ предокъ
Моихъ отцовъ. Его изображенъ
Воздвигла здѣсь Венеція на память
Того, что онъ ее двукратно спасъ
Своей рукой. Такъ можешь ли ты думать,
Что онъ на насъ не смотритъ?

ИЗРАЭЛЬ БЕРТУЧЧИО.

Пустяки!

Обманъ воображенья! Гдѣ жъ глаза
У мрамора?

дожъ.

Но есть глаза у смерти!
Вѣрь мнѣ или нѣтъ, но въ этомъ изваяньи
Сокрыта жизнь безъ тѣла, взоръ безъ глазъ
И мысль безъ выраженъ! Если есть
На свѣтѣ что-нибудь, чѣмъ можетъ мертвый
Быть вызванъ изъ могилы—то всего
Скорѣй подобнымъ дѣломъ, на какое
Теперь съ тобой иду я! Неужели
Ты думаешь, что души славныхъ предковъ
Такой семьи, въ какой родился я,
Останутся въ покоѣ, видя, какъ
Послѣдній ихъ потомокъ затѣваетъ
На чистыхъ ихъ гробницахъ заговоръ,
Братаясь съ низкой чернью?

ИЗРАЭЛЬ БЕРТУЧЧИО.

Это все

Вамъ надо бы обдумать было раньше,
Чѣмъ вы рѣшились твердо приступить
Къ великому союзу. Или вы
Ужъ въ этомъ стали каяться?

дожъ.

О, нѣтъ!

Я только это *чувствую* и буду
Навѣрно долго чувствовать! Возможно ль
Такъ скоро отрѣшиться отъ всего,
Что было благороднѣйшаго въ прежней
Моей протекшей жизни? Такъ унижить
Себя предъ тѣмъ, чѣмъ былъ! Губить
людей

Украдкой, хладнокровно!.. Впрочемъ, будь
На этотъ счетъ спокоенъ! Мысль о томъ,

Что вызвало меня на это дѣло,
Вамъ можетъ быть надежнѣйшей порукой,
Что я останусь вѣренъ. Въ цѣлой вашей
Толпѣ рабочей черни не найдется
Ни одного, кто былъ бы оскорбленъ
Сильнѣй меня и не желалъ такъ жадно
Отмстить врагамъ. Чѣмъ больше ненавижу
Я средство, на какое принужденъ
Теперь пойти для этого, тѣмъ больше
Во мнѣ вскипаетъ злоба на тирановъ.
Меня къ тому приведшихъ, и тѣмъ больше
Я жажду имъ отмстить.

ИЗРАЭЛЬ ВЕРТУЧЧІО.

Пора! Идемте!

Вотъ бьютъ часы!

дожъ.

Впередъ! впередъ! они

Бьютъ смерть иль намъ, иль прежней гну-
сной жизни

Венеци!

ИЗРАЭЛЬ ВЕРТУЧЧІО.

Не лучше ли сказать,

Что этотъ звонъ зоветъ ее къ свободѣ
И торжеству. Впередъ! Путь не великъ.

(Уходятъ).

СЦЕНА II.

Домъ, гдѣ собираются заговорщики.

ДАГОЛИНО, ДОРО, БЕРТРАМЪ, ФЕДЕЛЕ,
ТРЕВИЗАНО, КАЛЕНДАРО, АНТОНИО ДЕЛ-
ЛЕ-БЕНДЕ.

и другіе

КАЛЕНДАРО (входя).

Всѣ здѣсь?

ДАГОЛИНО.

Съ тобою всѣ, за исключеньемъ
Троихъ, стоящихъ на постахъ, а также
Главы всего—Бертуччіо. Впрочемъ, онъ
Придетъ навѣрно скоро.

КАЛЕНДАРО.

Гдѣ Бертрамъ?

БЕРТРАМЪ.

Я здѣсь.

КАЛЕНДАРО.

Скажи, успѣлъ ли ты пополнить
Людей, недостававшихъ у тебя?

БЕРТРАМЪ.

Успѣлъ найти двухъ-трехъ, но не рѣшился

Открыть имъ нашу тайну, не увѣрять
Въ ихъ полной преданности.

КАЛЕНДАРО.

Намъ нѣтъ нужды

Вѣрять имъ что нибудь: никто не знаетъ
Конечной нашей цѣли, кромѣ кучки
Испытанныхъ друзей. Всѣ остальные
Въ полнѣйшемъ убѣжденіи, что все дѣло
Затѣяно самой же Синьоріей,
Чтобъ только наказать пять-шесть кутилъ
Изъ ихъ числа, поднявшихъ слишкомъ
дерзко

Свой носъ противъ закона. Но коль скоро
Успѣемъ мы заставить ихъ возстать
И ихъ мечи попробуютъ, что значить
Кровь двухъ иль трехъ сенаторовъ, то дѣло
Пойдетъ само и дальше, особливо
Когда вожди сѹмѣютъ дать примѣръ
Что должно дѣлать имъ. Что до меня,
Я поручусь имъ дать такой, что сами
Они не захотятъ отстать изъ чувства
Простого молодечества и будутъ
Рубить съ плеча, пока всѣ не погибнутъ.

БЕРТРАМЪ.

Ужель ты хочешь всѣхъ?

КАЛЕНДАРО.

Кого жъ намѣренъ

Ты пощадить?

БЕРТРАМЪ.

Я—пощадить? мнѣ права

На это не дано. Я лишь хотѣлъ
Спросить тебя, ужель среди всей этой
Толпы людей, хотя вполнѣ преступныхъ,
Не сыщется одинъ, чей возрастъ, сердце
Иль качества давали бы ему
Надежду на пощаду?

КАЛЕНДАРО.

Да! какъ мы

Щадимъ куски изрубленной ехидны,
Когда они вертятся на пескѣ
Въ послѣднемъ содраганьи! Вотъ какую
Я радъ имъ дать пощаду! Я скорѣй
Готовъ сберечь змѣѣ одинъ изъ страш-
ныхъ

Ея зубовъ, чѣмъ дать изъ нихъ пощаду
Хоть одному! Они, какъ есть, вѣдь звенья
Одной и той же цѣпи: тѣло, жизнь
Дыханье, горе, радости у нихъ
Одни у всѣхъ. Они тѣснятъ насъ, рѣжутъ
И лгутъ всѣ заодно. Такъ пусть же разомъ
И сгинутъ какъ одинъ!

ДАГОЛИНО.

Оставивъ жизнь
Хоть одному, мы будемъ трепетать



ПАМЯТНИКЪ ГЕНЕРАЛУ КОЛЛЕОНИ НА ПЛОЩАДИ У ЦЕРКВИ С.-ДЖИОВАННИ
Е ПАОЛО.

(Monumento al generale Colleoni).

Всѣденъ Байрономъ съ парижскимъ эрмитажемъ и въ действительности созданъ Вероккьо (Andrea del Verrocchio, 1475 - 1488) болѣе ста лѣтъ послѣ заговора Марино Фальеро.

И передъ нимъ, какъ передъ всѣми. Страшно
Въ нихъ не число, какъ ихъ бы ни считали—
Десятками иль сотнями—бѣда
Въ ихъ чванствѣ и породѣ; вотъ, что надо
Исторгнуть съ корнемъ вонъ. Когда оста-
вишь

У дерева хоть отпрыскъ, онъ пускаетъ
Побѣги вновь и съ зеленью приноситъ
Свой прежній горькій плодъ. Будь потому
Рѣшительнѣй. Бертрамъ!

КАЛЕНДАРО.

Я за тобой
Начну теперь присматривать.

БЕРТРАМЪ.

Кто смѣетъ
Меня подозрѣвать?

КАЛЕНДАРО.

Не я! Когда бы
Тебя подозрѣвалъ я—ты бы не былъ
Теперь средь насъ и не болталъ напрасно
О вѣрности. Ты слишкомъ мягокъ сер-
дцемъ—
Вотъ въ чемъ твой недостатокъ; въ прямо-
душе жъ
Твое я вѣрю твердо.

БЕРТРАМЪ.

Всѣ вы здѣсь
Давно, надѣюсь, знаете, кто я
И чѣмъ способенъ быть. Я вмѣстѣ съ вами
Возстадъ на тираннію, если жъ сердце
Во мнѣ, какъ это знаете вы также,
Иной разъ склонно къ добротѣ, то я
Надѣюсь доказать, что вмѣстѣ съ тѣмъ
Я храбръ и смѣлъ. Ты можешь, Календаро,
Мнѣ въ этомъ быть свидѣтелемъ; когда же
Еще ты усомнишься—я готовъ
На дѣлъ надъ тобою доказать
То, что сказалъ.

КАЛЕНДАРО.

Не надо лучше! Дай лишь
Окончить прежде дѣло: личной ссорой
Ему нельзя мѣшать.

БЕРТРАМЪ.

Я не люблю
Напрасныхъ ссоръ; но если надо встать
Съ врагомъ лицомъ къ лицу, тогда съумѣю
Исполнить это такъ же, какъ и всякій
Изъ тѣхъ, что здѣсь собрались. Какъ иначе
Могли бъ меня назначить быть однимъ
Изъ первыхъ между вами? Но, однако,
Я сознаюсь охотно, что природа
Дала мнѣ мягкій нравъ. Я не могу
Безъ ужаса подумать о всеобщемъ
Убійствѣ безъ разбора. Мысль о крови,

Пролитой на почтенныя сѣдины
Безпомощныхъ людей, не вызываетъ
Во мнѣ понятія доблести. Разить
Людей изъ-за угла не можетъ быть
Въ моихъ глазахъ триумфомъ. Хорошо
Извѣстно мнѣ, что намъ придется сдѣлать
Все это непременно, чтобъ отмстить
Злодѣямъ, чьи дѣла успѣли вызвать
Подобное отмщенье; но когда бы
Нашлось изъ нихъ хоть нѣсколько достой-
ныхъ,

Которыхъ мы могли бы пощадить,
Я радъ бы это сдѣлать въ интересъ
Самихъ себя, чтобъ не сквернить совѣсьмъ
Прекрасной нашей цѣли. Вотъ, что я
Хотѣлъ сказать и, признаюсь, не вижу
Причинъ подозрѣвать меня.

ДАГОЛИНО.

Не бойся,
Любезный другъ Бертрамъ! Подозрѣвать
Тебя никто не думаетъ, но только
Будь твердъ и смѣлъ. Не мы, а наше дѣло
Принудили прибѣгнуть къ этимъ сред-
ствамъ;
Но мы, свершивши все, омоемъ кровь
Въ источникъ свободы.

*Входятъ Израэль Бертуччіо и дожъ
переводный.*

ДАГОЛИНО.

Здравствуй, другъ
Бертуччѣо!

ЗАГОВОРЩИКИ.

Здравствуй, здравствуй! Ты явился
Сегодня позже срока. Кто съ тобой?

КАЛЕНДАРО.

Пора ему назваться. Я сказалъ
Товарищамъ, что ты съ собой сегодня
Приводишь новобранца, и они
Готовы всѣ принять его: такъ твердо
Мы вѣримъ въ то, что избранный тобой
Намъ будетъ всѣмъ по сердцу. Пусть же
онъ

Откроется.

ИЗРАЭЛЬ БЕРТУЧЧІО.

Приблизься, новый братъ.
(*Дождъ откидываетъ плащъ*).

ЗАГОВОРЩИКИ.

Измѣна! Дождъ! Насъ обманули! Смерть
Обоимъ имъ—и подлому Бертуччѣо,
И гнусному тирану!

КАЛЕНДАРО (*обнажая мечъ*).

Стойте всѣ!

Кто тронетъ ихъ—простится тотчасъ съ жизнью.

Я вамъ сказалъ: ни съ мѣста! Или васъ Такъ испугалъ безпомощный старикъ, Пришедшій къ намъ одинъ и безъ оружья? Разсказывай, Бертуччо, что за тайна Здѣсь кроется?

ИЗРАЭЛЬ БЕРТУЧЧИО.

Зачѣмъ ты имъ мѣшаешь? Пускай они убьютъ самихъ себя, Убивши насъ! Ихъ счастье и надежда Вѣдь слиты съ нашей жизнью!

дожъ.

Пусть разятъ!

Я доказалъ своимъ сюда приходомъ, Что не страшна мнѣ смерть ужаснѣй вдвое Чѣмъ та, какой задумали пугать Они меня. О, доблесть безъ примѣра! Дитя родное трусости! Смотрите, Вотъ шайка храбрецовъ, готовыхъ смѣло Зарѣзать старика! И эти люди, Готовые низвергнуть государство, Дрожать, какъ листъ, завидѣвъ одного Патриція! Чего жъ вы ждете? Рѣжьте Меня, когда хотите! Я не стану Препятствовать вамъ въ этомъ. Это ль

люди

Съ великими сердцами, о которыхъ Разсказывалъ Бертуччо? Стоитъ имъ Взглянуть въ лицо!

КАЛЕНДАРО.

Клянусь душой, онъ правъ! Старикъ насъ пристыдилъ. Такая ль вѣра Была у насъ въ Бертуччо, чтобъ въ одну Минуту увлеченья быть готовымъ Убить его и гостя, что привелъ Онъ въ нашъ кружокъ. Оставьте ваши шпаги, И слушаемъ ихъ.

ИЗРАЭЛЬ БЕРТУЧЧИО.

Я не хочу Теперь и говорить. Должны бѣ вы были, Какъ кажется, меня получше знать, Чтобъ допустить такое подозрѣнье Въ измѣнѣ вамъ. Не вы ли сами дали Мнѣ въ руки власть приискивать всѣ мѣры Къ успѣху нашей цѣли; гдѣ жъ примѣръ, Чтобъ я ошибся въ средствахъ? Вы должны бы Понять, что если я рѣшился ввести Кого-нибудь въ нашъ кругъ, то новобранецъ Придетъ по доброй волѣ, чтобы быть Намъ братомъ или жертвой.

дожъ.

Кѣмъ же мнѣ

Придется быть? Приѣмъ вашъ заставляетъ Меня невольно думать, что свободы На выборъ мнѣ не будетъ.

ИЗРАЭЛЬ БЕРТУЧЧИО.

Вѣрьте мнѣ, Достойнѣйшій синьоръ, что если бѣ гибель Постигла васъ, то мы погибли бѣ оба Отъ рукъ безумцевъ этихъ. Но они, Какъ видите, придя въ себя, стыдятся Минуты увлеченья и склоняютъ Ужъ головы. Повѣрьте, что они Дѣйствительно такіе, какъ я вамъ Ихъ описалъ. Скажите имъ теперь, Что слѣдуетъ.

КАЛЕНДАРО.

Да, да! готовы жадно Мы слушать васъ.

ИЗРАЭЛЬ БЕРТУЧЧИО (заговорщикамъ).

Вы здѣсь теперь не только Въ полнѣйшей безопасности, но ближе Къ побѣдѣ, чѣмъ когда-нибудь. Клянусь, Слова мои правдивы!

дожъ.

Вы во мнѣ

Здѣсь видите безпомощнаго старца, Какъ правильно сказалъ одинъ изъ васъ; Вчера же я во всемъ величьи блеска Сидѣлъ на гордомъ тронѣ, съ виду точно Похожій на царя прекрасныхъ нашихъ Ста острововъ, одѣтый въ пышный пурпуръ, Обязанный блюсти законы власти Не вашей иль моей, но нашей гордой Владыки—Синьорин! Вамъ извѣстно, Чѣмъ былъ я тамъ, иль должно быть извѣстно;

Но для чего явился я сюда— Вамъ лучше объяснить одинъ изъ вашихъ Униженныхъ всѣхъ болѣе друзей. Тотъ, кто понесъ такое оскорбленье, Что даже усумниться могъ—червякъ онъ Иль человѣкъ?—пусть спроситъ онъ въ своемъ

Разбитомъ горемъ сердцѣ, по какой Причинѣ самъ пришелъ сюда! Мое Несчастье вамъ извѣстно всѣмъ. О немъ Кричали много всѣ; но голосъ этихъ Непризванныхъ людей рѣшилъ вопросъ Иначе, чѣмъ его рѣшили судьи Законные, чей приговоръ прибавилъ Къ обидѣ старой новую. Увольте Меня отъ повторенья! Оскорбленье Живетъ во мнѣ—и потому разскажъ О немъ, съ прибавкой разныхъ новыхъ жалобъ,

Пожалуй, васъ заставить заподозрить
 Меня въ излишней слабости души,
 А я сюда пришелъ, чтобъ возбудить
 И въ самыхъ твердыхъ мужество, заставить
 Ихъ встать за наше дѣло, бросивъ слезы
 И жалобы, какъ средство слабыхъ женщинъ.
 Но васъ, надѣюсь я, не надо будетъ
 Мнѣ даже возбуждать. Обиды наши
 Возникли изъ всеобщаго несчастья
 Того, чему едва ли можно дать
 Название государства! Какъ мы можемъ
 Дѣйствительно назвать такой союзъ,
 Гдѣ нѣтъ главы и, вмѣстѣ, нѣтъ народа?
 У насъ всѣ недостатки древней Спарты,
 Но нѣтъ спартанскихъ качествъ: воз-

держанья
 И мужества. Вожди лакедемонянъ
 Извѣстны были храбростью, а наши
 Погрязли въ сибаритствѣ. Мы имъ слу-

жимъ,
 Какъ жалкіе рабы, и всѣхъ презрѣннѣй
 Рабовъ тѣхъ—я! Хоть рядятъ насъ они
 Въ пурпурныя одежды: этотъ пурпуръ
 Похожъ на то, какъ греки заставляли
 Невольниковъ нарочно напиваться
 Въ потѣху дѣтямъ. Вы собрались здѣсь,
 Чтобъ свергнуть иго этой злобной гидры,
 Насмѣшки этой дерзкой надъ названьемъ
 Правительства; низвергнуть этотъ призракъ,
 Способный быть заклятымъ только кровью;
 А тамъ—когда удастся намъ—сѣмъ
 Возстановить мы поправное право
 Отечества; воздвигнемъ государство,
 Гдѣ будутъ всѣ равны передъ закономъ,
 Безъ глупыхъ притязаній на равенство
 Въ анархіи. Подобная свобода
 Похожа на построенный въ изящномъ,
 Прекрасномъ стилѣ портикъ, гдѣ колонны
 Взаимно заставляютъ видѣть силу
 Одна другой, а вмѣстѣ—все такъ стройно,
 Такъ хорошо, что невозможно тронуть
 Ничтожной, мелкой части, не нарушивъ
 Гармоніи всего. Я къ вамъ являюсь
 Просить въ великомъ дѣлѣ вашемъ доли
 Участья для меня, когда вы только
 Мнѣ вѣрите; когда же нѣтъ, то жизнь
 Моя у васъ въ рукахъ: разите смѣло!
 Я больше радъ погибнуть отъ свободныхъ
 И смѣлыхъ рукъ, чѣмъ властвовать ти-

раномъ
 Въ рукахъ другихъ тирановъ! Никогда
 Не дѣйствовалъ я такъ и никогда
 Такимъ впередъ не буду! Прочитайте
 Исторію отцовъ моихъ; спросите
 У тѣхъ людей, въ чьихъ городахъ я былъ
 Правителемъ—всѣ скажутъ вамъ навѣрно,
 Что я тираномъ не былъ, а—напротивъ—

Сочувствовалъ всегда бѣдамъ и горю
 Униженныхъ. Когда бъ я согласился
 Быть тѣмъ, чего искалъ себѣ сенатъ,—
 Бездушнымъ автоматомъ, облеченнымъ
 Въ богатое тряпье, сидѣть на тронѣ
 Подобьемъ государя, утверждать
 Лишь только приговоры, быть бичемъ
 Несчастному народу, лстать Сенату
 И Сорока, преслѣдовать, что можетъ
 Не нравиться Совѣту Десяти,
 Быть сплетникомъ, глупцомъ, надутой
 куклой,—

Тогда, увѣренъ я, не оправдали бъ
 Они того, кто дерзко мнѣ нанесъ
 Такое оскорбленіе. Если я
 Страдаю такъ, то въ этомъ виновата
 Моя любовь къ народу. Это знаютъ
 Ужъ многіе, и будетъ день, когда
 Узнаютъ всѣ; а до того—клянусь я
 Отдать на службу дѣлу весь остатокъ
 Моихъ послѣднихъ дней, всю власть—не
 дожа,

А просто человѣка, что свершилъ
 Не мало славныхъ дѣлъ, покуда не былъ
 Униженъ званьемъ дожа, и способенъ
 Пока еще работать и умомъ,
 И силами! На эту ставку я
 Готовъ поставить славу (я прославленъ
 Былъ истинно), остатокъ жизни (чѣмъ
 Рискую меньше всѣхъ, затѣмъ что мнѣ
 Уже не долго жить), надежды, душу,
 Всѣ радости. Такимъ я предлагаю
 Себя къ услугамъ вашимъ и согласенъ
 Быть вамъ вождемъ! Рѣшайте же, со-
 гласны ль
 Имѣть своимъ вы герцога, который
 Свой бросилъ тронъ и сдѣлался ничѣмъ,
 Желая быть со всѣми вами равнымъ?

КАЛЕНДАРО.

Да здравствуетъ Фальеро! Онъ свободу
 Намъ дастъ, друзья!

ЗАГОВОРЩИКИ.

Да здравствуетъ Фальеро!

ИЗРАЭЛЬ ВЕРТУЧЧІО.

Ну что, товарищи! удачно ль я
 Ввелъ къ вамъ его? Не правда ль, что такой
 Сообщникъ долженъ стоить цѣлой рати?

ДОЖЪ.

Довольно! перестаньте! Намъ не время
 Теперъ хвалить другъ друга! Отвѣчайте:
 Вашъ я иль нѣтъ?

КАЛЕНДАРО.

Не только нашъ ты нынѣ,
 Но первый между нами, какъ доселѣ



СТАРАЯ ВЕНЕЦІЯ (XIII—XIV в.).
В О И Н Ъ.

(Из *Caesare Vecellio, Habili Antichi e Moderni, Венеція 1589*).

Былъ первымъ въ государствѣ. Будь же
нашимъ
Вождемъ и полководцемъ!

дожъ.

Полководцемъ
Я былъ на славномъ полѣ Зарской битвы;
Титуломъ же вождя меня почтили
Родосъ и Кипръ, пока не сталъ я дожемъ
Венеціи—такъ неприлично мнѣ,
Казалось бы, спуститься до того,
Чтобъ сдѣлаться теперь вождемъ толпы,
Хотя и патриотовъ. Пусть ужъ лучше,
Коль скоро я рѣшилъ разъ отречься
Отъ званія, въ которомъ былъ рожденъ.
Останусь равень прочимъ, безъ претензій
На новые титулы. Но, однако,
Пора вернуться къ дѣлу. Израэль
Мнѣ сообщилъ подробно ваши планы.
Они довольно смѣлы, но возможны,

Когда я вмѣстѣ съ вами. Исполненья жъ
Не надо отлагать.

КАЛЕНДАРО.

Лишь прикажите—
Готовы мы хотъ тотчасъ же. Я отдаю
Всѣ приказанья, нужныя къ возстанью
Въ назначенное время—хотъ теперь же
Когда жъ ударить часъ?

дожъ.

Съ восходомъ солнца.

БЕРТРАМЪ.

Такъ рано?

дожъ.

Рано? Поздно! Каждый мигъ
Отсрочки можетъ только увеличить
Грозящую опасность, и тѣмъ больше
Теперь, когда я съ вами. Или вамъ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ БАЙРОНА.

Невѣдомы всѣ происки Сената,
Совѣта Десяти, всѣхъ ихъ шпионовъ,
И зоркихъ глазъ, которыми слѣдятъ
Они за ихъ рабами, особливо-жъ
Ихъ герцогомъ, котораго избрали
Своимъ согласьемъ сами? Нѣтъ: коль скоро
Разить—разите тотчасъ, чтобы гидра,
Ужаленная въ сердце, потеряла
Свои съ нимъ вмѣстѣ головы.

КАЛЕНДАРО.

Готовъ я
И сердцемъ и мечемъ! Отряды наши
Разставлены въ указанныхъ мѣстахъ
Стараньемъ Израэля; шестьдесятъ
Друзей съ оружіемъ въ каждомъ. Всѣ они
Готовы встать по первому сигналу.
Мы сами разойдемся точно также
Къ своимъ постамъ. Скажите лишь, когда
Условный знакъ?

дождь.

Когда раздастся звонъ
Большихъ колоколовъ святого Марка
(Вы знаете, что это можетъ быть
Исполнено лишь по приказу дожа,
Которому оставлена Сенатомъ
Лишь эта привилегія), собирайтесь
Немедленно на площадь.

ИЗРАЭЛЬ БЕРТУЧЧІО.

А потомъ?

дождь.

Пускай туда различными путями
Направятся отряды, разглашая
Вездѣ на перекресткахъ, что съ разсвѣтомъ
Замѣченъ ими генуэзскій флотъ,
Идущій прямо къ городу. Дворецъ
Вамъ будетъ сборнымъ пунктомъ. Дворъ
займетъ
Племянникъ мой съ отрядомъ и съ другими
Служителями дома. Звонъ на башнѣ
Послужитъ вамъ сигналомъ, чтобы кричать:
„Спаси насъ, Маркъ! враги идутъ на
городъ!“

КАЛЕНДАРО.

Я понялъ все, но—дальше! продолжайте!

дождь.

Патриціи сбѣгутся впопыхахъ
Въ собраніе Совѣта (поступить
Иначе имъ нельзя, въ виду грозящей
Опасности, провозглашенной громко
Съ высокой башни Марка, ихъ патрона);
А разъ они сберутся, намъ легко
Тогда скосить ихъ будетъ, какъ колосья,
Мечемъ, взамѣнъ серповъ. Пусть пять иль
шесть

Изъ нихъ и запоздають—съ тѣми намъ
Не трудно будетъ справиться, когда лишь
Мы кончимъ съ большинствомъ.

КАЛЕНДАРО.

О, если бъ только
Скорѣй ударилъ часъ! А тамъ, повѣрьте,
Мы станемъ ихъ рубить, а не царапать!

БЕРТРАМЪ.

Я попрошу лишь сдѣлать вамъ вопросъ,
Который предлагалъ еще до срока,
Когда Бертуччо ввелъ въ нашъ кругъ того
Достойнаго сообщника, который
Усилилъ такъ увѣренность въ успѣхѣ
И нашей безопасности. Ужели
Вы не хотите даже и теперь
Проникнуться немного состраданьемъ
И пощадить изъ осужденныхъ жертвъ
Хоть нѣсколькихъ? Ужель погибнуть всѣ?

КАЛЕНДАРО.

Я поручусь, что встрѣтившіе въ битвѣ
Меня или моихъ найдутъ себѣ
Такое жъ состраданье, на какое
Привыкли мы разсчитывать, когда
Имѣли дѣло съ ними.

ЗАГОВОРЩИКИ.

Смерть имъ всѣмъ!

Теперь ли говорить о состраданьи?
Оказывалъ ли кто-нибудь изъ нихъ
Хоть тѣнь участія къ намъ?

ИЗРАЭЛЬ БЕРТУЧЧІО.

Бертрамъ! ты съ этимъ
Несчастливымъ состраданьемъ говоришь
Нелѣпости! А, сверхъ того, оно
Обидно для друзей твоихъ и, вмѣстѣ,
Для ихъ святого дѣла. Неужели
Не видишь ты, что если мы допустимъ
Спасти изъ нихъ хоть нѣсколькимъ, они
Останутся въ живыхъ лишь для того,
Чтобъ мстить за остальныхъ? А также я
Тебя спрошу, какимъ ты хочешь средствомъ
Узнать, кто правъ и кто изъ нихъ виновенъ?
Все, что они ни дѣлали, всегда
Лишь было выраженіемъ общей воли
Всей шайки ихъ, направленной къ тому,
Чтобъ насъ давить и мучить. Я согласенъ
Ужъ ежели хотите вы, оставить
Живыми ихъ дѣтей, но соглашаюсь
Съ сомнѣньемъ и на это. Если ловчіи
Беретъ живьемъ въ логовищѣ тигренка,
То вѣрно не придетъ ему охота
Спасать отца иль мать его, когда
Не хочетъ онъ погибнуть. Впрочемъ, я,
За тѣмъ, чтобъ разрѣшить мое сомнѣнье,
Готовъ исполнить то, что скажетъ намъ

По этому вопросу дожъ Фальеро,
Къ которому теперь и обращаюсь,
Прося его совѣта.

дожъ.

Не смущайте,
Прошу, меня. Рѣшите это сами!

ИЗРАЭЛЬ ВЕРТУЧЧИО.

Вамъ лучше насъ извѣстно, кто изъ нихъ
Порядочнѣе прочихъ. Мы, вѣдь, знаемъ
Лишь только ихъ публичные пороки,
Которыми они успѣли стать
Равно намъ ненавистны. Если вы
Желаете, быть можетъ, пощадить
Кого-нибудь—рѣшайте: мы исполнимъ.

дожъ.

Отецъ Дольфино былъ мнѣ вѣрнымъ дру-
гомъ,
Съ Ландо мы бились вмѣстѣ, Маркъ Кор-
наро

Служилъ при мнѣ, во время моего
Посольства въ Генуѣ. Веньеро спасъ я
Однажды жизнь—обязанъ-ли спасать
Ему ее я дважды? О, когда бы
Я, сдѣлавъ это, вмѣстѣ могъ спасти
Венецію! Они иль ихъ отцы
Всѣ были мнѣ друзьями до поры,
Пока не сталъ я дожемъ, и отпали
Прочь отъ меня, какъ опадаютъ листья,
Оторванные вѣтромъ отъ цвѣтка,—
И вотъ теперь стою я, какъ изсохшій,
Тернистый старый стебель, не имѣя
Возможности кого-нибудь прикрыть.
Когда я такъ оставленъ былъ, такъ пусть же
Погибнуть и они до одного!

КАЛЕНДАРНО.

Имъ жить нельзя совмѣстно со свободой
Венеціи.

дожъ.

Вы, зная хорошо
Несчастія и бѣдствія отчизны,
Не можете, однако, знать вполне,
Какой ужасный ядъ, вредящій всякой
Живой иль честной мысли, всякимъ узамъ,
Скрѣпляющимъ людей, всему, что только
Найти возможно лучшаго на свѣтѣ,
Разлить во всѣхъ несчастныхъ учреж-
деняхъ

Венеціи. Судите сами: всѣ
Мной названные люди почитались
Когда-то мнѣ друзьями; я любилъ ихъ
Отъ всей души; они платили мнѣ
За это тѣмъ же самымъ; вмѣстѣ мы

Трудились и сражались; зло и радость
Дѣлили пополамъ; союзъ родства
Связалъ меня со многими; всю жизнь
Душой мы жили въ душу, пожиная
Плоды трудовъ и почестей съ годами.
Но вотъ пришелъ несчастный день, когда
Желанья ихъ, а вовсе не моя
Настойчивость, устроили, что я
Былъ выбранъ ими герцогомъ — и съ

этимъ

Исчезло все: союзъ родства и дружбы,
Исчезла память прошлаго, единство
Въ поступкахъ и мышленіи, утраченъ
Тотъ свѣтлый духъ, съ которымъ постоянно
Встрѣчаются товарищи, чьей дружбѣ
Исполнились уже десятки лѣтъ,
Чьи подвиги ужъ въ прошломъ, чье вни-
манье

Невольно привлекается картиной
Минувшаго, при мысли о друзьяхъ,
Когда-то молодыхъ, давно сошедшихъ
Теперь уже въ могилу, изъ которыхъ
Осталось много два иль три отжившихъ,
Печальныхъ старика, взамѣнъ толпы
Веселой, беззаботной молодежи,
Трудившейся когда-то заодно,
И чьи дѣла, безъ теплой рѣчи этихъ,
Оставшихся въ живыхъ, передавались
Вѣкамъ однимъ бы мраморомъ. О, горе
Ужель я долженъ это совершить.

ИЗРАЭЛЬ ВЕРТУЧЧИО.

Синьоръ, вы смущены! Теперь не время
Объ этомъ говорить.

дожъ.

Не безпокойся!

Мое рѣшеніе принято! Я кончу
Въ двухъ-трехъ словахъ. Мнѣ хочется
лишь вамъ

Воочью показать всѣ недостатки
Такого государства. Съ той поры,
Какъ сдѣлался я дожемъ, иль—вѣрнѣй—
Былъ ими сдѣланъ дожемъ, улетѣла
Навѣки память прошлаго. Я умеръ
Для нихъ для всѣхъ, иль, лучше говоря,
Они всѣ для меня: исчезла нѣжность
И жизнь въ кругу друзей; я сталъ чужимъ
Для каждаго; со мною перестали
Намѣренно сближаться, изъ боязни
Быть заподозрѣннымъ; любить никто
Меня уже не могъ—законъ былъ противъ
Подобныхъ чувствъ; со мною враждовали,
Какъ требуетъ политика; смѣялись
Надменно надо мною, считая это
За признакъ чувствъ патриціи, и даже
Нарочно оскорбляли, въ интересъ

Отечества, судъ справедливый въ дѣлѣ
Касавшемся меня, почелся бѣ знакомъ
Опаснаго пристрастья. Герцогъ сталъ
Невольникомъ у подданныхъ, врагомъ
Для собственныхъ друзей. Шпіоны стали
Съ тѣхъ поръ моею стражей; внѣшній
блескъ

Смѣнилъ мою свободу; платье дожа
Одно осталось знакомъ скудной власти;
Тюремщики присвоили себѣ
Титулъ моихъ совѣтниковъ; друзьями жъ
Мнѣ стали инквизиторы. Не адъ ли
Такая жизнь? Одно осталось мнѣ:
Покой въ семейной жизни; но и онъ
Отравленъ злобой ихъ. Мои пенаты
Разбиты на домашнемъ очагѣ,
Гдѣ царствуетъ теперь одно презрѣнье
И дерзкая насмѣшка.

ИЗРАЭЛЬ ВЕРТУЧЧІО.

Оскорбленье,
Не спору, велико; но месть недолго
Себя заставить ждать: промчится ночь—
И вы за все оплатите.

дожъ.

Я долго
Терпѣлъ и ждалъ—терпѣлъ, страдая тяжко;
Но чаша, наконецъ, была не въ силахъ
Сдержать наплыва горечи. Обида,
Которую осмѣлились они
Не только что оставить безъ возмездья,
Но даже оправдать—рѣшила все!
Я самъ отбросилъ прежнюю пріязнь,
Въ которой отказали мнѣ давно ужъ
До этого они, когда клялись передо мной
Въ своей фальшивой вѣрности, создавъ
Въ замѣну прежней дружбы—государя,
Похожаго на дѣтскую игрушку,
Которую не значить ничего
Разбить, когда захочется. Съ тѣхъ поръ
Я окруженъ надменною толпой
Сенаторовъ, готовыхъ поминутно
Подсматривать за дожемъ, чтобы онъ
У нихъ не отнялъ власти, самъ же дожъ,
Бояться долженъ подлой этой шайки
Озлобленныхъ тирановъ. Потому
Я больше не имѣю никакой
Сердечной связи съ ними—и они
Ее не могутъ требовать. Она
Разрушена ихъ собственнымъ стараньемъ,
И я въ лицѣ ихъ вижу лишь тирановъ.
Отвѣтственныхъ за бездну преступленій.
Такъ пусть же месть свершится надо всѣми!

КАЛЕНДАРО.

Къ оружію, друзья! Идемте бодро

Къ своимъ постамъ! Сегодняшняя ночь
Послѣдняя, Богъ дастъ, для разговоровъ!
Намъ надобны дѣла! Тотъ звонъ, что гря-
нетъ
Поутру съ башни Марка—клятву дамъ—
Меня не встрѣтитъ соннымъ!

ИЗРАЭЛЬ ВЕРТУЧЧІО.

Расходитесь
Теперь къ мѣстамъ; спокойствіе и бод-
рость—
Вотъ лозунгъ нашъ! Не забывайте бѣдъ,
Какія терпимъ мы, и правъ, которыхъ
Добиться дали слово! Въ эту ночь,
Богъ дастъ, все будетъ кончено. Дождитесь
Условленнаго знака и затѣмъ—
Впередъ безъ замедленья! Я иду
Сейчасъ къ отряду самъ. Исполнить долгъ
Обязанъ честно каждый. Герцогъ также
Вернется во дворецъ, чтобы приготовить
Все нужное къ рѣшительной минутѣ.
Прощайте же теперь и пожелаемъ
Вновь встрѣтиться свободными людьми!

КАЛЕНДАРО.

Нашъ славный дожъ, даю вамъ обѣщанье,
Что, встрѣтясь съ вами ночью, преклоню
Предъ вами мечъ, съ насаженной на немъ
Кровавой головой Микэля Стено!

дожъ.

О нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ: оставь его къ концу!
Не стоитъ отвлекать себя отъ дѣла
Для такой добычи: есть враги
Почетнѣе его. Обида Стено
Была лишь только частнымъ выраженьемъ
Той низости и гнуснаго разврата,
Въ какихъ погрязла нынче вся толпа
Патриціевъ. Въ былыя времена
Не смѣлъ бы и подумать онъ рѣшиться
На что-нибудь подобное. Къ тому же
Я слово далъ забыть о личной мести
Въ виду величья дѣла, на какое
Рѣшились мы! Когда насъ оскорбляетъ
Ничтожный рабъ—мы требуемъ возмездья
Съ хозяина, и если онъ откажетъ
Въ томъ, что просили мы, тогда обида
Становится важнѣй, и мы должны
Ужъ мстить ему

КАЛЕНДАРО.

Конечно, такъ; но Стено
Былъ первою и главною причиною
Союза съ вами, чѣмъ все дѣло наше
Пріобрѣло надежнѣйшій залогъ
Успѣха въ будущемъ, а потому
Мнѣ хочется достойно наградить
Его за то. Могу ль я это сдѣлать?



СТАРАЯ ВЕНЕЦІЯ (XIII—XIV в.).

В О И Н Ъ.

(Из *Caesare Vecellio, Habiti Antichi e Moderni, Венеція 1589*).

дожъ.

Ты хочешь отрубить врагамъ лишь руки.
Я—головы. Ты бьешь ученика,
А я его учителя. Ты ищешь
Отомстить лишь только Стено, я—Сенату.
Нельзя себя позволить увлекать
Вопросомъ частной мести передъ дѣломъ,
Касающимся всѣхъ. Возмездье наше
Должно упасть на головы враговъ,
Какъ огненный потокъ, ниспавшій съ неба
И всѣхъ ихъ истребить, подобно волнамъ,
Когда-то поглотившимъ даже пепель
Сожженныхъ городовъ.

ИЗРАЭЛЬ БЕРТУЧЧІО.

Къ постамамъ, друзья!
Что до меня, я провожу лишь дожа
До мѣста нашей встрѣчи. Мы должны

Увѣриться, что не было шпіона.
Слѣдившаго за нами, а затѣмъ
Я тотчасъ же бѣгу къ своимъ отрядамъ,
Готовымъ ко всему.

КАЛЕНДАРО.

Прощай! до утра!

ИЗРАЭЛЬ БЕРТУЧЧІО.

Успѣха всѣмъ!

ЗАГОВОРЩИКИ.

Себя не осраимъ!

Прощайте, славный дожъ! Друзья, идемте!
(Заговорщики, простиаясь съ дожемъ и Бертуччіо, уходятъ подъ предводительствомъ Календаро).

ИЗРАЭЛЬ БЕРТУЧЧІО.

Погибнуть всѣ! Въ успѣхѣ нѣтъ сомнѣнья!

Теперь, синьоръ, вы сдѣлаться должны
Монархомъ въ точномъ смыслѣ. Имя ваше
Прославится славнѣй, чѣмъ имена
Славнѣйшихъ изъ героевъ! Мы видали
Не разъ царей, сраженныхъ подъ кин-
жаломъ

Свободнаго народа. Цезарь палъ.
Патриции не разъ свергали иго
Диктаторовъ; а чернь свергала ихъ,
Но видѣлъ ли хоть кто нибудь на свѣтѣ
Властителя который вздумалъ самъ
Расторгнуть цѣпь несчастнаго народа?
Замыслилъ бы свободу дать народу?
Они всегда стараются, напротивъ,
Стѣснить народъ, сковать его цѣпями,
А ежели когда-нибудь дадутъ
Минутную свободу, то затѣмъ лишь,
Чтобъ дать ему оружье въ руки противъ
Другихъ свободныхъ націй для войны,
Чтобъ рабство породило также рабство!
И въ мірѣ нѣтъ достаточной добычи,
Которая могла бъ насытить алчность
Такихъ левіаановъ. Но пора
Приняться и за дѣло! Чѣмъ труднѣе
Свершить его, тѣмъ радостнѣй награда.
О чемъ же вы задумались? Минуту
Тому назадъ вы, кажется пылали
Однимъ лишь нетерпѣньемъ?

дожъ.

Неужели

Возврата нѣтъ—и всѣ должны погибнуть?

израэль вертуччіо.

О комъ вы говорите?

дожъ.

О друзьяхъ,

Сенаторахъ, мнѣ родственныхъ по плоти,
И по дѣламъ.

израэль вертуччіо.

Вы сами приговоръ

Скрѣпили. Что жъ?—синьоръ, онъ спра-
ведливъ!

дожъ.

Да, для тебя онъ можетъ показаться,
Не спорю, справедливымъ; ты плебей,
Ты Гракхъ толпы, трибунъ ея, ораторъ
Бунтовщиковъ! Я не виню тебя:
Ты дѣйствуешь по кровному призванью!
Они тебя тѣснили, оскорбляли,
Точь въ точь какъ и меня; но никогда
Не ѣлъ ты съ ними хлѣба, не дѣлилъ
На пирѣ братской чаши, не скорбѣлъ
Ихъ горестью, не радовался счастью.
Улыбка ихъ въ тебѣ не возбуждала
Такихъ же сладкихъ чувствъ иль ихъ об-
мѣна.

Я помню дни, когда на головахъ
На нашихъ юныхъ волосы чернѣли,
Какъ крылья ворона и дружно мы
Веселою толпою устремлялись
На группы острововъ Архипелага,
Отторгнутыхъ у злобныхъ мусульманъ...
Могу ли обагрить теперь я руки
Въ крови всѣхъ этихъ близкихъ мнѣ людей,
Не сдѣлавшись почти самоубійцей?

израэль вертуччіо.

О, дожъ! Ребенку даже неприлична
Такая нерѣшительность! Коль скоро
Себя вы не считаете достигшимъ
Уже второго дѣтства—призовите
Всю крѣпость вашихъ нервовъ, не за-
ставьте

Меня краснѣть за васъ! Клянусь, я радъ
Скорѣе отказаться отъ успѣха
Въ задуманномъ, чѣмъ видѣть васъ—кого я
Привыкъ всегда глубоко уважать—
Внезапно впадшимъ, вопреки сознанью
Высокихъ дѣлъ, въ такую бабью слабость.
Вы лили въ битвахъ кровь свою и вражью,
Такъ вамъ ли побояться источить
Какой-нибудь десятокъ лишнихъ капель
Изъ жилъ вампировъ этихъ—палачей,
Которые при этомъ отдадутъ
Лишь то, что ими высосано было
У тысячей несчастныхъ?

дожъ.

Будь ко мнѣ

Немного снисходительнѣй! Я твердо
Пойду за вами вслѣдъ и не отстану
Отъ васъ въ разгарѣ битвы. Колебанья
Во мнѣ ты не увидишь. Нѣтъ! Напротивъ,
Та именно увѣренность, съ которой
Рѣшился я на все, и заставляетъ
Меня такъ содрогаться. Но оставимъ
Объ этомъ разговоръ. Пускай ему
Останутся свидѣтелями только
Ночь темная, да ты; вы оба, знаю,
Доносамъ непричастны. Грянетъ часъ --
И колоколъ на башнѣ прогудитъ
Предсмертный часъ для многихъ изъ жи-
вущихъ

Въ палатахъ пышныхъ этихъ; много будетъ
Подсѣчено сегодня на корню
Древнѣйшихъ родословныхъ, и бесплодно
Развѣются кровавые останки
Ихъ отпрысковъ. Я такъ хочу—и долженъ
Исполнить, что сказалъ! Ничто не можетъ
Меня остановить! Но неужели
Не вправѣ содрогнуться я при мысли
О томъ, чѣмъ былъ когда-то я и чѣмъ
Сбираюсь быть? Такъ не судите жъ строго
Меня и вы.

Braui antichi.



СТАРАЯ ВЕНЕЦІЯ (XIII—XIV в.).

ЗНАТНЫЙ ЮНОША ВЪ ПЛАЩѢ.

(Изъ *Caesare Vecellio Habiti Antichi e Moderni, Венеція 1589*).

ИЗРАЭЛЬ ВЕРТУЧЧІО.

Мужайтесь! Будьте тверды!

Я, признаюсь, никакъ не понимаю,
Чѣмъ вы себя такъ мучите. Я самъ
Нимало не смущенъ. Вы поступали
По вашей доброй волѣ—и свободны
На выборъ и теперь.

дожъ.

О, безъ сомнѣнья,
Ты съ прочими не можешь быть смущенъ!
И я покончилъ съ совѣстью—иначе
Я тотчасъ бы пронзилъ тебя, не сдѣлавъ
При этомъ преступленья, такъ какъ этимъ
Спасъ тысячи бы жизней, Ты не можешь
Терзаться гнетомъ совѣсти! Тебѣ
Рѣзня вся эта кажется охотой,
А каждый изъ патриціевъ—мишенью
Для выстрѣла. Ты, кончивъ все, омоешь

Спокойно кровь отъ рукъ твоихъ и будешь
Доволенъ и счастливъ, тогда какъ я,
Далеко превзойдя въ убійствѣ этомъ
Тебя и всѣхъ товарищей—что долженъ
Потомъ я буду чувствовать? О, Боже!
Мнѣ говорятъ, что я здѣсь поступилъ
Вполнѣ по доброй волѣ. Если это
Отчасти даже правда, все же ты
Ошибся въ заключеньи: ты найдешь
Во мнѣ себѣ союзника въ убійствѣ
(За это я ручаюсь) и притомъ
Надежнаго; но вѣрь, что въ этомъ дѣлѣ
Моей нѣтъ доброй воли! Всѣ желанья
Влекутъ, наоборотъ, меня назадъ;
Я обуянъ какой то адской силой,
И, точно злобный демонъ, совершаю
Преступное по долгу, зная твердо,
Что мой поступокъ дурень! Къ дѣлу! къ
дѣлу!

Идемъ впередъ! Собирай своихъ друзей!
Я также поспѣшу созвать отряды
Моихъ сообщниковъ. Будь убѣжденъ,
Что звонъ святого Марка этой ночью
Пробудитъ всю Венецію, оставивъ
Спать вѣчнымъ сномъ Сенатъ! Задолго
прежде.

Чѣмъ освѣтитъ Адриатику солнце,
Поднимется предсмертный вопль, въ кото-
ромъ

Заглохнетъ ропотъ волнъ ея, подъ крикомъ
Нешаднаго убійства. Я рѣшился.
Идемъ! Идемъ!

ИЗРАЭЛЬ БЕРТУЧЧІО.

Отъ всей души—лишь будьте
Рѣшительнѣй! Не дайте овладѣть
Собой порыву этого сомнѣнья!
Припомните, какъ тяжело оскорбляли

Они всѣ насъ. Та жертва, что сегодня
Приносимъ мы, окупится годами
Довольства и свободы для спасенной
Венеции. Вы не тиранъ. Тираны,
Спокойно обезлюдивъ цѣлый край,
Нимало не смущаются свершеннымъ,
Тогда какъ васъ страшитъ необходимость
Предать достойной карѣ двухъ или трехъ
Измѣнниковъ. Повѣрьте мнѣ, что это
Излишнее участие недостойнѣй,
Чѣмъ самый приговоръ, которымъ былъ
Оправданъ врагъ вашъ Стено!

дожъ.

Вотъ слова,

Которыя способны повернуть
Всю душу мнѣ. Идемъ! Пора за дѣло!
(Уходящъ).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА I.

Дворецъ патриція Ліони.

Ліони, входя, снимаетъ маску и плащъ, которые венеціанскіе нобили носили въ публикѣ. За нимъ слѣдуетъ Антоніо.

Ліони.

Пора мнѣ отдохнуть отъ этихъ пиршествъ!
Вотъ праздникъ, веселѣй какого мы
Не видѣли ужъ больше полугода,
А между тѣмъ, не знаю, почему
Во мнѣ оставилъ онъ какой-то странный
Наплывъ печальныхъ чувствъ. Напрасно
взоръ мой

Старался оковать себя картиной
Плѣнительнаго танца вмѣстѣ съ тою,
Которая дороже мнѣ всего.
Все жъ эта грусть сжимала постоянно
Мнѣ голову, въ вискахъ стучала кровь
И рядъ холодныхъ капель пробивался
На лбу моемъ. Напрасно я искалъ
Стряхнуть тоску порывомъ напускной
Веселости: сквозь музыку все время
Мнѣ слышался какой-то странный звонъ,
Печальный, отдаленный, точно рокотъ
Приморскихъ волнъ на набережной Лидо.
Когда до насъ доходитъ онъ средь ночи,
Сквозь шумъ и говоръ города. Я бросилъ
Веселый пиръ задолго до конца

Съ надеждой отыскать въ своей постели
Забвеніе и покой. Возьми мой плащъ,
Антоніо, и прикажи зажечь
Ночную лампу въ комнатѣ.

Антоніо.

Угодно ль
Синьору будетъ что-нибудь покушать?

Ліони.

Мнѣ хочется лишь спать, а сонъ, къ не-
счастью,
Заказывать нельзя. Быть можетъ, впрочемъ,
Удастся мнѣ заснуть, хотя волненіе
И давить сердце мнѣ.

(Антоніо уходитъ).

Взгляну—не легче ль
На свѣжемъ будетъ воздухъ.

(Подходитъ къ открытому окну).

Какая
Плѣнительная ночь! Суровый вѣтеръ,
Принесшійся съ Леванта, удалился,
Откуда прилетѣлъ: луна сіяетъ
Торжественно. Какая тишина!
Возможно ли сравнить картину эту
Съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ я былъ, гдѣ рядъ
высокихъ

Сверкавшихъ ярко факеловъ и блѣдно
Горящихъ лампъ бросалъ мерцавшій лучъ
Искусственного свѣта на обои
Всѣхъ этихъ молчаливыхъ галлерей,



БИТВА СЪ ВЕНГРАМИ (гуннами) ПОДЪ ЗАРОЙ въ 1346 году.
Картина Тинторетто (Tintoretto, 1519—1594) во дворцѣ дожей въ Венеціи.

Показывая все въ какомъ-то странномъ,
Иномъ, фальшивомъ видѣ? Такъ, считая
Возможнымъ скрыть года, спѣшить скорѣй
Поблещая красавица—занявшись
Напраснымъ туалетомъ и спросивъ
Совѣта въ вѣрномъ зеркалѣ—увлечь
Собой толпу поклонниковъ, въ надеждѣ,
Что всѣ они, подобно ей, повѣрятъ
Ея заемной прелести; такъ юность,
Которой не нужны еще пока
Подобныя искусственныя средства,
Спѣшить растратить пылъ и красоту
Своихъ счастливыхъ лѣтъ въ пространствѣ
спертомъ

Испорченного воздуха, средь массы
Людей, безумно алчущихъ отъ жизни
Лишь бурныхъ удовольствій. Время ночи,
Потребное для отдыха, она
Проводить въ томъ, чему даетъ напрасно
Название наслажденія. Но пройдетъ
Ночной разгулъ—и вотъ поутру солнце
Печально озаритъ на блѣдныхъ лицахъ
Истому и морщины, до которыхъ
Имъ долго бы пришлось иначе жить.
И вотъ передо мной теперь померкнулъ
Весь этотъ вихрь: вино, гирлянды, звуки,
Дыханье розъ, блестящій мраморъ рукъ,
Смола волосъ, роскошные уборы,
Блескъ дивныхъ глазъ, запястья и брас-

леты,
Блескъ чудныхъ плечъ, прелестнѣй и бѣлѣй
Плечъ лебедя, украшенныхъ рядами
Безцѣнныхъ жемчуговъ, какіе только
Доставить можетъ Индія и все же
Далеко не равняющихся блескомъ
И прелестью съ тѣмъ, что они собой
Такъ дивно украшаютъ; эти дымки,
Подобныя прозрачнымъ облакамъ,
Носящимся по небу; ножки нимфъ,
Невольно возбуждающія мысль,
Какихъ чудесъ мы вправѣ ожидать
Отъ прочихъ членовъ тѣла, если такъ
Прелестна оконечность; весь соблазнъ
Роскошной этой сцены, ложь и правда
Ея подробностей, подобныхъ съ виду
Фальшивому миру, что порой
Обманываетъ взоры пилигрима
Въ пустыняхъ аравійскихъ, представляя
Ему подобье озера, въ отраду
Губамъ, изсохшимъ жаждой—все исчезло
Передо мной. Лишь звѣзды да вода,
Въ которой отражаются ихъ купы
Гораздо обольстительнѣй, чѣмъ свѣтъ
Огней въ хрустальномъ зеркалѣ плѣняютъ
Теперь мой взоръ, да надо мной раскинуть
Пропитанный весеннимъ ароматомъ
Воздушный океанъ, въ которомъ тонетъ

Вселенная, какъ въ океанѣ водномъ
Уснувшая земля. Луна спокойно
Сіяетъ надъ громадами дворцовъ,
Надъ этимъ рядомъ гордыхъ великановъ,
Возставшихъ, словно силой волшебства,
Изъ волнъ морскихъ, съ порфирными ря-

дами
Балконовъ и пилястръ, покрытыхъ сплошь
Восточнымъ дивнымъ мраморомъ—добычей
Военнаго геройства, такъ что весь
Ихъ гордый рядъ похожъ на рядъ трофеевъ,
Поднявшихся по берегу канала
Изъ лона водъ, на память о дѣлахъ,
Свершенныхъ въ дни былые. Не похожи ль
Они на тѣхъ воинственныхъ колоссовъ,
Воздвигнутыхъ могуществомъ титановъ
Среди пустынь Египетскихъ, что молча
Разсказываютъ намъ о временахъ,
Лишенныхъ средствъ повѣдать намъ иначе
Минувшее? Все тихо вокругъ! Ничто
Не звякнетъ рѣзкимъ звукомъ, а, на-

противъ,
Малѣйшій шумъ, расплывшись въ тишинѣ,
Порхаетъ, точно духъ на крыльяхъ ночи.
Кой-гдѣ бренчатъ гитары—инструментъ
Любовниковъ, щебечущихъ своимъ
Подругамъ о любви; порой внезапно
Откроется окошко—знакъ, что пѣсня
Звучала не напрасно. Вотъ сверкнула
На лунномъ свѣтѣ ручка, цвѣтомъ чище,
Чѣмъ самый лучъ, упавшій на нее;
Она дрожитъ, стараясь отворить
Запретное окно, чтобъ насладиться
И звуками и счастьемъ. Сердце жъ друга
Дрожитъ при этомъ видѣ точно звуки
Звонящихъ струнъ. Фосфорный блескъ
сіяетъ

Во слѣдъ гондолъ; напѣвы гондольеровъ
Звучать въ согласномъ хорѣ. На Ріальто
Порой мелькнетъ таинственная тѣнь
И скроется. Видъ освѣщенныхъ оконъ
Кой-гдѣ въ дворцахъ, да шпицы обели-

сковъ—
Вотъ все, что поражаетъ ночью взоръ
Въ громадномъ этомъ городѣ, рожденномъ
Изъ волнъ морскихъ и властвующемъ сушей.
Какъ сладостенъ спокойный этотъ часъ!
Хвала прекрасной ночи! Удалились
Тѣ грозныя предчувствія, которыхъ
Не могъ я одолѣть среди толпы.
Спокойно лягу я теперь на ложе
Подъ сладостнымъ вліяньемъ тишины.
Хотя, сказать по правдѣ, нѣтъ желанья
Предаться сну въ подобные часы.

(Слышенъ стукъ въ дверь).

Стучать. Чтобъ это значило? Кто можетъ
Во мнѣ нуждаться въ такую пору?

Входитъ Антоніо.

АНТОНИО.

Какой-то незнакомецъ къ вамъ пришелъ
И требуетъ настойчиво свиданья
По спѣшному вопросу.

ЛІОНИ.

Незнакомецъ?

АНТОНИО.

Лицо его, по крайней мѣрѣ, скрыто
Подъ складками плаща; но станъ и голосъ
Какъ-будто мнѣ знакомы. Я просилъ
Сказать, кто онъ, но, кажется, ему
Не хочется довѣриться иначе,
Какъ только вамъ. Онъ проситъ неот-
ступно

Увидѣть васъ.

ЛІОНИ.

Престранный случай! Часъ
И самая манера такъ являться
Невольно подозрительны. Но, впрочемъ,
Едва ль тутъ можно ждать какой-нибудь
Опасности. Патриціевъ не рѣжутъ
У нихъ въ домахъ. Не надобно, однако,
И слишкомъ довѣряться; правда, я
Не зналъ враговъ въ Венеціи, но все же,
Впустя его, останься за дверями
Съ двумя-тремя людьми, чтобъ быть гото-
вымъ

При случаѣ помочь мнѣ. Кто бы могъ,
Однако, это быть?

Антоніо *уходитъ и возвращается съ Бер-*
трамомъ, закутаннымъ въ плащъ.

БЕРТРАМЪ.

Синьоръ Ліони,

Мнѣ дорогъ каждый мигъ, а вамъ тѣмъ
больше.

Ушлите прочь Антоніо: я долженъ
Открыться вамъ однимъ.

ЛІОНИ.

Бертрама голосъ!

Антоніо, ступай! (*Антоніо уходитъ*).

Чего ты хочешь,

Таинственная маска, въ этотъ часъ?

БЕРТРАМЪ (*открываясь*).

Я васъ, синьоръ, являюсь умолять
О милости. Вы бѣдняка Бертрама
Спасали много разъ—не откажите
Ему доставить счастье и сегодня,
Его исполнивъ просьбу.

ЛІОНИ.

Ты знакомъ

Мнѣ съ юности, и я всегда былъ радъ
Помочь тебѣ въ дѣлахъ или карьерѣ,
Насколько могъ разсчитывать ты быть
Повышеннымъ на службѣ, по сословью
Въ которомъ ты родился. Я и нынче
Готовъ тебѣ помочь; но этотъ часъ
И дикій видъ, съ которымъ ты явился,
Невольно мнѣ внушаютъ подозрѣнье,
Что ты скрываешь что-то. Впрочемъ, я
Тебя все жъ долженъ выслушать. Въ какую
Попался ты бѣду?—въ споръ? ссору? драку?
Пырнулъ ножомъ, какъ это зачастую
Случается у насъ? Когда ты только
Не пролилъ кровь патриція, то будь
На этотъ счетъ спокоенъ: я берусь
Тебя спасти. Но ежели убить
Тобой одинъ изъ насъ—бѣги немедленно!
Друзья и братья мертвого въ подобныхъ
Несчастныхъ приключеньяхъ значатъ
больше

Въ Венеціи, чѣмъ всѣ ея законы.

БЕРТРАМЪ.

Я васъ благодарю, синьоръ; но только...

ЛІОНИ.

Что тамъ еще? Иль, можетъ быть, ты поднялъ
Злодѣйскій ножъ на члена Сорока?
О, если такъ—бѣги и ни полслова
Объ этомъ никому. Конечно, я
Тебя сгубить не соглашусь; но если
Ты посягнулъ на нобиля, то долгъ мой
Мнѣ не позволить защитить тебя.

БЕРТРАМЪ.

Пришелъ сюда, напротивъ, я, синьоръ,
Чтобы спасти патриція отъ смерти,
А не затѣмъ, чтобъ кровь его пролить.
Но поспѣшимъ, вѣдь каждый краткій мигъ,
Потраченный напрасно, въ состоянн
Сгубить здѣсь жизнь. Сатурнъ смѣнилъ
сегодня

На мечъ косу и на могильный пепель
Песокъ часовъ. Прошу, не выходите
Изъ дома завтра.

ЛІОНИ.

Мнѣ не выходить?

Что значить эта рѣчь? Къ чему угрозы?

БЕРТРАМЪ.

Къ чему разспросы? Объ одномъ прошу—
Исполните мольбу мою: останьтесь
Въ своемъ дворцѣ, какой бы шумъ иль гамъ
До васъ ни долеталъ: крикъ, ревъ толпы,
Рыданья, стоны женщинъ, вопль мла-
денцевъ,

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ВАЙРОНА.

Стукъ копій и мечей, шумъ барабановъ,
Звонъ съ башенъ и церковей—пусть это все
Сольется въ дикомъ хаосѣ: сидите
Спокойно у себя, пока набатъ
Не стихнетъ вновь и я не прибѣгу
Объ этомъ вамъ сказать.

ЛІОНИ.

Еще тебя

Я спрашиваю вновь: что это значитъ?

БЕРТРАМЪ.

И я еще вамъ повторю: оставьте
Напрасные разспросы. Заклинаю
Васъ всѣмъ, что только есть для васъ
святого

На небѣ и землѣ, молю во имя
Достойныхъ вашихъ предковъ, чьей стезей
Хотите вы итти; молю во имя
Надежды вашей также быть отцомъ
Дѣтей достойныхъ васъ и вашихъ предковъ;
Молю всѣмъ тѣмъ, что въ жизни вы имѣли
Хорошаго и чистаго; молю
Всѣмъ тѣмъ, что вамъ когда-нибудь казалось
Способнымъ ужаснуть насъ въ этомъ мірѣ
Иль будущемъ; всѣмъ, наконецъ, добромъ,
Какое вы мнѣ сдѣлали, за что
Желалъ бы вамъ воздать я вдвое больше—
Останьтесь нынче дома подъ покровомъ
Своихъ боговъ! Довѣрьтесь безусловно
Тому, что я сказалъ для вашей пользы!
Иначе все потеряно!

ЛІОНИ.

Я точно

Теряюсь въ догадкахъ и готовъ
Подумать—не рехнулся ль ты? Какая
Грозитъ опасность мнѣ? Скажи, откуда
Взялись мои враги? И если точно
Такіе существуютъ, то какой же
Случайностью попалъ ты между ними?
А если, наконецъ, твои слова
Дѣйствительно правдивы, то зачѣмъ же
Все это мнѣ не сообщилъ ты прежде?

БЕРТРАМЪ.

Отвѣтъ мнѣ воспрещенъ. Въ концѣ-концовъ
Скажите мнѣ рѣшительно, хотите
Вы выйти вопреки моимъ словамъ?

ЛІОНИ.

Я не привыкъ бояться ложныхъ страховъ,
Не зная ихъ причины. Въ часъ Совѣта—
Когда бъ онъ ни назначенъ былъ—навѣрно
Не буду я отсутствовать.

БЕРТРАМЪ.

Не тратьте

Напрасныхъ словъ; отвѣтите прямо: точно
Рѣшились выйти вы?

ЛІОНИ.

Рѣшился твердо,

И силы нѣтъ, которая могла бы
Мнѣ помѣшать.

БЕРТРАМЪ.

Тогда пускай окажутъ

Вамъ милость небеса!

(Хочетъ уйти).

ЛІОНИ.

Постой! разстаться

Намъ такъ нельзя: не объ одномъ себѣ,
Какъ вижу я, мнѣ надобно подумать.
Я зналъ тебя давно, Бертрамъ.

БЕРТРАМЪ.

Вы съ дѣтства

Мнѣ были покровителемъ. Въ тѣ лѣта,
Когда холодный возрастъ не успѣлъ
Насъ научить различью состояній,
Играли вмѣстѣ мы, дѣлясь согласно
И радостью, и смѣхомъ, и слезами.
Отецъ мой состоялъ тогда кліентомъ
У вашего, а я былъ близокъ вамъ,
Почти какъ братъ. Такъ провели мы много
Счастливыхъ, свѣтлыхъ лѣтъ, и какъ от-
личны

Отъ нынѣшнихъ тѣ радостные дни!

ЛІОНИ.

Мнѣ кажется, то время позабыто
Тобою, а не мной.

БЕРТРАМЪ.

Нѣтъ, никогда

Его я не забуду—и спасу
Васъ противъ вашей воли! Вы и послѣ
Остались мнѣ защитникомъ, когда
По званью своему достигли власти,
А я, бѣднякъ Бертрамъ, сталъ жить тяже-

лымъ

Трудомъ людей, такихъ какъ я. Пусть
горе—

Обычный жребій слабыхъ—часто было
Удѣломъ мнѣ: вы въ этомъ невиновны,
Напротивъ, ваша помощь постоянно
Меня спасала въ бѣдствіяхъ. Ни разу
Не видѣлъ я, чтобъ столько благородства
Вмѣщалось въ благородномъ по рожденью,
Какъ это видѣлъ въ васъ я, постоянномъ
Защитникѣ ничтожнаго Бертрама.

О, если бъ весь Сенатъ похожъ былъ въ
этомъ

На васъ, мой благодѣтель!

ЛІОНИ.

Что ты хочешь

Сказать противъ Сената?

БЕРТРАМЪ.

Я? ни слова!

лиони.

Я знаю, есть въ Венеціи немало
Бездомныхъ негодяевъ, постоянно
Стремящихся, при помощи измѣны,
Смутить покой и миръ. Глубокой ночью,
Закутавшись въ дырявые плащи,
Они угрюмо бродятъ въ захолустьяхъ,
Съ проклятьемъ на устахъ. Бродяги, воры,
Солдаты прежнихъ войнъ, подонки черни,
Всегдашніе буяны кабаковъ—
Вотъ та среда, которая даетъ
Наплывъ всей этой сволочи; но развѣ
Бывалъ ты съ ними? Съ нѣкоторыхъ поръ,
Я, правда, потерялъ тебя изъ виду,
Но ты всегда, насколько знаю я,
Велъ честную, порядочную жизнь,
Водился лишь съ хорошими, являлся
Всегда въ приличномъ видѣ. Что же нынче
Случилось съ тобой? Твой взглядъ угрюмъ,
Лицо и щеки впали, безпокойство
Сквозить во всѣхъ чертахъ твоихъ, какъ
будто

Позоръ и муки совѣсти глубоко
Тебѣ терзаютъ душу.

БЕРТРАМЪ.

Стыдъ и горе

Дѣйствительно гнетутъ меня при видѣ
Той злобной тиранніи, чѣмъ вліяньемъ
Въ Венеціи отравленъ даже воздухъ,
И люди, надышавшись имъ, доходятъ
До тѣхъ порывовъ бѣшенства, въ которомъ
Кончаютъ жизнь сраженные чумой.

лиони.

Бертрамъ, Бертрамъ! ты сбить, я вижу, съ
толку

Какимъ-нибудь мерзавцемъ! Эти рѣчи
И мысли—не твои. Духъ недовольства
Навѣянъ на тебя чужимъ вліяньемъ
Какихъ-нибудь бездѣльниковъ; но мнѣ
Не хочется, чтобъ ты погибъ такимъ
Печальнымъ образомъ. Ты по натурѣ
Хорошъ и добръ и не рожденъ для низкихъ
Наклонностей, которыя хотятъ
Развить въ тебѣ порочные и злые.
Признайся мнѣ по совѣсти—ты знаешь
Меня вѣдь хорошо—скажи, какое
Затѣялъ ты съ друзьями злое дѣло?
За что я, лучший другъ твой, сынъ того,
Кто также былъ настолько вѣрнымъ дру-
гомъ

Съ твоимъ отцомъ, что оба мы должны
Стараться передать такую жъ дружбу,
Когда еще не большую, въ грядущемъ

Въ наслѣдство нашимъ дѣтямъ, долженъ
нынче

Съ тобой быть осторожнымъ и сидѣть,
Какъ дѣвочка отъ страха, взаперти?

БЕРТРАМЪ.

Не спрашивайте больше! Я обязанъ
Уйти отсюда прочь.

лиони.

А мнѣ, конечно,
Придется быть убитымъ? Отвѣчай же,
Не это ли хотѣлъ ты мнѣ сказать,
Мой вѣрный другъ?

БЕРТРАМЪ.

Убитымъ? Кто сказалъ вамъ
Такое слово здѣсь? Вы лжете! Я
Его не говорилъ!

лиони.

Да, это правда;
Но въ дикихъ и блуждающихъ глазахъ,
Какихъ въ тебѣ я не видалъ ни разу,
Сквозить лицо убійцы. Если ты
Пришелъ меня убить, то что жъ ты медлишь?
Со мной оружья нѣтъ: рази безъ страха—
А тамъ бѣги! Повѣрь, я не куплю
Возможность жить позорною мольбою
Передъ людьми, подобными тебѣ,
Иль тѣмъ, кто подослалъ тебя.

БЕРТРАМЪ.

Скорѣе
Пролью свою я собственную кровь,
Чѣмъ каплю крови вашей! Соглашусь
Скорѣй сгубить десятки тысячъ жизней
Знатнѣйшихъ больше васъ, чѣмъ допущу
Кому-нибудь коснуться волоска
У васъ на головѣ.

лиони.

Ну, если такъ,
То извини! Я вовсе не считаю
Себя настолько правымъ и достойнымъ,
Чтобъ былъ одинъ спасенъ я въ гека-
томбѣ,
Грозящей столькимъ знатнымъ. Но скажи,
Однако мнѣ, кому грозитъ опасность
И кто грозитъ?

БЕРТРАМЪ.

Венеція у насъ
Похожа на семью, въ которой вѣчно
Господствуетъ раздоръ, и потому
Всѣ эти подстрекатели погибнуть
Сегодня до разсвѣта.

лиони.

Что ни дальше,

То все чуднѣй и, сверхъ того, ужаснѣй!
Во всякомъ, впрочемъ, случаѣ я вижу,
Что я иль ты, а можетъ быть и оба,
Мы здѣсь въ опасности, а потому
Рѣшись сказать все прямо! Вѣрь, что этимъ
Ты совершишь великій, славный подвигъ.
Спаси кого-нибудь почетнѣй вдвое,
Чѣмъ погубить, и погубить тайкомъ.
Ужель себя считаешь ты способнымъ
На такую роль? Стыдись, Бертрамъ!
Иль ты изъ тѣхъ людей, которымъ будетъ
Носить пріятно предъ толпой народа
Отрубленную голову того,
Кто былъ тебѣ всегда сердечнымъ другомъ?
Судьба же эта, очень вѣроятно,
Грозитъ сегодня мнѣ, затѣмъ, что я
Далъ клятву, несмотря ни на какія
Опасности, пойти во что бѣ ни стало,
Коль скоро ты не скажешь мнѣ, какія
Причины привели тебя сюда
Съ твоею странной просьбой.

БЕРТРАМЪ.

Неужели жѣ
Нѣтъ средствъ мнѣ васъ спасти! Часы бѣ-
гутъ,
Вы губите себя! Вы, мой спаситель,
Вѣрнѣйшій другъ, единственный изъ всѣхъ
Оставшійся мнѣ вѣрнымъ въ дни невзгоды!
О! я молю—не дѣлайте меня
Измѣнникомъ! Позвольте васъ спасти,
Оставшись вмѣстѣ честнымъ!

ЛІОНИ.

Что за честность
Въ толпѣ убійцъ? А что же до названья
Измѣнника, то имъ бываетъ тотъ,
Кто возстаетъ на власть и государство.

БЕРТРАМЪ.

Кто клятву далъ быть вѣрнымъ предъ-
пріятю
Своихъ друзей, тотъ связанъ этимъ больше,
Чѣмъ клятвою закону. По моимъ
Понятіямъ, не сыщется на свѣтѣ
Измѣнника гнуснѣй того, кто, бывъ
Почтенъ довѣрьемъ друга, поражаетъ
Его своимъ кинжаломъ.

ЛІОНИ.

Кто жѣ берется
Вонзить кинжалъ мнѣ въ сердце?

БЕРТРАМЪ.

Вѣрь, не я!
Я радъ пойти на все, но не на это!
Ты не умрешь и можешь самъ судить,
Насколько ты мнѣ дорогъ, если я
Рискую жизнью многихъ!... Что сказалъ я?—

Не жизнью, а свободой поколѣнья
Грядущаго... И все затѣмъ, чтобъ только
Не быть убійцей, какъ меня напрасно
Ты звалъ сейчасъ. Итакъ, молю еще разъ—
Не выходи изъ дома до утра.

ЛІОНИ.

Потеря словъ! Я выйду и немедленно!

БЕРТРАМЪ.

Ну, если такъ, то пусть погибнетъ лучше
Венеція, чѣмъ другъ мой. Я открою
Все тотчасъ же: разстрою, измѣню,
Предамъ друзей! Смотри, какимъ мерзавцемъ
Ты дѣлаешь меня!

ЛІОНИ.

Скажи скорѣе,
Что дѣлаю тебя я благороднымъ
Спасителемъ отечества и друга.
Не медли же! Все, что захочешь ты
Въ награду для себя иль въ гарантію,
Что будешь ты не тронуть,—я ручаюсь
Тебѣ за все! Почетъ, богатство, знатность,
Все, словомъ, то, чѣмъ воздастъ отчизна
Сынамъ своимъ, не исключая сана
Патриція, получишь ты, будь только
Со мною откровененъ.

БЕРТРАМЪ.

Я раздумалъ!

Нельзя такъ поступать! Какъ ни люблю я
Тебя отъ всей души моей, въ чемъ можетъ
Служить тебѣ послѣднимъ, но немалымъ
Ручательствомъ, что я пришелъ сюда,
Я все жѣ скажу, что, выполнивъ свой долгъ,
Какимъ тебѣ обязанъ я, мнѣ надо
Исполнить долгъ и родинѣ. Прощай!
Намъ больше не видаться въ этомъ свѣтѣ!

ЛІОНИ.

Ого! Вотъ какъ! Антоніо! и Педро!
Заприте дверь! Схватить его! Смотрите,
Однако, чтобъ ему не причинили
Чего-нибудь дурного.

(Вооруженные слуги схватываютъ Бертрама).

Дайте мнѣ

Мой мечъ и плащъ! да приказать немедленно
Подать гондолу съ четырьмя гребцами
Мнѣ къ пристани!

(Антоніо уходитъ).

Ну, живо! Мы сейчасъ
Отправимся съ Джіованни Градениго
И Марко Корнаро. Бертрамъ, не бойся!
Я долженъ это сдѣлать, чтобъ спасти
Тебя же отъ опасности, какая
Грозитъ намъ всѣмъ.

БЕРТРАМЪ.

Куда же вы хотите

Меня вести?

ЛЮНИ.

Сперва въ Совѣтъ, а тамъ

Поѣдемъ къ дожу.

БЕРТРАМЪ.

Къ дожу?

ЛЮНИ.

Да! вѣдь онъ

Глава республики.

БЕРТРАМЪ.

Быть можетъ, будетъ

Главой ея съ разсвѣтомъ.

ЛЮНИ.

Что за бредни?

Но, впрочемъ, мы узнаемъ скоро все.

БЕРТРАМЪ.

Вы въ томъ убѣждены?

ЛЮНИ.

О, да! насколько

Позволятъ мѣры кротости, а если

Не будетъ ихъ достаточно, тогда

Совѣтъ найдетъ инья убѣжденья:

Въ подвалахъ Марка, знаешь ты, есть
тюрьмы,

А въ нихъ орудья пытки.

БЕРТРАМЪ.

Дѣлай съ ними

Что хочешь до зари; ея недолго

Теперь осталось ждать. Скажи еще

Два-три подобныхъ слова—и тебѣ

Придется умереть такою жъ смертью,

Какою ты грозить задумалъ мнѣ.

(Антоніо возвращается).

АНТОНІО.

Гондола подана, синьоръ, и все

Исполнено по вашему приказу.

ЛЮНИ.

Свести его въ гондолу и стеречь,

Какъ глазъ во лбу. Дорогой къ Градениго

Я объяснюсь съ тобой еще, Бертрамъ.

(Уходитъ).

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Комната во дворцѣ Дожа.

Дождь и его племянникъ Бертуччіо
ФАЛЬЕРО.

ДОЖЪ.

Собрался ль нашъ отрядъ?

БЕРТУЧЧІО.

Онъ весь готовъ

Съ оружіемъ на площадкѣ Санто-Поло

И только ждетъ сигнала. Я пришелъ

Принять отъ васъ послѣдніе приказы.

ДОЖЪ.

Досадно мнѣ, что намъ не удалось

Собрать людей изъ лена Валь-Марино;

Но срокъ былъ слишкомъ кратокъ и теперь

Объ этомъ думать поздно.

БЕРТУЧЧІО.

Я, напротивъ,

Считаю это лишнимъ. Сборъ подобной

Большой толпы навлекъ бы подозрѣнье,

А, сверхъ того, вассалы Валь-Марино,

При всей примѣрной храбрости, чрезъ
чуръ

Способны на раздоры и едва ли бѣ

Съумѣли сохранить, какъ надо, въ тайнѣ

Затѣянное дѣло до минуты,

Когда придется драться.

ДОЖЪ.

Ты, пожалуй,

Отчасти правъ, но ужъ зато, когда

Пришла бѣ минута битвы, то едва ли бѣ

Могли мы отыскать людей надежнѣй

И преданнѣй. Вѣдь челядь деревень

Хранить въ себѣ ненарушимо вѣрно

Привязанность иль ненависть къ тому

Иль этому патрицію, если

Расходится однажды, то пощады

Не жди никто. Крестьяне Валь-Марино

По знаку ихъ владѣльца будутъ бить

Кого велѣтъ, не разбирая друга

Иль недруга. Какое дѣло имъ,

Что это Градениго иль Корнаро,

Марчелло иль Фоскари? Не въ привычку

Имъ разбирать пустыя имена

Иль уважать гражданское значенье

Сенаторовъ. Ихъ сюзеренъ одѣтъ

Броней, какъ храбрый воинъ, а не тогой.

БЕРТУЧЧІО.

У насъ людей достаточно и такъ,

А что до чувствъ, которыя питаютъ

Они къ врагамъ, то я за нихъ ручаюсь.

дожъ.

Конечно, жребій брошенъ; но при этомъ
Я все жъ скажу, что если бъ надо было
Сражаться въ чистомъ полѣ, я всегда
Надѣялся бы больше на своихъ
Вассаловъ изъ крестьянъ. Не разъ я ви-
дѣлъ,

Какъ въ жаркой сѣчѣ съ гуннами они
Прорѣзывали строй враговъ, какъ солнце
Пронзаетъ гряды тучъ, тогда, какъ ваши
Испуганные граждане скрывались
Въ обозѣ и шатрахъ, пугаясь звука
Своихъ побѣдныхъ трубъ. Когда опасность
Ничтожна, ваши граждане дерутся,
Какъ стая львовъ, чей образъ нарисованъ
На ихъ знаменахъ; но коль скоро дѣло
Не шуточно—ты пожелалъ, навѣрно бъ,
Имѣть, какъ я, въ резервѣ строй крестьянъ.

БЕРТУЧЧІО.

Услышавъ эти рѣчи, я дивлюсь,
Какъ скоро вы рѣшились на возстанье.

дожъ.

Подобныя дѣла должны свершаться
Иль вдругъ, иль никогда! Едва успѣлъ я
Заставить замолчать въ моей душѣ
Остатокъ чувства совѣсти, который
Меня тревожитъ мыслью о минувшемъ,
Рѣшился я затѣянный ударъ
Нанести тотчасъ,—во-первыхъ, для того,
Чтобы пресѣчь возможность возвращенья
Подобныхъ чувствъ, а во-вторыхъ, затѣмъ,
Что изо всѣхъ товарищей я вѣрю
Въ испытанную храбрость только двухъ:
Филиппо Календаро и Бертуччьо.
Легко случиться можетъ, что межъ нихъ
Отыщется сегодня точно также
Измѣнникъ, какъ мгновенно поголовно
Они вчера возстали на Сенатъ;
Но разъ придется имъ въ рукахъ съ
оружіемъ

Идти впередъ, ихъ собственная польза
Пробудитъ храбрость въ каждомъ. Стоитъ
разъ

Увидѣть кровь, чтобъ въ сердцѣ чловѣка
Проснулось чувство Каина, оно
Въ душѣ у всѣхъ хотъ и таится
До времени на днѣ. Ты самъ увидишь,
Что люди эти сдѣлаются всѣ
Похожи на волковъ. Кровь возбуждаетъ
Желанье новой крови точно такъ же,
Какъ кубокъ предъ обѣдомъ насъ влечетъ
Скорѣй начать пирушку. Я увѣренъ,
Что разъ пойдетъ рѣзня—намъ вдвое бу-
детъ

Труднѣй остановить ихъ, чѣмъ заставить

Идти впередъ, а до того, нерѣдко,
Малѣйшій знакъ, ничтожный голосъ, слово
Способны измѣнить всю ихъ рѣшимость.
Который часть, однако?

БЕРТУЧЧІО.

Надо ждать

Разсвѣта каждый мигъ.

дожъ.

Такъ не пора ли
Велѣть ударить въ колоколь? На мѣстѣ ль
Назначенные люди?

БЕРТУЧЧІО.

Да, теперь

Они ужъ тамъ; но я велѣлъ дождаться,
Особаго приказа для сигнала,
Который передастся чрезъ меня.

дожъ.

Ты сдѣлалъ хорошо. Когда жъ дождемся
Мы, наконецъ, чтобъ яркій свѣтъ утра
Заставилъ скрыться звѣзды? Я рѣшился
Давно на все, и даже то усилъе,
Которое я сдѣлалъ надъ собой,
Чтобъ съ твердостью признать необходи-
мость

Исправить зло желѣзомъ и огнемъ,
Мнѣ придаетъ тѣмъ болѣе теперь
Спокойствія. Я, признаюсь, глубоко
Взволнованъ былъ и плакалъ передъ мыслью
О тяжкомъ этомъ долгѣ; но сомнѣнья
Мои прошли, и я смотрю въ лицо
Грозящей бури намъ, какъ смѣлый кормчій
На смѣломъ адмиральскомъ кораблѣ.
Но можешь ли представить ты, племян-
никъ,

Что мнѣ рѣшимость эта обошлась
Тяжелѣй во сто разъ, чѣмъ при бывалыхъ
Не разъ со мною случаяхъ, когда
Я велъ войска въ сраженья противъ цѣ-
лыхъ

Народовъ и племенъ, навѣрно зная,
Что въ битвѣ лягутъ тысячи. Да! да!
Пролить потокъ развратной, гнусной крови
Изъ жилъ немногихъ деспотовъ—за что
Безсмертье заслужилъ Тимолеонъ—
Труднѣе мнѣ, чѣмъ выносить опасность
И трудъ военной жизни!

БЕРТУЧЧІО.

Я душевно

Радъ видѣть то, что духъ благородумья,
Какимъ вы отличались всегда,
Помогъ вамъ укротить порывы страсти
До вашего рѣшенья.

дожъ.

Я такимъ

Былъ весь мой вѣкъ. Волненіе возмущало
Меня всегда лишь въ первый приступъ
страсти,

Искавшей разразиться, но едва
Пора являлась дѣйствовать, я тотчасъ
Вновь дѣлался спокоенъ, какъ ряды
Убитыхъ тѣлъ, лежавшихъ предо мною.
Характеръ мой былъ хорошо извѣстенъ
Моимъ врагамъ, успѣвшимъ довести
Меня до состоянія, въ которомъ
Я нахожусь теперь. Они считали,
Что я ужасенъ только въ первый мигъ
Наплыва ярой страсти и умѣю
Смирять ее потомъ, но, къ сожалѣнію,
Они забыли то, что есть обиды,
Которыя отмщаются не вдругъ
Въ моментъ ихъ нанесенія, а, напротивъ,
По зрѣломъ и холодномъ разсужденіи.
Гдѣ спитъ законъ, тамъ не заснетъ въ
сердцахъ

Желанье правосудья, и нерѣдко
Обиженный, желая мстить, приноситъ
Съ тѣмъ вмѣстѣ пользу обществу, карая
Виновныхъ за себя. Его поступокъ
Тогда вполнѣ похваленъ. Но, однако,
Разсвѣтъ ужъ занялся. Взгляни: твои
Глаза моихъ моложе. Свѣжестъ утра
Слышна въ прохладномъ воздухѣ, и море,
Мнѣ кажется, становится свѣтлѣй.

БЕРТУЧЧИО.

Вы правы; свѣтъ зари подернулъ небо.

дожъ.

Такъ съ Богомъ же! Ступай и прикажи
Сейчасъ ударить въ колоколъ, а тамъ
Спѣши идти съ отрядомъ нашимъ прямо
Къ стѣнамъ дворца. Я встрѣчусь тамъ съ тобою;
Шестнадцать предводителей и ихъ
Сомкнутыя колонны проберутся
Различными путями. Не забудь
Лишь главнаго: занять парадный входъ.
Я не хочу довѣрить истребленія
Совѣта десяти кому-нибудь
Иному, кромѣ насъ. Съ толпой же прочихъ
Патриціевъ покончить могутъ руки
И менѣ испытанныхъ друзей.
Пускай вездѣ кричатъ: „Спаси насъ, Маркъ!
Враги стоятъ предъ гаванью! Къ оружію!
Патронъ нашъ и свобода!“ Торопись же!
Пора пришла!

БЕРТУЧЧИО.

Прощайте, добрый дядя!

Я встрѣчу васъ свободнымъ и монархомъ,
Иль больше мы не свидимся.

дожъ.

Поди

Ко мнѣ, Бертуччо мой! Дай мнѣ обнять

Тебя на разставанье. Поспѣшай же;
Заря встаетъ. Когда ты встрѣтишь нашихъ
Товарищей—пришли меня объ этомъ
Увѣдомить, а тамъ пускай набатъ,
Какъ Божій громъ, раздастся съ башни
Марка!

(Бертуччио уходитъ.)

дожъ (одинъ).

Уходитъ онъ и каждый шагъ его
Отдастся въ комъ-нибудь потерей жизни.
Свершится рокъ! Ужасный ангелъ смерти
Витаетъ надъ Венеціей, и если
Еще надъ ней не пролилъ чаши гнѣва,
То только потому, что роковой
Его полетъ походить на паренъ
Орла въ свободномъ воздухѣ, когда,
Избравъ себѣ добычу и сдержавши
На мигъ полетъ, бросается онъ вновь
Съ удвоенною силой и пронзаетъ
Смертельнымъ клювомъ жертву. Какъ,

однако,

Свѣтлѣетъ небо медленно! Спѣши,
Желанный день! Я не привыкъ разить
Враговъ во тьмѣ, чтобъ мечъ не зналъ
ошибки.

А ты лазурь волны! не мало разъ
Видалъ я, какъ краснѣла ты подъ кровью
Арабовъ, генуэзцевъ или гунновъ!
Лилась при томъ и кровь венеціанцевъ,
Но кровь побѣдной славы ихъ; теперь же
Зардѣешься, свободная волна,
Другую кровью ты! Насъ не утѣшитъ
При этомъ мысль, что варварская кровь
Здѣсь льется точно такъ же, въ этомъ
страшномъ

Потокѣ пурпура. Друзья ль, враги ли
Должны погибнуть нынче,—это будутъ
Все жъ граждане и дѣти одного
Отечества. И я—прожившій больше,
Чѣмъ восемьдесятъ лѣтъ, занявшій постъ
Хранителя отчизны, пробуждавшій
Такой восторгъ, что тысячи народа
Бросали шапки въ воздухъ, оглашая
Его мольбой, чтобъ Божья благодать
Ниспала на чело мое, со славой
И долгимъ, мирнымъ вѣкомъ—я теперь
Увижу этотъ день. Но, впрочемъ, чѣмъ бы
Ни кончилось—день этотъ, чья судьба
Отмѣтится ужаснымъ чернымъ знакомъ
Въ календаряхъ, начнетъ собою эру
Иной, счастливой жизни. Дождь Дандоло,
Прожившій девяносто съ лишнимъ лѣтъ,
Разилъ всю жизнь враговъ и отказался
Принять вѣнецъ монарха. Я готовъ
На это точно также, но за то
Отдамъ свободу родинѣ, хоть, правда,
Дурнымъ, ужаснымъ средствомъ, но конецъ

Оправдываетъ все. Людскую кровь
Не цѣнять часто ни во что, но ложно
Людскою будетъ даже и называть
Кровь низкихъ этихъ деспотовъ. Они,
Какъ злой Молохъ, питаются, напротивъ,
Людскою кровью сами, но пришла
Теперь пора отправить ихъ въ могилы,
Которыя такъ щедро населяли
Они своими ближними. О, мѣръ!
О, родъ людской! Скажи: что ты такое
Со сбродомъ всѣхъ пустыхъ твоихъ понятій,
Какимъ даешь ты имя добрыхъ дѣлъ?
Зачѣмъ должны карать мы преступленье
Такимъ же преступленьемъ? Убивать
До времени людей, тогда какъ смерть
Взяла бы ихъ сама чрезъ два—три года,
Излишнимъ сдѣлавъ мечъ? Къ чему я самъ,
Доживъ до лѣтъ, недалнихъ до предѣла
Иной, загробной жизни, посылаю
Теперь туда людей точъ въ точъ герольдовъ
Предвѣстниками мнѣ? Но, впрочемъ, что
Объ этомъ разсуждать!

(Минута молчанья).

Чу! что я слышу?
Мнѣ кажется вдали раздался говоръ
И звукъ шаговъ, идущихъ дружнымъ мар-
шемъ!

Иль это мнѣ почудилось? Насъ часто
Обманываетъ такъ воображенье
Въ минуты ожиданья! Знакъ не поданъ,
И посланный племянника теперь
Быть долженъ ужъ въ дорогѣ. Можетъ
статься,

Что въ этотъ самый мигъ скрипнуть на
петляхъ

Тяжелая окованная дверь,
Ведущая на башню, гдѣ виситъ
Громадный мѣдный колоколъ, ужасный
Вѣщатель смерти дождей или бѣдъ,
Постигшихъ государство. Пусть же онъ
Исполнить нынче долгъ свой! Пусть
вздогнутъ

Въ основахъ стѣны башни подъ послѣднимъ
Его зловѣщимъ звономъ! Что же это,
Однако, можетъ значить? Тишина!

Я самъ готовъ пойти туда, но постъ мой
Нужнѣ здѣсь. Вокругъ меня должны
Столпиться всѣ; во мнѣ та связь и сила,
Которыми скрѣпляется различье
Намѣреній и цѣлей, постоянно
Мѣшающихъ подобнымъ предпріятіямъ.
Я долженъ поддержать геройство въ слабыхъ
Затѣмъ, что если надо ожидать
Рѣшительной рѣзни—она навѣрно
Случится здѣсь, въ стѣнахъ дворца. Я
долженъ

Остаться здѣсь, какъ слѣдуетъ главѣ
Задуманнаго дѣла. Чу! идутъ!
Ужели это посланный Бертуччо?
Успѣлъ ли онъ? зачѣмъ онъ здѣсь?

Входитъ офицеръ со стражей.

дожъ.

Они!

Пропало все! Но все жъ я долженъ сдѣлать
Еще одно усиліе.

офицеръ.

Дождь! ты плѣнникъ

За тяжкую измѣну государству.

дожъ.

Я плѣнникъ? я? твой герцогъ? кто позволилъ
Себѣ такую дерзость? Кто назвалъ
Измѣнникомъ меня, скрывая этимъ
Свою измѣну самъ?

офицеръ (показывая бумагу).

Вотъ приказанье

Совѣта Десяти.

дожъ.

Зачѣмъ и гдѣ

Собрался ихъ совѣтъ? Иль ты не знаешь,
Что онъ законенъ только, если герцогъ
Присутствуетъ въ собраньи? Эта жъ долж-
ность

Лежитъ на мнѣ такъ точно, какъ твоя
Обязанность сейчасъ мнѣ дать дорогу,
Иль проводить къ Совѣту Десяти.

офицеръ.

Слова твои напрасны. Онъ собрался
По экстреннымъ дѣламъ въ монастырь
Спасителя, а не въ обычной залѣ.

дожъ.

Ты смѣешь быть ослушникомъ?

офицеръ.

Служу я

Венеціи и буду ей служить
По данной клятвѣ вѣрно. У меня
Въ рукахъ приказъ правительства.

дожъ.

Въ приказѣ

Законной силы нѣтъ, покуда герцогъ
Его не подписалъ; приказъ же, данный
Такимъ путемъ, преступенъ. Развѣ жизнь
Тебѣ не дорога, что ты дерзаешь
Брать на себя отвѣтственность за акты,
Противные закону?

офицеръ.

Я обязанъ

Исполнить, что велятъ, не разсуждая.

Мнѣ велѣно стеречь тебя; судить же
И дѣлать заключенья я не вправѣ.

дождь (*въ сторону*).

Мнѣ только бы продлить немного время,
Пока раздастся звонъ. Тогда пойдетъ
Все хорошо. Спѣши, спѣши, племянникъ!
Теперь нашъ жребій брошенъ на вѣсы!
Кто бъ ни былъ побѣдителемъ: народъ ли
Со мной въ главѣ, или бѣдная толпа
Рабовъ съ своимъ Сенатомъ — побѣжден-
ныхъ

Равно постигнетъ гибель.

(*Раздается звонъ большого колокола Святого
Марка*).

Звонъ! раздался
Желанный звукъ! (*Стражъ*).

Вы слышите ли стая
Наемщиковъ, покорныхъ лишь изъ страха
Лишиться заработка? Этотъ звукъ
Вашъ приговоръ! Гуди, гуди сильнѣе,
Могучій звонъ! Какой теперь цѣной,
Бездѣльники, придется заплатить
За ваше преступленіе вамъ?

офицеръ.

Проклятье!
Эй! на-голо мечи—и стерегите
Входную дверь! Когда намъ не удастся
Заставить замолчать сейчасъ же этотъ
Проклятый звонъ — все кончено! Должно
быть,

Мой посланный не понялъ приказанья,
Иль сбился на пути, внезапно встрѣтивъ
Нежданную помѣху. Сбѣгай живо,
Ансельмъ, на колокольню; я останусь
Здѣсь съ прочими.

(*Часть стражи уходитъ*).

дождь.

Несчастный, трепещи!
Проси себѣ прощенья, если только
Ты цѣнишь жизнь! Ей суждено продлиться
Не болѣе минуты. Разсылай
Теперь своихъ бездѣльниковъ; имъ больше
Сюда не возвратиться.

офицеръ.

Если такъ,
Они умрутъ при честномъ исполненіи
Того, что имъ приказано, какъ я.

дождь.

Глупецъ! глупецъ! ты думаешь орелъ
Польстится на подобную добычу,
Какъ ты съ твоею сволочью? Живи,
Пока не навлечешь себѣ погибель
По собственной винѣ; и если души,

Подобныя твоей, способны видѣть
Свѣтъ истины, тогда учись хотѣ знать,
Что значить быть свободнымъ.

офицеръ.

Ты жъ учись
Пока мѣсть быть подъ стражей. Звонъ умолкъ,
Проклятый знакъ, которымъ вы хотѣли
Спустить ватагу черни на Сенатъ!
Онъ точно прогудѣлъ рѣшеніе смерти,
Но только не Сенату.

дождь.

Спасенья нѣтъ! Стихло все!

офицеръ.

Ну, что ты скажешь, дождь?
Иль будешь ты еще меня винить
Въ измѣнѣ и откажешься сознаться,
Что я исполнилъ долгъ?

дождь.

Молчи, бездѣльникъ!
Ты совершилъ дѣйствительно поступокъ,
Вполнѣ тебя достойный: добылъ плату
За кровь мою! Купившіе за деньги
Твои труды, сѣмѣютъ наградить
Тебя за это щедро. Но, однако,
Не забывай, что ты сюда явился
Меня стеречь, а не болтать, какъ это
Сказалъ мнѣ самъ. Такъ исполняй же долгъ
Свой въ точности. Хотя я теперь и плѣнникъ,
Но все еще твой герцогъ.

офицеръ.

Въ этомъ я
Вполнѣ послушенъ вамъ и не позволю
Ничѣмъ затронуть вашъ высокій санъ.

дождь (*въ сторону*).

Теперь могу я только умереть.
А какъ успѣхъ былъ близокъ! Какъ охотно
Я умеръ бы среди его разгара!
И вотъ какъ долженъ пасть я!

*Стража возвращается съ арестованнымъ
Бертуччіо Фальеро.*

2-й офицеръ.

Мы схватили
Его у двери башни, гдѣ набатъ
Раздался по его распоряженію
Приказомъ герцога.

1-й офицеръ.

Стоитъ ли стража
У всѣхъ дверей и входовъ во дворецъ?

2-й офицеръ.

Стоитъ вездѣ. Теперь ужъ, впрочемъ, въ
этомъ

Нѣтъ надобности больше; всѣ вожди
Закованы, а нѣкоторыхъ даже
Потребовали въ судъ. Сообщники
Разсѣяны и многихъ захватили.

БЕРТУЧЧІО.

О, дядя! дядя!

дожъ.

Пользы нѣтъ бороться
Съ несчастною судьбой! Былая слава
Покинула нашъ домъ.

БЕРТУЧЧІО.

Кто могъ представить
Такой исходъ? Одной минутой раньше бь...

дожъ.

Минута та могла бы измѣнить
Дѣла вѣковъ—и это ужъ одно
Насъ подарить безсмертіемъ навѣки!
Мы встрѣтимъ смерть, какъ люди, для ко-
торыхъ

Тріумфъ не заключается въ одномъ
Успѣхѣ предпріятія! Что бѣ въ грядущемъ
Ни ждало насъ, мы оба встать съумѣемъ
Съ судьбой лицомъ къ лицу. Не содрогайся!
Все кончится въ минуту! Я готовъ бы
Испить одинъ ту чашу; но коль скоро
Они заставятъ насъ итти съ тобою
Однимъ путемъ—намъ должно показать,
Что мы вполне достойны нашихъ предковъ
И насъ самихъ.

БЕРТУЧЧІО.

Повѣрь, почтенный дядя,
Что я не осрамлю тебя.

1-й офицеръ.

Синьоры!

Намъ данъ приказъ васъ размѣстить не-
медля

Въ отдѣльные покои до поры,
Когда Совѣтъ васъ пригласитъ къ допросу.

дожъ.

Къ допросу? насъ? Ужель они хотятъ
Такъ далеко завести свою насмѣшку?
Пускай они поступятъ съ нами такъ же,
Какъ мы хотѣли съ ними, но къ чему
Все это представленье? Наши ставки
Въ игрѣ вѣдь были равны. Мы играли
На жизнь иль смерть—ударъ достался имъ,
Хотя они и взяли перевѣсъ
Фальшивыми костями. Кто же былъ
Іудой нашимъ здѣсь?

1-й офицеръ.

Я не могу

На это вамъ отвѣтить.

БЕРТУЧЧІО.

Я отвѣчу

Вамъ за него. Іудой былъ Бертрамъ.
Онъ и теперь подробно разясняетъ
Доносъ свой гнусный Юнтѣ.

дожъ.

Какъ! Бертрамъ?

Тотъ бергамасецъ? О, судьба! какими
Ничтожными ты средствами спасаешь
Иль губишь насъ порой! И эта тварь,
Предательствомъ запятнанная дважды,
Теперь заслужить почести и славу,
Какъ гуси Капитолія, чьимъ крикомъ
Былъ пробужденъ заснувшій римскій станъ
За что достойно заслужилъ
Себѣ тріумфъ, тогда какъ Манлій, спасшій
Отъ галловъ стѣны города, былъ сброшенъ
Съ Тарпейскаго утеса.

1-й офицеръ.

Онъ замыслилъ

Измѣну государству и искалъ
Въ немъ сдѣлаться тираномъ.

дожъ.

Онъ хотѣлъ

Исправить то, что спасъ!.. Но, впрочемъ, что
Объ этомъ толковать намъ! Исполняйте
Свою обязанность.

1-й офицеръ.

Бертуччо, мы

Должны васъ помѣстить теперь отдѣльно
Во внутреннихъ покояхъ.

БЕРТУЧЧІО.

До свиданья,

Почтенный, добрый дядя! Если намъ
Не суждено увидѣться предъ смертью,
То, можетъ быть, они позволяютъ вмѣстѣ
Зарыть хотъ наши трупы.

дожъ.

Да! такъ будемъ

Мы вмѣстѣ и на небѣ! наши души
Исполнять то, что стало не подъ силу
Для бранныхъ нашихъ тѣлъ! Враги не
могутъ
Заставить истребить въ сердцахъ потомства
Разсказъ о тѣхъ, которые хотѣли
Низвергнуть злыхъ деспотовъ съ ихъ
троновъ.

Въ грядущемъ нашъ примѣръ найдетъ себѣ
Достойныхъ подражателей, хоть, правда,
До этого придется долго ждать!

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Зала Совѣта Десяти. Засѣданіе Юнты, составлен-
ной изъ членовъ Совѣта и сенаторовъ для суда
надъ Марино Фальеро и его сообщниками.

Израэль Бертуччіо и Календаро подъ
стражей.

Бенинтенде, Бертрамъ, Ліони,
офицеры и стража.

БЕНИНТЕНДЕ.

Теперь, въ виду открытаго исполнѣ
Ихъ замысла, намъ остается только
Прочестъ закоренѣлымъ этимъ людямъ
Ихъ приговоръ—печальный долгъ, равно
Для нихъ и для судей. Увы! зачѣмъ
Жестокая судьба опредѣлила
Исполнить это мнѣ? За что должны
Дни моего достойнаго служенья
Отечеству отмѣтиться въ грядущемъ
Разказомъ о такой безумно-гнусной
Измѣнѣ государству, такъ давно
Прославленному въ мірѣ, какъ оплотъ
Всѣхъ христіанъ отъ еретичныхъ грековъ,
Коварныхъ, злобныхъ гунновъ, сарацинъ
И варваровъ такихъ же точно, франковъ!
Прекрасный чудный городъ, чѣмъ ста-
раньемъ
Открытъ Европѣ путь къ неисчислимымъ
Богатствамъ Индіи! Народъ, чья храбрость
Дала послѣднимъ римлянамъ возможность
Спасти отъ ордъ Аттилы! Городъ, бывшій
Всегда царицей моря! сокрушившій
Достойно гордость Генуи—и онъ-то
Чуть не погибъ теперь отъ горсти низкихъ,
Потерянныхъ людей, рискнувшихъ жизнью
Затѣмъ, чтобъ погубить его! Пускай же
Они умрутъ за это!

ИЗРАЭЛЬ БЕРТУЧЧІО.

Мы готовы—

И жаждемъ умереть, благодаря
Стараньямъ вашей пытки.

БЕНИНТЕНДЕ.

Если вы

Хотите что-нибудь открыть суду
И тѣмъ смягчить суровость вашей казни,
Мы выслушаемъ васъ. На это время
Покаместъ не ушло, и вы могли бы
Воспользоваться имъ.

ИЗРАЭЛЬ БЕРТУЧЧІО.

Мы здѣсь затѣмъ,

Чтобъ слушать васъ, а не болтать напрасно.

БЕНИНТЕНДЕ.

Преступность ваша ясна изъ признаній,
Какія предъ судомъ открыли ваши
Сообщники, и также изъ другихъ
Побочныхъ обстоятельствъ. Намъ, однако,
Хотѣлось бы услышать откровенный
Разказъ отъ васъ самихъ о вашемъ гнус-
номъ

Прошедшемъ замыслѣ. Теперь вы оба
Стоите на границѣ бездны смерти,
Откуда нѣтъ возврата—потому
Раскаянье одно принесть вамъ можетъ
Добро и здѣсь, и въ небѣ. Говорите жъ,
Чего вы добивались?

ИЗРАЭЛЬ БЕРТУЧЧІО.

Правосудья.

БЕНИНТЕНДЕ.

Еще чего?

ИЗРАЭЛЬ БЕРТУЧЧІО.

Свободы.

БЕНИНТЕНДЕ.

Ты пораженъ

Въ своихъ словахъ.

ИЗРАЭЛЬ БЕРТУЧЧІО.

Не мудрено: вѣдь я
Воспитанъ, какъ солдатъ, не какъ сенаторъ.

БЕНИНТЕНДЕ.

Ты, можетъ быть, задумалъ возбудить
Участіе такимъ отвѣтомъ въ судьяхъ,
Отсрочить время казни?

ИЗРАЭЛЬ БЕРТУЧЧІО.

Я, напротивъ,

Хочу, чтобъ судъ вашъ поступилъ поспѣш-
нѣй,
Чѣмъ скорѣ я былъ въ отвѣтахъ. Казнь
мнѣ будетъ
Сноснѣй, чѣмъ ваша милость.

БЕНИНТЕНДЕ.

Это все,
Что ты сказать имѣешь предъ Совѣтомъ?

ИЗРАЭЛЬ БЕРТУЧЧІО.

Ступайте къ палачамъ своимъ: пускай
Они передадутъ вамъ тѣ признанья,
Какія имъ мы сдѣлали подъ пыткой!

Иль прикажите насъ пытатъ сначала!
У насъ еще осталась капля крови
И искра чувства въ членахъ! Но на это
Согласны вы не будете. Когда бы
Случилось, что, не выдержавъ страданій,
Мы умерли подъ пыткою на дыбъ,
Покрытой нашей кровью—вы бъ лишились
Возможности тогда устроить нашей
Публичной казнью зрѣлище толпѣ,
Чтобъ запугать враговъ своихъ и легче
Держать въ своей ихъ власти. Стоны боли
Не могутъ быть словами, и признанье
Подъ пыткой въ страшныхъ мукахъ—не
признанье.

Измученное тѣло радо будетъ
Прибѣгнуть къ лжи, чтобъ отдохнуть отъ
мукъ;
Но гдѣ жъ тутъ будетъ истина?—Рѣ-
шайте жъ,
Должны ль еще терпѣть мы, или можемъ
Надѣяться на смерть?

БЕНИНТЕНДЕ.

Откройте, съ кѣмъ
Въ сообщничествѣ были вы?

ИЗРАЭЛЬ ВЕРТУЧЧИО.

Съ Сенатомъ.

БЕНИНТЕНДЕ.

Что? что?

ИЗРАЭЛЬ ВЕРТУЧЧИО.

Спросите въ этомъ объясненья
У бѣднаго народа; онъ былъ вызванъ
Свершать злодѣйства подвигами вашихъ
Патриціевъ.

БЕНИНТЕНДЕ.

Давно ль знакомъ вамъ дожъ?

ИЗРАЭЛЬ ВЕРТУЧЧИО.

Я вмѣстѣ съ нимъ сражался въ битвѣ Зары,
Когда вы всѣ здѣсь спорили о томъ,
Кому и какъ сидѣть. Мы рисковали
Своею жизнью въ битвѣ; вы же только
Умѣли посылать на смерть другихъ
Своими приговорами. Фальеро
Извѣстенъ всей Венеціи своими
Великими дѣлами и обидой,
Которую нанесъ ему Сенатъ.

БЕНИНТЕНДЕ.

И долго вы условливались съ нимъ
О вашемъ заговорѣ?

ИЗРАЭЛЬ ВЕРТУЧЧИО.

Я усталъ

Вамъ отвѣчать, усталъ еще сильнѣе,
Чѣмъ послѣ вашей пытки. Скоро ль будетъ
Конецъ допросу этому?

БЕНИНТЕНДЕ.

Мы скоро
Придемъ къ нему. А ты что возразить
Намъ можешь, Календаро?

КАЛЕНДАРО.

Я плохой
Разсказчикъ вообще, а здѣсь не вижу
И пользы говорить.

БЕНИНТЕНДЕ.

Быть можетъ, пытка
Заставила бъ тебя перемѣнить
Твой дерзкій тонъ.

КАЛЕНДАРО.

О да!—быть можетъ! это
Вы видѣли уже при первой пыткѣ.
Допросъ вашъ съ пыткой можетъ измѣнить
Мой тонъ, но не слова! А если бъ даже
Случилось и это...

БЕНИНТЕНДЕ.

Что тогда?

КАЛЕНДАРО.

Ужель считать вы будете законнымъ
Признаніе подъ пыткой?

БЕНИНТЕНДЕ.

Безъ сомнѣнья.

КАЛЕНДАРО.

И вы могли бъ при этомъ обвинить,
Кого оговорилъ я?

БЕНИНТЕНДЕ.

Онъ тотчасъ же
Былъ вызванъ бы къ допросу.

КАЛЕНДАРО.

И погибъ бы
По этому свидѣтельству?

БЕНИНТЕНДЕ.

Да! Если бъ
Твой оговоръ былъ важенъ и правдивъ,
Онъ долженъ былъ отвѣтить бы тогда
Передъ судомъ.

КАЛЕНДАРО.

Замѣть же, президентъ,
Твои слова, и знай, что я клянусь
Той вѣчностью, которая зіяетъ
Передо мной, оговорить подъ пыткой
Измѣнникомъ тебя! тебя!—и больше
Не вымолвлю ни слова.

Одинъ изъ членовъ.

Мнѣ бъ казалось,
Достойный президентъ, что время кончить

Допросъ рѣшеньемъ дѣла. Врядъ ли мы
Отъ нихъ узнаемъ что-нибудь еще.

БЕНИНТЕНДЕ.

Готовьтесь же, несчастные, немедля
Къ позорной вашей казни! Вашъ просту-
покъ,

Опасность государства и законъ
Не дозволяютъ дать вамъ ни минуты
Отсрочки приговора. Отведите
Ихъ на балконъ, гдѣ красныя колонны.
Оттуда смотреть дождь при карнавалѣ
На бой быковъ. Пусть ихъ повѣсятъ тамъ
И выставятъ тѣла ихъ на позоръ
Собравшейся толпѣ. Пошли, Господь, имъ
Прощенье въ ихъ грѣхахъ!

ЧЛЕНЫ СУДА.

Аминь!

ИЗРАЭЛЬ БЕРТУЧЧИО.

Прощайте,

Достойные синьоры: больше намъ
Вѣдь не сойтись въ одномъ и томъ же
мѣстѣ.

БЕНИНТЕНДЕ.

А чтобъ они не вздумали начать
Вести съ народомъ рѣчь во время казни,
Пускай заткнутъ имъ рты. Теперь ступайте.

КАЛЕНДАРО.

Какъ! значить намъ отказано предъ смертью
Увидѣться съ друзьями и принести
Раскаянье въ грѣхахъ своихъ?

БЕНИНТЕНДЕ.

Священникъ

Васъ ждетъ въ той комнатѣ. Что жъ до
свиданья
Съ знакомыми, то это можетъ только
Разстроить ихъ, а вамъ не принести
Ни радости, ни пользы.

КАЛЕНДАРО.

Какъ ни зналъ

Я хорошо, что тѣ изъ насъ, кому
Желанье жить милѣе было сладкой
Свободы говорить, не смѣли молвить
Ни слова правды—все жъ предъ смертью я
Надѣялся, что не откажутъ намъ
Въ свободѣ вольной рѣчи и позволятъ
То, въ чемъ отказа не было ни разу
Идущимъ умирать! Но—будь, что будетъ!

ИЗРАЭЛЬ БЕРТУЧЧИО.

Пускай ихъ поступаютъ, какъ хотятъ!
Достойный Календаро! Что намъ значить

Десятокъ лишнихъ словъ? Я предпочту,
Напротивъ, умереть, не бывъ обязанъ
Ничѣмъ убійцамъ нашимъ. Наша кровь
Возопіетъ сильнѣе къ небесамъ
За нашу смерть, чѣмъ это въ состоянн
Исполнить цѣлый томъ рѣчей и словъ,
Написанныхъ или сказанныхъ. Ты видишь,
Какъ страшенъ имъ нашъ голосъ. Будь
увѣренъ,
Что мы на нихъ наводимъ ужасъ даже,
Когда молчимъ. Пускай они живутъ
Съ ихъ вѣчною боязнью! Намъ же думать
Осталось лишь о будущемъ. Идемъ!
Мы слѣдовать готовы.

КАЛЕНДАРО.

Израэль!

Припомни, что когда бы ты послушалъ
Меня тогда—мы не были бы здѣсь.
Измѣнникъ нашъ Бертрамъ...

ИЗРАЭЛЬ БЕРТУЧЧИО.

Довольно! полно!

Что пользы толковать о томъ теперь?

БЕРТРАМЪ.

О, какъ охотно умеръ бы я съ вами!
Я не желалъ подобнаго исхода!
Меня къ нему принудили. Простите
Меня, я васъ молю, хоть самъ вовѣки
Себя не извиню я! Не смотрите
Такъ гнѣвно на меня.

ИЗРАЭЛЬ БЕРТУЧЧИО.

Я, умирая,

Тебя простилъ.

календаро (*плюнувъ на Бертрама*).

А для меня ты гнусенъ

Попрежнему.

(*Стража уводитъ Израэля Бертуччио и
Филиппа Календаро*).

БЕНИНТЕНДЕ.

Теперь, когда оконченъ

Нашъ судъ надъ ними—время приступить
Къ важнѣйшему предмету; произнести
Нашъ приговоръ злодѣю, съ кѣмъ едва ли
Сравнится въ преступленьяхъ кто-нибудь
Въ исторіи—измѣннику Фальеро.
Вина его ясна вполнѣ, а время
И многія причины заставляютъ
Насъ поспѣшить своимъ рѣшеньемъ.

Должно ль

Позвать его тотчасъ, чтобъ объявить
Судьбу, какая ждетъ его?

ЧЛЕНЫ.

Да! да!

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ВАЙРОНА.

БЕНИНТЕНДЕ.

Авогадори! прикажите вызвать
Къ суду Совѣта дожа.

одинъ изъ членовъ.

А когда же
Судить мы будемъ прочихъ?

БЕНИНТЕНДЕ.

Надо кончить
Сперва съ главами дѣла. Ихъ не мало
Бѣжать успѣло въ Кьюццу, но погоня
Преслѣдуетъ бѣжавшихъ по пятамъ.
На сушѣ и на морѣ вообще
Все сдѣлано, чтобъ ни одинъ преступникъ
Не могъ пробраться тайно за границу,
И сталъ тамъ клеветать на нашъ Сенатъ.

Входитъ дождь подъ стражей.

БЕНИНТЕНДЕ.

Дождь! Такъ должны мы звать васъ по
закону,

Пока не будетъ снята шапка чести
Съ преступной головы, не захотѣвшей
Носить вѣнецъ морей, славнѣйшій вдвое,
Чѣмъ царскіе вѣнцы! желавшей дерзко
Возстать на тѣхъ, чьей волей встали вы
Такъ высоко, и обагрить отчизну
Въ ея крови. Улики противъ васъ
Ужъ были вамъ предъявлены предъ нашимъ
Судомъ Авогадори, и, по правдѣ
Сказать, едва ль когда-нибудь бывали
Онѣ полнѣй, чтобъ уличить въ измѣнѣ
Преступника. Что можете сказать
Себѣ въ защиту вы?

дождь.

Что стану я
Вамъ говорить, когда моя защита
Лишь можетъ обратиться въ обвиненье
Противу васъ? Виновные здѣсь вы,
И вмѣстѣ обвинители! Вы судьи
И палачи! Такъ пользуйтесь же властью,
Вамъ данною.

БЕНИНТЕНДЕ.

Сообщники-злодѣи
Проступковъ вашихъ показали явно
Все противъ васъ—и вамъ спасенья нѣтъ.

дождь.

А кто они?

БЕНИНТЕНДЕ.

Ихъ было много. Вотъ
Стоитъ одинъ, Бертрамъ. Угодно ль вамъ
Спросить его?

дождь.

(Взглянувъ на Бертрама съ презрѣньемъ).
Нѣтъ!

БЕНИНТЕНДЕ.

Остальные двое,
Бертуччо Израэль и Календаро,
Призналися равно, что съ ними былъ
Въ сообщничествѣ дождь.

дождь.

А гдѣ они?

БЕНИНТЕНДЕ.

Тамъ, гдѣ имъ должно быть: они на небѣ,
Гдѣ ждутъ себѣ возмездья за проступокъ,
Свершенный на землѣ.

дождь.

Какъ! казнены?
Плебейскій Брутъ и Кассій арсенала!
Скажите мнѣ, какъ встрѣченъ ими былъ
Послѣдній часъ?

БЕНИНТЕНДЕ.

Подумайте о вашемъ—
Онъ также не далекъ! Вы, значить, твердо
Рѣшились отказаться отъ защиты?

дождь.

Я не могу пускаться въ словопренье
Предъ низшими; равно не признаю
И правъ суда—судить меня. Какимъ
Закономъ онъ поставленъ?

БЕНИНТЕНДЕ.

Есть такія
Случайности, когда законъ быть долженъ
Лишь только приноровленъ. Наши предки
Оставили пробѣль въ своихъ законахъ
Для вашего проступка, точно такъ же,
Какъ римляне забыли помѣстить
Въ своихъ таблицахъ кару за убійство
Отца родного сыномъ. Для чего
Выдумывать имъ было наказанье
Подобному злодѣйству, о какомъ
И мысль сама не вздумала бѣ зайти
Въ геройскія сердца ихъ? Кто бѣ подумалъ
Дѣйствительно, что можетъ человекъ
Убить отца, иль чтобы могъ властитель
Возстать на государство? Мы напишемъ
Теперь такой законъ, благодаря
Злодѣйству, вами сдѣланному. Въ немъ
Назначится возмездіе тому,
Кто гнусною измѣною захочетъ
Достигнуть тиранніи, обративъ
Въ двуострый мечъ свой скипетръ! Неужели
Вамъ было недовольно зваться дожемъ

Венеции, считаясь первымъ въ кругѣ
Ея вельможъ?

дожъ.

Нѣтъ! нѣтъ! не я тебѣ,
А ты мнѣ измѣнила, Синьорія
Венеціи! Я славнымъ родомъ былъ
Не ниже васъ, заслугами жъ далеко
Васъ всѣхъ превосходилъ. Вы удалили
Намѣренно отъ дѣлъ меня; послали
Въ далекій край, на поле битвъ, за море
Поставили меня вѣнчанной куклой
Безъ власти и значенія на престолѣ,
Оставивъ всѣ права мои себѣ.
Я не искалъ, я не желалъ, не думалъ
Быть избраннымъ на высшій этотъ постъ.
Извѣстіе, что выборъ состоялся,
Меня застало въ Римѣ. Я послушно
Отправился въ Венецію—и что же
Нашелъ по возвращеніи? Вы не только
Удвоили шпіонство и помѣхи,
Которыми встрѣчали постоянно
Всѣ лучшія желанія вашихъ дожей,
Но вы за время то, пока я былъ
Въ отлучкѣ изъ столицы, сократили
И тотъ остатокъ жалкихъ правъ и власти,
Которыми доселѣ обладалъ
Вашъ герцогъ и властитель. Это все
Я снесъ безпрекословно, и готовъ бы
Снести былъ больше этого, когда бъ
Распутство ваше мнѣ не нанесло
Послѣдней и рѣшительной обиды
Въ моей семьѣ. Мой оскорбитель здѣсь
Сидитъ въ числѣ судей моихъ, межъ вами
Достойный членъ суда...

БЕНИНТЕНДЕ (*перебивая*).

Патрицій Стено
Здѣсь въ силу личныхъ правъ своихъ: онъ членъ

Совѣта Сорока, а мы рѣшили
Совѣтомъ Десяти, что для суда
Въ подобномъ небываломъ новомъ дѣлѣ
Въ немъ, сверхъ обычныхъ членовъ, при-
мутъ также

Участіе сенаторы. Та кара,
Къ которой присужденъ былъ Стено прежде,
Теперь съ него снята, затѣмъ что дожъ,
Поставленный блюстителемъ закона,
Его поправъ постыдно самъ и, значитъ,
Не вправѣ помогать наказанья
Другихъ за ихъ проступки.

дожъ.

Наказанья!

Мнѣ легче видѣть Стено здѣсь сидящимъ
И дать ему возможность насладиться

Моей погибелю, чѣмъ перенести,
Чтобъ онъ подвергнуть точно былъ смѣш-
ному

И глупому взысканью, на какое
Обрекъ его вашъ судъ. Проступокъ Стено,
Какъ онъ ни гнусенъ былъ, ничто въ срав-
неніи

Съ заступничествомъ вашимъ за него!

БЕНИНТЕНДЕ.

Возможно ли, чтобы великій дожъ
Венеціи, согбенный долгой жизнью
И славою восьмидесяти лѣтъ,
Способенъ былъ предаться такъ безумно
Минутной вспышкѣ гнѣва до забвенья
Всего, что намъ диктуетъ вѣрность, честь
Иль здравый смыслъ—и все изъ-за пустой,
Ничтожной шулки юноши?

дожъ.

Пожаръ

Рождается отъ искры; капля можетъ
Пролить сосудъ, а мой былъ переполненъ.
Вы оскорбляли вмѣстѣ и народъ,
И герцога. Я думалъ дать свободу
Обоимъ имъ, но мнѣ не удалось.
А будь я въ этомъ счастливъ, мнѣ наградой
Судьба дала бъ побѣду, славу, месть
И имя, передавшее вѣкамъ
Величіе Венеціи, съ которымъ
Могло бъ сравниться лишь одно величіе
Эллады или древнихъ Сиракузъ,
Въ славнѣйшую эпоху процвѣтанья.
Я самъ тогда сравниться бъ могъ съ Гелономъ
Иль славнымъ Тразивуломъ. Неудача,
Я знаю хорошо, судила мнѣ
Позоръ и смерть; но будущее скажетъ
Свой приговоръ о мнѣ, когда погибнетъ
Венеція, иль, наконецъ, получить
Желанную свободу. Пусть иначе
Не будетъ въ свѣтѣ правды! Не щадите
Меня и вы! Я бъ васъ не пощадилъ
И самъ не жду пощады. Я поставилъ
Рискованную ставку: такъ берите жъ
Свой выигрышъ, какъ взялъ бы свой и я
При счастливой удачѣ! Я хотѣлъ
Стоять одинъ надъ вашей могилой,
И потому вы можете теперь
Толпиться вокругъ моей и попирать
Ее ногами также, какъ попрали
При жизни сердце бѣдное мое.

БЕНИНТЕНДЕ.

Вы, значитъ, признаете вашъ проступокъ
И приговоръ суда?

дожъ.

Я признаю

Лишь только то, что палъ! Дары Фортуны

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ВАЙРОНА.

Измѣнчивы! Ее изображаютъ
Вѣдь женщиной. Не разъ мнѣ удавалось
Въ дни юности вкушать ея дары.
И вотъ теперь я самъ виновенъ, вздумавъ
Разсчитывать на ту же благосклонность
Ея къ преклоннымъ лѣтамъ.

БЕНИНТЕНДЕ.

Значить, вы
Не выскажете вашего протеста
На приговоръ?

дожъ.

Послушайте меня,
Почтенные патриции! Оставьте,
Прошу, допросы ваши! Я готовъ
Давно уже на худшее, но все же
Во мнѣ еще живетъ воспоминанье
О дняхъ былого счастья. Я не ангель,
Чтобъ много такъ терпѣть. Прошу, оставьте
Дальнѣйшіе вопросы; ими вы
Невольно превращаете вашъ судъ
Въ пустое словопренье. То, что я
Отвѣчу вамъ, способно будетъ только
Васъ оскорбить иль увеличить массу
Враговъ сословья вашего; а ихъ
Довольно безъ того. Конечно, стѣны
Здѣсь эха не имѣютъ; но у стѣнъ
За то бываютъ уши, а подъ часъ
И языки. Я даже вамъ скажу,
Что если бѣ точно не было другого
Исхода гласу правды, то вы сами,
Собравшіеся здѣсь меня судить,
Готовые убить меня изъ страха,
Вы сами не сокроете въ могилѣ
Съ собой того, что я бы вамъ сказалъ,
Дурного иль хорошаго. Вашъ духъ
Не въ силахъ былъ бы вынести значенья
Моихъ послѣднихъ словъ. Пускай же спятъ
Онѣ въ моей душѣ: повѣрьте, вы,
Услышавъ ихъ, накликали бѣ опасность
На жизнь свою, ужаснѣйшую вдвое
Въ сравненіи съ той, которой удалось
Вамъ избѣжать. Моя защита, вѣрьте,
Могла бѣ имѣть дѣйствительно такое
Ужасное значенье, если бѣ только
Я захотѣлъ себя прославить ею!
Слова—дѣла, а если произносить
Ихъ человѣкъ, готовый умереть,
То ими часто можетъ онъ жестоко
Отмстить за смерть свою. Не заставляйте
Меня вамъ говорить, когда хотите
Спокойно пережить меня. Примите
Разумный мой совѣтъ. При жизни вы
Не разъ меня умѣли доводить
До ярости, такъ дайте жъ хоть спокойно
Теперь окончить жизнь! Я передъ вами

Не стану ни оправдывать себя,
Ни отрицать, ни даже защищаться!
Я васъ прошу лишь только объ одномъ:
Позвольте мнѣ молчать и поспѣшите
Скорѣй съ своимъ рѣшеньемъ!

БЕНИНТЕНДЕ.

Эта рѣчь

И полное признанье позволяютъ
Намъ отложить необходимость пытки,
Чтобы развѣдать правду.

дожъ.

Пытки! Вы

Пытаете давно меня:—съ минуты
Какъ сталъ я вашимъ дожемъ; но когда бѣ
И стали вы пытатъ меня тѣлесно,
То вѣрьте мнѣ, что еслибъ эти члены,
Ослабленные старостью, не въ силахъ
Снести бы были мукъ, то бодрый духъ мой
Заставилъ утомиться бѣ палачей.

Входитъ офицеръ.

офицеръ.

Почтенные сенаторы, меня
Сюда прислала съ просьбой догаресса—
Позволить ей явиться въ засѣданье.

БЕНИНТЕНДЕ.

Угодно ли совѣту разрѣшить
Принцессѣ эту просьбу?

одинъ изъ судей.

О, конечно!

Она, быть можетъ, дастъ намъ показанья,
Какія нужны намъ, а потому
Одно ужъ это должно насъ заставить
Ея уважить просьбу.

БЕНИНТЕНДЕ.

Съ этой мыслью

Согласны всѣ?

члены.

Согласны!

дожъ.

О, достойный

Законъ венеціанцевъ! Позволяютъ
Женѣ явиться въ судъ, въ надеждѣ слышать
Отъ ней извѣтъ на мужа! Какъ должны
Гордиться этимъ всѣ венеціанки!
Но, впрочемъ, вы, вѣдь, слѣдуете только
Привычному влеченію злословить
Чужую честь! Ну, гнусный Стено! если
Рѣшится эта женщина сказать,
Что ждете вы, то я тебѣ прощаю
И ложъ твою, и ловкое умѣнье,

Съ которымъ ты избѣгнулъ должной кары,
И смерть мою, и даже то, что ты
Остался живъ.

Входитъ Анджіолина.

БЕНИНТЕНДЕ.

Синьора! судъ рѣшилъ
Исполнить вашу просьбу, не взирая
На то, что по закону вы едва ли бѣ
На то имѣли право. Все, что вы
Намъ скажете, мы выслушаемъ съ должнымъ
Почтеньемъ къ вашимъ качествамъ и сану.
Но вы блѣдны! вамъ дурно! Эй, подайте
Скорѣ стулъ синьорѣ!

АНДЖІОЛИНА.

Ничего!

То было лишь минутное волненье—
Оно прошло. Прошу, не беспокойтесь!
Я не хочу садиться тамъ, гдѣ мужъ мой
И герцогъ вашъ стоитъ.

БЕНИНТЕНДЕ.

Въ чемъ ваша просьба?

АНДЖІОЛИНА.

Зловѣщая молва, которой я
Боюсь повѣрить даже, долетѣла
До слуха моего; но если все,
Что вижу я и слышу,—справедливо,
То я пришла съ рѣшимостью узнать
Все худшее—все, все! Простите мнѣ
Внезапный мой приходъ! Я не могу
Спросить и даже вымолвить; но ваши
Нахмуренныя лица, ваши взоры,
Которые пытаетесь нарочно
Вы отворотить, отвѣтили ужъ мнѣ
Ужаснѣй словъ. О, Боже! такъ молчать
Способна лишь могила!

БЕНИНТЕНДЕ (*по молчавъ немною*).

Пощадите,

Синьора, насъ! Не заставляйте снова
Вамъ повторять, изъ сожалѣнья къ вамъ же,
Того, что мы съ прискорбіемъ рѣшили
Въ сознаньи долга къ людямъ и Творцу.

АНДЖІОЛИНА.

Прошу, скажите все! Я не могу
Подумать или вымолвить! не въ силахъ
Повѣрить этимъ слухамъ... Онъ? Онъ вами
Приговоренъ?

БЕНИНТЕНДЕ.

Увы!

АНДЖІОЛИНА.

Но развѣ онъ виновенъ?

БЕНИНТЕНДЕ.

Синьора, мы готовы извинить
Вамъ вашъ вопросъ изъ уваженья къ чув-
ству,

Которое способно васъ смутить
Въ подобный мигъ, иначе ужъ одно
Сомнѣніе въ правдивости рѣшенья
Высокаго суда должно бы было
Почесться нами за большой проступокъ.
Спросите сами дожа: если онъ
Осмѣлится публично отрицать
Свою вину—вы можете считать
Его тогда невиннѣй, чѣмъ вы сами.

АНДЖІОЛИНА.

Мой герцогъ! мой властитель! вѣрный другъ
Покойнаго отца! ужели правда—
Что слышу я! Ты, доблестный воитель
На полѣ битвъ, глава въ дѣлахъ совѣта—
Ужели ты не можешь доказать,
Что это клевета? И... Но ты безмолвенъ!

БЕНИНТЕНДЕ.

Онъ сдѣлалъ ужъ признанье и теперь,
Какъ видите, молчить, не отрицая,
Что сказано.

АНДЖІОЛИНА.

Но все же онъ не долженъ
За это умереть! Имѣйте жалость
Къ его годамъ! Позоръ и стыдъ недолго
Дадутъ ему прожить и безъ того.
А сверхъ того, возможно ль, чтобъ минута
Преступныхъ помышлений безъ слѣда
Изгладила живую память славы
Шестидесяти лѣтъ?

БЕНИНТЕНДЕ.

Нашъ приговоръ

Исполнится немедленно—таково
Рѣшеніе закона.

АНДЖІОЛИНА.

Если герцогъ

Виновенъ даже точно, то законъ
Имѣетъ право миловать.

БЕНИНТЕНДЕ.

Пощада

Въ подобныхъ преступленьяхъ не бываетъ
Совмѣстна съ правосудьемъ.

АНДЖІОЛИНА.

Тотъ, кто хочетъ

Быть только правосуднымъ—вмѣстѣ съ тѣмъ

Окажется жестокимъ. Кто бѣ остался
Живымъ изъ насъ, когда бы правосудье
Задумало карать безъ исключенья
За всѣ вины?

БЕНИНТЕНДЕ.

Возмездье за проступокъ,
Который онъ свершилъ, съ тѣмъ вмѣстѣ
будетъ
Спасеньемъ государства.

АНДЖІОЛИНА.

Онъ служилъ
Ему, какъ вѣрный подданный, спасалъ
Его, какъ храбрый вождь, и наконецъ
Былъ герцогомъ, правителемъ отчизны.

одинъ изъ членовъ.

Которой измѣнилъ, какъ заговорщикъ.

АНДЖІОЛИНА.

Но безъ него ее бы въ это время
И не было. Вы всѣ, кѣмъ рѣшена
Казнь вашего спасителя, томились
Теперь въ плѣну бы тяжкомъ мусульманъ
Иль рыли землю въ рудокопняхъ гунновъ.

одинъ изъ членовъ.

Едва ли такъ, синьора. Много есть
Людей, которымъ легче умереть
Чѣмъ жить въ неволѣ.

АНДЖІОЛИНА.

Если эта мысль
Васъ всѣхъ сидящихъ здѣсь, то лично вы
Должны быть исключеньемъ: кто владѣтъ
Поистинѣ достойнымъ, храбрымъ сердцемъ,
Не будетъ мстить упавшему врагу.
Итакъ, надежды нѣтъ?

БЕНИНТЕНДЕ.

И нѣтъ, и даже
Не можетъ быть.

АНДЖІОЛИНА (*обращаясь къ дожу*).

Умри жъ, Фальеро, если
Такъ быть должно! умри съ высокимъ ду-
хомъ
Покойнаго отца. Ты былъ виновенъ
Въ тяжеломъ преступленіи; но жестокость
Твоихъ судей изгладила его
Почти на половину. Я готова
Была бы ихъ просить, молить и плакать,
Какъ просить хлѣба нищій; умолять,
Какъ будутъ умолять напрасно сами
Они Творца о милости; но это
Нарушило бѣ достоинство и гордость

Обоихъ насъ, а, сверхъ того, жестокость,
Сквозящая въ глазахъ ихъ, обличаетъ
Презрѣнное и низкое ихъ сердце,
Способное лишь къ мести.

дожъ.

Я на свѣтѣ
Жилъ слишкомъ долго, чтобъ бояться
смерти.

Твои жъ мольбы предъ этими людьми
Не болѣе имѣли бы послѣдствій,
Чѣмъ жалкій стонъ ягненка передъ волкомъ
Иль слезы утопающихъ матросовъ
Предъ бурнымъ океаномъ. Я скажу,
Что даже не желалъ бы вѣчной жизни,
Когда бѣ она досталась мнѣ изъ рукъ
Чудовищъ злобныхъ этихъ, съ ихъ стре-
мленьемъ

Держать весь міръ въ оковахъ, отъ которыхъ
Задумалъ я его освободить.

МИКАЭЛЬ СТЕНО.

Постойте, дожъ! Мнѣ хочется сказать
Два слова вамъ и благородной дамѣ,
Которую—покаюсь всей душою—
Я тяжко оскорбилъ. О, если бѣ стыдъ
И чувство сожалѣнія могли
Изгладить память прошлаго! Но это,
Къ несчастью, невозможно. Потому
Мнѣ хочется теперь, по крайней мѣрѣ,
Проститься съ вами такъ, какъ христіанинъ
Прощается съ другимъ. Съ стѣсненнымъ
сердцемъ

Прошу у васъ себѣ я—не прощенья,
Но просто чувства жалости; я радъ
Вознестъ за васъ обоихъ къ небесамъ
Мои мольбы, какъ ни ничтожны будутъ
Онѣ передъ Творцомъ.

АНДЖІОЛИНА.

Позвольте мнѣ,
Разумный Бенинтенде—нынѣ главный
Судья Венеціи—отвѣтить вамъ
На рѣчь синьора этого. Прошу
Васъ передать невѣжливому Стено,
Что дерзкія слова такихъ людей
Не могутъ оскорбить дочь Лоредано
Но возбудить въ душѣ ея къ нему
Лишь только сожалѣнье. Всей душой
Желала бѣ я, чтобъ всѣ его считали,
Какимъ считаю я. Мнѣ честь дороже,
Чѣмъ десять тысячъ жизней, если бѣ я
Могла вмѣстить въ себѣ ихъ; но при этомъ
Я не хочу, чтобъ кто-нибудь лишился
Одной презрѣнной жизни за попытку
Разрушить то, чего сломить нельзя:
Сознанья добродѣтели, цѣнящей
Себя въ самой себѣ, не обращая

Вниманія на то, что говорят.
Слова клеветника не больше значать
Въ моихъ глазахъ, чѣмъ вѣтеръ, набѣжав-
шій

На твердую скалу; но, къ сожалѣнью,
Есть болѣе чувствительныя души,
Которыхъ тотъ же вѣтеръ возмущаетъ,
Какъ вихрь поверхность водъ; которымъ
мысль

Возможности безчестья хуже вдвое,
Чѣмъ смерть сама. Несчастный недостатокъ
Такихъ людей въ томъ именно, что имъ—
Воздержнымъ въ наслажденьяхъ, строгимъ
въ жизни,

Разумнымъ въ горѣ—слишкомъ дорога
Честь имени, которое они
Готовы охранять, какъ охраняетъ
Свое гнѣздо орелъ. Желаю я,
Чтобъ то, что мы испытываемъ нынче,
Хоть въ будущемъ урокомъ послужило
Презрѣннымъ, низкимъ личностямъ—воз-
держнѣй

Судить о тѣхъ, кто выше ихъ по чувствамъ
И по душѣ. Не новость, что комаръ
Приводитъ въ ярость льва; стрѣла сразила,
Попавши въ пятку, храбраго изъ храбрыхъ;
Безчестье женщины сгубило Трою,
Оно жъ лишило Римъ его царей;
Обиженнымъ супругомъ преданъ Ключій
Во власть былъ жаднымъ галламъ, и оттуда
Они проникли въ Римъ, погибшій прежде,
Чѣмъ долженъ былъ погибнуть; свѣтъ
терпѣль

Жестокости Калигулы, но низкій
Его поступокъ съ женщиной принесъ
Тирану смерть; Испанія досталась
Въ добычу маврамъ вслѣдствіе обиды
Ничтожной, бѣдной дѣвушки, а нынче
Мы видимъ то, что строчка клеветы,
Написанная Стено, обезлюдить
Венецію; заставить содрогнуться
Ея Сенатъ, считающій вѣками
Свое существованье; будетъ стоять
Короны государю, положивъ
Его на плаху голову; скуетъ
Народъ тягчайшей цѣпью. Пусть же Стено
Кичится этимъ всѣмъ, какъ куртизанка,
Поджигшая Персеполисъ! Для низкихъ
Презрѣнныхъ душъ такая гордость будетъ
Достойна ихъ; но пусть, по крайней мѣрѣ,
Не смѣетъ оскорблять своей онъ просьбой
Послѣдніе часы того, кто можетъ
Считаться кѣмъ хотите вы, но все же
Когда-то былъ героемъ. Намъ не нужно
Ни просьбъ, ни слезъ! Такой источникъ,
вѣрьте,

Не можетъ дать хорошаго ни нынче,

Ни вообще. Пускай онъ остается
Одинъ съ своей душою, съ этой ямой
Всего, что есть дурного! Примиренье
Возможно лишь съ людьми, а не съ такимъ
Презрѣннымъ низкимъ гадомъ! Оба мы
Не чувствуемъ къ нему ни тѣни гнѣва
Иль жалости. Онъ родился, чтобъ жалить,
А люди, чтобъ терпѣть—таковъ законъ
Самой судьбы. Укушенный змѣею,
Хотя и можетъ раздавить пятой
Ужалившаго гада, но не будетъ
Питать къ нему досады или гнѣва,
Гадъ жалить по инстинкту, а на свѣтъ
Вѣдь люди есть презрѣннѣе червей,
Клубящихся въ могилахъ!

дожъ (къ *Бенинтенде*).

Не угодно ль
Теперь вамъ будетъ кончить то, что вы
Зовете вашимъ долгомъ.

БЕНИНТЕНДЕ.

Мнѣ бъ хотѣлось
До этого покорнѣйше просить
Принцессу удалиться. Я боюсь,
Что ей прискорбно очень будетъ видѣть
И слышать, что послѣдуетъ.

АНДЖІОЛИНА.

Я знаю
Все это хорошо, но долгъ велить
Терпѣть мнѣ до конца. Лишь силой можно
Меня принудить выйти, бросивъ мужа
Въ подобный мигъ. Прошу васъ, продол-
жайте.

Не бойтесь слышать крики, слезы, стоны:
Какъ сердце ни страдаетъ, но оно
Во мнѣ молчать умѣетъ! Говорите—
И вѣрьте, что въ душѣ моей найдется
Довольно силъ и твердости.

БЕНИНТЕНДЕ.

Марино

Фальеро, дожъ Венеціи, сенаторъ
И графъ Валь-ди-Марино, бывший прежде
Начальникомъ морскихъ и пѣшихъ силъ
Республики, патрицій, занимавшій
Не разъ по порученію Сената
Значительныя должности до самыхъ
Высокихъ въ государствѣ—ты услышишь
Сейчасъ рѣшеніе наше. Убѣдившись
Изъ многихъ очевидныхъ показаній
И собственныхъ твоихъ же словъ, что ты
Виновенъ въ преступленіи измѣны,
Неслыханной въ прошедшіе вѣка,
Мы признаемъ тебя единогласно
Достойнымъ смертной казни. Все твое

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ВАЙРОНА.

Имущество должно конфисковаться
Въ казну республики; Фальеро имя
Сотрется со страницъ ея сказаній
И будетъ вспоминаться лишь въ годину
Общественной молитвы, въ благодарность
Творцу за чудотворное спасенье
Отъ гибели. Въ календаряхъ отмѣтятъ
Впередъ Фальеро имя рядомъ съ днями
Чумы, несчастныхъ войнъ, землетрясеній
И именемъ всесвѣтнаго врага,
На память о чудесномъ избавленьи
Всѣхъ насъ отъ недостойнаго коварства
Твоихъ преступныхъ козней. Мѣсто, гдѣ
Быть долженъ нарисованъ твой портретъ,
Въ ряду великихъ герцоговъ, твоихъ
Предмѣстниковъ, останется навѣки
Покрыто черной траурной тафтой
Съ словами: „здѣсь быть долженъ дожъ
Фальеро,
Казненный за злодѣйства“.

дожъ.

„За злодѣйства“!

Но, впрочемъ, будь что будетъ: возражать
Вамъ было бы напрасно. Я скажу лишь,
Что мой портретъ, покрытый чернымъ
крепомъ
И кажущійся скрытымъ, привлечетъ
Навѣрно больше глазъ къ себѣ, чѣмъ сотни
Картинъ, висящихъ рядомъ съ нимъ и
снятыхъ
Съ рабовъ презрѣнныхъ вашихъ и тирановъ
Несчастнаго, убитаго народа!
„Казненный за злодѣйства“... За какія?
Не лучше ль было бъ тутъ же прописать
Название тѣхъ злодѣйствъ, чтобъ зритель
могъ
Судить по крайней мѣрѣ о причинѣ,
Родившей тѣ злодѣйства. Если точно
Затѣянъ дожемъ бунтъ, то пусть же всѣ
Узнаютъ почему—вѣдь это будетъ
Страница изъ исторіи.

БЕНИНТЕНДЕ.

Объ этомъ

Разсудить лучше время. Наши внуки
Рѣшатъ, насколько правъ былъ судъ отцовъ,
Который возвѣстилъ я. Передъ казнью
Ты будешь приведенъ, какъ дожъ, въ
порфирѣ
На лѣстницу Гигантовъ, гдѣ впервые
Ты принялъ въ руки власть подобно прочимъ
Властителямъ Венеціи. Тамъ будетъ
Снята съ тебя корона, гдѣ ее
Надѣлъ ты по избраньи, и затѣмъ
Тебѣ отрубятъ голову. Да дастъ
Господь покой душѣ твоей!

дожъ.

Таковъ

Вашъ приговоръ?

БЕНИНТЕНДЕ.

Таковъ.

дожъ.

Я покоряюсь

Ему безпрекословно. Но когда же
Исполнится рѣшенье?

БЕНИНТЕНДЕ.

Тотчасъ. Думай

О будущемъ и примирайся съ Богомъ:
Ты черезъ часъ предстанешь передъ Нимъ.

дожъ.

Я съ нимъ уже. Душа моя предстанетъ
На небо прежде тѣхъ, кѣмъ пролита
Здѣсь кровь моя. Имущество мое,
Сказали вы, отобрано?

БЕНИНТЕНДЕ.

Да! земли:

Брильянты и все прочее. Тебѣ
Оставлено въ распоряженіе, впрочемъ,
Двѣ тысячи червонцевъ. Ими можешь
Ты самъ располагать.

дожъ.

Рѣшеніе строго!

Я, признаюсь, рассчитывалъ сберечь
Имѣнье близъ Тревизо. Мнѣ оно
Подарено епископомъ и графомъ
Лаврентіемъ Ченедскимъ и притомъ
На правѣ полной собственности, съ тѣмъ,
Чтобъ я его всецѣло передалъ
Наслѣдникамъ. Я думалъ завѣщать
Его моей женѣ и прочимъ близкимъ
Роднымъ моимъ, оставя государству
Мои дворцы и прочее добро
Въ Венеціи.

БЕНИНТЕНДЕ.

Родные всѣ твои

Подъ слѣдствіемъ, а первый твой племян-
никъ,

Глава семьи Фальеро, можетъ быть,
Заслужить тоже смерть. Совѣтъ, однако,
Отложить приговоръ о немъ, покажѣтъ
Не выяснится дѣло. Если ты
Желаешь чѣмъ-нибудь распорядиться
Касательно вдовы твоей, то можешь
Исполнить это тотчасъ же; мы ей
Окажемъ правосудіе.

АНДЖИОЛИНА.

Не тревожьтесь!



ПОЗОРЯЩАЯ НАДПИСЬ «ВМѢСТО ПОРТРЕТА МАРИНО ФАЛЬЕРО
въ портретной галлерей венеціанскихъ дожей.

Съва портрета предшественника Фальеро—Андреа Дандоло; переводъ латинской надписи: «Это мѣсто Марино Фальерія, обезглавленнаго за преступленія».

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ВАЙРОНА.

Я не хочу наследовать ему
Изъ милости, а, сверхъ того, отнынѣ
Я отдаю себя служенью Богу
И удаляюсь въ монастырь.

дожъ.

Идемъ!

Тяжелъ намъ этотъ часъ, но онъ про-
мчится.

(Бенинтенде).

Обязанъ ли я что-нибудь исполнить
Еще теперь до смерти?

БЕНИНТЕНДЕ.

Ничего.

Покайся и умри. Священникъ ждетъ
Въ служебномъ облаченъи, мечъ наточенъ:
Готово все. Не думай говорить
Съ народомъ передъ казнью. Сотни тысячъ
Толпятся на площадкѣ, но ворота
Затворены. Авогадори, Юнта,
Главнѣйшіе Совѣта Сорока
И члены Десяти одни проводятъ
Тебя на казнь и будутъ свитой дожа.

дожъ.

Сказаль ты *дожа*?

БЕНИНТЕНДЕ.

Да! ты дожемъ былъ
И имъ умрешь. Корона не покинетъ
Вѣнчанной головы твоей, покамѣсть
Она не упадетъ подъ топоромъ.
Ты позабылъ достоинство и санъ,
Вступивши въ заговоръ съ презрѣнной
чернью;

Но мы не таковы—и уважаемъ
Въ тебѣ главу Венеціи въ самой
Тебя постигшей карѣ. Всѣ твои
Ничтожные сообщники погибли,
Какъ волки иль собаки; ты умрешь—
Какъ гордый левъ, убитый на охотѣ,
И будешь окруженъ въ минуту смерти
Людьми, которымъ будетъ жаль сердечно
Тебя въ самомъ возмездіи, постигшемъ
Твой ярый гнѣвъ и царственную смѣлость!
Теперь ступай готовиться и будь
Поспѣшнѣе: мы тоже не заставимъ
Себя напрасно ждать, являсь на мѣсто.
Гдѣ встрѣченъ былъ впервые всѣми нами
Ты нашимъ новымъ герцогомъ и гдѣ
Разстанешься сегодня навсегда
Съ народомъ и Сенатомъ. Стража, будь
Готова быть почетной свитой дожа.

(Уходитъ).

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Комната во дворцѣ.

. Дождь *подъ стражей* и Анджіолина.

дожъ.

Теперь, когда священникъ удалился,
Нѣтъ пользы длить ничтожныя минуты,
Оставшіяся мнѣ. Но Рокъ судилъ
Мнѣ перенести еще большее горе:
Прощаніе съ тобой. Ему хочу
Я посвятить немногія мгновенья,
Пока песокъ часовъ не возвѣститъ,
Что часъ, мнѣ данный, кончился. Я свелъ
Со временемъ всѣ счеы.

АНДЖІОЛИНА.

О! когда

Подумаю, что я одна причиной
Всему несчастью этому, хотя
Причиною невинной! Общанье,
Какое далъ отцу ты—заклѣчить
Со мной несчастный бракъ, когда лежалъ
онъ
Въ недугѣ передъ смертью—привело
Къ тому, что самъ умрешь ты прежде
срока.

дожъ.

Нѣтъ, нѣтъ, ты ошибаешься! Я былъ
Ужъ созданъ такъ, что жизнь моя навѣрно
Окончилась бы страшной катастрофой,
И я дивлюсь поистинѣ, какъ могъ
Дожить до этихъ лѣтъ я! Мнѣ давно
Предсказано...

АНДЖІОЛИНА.

Предсказано?

дожъ.

Давно ужъ

Тому назадъ—я даже не могу
Сказать, когда навѣрное, хотя
Объ этомъ говорится въ книгахъ нашей
Исторіи—я въ юности служилъ
Сенату и патриціямъ въ Тревизо
На должности подесты. Разъ епископъ,
Неся дары святыя на какой-то
Процессіи, взбѣсилъ меня, заставивъ
Чрезмѣрно долго ждать себя и дерзко
Отвѣтивъ мнѣ на выговоръ. Я поднялъ,
Недолго думавъ, руку и ударилъ
Его въ лицо такъ сильно, что несчастный
Упалъ съ святою чашей, и когда
Поднялся снова, то, простерши къ небу
Въ священномъ гнѣвѣ руку, онъ сказалъ
Мнѣ, указавъ другой рукой на чашу,
У ногъ моихъ упавшую во прахъ:



ЛѢСТНИЦА ГИГАНТОВЪ (La Scala dei Giganti. Venezia. Palazzo Ducalo).

Въ этомъ видѣ она поразила воображение Байрона (см. предисловіе къ повести какъ можно, у М. Фальеро одновременно былъ «король вѣкъ, издѣватель и обладатель»). Въ действительности, «Лѣстница гигантовъ» стала местомъ коронацій дожей только въ 16 вѣкѣ. Самая лѣстница не могла называться при Марино Фальеро «Лѣстницею гигантовъ», по тому что гиганты (работы Сансовино) появились на ней 200 лѣтъ спустя.

„Настанетъ часъ, въ который безпощадно
Тобой теперь поверженное въ прахъ
Повергнетъ и тебя! Почетъ и слава
Навѣкъ оставятъ домъ твой! Свѣтлый

разумъ
Твой будетъ помраченъ, и въ самой
лучшей

Порѣ разсудка будешь ты растерзанъ
Безумными страстями, въ дни, когда
Должны уняться страсти, обратившись,
Напротивъ, въ добродѣтели. Величье,
Почтенный спутникъ старости, сойдетъ
На голову твою лишь для того,
Чтобъ легче погубить ее; высокій,
Почетный санъ послужить для тебя
Предвѣстникомъ гибели, сѣдины—
Позорнаго стыда, и вслѣдъ обоимъ
Тебя постигнетъ смерть, но не такая,
Какой себѣ желаютъ старики!“
И, высказавъ проклятье это, онъ
Пошелъ своей дорогой. Предсказанье
Его теперь сбылось.

анджіолина.

Но какъ же ты
Не сдѣлалъ въ жизни все, чтобъ отвратить
Ужасную судьбу? Ужель забылъ ты
Такое предвѣщанье и не думалъ
Его предотвратить чистосердечнымъ
Раскаяньемъ въ проступкѣ?

дожъ.

Нѣтъ, напротивъ,
Зловѣщія слова запали въ душу
Глубоко мнѣ, и часто средь потока
Житейскихъ буръ я вспоминалъ о нихъ
Съ невольнымъ страхомъ, грозный мрачный
призракъ

Казалось мнѣ стоялъ передо мною,
Тотъ призракъ, что пугаетъ насъ въ бреду
И я сердечно каялся, но духъ мой—
Ты знаешь хорошо—не любить много
Раздумывать иль ждать. Я не привыкъ
Бояться предъ опасностью, чего бы
Она мнѣ ни пророчила! Припомни
Хоть тотъ со мною случай, о которомъ
Болтали долго всѣ: въ тотъ день, когда,
Покинувъ Римъ, я возвращался дожемъ
Въ Венецію, густой туманъ покрылъ
Поверхность водъ и шелъ предъ Буцен-
тавромъ,
Какъ тотъ туманный столбъ, который вы-
велъ

Евреевъ изъ Египта. Въ гавань мы
Почти пристали ощупью—къ тѣмъ са-
мымъ
Столбамъ святого Марка, гдѣ казнятъ

Преступниковъ, невольно миновавъ
Обычный портъ на Рива-делла-Палья.
Я помню, вся Венеція тогда
Смутилась предъ зловѣщимъ этимъ знакомъ.

анджіолина.

О, для чего теперь припоминать
Подобныя случайности?

дожъ.

Мнѣ легче

Становится на сердцѣ, если я
Подумаю, что это было дѣломъ
Самой судьбы. Я уступить готовъ
Охотнѣй ей, чѣмъ людямъ, и скорѣе
Повѣрю въ то, что мнѣ она послала
Несчастья и бѣды, тогда какъ всѣ
Ничтожные людишки были только
Орудіемъ въ рукахъ ея, негоднымъ
Ни для чего, когда бѣ рѣшились взяться
Они за дѣло сами. Имъ ли было
Подъ силу одолѣть того, кто часто
Одерживалъ побѣды для того лишь,
Чтобъ ихъ спасти?

анджіолина.

Займи себя въ свои
Послѣднія минуты чѣмъ-нибудь
Достойнѣйшимъ и высшимъ! Если надо
Тебѣ летѣть на небо, то предстань
Туда безъ злобы даже на ничтожныхъ
Твоихъ враговъ.

дожъ.

Я помирился съ ними,
И духъ спокоенъ мой! Спокоенъ мыслью,
Что будетъ часъ, когда, быть можетъ, дѣти
Дѣтей моихъ враговъ увидятъ этотъ
Кичливый, пышный городъ съ синимъ мо-
ремъ
И всѣмъ, чему обязанъ онъ своимъ
Моуществомъ и славой—разореннымъ,
Поверженнымъ во прахъ, какъ Карфагенъ,
Какъ древній Тиръ, и заслужившимъ имя
Морского Вавилона!

анджіолина.

Ахъ! прошу—

Оставь такія рѣчи! Ярый гнѣвъ
Тебя не покидаетъ даже въ эти
Предсмертныя минуты! Ты себя
Обманываешь самъ: вѣдь ты не можешь
Ничѣмъ отмстить врагамъ своимъ, такъ
будь же
Спокойнѣй самъ.

дожъ.

Я духомъ перешелъ
Почти ужъ въ вѣчность. Я стою предъ нею



ПРОЩАНИЕ ФАЛЬЕРО СЪ ЖЕНОЙ.

Рис. Гербертъ (J. Herbert), пров. Ролсъ (C. Rolls).

И вижу предъ собою, что должно
Послѣдовать въ грядущемъ, такъ же ясно,
Какъ вижу милый образъ твой въ послѣдній
Печальный разъ! Повѣрь—мои слова
Исполнятся надъ этими стѣнами,
Возставшими изъ моря, и надъ тѣми,
Кто въ нихъ живетъ.

Входитъ офицеръ со стражей.

офицеръ.

Я присланъ, герцогъ, къ вамъ

Совѣтомъ Десяти—сказать, что члены
Ужъ собрались и ожидаютъ ваше
Высочество.

дожъ.

Прощай, Анджиолина!
Дай мнѣ тебя обнять! Не поминай
Меня по смерти дурно—старика,
Который былъ тебѣ принесшимъ горе,
Но все же нѣжнымъ мужемъ. Полюби
Меня хоть въ доброй памяти! При жизни
Я не подумалъ даже и просить

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ВАЙРОНА.

Тебя о томъ; но нынче ты могла бы
 Ко мнѣ быть снисходительнѣй, когда
 Готово лечь въ могилу все, что было
 Дурного въ этомъ сердцѣ. Сверхъ того,
 Припомни, что изъ всѣхъ плодовъ моей
 Прошедшей славной жизни не осталось
 Въ утѣху ничего мнѣ: ни богатства,
 Ни почестей, ни славы, чѣмъ могла
 Гордиться бы семья и написать
 Объ этомъ въ эпитафіи надгробной.
 Въ единый часъ я вырвалъ вмѣстѣ съ
 корнемъ

Всю прожитую жизнь и пережилъ
 Все, кромѣ сердца—сердца твоего,
 Прекраснаго и чистаго, какъ день,
 Которое почтитъ меня слезою
 И будетъ часто съ грустью вспоминать
 О старикѣ. Какъ страшно ты блѣдна,
 Ей дурно! дурно! Пульсъ ея не бьется!
 На помощь ей! кто тутъ? Я не могу
 Ее оставить такъ! Но, впрочемъ, нѣтъ;
 Ей обморокъ поможетъ пережить
 Ужасную минуту. Въ мигъ, когда
 Она очнется къ жизни отъ своей
 Минутной смерти этой—я ужъ буду
 Предъ Господомъ. Велите кликнуть жен-

щинъ
 На помощь ей! Взгляну въ послѣдній разъ
 Еще въ ея лицо. Какъ холодна
 У ней рука! Такой же точно будетъ
 Моя въ тотъ мигъ, когда она очнется.
 Прошу васъ, помогите ей—и вмѣстѣ
 Примите благодарность отъ меня
 Въ послѣдній разъ. Идемте! я готовъ.

*(Входятъ женщины изъ свиты Анджіолі-
 ны и окружаютъ свою госпожу, лежащую
 въ обморокъ. Дожъ и стража уходятъ).*

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Дворъ дворца дожей. Ворота заперты противъ на-
 пора толпы.

Дожъ входитъ въ парадномъ облаченіи, со-
 провождаемый членами Совѣта Десяти, на-
 триціями и стражей. Они доходятъ до
 лѣстницы Гигантовъ, мѣста принсенія
 дожемъ присяги, наверху которой стоитъ
 паличъ съ мечемъ. Одинъ изъ членовъ Совѣта
 Десяти снимаетъ съ дожа герцогскую шапку.

дожъ.

Опять для васъ я болѣе не дожъ,
 Но всежъ остался прежнимъ я Фальеро!
 А это имя значитъ что-нибудь,
 Хоть мнѣ его носить теперь придется

Всего лишь мигъ. Здѣсь былъ я короно-
 ванъ—
 И будь свидѣтель небо мнѣ, что легче
 Въ сто кратъ моей душѣ теперь, когда
 Лишился я игрушки этой,
 Чѣмъ было въ мигъ вѣнчанья моего
 Вѣнцомъ позорнымъ вашимъ.

одинъ изъ членовъ.

Ты дрожишь,

Марино ди Фальеро.

дожъ.

Да! дрожу,

Но это лишь отъ старости.

БЕНИНТЕНДЕ.

Коль скоро

Желаешь обратиться ты къ Сенату
 Съ какимъ-нибудь прошеніемъ, въ предѣ-
 лахъ,

Дозволенныхъ закономъ, можешь намъ
 Его сказать.

дожъ.

Я попросить хотѣлъ бы
 О милости къ племяннику, а также
 О вашемъ правосудіи къ женѣ.
 Мнѣ кажется, что смерть моя на плахѣ
 Могла бъ покончить все, что государство
 Имѣло иль имѣетъ противъ насъ.

БЕНИНТЕНДЕ.

Ты можешь быть спокоенъ: обѣ просьбы
 Исполнятся, хотя твои злодѣйства
 Неслыханны.

дожъ.

Неслыханны? да! точно!
 Исторія показываетъ намъ
 Десятками примѣры, какъ владыки
 Народъ держали въ рабствѣ, но во всей
 Исторіи мы видимъ только двухъ
 Властителей умершихъ за желанье
 Свободу дать народамъ.

БЕНИНТЕНДЕ.

Кто же это?

дожъ.

Агисъ, спартанскій царь, и дожъ Фальеро.

БЕНИНТЕНДЕ.

Имѣешь ты сказать еще предъ смертью
 Намъ что-нибудь?

дожъ.

Могу ль я говорить?

БЕНИНТЕНДЕ.

Когда желаешь—да! но помни только:



ПРОЩАНИЕ ФАЛЬЕРО СЪ ЖЕНОЙ.

Съ картины Вестоля (Richard Westall R. A.), изв. В. Финденъ (W. Finden).

Народъ вдали, и голосъ твой не можетъ
Достигнуть до него.

дожъ.

Я говорю

Грядущему и вѣчности, въ чье царство
Готовъ вступить, а не съ людьми. Пусть
слово

Мое душою станеть тѣмъ стихіямъ,
Съ которыми готовъ теперь я слиться!
Пусть внемлетъ мнѣ лазурная волна,
Носившая мой флагъ! Пусть внемлютъ
вѣтры,

Вздувавшіе съ любовью паруса
Моихъ судовъ, стремившихся къ побѣдѣ!
Пусть внемлетъ мнѣ отчизна, для которой
Моя пролилась кровь! Пускай внимаютъ
Чужія, отдаленнѣйшія страны,
Упившіяся кровью той! Пусть внемлетъ
Холодный этотъ камень, на которомъ
Пролью я кровь теперь мою, откуда
Она взойдетъ, возопіавъ, на небо!
Пусть внемлетъ солнце, чей недвижный
взоръ

Спокойно смотреть на дѣла такіа
Пусть, наконецъ, внимаетъ Тотъ, Чьей
силой

Горять и потухаютъ въ небѣ солнца!
Пусть знаютъ всѣ, что я далекъ отъ мысли
Считать себя невиннымъ; но зато
Спрошу у васъ: невинны ли вы сами?
Придетъ пора—и смерть моя отмститъ
Сторицею. Судьба, какая ждетъ
Надменный этотъ городъ, стала ясной
Моимъ глазамъ, готовымъ навсегда
Закрыться мракомъ смерти. Я умру
Съ проклятіемъ—и горькою бѣдой
Обрушится на васъ проклятье это!
Готовится уже зловѣщій часъ,
Когда столица, вставшая изъ моря
Въ защиту отъ Аттилы, склонитъ низко
Покорную главу передъ другимъ
Аттилой, незаконнымъ, и при этомъ
Прольетъ не больше крови, чѣмъ теперь
Ея прольется здѣсь изъ престарѣлыхъ
Моихъ ослабшихъ жилъ. Продастся низко
Венеція, и будутъ всѣ за это
Ее же презирать. Взамѣнъ значенья

Столицы, станеть жалкимъ городкомъ,
Провинціей—на мѣсто государства.
Сенатъ ея замѣнится собраньемъ
Ничтожнѣйшихъ рабовъ; владѣльцы гордыхъ
Дворцовъ ея унижутся до званья
Презрѣнныхъ, жалкихъ нищихъ; гунны
будуть

Хозяиничать въ стѣнахъ, жида въ палатахъ,
Торговлю же съ насмѣшкой заберутъ
Пронырливые греки. Вотъ тогда-то,
Когда твои патриціи дойдутъ
До нищенства, выпрашивая хлѣба
На улицахъ, взывая къ состраданью
Во имя прежней знатности и славы
Своихъ именъ; когда двѣ-три семьи,
Сберегшія крупичицы отъ наслѣдства
Своихъ великихъ предковъ, стануть низко
Закисивать и ползать передъ грубымъ
Намѣстникомъ-солдатомъ въ гордыхъ залахъ
Своихъ дворцовъ, гдѣ царствовали прежде
И гдѣ былъ преданъ смерти ими герцогъ;
Когда они кичиться будутъ родомъ,
Забывъ, что кровь ихъ жилъ осквернена
Ужъ въ третьемъ поколѣньи гнусной связью
Съ какимъ-нибудь красивымъ гондольеромъ
Иль грубымъ пришлецомъ изъ вражьихъ
войскъ;

Когда сыны Венеціи дойдутъ
До той позорной крайности, что будутъ
Уступлены безъ платы, какъ рабы,
Вонтелемъ, разбившимъ ихъ, другой
Странѣ, разбитой ими жъ—и при этомъ
Трусливые возьмутъ ихъ съ неохотой,
Погрязшихъ до того въ порочной жизни,
Что нѣтъ такого кодекса, гдѣ былъ бы
Порокъ тотъ предусмотрѣнъ и наказанъ;
Когда вашъ данникъ, Кипръ, оставитъ вамъ
Лишь свой развратъ въ наслѣдье, заразивши
Имъ вашихъ дочерей и сдѣлавъ имя
Ихъ именемъ позора и безстыдства;
Какъ трусовъ вдвое худшихъ, какъ людей
Когда все зло подвластныхъ вамъ народовъ
И всѣ пороки ихъ налягутъ тяжко
На городъ гнусный вашъ, когда развратъ
Наружнаго лишь блеска, грѣхъ безъ вида—
Хотя бы даже внѣшняго любви,
Веселье и пиры безъ увлеченья
Порывами страстей, но изъ одной
Холодной и бессмысленной привычки,
Насилующей самую природу;
Когда всѣ эти ужасы съ другими,
Тягчайшими во много разъ, прольются
На васъ на всѣхъ; когда тоска безъ страсти,
Безъ радости улыбка, молодежь
Безъ чести и стыда, преклонный возрастъ
Безъ должнаго къ сѣдинамъ уваженья,
Презрительность, безгласность и сознанье

Ничтожества, безъ силъ его исправить
И даже возроптать, поставятъ васъ
Въ разрядъ послѣднихъ націй,—вотъ тогда,
Въ послѣднія минуты агоніи,
Среди своихъ убійцъ, припомнишь ты,
Венеція, свершонное убійство
Сегодня надо мной! Вертепъ тирановъ,
Упившихся невинной кровью дождей,
Геена водъ, морской Содомъ—тебя
Я предаю, со всѣмъ твоимъ отродьемъ
Зловредныхъ змѣй, проклятью адскихъ силъ!

(Обращаясь къ палачу).

Ну, къ дѣлу, жалкій рабъ! рази, какъ я
Хотѣлъ сразить враговъ своихъ! Рази,
Какъ я сразилъ бы этихъ злыхъ тирановъ!
Рази со всею силою проклятья,
Мной брошеннаго имъ теперь въ лицо!
Рази сильнѣй—и съ одного удара!

*(Дожь становится на колѣни и кладетъ
голову на плаху. Въ ту минуту, какъ па-
лачъ взмахиваетъ мечемъ, занавѣсъ опу-
скается).*

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Площадь и пѣяцета святого Марка. Народъ гу-
стыми массами толпится около запертыхъ воротъ
дворца дождей.

1-й гражданинъ.

Я пробрался къ рѣшеткѣ. Вонъ сидятъ
Всѣ члены Десяти въ парадныхъ платьяхъ
И дождь стоитъ въ срединѣ.

2-й гражданинъ.

Я не могъ
Пробраться такъ далеко. Хотъ бы намъ
Сказали—что тамъ видно. Будемъ слушать.
Тѣ, что добрались до дверей, увидятъ
Одни вѣдь что-нибудь.

1-й гражданинъ.

Вонъ вижу членъ
Совѣта Десяти подходитъ къ дожу,
Вонъ снялъ съ него вѣнецъ, а дождь воз-
велъ
Глаза съ молитвой къ небу. Онъ какъ
будто
Сбирается сказать имъ что-то. Тшъ!...
Нѣтъ, слышенъ только ропотъ. Какъ до-
сочно,
Что мы такъ далеко! Слова не слышны,



СМЕРТЬ МАРИНО ФАЛЬЕРО.
(La mort de Marino Faliero).
Евгений Делакруа (Eugène Delacroix).

Но голосъ раздается, какъ раскаты
Донесшагося грома. Какъ бы намъ
Услышать что-нибудь!

2-й гражданинъ.

Молчите!... Тшъ!...
Быть можетъ мы услышимъ хоть немного.

1-й гражданинъ.

Напрасно—я не слышу. Видно только,
Какъ вольно развѣваются по вѣтру
Его сѣдые волосы, точь въ точь
Клубы кипучей пѣны въ океанѣ.
Вотъ онъ склонилъ колѣни, а они
Стоять толпой вокругъ. Теперь все скрылось:
Не видно ничего... Но вотъ сверкнулъ
Широкий мечъ... Чу! звякнулъ и упалъ...

(Ропотъ въ народѣ).

3-й гражданинъ.

Итакъ, они дерзнули умертвить
Того, кто дать хотѣлъ намъ всѣмъ свободу.

4-й гражданинъ.

Онъ былъ всегда къ намъ добръ и милосердъ.

5-й гражданинъ.

Умно они придумали закрыть
Дворцовыя ворота. Если бъ мы
Предвидѣли ихъ замыслъ, то пришли бы
Съ оружіемъ, чтобъ разломать замки.

6-й гражданинъ.

Вы видѣли навѣрное, что онъ
Казненъ уже?

1-й гражданинъ.

Я видѣлъ мечъ, сверкнувшій
Надъ головой. Но вотъ сюда идутъ—
И, можетъ быть, намъ что-нибудь расска-
жутъ.

*На балконъ дворца, выходящемъ на площадь,
появляется глава совѣта десяти съ окро-
вавленнымъ мечемъ въ рукахъ, которымъ
трижды потрясаетъ надъ народомъ.*

глава совѣта десяти.

Законное возмездье покарало
Измѣнника!

*(Ворота открываются, народъ толпою бро-
сается къ лѣстницѣ Гигантовъ, на которой
свершилась казнь).*

голоса въ народѣ.

Вонъ голова въ крови
Скатилась внизъ по лѣстницѣ Гигантовъ!

(Занавѣсъ падаетъ).

А. Соколовскій.





„ВИДѢНІЕ СУДА“.

Едва ли нуждалось бы въ особыхъ объясненіяхъ Байроновское „Видѣніе Суда“, если-бы мы даже ничего не знали о ядовитой личной полемикѣ и пререканіяхъ между Соути и Байрономъ. У этой сатиры есть два центра, два объекта,—и изъ нихъ Георгъ III больше приковываетъ къ себѣ вниманіе Байрона, нежели „поэтъ-лауреатъ“, несмотря на личное противъ него раздраженіе автора сатиры, несмотря также на то, что самая сатира непосредственно вызвана безтактностью и грубою, низкопоклонною лестью Соути.

Нельзя сказать, чтобы Байронъ когда-либо склоненъ былъ причислять Георга III къ числу тѣхъ „историческихъ злодѣевъ“, для которыхъ его муза оказывалась столь безпощадною: слишкомъ мелка, слишкомъ несамостоятельна была для этого фигура третьяго представителя Ганноверскаго дома. Но въ глазахъ не только Байрона, а и всей передовой части современнаго ему поколѣнія, сошедшій въ могилу король, по справедливости, могъ казаться и казался на самомъ дѣлѣ—олицетвореніемъ стараго, отживающаго режима, какъ разъ въ эту эпоху, въ концѣ второго и началѣ третьяго десятилѣтія XIX в. обнаружившаго всюду, не исключая Англіи, неожиданно сильную живучесть. Старый, помѣшанный, ослѣпшій король давно уже былъ не похороненнымъ трупомъ, задолго до смерти онъ пересталъ оказывать какое бы то ни было вліяніе на дѣла,—но когда онъ умеръ, когда внезапно оживился интересъ къ нему, когда и реакціонеры, и прогрессисты безпрестанно обращались къ воспоминаніямъ и подводили итоги шестидесятилѣтняго царствованія,—личность Георга въ этой „некрологической“ литературѣ стала все болѣе и болѣе принимать характеръ олицетворенія или, вѣрнѣе, эмблемы стараго вѣка и старыхъ порядковъ. Именно въ эти годы, до самоубійства главнаго столпа реакціи лорда Кэстльри (12 августа 1822 года) и, до за-

нятія министерскаго поста Каннингомъ, реакція носила особенно агрессивный, вызывающій характеръ. „Пѣвецъ свободы“ при такихъ условіяхъ не могъ не чувствовать, что люди, превозносящіе память Георга III, дѣлаютъ это вовсе не затѣмъ только, чтобы воздать покойному хвалу. Ихъ, главнымъ образомъ, интересовали пропаганда и возвеличеніе старыхъ принциповъ, которые при Георгѣ процвѣтали почти безраздѣльно, а теперь, въ 1820—22 г.г., вынуждены были вести отчаянную борьбу за существованіе противъ приверженцевъ парламентской реформы, эмансипаціи католиковъ и тому подобныхъ ненавистныхъ покойному королю стремленій.

Въ самомъ дѣлѣ, за все царствованіе Георга III общественныя условія сказывались такъ, что личнымъ—всегда реакціоннымъ—тенденціямъ короля былъ предоставленъ полнѣйшій просторъ. Виги по традиціи всегда являлись въ XVIII в. „династическою“ партіей, неизмѣнно вѣрной ганноверскому дому—и только къ самому концу XVIII столѣтія стало замѣчаться среди нѣкоторыхъ элементовъ этой партіи желаніе кое въ чемъ подчеркнуть освободительный характеръ основнаго своего политическаго символа вѣры. Но и ихъ французскій терроръ 1793—1794 г.г. отбросилъ въ реакцію. Что же касается торіевъ,—то они при первыхъ Георгахъ еще пребывали въ нѣкоторой (чистодинастической) оппозиціи, или, точнѣе, нѣсколько будировали противъ „германскихъ выходцевъ“ и вздыхали по Стюартамъ, по претенденту Карлу-Эдуарду, скитавшемуся за границей. Но послѣ неудачной попытки претендента овладѣть престоломъ всякія надежды на изгнаніе ганноверской династіи, конечно, рухнули навсегда и съ этихъ поръ, т. е. съ конца 1740 г., торіи быстро превращаются въ то, чѣмъ они и должны были стать во имя своей политической программы. При Георгѣ III не съ ихъ стороны, разумѣется, могъ быть

услышанъ протестъ противъ застоя или реакціи. Таковы были объ большія партіи, между которыми дѣлился англійскій правящій классъ. Широкіе круги буржуазіи, не принимавшіе непосредственнаго участія въ парламентской жизни, могли лишь къ самому концу царствованія Георга III выступить сколько-нибудь рѣшительно на путь агитаціи въ пользу парламентской реформы. Но и тутъ революціонныя и наполеоновскія войны на четверть вѣка отдалили въ Англіи всякую возможность широкаго всеобщаго движенія въ защиту этой, требуемой буржуазнымъ классомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ желательной демократическимъ слоямъ націи — реформы парламентскаго избирательнаго закона.

При подобныхъ благопріятно для реакціи складывавшихся обстоятельствахъ протекало долгое царствованіе Георга III, — и только этимъ можно объяснить, что личная инициатива короля имѣла полную возможность проявляться почти безпрепятственно. По характеру своему Георгъ мало кому изъ знавшихъ его былъ симпатиченъ. Онъ былъ упрямъ, грубъ, всегда рѣзокъ въ своихъ сужденіяхъ о другихъ, полонъ нелѣпыхъ предразсудковъ и суевѣрій, безспорно эгоистиченъ и совершенно равнодушенъ къ чужимъ страданіямъ. Никакіе высшіе моральные критеріи не имѣли надъ нимъ никогда ни малѣйшей власти. Свои капризы, свои предразсудки, свои интересы, соображенія объ упроченіи и усиленіи своего могущества и вліянія, свои ханжескія суевѣрія касательно всѣхъ несогласныхъ съ англиканствомъ религій — Георгъ III всегда ставилъ выше всего и съ ними только считался. Онъ былъ, какъ вѣрно говоритъ лучший историкъ этой эпохи (Лекки), „невѣжественъ, узокъ, склоненъ къ произволу“, обладалъ необычайнымъ самомнѣніемъ, всѣми способами стремился заставить своихъ министровъ сдѣлаться послушными пѣшками въ его рукахъ, а если они не соглашались, тогда онъ не щадилъ усилій, чтобы всячески затруднить ихъ положеніе и принудить ихъ къ отставкѣ. И въ извѣстномъ смыслѣ Байронъ еще снисходителенъ къ Георгу, когда обвиняетъ его, главнымъ образомъ, не въ тиранствѣ, а въ защитѣ тирановъ. Если „тиранами“ были нѣкоторые министры и парламентская олигархія, — то король всею душою за нихъ стоялъ; если среди министровъ и парламентскаго большинства (въ рѣдкія минуты) замѣчалась тенденція къ

болѣе гуманному, справедливому рѣшенію кое-какихъ государственныхъ вопросовъ, — король пускалъ въ ходъ все свое вліяніе, чтобы этому противодействовать.

Байронъ, между прочимъ, упоминаетъ объ Америкѣ: въ дѣлѣ сѣвероамериканскихъ колоній душою и вдохновителемъ той политики, которая привела къ возстанію колонистовъ, былъ именно король, а не лордъ Норсъ или кто иной. Конечно, возстаніе обусловлено было (какъ и самая возможность именно такой королевской политики) сложными общими причинами, — но насколько отъ англійскаго короля зависѣло, все было сдѣлано, чтобы вывести колоніи изъ послѣдняго терпѣнія. Что касается Франціи, освободительныхъ, гуманныхъ идей, шедшихъ оттуда, то король Георгъ всегда былъ изступленнымъ и слѣпымъ врагомъ „французской заразы“, врагомъ всего того чистаго, великаго и вѣчнаго, что дала міру французская революція. И Байронъ правъ, когда говоритъ, что кто только ни произносилъ слово „свобода“, — перваго противника встрѣчалъ всегда въ Георгѣ III. Былъ далѣе одинъ вопросъ серьезнѣйшей государственной важности, вопросъ, рѣшеніе котораго въ весьма большой степени затормозилось яростнымъ противодействіемъ короля. Освобожденіе католиковъ отъ дѣйствія исключительнаго закона, лишавшаго ихъ всѣхъ политическихъ правъ, встрѣтило въ волѣ короля Георга III непреодолимое препятствіе. Мелочный деспотизмъ, ханжество, нелюбовь къ какимъ бы то ни было новшествамъ — все это соединилось въ раздражительномъ, упрямомъ и ограниченномъ чловѣкѣ, чтобы создать изъ него убѣжденнѣйшаго врага всѣхъ проектовъ эмансипаціи католиковъ. Даже воля Вильяма Питта ничего не могла тутъ подѣлать; даже отчаянное ирландское возстаніе 1798 года, приведшее къ уничтоженію ирландскаго парламента, не заставило короля согласиться на допущеніе католиковъ въ парламентъ англійскій, хотя именно это было обѣщано ирландцамъ, чтобы заставить ихъ примириться съ утратой законодательной автономіи. Байронъ и эту сторону дѣятельности Георга III отгѣнилъ въ своей сатирѣ.

Всѣ народы во владѣніяхъ Англіи и внѣ ея владѣній могутъ, по мнѣнію поэта, порицать и обвинять покойнаго короля за его политику; частныя же добродѣтели авторъ иронически оставляетъ за Георгомъ, подчеркивая, что до этихъ добродѣтелей, въ сущности, никому нѣтъ никакого дѣла.

Среди дефилирующих предъ читателем обвинителей короля Георга III особенно рѣзко выдѣляется поэтомъ фигура Юніа, знаменитаго автора „Юніевыхъ писемъ“. Едва-ли въ исторіи памфлетической литературы возможно указать на другое произведение, посвященное злобамъ политическаго дня, которое имѣло бы столь громкій и блестящій успѣхъ, какъ „Юніевы письма“. Съ 21 ноября 1768 года по 21 января 1772 года появлялись эти письма, подписанныя „Юніемъ“ и содержавшія самую желчную, рѣзкую и остроумную критику дѣятельности короля, его министровъ и приближенныхъ. Кто скрывался подъ этимъ псевдонимомъ? Псевдонимъ никогда не былъ раскрытъ самимъ авторомъ и, хотя большинство изслѣдователей отождествляютъ автора писемъ съ сэромъ Фрэнсисомъ, — но до сихъ поръ это мнѣніе встрѣчаетъ кое-какія возраженія и не можетъ считаться вполне безраздѣльно господствующимъ. Было множество лицъ, которыхъ подозрѣвали въ написаніи „Юніевыхъ писемъ“; Байронъ склонялся въ пользу мнѣнія, отождествлявшаго Юніа съ Фрэнсисомъ, но называетъ въ своей сатирѣ еще двухъ лицъ — Борка и Джона Горна Тука, — которымъ (въ числѣ другихъ пяти десятковъ людей слишкомъ) молва также приписывала составленіе этихъ писемъ. Вообще, подобно знаменитому средне-вѣковому религиозному памфлету „De tribus impostoribus“, Юніевы письма долго относились на счетъ самыхъ разнообразныхъ дѣятелей науки, политики и литературы.

Письма поразили и захватили вниманіе общества не только блестящими литературными своими качествами, но и точнымъ и глубокимъ знаніемъ цѣлой массы весьма существенныхъ тайнъ тогдашняго правительственнаго механизма и тонкимъ пониманіемъ главныхъ фигуръ, вращавшихся въ тѣ года на политической авансценѣ. Ненависть автора къ королю Георгу III, ничѣмъ не сдерживаемая и не смягчаемая, брызжетъ изъ-подъ его пера. Онъ называетъ Георга самымъ низкимъ и гнуснымъ челоукомъ во всей Англіи, обвиняетъ его въ подлости и трусости, пишетъ о немъ такъ, что не все рѣшались печатать издатели. Многие изъ современниковъ (а еще больше изъ потомковъ) обвиняли Юніа въ слишкомъ ужъ большой несдержанности языка, въ слишкомъ бурной страстности, побуждавшей его иногда къ преувеличеніямъ и къ сгущенію красокъ. Но Байронъ не примыкаетъ къ этому об-

виненію. Когда архангелъ Михаилъ спрашиваетъ Юніа, не можетъ ли онъ покаяться въ преувеличеніяхъ, въ томъ, что имъ слишкомъ завладѣла страсть и побудила его кое-гдѣ извратить истину, — Юніа отвѣчаетъ: „я любилъ свою страну и я ненавидѣлъ — его“. Мощныя строфы, посвященныя въ сатиру появленію Юніа, особенно выдѣляются послѣ предшествующаго имъ шутивато эпизода съ Уильксомъ. Уильксъ еще лѣтъ за пять до „Юніевыхъ писемъ“ произвелъ большую сенсацию, напечатавши въ 45-мъ № своего органа „North Briton“ за 1763 годъ чрезвычайно рѣзкую статью противъ внѣшней и внутренней политики короля Георга III; но при всѣхъ нападкахъ Уильксъ въ своей статьѣ старался не обидѣть лично Георга III, отдавалъ честь его характеру, достоинствамъ и т. д., называлъ его имя священнымъ и все сваливалъ на министровъ. За эту статью Уилькса судили, но оправдали; въ дальнѣйшей своей литературной карьерѣ этотъ талантливый журналистъ не разъ обращалъ еще на себя вниманіе публики, но его личная нравственность и политическая честность въ глазахъ многихъ стояли подъ нѣкоторымъ сомнѣніемъ. Легко замѣтить изъ относящихся къ нему строфъ, что и Байронъ весьма далекъ отъ того, чтобы отнестись къ нему такъ серьезно, какъ къ Юнію.

Естественно и умѣло отъ журналистовъ-обвинителей короля авторъ сатиры переходитъ къ литератору-панегиристу, къ „поэту-лауреату“ — Соути. Прогрессивные круги англійскаго общества въ періодъ предреформенной агитации относились къ Соути не только враждебно, но и явно презрительно. Они видѣли въ немъ не зауряднаго „laudatorem temporis acti“, но ренегата, который такимъ „хвалителемъ минувшаго времени“ сдѣлался, по распространенному тогда мнѣнію, изъ-за почестей, денегъ, личныхъ выгодъ и т. д. Передовая публицистика не переставала указывать на разительныя противорѣчія между руководящими идеями и мотивами въ поэзіи Соути до и послѣ его „обращенія“. Его любили иронически называть бунтовщикомъ, демагогомъ, Уотомъ Тайлоромъ (вождь крестьянскаго возстанія начала 1380 г.г.), — намекая на тѣ тенденціи и „революціонныя“ темы, которыми было отмѣчено начало его литературной дѣятельности. Вспоминали при этомъ охотно также объ одномъ изъ стихотвореній Соути, въ которомъ онъ, во дни своей юности, сочувственно говорилъ

о цареубійцахъ. Панегиристъ цареубійць, обратившійся въ панегириста короля Георга III—эта метаморфоза опредѣляла отношеніе къ Соути его политическихъ противниковъ.

Гордый революціонный духъ Байрона въ такую эпоху обостренныхъ общественныхъ противорѣчій, какъ годы между Ватерлоо и смертью Кэстльри, совершенно не согласовался бы съ мало-мальски дружелюбнымъ отношеніемъ къ Соути,—даже если бы между авторомъ „Донъ-Жуана“ и „поэтомъ-лауреатомъ“ никогда не было никакихъ личныхъ пререканій. Но обстоятельства сложились такъ, что самая острая полемика возникла между поэтами еще за нѣсколько лѣтъ до „Видѣнія Суда“ и къ принципиальной враждѣ прибавила личное раздраженіе, или, быть можетъ, точнѣе—личную ненависть.

Еще въ 1818 году Байронъ узналъ, что Соути распространяетъ среди лондонскаго общества позорящій слухъ объ имѣвшей будто бы мѣсто въ Швейцаріи развратной и даже кровосмѣсительной связи Байрона. Едва ли, конечно, можно было съ полною точностью установить степень активнаго участія Соути въ распространеніи этой клеветы, но Байронъ повѣрилъ виновности Соути,—и подъ такимъ впечатлѣніемъ съ рѣзкой ироніей высказался о Соути въ посвященіи къ первой пѣсни „Донъ-Жуана“. Хотя въ первомъ изданіи, появившемся въ 1819 г., это посвященіе и не было напечатано, но Соути съ нимъ успѣлъ ознакомиться, раздражился и выражалъ презрѣніе по адресу обидчика. Вскорѣ послѣ этого умеръ (въ началѣ 1820 года) король Георгъ III, и Соути почтилъ его память напыщенной хвалебной одой-поэмой, которую назвалъ „Видѣніемъ Суда“ и напечаталъ въ апрѣлѣ 1821 года. Если у Соути, безспорно, былъ поэтический даръ, вообще, то въ этомъ произведеніи и тѣни поэзіи нѣтъ. Неискреннее, до курьеза лгущее словословіе по адресу Георга III перемежается то тамъ, то сямъ руганью, обращаемой къ его мертвымъ врагамъ и особенно къ представителямъ освободительныхъ принциповъ. И со стороны содержанія, и со стороны изложенія—это нѣчто жалкое, безвкусное, фальшивое, топорное...

Произведеніе Соути, какъ уже сказано нами выше, могло-бы возмутить Байрона прежде всего и больше всего потому, что въ этомъ панегирикѣ вмѣстѣ съ королемъ Георгомъ обожествлялись и восхвалялись всѣ темныя силы реакціи, всѣ принципы,

не желавшіе сходить со сцены и въ лицѣ лорда Эльдона, Кэстльри, новаго короля (Георга IV) и др. еще имѣвшіе упорныхъ защитниковъ. Но Соути въ предисловіи къ своему „Видѣнію Суда“ прямо затронулъ Байрона, какъ бы вызвалъ его на единоборство. Прямо намекая на автора „Донъ-Жуана“, Соути говоритъ объ его испорченномъ воображеніи, о ненависти его къ божественному откровенію, о бунтѣ его противъ священныхъ установленій и правилъ человѣческаго общества; онъ далѣе называетъ всю новую литературную школу, во главѣ которой стоялъ Байронъ, „сатанинскою школою“, утверждаетъ, что въ развращенныхъ и ужасныхъ образахъ, которые эта школа рисуетъ, царитъ духъ Веліала и Молоха, сатанинская гордыня, наглое нечестіе и т. д.

Байронъ отвѣтилъ на это весьма неудачно. Отвѣчая руганью на ругань (въ добавленіи къ „Обоимъ Фоскари“. См. примѣч. къ этой трагедіи), онъ ни съ того, ни съ сего заговорилъ о клеветническихъ обвиненіяхъ и слухахъ, „которые распространялъ м-ръ Соути, возвратившись изъ Швейцаріи“. Соути тотчасъ же (въ январѣ 1822 года) печатно на это возразилъ, что никакихъ клеветъ насчетъ Байрона онъ не распространялъ, но что относительно нравственныхъ качествъ произведеній своего противника онъ остается при прежнемъ мнѣніи. Выражено все это было въ томъ же оскорбительномъ тонѣ, въ какомъ велась вся полемика. Соути обвинялъ Байрона въ писаніи пасквилей, въ сознательномъ очерненіи людей и т. д. и т. д. Байрона и всю его „сатанинскую школу“ Соути обвинялъ въ враждѣ къ религіи, учрежденіямъ и нравственности, царящимъ въ ихъ отечествѣ. Кромѣ того Соути съ явною насмѣшкою просилъ лорда Байрона въ другой разъ напасть на него, Соути, въ стихахъ (а не въ прозѣ), ибо это послужитъ извѣстной сдержкой для человѣка, который, какъ видно, „столь мало владетъ собою“.

Соути говорилъ о стихотворномъ размѣрѣ, какъ объ уздѣ для байроновскаго темперамента, но онъ плохо зналъ средства, какими располагалъ его противникъ. Правда, въ первой ярости Байронъ, жившій тогда въ Равеннѣ, послалъ черезъ одного изъ своихъ друзей вызовъ на дуэль Соути, но этотъ вызовъ переданъ Соути не былъ. Тогда онъ обратился къ болѣе подходившему образу дѣйствій и сталъ

торопить печатаніе отосланнаго еще въ октябрѣ 1821 года въ Лондонъ своего сатирическаго „Видѣнія Суда“ (начатаго вскорѣ послѣ появленія одноименнаго произведенія Соути и законченнаго къ осени того же года). Скорое появленіе въ печати этой сатиры, конечно, было бы самымъ удачнымъ отвѣтомъ на ироническую выходку Соути, приглашавшаго Байрона вести борьбу въ стихахъ. Но времена стояли не такія, чтобы можно было сразу найти издателя для такой рѣзкой и ядовитой филиппики противъ покойнаго короля и его панегириста. Только въ вышедшемъ 15 октября 1822 года номерѣ журнала „Либераль“ байроновская сатира увидѣла свѣтъ. Байронъ подписался „Quevedo Redivivus,“ имѣя въ виду испанскаго автора XVII вѣка Кеведо-и-Виллегаса, „Видѣнія“ котораго въ фантастической формѣ давали сатирическое изображеніе житейскихъ пороковъ и безобразій.

О главномъ содержаніи сатиры мы уже говорили; намъ остается лишь отмѣтить, сколько и политическаго такта, и умѣнья, не увлекаясь остротою личныхъ чувствъ, соблюсти масштабъ,—проявилъ Байронъ, посвятивши Соути только нѣсколько послѣднихъ строфъ: „поэтъ-лауреатъ“ въ общественномъ отношеніи, конечно, былъ менѣе характерной и менѣе интересной фигурой, нежели воспѣтый имъ монархъ,—и Байрону подсказало чувство мѣры, кому сколько мѣста отвести въ своей сатирѣ.

Байроновское „Видѣніе Суда“ имѣло громкій успѣхъ; этому успѣху не повредилъ, конечно, и процессъ, затѣянный правительствомъ противъ издателя сатиры (Джона Гонта) и кончившійся, уже послѣ смерти Байрона, въ іюль 1824 года, приговоромъ Гонта къ штрафу въ сто фунтовъ стерлинговъ.

Евг. Тарле.





ВИДѢНІЕ СУДА.

написанное Quevedo Redivivus въ отвѣтъ на поэму подъ такимъ же заглавіемъ автора „Уота Тэйлора“.

Онъ Даніиль второй, я повторяю.

Спасибо, жидъ, что подсказалъ ты мнѣ

Сравненіе такое.

Венеціанскій Купецъ, д. IV, сц. 1.

Говорятъ очень вѣрно, что „одинъ дуракъ порождаетъ многихъ“ (что глупость заразительна), а у Попа есть стихъ, гдѣ сказано, что „дураки вбѣгаютъ туда, куда ангелы едва рѣшаются вступить“. Если бы м-ръ Соути не совался туда, куда не слѣдуетъ, куда онъ никогда до того не попадалъ и никогда болѣе не попадетъ, нижеслѣдующая поэма не была бы написана. Весьма возможно, что она не уступаетъ его поэмѣ, потому что хуже послѣдней ничего не можетъ быть по глупости, прирожденной или благопріобрѣтенной. Грубая лесть, тупое безстыдство, нетерпимость ренегата и безбожное лицемѣріе поэмы автора „Уота Тэйлора“ до того чудовищны, что достигаютъ своего рода совершенства—какъ квинтэссенція всѣхъ свойствъ автора.

Вотъ все, что я могу сказать о самой поэмѣ, и я прибавлю только нѣсколько словъ о предисловіи къ ней. Въ этомъ предисловіи благородному лауреату угодно было нарисовать картину фантастической „сатанинской школы“, на которую онъ обращаетъ вниманіе представителей закона, прибавляя такимъ образомъ къ своимъ другимъ лаврамъ притязанія на лавры доносчика. Если гдѣ нибудь, кромѣ его воображенія, существуетъ подобная школа, то развѣ онъ не достаточно защищенъ противъ нея своимъ крайнимъ самоуниженіемъ? Но дѣло въ томъ, что м-ръ Соути, какъ Скрубъ, заподозриваетъ нѣсколькихъ писателей въ томъ, что они „говорили о немъ, потому что они сильно смѣялись“.

Я, кажется, достаточно знаю большинство писателей, на которыхъ онъ, повидимому, намекаетъ, чтобы утверждать, что каждый изъ нихъ сдѣлалъ больше добра своимъ ближнимъ въ любой годъ, чѣмъ м-ръ Со-

ути навредилъ себѣ своими нелѣпостями за цѣлую жизнь, а этимъ не мало сказано. Но я долженъ предложить еще нѣсколько вопросовъ:

Во 1-хъ, дѣйствительно ли м-ръ Соути авторъ „Уота Тэйлора“?

Во 2-хъ, не было ли предлагаемое имъ лѣкарство отвергнуто по закону высшимъ судомъ излюбленной имъ Англіи, какъ богохульственное и вредное сочиненіе?

Въ 3-хъ, не называлъ ли его Вильямъ Смитъ открыто въ парламентѣ „злымъ ренегатомъ“?

Въ 4-хъ, развѣ онъ не поэтъ-лауреатъ, хотя у него на совѣсти есть такіе стихи, какъ о цареубійцѣ Мартинѣ?

И въ 5-хъ, соединяя всѣ предшествовавшіе пункты, какъ у него хватаетъ совѣсти обращать вниманіе закона на произведенія другихъ, каковы бы они ни были?

Я уже не говорю о гнусности такого поступка—она слишкомъ очевидна, но хочу только коснуться причинъ, вызвавшихъ его; онѣ заключаются не болѣе и не менѣе какъ въ томъ, что его недавно слегка высмѣяли въ нѣсколькихъ изданіяхъ—такъ же какъ его прежде высмѣивали въ „Anti-jacobin“ его теперешніе покровители. Отсюда вся эта ерунда про „сатанинскую школу“ и т. д.

Какъ бы то ни было, а это вполне на него похоже—„qualis ab incepto“.

Если нѣкоторые читатели найдутъ въ нижеслѣдующей поэмѣ нѣчто оскорбительное для своихъ политическихъ убѣжденій, то пусть они винятъ въ этомъ м-ра Соути. Пиши онъ гекзаметры, какъ онъ писалъ все другое, автору не было бы до этого никакого дѣла, если бы только онъ избралъ другой сюжетъ. Но возведеніе въ

святые монарха, который—каковы бы ни были его семейныя добродѣтели—не прославился никакими успѣхами и не былъ патриотомъ (нѣсколько лѣтъ его царствованія прошли въ войнахъ съ Америкой и съ Ирландіей, не говоря уже о его нападеніи на Францію) — это, какъ и всякое преувеличеніе, естественно вызываетъ протестъ. Какъ бы о немъ ни говорилось въ этомъ новомъ „Видѣніи“, исторія не будетъ болѣе благосклонна въ своемъ сужденіи о его государственной дѣятельности. Что касается его добродѣтелей въ частной жизни (хотя и стоившихъ очень дорого народу), то онъ внѣ всякаго сомнѣнія.

Что касается неземныхъ существъ, выведенныхъ въ поэмѣ, я могу сказать только, что знаю о нихъ столько же, сколько и Робертъ Соути, и кромѣ того я, какъ честный человѣкъ, имѣю больше права говорить о нихъ. Я кромѣ того отнесся къ нимъ съ большей терпимостью. Манера жалкаго помѣшаннаго лауреата творить судъ въ будущемъ мірѣ такая же нелѣпая, какъ его собственныя разсужденія въ этой жизни. Если бы это не было абсолютно комично, то было бы еще хуже чѣмъ глупо. Вотъ все, что можно сказать объ этомъ.

Quevedo Redivivus.

P. S. Возможно, что нѣкоторымъ читателямъ не понравится свобода, съ которой святые, ангелы и духи разговариваютъ въ этомъ „Видѣніи“. Но я могу указать на прецеденты въ этомъ отношеніи, на „Journey from this world to the next“ Фильдинга на мои, Квеведо, „Видѣнія“ по испански и въ переводѣ. Пусть читатель обратитъ вниманіе и на то, что въ поэмѣ не обсуждаются никакіе догматы, и что личность Божества старательно скрыта отъ взоровъ, чего нельзя сказать про поэму лауреата. Онъ счелъ возможнымъ приводить слова Верховнаго Судіи, причѣмъ онъ говоритъ въ поэмѣ вовсе не какъ „школьный святой“, а какъ весьма невѣжественный м-ръ Соути. Все дѣйствіе происходитъ у меня за предѣлами небесъ, и я могу назвать, кромѣ уже названныхъ произведеній, еще „Wife of Bath“ Чоусера, „Morgante Maggiore“ Пульчи, „Tale of a Tub“ Свифта въ подтвержденіе того, что святые и т. д. могутъ разговаривать вполне свободно въ произведеніяхъ, не претендующихъ на серьезность. Q. R.

М-ръ Соути, будучи, какъ онъ говоритъ добрымъ христіаниномъ, и человѣкомъ

злопамятнымъ, угрожаетъ мнѣ повидимому возраженіемъ на этотъ мой отвѣтъ. Нужно надѣяться, что его духовидческія способности станутъ за это время болѣе разумными, не то онъ опять впутается въ новыя диллемы. Ренегаты - якобинцы даютъ обыкновенно богатый матеріалъ для возраженій. Вотъ вамъ примѣръ: М-ръ Соути очень хвалитъ нѣкоего мистера Ландора, извѣстнаго въ нѣкоторыхъ кружкахъ своими латинскими стихами, и нѣсколько времени тому назадъ, поэтъ-лауреатъ посвятилъ ему стихи, превозносящіе его поэму „Гебиръ“. Кто бы могъ предположить, что въ этомъ самомъ Гебирѣ названный нами Савэджъ Ландоръ (таково его мрачное имя) ввергаетъ въ адъ не болѣе не менѣе, какъ героя поэмы своего друга Соути, вознесеннаго лауреатомъ на небо Георга III-го. И Савэджъ умѣетъ быть очень язвительнымъ, когда пожелаетъ. Вотъ его портретъ нашего покойнаго милостиваго монарха:

„(Принцъ Гебиръ, сошедшій въ преисподнюю, обозрѣваетъ вызванныхъ по его просьбѣ тѣни его царственныхъ предковъ и восклицаетъ, обращаясь къ сопровождающему его духу):

„Скажи, кто этотъ негодяй здѣсь подлѣ насъ? Вотъ тотъ съ бѣлыми бровями и косымъ лбомъ, вотъ тотъ, который лежитъ связанный и дрожитъ, поднимая ревъ подъ занесеннымъ надъ нимъ мечемъ? Какъ онъ попалъ въ число моихъ предковъ? Я ненавижу деспотовъ, но трусовъ презираю. Неужели онъ былъ нашимъ соотечественникомъ?—Увы, король, Иберія родила его, но при его рожденіи въ знакъ проклятій пагубныя вѣтры дули съ сѣверо-востока.—Такъ значитъ, онъ былъ воиномъ и не боялся боговъ?—Гебиръ, онъ боялся демоновъ, а не боговъ, хотя имъ поклонялся лицемѣрно каждый день. Онъ не былъ воиномъ, но тысячи жизней разбросаны были имъ, какъ камни при метаніи изъ пращи. А что касается жестокости его и безумныхъ прихотей — о, безуміе человѣчества! Къ нему взывали и ему поклонялись!..“ (Gebir, стр. 28).

Я не привожу нѣсколькихъ другихъ поучительныхъ мѣстъ изъ Ландора, потому что хочу набросить на нихъ покровъ съ позволенія его серьезнаго, но нѣсколько необдуманнаго поклонника. Могу только сказать, что учителя „высокихъ нравственныхъ истинъ“ могутъ очутиться иногда въ странномъ обществѣ.



ВИДѢНІЕ СУДА.

I.

Апостолъ Петръ сидѣлъ у вратъ своихъ;
Его ключи—отъ рая—были ржавы,
Столь рѣдко, видно, бралъ онъ въ руки ихъ;
Не то, чтобъ вся обитель вѣчной славы
Была полна, но въ глубь сердецъ людскихъ
Проникла сила дьявольской державы
И много душъ своимъ упорствомъ бѣсъ
Успѣлъ давно отторгнуть отъ небесъ.

II.

Хоръ ангеловъ пѣлъ хрипло гимнъ нестройный,
Иныхъ почти не вѣдая заботъ,
Какъ выводить то ночь, то полдень знойный,
Или смирять падучихъ звѣздъ полетъ,
Иль горній бѣгъ кометы безпокойной,
Когда она, пронзая небосводъ,
Дробить хвостомъ ядро планеты встрѣчной,
Какъ утлый челнъ порою китъ безпечный.

III.

Сочтя свой трудъ свершеннымъ въ дольной мглѣ,
Въ святую высь вернулись серафимы;
Въ раю никто не думалъ о землѣ,
Лишь ангель-счетчикъ, стражъ неутомимый,
Взиралъ, какъ горько міръ погрязъ во злѣ,
Какъ росъ грѣха разгулъ неудержимый,
И, истощивъ за счетомъ два крыла,
Онъ все жъ не могъ узнать всю мѣру зла.

IV.

За этотъ срокъ такъ много дѣла стало,
Что, вопреки желанью своему—
Съ кѣмъ изъ земныхъ министровъ не бывало —
Пришлось просить сотрудниковъ ему;
И вотъ благое небо начертало,
Чтобъ, бѣдному, не чахнуть одному,
Шесть ангеловъ отправить въ услуженье
Да дюжину святыхъ въ распоряженье.

V.

Для райской службы — славный вышелъ столъ
И всетаки на всѣхъ хватило дѣла:
Такъ много царствъ воздвигло свой престолъ,
Побѣдный мечъ не разъ былъ вскинуть смѣло
И каждый день свой счетъ кровавый велъ,
При Ватерло дошедшій до предѣла —
И здѣсь-то перья бросили они
Изъ отвращенья къ мерзости рѣзни.

VI.

Но бросимъ это; то, что ужаснуло
Сердца святыхъ, описывать не мнѣ;
Къ тому же ярость адскаго разгула
Противна стала даже Сатанѣ,
Хотя онъ самъ направилъ мечъ и дуло,
Чтобъ мѣрой зла насытиться вполнѣ.
(Ему-бъ одно въ заслугу я поставилъ, —
Что онъ вождей обоихъ въ адъ отправилъ).

VII.

Недолгій миръ опустимъ; изъ него
Земля не больше пользы извлекала,
Адъ,—какъ всегда, а небо—ничего;
Въ тѣ дни лишь власть тирана возростала;
Но онъ дождется часа своего,
Хотя-бъ та власть „семиголовой“ стала,
Какъ оный „звѣрь о десяти рогахъ“:
Одни рога внушить намъ могутъ страхъ.

VIII.

Былъ первый годъ второй зари свободы,
Когда Георгій Третій опочилъ,—
Тотъ, что любилъ всѣхъ деспотовъ, что годы,
Совсѣмъ слѣпой, въ безумьи жизнь влачилъ;
Прекрасный фермеръ, нѣжный другъ природы,
Глупецъ-король, что царство разорилъ!
Почилъ, оставивъ въ мѣрѣ подчиненныхъ,
Глупцовъ и тѣмъ же мракомъ пораженныхъ,

IX.

Почилъ!—Никто не плакалъ въ этотъ часъ;
Гробъ утопалъ въ избыткѣ пышныхъ тканей
И золота; былъ бархатъ, былъ атласъ;
Все, кромѣ слезъ,—помимо тѣхъ рыданій,
Чья скорбь звучить за плату, на заказъ;
Былъ вопль элегій, купленныхъ заранѣ,—
Герольды, мачты, факелы, какъ встарь,
Хоругви, словомъ,—полный инвентарь



ОСЛѢПШІЙ ГЕОРГЪ III. (George III).

Съ портрета (мецотинто) Чарльза Тэрнера. (Charles Turner, R. A., 1773—1857).

X.

Посмертной мелодрамы.—Въ часъ прощальный,
Изъ всѣхъ глупцовъ, сбѣжавшихся толпой,
Кто изнывалъ душой своей печальной?
Ихъ взоръ туманилъ трауръ показной,
Влекла ихъ пышность свиты погребальной;
Когда же гробъ засыпанъ былъ землей,
Всѣмъ адскою насмѣшкою казалось,
Что столько денегъ съ гнилью зарывалось.

XI.

И вотъ онъ—прахъ! Онъ могъ уже давно
Стать тѣмъ, чѣмъ *должно*, если бы природѣ
Возстановлять здѣсь было суждено
Огонь и воздухъ, землю, на свободѣ;
Но снадобья, бальзамы, полотно,
Чего въ простомъ не водится народѣ,
Ему въ землѣ мѣшали тлѣть нагимъ, —
Чтобъ разлагаться дольше, чѣмъ другимъ.

XII.

Теперь онъ мертвъ—и людямъ до него ли!...
Пустая надпись, счетъ гробовщика
Да десять строкъ его послѣдней воли,—
Вотъ весь итогъ. Бѣда не велика:
Онъ умеръ,—сынъ остался на престолѣ,
Въ немъ живы всѣ примѣты старика,
Лишь нѣтъ одной черты, весьма примѣрной,—
Любви къ женѣ, уродливой и скверной.

XIII.

„Подаждь, Творецъ, спасенье королю!“
Спасать такихъ!... Въ раю не столь просторно....
Богъ щедръ. Но пусть... Я вовсе не стою
За то, что казнь нужна и благотворна;
Быть можетъ я одинъ лишь признаю,
Что зло сердца скуеть не столь упорно,
Разъ обуздать—конечно, не всегда—
Безмѣрность кары адскаго суда.

XIV.

Я знаю самъ, что думать такъ—безбожно;
Я знаю: тотъ, кто слѣпо убѣжденъ,
Что осужденіе даже невозможно,
Пожалуй, первый будетъ осужденъ.
Все въ нашей церкви—свято, непреложно,—
Такъ учатъ всѣхъ, кто въ Англіи рожденъ,—
А остальные церкви, синагоги
Живутъ обманомъ, вѣрою убоги.

XV.

Пусть Богъ намъ всѣмъ поможетъ! Всѣмъ и мнѣ!
Я слабъ, обречь меня на муки ада
Такой-же трудъ ничтожный Сатанѣ,
Что мяснику достать овцу изъ стада;
Не то, чтобъ я пригоденъ былъ вполнѣ
Для блюда благороднаго, изъ ряда
Тѣхъ вѣчныхъ блюдъ, куда войдутъ, какъ снѣдь,
Должно быть, всѣ, чья доля—умереть.

XVI.

Апостолъ Петръ сидѣлъ у двери рая,
Въ дремотѣ часто голову клоня;
Вдругъ грянулъ гулъ, пространство содрогая,
Порывъ потока, вихря иль огня,—
Ну, словомъ, чья-то сила неземная
Низверглась въ тишь безтрепетнаго дня;
Но тамъ, гдѣ все бы въ мірѣ трепетало,
Петръ лишь сказалъ: „Еще звѣзды не стало!“

В И Д Ъ Н І Е С У Д А.

XVII.

Но не успѣлъ онъ вновь забыться сномъ,
Какъ вдругъ явился ангелъ и такъ больно
Своимъ блестящимъ, радужнымъ крыломъ
Задѣлъ Петра, что тотъ зѣвнулъ невольно.
Онъ крикнулъ: „Встань!“—И сталъ летать кругомъ,
Что твой павлинь, въ красѣ самодовольной.
Святой сказалъ: „Что значитъ этотъ гамъ?
Не Сатана ль собрался въ гости къ намъ?“

XVIII.

„Георгій Третій умеръ!“—„Такъ! ты все же
Скажи мнѣ толкомъ, кто же онъ такой“.—
Георгій *кто? Кто* Третій? Ахъ ты, Боже,—
Король британскій!—„Разъ онъ съ головой,
Я очень радъ столь рѣдкому вельможѣ.
А то здѣсь былъ король совсѣмъ иной;
Его въ раю отвергли бѣ непременно,
Не брось онъ въ насъ главой усѣкновенной.“

XIX.

„Король французскій, что ли... Человѣкъ,
Раздавленный короною земною,
Вдругъ хочетъ быть увѣнчаннымъ навѣкъ,
Какъ мученикъ! И еслибъ подъ рукою
Былъ мечъ, которымъ ухо я отсѣкъ,
Я бѣ показалъ... Но такъ какъ здѣсь со мною
Былъ только ключъ, то, вскинувъ ключъ свой вдругъ,
Я могъ лишь выбить голову изъ рукъ.“

XX.

„Онъ такъ завылъ, что, право, поневолѣ
Былъ принять въ рай и вотъ ужъ много дней
Сидитъ онъ съ Павломъ въ звѣздномъ ореолѣ;
Поди, и самъ святой Вареоломей
Добиться могъ отнюдь не лучшей доли,
Явившись въ небо съ кожей своей,
Чѣмъ онъ—съ такою слабой головою,
Дубовою, нелѣпой и пустою.“

XXI.

„Явись она на собственныхъ плечахъ,
Тогда бѣ совсѣмъ иное было дѣло;
А то участие, мысль о палачахъ,
Какъ колдовство, святыми овладѣло,
И голова пустая, этотъ прахъ,
Была опять посажена на тѣло:
Вѣдь здѣсь не могутъ—такъ ужъ завели!—
Не портить дѣло мудрое земли“.

XXII.

Въ отвѣтъ же ангель: „Полно волноваться!
На этотъ разъ король въ порядкѣ, цѣль,—
Онъ лишь не зналъ, куда ему податься,
И всякій имъ, какъ куклою, вертѣлъ;
На то здѣсь судъ, чтобъ въ этомъ разобраться,
А разсуждать—совсѣмъ не нашъ удѣлъ;
У насъ съ тобою цѣль, увѣ—иная—
Свершать свой долгъ, отнюдь не разсуждая“.

XXIII.

Пока здѣсь шель весь этотъ разговоръ,
Какъ тихій вихрь, взметнувшійся высоко,
Чей свѣтлый бѣгъ и радостень и скорь:
Рать ангеловъ явилась издалика,
Пересѣкая царственно просторъ,
Что лебедь гладъ лазурнаго потока,—
И съ ней старикъ незрячій и сѣдой
Съ душою столь же дряхлой и слѣпой.

XXIV.

Но вслѣдъ за ихъ лучистою толпою
Духъ Сумрака явился въ тотъ же мигъ,
Какъ вихрь, рожденный тучей грозовою,
Чей бурный бѣгъ губителенъ и дикъ;
Величьемъ думъ и вѣчною враждою
Отмѣченъ былъ его безсмертный ликъ—
И тамъ, куда онъ устремлялся взоромъ,
Ночная тѣма вставала надъ просторомъ.

XXV.

На входъ, куда проникнуть онъ не смѣлъ,
Остановивъ стремительность полета,
Съ такой враждой безсмертной онъ глядѣлъ,
Что Петръ готовъ былъ кинуться въ ворота;
Онъ трепетно ключами загремѣлъ
И на челѣ явились капли пота:
И этотъ потъ, что ликъ его омылъ,
Не просто потъ, а свѣтлый *ихоръ* былъ.

XXVI.

Всѣ ангелы,—какъ робкихъ птичекъ стая
Предъ соколомъ,—не въ силахъ скрыть испугъ,
Сомкнулись въ кучу—искрясь и блистая,
Какъ въ Оріонѣ свѣтлый звѣздный кругъ,—
Скрывъ старика, что прибылъ, самъ не зная,
Куда, хотя онъ столь надежныхъ слугъ
И не имѣлъ (въ большемъ числѣ исторій
Доказано, что каждый ангель—тори).

В И Д Ъ Н І Е С У Д А.

XXVII.

Вдругъ, чьи-то руки быстро развели
Врата небесъ и съ тихимъ трепетаньемъ
Разлился свѣтъ, по близости,—вдали,—
Раскинулся надъ цѣлымъ мірозданьемъ
До жалкой точки, сумрачной земли,
Гдѣ снова вспыхнулъ сѣвернымъ сіяньемъ
Надъ полюсомъ, тѣмъ самымъ, что, во льдахъ,
Былъ виденъ Пэрри въ „Мельвильскихъ водахъ“.

XXVIII.

И въ тотъ же мигъ изъ двери заповѣдной
Явился Духъ лучистой красоты,
Въ сіяньи славы, точно стягъ побѣдный,
Сверкающій, какъ пламя, съ высоты.
Мои слова—лишь отблескъ слишкомъ блѣдный,—
Во мракъ праха меркнетъ свѣтъ мечты
Въ душѣ людской,—но есть и исключенье:
Бредъ Боба Соути, яркій безъ сомнѣнья.

XXIX.

Пришедшій былъ Архангелъ Михаилъ:
Видъ ангеловъ, архангеловъ... ихъ лица
Извѣстны всѣмъ; о князѣ райскихъ силъ,
О чортѣ—въ книгахъ часто говорится,
Есть образа; но кто установилъ
Ихъ сходство? Я же вправѣ усумниться,
Что тотъ иль этотъ—подлинно таковъ...
Но я вторгаюсь въ область знатоковъ.

XXX.

Источникъ славы, самъ сіяя славой,
Оплоть добра и дѣлъ его живыхъ,
У входа въ рай стоялъ онъ величаво
Среди святыхъ, почтенныхъ и сѣдыхъ,
И серафимовъ рати моложавой
(Я ихъ по виду счелъ за *молодыхъ*
Сличая годы, Петръ, поди, моложе,—
У нихъ же лица болѣе пригожи).

XXXI.

Всѣ ангелы склонились передъ нимъ,
Архангельскимъ владыкою, главою
Чиновъ небесъ, что былъ глубоко чтимъ,
Какъ нѣкій богъ; но дерзостной мечтою,
Гордынею, онъ не былъ одержимъ,
Служа Творцу всей ангельской душою,
И, несмотря на санъ высокій свой,
Онъ твердо зналъ, что въ небѣ онъ—второй.

XXXII.

Предъ нимъ былъ тотъ, кого, безъ раздѣленья,
Въ добръ и злѣ отъ вѣка онъ знавалъ:
Имъ въ розни нѣтъ ни мира, ни забвенья,—
Въ томъ вся ихъ мощь; лишь взглядъ ихъ выдавалъ
Нѣмую скорбь живого сожалѣнья,
Но, для вражды, вѣдь каждый самъ избралъ
Всю даль вѣковъ, какъ срокъ ея безъ грани,
И Божій міръ, какъ поле этой брани.

XXXIII.

И только здѣсь смолкала ихъ вражда:
Какъ учить Іовъ, даже Духъ изгнанья
Являются въ небо властенъ иногда,
Гдѣ онъ привѣтъ встрѣчаетъ и вниманье
„Сыновъ небесъ“; и тамъ же безъ труда
Я бъ указалъ, въ примѣръ и назиданье,
Какъ ихъ бесѣды ласково велись,—
Но мы и такъ отъ цѣли отвлеклись.

XXXIV.

Вѣдь здѣсь не трудъ ученый, многословный,
Гдѣ богословъ берется доказать,
Что Іовъ—фактъ, иль образъ, звукъ условный;
И намъ цитатъ лишь столько нужно брать,
Чтобъ ради нашей ссылки голословной
Насъ за обманъ не вздумали карать,—
Притомъ здѣсь все, до юты,—внѣ сомнѣнья,
И подлинно, какъ всякое видѣнье.

XXXV.

У входа въ рай смолкалъ ихъ вѣчный споръ:
Какъ на судѣ восточномъ—у порога,
Здѣсь душу ждалъ послѣдній приговоръ,
Идти ли въ адъ, или въ обитель Бога,
И потому привѣтливъ былъ ихъ взоръ;
Хотя къ лобзаньямъ не было предлога,
Но все же тотъ, кто—Тьма, и тотъ, кто—Свѣтъ,
Не медлили привѣтомъ на привѣтъ.

XXXVI,

Архангелъ гостю плавно поклонился
И даже руку къ сердцу приложилъ;
Предъ недругомъ онъ саномъ не гордился,
Ни робости ничѣмъ не проявилъ:
Онъ съ нимъ во всемъ какъ съ равнымъ обходился,
А Сатана предъ княземъ райскихъ силъ
Стоялъ съ тѣмъ видомъ гордымъ и надменнымъ,
Что нищій грандъ предъ выскочкой презрѣннымъ.

В И Д Ъ Н І Е С У Д А.

XXXVII.

Склонивъ на мигъ отверженный свой ликъ,
Онъ только ждалъ урочнаго мгновенья,
Чтобы во имя всѣхъ своихъ уликъ
Потребовать Георгу осужденья
И доказать, что горестный старикъ
Не болѣе достоинъ снисхожденья,
Чѣмъ рядъ другихъ усопшихъ королей,
Чей умъ былъ часто выше и свѣтлѣй.

XXXVIII.

Архангель началъ: „Въ чемъ же предъ тобою
Повиненъ онъ? Повѣдай намъ, какимъ
Дѣяніемъ онъ грѣшенъ иль мечтою,
Что ты сюда являешься за нимъ?
Разъ на землѣ грѣховной суетою
Онъ, какъ король и смертный, былъ томимъ,
И тѣмъ погралъ свой долгъ прямой и строгій“.
Онъ—твой; а нѣтъ—ступай своей дорогой!»

XXXIX.

Князь Воздуха отвѣтилъ: „Михаилъ!
И здѣсь, предъ Тѣмъ, Кому и ты подвластенъ,
Онъ, все же,—мой; онъ мнѣ, какъ прахъ, служилъ,
И впредъ, какъ духъ, не быть моимъ не властенъ;
Тебѣ онъ дорогъ тѣмъ, что мало пилъ,
И тѣмъ, что не былъ къ женщинѣ пристрастенъ,—
Но все жъ онъ правилъ цѣлою страной,
Чтобъ преклониться только предо мной.

XL.

Взгляни на *нашу* землю, иль вѣрнѣ
Мою; надъ ней не такъ ужъ властенъ Богъ!
Я не горжусь, и Онъ не сталъ бѣднѣ;
Средь звѣздъ своихъ безчисленныхъ Онъ могъ
И не тужить о горестномъ пигмѣй,
Землѣ сырой, гдѣ каждый такъ убогъ,
Что изъ людей немногіе,—конечно,
Сверхъ королей—достойны кары вѣчной,—

XLI.

И то лишь въ силу вѣчныхъ правъ моихъ;
Вводитъ ихъ въ грѣхъ, склоняя ко злу—хитро ли!
Да нужды нѣтъ; не прощай бросить ихъ
На произволъ ихъ злой и темной воли—
Съ проклятіемъ, что скрыто въ нихъ самихъ.
Исправить же, помочь имъ въ грѣшной долѣ,
Безсиленъ рай—такая ихъ стезя,—
Какъ аду хуже сдѣлать ихъ нельзя.

XLII.

Ты лишь взгляни на землю: въ то мгновеніе,
Когда онъ, червь безпомощный, слѣпой,
Въ расцвѣтѣ силы поднялъ жезлъ правленья,
И міръ, и онъ имѣли видъ иной;
Моря и земли въ знакъ благоговѣнья
Склонились ницъ,—подъ частою грозой
Два острова сіяли блескомъ славы
Незыблемо, храня благіе нравы.

XLIII.

Онъ правилъ царствомъ много долгихъ лѣтъ;
Сравни, какимъ онъ свой престолъ оставилъ,
Съ тѣмъ, что нашель!—Все выведи на свѣтъ:
Какъ онъ всю власть любимцу предоставилъ;
Какъ онъ себя—чего и въ нищемъ нѣтъ!—
Позорной страстью къ золоту прославилъ,
Порокомъ самыхъ низменныхъ сердецъ.
И Францію ты вспомни, наконецъ!

XLIV.

Онъ, скажутъ, былъ орудіемъ... Безспорно!
(Дѣльцовъ найдемъ). А кто—орудье,—въ адъ!
Съ тѣхъ поръ, какъ люди тупо и покорно
Гнетъ правящихъ мучительно влачатъ —
Въ кровавыхъ спискахъ зла, рѣзни позорной
Сыщи примѣръ, я буду очень радъ,
Правленія, изъ самыхъ отдаленныхъ,
Гдѣ было бъ больше крови и казненныхъ.

XLV.

Все вольное онъ горько попиралъ;
Свои, чужіе, люди и народы...
Гдѣ только въ мірѣ радостно взывалъ
Къ людскому сердцу благовѣсть свободы,
Въ Георгіѣ онъ недруга встрѣчалъ:
Онъ все повергъ въ мученья и невзгоды.—
Воздержный нравъ я тоже въ немъ цѣню,
Какъ все, что часто чуждо королю.

XLVI.

Какъ честный мужъ, свой долгъ онъ вѣдалъ строго,
Былъ недурнымъ главою и отцомъ;
Для корсля вѣдь это очень много:
Умѣренность за княжескимъ столомъ
Цѣннѣе, чѣмъ за трапезой убогой.
Да я не то признать согласенъ въ немъ!
Отъ этого жъ не легче миллионамъ,
Влачившимъ гнетъ съ проклятіемъ и стономъ.



РОБЕРТЪ СОУТИ. (Robert Southey).

Портретъ Доунмена (John Downman, A. R. A., 1750—1824).

XLVII.

Онъ Новымъ свѣтомъ свергнуть; Старый свѣтъ
Еще влачить позорно крестъ жестокой
Того, что онъ оставилъ, какъ завѣтъ:
Въ преемникахъ живутъ его пороки—
Въ нихъ лишъ его порядочности нѣтъ;
Еще царятъ тираны, лежебоки,
Забывъ, что власть дана для дѣлъ благихъ;
Но близокъ часъ,—набатъ разбудить ихъ!

XLVIII.

Пять миллионовъ душъ, хранившихъ строго
Завѣтъ старинный, права онъ лишилъ
Провозглашать открыто имя Бога,
И *ваше*, Петръ, и *ваше*, Михаилъ!—
Ужель вамъ мало этого предлога,
Чтобъ былъ низвергнуть тотъ, кто отрѣшилъ
Католиковъ отъ всякаго почина
Во всѣхъ святыхъ дѣлахъ христіанина!

XLIX.

Молиться Богу онъ не воспрещалъ;
Но фактъ молитвы влекъ уже стѣсненье
Во всѣхъ правахъ—предъ тѣми, кто считалъ,
Что чтить святыхъ—смѣшное заблужденье".
Тутъ Петръ вскочилъ и громко закричалъ:
„Ведите прочь весь этотъ смрадъ и тлѣнье,
И если гвельфъ угоденъ небесамъ,
Пока я стражъ, то будь я проклять самъ!

L.

Да я, отъ правъ отрекшись и отъ чина,
Скорѣ буду Церберомъ въ аду,
Чѣмъ допущу, чтобъ тѣнь ханжи, кретина,
Бродила въ райскомъ царственномъ саду".
А Сатана замѣтилъ: „Молодчина!
Такъ и должно, по строгому суду.
Я васъ охотно Церберомъ поставлю,
А рай стеречь я *нашею* отправлю".

LI.

Здѣсь Михаилъ вмѣшался: „Вы, святой!
Вы, Сатана! Могли бы удержаться!
Я думалъ, Петръ, вы чуточку иной.
Васъ, Сатана, прошу не обижаться,
Что сгоряча онъ санъ унизилъ свой:
Вѣдь и святымъ не диво забываться.
У васъ еще улики?" „—Нѣтъ".—„Тогда—
Свидѣтелей! Безъ нихъ вѣдь нѣтъ суда".

LII.

На это Дьяволъ сдѣлалъ знакъ рукою,
Погнавъ въ пространство силою своей
Громады тучъ съ ихъ вихрями и тьмою,
Какихъ не знаетъ даль земныхъ полей;
И грянулъ громъ надъ сушей и водою,
Сливаясь съ гуломъ адскихъ батарей
(Великій Мильтонъ былъ того же взгляда,
Что пушку сдѣлалъ главный мастеръ ада).

LIII.

Весь этотъ гулъ раздался, какъ сигналъ
Той рати душъ погибшихъ, чьей опекѣ
Просторъ міровъ несмѣтныхъ подлежалъ,
Текущихъ, бывшихъ, будущихъ. Навѣки
Къ своимъ мѣстамъ ихъ адъ не приковалъ,
И каждая могла, какъ хищникъ нѣкій,
Свободно рыскать въ безднѣ міровой,
Влача свое проклятіе съ собой.

В И Д Ъ Н І Е С У Д А.

LIV.

Въ томъ вся ихъ гордость—какъ тутъ не гордиться!
Онъ же—въ родъ рыцарей, иль тѣхъ,
Кто носить знакъ отличія, рядится
Въ кафтанъ, чей воротъ вовсе не для всѣхъ...
Просиль бы этихъ духовъ не сердиться
За образы земные. Весь мой грѣхъ,
Что самъ я—прахъ. Я знаю, эти тѣни
Гораздо выше всѣхъ моихъ сравненій.

LV.

Тотъ кличъ свершилъ, промчавшись съ неба въ адъ,
Пять миллионъ тѣхъ же разстояній,
Что отъ земли до солнца и назадъ;
Въ какой же срокъ?—Изъ точныхъ показаній
Мы знаемъ, сколько времени скользятъ
Лучи, чтобъ вспыхнуть въ Лондонскомъ туманѣ,
Гдѣ флюгера сверкаютъ трижды въ годъ,
И то, коль лѣто сносное придетъ.

LVI.

Въ какой же?—Въ полминуты.—Безъ сомнѣнья,
Лучъ солнца можетъ только въ большой срокъ
Свершить свой путь до мѣста назначенья.
Вѣдь онъ не столь проворенъ, какъ ходокъ,
Чтобъ въ скорости, при всемъ упорствѣ рвенья,
Онъ превзойти гонцовъ отъ ада могъ,—
И тамъ, гдѣ солнце въ мірѣ годы тратитъ,
Лукавому всего полсутокъ хватить.

LVII.

Вдали, у самой грани міровой,—
Едва съ полкроны—пятнышко явилось
(Я то же видѣлъ въ морѣ—предъ грозой);
Оно росло, все ближе становилось,
Мѣняя часто темный обликъ свой,
И какъ корабль таинственный кружилось
Или *кружило* (самъ не разрѣшу
И можетъ быть въ грамматикѣ грѣшу,—

LVIII.

Но вамъ виднѣй), въ концѣ же тучей стало —
Свидѣтелей! Пожалуй никогда
И саранчи такъ много не летало;
Затмивъ просторъ, ихъ дикая орда,
Все скопище ревѣло, гоготало, —
Точь въ точь гусей крикливыя стада
(Коль скоро здѣсь уместно слово *стадо*),
Воистину—„разверзлись бездны ада“.

LIX.

Гремѣлъ Джонъ Булъ потокомъ бранныхъ словъ;
За нимъ божился Пэдди безтолково,
Ворчалъ шотландецъ; въ хоръ ихъ голосовъ
Французскій призракъ вплелъ такое слово,
Что онъ смутилъ бы даже кучеровъ:
Въ немъ было столько запаха земного;
А Джонатанъ горланилъ, самъ не свой:
„*Нашъ* президентъ опять затѣялъ бой!“

LX.

За ними шли голландцы и датчане,—
Короче, рать всѣхъ мыслимыхъ тѣней—
До острововъ въ далекомъ океанѣ,
Всѣхъ странъ, профессій, лѣтъ и ступеней,—
Явившихся къ отвѣтной этой грани
Судить дѣла Георгіевыхъ дней,
Взглянуть, не также ль даже государи
Подвержены, какъ всѣ мы, вѣчной карѣ.

LXI.

При видѣ ихъ архангелъ поблѣднѣлъ,
Какъ можетъ духъ; затѣмъ, какъ лучъ разсвѣтлый,
Весь ликъ его свѣтился и горѣлъ,—
Иль какъ въ окнѣ церковномъ блескъ отвѣтный,
Когда закатъ торжественно зардѣлъ,
Иль дальнихъ молній отблескъ огнецвѣтный,
Иль пестрый смотръ наѣздниковъ лихихъ,
Зеленыхъ, красныхъ, синихъ и другихъ.

LXII.

Онъ вновь вступилъ въ бесѣду съ Сатаною:
„Зачѣмъ, мой другъ—мы всетаки друзья,
Хотя отъ вѣка скованы борьбою;
Мы просто *въ разныхъ лагеряхъ*, и я
Руководжусь не *личною* враждою;
Творя иное дѣло бытія,
Я васъ цѣню, и всякій разъ невольно
За вашъ злой нравъ становится мнѣ больно.“

LXIII.

Зачѣмъ же, добрый Люциферъ, тогда
Вамъ было звать въ свидѣтели полъ-ада
И полъ-земли? Какая въ нихъ нужда!
Довольно двухъ,—была бъ лишь трезвость взгляда,
А то въ виду столь сложнаго суда
И мнѣ, и вамъ затратить вѣчность надо,
Вѣдь доводамъ отвѣтника, истца,
Какъ нашему безсмертью, нѣтъ конца“.

В И Д Ъ Н І Е С У Д А.

LXIV.

Духъ зла отвѣтилъ: „Съ личной точки зрѣнья
На этотъ разъ мнѣ, право, все равно:
Десятки душъ, и лучше, безъ сомнѣнья,
Взамѣнъ я могъ имѣть уже давно;
Я требовалъ Георгу осужденья
Лишь потому, что такъ и быть должно;
Я уступлю, за чѣмъ же дѣло стало,
Вѣдь королей у насъ въ аду не мало“.

LXV.

Такъ Михаилу демонъ отвѣчалъ
(Безличнымъ Соути прозванный „двуличнымъ“).
„Тогда изъ всѣхъ,—архангелъ продолжалъ,
Я нахожу наиболѣе логичнымъ
Избрать двоихъ. „—“ А выборъ-то не малъ!
Замѣтилъ дьяволъ тономъ безразличнымъ—
Изъ мириадъ кого-бъ я вызвать могъ,
Пускай Джэкъ Уильксъ выходитъ,—чѣмъ онъ плохъ?“

LXVI.

И изъ толпы сейчасъ же вышелъ смѣло
Веселый призракъ, странный и смѣшной;
Онъ былъ одѣтъ по модѣ устарѣлой;
Вѣдь смертные приносятъ въ міръ иной
Все, что при жизни красило иль грѣло
Ихъ грѣшный прахъ; за гранью гробовой
Всѣ виды платья собраны,—отъ Евы
И вплоть до тѣхъ, что носятъ наши дѣвы.

LXVII.

Взглянувъ на всю столпившуюся рать,
Воскликнулъ духъ: „Здѣсь можно простудиться!
Друзья всѣхъ сферъ, не время ль начинать?
Зачѣмъ сюда приказано явиться?
На выборы? тогда прошу избрать
Меня, того, кто смѣетъ тѣмъ гордиться
Что партіи былъ преданъ всякій разъ!
Могу, я, Петръ, разсчитывать на васъ?“—

LXVIII.

Но Михаилъ замѣтилъ: „Вы—неправы:
То—суета земная, здѣсь же судъ
Надъ королемъ, носителемъ державы,—
Запомните!“—„А тотъ крылатый людъ
Вѣдь херувимы—въ блескѣ райской славы?—
Спросилъ Джэкъ Уильксъ.—Никакъ Георгій тутъ?
Да онъ же слѣпъ!...—Лицо довольно схоже,
Да только я считалъ его моложе.“

LXIX.

„Какъ видите,—и судъ ему воздасть,—
Отвѣтилъ Ангель,—всякій грѣхъ накажетъ.
Гробъ даже смердамъ самыхъ низшихъ кастъ
Даетъ права винить и тѣхъ, кто княжить,—
Мы слушаемъ!“—„Не всякій ждѣть гораздъ,
Пока ихъ смерть ему языкъ развяжетъ —
Замѣтилъ Уильксъ,—я первый въ томъ числѣ
Кричалъ имъ все, что думалъ, на землѣ“.

LXX.

„Тогда мы въ небѣ просимъ повторенья
Твоихъ уликъ,—отвѣтилъ Михаилъ.
„Нѣтъ,—духъ сказалъ,—я съ нимъ окончилъ пренья.
Чтобъ я свои улики изложилъ!...
Шалишь! Старо! Вѣдь я его правленье
И всѣ его парламенты разбилъ
Давнымъ давно, и, какъ король, къ тому же,
Онъ былъ, какъ всѣ,—не лучше и не хуже.“

LXXI.

Не скрою, было подло поступать
Съ такимъ, какъ я, бѣднягою столь круто;
Но я его не вправѣ порицать:
То было дѣло Грэфтона и Бута,—
Ему же лично незачѣмъ страдать
За лютость тѣхъ, кто былъ наказанъ люто
Еще въ живыхъ. Пускай же этотъ прахъ
Вкушаетъ радость въ вашихъ небесахъ“.

LXXII.

Но сатана:—„Вы заняты не дѣломъ!
Ставъ на землѣ *полупридворнымъ*, вы,
Я вижу, Уильксъ, хлопчете о *цѣломъ*.
Но власть Георга кончилась; увь!
За роковымъ и сумрачнымъ предѣломъ
Онъ снялъ на вѣкъ корону съ головы.
Вашъ трудъ пропалъ: на дьявольскомъ обѣдѣ
Вы встрѣтитесь, быть можетъ, какъ сосѣди.“

LXXIII.

Какъ васъ понять, я, право, раньше зналъ,
Когда, шепча ехидно и забавно,
Вы все сновали тамъ, гдѣ Беліальъ,
На службѣ дня, вертѣлъ свой вертелъ плавно
И жиромъ Фокса Питта поливалъ;
Какъ васъ понять, въ тотъ часъ мнѣ стало явно.
Мутить мнѣ адъ,—я ротъ ему зажму,—
Чтобъ зналъ онъ цѣну биллю своему.

LXXIV.

Звать Юннія!* Сейчас же тѣнь качнулась,
Причемъ по всей безчисленной толпѣ
Прошло движеніе,—вся она сомкнулась,
Рукой къ рукѣ, стопой тѣсняясь къ стопѣ
(Чтобъ лишь узнать, какъ горько обманулась!),—
Какъ травка къ травкѣ въ стянутомъ снопѣ,
Иль сжатый воздухъ, шаръ свой напрягая,
Иль—что печальнѣй—колика людская.

LXXV.

Высокій призракъ, тощій и сѣдой,
Какъ еслибъ онъ при жизни былъ ужъ тѣнью,
Прошелъ впередъ, въ движеніяхъ—живой,
Ничѣмъ не выдавъ, кто онъ по рожденью;
Унылъ и веселъ, маленькій—большой,
Онъ вѣчно былъ подверженъ измѣненію,
Сейчасъ одно,—глядишь, уже не то,
Переходя—невѣдомо, во что.

LXXVI.

И тщетно духи зрѣнье напрягали,
Чтобъ различить черты его лица;
Самъ Сатана узналъ его едва ли;
Онъ весь, какъ сонъ, мѣнялся безъ конца,
Одни его извѣстнѣйшимъ считали;
Тотъ видѣлъ въ немъ родимаго отца;
А тотъ опять божился всѣмъ, что свято,
Что онъ, молъ, дядя падчерицы брата.

LXXVII.

Другой твердилъ: онъ, дескать, рыцарь, князь,
Набобъ, священникъ, стряпчій знаменитый;
А духъ, инымъ не рѣже становясь,
Чѣмъ мнѣнія крикливой адской свиты,
Опровергалъ ихъ вѣрность, смыслъ и связь,—
И тѣни были прямо съ толку сбиты:
Онъ былъ великій фокусникъ душой,—
Измѣнчивый, волшебный, подвижной.

LXXVIII.

Лишь стоило найти ему название,—
Разъ-два!—глядишь, ужъ онъ совсѣмъ иной;
Едва ль, при всемъ усиліи вниманья,
Онъ былъ бы узанъ матерью родной
(Когда бъ у столь волшебнаго созданья
Имѣлась мать); предъ пестрою игрой
Терялись всѣ, и было бесполезно
Рѣшать, кто скрытъ подъ „маскою желѣзной“.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ВАЙРОНА.

LXXIX.

То онъ хотѣлъ, какъ Церберъ, иногда
Казаться вдругъ „тремъ одновременно“;
А то *однимъ* сочтешь не безъ труда;
Здѣсь яркимъ свѣтомъ вспыхнулъ онъ мгновенно,
А тамъ съ туманомъ слился безъ слѣда,
Какъ бѣдный Лондонъ съ нашей мглой безсмѣнной;
Глядишь онъ Беркъ, сэръ Филипъ Фрэнсисъ, Тукъ,—
И каждый разъ неожиданно, вдругъ.

LXXX.

Но я припасъ одно предположеніе
Мое; его скрывалъ я много лѣтъ,
Боясь навлечь невольное гоненіе
На важныхъ лицъ,—а то, глядишь, задѣтъ
Министръ иль пэръ... опала, пониженіе...
Оно—вниманье!—вотъ его секретъ:
Тотъ, кто какъ Юній славился доселѣ,—
Никто; онъ, *право*, не жилъ въ *самомъ* дѣлѣ.

LXXXI.

Я, право же, не вижу, почему
Безъ всякихъ рукъ письму нельзя явиться,
Разъ безъ головъ ихъ пишутъ прямо тьму—
И груды книгъ! Пока иной стремится
Рѣшить, какого автора уму
Принадлежитъ такая-то страница,
Онъ самъ, какъ Нигеръ, водить за носъ свѣтъ!
Есть авторъ или устье, иль ихъ нѣтъ.

LXXXII.

„Кто жъ ты?“ спросилъ Архангелъ для начала.
„Въ томъ вся и суть моихъ заглавныхъ строкъ“
Могучая тѣнь тѣни отвѣчала—
„И то, чего никто раскрыть не могъ,
Узнать и вамъ не болѣе пристало“.
На это Ангелъ: „Въ чемъ же твой упрекъ
Георгу?“—„Раньше“ крикнулъ духъ на это,
Я *отъ него* на письма жду отвѣта.

LXXXIII.

„Укоръ моихъ уликъ переживетъ
Весь прахъ его до надписи надгробной“.—
Но Михаилъ: „А ты-то въ свой чередъ
Предвзятостью иль выходкой подобной
Не прегрѣшилъ? Тамъ всюду вѣренъ счетъ?
Ты не былъ рѣзокъ въ рѣчи слишкомъ злобной
И страстной?“—„Страсть! „воскликнулъ духъ чудной,
„Я презиралъ, любя свой край родной!

В И Д Ъ Н І Е С У Д А.

LXXXIV.

Я написалъ и дѣло приговора
Отвѣтить, кто достойнѣй вѣчныхъ мукъ“,
Сказалъ онъ, *Umbra Nominis*, и скоро
Исчезъ, какъ дымъ небесный или звукъ.
„Еще не вызванъ для рѣшенья спора
Ни Вашингтонъ, ни Франклинъ, ни Джонъ Тукъ...“
Сказалъ Духъ Зла, но тутъ же крикъ раздался
„Пусти!“—хотя никто не разступался.

LXXXV.

И не щадя ни груди, ни локтей
(Съ нимъ херувимъ, къ тому опредѣленный),
На середину вышелъ дьяволъ Асмодей,
Тяжелой ношей, видно, утомленный.
„Да здѣсь не духъ, а кто-то изъ людей!“
Воскликнулъ вдругъ Архангелъ изумленный.
„Я зналъ“ замѣтилъ Incubus—онъ могъ
Имъ быть давно, но только дайте срокъ.

LXXXVI.

„Вѣроотступникъ!—Ну, ужъ и летѣли!
Вѣдь вотъ свихнулъ я лѣвое крыло:
Какъ будто съ нимъ всѣ книги пустомели,—
Его труды—такъ было тяжело.
Такъ вотъ: лечу надъ Скиддо—такъ, безъ цѣли —
(Тамъ вѣчно дождь)—и вижу: домъ, свѣтло;
Я—внизъ, и, глядь, предъ парнемъ-то сатира
На Библію, на всѣ завѣты міра!

LXXXVII.

Второе—ваше дѣло, Михаилъ,
А первое, сатира,—область ада,
Онъ, значить, всѣ законы преступилъ.
Чтобъ по дѣламъ ему была награда,
Я, въ чемъ онъ былъ, молодчика схватилъ
И вверхъ, сюда! Летѣть мнѣ долго ль надо!
Минутьъ пятнадцать—мчался, какъ стрѣла:
Его жена и чай не отпила“.

LXXXVIII.

Духъ зла сказалъ: „У насъ онъ на примѣтѣ,
Я какъ-то даже ждалъ его сюда;
Глупѣй его не видано на свѣтѣ,
А самоувереннѣе—право, хотъ куда!
Вамъ, Асмодей, о столь пустомъ предметѣ
Тревожиться не стоило труда:
Такая тварь—ничтожнѣе ничтожныхъ—
Пришла бъ сама (безъ выдачи дорожныхъ).“

LXXXIX.

Но разъ онъ здѣсь, присмотритесь къ дѣламъ...“
Тутъ Асмодей: „Одно другого стоитъ!
Онъ занятъ тѣмъ, что въ пору здѣсь, да вамъ,
Онъ изъ себя писца у Парки строить,—
Подумайте, къ чему ведетъ весь срамъ,
Когда осель свой наглый ротъ раскроетъ!“
Но Михаилъ: „Онъ долженъ самъ сказать,
Вы знаете, нельзя же отказать“...

XC.

И бардъ, народъ встрѣчая и подмостки,
Что для него на свѣтъ—сущій кладъ,
Откашлялся, и сталъ свой голосъ жесткій
Настраиwать на очень скорбный ладъ
И началъ стихъ томительно-громоздкій;
Но вышло такъ, что самъ онъ былъ не радъ:
На первомъ же гекзаметрѣ запнулся—
И стихъ хромалъ и голосъ содрогнулся.

XCI.

Но прежде чѣмъ онъ стихъ свой разогналъ
Въ речитативъ, надъ ангельской толпою
Раздался ропотъ, ужасъ пробѣжалъ,
Какъ грозный гулъ, по длинному ихъ строю
И Михаилъ не вытерпѣлъ и всталъ,
Боясь столкнуться съ новою строфою.
Онъ крикнулъ: „Брось, не нужно! ты бы намъ—
Non di, non homines—продолжи самъ!“

XCII.

По всей толпѣ смятенъе пробѣжало,
Ей, видно, былъ противенъ всякій стихъ:
Рать ангеловъ ужъ столько ихъ пѣвала
Въ часы молитвъ безчисленныхъ своихъ,
Толпа жъ тѣней и слушать ихъ устала
Еще при жизни: здѣсь ей не до нихъ.
Монархъ, молчавшій, крикнулъ адской свитѣ:
„Здѣсь Пай? Здѣсь Пай? Ведите—уведите!“

XCIII.

И ропотъ росъ; дрожали небеса
Отъ кашля, точно въ длинномъ засѣданьи,
Гдѣ Кэстельри трудился три часа
(Сегодня онъ—министръ, въ придворномъ званьи,—
Рабы—внимай!); гремѣли голоса:
„Долой его!“ и въ трудномъ ожиданьи
Нашъ бардъ прибѣгъ за помощью къ Петру,
Какъ къ бывшему собрату по перу.

XCIV.

Пройдоха былъ не такъ уже невзраченъ;
Орлиный носъ, орлиный острый взглядъ:
Видъ коршуна; весь ликъ его былъ мраченъ
И вмѣстѣ съ тѣмъ пріятно-плутовать,
И ужъ подавно болѣе удаченъ,
Чѣмъ вещь его; удачнѣе сто кратъ!
Онъ въ ней былъ весь — безпомощный калѣка,
Утратившій и образъ человѣка.

XCV.

Архангель грянулъ грозною трубой,
И смолкли всѣ, заслышавъ звонъ сугубый—
Перекричи: таковъ совѣтъ земной;
Лишь рѣдкій духъ порой ворчалъ сквозь зубы:
Кому охота портить голосъ свой,
Когда гремятъ неистовыя трубы;
И вотъ нашъ бардъ къ защитѣ приступилъ,—
На всѣ лады проступокъ свой хвалилъ.

XCVI.

Онъ говорилъ: напрасны, молъ, укоры,—
Строчить не грѣхъ, нисколько; это онъ
Твердилъ всегда; въ томъ хлѣбъ его, который
Онъ густо мажетъ масломъ съ двухъ сторонъ;
Дать списокъ книгъ?— Но онъ ихъ пишетъ горы:
„Уотъ Тайлеръ“, „Ватерло“... и двухъ именъ
Достаточно; за счетомъ остального
Прошелъ бы день, а то и часть второго.

XCVII.

Онъ пѣлъ хвалы убійцѣ короля;
Онъ пѣлъ хвалы всѣмъ деспотамъ вселенной;
Онъ долго пѣлъ, республики хваля,
И противъ нихъ — все столь же вдохновенно.
Онъ нынче ленъ, а завтра конопля,
Всему служить готовъ—попеременно:
Спѣша къ тому, кто въ жизни больше дастъ —
Кому угодно душу запродастъ.

XCVIII.

Онъ бой считалъ безумнымъ заблужденіемъ,
И самъ же битвы громко воспѣвалъ;
Онъ заклеилъ всѣхъ критиковъ презрѣніемъ,
А послѣ самъ же критику кропалъ—
У тѣхъ, кѣмъ онъ былъ встрѣченъ съ омерзѣніемъ,
И ѣлъ и пилъ, дневалъ и ночевалъ;
Кропалъ стихами бѣлыми и бѣлой
Обильной прозой — столь же неумѣлой.

XCIX.

Писалъ объ Уисли... Тутъ онъ къ Сатанѣ:
„Я, сэръ, о васъ не прочь бы томъ составить,
А то и два; съ введеньемъ; стоитъ мнѣ
Переплести, погромче озаглавить,
И публикѣ понравится вдвойнѣ;
Могу себя заранѣе поздравить!
Лишь дайте мнѣ источники, тогда
Мы васъ къ святымъ причислимъ безъ труда“.

C.

Духъ зла молчалъ. „Не нужно!?—ваше дѣло!
Какъ вы скромны! — Что скажетъ Михаилъ?
Чтобъ все свой видъ божественный имѣло,
Я-бъ крайнія усилія приложилъ;
Мое перо — хотя и устарѣло,
Заставитъ васъ сіять, по мѣрѣ силъ,
Какъ вашъ раструбъ. Моя труба изъ мѣди,
Но если грянетъ, слышать всѣ сосѣди.

CI.

„Но разъ уже о трубахъ говорить —
Тогда судите, — вотъ мое *Видѣнье!*
Моимъ судомъ вы будете судить,
Кому здѣсь—въ рай, а чей удѣлъ — паденье.
Я все постигъ: чтó жило — будетъ жить,
И адъ и рай, вѣка и смыслъ мгновенья,
Какъ царь Альфонсъ. И зная все впередъ,
Я-бъ могъ избавить Бога отъ хлопотъ“.

CII.

И вотъ извлекъ онъ свитокъ; не взирая
На крикъ и просьбы ангеловъ, чертей,—
Нахлынуло; одна строка — другая...
Съ четвертою все сборище тѣней
Исчезло вдругъ, — лишь запахъ оставляя,
Кто сладостный, кто сѣрный, иль острѣй,—
Разсыпалось, налѣво и направо,
Отъ первыхъ словъ „мелодіи гнусавой“.

CIII.

Столь всемогущъ иныхъ напѣвовъ складъ!
Закрыли уши ангелы; отъ пѣнья
Всѣ черти, съ воемъ, ринулись въ свой адъ,
А призраки ушли въ свои владѣнья
(Объ ихъ пріютѣ разное твердятъ,
Я оставляю всѣмъ свободу мнѣнья).
Хотѣлъ къ трубѣ прибѣгнуть Михаилъ—
Но не было ни воздуха, ни силъ.

В И Д Ъ Н І Е С У Д А.

CIV.

И Петръ, чей нравъ несдержанный и страстный
Извѣстенъ всѣмъ, взмахнулъ своимъ ключомъ
И сбиль пѣвца своей рукою властной:
Увы! Не будь столь мало вѣсу въ немъ,
Упавъ съ небесъ, какъ Фазтонъ несчастный,
Нашъ бардъ почилъ бы въ озеръ своемъ;
(Иную ткань ему судьба готовить—
Ту, въ чемъ паукъ свою добычу ловить).

CV.

Нырнувъ ко дну — въ томъ участь книгъ его,
Онъ всплылъ — какъ самъ; таковъ законъ: гнилое
Стремится вверхъ, равно какъ вещество
Съ ничтожнымъ вѣсомъ, пробка, иль иное;
Забившись въ глушь притона своего,
Какъ груда книгъ докучныхъ, онъ, въ покоѣ,
Старательно кропаетъ до сихъ поръ
Свои „Видѣнья“ или прочій вздоръ.

CVI.

Чтобъ завершить и это сновидѣнье —
Мой телескопъ таинственный пропалъ;
Онъ охранилъ мой взоръ отъ заблужденья,
Открывъ мнѣ то, что самъ я показалъ.
Мнѣ помнится: среди общаго смятенья,
Король Георгій въ небо пробѣжалъ;
Когда жъ затѣмъ покинулъ я высоты,
Онъ напѣвалъ псаломъ, должно быть, сотый.

Ю. Балтрушайтисъ.



СТИХОТВОРЕНІЯ 1816—1823 ГГ.

НА БЮСТЪ „ЕЛЕНЫ“ КАНОВЫ.

Земная не могла создать тебя мечта,
Природа-же могла, но не хотѣла;
Кановы мощь создать тебя съумѣла,
Его рукой водила Красота.
И высоко надъ грѣзами, мечтами,
Надъ пѣснями безсильными пѣвца
Владѣешь ты влюбленными сердцами,
Безсмертное созданіе рѣзца.

С. Ильинъ.

ВЕНЕЦІЯ. (Отрывокъ).

Мириады праздничныхъ огней
Горятъ на площади твоей,
О, Маркъ Святой... Полночи мгла
Ее окутать не могла.
Блестятъ надъ шумною толпой
Огни гирляндой цвѣтной,
Веселье, смѣхъ... а въ вышинѣ,
Какъ вздохъ о гордой старинѣ,
Надъ темной массою дверей
Сверканье бронзовыхъ коней.
Передъ жилищемъ дождей левъ
Съ колонны шлетъ свой старый гнѣвъ.
Вотъ „вздоховъ“ мостъ. И тѣмъ мостомъ
Соединяется съ дворцомъ
Угрюмый замокъ. Власти тамъ
Умѣли мстить своимъ врагамъ:
На этотъ мостъ кто разъ вступалъ,
Навѣкъ изъ жизни исчезалъ;

Никто не зналъ,—онъ живъ иль нѣтъ,
О немъ стирался всякій слѣдъ.
Зато дворецъ прекрасенъ; онъ
Стоитъ средъ царственныхъ колоннъ
И смотритъ, полонъ важныхъ думъ,
Туда, гдѣ слышенъ моря шумъ:
Вѣдь мощь лазоревыхъ валовъ—
Надежда вольныхъ острововъ...
А вотъ Святого Марка храмъ.
Порфиръ и яшма всюду тамъ.
И легкость пышныхъ колоннадъ;
Рѣзныя башни тамъ стоятъ,
И на мечеть восточныхъ странъ
Похожъ храмъ вѣрныхъ христіанъ.
Тамъ блещутъ дивной красотой
Статуи Дѣвы Пресвятой.

С. Ильинъ.

НѢТЪ, БРОДИТЬ УЖЪ, КАКЪ БЫВАЛО.

(So we'll go no more a-roving).

НѢтъ, бродить ужъ, какъ бывало,
Мы не будемъ по ночамъ,
Хоть бы сердце и желало,
И луна свѣтила намъ.

Мечъ ножны перетираетъ,
Грудь изводится душой,
Сердце къ отдыху взываетъ,
Чувству грезится покой.

О, я знаю, ночи краткой
Слишкомъ мало для любви!
Но подъ лунный свѣтъ украдкой
Все-жъ меня ты не зови.

В. С. Лихачовъ.

НА СЭМА РОДЖЕРСА.

Вопросъ.

Огромный носъ. Рѣзки, глубоки
Морщины, что покрыли щеки
Густою сѣтью. Злобный ротъ,
Гдѣ въ каждомъ уголкѣ живетъ
По скорпиону, чтобъ сильнѣе
Язвить, гдѣ вамъ всего больнѣе.
И глазъ свинцовыхъ мутный цвѣтъ,
И древней муміи скелетъ,
Внутри безъ сердца, но съ одною
Лишь только печенью больною.
И блѣдный, мертвый цвѣтъ лица...
Чортъ могъ-бы испугать Творца,
Въ подобный образъ облеченный!..
Онъ трупъ-ли, токомъ оживленный,
Чтобы о воскресеньи намъ
Напоминать по временамъ,
Или вампиръ, иль привидѣнье?
Гдѣ отъ него искать спасенья!

Отвѣтъ.

Я отъ другихъ, помимо васъ,
Такой вопросъ слыхалъ не разъ.
Такъ вотъ отвѣтъ мой откровенный:
Кто онъ? Банкиръ, поэтъ надменный,
Иль просто фатъ, вѣрнѣй всего.
И если-бъ вывернуть его
Вы захотѣли—житель ада
Ужаснѣй не былъ-бы для взгляда,
И барда внѣшнія черты
Полны-бъ казались красоты.
Какъ онъ сдержать себя умѣетъ,
Когда въ немъ злоба пламенѣтъ;
Какой смиренный, робкій тонъ!
Какой униженный поклонъ!
Какъ въ рѣчи онъ своей змѣиной
Исполненъ хитрости звѣриной,
И къ цѣли движется тайкомъ
На четверенкахъ и ползкомъ.

Какъ злы всегда и какъ жестоки
Его невинные намеки,
Какъ шуткой злобною своей
Онъ за глаза язвить друзей!
Какъ у него умѣть ухо
Ловить обрывки сплетенъ, слуха...
Восторгомъ грудь его полна
Ото всего, чѣмъ жизнь скверна;
Онъ разглашаетъ въ восхищенъи
Мужчины, женщины паденье
Вы врагъ,—предъ вами онъ дрожить,
Онъ клеветой лишь васъ чернить.
Вы другъ,—онъ, полонъ злобы черной,
Сначала вашъ слуга покорный,
Чтобы при случаѣ потомъ
Васъ грязью обливать тайкомъ,
Глумясь надъ дружбой и надъ честью.
Коль вы ни другъ, ни врагъ,—онъ лестью
Съумѣетъ въ душу къ вамъ войти,
Чтобъ мѣсто слабое найти
И помѣстить его въ сатиру
И показать со смѣхомъ міру,

Подбавивъ низости своей,
Чтобъ шутка вышла веселѣй.
Считаетъ онъ себя опаснымъ
Для женщинъ... Чѣмъ? Лицомъ прекрас-
нымъ,
Сложенъемъ, возрастомъ, душой?
Есть способъ нравиться единый:
Пускай онъ пьетъ наваръ змѣиный,
Съ нимъ вмѣстѣ ядъ мѣшая свой.
Одинъ порокъ лишь въ немъ я знаю,
Порокъ тотъ тяжкій—зависть злая.
Она, какъ червь, его сверлитъ,
А онъ за муки міру мститъ,
Жестокимъ пламенемъ сжигаемъ,
Глубокой язвою съѣдаемъ,
И, нераскаянный злодѣй,
Лишь въ осужденіи людей
Живую радость обрѣтаетъ.
Его достоинства... но знаетъ
О нихъ ужъ цѣлый свѣтъ безъ насъ:
Поэмку настрочилъ онъ разъ!

С. Ильинъ.

ПОЕДИНОКЪ.

1.

Хотя полсотни лѣтъ промчалось съ тѣхъ поръ,—
Но чудится—вчера произошелъ раздоръ.
О да! Полсотни лѣтъ прошло съ минуты той,
Когда мечомъ къ мечу, когда рука съ рукою
И сердцемъ къ сердцу былъ нашъ предокъ пораженъ.
Я видѣлъ этотъ мечъ, которымъ сгубленъ онъ.
И степенью родства и именемъ своимъ
(Я лучше бы желалъ, чтобъ не былъ онъ такимъ)
Убийца близокъ мнѣ настолькоъ-жъ, какъ тебѣ
Тотъ, кто убитымъ палъ въ разнузданной борьбѣ.
И получила ты наслѣдство отъ него,
Я-жъ земли получилъ отъ предка моего!

2.

Могу похвастать я: нашъ знаменитый родъ
Происхожденіе съ давнишнихъ поръ ведетъ.
Монархами не разъ онъ вѣнчанъ, низведенъ.
Въ анналы Англіи такихъ родовъ, какъ онъ,
Не много внесено; намъ земли даровалъ
Завоеватель первый, нашу власть призналъ
И тотъ, кто побѣжденъ былъ силой мечей.
Таковъ былъ родъ нашъ: мой и матери моей.

3.

И я любилъ тебя!.. Какъ я любилъ, зачѣмъ
 Объ этомъ говорить?! Я лучше буду нѣмъ.
 Укажетъ, можетъ быть, тебѣ душа твоя
 Тѣхъ, кто любилъ, и тѣхъ, кто не любилъ тебя!
 И вотъ теперь навѣкъ ты связана съ другимъ,
 Съ другою связанъ я и сдѣлался отцомъ;
 Ты стала матерью; мы вѣрность отдаемъ
 Тому, кто намъ чужой, и дѣлимъ ложе съ нимъ.
 Кровь къ крови родственной! Земля къ землѣ родной.
 У нашихъ предковъ былъ родства союзъ святой,
 И если-бъ за тебя посвататься я смѣлъ,
 Не выпаль-бы тебѣ неравный бракъ въ удѣлъ;
 Но этого свершить я не дерзнулъ-бы, вѣрь!
 Осталось мнѣ одно забвеніе теперь.
 Я чувствую, что я способенъ лишь любить,
 Но домогаться... нѣтъ! Не вправѣ мы забыть:
 Насъ раздѣляетъ цѣпь препятствій и преградъ!
 Онѣ невидимы, о нихъ не говорятъ,
 Но даже я, любя, ихъ позабыть не могъ.
 Насъ крови пролитой разъединилъ потокъ,—
 И въ сердцѣ я таю всегда живой укоръ!..
 Да, многое, увы, произошло съ тѣхъ поръ,
 Какъ были мы друзьями, я не лгу
 Я больше чувствую, чѣмъ высказать могу!

4.

Случилось многое! Какъ я любилъ тебя!
 Ты-жѣ не любила, нѣтъ! Другого полюбя,
 Ему произнесла ты дѣвственный обѣтъ,
 А я и нынѣ тотъ, кѣмъ былъ такъ много лѣтъ,
 И ты такая-же, какъ прежде, и кругомъ
 Безъ измѣненія все твердить мнѣ о быломъ.
 Что-жъ! Остается намъ, страдая до конца,
 Какъ въ старину, огнемъ испытывать сердца!

В. Мазуркевичъ.



СТАНСЫ КЪ ПО.

1.

Рѣка, у древнихъ стѣнъ струишься ты,
Гдѣ та живетъ, что такъ любима мною;
Въ часы прогулокъ образъ мой мечты
Рисуютъ ли предъ ней на мигъ порою?

2.

Будь сердце здѣсь мое отражено—
Открыло бъ ей волны твоей теченье
Все, что тебѣ повѣдалъ я давно—
Безумное, какъ бурныхъ водъ стремленье.

3.

Какъ? Отраженъ сердца? Твой потокъ—
Неудержимъ, исполненъ дикой власти;
Тебѣ подобенъ, былъ и есть глубокъ
Порывъ моей неукротимой страсти.

4.

Смутило время страсть мою—пока;
Изъ береговъ выходишь ты бурливо,
Но не навѣкъ, родная мнѣ рѣка;
У насъ обоихъ есть пора отлива.

5.

Пусть многое унесъ онъ—въ свой чередъ
Стремимся оба мы стезей своею:
Безумно къ морю мчишься ты впередъ,
Я—къ той одной, кого любить не смѣю.

6.

У стѣнъ ея родныхъ твоя волна
Прильнетъ къ ея ногамъ, во тѣмъ вздыхая,
И остановить взоръ на ней она,
Благоуханье вечера вдыхая.

7.

Взоръ остановить на тебѣ, какъ я!
Я мыслью этой полонъ безпредѣльно,
И съ той поры въ мечтахъ волна твоя
И вздохъ о ней—слилися нераздѣльно.

8.

Въ струящейся передо мной волнѣ
Чудесно отразятся милой очи,
Но той волны благоденственной мнѣ
Не увидеть и въ сновидѣньяхъ ночи.

9.

Вспять не текутъ ни слезы, ни струи.
Вернется ль та, что видитъ бѣгъ потока?
Пришли мы съ ней на берега твои:
Она—близъ устья, я же—у истока.

10.

Насъ разлучаетъ ни земли просторъ,
Ни глубь волны морской, ни отдаленье,
Но лишь судебъ различныхъ приговоръ.
Различенъ край, гдѣ мы нашли рожденье.

11.

Пришелецъ полюбилъ дочь южныхъ странъ,
И кровь его пылаетъ жаромъ южнымъ,
Какъ будто бы холодный ураганъ
Его не обвѣвалъ дыханьемъ вьюжнымъ.

12.

Кровь южная во мнѣ! Будь я инымъ—
Я не бѣжалъ бы изъ родного края,
Не сталъ бы вновь, на муки не взирая,
Рабомъ любви, тѣмъ болѣе—твоимъ!

13.

Къ чему борьба? Пусть гибну молодымъ,
Живу, какъ жилъ, люблю я—какъ бывало!
Изъ праха я рожденъ и стану имъ,
Чтобъ сердца мнѣ ничто не взволновало!

О. Чюмина.



**Сонетъ на браносочетаніе маркиза Антоніо Кавали съ графиней
Клеіей Распони изъ Равены.**

Мнѣ дама знатная, прекрасна и юна,—
Ей строфы написать властительно велить.
Итали цвѣтокъ прелестнѣйшій она.
Но я... Что я могу? бездомный, бѣдный бриттъ?

Но требуетъ она... Возможенъ-ли отказъ?
Хоть я сонетъ одинъ безсильно разорвалъ—
Вновь музу я зову. Еще пытаюсь разъ
Привѣтствовать сердца, что Гименей связалъ.

Онъ родственъ ей во всемъ... Прекрасенъ онъ и юнъ.
Чету, надеждъ ихъ рой—достойнѣйшій пѣвецъ
Воспѣтъ бы долженъ былъ подъ звонъ чудесныхъ струнъ.

Но все же я плету стихомъ для нихъ вѣнецъ,
Пускай съ судьбой ея—его сравнится рокъ,
А не съ моей судьбой, молю я, одинокъ.

И. Гриневская.

**Сонетъ Принцу-Регенту по поводу отмѣны конфискаціи имущества
лорда Эдуарда Фитцджеральда.**

Да, быть отцомъ сиротъ угаснувшихъ князей
И, съ трона протянуть имъ руку для прощенья,
Поднять потомковъ тѣхъ, кто въ вихрѣ мятежей
Хотѣли отторгнуть твоихъ отцовъ владѣнья —

То значитъ быть царемъ, то значитъ обращать
Въ хвалу себѣ на вѣкъ людскую зависть, злобу,
Ты стражу отпусти, съумѣетъ защищать
Твоя же доброта тебя, о сэръ, до гроба.

Тѣлохранителей твоихъ не надо бдѣнья.
Кто руку на тебя рѣшилъ бы поднять
Безъ цѣли благостной одной—благословенья!

Какъ милосердіемъ легко могучимъ стать!
Царишь ты не рукой, а сердцемъ надъ свободой,
Ты истинный монархъ свободного народа!

И. Гриневская.



С Т А Н С Ы.

Когда-бы вѣчно
 И безконечно
 Любви безпечно
 Могъ течь потокъ,
 Всякъ, безъ сомнѣнья,
 Ея-бы звенья
 Въ цѣпь наслажденья
 Свилъ и берегъ.
 Но все напрасно!
 Жди ежечасно,
 Что самовластно
 Вспорхнетъ она.
 Любовь одною
 Цвѣтетъ порою,
 Пусть будетъ тою
 Порой весна!
 Часы разлуки
 Приносятъ муки;
 Влюбленныхъ руки
 Въ тоскѣ дрожатъ,
 Но годъ проходить,
 Рокъ вновь ихъ сводитъ,
 И лишь находитъ
 Въ сердцахъ разладъ.
 Въ порывѣ счастья,
 Въ зной и ненастьи,
 Въ мигъ сладострастья
 Безъ дальнихъ словъ
 Они срывають
 И обнажаютъ
 Любви покровъ.
 Любовь ждетъ смѣло
 Не словъ, а дѣла,
 Кто-жъ неумѣло
 Болтать привыкъ,
 Тотъ въ умаленье
 Любви значенье
 И упоенье
 Приводитъ въ мигъ.
 Владѣя трономъ.
 Къ своимъ знаменамъ
 Съ побѣднымъ звономъ
 Любовь зоветъ,
 И промедленье,
 Какъ пораженье,
 Ее гнететъ.
 Не ждите-жъ тщетно,
 Чтобъ незамѣтно

И безпривѣтно
 Прошли года:
 Шипы для розы—
 Въ любви угрозы,
 Упреки, слезы
 Вредятъ всегда.
 При увлеченьѣ
 Двухъ душъ, сомнѣнье
 Безъ сожалѣнья
 Убьетъ любовь!
 Она отпрянетъ,
 Навѣкъ завянетъ
 И перестанетъ
 Васъ тѣшить вновь.
 Въ ней нѣтъ возврата:
 Все, чѣмъ когда-то
 Жилъ,—память свято
 Намъ сохранить!
 При промедленьѣ
 Не наслажденье,
 А пресыщенье
 Любовь сулитъ.
 Пусть пѣсня спѣта,
 Душа согрѣта
 Тепломъ привѣта
 Въ послѣдній разъ!
 Любви опальной
 Восторгъ прощальный
 Горитъ печально
 Во взорѣ глазъ.
 Въ часъ разставанья
 Смягчатъ страданья
 Воспоминанья
 Любви былой!
 Но какъ суровы
 Любви оковы,
 Когда готовы
 Стать намъ тюрьмой!
 Она измучитъ
 Тоскѣ научитъ,
 Собою наскучитъ,—
 Не надо ждать
 Мигъ пресыщенья,
 А наслажденья
 Скорѣй прервать!

В. Мазуркевичъ.



ПРИНЦЪ-РЕГЕНТЪ, ВПОСЛѢДСТВІИ КОРОЛЬ ГЕОРГЪ IV (1762—1830).
Съ портрета Лауренса (Sir Thomas Lawrence, P. R. A.)



О Д А.

къ дамѣ, возлюбленный которой былъ убитъ пулей, раздробившей въ тоже время портретъ на его сердце.

Motto:

On peut trouver des femmes qui n'ont jamais eu de galanterie, mais il est rare d'en trouver qui n'en aient jamais eu qu'une. — (Réflexions du Duc de la Rochefoucauld, LXXIII).

1.

Въ движеняхъ вашихъ безмятежныхъ
Такая строгость разлита,
Въ чертахъ лица, живыхъ и нѣжныхъ,
Такъ сохранилась красота,—
Что, гдѣ лишъ только ни найдется
Собранье пламенныхъ сердецъ,—
Хотя бѣ свободныхъ,—поднесется
Вамъ ими царственный вѣнецъ.
Глаза такъ нѣжны — но и строги:
Любовь лишъ тяжкій грѣхъ для нихъ...
Но глубже въ нихъ взгляните — много
Тамъ грусти, слезъ непролитыхъ.
Смягченное годами горе —
Свидѣтельство любви былой —

Тѣмъ, кто смотрѣть умѣетъ, вскорѣ
Разскажетъ о душѣ живой
Краснорѣчивѣй и пространнѣй,
Чѣмъ въ занимательномъ романѣ.
Для васъ суровымъ божествомъ
Была любовь и истерзала
Вамъ сердце ужасомъ; но стало
Оно возвышеннымъ потомъ.
Съ такой наружностью прекрасной
Такое сердце съединить!
И въ немъ любовь должна царить!
Любовь — то солнце; сердце — ясный
И мягкій климатъ. Рай такой
Какъ не искать любой цѣной?!...

2.

Любили вы. И не напрасно,
Хоть непохоже на другихъ!..
Стать пепломъ долженъ пламень красный;
А бури плескъ и вой ужасный
Обломки, трупы тѣлъ людскихъ
На берегъ выбросятъ песчаный...
Такъ пережить все страсть должна:
Восторги, муки и обманы,
И выпить чашу всю до дна,
Гдѣ только горечь остается,
И призракъ сердца ужъ смѣется
Надъ чарами любви былой,
Когда то нѣжной и живой...

3.

Но гдѣ же тотъ, кого любили вы? — въ могилѣ!
 И гдѣ же иначе онъ можетъ быть?
 Ему-ли счастье иное предложили?
 И вамъ-ли кто-либо его могъ замѣнить?
 Нѣтъ, онъ погибъ въ кровавомъ боѣ,
 Гдѣ слава тѣмъ, кто сражены.
 А вы его вдова — не бывъ его женою —
 Ему остались вѣрны.
 Здѣсь, гдѣ любви всѣ ищутъ предаваться,
 Чтобъ рабствовать иль продаваться;
 Гдѣ ваша красота дала бъ возможность свой
 Капризъ произвести въ законъ святой,
 И гдѣ вы попить могли бы столь надменно
 Союзъ супружескій, священный, —
 Вы для того, кого съумѣли полюбить,
 Рѣшились вѣрность сохранить.
 Надежды, радости, волненья прекратились:
 Сожгли вы сердце ваше до конца.
 Онъ пролилъ кровь свою,—въ ледъ ваша обратилась,
 И стали вы весталкой мертвеца.

4.

Вашъ милый смертію примѣрной
 Погибъ для насъ.
 Достоинъ пастъ въ сраженьи вѣрный
 Въ побѣдный часъ.
 Доспѣхомъ онъ не могъ быть защищенъ:
 Онъ пулей былъ убійственной сраженъ.
 Ему любовь щитъ подарила
 Прекраснѣй, чѣмъ Ахилловъ щитъ;
 Но щитъ спасти не могъ Ахилла,
 И вотъ герой — увы! — убитъ.
 Портретъ вашъ на груди хранился,
 А милый образъ вашъ — въ груди;
 Герой шелъ храбро впереди...
 Но злая пуля!.. Раздробился
 Портретъ, и сердце вмѣстѣ съ нимъ,
 Которымъ онъ боготворимъ.
 И обагрила кровь одновременно
 Съ поклонникомъ — его кумиръ священный.
 Вамъ въ смертный часъ остался вѣренъ онъ;
 Портретъ вашъ кровью вѣрной окрещенъ;
 Она изъ сердца вѣрнаго струилась,
 И страсть его до смерти сохранилась.
 Въ уединеніи до конца
 Вы тоже вашъ обѣтъ сдержали,
 О томъ разбитыя сердца —
 Увы! — сколь многія узнали!..

Пл. Красновъ.





ИРЛАНДСКАЯ АВАТАРА.

1.

Не въ землѣ еще дочь Брауншвейга лежитъ,
Прахъ ея лишь въ пути, не въ родимомъ краю,
Какъ съ триумфомъ Георгъ ужъ къ ирландцамъ спѣшитъ,
Любитъ островъ онъ ихъ — какъ супругу свою!..

2.

Миновала блестящая ара страны,
Промелькнувъ на мгновенье падучей звѣздой,
Годы свѣтлой свободы давно сочтены,
Когда не было гнета надъ бѣдной страной.

3.

На лохмотьяхъ Ирландіи звеня цѣпей,
Смолкла вольная рѣчь по ея городамъ,
Только голодъ съ ея истощенныхъ полей
Къ опустѣвшимъ подкрался ея берегамъ.

4.

И толпы эмигрантовъ на тѣхъ берегахъ
Свой прощальный привѣтъ бѣдной родинѣ шлютъ;
Цѣпи спали съ ихъ рукъ, но глаза всѣ въ слезахъ:
Ихъ очагъ — въ той тюрьмѣ, изъ которой бѣгутъ.

5.

Но грядетъ онъ, сей царственный гость! Онъ грядетъ!
Словно Левіаѳанъ всплылъ изъ пѣны валовъ!
Такъ готовьте жъ ему величайшій почетъ,
Такъ встрѣчайте жъ толпой поваровъ и рабовъ!

6.

Онъ грядетъ въ полномъ блескѣ шестидести лѣтъ,
Чтобъ на празднествахъ выполнить царскую роль,
Но — да здравствуетъ свѣжій трилистника цвѣтъ,
Если бъ свѣжъ, какъ трилистникъ, былъ сердцемъ король!

7.

Если бъ онъ своимъ сердцемъ навѣкъ не зачахъ,
Если гимны твои въ немъ весну пробуждаютъ
Я простилъ бы тогда эту пляску въ цѣпяхъ,
Эти рабскіе клики, что небо мрачатъ.

8.

То безумье иль низость ирландскихъ сыновъ?
Будь онъ Богъ — этотъ рабскій почетъ на землѣ
Устыдилъ бы его, но онъ прахъ, и грѣховъ
Въ немъ не меньше, повѣрь, чѣмъ морщинъ на челѣ!

9.

Чтожъ! вопите! Пусть дружно ораторы всѣ
Понатужать умы, чтобы славить его!
Но не такъ твой Граттанъ въ величавой красѣ
Повстрѣчалъ бы тирана теперь твоего!

10.

О бессмертный Граттанъ! Лучшій перлъ средь людей!
Какъ ты сердцемъ былъ простъ, какъ великъ былъ въ дѣлахъ!
Демосеенъ преклонился бѣ предъ рѣчью твоей
И померкъ бы въ твоихъ благородныхъ лучахъ!

11.

Въ Римѣ Туллій великое дѣло свершилъ,
Но не онъ былъ творцомъ всей реформы своей,
А Граттанъ твой, явившись какъ богъ средь могилъ,
Былъ единый спаситель Ирландіи всей!

12.

Онъ сердца зажигалъ Прометея огнемъ,
Какъ Орфей — злобу звѣря смягчать онъ умѣлъ;
И тиранія даже смирялась при немъ,
Низость корчилась въ страхѣ, когда онъ глядѣлъ!..

13.

Но вернемся мы къ деспотамъ вновь и рабамъ!
Вотъ онъ — пиръ средь голодныхъ! Веселье — средь слезъ!
Но зачѣмъ эти клики? Скажите, что вамъ
Этотъ праздникъ, ирландцы, собою принесъ?

14.

Вотъ та жалкая роскошь, которую вы
Въ состояньи доставить царю своему!
(Такъ скрываютъ банкротство свое отъ молвы!)—
Онъ вашъ богъ! — Такъ цѣлуйте же ноги ему!

15.

Если жъ мните свободу себѣ возвратить,
То низвергните идола съ глиняныхъ ногъ!
Неужели возможно хоть мигъ допустить,
Чтобы волкъ самъ добычу отдать свою могъ?

16.

Всякой твари назначено дѣло судьбой;
Царь — царить; о какъ много проклятій исторгъ
Этимъ дѣломъ въ исторіи жизни людской
И прославленный Цезарь, и жалкій Георгъ!

17.

Облачись же скорѣ въ ливрею, Фингалъ!
Ты жъ, О'Коннель, въ странѣ убѣдить всѣхъ изволь,
Что ошибкой народъ короля презиралъ,
И — да здравствуетъ славный нашъ „юный“ король!

18.

О Фингалъ! ты кускомъ синей ленты твоей
Вѣдь не снимешь съ миллионовъ ирландцевъ оковъ!
Ты не самъ ли той лентою связанъ прочнѣй,
Чѣмъ толпы прославлявшихъ Георга рабовъ?

19.

Что жъ! Пусть деньги скорѣ ирландцы даютъ,
Чтобъ палаты на славу воздвигнуть ему!
Пусть рабы обнищавые крохи несутъ,
Чтобъ дворецъ преподнести — за избу и тюрьму!

20.

Такъ готовьте жъ Вителію царственный пиръ,
Чтобъ прожорливый деспотъ по горло былъ сытъ,
Чтобы хоръ его пьяницъ вопилъ на весь міръ,
Что Четвертый дуракъ изъ Георговъ царить!

21.

Пусть же гнутся со стономъ столы подъ ярмомъ
Разныхъ яствъ, какъ подъ игомъ печали народъ!
Пусть тронъ стараго пьяницы залить виномъ,
Пусть вино, какъ Ирландіи кровь, потечетъ!

22.

Пусть не будетъ тебѣ онъ кумиромъ однимъ!
Посмотри: рядомъ съ нимъ возсѣдаетъ Сеянъ!
Это — Кэстльри! да будетъ же этотъ вторымъ!
Безъ проклятій не могъ онъ никѣмъ быть названъ!

23.

О, Ирландіи должно бѣ краснѣть отъ стыда,
Какъ красна ея кровь, что онъ въ ней проливалъ!
Между тѣмъ она гадиной этой горда
За убійства платя ему хоромъ похвалъ!

24.

Чуждый свѣтлаго, честнаго духа страны—
Могъ онъ смѣло отчизну въ сомнѣнье привести:
Неужели Ирландіи кроткой сыны
Столь презрѣннаго гада могли произвести?

25.

О Ирландія! ложны преданья твои,
Будто гадовъ твоя не рождаетъ земля:
Вотъ онъ — змѣй ядовитый, что кольца свои
Согрѣваетъ теперь на груди короля!

26.

Чтожъ! Кричи, лъсти, пируй! О Ирландія, какъ
Низко пала подъ гнетомъ ты бѣдствій твоихъ!
Но теперь—еще глубже въ позорящій мракъ
Погрузилась, прославивъ тирановъ своихъ!

27.

Я мой голосъ, хотъ слабый, не разъ поднималъ
За свободу твою, какъ свободенъ я самъ;
Я, хотъ слабый боецъ, за тебя бы возсталъ
И дѣлилъ бы невзгоды твои пополамъ!

28.

Ты не родина мнѣ, но тебя я любилъ;
Много зналъ я въ тебѣ благородныхъ сыновъ;
Я оплакивалъ рядъ драгоцѣнныхъ могилъ
Патріотовъ твоихъ,— но не плачу я вновь!

29.

О, счастливы они, вѣчный данъ имъ покой,
Шериданъ, Кёррэнъ, Граттанъ, свершившіе все,
Чтобъ, когда ты падешь подъ жестокой грозой,
Искупить своей жизнью паденье твое!

30.

Имъ спокойнѣй вдали, подъ англійской землей:
Тѣни ихъ не возстанутъ при кликахъ твоихъ,
Не растопчутъ тамъ деспоты съ рабской толпой
Свѣжій дернъ на послѣднемъ пристанищѣ ихъ!

31.

Хотъ гонимъ былъ ихъ геній и воля въ цѣпяхъ,
Но завидовалъ прежде я этимъ бойцамъ:
Было свѣтлое что то въ ирландскихъ сердцахъ!..
Я завидую нынѣ — твоимъ мертвецамъ!

32.

Да! презрѣнье къ столь рабской и жалкой странѣ,
Пресмыкавшейся гнусно, какъ червь подъ ногой,
Лишь на мигъ быть разсѣяннымъ можетъ во мнѣ
Пѣсню Мура и славой Граттана былой!

Н. Брянскій.

Стансы, написанные на дорогѣ между Флоренціей и Пизой.

Что имя громкое въ вѣкахъ?
Дни нашей юности—дни славы.
И миртъ и плющъ въ младыхъ лѣтахъ
Всѣхъ нашихъ лавровъ стоятъ, право!

Вѣнки на старческихъ кудряхъ—
Роса на цвѣтѣ мертвомъ въ полѣ...
Что въ позднихъ лаврахъ и хвалахъ?
Въ нихъ только слава, но—не болѣ.

Не звономъ пышныхъ фразъ меня
Она плѣняла—о, нисколько!
Въ очахъ у милой жаждалъ я
Прочестъ сочувствіе—и только.

Искалъ тамъ славу—и нашель;
Чистѣйшій лучъ—былъ взглядъ прекрасной;
Когда любовь я въ немъ прочелъ:
Вотъ слава въ чемъ—я понялъ ясно.

В. Поповъ.

СТАНСЫ

НА ИНДУССКУЮ МЕЛОДИЮ.

Какъ печальна, печальна подушка моя!
Гдѣ ты, милый мой, гдѣ-же ты, милый?
Тамъ вдали—видитъ взоръ мой унылый—
Не его-ль одиноко несется ладья?

Какъ печальна, печальна подушка моя!
Онъ на ней предавался покою,
И теперь съ безысходной тоскою
Къ ней, какъ ива, вздыхая, склоняюся я!

Одинока, грустна ты, подушка моя!
Ниспошли-жъ мнѣ хоть ночью мечтанья,
Чтобъ умѣрить дневныя страданья:
Пусть мой милый провѣдаетъ снова меня

Ужъ не станешь грустить ты, подушка моя.
Отдаваясь огню поцѣлуя,
На тебѣ съ нимъ въ объятяхъ замру я:
Не грусти, не грусти-же, подушка моя!

В. Мазуркевичъ.

КЪ —

Дерзнулъ поднять я на тебя мой взоръ,
Дерзнулъ взглянуть я на тебя лишь разъ.
Тебя одну я вижу все съ тѣхъ поръ,
Исчезъ весь міръ съ моихъ тревожныхъ глазъ:

Сонъ отъ очей моихъ теперь бѣжитъ,
И ночь мнѣ кажется яснѣ дня...
Ахъ счастье то, что мнѣ она сулитъ,
Должно бы сномъ остаться для меня.

Да, сномъ однимъ. Я вижу тьму преградъ,
Между моей и межъ твоей судьбой.
Борьбы хочу.. Тебя мой ищетъ взглядъ!
Но я шепчу: „да будетъ миръ съ тобой!“

И. Гриневская.



ГРАФИНЯ БЛЕССИНГТОНЪ (Countess of Blessington)
 Съ портрета Лауренса (sir Thomas Lawrence P. R. A.).

Графинѣ Блессингтонъ.

Вы просили стиховъ... Безъ сомнѣнья,
 Стихотворъ въ томъ не могъ отказать.
 Но—родникъ моего вдохновенья—
 Мои чувства успѣли увянуть.

Будь я прежнимъ, воспѣлъ бы я смѣло
 Ту, чей Лауренсъ создалъ портретъ;
 Но молчить мой языкъ онѣмѣлый:
 Для него слишкомъ сложенъ сюжетъ.

Пламя старое пепломъ покрылось;
 Муза въ пѣсняхъ моихъ чуть жива;
 Восхищеньемъ любовь замѣнилась;
 Сердце сѣдо—сѣда голова.

Не года меня старѣютъ рано...
 Есть мгновенья, что тягостный плугъ:
 Борозды ихъ—болящая рана,
 Развѣдающій душу недугъ.

Пусть иной поэтъ, болѣе юный,
 Воспоетъ васъ. А мнѣ не сѣмѣть!...
 Горе сорвало съ лиры тѣ струны,
 Что должны въ честь красавицъ звенѣть.

Пл. Красновъ.



САРДАНАПАЛЪ.

Последние месяцы равенского периода она (см. биографию) ознаменованы рядом высокохудожественных произведений Сарданапалъ, „Два Фоскари“, „Каинъ“, „Жизнь суда“, „Небо и земля“). Среди

„Сарданапалу“ слѣдуетъ отнести изъ первыхъ мѣстъ. Посвящая трагедию „великому Гете“, Байронъ очевидно ставитъ ей важное художественное знаменіе. Замѣчательно, что трагедія была написана въ періодъ особеннаго увлеченія Байрона революціонными идеями—и нисколько не глумилась надъ ними. Въ своемъ родѣ это едва ли самое объективное произведение поэтического творчества Байрона. Автобиографическихъ элементовъ и художественной ценности мы коснемся ниже, теперь же обратимъ къ исторической основѣ пьесы.

Можетъ пьесы Байрона заимствованы изъ разсказа Діодора Сицилійскаго о гассирийскаго царя Сарданапала. Примѣръ, какъ излагаетъ эти событія греческій историкъ (23 § II к.).

Сарданапалъ, послѣдній ассирийскій, тридцатый послѣ Нина, основателя имперіи, превзошелъ всѣхъ своихъ предшественниковъ въ наклонности къ удовольствіямъ и наслажденіямъ. Недовольный тѣмъ, что онъ не показывался ни изъ дворца, Сарданапалъ жилъ въ подобіи женщинѣ. Проводя время въ распутными женщинами, онъ одѣвался въ пурпуръ и тонкія ткани. Онъ носилъ женское платье и лицо его и все тѣло настолько лишены мужественнаго вида, что удивлялись бѣлиламъ и другимъ снадобьямъ утонченныхъ женщинъ, что ни одна изъ нихъ не могла казаться болѣе женственною. Онъ даже выработалъ себѣ женскій голосъ. Далѣе Діодоръ распространяется на излишества ѣды и питья Сарданапала, его пороки, непризнававшей ни старости, ни возраста. Онъ такъ погрязъ въ

своей жадности удовольствій, что наслажденіе считалъ своимъ закономъ. Для себя онъ сочинилъ (по Діодору) слѣдующую эпиграфу:

„Ты смертенъ. Подумай объ этомъ, наслаждаясь жизнью, успокой требованія сердца, наслажденіе не существуетъ для мертвыхъ. Я — теперь прахъ, а когда то повелитель царственной Ниневіи. Лишь то, что доставили мнѣ искусство, забава и наслажденіе — мое; прочія-же блага я покинулъ“.

Въ слѣдующемъ § (24) Діодоръ разсказываетъ о возстаніи Арбака. Арбакъ былъ мидійскій военачальникъ, очень сильный и храбрый. Сатрапъ Вавилона Белезисъ, жрецъ, сообщилъ Арбаку, что, по предсказанію звѣздъ, послѣ Сарданапала онъ будетъ царствовать надъ всею страной. Арбакъ обѣщалъ Белезису вавилонскую сатрапію безъ всякой дани. Арбакъ привлекаетъ на свою сторону предводителей войска, недовольныхъ бездѣятельнымъ царемъ. Желая лично убѣдиться въ измѣнности царя, Арбакъ черезъ евнуха проникаетъ во дворецъ и видитъ разгулъ Сарданапала. Его рѣшеніе занять престолъ слабаго царя окончательно созрѣло, и онъ вооружаетъ мидянъ, а Белезисъ — вавилонянъ. Возставшихъ было около 40.000.

Изъ § 25 мы узнаемъ, что Сарданапалъ, узнавъ о мятежѣ, собралъ вѣрныя войска и отбѣсилъ враговъ къ горамъ. Оправившись, они вновь выступили на равнину и ждали битвы. Сарданапалъ выставилъ противъ нихъ свое войско. Онъ назначилъ цѣну за голову Арбака въ 200 талантовъ золота, но между солдатами Арбака не нашлось измѣнника. Такая-же награда и столь-же безуспѣшно была предложена за голову Белезиса. Произошла битва, въ которой

мятежники были вновь разсѣяны. На военномъ совѣтѣ, по настоянію Белезиса, было рѣшено продолжать кампанію. Въ завязавшейся битвѣ царь опять побѣдилъ и овладѣлъ лагеремъ враговъ. Арбакъ считалъ дѣло проиграннымъ и хотѣлъ распустить войска, но Белезисъ удержалъ его, предсказывая черезъ пять дней неожиданную помощь, согласно указанію звѣздъ.

Въ § 26 разсказывается, какъ на встрѣчу бактрійцамъ, идущимъ на помощь царю, отправляется Арбакъ и склоняетъ ихъ на свою сторону. Сарданапаль, не зная о случившемся, вновь предается наслажденіямъ и пирамъ, угощая и войско. Арбакъ, узнавъ отъ перебѣжчиковъ, что войско царя не ждетъ нападенія, застигаетъ врасплохъ пирующихъ. Царь съ немногими приближенными спасся бѣгствомъ въ городъ, гдѣ и заперся. Военачальникомъ надъ ратью Сарданапаль назначилъ Саламена, брата жены, а самъ руководилъ защитой. Саламень погибъ въ битвѣ, а съ нимъ и все вѣрное царю войско; многіе потонули въ рѣкѣ, многіе были отрѣзаны отъ города. Убитыхъ было такое множество, что рѣка окрасилась кровью на большомъ разстояніи. Узнавъ о неудачѣ царя, подданные многихъ провинцій отъ него отложились. Сарданапаль отправилъ жену и дѣтей къ вѣрному компаднейскому сатрапу, а самъ приготовился къ защитѣ. По предсказанію оракула, Ниневія могла быть взята лишь тогда, когда рѣка станетъ ея врагомъ. Сарданапаль былъ увѣренъ, что этого не случится.

§ 27. Бунтовщики повели правильную осаду, но не могли взять города, защищаемого крѣпкими стѣнами (усовершенствованныя осадныя машины, по замѣчанію Діодора, не были тогда извѣстны). Городъ въ изобиліи былъ снабженъ всѣмъ необходимымъ. Осада длилась два года. На третій годъ Евфратъ отъ дождей такъ сильно разлился, что затопилъ часть города. Тогда царь вспомнилъ пророчество и отчаялся въ спасеніи. Чтобы не попасть въ руки врагамъ, онъ приказалъ сложить громадный костеръ, положить на него драгоценности, а женщинъ и евнуховъ заперъ въ зданіи, устроенномъ среди костра. Царь сгорѣлъ вмѣстѣ съ вѣрными слугами и сокровищами. Узнавъ о смерти Сарданапала, Арбакъ проникъ въ Ниневію и былъ провозглашенъ царемъ.

Для насъ не имѣетъ никакого значенія вопросъ объ исторической достовѣрности

разсказа Діодора и дополняющихъ его нѣкоторыми подробностями историковъ ¹⁾. Мы ограничимся лишь указаніемъ, что Діодоръ былъ введенъ въ заблужденіе, спутавъ два историческіе момента и приурочивъ гибель Ниневіи къ Сарданапалу, тогда какъ она была завоевана мидянами лишь при его малоизвѣстномъ преемникѣ. Историческій Сарданапаль пріобрѣлъ своими многочисленными завоеваніями славное имя ²⁾. Мы склоняемся даже къ тому мнѣнію, что въ приведенномъ, по Діодору, разсказѣ мы имѣемъ смѣсь исторіи и мифа; въ основу послѣдняго легло представленіе о женскомъ, свѣтовомъ божествѣ ³⁾. Какъ бы то ни было фабула „Сарданапала“ у Байрона вполне удовлетворительно объясняется разсказомъ Діодора, и поэтъ, конечно, не углублялся въ исторію поэтическаго сюжета и не интересовался вопросами исторической критики источниковъ. Его манила привлекательная прелесть сюжета, уже намѣченная и въ прозаическомъ разсказѣ. Имя Сарданапала съ легкой руки греческихъ историковъ сдѣлалось нарицательнымъ еще со временъ Аристофа и стало синонимомъ людей изнѣженныхъ, чувственныхъ и бездѣятельныхъ. Байронъ чутьемъ поэта видѣлъ, подобно историку, рядъ противорѣчивыхъ чертъ въ характерѣ Діодорова Сарданапала и, не прибѣгая ни къ исторической критикѣ, ни къ мифологическимъ гипотезамъ, примирилъ эти противорѣчія художественной интуиціей, создавъ объективно-поэтическій обликъ Сарданапала.

Само собою разумѣется, что, при тенденціозномъ желаніи, весьма нетрудно сдѣлать Сарданапала автобіографическимъ признаніемъ Байрона. Такія попытки дѣлались не разъ. Въ ассирійскомъ царѣ можно видѣть черты, присущія поэту въ періодъ его пребыванія въ Италіи; въ лицѣ Мирры — гр. Гвичіюли или одно изъ итальянскихъ увлеченій Байрона; жена Сарданапала — лэди Байронъ, а сцена свиданія царя и царицы воспроизводитъ будто бы одинъ изъ моментовъ супружескихъ отношеній четы Байронъ. При такомъ толкованіи задача историка литературы упрощается и даже упраздняется.

¹⁾ См. Duncker. Geschichte d. Alterthums, т. 2, стр. 345 и сл. О Діодорѣ, см. Бузескулъ, Введеніе въ исторію Греціи, стр. 251 и сл.

²⁾ См. Hommel. Geschichte Babylonien u. Assyriens, стр. 694 и сл.

³⁾ См. Duncker. Ibidem.

Однако такой приемъ, вообще вполне уместный въ толкованіи произведеній Байрона, непримѣнимъ къ „Сарданапалу“. Образъ Сарданапала въ изложеніи Діодора преслѣдовалъ Байрона съ дѣтства (12 л.).

Уже въ изложеніи греческаго писателя бросается въ глаза рядъ противорѣчій, и чтобы примирить ихъ, понадобилось высокое искусство поэта. Сарданапаль, по Діодору, является чудовищемъ изнѣженности и испорченности,—и при всемъ этомъ способнымъ къ геройскимъ подвигамъ. Черты грубаго эстетизма въ Сарданапалѣ отмѣчены и въ прозаическомъ разсказѣ Діодора — поэту были даны смутныя и отдаленныя указанія. Сарданапаль способенъ къ геройскимъ дѣяніямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ лишенъ способности поступать личными привычками и даже капризами для серьезной цѣли.

Весь смыслъ Байроновскаго „Сарданапала“ заключается не въ драматической интригѣ, и не въ характерахъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, а въ главномъ героѣ — ассирійскомъ царѣ. Источники дали Байрону указаніе на двойственность характера Сарданапала: въ нормальное время апатія, лѣнь, разностороннія чувственныя удовольствія, а въ роковой моментъ—твердое мужество, безумная отвага и самообладаніе. Мотивировать эти переходы приходилось поэту—и онъ отнесся къ своей задачѣ съ необыкновеннымъ искусствомъ.

Трудно представить себѣ болѣе неподходящія черты для трагическаго героя, чѣмъ тѣ, которыя мы находимъ у Сарданапала въ историческомъ источникѣ. Главная основа всякаго трагическаго героя — его способность къ дѣйствию, его дѣятельная сила. Даже Шекспиру не удавалось создать трагическій характеръ, пассивный въ своей основѣ. Его Ричардъ II—одно изъ слабыхъ произведеній, а герой пьесы въ сущности не играетъ первенствующей роли. Пассивность и бездѣятельность Сарданапала — неотъемлемыя черты его характера, и Байронъ не только не ослабилъ ихъ, но даже усугубилъ. Ему предстояла высокая художественная задача — обосновать эти черты. И поэтъ далъ этимъ чертамъ глубокую мотивировку, сообщивъ ассирійскому царю высокую гуманность и цѣльное, своеобразное философское міросозерцаніе.

Уже въ 1-мъ актѣ мы видимъ въ лицѣ Сарданапала не чревоугодливаго сластолюбца, не безвольнаго владыку, а человѣка съ опредѣленнымъ жизненнымъ міросозер-

цаніемъ, опредѣленной жизненной программой. Кровавые подвиги своихъ предковъ Сарданапаль оцѣниваетъ весьма скептически и ѣдко осмѣиваетъ обманъ, къ которому его предки прибѣгали для удержанія въ покорности подданныхъ.

А ты чего бѣ хотѣлъ?

Чтобъ я писалъ указы: «Попниуйся, Народъ, царю, вноси въ его казну! Служи въ его фалангахъ! жертвуй кровью Изъ-за него, благоговѣйно падай Предъ нимъ во прахъ, вставая, чтобъ нести Тяжелый трудъ!» Иль такъ: «На этомъ мѣстѣ Сарданапаль сто тысячъ умертвилъ Своихъ враговъ. (смотрите, вотъ ихъ гробы — Его трофей!»

Мысли Сарданапала о тщетѣ земного напоминаютъ даже поэтическими образами гамлетовскіе мотивы:

Червякъ—вотъ богъ! Онъ ѣстъ по крайней мѣрѣ Твоихъ боговъ, покажѣтъ, наконецъ, Сожравши все, безъ пищи не падохнетъ.

Еще обильнѣе подобными мотивами монологъ Сарданапала въ 1-мъ актѣ.

Ужели жизнь мою—

Коротенькую жизнь—я тратить стану
Еще на то, чтобъ охранять ее
Ото всего, что бѣдную способно
Укоротить? Да стоитъ ли она
Такихъ трудовъ! Нѣтъ, жить, бояся смерти,
Вуптовщиконъ повсюду чужъ, всѣхъ
Вокругъ себя за то подозрѣвая,
Что *здѣсь* они, а *тѣхъ*, что далеко—
За-то, что *тамъ*,—не значить ли въ могилу
До срока лечь?

Монологъ оканчивается выраженіемъ негодованія Сарданапала на подданныхъ, неспособныхъ оцѣнить кротости и снисходительности повелителя и доступныхъ лишь чувству страха.

Въ кротости и бездѣятельности Сарданапала слѣдуетъ видѣть не только пассивность, а результатъ цѣльнаго міровоззрѣнія — скептически-эпикурейскаго. Царь — прекрасный знатокъ людей; онъ ни на минуту не заблуждается относительно виновности Арбака и Белезиса, а щадитъ ихъ изъ отвращенія къ убійству. Политической зрѣлостью дышитъ его обращеніе къ Белезису

Прошу тебя замѣтить,

Что межъ землею и небомъ люди есть
Зловреднѣе того, кто, управляя

Миллионами, не губить никого,
И, самого себя не ненавидя,
Къ другимъ людямъ, однако-же, настолько
Расположенъ, что даже тѣхъ щадить,
Которые его не пощадили бѣ,
Стань вдругъ они владыками надъ ними.

Въ другомъ мѣстѣ Сарданапаль гово-
рить:

Хотя вполне зависитъ ваша жизнь
Отъ моего дыханья и что хуже
Еще для васъ — отъ страха моего,
Вамъ нечего, однако, опасаться:
Я милокъ, да, но страха нѣтъ во мнѣ.

Сарданапаль врагъ всякихъ страданій.
Онъ скорбитъ, видя, сколько мукъ терпитъ
человѣчество по винѣ самой природы, и
считаетъ долгомъ всякаго человѣка не
умножать, а облегчать участь ближняго.

Вѣдь всѣ мы: отъ раба
Послѣдняго до перваго монарха
Достаточно страдаемъ для того,
Чтобъ бѣдствія земного гнѣтъ природный
Не умножать, но роковой удѣлъ,
Намъ посланный судьбой, стараться только
Услугами другъ другу облегчать.

Что касается до личной программы Сар-
данапала, какъ правителя, то ее ни въ
коемъ случаѣ нельзя видѣть въ знаменитой
пародіи на надпись, приводимую Діодоромъ:

«Царь

Сарданапаль, сынъ Анасидаракса.
Въ единый день два города воздвигъ.
Бѣшь, пей, люби; все прочее не стоитъ
Щелчка».

Это—игра остроумія царя, весьма кстати
противопоставляется суровой сдержанности
Салемена.

Сарданапаль, по намѣреніямъ и жела-
ніямъ, — гуманнѣйшій правитель, котораго
ни въ чемъ нельзя было бы упрекнуть,
если бы мы имѣли дѣло съ частнымъ че-
ловѣкомъ. Но, какъ обладатель престола,
Сарданапаль вполне непригоденъ, особенно
если принять во вниманіе, что мы имѣемъ
дѣло съ абсолютной монархіей, гдѣ ини-
ціатива и отвѣтственность лежатъ на лич-
ности монарха. Положеніе Сарданапала
требуетъ постояннаго напряженія энергіи,
превосходящаго силы средняго человѣка.
Отдыхъ и ослабленіе этой энергіи неми-
нуемо ведутъ за собою ослабленіе и ума-
леніе власти, раздробляющейся между без-
численными ставленниками. Сарданапаль

совершилъ преступленіе особаго рода: пре-
ступленіе политическое; онъ не успѣлъ со-
хранить и спасти прерогативъ власти, ему
данной (сравни справедливыя упреки Сале-
мена). Личныя идеалы Сарданапала—исклю-
чительно эстетическіе. Наслажденіе и на-
слажденіе всестороннее—вотъ его лозунгъ.
Онъ не только ставитъ Вакха, бога весе-
лія и вина, выше своихъ обоготворенныхъ
предковъ завоевателей, онъ тонко цѣнитъ
красоту, гдѣ бы она ни появлялась: въ
глазахъ-ли женщины, живописности убора
и прелести ландшафта. Вспомнимъ обра-
щеніе Сарданапала къ звѣздамъ.

О, за звѣзды ты не бойся—
Я ихъ люблю. Люблю смотрѣть, когда
Огни блестятъ на темно-синемъ сводѣ
И сравнивать съ глазами Мирры ихъ;
Люблю слѣдить, какъ ихъ лучи играютъ
На серебрѣ трепещущемъ Евфрата
Въ часы, когда полночный вѣтерокъ
Рябитъ рѣку-красавицу и стонетъ
Межъ тростника, стоящаго каймой
Вдоль береговъ.

Картина пира на галерѣ столь же по-
этически описана Сарданапаломъ въ его
обращеніи къ Миррѣ (1 актъ, послѣдняя
сцена).

Равнымъ образомъ въ сценѣ самосож-
женія Сарданапаль является изысканнымъ
эстетомъ, котораго прельщаетъ въ моментъ
смерти великолѣпная поза.

«Падетъ за царствомъ царство,
Какъ падаетъ теперь моя держава,
Славнѣйшая изъ всѣхъ, но и тогда
Уважится людскимъ воспоминаньемъ
Послѣдній мой поступокъ и предастся
Для памяти народовъ».

Наиболѣе характерной для Сарданапала
(хотя, можетъ быть, не оригинальной, а
заимствованной у Шекспира) является
сцена, гдѣ царь-эстетъ, готовый высту-
пить въ послѣдній, рѣшительный бой, отъ
котораго зависитъ и престолъ, и жизнь,
теряетъ драгоцѣнное время, примѣряя
шлемы. Его искренній ужасъ при видѣ
неуклюжаго шлема заставляетъ забыть о
трагизмѣ момента. Для эстета Сарданапала
головной уборъ имѣетъ первостепенное
значеніе.

Въ общемъ предъ нами не восточный
деспотъ, но добрый и гуманный человѣкъ,
возвышающійся до акта воли лишь въ ро-
ковыя минуты своей жизни. Сарданапаль
долженъ погибнуть, такъ какъ бездѣлитель-

ность не возможна въ его положеніи. Сарданапалъ упустилъ изъ виду, что судьба не дала ему положенія частнаго человѣка, и онъ не вправѣ устраивать жизнь по собственному усмотрѣнію. Какъ государственный и общественный дѣятель, Сарданапалъ заслуживаетъ полнаго осужденія: легкомысленно онъ отдалъ свою власть людямъ, грубо злоупотреблявшимъ ею.

Изъ остальныхъ дѣйствующихъ лицъ на первомъ планѣ стоитъ Мирра—рабыня и возлюбленная Сарданапала, которую поэтъ съ умысломъ сдѣлалъ гречанкой, дочерью свободнаго народа, и привязалъ ее узами любви къ восточному деспоту. Мирра обладаетъ въ одно и то же время и чрезвычайно женственной, и сильной и мужественной натурой. Байронъ сдѣлалъ ее гречанкой, чтобы надѣлать ее гражданскими чувствами, неизвѣстными дочерямъ Востока. Не только на пути къ удовольствію, но и на пути къ славѣ и смерти Мирра готова сопровождать Сарданапала. Она не покидаетъ любимаго человѣка тогда, когда все ему измѣняетъ. Съ проникательностью любящей женщины она чувствуетъ грозящую царю опасность и съ прозорливостью государственнаго мужа убѣждаетъ его своевременно принять мѣры къ самосохраненію. Ее, свободную гражданку Греціи, тяготитъ двойное рабство: внѣшнее, зависящее отъ положенія рабыни, и внутреннее—отъ силы любовнаго чувства; послѣднее даетъ ей точку отправленія въ попыткахъ спасти царя, быть достойною его спутницей. Въ послѣднія минуты своей жизни Мирра является настоящей гражданкой, возвышающейся надъ уровнемъ варварской толпы. Любовь къ царю и свободѣ даетъ Миррѣ силы съ наслажденіемъ умереть мученической смертью на кострѣ. Необыкновенная деликатность и тонкость натуры Мирры сказались между прочимъ и въ ея отношеніи къ Заринѣ, супругѣ Сарданапала. Ни на минуту гречанка не пытается узурпировать положенія царицы и злоупотреблять своимъ вліяніемъ на царя. Замѣчательнымъ тактомъ и необыкновенною кротостью Мирра обезоруживаетъ даже законнаго защитника правъ царицы, ея брата Салемена. Лучше всего обрисовывается Мирра въ монологѣ, гдѣ она восхищается прекрасной картиной солнечнаго восхода (нач. V д.) и въ ея обращеніи къ Сарданапалу (конецъ IV д.).

Все громкое, блистательное можетъ
У брата-человѣка человѣкъ

Насильственно похитить: царства гибнуть,
Войска бѣгутъ и падаютъ, друзья
Становятся врагами, рабъ уходитъ,
Вездѣ обманъ—и измѣняютъ тѣ
Скорѣо всѣхъ, которые всѣхъ больше
Одолжены; и только та душа,
Что любить безкорыстно, не измѣнитъ
Любимому.

Параллельно Миррѣ выводится Байрономъ въ трагедіи законная жена царя Зарина. Она столь-же достойная женщина, какъ и Мирра, но становится особенно привлекательной въ силу своего тяжелаго положенія: вѣрной, но не любимой и покинутой жены. За ласковое слово Сарданапала Зарина готова простить ему всѣ обиды и слѣдовать за нимъ въ опасностяхъ. Трагизмъ положенія царицы усугубляется присутствіемъ дѣтей, изъ-за которыхъ она вынуждена пожертвовать долгомъ остаться въ роковую минуту при супругѣ.

Характеры остальныхъ дѣйствующихъ лицъ не сложны. Честный, суровый Салемъ, древній римлянинъ по характеру и темпераменту, будетъ до конца дней своихъ хранить вѣрность своему долгу; его фигура мастерски написана во весь ростъ. Мягкость и кротость чужды Салемѣ и только героизмъ и непоколебимая вѣрность Мирры вызываютъ его честное одобреніе. Белезисъ, Арбакъ изображены поэтомъ по намекамъ, имѣющимся въ источникахъ. Всѣ прочія лица имѣютъ несущественное, эпизодическое значеніе.

Байронъ, какъ онъ самъ заявляетъ въ предисловіи, никогда не имѣлъ въ виду поставить „Сарданапала“ на сцену. Дѣйствительно, несмотря на три единства, трагедія не обладаетъ сценическими достоинствами. Тщательно отдѣланный, глубокій характеръ Сарданапала, напоминающій и Гамлета, и Ричарда II, не заключаетъ благодарныхъ для трагическаго героя чертъ. Въ Сарданапалѣ слишкомъ много гамлетовскаго, но безъ той своеобразной энергіи, которую проявляетъ датскій принцъ, энергіи продолжительной и устойчивой, каковою не обладаетъ восточный повелитель. За минутными вспышками у Сарданапала слѣдуетъ глубокая апатія и весь смыслъ трагедіи въ тонкой и отчетливой обрисовкѣ характеровъ двухъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ.

Нельзя отрицать безусловно автобиографическаго значенія „Сарданапала“. Въ нѣкоторыхъ эпизодахъ звучатъ несомнѣнно

личные ноты; напр., въ сценѣ свиданія царственной четы слышатся отзвуки грустной семейной исторіи Байрона, въ самообличеніяхъ царя—просвѣты горькаго раскаянія поэта и неоднократно выраженного желанія примиренія съ лэди Байронъ. Но при всемъ этомъ изъ всѣхъ произведеній Байрона „Сарданапалъ“—наименѣе автобіографическое. Авторъ писалъ его въ Равеннѣ, въ разгарѣ политическихъ увлеченій своихъ, — а въ трагедіи мы видимъ художественно и объективно очерченные характеры и ни слѣда тѣхъ революціонныхъ идей, поборникомъ которыхъ былъ поэтъ. Мало того: въ трагедіи видно отвращеніе автора отъ кровавыхъ переворотовъ, сопровождающихъ смѣну всякаго режима.

Байронъ, посвятивъ „Сарданапала“ Гете. Авторъ „Фауста“ высоко цѣнилъ англійскаго поэта и его вниманіе. Эккерманъ (подъ 26 марта 1826 г.) отмѣчаетъ: „Гете за обѣдомъ былъ въ свѣтломъ, сердечномъ расположеніи духа; онъ получилъ сегодня драгоценную рукопись, именно автографъ Байронова посвященія „Сарданапала“. Онъ показывалъ намъ ее послѣ обѣда, причемъ упрасивалъ свою дочь возвратитъ ему письмо лорда Байрона изъ Генуи“. Впослѣдствіи Гете въ особой статьѣ (*Lebensverhältniss zu Byron*. 1833) сообщаетъ читателямъ о своихъ отношеніяхъ къ Байрону. Они ограничивались немногимъ: Байронъ посвятилъ Гете „Сарданапала“ и „Вернера“. Въ 1823 г. онъ написалъ ему письмо изъ Генуи, рекомендуя одного молодого человѣка, на которое Гете отвѣчалъ стихами. На стихи послѣдовалъ со стороны Байрона прочувствованный отвѣтъ.

Гете посвятилъ нѣсколько статей произведеніямъ Байрона и много говоритъ объ англійскомъ поэтѣ въ своихъ „Разговорахъ съ Эккерманомъ“. Относительно „Сарданапала“ онъ высказывается лишь

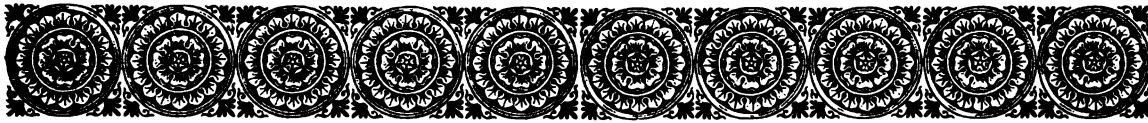
одинъ разъ и то косвенно, по поводу пресловутыхъ трехъ единствъ. Говоря о Байронѣ, Гете однажды замѣтилъ: „Онъ разрѣшаетъ драматическіе узлы такъ, какъ и не ожидаешь, и всегда лучше, чѣмъ воображаешь себѣ“. Далѣе: „Гете посмѣялся надъ лордомъ Байрономъ, который въ жизни ничѣмъ себя не стѣснялъ и не справлялся ни съ однимъ закономъ, и подчинился напослѣдокъ нелѣпѣйшему закону трехъ единствъ. Онъ столь-же мало понималъ основу этого закона, какъ и другіе. Основа—ясность изображенія, и три единства хороши по столько, по сколько способствуютъ ея достиженію“.

Всѣ похвалы Гете Байрону блѣднѣютъ передъ тѣмъ памятникомъ, который великій нѣмецкій поэтъ воздвигъ своему молодому собрату во 2-й ч. „Фауста“. Изображая его въ лицѣ Эндиміона, Гете даетъ слѣдующее поясненіе: „Я никого, кромѣ его, не могъ избрать представителемъ новой поэзіи, потому что онъ, конечно, величайшій талантъ нашего вѣка. И при этомъ, Байронъ ни классикъ, ни романтикъ; онъ былъ само нынѣшнее время. Такой мнѣ и требовался. Сверхъ того, онъ подходилъ и по своей неудовлетворенной натурѣ, и по своему воинственному стремленію, благодаря чему и погибъ при Миссалунги“.

Выражая мысль Гете нѣсколько иначе, можно сказать, что въ „Сарданапалѣ“ Байронъ является и классикомъ, и романтикомъ. Внѣшній ходъ трагедіи онъ стремится обусловить классическими тремя единствами, въ пользованіи источниками и въ характеристикѣ персонажей онъ примыкаетъ къ самымъ смѣлымъ романтикамъ. „Сарданапалъ“ стушевывается на фонѣ другихъ, болѣе яркихъ и сильныхъ произведеній Байрона, но и эта пьеса достойна репутаціи великаго поэта и человѣка.

Л. Шепелевичъ.





ПРЕДИСЛОВІЕ.

Издавая нижеслѣдующія трагедіи, *) я долженъ только повторить, что онѣ были написаны безъ отдаленнѣйшей мысли о сценѣ. О попыткѣ, сдѣланной одинъ разъ театральными антрепренерами общественное мнѣніе уже высказалось. Что касается моего личнаго мнѣнія, то повидимому ему не придаютъ никакого значенія, и я о немъ умалчиваю.

Историческіе факты, положенные въ основу обѣихъ пьесъ, рассказаны въ примѣчаніяхъ.

Авторъ въ одномъ случаѣ попытался сохранить, а въ другомъ приблизиться къ правилу „единствъ“, считая, что совершенно отдаляясь отъ нихъ, можно создать нѣчто поэтическое, но это не будетъ драмой. Онъ знаетъ, что этотъ взглядъ не популяренъ въ англійской литературѣ; но не онъ выдумалъ „единства“, онъ только держится мнѣнія, которое еще не особенно давно признавалось закономъ во всемъ мірѣ и до сихъ поръ считается таковымъ въ наиболѣе цивилизованныхъ странахъ. Но „nous avons changé tout cela“, и пожинаемъ теперь плоды отрицанія. Авторъ далекъ отъ мысли, что слѣдуя своему личному убѣжденію, или какимъ-либо образцамъ, онъ можетъ сравниться со своими предшественниками, писавшими правильныя или даже неправильныя драмы; онъ только объясняетъ, почему онъ предпочелъ болѣе правильное построеніе, какъ бы оно ни было слабо, полному отреченію отъ всякихъ правилъ. Въ неудачахъ сооруженія виноваты архитекторъ, а не принципы его искусства.

Въ настоящей трагедіи моимъ намѣреніемъ было слѣдовать разсказу Діодора Сицилійскаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однакоже, я хотѣлъ насколько могъ, приспособить этотъ разсказъ къ закону единствъ. Вотъ почему у меня мятежъ внезапно возникаетъ и заканчивается въ одинъ день, между тѣмъ какъ въ исторіи все это явилось результатомъ долгой войны.

*) «Сарданапалъ» и «Два Фоскари».



Великому Гете

иностранецъ

дерзаетъ поднести дань уваженья

литературнаго вассала своему ленному господину,

первому изъ современныхъ писателей,

который создалъ

литературу въ собственномъ отечествѣ

и прославилъ собою литературу Европы.

Это недостойное произведеніе, которое авторъ осмѣлился посвятить ему,

называется

САРДАНАПАЛЪ.



ОСТАТКИ ДРЕВНЕ - АССИРІЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ.

Колосальный крылатый быкъ съ человѣческой головой и крылатая фигура у входа въ дворцовыя ворота въ Куюнджикъ. (Изъ «Monuments of Nineveh» Лэйарда).

Дѣйствующія лица:

Мужчины:

Сарданапалъ, царь Ниневіи, Ассиріи и другихъ странъ.

Арбакъ, мидянинъ, замышляющій сдѣлаться царемъ.

Белвизъ, халдейскій прорицатель.

Салмевъ, шуринъ царя.

Алтада, дворцовый чиновникъ.

Паніа.

Замесъ.

Сфиро.

Балла.

Женщины:

Зарина, царица.

Мирра, рабыня-іонянка и возлюбленная Сарданапада.

Гаремныя женщины, стражи, свита, халдейскіе жрецы, мидяне и другіе.

Дѣйствіе въ Ниневійскомъ дворцѣ.



ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Чертогъ по дворцѣ.

САЛЕМЕНЬ (*одинъ*).

Онъ мучить государыню—но онъ
Ей господинъ; сестру мою онъ мучить—
Но онъ мнѣ братъ; онъ мучить свой на-
родъ—

Но онъ его владыка. Я обязанъ
И подданнымъ и другомъ быть ему—
Спаси его отъ гибели постыдной.
Я не могу, не долженъ допустить,
Чтобъ безъ слѣда изсякла подъ землею
Немврода кровь, Семирамиды кровь,
Чтобъ кончилась пастушескою сказкой
Исторія тринадцати вѣковъ
Владычества. Онъ долженъ пробудиться.
Въ его душѣ изнѣженной развратъ
Не истребилъ отваги беззаботной;
Природную энергію его
Испорченная жизнь лишь подавила,
Не сокрушивъ; и въ сладострастьи онъ
Не утонулъ, а лишь погрязъ глубоко.
Родясь въ избѣ, онъ могъ бы государство
Себѣ добыть; рожденный для вѣнца,
Онъ по себѣ оставить только имя—
Ничтожное наслѣдство для дѣтей.
Но и теперь еще не все погибло.
Еще теперь онъ могъ бы искупить
Позорное бездѣйствіе, когда бы
Съ той легкостью, съ какою сталъ онъ тѣмъ,
Чѣмъ быть ему не слѣдуетъ, рѣшился бъ
Тѣмъ сдѣлаться, чѣмъ быть ему должно.
Какъ будто бы своимъ народомъ править
Труднѣй, чѣмъ жизнь въ развратѣ истощать?
Быть во главѣ своихъ солдатъ труднѣе
Владычества въ гаремѣ? Онъ себя
Губительнымъ распутствомъ разслабляетъ;
И духъ и плоть подкапываетъ онъ
Занятіями, что не даютъ здоровья—
Какъ ловъ звѣрей, и славы—какъ война.
Да, долженъ онъ проснуться. Ахъ, лишь
громы
Небесные его разбудятъ!

(*За сценой нѣжная музыка*). Вотъ,
Вотъ звуки лиръ, и лютень, и кимваловъ—
Гармонія баюкающей нѣги,
Истомы сладострастной! Голоса
Гаремныхъ женъ и тварей ниже женщинъ
Сливаются въ веселый хоръ, а онъ,
Великій царь всего земного міра,
Увѣнчанный цвѣтами, возлежитъ,
Откинувши небрежно діадему—
Хватай ее, кто только хочетъ... Вотъ
Они идутъ. Уже благоуханье
Отъ ихъ одеждъ доносится ко мнѣ;
Ужъ вижу я—вдоль галлерей сверкаетъ
Каменьями толпа нарядныхъ дѣвъ,
Его пѣвицъ и вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтницъ
И между нихъ, самъ женщина съ лица
И женщиной одѣтъ, онъ—внукъ ничтожный
Семирамиды, женщины-царя!
Но вотъ и онъ. Остаться мнѣ? Конечно—
И подойти и смѣло все сказать,
Что говорятъ о немъ другъ другу люди,
Хорошіе и честные... Идутъ,
Идутъ рабы и въ ихъ главѣ владыка
И подданный, слуга своихъ рабовъ!

СЦЕНА ВТОРАЯ.

*Входитъ сарданапалъ, одѣтый по жен-
ски, въ вѣнокъ изъ розъ; за нимъ женщины
и молодые рабы.*

САРДАНАПАЛЪ

(*обращаясь къ некоторымъ изъ свиты*).

Для пиршества въ Евфратскомъ павильонѣ
Устроить все пышнѣе! Разубрать
Гирляндами и освѣтить поярче!
Мы ужинать тамъ будемъ нынче въ пол-
ночь.

Исполнить все, какъ должно; а теперь—
Галеру мнѣ! Надъ свѣтлою рѣкою
Свѣжительный кружится вѣтерокъ—
Мы поплывемъ. Вы, нимфы дорогія,
Дѣлящія со мной часы утѣхъ,

Увижу вновь я васъ въ тотъ часъ сладчайшій,

Когда мы соберемся, точно хоръ
Небесныхъ звѣздъ, и вы такое жъ небо
Блестящее сплетете изъ себя.
До тѣхъ же поръ вы можете свободно
Располагать собой. А ты, моя
Іонянка возлюбленная, Мирра,
Гдѣ хочешь ты остаться: въ ихъ средѣ
Иль близъ меня?

МИРРА.

Властитель мой!

САРДАНАПАЛЪ.

Властитель!

Ахъ, жизнь моя! Что это за отвѣтъ
Убийственно-холодный? Ужъ такое
Проклятіе царей—отвѣты слышать
Подобные. Ты госпожа себѣ,
Какъ мнѣ. Скажи, съ гостями ль удалиться
Желаешь ты, иль чаровать меня
Останешься?

МИРРА.

Царя желанье будетъ
Закономъ мнѣ.

САРДАНАПАЛЪ.

Ахъ, перестань со мной
Такъ говорить! Блаженствомъ высочайшимъ
Считаю я—желанія твои
Всѣ исполнять. Я собственныхъ желаній
Высказывать не смѣю, опасаясь,
Чтобъ не были они твоимъ противны:
Вѣдь ты всегда свое желанье въ жертву
Чужому принести готова...

МИРРА.

Я

Хотѣла бы остаться. Выше счастья
Не знаю я, какъ вѣчно быть съ тобой;
Но...

САРДАНАПАЛЪ.

Что же но? Межъ мною и тобою
Единственной преградой можетъ быть
Твоя всегда мнѣ дорогая воля.

МИРРА.

Обычный часъ совѣта твоего
Ужъ наступилъ; мнѣ лучше удалиться...

САЛЕМЕНЪ (подходя).

Раба права: ей слѣдуетъ уйти.

САРДАНАПАЛЪ.

Кто говоритъ? Ты, братъ мой?

САЛЕМЕНЪ.

Братъ царицы,

Тебѣ же, царь, всеподданный слуга.

САРДАНАПАЛЪ (обращаясь къ свитѣ).

Итакъ, прошу васъ всѣхъ своимъ досугомъ
Располагать до полночи, а тамъ
Мы вновь васъ ждемъ.

(Всѣ уходятъ. Мирра тоже собирается
уйти).

Ты, Мирра, мнѣ казалось,
Остаться здѣсь хотѣла...

МИРРА.

Государь,

Ты не велѣлъ остаться мнѣ...

САРДАНАПАЛЪ.

Но это
Ты взглядами сказала. Мнѣ знакомъ
Малѣйшій взглядъ глазъ іонійскихъ этихъ,
И я прочелъ, что отъ меня уйти
Не хочешь ты.

МИРРА.

Твой братъ, мой повелитель...

САЛЕМЕНЪ.

Царицы братъ, ея супруги братъ,
Іонянка! Меня назвать ты смѣешь
И не краснѣть при этомъ?

САРДАНАПАЛЪ.

Не краснѣть!
О человѣкъ, лишенный глазъ и сердца!
Въ ея лицѣ зажечь такой пурпуръ,
Какимъ въ часы вечераго заката
Блестятъ снѣга Кавказа—и потомъ
Ее корить твоей же слѣпотою
Холодною!... Какъ—слезы, Мирра?

САЛЕМЕНЪ.

Пусть

Онѣ текутъ! Она слезами платить
Не за себя одну; сама жъ она—
Причина слезъ гораздо ядовитѣй.

САРДАНАПАЛЪ.

Будь проклятъ тотъ, изъ-за кого она
Заплакала!

САЛЕМЕНЪ.

Не проклинай себя же,
Когда уже мильоны безъ того
Тебя клянутъ.

САРДАНАПАЛЪ.

Не забывайся! Хочешь,
Чтобъ вспомнилъ я, что я монархъ?

САЛЕМЕНЪ.

О, если бъ

Ты вспомнить могъ!

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ВАЙРОНА.

МИРРА.

Мой государь и ты,
Мой принцъ, уйти позвольте мнѣ.

САРДАНАПАЛЪ.

Что жъ дѣлать,
Коль грубою рукою ранилъ онъ
Твой нѣжный духъ—иди; но помни—скоро
Мы свидимся. Ахъ, лучше потерять
Мнѣ мой престолъ, чѣмъ радость быть съ
тобою!

(*Мирра уходитъ*).

САЛЕМЕНЪ.

И съ нимъ и съ ней ты, можетъ быть,
навѣкъ

Разстанешься.

САРДАНАПАЛЪ.

Братъ! видно, я умѣю
Собой владѣть, когда такія рѣчи
Еще сношу; не выводи жъ меня
Изъ всѣхъ границъ моей природы слабой!

САЛЕМЕНЪ.

Изъ этой-то природы, черезчуръ
Бездѣйственной и слабой, и хочу я
Тебя извлечь. О, если бы я могъ
Поднять твой духъ, хотя бы я за это
Семь пострадалъ!

САРДАНАПАЛЪ.

Клянусь Вааломъ, онъ
Тираномъ бы хотѣлъ меня увидѣть!

САЛЕМЕНЪ.

Ты и теперь тиранъ! Иль, можетъ быть,
Ты думаешь, что только тамъ тиранство,
Гдѣ льется кровь, гдѣ вѣчный звонъ цѣпей?
Нѣтъ, деспотизмъ порока, ядъ разврата,
Безсиліе, тупая апатія
И чувственность позорная творятъ
Миліонами тирановъ; ихъ жестокость
Безкровная далеко превосходитъ
Гнуснѣйшія жестокости владыкъ,
Исполненныхъ энергіи кровавой.
Да, зрѣлище разврата твоего—
И тяжкій гнетъ и страшная отравка;
Въ немъ гибели источникъ твоему
Владычеству и всѣмъ его опорамъ.
Извнѣ ли врагъ нахлынетъ на тебя,
Внутри ль страны возстанье загорится—
И тутъ и тамъ погибель для тебя:
Разбить врага народъ твой не сдумаетъ,
А къ мятежу съ охотою примкнетъ.

САРДАНАПАЛЪ.

Что жъ двигаетъ тобой, какъ всенароднымъ
Глашатаемъ?

САЛЕМЕНЪ.

Участіе къ страданьямъ
Моей сестры царицы и любовь
Понятная къ племянникамъ-малюткамъ,
И преданность царю, въ которой онъ,
Я думаю, нужду ощутить скоро
Не на однихъ словахъ, и уваженіе
Къ Немвродову потомству, и еще,
Еще одно, съ чѣмъ незнакомъ ты.

САРДАНАПАЛЪ.

Что же?

САЛЕМЕНЪ.

Невѣдомое слово для тебя.

САРДАНАПАЛЪ.

Желательно услышать...

САЛЕМЕНЪ.

Добродѣтель.

САРДАНАПАЛЪ.

Невѣдомое слово! Да ничто—
Ни ревъ трубы, ни крики пьяной черни
Мнѣ въ уши не врывались никогда
Упорнѣе, чѣмъ это слово. Только
Его одно и слышу я въ устахъ
Твоей сестры.

САЛЕМЕНЪ.

Чтобъ разговоръ несносный
Перемѣнить, послушай о порокахъ.

САРДАНАПАЛЪ.

А отъ кого?

САЛЕМЕНЪ.

Пожалуй, хотъ отъ вѣтровъ,
Коль отзвукамъ народныхъ голосовъ
Захочешь внять.

САРДАНАПАЛЪ.

Послушай, я—ты знаешь—
И терпѣливъ и мягокъ и не разъ
Ты въ этомъ убѣждался: отвѣчай же,
Что двигаетъ тобой?

САЛЕМЕНЪ.

Бѣда, тебѣ

Грозящая.

САРДАНАПАЛЪ.

Не понимаю.

САЛЕМЕНЪ.

Слушай:

Народы всѣ—ихъ много получилъ
Ты отъ отца—къ тебѣ пылаютъ злобой
Открытою.

С А Р Д А Н А П А Л Ъ.

САРДАНАПАЛЪ.
Ко мнѣ? Чего жъ хотятъ
Рабы?

САЛЕМЕНЪ.
Царя.

САРДАНАПАЛЪ.
А что же я такое?

САЛЕМЕНЪ.
Для нихъ—ничто; по мнѣ же—человѣкъ,
Способный быть и кое-чѣмъ побольше.

САРДАНАПАЛЪ.
Шваль пьяная! Чего же это имъ
Недостаетъ? И миръ и изобиліе—
Все есть у нихъ.

САЛЕМЕНЪ.
Да, мира больше, чѣмъ
Не срамъ имѣть, а изобилія—меньше,
Чѣмъ кажется царю, гораздо меньше.

САРДАНАПАЛЪ.
Кто жъ тутъ виной, какъ не одни мои
Грабители-сатрапы?

САЛЕМЕНЪ.
И отчасти
Самъ государь, который никогда
Не сдѣлаетъ ни шагу за ворота
Дворцовыя, а если и рискнетъ,
То лишь затѣмъ, чтобъ спрятаться отъ зноя
Въ какомъ-нибудь дворцѣ нагорномъ. О,
Ваалъ великій, ты, создавшій эту
Имперію и сдѣлавшійся богомъ
Или, какъ богъ, блиставшій яркой славой
Въ теченіе столѣтій—вотъ, смотри,
Тотъ, кто себя зоветъ твоимъ потомкомъ!
Онъ никогда еще, какъ властелинъ,
Не видѣлъ царствъ, съ которыми разстался
Ты, какъ герой, которыя трудомъ
И временемъ и кровью намъ ты добылъ—
И для чего? чтобъ сдѣлались они
Источникомъ налоговъ и стяжаній
Для оргіи, для прихотей слѣпыхъ
Любовницы...

САРДАНАПАЛЪ.
Тебя я понимаю;
Желалъ бы ты, чтобъ превратился я
Въ воителя. Клянусь звѣздами неба,
Открытыми халдеянамъ—клянусь,
Безумные рабы вполне достойны,
Чтобъ въ собственныхъ желаніяхъ они
Нашли свое проклятіе и чтобъ къ славѣ
Я ихъ повелъ.

САЛЕМЕНЪ.
А отчего же нѣтъ?

Вѣдь женщиной была Семирамида,
А между тѣмъ къ Гангеса берегамъ
Она своихъ водила ассиріянъ.

САРДАНАПАЛЪ.
Да, это такъ. Но только—какъ вернулась
Она оттоль?

САЛЕМЕНЪ.
Какъ мужъ и какъ герой:
Разбитая—то правда, но постыдно
Не павшая. Съ своими двадцатью
Солдатами въ порядкѣ отступила
На Бактрію.

САРДАНАПАЛЪ.
А сколько ихъ она
Оставила для коршуновъ индійскихъ?

САЛЕМЕНЪ.
О томъ молчать анналы.

САРДАНАПАЛЪ.
Ну, такъ я
За нихъ скажу, что, право, двадцать пла-
тьевъ
Въ своемъ дворцѣ ей лучше бы наткать,
Чѣмъ съ двадцатью солдатами спасаться,
Покинувши милліоны вѣрныхъ слугъ
Среди волковъ и вороновъ, и тварей
Свирѣпѣе, страшнѣе ихъ—людей!
И это честь? О, если такъ, оставьте
Меня въ моемъ позорѣ навсегда!

САЛЕМЕНЪ.
Не всѣмъ бойцамъ одна и та же доля.
Великая праматерь ста царей
Изъ Индіи бѣжала, это правда;
Но бактріянъ, и персовъ, и мидянъ
Она зато прибавила къ народамъ,
Которыми владѣла, какъ и ты
Владѣть бы могъ.

САРДАНАПАЛЪ.
Я и владѣю ими.
Она жъ одно умѣла—покорять.

САЛЕМЕНЪ.
Ахъ, мечъ ея для нихъ—и скоро—больше,
Чѣмъ скипетръ твой, понадобится!

САРДАНАПАЛЪ.
Жилъ,
Какъ говорятъ, на свѣтѣ нѣкій Бахусъ.
Я отъ моихъ гречаночекъ о немъ
Слыхалъ не разъ. Онъ богъ былъ, богъ у
грековъ
И, стало быть, совсѣмъ не божество
Въ Ассиріи; а между тѣмъ, то царство
Индійское, гдѣ, по твоимъ словамъ,

Такъ пострадать пришлось Семирамидѣ,
Онъ покорилъ.

САЛЕМЕНЪ.

И я о немъ слыхалъ;
Ты видишь самъ—прослылъ онъ въ людяхъ
богомъ
За подвигъ свой.

САРДАНАПАЛЬ.

И я сейчасъ почту
Божественность его. Эй, виночерпій!

САЛЕМЕНЪ.

Что хочетъ царь?

САРДАНАПАЛЬ.

Хочу, чтобъ былъ почтенъ
Вашъ новый богъ и древній побѣдитель.
Вина сюда!

(Входитъ виночерпій).

Подай мнѣ золотой,
Украшенный камнями, мой кубокъ,
Что чашею Немвродовой зовутъ.
Наполни до краевъ, неси скорѣ!

(Виночерпій уходитъ).

САЛЕМЕНЪ.

Но время ли—возобновлять пиры,
Когда еще отъ прежнихъ не успѣлъ
Ты выспаться?

(Виночерпій возвращается съ виномъ).

САРДАНАПАЛЬ.

Мой благородный сродникъ,
Коль варвары далекихъ береговъ
Іоніи и подданные наши
Не лгутъ—такъ онъ, тотъ Бахусъ, покорилъ
Всю Индію, не правда ли?

САЛЕМЕНЪ.

Да, правда,
И вотъ за то прослылъ онъ богомъ.

САРДАНАПАЛЬ.

Нѣтъ,

Нѣтъ, не за то! Двѣ-три его колонны,
Которыя моими быть могли бъ,
Сочти я ихъ достойными покупки
И поисковъ—вотъ все, что говоритъ
О царствахъ, имъ разрушенныхъ, о крови,
Что пролилъ онъ морями, о сердцахъ,
Разбитыхъ имъ. Но здѣсь, здѣсь, въ этой
чашѣ

Лежить его безсмертіе—въ лозѣ
Безсмертной той, откуда душу первый
Онъ выдавилъ и намъ потомъ ее
На радость далъ, какъ слабое возмездье
За зло своихъ побѣдъ. Да, не сверши
Онъ этого, и гробъ его и имя

Лишились бы безсмертья, и подобно
Праматери моей Семирамидѣ,
Остался бъ онъ навѣки межъ людьми
Чудовищемъ какимъ-то съ полублескомъ
Божественнымъ. Вотъ богомъ что его
Содѣлало—тебя жъ пусть человѣкомъ
Содѣлаетъ. Ну, добрый мой брюзга,
Вотъ чаша, пей въ честь греческаго бога!

САЛЕМЕНЪ.

Всѣхъ царствъ твоихъ я не взялъ бы за то,
Чтобъ такъ, какъ ты, глумиться надъ
родною

Религіей.

САРДАНАПАЛЬ.

Онъ, стало быть, герой,
По твоему, за то, что кровь морями
Лилъ по землѣ—но ужъ никакъ не богъ
Изъ-за того, что далъ плоду онъ силу
Волшебную, смѣняющую грусть
Веселіемъ; вливающую юность
Въ кровь стариковъ и вдохновенный пылъ—
Въ духъ юношей; дающую забвенье
Усталости; гонящую боязнь
Опасности; творящую намъ новый
Роскошный міръ, когда тускнѣетъ тотъ,
Гдѣ мы живемъ. Что жъ, если это такъ,
То въ честь твою и въ честь *его* я выпью,
Какъ человѣка, сдѣлавшаго все,
Чтобъ міръ дивить добромъ или злодѣй-
ствомъ.

(Пьетъ).

САЛЕМЕНЪ.

Ты оргіи готовъ опять предаться,
Какъ вижу я?

САРДАНАПАЛЬ.

А если бы и такъ?

Веселый пиръ, гдѣ ни одна слезинка
Не потечетъ, не лучше ли побѣды?
Но цѣль моя иная: если выпить
Не хочешь ты со мною—продолжай
Свой разговоръ; тебя я не стѣсняю.

(Виночерпій).

Иди, дитя!

(Виночерпій уходитъ).

САЛЕМЕНЪ.

Знай, только одного
Желалъ бы я—стряхнуть съ тебя дремоту.
Пусть лучше мной ты будешь пробужденъ,
Чѣмъ мятежомъ.

САРДАНАПАЛЬ.

Какой мятежъ? Откуда?

И для чего? и почему? и гдѣ?

Я—государь законный; я—потомокъ



Историческій Сарданапалъ (Ассуръ-бани-палъ) въ памятникахъ древне-ассирійскаго искусства.

САРДАНАПАЛЪ НА ОХОТѢ.

(Барельефъ въ Британскомъ Музеѣ. Съ фотографіи Mansell & Co въ Лондонѣ; съ особаго разрѣшенія этой фирмы).

Исконныхъ государей; въ чемъ такомъ
Я предъ моимъ народомъ провинился
И предъ тобой, чтобъ ты меня бранилъ,
А онъ вставалъ мятежно?

САЛЕМЕНЪ.

Что ты сдѣлалъ

Мнѣ собственно—объ этомъ умолчу.

САРДАНАПАЛЪ.

Но все-таки ты думаешь, конечно,
Что оскорбилъ царицу я? Вѣдь такъ?

САЛЕМЕНЪ.

Я *думаю*? Какъ будто оскорбленья
Здѣсь не было на самомъ дѣлѣ!

САРДАНАПАЛЪ.

Князь,

Терпѣніе—и выслушай. Царица
Окружена всѣмъ блескомъ, властью всей,
Какіе ей по сану подобаютъ;
Всѣ чествуютъ монархиней ее
И ввѣрены ея надзору принцы
Наслѣдныя. Я съ нею въ бракъ вступилъ
Изъ видовъ государства, какъ монархи
Вступаютъ въ бракъ, и такъ ее любилъ,
Какъ женъ мужья по большей части любятъ.
Но если вы надѣялись, что къ ней

Я привяжусь, какъ селянинъ халдейскій
Къ своей женѣ, то, значить, ни меня,
Ни сердца человѣка, ни монарховъ
Не знали вы.

САЛЕМЕНЪ.

Царь, лучше о другомъ

Поговоримъ. Въ моей крови нѣтъ мѣста
Для жалобы; сестрѣ же—не нужна
Насильная любовь, хотя бы даже
Властителя Ассиріи. Она
Отвергнетъ страсть, что дѣлать вмѣстѣ съ

нею

Наложницы, рабыни чуждыхъ странъ.
Она молчитъ.

САРДАНАПАЛЪ.

Зачѣмъ же не умѣетъ

Молчать и братъ?

САЛЕМЕНЪ.

Я—эхо голосовъ

Твоихъ земель, которыхъ скоро долженъ
Лишиться тотъ, кто ими долго такъ
Пренебрегалъ.

САРДАНАПАЛЪ.

О, грубые и злые

Рабы! За то роптать и обвинять,

Что крови ихъ не лиль я, что въ пустыни
Песчанья на гибель не водилъ
Мирьяды ихъ, что береговъ Гангеса
Не убѣлялъ костями, что не гнулъ
Ихъ головы подъ дикіе законы,
Что никого постройкой пирамидъ
И вавилонскихъ стѣнъ я не измучилъ?

САЛЕМЕНЪ.

Но это все трофеи, во сто разъ
Достойнѣ монарха и народа,
Чѣмъ музыка и пѣсни и пиры,
Наложницы, сокровищъ расточенье,
Попраніе всего благого...

САРДАНАПАЛЬ.

Я

Трофеями два города имѣю;
Въ единый день и Тарсъ и Анхіальъ
Построены, ты знаешь... Ну, а эта
Старуха кровожадная, моя
Воинственная бабка, непорочность
Хранившая—что сдѣлала бъ еще?
Разрушила бъ, и только...

САЛЕМЕНЪ.

Это правда;

Я признаю твою заслугу; да,
Два города соорудилъ ты—просто
Изъ прихоти, и надписью такой
Украсилъ ихъ, которая послужитъ
Тебѣ и имъ позоромъ навсегда.

САРДАНАПАЛЬ.

Позоромъ мнѣ! Клянусь Вааломъ, эти
Два города, какъ тамъ ни хороши,
Но надписи не стоятъ. Какъ угодно
Брани меня, правленіе мое
И жизнь мою; но это изреченье
Правдивое оспаривать не тщишь:
Здѣсь въ трехъ строкахъ исторія всей жизни
И дѣлъ людскихъ; ее ты помнишь? „Царь
Сарданапаль, сынъ Анасиндаракса,
Въ единый день два города воздвигъ.
Ѣшь, пей, люби; все прочее не стоитъ
Щелчка“.

САЛЕМЕНЪ.

Мораль достойная, слова
Премудрая, которыя народу
Внушаетъ царь!

САРДАНАПАЛЬ.

А ты чего бъ хотѣлъ?

Чтобъ я писалъ указы: „Повинуйся,
Народъ, царю, вноси въ его казну!
Служи въ его фалангахъ! жертвуй кровью
Изъ-за него, благоговѣнно падай
Предъ нимъ во прахъ, вставая, чтобъ нести
Тяжелый трудъ!“ Иль такъ: „На этомъ
мѣстѣ

Сарданапаль сто тысячъ умертвилъ
Своихъ враговъ. Смотрите, вотъ ихъ гробы —
Его трофей!“ Такія вещи я
Воителямъ свершать предоставляю;
Съ меня жъ вполне довольно, если дамъ
Я подданнымъ возможность меньше слышать
Гнетъ бѣдъ земныхъ и приближаться къ
гробу

Безъ горькихъ слезъ. Какія льготы я
Себѣ даю—въ такихъ же нѣтъ отказа
И моему народу. Всѣ мы люди.

САЛЕМЕНЪ.

Твои отцы какъ боги чтились.

САРДАНАПАЛЬ.

Да,

Въ пыли гробовъ, когда они ни боги,
Ни смертные. Уволь меня отъ нихъ!
Червякъ—вотъ богъ! Онъ ѣстъ по крайней
мѣрѣ

Твоихъ боговъ, покаѣсть, наконецъ,
Сожравши все, безъ пищи не издохнетъ.
А ты, твои—простые люди. Вотъ,
Взгляни-ка ты на ихъ потомка; вижу
Я тысячу земныхъ вещей въ себѣ,
А божества—ни капли, развѣ только
Наклонность та, которую во мнѣ
Ты такъ хулишь—любить, быть милосерд-
нымъ,

Дурачества другихъ людей прощать
И—это вотъ въ натурѣ челоуѣка—
Нестрогимъ быть и къ собственнымъ своимъ.

САЛЕМЕНЪ.

Ахъ! приговоръ подписанъ Ниневіи!
Несчастная, несчастная царица
Всѣхъ городовъ!

САРДАНАПАЛЬ.

Чего боишься ты?

САЛЕМЕНЪ.

Со всѣхъ сторонъ ты окруженъ врагами—
И, можетъ быть, чрезъ нѣсколько часовъ
Свирѣпая гроза ужъ уничтожитъ
Твоихъ, моихъ и самого тебя,
И къ утру все, что есть еще сегодня
Изъ племени Ваала, будетъ прахъ.

САРДАНАПАЛЬ.

Что жъ намъ грозитъ?

САЛЕМЕНЪ.

Измѣна честолюбцевъ,

Уже давно держащая тебя
Въ своихъ сѣтяхъ; но есть еще спасенье;
Лишь царскою печатью ты меня
Уполномочь разоблачить всѣ козни—
И головы виновныхъ я слоужу
Къ твоимъ ногамъ.

САРДАНАПАЛЪ.

САРДАНАПАЛЪ.

Гм... Головы... А сколько?

САЛЕМЕНЪ.

Ужели я вести имъ стану счетъ,
Когда твоя въ опасности? Позволь же
Мнѣ дѣйствовать—дай мнѣ свою печать
И предоставь уже распорядиться
Всѣмъ остальнымъ.

САРДАНАПАЛЪ.

Нѣтъ, жизнями людей
Я никому не дамъ распоряжаться,
Когда другихъ лишаемъ жизни мы,
То что беремъ и что даемъ—не знаемъ.

САЛЕМЕНЪ.

И ты ее боишься взять у тѣхъ,
Которые грозятъ твоей?

САРДАНАПАЛЪ.

Ну, это
Такой вопросъ... Но я отвѣчу: да.
Безъ этого нельзя ль? Кто подозрѣнье
Твое навлекъ? Вели арестовать.

САЛЕМЕНЪ.

Желалъ бы я, чтобъ ты моихъ отвѣтовъ
Не требовалъ. А то они сейчасъ
Подхватятся болтливою толпою
Твоихъ гетеръ, оттуда по дворцу
Пойдутъ гулять, проникнуть даже въ го-
родъ—

И все тогда пропало. Предоставь
Мнѣ дѣйствовать.

САРДАНАПАЛЪ.

Тебѣ я довѣрялся,
Ты знаешь самъ, всегда. Вотъ перстень мой!

САЛЕМЕНЪ.

Но у меня еще одна есть просьба.

САРДАНАПАЛЪ.

Я слушаю.

САЛЕМЕНЪ.

Чтобъ отмѣнили ты пиръ
Сегодняшній въ Евфратскомъ павильонѣ.

САРДАНАПАЛЪ.

Пиръ отмѣнить! Да ни за что, хотя бъ
Тутъ собрались, всѣ, сколько есть на свѣтѣ,
Бунтовщики! Пускай себѣ идутъ,
Пусть дѣлаютъ всѣ гадости, какія
Имъ въ умъ придутъ—не испугаюсь я,
Изъ за стола не выйду раньше, кубковъ
Ни на одинъ не уменьшу, въ вѣнкѣ
Ни одного цвѣточка не убавлю,
Не сокращу веселья ни на часъ.
Я не боюсь.

САЛЕМЕНЪ.

Но если это нужнымъ
Окажется—вооружишься ты,
Не правда ли?

САРДАНАПАЛЪ.

Быть можетъ. Славный панцырь
Есть у меня, и мечъ не изъ плохихъ,
Копье и лукъ, какими бъ не побрезгалъ
И самъ Немродъ; немножко тяжелы,
Да ничего, я справлюсь... Только вотъ что
Мнѣ въ умъ пришло: давно ужъ это все
Употреблялъ я даже на охотѣ.
Тебѣ оно попало на глаза
Хоть разъ одинъ?

САЛЕМЕНЪ.

Какъ во-время такіа
Ребяческія шутки! Отвѣчай,
Когда нужда придетъ, ты за оружье
Возьмешься ли?

САРДАНАПАЛЪ.

Возьмусь ли! О, когда
Такъ быть должно, когда рабовъ безумныхъ
Не усмирить ничѣмъ помягче—я
До той поры мечемъ работать стану,
Пока его не захотятъ они
Въ моихъ рукахъ веретеномъ увидѣть.

САЛЕМЕНЪ.

По ихъ словамъ, твой скипетръ ужъ съ дав-
нихъ поръ—
Веретено.

САРДАНАПАЛЪ.

Они солгали! Впрочемъ,
Пусть говорятъ. У древнихъ грековъ былъ—
Какъ пѣли мнѣ не разъ мои рабыни—
Главнѣйшимъ изъ героевъ Геркулесъ,
И вотъ за то, что онъ любилъ царицу
Лидійскую, такая же молва
Шла про него. Ты видишь—чернь повсюду
На клевету падка, чтобъ въ прахъ топтать
Своихъ владыкъ.

САЛЕМЕНЪ.

Отцовъ твоихъ, однако,
Не обвинялъ въ такихъ дѣлахъ народъ.

САРДАНАПАЛЪ.

Ну, да—не смѣлъ. Война или работа
Была его удѣломъ; цѣпи онъ
Снималъ лишь съ тѣмъ, чтобъ нарядиться
въ латы.

Ну, а теперь у нихъ досугъ и миръ
И полная свобода веселиться
И горло драть. За это не сержусь
Нисколько я: единая улыбка

Красавицы дороже для меня
Всѣхъ возгласовъ, какими возносила
Когда-нибудь народная толпа
Ничтожество.. Въ безумномъ ревѣ этихъ
Поганыхъ стадъ, отъ жиру ужъ совсѣмъ
Взбѣсившихся, какъ будто есть что-либо,
Изъ за чего я могъ бы дорожить
Хвалами ихъ или страшиться брани?

САЛЕМЕНЪ.

Ты самъ сказалъ, что люди и они;
Такъ, стало быть, и ихъ сердца да значать
Хоть что-нибудь.

САРДАНАПАЛЬ.

Такия же сердца
У псовъ моихъ—нѣтъ лучше, почестнѣе!
Но къ дѣлу. Ты мой перстень получилъ:
Коли они дѣйствительно бунтуютъ,
Ты усмири, но жесткихъ мѣръ прошу
Не принимать, пока ужъ точно крайность
Не явится. Мнѣ ненавистны всѣ
Страданія—въ другихъ ли ихъ вселяю,
Терплю ли самъ; вѣдь всѣ мы, отъ раба
Послѣдняго до перваго монарха,
Достаточно страдаемъ для того,
Чтобъ бѣдствія земного гнетъ природный
Не умножать, но роковой удѣлъ,
Намъ посланный судьбой, стараться только
Услугами другъ другу облегчать.
Но этого они не знаютъ или
Знать не хотятъ. Клянусь Вааломъ, я
Все дѣлалъ, все, чтобъ жить имъ было легче:
Не воевалъ, не умножалъ налоговъ,
Свободы ихъ домашней не стѣснялъ,
Предоставлялъ собой распоряжаться,
Какъ кто хотѣлъ, при чемъ и самъ себѣ
Былъ господинъ.

САЛЕМЕНЪ.

Ты ни во что не ставилъ
Обязанностей царскихъ, и они
Поэтому кричатъ, что быть монархомъ
Не годенъ ты.

САРДАНАПАЛЬ.

Лгутъ. Только имъ и быть,
Къ несчастію, я годенъ, а иначе
И мидянинъ послѣдній могъ бы сѣсть
На мой престолъ.

САЛЕМЕНЪ.

И мидянинъ нашелся,
Замыслившій...

САРДАНАПАЛЬ.

Что это значить? Ты
Таинствененъ, вопросовъ не желаешь,
А я совсѣмъ не любопытенъ. Ну,

Распорядись, какъ знаешь; если дѣло
Ужъ стало такъ—уполномочье я
Тебѣ даю. Никто еще на свѣтѣ
Сильнѣй меня, конечно, не желалъ
Надъ мирными владычествовать мирно;
Но разъ они меня заставляютъ встать—
О, лучше бы имъ воскресить изъ праха
Свирѣпаго Немврода, ихъ „ловца
Великаго“! Я обращаю въ пустыню
Владѣнія мои и стану въ нихъ
Травить звѣрей, что *были* по природѣ
Своей людьми, но *стали* не людьми
По своему желанію. Во взглядѣ
Ихъ на меня до этихъ поръ все ложь;
Но въ будущемъ во что онъ превратится—
О, то у нихъ навѣки отобѣетъ
Охоту лгать—и ужъ пускай за это
Самихъ себя потомъ благодарятъ.

СЕЛЕМЕНЪ.

А! и въ тебѣ проснулось чувство!

САРДАНАПАЛЬ.

Чувство!

Да черную неблагодарность кто жъ
Не чувствуетъ?

САЛЕМЕНЪ.

На это не словами,
А дѣломъ я отвѣчу. Сохрани
Въ душѣ своей энергію, что дремлетъ
По временамъ, но все еще жива,
И вновь къ тебѣ вернуться можетъ слава
Правителя и мощь царя. Прощай!

(Уходитъ).

САРДАНАПАЛЬ (одинъ).

Прощай. Ушелъ—и у него на пальцѣ
Мое кольцо—скипетръ царскій для него.
Онъ такъ же крутъ, какъ я безопасно мягокъ;
Но и рабы достойны, наконецъ,
Почувствовать владыку надъ собою.
Откуда мнѣ грозитъ опасность—я
Не знаю: онъ открылъ ее—пускай же
И устранить. Ужели жизнь мою—
Коротенькую жизнь—я трачу стану
Еще на то, чтобъ охранять ее
Ото всего, что бѣдную способно
Укоротить? Да стоитъ ли она
Такихъ трудовъ! Нѣтъ, жить, бояся смерти,
Бунтовщиковъ повсюду чуя, всѣхъ
Вокругъ себя за то подозрѣвая,
Что *здѣсь* они, а *тѣхъ*, что далеко—
За то, что *тамъ*—не значить ли въ могилу
До срока лечь? Но если быть тому
И суждено на самомъ дѣлѣ, если
Они меня сметутъ съ лица земли



ДВОРЕЦЪ АССИРІЙСКИХЪ ЦАРЕЙ ВЪ НИНЕВІИ.

Реставрація Лэгарда (Lagarde Monuments of Nineveh)

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ВАЙРОНА.

И царствъ моихъ, такъ что земля? что
царство?

Я жилъ, любилъ, свой образъ размножалъ,
А умереть—какъ-будто не такое жъ
Естественное дѣло плоти? Да,
Конечно, я не лилъ морями крови,
Какъ лить бы могъ, чтобъ превратить мое
Названіе въ синонимъ смерти—въ ужасъ,
Въ трофей побѣдъ. Но въ этомъ я ничуть
Не каюсь. Жизнь наполнилъ я любовью,
И ежели теперь прольется кровь—
Не по моей винѣ она прольется.
До этихъ поръ изъ ассирійскихъ жилъ
Не вытекло еще единой капли
Въ угоду мнѣ; до этихъ поръ изъ всѣхъ
Сокровищъ Ниневіи не потраченъ
Малѣйшій грошъ на то, что хоть одной
Слезы ея сынамъ могло бы стоить;
И вотъ теперь имъ ненавистенъ я
За то, что не умѣю ненавидѣть,
И бунтовать они хотятъ зато,
Что я не угнетаю ихъ. О, люди!
Не скипетры для васъ нужны, а косы,
Чтобъ, какъ траву, васъ скашивать—иначе
Одинъ бурьянъ придется пожинать,
Сбирать плоды гнилые недовольства,
Вносящіе въ благу почву ядъ,
Изъ житницы творящіе пустыню...
Однако же, пора изъ головы
Ихъ выкинуть. Эй, кто-нибудь, живѣе!

(*Входитъ служитель*).

Поди, скажи гречанкѣ Миррѣ, рабъ,
Что мы ее желаемъ видѣть.

служитель.

Мирра

Ужъ здѣсь, мой царь.

Входитъ Мирра.

САРДАНАПАЛЪ (*служителю*).

Ступай. (*Миррѣ*). О, ты, моя
Красавица,—какъ всѣ мои желанья
Ты чувствуешь! Чуть сердце по тебѣ
Забилось—ужъ ты передо мною.
О, дай же мнѣ увѣровать, что есть
Невѣдомая сила, духъ незримый,
Всегда, вездѣ связующіе насъ,
Издалека влекущіе другъ къ другу!

МИРРА.

Да, это есть.

САРДАНАПАЛЪ.

Я знаю самъ, что есть;
Но какъ назвать по имени—не знаю;
Кто этотъ духъ?

МИРРА.

На родинѣ моей—

Онъ божество, въ душѣ моей—онъ чувство
Божественно-возвышенное, но
Не болѣе какъ смертное: смиренья
Стыдливаго исполнено оно
И вмѣстѣ съ тѣмъ блаженства... то-есть,
было бъ

Блаженство въ немъ, когда бъ...

(*Останавливается*).

САРДАНАПАЛЪ.

Вотъ такъ всегда

Какая-то преграда между нами
И тѣмъ, что намъ является въ мечтахъ,
Какъ счастье. О, дай мнѣ уничтожить
Все, что встаетъ для счастья твоего
Препятствіемъ—и моему не будетъ
Тогда конца!

МИРРА.

Мой государь!

САРДАНАПАЛЪ.

О нѣтъ!

Мой государь! Мой царь! Мой повелитель!
Всегда одно—и вѣчно этотъ тонъ
Почтительнаго страха! Видно, встрѣтить
Веселую улыбку я могу
Лишь на пиру, въ его разгулъ дикомъ,
Когда шуты до равенства со мной
Нахлещутся иль я сравниюсь съ ними
Въ животности! О, Мирра! Эти всѣ
Названія: царь, государь, властитель,
Величество—могу я слышать; я
Въ былые дни цѣнилъ ихъ даже—то-есть
Терпѣлъ въ устахъ сатраповъ и рабовъ;
Когда жъ они лепечутся устами
Любимыми—устами, что къ моимъ
Такъ часто прижимались—въ сердцѣ
дрожь

Я чувствую и леденить меня
Сознаніе печальной фальши сана,
Давящаго порывы чувствъ во всѣхъ,
Кто дорогъ мнѣ—и хочется мнѣ сбросить
Постыльную тиару и съ тобой
Въ кавказскую избушку удалиться
И всѣ вѣнцы на свѣтъ замѣнить
Цвѣточными вѣнками!

МИРРА.

Ахъ, когда бы

Осуществить могли мы!..

САРДАНАПАЛЪ.

И въ тебѣ

Такое же желанье? Для чего же?

С А Р Д А Н А П А Л Ъ.

МИРРА.

Тогда бы ты извѣдалъ то, чего
Не суждено вѣкъ тебѣ извѣдать.

САРДАНАПАЛЪ.

Что жъ именно?

МИРРА.

Прямую цѣну сердца—
Я говорю о сердцѣ женскомъ...

САРДАНАПАЛЪ.

Ихъ тысячи и тысячи извѣдалъ.

МИРРА.

Сердце?

САРДАНАПАЛЪ.

Ну, да..!

МИРРА.

Ни одного! Но часъ
Для этого еще пробьетъ, быть можетъ...

САРДАНАПАЛЪ.

Да, онъ пробьетъ. Послушай: Салемень
Мнѣ объявилъ—откуда, какъ все это
Онъ вывѣдалъ, извѣстно одному
Творцу моихъ земель великихъ,—Белу—
Онъ объявилъ, что царскій мой престолъ
Въ опасности:

МИРРА.

Онъ поступилъ, какъ должно.

САРДАНАПАЛЪ.

И это ты такъ разсуждаешь, ты,
Которую онъ оскорбилъ столь грубо
И жесткими насмѣшками прогнать
Осмѣлился отсюда и заставить
И покраснѣть и плакать?

МИРРА.

И краснѣть

И плакать я должна гораздо чаще—
И Салемень напомнилъ только мнѣ
Обязанность мою. Но про опасность
Ты говоришь. Опасность для тебя?

САРДАНАПАЛЪ.

Да, отъ интригъ и темныхъ заговоровъ,
И мидянъ вѣроломныхъ, и солдатъ
Обиженныхъ, и ропшущихъ народовъ—
Ужъ я и самъ не знаю отъ чего;
Тутъ лабиринтъ какихъ-то тайнъ, зага-
докъ,
Глухихъ угрозъ... Ты знаешь, Салемень
Всегда таковъ. Но человекъ онъ честный...
Да пусть ихъ тамъ! Подумаемъ съ тобой
О пиршествѣ полночномъ.

МИРРА.

Нѣтъ, настала

Теперь пора о пиршествахъ забыть.
Конечно, ты его совѣтомъ мудрымъ
Не пренебрегъ?

САРДАНАПАЛЪ.

Какъ! И въ тебѣ боязнь?

МИРРА.

Гречанка я—такъ мнѣ ль бояться смерти?
Рабыня я—такъ мнѣ ли отступать
Со страхомъ предъ свободой?

САРДАНАПАЛЪ.

Отчего же

Твое лицо блѣднѣетъ?

МИРРА.

Я люблю!

САРДАНАПАЛЪ.

А я? Тебя люблю я больше, выше,
Чѣмъ жизнь мою, чѣмъ царства всѣ мои,
А между тѣмъ я не блѣднѣю.

МИРРА.

Значить,

Ты ни себя не любишь, ни меня:
Кто полюбилъ другого, долженъ также
Себя любить ужъ ради существа
Любимаго. Безумная отвага!
И жизнь свою, и царство такъ легко
Нельзя терять!.

САРДАНАПАЛЪ.

Терять! Но гдѣ жъ тотъ дерзкій,
Что посягнуть рѣшился бы на нихъ?

МИРРА.

Но гдѣ и тотъ, который испугалъ бы
Столь дерзкаго? Когда властитель самъ
Себя забылъ, ужели станеть помнить
О немъ народъ подвластный?

САРДАНАПАЛЪ.

Мирра!

МИРРА.

Не хмурь бровей! Улыбками своими
Ты такъ меня избаловалъ, что видъ
Суровый твой страшнѣе наказанья,
Котораго, быть можетъ, вѣстникъ онъ.
Властитель мой—я у тебя рабыня!
Царь, я тебѣ подвластна! Человекъ,
Люблю тебя! Люблю, сама не знаю,
Чѣмъ роковымъ къ тебѣ привлечена!
Гречанка я—и, стало быть, престоламъ
Природный врагъ; невольница—цѣпей
Не выношу; ионянка—должна я

О,

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ВАЙРОНА

Считать себя униженной не такъ
Оковами, какъ страстью къ иноземцу—
И все-таки люблю тебя, люблю!
И ежели нашлось довольно силы
Въ моей любви, чтобъ существо мое
Преобразить, то развѣ не имѣетъ
Она всѣхъ правъ, чтобы спасти тебя?

САРДАНАПАЛЪ.

Спаси меня! О, милая, какъ чудно
Ты хороша—и я въ тебѣ ищу
Одной любви, а не спасенья.

МИРРА.

Гдѣ же,
Какъ не въ любви, отъ всякихъ бѣдъ за-
щита?

САРДАНАПАЛЪ.

Я говорю про женскую любовь.

МИРРА.

Людскую жизнь питаетъ первой силой
Грудь женщины; васъ первымъ звукамъ
учать

Ея уста; вашъ первый плачъ унять
Идетъ она; вашъ вздохъ послѣдній часто
Слухъ женщины пріемлетъ, между тѣмъ
Какъ прочь бѣжитъ мужчина отъ заботы
Постыдной для него—въ послѣдній часъ
Стеречь того, кто былъ его владыкой.

САРДАНАПАЛЪ.

О, милый мой ораторъ! рѣчь твоя
Какъ музыка звучитъ, какъ хоръ трагедій,—
Любимая забава у тебя
На родинѣ, о чемъ такъ часто слышалъ
Я отъ тебя. Что это, Мирра? Ты
Заплакала? Ну, полно!

МИРРА.

Я не плачу,
Но я прошу—о родинѣ моей,
Моихъ отцахъ не говори со мною.

САРДАНАПАЛЪ.

Но, Мирра, ты такъ часто говоришь
Сама о нихъ...

МИРРА.

Да, это правда, правда!
Недремлющая дума каждый мигъ
Излить себя въ словахъ невольно рвется;
Но чуть другой при мнѣ заговорить
О Греціи—душѣ такъ больно, больно.

САРДАНАПАЛЪ.

Ну, хорошо. Итакъ, меня спасти
Желаешь ты—но какъ же?

МИРРА.

Научивши

Тебя спасти и самого себя,
И эти всѣ обширныя владѣнья
Отъ ярости ужаснѣйшей изъ войнъ—
Межъ братьями.

САРДАНАПАЛЪ.

Но, милая, вѣдь войны
И воины мнѣ ненавистны. Я
Живу среди покоя и веселья;
Чего жъ еще отъ человѣка ждать?

МИРРА.

Ахъ, государь, съ народной массой часто
Наружный видъ войны необходимъ,
Чтобъ сохранять на дѣлѣ блага мира,
И для царей полезнѣй иногда
Внушать боязнь, чѣмъ быть любимымъ.

САРДАНАПАЛЪ.

Я же

Всегда искалъ одной любви.

МИРРА.

И вотъ

Ни первое тобою, ни второе
Не найдено.

САРДАНАПАЛЪ.

И это говоришь

Ты, Мирра—ты?

МИРРА.

Я о любви народной
Здѣсь говорю, любви къ себѣ, любви,
Желающей, чтобъ правили народомъ
Законъ и страхъ—безъ гнета, чтобъ его
Не чувствовать по крайней мѣрѣ; если жъ
И чувствуешь, то чтобъ считать его
Защитою отъ гнета злѣе гнета—
Своихъ страстей. Цари пировъ, любви,
Вина, цвѣтовъ и шумнаго веселья
Не могутъ быть царями славы...

САРДАНАПАЛЪ.

Славы!

Но что она?

МИРРА.

Спроси о томъ боговъ,—
Твоихъ отцовъ.

САРДАНАПАЛЪ.

Они давно замолкли;
Жрецы жъ за нихъ тогда лишь говорятъ.
Когда хотятъ на храмъ добыть подачку.

МИРРА.

Такъ загляни хоть въ лѣтопись о тѣхъ,
Которые создали это царство.

САРДАНАПАЛЪ.

Нѣтъ, не могу: на ней повсюду кровь.

С А Р Д А Н А П А Л Ъ.



Историческій Сарданапалъ (Ашур-бани-палъ) въ памятникахъ древне-ассирійскаго искусства.
ИЗОБРАЖЕНІЕ САРДАНАПАЛА ВЪ ФОРМѢ ПОДСТАВКИ ЧАШИ.
(Британскій музей. Воспроизведено съ фотографіи Mansell & Co. въ Лондонъ, съ особаго разрѣшенія
этой фирмы).

Да и къ чему? Вѣдь наше государство
Ужъ создано; а новыя творить
Я не хочу.

МИРРА.

Старайся не утратить
Хоть своего.

САРДАНАПАЛЬ.

Я наслажденій въ немъ
Ищу себѣ. Дитя, идемъ къ Евфрату;
Чась наступилъ, галера наша ждетъ,
И павильонъ, украшенный для пира
Полночнаго, заблещетъ скоро весь
И красотой, и яркими огнями,
И тѣмъ звѣздамъ, что свѣтятъ въ небесахъ,
Покажется такую же звѣздою,
А мы съ тобой, въ вѣнцахъ изъ свѣжихъ
розъ,
Красавица, возляжемъ тамъ, какъ..

МИРРА.

Жертвы

САРДАНАПАЛЬ.

Нѣтъ, какъ цари—какъ пастухи-цари
Поры патріархальной, что не знали
Алмазовъ драгоцѣннѣй, чѣмъ цвѣты
Весенніе. Побѣды жъ знали только
Безслезныя и мирныя... Идемъ!

Входитъ ПАІА.

ПАІА.

Да здравствуетъ мой государь вѣки!

САРДАНАПАЛЬ.

До тѣхъ лишь поръ—ни на единый часъ
Не долѣе—пока любить онъ можетъ.
Какъ мнѣ претитъ, какъ ненавижу я
Такой языкъ! Онъ и изъ жизни дѣлать
Умѣетъ ложь, лъстя вѣчностью тому,
Что тлѣнь и прахъ. Ну, Паіа, въ чемъ
дѣло?

Безъ долгихъ словъ!

ПАІА.

Царь, Салемень меня
Прислалъ къ тебѣ съ своей вторичной
просьбой,
Чтобъ изъ дворца сегодня ты
Не выходилъ. Онъ, возвратясь, представитъ
Тѣ доводы, что смѣлости такой
Послужать объясненьемъ и, быть можетъ,
Монаршее прощенье принесутъ
Вмѣшательству непрошенному...

САРДАНАПАЛЬ.

Вотъ что!

Такъ я въ тюрьмѣ? Такъ я ужъ плѣнникъ
вашъ?

Такъ воздухомъ небеснымъ не могу я
Уже дышать? Поди и отвѣчай:
Хотя бы вся Ассирія возстала
И бѣшенымъ кипѣла мятежомъ
Вкругъ этихъ стѣнъ—я прятаться не стану!

ПАІА.

Мой долгъ—царю повиноваться; но...

МИРРА.

О, государь, послушай!.. Много-много
Часовъ, и дней, и мѣсяцевъ провелъ
Ты во дворцѣ среди безпечной нѣги,
Не радуя собою глазъ толпы,
Столь жаждавшей хоть разъ одинъ увидѣть
Твое лицо. А между тѣмъ народъ
Тиранили сатрапы; предъ богами
Съ молитвами не падали жрецы;
Анархія все царство загрязнила,
И, наконецъ, заснуло тупо все,
Все, кромѣ зла. И ты теперь не хочешь
Промедлить день, единый день, когда
Тебя спасти онъ можетъ? Ты не хочешь
Немногими часами подарить
Немногихъ слугъ, тебѣ не измѣнившихъ?
Не сдѣлаешь ты это ради ихъ
И собственнаго блага, и великихъ
Твоихъ отцовъ, и сыновей твоихъ?

ПАІА.

Она права. Настойчивость, съ которой
Къ священнѣйшей твоей особѣ князь
Меня послалъ, въ меня вселяетъ смѣлость
Съ тѣмъ, что сейчасъ ты слышалъ отъ нея,
Соединить и мой ничтожный голосъ!

САРДАНАПАЛЬ.

Нѣтъ, никогда!

МИРРА.

Но ради твоего

Престола...

САРДАНАПАЛЬ.

Прочь!

ПАІА.

Во имя тѣхъ, которыхъ
И преданность и строгость соберутъ
Вокругъ тебя...

САРДАНАПАЛЬ.

Все это просто бредни!
Опасности и тѣни нѣтъ; ее
Вашъ Салемень измыслилъ, чтобъ усердье
Свое явить и доказать, что онъ
Для насъ теперь еще необходимѣй.

МИРРА.

Всѣмъ, что добро, что слава—я молю
Совѣту внять!

С А Р Д А Н А П А Л Ъ.

САРДАНАПАЛЪ.
Дѣла до завтра!

МИРРА.

Завтра!

А нынче въ ночь, быть можетъ, смерть!

САРДАНАПАЛЪ.

Такъ что жъ?

Пускай придетъ ко мнѣ неожиданной гостьей
Средь радости, восторговъ и любви!
Погибну я, какъ сорванная роза;
А *такъ* упасть не лучше ли—скажи,—
Чѣмъ на стеблѣ увянуть?

МИРРА.

Такъ не хочешь

Ты уступить, и даже то, что духъ
Другихъ царей тотчасъ воспламенило бъ,
Тебя—увы не склонить отмѣнить
Ничтожный пиръ?

САРДАНАПАЛЪ.

Нѣтъ.

МИРРА.

Но уступку эту

Хоть для *меня* ты сдѣлай.

САРДАНАПАЛЪ.

Для тебя,

Красавица?

МИРРА.

Подарка у владыки

Ассирии прошу я въ первый разъ.

САРДАНАПАЛЪ.

Да, ты права!... И если бъ тѣмъ подаркомъ
Былъ мой престолъ, я отдалъ бы его!
Сдаюсь тебѣ. Ну, Паніа, ты слышишь?
Ступай!

ПАНИА.

Иду и повинуюсь, царь! (*Уходитъ*).

САРДАНАПАЛЪ.

Я изумленъ: что побуждаетъ, Мирра,
Тебя къ такимъ настойчивымъ мольбамъ?

МИРРА.

Страхъ за тебя и вмѣстѣ убѣжденье,
Что если бы опасность не была
Такъ велика, твой родичъ-князь не сталъ бы
Столь многого просить.

САРДАНАПАЛЪ.

Но если я

Самъ не боюсь, чего же ты страшишься?

МИРРА.

Вотъ потому, что не боишься ты,
Я за тебя и опаасаюсь.

САРДАНАПАЛЪ.

Завтра

Какъ станешь ты смѣяться надъ своей
Тревогою!

МИРРА.

Иль, ежели несчастью

Не миновать, я перейду туда,
Гдѣ ужъ никто не плачетъ; это лучше
Способности смѣяться... А съ тобой
Что станется?

САРДАНАПАЛЪ.

Я буду неизмѣнно,

Какъ былъ всегда до этихъ поръ, царемъ.

МИРРА.

Гдѣ?

САРДАНАПАЛЪ.

Гдѣ Вааль, Немвродъ, Семирамида,
Въ Ассирии—одинъ, тамъ—вмѣстѣ съ ними;
Что я теперь—тѣмъ сдѣлала меня
Моя судьба; она жъ пусть обратитъ
Меня въ ничто; но только тѣмъ иль этимъ
Я долженъ быть; остаться межъ людей
Униженнымъ я не хочу.

МИРРА.

О, если бъ

Ты и всегда такъ чувствовалъ, никто
Тебя, мой царь, унижить не посмѣлъ бы!

САРДАНАПАЛЪ.

А кто жъ теперь дерзаетъ?

МИРРА.

Развѣ ты

Подозрѣвать кого-нибудь не можешь?

САРДАНАПАЛЪ.

Подозрѣвать! На то шпионы есть!
О, милая, мильоны драгоценныхъ
Мгновеній мы теряемъ на слова
И страхъ пустой. Сюда, рабы! Скорѣе,
Для пиршества вечерняго убрать
Немвродовъ залъ! Ужъ если заставляютъ
Меня дворецъ въ темницу превратить,
Мы весело по крайней мѣрѣ будемъ
Сидѣть въ цѣпяхъ. Коль лѣтній павильонъ
На берегахъ плѣнительныхъ Евфрата
Для насъ закрыть, то здѣсь вѣдь ужъ ничто
Намъ не грозитъ. Сюда, рабы, скорѣе!

(*Уходитъ*).

МИРРА (*одна*).

За что его люблю я? Дочерямъ
Моей земли герои только милы
И дороги. Но гдѣ жъ моя земля?
Рабыня все теряетъ, лишь оковы

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ВАЙРОНА.

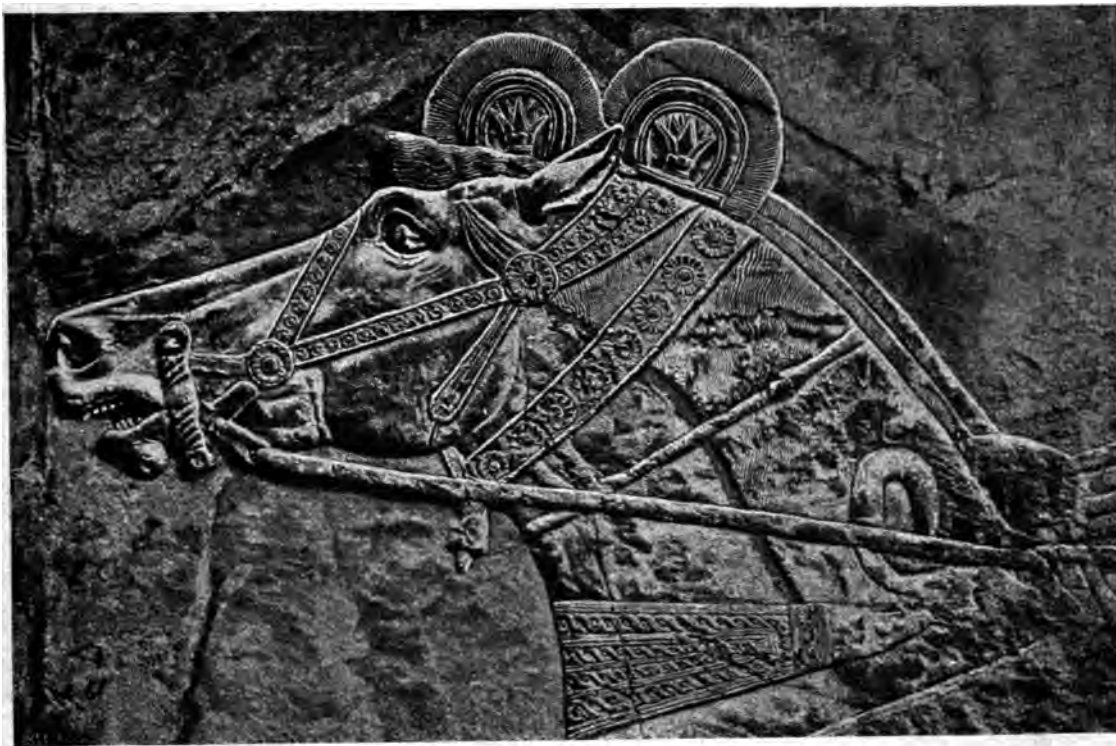
Остались ей. Да, я люблю его,
И нѣтъ звена тяжеле въ длинной цѣпи.
Чѣмъ та любовь, гдѣ уваженья нѣтъ!
Пусть будетъ такъ! Уже близка минута,
Когда любовь захочетъ онъ найти
Вездѣ—и, ахъ, ни въ комъ ея не сыщеть.
И мнѣ теперь его оставить? Нѣтъ,
То было бы настолько же постыдно,
Насколько бы въ глазахъ моей земли
Я выросла, убивъ его во блескѣ
Величія! Но я не создана
Ни для того, ни для другого. Если бъ
Его спасти могла я, возрасла бъ
Во мнѣ любовь къ самой себѣ, а это
Такъ нужно мнѣ: я въ собственныхъ глазахъ
Упала такъ, отдавшись иноземцу.
И между тѣмъ я, кажется, его
Люблю сильнѣй за то, что ненавиdimъ

Онъ варварскимъ народомъ, искони
Врагомъ всего, въ чемъ кровь Эллады
льется!

О, если бъ я могла въ него вдохнуть
Хотя одно изъ чувствъ, одушевлявшихъ
Фригійскія войска, когда они
Сражались межъ моремъ и Пергамомъ,
Какъ доблестно повергнулъ бы во прахъ
И растопталъ онъ варваровъ мятежныхъ!
Его душа мнѣ отдана, и я
Его люблю: раба владыку любить
И вся полна желанья снять съ него
Пороковъ гнетъ... А если не удастся—
Есть у меня еще къ свободѣ путь!
Не научу, какъ царствовать онъ долженъ—
То покажу, какъ оставлять престолъ
Обязанъ царь! Иду слѣдить за милымъ!
(Уходитъ).



ДРЕВНЕ-АССИРІЙСКОЕ ИСКУССТВО. (Гиря).



ДРЕВНЕ-АССИРІЙСКОЕ ИСКУССТВО.

(Изъ барельефовъ Британскаго музея; голова лошади, везущей колесницу Сардананала).

Д Ъ Й С Т В І Е В Т О Р О Е.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Передняя часть той же залы.

БЕЛЕЗИСЪ (одинъ).

Оконченъ день; мнѣ кажется, что солнце
Медлительнѣй заходитъ, точно жаль
Ему навѣкъ съ Ассиріей разстаться.
Въ какой зловѣщій пурпуръ облеклись
Его лучи средь этихъ тучъ суровыхъ!
То крови цвѣтъ, которую они
Вѣщаютъ намъ! О, солнце, ты, на отдыхъ
Идущее, вы, звѣзды, въ небесахъ
Встающія—когда не бесполезно
Я наблюдалъ движеніе вашихъ тѣлъ,
У васъ въ лучахъ читая приговоры
Столь страшные, что время, видя, съ чѣмъ
Оно идетъ къ народамъ, трепетало
За ихъ судьбу; когда вы правду мнѣ
Повѣдали—последнія минуты
Ассиріи пробили. А межъ тѣмъ,

Какъ тихо все! Такой грозѣ великой
Предшествовать должно бѣ землетрясеніе,
Не тихій свѣтъ заката. Этотъ дискъ
Является халдею-звѣздочету
Безсмертною страницей, и на ней
Читаетъ онъ конецъ того, что людямъ
Казалось безконечнымъ. Но, о солнце
Правдивое, ты, жизни міровой
Пылающій оракулъ, ты, источникъ
Всего существованія и символъ
Того, кому существованіемъ этимъ
Обязанъ міръ, ужели вѣчно ты
Вѣщателемъ лишь золь и бѣдствій будешь?
Ужели ты не приведешь съ собой
Дней, болѣе достойныхъ появленія
Чудеснаго, изъ глубины морской
Твоихъ лучей? Ужель ни на минуту
Надеждою для будущихъ вѣковъ
Ты не блеснешь, какъ блещешь только
гнѣвомъ
Для нашихъ дней? Внемли мнѣ, о внемли!

Я твой слуга, твой жрецъ и твой
поклонникъ!
Я каждый день смотрѣлъ на твой восходъ
И твой закатъ; я предъ твоимъ сіяньемъ
Склонялъ главу въ полдневный часъ, когда
Мои глаза смотрѣть не смѣли прямо
Въ твоё лицо; я за тобой слѣдилъ
Всегда, вездѣ, тебѣ молился, жертвы
Тебѣ свершалъ, и съ трепетомъ читалъ
Въ твоихъ лучахъ, и спрашивалъ отвѣта—
И ты его давало, но увь,
Какой отвѣтъ! Еще я рѣчь не кончилъ,
А ужъ оно склоняется—зашло—
И лишь красу свою, но не премудрость,
Оставило на западѣ, и онъ
Восторженно ликуеть въ пышномъ блескѣ
Умершаго сіянія. Но что жъ
И наша смерть, когда она со славой
Свершается, какъ не такой закатъ?
И не должны ль считать за счастье люди
Что имъ дано хоть смертью походить
На божество?

Входитъ АРБАКЪ.

АРБАКЪ.

Какъ въ набожныя думы
Ты погруженъ! Твой напряженный взглядъ
Не хочетъ ли, вслѣдъ за ушедшимъ богомъ,
Проникнуть въ міръ еще сокрытыхъ дней?
Намъ ночь нужна—и ночь ужъ наступила.

БЕЛЕЗИСЪ.

Но не прошла.

АРБАКЪ.

Пусть двигается: мы

Готовы.

БЕЛЕЗИСЪ.

Да... О, если бъ миновала
Уже она!

АРБАКЪ.

Въ сомнѣніи пророкъ,
Которому и звѣзды съ неба блещутъ
Побѣдою?

БЕЛЕЗИСЪ.

Ахъ, не побѣда мнѣ
Сомнѣніе внушаетъ—побѣдитель.

АРБАКЪ.

Ужъ это ты наукою своей
Развѣдывай. А у меня покамѣстъ
Такой запасъ блестящихъ пикъ готовъ,
Что всѣ твои союзники планеты
Померкнуть передъ ними. Насъ теперь
Остановить уже ничто не можетъ.
Нашъ баба-царь—нѣтъ, менѣ чѣмъ баба,—
Теперь себѣ изволить по рѣкѣ

Разгуливать съ дѣвчонками своими,
А между тѣмъ Евфратскій павильонъ
Приказано для пиршества готовить.
Но первая же чаша, что въ себя
Вольетъ онъ тамъ, послѣдней станетъ
чашей

Для племени Немврода!

БЕЛЕЗИСЪ.

Это былъ

Могучій родъ!

АРБАКЪ.

И сталъ безсильнымъ, ветхимъ.
Мы обновимъ, возстановимъ...

БЕЛЕЗИСЪ.

И ты

Увѣренъ въ томъ?

АРБАКЪ.

Его родоначальникъ
Былъ звѣроловъ, а я солдатъ; чего жъ
Бояться намъ?

БЕЛЕЗИСЪ.

Солдата.

АРБАКЪ.

И, быть можетъ,
Еще жреца. Но если у тебя
Такая мысль, такъ отчего же лучше
Вамъ вашего царя наложницъ здѣсь
Не сохранить? Къ чему ты такъ старался
Меня подбить? Къ чему втянулъ меня
Ты въ заговоръ, принадлежащій столько жъ
Тебѣ, какъ мнѣ?

БЕЛЕЗИСЪ.

Взгляни на небеса.

АРБАКЪ.

Гляжу.

БЕЛЕЗИСЪ.

И что жъ?

АРБАКЪ.

Я вижу лѣтній сумракъ
Плѣнительный и хоръ встающихъ звѣздъ.

БЕЛЕЗИСЪ.

Замѣть межъ нихъ одну—вонъ ту, что раньше
Другихъ зажглась, и блещетъ ярче всѣхъ,
И такъ дрожить, какъ будто хочетъ мѣсто
Перемѣнить въ эфирѣ голубомъ.

АРБАКЪ.

Что жъ далѣе?

БЕЛЕЗИСЪ.

Она—руководитель
Твоей судьбы: подъ этою звѣздой
Ты родился.

С А Р Д А Н А П Л И Т Ъ.

АРБАКЪ (*ударяя ко мечу*).

Моя звѣзда вотъ въ этихъ
Ножнахъ лежить; когда она сверкнетъ —
Предъ ней должны померкнуть всѣ кометы!
Подумаемъ-ка лучше, что теперь
Намъ совершить, чтобъ оправдать предвѣстья
Твоихъ планетъ. Удастся одержать
Побѣду намъ—мы имъ настроимъ храмовъ,
Дадимъ жрецовъ, тебѣ же—санъ жреца
Верховнаго боговъ, какихъ захочешь
Ты выбрать самъ: я замѣчалъ всегда,
Что боги справедливы и храбрѣйшихъ
За набожныхъ всегда признаютъ.

БЕЛЕЗИСЪ.

Да,

И набожныхъ храбрѣйшими считаютъ.
Видалъ ли ты когда-нибудь меня
Бѣгущимъ изъ сраженья?

АРБАКЪ.

Нѣтъ, я знаю,
Что въ битвахъ ты, какъ вавилонскій вождь
На столько жъ храбръ, на сколько ты ис-
кусный
Халдейскій жрецъ. Теперь пришла пора
Забить жреца и сдѣлаться солдатомъ.
Согласенъ ли?

БЕЛЕЗИСЪ.

А отчего жъ не быть
Тѣмъ и другимъ?

АРБАКЪ.

Тѣмъ лучше. Я, однако,
Почти стыжусь, что дѣла предстоитъ
Такъ мало намъ. Война съ бабьемъ—без-
честье

Снискавшему побѣду. Низложить
Надменнаго, свирѣпаго тирага,
Схватиться съ нимъ, скрестивши мечъ съ
мечомъ—

Вотъ это бой почетный, побѣдишь ли,
Иль упадешь. Но подымать свой мечъ
На этого червя—быть можетъ, слышать
И пискъ его...

БЕЛЕЗИСЪ.

Не думай такъ о немъ:
Въ его душѣ есть нѣчто, съ чѣмъ, пожалуй,
Тебѣ придется побороться. Но
Будь онъ и тѣмъ, чѣмъ ты его считаешь,
Придется вѣдь со стражею его
И съ ихъ вождемъ, суровымъ Салеменомъ,
Помѣряться...

АРБАКЪ.

Они не устоятъ.

БЕЛЕЗИСЪ.

Да отчего жъ? они солдаты.

АРБАКЪ.

Правда,

И оттого солдату надо быть
И ихъ вождемъ.

БЕЛЕЗИСЪ.

А Салемень-то кто же?

АРБАКЪ.

Да, это такъ, но царь-то ихъ каковъ?
Притомъ же князь, я знаю, эту бабу,
Сидящую на тронѣ, ненавидитъ
Изъ-за своей сестры. Какъ будто ты
Не замѣчалъ, что онъ всегда въ сторонкѣ
Отъ всѣхъ пировъ?

БЕЛЕЗИСЪ.

За то въ совѣтъ онъ
Ни одного собранья не пропуститъ.

АРБАКЪ.

И голосъ тамъ никто съ нимъ заодно
Не подаетъ... Все, кажется, склонилось.
Чтобъ обратить его въ бунтовщика:
На тронѣ—шутъ, сестра его родная
Поругана, самъ тоже загнанъ онъ...
Чего жъ еще? Да, право, мы какъ будто
Мстить за него собрались.

БЕЛЕЗИСЪ.

Ахъ, когда-бъ
Склонить его такъ думать. Сомнѣваюсь
Я сильно въ томъ.

АРБАКЪ.

Пощупать бы его!
Какъ думаешь?

БЕЛЕЗИСЪ.

Да, если будетъ случай.

Входитъ БАЛЕА.

БАЛЕА.

Сатрапы! царь желаетъ видѣть васъ
На пиршествѣ сегодняшнемъ.

БЕЛЕЗИСЪ.

Услышать

Приказъ царя и выполнить его—
Для насъ одно и то же. Въ павильонѣ?

БАЛЕА.

Нѣтъ, во дворцѣ.

АРБАКЪ.

Какъ, во дворцѣ! Приказъ
Иной былъ данъ.

БАЛЕА.

Теперь перемѣнили.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ БАЙРОНА.

АРБАКЪ.

Но почему?

БАЛЕА.

Не знаю. Я могу

Итти?

АРБАКЪ.

Постой.

БЕЛЕЗИСЪ (*тихо Арбаку*).

Оставь—пускай уходитъ.

Да, Балеа, благодари царя

И поцѣлуй края его одежды,

И доложи, что мы, его рабы,

Придемъ собирать тѣ крохи, что угодно

Ему кидать отъ царскаго стола.

Вѣдь въ полночь?

БАЛЕА.

Да, а мѣсто пира—зала

Немвродова. Вельможи, низко вамъ

Я кланяюсь и съ этимъ удаляюсь.

(*Уходитъ*).

АРБАКЪ.

Не нравится мнѣ это измѣненіе

Внезапное; тутъ что-нибудь да есть:

Къ чему бы сталъ перемѣнять онъ мѣсто?

БЕЛЕЗИСЪ.

Да у него вѣдь каждый день и часъ

Сто перемѣнъ! Нѣтъ ничего на свѣтѣ

Причудливѣе лѣни; для своихъ

Намѣреній такіе избираетъ

Она пути, какими не идетъ

Военный вождь, когда врага желаетъ

Онъ съ толку сбить. О чемъ ты это вдругъ

Задумался?

АРБАКЪ.

Онъ павильонъ Евфратскій

Всегда любилъ. Веселый этотъ домъ

Любимѣйшей изъ лѣтнихъ резиденцій

Былъ у него...

БЕЛЕЗИСЪ.

Онъ и жену любилъ

И, рядомъ съ ней, три тысячи наложницъ:

Онъ все любилъ поочередно, все—

Въ немилости остались только мудрость

И слава.

АРБАКЪ.

Да! однако жъ... Это мнѣ

Не по сердцу... Но если измѣнилъ онъ

Свой планъ, то мы должны вѣдь тоже свой

Перемѣнить. Не трудной было штукой

Напасть въ шатръ уединенномъ, гдѣ

Нѣтъ никого, помимо сонной стражи

И пьяныхъ царедворцевъ; въ залѣ жъ

Немвродовой...

БЕЛЕЗИСЪ.

Такъ вотъ что! Мнѣ казалось,

Что ты, солдатъ надменный, находилъ

Путь къ этому престолу слишкомъ легкимъ—

И вотъ теперь, когда передъ тобой

Есть нѣсколько ступенекъ большескользящихъ

Чѣмъ ждали мы, уже въ смущеніи ты?

АРБАКЪ.

Пусть часъ придетъ—и ты тогда узнаешь,

Боюсь ли я. Не разъ въ твоихъ глазахъ

Я жизнь мою бросалъ на ставку бодро

И весело; но здѣсь ужъ не на жизнь

Идетъ игра; тутъ ставка поважнѣе—

Престолъ царя.

БЕЛЕЗИСЪ.

И выиграешь ты,

Какъ я тебѣ предсказывалъ. Смѣлѣе жъ!

Счастливый путь!

АРБАКЪ.

Будь прорицатель я

Такой, какъ ты, себѣ я точно то же бъ

Предвозвѣстилъ. Нобудь, чтобудетъ,—звѣздъ

Ослушаться нельзя. Не смѣю спорить

Ни съ ними я, ни съ ихъ жрецомъ. Кто

тутъ?

Входитъ САЛЕМЕНЪ.

САЛЕМЕНЪ.

Сатрапы!

БЕЛЕЗИСЪ.

Князь!

САЛЕМЕНЪ.

Вотъ кстати! Васъ обоихъ

Давно ищу, но во дворцѣ найти

Не ожидалъ.

АРБАКЪ.

А почему?

САЛЕМЕНЪ.

Урочный

Часъ не насталъ.

АРБАКЪ.

Урочный часъ! Какой?

САЛЕМЕНЪ.

Полночный часъ.

АРБАКЪ.

Полночный?

САЛЕМЕНЪ.

Вы же вѣрно

Приглашены?

С А Р Д А Н А П А Л Ъ.



*Историческій Сарданапалъ (Ашур-бани-палъ) въ памятникахъ древне-ассирійскаго искусства.
БОРЬБА САРДАНАПАЛА СЪ ЭЛАМИТСКИМЪ ЦАРЕМЪ ТІУМАНОМЪ.
(Изъ барельефовъ Британскаго музея; фотографія Mansell & Co въ Лондонъ; воспроизведено здѣсь
съ особаго разрѣшенія этой фирмы).*

ВЕЛЕЗИСЪ.

Ахъ, точно!—вѣдь совсѣмъ
Забыли мы.

САЛЕМЕНЪ.

О царскомъ приглашеньи
Давно ль вошло въ обычай забывать?

АРБАКЪ.

Но... мы его недавно получили...

САЛЕМЕНЪ.

Такъ отчего жъ вы остаетесь здѣсь?

АРБАКЪ.

По должности.

САЛЕМЕНЪ.

Какой же?

АРБАКЪ.

Нашей службы.

Намъ во дворецъ свободный доступъ данъ
Во всѣ часы. Пришли, но государя
Не застаемъ.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ВАЙРОНА.

САЛЕМЕНЬ.
И я: я тоже здѣсь
По должности.
АРБАКЪ.
Позволено ль проникнуть
Намъ въ цѣль ея?
САЛЕМЕНЬ.
Арестовать двоихъ
Измѣнниковъ. Эй, стража! Ваши сабли,
Сатрапы!
БЕЛЕЗИСЬ.
Князь, вотъ мечъ мой.
АРБАКЪ (обнажая свой мечъ).
Вотъ и мой,
Возьми его.
САЛЕМЕНЬ (протягивая руку).
Беру.
АРБАКЪ.
Но рукоятку
Не выпустить рука моя. Тебѣ—
Одинъ клинокъ, и въ грудь твою.
САЛЕМЕНЬ (обнажая свой мечъ).
Ты смѣешь
Противиться? Отлично! Это насъ
Отъ ложнаго избавить милосердыя
И отъ суда. Солдаты, зарубить
Мятежника!
АРБАКЪ.
Солдаты! Да, одинъ бы
Ты не посмѣлъ...
САЛЕМЕНЬ.
Одинъ! Безумный рабъ!
Да чтожъ въ тебѣ такого, передъ чѣмъ бы
Князь отступилъ въ бою открытомъ? Нѣтъ,
Страшимся мы твоей измѣны только—
Не храбрости. Твой зубъ для насъ ничто
Безъ яда, въ немъ сокрытаго: змѣиный—
Не львиный зубъ... Рубить его!
БЕЛЕЗИСЬ.
Арбакъ!
Въ умѣ ли ты? Вѣдь я же отдалъ саблю!
Царь справедливъ—довѣримся ему.
АРБАКЪ.
Нѣтъ, я скорѣй твоимъ звѣздамъ довѣрюсь
И этой вотъ рукѣ—умру царемъ
Моей души и тѣла, не позволивъ
Ихъ заковать другому никому.
САЛЕМЕНЬ (стражамъ).
Вы слышали, что онъ и я сказали?
Убить его!

(Стража нападаетъ на Арбака, но тотъ мужественно защищается и заставляетъ ее отступить).

Такъ вотъ вы каковы!
Такъ, стало быть, я долженъ обратиться
Самъ въ палача? Бездѣльники! Ну, вотъ,
Учитесь, какъ съ измѣнникомъ справляться!
(Нанадаетъ на Арбака).

Входитъ САРДАНАПАЛЬ со свитой.

САРДАНАПАЛЬ.
Что это? Стой, коль жизнь вамъ дорога!
Стой, говорю! Вы пьяны или глухи?
Гдѣ мечъ мой? Ахъ, безумецъ, вѣдь меча
Я не ношу!..

(Одному изъ стражей).
Пріятель, одолжи-ка
Мнѣ свой ты мечъ!
(Вырываетъ у него саблю и разединяетъ
ею сражающихся).

Какъ? у меня въ дворцѣ?
Что мнѣ теперь перерубить мѣшаетъ
Двухъ забіякъ нахальныхъ?

БЕЛЕЗИСЬ.
Государь,
Будь справедливъ.

САЛЕМЕНЬ.
Иль слабъ.
САРДАНАПАЛЬ (поднимая мечъ).
Ты смѣешь?

САЛЕМЕНЬ.
Что же?
Рази меня! Я буду радъ упасть,
Коль вслѣдъ за мной падетъ измѣнникъ
гнусный,
Котораго на нѣсколько минутъ
Ты пощадилъ, конечно, лишь для пытки?

САРДАНАПАЛЬ.
Его? Его? Кто смѣетъ обвинять
Арбака?

САЛЕМЕНЬ.
Я

САРДАНАПАЛЬ.
Князь, ты забылся. Кто же
Тебѣ далъ право...
САЛЕМЕНЬ (указывая на перстень).

Ты.
АРБАКЪ (въ смущеніи).
А! царскій перстень!

САРДАНАПАЛЬ.

САЛЕМЕНЬ.

Да.

И пусть теперь царь это полномочье
Самъ подтвердитъ.

САРДАНАПАЛЬ.

Я перстень снялъ съ руки
Не для того.

САЛЕМЕНЬ.

Для самосохраненья
Ты снялъ его. И мною съ пользой онъ
Употребленъ. Теперь будь самъ судьей.
Здѣсь я—твой рабъ, назадъ минуту былъ
Намѣстникъ твой.

САРДАНАПАЛЬ.

Ну, такъ вложите оба
Мечи въ ножны.
(Арбакъ и Салемень исполняютъ приказъ).

САЛЕМЕНЬ.

Мой спрятанъ, но держи,
Молю тебя, свой на-голо: онъ нынѣ
Единственный надежный скипетръ твой.

САРДАНАПАЛЬ.

Тяжелый скиптръ. Да и эфесомъ руку
Онъ ранилъ мнѣ...

(Одному изъ воиновъ).

Возьми-ка, братъ, себѣ
Свое добро. Ну что же означаетъ
Все это?

БЕЛЕЗИСЬ.

Пусть на то отвѣтитъ князь.

САЛЕМЕНЬ.

Со стороны моей—любовь и вѣрность,
Съ ихъ стороны—измѣну.

САРДАНАПАЛЬ.

Что? Измѣна
И—Белезись! Измѣна—и Арбакъ!
Въ такой союзъ повѣрить не могу я.

БЕЛЕЗИСЬ.

Ты доказать обязанъ...

САЛЕМЕНЬ.

Докажу,
Какъ скоро царь у твоего собрата
Измѣнника отыметъ мечъ.

АРБАКЪ.

Тотъ мечъ,
Что на враговъ монарха обнажался—
Ты знаешь самъ—не рѣже твоего?

САЛЕМЕНЬ.

И вотъ теперь на брата обнажился,

А черезъ часъ на самого царя
Подымется.

САРДАНАПАЛЬ.

Нѣтъ, это невозможно,
Онъ не дерзнетъ. Нѣтъ, о такихъ вещахъ
Я не хочу и слышать. Эти ссоры
Нелѣпыя рождаются при дворахъ
Отъ гнуснаго соперничества гнусныхъ
Наемниковъ, которые живутъ
Лишь клеветой на правоту и честность.
Братъ, кѣмъ-нибудь обмануть ты.

САЛЕМЕНЬ.

Сперва
Пусть онъ отдастъ тебѣ свой мечъ и этимъ
Пусть подданство докажетъ, а потомъ
Я все скажу.

САРДАНАПАЛЬ.

Да если бъ мысль такая
Могла придти мнѣ въ голову... Но нѣтъ—
Не можетъ быть... Арбакъ, суровый, вѣр-
ный
Прямой солдатъ—онъ лучшій изъ вождей,
Какіе есть и были въ нашемъ войскѣ.
Нѣтъ, я такой обиды не могу
Ему нанести: я не могу рѣшиться
Отнять тотъ мечъ, который онъ не сдалъ
Моимъ врагамъ ни разу. Полководецъ,
Храни свое оружие.

САЛЕМЕНЬ.

Государь,
Вотъ перстень твой.

САРДАНАПАЛЬ.

Нѣтъ, пусть онъ остается
Въ твоихъ рукахъ. Но пользоваться имъ
Прошу тебя посдержанный, помягче.

САЛЕМЕНЬ.

Я бралъ его, чтобъ честь твою спасти,
А честь моя велитъ отдать обратно.
Вручи его Арбаку.

САРДАНАПАЛЬ.

Такъ бы мнѣ
И поступить; но онъ о томъ ни разу
Не попросилъ.

САЛЕМЕНЬ.

О, получить его
Съумѣетъ онъ, конечно, и безъ этой
Почтительности напускной.

БЕЛЕЗИСЬ.

Понять
Я не могу, изъ-за чего такъ сильно
Князь возстаетъ на двухъ такихъ людей,
Которые заботятся о благѣ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ВАЙРОНА.

Ассирии сильнѣй, чѣмъ кто-нибудь
Изъ подданныхъ.

САЛЕМЕНЪ.

Молчи, измѣнникъ-воинъ,
Лукавый жрецъ! Ты совмѣстилъ въ себѣ
Гнуснѣйшіе пороки двухъ сословіи
Опаснѣйшихъ. Побереги слова
Медовыя и гаерскія рѣчи
Для тѣхъ, кому не удалось еще
Тебя узнать. Товарищъ твой по дѣлу
Преступному по крайней мѣрѣ смѣлъ
И чуждъ тѣхъ штукъ, которымъ научился
Въ Халдеѣ ты.

БЕЛЕЗИСЪ.

Ты слышишь, государь,
Ваала сынъ! Хулить онъ святотатно
Религію страны, твоимъ отцамъ
Молящейся.

САРДАНАПАЛЪ.

О, этотъ грѣхъ ты можешь
Ему простить! Молиться мертвецамъ—
Ненужный трудъ. Я и себя считаю
За смертнаго, и убѣжденъ, что родъ,
Мнѣ давшій жизнь, не больше и не меньше,
Какъ то, что глазъ мой видитъ—то-есть
прахъ.

БЕЛЕЗИСЪ.

Нѣтъ, государь, они живутъ на звѣздахъ
И...

САРДАНАПАЛЪ.

Ежели ты проповѣдь свою
Не прекратишь, то прежде чѣмъ сегодня
Онъ взойдутъ, пожалуй, полетишь
И ты туда... Вотъ это такъ измѣна!

САЛЕМЕНЪ.

Мой государь!

САРДАНАПАЛЪ.

Мнѣ проповѣдь читать,
Какъ должно чтить кумировъ ассирійскихъ!
Свободенъ ты! Отдайте мечъ ему!

САЛЕМЕНЪ.

Мой царь, мой вожь, мой братъ, я умоляю,
Повремени еще немного!

САРДАНАПАЛЪ.

Да,

Чтобъ оглупѣть, чтобы въ конецъ оглохнуть
Отъ этихъ всѣхъ торжественныхъ рѣчей
О мертвецахъ, Ваалѣ, всевозможныхъ
Халдейскихъ звѣздныхъ тайнахъ...

БЕЛЕЗИСЪ.

Государь,

Чти звѣзды!

САРДАНАПАЛЪ.

О, за звѣзды ты не бойся—

Я ихъ люблю. Люблю смотрѣть, когда
Онъ блестятъ на темно-синемъ сводѣ,
И сравнивать съ глазами Мирры ихъ;
Люблю слѣдить, какъ ихъ лучи играютъ
На серебрѣ трепещущемъ Евфрата
Въ часы, когда полночный вѣтерокъ
Рябитъ рѣку-красавицу и стонетъ
Межъ тростника, стоящаго каймой
Вдоль береговъ. Но боги ль эти звѣзды,
Какъ говорятъ иные, храмы ль ихъ,
Какъ думаютъ другіе, или просто
Свѣтильники ночные, иль міры,
Иль свѣтъ міровъ—не знаю и развѣдать
Не хлопочу. Въ невѣдѣннѣ моемъ
Какая-то особенная сладость,
Которую не промѣняю я
На вашу всю халдейскую премудрость!
Да и притомъ, какъ будто о звѣздахъ
Не знаю я всего, что можетъ знать
Плоть брeнная о томъ, что существуетъ
Надъ нею ли, подъ нею ль?—ничего!
Я вижу ихъ сіянье, ощущаю
Ихъ красоту; когда же озарятъ
Онъ мою могилу—я не буду
Знать ничего.

БЕЛЕЗИСЪ.

На мѣсто „ничего“

Скажи: знать буду „лучше“.

САРДАНАПАЛЪ.

Если хочешь,

Я этого всезнанья стану ждать.
А между тѣмъ возьми свой мечъ обратно,
И знай, что я священству твоему
Воинственность твою предпочитаю,
Хотя ни то и ни другое мнѣ
Не по сердцу.

САЛЕМЕНЪ (въ сторону).

Онъ отъ развратной жизни
Съ ума сошелъ. Мой долгъ—спасти его
Наперекоръ ему.

САРДАНАПАЛЪ.

Теперь, сатрапы,

Послушайте, особенно же ты,
Мой жрецъ, кому я меньше довѣряю,
Чѣмъ воину, и вовсе бѣ довѣрять
Не сталъ, когда бѣ на половину не былъ
Ты воиномъ: я съ миромъ отпустить
Желаю васъ—не говорю съ прощеньемъ;
Его даютъ виновнымъ лишь, а васъ
Виновными признать я не рѣшаюсь,
Хотя вполне зависитъ ваша жизнь
Отъ моего дыханья и—что хуже



Историческій Сарданапалъ (Ашуръ-бани-палъ) въ памятникахъ древне-ассирійскаго искусства.

САРДАНАПАЛЪ УБИВАЕТЪ ЛЬВА.

(изъ Куюнджикскихъ барельефовъ въ Британскомъ музее).

Еще для васъ—отъ страха моего.
Вамъ нечего, однако, опасаться:
Я мягокъ, да, но страха нѣтъ во мнѣ,
Поэтому—живите. Будь такимъ я,
Какимъ меня считаютъ,—изъ головъ
У васъ двоихъ послѣднюю струю
Теперь бы кровь преступная съ верхушки
Воротъ дворца текла въ сухую пыль—
Единственную долю въ государствѣ,
Прельщавшемъ ихъ, какая бы могла
Достаться имъ. Но этого не будетъ.
Я не хочу, какъ прежде ужъ сказалъ,
Винновыми признать васъ иль безвинно
Васъ осудить. Людьми получше васъ,
Да и меня, обвинены вы нынче,
И предоставъ я вашу участь судьямъ,
Побольше суровымъ, и уликамъ
Различнѣйшимъ — пожалуй, мнѣ бъ при-
шлось
Пожертвовать двумя людьми такими,
Которые—чего ни говори
О нихъ теперь—когда-то были честны.
Сатрапы, вы свободны.

АРБАКЪ.

Государь,

Великая такая милость...

белезись (перевивая его).

Милость,

Достойная тебя, и мы, хотя

Невинные, благодаримъ...

САРДАНАПАЛЪ.

Для Бела

Побереги благодаренья, жрецъ,

А сынъ его въ нихъ нужды не имѣетъ.

белезись.

Но такъ какъ мы невинны...

САРДАНАПАЛЪ.

Замолчи!

Винновность громогласна. Если точно

Невинны вы, то вамъ нанесена

Обида здѣсь, и стало быть, должны вы

Печалиться, а не благодарить.

белезись.

Да, это такъ, будь спутникомъ всегдашнимъ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ БАЙРОНА.

Могущества земного—правота;
Но сколько разъ невинность заставляетъ
Ея права за милость принимать!

САРДАНАПАЛЪ.

Мысль недурна! Для проповѣди очень
Годилась бы—не кстати только здѣсь.
А ты ее побереги на случай,
Когда тебѣ монарха твоего
Отстаивать придется предъ народомъ.

БЕЛЕЗИСЪ.

Для этого, я полагаю, нѣтъ
Совсѣмъ причинъ.

САРДАНАПАЛЪ.

Причинъ-то нѣтъ, пожалуй—
Причинники найдутся. Если ты
Кого-нибудь изъ нихъ случайно встрѣтишь
Здѣсь на землѣ въ то время, какъ несешь
Служебную обязанность, иль въ небѣ,
Въ таинственномъ мерцаніи звѣзды
О нихъ прочтешь—прошу тебя замѣтить,
Что межъ землей и небомъ люди есть
Зловреднѣе того, кто, управляя
Милльонами, не губить никого,
И, самого себя не ненавидя,
Къ другимъ людямъ, однако же, настолько
Расположенъ, что даже тѣхъ щадить,
Которые его не пощадили бѣ,
Стань вдругъ они владыками надъ нимъ.
Но этому едва ли быть... Сатрапы!
И сами вы свободны, и мечи
Употреблять вольны, какъ захотите;
Но съ этихъ поръ ни къ вамъ, ни къ нимъ
ни разу
Я больше не прибѣгну. Салемень,
Иди за мной.

(Сарданапалъ, Салемень и свита уходятъ).

АРБАКЪ.

Ну, Белезисъ!

БЕЛЕЗИСЪ.

Что скажешь?

АРБАКЪ.

Пропали мы.

БЕЛЕЗИСЪ.

Нѣтъ, царство—наше.

АРБАКЪ.

Какъ?

Когда въ такомъ серьезномъ подозрѣнн
Остались мы; когда на волоскѣ
Надъ нами мечъ колеблется, готовый
Обрушиться отъ дуновения устъ
Властителя, который насъ съ тобою
Не погубилъ—не знаю почему?

БЕЛЕЗИСЪ.

И узнавать не хлопочи. Намъ должно
Воспользоваться временемъ. Оно
Еще у насъ, и сила наша—та же.
И та же ночь, которую давно
Избрали мы. Одно лишь измѣнилось:
Отсутствіе всѣхъ подозрѣнн онъ
Въ наглядную такую несомнѣнность
Вдругъ превратилъ, что медлитъ намъ еще—
Безуміе.

АРБАКЪ.

Однако...

БЕЛЕЗИСЪ.

Какъ, все то же

Сомнѣніе?

АРБАКЪ.

Онъ даровалъ намъ жизнь,—
Онъ даже спасъ ее отъ Салемена.

БЕЛЕЗИСЪ.

Надолго ли такая доброта?
Пока не пьянъ.

АРБАКЪ.

Пока не трезвъ, вѣрнѣе.
Но все-таки столь благородно онъ
Насъ пощадилъ, такъ царственно оставилъ
Намъ то, что мы могли бы потерять
Позорно такъ...

БЕЛЕЗИСЪ.

Скажи вѣрнѣй—такъ храбро!

АРБАКЪ.

Отчасти то, отчасти это... Но
Я тронуть имъ и—что бы ни случилось—
Остановлюсь.

БЕЛЕЗИСЪ.

И потеряешь міръ!

АРБАКЪ.

Теряйся все—пусть только уваженъ
Останется къ себѣ!

БЕЛЕЗИСЪ.

Краснѣю я,

Подумавши, что жизнью нашей будемъ
Одолжены мы этому царю
Веретена!

АРБАКЪ.

Но тѣмъ не меньше ею
Одолжены мы именно ему,
И сталъ бы я краснѣть гораздо больше,
Сгубивъ того, кто былъ спаситель мой.

БЕЛЕЗИСЪ.

Терпи себѣ, пожалуй, сколько хочешь;
Но звѣзды мнѣ иное говорятъ.

С А Р Д А Н А П А Л Ъ.

АРБАКЪ.

Хотя бѣ онѣ сошли теперь на землю
И всѣмъ своимъ сіяньемъ стали мнѣ
Указывать дорогу—не пошелъ бы
Я имъ во слѣдъ.

БЕЛЕЗИСЪ.

То слабость духа, да,
Плачевнѣ боязни старой бабы,
Все бредящей про смерть и въ темнотѣ
Сомкнуть глаза несмѣющей... Досадно,
Ей-ей, смотрѣть!

АРБАКЪ.

Когда онѣ говорилъ,
Казалось мнѣ—Немвродъ передо мною.
Онѣ походилъ на статую царя,
Стоящую во храмѣ горделиво
Владыкою среди другихъ царей
И божествомъ межъ остальныхъ, служащихъ
Простыми украшениями.

БЕЛЕЗИСЪ.

Давно

Я говорю, что слишкомъ ужъ далеко
Ты заходилъ въ презрѣніи къ нему,
Что царственность какая-то безспорно
Осталась въ немъ. Ну что же? тѣмъ онѣ
врагъ

Достойнѣ.

АРБАКЪ.

И тѣмъ мы недостойнѣй.
Ахъ, если бы онѣ насъ не пощадилъ!

БЕЛЕЗИСЪ.

Да что, скажи, и въ правду такъ охотно
Ты отдалъ бы себя на жертву?

АРБАКЪ.

Нѣтъ;

Но лучше смерть, чѣмъ жить неблагодар-
нымъ.

БЕЛЕЗИСЪ.

Вотъ каковы инья души! Ты
Задумалъ то, что прозвали иные
Измѣною, а дураки зовутъ
Нарушенною клятвой—и смотри-ка,
Изъ за того, что этотъ дикій бражникъ,
Имѣя ли причину, или такъ,
Безъ повода, хвастливо помѣстился
Между тобой и Салеменомъ, ты—
Сказать ли мнѣ?—ты сталъ Сарданапаломъ!
Названія позорнѣе никакъ
Не приберу.

АРБАКЪ.

Еще за часъ, не дальше,
Дерзнулъ бы мнѣ такое имя дать

Лишь тотъ, кому легко разстаться съ жизнью;
Теперь же я простилъ тебѣ, какъ онѣ
И намъ простилъ. Сама Семирамида
Не сдѣлала бы этого.

БЕЛЕЗИСЪ.

Она

Товарища въ правленіи не любила,
Хоть будь онѣ мужъ.

АРБАКЪ.

Мой долгъ—ему служить
И вѣрою, и правдой.

БЕЛЕЗИСЪ.

И смиренно?

АРБАКЪ.

Нѣтъ, съ гордостью, какъ честный человѣкъ.
Къ престолу я отнынѣ буду ближе,
Чѣмъ ты къ звѣздамъ,—и если не такимъ
Заносчивымъ, то болѣе высокимъ.
Ты поступай, какъ знаешь: у тебя
Вѣдь есть на то и таинства, и книги,
И выводы науки о добрѣ
И злѣ, чего я вовсе не имѣю
И потому обязанъ поступать
Такъ, какъ меня простое сердце учить.
Теперь меня ты знаешь.

БЕЛЕЗИСЪ.

Кончилъ ты?

АРБАКЪ.

Съ тобою—да.

БЕЛЕЗИСЪ.

И, можетъ быть, намѣренъ
Меня предать, какъ кинулъ?

АРБАКЪ.

Думать такъ

Способенъ жрецъ, не воинъ.

БЕЛЕЗИСЪ.

Ну, пусть будетъ
По твоему. Окончимъ этотъ споръ,
И выслушай меня.

АРБАКЪ.

Нѣтъ, умъ твой хитрый
Опаснѣе фаланги.

БЕЛЕЗИСЪ.

Если такъ,
Я дѣйствую одинъ.

АРБАКЪ.

Одинъ?

БЕЛЕЗИСЪ.

На тронѣ
Для одного вѣдь только мѣсто есть.

АРБАКЪ.

Но занятъ онъ.

ВЕЛЕЗИСЪ.

Онъ меньше, чѣмъ не занятъ—
На немъ сидитъ презрѣнный... Вотъ, что я
Тебѣ скажу: ты знаешь, постоянно
Я былъ твоимъ помощникомъ, любилъ,
Поддерживалъ и поощрялъ тебя,
Служилъ тебѣ, въ надеждѣ услужить
Ассири, спасти ее. Казалось,
И небеса благоволили къ намъ,
Все дѣлалось по нашему, покамѣстъ
Вдругъ мягкостью постыдною твой духъ
Не занемогъ. Но ужъ теперь довольно
Быть зрителемъ томленій моего
Отечества: его освобожу я,
Иль жертвою тирана упаду.
Одно изъ двухъ: иль то и это вмѣстѣ,
Какъ иногда бываетъ; но пускай
Побѣдою окончу я—и станеть
Арбакъ моимъ слугой.

АРБАКЪ.

Твоимъ слугой?

ВЕЛЕЗИСЪ.

А почему жъ не такъ? Вѣдь это лучше,
Почетнѣе, я думаю, чѣмъ рабъ,
Прощенный рабъ Сарданапала-бабы!

Входитъ ПАНІА.

ПАНІА.

Сатрапы! Я съ приказомъ отъ царя.

АРБАКЪ.

Приказъ царя исполненъ нами прежде,
Чѣмъ выслушанъ.

ВЕЛЕЗИСЪ.

Но все-таки, скажи,
Въ чемъ дѣло?

ПАНІА.

Вамъ повелѣно—немедля,
Сегодня жъ въ ночь, отправиться въ свои
Сатрапіи.

ВЕЛЕЗИСЪ.

Съ войсками?

ПАНІА.

Повелѣнье

Касается сатраповъ лишь и свиты
Домашней ихъ.

АРБАКЪ.

Но...

ВЕЛЕЗИСЪ.

Мы повиноваться

Обязаны. Поди и доложи,
Что ѣдемъ мы.

ПАНІА.

Мнѣ велѣно при вашемъ
Присутствіи отъѣздить—не нести
Отъ васъ отвѣтъ.

ВЕЛЕЗИСЪ (*въ сторону*).

Такъ вотъ что!—За тобою
(*Вслухъ*).

Мы слѣдовать готовы.

ПАНІА.

Я иду,
Чтобъ поскорѣй вамъ приготовить стражу
Почетную, какъ требуетъ вашъ санъ,
И торопить не стану васъ, покамѣстъ
Послѣдній часъ отъѣзда не пробьеть.
(*Уходитъ*).

ВЕЛЕЗИСЪ.

Что жъ, и теперь покорность?

АРБАКЪ.

Безъ сомнѣнья.

ВЕЛЕЗИСЪ.

Да, до воротъ дворца, который намъ
Темницею содѣлался—не дальше.

АРБАКЪ.

Ты правъ. Теперь все это государство,
На всемъ его пространствѣ, для тебя
И для меня во всѣхъ углахъ зияеть
Темницами!

ВЕЛЕЗИСЪ.

Могилами!

АРБАКЪ.

Когда бъ
Я думалъ такъ, одной могилой больше
Мой добрый мечъ здѣсь вырылъ бы!

ВЕЛЕЗИСЪ.

Ему:

Достаточно придется поработать.
Но надобно надѣяться, что все
Уладится не такъ, какъ ты пророчишь..
Покамѣстъ же убраться послѣшимъ
Отсюда мы. Конечно, ты со мною
Согласенъ въ томъ, что это приказанье—
Нашъ приговоръ.

АРБАКЪ.

Какой же смыслъ иной
Въ немъ можетъ быть? Таковъ ужъ образъ
дѣйствій
У деспотовъ восточныхъ: миръ—и ядъ,
Прощеніе—и плаха, приглашеніе
Въ далекій путь отправиться, чтобъ тамъ—
Уснуть навѣкъ. Ужъ сколько вѣдь сатра-
повъ



Историческій Сардананалъ (Ашуръ-бани-палъ) въ памятникахъ древне-ассирійскаго искусства.
САРДАНАПАЛЪ НА ЛЬВИНОЙ ОХОТѢ.

Надпись верхней части: «Я, Ашурбанипалъ, царь міра, царь Ассиріи, схватилъ, испытывая при этомъ величайшее веселіе степного льва за хвостъ и раскромлъ ему черепъ мечомъ въ моей рукѣ съ помощью Ниниба и Цергала, въ честь боговъ моихъ помощниковъ». Надпись нижней части: «Я, Ашурбанипалъ, царь міра, царь Ассиріи, которому Ашуръ и Билу даровали могучія силы, убитъ четырёхъ львовъ. Могучій лукъ Иштары, владычицы битвъ, я вознесъ надъ ними и жертву вознесъ а надъ ними и совершилъ возліаніе надъ ними изъ вина».

(Изъ Курюнджикскихъ барельефовъ въ Британскомъ музее. Съ фотографіи W. A. Mansell & Co-ie въ Лондонъ; съ особаго разрѣшенія этой фирмы).

И плодъ ея. Быть можетъ, поступилъ я
Неправильно; но это заблужденіе
Не тяжело лежить на чувствѣ томъ,
Которое назвать я не умѣю;
Я знаю лишь, что у меня въ душѣ
Оно родитъ то скорбь, то наслажденіе,
Что, точно духъ, у сердца моего
Оно сидитъ, чтобъ всѣ его біенья
Сосчитывать, не ускоряя ихъ,
И задаетъ вопросы мнѣ такіе,
Съ какими бы ни смертный не посмѣлъ
Ко мнѣ прійти, ни самъ Вааль, оракулъ
Божественный, хотъ часто онъ во мглѣ
Вечерней вдругъ нахмуритъ гнѣвно брови,
И мраморный величественный ликъ
Измѣнится такъ странно, что порою
Мнѣ кажется—статуя собралась
Заговорить... Но прочь всѣ эти мысли
Нелѣпыя! Я радости хочу—
И вотъ идетъ ея прекрасный вѣстникъ!

Входитъ мирра.

МИРРА.

Царь! небо все заволокло—и громъ
Проносится по тучамъ, быстро, быстро
Идущимъ къ намъ и яркимъ блескомъ
молній
Вѣщающимъ ужасную грозу.
Теперь дворца ты вѣрно не оставишь?

САРДАНАПАЛЬ.

Ты говоришь—грозу?

МИРРА.

Да, царь мой добрый.

САРДАНАПАЛЬ.

Что до меня, я вовсе бы не прочь,
Чтобъ мирная картина замѣнилась
Борьбой стихій; но это не совсѣмъ
Пристало бы и къ шелковымъ одеждамъ
Моихъ гостей, и къ нѣжнымъ лицамъ ихъ.
Скажи, дитя—и ты изъ тѣхъ, которыхъ
Вой тучъ страшитъ?

МИРРА.

На родинѣ моей
Ихъ голоса мы чтимъ, какъ предвѣщанье
Юпитера.

САРДАНАПАЛЬ.

Юпитера? А, да,
То вашъ Вааль... И нашъ имѣетъ громы
Въ своихъ рукахъ, и заявляетъ онъ
По временамъ летящими стрѣлами
Божественность свою, но иногда
Случается—она ударитъ прямо
Въ его жъ алтарь.

МИРРА.

О, это страшный знакъ.

САРДАНАПАЛЬ.

Да—для жрецовъ. Ну, хорошо, сегодня
Мы изъ дворца не выѣдемъ и пиръ
Устроимъ здѣсь.

МИРРА.

Благословенъ Юпитеръ,
Услышавшій мольбу, которой внять
Ты не хотѣлъ. Безсмертные добрые
Къ тебѣ, мой царь, чѣмъ самъ ты: для того,
Чтобъ защитить тебя отъ вражьей злобы,
Они грозу воздвигли межъ тобой
И этими врагами.

САРДАНАПАЛЬ.

Если только

Опасность есть, дитя мое, она.
Я думаю, одна и та же—здѣсь ли,
Въ стѣнахъ дворца, на берегу ль рѣки.

МИРРА.

Нѣтъ, государь, нѣтъ—эти стѣны прочны
И высоки, и стражею онѣ
Окружены. Чтобъ во дворецъ проникнуть,
Измѣнникамъ пробиться бы пришлось
Сквозь цѣлый рядъ воротъ и корридоровъ
Извилистыхъ; а павильонъ ничѣмъ
Не защищенъ.

САРДАНАПАЛЬ.

Гдѣ завелась измѣна,
Тамъ защитить не могутъ ни дворцы,
Ни крѣпости, ни гордыя вершины
Туманнаго Кавказа, гдѣ орелъ
Скрывается въ ущельяхъ недоступныхъ;
И какъ стрѣла всегда найдетъ царя
Воздушнаго, такъ сталь найдетъ земного,
Гдѣ бъ ни былъ онъ. Но успокойся: двухъ,
Тревогу всю надѣлавшихъ—виновны ль,
Невинны ли они—изгнали мы
И въ дальній путь отправили.

МИРРА.

Такъ, значитъ,

Они живутъ?

САРДАНАПАЛЬ.

Ты кровожадна—ты?

МИРРА.

Безтрепетно взглянула бъ я на кару
Законную того, кто посягнулъ
На жизнь твою; иначе не была бы
Я и своей достойна. Салемень
Тебѣ сказалъ вѣдь точно то же.

САРДАНАПАЛЬ.

Странно!



Историческій Сарданапалъ (Ашуръ-бани-палъ) въ памятникахъ древне-ассирійскаго искусства.

ВОЙСКА ПРИВѢТСТВУЮТЪ САРДАНАПАЛА ПОСЛѢ БИТВЫ.

(Изъ барельефовъ Британскаго музея. Съ фотографіи W. A. Mansell & Co воспроизведено здѣсь съ особаго разрѣшенія этой фирмы).

И доброта и строгость въ заговоръ
Вступили здѣсь, и обѣ подстрекають
Меня на мечь.

МИРРА.

То добродѣтель грековъ.

САРДАНАПАЛЪ.

Но не царей. Я не хочу ея;
И если бѣ мстить когда-нибудь рѣшился,
То лишь царямъ, какъ равнымъ мнѣ.

МИРРА.

Тѣ двое

Хотѣли стать царями.

САРДАНАПАЛЪ.

Мирра, ты

Ужъ черезчуръ по-женски разсуждаешь,
И этому причиной—только страхъ.

МИРРА.

Страхъ за тебя.

САРДАНАПАЛЪ.

Тамъ за кого бы ни былъ,
Онъ все же страхъ. Твой полъ, какъ я не
разъ
Замѣтитъ могъ, однажды гнѣвомъ злымъ
Воспламенясь, ужъ мстительность свою
Пугливую доводить до упорства,
Котораго себѣ за образецъ

Я не возьму. Но ты всегда казалась
Мнѣ чуждою и слабости такой
И вообще безпомощности дѣтской
Восточныхъ женъ.

МИРРА.

Мой добрый государь,

Не стану я кичиться ни любовью
Моей души, ни доблестью ея.
До этихъ поръ я блескъ съ тобой дѣлила—
И раздѣлю превратности твои.
Быть можетъ, день придетъ, когда въ рабынѣ
Ты вѣрности увидишь больше, чѣмъ
Во всѣхъ тебѣ подвластныхъ міриадахъ.
Но да хранятъ отъ этого тебя
Безсмертные. А мнѣ гораздо лучше
Любимой быть на вѣру, чѣмъ любовь
Доказывать тебѣ въ твоихъ несчастьяхъ,
Которыя, быть можетъ, облегчить
Заботами моими я не въ силахъ.

САРДАНАПАЛЪ.

Гдѣ есть любовь высокая, туда
Несчастье не проникаетъ—развѣ
Лишь для того, чтобъ укрѣпить ее
И убѣжать предъ тѣмъ, чего не можетъ
Оно убить... Однако, часъ насталь—
Идемъ встрѣчать гостей любезныхъ нашихъ.

(Уходятъ).



Памятники древне-ассирийскаго искусства.
КОЛОССАЛЬНЫЙ ЛЕВЪ У ВХОДА ВО ДВОРЕЦЪ АССИРІЙСКИХЪ ЦАРЕЙ
ВЪ НИМРУДЪ.

(Layard, Monuments of Nineveh).

Д Ъ Й С Т В І Е Т Р Е Т Ь Е.

СЦЕНА I.

Освѣщенный чертогъ во дворцѣ. На дворѣ буря;
громъ слышится во все продолженіе ширшества.

САРДАНАПАЛЬ и его гости за столомъ.

САРДАНАПАЛЬ.

Полнѣ лей! Вотъ истинное царство
Гдѣ для меня: среди блестящихъ глазъ
И этихъ лицъ счастливыхъ и прекрасныхъ!
Сюда печаль проникнуть не дерзнетъ.

ЗАМЕСЬ.

Какъ никуда она не проникаетъ:
Гдѣ государь, тамъ ярко свѣтитъ намъ
Веселіе.

САРДАНАПАЛЬ.

Не лучше развѣ это
Немвродовыхъ охотъ или гоньбы

Прабабушки моей безумно дикой
За царствами, которыя она,
Завоевавъ, однако, не умѣла
Удерживать?

АЛТАДА.

Какъ ни были они
Прославлены, подобно всѣмъ изъ рода
Твоихъ отцовъ, но ни одинъ изъ нихъ
Не превзошелъ царя Сарданапала,
Который всей отрадой дней своихъ
Поставилъ миръ—единственную славу
Нелживую.

САРДАНАПАЛЬ.

Да, миръ, Алтада мой,
И свѣтлое веселье; слава—только
Дорога къ нимъ! Цѣль жизни—наслажденъе,
И я избралъ кратчайшій путь; его

С А Р Д А Н А П А Л Ъ.

Я не свершалъ по трупамъ человѣчьимъ,
Могилою не дѣлалъ каждый шагъ.

ЗАМЕСЬ.

Нѣтъ, никогда. Здѣсь всѣ сердца счастливы,
Всѣ голоса благословенья шлютъ
Тебѣ, миролюбивый царь, дающій
Всѣмъ высшую отраду!

САРДАНАПАЛЪ.

Въ этомъ ты
Увѣренъ ли? А я слыхалъ иное:
Что будто бы измѣна завелась
Вокругъ меня.

ЗАМЕСЬ.

Измѣнникъ тотъ, кто смѣетъ
Такъ говорить! Не можетъ это быть!...
Изъ-за чего?

САРДАНАПАЛЪ.

Изъ-за чего?... Да, правда...
Наполни-ка мой кубокъ. Не хочу
И думать я объ этомъ. Нѣтъ межъ нами
Измѣнниковъ, а есть—такъ далеко
Они теперь.

АЛТАДА.

Почтеннѣйшіе гости,
Прошу склонить колѣни и прослушать
Заздравный тостъ: да здравствуетъ вѣки
Царь—нѣтъ, не царь—а богъ Сарданапалъ!
всѣ *(надал на колѣни)*.
Да здравствуетъ затмившій бога Бела
Величіемъ, нашъ богъ Сарданапалъ!
(Раздается ударъ грома; нѣкоторые въ смущеніи поднимаются съ колѣнъ).

ЗАМЕСЬ.

Что жъ встали вы? Вѣдь этимъ громомъ
боги,

Его отцы, намъ одобренье шлютъ.

МИРРА.

Нѣтъ, гнѣвную угрозу. Царь, ужели
Безумное нечестье запретить
Не поспѣшишь?

САРДАНАПАЛЪ.

Нечестье? Отчего же?
Когда могли богами стать мои
Предмѣстники—къ чему же мнѣ безчестить
Ихъ славный родъ? Но все-таки я встать
Прошу моихъ друзей благочестивыхъ
И набожный порывъ свой посвятить
Гремящему надъ нами; я же только
Любви ищу—боготворенья мнѣ
Не надобно.

АЛТАДА.

И то и это долженъ
Ты находить въ сердцахъ твоихъ рабовъ.

САРДАНАПАЛЪ.

Громъ, кажется, становится сильнѣе...
Какая ночь ужасная!

МИРРА.

О, да,
Ужасная для тѣхъ, кто не имѣетъ
Дворцовыхъ стѣнъ, чтобъ пріютить своихъ
Поклонниковъ.

САРДАНАПАЛЪ.

Ахъ, это правда, Мирра!
И если бъ могъ я обратить мои
Владѣнія въ одинъ пріютъ широкий
Для страждущихъ—я поступилъ бы такъ.

МИРРА.

Ты, стало быть, не богъ, когда не можешь
Столь добраго желанья своего
Осуществить?

САРДАНАПАЛЪ.

А что же ваши боги,
Которые и могутъ, да вѣдь вотъ
Не дѣлаютъ?

МИРРА.

Оставь такія рѣчи—
Мы прогнѣвимъ безсмертныхъ.

САРДАНАПАЛЪ.

Это такъ.
Упреки имъ не меньше непріятны,
Чѣмъ смертному... Друзья, вотъ что пришло
Мнѣ въ голову: не будь на свѣтѣ храмовъ,
Могли ли бы—какъ думаете вы—
Существовать поклонники у неба,
Особенно, когда оно гремитъ
И злобится, какъ нынче?

МИРРА.

Персіянинъ
Молитву совершаетъ на горѣ.

САРДАНАПАЛЪ.

Да, въ тѣ часы, когда блистаетъ солнце.

МИРРА.

А я бы знать желала: если бъ твой
Дворецъ теперь сталъ грудой развалинъ
И опустѣлъ, то много ли льстецовъ
Явилось бы лобзать тотъ прахъ, въ которомъ
Лежалъ бы царь?

АЛТАДА.

Красавица-гречанка
На нашъ народъ глядитъ ужъ черезчуръ
Насмѣшливо, не будучи, однако,
Достаточно знакома съ нимъ. У насъ
Въ Ассиріи всѣ счастливы лишь счастьемъ
Своихъ царей, гордятся только тѣмъ,
Что могутъ ихъ боготворить.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ВАЙРОНА

САРДАНАПАЛЪ.

Простите
Красавицу-гречанку за слова
Недобрыя.

АЛТАДА.

Простить, о повелитель,
Когда ее мы чтимъ, послѣ тебя,
Превыше всѣхъ? Пойдите! Что такое
Послышалось?

ЗАМЕСЪ.

Должно быть, гдѣ нибудь
Невдалекѣ въ ворота стукнулъ вѣтеръ.

АЛТАДА.

Какъ будто-бы бряцанье... Вотъ опять!

ЗАМЕСЪ.

Да просто дождь бьетъ въ крышу.

САРДАНАПАЛЪ.

Безъ сомнѣнья.

(Мирръ).

Настроила ль ты арфу, ангель мой?
Спой пѣсню мнѣ изъ Сафо—знаешь, Сафо,
Которая на родинѣ твоей
Низвергнулась...

*Входитъ ПАНІА съ обнаженнымъ мечемъ;
одежда его въ крови и безпорядкѣ. Гости
встаютъ въ испугъ.*

ПАНІА (стражъ).

Не медля ни минуты,
Займите всѣ ворота, стѣны всѣ!
Къ оружію, къ оружію! Опасность
Грозитъ царю! Простите, государь,
Поспѣшности: она не что иное,
Какъ преданность...

САРДАНАПАЛЪ.

Въ чемъ дѣло?

ПАНІА.

То, чего

Князь Салемень боялся, совершилось:
Коварные сатрапы...

САРДАНАПАЛЪ.

Раненъ ты?

Скорѣй вина! Переведи дыханье,
Мой Паніа!

ПАНІА.

Нѣтъ, это ничего,
Простой ударъ. Я больше изнурился
Поспѣшностью предупредить царя,
Чѣмъ раною, полученною въ схваткѣ
Изъ-за него.

МИРРА.

Что жъ дальше? Говори—
Мятежники...

ПАНІА.

Едва достигъ успѣли
Своихъ казармъ Арбакъ и Белезисъ,
Какъ продолжать дорогу отказались.
Когда же я рѣшился власть мою
Употребить, они призвали въ помощь
Свои войска, и тѣ возстали вдругъ
Съ неистовой отвагой.

МИРРА.

Всѣ?

ПАНІА.

Въ огромномъ

Количествѣ.

САРДАНАПАЛЪ.

Свободныхъ словъ своихъ
Ты не щади изъ страха ранить правдой
Мой нѣжный слухъ.

ПАНІА.

Мой небольшой отрядъ

Не измѣнилъ, и тѣ, что въ немъ остались
Еще въ живыхъ, до этихъ поръ хранятъ
Долгъ вѣрности.

МИРРА.

А кромѣ ихъ, другіе

Всѣ перешли на сторону врага?

ПАНІА.

Нѣтъ, есть еще бактрійцы: ихъ началь-
никъ—

Князь Салемень. Онъ подоспѣлъ ко мнѣ,
Подвинутый тревожнымъ подозрѣньемъ.
Ихъ много тамъ, и храбро бьются всѣ
Съ мятежными войсками, поле битвы
За шагомъ шагъ отстаивая; цѣпь
Вокругъ дворца составили, стараясь
Сюда стянуть всѣ силы и спасти
Царя... Меня прислали...

МИРРА.

Колебаньямъ

Не мѣсто здѣсь.

ПАНІА.

Монарха молить князь

Хотя на мигъ скорѣй вооружиться
И выхвать къ войскамъ. Его одно
Присутствіе подѣйствуетъ сильнѣе,
Чѣмъ наши всѣ усилья.

САРДАНАПАЛЪ.

Эй! Подать

Оружіе мое!

МИРРА.

И ты рѣшился?

САРДАНАПАЛЪ.

Рѣшился ль я? Эй, живо! Но счита

С А Р Д А Н А П А Л Ъ.



Историческій Сардананалъ въ памятникахъ древне-ассирійскаго искусства.

РАЗРУШЕНІЕ КРѢПОСТИ ВО ВРЕМЕНА САРДАНАПАЛА.

*(Барельефъ въ Британскомъ музеѣ; фотографія W. A. Mansell & Co-ie въ Лондонѣ, воспроизведено
здесь съ особаго разрѣшенія этой фирмы).*

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ВАЙРОНА.

Не нужно мнѣ: тяжелъ онъ. Легкій панцырь
И мечъ подать! А гдѣ бунтовщики?

ПАНИА.

На стадію, не больше, отъ наружныхъ
Дворцовыхъ стѣнъ кипить кровавый бой.

САРДАНАПАЛЪ.

Такъ я могу верхомъ сражаться. Сферо,
Вели сѣдлатъ! У насъ въ однихъ дворахъ
Поль-конницы Аравіи свободно
Помѣстится...

(Сферо уходитъ).

МИРРА.

Какъ я люблю тебя!

САРДАНАПАЛЪ.

Я въ этомъ былъ всегда увѣренъ твердо.

МИРРА.

Но лишь теперь тебя узнала я!

САРДАНАПАЛЪ.

(одному изъ слугителей).

Мое копье пусть тоже не забудутъ.
Гдѣ Салемень?

ПАНИА.

Гдѣ долженъ быть солдатъ—
Въ бою—въ пыли сраженія.

САРДАНАПАЛЪ.

Спѣши же

Теперь къ нему. Свободны ли пути?
Осталось ли открытымъ сообщенье
Межъ нашими войсками и дворцомъ?

ПАНИА.

Да, государь, его еще открытымъ
Оставилъ я. На этотъ счетъ вполнѣ
Спокоенъ будъ: солдаты наши твердо
Стояли тамъ; фаланга вся была
Построена.

САРДАНАПАЛЪ.

Скажи, чтобъ онъ покамѣстъ
Берегъ себя; что дорожить собой
Не стану я и—ѣду.

ПАНИА.

Въ этомъ словѣ
Заклучена побѣда, государь.

(Уходитъ).

САРДАНАПАЛЪ.

Алтада, что жъ? Вооружайся! Замесь—
И ты иди! Тамъ, въ арсеналѣ, вы
Найдете все. Да помѣстите женщинъ
Куда-нибудь подальше; караулъ
Поставьте тамъ и прикажите строго
Не отходить, покамѣстъ не убьютъ.
Ты, Замесь, имъ командуешь. Алтада,

Вооружись и возвратись сюда:
Ты состоишь при насъ.

(Замесь, Алтада и всѣ остальныя, кромѣ
Мирры, уходятъ).

Входитъ сферо и другіе съ вооруженіемъ.
СФЕРО.

Вооруженье

Твое, монархъ.

САРДАНАПАЛЪ (надѣвая панцырь).

Сперва мой панцырь. Такъ!

Теперь мой мечъ и перевязь... А шлемъ-то
Я позабылъ. Подайте. Нѣтъ, тяжелъ
Ужъ слишкомъ онъ. Ошибся ты: не этотъ
Я требовалъ—другой, что окружень
Коронкою.

СФЕРО.

Я думалъ, царь, что, ярко
Каменьями блистая, онъ твое
Священное чело подвергнетъ сразу
Опасности быть узаннымъ. Повѣрь,
Что этотъ шлемъ хоть проще онъ, но крѣпче.

САРДАНАПАЛЪ.

Ты думалъ! Другъ, не сталъ ли ужъ и ты
Мятежникомъ? Твой долгъ—повиноваться.
Ступай и... Нѣтъ, ужъ поздно... Обойдусь
Безъ шлема я.

СФЕРО.

По крайней мѣрѣ этотъ
Изволь надѣтъ.

САРДАНАПАЛЪ.

Изволь надѣтъ Кавказъ!
Изволь ходить съ огромною горою
На головѣ!

СФЕРО.

Послѣдній изъ солдатъ
Не выйдетъ въ бой такимъ незащищеннымъ.
Тебя сейчасъ узнаютъ, государь:
Гроза прошла, и мѣсяцъ въ полномъ блескѣ.

САРДАНАПАЛЪ.

Быть узаннымъ и цѣль моя. А такъ
Она скорѣй достигнется. Давайте
Теперь копье. Готово.

(Идетъ и останавливается).

Да, забылъ

Дай зеркало мнѣ.

СФЕРО.

Зеркало, властитель?

САРДАНАПАЛЪ.

Да, подданный,—изъ свѣтлой мѣди, то,
Что въ Индіи мы добыли. Скорѣе!

(Сферо уходитъ).

С А Р Д А Н А П А Л Ъ.

САРДАНАПАЛЪ (*Мирра*).

Дитя мое, найди себѣ пріютъ
Надежнѣе. Зачѣмъ отъ прочихъ женщинъ
Отстала ты?

МИРРА.

Мнѣ мѣсто—здѣсь.

САРДАНАПАЛЪ.

Когда жъ

Уѣду я?

МИРРА.

Тогда я за тобою
Послѣдую.

САРДАНАПАЛЪ.

На поле битвы, ты?

МИРРА.

Когда бъ и такъ—я не была бы первой
Гречанкою, свершившей этотъ путь...
Здѣсь буду ждать я твоего возврата.

САРДАНАПАЛЪ.

Опасный пунктъ ты выбрала: сюда
Скорѣй всего они ворвутся, если
Одержатъ верхъ. Коль это суждено
И больше я не возвращусь...

МИРРА.

Съ тобою

Мы все таки сойдемся.

САРДАНАПАЛЪ.

Гдѣ же?

МИРРА.

Тамъ,

Гдѣ, наконецъ, сойдутся всѣ: въ Аидѣ,
Когда, какъ я предполагаю, берегъ
За Стиксомъ есть; а если нѣтъ его—
Въ пыли гробовъ.

САРДАНАПАЛЪ.

И ты не побоишься?

МИРРА.

Лишь одного боюсь я: пережить
То, что люблю, и сдѣлаться добычей
Бунтовщиковъ. Впередъ—и будь героемъ!
(*Сферо возвращается съ зеркаломъ*).

САРДАНАПАЛЪ (*смотритъ въ зеркало*).

Присталъ ко мнѣ недурно этотъ панцырь,
И перевязъ—не хуже. Только шлемъ
Совсѣмъ нейдетъ.

(*Бросаетъ его, примѣривъ еще разъ*).

Да, эти украшенья,
Кажись, къ лицу. Теперь осталось ихъ
Испробовать. Алтада! Гдѣ Алтада?

СФЕРО.

Онъ у дверей стоитъ съ твоимъ щитомъ.

САРДАНАПАЛЪ.

Да, я забылъ, что онъ мой щитоносецъ
По праву родовому, искони
Живущему въ его семействѣ... Мирра,
Теперь прощай и поцѣлуй меня...
Еще... Еще... И что бы ни случилось,
Люби меня. Я славу всю свою
Поставлю въ томъ, чтобъ сдѣлаться до-
стойнымъ
Твоей любви.

МИРРА.

Ступай и побѣди!

(*Сарданапалъ и Сферо уходятъ*).

МИРРА (*одна*).

Вотъ я одна. Всѣ, всѣ ушли. А сколько
Воротится?.. Быть можетъ, ни одинъ!
О, пусть бы я погибла—лишь бы только
Онъ побѣдилъ! Когда не побѣдитъ,
Погибну я: его не въ состояннѣ
Я пережить. Вокругъ души моей
Обвился онъ... какъ, почему—не знаю.
Не потому, что царь онъ: вѣдь теперь
Власть царская у ногъ его престола
Колеблется, и передъ нимъ земля
Разверзлась съ тѣмъ, чтобъ только на могилу
Мѣстечко дать несчастному, а я
Люблю его еще сильнѣй, чѣмъ прежде.
О, мощный Зевсъ! Прости моей любви
Чудовищной: вѣдь мой избранникъ—вар-
варъ,

Не знающій Олимпа! Да, теперь,
Теперь люблю я больше, чѣмъ... Что это?
Военный кличъ? И, кажется, все ближе,
Все ближе онъ. Ну, что же, если такъ—

(*вынимаетъ стеклянку*)

Колхидскій ядъ, что дѣлать научился
На берегахъ Эвксинскихъ мой отецъ,
И мнѣ открылъ, какъ сохранять его—
Освободить меня. Уже давно бы
Свободу въ немъ нашла я для себя,
Когда бъ любовь мнѣ не дала забвенья,
Что я раба. Ахъ, тамъ, гдѣ всѣ—рабы,
И лишь одинъ свободенъ, тамъ, гдѣ всякій
Неволею гордится, лишь бы онъ
И въ свой чередъ имѣлъ рабовъ, стоящихъ
Внизу его на рабства ступеняхъ—
Тамъ позабыть не трудно, что оковы,
Надѣтыя на тѣло, какъ нарядъ—
Такія же оковы. Снова крики
И звонъ мечей! И вотъ теперь... теперь...

Входитъ алтада.

Эй, Сферо, эй!

МИРРА.

Его здѣсь нѣтъ. Что хочешь
Ему сказать? Какъ тамъ идетъ сраженье?

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ ВАЙРОНА.

АЛТАДА.

Сомнительно и горячо.

МИРРА.

А царь?

АЛТАДА.

Какъ царь. Скорѣй я для него у Сферо
Взять долженъ шлемъ и новое копье.
До этихъ поръ онъ бьется непокрытый
И держится ужъ слишкомъ на виду.
Его тотчасъ узнали какъ солдаты,
Такъ и враги. По волосамъ его
Распущеннымъ и шелковой тиарѣ,
Луною озареннымъ, сразу видно,
Что это царь. И вражьи стрѣлы всѣ
На чудное лицо его, на кудри
Прекрасныя и на повязку ихъ
Широкою направлены.

МИРРА.

О, боги

Гремящіе въ землѣ моихъ отцовъ,
Васъ я молю спасти его! Ты присланъ
Сюда царемъ?

АЛТАДА.

Нѣтъ, это Салемъ,
Безъ вѣдома безпечнаго монарха,
Тайкомъ меня сюда отправилъ. Царь,
Нашъ царь въ бою таковъ же, какъ на
пирѣ.
Эй, Сферо, эй! Пойду я въ арсеналь.
Онъ вѣрно тамъ.

(Уходитъ).

МИРРА.

Нѣтъ, на душу позора
Я не беру—нѣтъ, не безчестна я
Тѣмъ, что люблю такого человѣка.
И въ этотъ мигъ желала бъ я—
Чего еще ни разу не желала—
Чтобъ онъ былъ грекъ. Да, ежели Алкидъ
Покрылъ себя стыдомъ за то, что въ платьѣ
Лидіянки Омфалы наряжался
И пряжу прядъ ея веретеномъ,
То человѣкъ, который, бывши съ дѣтства
До зрѣлыхъ лѣтъ у женщинъ на рукахъ,
Становится внезапно Геркулесомъ
И съ пира въ бой, какъ въ брачную по-
стель,
Кидается—вполнѣ, вполнѣ достоинъ,
Чтобъ въ дѣвушкѣ-гречанкѣ онъ нашель
Любовницу и въ греческомъ позѣ—
Пѣвца себѣ и въ греческой могилѣ—
Свой памятникъ...

Входитъ воинъ.

Какъ битва тамъ идетъ?

ВОИНЪ.

Проиграна, почти что безвозвратно
Проиграна. Гдѣ Замесь?

МИРРА.

На часахъ

Со стражею у двери женскихъ комнатъ.

(Воинъ уходитъ).

Ушелъ—и мнѣ успѣлъ сказать одно:
„Проиграно!“ Но что жъ еще желаю
Я услышать? Вѣдь въ этомъ словѣ—да,
Въ единственномъ коротенькомъ словечкѣ—
Погребены и царство, и монархъ,
И славный родъ тринадцати столѣтій,
И жизни цѣлыхъ тысячъ, и судьба
Всего того, что пощадить могила!
И я сама, какъ капелька воды,
Которая безслѣдно погибаетъ
Съ волной, ее несущей— и я,
Въ крушеніи великомъ, уничтожусь.
Но счастлива я тѣмъ, что жизнь моя
Въ моихъ рукахъ: надменный побѣдитель
Меня своей добычей никогда
Не назоветъ!

Входитъ паніа.

ПАНІА.

Скорѣй за мною, Мирра!
Намъ каждая минута дорога.
Бѣжимъ скорѣй—вотъ все, что намъ оста-
лось.

МИРРА.

А царь?

ПАНІА.

Сюда меня отправилъ онъ,
Чтобъ за рѣку я тайными путями
Тебя увезъ.

МИРРА.

Такъ, стало быть, онъ живъ?

ПАНІА.

Онъ мнѣ велѣлъ тебя укрыть въ надежномъ
Убѣжищѣ, и просить онъ тебя
Жить для него, пока придетъ возможность
Ему съ тобой соединиться вновь.

МИРРА.

Такъ уступить рѣшился онъ?

ПАНІА.

Послѣднимъ
Оставить онъ сраженіе. Все, что въ си-
лахъ
Отчаянныя свершить—все это царь
Свершаетъ тамъ; дворецъ свой шагъ за
шагомъ
У мятежа отстаиваетъ онъ.



Историческій Сарданапалъ (Ашуръ-бани-палъ) въ памятникахъ древне-ассирійскаго искусства.

ПИРЪ САРДАНАПАЛА.

(лѣвая сторона барельефа, изображающаго пиръ Сарданапала въ саду; правую сторону барельефа см. дальше стр. 341, на этой лѣвой сторонѣ изображены слуги и музыкантъ, играющій на арфѣ. На второмъ деревѣ слѣва виситъ голова побѣжденнаго Сарданапаломъ эламитаго царя).

МИРРА.

Такъ во дворецъ они уже проникли?
Да, крики ихъ разносятся въ стѣнахъ
Старинныхъ залъ, что голосами дикихъ
Мятежниковъ впервые въ эту ночь
Осквернены. Прощай же, ассирійскій
Великій родъ! Прощай, Немврода кровь!
Исчезло все—все, даже это имя!

ПАНІА.

Бѣжимъ, бѣжимъ!

МИРРА.

Нѣтъ, я погибну здѣсь!
А ты иди и передай монарху,
Что до конца любила я его!

*Входятъ САРДАНАПАЛЪ и САЛЕМЕНЪ съ
воинами. ПАНІА оставляетъ Мирру и при-
соединяется къ нимъ.*

САРДАНАПАЛЪ.

Ну, если такъ, умремъ, по крайней мѣрѣ,
Гдѣ родились: въ своемъ дворцѣ. Друзья,
Не уступать! Сомкнемъ ряды плотнѣе!
Надежнаго сатрапа я отправилъ
Звать Замеса со стражею его

Она свѣжа и преданна—и будетъ
Сейчасъ сюда. Еще не все у насъ
Потеряно. Ты, ПАНІА, о Миррѣ
Похлопочи.

(ПАНІА возвращается къ Миррѣ).

САЛЕМЕНЪ.

Съ минуту отдохнемъ,
А тамъ, друзья, опять впередъ за нашъ
Ассирію.

САРДАНАПАЛЪ.

Нѣтъ, Салеменъ, скажи—
За Бактрію! О, вѣрные бактрійцы!
Я съ этихъ поръ содѣлаюсь царемъ
Надъ вашею страной, а это царство
Въ провинцію мы вмѣстѣ обратимъ.

САЛЕМЕНЪ.

Идутъ, идутъ—вы слышите?
Входятъ БЕЛЕЗИСЪ, АРБАКЪ и мятежники.

АРБАКЪ.

Смѣлѣе!
За мною всѣ! Они у насъ въ сѣтяхъ!

БЕЛЕЗИСЪ.

Впередъ, впередъ! За насъ и съ нами небо!

(Они нападают на царя и Салемени, которые защищаются до прихода Замеса со стражей. Мятежники отступают; их преследуют Салемени и другие. Царь хочет присоединиться к преследующим; в эту минуту Белезисъ загоразиваетъ ему дорогу).

БЕЛЕЗИСЪ.

Куда, тиранъ? Я кончу эту битву.

САРДАНАПАЛЬ.

Такъ вотъ мы какъ! Воинственный мой жрецъ
И дорогой пророкъ, и благодарный
Мой подданный—сдавайся-ка скорѣй,
Прошу тебя. Твоей священной кровью
Не хочется мнѣ руки обогреть:
Другой удѣлъ, тебя вполне достойный,
Готовлю я.

БЕЛЕЗИСЪ.

Твой часъ уже пробилъ.

САРДАНАПАЛЬ.

Не мой, а твой. Въ наукѣ звѣздочетства
Я новичокъ, но звѣзды вопрошалъ
Еще на дняхъ—и вотъ, обозрѣвая
Небесный кругъ, нашелъ твою судьбу
Подъ знакомъ скорпіона. Это значитъ,
Что быть тебѣ раздавленнымъ сейчасъ.

БЕЛЕЗИСЪ.

Но не тобой.

(Они дерутся. Белезисъ раненъ и обезоруженъ).

САРДАНАПАЛЬ

(поднявъ мечъ, чтобъ нанести послѣдній ударъ).

Взывай теперь къ планетамъ,
Я погляжу—слетятъ ли съ небосклона,
Чтобъ защитить и своего пророка,
И честь свою?

(Часть мятежниковъ возвращается и освобождаетъ Белезиса. Они нападаютъ на царя, котораго, въ свою очередь, освобождаютъ его солдаты, вытѣсняющіе бунтовщиковъ).

САРДАНАПАЛЬ.

Однако, этотъ плутъ
Дѣйствительно пророкомъ оказался.
За мною всѣ! Побѣда наша!

(Бросается въ погоню).

МИРРА *(Паніи).*

Что жъ
Ты здѣсь стоишь? Зачѣмъ ты позволяешь
Товарищамъ-солдатамъ безъ тебя
Разбить врага?

ПАНІА.

Имѣю приказанье

Я отъ царя—не оставлять тебя.

МИРРА.

Меня! иди и обо мнѣ не думай:
Ничья рука не вправѣ въ часъ такой
Бездѣйствовать. Я не нуждаюсь въ стражѣ
И не прошу оберегать меня.
Тутъ гибнетъ міръ — такъ время ль для заботы

О женщинѣ? Иди же, говорю,
Иль ты себя навѣки опозоришь!
Не слушаешь? Такъ я сама пойду—
Я, женщина безпомощная—кинусь
Въ кровавый бой и охранять меня
Ты станешь тамъ, гдѣ своему монарху
Ты долженъ быть спасительнымъ щитомъ!

(Уходитъ).

ПАНІА.

Остановись! Ушла. Случись какое
Несчастье съ ней—погибъ я навсегда!
Сарданапаль ее дороже цѣнить,
Чѣмъ свой престолъ, хотя и за него
Сражается. Прилично ль мнѣ, однако,
Бездѣйствовать, слабѣе быть, чѣмъ онъ,
Онъ, чья рука меча не обнажала
До этихъ поръ? Гречанка, воротись
И я твое желаніе исполню,
Хоть вопреки велѣнію царя!

(Уходитъ).

Въ противоположную дверь входятъ алтада и сферо.

АЛТАДА.

Вотъ, Мирра... Какъ? Ушла? Ее, однако,
Я здѣсь нашелъ въ разгарѣ битвы. Съ ней
Былъ Паніа. Что жъ съ ними приключилось?

СФЕРО.

Обоихъ ихъ я видѣлъ здѣсь, когда
Послѣдніе мятежники бѣжали...
Въ гаремъ прошли, должно быть.

АЛТАДА.

Если царь,
Какъ слѣдуетъ разсчитывать, вернется
Съ побѣдою и не найдетъ своей
Іонянки—мы пострадаемъ хуже,
Чѣмъ плѣнные мятежники.

СФЕРО.

Идемъ
Искать скорѣй. Она уйти далеко
Вѣдь не могла; найдя ее, царю
Мы сдѣлаемъ подарокъ драгоцѣннѣй
Спасеннаго престола.

САРДАНАПАЛЬ.

АЛТАДА.

Самъ Вааль
Не бился такъ отчаянно, чтобъ эту
Монархію себѣ завоевать,
Какъ сынъ его изнѣженный—стараясь
Ее спасти. Всѣ мнѣнія о немъ
Его друзей, его враговъ заклятыхъ
Онъ опровергъ. Такъ душный лѣтній день,
Вечернею грозою весь чреватый,
Вдругъ разразится съ силою такой,
Что воздуху, повидимому, съ нею
Не сдобровать и быть землѣ потопомъ
Загубленной. Да, этотъ человѣкъ
Непостижимъ.

СЕФРО.

Не больше, чѣмъ другіе.
Мы всѣ—сыны случайности. Идемъ
Искать рабу—не-то, изъ-за безумной
Любви его, придется пострадать
Подъ пытку и умереть безвинно.
(Уходятъ).

Входятъ САЛЕМЕНЪ и воины.

САЛЕМЕНЪ

Побѣда льститъ: отбиты отъ дворца
Мятежники; открыто сообщенье
Съ частями войскъ, стоящихъ за рѣкой.
Они еще вѣрны—быть можетъ,
И вѣрными останутся, когда
Къ нимъ вѣсть дойдетъ, что намъ далась
побѣда.
Но гдѣ герой ея? гдѣ государь?

Входятъ САРДАНАПАЛЬ со своими
и МИРРА.

САРДАНАПАЛЬ.

Я здѣсь, мой братъ!

САЛЕМЕНЪ.

И невредимъ, надѣюсь?

САРДАНАПАЛЬ.

Нѣтъ, не совсѣмъ. Но это вздоръ... прой-
детъ...

Итакъ, дворецъ очищенъ.

САЛЕМЕНЪ.

Городъ тоже,
Я думаю. Сторонниковъ у насъ
Все болѣе и болѣе; отряду
Парейанскому, который до сихъ поръ
Въ резервѣ былъ и такъ и рвется въ битву,
Я приказалъ погонею пойти
И убѣжденъ, что скоро отступление
Мятежниковъ онъ въ бѣгство обратитъ.

САРДАНАПАЛЬ.

Ужъ это есть; они, по крайней мѣрѣ,

Такъ быстро шли, что я за ними вслѣдъ
Не могъ поспѣть съ бактрійцами моими,
А ужъ на что тѣ не жалѣли ногъ.
Но до смерти усталъ я. Сѣсть скорѣе!

САЛЕМЕНЪ.

Царь, вотъ твой тронъ.

САРДАНАПАЛЬ.

Плохое это мѣсто
Для отдыха и тѣлу и душѣ.
Диванчикъ мнѣ, крестьянскую скамейку,
Ну, что-нибудь...

(Ему *подаютъ стулъ*).

Вотъ такъ. Теперь дышать
Свободнѣе.

САЛЕМЕНЪ.

О, этотъ часъ великій
Содѣлался славнѣе, выше всѣхъ,
Пережитыхъ тобою.

САРДАНАПАЛЬ.

И тяжелѣе,
Конечно, всѣхъ. Гдѣ виночерпій мой?
Подай воды.

САЛЕМЕНЪ (*улыбаясь*).

Такое приказанье
Впервые онъ услышалъ. Даже я,
Суровѣйшій совѣтникъ, предлагаю
Питье краснѣй воды.

САРДАНАПАЛЬ.

Конечно, кровь?
И безъ того ея сегодня вдоволь
Мы пролили, ну, а на счетъ вина,
Такъ нынче я стихіи чистой цѣну
Вполнѣ узналъ; я трижды пилъ ее
И трижды въ бой съ такой кидался силой
И свѣжестью, какихъ еще въ винѣ
Не находилъ. Гдѣ тотъ солдатъ, что въ
шлемѣ

Принесъ воды напиться мнѣ?

одинъ изъ стражей.

Убить,

Великій царь. Стрѣла пронзила черепъ
Въ тотъ мигъ, когда изъ шлема своего
Онъ выплеснулъ остатки и сбирался
Его надѣть.

САРДАНАПАЛЬ.

Убить—ненагражденный!
Убить за то, что напоилъ меня!
Несчастный рабъ! Какая злая доля!
О, будь онъ живъ, я золотомъ его
Пресытилъ бы! Всѣмъ золотомъ вселенной
Не заплатить за наслаждение то,
Которое мнѣ далъ его напитокъ,
Когда внутри горѣло у меня,

Вотъ какъ теперь.

(*Ему подають воды*).

Я снова оживаю.
Отъ этихъ поръ изъ кубка буду пить
Въ часы любви, а въ битвѣ—только воду.

САЛЕМЕНЬ.

Рука твоя въ повязкѣ, государь?

САРДАНАПАЛЬ.

Да, Белезисъ храбрѣйшій оцарапалъ.

МИРРА.

Онъ раненъ!

САРДАНАПАЛЬ.

Вздоръ! не стоитъ говорить!

Однако же, теперь, какъ освѣжился
Немного я, боль что-то посильнѣй.

МИРРА.

И рану ты перевязалъ...

САРДАНАПАЛЬ.

Повязкой
Съ моей же діадемы; въ первый разъ
Нарядная вещица послужила
Къ чему-нибудь серьезному.

МИРРА (*служителямъ*).

Скорѣй
Искуснѣйшихъ врачей сюда пошлите!
Пойдемъ со мной; повязку эту я
Сама сниму и облегчу страданье.

САРДАНАПАЛЬ.

Да, я не прочь. Все пуще эта боль...
Но много ли ты смыслишь въ ранахъ?
Впрочемъ,
Какой вопросъ! Тебѣ извѣстно ль, братъ,
Гдѣ я нашелъ во время битвы эту
Красавицу?

САЛЕМЕНЬ.

Средь женщинъ остальныхъ,
Подобною испуганной газели.

САРДАНАПАЛЬ.

Нѣтъ, не совсѣмъ: подобною подругѣ
Младого льва, когда она, рыча,
Какъ женщина,—а это означаетъ
Неистово, затѣмъ что страсти всѣ
До крайности лишь въ женщинѣ доходятъ,—
Преслѣдуетъ охотника, у ней
Укрывшаго дѣтенышей: такъ Мирра,
Съ огнемъ въ глазахъ, съ распушенной
косой,
Движеньями и голосомъ и видомъ
Дерущихся одушевляла.

САЛЕМЕНЬ.

Да?

САРДАНАПАЛЬ.

Не я одинъ, какъ видишь ты, героемъ
Сталъ въ эту ночь... Остановясь, глядѣлъ
Я на нее: пылающія щеки,
Сверканіе широкихъ черныхъ глазъ
Изъ-подъ волосъ, разметанныхъ волною,
На чистомъ лбу лазурныхъ жилокъ сѣтъ,
Восторженно раздувшіяся ноздри,
Раскрытый ротъ, звукъ голоса ея,
Всѣ голоса собою покрывавшій,
Какъ лютни струнъ не можетъ заглушить
Нестройное бряцаніе кимваловъ;
Движенье рукъ, сверкавшихъ бѣлизной
Ярчѣй, чѣмъ сталь, исторгнутая ею
У павшаго солдата—это все
Для нашихъ войскъ ее преобразило
Въ пророчицу побѣды надъ врагомъ
Или саму побѣду, благосклонно
Сошедшую привѣтствовать своихъ.

САЛЕМЕНЬ (*въ сторону*).

Опять любовь его туманить стала,
И если мы не отвлечемъ его
Отъ этихъ думъ—пропало все.

(*вслухъ*). Однако,

Подумайте о вашей ранѣ, царь.
Вы только что сказали намъ, что сильно
Она болитъ.

САРДАНАПАЛЬ.

Да, это правда, но—
Не слѣдуетъ и думать мнѣ объ этомъ.

САЛЕМЕНЬ.

Всѣ нужныя распоряженья мной
Ужъ сдѣланы; теперь узнать отправлюсь,
Исполнено ль все то, что я велѣлъ,
И возвращусь, чтобъ выслушать желанье
Монаршее.

САРДАНАПАЛЬ.

Прекрасно.

САЛЕМЕНЬ (*уходя*).

Мирра!

МИРРА.

Князь!

САЛЕМЕНЬ.

Сегодня ты вела себя такъ славно,
Что если бы онъ только не былъ мужъ
Моей сестры... Но я спѣшу... Ты любишь,
Скажи, царя?

МИРРА.

Сарданапала я

Люблю,



Историческій Сарданалъ въ памятникахъ древне-ассирійскаго искусства.

ПИРЪ САРДАНАПАЛА.

(Правая сторона барельефа, о которомъ см. стр. 337).

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ВАЙРОНА.

САЛЕМЕНЪ.

Но все жъ — чтобъ онъ царемъ
остался,

Желаешь ты?

МИРРА.

Желаю одного,
Чтобъ былъ онъ тѣмъ, чѣмъ долженъ
быть — не меньше.

САЛЕМЕНЪ.

Такъ слушай же: тогда лишь онъ царемъ
Останется, тогда лишь не утратишь
И ты его, тогда лишь станетъ онъ,
Чѣмъ долженъ быть, тогда лишь *жить* онъ
будеть,

Когда его ты не допустишь впасть
Въ обычную изнѣженность. Имѣешь
Надъ нимъ ты власть сильнѣй, чѣмъ му-
дрость вся
Въ стѣнахъ дворца иль весь мятежъ сви-
рѣпый
Внѣ этихъ стѣнъ: не допусти жъ его
Опять упасть.

МИРРА.

Мнѣ голосъ Салемена
Для этого не нуженъ. Долгу я
Не измѣню — и все, что только въ силахъ
Безпомощности женской...

САЛЕМЕНЪ (*перебивая*).

Будетъ властью
Всесильною въ его душѣ. Смотри жъ,

Воспользуйся ты ею мудро.

(*Уходитъ*).

САРДАНАПАЛЪ.

Мирра!

Ты шепчешься съ моимъ суровымъ братомъ?
О, ревновать начну я скоро...

МИРРА (*улыбаясь*).

Да,

И будешь правъ: нѣтъ въ мѣрѣ человѣка,
Который бы и женскую любовь,
И воиновъ довѣрье, и покорность
Своихъ рабовъ, и милости царя,
И всѣхъ людей высокое вниманье
Заслуживалъ въ такой же мѣрѣ.

САРДАНАПАЛЪ.

Я

Хвалить его тебѣ не запрещаю —
Но не съ такой горячностью. Ничто,
Меня затмить способное, не смѣетъ
Въ прекрасныя уста твои влагать
Восторженность. Но, тѣмъ не меньше,
правду

Ты говоришь.

МИРРА.

Теперь пойдемъ со мной —
Давно пора твоей заняться раной —
И обопришь покрѣпче на меня...

САРДАНАПАЛЪ.

Да, милая, но только не отъ боли.
(*Всѣ уходятъ*).





Древне-ассирийское искусство.

РАЗВАЛИНЫ ВЪ НИМРУДЪ; БАРЕЛЬЕФЫ У ВХОДА ВЪ ХРАМЪ.
(Layard. Monuments of Nineveh).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

САРДАНАПАЛЪ *спитъ на диванъ безпокой-
нымъ сномъ*; МИРРА *сидитъ около него*.

МИРРА (*смотря на Сарданапала*).

Украдкою пришла я сторожить
Его покой—коль можетъ быть покоемъ
Мучительный и судорожный сонъ.
Будить его? Нѣтъ, кажется, волненье
Утишилось... О, богъ покоя, ты
Властитель глазъ сомкнувшихся и слад-
кихъ,
Блаженныхъ грезъ и сна безъ всякихъ
сновъ,

Глубокаго, глубокаго—молю я,
Похожимъ стань на смерть, сестру твою,
Недвижную, нѣмую! Выше счастья
Нѣтъ для людей, быть можетъ потому,
Что высшее блаженство наше въ царствѣ
Суровой, непробудной и нѣмой
Твоей сестры... Опять зашевелился!
Опять лицо мучительная боль
Подернула! Такъ подъ ударомъ вихря

Колеблется гладь озера, спокойно
Лежащаго въ тѣни своей горы;
Такъ осенью колышитъ вѣтеръ листья,
Прильнувшія недвижно и въ тоскѣ
Къ роднымъ вѣтвямъ. Я разбужу сейчасъ же;
Нѣтъ, подожду: какъ знать, чего тогда
Лишится онъ? Онъ, кажется, страдаетъ;
Но если я нарушу этотъ сонъ
Для болѣе мучительныхъ страданій?
Быть можетъ, тутъ причиною всему
Волненье ужасной этой ночи
И просто боль отъ раны, хоть она
Весьма легка; быть можетъ, безпокоюсь
Я болѣе, чѣмъ онъ страдаетъ. Нѣтъ,
Пускай его и лѣчить, и спасаетъ
Природа-мать; а я останусь здѣсь
Помощницей при ней, но не помѣхой.

САРДАНАПАЛЪ (*просыпаясь*).

Нѣтъ, ни за что, хотя бы въ небесахъ
Размножили вы звѣзды и надъ ними,
Въ сообществѣ своемъ, меня царемъ
Содѣлали! Нѣтъ, эту цѣною
Я не куплю господства для себя

Надъ вѣчностью! Прочь отъ меня ты, старый
Ловецъ звѣрей перворожденныхъ! Прочь
И вы, людей-собратьевъ такъ же точно
Травившіе, какъ звѣря, вы, въ тѣ дни—
Лишь люди кровожадные, а нынче—
(Коли жрецы почтенные не лгутъ)—
Ужъ идолы, еще покровожаднѣй.
И ты, моя жестокая праматерь,
Сочащаяся кровью и пятой
Давящая индійскихъ труповъ кости!
Прочь, прочь! Гдѣ я? Гдѣ привидѣнья? Гдѣ...
Нѣтъ, предо мной не привидѣнья! Ихъ бы
Я могъ узнать среди всего, что смерть
Дерзнула бы изъ черной бездны вызвать,
Чтобъ устроить живущихъ Мирра!

МИРРА.

Ахъ!

Какъ блѣденъ ты! На лбу твоёмъ, подобно
Ночной росѣ, лежитъ холодный потъ.
Мой дорогой, опомнись, успокойся!
Твои слова съ того какъ будто свѣта
Доносятся, когда на этомъ ты—
Владыка-царь. О, прогони же думы
Зловѣщія: все будетъ хорошо.

САРДАНАПАЛЬ.

Дай руку мнѣ... Вотъ такъ... Да, это, точно,
Твоя рука. Да, это плоть.. Сожми,
Сожми сильнѣй, чтобъ ощутилъ я снова,
Что сталъ я тѣмъ, чѣмъ прежде былъ.

МИРРА.

И я

Въ твоихъ глазахъ пусть снова тѣмъ же
стану,
Чѣмъ и была, и вѣчно быть должна—
Твоею.

САРДАНАПАЛЬ.

Да, теперь мнѣ это ясно,
И эту жизнь я снова узнаю.
Ахъ, Мирра! я былъ тамъ, гдѣ всѣ мы бу-
демъ.

МИРРА.

Мой государь...

САРДАНАПАЛЬ.

Я былъ въ могилѣ, тамъ,
Гдѣ червяки—владыки, а владыки...
Но никогда не представлялъ себѣ
Такихъ вещей; я думалъ, что за гробомъ
Нѣтъ ничего.

МИРРА.

И не ошибся ты.

Одни умы трусливые способны
Въ то вѣровать, что, можетъ быть, вовѣкъ
Не сбудется.

САРДАНАПАЛЬ.

О, Мирра, если видимъ

Уже во снѣ такія вещи мы,
То что же смерть откроетъ намъ?

МИРРА.

Не знаю,

Возможно ли, чтобъ смерть могла найти
Такое зло, какого не явила
Земная жизнь тому, кто прожилъ въ ней
Ряды годовъ? Когда, на самомъ дѣлѣ,
Есть край такой, гдѣ продолжается жить
Душа людей, существованье это—
Духовное, безъ плоти; если жъ тамъ
Останется хоть тѣнь отъ этой грубой
Тѣлесной оболочки, что стоитъ,
Мнѣ кажется, преградой между небомъ
И нашею душой и держать насъ
Въ цѣпяхъ земли, то эта тѣнь, какіе
Ей ужасы ни предстояли бъ тамъ,
Не ощутить, по крайней мѣрѣ, страха,
Увидѣвъ смерть.

САРДАНАПАЛЬ.

Я смерти не боюсь.

Но, милая, я чувствовалъ, я видѣлъ
Сонмъ мертвецовъ.

МИРРА.

Я тоже. Этотъ прахъ,

Что топчемъ мы ногами, жилъ когда-то
И мучился... Но продолжай. Скажи,
Что видѣлъ ты? Разскажь разсѣть думы
Зловѣщія.

САРДАНАПАЛЬ.

Казалось мнѣ...

МИРРА.

Но нѣтъ,

Повремени. Ты утомленъ, страдаешь,
Изнеможенъ; а это повредитъ
Душѣ твоей и тѣлу. Постарайся
Опять уснуть.

САРДАНАПАЛЬ.

Нѣтъ, послѣ; не хочу

Я видѣть сны, хоть убѣдился ясно,
Что это все—былъ только сонъ. Но ты,
Ты въ силахъ ли разскажь мой вынести?

МИРРА.

Въ силахъ

Я вынести все, всѣ грезы, что даетъ
И жизнь, и смерть, когда могу съ тобою
Я ихъ дѣлать, въ фантазіи ль одной,
Иль на яву.

САРДАНАПАЛЬ.

Повѣрь, я это видѣлъ

Какъ на яву. Ихъ бѣгство видѣлъ я
Открытыми глазами.

МИРРА.

Продолжай.

Не могъ узнать. Чертами на гиганта
Онъ походилъ, взоръ свѣтель былъ и чистъ,
Но недвижимъ, волной спускались кудри
Къ его спинѣ широкой, а за ней,
Изъ глубины громаднаго колчана,
Крыломъ орла оперены, сквозя
Въ змѣяхъ волосъ, высывались стрѣлы.
Я пригласилъ его налить вина
Въ стоящую межъ нимъ и мною чашу.
Онъ ничего не отвѣчалъ; тогда
Я самъ ее наполнилъ; не коснулся
Онъ до нея, но устремилъ въ меня
Упорный взоръ—и передъ этимъ блескомъ
Недвижныхъ глазъ я весь затрепеталъ
И, какъ царю во гнѣвѣ подобаетъ,
Наморщилъ лобъ; онъ не отвѣтилъ тѣмъ же,
Но продолжалъ по прежнему смотрѣть
Въ мои глаза, и эта неподвижность
Усилила мой ужасъ; и къ другимъ,
Привѣтливымъ гостямъ я повернулся,
Ища у нихъ защиты... Что же? Тамъ,
Гдѣ я привыкъ обыкновенно видѣть
Тебя, мой другъ...

МИРРА.

Ты встрѣтилъ?

САРДАНАПАЛЪ.

На твоёмъ
Сѣдалищѣ, твоёмъ обычномъ мѣстѣ
На пиршествахъ, гдѣ я искалъ твоихъ
Прекрасныхъ глазъ, сидѣла тварь: сѣдая,
Изсохшая, какъ призракъ, кровь въ глазахъ
И на рукахъ, какъ женщина одѣта,
На голозѣ корона, лобъ изрытъ
Морщинами, но на губахъ усмѣшка
Свирѣпаго злодѣя, а въ глазахъ—
Ядъ похоти... Вся кровь во мнѣ застыла.

МИРРА.

И это все?

САРДАНАПАЛЪ.

Въ одной рукѣ—рукѣ
Изсохнувшей, подобной птичьей лапѣ,
Она держала кубокъ, кровью весь
Дымившійся, въ другой—былъ тоже кубокъ,
Наполненный не знаю чѣмъ: отъ нихъ
Я въ ужасѣ поспѣшно отвернулся;
Но вдоль стола увидѣлъ рядъ тѣней
Съ коронами на головахъ, другъ съ другомъ
Не схожія, но выраженье лицъ
У всѣхъ одно...

МИРРА.

И ты не понималъ ясно,
Что это все—простая греза?

САРДАНАПАЛЪ.

Нѣтъ.

Я чувствовалъ, что могъ къ нимъ при-
коснуться,

Ихъ осязать... Отъ одного лица
Мои глаза къ другому обращались
Съ надеждою увидѣть хоть одно
Знакомое; напрасно! Повернулись
Они ко мнѣ и неподвижный взглядъ
Уставили въ меня; они не ѣли
И не пили—и продолжали только
Смотрѣть, смотрѣть.. покамѣстъ камнемъ я
Не сдѣлался, какимъ, казалось, были
И всѣ они, но камнемъ не бездушнымъ:
Нѣтъ—чувствовалъ бѣенье жизни я
Въ себѣ и въ нихъ. И было между нами
Какое-то ужасное сродство,
Какъ будто я съ себя полжизни сбросилъ,
Чтобъ къ нимъ прійти, они же — смерти
часть

Откинули, чтобы сойтись со мною.
Особое то было бытіе,
Далекое и отъ земного міра,
И отъ небесъ.. Но, Мирра, лучше смерть,
Чѣмъ бытіе такое!

МИРРА.

Что же дальше?

САРДАНАПАЛЪ.

Какъ каменный, сидѣлъ я. Наконецъ,
Охотникъ всталъ и вмѣстѣ съ нимъ ста-
руха.

И онъ мнѣ улыбнулся; да, лицо
Гигантское, но полное величья,
Подернулось улыбкою,—не все,
Однѣ уста; глаза же оставались
Недвижными; на высохшихъ губахъ
У женщины я тоже могъ замѣтить
Подобіе улыбки... Поднялись—
И имъ во слѣдъ всѣ остальные тѣни
Задвигались, какъ-будто бы стараясь
Передразнить по обезьяньи главныхъ
Въ своей средѣ. Какъ видно, и въ гробу
Онъ все тѣ жъ простыя обезьяны!
Но я не всталъ; мои всѣ члены вдругъ
Проникнула отчаянная бодрость;
Боязнъ прошла, и призракамъ въ лицо
Смѣялся я... Но вотъ—охотникъ руку
Мнѣ протянулъ... Я взялъ ее, пожалуй—
Она въ моей растаяла, и тутъ же
Онъ самъ исчезъ, оставивъ по себѣ
Въ моей душѣ лишь память о героѣ,
Какимъ онъ мнѣ казался.

МИРРА.

И какимъ
Дѣйствительно онъ былъ: великимъ пред-
комъ
Династіи героевъ и твоимъ.

С А Р Д А Н А П А Л Ъ.

САРДАНАПАЛЪ.

Да, ты права... Но женщина, старуха
Ужасная, вдруг кинулась ко мнѣ
И шумными лобзаньями сжигала
Мои уста; когда изъ рукъ своихъ
Чудовище метнуло на полъ чаши,
Мнѣ чудилось, что ядъ изъ нихъ течетъ
Вокругъ меня и образуетъ рѣки
Зловонныя и гнусныя... Вотще
Я оттолкнуть безумную старался;
А, между тѣмъ, товарищи ея,
Подобныя статуямъ въ нашихъ храмахъ,
Стояли неподвижно... Наконецъ
Я вырвался изъ рукъ ея, какъ-будто
Я былъ тотъ сынъ, что собственной рукой
Ее убилъ за грѣхъ кровосмѣшенья...
И вслѣдъ за тѣмъ... и вслѣдъ за тѣмъ... по-

грязь

Я въ хаосѣ всего, что есть на свѣтѣ
Ужаснаго и мерзкаго; я былъ
И мертвъ, и живъ; я и лежалъ въ могилѣ,
И воскресалъ; я чувствовалъ себя
Изѣденнымъ червями и прошедшимъ
Сквозь пламя очищенья и, какъ прахъ,
Разметаннымъ по воздуху... Что было
Со мной потомъ—не помню. Лишь одно
Мнѣ памятно, что посреди всѣхъ этихъ
Жестокихъ мукъ я жадно звалъ тебя,
Искалъ тебя—и, наконецъ, проснулся—
И ты со мной!

МИРРА.

И буду я съ тобой

Вездѣ—и здѣсь и въ замогильномъ мирѣ,
Когда онъ есть. Но позабуди, мой царь,
Объ этомъ всемъ; оно не что иное,
Какъ дѣйствіе недавнихъ всѣхъ тревогъ
На организмъ, къ труду непріученный,
Но на себѣ поднявшій трудъ такой,
Какого бы и самой мощной силѣ
Не перенести.

САРДАНАПАЛЪ.

Теперь мнѣ лучше. Ты

Опять со мной—и все, что я увидѣлъ,
Мнѣ кажется ничѣмъ.

Входитъ САЛЕМЕНЪ.

САЛЕМЕНЪ.

Какъ! Государь

Уже не спитъ?

САРДАНАПАЛЪ.

Да, братъ, и было бъ лучше
Совсѣмъ не спать: всѣ наши предки здѣсь
Сошлись за тѣмъ, чтобъ, кажется, съ тобою
Меня увлечь. Отецъ мой тоже былъ

Межъ нихъ, но онъ—ужъ почему, не знаю—
Сѣлъ въ сторонѣ и далъ въ сосѣди мнѣ
Охотника—отца династїи нашей
И гнусную мужеубійцу—ту,
Которую зовете вы великой.

САЛЕМЕНЪ.

Какъ и тебя великимъ я зову
Теперь, когда ты выказалъ такой же
Геройскій духъ. Пришелъ я предложить,
Чтобъ двинулись мы съ войскомъ на разсвѣтъ
И на толпу матежниковъ опять
Ударили. Они хотъ и отбиты,
Но не совсѣмъ побѣждены и вновь
Собираются.

САРДАНАПАЛЪ.

Который часъ?

САЛЕМЕНЪ.

Осталось

Два-три часа до утра; ими, царь,
Воспользуйся для отдыха.

САРДАНАПАЛЪ.

Нѣтъ, только

Не въ эту ночь, когда она еще
Не кончилась. Я въ этомъ сновидѣнїи,
Мнѣ кажется, несчетные часы
Провелъ.

МИРРА.

О, нѣтъ—едва одинъ. Все время
Я здѣсь была; то былъ тяжелый часъ,
Но только часъ.

САРДАНАПАЛЪ.

Обсудимъ же, что дѣлать.

Мы двинемся по утру.

САЛЕМЕНЪ.

А пока—

Я съ просьбою.

САРДАНАПАЛЪ.

Заранѣ согласенъ.

САЛЕМЕНЪ.

Не торопись, покамѣстъ ты ея
Не выслушалъ. Но говорить съ тобою
Наединѣ могу я только.

МИРРА.

Князь,

Я ухожу.

(*Уходитъ*).

САЛЕМЕНЪ.

Мой царь, рабыня эта
Достойна быть свободною

САРДАНАПАЛЪ.

И только

Свободно? Рабыня эта, братъ,
Достойна быть участницей престола.

САЛЕМЕНЪ.

Позволь, монархъ... Еще вѣдь занятъ онъ;
И именно о той, что раздѣляетъ
Его съ тобой, хочу я говорить.

САРДАНАПАЛЬ.

Какъ, о женѣ?

САЛЕМЕНЪ.

Такъ точно. Нахожу я,
Что въ видахъ безопасности ее
Съ ея дѣтьми ты долженъ до разсвѣта
Отправить въ Пафлагонію, гдѣ Коттъ,
Нашъ родственникъ, правителемъ. Тамъ
будетъ
Жизнь сыновей твоихъ защищена
Отъ всяческихъ случайностей, а также
И ихъ права законныя на тронъ,
Въ томъ случаѣ, когда...

САРДАНАПАЛЬ.

Когда погибнуть
Придется мнѣ, что вѣроятно... Да,
Твой планъ хорошъ. Отправь же ихъ скорѣе
Съ надежною охраной.

САЛЕМЕНЪ.

Все уже
Устроено, готова и галера,
Чтобъ за Евфратъ ихъ переправить. Но
Предъ этою разлукою, быть можетъ,
Захочешь ты увидѣть..

САРДАНАПАЛЬ.

Сыновей?
Растрогаться боюсь я: станутъ плакать
Несчастные малютки, а могу ль
Я чѣмъ инымъ ихъ успокоить, кромѣ
Пустыхъ надеждъ, улыбокъ лживыхъ? Я,
Какъ знаешь ты, не мастеръ притворяться.

САЛЕМЕНЪ.

Но чувствовать, надѣюсь, можешь ты.
Короче, царь, вотъ дѣло въ чемъ: царица
Предъ вѣчною разлукой видѣтъ васъ
Желала бы.

САРДАНАПАЛЬ.

Къ чему? Съ какою цѣлью?
Я дамъ ей все, все то, чего она
Потребуетъ, но—кромѣ этой встрѣчи.

САЛЕМЕНЪ.

Мой государь, ты знаешь женщинъ; ты,
Усердно такъ ихъ сердце изучавшій,
Ихъ долженъ знать. Когда родилось въ нихъ
Желаніе того, что міра сердца
Касается, оно для чувства ль ихъ,

Фантазіи ль гораздо драгоцѣннѣй,
Чѣмъ внѣшній міръ. Желанія сестры
Я, какъ и ты, совсѣмъ не одобряю;
Но это ей желательно, она—
Моя сестра, ты—мужъ ея,—дозволь же!

САРДАНАПАЛЬ.

Не поведетъ все это ни къ чему.
Но—пусть придетъ.

САЛЕМЕНЪ.

Благодарю.

(Уходитъ).

САРДАНАПАЛЬ.

Такъ долго
Мы жили врознь—и встрѣтятся опять,
И встрѣтятся теперь! Какъ будто мало
Своихъ заботъ и горя у меня,
Чтобъ грусть свою дѣлится еще и съ тѣми,
Съ которыми любви я не дѣлю!

Входитъ САЛЕМЕНЪ и ЗАРИНА.

САЛЕМЕНЪ.

Смѣлѣй, сестра! Великой нашей крови
Не посрамляй боязнью; не забудь,
Кто предокъ нашъ! Царица предъ тобою,
Мой государь.

САРДАНАПАЛЬ.

Я прошу тебя
Оставить насъ.

САЛЕМЕНЪ.

Ослушаться не смѣю.

(Уходитъ).

ЗАРИНА (въ сторону).

Наединѣ! Ахъ, оба мы еще
Такъ молоды, а сколько лѣтъ промчалось
Съ тѣхъ поръ, какъ мы сошлись впервые—
лѣтъ,

Среди вдовства сердечнаго печально
Прожитыхъ мной! Онъ не любилъ меня,
Но, кажется, онъ мало измѣнился...
Ко мнѣ одной онъ измѣнился... Ахъ,
Зачѣмъ и я такую жъ не осталась,
Какой была! Безмолвенъ онъ... едва
Глядитъ сюда... ни слова мнѣ, ни взгляда,
А между тѣмъ, бывало, взоръ его
И голосъ былъ такъ мягокъ,—равнодушенъ,
Но не суровъ, не жестокъ... Государь!

САРДАНАПАЛЬ.

Зарина!

ЗАРИНА.

Нѣтъ!—не говори: „Зарина“.
И этотъ звукъ, и слово это—все



АССИРІЙСКАЯ ПРИЧЕСКА (Барельефъ).

Истреблено столь долгими годами
И муками, удвоившими рядъ
Прожитыхъ лѣтъ.

САРДАНАПАЛЪ.

Теперь ужъ слишкомъ поздно
Припоминать бывше эти сны...
Оставимъ же упреки наши, то-есть
Не упрекай меня въ послѣдній разъ.

ЗАРИНА.

И въ первый разъ. Тебя не упрекала
Я никогда.

САРДАНАПАЛЪ.

Да, правда; тѣмъ сильнѣй
Мнѣ на душу ложится мысль объ этомъ...
Но человѣкъ надъ сердцемъ вѣдь своимъ
Не властелинъ.

ЗАРИНА.

И надъ рукою тоже.

А я тебѣ и сердце отдала
И руку...

САРДАНАПАЛЪ.

Мнѣ твой братъ сказалъ, что видѣтъ
Желала ты меня передъ отъѣздомъ
Изъ Ниневіи съ...

ЗАРИНА.

Съ нашими дѣтьми.

Да, это такъ. Хотѣла благодарность
Я выразить тебѣ за то, что ты
Не разлучилъ моей души несчастной
Съ тѣмъ, что любить еще осталось ей—
Съ созданьями твоими и моими,
Которыя похожи на тебя
И мнѣ въ глаза глядятъ, какъ въ дни бывше
И ты глядѣлъ... Въ нихъ перемѣны я
Не нахожу.

САРДАНАПАЛЪ.

И не найдешь. Желая

Душевно я, чтобъ былъ незыблемъ въ нихъ
Сыновній долгъ.

ЗАРИНА.

Малютокъ я не только
Какъ нѣжная слѣпая мать люблю;
О, нѣтъ!—они и какъ супругъ нѣжной
Мнѣ дороги. Единственная связь
Они теперь межъ мною и тобою.

САРДАНАПАЛЬ.

Зарина, вѣрь, что я всегда умѣлъ
Тебя цѣнить. Старайся, чтобъ примѣромъ
Для нихъ служилъ скорѣй твой славный
родъ,

Чѣмъ ихъ отецъ. Дѣтей я довѣряю
Тебѣ вполнѣ; для трона воспитать
Ты ихъ должна, иль—если онъ не будетъ
Удѣломъ ихъ... Тревогу этой ночи
Ты слышала?

ЗАРИНА.

О ней уже почти
Забыла я. Съ восторгомъ приняла бы
Я всякое несчастье, лишь бы въ немъ
Найти себѣ возможность вновь увидѣть
Твое лицо.

САРДАНАПАЛЬ.

Престоль мой—говорю
Безъ страха я—въ опасности; быть можетъ,
Имъ никогда не быть на немъ; но пусть
Они его изъ виду не теряютъ.
На все, повѣрь, на все отважусь я,
Чтобъ только былъ упроченъ тронъ за ними,
Но ежели погибну я—они
Обязаны неустрашимо снова
Имъ завладѣть и мудро свой вѣнецъ
Носить потомъ—не такъ, какъ я, безпечно
Всю власть мою растратившій...

ЗАРИНА.

Лишь то
Передавать я стану имъ, что можетъ
Почетнымъ быть для памяти отца.

САРДАНАПАЛЬ.

Пускай они услышатъ правду лучше
Изъ устъ твоихъ, чѣмъ злобу клеветы.
Въ несчастіи они узнаютъ злобу
Людской толпы къ развѣнчаннмъ царямъ
И за грѣхи отцовскіе заплатятъ,
Какъ за свои. Ахъ, дѣти! Все бы я
Могъ перенести, будь только я бездѣтенъ!

ЗАРИНА.

О, замолчи! Покоя моего
Послѣдняго не отравляй словами
Раскаянья, что ты—отецъ. Когда
Ты побѣдишь—они царями станутъ
И будутъ чтить того, кто спасъ для нихъ

Родной престоль, которымъ онъ такъ мало
Самъ дорожилъ; а если...

САРДАНАПАЛЬ.

Если я
Его лишусь—весь міръ имъ громко крикнетъ:
„Отца благодарите!“—и тогда
Проклятьями они наполнятъ воздухъ.

ЗАРИНА.

Нѣтъ, этого не будетъ никогда:
Почтеніемъ они покроютъ имя
Того, кто, павъ, какъ царь, въ послѣдній часъ
То совершилъ для своего безсмертья,
Чего другимъ царямъ не совершить
За много лѣтъ, которыя собою
Бѣгъ времени обозначаютъ только,
Но въ лѣтопись не вносятъ ничего.

САРДАНАПАЛЬ.

Ахъ, лѣтописи наши, можетъ статься,
Идутъ къ концу; но что бы ни являло
Ихъ прошлое—окончатся онѣ,
Какъ начались, со славою великой.

ЗАРИНА.

Но не рискуй собою; жизнь свою
Побереги; живи для тѣхъ, которымъ
Такъ дорогъ ты.

САРДАНАПАЛЬ.

А кто они? Раба,
Привязанная страстью—не скажу я
Тщеславіемъ: престоль мой передъ ней
Шатается, она жъ какъ прежде любитъ;
Кружокъ друзей, пирующихъ со мной,
Пока одно мы съ ними составляемъ,
И знающихъ, что чуть погибну я,
Они—ничто; братъ, оскорбленный мною;
Заброшенные дѣти и жена...

ЗАРИНА.

Которая и любить...

САРДАНАПАЛЬ.

И прощаетъ?

ЗАРИНА.

Объ этомъ я, повѣрь мнѣ, никогда
Не думала: и какъ прощать могу я,
Не обвинивъ?

САРДАНАПАЛЬ.

Жена моя!

ЗАРИНА.

О, будь
Благословенъ за это слово! Всякой
Надежды я лишилась—отъ тебя
Когда-нибудь его услышать снова.

САРДАНАПАЛЬ.

О, ты его отъ подданныхъ моихъ
Услышишь! Да, рабы, которыхъ щедро
Я насыщаль, лелѣялъ, набиваль

САРДАНАПАЛЬ.

Спокойствіемъ, по горло переполнилъ
 Богатствами, царями сдѣлалъ—да,
 Въ своихъ домахъ полнѣйшими царями—
 Теперь встаютъ мятежною толпою
 И требуютъ гибели того,
 Кто превратилъ ихъ жизнь въ веселый
 праздникъ;
 Межъ тѣмъ какъ тѣ немногіе изъ нихъ,
 Которыхъ я не обязалъ нисколько,
 Мнѣ преданы. Все это правда, но—
 Чудовищно!

ЗАРИНА.

Быть можетъ, это очень
 Естественно: въ испорченныхъ сердцахъ
 Все доброе становится отравой...

САРДАНАПАЛЬ.

А честныя умѣютъ извлекать
 Изъ зла добро—и этою работой
 Счастливей пчелъ, собирающихъ свой медъ
 Съ однихъ цвѣтовъ цѣлебныхъ.

ЗАРИНА.

Собирай же
 И ты свой медъ, не спрашивая, что
 Даетъ его. Довольствуйся сознаньемъ,
 Что ты еще не всѣми кинуть.

САРДАНАПАЛЬ.

Да,
 Конечно такъ, когда я живъ. Подумай,
 Будь я не царь—какъ долго смертнымъ я
 Остаться бъ могъ, остаться, то-есть, смерт-
 нымъ,
 Гдѣ смертные находятся—не тамъ,
 Гдѣ быть должны?...

ЗАРИНА.

Не знаю. Ты обязанъ
 Жить для моихъ... твоихъ дѣтей.

САРДАНАПАЛЬ.

Моя
 Хорошая, несчастная Зарина!
 Что жъ дѣлать мнѣ, коли я полный рабъ
 Случайности и собственныхъ влеченій,
 Котораго способно унести
 Малѣйшее дыханье? Не на мѣстѣ,
 Какъ государь, и въ жизни не на мѣстѣ.
 Не знаю, чѣмъ я могъ бы быть; одно
 Я чувствую, что я совсѣмъ не то,
 Чѣмъ долженъ быть... Пора, однако, кончить.
 Но, уходя, запомни вотъ что: я
 Не созданъ такъ, чтобъ оцѣнить достойно
 Твою любовь и сердце; не могу
 И красотой твоею восторгаться,
 Какъ приходилъ въ восторгъ отъ красоты
 Далеко не такой—и это только

Изъ-за того, что преданность къ тебѣ
 Была мой долгъ, я жъ вѣчно ненавиждѣлъ
 Малѣйшее подобіе цѣпей
 И для себя, и для другихъ: не можетъ
 И самый бунтъ того не подтвердить.
 Но выслушай слова мои, быть можетъ—
 Послѣднія: никто такъ глубоко
 Не уважалъ твоихъ душевныхъ качествъ,
 Какъ я, хотя, къ несчастью, не умѣлъ
 Изъ нихъ извлечь себѣ благую пользу.
 Такъ рудокопъ, наткнувшійся на жилу
 Нетронутаго золота, стоитъ
 Въ сознаніи, что будетъ бесполезна
 Она ему: онъ отыскалъ ее,
 Но вѣдь она принадлежитъ другому,
 Хозяину, которымъ для того
 Поставленъ онъ, чтобъ только рыть, не смѣя
 Дѣлать богатствъ, сверкающихъ въ землѣ,
 У ногъ его, не смѣя къ нимъ коснуться
 Иль взвѣсить ихъ, — онъ долженъ лишь
 глядѣть
 И, ползая, ворочать грунтъ тяжелый.

ЗАРИНА.

О, ежели ты, наконецъ, нашелъ
 Мою любовь достойной уваженья,
 Мнѣ болѣе не нужно ничего!
 Бѣжимъ теперь, бѣжимъ скорѣй отсюда!
 И я—позволь мнѣ вымолвить: и мы—
 Съ тобою, вѣрь, еще узнаемъ счастье!
 Ассирія не вся земля: найдемъ
 Мы новый міръ въ самихъ себѣ, и будетъ
 Онъ такъ блаженъ, какъ не были еще
 Ни я, ни ты со всѣмъ громаднымъ царствомъ
 У ногъ твоихъ!

Входитъ САЛЕМЕНЪ.

САЛЕМЕНЪ.

Я долженъ разлучить
 Скорѣе васъ; минуты дорогія
 Пронесутся.

ЗАРИНА.

Безчеловѣчный братъ!
 Высчитывать мгновенья, такъ высоко
 Блаженныя!

САЛЕМЕНЪ.

Блаженныя!

ЗАРИНА.

Онъ былъ
 Со мной такъ добръ, что я боюсь и думать
 Разстаться съ нимъ.

САЛЕМЕНЪ.

Вотъ женщины! У нихъ
 Прощаніе окончится навѣрно
 Рѣшеніемъ остаться. Это все

Предвидѣль я и потому такъ сильно
Противился. Но этому, сестра,
Не быть.

ЗАРИНА.

Не быть?

САЛЕМЕНЪ.

Останься и погибни!

ЗАРИНА.

Такъ что жъ? Съ моимъ супругомъ...

САЛЕМЕНЪ.

И съ дѣтьми.

ЗАРИНА.

О, горе мнѣ!

САЛЕМЕНЪ.

Сестра моя, послушай,
Какъ слѣдуетъ *моей* сестрѣ: у насъ
Ужъ приняты всѣ мѣры, чтобъ скорѣе
Спаси тебя и сыновей твоихъ—
Послѣднюю надежду нашу. Дѣло
Не въ чувствахъ здѣсь, хотя и имъ нельзя
Не придавать огромнаго значенья;
Но, кромѣ ихъ, замѣшанъ здѣсь вопросъ
О пользѣ государства. Для захвата
Дѣтей царя мятежники на все
Отважатся и разомъ...

ЗАРИНА.

Ахъ, довольно!

Не говори!...

САЛЕМЕНЪ.

Такъ слушай же меня:
Какъ скоро мы изъ рукъ у мидянъ вырвемъ
Твоихъ дѣтей, погибнетъ главный планъ
Бунтовщиковъ—уничтоженъе рода
Немвродова: хотя бы царь и палъ,
Но сыновья вѣдь будутъ жить для мщенья
И для побѣды.

ЗАРИНА.

Такъ я могу одна

Остаться здѣсь.

САЛЕМЕНЪ.

Какъ! Ты дѣтей покинешъ
Сиротками, тогда какъ есть у нихъ
Отецъ и мать,—покинешъ на чужбинѣ,
Такъ далеко?

ЗАРИНА.

О, нѣтъ! Моя душа
Не вынесетъ...

САЛЕМЕНЪ.

Теперь ты все узнала—
Рѣшай сама.

САРДАНАПАЛЬ.

Зарина, братъ твой правъ—

И мы должны на время покориться.
Оставшись, ты, быть можетъ, сгубишь все;
Уѣхавши, спасешь то, что осталось
Цѣннѣйшаго и у меня съ тобой,
И у сердецъ, въ которыхъ вѣрность долгу
Еще жива.

САЛЕМЕНЪ.

Пора, пора давно!

САРДАНАПАЛЬ.

Итакъ, рѣшай. Когда съ тобою снова
Мы встрѣтимся, быть можетъ, буду я
Ужъ болѣе тебя достойнымъ. Если жъ
Не суждено—то помни, что мои
Проступки всѣ хотя не искупились,
Но кончены... Боюсь я одного:
Что будешь ты сильнѣе сокрушаться
Объ имени поруганномъ и прахѣ
Того, кто былъ когда-то всемогущъ
Въ Ассиріи, чѣмъ... Я, однако, снова
Растрогаться готовъ, тогда какъ мнѣ
Теперь нужна особенная твердость.
Мои грѣхи происходили всѣ
Отъ мягкости душевной... Скрой, Зарина,
Скрой слезы! Ихъ совѣмъ не проливать
Я не прошу: гораздо легче было бъ
Остановить Евфратскую волну,
Чѣмъ удержать единую слезинку
Возвышенной и любящей души!
Но отъ меня скрывай ты ихъ; иначе
То мужество, которымъ полонъ я,
Исчезнетъ вновь... Братъ, уведи царицу!

ЗАРИНА.

О, Боже мой! Разстаться съ нимъ навѣкъ.

САЛЕМЕНЪ (*стараясь увести ее*).

Сестра, ты мнѣ должна повиноваться.

ЗАРИНА.

Прочь отъ меня! Должна остаться я!
Не трогайте! Я не хочу, чтобъ умеръ
Онъ здѣсь одинъ, а я жила одна.

САЛЕМЕНЪ.

Онъ не умретъ одинъ; но ты такъ долго
Жила одна...

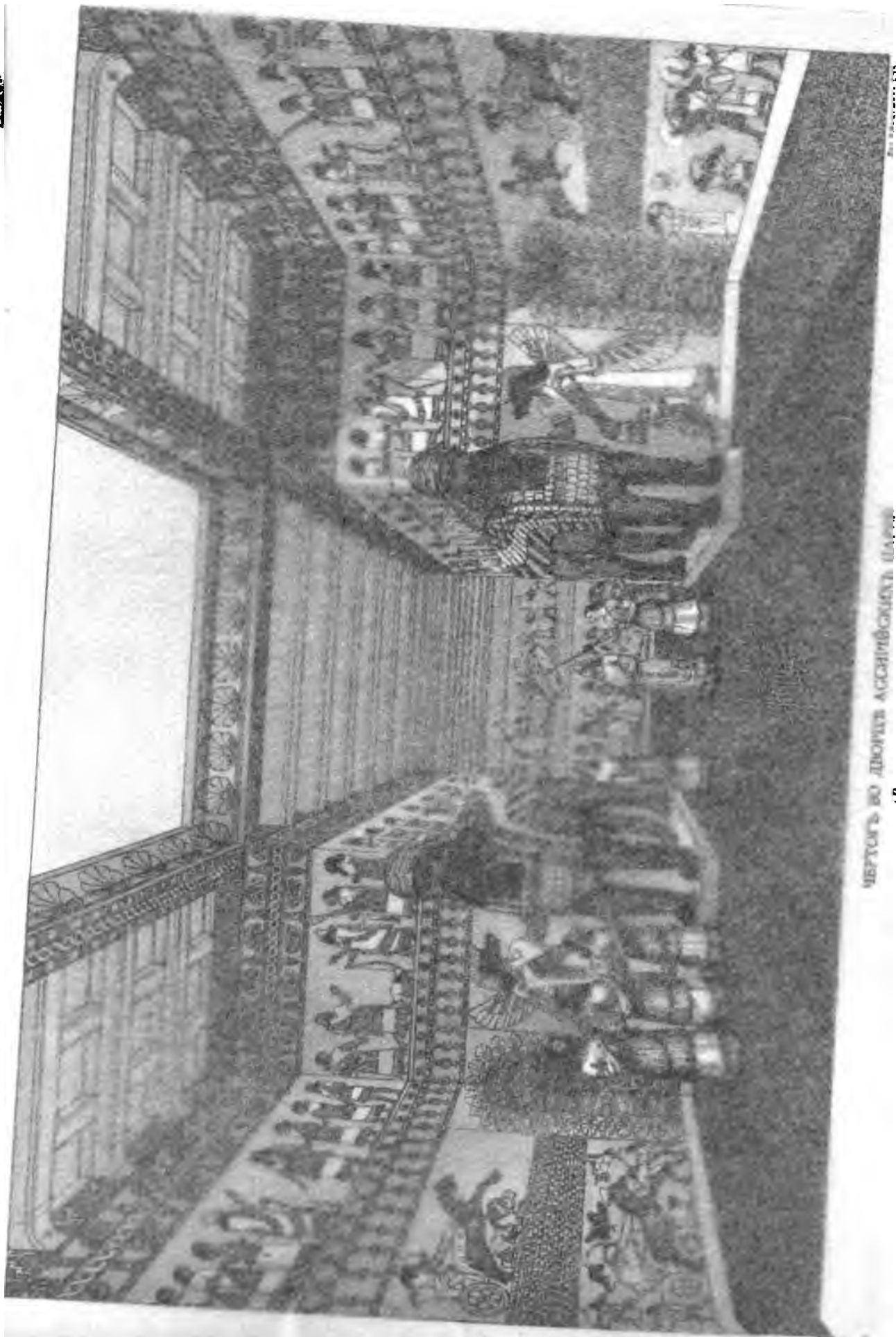
ЗАРИНА

Неправда! Знала я,
Что онъ живетъ—и образъ драгоцѣнный
Со мной былъ неразлученъ.

САЛЕМЕНЪ.

Если такъ—

Прости меня, но братское насилье
Употребить я долженъ.



МЕРТОСЪ ВО ДВОРЦѢ АСХИМѢОСКИМЪ ЦАРСКОМЪ

(Ремаркисъ и Лангъ)

С А Р Д А Н А П А Л Ъ.

ЗАРИНА

Никогда!
Спасите! О, Сарданапаль, ужели
Допустишь ты такъ грубо разлучить
Меня съ тобой?

САЛЕМЕНЪ.

Подумай—если только
Пропустимъ мы удобный этотъ часъ—
Погибло все.

ЗАРИНА.

Ахъ, голова кружится...
Въ глазахъ темно... Гдѣ онъ?
(*Падаеть въ обморокъ*).

САРДАНАПАЛЬ.

Оставь ее,
Она мертва—и ты ея убійца.

САЛЕМЕНЪ.

Не бойся такъ; то обморокъ простой—
Послѣдствіе излишняго волненія.
На воздухъ она прійдетъ въ себя...
Уйди, прошу. (*Въ сторону*). Я этою минутой
Воспользоваться долженъ, чтобъ ее
Перенести на царскую галеру,
Гдѣ дѣти ждутъ.

(*Салемень уноситъ Зарину*).

САРДАНАПАЛЬ (*одинъ*).

Такъ вотъ что, вотъ еще
Что перенести я долженъ въ этой жизни,
Я, никогда не мучившій людей
Умышленно.. Но это ложь! Любила
Она меня, и я ее любилъ.
О, отчего въ одно и то же время
Не умерла ты, роковая страсть,
Въ сердцахъ, тобой въ одно и то же время
Охваченныхъ? Зарина, заплачу
Я дорого за страшныя мученья
Твоей души! Когда бы я любилъ
Одну тебя—теперь мои народы
Почтительно смотрѣли бъ на меня,
Какъ на царя безспорнаго... Въ какую
Ужаснѣйшую бездну шагъ одинъ
Съ пути прямыхъ обязанностей нашихъ
Влечетъ и тѣхъ, кто требуетъ себѣ
Всеобщаго почтенія, какъ права,
Добытаго рожденіемъ, и находить
Его вездѣ, пока не потеряетъ
По собственной своей винѣ...

Входитъ МИРРА.

САРДАНАПАЛЬ.

Ты здѣсь!
Кто звалъ тебя?

МИРРА.

Никто. Но услышала
Я издали какъ будто плачь и стонъ—
И думала...

САРДАНАПАЛЬ.

Ты не имѣешь права
Входить сюда, пока не позвана.

МИРРА.

Быть можетъ, я могла бъ тебѣ напомнить
О болѣе привѣтливыхъ словахъ—
Хоть и они съ упрекомъ говорились;
Напомнить, какъ ты укорялъ меня
За то, что я надоѣдать боялась,
Не слушая желанья своего
И просьбъ твоихъ—входить къ тебѣ не-
званной
Во всякій часъ, кто бъ ни былъ у тебя...
Я ухожу.

САРДАНАПАЛЬ.

Когда пришла—останься...
Прости меня... Отъ этихъ всѣхъ тревогъ
Разстроены я, сердитъ... Но ты на это
Не обращай вниманья: скоро я
Прійду въ себя.

МИРРА.

Съ терпѣніемъ ожидаю
И съ радостью увижу...

САРДАНАПАЛЬ.

Передъ тѣмъ
Какъ ты вошла, изъ этихъ стѣнъ Зарина,
Ассирии царица, вышла...

МИРРА.

Ахъ!

САРДАНАПАЛЬ.

Ты вздрогнула?

МИРРА.

Я?

САРДАНАПАЛЬ.

Къ счастью, вошла ты
Въ другую дверь; иначе вы могли
Съ ней встрѣтиться. Хоть этого мученья
Избавилась она!

МИРРА.

Я глубоко
Сочувствую царицѣ.

САРДАНАПАЛЬ.

Это слишкомъ.
Сочувствіе такое несовмѣстно
Съ природою; немислимо оно,
Не можетъ быть взаимнымъ. Ты не можешь
Ее жалѣть; она способна лишь...

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ВАЙРОНА.

МИРРА.

Лишь презирать любовницу-рабыню?
Но не сильнѣй, чѣмъ презираю я
Себя сама.

САРДАНАПАЛЪ.

Презрѣнье! Къ той, которой
Весь полъ ея завидуетъ—къ тебѣ,
Владычицѣ надъ сердцемъ властелина
Вселенной всей?

МИРРА.

Будь властелиномъ ты
И тысячи вселенныхъ—точно такъ же,
Какъ и съ одной, подвластною тебѣ,
Разстанешься, быть можетъ, очень скоро—
Я все-таки унизилась бы, ставъ
Любовницей твоею, какъ позорно
Упала бы, отдавшись пастуху;
А будь онъ грекъ, еще позорнѣй было бъ
Паденіе.

САРДАНАПАЛЪ.

Ты славно говоришь.

МИРРА.

Я то, что есть.

САРДАНАПАЛЪ.

Когда на человѣка
Обрушится несчастье, все встаетъ
На павшаго; но такъ какъ я покамѣстъ
Еще не палъ и не расположенъ
Выслушивать упреки—можетъ статья
И потому, что слишкомъ часто ихъ
Заслуживалъ, то лучше мы съ тобою,
Пока еще живетъ межъ нами миръ,
Разстанемся.

МИРРА.

Разстаться!

САРДАНАПАЛЪ.

Вѣдь кончали жъ
Разлукою всѣ, жившіе до насъ,
И ею же когда-нибудь да кончатъ
Живущіе теперь!

МИРРА.

Но для чего?

САРДАНАПАЛЪ.

Для твоего спасенья. Безопасность,
Твою храня, съ надежной стражей я
На родину хочу тебя отправить.
И если ты здѣсь не была вполнѣ
Царицею, то унесешь такіе
Дары съ собой, которые тебѣ
Приданое дадутъ дороже царства.

МИРРА.

О, перестань!

САРДАНАПАЛЪ.

Царица ужъ теперь
Уѣхала, ея примѣру смѣло
Послѣдовать ты можешь. Я одинъ
Погибну здѣсь: товарищей ищу я
Лишь въ радости и счастья.

МИРРА.

Я жъ ищу
И радости и счастья въ томъ, чтобъ вмѣстѣ
Съ тобою быть... Ты не захочешь, нѣтъ,
Прогнать меня! ..

САРДАНАПАЛЪ.

Подумай хорошенько.
Потомъ, смотри, ужъ поздно будетъ.

МИРРА.

Пусть:
Тогда меня съ собой ты поневолѣ
Не разлучишь.

САРДАНАПАЛЪ.

И не хочу. Я думалъ,
Что этого сама ты ищешь.

МИРРА.

Я!

САРДАНАПАЛЪ.

Ты о своемъ позорѣ говорила.

МИРРА.

И чувствую его я глубоко,
Да, глубже, чѣмъ все, все на свѣтѣ, кромѣ
Моей любви.

САРДАНАПАЛЪ.

Бѣги же отъ него.

МИРРА.

Прошедшаго не уничтожить бѣгство;
Не возвратитъ оно ни сердца мнѣ,
Ни чести; нѣтъ, съ тобой я уцѣлѣю
Иль упаду. Коль одолѣешь ты
Своихъ враговъ—я буду жить твоею
Великою побѣдой; если ждетъ
Иной удѣлъ, то я его не стану
Оплакивать, а раздѣлю. Во мнѣ
Ты, часъ назадъ еще, не сомнѣвался.

САРДАНАПАЛЪ.

О, да; въ твоемъ безстрашии—никогда;
Въ твоей любви—до этихъ поръ, и вѣчно бѣ
Я вѣрилъ ей, когда бы ты сама...
Твои слова...

МИРРА.

Одни слова. Пусть служатъ
Свидѣтельствомъ любви моей дѣла,
Снискавшія еще сегодня ночью
Твое благоволенье, и затѣмъ

САРДАНАПАЛЪ.

Всѣ дѣйствія дальнѣйшія, куда бы
Ни бросила тебя твоя судьба.

САРДАНАПАЛЪ.

Благодарю—и, правоты сознаньемъ
Проникнутый, надѣюсь, что падутъ
Мои враги и водворится снова
Повсюду миръ—единая изъ всѣхъ
Земныхъ побѣдъ, желаемая мною.
Не нахожу въ завоеваньяхъ я
Величія, въ войнѣ не вижу славы.
Обязанность поддерживать оружіемъ
Мои права для сердца моего
Тяжеле всѣхъ позорныхъ оскорбленій,
Которыми хотятъ меня покрыть
Мои враги. О, вѣчно помнишь буду
Я эту ночь—хотя бы мнѣ пришлось
Жить для того, чтобъ памятною сдѣлать
Ее другимъ. Мнѣ думалось всегда,
Что я, своимъ правленьемъ безобиднымъ,
Внесъ въ лѣтопись, запачканную кровью,
Блаженный миръ; что сдѣлалось оно
Оазисомъ зеленымъ средь пустыни
Безчисленныхъ столѣтій; что на немъ
Съ отрадою потомки наши будутъ
Покоить взоръ, стараясь сохранять,
Беречь его, иль сѣтуя при мысли,
Что золотой Сарданапала вѣкъ
Невозвратимъ. Мнѣ думалось, что сдѣлалъ
Изъ царствъ моихъ я рай земной, куда
Приходятъ вслѣдъ за каждымъ новолуньемъ
И новыя блаженства. Принималъ
Я за любовь рукоплесканья черни,
За истину—слова моихъ друзей,
За лучшую награду—губы женщинъ...
И въ нихъ однѣхъ не ошибался я—
Да, милая? Отвѣтъ мнѣ поцѣлуемъ.

(Цѣлуетъ ее).

Теперь пускай берутъ они и жизнь
И власть мою! Одну тебя, о Мирра,
Я не отдамъ другому.

МИРРА.

Никогда!

Все громкое, блистательное можетъ,
У брата челоуѣка челоуѣкъ
Насильственно похитить: царства гибнуть,
Войска бѣгутъ и падаютъ, друзья
Становятся врагами, рабъ уходитъ,
Вездѣ обманъ—и измѣняютъ тѣ
Скорѣе всѣхъ, которые всѣхъ больше
Одолжены, и только та душа,
Что любить безкорыстно, не измѣнитъ
Любимому. Душа такая здѣсь,
Передъ тобой—и просить испытанья!

Входитъ САЛЕМЕНЪ.

САЛЕМЕНЪ.

Мой царь, тебя ищу я... Какъ она!
Опять она!

САРДАНАПАЛЪ.

Оставь свои упреки!

Твое лицо мнѣ говоритъ, что ты
Пришелъ сюда съ вещами поважнѣе,
Чѣмъ женщины присутствіе.

САЛЕМЕНЪ.

Меня

Изъ женщинъ всѣхъ одна лишь занимаетъ
Въ подобную минуту, а она
Ужъ спасена: уѣхала царица.

САРДАНАПАЛЪ.

Здоровая? Скажи скорѣе.

САЛЕМЕНЪ.

Да.

Упадокъ силъ прошелъ; по крайней мѣрѣ,
Смѣнился онъ безмолвіемъ безъ слезъ;
Блестящіе глаза, по спавшимъ дѣтямъ
Скользнувъ на мигъ, и блѣдное лицо
Потомъ уже не отвращались больше
Отъ стѣнъ дворца, межъ тѣмъ какъ по рѣкѣ,
При свѣтѣ звѣздъ, галера быстро мчалась.
Но на устахъ молчанье...

САРДАНАПАЛЪ.

Ахъ, когда бъ

Я чувствовалъ не больше, чѣмъ сказала
Несчастная!

САЛЕМЕНЪ.

Теперь ужъ слишкомъ поздно

Тебѣ скорбѣть; сочувствіемъ своимъ
Не облегчишь ты ни единой муки...
Но слушай, царь, съ какою вѣстью я
Пришелъ сюда; мятежники-халдейцы
И мидяне, имѣя во главѣ
Двоихъ вождей, вооружились снова.
Они ряды сомкнули и напасть
Готовятся. Какъ видно, и другіе
Сатрапы къ нимъ примкнули.

САРДАНАПАЛЪ.

Какъ! Еще

Мятежники? Ну, если такъ, ударимъ
Мы первые.

САЛЕМЕНЪ.

Теперь бы это былъ

Опасный рискъ, хотя сперва мы сами
Такъ дѣйствовать рѣшились. Если къ намъ
До завтрашняго утра подоспѣютъ
Отряды тѣ, къ которымъ я послалъ

Своихъ гонцовъ, то силы наши могутъ
Позволить намъ атакою рискнуть
Съ надеждою на полную побѣду.
До тѣхъ же поръ совѣтую тебѣ
Ждать приступа.

САРДАНАПАЛЪ.

Мнѣ ненавистна эта
Система выжиданья; знаю я,
Что менѣ рисковано сражаться
За крѣпкими стѣнами, низвергать
Врага на дно глубокихъ рововъ иль видѣть,
Какъ бьется онъ и корчится на кольяхъ,
Разставленныхъ коварно; только мнѣ
Не по сердцу все это: я теряю
Горячность всю; когда же предстоитъ
Атака мнѣ—хотя бы непріятель
Взлѣзъ на горы высокія, его
Я сброшу внизъ или погибну въ жаркой
Моей крови. На приступъ же! Впередъ!

САЛЕМЕНЪ.

Какъ молодой солдатъ ты разсуждаешь.

САРДАНАПАЛЪ.

Я не солдатъ—я только человѣкъ.
Не говори мнѣ о солдатахъ: это
Названіе я ненавижу такъ же,
Какъ тѣхъ, что имъ гордятся; но веди
Меня туда, гдѣ ихъ найти могу я.

САЛЕМЕНЪ.

Такъ рисковать не долженъ жизнью ты;
Она совсѣмъ не то, что жизнь моя
Иль всякая другая; вся война
Вращается на ней одной и съ нею.
Создать войну, разжечь и погасить,
Продлить ее, окончить—все зависитъ
Лишь отъ нея.

САРДАНАПАЛЪ.

Такъ кончимъ и войну.
И жизнь мою! Быть можетъ, это лучше,
Чѣмъ ихъ тянуть! Усталъ я отъ одной,
Да, кажется, и отъ обѣихъ...

(Трубные звуки).

САЛЕМЕНЪ.

Слышишь?

САРДАНАПАЛЪ.

Не слушать мы, а отвѣчать должны!

САЛЕМЕНЪ.

Но какъ же быть съ твоею раной?

САРДАНАПАЛЪ.

Рана

Залѣчена—забыта мной... Идемъ!
Ланцетъ врача вошелъ бы глубже въ тѣло:
Позоръ рабу, который слабо такъ
Кольнулъ меня!

САЛЕМЕНЪ.

О, если бъ и сегодня
Никто тебя сильнѣй не ранилъ!

САРДАНАПАЛЪ.

Да,

Коль побѣдить намъ суждено. Иначе
Придется мнѣ, придется самому
Исполнить трудъ, которымъ государя
Они могли бъ не утруждать...

(Снова трубные звуки).

Впередъ!

САЛЕМЕНЪ.

Я слѣдую.

САРДАНАПАЛЪ.

Оружье мнѣ, оружье!





ДРЕВНЕ-АССИРИЙСКИЙ ОРНАМЕНТЪ.
(Наружная стѣна гарема царя Саргона въ Хорсабадѣ).

Д Ъ Й С Т В І Е П Я Т О Е.

СЦЕНА I.

Та же зала во дворцѣ.

МИРРА И БАЛЕА.

МИРРА (*у окна*).

День наконецъ насталъ. Какую ночь
Смѣнилъ разсвѣтъ! Какъ на небѣ прекрасна
Была она! И сколько красоты
Прибавило еще разнообразье,
Внесенное внезапно грозой!
Но на землѣ какъ гнусно—на землѣ,
Гдѣ миръ, любовь, и радость, и надежда,
Въ единый часъ страстями душъ людскихъ
Попранныя, слились въ людской хадсѣ,
До этихъ поръ распастся не могущій
На части составныя! Шумъ войны
Еще не стихъ! Дивлюсь—какъ солнце мо-

жетъ

Вставать такимъ блестящимъ, разгонять
Скопившіяся тучи, превращая
Лучами ихъ въ воздушные пары
Прелестнѣе безоблачнаго неба,
Съ ихъ снѣжными горами, золотыми
Верхами колоколень, цѣпью волнъ
Пурпурнѣе, чѣмъ волны океана.
Чудесная иллюзія—земли
На небесахъ, но схожа такъ съ зеленью,
Что можно бы ее почти принять
За прочную дѣйствительность, и вмѣстѣ—
Такая мимолетная, такъ въ ней
Все, призрачно на вѣчномъ небосводѣ
Плывущее, что поневолѣ мы

Должны признать картину эту только
Видѣніемъ... А между тѣмъ она
Охватываетъ душу, вноситъ въ душу
Блаженный миръ, сливается съ душою,
Такъ что закатъ и восхождение солнца—
Для насъ часы и скорби, и любви.
Тѣмъ, кто на нихъ взираетъ равнодушно,
Невѣдомы тѣ царства, гдѣ живутъ
Два генія, которые и мучатъ
У насъ сердца, и очищаютъ ихъ
Такъ сладостно, что мы не промѣняемъ
Ихъ милую суровость на всю радость
Шумливую, какою только воздухъ
Когда нибудь былъ въ мірѣ потрясенъ;
Невѣдомы построенные ими
Дворцы, куда приходятъ отдохнуть
И подышать на нѣсколько мгновений
Ихъ нѣжные поклонники; и въ этотъ
Короткій срокъ прохладной тишины
Они вдыхаютъ столько неба, сколько
Достаточно для нихъ, чтобъ выносить
Съ безропотнымъ страданьемъ остальные
Тяжелые, безцвѣтные часы
Земного своего существованья,—
Хоть въ эти же мгновенья они
Повидимому дѣлятъ со своими
Собратьями-людьми и муки ихъ,
И наслажденья—эти *два* названья
Для чувства *одного*; его, въ своей
Душевной неустанной агоніи,
Мы раздвоять стараемся двойнымъ
Названіемъ—но тщетно: только въ *звукахъ*
Различіе; ихъ *сущность* побѣдить
Безсильны всѣ стремленья наши къ счастью.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ВАЙРОНА.

БАЛЕА.

Мечтаешь ты вполне спокойно, смотришь
Безъ трепета на солнечный восходъ,
Когда для насъ съ тобою онъ, быть можетъ,
Послѣдній въ этой жизни!

МИРРА.

Потому-то

Я и смотрю. Моимъ глазамъ, которымъ
Не суждено ужъ больше никогда
Встрѣчать его, я шлю теперь укоры
Въ томъ, что они такъ часто, слишкомъ часто
Глядѣли на него безъ чувствъ любви
Восторженной и уваженья, должныхъ
Тому, что всей землѣ мѣшаетъ быть
Такою же непрочною и тлѣнной,
Какъ я въ моей тѣлесной оболочкѣ.
Взгляни—вотъ тамъ халдейскій богъ. Когда
Мой взоръ на немъ, я стать почти готова
Поклонницей Ваала.

БАЛЕА.

Какъ теперь

Онъ царствуетъ на небесахъ, такъ прежде
Господствовалъ и на землѣ.

МИРРА.

Теперь

Онъ царствуетъ на ней гораздо больше.
Да, никогда еще земной монархъ
Не обладалъ и половиной долей
Могущества и славы, заключенныхъ
Въ единственномъ его лучѣ.

БАЛЕА.

Онъ богъ—

Сомнѣнья нѣтъ.

МИРРА.

Намъ, грекамъ, тоже богомъ

Онъ кажется. Однако иногда
Я думаю, что этотъ шаръ блестящій—
Скорѣ обиталище боговъ,
Чѣмъ самъ одинъ изъ нихъ, владыкъ без-
смертныхъ.

Смотри, вотъ онъ всѣ тучи разорвалъ
И мнѣ глаза такимъ наполнилъ блескомъ,
Что цѣлый міръ въ немъ потонулъ... Смо-
трѣть

Нѣтъ больше силъ.

БАЛЕА.

Послушай-ка... Не правда-ль,
Какой-то шумъ...

МИРРА.

Нѣтъ, это такъ тебѣ

Почудилось. Дерутся за стѣнами,
Не въ комнатахъ дворцовыхъ, какъ дрались

Вчера въ ночи; съ несчастной той минуты
Весь нашъ дворецъ сталъ крѣпостью, и здѣсь,
Какъ разъ въ его срединѣ, окруженной
Широкими дворами, рядомъ залъ,
Размѣрами подобныхъ пирамидамъ,
Которыя по одиночкѣ только
Имъ надо взять, чтобы туда проникнуть,
Куда они проникнули вчера—
Здѣсь мы равно далѣки отъ грозящей
Опасности, и также—славы.

БАЛЕА.

Но

Они сюда нашли себѣ вѣдь доступъ.

МИРРА.

Да, хитростью внезапной, и отпоръ
Жестокій имъ дала тотчасъ же доблесть.
Здѣсь служатъ намъ охраною теперь
И мужество, и бдительность.

БАЛЕА.

Дай небо

Побѣду имъ!

МИРРА.

Объ этомъ шлютъ мольбы

Здѣсь многіе, но тѣхъ гораздо больше,
Кто этого страшится. Ахъ, какой
Тревожный часъ! Гнать отъ себя стараюсь
Я мысль о немъ... увь, напрасно!

БАЛЕА.

Царь,

Какъ говорятъ, въ послѣдней нашей битвѣ
Такъ велъ себя, что ужасомъ объялъ
Бунтовщиковъ на столько же, на сколько
Повергнувъ въ изумленье вѣрныхъ слугъ
И подданныхъ своихъ.

МИРРА.

Совсѣмъ нетрудно

И ужасать, и изумлять толпу—
Орду рабовъ. Но въ самомъ дѣлѣ—храбро
Сражался онъ.

БАЛЕА.

Я слышалъ отъ солдатъ,
Что Белезисъ убить имъ. Это правда?

МИРРА.

Царь повалилъ его на землю, но
Мерзавецъ былъ освобожденъ—быть мо-
жетъ,
Лишь для того, чтобы восторжествовать
Надъ тѣмъ, кто побѣдилъ его въ сраженьѣ
И пощадилъ въ опасности, забывъ,
Что можетъ онъ короной поплатиться
За жалость безразсудную.

С А Р Д А Н А П А Л Ъ.

БАЛЕА (*прислушиваясь*).

Опять!

Ты слышишь?

МИРРА.

Да, ты правъ... Подходить кто-то.
Но медленны шаги...

Входят солдаты, неся раненаго Салемена, съ обломкомъ копья въ боку. Они кладутъ его на одинъ изъ стоящихъ въ комнатѣ дивановъ.

МИРРА.

О, Зевсъ!

БАЛЕА.

Итакъ,

Погибло все!

САЛЕМЕНЪ.

Ты лжешь! Эй, вы, убейте
Презрѣннаго раба за это слово,
Коль онъ солдатъ.

МИРРА.

Не трогайте его—

Онъ не солдатъ. Онъ мотылекъ придворный,
Не болѣе—изъ тѣхъ, что во дворцахъ
Вслѣдъ за царемъ порхають.

САЛЕМЕНЪ.

Ну, оставьте,

Пускай живетъ.

МИРРА.

Надѣюсь, что и ты
Останешься въ живыхъ.

САЛЕМЕНЪ.

Прожить хотѣлъ бы
Я этотъ часъ, чтобы узнать, чѣмъ бой
Окончился,—но врядъ ли, сомнѣваюсь.
Зачѣмъ меня вы принесли сюда?

ВОИНЪ.

По царскому приказу. Въ ту минуту,
Когда копье въ тебя вонзилось, ты
Упалъ безъ чувствъ, и государь тотчасъ же
Намъ повелѣлъ снести тебя сюда.

САЛЕМЕНЪ.

И хорошо онъ сдѣлалъ. Наше войско,
Сочтя меня убитымъ, по тому,
Что я лежалъ холодный и недвижимъ,
Могло бъ поколебаться... Но напрасно.
Я чувствую—приходить мой конецъ.

МИРРА.

Дай мнѣ взглянуть на рану; въ этомъ дѣлѣ
Я не совсѣмъ невѣжда; у меня
На родинѣ оно вѣдь тоже входитъ

Въ кругъ нашего образованья. Тамъ
Войнѣ нѣтъ перерыва, и привыкли
Мы къ зрѣлищамъ подобнымъ.

ВОИНЪ.

Мой совѣтъ—

Извлечь копье.

МИРРА.

Нѣтъ, нѣтъ, остановитесь!
Нѣтъ, это невозможно!

САЛЕМЕНЪ.

Значить, мнѣ

Уже не жить.

МИРРА.

При томъ обилии крови,
Которое послѣдовать должно
За этимъ извлеченьемъ, опасаюсь
За жизнь твою.

САЛЕМЕНЪ.

Меня же не страшить
Нисколько смерть... Гдѣ былъ нашъ царь
въ то время,
Когда меня вы съ мѣста унесли,
Гдѣ я упалъ?

ВОИНЪ.

На томъ же самомъ мѣстѣ.
Движеньями и голосомъ своимъ
Онъ ободрялъ испуганное войско,
Когда оно, увидѣвши тебя
Повергнутымъ, ужъ отступать собиралось.

САЛЕМЕНЪ.

Не слышали-ль, кого назначилъ онъ
Командующимъ арміей?

ВОИНЪ.

Не слышалъ.

САЛЕМЕНЪ.

Бѣгите же немедленно къ нему
Съ послѣднею моею просьбой—должность
Мою довѣрить Замѣсу, пока
На помощь къ намъ (на что давно надежду
Имѣемъ мы) не подоспѣетъ войско
Офратана, сатрапа Сузъ. Меня жъ
Оставьте здѣсь. У насъ не столько войска,
Чтобъ обойтись оно могло безъ васъ.

ВОИНЪ.

Но, князь...

САЛЕМЕНЪ.

Молчать! Вамъ сказано—ступайте!
Здѣсь женщина съ придворнымъ — лучше
нѣтъ
Компаніи больному. Не хотѣли

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ВАЙРОНА,

Позволить мнѣ духъ испустить на полѣ
Сраженія—такъ не желаю я,
Чтобъ праздные солдаты окружали
Мой смертный одръ... Ступайте, и приказъ
Исполните немедленно:

(Воины уходятъ).

МИРРА.

Какая
Великая и славная душа!
Ужли земля такъ скоро распроститься
Съ тобой должна?

САЛЕМЕНЪ.

Ахъ Мирра, милый другъ,
Такой конецъ избралъ бы я охотно,
Когда бы имъ спасъ царство иль царя.
Но ихъ не пережить по крайней мѣрѣ
Мнѣ суждено.

МИРРА.

Ты сильно поблѣднѣлъ...
САЛЕМЕНЪ.

Дай руку мнѣ. Обломокъ этой стали
Вѣдь только длить мученія мои,
Не принося поддержки жизни столько,
Чтобъ могъ я быть полезнымъ. Я его,
А съ нимъ и жизнь извлекъ бы самъ изъ
раны,

Когда бы мнѣ услышать только, какъ
Тамъ бой идетъ.

Входятъ САРДАНАПАЛЪ и воины.

САРДАНАПАЛЪ.

Мой лучший братъ!

САЛЕМЕНЪ.

Сраженье

Проиграно?

САРДАНАПАЛЪ *(въ глубокомъ уныньи).*

Меня ты видишь здѣсь.

САЛЕМЕНЪ.

Я лучше бы желалъ тебя увидѣть
Такимъ!

(Вырываетъ оружіе изъ раны и умираетъ).

САРДАНАПАЛЪ.

Такимъ увидите меня,
Коль помощь намъ—тростникъ послѣдній,
слабый,

Единая опора всѣхъ надеждъ—
Не явится съ Офратаномъ.

МИРРА.

Посланье

Предсмертное отъ брата, въ коемъ онъ

Просилъ тебя, чтобъ Замесь былъ назна-
ченъ
Начальникомъ, ты получилъ ли?

САРДАНАПАЛЪ.

Да.

МИРРА.

Гдѣ Замесь?

САРДАНАПАЛЪ.

Мертвъ.

МИРРА.

Алтада?

САРДАНАПАЛЪ.

Умираетъ.

МИРРА.

А Панья? Сферо?

САРДАНАПАЛЪ.

Панья живъ еще,
Но Сферо убѣжалъ иль въ плѣнъ захва-
ченъ.

Я одинокъ.

МИРРА.

И все погибло?

САРДАНАПАЛЪ.

Мы,

Въ стѣнахъ дворца, хотя у нихъ осталось
Защитниковъ немного, все жъ могли бъ
Выдерживать напоръ врага въ составѣ
Теперешнемъ, коль не найдется здѣсь
Измѣнника; но на открытомъ полѣ...

МИРРА.

Мнѣ кажется, что Салемена планъ
И былъ такой, чтобъ вылазки не дѣлать
До той поры, пока къ намъ не прійдетъ
Обѣщанная помощь.

САРДАНАПАЛЪ.

И нарушить

Рѣшеніе я побудилъ его.

МИРРА.

Утѣшься царь: твоя ошибка—храброй
И доблестной души.

САРДАНАПАЛЪ.

Но роковая.

О, милый братъ! Владѣнья всѣ мои,
Которымъ ты былъ лучшимъ украшеньемъ,
Мой мечъ, мой щитъ—единственную честь,
Оставшую мнѣ, я все бы отдалъ,
Чтобъ ты ко мнѣ вернулся. Но тебя
Оплакивать не стану я. Почтить
Хочу тебя, какъ самъ бы ты, надѣюсь,
Того желалъ. Всего грустнѣе мнѣ,

САРДАНАПАЛЪ.



ПИРЪ САРДАНАПАЛА.

(Дѣйствіе III, сц. I; входитъ Панія).

Съ картины Парриса (E. T. Parris) прав. Пиріамъ (G. A. Periam).

Что жизнь свою ты кинулъ съ убѣжденіемъ,
Что пережить могу я то, за что
Ты умеръ—царственность родную нашу,
Прожившую вѣка. Но если я
Ее спасу, тебѣ въ успокоенье
Пролью, мой братъ, десятковъ тысячъ
кровь

И слезы миллионовъ (слезы добрыхъ
Уже теперь тебѣ принадлежать).
Иначе мы съ тобою скоро снова
Увидимся—коль духъ, вселенный въ насъ,
Живетъ и за могилой. Ты читаешь—
Увѣренъ я—теперь въ душѣ моей
И отдаешь мнѣ справедливость. Дай же
Въ послѣдній разъ мнѣ руку сжать твою,
Еще не охладѣвшую, и сердце
Недвижное твое прижать къ тому,
Которое такъ горько, горько бьется!

(Цѣлуетъ трупъ).

Теперь его несите вы.

воины.

Куда?

САРДАНАПАЛЪ.

Въ мою опочивальню, положите
Подъ балдахинъ, гдѣ долженъ трупъ царя
Покоиться. А послѣ мы обсудимъ,
Какою церемоніей почтить
Намъ слѣдуетъ подобные останки.

(Воины уносятъ тѣло).

Входитъ ПАНІА.

САРДАНАПАЛЪ.

Ну, Панія, разставилъ стражу ты,
Исполнилъ приказанія, какія
Я далъ тебѣ?

ПАНІА.

Исполнилъ, государь,
Все въ точности.

САРДАНАПАЛЪ.

А воины все въ прежнемъ
Отважномъ настроеніи?

ПАНІА.

Государь?...

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ВАЙРОНА.

САРДАНАПАЛЪ.

Отвѣтилъ ты вопросомъ! Если дважды
Монархъ спросилъ—и получилъ въ отвѣтъ
На *свой* вопросъ опять вопросъ, то это
Зловѣщій знакъ. Какъ! Неужли они
Колеблются?..

ПАІА.

Кончина Салемена

И тотъ восторгъ, который вызванъ былъ
Въ мятежникахъ его паденьемъ въ битвѣ,
Вселили въ нихъ..

САРДАНАПАЛЪ.

Что? бѣшенство? Ну, да,
Не жалкое жъ уныніе? Иначе
И не могло случиться. Средства мы
Еще найдемъ вновь возбудить ихъ бодрость.

ПАІА.

Подобною утратою должна
И всякая побѣда омрачиться.

САРДАНАПАЛЪ.

Увы, никто не чувствуетъ ея
Такъ глубоко, какъ я!.. Однако, стѣны,
Въ которыхъ мы теперь осаждены,
Пока еще надежны, да и помощь
Извнѣ мы ждемъ: они пробьютъ свой путь
Сквозь цѣпь враговъ и сдѣлаютъ жилище
Монарха своего тѣмъ, чѣмъ оно
И было до сихъ поръ: дворцомъ свободнымъ,
Не крѣпостью и не тюрьмою.

Входитъ поспѣшно офицеръ.

САРДАНАПАЛЪ.

Что?
Твое лицо добра не предвѣщаетъ...
Ну, говори!

ОФИЦЕРЪ.

Не смѣю, государь.

САРДАНАПАЛЪ.

Не смѣешь ты, когда миллионы смѣли
Поднять мятежъ съ оружіемъ въ рукахъ?
Дивлюсь тебѣ! Но я прошу нарушить
Молчаніе, хранимое тобой
Изъ честнаго желанья—государя
Не огорчить. Готовъ услышать я
И худшее, чѣмъ то, что ты имѣешь
Мнѣ сообщить.

ПАІА.

Ты слышалъ. Продолжай.

ОФИЦЕРЪ.

Ту часть стѣны, которая проходитъ
Вдоль берега рѣки, сейчасъ снесло

Внезапнымъ наводненіемъ Евфрата;
Благодаря послѣднимъ ливнямъ въ тѣхъ
Громаднѣйшихъ горахъ, гдѣ онъ начало
Свое беретъ, ужасно вздулся онъ
И, выступивъ изъ береговъ, разрушилъ
Все это укрѣпленіе.

ПАІА.

Мрачный знакъ!

Ужъ нѣсколько вѣковъ у насъ повѣрье,
Что „городу отъ рукъ людскихъ не пасть,
Пока рѣка не сдѣлается тоже
Его врагомъ“.

САРДАНАПАЛЪ.

До злого предсказанья
Мнѣ дѣла нѣтъ, но случаемъ несчастнымъ
Встревоженъ я. Какая часть стѣны
Разрушена водою?

ОФИЦЕРЪ.

Стадій двадцать.

САРДАНАПАЛЪ.

И это все пространство доступъ къ намъ
Открыло осаждающимъ?

ОФИЦЕРЪ.

Покажѣсть,
При бѣшенствѣ рѣки идти на штурмъ
Немыслимо; когда же снова въ русло
Обычное войдетъ она, и вновь
Судамъ поплыть откроется возможность—
Дворецъ твой, царь, въ ихъ власти.

САРДАНАПАЛЪ.

Никогда
Тому не быть. Хотя возстали боги,
И люди, и стихіи, и предвѣстья
Зловѣщія противъ того, кто ихъ
Не вызывалъ, но никогда жилище
Моихъ отцовъ не допущу я стать
Берлогою, гдѣ выть сойдутся волки.

ПАІА.

Коль разрѣшишь, отправлюсь я сейчасъ
На мѣсто происшествія и мѣры
Немедленно прійму, чтобъ укрѣпить
Разрушенную часть, насколько время
И средства намъ позволяютъ.

САРДАНАПАЛЪ.

Да, спѣши,
И поскорѣй, какъ только ты успѣешь
Изслѣдовать подробно, возвратись
Съ докладомъ обстоятельнымъ объ этомъ
Ужасномъ наводненіи.

(Паніа и офицеръ уходятъ).



МИРРА (Myrrha).

Смотри!
Вотъ факелъ я зажгла, чтобъ путь нашъ къ звездамъ
Онъ освѣщала.

Рис. Медоусъ (K. Meadows), грав. Мотъ (H. Mote).

МИРРА.

И такъ,
Противъ тебя возстали даже волны!
САРДАНАПАЛЪ.
Онъ, дитя, не подданныя мнѣ,
И такъ какъ ихъ я наказать не вправѣ,
Приходится простить имъ.

МИРРА.

Вижу я
И радуюсь, что это предсказанье
Тебя не растревожило.

САРДАНАПАЛЪ.

Меня

Ужъ не страшатъ дурныя предсказанья:
Они вѣдь мнѣ не скажутъ ничего,
Чего бъ себѣ и самъ я съ прошлой ночи
Не говорилъ. Въ такихъ дѣлахъ всегда
Отчаянье предупрежденьемъ служить.

МИРРА.

Отчаянье!

САРДАНАПАЛЪ.

Нѣтъ, это не совсѣмъ

Отчаянье. Когда впередъ мы знаемъ
Все, что насъ ждетъ, и какъ мы это встрѣ-
тимъ—

Рѣшимость нашу, коль она тверда,
Я нахожу достойною названья
Гораздо благороднѣй. Но, мой другъ,
Что намъ слова? Со всякими словами,
Да и со всѣмъ покончимъ скоро мы.

МИРРА.

Останется одно лишь *дымо*—дѣло
Послѣднее, для смертныхъ всѣхъ существъ
Важнѣйшее; въ которомъ увѣнчанье
Того, что было, есть и будетъ впредь;
То, что одно есть общее всѣмъ людямъ,
Какъ ни были бѣ различны ихъ языкъ,
Рожденье, полъ, цвѣтъ, черты, характеръ,
Умъ, чувство, климатъ, время; точка та,
Гдѣ все соединяется, къ которой
Влечемся мы и для которой мы
Рождаемся и бродимъ въ лабиринтъ
Таинственнымъ, носящемъ имя—жизнь.

САРДАНАПАЛЪ.

Такъ какъ клубокъ существованій нашихъ
Почти ужъ весь распутанъ—отдадимъ
Послѣднія мгновенія веселью.
Тѣ, у кого ужъ больше ничего
Бояться не осталось, смѣло могутъ
Съ улыбкою смотрѣть на то, что прежде
Ихъ въ ужасъ приводило,—какъ дитя,
Открывшее секретъ игрушки страшной.

Возвращается ПАНИЯ.

ПАНИЯ.

Все, государь, что донесли тебѣ,
Дѣйствительно случилось. Тамъ, гдѣ волны
Проломъ образовали, караулъ
Удвоилъ я, для этого убавивъ
Число сторожевыхъ у стѣнъ, пока
Достаточно надежныхъ.

САРДАНАПАЛЪ.

Долгъ свой честно
Исполнилъ ты, какъ я и ожидалъ,
Мой Панія достойный!.. Наступаетъ
Тотъ часъ, когда порвутся узы, насъ
Съ тобой соединявшія. Прошу я
Взять этотъ ключъ; откроетъ онъ тебѣ
Входъ къ комнатѣ секретной сзади лежа
Въ моей опочивальнѣ. (Тамъ на немъ
Покоится теперь такое бремя,
Почетнѣе какого никогда
Ему носить еще не приходилось,
Хоть на его покровахъ золотыхъ
Ужъ много возлежало государей:
Покоится на время тотъ, кто былъ

Недавно Салеменомъ). Въ этомъ тайномъ
Хранилищѣ, куда проникнешъ ты,
Накоплены сокровища; ты можешь
Ихъ взять себѣ и остальнымъ твоимъ
Товарищамъ; хоть много васъ, но все же
Того, что тамъ найдете, чрезчуръ
Достаточно для всѣхъ. Желая также
Свободу дать моимъ рабамъ, и всѣ,
Здѣсь во дворцѣ живущіе, не позже,
Какъ черезъ часъ, пусть выйдутъ изъ него.
Затѣмъ распорядись о спускѣ въ воду
Моихъ галеръ, назначенныхъ служить
Для царскаго веселья—пусть послужатъ
Для вашего спасенія. Рѣку,
Широкою и вздувшуюся бурно
(Что мощь царя предъ ней!), не одолѣтъ
Моимъ врагамъ. Бѣгите же и будьте
Вы счастливы!

ПАНИЯ.

Да, только во главѣ
Съ тобою, царь, когда въ сопровожденіи
Насъ, вѣрныхъ слугъ, отправишься и ты.

САРДАНАПАЛЪ.

Нѣтъ, Панія, нѣтъ, это невозможно!
Иди же, повторяю, а меня
Ты предоставь моей судьбѣ.

ПАНИЯ.

Ни разу
До этихъ поръ не видѣлъ ты меня
Ослушникомъ; но тутъ...

САРДАНАПАЛЪ.

Всѣ люди, значитъ,
Перечить мнѣ осмѣлились—и дерзость
Внутри дворца съ измѣны внѣ его
Беретъ примѣръ! Дальнѣйшихъ возра-
женій
Я не хочу. Я далъ тебѣ приказъ,
Послѣдній мой приказъ. И неужели
Противиться ему ты станешь, ты?

ПАНИЯ.

Но, государь, еще не наступила...

САРДАНАПАЛЪ.

Такъ поклянись, что ты исполнишь все,
Какъ только я подамъ сигналъ.

ПАНИЯ.

Съ тяжелой,
Но преданной душой моею, клянусь.

САРДАНАПАЛЪ.

Достаточно. Теперь сюда прикажешь
Ты принести еловыхъ шишекъ, дровъ,
Засохшихъ листьевъ, вообще предметовъ,
Способныхъ загорѣться и горѣть

С А Р Д А Н А П А Л Ъ.

Отъ двухъ-трехъ искръ. И принесите также
Мнѣ пряностей и драгоценныхъ маслъ,
Большихъ досокъ, чтобы костеръ высокій
Соорудить; куреній разныхъ, мирры—
Великая здѣсь жертва будетъ мной
Принесена! Все это размѣстите
У моего престола.

ПАНІА.

Государь!

САРДАНАПАЛЪ.

Я приказалъ, ты клялся.

ПАНІА.

И безъ клятвы
Тебѣ всегда останусь вѣрнымъ я.
(Уходитъ).

МИРРА.

Что совершить задумалъ ты?

САРДАНАПАЛЪ.

Узнаешь
Ты скоро—то, чего не позабудетъ
Миръ никогда.

Возвращается ПАНІА съ герольдомъ

ПАНІА.

Въ то время, государь,
Когда я шелъ твою исполнить волю,
Мнѣ этого герольда привели;
Желаетъ онъ быть принятымъ тобою.

САРДАНАПАЛЪ.

Пусть говоритъ.

ГЕРОЛЬДЪ.

Нашъ царь Арбакъ...

САРДАНАПАЛЪ.

Вотъ какъ,
Уже и коронованъ! Но... что жъ дальше?

ГЕРОЛЬДЪ.

И Белезисъ, помазанный на санъ
Верховнаго жреца...

САРДАНАПАЛЪ.

Какого бога
Иль демона? Гдѣ новые цари,
Тамъ новые и алтари творятся..
Но продолжай. Ты посланъ вѣдь сюда,
Чтобъ твоего властителя велѣнья
Мнѣ возвѣстить, а вовсе не затѣмъ,
Чтобъ на мои отвѣтить.

ГЕРОЛЬДЪ.

И Офратанъ
Сатрапъ...

САРДАНАПАЛЪ.

Ну, онъ изъ нашихъ.

ГЕРОЛЬДЪ (*показываетъ перстень*).

Вотъ тебѣ

Порука въ томъ, что въ станѣ побѣдив-
шихъ

Находится и онъ: его кольцо
Съ печатью.

САРДАНАПАЛЪ.

Да, его кольцо. Ну, тройка
Достойная! Мой бѣдный Салемень!
Ты во время скончался, чтобъ не видѣть
Одной измѣной больше. Онъ вѣдь былъ
Твой вѣрный другъ, а мнѣ—какъ самый
вѣрный
Изъ подданныхъ служилъ... Ну, продолжай.

ГЕРОЛЬДЪ

Они тебѣ даруютъ жизнь и также
Свобода предлагается—избрать
Для жительства любое мѣсто въ дальней
Какой-нибудь провинціи; и тамъ,
Подъ стражей и надзоромъ, но въ темницу
Не заточенъ, ты будешь дни свои
Въ покоѣ проводить. Но подъ условьемъ—
Въ заложникахъ оставить долженъ ты
Трехъ принцевъ молодыхъ.

САРДАНАПАЛЪ (*иронически*).

Великодушье

Примѣрное!

ГЕРОЛЬДЪ.

Прошу отвѣта я.

САРДАНАПАЛЪ.

Отвѣта, рабъ? Съ какихъ же поръ рабами
Рѣшается судьба царей?

ГЕРОЛЬДЪ.

Съ тѣхъ поръ,
Какъ сдѣлались свободными.

САРДАНАПАЛЪ.

Орудье
Мятежниковъ! По крайней мѣрѣ ты—
Хоть только представителемъ измѣны
Явился къ намъ—ты кару за нее
Узнаешь на себѣ. (*Къ ПАНІИ*) Сейчас же
сбросишь

Съ дворцовыхъ стѣнъ ты голову его
Въ ряды бунтовщиковъ, а тѣло—въ воду.
Схватить его!

(*ПАНІА и воины хватаютъ герольда*).

ПАНІА.

Я никогда еще
Не исполнялъ твоей монаршей воли
Такъ радостно! Ведите же его,

Товарищи! Покои государя
Измѣнической кровью запятнать
Мы не должны. Пусть смерть свою онъ
встрѣтитъ
Внѣ этихъ стѣнъ.

ГЕРОЛЬДЪ.

Одно лишь слово. Царь,
Мое лицо священо.

САРДАНАПАЛЬ.

А какое-жъ
Мое лицо, мой санъ, когда ко мнѣ
Ты дерзостно явился съ предложеньемъ
Сложить его?

ГЕРОЛЬДЪ.

Я только исполнялъ
Чужія приказанья. Мой отказъ
Подвергнулъ бы меня такой же точно
Опасности, въ какую вовлекло
Меня повиновенье.

САРДАНАПАЛЬ.

Значить, эти
Цари новорожденные, лишь часъ
Провластвовавъ, ужъ такъ-же деспотичны,
Какъ тѣ, кого ужъ пеленали въ пурпуръ
И съ самаго рожденья на престолъ
Возвелъ народъ.

ГЕРОЛЬДЪ.

Царь, жизнь моя зависитъ
Отъ слова твоего; но и твоей
(Я говорю съ почтеніемъ смиреннымъ)
Такая же опасность, можетъ быть,
Грозитъ сейчасъ. Такъ будетъ ли достойно
Такого поколѣнья, какъ сыны
Немвродовы, въ послѣднія минуты—
Невиннаго герольда умертвить,
Пришедшаго къ вамъ мирнымъ, безоруж-

нымъ,

По должности; насильственно попать
Не только все, что люди чтутъ священ-

нымъ

Въ сношеніяхъ взаимныхъ, но и тѣ
Священнѣйшія узы, что съ богами
Связуютъ насъ?

САРДАНАПАЛЬ.

Онъ правъ. Пускай идетъ.
Послѣдній мой поступокъ да не будетъ
Свершеннымъ въ изступленьи. Вотъ, возьми
Мой кубокъ золотой, его наполни
Своимъ виномъ и съ мыслью обо мнѣ
Пей изъ него; иль въ слитокъ переплавь
И ни о чемъ другомъ уже не думай,
Какъ о цѣнѣ и вѣсѣ.

ГЕРОЛЬДЪ.

Я вдвойнѣ

Благодарю—за жизнь мою и этотъ
Роскошный даръ; благодаря ему,
Жизнь для меня еще дороже стала.
Но твой отвѣтъ я получу-ли?

САРДАНАПАЛЬ.

Да.

Чтобъ обсудить, прошу я часъ отсрочки.

ГЕРОЛЬДЪ.

Одинъ лишь часъ?

САРДАНАПАЛЬ.

Одинъ. Коль отъ меня
Властители твои за это время
Отвѣта не получаютъ, это имъ
Пусть будетъ знакъ, что ихъ условья мною
Отвергнуты, и сообразно съ тѣмъ
Пусть дѣйствуютъ.

ГЕРОЛЬДЪ.

Я съ точностью исполнить
Не премину желаніе твое.

САРДАНАПАЛЬ.

Постой, еще два слова.

ГЕРОЛЬДЪ.

Не забуду,
Какія бы то ни были слова.

САРДАНАПАЛЬ.

Ты передашь поклонъ мой Белезису,
Сказавъ ему, что черезъ годъ мы съ нимъ
Увидимся опять.

ГЕРОЛЬДЪ.

Гдѣ?

САРДАНАПАЛЬ.

Въ Вавилонѣ.
Оттуда онъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ
Отправится на встрѣчу.

ГЕРОЛЬДЪ.

Все буквально

Я передамъ.

(Уходитъ).

САРДАНАПАЛЬ.

Ну, Паніа, теперь,
Мой Паніа, скорѣй пусть исполняютъ,
Что я велѣлъ.

ПАНІА.

Солдаты, государь,
Ужъ заняты... Да вотъ они и вносятъ.
(Воины входятъ и строятъ костеръ вокругъ
трона).

САРДАНАПАЛЬ.

Друзья мои, повыше возводите
И по тѣснѣй кладите; стройте такъ,

Чтобъ не могло потухнуть основанье
Отъ слабости огня, и чтобъ ничья
Услужливая помощь не могла бы
Остановить пожаръ. Пусть центръ костра
Составить тронъ; его пришельцамъ новымъ
Оставить я иначе не хочу,
Какъ въ пламени, ничѣмъ неугасимомъ
Со всѣхъ сторонъ. Сооружайте такъ,
Какъ будто сжечь готовимся мы крѣпость
Стариннаго врага. Ну, вотъ теперь
Видъ недурной. Какъ, Паніа, ты скажешь—
Достаточно для похоронъ царя
Такой костеръ?

ПАНІА.

Да, и царя, и царства.
Теперь тебя я понялъ.

САРДАНАПАЛЬ.

И хулишь?

ПАНІА.

Нѣтъ... но прошу я только позволенья
Зажечь его и раздѣлить съ тобой.

МИРРА.

Долгъ этотъ—мой.

ПАНІА.

Твой! Женщины!

МИРРА.

Солдата

Долгъ—умирать за своего царя;
Такъ отчего жъ у женщины отвергнуть
Долгъ умереть съ возлюбленнымъ своимъ?

ПАНІА.

По моему, ужъ очень странно это!

МИРРА.

Но чаще, вѣрь, встрѣчается оно,
Чѣмъ думаетъ мой Паніа... Ты можешь
Остаться жить. Прощай! Костеръ готовъ.

ПАНІА.

Постыдно мнѣ оставить государя
Съ одною только женщиной, чтобъ смерть
Она съ нимъ раздѣлила.

САРДАНАПАЛЬ.

Въ прахъ могилы
Ужъ многіе предшествовали мнѣ.
Ступай, мой другъ; ступай обогатиться.

ПАНІА.

Для жалкаго существованья!

САРДАНАПАЛЬ.

Ты—

Не позабудь объ этомъ—далъ мнѣ клятву;
Она строга, священна.

ПАНІА.

Если такъ—

Прощай!

САРДАНАПАЛЬ.

Мой складъ сокровищъ хорошенько
Ты обыщи и забери себѣ
Все золото безъ всякихъ угрызений:
Вѣдь все, тобой оставленное тамъ,
Досталось бы рабамъ, моимъ убійцамъ.
Потомъ, когда на лодкахъ будетъ все
Уже лежать въ сохранности, то выйдя
Изъ стѣнъ дворца, ты въ этотъ самый мигъ
Подай мнѣ знакъ протяжнымъ трубнымъ звукомъ;

До берега отсюда далеко,
И такъ шумятъ теперь рѣчныя волны,
Что эхо къ намъ сигнала твоего
Не донесло бъ, будь съ берега онъ поданъ.
И вслѣдъ затѣмъ, съ товарищами—въ путь!
Сюда назадъ не обращая взоровъ
И все плывя Евфратомъ, по его
Теченію. А если вамъ удастся
Достигнуть Пафлагоньи, гдѣ живутъ
Подъ дружеской охраною у Котты
Съ царицею моихъ три сына,—ты
Ей Расскажи, что видѣлъ, уѣзжая,
И попроси припомнить то, что я
Ей говорилъ предъ нашею разлукой,
Печалившей меня еще сильнѣй.

ПАНІА.

Дай руку мнѣ державную! Прижаться
Губами къ ней позволю въ послѣдній разъ—
Мнѣ и моимъ товарищамъ несчастнымъ,
Столпившимся вокругъ тебя съ однимъ
Желаніемъ—здѣсь умереть съ тобою!
(Солдаты и Паніа окружаютъ его и цѣлуютъ его руки и край платья).

САРДАНАПАЛЬ.

Друзья мои! Послѣдніе друзья—
И лучшіе! Не будемъ ослаблять
Духъ мужества другъ въ другъ. Уходите!
Прощаніе мгновеннымъ быть должно,
Когда навѣкъ прощаются; иначе
Оно минуты превращаетъ въ вѣчность,
Послѣднія песчинки грустной жизни
Слезамъ окропляя. Уходите
И будьте счастливы. Повѣрьте мнѣ,—
Жалѣть меня теперь нѣтъ основанья:
Коль жалости я стою, такъ скорѣй
Въ прошедшемъ вы меня, чѣмъ въ настоящемъ,

Жалѣть должны; а будущаго что
Касается, такъ будущее наше
Въ рукахъ боговъ—коль существуютъ боги;

Узнаю это очень скоро я.
Прощайте же, прощайте!

(Паніа и воины уходятъ).

МИРРА.

Эти люди
Намъ честно послужили; для души
Отрадное успокоенье—видѣть
Въ послѣднія минуты предъ собой
Все любящія лица.

САРДАНАПАЛЪ.

Да, и лица
Любимыя, красавица моя!
Но выслушай. Мы на краю могилы
Съ тобой стоимъ; быть можетъ, въ этотъ
мигъ
Ты внутренно трепещешь предъ полетомъ
Въ грядущее сквозь пламя; если такъ,
Скажи; тебя, повѣрь, не разлюблю я
За то, что ты натурою своей
Побѣждена,—нѣтъ, даже больше стану
Тебя любить, пожалуй; и бѣжать
Тебѣ еще не поздно.

МИРРА.

Не пора-ли
Моей рукѣ уже зажечь одинъ
Изъ факеловъ, что въ комнатѣ сосѣдней,
Предъ алтаремъ Вааловымъ, лежатъ
Подъ вѣчною лампадой?

САРДАНАПАЛЪ.

Да. И это
Весь твой отвѣтъ?

МИРРА.

Сейчасъ увидишь самъ.
(Уходитъ).

САРДАНАПАЛЪ *(одинъ)*.

Она тверда. Отцы мои, къ которымъ
Перехожу я, смертью, можетъ быть,
Очищенный отъ грязныхъ пятенъ плоти—
Я не хотѣлъ, чтобъ древній вашъ дворецъ
Бунтовщикамъ-рабамъ достался въ жертву.
И если я наслѣдье ваше такъ
Не сохранилъ, какъ вы мнѣ завѣщали,
То эту часть блестящую его—
Дворцовыя богатства ваши, утварь,
Священное оружье ваше, всѣ
Побѣдныя трофеи, средь которыхъ
Они бы ликовали—я съ собой
Къ вамъ унесу въ губительной стихіи—
Подобіи души вѣрнѣйшемъ въ томъ,
Что отъ вещей, въ прахъ обращенныхъ ею,
Слѣдовъ не остается. Яркій свѣтъ
Отъ этого костра, гробницы царской,
Не будетъ лишь простымъ столбомъ изъ дыма

И пламени, иль маякомъ, горѣвшимъ
На горизонтѣ нѣсколько минутъ,
Чтобъ сдѣлаться потомъ лишь грудой пепла.
Нѣтъ, будетъ онъ урокомъ для вѣковъ,
Монарховъ сладострастныхъ и народовъ
Бунтующихъ. Пусть многихъ націй жизнь
И подвиги героевъ многихъ время
Забвеніемъ покроетъ, пусть оно
Съ лица земли сотретъ за царствомъ цар-
ство,

Какъ нынѣ разрушаетъ и мое,
Славнѣйшее изъ всѣхъ; но этотъ подвигъ
Послѣдній мой, я знаю, пощадитъ
Его рука и сдѣлаетъ примѣромъ,
Которому немногіе дерзнутъ
Послѣдовать, а презирать не будетъ
Его никто. Но многихъ, можетъ быть,
Онъ отвратитъ отъ жизни, приводящей
Къ такому окончанію.

*(МИРРА возвращается съ зажженными фа-
келомъ въ одной рукѣ и чашею въ другой).*

МИРРА

Смотри!
Вотъ факель я зажгла, чтобъ путь нашъ
къ звѣздамъ
Онъ освѣщаль.

САРДАНАПАЛЪ.

А чаша?

МИРРА.

У меня
На родинѣ обычай—возліянье
Свершать богамъ.

САРДАНАПАЛЪ.

А у меня—его
Свершать среди людей; обычай этотъ
Я не забылъ, и хоть теперь одинъ,
Но осушу твой кубокъ въ память многихъ
Веселыхъ прежнихъ пиршествъ.
*(Беретъ чашу, пьетъ изъ нея, потомъ опро-
кидываетъ и увидѣвъ нѣсколько выпавшихъ
оттуда капель, восклицаетъ):*

Это въ честь
Достойнѣйшаго Белезиса.

МИРРА.

Отчего же
Остановилась мысль твоя на немъ
Скорѣй, чѣмъ на другомъ—его собратъ
Въ измѣнѣ гнусной?

САРДАНАПАЛЪ.

Тотъ—простой солдатъ,
Орудіе простое, нѣчто въ родѣ
Тѣлеснаго меча въ рукахъ друзей,



СМЕРТЬ САРДАНАПАЛА
(по разсказу Діодора Сицилійскаго).
Картина Луски (Laska).

А Белезись — онъ двигаетъ пружины
Воинственной своей маріонетки.
Но я гоню изъ памяти моей
Обоихъ ихъ... Еще два слова, Мирра!
Послѣдовать за мной рѣшилась ты
Безъ страха и свободно?

МИРРА.

Неужели жъ
Ты думаешь, что дѣвушка гречанка
Не смѣетъ то исполнить изъ любви,
Что дѣлаетъ, обычаю покорна,
Индійская вдова?

САРДАНАПАЛЬ.

Такъ намъ теперь
Осталось ждать сигнала.

МИРРА.

Ужъ давно бы
Пора ему раздаться!

САРДАНАПАЛЬ.

Ну, прощай!
Послѣдній поцѣлуй!

МИРРА.

Нѣтъ, не послѣдній!
Еще одинъ остался.

САРДАНАПАЛЬ.

Ты права:
Въ огнѣ костра смѣшается нашъ пепель.

МИРРА.

И чистымъ, какъ любовь моя къ тебѣ,
Всю грязь земли, земныя страсти сбросивъ,
Смѣшается мой прахъ съ твоимъ. Одна,
Одна лишь мысль меня печалить.

САРДАНАПАЛЬ.

Что же?

МИРРА.

Что дружеской руки не будетъ здѣсь,
Чтобъ этотъ прахъ въ одной и той же урнѣ
Похоронить.

САРДАНАПАЛЬ.

Тѣмъ лучше. Лучше быть
Развѣяннымъ ему небеснымъ вѣтромъ
По воздуху, чѣмъ осквернить себя
Рукою человѣческой — рукою
Предательства и рабства. Мы съ тобой
Оставимъ здѣсь, въ дворцѣ, огнемъ объ-
ятомъ,

Въ развалинахъ его громадныхъ стѣнъ,
Величественный памятникъ, какого
Не далъ Египетъ рядомъ всѣхъ своихъ
Кирпичныхъ горъ надъ трупами монар-
ховъ —

Или быковъ: вѣдь неизвѣстно намъ,
Кого хранить предназначалось этимъ
Громадамъ горделивымъ — ихъ царей,
Иль Аписа быка, ихъ бога; странный,
Признаться, монументъ, забывшій самъ
Цѣль своего созданія!

МИРРА.

Прощай же,
Земля! И ты прелестнѣйшее мѣсто,
На всей землѣ! Іонія, прощай!
Будь вѣчно ты свободна и прекрасна,
Несчастьямъ недоступна! О тебѣ
Послѣдняя моя молитва; мысли
Послѣднія мои всѣ о тебѣ —
Всѣ, кромѣ лишь одной.

САРДАНАПАЛЬ.

И это?

МИРРА.

Это —

Мысль о тебѣ.

(Раздается звукъ трубы Паніи).

САРДАНАПАЛЬ.

Ты слышишь?

МИРРА.

Часъ пробилъ.

САРДАНАПАЛЬ.

Ассирія, прощай! Я всей душою
Любилъ тебя, страна моихъ отцовъ,
Страна моя; любилъ тебя нѣжнѣе
Какъ родину мою, чѣмъ какъ мои
Державныя владѣнія; насытилъ
И миромъ, и веселіемъ тебя —
И вотъ награда мнѣ! Теперь не долженъ
Тебѣ я ничего; могилы даже
Не примешь ты въ наслѣдство отъ меня.

(Входитъ на костеръ).

Что-жъ, Мирра?

МИРРА.

Ты готовъ?

САРДАНАПАЛЬ.

Готовъ, какъ факель

Въ твоей рукѣ.

(Мирра зажигаетъ костеръ).

МИРРА.

Костеръ зажженъ. Иду!

*(Въ ту минуту, какъ Мирра кидается въ
огонь, занавѣсъ опускается).*

Петръ Вейнбергъ.

САРДАНАПАЛЪ.



СМЕРТЬ САРДАНАПАЛА (по разсказу Діодора Сицилійскаго).

Картина Чэлона (Chalon).



СМЕРТЬ САРДАНАПАЛА.
(La mort de Sardanapal).
Картина Делакруа (Eugène Delacroix).

Καρμιννα (Καρκίνος) (Καρκίνος)
(La mort de Sardapda).
ΟΜΕΡΤΡ ΟΑΡΔΑΝΑΠΑΛΑ.



ДВОЕ ФОСКАРИ.

Въ ряду произведеній великаго англійскаго поэта его такъ называемыя „историческія драмы“ стоятъ въ оцѣнкѣ читателей, критиковъ и біографовъ на самомъ послѣднемъ мѣстѣ. И если „Марино Фальеро“ и „Сарданапалъ“ еще находятъ себѣ иногда защитниковъ, старающихся раскрыть въ нихъ незамѣченныя достоинства, то „The two Foscari“, ни въ комъ особеннаго интереса не возбуждали. Нѣтъ ни одной монографической статьи, посвященной имъ *), и біографы, не могущіе обойти ихъ полнымъ молчаніемъ, посвящаютъ имъ лишь самое необходимѣйшее число строкъ и—спѣшатъ мимо. Нѣкоторые изъ нихъ, желая придать группѣ историческихъ драмъ Байрона хоть какую-нибудь рельефность, старались представить ихъ пьесами, преслѣдующими политическія тенденціи, въ связи съ состояніемъ Италіи въ моментъ ихъ написанія. Но и это—весьма сомнительно: никто еще не сумѣлъ ясно и убѣдительно сказать, въ чемъ сказываются политическія тенденціи нашей драмы.

Пишущій эти строки долженъ сознаться, что и онъ также не принадлежитъ къ поклонникамъ драмы, которую взялся снабдить предисловіемъ.

Съ другой стороны, онъ понимаетъ, что налицо литературный фактъ, который, конечно, имѣетъ свой *raison d'être*, и что выясненіе этого послѣдняго есть тоже задача, если не благодарная, то во всякомъ случаѣ нужная.

Отмѣчу прежде всего, гдѣ и при какихъ условіяхъ наша драма создавалась.

Время ея написанія намъ извѣстно съ

полной точностью: поэтъ началъ работу надъ нею 12 іюня, а кончилъ ее уже 9 іюля 1821 года. Въ 27 дней, значить, написана пятиактная драма; срокъ незначительный, въ особенности, если принять во вниманіе, что пятистопный ямбъ безъ рима казался Байрону самымъ „труднымъ“ стихомъ, такъ какъ, по его словамъ, каждая строка въ немъ должна имѣть значеніе и вѣсъ. Впрочемъ, извѣстно, что быстрота и стремительность въ работѣ—одна изъ отличительныхъ чертъ въ творчествѣ Байрона: онъ всегда бралъ сюжетъ, такъ сказать, наскокомъ, выполняя задуманное почти въ одинъ присѣсть, и если ему съ перваго же раза сюжетъ не давался, то онъ, по его-же словамъ, „отходилъ отъ него, какъ тигръ ворча уходитъ въ тростниковую чащу, если ему не удалось схватить добычу съ перваго скачка,“—и никогда уже больше къ нему не возвращался.

Этимъ объясняется характеръ импровизаціи, присущій всѣмъ безъ исключенія произведеніямъ его, и въ этомъ отчасти кроется причина того страннаго факта, что Байронъ въ сущности ни одного законченнаго въ себѣ органическаго художественнаго произведенія не создалъ—за исключеніемъ именно этихъ драмъ; но въ нихъ органическая законченность обуславливается не столько творческой мыслью поэта, сколько внѣшней формой, въ которую онъ—нѣсколько искусственно и произвольно—захотѣлъ вылить сюжетъ.

Почему онъ выбралъ драматическую форму—объ этомъ рѣчь впереди; теперь же оглянемся на ближайшихъ сосѣдей нашей драмы въ произведеніяхъ Байрона; совокупность ихъ составляетъ довольно законченную группу, характеръ которой, въ связи съ нѣкоторыми біографическими данными, объясняетъ намъ, между прочимъ, и выборъ самого сюжета.

*) Довольно подробный разборъ нашей драмы пишется, впрочемъ, въ монографіи, охватывающей всѣ историческія драмы Байрона: F. von Westenholz, *Über Byrons historische Dramen. Ein Beitrag zu ihrer ästhetischen Würdigung.* Stuttgart, 1890.

Серія драмъ начинается черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по переселеніи поэта въ Равенну (въ декабрь 1819 г.). Отъ апрѣля до іюля 1820 г. Байронъ пишетъ „Marino Faliero“. Послѣ короткаго перерыва онъ въ январѣ 1821 г. принимается за „Сарданапала“, котораго заканчиваетъ въ маѣ; уже въ іюнѣ мы его видимъ за „Двумя Фоскари“, законченными въ іюлѣ; съ іюля же до сентября онъ работаетъ надъ „Каиномъ“ *) и въ октябрь въ двѣ недѣли набрасываетъ на бумагу мистерію „Небо и Земля“.

Рядомъ съ этимъ шли работы, меньшія по замыслу: переводы изъ Данте и Пульчи. Однимъ словомъ, дѣятельность крайне напряженная, которую можно было-бы назвать лихорадочной, если бы она не шла въ унисонъ съ темпераментомъ поэта.

Напряженіе и концентрація въ работѣ находили поддержку и во внѣшнихъ обстоятельствахъ жизни Байрона въ данную эпоху.

Вѣдь это было если не самое счастливое, то во всякомъ случаѣ самое спокойное время его жизни—время безмятежнаго счастья въ объятіяхъ молодой графини Гвичіоли. Если счастье и нарушалось иногда капризами старика-мужа и проистекавшими отсюда непріятностями, то этимъ лишь отбѣнялось само счастье и вносился въ него тотъ элементъ борьбы, безъ котораго любовь поэта замерла бы въ нѣсколько мѣсяцевъ. Извѣстно чѣмъ была для поэта молодая графиня и какъ онъ ее понималъ. Достаточно вспомнить, что она—оригиналъ, съ котораго списаны Ада въ „Каинѣ“ и Мирра въ „Сарданапалѣ“. Велика должна была быть любовь поэта къ Терезѣ, если онъ, независимый и дорожившій этой независимостью до ребячливыхъ протестовъ противъ намека на какое-бы то ни было вліяніе, все-таки подчинился вліянію ея любви—даже въ вопросахъ литературныхъ.

А онъ ему подчинился, это несомнѣнно.

Онъ не только перевелъ для нея эпизодъ Франчески да Римини изъ Дантовскаго „Ада“ и первую пѣсню „Morgante Maggiore“ Пульчи; онъ не только прервалъ, временно, по ея просьбѣ, работу надъ „Донъ-Жуаномъ“, казавшимся графинѣ безнравственнымъ,—онъ поддался ея желанію поднять его поэзію въ болѣе высокую и чистую атмосферу и, ведомый ея рукой, во-

шелъ еще болѣе въ кругъ великихъ воспоминаній итальянскаго народа: здѣсь источникъ вдохновенія, подсказавшаго ему „Пророчество Данте“, посвященное графинѣ, „Марино Фальеро“ и „Фоскари“.

Я думаю, что мы не впадемъ въ ошибку, если припишемъ отчасти ея вліянію и странное въ нашемъ поэтѣ пристрастіе къ формѣ классическихъ трагедій. Говорю *отчасти*, такъ какъ съ другой стороны въ немъ и раньше, и независимо отъ воздѣйствія графини, сказываются нѣкоторыя классическія традиции, хотя больше въ теоріи, чѣмъ на практикѣ. Онъ ведетъ свое начало еще изъ школы въ Гарроу, гдѣ величайшимъ и во всѣхъ отношеніяхъ образцовымъ поэтомъ признавался Поупъ. Этого мнѣнія держался до конца своей жизни и Байронъ. Насколько оно было въ немъ искренне—вопросъ другой, и мы были бы, можетъ быть, болѣе правы, если бы сказали, что Байронъ *увѣрялъ*, что онъ держится этого мнѣнія. Не подлежитъ сомнѣнію, что традиции дѣтства играли тутъ нѣкоторую роль, но не менѣе достоверно, что и здѣсь, какъ во многихъ другихъ—и болѣе важныхъ вопросахъ—мнѣнія и симпатіи Байрона опредѣлялись чисто внѣшними, случайными обстоятельствами, хотя бы на примѣръ тѣмъ, что Поупъ, какъ и онъ самъ, былъ калѣкой, что и онъ поражалъ красотой лица, и т. п. Не малую роль сыгралъ, наконецъ, и тотъ фактъ, что классическое теченіе въ литературѣ представляло діаметральную противоположность къ господствовавшему въ то время въ англійской литературѣ натурализму такъ называемой „морской школы“. Школу эту Байронъ ненавидѣлъ, всячески выказывая къ ней презрѣніе и часто вступая съ нею и въ открытую полемику—вспомнимъ его ожесточенную борьбу съ Соути. Возвеличивая Попа и вообще поэтовъ-классиковъ (Роджерсъ, Кэмпбелъ) онъ тѣмъ самымъ унижалъ „морскихъ“ поэтовъ. Однимъ словомъ, Байронъ былъ сторонникомъ классицизма какъ-бы только на-зло натуралистамъ. А что касается спеціально драмы, то и тутъ классицизму Байрона содѣйствовала аналогичная причина: его отрицательное отношеніе къ Шекспиру. Какъ великій художникъ, Байронъ не могъ не понять и не оцѣнить, такъ сказать, органически генія Шекспира,—а между тѣмъ онъ его называлъ варваромъ, который обязанъ значительной долей своей славы тому, что происходилъ изъ низкаго сословія.

*) „Сарданапалъ“, „Двое Фоскари“ и „Каинъ“ появились въ печати уже въ декабрь 1821 г.

Вѣдь договаривается же онъ даже до того, что въ одномъ мѣстѣ ставитъ Попа выше Шекспира. Не съ непониманіемъ имѣемъ мы тутъ дѣло, конечно, а съ тѣмъ духомъ противорѣчія, тѣмъ желаніемъ сказать свое, особенное, наперекоръ и на-зло другимъ, что такъ характерно для нравственного и духовнаго облика нашего поэта. Англія, увѣряетъ онъ, до сихъ поръ не имѣла настоящаго, правильнаго театра; надо его еще создать. И Байронъ беретъ за эту задачу и пишетъ свои драмы, не для дѣйствительной, реальной сцены (см. предисловіе къ „Сарданапалу“) — Байронъ ее презиралъ, — но для сцены „духовной“ (mental theatre). И работу свою онъ ведетъ въ направленіи, конечно, діаметрально противоположномъ Шекспиру. Тотъ былъ врагомъ классицизма, значить ему, Байрону, надо быть его сторонникомъ, тѣмъ болѣе, что въ *той* области за Шекспиромъ не погонишься. Байронъ *не можетъ*, а потому и *не хочетъ* соперничать съ Шекспиромъ.

Рядомъ съ этой, такъ сказать, отрицательной мотивировкой Байроновскаго классицизма, идетъ положительная — увлеченіе его итальянскимъ классикомъ Альфіери. И здѣсь также симпатія усиливалась благодаря случайнымъ внѣшнимъ обстоятельствамъ. Байронъ любилъ сравнивать себя съ Альфіери: оба они аристократы, но вмѣстѣ съ тѣмъ и демократы, страстно вдохновляющіеся идеей свободы; оба они нашли счастье въ любви при аналогичныхъ (хотя далеко не тождественныхъ) условіяхъ, — а этого достаточно, чтобы обезпечить за Альфіери симпатіи нашего поэта. Но отсюда до подражанія ему еще далеко, и Байронъ можетъ быть никогда не написалъ бы своихъ классическихъ драмъ — если бы не графиня Гвичіоли. Здѣсь именно тотъ пунктъ, въ которомъ вбилося клиномъ вліяніе Терезы, разсѣкшее его художественный обликъ: съ одной стороны, лирикъ, реалистъ страсти и страданія, не признающій надъ собою никакихъ авторитетовъ, не подчиняющійся никакимъ традиціоннымъ образцамъ, и съ другой — Байронъ-классикъ, насильно сдавливаемый свой сюжетъ въ испанскій сапогъ трехъ единствъ. Тутъ — рѣзкое противорѣчіе, котораго не могъ бы не замѣтить и самъ Байронъ, если-бы онъ когда нибудь задумывался надъ вопросами литературно-теоретическими, — а извѣстно вѣдь, что онъ, напримѣръ, въ разговорѣ съ друзьями-литераторами всячески избѣгалъ этихъ вопросовъ, никогда о нихъ не пи-

салъ, а если и касался ихъ въ своихъ критико-полемиическихъ статьяхъ, то лишь мимоходомъ и притомъ такъ, что легко убѣдиться, что онъ и самъ въ эти вопросы никогда серьезно не вдумывался. Во всякомъ случаѣ, не съ этой стороны подошелъ онъ къ классической драмѣ, а со стороны, такъ сказать, интимно-личной. А что касается бьющаго въ глаза противорѣчія, на которое мы указали выше, то вѣдь весь Байронъ съ головы до пятъ сотканъ изъ противорѣчій сознательныхъ и безсознательныхъ.

Сюжетъ какъ „Марино Фальеро“, такъ и „Двухъ Фоскари“ подсказанъ ему, конечно, его жизнью въ Венеціи (съ ноября 1816 до іюня 1819), гдѣ онъ на каждомъ шагу наталкивался на воспоминанія, связанныя съ этими именами, особенно же съ первымъ изъ нихъ. Исторія Фоскари менѣе извѣстна, но и она не могла не обратить на себя вниманія поэта, какъ одно изъ наиболѣе характерныхъ проявленій своеобразнаго политическаго строя старой Венеціи. Онъ нашелъ ее въ книгѣ Дарю „Histoire de la république de Venise 1819“ и Сисмонди „Histoire des républiques italiennes du moyen-âge“, 1807—18. Сводится она къ немногимъ лишь словамъ.

Фоскари-отецъ (Francesco Foscari) былъ одинъ изъ самыхъ заслуженныхъ дождей, управлявшій республикой съ 1423 г. до 1457 г. Несмотря, однако, на блестящіе успѣхи его во внѣшней политикѣ (пріобрѣтеніе Салоникъ, Брешии, Равенны и др. городовъ съ ихъ областями), онъ имѣлъ много враговъ въ самой Венеціи, между которыми самымъ ярымъ былъ знатный родъ Лоредано. Благодаря кознямъ этихъ враговъ, сынъ дожа, Джакопо, былъ обвиненъ въ государственной измѣнѣ, нѣсколько разъ подвергнутъ пыткамъ и трижды изгнанъ. Онъ и умеръ въ изгнаніи. Не довольствуясь этимъ, враги достигли того, что старый дожъ былъ лишенъ своего сана въ 1457 г., якобы вслѣдствіе его старческой разслабленности; немного дней спустя онъ умеръ. Байронъ въ общемъ строго держится этихъ историческихъ фактовъ и внесъ отъ себя лишь немногія измѣненія.

Почему заинтересовался онъ именно этимъ сюжетомъ?

Обстановка, въ которой онъ жилъ въ Венеціи, окружавшіе его здѣсь памятники великаго прошлаго этого города (которыми Байронъ, кстати сказать, интересовался весьма мало) могли подсказать ему не мало

сюжетовъ гораздо болѣе подходящихъ для драматической разработки, чѣмъ судьба двухъ Фоскари, не сыгравшая никакой роли въ исторической жизни Венеціи. Это волна—и волна незначительная, исчезающая безслѣдно въ морѣ событій. Какъ извѣстно, Байронъ не любилъ и не понималъ исторіи, а потому стимуломъ къ созданію нашей драмы не могло быть желаніе дать простую драматическую иллюстрацію къ исторіи Венеціи, какъ бы послѣдняя ни привлекала и ни возбуждала его фантазію величественно-мрачными картинами. Очевидно, что не съ этой стороны подошелъ онъ къ своему сюжету; послѣдній привлекалъ его не какъ историческій фактъ, а внутреннимъ, человѣческимъ своимъ содержаніемъ, независимо отъ исторической обстановки.

Что же даетъ намъ сюжетъ въ этомъ смыслѣ? Ни подвига героя, ни страстного порыва сильной души. Онъ даетъ лишь страданіе, отчаянное, безвыходное страданіе, безъ надежды на облегченіе, безъ момента забытья, безъ крика—глухое, безмолвное страданіе. Во всей драмѣ ни одной улыбки, ни одного луча свѣта, ни одного проблеска надежды. Сплошная, безпросвѣтная мгла. Поэтъ тщательно устраняетъ все, что могло бы внести въ удушливую атмосферу страданья свѣжую струю; онъ ни на минуту не хочетъ дать намъ вздохнуть свободнѣе. Ради этого онъ не останавливается даже передъ явными психологическими натяжками.

Фоскари-сынъ послѣ долгой мучительной пытки вновь приговоренъ къ ссылкѣ, вѣчной, правда, но дающей ему, по сравненію съ прежней, нѣкоторое облегченіе. Мѣсто ссылки—тотъ же островъ Кандіа; но только годъ онъ проведетъ въ тюрьмѣ въ Канеѣ, а затѣмъ ему предоставляется свобода жить на островѣ, гдѣ ему будетъ угодно; главное же облегченіе въ томъ, что на этотъ разъ Маринѣ, страстно любимой имъ женѣ, разрѣшено послѣдовать за нимъ въ изгнаніе. И тѣмъ не менѣе, выходя изъ тюрьмы на свободу, онъ видитъ въ послѣдней лишь „перемѣну цѣпи на другую—тягчайшую“, и покидаетъ венеціанскую темницу съ тоской настолько сильной, что разслабленное пыткой тѣло его не выдерживаетъ этой тоски—и онъ умираетъ.

Читатель невольно сомнѣвается въ возможности такой катастрофы именно въ этотъ моментъ и задается вопросомъ, почему поэтъ счелъ вообще нужнымъ ввести

этотъ смягчающій ссылку элементъ, лишь ослабляющій мотивировку развязки. Не была ли бы такая мотивировка болѣе цѣльной и психологически болѣе возможной, еслибъ онъ далъ новому изгнанью всей своей тяжестью и ужасомъ одиночества упасть на несчастнаго страдальца и убить его однимъ ударомъ? Отвѣтъ на вопросъ, почему онъ поступилъ не такъ, заключается конечно въ томъ, что вся психологія Фоскари-сына построена на любви къ Венеціи, какъ на чувствѣ, затемняющемъ и заглушающемъ всѣ другія душевныя движенія; и тѣ условія, которыми поэтъ обставляетъ смерть своего героя, несомнѣнно сильно отбѣняютъ эту первенствующую, какъ-бы самодовлѣющую страсть его души, придавая ей какую-то особенную безпомощную глубину.

Но не въ этомъ пока дѣло. Ясно только, что поэтъ настойчиво возвращается къ мотиву страданія, не допуская въ немъ ни одного смягчающаго звука.

И тутъ, кажется, лежитъ ключъ къ уразумѣнію замысла поэта. Байронъ—поэтъ страданія; оно привлекаетъ его, какъ таковое. Это—роковая черта, наложившая своеобразную „байроновскую“ печать на все его творчество, своего рода астигматизмъ художественнаго глаза, заставлявшій его видѣть одно только страданіе во всѣхъ безконечно разнообразныхъ проявленіяхъ жизни. Страданіемъ звучать не одни только тяжелые аккорды Манфреда; оно слышится и въ безконечной ироніи Донъ-Жуана, и сопровождаетъ поэта всюду, налетаетъ тучей на все, чего бы ни коснулась его рука. Страданья ищетъ онъ въ своихъ герояхъ даже въ тѣ моменты своей жизни, когда послѣдняя, казалось бы, могла ему доказать, что не однимъ только страданіемъ дышитъ грудь человѣка. Онъ лично могъ быть самозабвенно счастливъ въ объятіяхъ Терезы, но какъ поэтъ онъ и тутъ остается пѣвцомъ страданья, и только страданья. Стоитъ вспомнить „Пророчество Данте“, „Марино Фальеро“, „Сарданапала“, наконецъ—нашу драму: передъ нами скѣла мотивовъ съ замѣтнымъ crescendo страданія. И нигдѣ въ произведеніяхъ Байрона этотъ мотивъ страданія не получилъ такого отчаянно-рѣзкаго выраженія, какъ въ щемящихъ душу сценахъ нашей драмы. Во всѣхъ другихъ его твореніяхъ—я говорю о болѣе зрѣлыхъ—страданье либо развивается на почвѣ идейной міровой скорби, находя источникъ и пищу

главнымъ образомъ или исключительно въ душѣ героя; либо оно мотивируется хоть какой нибудь виной („Марино Фальеро“, „Сарданапаль“). Здѣсь же нѣтъ ни того, ни другого: страданье грубо навязывается извнѣ несчастнымъ, безсильнымъ и безпомощнымъ людямъ. Вины нѣтъ:—вѣдь мы не вѣримъ въ клевету Лоредано. Страданье не заслужено, а потому возмутительно-безсмысленно. И развивается оно не на почвѣ идейной, создается не субъективнымъ міросозерцаніемъ, окрашивающимъ въ мрачный цвѣтъ скорби весь міръ,—развивается оно на почвѣ самыхъ простыхъ и незатѣйливыхъ, самыхъ законныхъ потребностей человѣческаго существа: любви къ родинѣ, любви къ семьѣ и жажды счастья и покоя. Судьба сковала этихъ страдальцевъ по рукамъ и ногамъ; грудь сперта—дышать нечѣмъ; голова отуманена горемъ; и удары сыплются на нихъ, и они молча сгибаются подъ ними и молча сходятъ въ могилу. Вѣдь тирады старика-дожа передъ смертью—не страстный протестъ противъ судьбы; онѣ подводятъ лишь грустный итогъ подъ всю его многострадальную жизнь, не смягченный ни прощеніемъ, ни примиреніемъ передъ смертью.

Такимъ образомъ, ни въ одномъ произведеніи Байрона страданье нравственное и физическое не нашло такого рѣзкаго выраженія, какъ въ нашей драмѣ. Весь смыслъ послѣдней въ выраженіи человѣческаго страданія, простого, безхитростнаго и—безмолвнаго.

И въ этомъ—значеніе нашей драмы въ ряду другихъ произведеній поэта. Она представляетъ собою естественное и логически-необходимое завершеніе извѣстнаго мотива, и поэтъ дошелъ бы до этого конца, даже если-бы случай не подсказалъ ему сюжета Фоскари. Послѣдній явился лишь подходящей канвой, которую поэтъ воспользовался, съ этой точки зрѣнія, удачно. Не будь его, Байронъ создалъ бы фабулу самъ, какъ онъ создалъ ее для большинства своихъ произведеній, безсознательно давая волю своему творчеству въ томъ направленіи, въ какомъ оно само искало себѣ выраженія. Страданье, *активно*—дѣломъ или мыслью—реагирующее, необходимо предполагало страданіе пассивное, безмолвное: Манфредъ, герои юношескихъ поэмъ Байрона, Марино Фальеро—предполагали Фоскари.

Помимо этого, есть, однако, еще другой пунктъ въ нашей драмѣ, который можетъ

имѣть значеніе для рѣшенія интересующаго насъ вопроса. Выше мы указали на то, что вся психологія Фоскари-сына построена на одномъ, преобладающемъ въ его душѣ чувствѣ—болѣзненно-развитой любви къ Венеціи. Этотъ мотивъ, на который въ исторіи имѣется лишь намекъ,*) развитъ имъ здѣсь до психологически неправдоподобныхъ размѣровъ. Очевидно, что Байронъ руководствовался въ данномъ случаѣ какими-то особенными соображеніями, не имѣвшими ничего общаго съ соображеніями драматургическими. И невольно является мысль, не скрывается ли въ этомъ пунктѣ автобіографическій элементъ? Правда, мы не имѣемъ никакихъ опредѣленныхъ данныхъ для сужденія о томъ, насколько въ душѣ Байрона была сильна тоска по родинѣ. Но что онъ тосковалъ по Англіи—это вѣроятно *a priori*. Искреннимъ лиризмомъ звучатъ слова, влагаемая поэтомъ въ уста Джакомо: „Кто не любить своей родины, тотъ вообще не способенъ любить“. Горячей любовью къ родной сторонѣ дышитъ 12-я строфа второй пѣсни его „Острова“.

Тоска по родинѣ косвенно подтверждается и той радостью, которую Байронъ всегда испытывалъ на чужбинѣ при встрѣчѣ съ соотечественниками, напоминавшими ему хорошее время его жизни въ Англіи или внушавшими ему по той или иной причинѣ довѣріе. Байронъ ненавидѣлъ англійское общество, съ его ханжествомъ и напускной моралью, то общество, которое, заклеивъ его позоромъ, изгнало его изъ своей среды и продолжало преслѣдовать его своей клеветой и на чужбинѣ. Но это не исключало, конечно, въ поэтѣ тоски по родной сторонѣ. И не сближало ли это его съ героемъ драмы, изгнаннымъ, какъ онъ, кознями людей? Когда въ первомъ дѣйствіи тюремщикъ, удивляясь любви Джакомо къ Венеціи, спрашиваетъ его:

Какъ можете любить

Вы такъ глубоко край, гдѣ ненавидятъ
Самыхъ васъ такъ жестоко?

онъ отвѣчаетъ:

Ненавидитъ

Меня не край, а дѣти края—люди.

*) Джакомо показалъ на судѣ, что онъ написалъ письмо герцогу Миланскому лишь съ тою цѣлью, чтобы его еще разъ вернули въ Венецію.

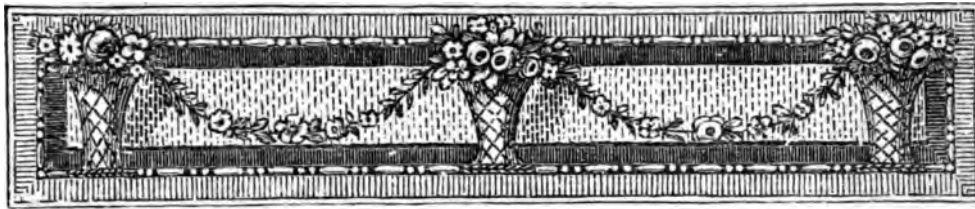
Не говорить ли здѣсь самъ поэтъ устами своего героя? А если такъ, то выборъ именно этого сюжета становится еще болѣе понятнымъ.

Какъ драма, наша пьеса страдаетъ весьма крупными недостатками, бросающимися въ глаза даже при самомъ поверхностномъ чтеніи. Крайняя скудость дѣйствія, вызывающая томительное однообразіе отдѣльныхъ сценъ; неумѣлые драматургическіе приемы, сказывающіеся въ томъ, что драма распадается на рядъ діалоговъ, развертывающихся передъ нами безъ оживленія, безъ подъема въ тонѣ, безъ перемѣнъ въ настроеніи, — все это такъ ясно, что не требуетъ доказательствъ. Но самый серьезный упрекъ состоитъ въ томъ, что драма не имѣетъ героя, или, вѣрнѣе, что она имѣетъ *двухъ* героевъ, въ чемъ откровенно сознается и самъ авторъ въ главѣ пьесы. Интересъ читателя раздвигается, переходя отъ Фоскари-отца къ сыну и обратно, смотря по ходу діалоговъ, нигдѣ и никогда не сосредоточиваясь на одномъ центральномъ пунктѣ. А этимъ

существенно нарушается основное требованіе всякаго драматическаго построенія: единство дѣйствія и драматическаго интереса. Чтобы оправдать драму, хотя-бы формально, съ этой стороны, нѣкоторые критики выдвигали на первый планъ Лоредано и старались доказать, что, по замыслу поэта, онъ именно долженъ считаться героемъ драмы, такъ какъ послѣдняя представляетъ собою якобы драму мести. Что Лоредано стоитъ въ центрѣ всего дѣйствія, что послѣднее приводится въ движеніе если не исключительно, то во всякомъ случаѣ преимущественно имъ, — это вѣрно. Но героемъ драмы его все-таки признать нельзя, такъ какъ интереса нашего онъ и его тупоумная и слѣпая ненависть ни на одинъ моментъ не привлекаютъ. Всѣ другіе персонажи драмы — статисты, безъ которыхъ развитіе дѣйствія нисколько не было-бы нарушено.

Ө. Браунъ.





Дѣйствующія лица.

Мужчины:

Франческо Фоскари—дожъ Венеціи.

Джакопо Фоскари—его сынъ.

Джакопо Лоредано—патрицій

Марко Меммо—членъ Совѣта Сорока.

Барбаригго—сенаторъ.

Сенаторы, члены Совѣта Десяти, стража, слуги
и прочіе.

Женщина:

Марина—жена молодого Фоскари.

Мѣсто дѣйствія—дворецъ дожа въ Венеціи.





Д Ъ Й О Т В І Е П Е Р В О Е.

Комната во дворцѣ дожа.

ЛОРЕДАНО и БАРБАРИГО *встрѣчаются.*

ЛОРЕДАНО.

Гдѣ арестантъ?

БАРБАРИГО.

На отдыхъ отъ пытки.

ЛОРЕДАНО.

Срокъ отдыха, назначенный вчера
Для новаго допроса, истекаетъ.
Отправимся жъ къ товарищамъ въ Со-
вѣтъ—

Поторопить пора ихъ приниматься
За дѣло вновь.

БАРБАРИГО.

Мы, думаю, должны
Позволить отдохнуть его несчастнымъ,
Истерзаннымъ тяжелой пыткой членамъ:
Онъ такъ былъ слабъ вчера, что врядъ ли
въ силахъ

Вновь выдержать допросъ.

ЛОРЕДАНО.

А что еще?

БАРБАРИГО.

Я

Не менѣ тебя горю желаньемъ
Отмстить Фоскари, сыну и отцу,
И цѣлому ихъ роду за кичливость
И гордость ихъ; желаю я не меньше,
Чтобъ совершилось строго правосудье;
Но, кажется, бѣднякъ перетерпѣлъ
Гораздо больше мукъ, чѣмъ можетъ снести
И самая стоическая твердость.

ЛОРЕДАНО.

Но все жъ онъ не сознался въ преступленьи.

БАРБАРИГО.

Онъ, можетъ быть, его и не свершилъ;
Хоть, правда, письма къ герцогу Милана
Имъ признаны, но вытерпѣлъ онъ больше,
Чѣмъ можно снести. Ужели не считаешь
Ты этихъ мукъ достаточнымъ возмездьемъ?

ЛОРЕДАНО.

Посмотримъ.

БАРБАРИГО.

Лоредано, ты заходишь,
Мнѣ кажется, ужъ слишкомъ далеко
Въ наслѣдственной враждѣ твоей.

ЛОРЕДАНО.

А чѣмъ

Ее ты измѣряешь?

БАРБАРИГО.

Радъ ты вырвать
Весь родъ ихъ съ корнемъ вонъ.

ЛОРЕДАНО.

Такъ вотъ—коль скоро
Удастся это сдѣлать мнѣ, тогда
Меня и упрекай. Идемъ въ совѣтъ.

БАРБАРИГО.

Постой: число товарищей пока
Еще не полно, двухъ не достааетъ,
Чтобы могло открыться засѣданье.

ЛОРЕДАНО.

А прибылъ ли глава собранья, дожъ?

БАРБАРИГО.

Онъ не изъ тѣхъ, которые привыкли
Запаздывать. Напротивъ, съ твердымъ ду-
хомъ,
Достойнымъ древнихъ римлянъ, занимаетъ
Всегда онъ первый мѣсто на судѣ
Столь скорбномъ для него; вѣдь судить онъ
Послѣдняго, единственнаго сына.

ЛОРЕДАНО.

О, да! послѣдняго!

БАРБАРИГО.

И этотъ видъ

Не трогаетъ тебя?

ЛОРЕДАНО.

А онъ? Онъ тронуть?

Какъ думаешь?

Д В О Е Ф О С К А Р И.

БАРБАРИГО.
 Онъ этого покамѣсть
 Не выразилъ ничѣмъ.
 ЛОРЕДАНО.
 Ты въ этомъ правъ:
 Презрѣнное созданье!
 БАРБАРИГО.
 Говорятъ
 Однако, что вчера, переступая
 Порогъ своихъ покоевъ, старый герцогъ
 Лишился чувствъ.
 ЛОРЕДАНО.
 Ага! такъ, значитъ, дѣло
 Его немного проняло.
 БАРБАРИГО.
 Да,—дѣло,
 Которому виновникъ главный—ты.
 ЛОРЕДАНО.
 Я искренно желаю быть виновнымъ
 Въ немъ полностью: моихъ отца и дяди
 Нѣтъ болѣе на свѣтѣ...
 БАРБАРИГО.
 Я читалъ
 Надгробную имъ надпись: въ ней сказано,
 Что будто бы они отравлены.
 ЛОРЕДАНО.
 Дождь высказалъ однажды, что не будетъ
 Считать себя спокойнымъ на престолѣ,
 Пока не умеръ Пьетро Лоредано.
 Отецъ и дядя быстро захворали
 За этимъ вслѣдъ, а дождь остался дожемъ.
 БАРБАРИГО.
 Несчастливымъ въ полномъ смыслѣ,
 ЛОРЕДАНО.
 Быть счастливымъ
 Не можетъ тотъ, ктѣ дѣлаетъ сиротъ.
 БАРБАРИГО.
 Но сиротой тебя вѣдь онъ не сдѣлалъ?
 ЛОРЕДАНО.
 Конечно, сдѣлалъ!
 БАРБАРИГО.
 Чѣмъ же это можешь
 Ты доказать?
 ЛОРЕДАНО.
 Когда владыки міра
 Приводятъ въ исполненіе то, что ими
 Замышлено, то ихъ поступки трудно
 Доказывать законными путями:
 Но я увѣренъ такъ въ его винѣ,
 Что даже не хочу искать возмездья
 Въ законѣ за обиду.

БАРБАРИГО.
 Все же ты
 Къ закону обратился.
 ЛОРЕДАНО.
 Да! насколько
 Оставилъ дождь намъ право на законъ.
 БАРБАРИГО.
 Законы наши болѣе даютъ
 Намъ средствъ къ самозащитѣ, чѣмъ въ
 любой
 Иной странѣ. Скажи, ты написалъ
 Дѣйствительно въ твоихъ торговыхъ кни-
 гахъ,
 Въ патентахъ этихъ счастья и довольства
 Венеціи, что дождь Фоскари долженъ
 Тебѣ за смерть обоихъ Лоредано,
 Петра и Марка, дяди и отца?
 ЛОРЕДАНО.
 Дѣйствительно.
 БАРБАРИГО.
 И эту надпись ты
 Не вычеркнешь?
 ЛОРЕДАНО.
 Пока не будетъ счету
 Сведенъ балансъ.
 БАРБАРИГО.
 Какимъ путемъ?
 Двое сенаторовъ *проходятъ по сценѣ и*
направляются въ залу Совѣта Десяти.
 ЛОРЕДАНО.
 Вотъ двое.
 Теперь число достаточно. Идемъ
 Со мной въ Совѣтъ.
 (Уходитъ).
 БАРБАРИГО.
 Итти съ тобой! Да я вѣдь ужъ давно
 Иду съ тобой дорогой злобной мести,
 Какъ новая волна, чей бурный натискъ
 Бѣжитъ во слѣдъ другой, чтобъ поглотить
 Разрушенный корабль и всѣхъ несчастныхъ,
 Метущихся съ отчаяньемъ среди
 Его разбитыхъ стѣнъ, при видѣ волнъ,
 Врывающихся бурно. Но и волны,
 Мнѣ кажется, смирились бы при видѣ
 Несчастныхъ этихъ—сына и отца,
 Тогда какъ я обязанъ непреклонно
 Вести ихъ на погибель. О, зачѣмъ
 Не холоденъ душою я, подобно
 Безстрастнымъ волнамъ моря! Вотъ ведутъ
 Его сюда. Молчи! не бейся, сердце!
 Онъ врагъ тебѣ,—такъ неужели станешь

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ВАЙРОНА.

Сочувствовать тому ты, кто когда-то
Разбилъ тебя?

Стража вводитъ Джакопо Фоскари.

тюремщикъ.

Постойте, пусть онъ здѣсь
Немного отдохнетъ.

джакопо фоскари.

Благодарю,

Мой добрый другъ! Я точно ослабѣлъ,
Но медленность, пожалуй, навлечетъ
Несчастье на тебя.

тюремщикъ.

Я соглашаюсь
На эту неприятность.

джакопо фоскари.

Я цѣню

Глубоко доброту твою. Не встрѣтивъ
Ни разу тѣни милости, нашель
Я въ первый разъ крупницу сожалѣнья.

тюремщикъ.

И видѣли бъ ее въ послѣдній разъ,
Будь судьи здѣсь.

барбариго (*подходя*).

Одинъ изъ нихъ предъ вами.
Но, впрочемъ, не пугайся. Я не буду
Доносчикомъ твоимъ или судьей,
Хоть часъ насталъ ужъ для послѣднихъ
преній,

Но я одинъ изъ членовъ „Десяти“
И выручу тебя своей отлучкой.
Когда придетъ минута счета членовъ,
Мы вмѣстѣ съ нимъ войдемъ, а до того
Внимательно смотри за арестантомъ.

джакопо фоскари.

Чей слышу голосъ я? Не Барбариго ль,
Врага семейства нашего и члена
Изъ малаго числа моихъ судей?

барбариго.

Не забывай, что твой отецъ равно
Сидитъ въ кругу судей и потому
Имѣетъ всю возможность перевѣсить
Пристрастіе враговъ твоихъ, коль скоро
Имѣешь ты враговъ.

джакопо фоскари.

Ты правъ! отецъ мой
Въ числѣ судей.

барбариго.

Не жалуйся жъ на строгость
Законовъ государства, гдѣ отцу
Даны права и голосъ обсуждать

Дѣла, гдѣ замѣшалась безопасность
Отечества.

джакопо фоскари.

И сына. Я ослабъ,
Позвольте мнѣ приблизиться къ окну,
Вздохнуть прохладнымъ воздухомъ лагуны.

*Входитъ офицеръ и говоритъ на ухо
Барбаригу.*

барбариго (*стражѣ*).

Пускай онъ подойдетъ: я не могу
Съ нимъ больше говорить. И безъ того ужъ
Я сдѣлалъ преступленіе, обратясь
Къ нему съ короткой рѣчью, и обязанъ
Немедленно отправиться въ Совѣтъ.

*(Уходитъ. Стража подводитъ Фоскари
къ окну).*

тюремщикъ.

Сюда, синьоръ: окно открыто. Какъ
Себя теперь вы чувствуете?

джакопо фоскари.

Сладко,
Какъ юноша. О, родина!

тюремщикъ.

А ваши
Измученные члены?

джакопо фоскари.

Члены? Боже!

Какъ часто мнѣ служили здѣсь они
Въ ребяческой игрѣ, когда, вскочивъ
Въ проворную гондолу, я носился
По ясной глади водъ, переодѣтый
Въ рубашку гондольера, несмотря
На санъ патриція! Какъ я старался
Отбить награду ловкости у прочихъ
Товарищей, въ виду толпы красавицъ
Плебейскихъ или знатныхъ, ободрявшихъ
Усилія борцовъ улыбкой знакомъ,
Маханьемъ рукъ, платковъ или привѣтомъ!
Какъ часто, возмужавъ, я управлялъ
Ладьей въ инныя, грозныя минуты
Средь рева волнъ, отряхивалъ ихъ пѣну
Съ моихъ волосъ, отталкивалъ ее
Отъ губъ моихъ, къ которымъ приставала
Она, какъ пѣна чаши на пиру.
Мой взоръ слѣдилъ за волнами: чѣмъ выше
Вздымался мой челнокъ, тѣмъ веселѣе
Мнѣ было на душѣ. Бывало, часто
Бросался самъ я въ бездну глубины
Шумящей и зеленой; собиралъ
На днѣ траву и ракушки, къ великой
Боязни многихъ зрителей, считавшихъ

Д В О Е Ф О С К А Р И.

Меня уже погибшимъ! Какъ тогда
Пріятно было мнѣ, вернувшись снова,
Показывать сокровища, какія
Успѣлъ собрать на днѣ я и тѣмъ самымъ
Воочью доказать, что дна пучины
Достигнулъ точно я! О, какъ легко
Тогда дышала грудь моя, впивая
Вновь свѣжій чистый воздухъ! Какъ стре-
мглавъ

Пускался вновь я плыть, быстрѣе птицы,
По глади водъ! Я былъ тогда ребенкомъ.

тюремщикъ.

Вамъ надо быть мужчиною теперь.
Едва ль кому-нибудь случалось больше
Нуждаться въ мужествѣ.

джакопо фоскари (*смотря въ окно*).

О, дорогой

Родимый край! Венеція! Твой воздухъ
Одинъ живитъ мнѣ грудь. Какъ сладко вѣетъ
Зефиръ Адріатики, какъ вливаетъ
Онъ силу въ душу мнѣ, смиряя пылъ,
Зажегшійся въ крови. Какъ непохожъ
На этотъ свѣжій воздухъ раскаленный
И бурный вихрь Цикладскихъ острововъ,
Когда гудѣлъ, бывало, подъ окномъ
Моей тюрьмы онъ въ Кандіи, вселяя
Отчаянье мнѣ въ сердце!

тюремщикъ.

Краска снова

Зажглась у васъ въ лицѣ. Дай Богъ вамъ
силъ

Перенести послѣднія мученья,
Которымъ васъ подвергнуть. Мнѣ о нихъ
Ужасно и подумать.

джакопо фоскари.

О, надѣюсь,

Что я не буду снова изгнанъ въ ссылку!
Я чувствую въ себѣ довольно силъ:
Пускай пытаются вновь меня.

тюремщикъ.

Сознайтесь

Лишь въ вашемъ преступленіи: этимъ вы
Избѣгнете мученій.

джакопо фоскари.

Я два раза

Имъ все открылъ по совѣсти и дважды
Подвергся я изгнанью.

тюремщикъ.

Въ третій разъ

Они покончатъ тѣмъ, что попытають
До смерти васъ.

джакопо фоскари.

Пускай! тогда я буду

Зарытъ въ родной землѣ. Мнѣ лучше тлѣть
На родинѣ, чѣмъ пользоваться жизнью
Въ изгнаніи.

тюремщикъ.

Какъ можете любить

Вы такъ глубоко край, гдѣ ненавидятъ
Самихъ васъ такъ жестоко?

джакопо фоскари.

Ненавидитъ

Меня не край, а дѣти края—люди!
Родимая земля, напротивъ, приметъ
Меня, какъ мать, въ объятія. Я прошу
У нихъ лишь одного: чтобъ гробъ, темницу,
Иль все, что мнѣ присудится, досталось
Мнѣ вытерпѣть въ родимой сторонѣ.

Входитъ офицеръ.

офицеръ.

Введите въ залу плѣнника.

тюремщикъ.

Синьоръ,

Вы слышали приказъ?

джакопо фоскари.

О, я привыкъ

Ужъ къ этимъ приказаньямъ. Въ третій разъ
Хотятъ меня пытать.

(*Тюремщику*). Подай, мой другъ,

Мнѣ руку для опоры.

офицеръ.

Вамъ удобнѣй

Пройти со мной. Мой долгъ быть возлѣ васъ.

джакопо фоскари.

Твой долгъ? Да, точно: ты вчера, я помню,
Присутствовалъ, когда меня пытали.
Прочь! Я пойду одинъ.

офицеръ.

Какъ вамъ угодно.

Приказъ былъ данъ не мною; я жъ не могъ
Ослушаться рѣшенія Совѣта,
Когда мнѣ было велѣно...

джакопо фоскари.

Замучить

Меня на страшной дыбѣ? Прочь! Не смѣй
Теперь ко мнѣ касаться. Будетъ время—
И ты получишь снова ихъ приказъ,
А до того оставь меня въ покоѣ.
Я ощущаю, глядя на тебя,
Смертельный ужасъ пытки. Кровь готова
Застыть во мнѣ и по лицу струится
Холодный потъ при мысли о мученьяхъ,
Которыя придется перенести

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ БАЙРОНА.

Сегодня мнѣ, какъ будто... Но идемъ:
Я чувствую еще довольно силы,
Чтобъ все снести. Скажи, съ какимъ лицомъ
Сидитъ отецъ?

ОФИЦЕРЪ.

Онъ смотритъ какъ всегда.

ДЖАКОПО ФОСКАРИ.

И все кругомъ здѣсь смотритъ точно такъ же:
Земля, лазурь морская, небо, воздухъ,
Веселый городъ—все живетъ и дышитъ
Попрежнему. Народный говоръ слышенъ
На площади и даже долетаетъ
До этихъ стѣнъ, гдѣ горсть судей, безвѣст-
ныхъ

Среди гражданъ, рѣшаетъ ихъ судьбу,
И гдѣ толпы безвѣстныхъ жертвъ безмолвно
Казнятся каждый день. Все здѣсь осталось,
Какъ было до сихъ поръ, все—даже мой
Родной отецъ! Ни въ комъ не вижу я
Участія къ Фоскари, начиная
Съ Фоскари самого! Идемъ! готовъ я.

(Уходитъ съ офицеромъ).

Входитъ меммо съ другимъ сенаторомъ.

МЕММО.

Онъ вышелъ ужъ; мы съ вами опоздали.
Какъ думаете вы—продлится долго
Сегодняшній совѣтъ?

СЕНАТОРЪ.

Мнѣ говорили,
Что обвиненный твердо остается
При прежнихъ показаньяхъ. Больше я
Не слышалъ ничего.

МЕММО.

И то ужъ много,
Что вы узнали это. Тайны этихъ
Ужасныхъ стѣнъ сокрыты точно такъ же
Отъ насъ, знатнѣйшихъ гражданъ, какъ отъ
прочихъ,

Простыхъ людей изъ черни.

СЕНАТОРЪ.

Да, вы правы!
Все то, что намъ извѣстно, не выходитъ
Изъ области пустыхъ и темныхъ слуховъ,
Подобныхъ глупымъ розсказнямъ о вѣдьмахъ
И призракахъ, которые живутъ
Въ стѣнахъ старинныхъ замковъ, гдѣ никто
Ихъ не видалъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не могъ
И доказать услышанныхъ разсказовъ.
Дѣла правленія такъ же намъ безвѣстны,
Какъ мракъ могиль.

МЕММО.

Когда-нибудь успѣемъ

Проникнуть въ нихъ и мы. Я не теряю
Надежды быть современемъ однимъ
Изъ членовъ Десяти.

СЕНАТОРЪ.

Иль даже дожемъ?

МЕММО.

О нѣтъ! избави Богъ!

СЕНАТОРЪ.

Вѣдь этотъ санъ
Первѣйшій въ государствѣ. Сколько знат-
ныхъ

Стараются его добиться всѣми
Законными путями.

МЕММО.

Пусть о томъ
Старается, кто хочетъ. Я желаю
Не этого, хотъ и родился знатнымъ.
По моему, гораздо лучше быть
Частицею верховнаго совѣта
Державныхъ Десяти, чѣмъ золоченымъ
И ничего не значущимъ нулемъ.
Но кто сюда идетъ? Жена Фоскари.

Входитъ марина съ прислужницей.

МАРИНА.

Какъ! никого? Но, впрочемъ, нѣтъ: вотъ двое
Сенаторовъ.

МЕММО.

Достойная синьора,
Что будетъ вамъ угодно приказать?

МАРИНА.

Я—приказать?.. Вся жизнь моя была,
Синьоръ, напротивъ лишь одной мольбой
Безъ пользы для меня.

МЕММО.

Я понимаю
Значенье вашихъ словъ, но не могу
Вамъ отвѣчать.

МАРИНА.

Вы правы, здѣсь отвѣты
Даются лишь на дыбъ, а вопросы
Имѣю право дѣлать...

МЕММО (прерывая).

Вы забыли,
Достойная синьора, гдѣ стоимъ
Теперь мы съ вами.

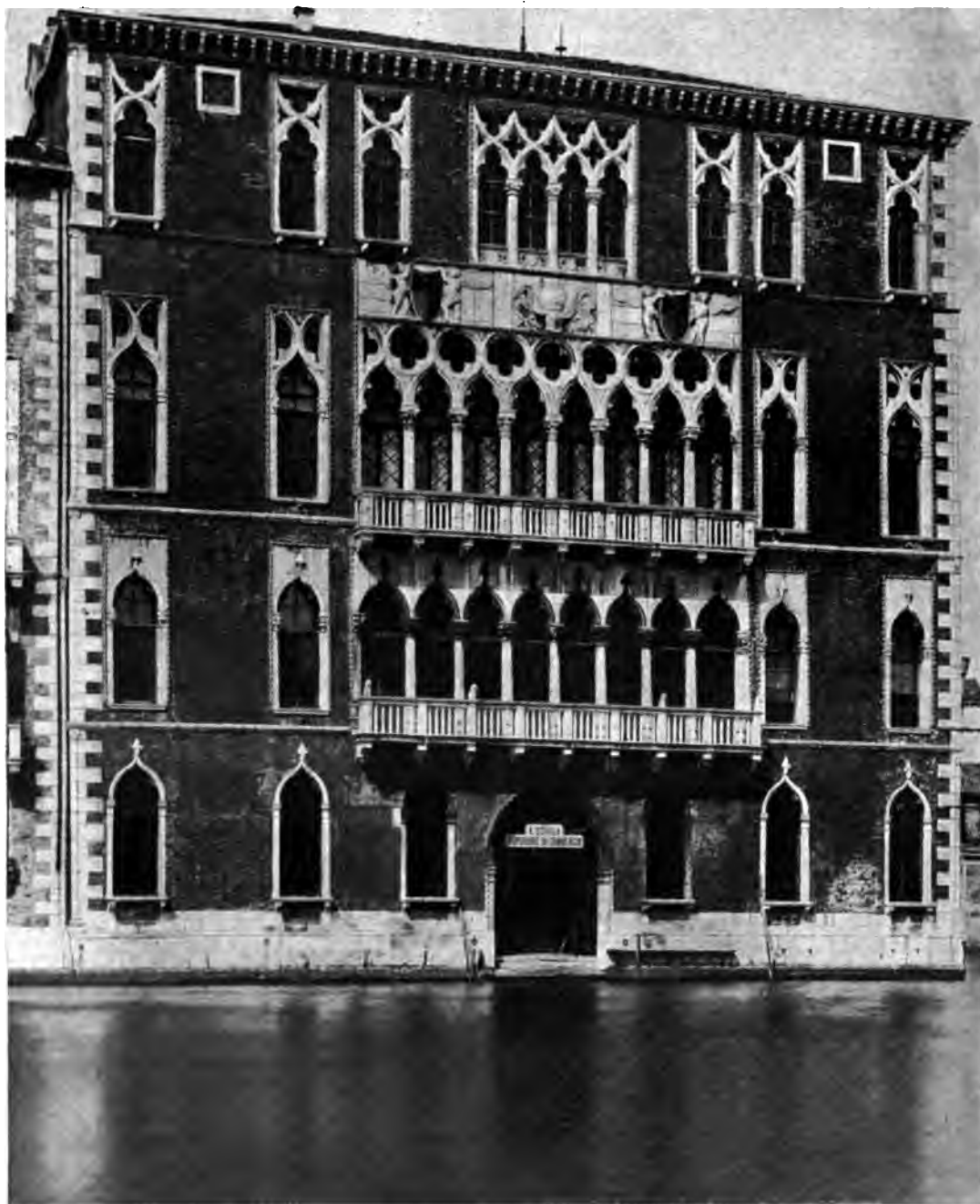
МАРИНА.

Здѣсь дворецъ отца
Супруга моего.

МЕММО.

Дворецъ здѣсь дожа.

Д В О Е Ф О С К А Р И .



ПАЛАЦО ФОСКАРИ ВЪ ВЕНЕЦИИ.

(Palazzo Foscari).

Построено въ XIV столѣтіи.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ВАЙРОНА.

МАРИНА.

И, вмѣстѣ съ тѣмъ, тюрьма для сына дожа.
Я это не забыла, и не будь
Теперь моя душа полна другихъ
Гораздо больше горькихъ впечатлѣній,
Я васъ должна бѣ была благодарить
За то, что вы напомнили о счастьѣ,
Которымъ наслаждалась я въ стѣнахъ
Жилища этого.

МЕММО.

Синьора, будьте
Спокойнѣе.

МАРИНА (*поднимая глаза къ небу*).

О! я вполне спокойна
И лишь дивлюсь, какъ можетъ быть спо-
коенъ
Небесный Царь при видѣ, что творится
Здѣсь на землѣ.

МЕММО.

Быть можетъ, вашъ супругъ
Вѣдь будетъ и оправданъ.

МАРИНА.

Онъ оправданъ
Ужъ въ небесахъ. Прошу, синьоръ—ни слова
Объ этомъ больше мнѣ. Вѣдь вы на службѣ
Отечества, и герцогъ точно также.
Онъ долженъ быть судьей родного сына,
А этотъ сынъ мнѣ мужъ. Они теперь
Стоять лицомъ къ лицу, или стояли...
Какъ думаете—будетъ онъ способенъ
Его приговорить?

МЕММО.

Едва ль, синьора.

МАРИНА.

Но вѣдь тогда другіе судьи могутъ
Ихъ обвинить обоихъ?

МЕММО.

Это такъ.

МАРИНА.

У нихъ—желанье—знаю я—звучить
Съ поступкомъ заодно. Мой мужъ погиб-
нетъ.

МЕММО.

Въ Венеціи судьей справедливость—
И вы не правы.

МАРИНА.

О! когда бѣ была
Судьей она, то не было бѣ на свѣтѣ
Венеціи! Но, впрочемъ, пусть живетъ
Она и благоденствуетъ, лишь только бѣ
Въ ней не лишался жизни тотъ, кто че-
стенъ,

До времени. Совѣтъ же Десяти
Рѣшительнѣй самой судьбы, коль скоро
Зайдетъ вопросъ о жизни.

(*За сценой слышится слабый стонъ*).

Ахъ! я слышу

Стонъ боли!

СЕНАТОРЪ.

Т-съ! Послушаемъ!

МЕММО.

Навѣрно

То голосъ былъ...

МАРИНА.

Нѣтъ! нѣтъ! онъ не Фоскари,
Не мужа моего!

МЕММО.

Однако...

МАРИНА.

Нѣтъ,

То голосъ не его: онъ не допустить
Себя до этой слабости! Такимъ
Могъ быть его отецъ; но онъ... О, нѣтъ,
Онъ кончитъ жизнь безъ жалобъ!

(*Стонъ слышится снова*).

МЕММО.

Какъ! еще!

МАРИНА.

Онъ! онъ! такъ показалось мнѣ! Готова
Не вѣрить я; но пусть ослабъ онъ даже:
Я все его люблю! Но Боже, Боже!
Какимъ же мукамъ тамъ его подвергли,
Когда не могъ онъ вынести ихъ безъ стона?

СЕНАТОРЪ.

Ужели вы, любя такъ сильно мужа,
Желать способны, чтобъ безъ жалобъ онъ
Сносилъ мученья этой страшной пытки?

МАРИНА.

Мы терпимъ муки всѣ. Когда бы судьи
Лишить обоихъ жизни ихъ хотѣли,
И сына, и отца, то я скажу,
Что и сама терпѣла точно такъ же,
Когда давала въ мукахъ жизнь потомкамъ
Обоихъ Фоскари. Но тѣ мученья
Пріятны были сердцу моему;
Могла стонать тогда я точно такъ же,
Однако я счумѣла пересилить
Мученья тѣ, при мысли, что давала,
Быть можетъ, жизнь героямъ. Я стыдилась
Ихъ встрѣтить въ мигъ рожденья жалкимъ
стономъ.

МЕММО.

Теперь все стихло.

Д В О Е Ф О С К А Р И.

МАРИНА.

Навсегда, быть может.
Но нѣтъ! не вѣрю я: онъ ободрится
И бросить смѣлый вызовъ палачамъ,
Тиранящимъ его.

Входитъ поспѣшно офицеръ.

МЕММО.

Кого ты ищешь
Съ такой поспѣшностью?

ОФИЦЕРЪ.

Гдѣ врачъ? Фоскари
Внезапно стало дурно.

МЕММО.

Вамъ бы лучше,
Синьора, удалиться.

СЕНАТОРЪ (*предлагая Маринѣ руку*).

Это правда.

Пойдемте!

МАРИНА.

Прочь! Я поспѣшу сейчасъ
Сама ему на помощь.

МЕММО.

Вы, синьора?
Опомнитесь. Забыли вы, что входъ
Въ ту комнату дозволенъ только членамъ
Совѣта Десяти и близкимъ ихъ.

МАРИНА.

Я знаю хорошо, что кто рѣшится
Войти туда, ужъ не вернется прежнимъ
Путемъ назадъ, а можетъ быть исчезнетъ
И навсегда; но это для меня
Препятствіемъ не будетъ.

МЕММО.

Что же этимъ
Вы думаете выиграть? Вы только
Подвергнете опасности себя
И вдвое большей мужа.

МАРИНА.

Кто жъ посмѣетъ
Меня остановить?

МЕММО.

Кто долженъ это
Исполнить по закону.

МАРИНА.

Да! я знаю
Обязанности ихъ—топтать ногами
Святѣйшія изъ чувствъ, топтать всѣ связи,
Которыми сближаются сердца,
Соревновать въ жестокости и злобѣ
Съ толпою адскихъ демоновъ, которымъ

Достанутся они въ добычу сами,
Когда умрутъ. Пустите, я иду!

МЕММО.

Васъ все равно не впускать.

МАРИНА.

Мы увидимъ!

Отчаянье способно вызвать въ битву
И самый деспотизмъ. Въ моей душѣ,
Я чувствую, зажглось такое чувство,
Что я теперь рѣшилась бы пробиться
Сквозь стѣну острыхъ копій,—такъ воз-
можно ль,

Чтобъ два иль три тюремщика могли
Меня остановить? Пустите! Это—
Домъ герцога и сынъ его—супругъ мой.
Онъ чистъ и невиновенъ—и они
Должны услышать это.

МЕММО.

Этимъ вы
Успѣете лишь ихъ ожесточить.

МАРИНА.

Какіе жъ это судьи, если злоба
Диктуетъ ихъ рѣшенія? Такъ способны
Лишь дѣйствовать убійцы. Пропустите
Меня сейчасъ!

(*Уходитъ*).

СЕНАТОРЪ.

Несчастливая синьора!

МЕММО.

Такъ поступать заставить можетъ только
Отчаянье. Ея не впускать дальше
Порога комнаты.

СЕНАТОРЪ.

А если бъ даже
Она туда вошла, то не поможетъ
Ни мало этимъ мужу. Но смотрите,
Ихъ посланный вернулся.

(*Офицеръ возвращается съ врачомъ*).

МЕММО.

Я не думалъ,
Что ихъ Совѣтъ способенъ обнаружить
Хоть искру состраданья и подать
Страдальцу облегченье.

СЕНАТОРЪ.

Состраданья—
Сказали вы? Возможно ли назвать
Такимъ прекраснымъ именемъ попытку
Возстановить чувствительность у жертвы
И тѣмъ отнять послѣднюю возможность
Хоть смертью избѣжать мученій пытки.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ БАЙРОНА.

МЕММО.

Я, признаюсь, не мало удивленъ
Ихъ медленностью въ смертномъ приговорѣ.

СЕНАТОРЪ.

Они другое держать на умѣ;
Несчастный долженъ жить по ихъ рѣшенью
И будетъ только изгнанъ. Смерть ему
Ни мало не страшна; изгнанье жъ въ чуждый,
Безвѣстный край, гдѣ будетъ онъ дышать
Не воздухомъ отчизны, превратить
Ему весь міръ въ обширную темницу,
Гдѣ съ каждымъ новымъ вздохомъ будетъ онъ
Вдыхать жестокий ядъ, который скоро
Ему разрушитъ жизнь, но не убьетъ.

МЕММО.

Его вина доказана вполне,
Но онъ не сознается въ ней.

СЕНАТОРЪ.

Онъ только
Сознался въ томъ, что герцогу Милана
Послалъ письмо, увѣренный, что будетъ
Оно въ пути захвачено Сенатомъ
И что тогда онъ будетъ вызванъ дожемъ
Въ Венецію.

МЕММО.

Но какъ преступникъ!

СЕНАТОРЪ.

Правда,
Но этимъ средствомъ онъ вернулся вновь
На родину, а это было все,
Что только онъ хотѣлъ. По крайней мѣрѣ
Онъ утверждаетъ такъ.

МЕММО.

А подкупъ?

Виновенъ ли онъ въ немъ?

СЕНАТОРЪ.

Прямыхъ уликъ
На это нѣтъ; что жъ до того, что будто
Виновенъ онъ въ убійствѣ, то теперь
Николо Еризо признался самъ
Предъ смертію, что президентъ Совѣта
Убить былъ имъ, а не Фоскари.

МЕММО.

Что же

Препятствуетъ суду освободить
Несчастнаго?

СЕНАТОРЪ.

Вина падетъ за это
На нихъ вполне. Мы знаемъ хорошо,
Что Альморо Донато былъ убить
Николо Еризо изъ личной мести.

МЕММО.

Въ загадочномъ процессѣ этомъ скрыта,

Какъ кажется, совсѣмъ иная цѣль,
Чѣмъ мнимые проступки, за какіе
Онъ судится. Вотъ двое изъ судей
(Уходятъ).

Входятъ ЛОРЕДАНО и БАРБАРИГО.

БАРБАРИГО.

Они зашли чрезъ-чуръ ужъ далеко.
Возможно ль было продолжать допросъ
Въ подобной обстановкѣ?

ЛОРЕДАНО.

Значитъ, ты
Находишь, что Совѣтъ обязанъ былъ
Прервать свои занятія и судъ
Закрыться отъ того, что въ залъ Сената
Вошла внезапно женщина?

БАРБАРИГО.

Не это!

Но самъ ты могъ судить о состояннѣ,
Въ какомъ былъ обвиненный.

ЛОРЕДАНО.

Онъ очнулся жъ.

БАРБАРИГО.

Онъ снова бы лишился чувствъ при первой
Попыткѣ продолжать.

ЛОРЕДАНО.

Попытки этой

Не сдѣлано.

БАРБАРИГО.

Что толковать объ этомъ:
Совѣтъ твое отвергнулъ предложеніе.

ЛОРЕДАНО.

Вѣдь большинствомъ я этимъ былъ обязанъ
Тебѣ и герцогу, который выжилъ
Совсѣмъ ужъ изъ ума. Вы двое только
Успѣли перевѣсить голосами
Рѣшеніе Совѣта.

БАРБАРИГО.

Я судья,

Но, признаюсь, обязанность всегда
Присутствовать при пыткахъ, наблюдая
Страданья жертвъ, нерѣдко заставляетъ
Меня желать...

ЛОРЕДАНО.

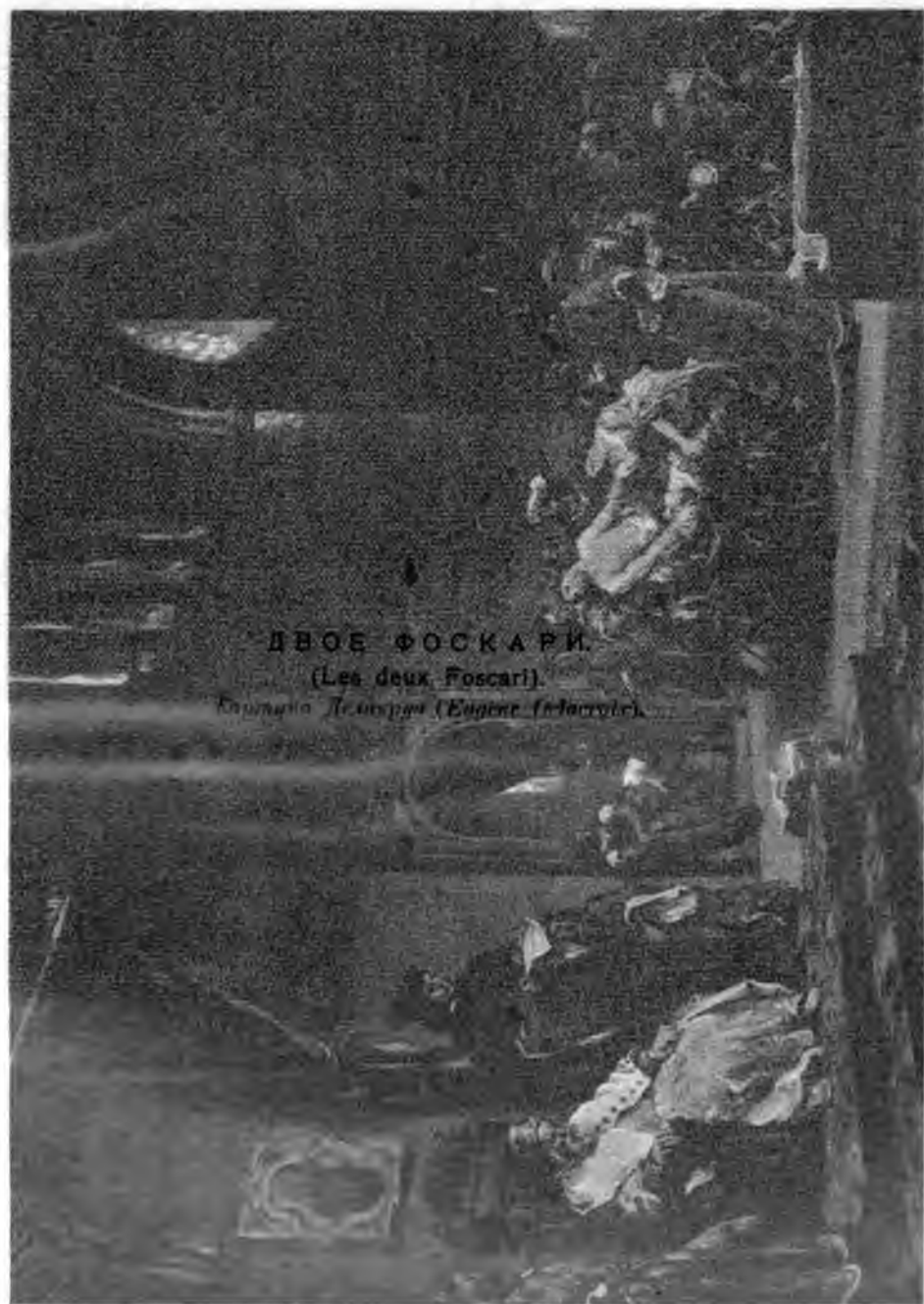
Чего?

БАРБАРИГО.

Чтобы порой
Почувствовалъ и ты, что ощущаю
Въ минуты эти я.

ЛОРЕДАНО.

Поди ты прочь!



ДВОЕ ФОСКАРИ.

(Les deux Foscari).

Евгений Демиржан (Евгений Демиржан).

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОТРУДНИКОВ

Собрание созвано в 14.00
Исполнительный директор

Председатель собрания
Начальник отдела
Исполнительный директор
Начальник отдела
Бухгалтер
Секретарь
Собрание открыто
Собрание закрыто

Собрание созвано в 14.00
Исполнительный директор

Собрание созвано в 14.00
Исполнительный директор
Собрание открыто
Исполнительный директор
Собрание закрыто

Исполнительный директор
Исполнительный директор
Исполнительный директор
Исполнительный директор

Видео

Видео

Видео

ДВОЕ ФОСКАРНИ
(Les deux Foscarini)
Коринна (Corinne Foscarini)

ЛОРЕДАНС
Получено проче



Д В О Е Ф О С К А Р И.

Ты слабый, безхарактерный ребенокъ
И въ чувствахъ и въ рѣшеняхъ! Вздохъ, слеза
Способны побѣдить тебя. Прекрасный
Судья ты для Венеціи! Достойный
Сотрудникъ въ государственныхъ дѣлахъ
Правителямъ, подобнымъ мнѣ!

БАРБАРИГО.

Несчастный

Не выронилъ слезы.

ЛОРЕДАНО.

Два раза онъ

Стоналъ отъ боли.

БАРБАРИГО.

И святой не могъ бы
Снести подобныхъ мукъ, когда бы даже
Вънець небесныхъ благъ сіялъ все время
Въ глазахъ его—такъ страшно и жестоко
Придумали вы пытки. Но и тутъ
Онъ не просилъ о милости; ни слова
Не вырвалось изъ устъ его. Тотъ стонъ,
Который вы слышали, былъ только
Послѣдствіемъ невыносимыхъ мукъ,
И не единой просьбы о пощадѣ
Не высказано было вслѣдъ за нимъ.

ЛОРЕДАНО.

Онъ что-то бормоталъ не разъ сквозь зубы,
Но тихо и невнятно.

БАРБАРИГО.

Я не слышалъ.

Ты, кажется, былъ ближе.

ЛОРЕДАНО.

Да, и я

Замѣтилъ это ясно.

БАРБАРИГО.

Я не мало

Былъ удивленъ, когда ты предложилъ,
Изъ первыхъ, пригласить къ нему врача
Для помощи. Ужели ты проникся
Минутнымъ состраданьемъ?

ЛОРЕДАНО

Нѣтъ, но я

Боялся, что, пожалуй, онъ умретъ
Подъ пыткой.

БАРБАРИГО.

Но ты, вѣдь, говорилъ

Не разъ при мнѣ, что смерть его и дожа
Была твоей желаннѣйшей мечтой.

ЛОРЕДАНО.

Когда бы кончилъ жизнь онъ, не сознавши
Въ проступкѣ, за который обвиненъ,
Его бъ жалѣли.

БАРБАРИГО.

Какъ! ты хочешь мстить

Ему и послѣ смерти?

ЛОРЕДАНО.

Развѣ ты

Желаешь, чтобъ имущество Фоскари
Досталось ихъ наслѣдникамъ? А это
Должно случиться, если онъ умретъ,
Не бывши обвиненъ.

БАРБАРИГО.

Ты, значитъ, хочешь

Преслѣдовать дѣтей его?

ЛОРЕДАНО.

Дѣтей

Его, ихъ домъ, весь родъ—покуда живъ
Хоть кто-нибудь изъ нашихъ поколѣній.

БАРБАРИГО.

Ты, значитъ, не былъ тронутъ ни жестокой
Печалью бѣдной женщины, ни тѣмъ
Подавленнымъ, невыносимымъ горемъ,
Съ какимъ смотрѣлъ на пытку старецъ дожъ,
Отецъ его? Какъ измѣнялъ себѣ
Порою онъ то вздохомъ, то слезой,
Утертою украдкой, чтобы снова
Явиться въ прежнемъ ясномъ, строгомъ видѣ.

(Лоредано уходитъ).

Нѣтъ, онъ упоренъ въ злости точно такъ же,
Какъ твердъ Фоскари въ пыткѣ. Эта твер-

дость

Меня смутила больше, чѣмъ могли бы
Смутить его отчаянные крики
И вопли страшныхъ мукъ. Ужасно было
Взглянуть, когда, убитая печалью
И горестнымъ отчаяньемъ, жена
Несчастнаго, ворвавшись въ залъ Совѣта,
Увидѣла внезапно то, что было
Прискорбно видѣть даже намъ, привычнымъ
Къ такого рода зрѣлищамъ. Но, впрочемъ,
Мнѣ слѣдуетъ оставить эти мысли,
Иначе скорбь, пожалуй, побудитъ
Меня забыть о прежнихъ оскорбленяхъ,
Какія домъ Фоскари причинилъ
Въ былое время мнѣ, и я, пожалуй,
Разстрою планы мести Лоредано,
Задуманные имъ для насъ обоихъ.
Я, впрочемъ, удовольствовался бъ меньшимъ,
Чѣмъ хочетъ онъ, и съ радостью смягчилъ бы
Его порывы ненависти къ нимъ,
Смѣнивъ ихъ бѣлой кротостью! Теперь
По крайней мѣрѣ судъ отсрочилъ пытку,
Руководясь желаньемъ большинства.
Отчаянье жены, конечно, было
Причиною того, а можетъ быть
И видъ его мученій. Вотъ идутъ
Они сюда. Какъ слабъ онъ, какъ измученъ!
Я не могу глядѣть на нихъ безъ слезъ.
Пойду и постараюсь какънибудь
Смягчить упорство мести Лоредано.

(Уходитъ).

Д Ъ Й С Т В І Е В Т О Р О Е.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Комната во дворцѣ дожа.

Входятъ дожъ и сенаторъ.

СЕНАТОРЪ.

Угодно подписать вамъ будетъ актъ
Сегодня или завтра?

дожъ.

Хоть сейчасъ же!

Я прочиталъ его еще вчера—
Недостаетъ лишь подписи. Подайте
Чернила и перо.

(Дождъ подписываетъ).

Теперь готово.

СЕНАТОРЪ *(взявъ на бумагу).*
Синьоръ, вы ошибаетесь: бумага
Осталась неподписанной.

дожъ.

Ужели?

Вотъ какъ я слабъ глазами сталъ подъ
старость:

Не разсмотрѣлъ, что не было чернилъ,
Когда писалъ.

СЕНАТОРЪ *(обмакнувъ перо и подавъ его
дожу).*

У васъ дрожить рука—
Позвольте вамъ помочь... Вотъ такъ.

дожъ *(подписавъ).*

Готово!

Сердечно благодаренъ вамъ.

СЕНАТОРЪ.

Декретъ,

Подписанный Совѣтомъ Десяти
И вами, возвращаетъ снова миръ
Венеціи.

дожъ.

Давно ужъ не видала

Она его. Дай Богъ, чтобъ столько жъ лѣтъ
Ей не пришлось вновь братья за оружье.

СЕНАТОРЪ.

Да! слишкомъ тридцать лѣтъ тянулись войны
То съ турками, то съ прочими странами
Италіи. Ни разу государство
Такъ не нуждалось отдохнуть въ покоѣ.

дожъ.

Я дожемъ сталъ, когда оно владѣло
Лишь только океаномъ, а теперь
Венеція успѣла приобрѣсть
Ломбардію. Я утѣшаюсь мыслью,
Что мнѣ на долю выпало украсить

Вѣнецъ ея брилльянтами Равенны
И Брешии; Кремона и Бергамо
Равно принадлежатъ ей. Такъ успѣла
Она расширить власть свою на сушѣ
Въ мое правленіе, не потерявъ
Нимало тѣмъ могущества на морѣ.

СЕНАТОРЪ.

Вы правы совершенно, и отчизна
Должна была бъ достойно наградить
За это васъ.

дожъ.

Быть можетъ!

СЕНАТОРЪ.

Благодарность

Ея должна бы выразиться...

дожъ.

Развѣ

Я жалуясь на это?

СЕНАТОРЪ.

Извините,

Синьоръ, меня.

дожъ.

За что?

СЕНАТОРЪ.

О, какъ скорблю

За васъ я всей душою!

дожъ.

За меня?

СЕНАТОРЪ.

Равно какъ и за вашего...

дожъ.

Ни слова

Объ этомъ! Т-съ!

СЕНАТОРЪ.

Нѣтъ, я скажу, синьоръ!

Я слишкомъ много въ прошломъ былъ обя-
занъ

И вамъ, и дому вашему, чтобъ быть
Теперь неблагодарнымъ и не плакать
О сынѣ вашемъ.

дожъ.

Это входитъ въ кругъ

Посольства вашего?

СЕНАТОРЪ.

Что, государь?

дожъ.

Да вотъ болтанье ваше о предметѣ,
Въ которомъ вы не смыслите ни слова.

Д В О Е Ф О С К А Р И.

Декретъ подписанъ мною—отнесите
Его къ пославшимъ васъ.

с е н а т о р ь .

Я повинуюсь.
Совѣтомъ мнѣ поручено еще
Спросить, когда угодно вамъ назначить
Часы для засѣданья?

д о ж ь .

Пусть сберутся,
Когда угодно будетъ имъ—хоть тотчасъ:
Вѣдь я слуга отечества.

с е н а т о р ь .

Они
Желали предоставить вамъ минуту
Для отдыха.

д о ж ь .

Я отдыха не знаю
Въ томъ случаѣ, коль скоро хоть на часъ
Отъ этого страдаетъ интересъ
Отечества. Пускай Совѣтъ сберется,
Когда и гдѣ захочетъ. Онъ найдетъ
Меня, гдѣ долженъ быть я и какимъ
Бывалъ всегда.

*(Сенаторъ уходитъ; дожъ стоитъ въ мол-
чаніи).*

(Входитъ придворный).

придворный.

Синьоръ!

д о ж ь .

Что надо?
придворный.

Присланъ
Я доложить, что васъ желаетъ видѣть
Синьора Фоскари.

д о ж ь .

Пускай войдетъ.
О, бѣдная Марина!
*(Придворный уходитъ; дожъ остается въ
прежней задумчивости).*

Входитъ марина.

м а р и н а .

Я просила
Позволить видѣть васъ, но, можетъ быть,
Вы заняты?

д о ж ь .

Для всѣхъ—но видѣть радъ
Тебя всегда. Располагай, какъ хочешь,
Моимъ свободнымъ временемъ, коль скоро
Не занятъ я дѣлами государства.

м а р и н а .

Я съ вами говорить хочу о немъ.

д о ж ь .

О мужѣ?

м а р и н а .

Да, и вашемъ сынѣ.

д о ж ь .

Что же
Ты хочешь мнѣ сказать?

м а р и н а .

Совѣтъ позволилъ
Остаться мнѣ на нѣсколько часовъ
Вдвоемъ съ моимъ супругомъ.

д о ж ь .

Это правда.
м а р и н а .
Мнѣ въ этомъ вновь отказано.

д о ж ь .

Какъ? Кѣмъ?
м а р и н а .

Совѣтомъ Десяти. Когда мы съ мужемъ
Достигли моста Вздоховъ, я хотѣла
Съ нимъ вмѣстѣ перейти его, но строгій
Темничный стражъ остановилъ меня
У самого порога. Я немедля
Послала извѣстить о томъ Совѣтъ,
Но онъ ужъ разошелся, позабывъ
Дать письменно свое мнѣ дозволенье
О пропускѣ. Меня остановили—
И вотъ теперь я вновь разлучена
Тюрьмой съ моимъ Фоскари до поры,
Пока Совѣтъ не соберется снова.

д о ж ь .

Да, это правда: судьи позабыли—
Въ поспѣшности, съ какою разошлись,—
Исполнить эту форму, и теперь
Дѣйствительно едва ли ты получишь
Желанное, пока не соберутся
Они опять.

м а р и н а .

Пока не соберутся,
Чтобы начать опять его пытать.
Ужель любовь священная супруговъ
У насъ имѣетъ право на свиданье
Не иначе какъ подъ условьемъ пытки?
О, Господи! ты видишь ли все это!

д о ж ь .

Дитя мое! дитя мое родное!

м а р и н а .

Не называй меня своимъ дитятей:
Дѣтей не будетъ скоро у тебя.
Тотъ не достоинъ ихъ имѣть, кто можетъ
Такъ равнодушно говорить о сынѣ,
Чьи бѣдствія исторгли бы навѣрно
Потоки слезъ кровавыхъ у спартанцевъ!
Хотя они не лили слезъ по дѣтямъ,
Погибшимъ честно въ битвѣ, но нигдѣ
Мы не читали, чтобъ они смотрѣли
На медленную смерть ихъ, не пытаясь
Имъ даже руку помощи подать.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ВАЙРОНА.

дожъ.

Ты видишь, я не въ силахъ даже плакать;
А плакать я хочу. Повѣрь, что если бѣ
Былъ юной жизнью каждый бѣлый волосъ
На головѣ моей, когда бѣ была
Короной міра эта шапка дожа,
А перстень мой, которымъ обручился
Когда-то съ моремъ я, былъ талисманомъ,
Способнымъ укрощать его—все это
Я отдалъ бы охотно, лишь бы только
Спасти его.

МАРИНА.

Для этого не нужно
Столь многого.

дожъ.

Отвѣтъ твой обличаетъ
Лишь только то, что ты совсѣмъ не знаешь
Венеціи. Да, впрочемъ, гдѣ жъ тебѣ
И знать ее! Она сама не знаетъ
Себя съ своими тайнами! Узнай же,
Что ищущіе гибели Фоскари
Готовятъ смерть равно и для меня:
Отца погибель не спасла бы сына.
Враги семейства нашего идутъ
Различными путями къ общей цѣли—
И эта цѣль... Но имъ не удалось,
Пока еще достичь ея.

МАРИНА.

Они

Успѣли раздавить ужъ васъ обоихъ.

дожъ.

О, нѣтъ! Я живъ еще.

МАРИНА.

А долго ль будетъ
Въ живыхъ твой сынъ?

дожъ.

Онъ будетъ жить, надѣюсь,
Не менѣе, чѣмъ я, и проживетъ
Счастливей отца, предавъ забвенью
Что ужъ прошло! Неосторожный мальчикъ
Испортилъ самъ судьбу свою: желая
Увидѣть родину, онъ съ нетерпѣньемъ,
Достойнымъ слабой женщины, отправилъ
Несчастное письмо. Поступокъ этотъ
Былъ тяжкимъ преступленьемъ. Я его
Не въ силахъ оправдать ни какъ правитель,
Ни какъ отецъ. Когда бѣ онъ потерпѣлъ
Еще хотя немного и сносилъ
Спокойнѣй ссылку въ Кандіи, я могъ бы
Ему помочь; теперь же—все погибло:
Онъ будетъ сосланъ вновь.

МАРИНА.

Какъ! снова?

дожъ.

Да!

МАРИНА

И мнѣ нельзя поѣхать будетъ съ нимъ?

дожъ.

Когда ты въ просьбѣ этой получила
Отказъ Совѣта дважды—тѣмъ труднѣе
Предположить, что судьи согласятся
На это въ третій разъ, когда твой мужъ
Усилилъ самъ вину свою и сдѣлалъ
Судей тѣмъ больше строгими.

МАРИНА.

Не строгость

Диктуетъ ихъ рѣшенія, а жестокость!
Толпа какихъ-то демоновъ, похожихъ
Лишь съ виду на людей, готовыхъ лечь
Отъ дряхлости въ могилу, старыхъ, лысыхъ,
Изъ чьихъ померкшихъ глазъ могла из-
влечь

Слезу одна лишь дряхлость, чьи сердца
Тверды, какъ кость ихъ череповъ; чьи руки
Дрожать отъ старости,—вотъ нашъ совѣтъ
И эта шайка демоновъ рѣшаетъ
Судьбу людей, какъ будто жизнь другихъ
Ничтожна точно такъ же, какъ и чувство,
Угасшее давно въ ихъ обреченной
Проклятію душѣ.

дожъ.

Ты знать не можешь...

МАРИНА.

Нѣтъ, знаю, знаю!—знаю, какъ и ты,
Что это шайка демоновъ! Иначе,
Кто бѣ могъ предположить, чтобъ суще-
ства,

Рожденные отъ женщинъ, чьи уста
Питались въ дѣтствѣ материнской грудью,
Любили иль твердили о любви,
Клялися въ ней, качали на колѣняхъ
Своихъ дѣтей, рѣзвились вмѣстѣ съ ними,
Чьи слезы проливались при болѣзни
Иль смерти ихъ—возможно ль, повторяю,
Чтобъ эти существа, хотя наружно
Имѣя видъ людей, такъ поступали
Съ тобою и со всѣмъ твоимъ семействомъ?
А ты ихъ защищаешь!

дожъ.

Я прощаю

Тебѣ твои укоры: ты не помнишь,
Что говоришь.

МАРИНА.

Ты понимаешь все,
Но лишь не чувствуешь.

дожъ.

Я такъ ужъ много

Перетерпѣлъ, что на меня слова
Вліянья не имѣютъ.

Д В О Е Ф О С К А Р И.



ВЕНЕЦІЯ XV ВЪКА ВЪ КАРТИНАХЪ КАРПАЧІО (Vittore Carpaccio, род. около 1460).

(Изъ цикла картинъ, иллюстрирующихъ легенду о св. Урсуль: король Теонато отпускаетъ пословъ—
Il Re Teonato congeda gli ambasciatori. Легенда о св. Урсуль хронологически относится къ VII вѣку,
но весь костюмъ, зданія и т. д.—живая картина Венеціи конца XV в.).

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ ВАЙРОНА.

МАРИНА.

О, конечно!

Смотрѣлъ на кровь измученнаго сына
Спокойно ты—что жъ значать для тебя
Слова несчастной женщины?—не больше,
Чѣмъ рѣки слезъ, пролитыхъ ею.

дожъ.

Вѣрь,

Что скорбь твоя, какъ громко бѣ ты ее
При мнѣ ни выражала, не сравнится
Съ той горестью, какою... Впрочемъ, я
Тебя жалѣю искренно, моя
Несчастливая Марина.

МАРИНА.

Пожалѣй

Ты сына лучше! я же не нуждаюсь
Въ участіи. О сынѣ пожалѣй:
Ему твое участіе нужнѣе.
Но если слово „жалость“ вовсе чуждо
Душѣ твоей, то какъ оно могло
Слетѣть съ твоихъ поблѣвшихъ устъ, ро-
дитель?

дожъ.

Дочь, ты права—обязанъ молча я
Сносить упреки эти, какъ ни мало
Ихъ заслужилъ! Когда бы ты могла
Лишь прочитать..

МАРИНА.

Скажи мнѣ—въ чемъ? Въ глазахъ,
Въ лицѣ твоемъ и сердцѣ я не вижу
Ни тѣни сожалѣнья. Научи же,
Гдѣ можно отыскать его мнѣ?

дожъ (*показывая рукою на землю*).

Здѣсь!

МАРИНА.

Въ землѣ?

дожъ.

Да, въ той землѣ, куда я скоро
Сойду навѣкъ. Когда она покроетъ
Меня своею тяжестью, далеко
Не столь тяжелой—даже съ гробовою
Плитой ея, чѣмъ тяжела печаль,
Томящая меня, тогда узнаешь
Меня ты лучше.

МАРИНА.

Значить, ты считаешь

Себя достойнымъ жалости?

дожъ.

О, нѣтъ!

Я не позволю, чтобъ такое слово
Коснулося меня! Людская жалость
Лишь служить покрываломъ для презрѣнья,
Которымъ въ насъ бросаютъ тѣ, кому
Судьба послала счастье. Пусть навѣки
Нетронутымъ мое оставятъ имя,
Какимъ я получилъ его.

МАРИНА.

Ты былъ бы

Послѣднимъ изъ носившихъ это имя,
Не будь дѣтей того, кого не можешь
Спасти ты, иль не хочешь.

дожъ.

Лучше бѣ было

Обоимъ намъ, когда бѣ онъ не родился
Совсѣмъ на свѣтъ! Теперь же слава дома
Фоскари обезчещена.

МАРИНА.

Ты лжешь!

Ни въ комъ и никогда не билось сердце
Честнѣй и благороднѣе, никто
Не могъ любить, какъ онъ! Я не смѣнила бѣ
Больного, обезчещеннаго мужа,
Измученнаго пыткой и при этомъ
Невиннаго—будь живъ онъ или мертвъ,
Ни на какого сказочнаго принца,
Хотя бы онъ сулилъ отдать за это
Мнѣ цѣлый міръ!... Фоскари обезчещенъ!
Такъ знай же, дожъ: безчестіе это ляжетъ
Не на него, а только на твою
Венецію! Коль скоро что-нибудь
Способно запятнать ее позоромъ—
Такъ это тѣ страданія, которымъ
Подверженъ былъ Фоскари, а отнюдь
Не то, что сдѣлалъ онъ! Не онъ, а вы
Измѣнники! да! да! вы всѣ тираны!
Когда бѣ любили вы свою отчизну,
Какъ любить этотъ мученикъ, готовый
Скорѣй окончить жизнь, переходя
Отъ пытки къ заточенью, лишь бы только
Не жить вдали отъ родины, вы всѣ бы
Склонились передъ нимъ, прося прощенья
За всѣ злодѣйства ваши передъ нимъ!

дожъ.

Онъ точно былъ такимъ, какимъ его
Сейчасъ ты описала. Легче было
Мнѣ перенести кончину старшихъ двухъ
Моихъ дѣтей, отнятыхъ Богомъ, чѣмъ
Безчестіе Джакопо.

МАРИНА.

Это слово!..

Опять его сказалъ ты!

дожъ.

Развѣ онъ

Не признанъ виноватымъ?

МАРИНА.

Будто всякій

Наказанный виновенъ?

дожъ.

Честь его

Возстановить поможетъ время—такъ
Надѣюсь я! Онъ былъ моей надеждой

Д В О Е Ф О С К А Р И.

И гордостью! Но, впрочемъ, что твердить
О томъ теперь! Я рѣдко плакалъ въ жизни,
Но, помню, слезы радости смочили
Глаза мои, когда родился онъ.

Кто бъ думать могъ, что этотъ плачъ мнѣ
будетъ

Зловѣщимъ предвѣщаньемъ.

МАРИНА.

Онъ невиненъ!

Да если бъ даже былъ онъ виноватъ,
То неужели мы должны отречься
Отъ кровнаго родства въ минуты горя?

дожъ.

Я не отрекся отъ него; но долгъ
Правителя забыть повелѣваетъ,
Что я отецъ. Два раза я хотѣлъ
Сложить мой санъ; мнѣ въ этомъ отказали—
И вотъ теперь исполнить принужденъ
Я тяжкій долгъ.

Входитъ придворный.

придворный.

Синьоръ, васъ ожидаетъ
Посолъ отъ Десяти.

дожъ.

Кто?

придворный.

Благородный
Сенаторъ Лоредано.

дожъ.

Онъ опять!..

Пускай войдетъ.

(Придворный уходитъ).

МАРИНА.

Скажи, должна уйти я?

дожъ.

Быть можетъ, въ этомъ нѣтъ нужды, коль
Вопросъ тутъ о Фоскари; если жъ нѣтъ...
скоро

(Входитъ лоредано).

Синьоръ, что вамъ угодно?

лоредано.

Я являюсь

Посломъ Совѣта Десяти.

дожъ.

Ихъ выборъ

Не могъ быть сдѣланъ лучше.

лоредано.

Выборъ сдѣланъ

И сдѣланъ онъ Совѣтомъ!

дожъ.

Ихъ любезность
Замѣтна въ немъ не менѣе, чѣмъ мудрость.
Но, впрочемъ, продолжайте.

лоредано.

Мы рѣшили...

дожъ.

Кто мы?..

лоредано.

Совѣтъ въ собраньи.

дожъ.

Какъ же могъ
Собраться вновь Совѣтъ, не сообщая
Объ этомъ мнѣ?

лоредано.

Онъ пощадить хотѣлъ
Преклонность лѣтъ и ваше сердце.

дожъ.

Вотъ какъ!

Чего же прежде онъ ихъ не щадилъ?
Но, впрочемъ, все равно—скажи, что я
Его благодарю всѣмъ сердцемъ.

лоредано.

Вамъ

Извѣстно, безъ сомнѣнья, что Совѣтъ
Равно имѣетъ право собираться
Въ отсутствіи ли дожа, иль при немъ.

дожъ.

Законъ извѣстенъ этотъ мнѣ давно—
Гораздо раньше, чѣмъ я сталъ, иль думалъ
Быть герцогомъ. Вамъ нечего учить
Меня, синьоръ. Я былъ въ Совѣтѣ членомъ,
Когда вы были только молодымъ
Патриціемъ.

лоредано.

Я знаю; это было

При жизни моего отца и дяди.
Они не разъ рассказывали мнѣ
Объ этомъ всемъ. Я думаю, что ваше
Высочество ихъ помните. Они
Скончались такъ внезапно.

дожъ.

Смерть пріятнѣй,
Чѣмъ долгая и горестная жизнь.

лоредано.

Конечно, такъ, но людямъ почему-то
Пріятнѣе пожить, пока живется.

дожъ.

А развѣ это имъ не удалось?

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ВАЙРОНА.

ЛОРЕДАНО.

Могила знает лучше эту тайну:
Вѣдь смерть, какъ я сказалъ уже, постигла
Обоихъ ихъ внезапно.

дожъ.

Неужели

Подобныя случайности такъ рѣдки?
И для чего стараетесь вы дать
Особое значеніе ихъ кончинѣ?

ЛОРЕДАНО.

О, я далеку отъ мысли называть
Подобный случай рѣдкимъ; смерть обоихъ,
Напротивъ, мнѣ казалася всегда
Естественной. А вы? какого мнѣнья
Вы держитесь объ этомъ?

дожъ.

Что могу я

Сказать о смертныхъ людяхъ?

ЛОРЕДАНО.

То, что смертнымъ
Нерѣдко суждено встрѣчать смертельныхъ
Враговъ въ теченіе жизни.

дожъ.

Ваша правда;

Вашъ дядя и отецъ всегда считались
Врагами мнѣ, а вы во всемъ имъ стали
Наслѣдникомъ.

ЛОРЕДАНО.

Вамъ ближе всѣхъ извѣстно,
Насколько правъ я въ этомъ.

дожъ.

Ваши предки
Дѣйствительно считались мнѣ врагами,
И я слыхалъ немало глупыхъ сплетенъ
О смерти ихъ; молва не разъ твердила,
Что будто бы они отравлены.
Намекъ на это даже помѣщенъ
Въ ихъ эпитафіяхъ, но это все
Однѣ вѣдь только выдумки.

ЛОРЕДАНО.

Кто смѣетъ

Такъ говорить?

дожъ.

Такъ утверждаю я!

Отецъ вашъ былъ врагомъ моимъ, — не
спорю;

Его вражда во всемъ равнялась вашей
Враждѣ ко мнѣ. Я ненавидѣлъ васъ
Не менѣе, чѣмъ вы меня, но все же
Моя вражда была враждой открытой;
Ни разу не позволилъ я себѣ

Вредить вамъ наговоромъ или интригой,
Тѣмъ болѣе не сталъ бы замышлять
Я противъ жизни вашей тайно ядомъ
Или сталью, и тому порукой служить,
Что вы еще въ живыхъ.

ЛОРЕДАНО.

Я не боюсь

Нимало васъ.

дожъ.

Меня бояться вамъ

Причины нѣтъ: я буду тѣмъ, чѣмъ былъ.
Иначе будь я тѣмъ, чѣмъ вы хотите
Меня изобразить, вы потеряли бъ
Давно возможность самую бояться.
Вредите жъ мнѣ! терзайте! буду я,
Какъ прежде, равнодушенъ ко всему.

ЛОРЕДАНО.

Впервые, признаюсь, пришлось отъ васъ
Услышать мнѣ, чтобъ недовольство дожа
Венеціи могло быть страшно жизни
Патриціи!—конечно, если дожъ
Не дѣйствуетъ подпольными путями.

дожъ.

Я болѣе чѣмъ дожъ,—по крайней мѣрѣ,
Былъ большимъ прежде! Родъ мой, кровь,
богатство

Докажутъ это всякому. Не даромъ
Мои враги, которымъ это было
Извѣстно хорошо, старались тщетно
Препятствовать избранью моему
Въ санъ герцога, а послѣ ухищрялись
Всѣмъ, чѣмъ могли, чтобъ вновь меня низ-
вергнуть.

Поэтому узнайте, что когда бъ я
Немного придалъ болѣе цѣны
Желанью моему отправить васъ
Въ изгнаніе, тогда нашлись бы люди,
Которые сдумали бы стереть
Васъ прочь съ лица земли. Но я всегда
Старался поступать въ предѣлахъ власти,
Дарованной закономъ, и при этомъ
Смотрѣлъ я на законъ не такъ, какъ вы,
Привыкшіе со всѣмъ Совѣтомъ вашимъ
Растягивать его и толковать
По своему, чему бы могъ я также
Послѣдовать, воспользовавшись властью,
Дарованною мнѣ, когда бы только
Пришло мнѣ это въ мысль. Законъ, напротивъ,
Казался мнѣ святынею, какою
Священникъ почитаетъ свой алтарь.
Я подчинилъ, во имя этой мысли,
Для блага государства, мой покой,
Здоровье, жизнь, имущество—все, кромѣ
Одной лишь только чести, тѣмъ декретамъ,

Д В О Е Ф О С К А Р И .



ДОЖЪ И МАРИНА.

Рис. Гербертъ (I. Herbert), грав. Ролсъ (C. Rolls).

Которые, прикрывшись, какъ щитомъ,
Закономъ, издавали вы. Довольно!
Прошу теперь сказать, чего хотите
Вы отъ меня?

ЛОРЕДАНО.

Совѣтъ, не находя
Полезнымъ продолжать допросъ и пытку,
Которые усиливають только
Упорство обвиненнаго, рѣшилъ
На этотъ разъ (въ изъятъе отъ закона,
Гласящаго, что пытку продолжаютъ
До полного признанья) кончить дѣло,
Въ виду того, что Фоскари, признавши

Отправленное имъ письмо въ Миланъ,
Сознался этимъ самымъ въ преступленьи,
Свершенномъ имъ; а потому декретомъ
Верховнаго суда онъ присужденъ
Вернуться въ ссылку вновь, куда и будетъ
Немедленно отправленъ на галерѣ,
Доставившей его сюда.

МАРИНА.

Хвала
Небесному Творцу! По крайней мѣрѣ,
Они его не будутъ больше мучить
Своей ужасной пыткой. О, когда бы
Онъ измѣнилъ теперь, подобно мнѣ,

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ ВАЙРОНА.

Былыя убѣжденья: я давно ужъ,
Какъ многіе изъ здѣсь живущихъ, твердо
Убѣждена, что счастье можно встрѣтить,
Лишь бросивъ эту страшную страну,

дожъ.

Вотъ слово, недостойное гражданки
Венеціи.

МАРИНА.

Вы правы: въ немъ сквозить
Гуманная сердечность. Можно ль будетъ
Послѣдовать мнѣ въ ссылку за Фоскари?

ЛОРЕДАНО.

Объ этомъ рѣчи не было въ Совѣтѣ.

МАРИНА.

Я такъ и думала: тутъ былъ бы виденъ
Оттѣнокъ доброты. По крайней мѣрѣ,
Они не запретили это прямо?

ЛОРЕДАНО.

Равно не говорили и объ этомъ.

МАРИНА.

Но ты, отецъ, позволишь мнѣ, конечно,
Послѣдовать за нимъ?

(Къ Лоредано).

А вы, синьоръ,

Не станете препятствовать въ Совѣтѣ
Желанью моему?

дожъ.

Я постараюсь.

МАРИНА (къ Лоредано).

А вы, синьоръ?

ЛОРЕДАНО.

Я не могу рѣшать

Того, на что отвѣтить можетъ только
Совѣтъ по доброй волѣ.

МАРИНА.

«Доброй волѣ»!

Прекрасное словцо для выраженья
Такихъ рѣшеній...

дожъ.

Знаешь-ли предъ кѣмъ

Ты это говоришь?

МАРИНА.

Передъ монархомъ

И подданнымъ.

ЛОРЕДАНО.

Я подданный?..

МАРИНА.

Ого!

Какъ вамъ обидно это слово! Впрочемъ,

Пусть будете равны вы съ нимъ, коль скоро
Угодно такъ вамъ думать, хоть, по-правдѣ,
Вамъ не сравниться съ нимъ, хотя бы онъ
Простымъ былъ мужикомъ. Но если даже
Равны вы точно съ принцемъ,—что же я
По вашему?

ЛОРЕДАНО.

Вы отпрыскъ благородной,
Извѣстной и значительной семьи.

МАРИНА.

Семьи, соединенной, сверхъ того,
Родствомъ съ другой, не меньше благо-
родной.

Позвольте же поэтому спросить,
Кто можетъ мнѣ препятствовать свободно
Сказать, что я хочу?

ЛОРЕДАНО.

Почтенье къ судьямъ

Супруга вашего.

дожъ.

И ко всему,

Что рѣшено стоящими въ главѣ
Венеціи.

МАРИНА.

Оставьте думать такъ

Толпѣ клеветовъ вашихъ, вашихъ глупыхъ
Льстецовъ, гражданъ, наемниковъ, шпионовъ,
Торговцевъ, сбировъ, греческихъ рабовъ,
Фальшивыхъ вашихъ нобилей и прочихъ
Подобныхъ имъ существъ, давно привык-
шихъ

Васъ почитать какими то людьми
Иного ужасающаго міра,
При помощи обрядовъ глупыхъ вашихъ,
Съ какими вы встрѣчаетесь въ подвалахъ
Дворцовъ и тюремъ вашихъ. Пусть они
Одни благоговѣютъ передъ вашимъ
Ужаснымъ Мостомъ Вздоховъ, этой страшной
Тюрьмой, въ которой душите людей вы,
И прочимъ всѣмъ; что жъ до меня, то я
Васъ больше не боюсь: я испытала
Все то, что вы способны были сдѣлать
Гнуснѣйшаго, во время адской пытки,
Которую былъ долженъ перенести
Несчастный мужъ мой. Можете, пожалуй,
Заставить испытать всѣ эти муки
Теперь меня: вѣдь я ужъ испытала
Ихъ вмѣстѣ съ нимъ. Поэтому мнѣ васъ
Бояться нѣтъ причинъ, когда бъ я даже
Была изъ робкихъ; въ этомъ же меня
Никто не упрекнетъ.

дожъ (къ Лоредано).

Ея слова—

Слова безумной.

Д В О Е Ф О С К А Р И.

МАРИНА.

Рѣчь моя, быть можетъ,
Опасна для меня, но не безумна.

ЛОРЕДАНО.

Синьора, успокойтесь: все, что я
Услышалъ здѣсь, не перейдетъ со мной
Порога этой комнаты. Я долженъ
Отдать отчетъ лишь въ разговорѣ съ дожемъ
Касательно вопросовъ государства.

(Обращаясь къ дожу).

Что жъ будетъ вамъ угодно мнѣ сказать?

дожъ.

Я вамъ отвѣчу вмѣстѣ и за дожа,
И за отца.

ЛОРЕДАНО.

Я присланъ только къ дожу.

дожъ.

Скажите жъ имъ, что дожъ пришлетъ посла
По собственному выбору съ отвѣтомъ.
Что жъ до отца...

ЛОРЕДАНО.

Я помню лишь свое!
Прошу принять вась мой привѣтъ! Цѣлую
Почтительно, синьора, вашу руку,
А дожу мой почтительный поклонъ!

(Уходитъ).

МАРИНА.

Ну что жъ—довольны вы?

дожъ.

Остался я
Чѣмъ былъ всегда.

МАРИНА.

Невѣдомою тайной?

дожъ.

Все тайна для людей. Кто разгадаетъ
Ее помимо Бога? Тѣ, кому
Данъ умъ довольно смѣлый; тѣ, что долго
Съ умѣніемъ пытливо изучали
Проклятую ту книгу, что зовемъ
Мы въ мірѣ человѣкомъ, и успѣли,
Прочтя ея кровавыя страницы,
Развѣдать суть его душевныхъ тайнъ,—
Едва ль пріобрѣли познаниемъ этимъ
Себѣ большую выгоду. Грѣхи,
Которые мы видимъ въ нашихъ ближнихъ,
Присущи намъ самимъ; а наше счастье
Лишь даръ слѣпого случая. Богатство,
Здоровье, родъ, успѣхи, красота—
Все это лишь случайности; и если
Мы ропщемъ на судьбу, то намъ при этомъ
Полезно вспоминать, что мы теряемъ

По волѣ рока только то, что онъ же
Послалъ намъ въ даръ. Мы сами по себѣ
Способны только вѣчно добиваться,
Желать, искать, терзаться честолюбьемъ—
Вотъ все наслѣдье наше, и оно
Еще не такъ развито въ низшихъ классахъ,
Гдѣ голодъ сводитъ прочія стремленья
Къ простѣйшей и единственной заботѣ,
Завѣщанной природой—къ страху смерти
Отъ голода, и къ убѣжденію въ томъ,
Что людямъ суждено трудиться въ потѣ
Лица, чтобъ жить. Все пусто въ насъ и низко.
Кѣмъ ни были бы люди, все жъ они
Одинъ и тотъ же прахъ. Такъ урна принца,
Изъ той же самой слѣпленная глины,
Какъ и сосудъ горшечника, подобна
Ему во всемъ. Людская слава просто
Лишь болтовня въ устахъ людей, во всемъ
Подобныхъ намъ, а наша жизнь ничтожнѣй,
Чѣмъ даже эта слава. Долговѣчность
Основана на дняхъ, чей счетъ ведется
Немногими годами; весь же міръ
Зависитъ отъ чего-то, что, однако,
Никакъ не мы. Такимъ путемъ всѣ люди,
Отъ высшаго до низшаго, не больше,
Какъ жалкіе рабы. Свобода наша
Подчинена настолько же пустой
Соломинкѣ, насколько и удару
Дѣйствительной грозы. Ничтожность наша
Всего виднѣе именно въ минуты,
Когда воображаемъ мы себѣ,
Что властвуемъ; въ концѣ жъ концовъ насъ
ждетъ

Всегда лишь смерть, и мы равно не можемъ
Препятствовать ея приходу, такъ же
Какъ не дано опредѣлить намъ мигъ
Рожденья нашего. Не рѣдко мнѣ
Приходитъ мысль, что вѣрно согрѣшили
Когда-нибудь мы тяжело гдѣ-нибудь,
Въ иномъ далекомъ мірѣ: міръ же здѣшній
Лишь только адъ, намъ посланный за грѣхъ.
Хвала Творцу, что этотъ адъ не будетъ
По крайней мѣрѣ вѣчнымъ.

МАРИНА.

Въ здѣшнемъ мірѣ
Намъ не дано постигнуть этихъ тайнъ.

дожъ.

И какъ мы можемъ думать быть судьями
Другихъ людей—мы, слѣпленные также
Изъ глины, какъ они? Могу ли я
Судить проступокъ собственного сына?
Я честно управлялъ моей страной,
Я велъ ее къ побѣдамъ: это можетъ
Увидѣть всякій, кто лишь броситъ взглядъ
На карту государства. Я удвоилъ
Почти его предѣлы—и теперь,

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ВАЙРОНА.

Въ награду за труды мои отчизнѣ,
Она, подѣ старость лѣтъ моихъ, рѣшила
Меня оставить сирымъ.

МАРИНА.

А Фоскари?

Пока я съ нимъ, мнѣ не придетъ и въ
мысли

Такъ разсуждать.

дожъ.

Ты будешь съ нимъ. Они
Не могутъ отказать въ твоимъ желаньямъ.

МАРИНА.

А ежели откажутъ, я спасусь
Съ нимъ вмѣстѣ бѣгствомъ.

дожъ.

Этого нельзя;

Да и куда отправитесь вы вмѣстѣ?

МАРИНА.

Не знаю и не думаю впередъ—
Въ Египетъ, къ туркамъ, въ Сирію—вездѣ
Гдѣ можно жить, не чувствуя себя
Окованнымъ и не страшаясь шпионовъ,
Покорныхъ инквизиторамъ и пыткамъ.

дожъ.

Ужели ты захочешь быть женой
Отступника? Потребуешь отъ мужа
Измѣны государству?

МАРИНА.

Онъ не будетъ
Измѣнникомъ! Въ измѣнѣ здѣсь виновна
Венеція, изгнавшая позорно
Честнѣйшаго и лучшаго изъ всѣхъ
Дѣтей своихъ. Тираны вдвое хуже
Измѣнниковъ. Бунтовщиками могутъ
Назваться и властители, когда
Они пренебрегаютъ исполненіемъ
Своей священной должности! Разбойникъ
Тогда бываетъ лучше ихъ!

дожъ.

Себя

Я не могу винить въ такихъ проступкахъ.

МАРИНА.

Но ты стоишь на стражѣ при законахъ,
Предъ коими и самъ Драконовъ кодексъ
Считаться можетъ чудомъ доброты.

дожъ.

Законъ былъ изданъ прежде. Я не властенъ
Мѣнять его. Когда бѣ судьба рѣшила
Мнѣ быть лишь только подданнымъ, тогда
Я могъ бы хлопотать объ измѣненіи
Законовъ государства, но теперь,

Какъ дожъ и герцогъ, не могу возстать
Я въ интересахъ собственнаго дома
На хартію, завѣщанную намъ
Отцами нашими.

МАРИНА.

Они имѣли

Въ виду, конечно, смерть твоихъ дѣтей.

дожъ.

Отечество обязано своимъ
Величьемъ тѣмъ законамъ. Все, что намъ
Разсказано исторіей о славѣ,
Богатствѣ, блескѣ, почестяхъ и счастья
Римлянъ и кареагенянъ—это все
Воскресло и въ Венеціи. Мы также
Считаемъ средь себя не мало славныхъ
И доблестныхъ гражданъ, во всемъ подоб-
ныхъ

Героямъ древнихъ римлянъ въ дни, когда
Тамъ властвовалъ народъ черезъ посредство
Сенаторовъ.

МАРИНА.

Скажи вѣрнѣй, что онъ
Стоналъ подъ тяжкимъ игомъ олигарховъ.

дожъ.

Быть можетъ, ты права, но все же Римъ
Главою сталъ вселенной. Въ государствѣ
Отдѣльный гражданинъ—будь онъ богатъ,
Способенъ, знатенъ, славенъ иль, напротивъ,
Ничтоженъ, какъ послѣдній жалкій нищій—
Равно не будетъ значить ничего,
Когда зайдетъ вопросъ о поддержаніи
Политики, ведущей неизмѣнно
Къ одной великой цѣли.

МАРИНА.

Это значить

Лишь только то, что ты гораздо больше
Правитель, чѣмъ отецъ.

дожъ.

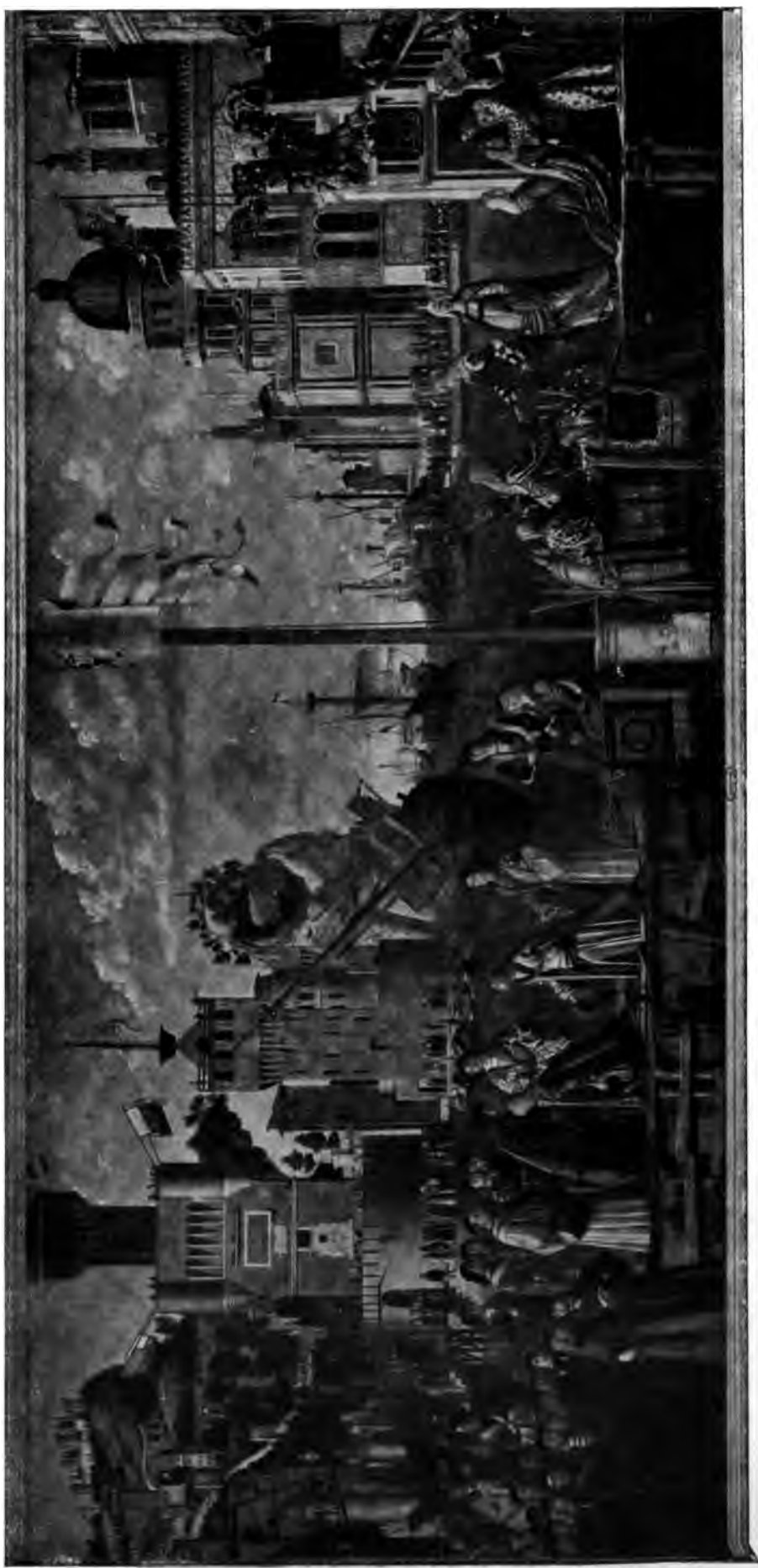
Нѣтъ, это значить,
Что я гораздо больше гражданинъ,
Чѣмъ что-либо другое. Если бѣ мы
Въ теченіе столѣтій не имѣли
Подобныхъ гражданъ сотнями, иль если бѣ
Внезапно перестали ихъ имѣть,
Чего, надѣюсь, впрочемъ, не случится,
Венеціи бы не было на свѣтѣ.

МАРИНА.

Будь проклято правительство, когда
Его законы душатъ голосъ крови.

дожъ.

Когда бѣ число дѣтей моихъ равнялось
Количеству прожитыхъ мною лѣтъ,



ВЕНЕЦІЯ XV ВѢКА ВЪ КАРТИНАХЪ КАРПАЧІО (Vittore Carpaccio, род. около 1460).

(Изъ цикла картинъ, иллюстрирующихъ легенду о св. Урсулѣ: Св. Урсула и ея женигъ предпринимаетъ паломничество — *S. Orsola e lo sposo intraprendono il pellegrinaggio*. Легенда о св. Урсулѣ хронологически относится къ V-II ввху, но весь костюмъ, зданія и т. д. — живая картина Венеціи конца XV в.).

Д В О Е Ф О С К А Р И.

Я отдалъ ихъ бы всѣхъ, хотя, конечно,
Съ сердечною тоской, въ распоряженъе
Отечества, послалъ бы за него
Ихъ въ воду и огонь, и даже—если бъ,
Понадобилось это,—согласился бъ,
Чтобъ всѣ они перетерпѣли также
Темницу, ссылку, смерть—все словомъ, что
Угодно будетъ родинѣ.

МАРИНА.

И это
Зовутъ патриотизмомъ? Для меня
Подобный взглядъ, напротивъ, служить зна-
комъ
Лишь варварства! Позволь, однако, мнѣ
Теперь увидѣть мужа. Я надѣюсь,
Что доблестные «десять», несмотря
На всю ихъ осторожность, не откажутъ
Позволить слабой женщинѣ увидѣть
Его въ тюрьмѣ.

дожъ.

Я на себя беру

Тебѣ позволить это, и немедля
Отдамъ приказъ о пропускѣ въ тюрьму.

МАРИНА.

Что хочешь ты, чтобъ я передала
Фоскари отъ отца?

дожъ.

Приказъ, чтобъ онъ
Послушенъ былъ законамъ.

МАРИНА.

Какъ! не больше?
По крайней мѣрѣ ты его увидишь
Предъ ссылкой; быть можетъ, это будетъ
Въ послѣдній разъ.

дожъ.

Въ послѣдній разъ придется
Увидѣть мнѣ послѣднее дитя!
О сынъ мой, сынъ! Скажи ему: я буду.
(Уходятъ).

Д Ъ Й О Т В І Е Т Р Е Т Ь Е.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Тюрьма. Джакомо Фоскари.

ФОСКАРИ.

Безъ свѣта, кромѣ блѣднаго мерцанья,
Скользящаго вдоль этихъ грустныхъ стѣнъ,
Служившихъ эхомъ горести несчастнымъ,
Сидѣвшимъ здѣсь! Безъ звука, кромѣ сла-
быхъ
Стенаній, смертной горести, да слабыхъ
Шаговъ людей, окованныхъ цѣпями!
И вотъ зачѣмъ вернулся я назадъ
Въ Венецію! Мнѣ думалось: быть можетъ,
Что время, разрушающее мраморъ,
Успѣетъ размягчить сердца людей;
Но я ихъ дурно зналъ—и мнѣ, напротивъ,
Приходится на части разорвать
Свое здѣсь сердце, бившееся вѣчно
Лишь мыслью о Венеціи съ такой же
Любовью и горячностью, съ какой
Тоскуетъ на чужбинѣ нѣжный голубь
По брошенномъ гнѣздѣ, когда сберется
Летѣть туда.

(Подходитъ къ стѣнѣ).

Какія это буквы

Изсѣчены на камнѣ? Можно ль будетъ
Мнѣ ихъ прочесть при этомъ слабомъ свѣтѣ?
А! это имена моихъ несчастныхъ
Собратьевъ по тюрьмѣ; число и годъ
Ихъ горестей! Короткія слова—
Но много въ нихъ несчастья, чтобъ его
Возможно было выразить словами.
Страница эта каменная служить
Имъ скорбной эпитафіей. Несчастный,
Сидѣвшій здѣсь, писалъ на камнѣ повѣсть
Своей жестокой скорби точно такъ же,
Какъ пламенный любовникъ пишетъ имя
Возлюбленной на деревѣ, сплетая
Его съ своимъ. Увы! я узнаю
Немало здѣсь именъ знакомыхъ мнѣ
Людей, сраженныхъ горемъ точно такъ же.
Я напишу вдобавокъ къ именамъ
Ихъ имя Фоскари. Ему всего
Приличнѣе стоять въ печальномъ спискѣ,
Который можетъ только быть прочитанъ
Несчастными. (Пишетъ свое имя).

Входитъ тюремщикъ.

ТЮРЕМЩИКЪ.

Синьоръ! вотъ вашъ обѣдъ.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ВАЙРОНА.

ФОСКАРИ.

Благодарю! Поставь его на землю.
Я голода не чувствую, но губы
Мои совѣмъ засохли. Гдѣ вода?

ТЮРЕМЩИКЪ.

Вотъ здѣсь.

ФОСКАРИ.

Благодарю!

(Пьетъ).

Теперь мнѣ лучше.

ТЮРЕМЩИКЪ.

Мнѣ велѣно сказать, что судъ надъ вами
До времени отсроченъ.

ФОСКАРИ.

До какого?

ТЮРЕМЩИКЪ.

Объ этомъ я не знаю. Также мнѣ
Совѣтомъ данъ приказъ впустить сюда
Супругу вашу.

ФОСКАРИ.

А! жестокость ихъ
Смягчилась, наконецъ! Я пересталъ
На это ужъ надѣяться. Давно
Была тому пора.

Входитъ МАРИНА.

МАРИНА.

О милый мой!

ФОСКАРИ (*обнимая ее*).

Единственный мой другъ! какое счастье!

МАРИНА.

Мы больше не разстанемся.

ФОСКАРИ.

Ужели

Ты хочешь раздѣлить мою тюрьму?

МАРИНА.

Тюрьму, могилу, пытку, словомъ—все,
Лишь только бѣ быть съ тобой. Могилу,
впрочемъ,
Всего позднѣй, затѣмъ, что въ ней не будемъ
Мы знать другъ друга; я о ней сказала
Лишь потому, что легче быть съ тобою
И въ гробѣ мнѣ, чѣмъ разлучиться вновь.
Довольно ужъ того, что я могла
Снести разлуку первую. Скажи,
Какъ чувствуешь себя теперь ты? Лучше ль
Твоимъ несчастнымъ членамъ? Ты блѣд-
нѣешь!

Къ чему тогда вопросъ мой.

ФОСКАРИ.

Счастье видѣть

Тебя—и такъ внезапно—отдалось
Во мнѣ такою радостью, что кровь,
Невольно хлынувъ къ сердцу, отлила
Отъ щекъ моихъ, заставивъ поблѣднѣть
Ихъ, какъ блѣдна и ты, моя Марина.

МАРИНА.

Тому причиной блѣдный полусвѣтъ
Темницы вѣчной этой, гдѣ невѣдомъ
Лучъ солнечный, гдѣ даже свѣтъ похожъ
Скорѣй на тѣмноту и гдѣ печально брежжетъ
На нашихъ лицахъ трепетнымъ мерцаньемъ
Лишь красный отблескъ факела сквозь

темный

Смолистый дымъ, заставшій все, и даже
Глаза твои. Но нѣтъ! твои глаза
Блестятъ! О, какъ блестятъ они!

ФОСКАРИ.

Твоихъ

Я видѣть не могу. Меня слѣпитъ
Свѣтъ факела.

МАРИНА.

А я, напротивъ, здѣсь
Ни зги не увидала бѣ безъ него.
Ужель ты видѣть могъ въ такихъ потемкахъ?

ФОСКАРИ.

Сначала ничего, но время дало
Возможность мнѣ привыкнуть къ вѣчной
ночи.

Мерцанье дня, сквозившее порой
Сквозь трещины, проломанныя вѣтромъ,
Казалось мнѣ пріятнѣй во сто кратъ,
Чѣмъ свѣтъ блестящій солнца, если только
Онъ освѣщаль передо мной не башни
Венеціи! Ты знаешь ли, что я
Сейчасъ писалъ передъ твоимъ приходомъ?

МАРИНА.

Писалъ? о чемъ?

ФОСКАРИ.

Я вырѣзалъ на камнѣ
Свое здѣсь имя. Посмотри, вотъ здѣсь,
Какъ разъ вблизи собрата моего
По мѣсту заключенья, если только
Не лжетъ стѣнная надпись.

МАРИНА.

Чѣмъ онъ кончилъ
Судьбу свою?

ФОСКАРИ.

Не знаю: эти стѣны
Молчать умѣютъ о судьбѣ людей
И говорятъ о нихъ однимъ намекомъ.
Подобныя темницы воздвигаютъ
Лишь только для умершихъ или для тѣхъ,
Кто долженъ умереть. „Чѣмъ кончилъ онъ
Судьбу свою“, спросила ты меня:

Д В О Е Ф О С К А Р И .



СВИДАНИЕ МАРИНЫ СЪ МУЖЕМЪ.

Рис. Мадокса Броуна. (Ford Madox Brown).

Вотъ точно такъ же спросятъ очень скоро
И обо мнѣ, и точно такъ же будетъ
Отвѣтъ исполненъ мрачнаго сомнѣнья
И ужаса, когда ты не расскажешь
Мою исторію.

МАРИНА.

Я? говорить о томъ,
Что ты терпѣлъ?

ФОСКАРИ.

А почему же нѣтъ?
Всѣ будутъ говорить о мнѣ, и скоро:
Тиранство скрыть нельзя. Какой бы ужасъ
Оно ни совершило, правда все же
Найдетъ исходъ; хотя бы въ видѣ стонъ,
Она пробьетъ и самый сводъ могилы.
Мнѣ нечего бояться, чтобы память
Моя была дурна, а смерть нисколько
Мнѣ не страшна.

МАРИНА.

Ты будешь жить!

ФОСКАРИ.

А что же

Моя свобода?

МАРИНА.

Будь свободенъ духомъ.

ФОСКАРИ.

Вотъ истинно высокія слова,
Но лишь слова! звукъ музыки—прекрасной,
Но кратковременной! Духъ значить много,
Но онъ не все. Онъ далъ мнѣ силы вынести
Страданья пытки худшія, чѣмъ смерть,
Когда лишь правда то, что смерть не больше,
Какъ вѣчный сонъ. Я перенесъ все это
Безъ жалобы; ничтожный стонъ, который
Былъ вырванъ изъ груди моей, нанесъ
Позоръ моимъ лишь судьямъ; но на свѣтѣ
Есть муки вдвое хуже: на примѣръ,
Прожить въ тюрьмѣ весь вѣкъ, что суждено,
Быть можетъ, мнѣ.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ВАЙРОНА.

МАРИНА.

Увы! въ темницѣ этой
Все, что принадлежитъ тебѣ во всемъ
Пространномъ государствѣ, гдѣ отецъ твой
Владыкою.

ФОСКАРИ.

Такая мысль едва ли
Поможетъ мнѣ перенести мой плѣнъ.
Не мало стонетъ узниковъ въ темницахъ,
Но врядъ ли кто-нибудь, подобно мнѣ,
Былъ заключенъ такъ близко отъ дворца
Его отца. Надежды лучъ, однако,
Порою посѣщаетъ и меня,
Подобный тѣмъ полоскамъ пыльнымъ свѣта,
Которымъ удастся иногда
Проникнуть въ щель тюрьмы. Другого свѣта
Я не видалъ. Огонь тюремной лампы
Да блѣдное сіянье свѣтляка,
Попавшаго въ тенета паутины—
Вотъ все, что свѣтитъ здѣсь. Увы! я знаю,
Что мы переносить способны много.
Я это доказалъ своимъ примѣромъ
Передъ людьми; но мнѣ ужасна мысль
Объ одиночествѣ: я родился
Для общества.

МАРИНА.

Съ тобою буду я.

ФОСКАРИ.

О если бъ это было такъ! Но нѣтъ—
Они не согласятся оказать
Такую милость мнѣ, и я останусь
Одинъ, какъ былъ, безъ общества и даже
Безъ книгъ, замѣны ложной этой столь же
Фальшивыхъ, какъ онѣ, людей. Я тщетно
Просилъ прислать мнѣ лѣтописи нашей
Исторіи, портреты нашихъ предковъ—
И мнѣ осталось изучать теперь
Лишь эти стѣны. Пятна ихъ и плѣсень
Вѣрнѣй передадутъ картины дѣлъ
Венеціи, чѣмъ древній залъ, въ которомъ
Развѣшены портреты славныхъ дожей
Съ подробнымъ изложеніемъ ихъ дѣяній.

МАРИНА.

Я сообщить пришла тебѣ рѣшеніе
Совѣта Десяти.

ФОСКАРИ.

Оно извѣстно

Заранѣй мнѣ: смотри!

(Указываетъ на свои члены, какъ бы напо-
миная о пыткѣ).

МАРИНА.

Нѣтъ, нѣтъ! не это!
Жестокость ихъ смягчилась, наконецъ.

ФОСКАРИ.

Чего жъ тогда хотятъ они?

МАРИНА.

Чтобъ ты

Вернулся снова въ Кандію.

ФОСКАРИ.

Такъ, значить,

Послѣдняя надежда для меня
Погасла навсегда. Я перенесъ бы
Темницу здѣсь, баюкаемый мыслью,
Что я на родинѣ; я снесъ бы пытку,
Затѣмъ что въ воздухѣ родномъ вдыхалъ я
Какую-то крѣпительную свѣжесть,
Подобно кораблю, когда средь бури
Гонимый грознымъ вѣтромъ, все же онъ
Летитъ впередъ по плещущимся волнамъ.
Но тамъ, вдали Венеціи, на этомъ
Проклятомъ островѣ, среди рабовъ
Невѣрныхъ или ссыльныхъ, буду я
Подобенъ кораблю, когда онъ брошенъ
Разбитый на скалу. Я, живши тамъ
Все время, ощущалъ, что обращаюсь
Въ могильный прахъ и что умру навѣрно,
Когда вернуть меня туда.

МАРИНА.

А здѣсь?

ФОСКАРИ.

Здѣсь я умру, по крайней мѣрѣ, сразу,
Какимъ бы средствомъ ни было. Ужели
Лишатъ меня дѣйствительно гробницы
Отцовъ моихъ, какъ отняли уже
Наслѣдство ихъ и домъ?

МАРИНА.

Мой милый другъ,

Я испросила позволеніе ѣхать
Съ тобою въ ссылку, но притомъ таила
Другое на умѣ. Твоя любовь
Къ жестокому отечеству граничить
Съ безумной страстью. Ты зовешь напрасно
Ее патриотизмомъ. Для меня
Одно и то же жить иль тамъ, иль здѣсь,
Лишь только бѣвидѣть мнѣ тебя спокойнымъ
И радостнымъ среди свободной жизни.
Громаду этихъ тюремъ и дворцовъ
Никто не назоветъ, повѣрь мнѣ, раемъ.
Сюда явились предки наши также
Несчастными изгнанниками.

ФОСКАРИ.

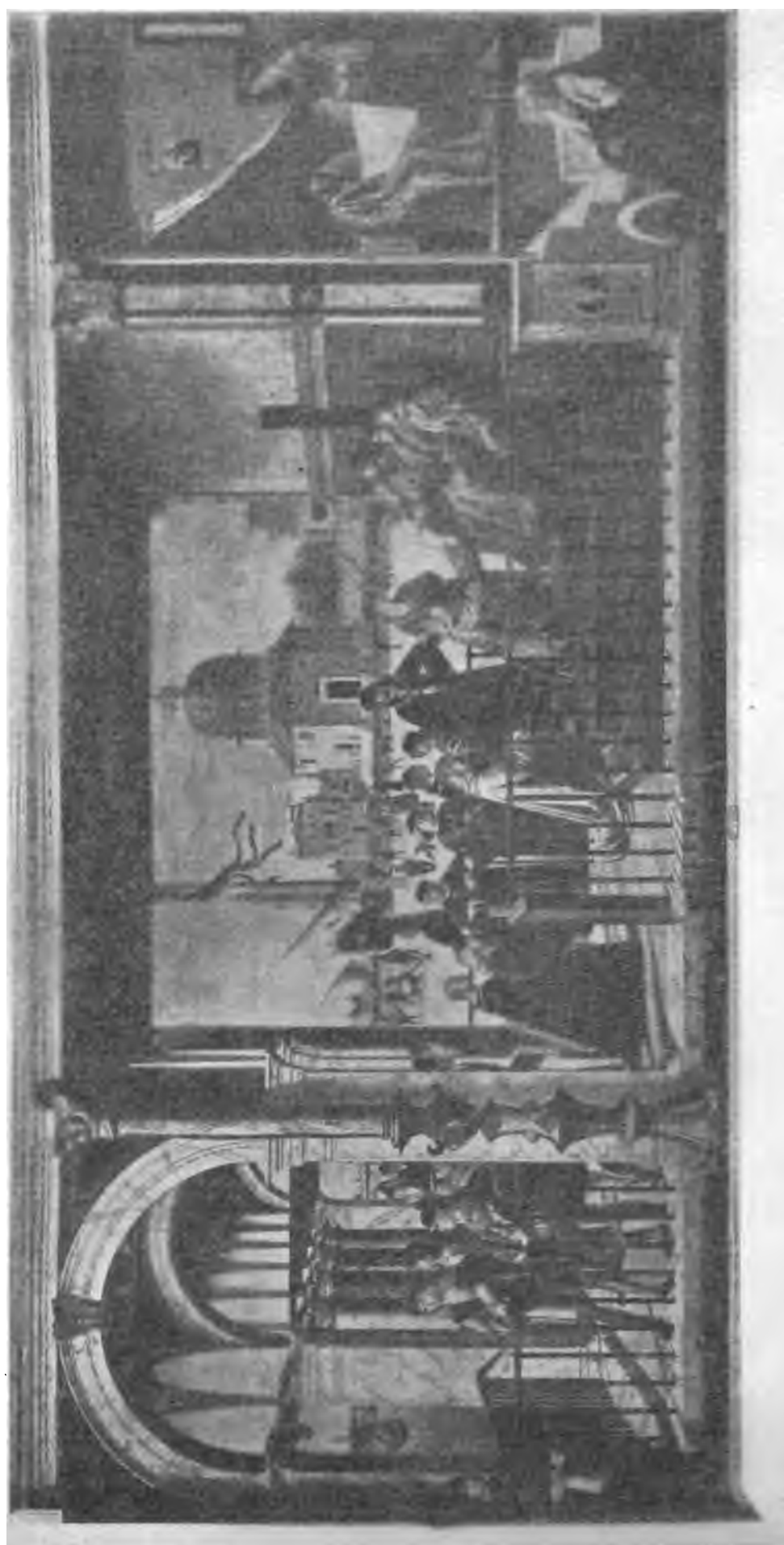
Да!

Несчастными—я это знаю.

МАРИНА.

Что же,

Мы видимъ, было дальше? Укрываясь
Отъ гунновъ злыхъ на этихъ островахъ,
Съ единственнымъ наслѣдствомъ древнихъ—
римлянъ—



ВЕНЕЦИЯ XV ВѢКА ВЪ КАРТИНАХЪ КАРПАЧО (Vittore Carpaccio) 1460).

Изъ новѣйшихъ картинъ, иллюстрирующихъ легенду о Св. Урсулѣ: англійскіе воины передъ королемъ Венеціи. Въ англійской галерей въ Лондонѣ. Рисуетъ о св. Урсулѣ хронологически относится къ XVI вѣку, но въ костюмахъ, относящихся къ XVI вѣку.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ВАЙРОНА.

Безмолвно озаряющее яркимъ
Пурпурнымъ блескомъ стѣны дорогого
Родного города! Не ощущала
Ты—каково, увидѣвши во снѣ
Подобное блаженство, вдругъ проснуться
И не найти его!

МАРИНА.

Я раздѣлю

Съ тобою горе это. Будемъ думать
О томъ, какъ мы поѣдемъ на чужбину
Изъ этого любимого такъ сильно
Тобою города—коль скоро онъ
Любимъ тобой дѣйствительно—и гдѣ
Тебѣ его любовью отведенъ
Такой дворецъ для жизни! Наши дѣти
Останутся на плеченьи дожа
И дядей ихъ. Намъ надобно уѣхать
Сегодня въ ночь.

ФОСКАРИ.

Такъ скоро? Неужели
Мнѣ не дадутъ увидѣться съ отцомъ?

МАРИНА.

Ты скоро съ нимъ увидишься.

ФОСКАРИ.

Гдѣ?

МАРИНА.

Здѣсь

Иль въ герцогскихъ покояхъ. Мѣсто вѣрно
Еще имъ не назначено. О, какъ
Желала бъ я, чтобъ ты переносилъ
Свое несчастье такъ же хладнокровно,
Какъ сносить онъ его!

ФОСКАРИ.

Не упрекай

Отца напрасно. На него сердился
Порой я самъ, но поступать иначе
Не можетъ онъ. Малѣйшій знакъ участя
Его ко мнѣ могъ только бы навлечь
На голову почтенную его
Немедля подозрительность Совѣта,
А на меня сугубую бѣду.

МАРИНА.

Сугубую! Чего жъ намъ можно ждать
Отъ нихъ еще!

ФОСКАРИ.

Что мнѣ бы запретили

Увидѣться передъ отъѣздомъ въ ссылку
Съ тобою и съ нимъ, какъ это ужъ случилось,
Когда я отправлялся въ первый разъ.

МАРИНА.

Да, да, ты правъ, и я себя считаю
Обязанной правительству за милость,
Оказанную намъ. Я буду вдвое
Ее сильнѣе чувствовать, когда

Помчимся оба мы съ тобою далеко,
Далеко по волнамъ, оставя этотъ
Проклятый, злобный городъ.

ФОСКАРИ.

Замолчи!

Не проклинай его! Ужъ если я
Молчу о немъ, то кто посмѣетъ клясть
Мою отчизну?

МАРИНА.

Богъ и всѣ Его

Святые ангелы! Кровь неповинныхъ,
Взывающая къ небу; стонъ и слезы
Невольниковъ въ оковахъ и несчастныхъ,
Поверженныхъ въ темницы; голосъ столько
Несчастныхъ матерей, сестеръ и братьевъ,
Закабаленныхъ въ рабство десятью
Плѣшивыми и злыми головами.
Ее клянеть твое молчанье! Если
Ты даже самъ не можешь возразить
На то, что я сказала,—кто же будетъ
Хвалить Венецію?

ФОСКАРИ.

Коль скоро такъ

Велитъ судьба, то будемъ заниматься
Ужъ лучше нашимъ сборомъ въ путь.

Входитъ лоредано съ служителями.

ФОСКАРИ.

Кто это?

ЛОРЕДАНО (служителямъ).

Оставьте факелъ здѣсь и удалитесь.

(Служители уходятъ).

ФОСКАРИ.

Привѣтствую почтеннаго синьора!
Не думалъ я, чтобъ вамъ пришлось являться
Въ подобныя мѣста.

ЛОРЕДАНО.

Не въ первый разъ

Спускаюсь я сюда.

МАРИНА.

Зато въ послѣдній
Спустились бы, когда бы только люди
Достойно награждались по заслугамъ.
Зачѣмъ пришли сюда вы? Быть шпиономъ,
Иль чтобы насъ больнѣе оскорбить?

ЛОРЕДАНО.

Вы ошибаетесь, синьора. Мнѣ
Поручено лишь только объявить
Супругу вашему постановленье
Совѣта Десяти.

МАРИНА.

Любезность ваша
Немного опоздала.



ВЕНЕЦІЯ XV ВѢКА ВЪ КАРТИНАХЪ КАРПАЧЧІО (Vittore Carpaccio).
(Изъ цикла легендъ о Честномъ Дровѣ—*Miracolo del Santo legno della Croce*).

ЛОРЕДАНО.
Какъ?

МАРИНА.

Рѣшенъе

Ему сообщено уже. Конечно,
Я не могла исполнить это съ тѣми
Вниманьемъ и сочувствіемъ, какія
Предписаны Совѣтомъ, тѣмъ не менѣй
Онъ знаетъ все. Коль скоро вы явились

Сюда за благодарностью—примите
Ее скорѣй и уходите прочь.
Тюрьма мрачна довольно и безъ васъ,
А сверхъ того, живетъ въ ней много гадовъ,
Не меньше отвратительныхъ на видъ,
Хотя ихъ жало меньше ядовито.

ФОСКАРИ.

Ну, ну—зачѣмъ такъ говорить?

МАРИНА.

Затѣмъ,

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ВАЙРОНА.

Чтобъ дать ему понять, что онъ извѣстенъ
Намъ хорошо.

ЛОРЕДАНО.

Оставьте: полъ синьоры
Даеъ ей право говорить безъ страха
Все то, что пожелаетъ.

МАРИНА.

Я, синьоръ,
Имѣю сыновей: они съумѣютъ
Васъ отблагодарить.

ЛОРЕДАНО.

Желаю вамъ
Умно ихъ воспитать. И такъ, Фоскари,
Рѣшеніе Совѣта вамъ извѣстно?

ФОСКАРИ.

Я сосланъ снова въ Кандію.

ЛОРЕДАНО.

Навѣчно.

ФОСКАРИ.

Не долгій срокъ!

ЛОРЕДАНО.

Я говорю: навѣчно.

ФОСКАРИ.

А я прибавлю вновь, что срокъ не дологъ.

ЛОРЕДАНО.

Тюрьма въ Канеѣ на годъ, а затѣмъ
Свобода жить, гдѣ будетъ вамъ угодно.

ФОСКАРИ.

Подобная свобода для меня
Не радостнѣй темницы. Справедливо ль,
Что судъ позволилъ жить со мною въ ссылкѣ
Моей женѣ?

ЛОРЕДАНО.

Да, ежели она
Желаеъ этого.

МАРИНА.

Кто подалъ голосъ
За эту милость?

ЛОРЕДАНО.

Тотъ, кто не ведетъ
Войны и распрей съ женщиной.

МАРИНА.

Зато
Онъ притѣсняетъ всѣхъ людей. Я, впрочемъ,
Обязана его благодарить
За эту милость. Больше никакой
Не приняла бъ я отъ него иль прочихъ
Людей, ему подобныхъ.

ЛОРЕДАНО.

Благодарность
Имъ принята съ такимъ же точно чувствомъ,
Съ какимъ предложена.

МАРИНА.

И пусть ему
Она послужить въ пользу ровно въ томъ же
Размѣрѣ, но не больше.

ФОСКАРИ.

Все ли вы
Сказали намъ, синьоръ? Конечно, вамъ
Должно извѣстнымъ быть, что намъ немного
Дано часовъ для сбора и что ваше
Присутствіе тревожитъ и стѣсняетъ
Синьору эту, равную по крови
И роду съ вами.

МАРИНА.

Родъ мой выше.

ЛОРЕДАНО.

Чѣмъ?

МАРИНА.

Онъ выше благородствомъ. Говорятъ же
Про быстрого коня, что кровь его
Чиста и благородна. Я родилась
Въ Венеціи, гдѣ есть всего четыре
Коня и то изъ бронзы, но слыхала,
Что выражались такъ венеціанцы,
Живущіе на берегахъ Египта
И близкой съ нимъ Аравіи. Что жъ можетъ
Намъ помѣшать оцѣнивать такими жъ
Словами кровь людей? Высокій родъ
Гордиться долженъ чувствами, а вовсе
Не древностью. Мой родъ не меньше древенъ,
Чѣмъ вашъ, синьоръ, но онъ далеко лучше
По представителямъ. Прошу, не хмурьтесь,
А лучше проглядите хорошенько
Рядъ предковъ вашихъ, столь извѣстныхъ
славой

И доблестью. Краснѣйте передъ ними
И будьте въ томъ убѣждены, что всѣ
Они бы покраснѣли точно такъ же
За этакіхъ потомковъ, полныхъ злобы
И низости.

ФОСКАРИ.

Опять, Марина!

МАРИНА.

Да!

Опять Марина! Развѣ ты не видишь,
Что онъ сюда явился лишь затѣмъ,
Чтобы насытить злость свою, любуясь
На наши горести; такъ потому пусть онъ
И терпитъ вмѣстѣ съ нами.

ФОСКАРИ.

Трудно очень
Намъ этого достигнуть.

МАРИНА.

О, повѣрь,
Онъ мучится теперь уже. Пускай

Д В О Е Ф О С К А Р И.

Скрываетъ онъ гнетущую тоску
Подъ каменною маской и подъ видомъ
Ироніи; но все же онъ страдаетъ.
Немного надо правды, чтобъ смутить
Презрѣннаго клеветы сатаны—
И я, повѣрь, своимъ короткимъ словомъ
Заставила почувствовать его
Такую жъ точно боль, какую будетъ
Онъ чувствовать отъ адскаго огня,
Когда умереть. Взгляни, какъ онъ смущенъ,
Какъ избѣгаетъ встрѣтиться глазами
Съ моимъ лицомъ и поступаетъ такъ,
Держа въ рукахъ оковы, смерть и ссылку!
Но все оружье это не послужить
Ему щитомъ: я поразишь умѣла
Его до глубины его холодной
И каменной души. Онъ мнѣ не страшенъ.
Мы можемъ только умереть, ему же,
Напротивъ, ничего нѣтъ хуже жизни.
Онъ съ каждымъ пережитымъ снова днемъ
Все больше приближается къ проклятью
И гибели.

Фоскари.

Ты говоришь, какъ будто
Лишилася разсудка.

Марина.

Кто жъ заставилъ
Насъ потерять его?

Лоредано.

Оставьте: пусть
Она болтаетъ, что угодно. Мнѣ
Отъ этого не хуже.

Марина.

Нѣтъ, вы лжете!
Цѣль вашего прихода заключалась
Въ намѣреніи полюбоваться злобно
Несчастьемъ нашимъ; вы навѣрно ждали
Отъ насъ горячихъ просьбъ, хотѣли видѣть
Потоки слезъ, искали насладиться
Печальнымъ видомъ горькаго несчастья,
Въ которое поверженъ вами сынъ
Властительнаго герцога; короче,
Хотѣлось вамъ попать ногами тѣхъ,
Кто безъ того уже поверженъ—дѣло,
Котораго не сдѣлалъ бы палачъ,
Чей видъ одинъ ужасенъ людямъ! Что же
Успѣли вы? Несчастья наши точно
Сильнѣй всего, что вы могли придумать,
И все жъ при этомъ я спрошу: вы сами
Что чувствуете?

Лоредано.

То же, что скала.

Марина.

Скала подъ громовымъ ударомъ точно

Не чувствуетъ, но все жъ бываетъ имъ
Разрушена. Оставимъ же, Фоскари,
Злодѣя этого. Лишь онъ одинъ
Достоинъ быть жильцомъ подобной кельи,
Которую онъ часто населялъ,
Но никогда какъ слѣдуетъ, покуда
Не будетъ самъ томиться въ ней.

Входитъ дожъ.

Фоскари.

Отецъ мой!

дожъ (обнимая его).

Мой сынъ, Джакопо! сынъ мой!

Фоскари.

Какъ давно
Не слышалъ я, чтобъ вы произносили
Мое и наше имя!

дожъ.

Сынъ мой! если бъ
Ты только зналъ!

Фоскари.

Я не привыкъ роптать.

дожъ.

О, это мнѣ извѣстно хорошо!

Марина (указывая на Лоредано).

Дождь! дождь! смотри.

дожъ.

Я вижу; что жъ ты хочешь
Сказать мнѣ этимъ?

Марина.

Дать тебѣ совѣтъ
Быть осторожнымъ.

Лоредано.

Осторожность—точно
Одно изъ замѣчательнѣйшихъ качествъ
Синьоры этой, потому она
Его рекомендуетъ и другимъ.

Марина.

Я въ ней, синьоръ, не вижу вовсе качествъ,
А лишь необходимость для того,
Кто принужденъ вести дѣла съ злодѣемъ.
Я точно такъ же подала бъ совѣтъ
Быть осторожнымъ, если бъ увидала,
Что кто-нибудь готовъ ступить ногой
На голову эхидны.

дожъ.

Дочь моя,

Ты ошибаешься: мнѣ хорошо
Извѣстенъ Лоредано.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ВАЙРОНА.

ЛОРЕДАНО.

Вамъ онъ будетъ
Извѣстенъ лучше.

МАРИНА.

Но при этомъ худшимъ
Не можетъ показаться.

ФОСКАРИ.

Перестанемъ,
Отецъ, терять минуты разставанья
На лишніе упреки. Неужели
Дѣйствительно мы видимся съ тобой
Въ послѣдній разъ?

ДОЖЪ.

Взгляни, мой сынъ, на эти
Сѣдые волосы.

ФОСКАРИ.

Я убѣжденъ,
Что не достигну никогда такихъ же
Сѣдинъ, какъ ты. Позволь поцѣловать
Тебя, отецъ. Ни разу въ цѣлой жизни
Не чувствовалъ сильнѣе я, какъ крѣпко
Тебя люблю. Не покидай, прошу,
Дѣтей моихъ, оставшихся сиротъ
Отъ твоего послѣдняго дитяти.
Пусть будутъ для тебя они тѣмъ самымъ,
Чѣмъ былъ я прежде, но избави Боже,
Чтобъ имъ когда-нибудь пришлось извѣдать
Судьбу отца. Могу ли я увидѣть
Ихъ предъ отъѣздомъ?

МАРИНА.

Нѣтъ! не здѣсь, не здѣсь!

ФОСКАРИ.

Не все ль равно, когда и гдѣ увидать
Отца родныя дѣти?

МАРИНА.

Пусть увидать
Они его не тамъ, гдѣ страхъ и ужасъ
Оледенятъ ихъ юныя сердца.
Они одѣты, сыты, спятъ спокойно,
Не зная страшной истины, что ихъ
Отецъ отверженъ родиной. Конечно,
Легко случится можетъ, что и имъ
Готовится подобная жъ судьбина.
Но если такъ, то пусть, по крайней мѣрѣ,
Они ее получаютъ какъ наслѣдство,—
Не какъ удѣлъ. Ихъ молодое сердце
Хотя вполне открыто для любви,
Но въ то же время можетъ слишкомъ сильно
Поддаться ужасу. А этотъ мрачный,
Ужасный склепъ; плескъ волнъ морскихъ,
шумящихъ
Гораздо выше мѣста, гдѣ теперь
Съ тобою мы; тяжелый, спертый воздухъ,
Врывающійся въ трещины,—все это

Ихъ можетъ испугать. Имъ не въ привычку
Дышать подобнымъ воздухомъ, хотя
И ты и я, а болѣе всего
Почтенный Лоредано, переносимъ
Его безъ злыхъ послѣдствій.

ФОСКАРИ.

Правда! Я
Объ этомъ не подумалъ. Надо будетъ
Ухвать, не выдавши ихъ.

ДОЖЪ.

нѣтъ,
Ты можешь ихъ увидѣть у меня.

ФОСКАРИ.

И я покинуть долженъ всѣхъ ихъ?
ЛОРЕДАНО.

Да.

ФОСКАРИ.

Мнѣ не дадутъ ни одного?
ЛОРЕДАНО.

Они

Теперь принадлежать отчизнѣ.

МАРИНА.

Какъ?

До этихъ поръ я ихъ звала своими.
ЛОРЕДАНО.

Они и будутъ вашими во всемъ,
Что можетъ относиться до заботъ
И долга матери.

МАРИНА.

О да! во всемъ,
Что тягостно и трудно. При болѣзни
Я буду ихъ лѣчить; когда случится,
Что кто-нибудь умретъ изъ нихъ,—я буду
Ихъ хоронить и плакать, но коль скоро
Удастся мнѣ ихъ вырастить, то вы
Ихъ обратите въ слугъ своихъ, въ солдатъ,
Въ сенаторовъ, въ невольниковъ—во все,
Что будетъ вамъ угодно; дочерей же
Вы отдадите вашимъ сыновьямъ
За ихъ приданое... Вотъ тѣ заботы,
Которыя правительство охотно
Пріемлетъ на себя, чтобы пристроить
Дѣтей своихъ!

ЛОРЕДАНО.

Пора! попутный вѣтеръ
Теперь благопріятенъ.

ФОСКАРИ.

Какъ могли вы
Узнать объ этомъ здѣсь, гдѣ никогда
Не вѣетъ свѣжимъ воздухомъ?

ЛОРЕДАНО.

Такъ было,



ДЖАКОПО ФОСКАРИ ОСТАВЛЯЕТЪ ТЕМНИЦУ.
Рис. Джексона (S. J. E. Jones), грав. Портбери (E. J. Portbury).

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ВАЙРОНА.

Когда я шель сюда. Галера ждеть
У пристани на Рива-ди-Скьявони.

ФОСКАРИ.

Отецъ, прошу тебя, пройди впередъ
И приготовь дѣтей меня увидѣть.

ДОЖЪ.

Будь твердъ, мой сынъ.

ФОСКАРИ.

Стараюсь быть, насколько
Возможно это мнѣ.

МАРИНА.

По крайней мѣрѣ,
Покинемъ мы ужасную тюрьму.
А вмѣстѣ и того, чьей добротѣ
Обязанъ былъ ты прошлымъ заключеньемъ.

ЛОРЕДАНО.

И нынѣшней свободой.

ДОЖЪ.

Да, онъ правъ!

ФОСКАРИ.

Пусть будетъ такъ, но мнѣ въ свободѣ этой
Лишь перемѣна цѣли на другую—
Тягчайшую. Онъ это зналъ—и вотъ
Причина всѣхъ его стараній. Впрочемъ,
Я не ропщу.

ЛОРЕДАНО.

Вамъ надо торопиться:
Часы не ждутъ.

ФОСКАРИ.

Увы! не думалъ я,
Что буду покидать съ такой тоскою
Подобное жилище! Но когда
Я думаю, что съ каждымъ новымъ шагомъ
Все буду дальше отъ моей родной
Венеціи—я съ горькимъ сожалѣньемъ
Смотрю на эти стѣны и готовъ...

ДОЖЪ.

Не плачь, мой сынъ.

МАРИНА.

О, нѣтъ, пускай онъ плачетъ!

Онъ слезъ не проливалъ на страшной пыткѣ—
Тамъ это было бѣ слабостью, но здѣсь
Онъ въ полномъ правѣ плакать. Слезы могутъ
Ему быть утѣшеньемъ: въ этомъ сердцѣ
Такъ много нѣжности. Я въ состоянн
Сама теперь заплакать, чтобъ смѣшать
Мой плачь съ его слезами, но не стану,
Чтобъ не доставить плачемъ наслажденья
Злодѣю этому. Идемте! Дождь, впередъ!

ЛОРЕДАНО.

Эй! факель!

МАРИНА.

Да! свѣтите намъ! Нашъ путь
Напоминаетъ шествіе къ костру,
А Лоредано плачетъ, какъ наслѣдникъ.

ДОЖЪ.

Ты слабъ, мой сынъ: опришь на руку эту.

ФОСКАРИ.

Кто думать могъ, что старость будетъ такъ
Служить опорой юности? Моя
Рука должна была бѣ подать вамъ помощь.

ЛОРЕДАНО.

Хотите руку?

МАРИНА.

Не бери, Фоскари:
Она тебя ужалить! Прочь подите,
Синьоръ, отъ насъ. Повѣрьте, что когда бѣ
Вы руку протянули, чтобъ исторгнуть
Изъ мрачной бездны насъ, то и тогда бы
Отвергли мы ее! Идемъ, Фоскари!
Опришь на руку, данную тебѣ
Предъ алтаремъ! Я не могла спасти
Тебя своей рукой, но буду вѣчно
Тебѣ опорой вѣрною и твердой.

(Уходятъ).



Д Ъ Й С Т В І Е Ч Е Т В Е Р Т О Е.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Комната во дворцѣ дожа.

Входятъ ЛОРЕДАНО и БАРБАРИГО.

БАРБАРИГО.

Ты убѣжденъ въ возможности проекта?

ЛОРЕДАНО.

Вполнѣ.

БАРБАРИГО.

Онъ отзовется тяжело
На старческихъ годахъ его.

ЛОРЕДАНО.

Скажи,

Что онъ его скорѣе успокоить,
Снявъ бремя власти съ утомленныхъ плечъ.

БАРБАРИГО.

И разобьетъ ему съ тѣмъ вмѣстѣ сердце.

ЛОРЕДАНО.

Съ годами сердце дѣлается тверже.
Онъ видѣлъ горе сына—и при этомъ
Одинъ лишь разъ замѣтить можно было,
Что обнаружилъ онъ въ тюрьмѣ свое
Отчаянье, бывъ прежде твердъ, какъ
камень.

БАРБАРИГО.

Да, ежели судить его мы будемъ
Лишь по лицу; но мнѣ не разъ случалось
Въ самомъ его спокойствіи подмѣтить
Такую скорбь, что самый ярый взрывъ
Отчаянья не могъ бы быть ужаснѣй.
Гдѣ онъ теперь?

ЛОРЕДАНО.

Въ тѣхъ комнатахъ дворца,
Которыя назначены всему
Семейству ихъ.

БАРБАРИГО.

И онъ теперь, конечно,
Прощается.

ЛОРЕДАНО.

Да, съ сыномъ, а затѣмъ
Простится съ званьемъ дожа.

БАРБАРИГО.

А когда

Уѣдетъ сынъ?

ЛОРЕДАНО.

Сейчасъ. Пора прервать
Ихъ долгое прощанье.

БАРБАРИГО.

Для чего же?

Не отнимай послѣднія минуты
Свиданья ихъ.

ЛОРЕДАНО.

Не я тому причиной.

Но насъ зовутъ важнѣйшія дѣла:
Сегодня старый дожъ простится съ властью,
И нынѣ же настанетъ первый день
Послѣдняго изгнанія Фоскари.
Вотъ какъ должны мы мстить!

БАРБАРИГО.

Чрезчуръ жестока,
По моему, такая месть.

ЛОРЕДАНО.

Напротивъ,
Она чрезчуръ мягка. Въ ней даже нѣтъ
Основы всякой мести: воздають
За смерть такую жъ смертью. Старый дожъ
Останется поэтому—какъ былъ—
Мнѣ должникомъ за смерть отца и дяди.

БАРБАРИГО.

Онъ отвергаетъ это обвиненье.

ЛОРЕДАНО.

О да, вполнѣ!

БАРБАРИГО.

И ты ему не вѣришь?

ЛОРЕДАНО.

Ни на волосъ.

БАРБАРИГО.

Но если мы должны
Рѣшить своимъ вліяніемъ въ Совѣтъ
Вопросъ о низложеніи, то пускай же
Свершится это все, по крайней мѣрѣ,
Съ почтеніемъ, какое мы питаемъ
Къ его годамъ, достоинствамъ и сану.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ВАЙРОНА.

ЛОРЕДАНО.

Что до учтивостей, то противъ нихъ
Я возставать не буду, лишь бы только
Свершилось дѣло. Можешь, если хочешь,
Явиться къ дожу посланнымъ Совѣта
И умолять его хоть на колѣняхъ—
Какъ сдѣлалъ Барбарусса передъ папой—
Отречься отъ вѣнца.

БАРБАРИГО.

А если онъ

На то не согласится?

ЛОРЕДАНО.

Мы низложимъ

Его своею властью и назначимъ
Другого герцога.

БАРБАРИГО.

А что объ этомъ

Гласить законъ?

ЛОРЕДАНО.

Какой законъ? У насъ
Законъ—Совѣтъ. Когда жъ онъ не захочетъ
Исполнить роль закона, то закономъ
Явлюся я!

БАРБАРИГО.

На собственный свой рискъ?

ЛОРЕДАНО.

Опасности здѣсь нѣтъ. Права и власть
Совѣта обезпечены.

БАРБАРИГО.

Фоскари

Уже два раза предлагалъ покинуть
Вѣнецъ и власть—и дважды получилъ
Отказъ Совѣта.

ЛОРЕДАНО.

Тѣмъ скорѣй получимъ

Его согласье мы.

БАРБАРИГО.

Теперь не онъ

Затѣялъ это дѣло.

ЛОРЕДАНО.

Ну, такъ, значить,
Тѣмъ болѣе онъ долженъ оцѣнить
Вниманье наше къ прежнимъ настоянѣямъ.
Коль скоро онъ былъ искрененъ, то долженъ
За то быть благодарнымъ, если жъ нѣтъ,
То пусть послужитъ это наказаньемъ
Ему за лицемерье. Но, однако,
Пора итти: товарищи собрались.
Прошу тебя быть твердымъ. Я представлю
Совѣтникамъ такіе аргументы,
Которые заставятъ ихъ рѣшиться
На низложенье дожа. Я успѣлъ

Развѣдать ихъ намѣренья и мысли,
И если ты, съ сомнѣнѣями своими,
Не вздумаешь мѣшать намъ, какъ всегда—
Все будетъ хорошо.

БАРБАРИГО.

Когда бъ я могъ

Увѣренъ быть, что низложенье дожа
Не навлечетъ и на него бѣды,
Какой подвергся сынъ его,—тебя бы
Я поддержалъ.

ЛОРЕДАНО.

Онъ будетъ безопасенъ,
Ручаюсь въ томъ. Пусть доживетъ, гдѣ
хочетъ,
Свой старый вѣкъ. Теперь вся наша цѣль—
Лишь тронъ его.

БАРБАРИГО.

Развѣнчанные принцы

Живутъ не долго.

ЛОРЕДАНО.

Люди же, которымъ
За восемьдесятъ лѣтъ, опережаютъ
Кончиною и ихъ.

БАРБАРИГО.

Такъ почему же

Не подождать отсрочки столь короткой?

ЛОРЕДАНО.

Мы ждали слишкомъ долго; онъ зажился
Ужъ слишкомъ долго; но пора, однако,
Идти въ Совѣтъ. (*Уходятъ*).

Входятъ меммо и сенаторъ.

СЕНАТОРЪ.

Приказано явиться

Сейчасъ въ Совѣтъ! Что можетъ это значить?

МЕММО.

Отвѣтъ на это могутъ дать лишь члены;
Они, синьоръ, не любятъ сообщать
Впередъ свои рѣшенія и мысли.
Мы знаемъ только то, что насъ позвали.

СЕНАТОРЪ.

Для нихъ довольно этого; но я
Желалъ бы знать побольше.

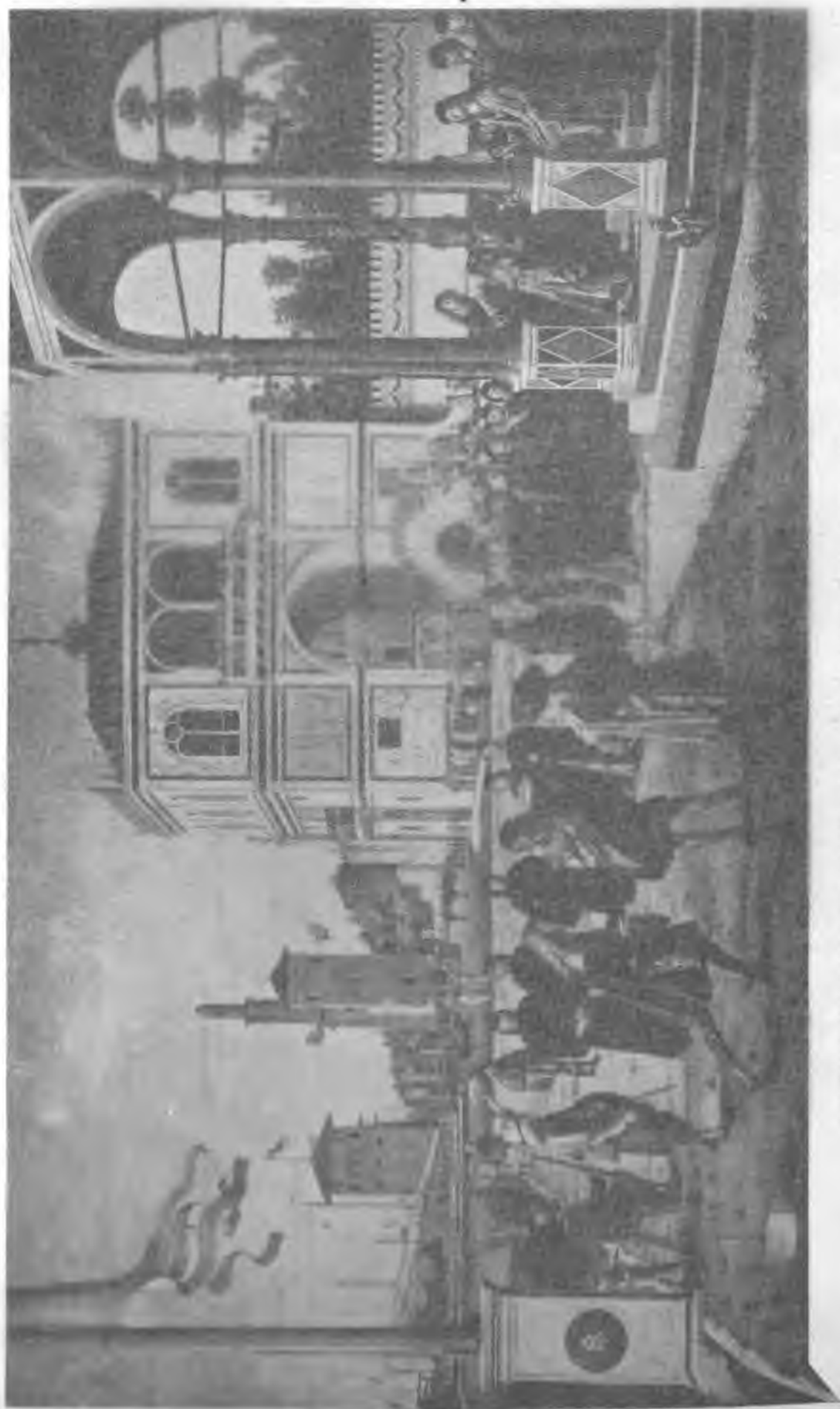
МЕММО.

Будьте только
Послушны—и узнаете. Когда же
Рѣшитесь вы ослушаться, то скоро
Узнаете и то, что лучше бъ было
Исполнить ихъ приказъ.

СЕНАТОРЪ.

Я и не думалъ

Быть противъ; но...



ВЕНЕЦИЯ XV ВѢКА ВЪ КАРТИНАХЪ КАРПАЧО. (Изъ цикла картинъ, иллюстрирующихъ жизнь въ Св. Марко, принадлежатъ кисти этого мастера картины: «Амбасадоры английскіе въ Венеціи» и «Св. Марко въ Венеціи».)

(Изъ цикла картинъ, иллюстрирующихъ жизнь въ Св. Марко, принадлежатъ кисти этого мастера картины: «Амбасадоры английскіе въ Венеціи» и «Св. Марко въ Венеціи».)

Д В О Е Ф О С К А Р И.

МЕММО.

Вы знаете, что „но“
Въ Венеціи измѣнникъ. Потому
Оставьте лучше ваши „но“, когда
Не хочется вамъ перейти по мосту,
Откуда нѣтъ возврата.

СЕНАТОРЪ.

Я молчу.

МЕММО.

А сверхъ того—къ чему сомнѣнья ваши?
Совѣтъ призвалъ въ собранье двадцать пять
Патриціевъ, чтобы принять участие
Въ его сужденьяхъ. Оба мы попали
Въ число избранниковъ и потому,
Мнѣ кажется, намъ слѣдуетъ гордиться
Высокой честью быть въ средѣ такого
Великаго собранья.

СЕНАТОРЪ.

Это правда—

И я не возражаю.

МЕММО.

Мы имѣемъ

Всѣ данныя надѣяться, что сами
Когда-нибудь достигнемъ званья членовъ
Совѣта Десяти. Надежда эта
Доступна всѣмъ, родившимся отъ крови
Патриціевъ, а потому намъ должно
Считать большою честью, если насъ
Зовутъ принять участіе въ Совѣтѣ,
Хоть временно. Намъ надобно умѣть
Воспользоваться случаемъ такимъ,
Какъ школою.

СЕНАТОРЪ.

Посмотримте жъ, о чемъ
Сегодня будетъ рѣчь. Конечно, дѣло
Достойно любопытства и вниманья.

МЕММО.

Какое бѣ дѣло ни было, но мы
Заплатимъ нашей жизнью за нескромность,
А потому оно, конечно, важно
По отношенью къ намъ.

СЕНАТОРЪ.

Я не искалъ

Быть призваннымъ въ Совѣтъ, но если разъ
Меня туда призвали, хоть и противъ
Желанья моего, то я, конечно,
Исполню добросовѣстно свой долгъ.

МЕММО.

Не будемте жъ послѣдними, коль скоро
Вопросъ о томъ, чтобы выполнить приказъ
Совѣта Десяти.

СЕНАТОРЪ.

Не всѣ еще собрались,

Но я согласенъ съ вами: время намъ
Отправиться.

МЕММО.

Пришедшій раньше прочихъ
Выигрываетъ много; потому
Не будемте одними изъ послѣднихъ.

(Уходятъ).

Входятъ дожъ, джакопо фоскари и

МАРИНА.

ФОСКАРИ.

Отецъ, я долженъ ѣхать—и уѣду;
Но все жъ прошу тебя, употреби
Старанья всѣ, чтобы мнѣ когда-нибудь
Дозволили вернуться, какъ бы срокъ
Изгнанья ни былъ дологъ. Пусть мнѣ будетъ
Надежда эта свѣтлымъ маякомъ
Въ моихъ страданьяхъ! Пусть усугубятъ
Мнѣ строгость наказанья, лишь бы только
Я зналъ, что будетъ срокъ, когда опять
Вернусь я вновь сюда.

ДОЖЪ.

Мой сынъ, ты долженъ
Послушенъ быть законамъ государства:
Не намъ смотрѣть, что будетъ дальше.

ФОСКАРИ.

Все же

Имѣю право я смотрѣть на то,
Что было прежде. Думай обо мнѣ.

ДОЖЪ.

Ты былъ мнѣ самымъ дорогимъ изъ всѣхъ
Дѣтей моихъ, когда ихъ было много,
Тѣмъ болѣе мнѣ дорогъ ты теперь,
Когда одинъ остался; но коль скоро
Потребовала бѣ родина, чтобы были
Исторгнуты изъ гроба кости прочихъ
Моихъ дѣтей и высланы въ изгнанье
И если бѣ тѣни ихъ, слетѣвши, съ плачемъ
Возстали противъ этого—я все же
Остался бѣ твердъ, какъ камень, ради долга,
Важнѣйшаго изъ всѣхъ.

МАРИНА.

Пойдемъ, мой другъ!

Такіе разговоры могутъ только
Усилить наше горе.

ФОСКАРИ.

Насъ пока

Еще не звали. Паруса галеры
Не подняты и вѣтеръ можетъ стихнуть.

МАРИНА.

А если онъ и стихнетъ, развѣ съ этимъ
Измѣнится ихъ сердце? Легче будетъ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ БАЙРОНА.

Судьба твоя? Галера и безъ вѣтра
Покинетъ портъ на веслахъ.

ФОСКАРИ.

О, стихи!

Гдѣ ваши бури и гроза?

МАРИНА.

Онѣ

Въ сердцахъ людей. Ужель нельзя ничѣмъ
Тебя мнѣ успокоить?

ФОСКАРИ.

Никогда

Не приникалъ морякъ съ такой горячей
Мольбой къ святымъ, прося ему послать
Попутный, тихій вѣтеръ, какъ усердно
Молю я васъ, защитники святыя
Отечества! Моя любовь къ нему
Свята не меньше вашей. Поднимите,
Молю я васъ, со дна Адриатики
Всю злость валовъ! Пускай проснется вѣтеръ,
Чреватый злыми бурями! Пускай
Реветь и злится онъ, пока не будетъ
Избитый трупъ мой выброшенъ на берегъ
Родного Лидо, гдѣ мой бранный прахъ
Смѣшается съ пескомъ родной земли,
Глубоко мной любимой, но которой
Ужъ больше мнѣ не видѣть!

МАРИНА.

Ты желаешь

Такой судьбы и мнѣ?

ФОСКАРИ.

О, нѣтъ, моя

Безцѣнная и добрая Марина!
Ты слишкомъ хороша и молода
Для этого. Живи! живи на счастье
Дѣтей твоихъ! И безъ того они
Лишатся на довольно долгій срокъ
Заботъ твоихъ и ласкъ изъ за того,
Что любишь ты меня. Нѣтъ, пусть бушуетъ
Лишь для меня бурливый вѣтеръ! Пусть
Бросаетъ онъ ладью, пока матросы
Не обратятъ, блѣднѣя, на меня
Отчаяннаго взгляда, какъ взглянули
Когда-то финикійцы на Иону,
И не рѣшатся выбросить меня
Забортъ, какъ жертву волнамъ. Злость стихій,
Которой буду сгубленъ я, окажетъ
Все жъ болѣе участя мнѣ, чѣмъ люди.
Я мертвый буду вынесенъ волнами
На берегъ милой родины. Рыбакъ
Мнѣ выкопаетъ бѣдную могилу
На голомъ берегу, и ужъ навѣрно
Не будетъ больше тамъ погребено
Разбитое столь тяжкимъ горемъ сердце.
О, для чего не разобьется тотчасъ
Оно въ куски! Зачѣмъ, зачѣмъ живу я?

МАРИНА.

Затѣмъ, чтобъ научиться управлять
Собой впередъ и жить, не предаваясь
Такому малодушью. Ты сносишь
Несчастье легче прежде. Неужели
Сравниться можетъ нынѣшнее горе
Съ тѣмъ, что уже прошло: съ тюрьмой и
пыткой,

Которыя ты вытерпѣлъ безъ жалобъ?

ФОСКАРИ.

Теперешнее горе хуже вдвое,
Чѣмъ злѣйшія мученія на дыбѣ.
Но ты права: я долженъ покориться.
Прощай, отецъ! благослови меня!

ДОЖЪ.

Дай Богъ, чтобы мое благословеніе
Пошло тебѣ на пользу. Все же я
Его даю.

ФОСКАРИ

Прости!

ДОЖЪ.

За что?

ФОСКАРИ.

Прости моей несчастной матери за то,
Что въ свѣтъ рожденъ я ею. Я прощаю
Равно себѣ за то, что жилъ! Тебя же
За данную мнѣ жизнь, въ лицѣ отца.

МАРИНА.

Но что же сдѣлалъ ты?

ФОСКАРИ.

Я? ничего.

Вся жизнь моя была полна лишь горемъ;
Но я страдалъ такъ много, что невольно
Мнѣ мысль приходитъ въ голову—не точноль
Я въ чемъ-нибудь преступень. Если такъ,
То пусть, по крайней мѣрѣ, эта кара
Меня спасетъ отъ наказанья—тамъ!

МАРИНА.

Не бойся! Тамъ постигнетъ наказанье
Твоихъ злодѣевъ.

ФОСКАРИ.

Врядъ ли будетъ такъ.

МАРИНА.

Ты этому не вѣришь?

ФОСКАРИ.

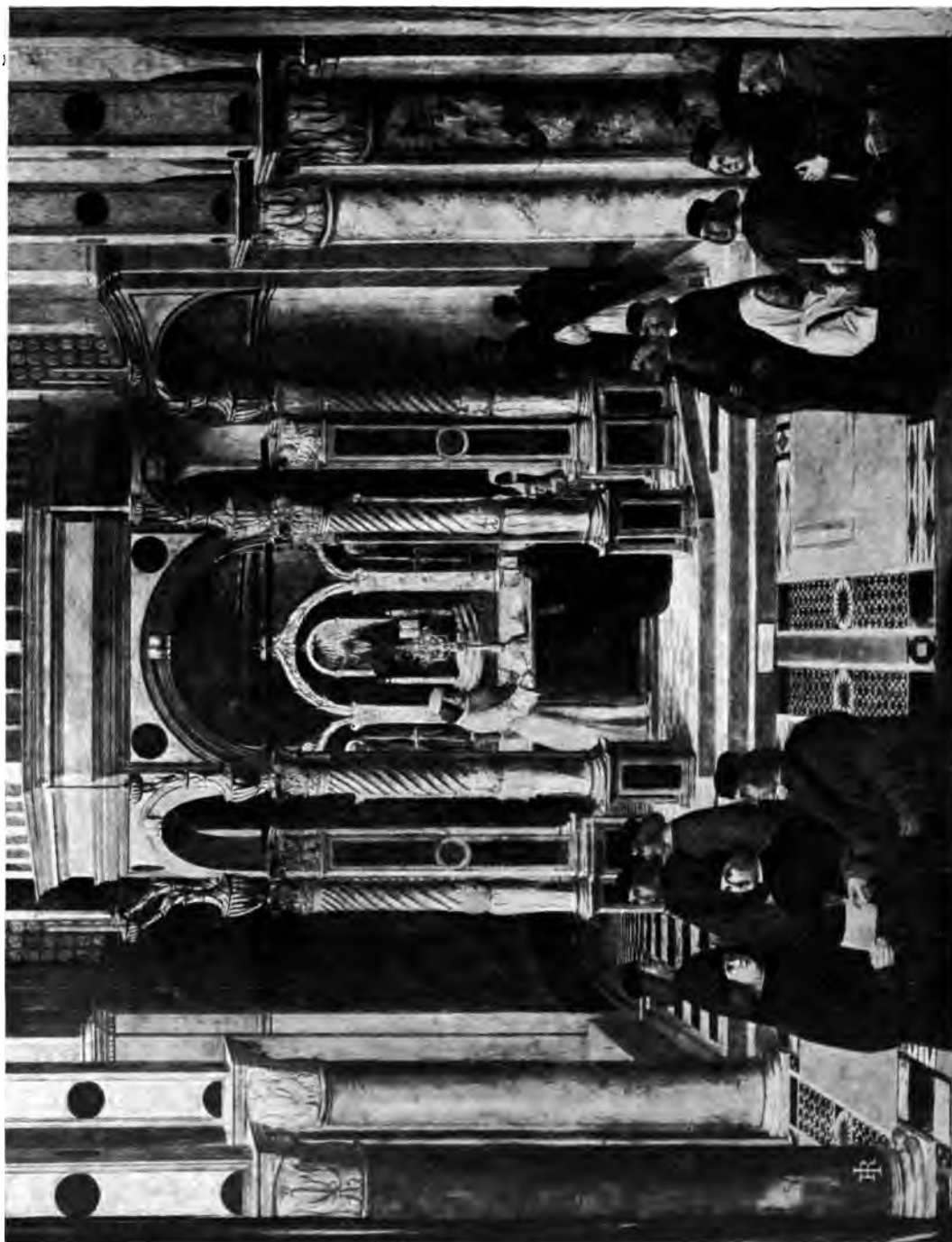
Я не въ силахъ

Имъ даже пожелать того, чему
Они меня подвергли.

МАРИНА.

Все заплатятъ,

Злодѣи! все, сторицею! Пускай
Грызетъ ихъ червь, который никогда
Не умираетъ.



ВЕНЕЦІЯ XV ВЪКА.
(Внутренность церкви—*Interno di una Chiesa*. Картина Джентиле Беллини—*Gentile Bellini*, 1427—1516).

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ ВАЙРОНА.

ФОСКАРИ.
Но они, вѣдь, могутъ
Раскаяться.

МАРИНА.
Когда они бы даже
Раскалялись,—не приняло бы небо
Молитвъ подобныхъ демоновъ.

Входитъ офицеръ со стражей.

ОФИЦЕРЪ.
Синьоръ,
Галера ждетъ у берега и вѣтеръ
Задулъ благопріятный. Все готово.

ФОСКАРИ.
И я готовъ. Дай руку мнѣ, отецъ,
Въ послѣдній разъ.

ДОЖЪ.
Возьми! О какъ дрожить
Твоя рука!

ФОСКАРИ.
Отецъ, ты обманулъ:
Не я дрожу, а ты. Прощай! прощай!

ДОЖЪ.
Прощай и ты. Все ль сказано тобой
Предъ разставаньемъ?

ФОСКАРИ.
Все. (*Офицеру*). Синьоръ, прошу васъ,
Позвольте опереться мнѣ!

ОФИЦЕРЪ.
Вы блѣдны!
Держитесь за меня—вы пошатнулись!
Эй! кто-нибудь! Воды!

МАРИНА.
Онъ умираетъ!

ФОСКАРИ.
Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ хорошо; лишь въ стран-
номъ свѣтѣ
Все представляется глазамъ... Гдѣ двери?

МАРИНА.
Уйдите всѣ; я поддержу его!
Мой милый... Господи, какъ стало тихо
Въ немъ биться сердце!

ФОСКАРИ.
Свѣтъ! такъ это свѣтъ?
Мнѣ дурно!

ОФИЦЕРЪ (*подавая воду*).
Воздухъ освѣжить, быть можетъ,
Потерянные силы.

ФОСКАРИ.
Нѣтъ! едва ли.
Отецъ! жена! гдѣ руки ваши?

МАРИНА.
Смерть
Сквозить въ его померкшемъ взглядѣ. Ми-
лый,

Какъ чувствуешь себя ты?

ФОСКАРИ.
Хорошо.
(*Умираетъ*).

ОФИЦЕРЪ.
Онъ умеръ.

ДОЖЪ.
Онъ свободенъ.

МАРИНА.
Нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ!
Онъ живъ еще! Онъ такъ бы не оставилъ
Меня одну!

ДОЖЪ.
О, дочь моя!

МАРИНА.
Молчи,
Молчи, старикъ! я болѣе тебѣ
Не дочь теперь; вѣдь ты лишился сына.
О, Фоскари!

ОФИЦЕРЪ.
Намъ надо унести
Отсюда тѣло.

МАРИНА.
Прочь! не смѣй касаться
Къ нему, палачъ презрѣнный. Должность
ваша
Кончается со смертью! Если жертва
Убита разъ, то даже вашъ жестокий
Законъ молчитъ предъ этимъ. Тѣло будетъ
Оставлено на попеченье тѣхъ,
Кто лучше васъ почтитъ его.

ОФИЦЕРЪ.
Я долженъ
Немедля доложить о всемъ Совѣту
И сдѣлать то, что мнѣ прикажетъ онъ.

ДОЖЪ.
Ступай сказать, по приказанью дожа,
Что Синьорія не имѣетъ правъ
Надъ мертвымъ тѣломъ. Фоскари при жизни
Былъ собственностью родины, какъ всякій
Изъ подданныхъ. Теперь онъ только мой!
О, бѣдное дитя мое!

(*Офицеръ уходитъ*).

Д В О Е Ф О С К А Р И.

МАРИНА.

Ужели

Я буду жить?

дожъ.

Жить для дѣтей, Марина!

МАРИНА.

Да, правъ ты: дѣти живы—я должна
Ихъ воспитать достойными слугами
Отечеству, и умереть, какъ умеръ
Несчастный ихъ отецъ! О, какъ завидна
Въ Венеціи судьба безплодныхъ женщинъ!
Зачѣмъ не прожили свой вѣкъ бездѣтной
И мать моя?

дожъ.

Несчастныя созданья!

МАРИНА.

Какъ! наконецъ почувствовалъ и ты!
Ты чувствуешь? Куда жъ дѣвалась твердость
Владыки государства?

дожъ (*падая на тѣло сына*).

Здѣсь она!

МАРИНА.

Да! плачь теперь! Я думала, въ тебѣ
Нѣтъ больше слезъ, а ты, я вижу, пряталъ
Ихъ до поры, когда онъ излишни.
Но впрочемъ, плачь! Онъ больше не за-
плачетъ

Ужъ никогда.

Входятъ Лоредано и Барбариго.

ЛОРЕДАНО.

Что здѣсь случилось?

МАРИНА.

А!

Злой демонъ здѣсь, чтобъ оскорблять умер-
шихъ?

Прочь, сатана! Оставь святое мѣсто:
Оно освящено невиннымъ прахомъ
Умершаго! Ступай туда, гдѣ ты
Привыкъ пытатъ людей.

БАРБАРИГО.

Мы совершенно

Не знали о случившемся; мы шли
Изъ залы засѣданья.

МАРИНА.

Такъ идите жъ!

ЛОРЕДАНО.

Мы ищемъ дожа.

МАРИНА (*указывая на лежащаго дожа*).

Вотъ—гляди! Онъ занятъ
Теперь трудомъ, который вы взвалили

Ему на плечи. Что жъ! вполне ль теперь
Ты счастливъ и доволенъ?

БАРБАРИГО.

Мы не станемъ
Смущать семейныхъ горестей.

МАРИНА.

О, нѣтъ!

Вы ихъ лишь причиняете, а тамъ
Вамъ все равно.

дожъ (*вставая*).

Синьоры, я готовъ

Теперь васъ слушать.

БАРБАРИГО.

Для чего жъ такъ скоро?

ЛОРЕДАНО.

Такъ надо; дѣло важно.

дожъ.

Если такъ,

То я могу лишь только повторить,
Что слушать васъ готовъ.

БАРБАРИГО.

Хотя теперь

Венеція дѣйствительно въ большомъ
И крайнемъ затрудненіи, какъ корабль
Надъ бездною, но мы умѣемъ чтить
Семейныя несчастья.

дожъ.

Очень васъ

Благодарю. Коль скоро вы явились
Съ печальными вѣстями—говорите:
Ничто уже не можетъ потрясти
Меня сильнѣе зрѣлища, какое
Вы видите. Когда же ваши вѣсти,
Напротивъ, хороши—не бойтесь ими
Меня утѣшить: это будетъ тщетно.

БАРБАРИГО.

Я искренно желалъ бы васъ утѣшить.

дожъ.

Слова мои относятся не къ вамъ,
А къ Лоредано: онъ ихъ понимаетъ.

МАРИНА (*смотря на трупа*).

О! это такъ!

дожъ.

Что хочешь ты сказать?

МАРИНА.

Тшъ! тшъ! Смотрите—струйка свѣжей крови
Явилась на запекшихся губахъ
Покойнаго. Вѣдь такъ всегда бываетъ
Съ умершими при входѣ ихъ убійцъ.
Смотри, палачъ законный: смерть сама
Свидѣтельствуетъ явно о злодѣйствѣ,
Въ которомъ ты виновенъ.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ВАЙРОНА.

дожъ.

Дочь моя,
Ты увлекаешься. Твоя печаль
Тебя доводитъ до пустыхъ фантазій.
Возьмите тѣло прочь! Теперь, синьоры,
Когда угодно вамъ, я буду весь
Къ услугамъ вашимъ черезъ часъ.
(*Дожъ, Марина и служители съ тѣломъ
уходятъ*).

БАРВАРИГО.

Оставимъ

Теперь его въ покоѣ.

ЛОРЕДАНО.

Развѣ ты

Не слышалъ самъ, какъ онъ сказалъ, что
больше

Не можетъ быть разстроеннымъ.

БАРВАРИГО.

Все это

Одни слова. Уединенья ищетъ
Всегда, напротивъ, скорбь и было бъ намъ
Жестоко возмущать его.

ЛОРЕДАНО.

Печаль,

Напротивъ, дѣйствуетъ сильнѣе вдвое
Въ уединеніи. Нѣтъ средства лучше
Отъ горести, какъ силою принудить
Насъ возвратиться снова въ этотъ міръ
Отъ мыслей объ иномъ. Во время дѣла
Нѣтъ времени для слезъ.

БАРВАРИГО.

Не потому ли

И хочешь ты освободить его
Отъ всякихъ дѣлъ?

ЛОРЕДАНО.

Вопросъ рѣшенъ Совѣтомъ
И Юнтою; кто можетъ возставать
На изданный законъ?

БАРВАРИГО.

Кто? человѣчность!

ЛОРЕДАНО.

Не потому ль, что онъ лишился сына?

БАРВАРИГО.

И даже не успѣлъ еще его
Похоронить.

ЛОРЕДАНО.

Когда бъ мы это знали
Во время засѣданья—можетъ статья,
Рѣшеніе наше было бъ до поры
Отложено; но если разъ законъ
Прошелъ уже, то мѣста нѣтъ отсрочкамъ.

БАРВАРИГО.

Я съ этимъ не согласенъ.

ЛОРЕДАНО.

Ты ужъ подаль
Свой голосъ за существенную часть
Рѣшенія, объ остальномъ заботы
Пусть лягутъ на меня.

БАРВАРИГО.

Къ чему такая
Настойчивость, чтобъ онъ скорѣй отрекся?

ЛОРЕДАНО.

Сочувствіе къ несчастію другихъ
Не можетъ быть предложомъ къ перерыву
Общественнаго дѣла. Если власть
Уже рѣшила что-нибудь сегодня,
То частный случай, вдругъ возникшій завтра,
Не можетъ отмѣнить ея рѣшенія.

БАРВАРИГО.

Есть дѣти у тебя?

ЛОРЕДАНО.

О да! а также

Былъ и отецъ.

БАРВАРИГО.

Итакъ, ты непреклоненъ?

ЛОРЕДАНО.

Навѣкъ!

БАРВАРИГО.

Позволь ему, по крайней мѣрѣ,
Зарыть въ могилу сына, прежде чѣмъ
Объявится рѣшеніе Совѣта.

ЛОРЕДАНО.

Я соглашусь, когда онъ воскреситъ
Моихъ отца и дядю. Люди могутъ
И въ старыхъ лѣтахъ быть или считать
Себя отцами, но никто не въ силахъ
Вновь вызвать къ жизни разъ умершихъ
предковъ.

Его потери не равны съ моими:
Онъ видѣлъ, правда, смерть своихъ дѣтей,
Но всѣ они скончались отъ причины
Естественной; мои жъ отецъ и дядя
Погибли вдругъ и неизвѣстно какъ.
Я не давалъ роднымъ его отравы,
Не прибѣгалъ къ безсовѣстнымъ врачамъ,
Искуснымъ въ дѣлѣ сокращенья жизни.
Всѣ четверо дѣтей его скончались
Естественною смертью: въ этомъ дѣлѣ
Я ни при чемъ.

БАРВАРИГО.

А ты увѣренъ твердо,
Что онъ виновенъ?

ЛОРЕДАНО.

Убѣжденъ вполне.

БАРВАРИГО.

Его характеръ кажется, напротивъ,
Вполнѣ чистосердечнымъ.

Д В О Е Ф О С К А Р И.

ЛОРЕДАНО.

Мнѣнне это
Высказывалъ о немъ и Карманьола
Предъ смертію.

БАРВАРИГО.

Какъ, Карманьола? этотъ
Измѣнникъ иностранецъ?

ЛОРЕДАНО.

Онъ! Въ то утро,
Когда Совѣтъ и дожъ рѣшили вмѣстѣ,
Что Карманьола долженъ умереть,
Великій герцогъ встрѣтился съ несчастнымъ
На площади и тотъ его спросилъ,
Шутя: «что пожелать ему,—утра,
Иль доброй ночи?» Герцогъ отвѣчалъ
Съ улыбкою, что онъ провелъ всю ночь
Дѣйствительно безъ сна и что при этомъ
Не мало говорилось о немъ.

Отвѣтъ былъ справедливъ: смерть Карманьола
Рѣшилась этимъ утромъ; онъ скончался
Чрезъ восемь мѣсяцевъ, и старый герцогъ
Имѣлъ безстыдство улыбаться жертвѣ
За столько дней до предрѣшенной смерти.
Такое лицемѣрье можно встрѣтить
Лишь въ восемьдесятъ лѣтъ! Коль скоро
скажутъ,

Что вслѣдъ за Карманьолю погубили
И братья Фоскари—я возражу,
Что не имѣлъ, по крайней мѣрѣ, духу
Имъ улыбаться.

БАРВАРИГО.

Карманьола былъ
Твой другъ вѣдь, кажется?

ЛОРЕДАНО.

Онъ былъ щитомъ
Венеціи. Ея исконный врагъ
Въ дни юности сталъ лучшею защитой
Отечеству въ преклонные года
И наконецъ палъ жертвой злыхъ козней.

БАРВАРИГО.

Такою, кажется, всегда бываетъ
Судьба людей, спасавшихъ государства:
Тотъ самый дожъ, котораго желаемъ
Теперь мы погубить, не только спасъ
Отечество, но покорилъ ему
Не мало городовъ.

ЛОРЕДАНО.

Законы римлянъ
Присваивали равную награду:
Вѣнокъ дубовый на чело—тому,
Кѣмъ взятъ былъ городъ, иль спасенъ въ
сраженіи

Послѣдній гражданинъ. Когда примѣнимъ
Мы эту мѣрку къ дожу, сосчитавши
Тѣ города, которые онъ взялъ,
И тѣхъ гражданъ, которыхъ погубилъ онъ,
То въ результатѣ счетъ навѣрно будетъ
Ему не въ пользу, даже если счесть
Одни безспорныя убійства вродѣ
Отравы дяди и отца.

БАРВАРИГО.

Ты, значить,
Вполнѣ увѣренъ въ этомъ?

ЛОРЕДАНО.

Что жъ на свѣтѣ
Меня переувѣрить?

БАРВАРИГО.

То же, чѣмъ
Разубѣжденъ былъ въ этомъ дѣлѣ я.
Но у тебя вѣдь мраморное сердце,
И ненависть не знаетъ въ немъ границъ.
Скажи, однако, мнѣ, коль скоро будетъ
Низложенъ старый герцогъ, честь и имя
Его запятнаны, всѣ дѣти мертвы,
Весь родъ его погубленъ, ты съ своими
Клевретами получишь торжество—
Что-жъ—будешь спать спокойно ты?

ЛОРЕДАНО.

Вполнѣ.

БАРВАРИГО.

Ты ошибаешься—и вѣрь, что это
Почувствуешь задолго передъ тѣмъ,
Чѣмъ будешь спать тѣмъ сномъ, какимъ
заснули

Твой дядя и отецъ.

ЛОРЕДАНО.

Они не спятъ
Въ своихъ гробахъ и не заснутъ, покуда
Не ляжетъ самъ въ свой гробъ старикъ
Фоскари.

Я каждой ночью вижу, какъ приходятъ
Они ко мнѣ съ нахмуреннымъ лицомъ
И пальцами указываютъ молча
На герцогскій дворецъ, напоминая
О должной мести.

БАРВАРИГО.

Бредъ воображенія!
Нѣтъ страсти суевѣрнѣй и мрачнѣй,
Чѣмъ ненависть. Любовь сама не можетъ
Такъ населять вокругъ себя пространство
Созданьями фантазіи.

Входитъ офицеръ.

ЛОРЕДАНО.

Куда
Спѣшишь ты такъ?

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ ВАЙРОНА.

офицеръ.
Я получилъ приказъ
Отъ герцога готовить погребенье
Умершаго Фоскари.
барбариго.
Много разъ
Ихъ склепъ былъ открываемъ въ эти годы.
лоредано.
Онъ скоро будетъ полонъ и запрется
Въ послѣдній разъ.
офицеръ.
Могу ли я итти?
лоредано.
Ступай.
барбариго.
Какъ переносить дождь свое
Послѣднее несчастье?
офицеръ.
Съ виду твердо,
Но твердость эта болѣе граничить
Съ отчаяньемъ. Въ присутствіи другихъ
Онъ лишь молчитъ, но я замѣтилъ самъ,

Какъ судорожно подавлялъ движеніе
Онъ губъ своихъ. Когда жъ я уходилъ,
То чуть разслышалъ сказанныя тихо
Слова: «мой сынъ!» Я уйду, синьоры.

(Уходитъ).

барбариго.
Онъ скоро возбудитъ участіе всей
Венеціи.

лоредано.
Ты правъ—и потому
Намъ надо торопиться. Я иду
Созвать пословъ, которымъ поручилъ
Совѣтъ снести свое рѣшеніе дождю.

барбариго.
Я безусловно протестую противъ
Подобной мѣры въ этотъ часъ.

лоредано.
Какъ хочешь!
Мы соберемъ по дѣлу голоса,
И ты увидишь скоро, я иль ты
Возьмемъ въ Совѣтъ верхъ при этомъ спорѣ.
(Уходятъ).



Д Ъ Й С Т В І Е П Я Т О Е.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Комната во дворцѣ дожа.

Дождь и свита.

придворный.

Синьоръ, васъ ожидаютъ члены Юнты;
Но мнѣ при этомъ велѣно сказать,
Что если вы желаете назначить
Пріемъ въ другое время, то они
Почтительно исполнять вашу волю.

дождь.

Мнѣ все равно. Пускай войдутъ хоть тот-
часъ.

(Придворный уходитъ).

офицеръ.

Приказъ, который дали вы, синьоръ,
Исполненъ мной.

дождь.

Какой приказъ?

офицеръ.

Печальный:

Просить сюда...

дождь.

Да, вспомнилъ! Не взыщите:

Подъ старость память дѣлается слабой,
А я вѣдь старъ—старъ какъ мои лѣта.
Я долго съ ними пробовалъ бороться,
Но время взяло верхъ.

Входятъ депутация шести членовъ Синьоріи и глава Совѣта Десяти.

дождь.

Что вамъ угодно,

Почтенные синьоры?

глава совѣта.

Первымъ долгомъ

Совѣтъ приносить дожу выраженъе
Своей глубокой скорби по причинѣ
Его семейной горести.

дождь.

Ни слова!

Прошу о томъ ни слова!

глава совѣта.

Неужели

Принять откажетъ герцогъ выраженъе
Почтенъя и участъя?

дождь.

Принимаю

Съ такими жъ точно чувствами, съ какими
Его вы выражаете. Но дальше!

глава совѣта.

Совѣтъ, избравши Юнтою двадцать-пять
Почетнѣйшихъ сенаторовъ изъ высшихъ
Патриціевъ, разсматривалъ вопросъ
О трудномъ положеніи государства,
Причемъ рѣшилъ, что бремя управленъя
Должно теперь особенно казаться
Тяжелымъ вамъ въ преклонные года,
Такъ долго посвященные служенъю
Отечеству. А потому Совѣтъ
Рѣшилъ просить почтительно, чтобъ дождь
Отрекся отъ державнаго кольца,
Такъ долго имъ носимаго со славой.
Совѣтъ при этомъ думаетъ, что вашъ
Высокій умъ вполне одобритъ это
Рѣшеніе. А чтобъ не заслужить
Упрека въ томъ, что мы неблагодарны
Иль холодны къ заслугамъ вашихъ лѣтъ,
Совѣтъ вознаграждаетъ васъ отнынѣ
Пожизненнымъ доходомъ въ двадцать ты-
сячъ

Червонцевъ ежегодно, чтобы вы
Могли и въ удаленіи отъ службы
Жить, какъ прилично герцогу, который
Оставилъ управленъе.

дождь.

Вѣрно ль я

Разспышалъ васъ?

глава совѣта.

Угодно ль, чтобы я

Вамъ повторилъ?

дождь.

Не надо! Все ли вы

Сказали мнѣ?

глава совѣта.

Все. Вамъ даются сутки

На то, чтобъ приготовить вашъ отвѣтъ.

дождь.

На это мнѣ довольно полминуты.

глава совѣта.

Теперь мы удалимся.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ВАЙРОНА.

дождь.

Стойте! Сутки
Нимало не заставят изменить
Меня мое рѣшеніе.

глава совѣта.

Говорите.

дождь.

Когда я дважды обращался съ просьбой
Къ Совѣту, чтобъ позволено мнѣ было
Отречься отъ вѣнца—мнѣ дважды было
Отказано, я даже, сверхъ того,
Былъ долженъ клятву дать, что никогда
Не стану впредь настаивать на этомъ.
Я присягнулъ до смерти исполнять
Обязанность, которую отчизна
Довѣрила рукавъ моимъ—могу ли
Поэтому нарушить я теперь
Ту клятву, что давалъ я?

глава совѣта.

Не заставьте
Постановить декретомъ то, что
Желаемъ получить мы доброй волей.

дождь.

Судьба продлила дни мои затѣмъ лишь,
Чтобъ посылать печали мнѣ и горе.
Но вы меня не вправѣ упрекать
За дряхлые года мои. Всю жизнь
Я посвящалъ лишь только на служенье
Отечеству. Я радъ ему отдать
Послѣдніе часы мои, какъ отдалъ,
Что было мнѣ дороже самой жизни.
Но что до сана герцога—я принялъ
Его отъ всей республики, и только
Когда услышу общее желанье,
Чтобъ я ушелъ,—скажу вамъ мой отвѣтъ.

глава совѣта.

Отвѣтъ такой прискорбенъ намъ, но имъ
Себя вы не спасете.

дождь.

Я склонюсь
Предъ всѣмъ, что ни послѣдуетъ; но самъ
Не сдѣлаю ни шага. Пусть Совѣтъ
Рѣшитъ, какъ пожелаетъ.

глава совѣта.

Это все,
Что мы должны сказать по возвращеньи
Пославшимъ насъ?

дождь.

Я все сказалъ.

глава совѣта.

Примите
Почтительный привѣтъ нашъ. Мы уходимъ.
(*Депутация уходитъ*).

Входитъ придворный.

придворный.

Васъ проситъ позволенья тотчасъ видѣть
Достойная Марина.

дождь.

Пусть войдетъ.

Входитъ марина.

МАРИНА.

Я, кажется, являюсь къ вамъ, синьоръ,
Не во-время. Быть можетъ, вамъ угодно
Остаться одному?

дождь.

Мнѣ одному?

Я безъ того остался одинокимъ
Ужъ навсегда, хотя бы цѣлый міръ
Стопился вокругъ меня. Но я съумѣю
Все перенести.

МАРИНА.

Да, да! мы все снесемъ
Хоть изъ любви къ оставшимся! О, мужъ
мой!

дождь.

Плачь, плачь! я все равно тебя не въ си-
лахъ
Утѣшить вѣдь ничѣмъ.

МАРИНА.

О, какъ бы стоилъ
Онъ долгой, долгой жизни—онъ, рожденный
Для счастья тихой жизни и любви!
И онъ бы долго жилъ, когда бъ родился
Въ иной странѣ. Кто могъ любить такъ
нѣжно
И кто былъ такъ любимъ, какъ мой Фо-
скари?

Несчастье наше было въ томъ, что оба
Родились мы въ Венеціи.

дождь.

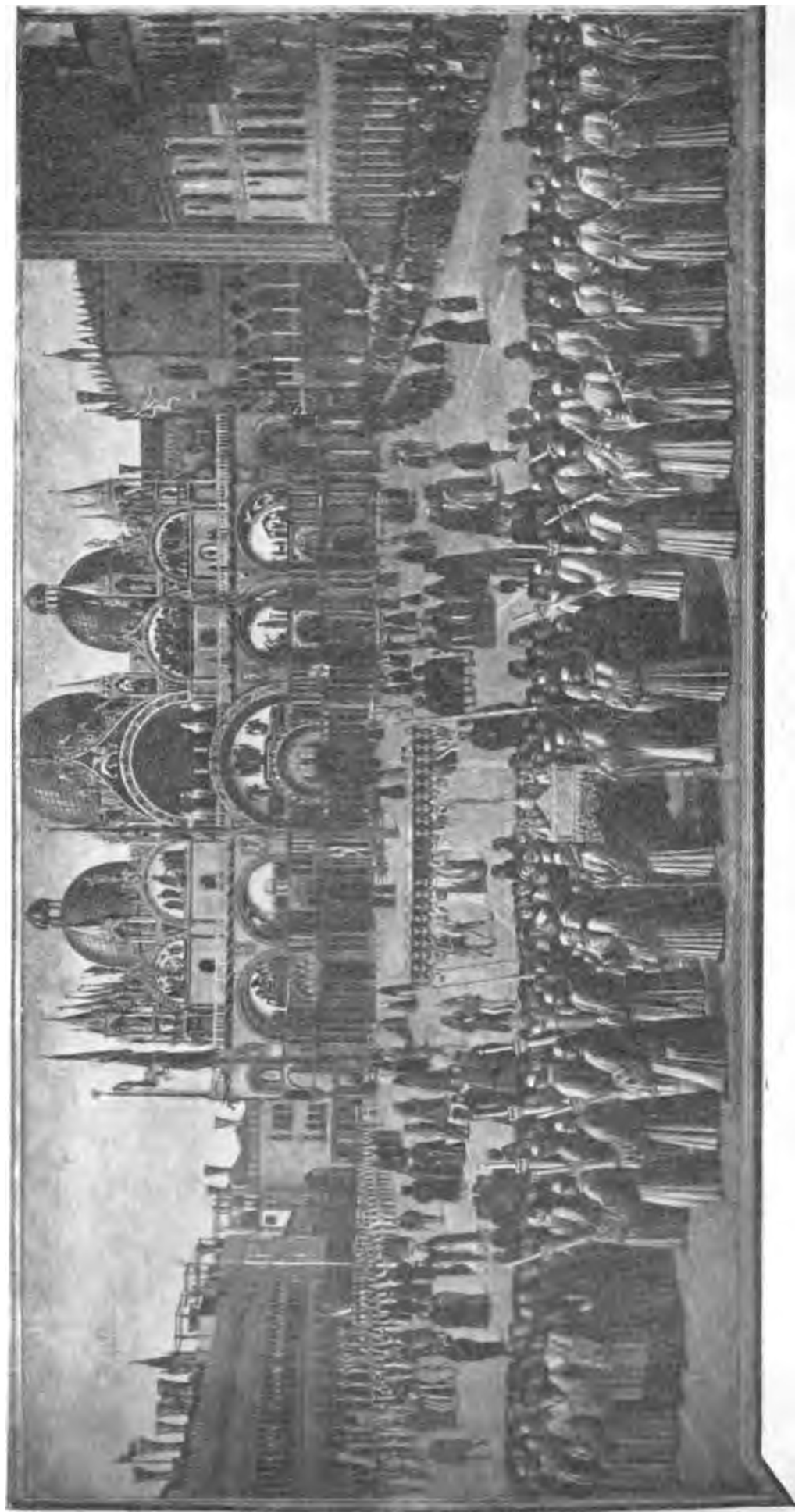
А также,
Что онъ былъ сыномъ дожа.

МАРИНА.

Да! да! да!
То, что могло бы дать другимъ довольство,
Хоть ложное, иль льстить ихъ честолюбію,
По волѣ рока злого, обратилось
Въ погибель для него. Народъ, отчизна,
Которыхъ онъ любилъ такъ горячо,
Державный дожъ, котораго онъ былъ
Любимымъ старшимъ сыномъ...

дождь.

Этотъ дожъ
Ужъ болѣе не носить это званье.



ВЕНЕЦІЯ ХУ БУКА. ПРОЦЕССИЯ НА ПЛОЩАДИ СВ. МАРКА -- Processione in Piazza S. Marco).
Богородица Девосладна в хресті, Bellini, 1477-1500.

Д В О Е Ф О С К А Р И.

КАКЪ? МАРИНА.

до ж ъ.
Сынъ мой ими отнять у меня.
Теперь они хотятъ отнять и мой
Поношенный вѣнецъ съ державнымъ перст-
немъ!

Ну, что жъ! пускай возьмутъ игрушки эти!

МАРИНА.
Чудовища! въ подобный мигъ!

до ж ъ.
О, время
Прекрасно ими избрано! Задумай
Они исполнить это часъ назадъ,
Обиду я не снесъ бы такъ спокойно.

МАРИНА.
И все же вы рѣшились уступить!
О, мщенье! мщенье! Впрочемъ, тотъ, кто
могъ бы

Защитой встать отцу, не въ силахъ больше
Исполнить честно долгъ свой, бывъ лишень
Защиты самъ, когда въ ней такъ нуждался.

до ж ъ.
Онъ этого не вправѣ былъ бы сдѣлать,
Возставъ противъ закона, если бъ даже
Имѣлъ еще сто жизней.

МАРИНА.
Вмѣсто той,
Которую они исторгли пыткой?
Быть можетъ, такъ способенъ говорить
Патріотизмъ, но я—сознаюсь прямо—
Я только женщина: мнѣ мужъ и дѣти
Замѣной были дома и отчизны.
Его любила я. О, какъ любила!
И мнѣ пришлось смотрѣть, какъ выносилъ
Такія муки онъ, передъ какими
Святой бы содрогнулся! Мужъ мой умеръ,
А я, чья кровь должна бъ была пролиться
За кровь его, могла пролить въ защиту
Ему лишь только слезы! О, когда бъ
Могла, по крайней мѣрѣ, отомстить
Его убійцамъ я! Пусть, пусть растутъ
Скорѣ сыновья мои! Пусть только
Они достигнутъ мужества!

до ж ъ.
Печаль
Тебя совсѣмъ разстроила.

МАРИНА.
Казалось
Сначала мнѣ, что я перенесу
Его кончину легче, утѣшаясь
При мысли, что найдетъ онъ въ ней конецъ
Мученьямъ и несчастьямъ. Я желала
Его увидѣть лучше въ тѣсномъ гробѣ,
Чѣмъ въ тягостномъ изгнаньи. Какъ жестоко
Наказана теперь судьбой за это

Желанье я! Зачѣмъ, зачѣмъ не съ нимъ
Въ могилѣ я!

до ж ъ.
Мнѣ хочется взглянуть
Еще ему въ лицо.

МАРИНА.
Иди за мной.
до ж ъ.

Ужъ онъ... МАРИНА.
Гробница служить брачнымъ ложемъ
Ему теперь.

до ж ъ.
Онъ въ саванѣ?

МАРИНА.
Идемъ!
(Уходятъ).

Входятъ ЛОРЕДАНО и БАРВАРИГО.

БАРВАРИГО (придворному).
Гдѣ дожъ?

ПРИДВОРНЫЙ.
Онъ только что ушелъ отсюда
Съ вдовой покойнаго.

ЛОРЕДАНО.
Куда пошелъ онъ?

ПРИДВОРНЫЙ.
Въ ту комнату, гдѣ выставлено тѣло.

БАРВАРИГО.
Такъ мы пойдемъ назадъ.

ЛОРЕДАНО.
Но ты забылъ,
Что Юнта намъ дала приказъ дожждаться
Ея прихода здѣсь, чтобы принять
Участіе въ ей порученномъ дѣлѣ.
Уйти не вправѣ мы. Они придутъ
Навѣрно скоро.

БАРВАРИГО.
Неужели будетъ
Рѣшеніе сообщено немедля?

ЛОРЕДАНО.
Онъ самъ хотѣлъ, чтобъ все рѣшилось скоро.
Его отвѣтъ насъ не заставилъ ждать,
Поэтому и мы поступимъ такъ же.
Достоинство и санъ его вполне
Уважены—чего жъ ему еще?

БАРВАРИГО.
Онъ хочетъ умереть въ своей порфирѣ.
Ему во всякомъ случаѣ не долго
Пришлось бы жить. Я сдѣлалъ все, чтобъ
честь

ПОЛНОЕ СОВРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ ВАЙРОНА.

Несчастнаго была пощажена,
Хотя и понапрасну,—для чего же
Принудили меня итти вы съ вами?

ЛОРЕДАНО.

Намъ нужно было, чтобъ въ числѣ при-
шедшихъ
Былъ кто-нибудь иного убѣжденья,
Чѣмъ большинство, чтобъ алчная молва
Не вздумала сказать, что мы насильно
Исполнили рѣшенное Совѣтомъ.

БАРБАРИГО.

Я думаю, что вы руководились
Еще инымъ желаніемъ при этомъ,
А именно: желаніемъ унижить
Меня за разногласье. Ты извѣстенъ
Умѣньемъ мстить. Ты можешь быть сравненъ
Съ Овидіемъ въ искусствѣ—не любить,
А ненавидѣть. Я вполне увѣренъ,
Что ты одинъ причиною всего.
Подобное занятіе и правда было бѣ
Чрезчуръ ничтожно для тебя; но злость
Не брезгаетъ ничѣмъ. Итакъ, я твердо
Увѣренъ въ томъ, что одному тебѣ
Обязанъ приказаньемъ вмѣстѣ съ вами
Итти на это дѣло, чтобы выдать
Тѣмъ ярче ревность прочихъ въ исполненіи
Рѣшеннаго твоею вѣрной Юнтою.

ЛОРЕДАНО.

Моею Юнтою?

БАРБАРИГО.

Да,—твоей! Она
И думаетъ и дѣйствуетъ по планамъ,
Задуманнымъ тобой лишь, говоритъ
Твоими лишь словами, исполняетъ
Малѣйшій знакъ руки твоей. Не правъ ли
Поэтому я былъ, сказавъ, что Юнта,
Вполнѣ твоя?

ЛОРЕДАНО.

Неосторожна очень
Такая рѣчь, и счастливъ ты, что нѣтъ
Здѣсь никого, кто-бъ могъ ее услышать.

БАРБАРИГО.

Придетъ пора, когда они услышатъ,
Что я сказалъ, изъ болѣ громкихъ устъ.
Они давно ужъ перешли границы
Дарованной имъ власти; а когда
Случается подобное въ странахъ
И болѣ испорченныхъ, чѣмъ наша,
Обиженный народъ, внезапно вставъ,
Жестоко мститъ тиранамъ.

ЛОРЕДАНО.

Что за глупость
Пророчишь ты!

БАРБАРИГО.

Попробуй доказать,
Что я не правъ. Но вотъ и члены Юнты.

Входитъ прежняя депутація.

ГЛАВА СОВѢТА.

Сказали ль герцогу, что мы желаемъ
Съ нимъ говорить?

ПРИДВОРНЫЙ.

Я передамъ сейчасъ
Ему желанье ваше.

БАРБАРИГО.

Дождь теперь
У тѣла сына.

ГЛАВА СОВѢТА.

Если такъ, то мы
Отложимъ лучше наше порученье
До похоронъ. Вернемтесь: мы успѣемъ
Исполнить наше дѣло и потомъ.

ЛОРЕДАНО (*тихо Барбаригу*).

Пускай бы твой языкъ сгорѣлъ на вѣчномъ
Огнѣ въ аду, на томъ огнѣ, который
Сжигаетъ въ пепель злого богача!
Я вырвалъ бы его съ болтливымъ корнемъ,
Чтобъ вмѣсто словъ онъ могъ изрыгнуть
только

Кровавый вздохъ!

(*Громко*). Почтенные синьоры!

Я васъ прошу не будьте такъ поспѣшны
Въ рѣшеніяхъ.

БАРБАРИГО.

Но будьте человѣчны!

ЛОРЕДАНО.

Смотрите—вотъ и герцогъ.

Входитъ дождь.

дождь.

Я пришелъ
По вашему приказу.

ГЛАВА СОВѢТА.

Мы явились
Возобновить вамъ прежній нашъ вопросъ.

дождь.

А я—чтобъ вамъ отвѣтить.

ГЛАВА СОВѢТА.

Что?

дождь.

Отвѣтъ мой
Вы слышали.

Д В О Е Ф О С К А Р И .

глава совѣта.

Узнайте же тогда
Послѣднее рѣшеніе Совѣта,
Которому отмѣны больше нѣтъ.

до ж ъ .

Скорѣе къ дѣлу! къ дѣлу! Мнѣ извѣстны
Всѣ правила формальностей, какими
Умѣете вы сглаживать такъ ловко
Жестокость вашихъ актовъ и рѣшеній.

глава совѣта.

Вы болѣе не дожъ: васъ разрѣшаютъ
Отъ данной вами клятвы, какъ главы
Отечества. Порфира дожа будетъ
Снята немедля съ васъ; но, въ уваженіе
Къ заслугамъ прежнихъ лѣтъ, вамъ оста-
вляють,
Какъ вамъ сейчасъ объявлено ужъ было,
Пожизненный доходъ. Три дня дается
Вамъ для того, чтобъ вы могли оставить
Домъ герцога; иначе жъ въ наказаніе
Наложится немедленный секвестръ
На все, чѣмъ вы владѣете.

до ж ъ .

Немногимъ
При этомъ удалось бы пожить въ
Отечеству!

глава совѣта.

Отвѣтъ вашъ, дожъ?

лоредано.

Отвѣтъ твой,
Франческо Фоскари?

до ж ъ .

Когда бъ считалъ я
Преклонные года мои помѣхой
Для счастья отечества, повѣрьте,
Я, какъ глава республики, тогда
Не вздумалъ бы свой личный интересъ
Поставить выше блага государства.
Но жизнь моя была посвящена
Ему на службу съ раннихъ лѣтъ, при чемъ
Плоды трудовъ моихъ казались мнѣ
Не вовсе бесполезными. Понять
Поэтому вамъ должно, что хотѣлъ
Покончить дни мои трудясь, какъ прежде.
Но ежели рѣшеніе неизмѣнно,
То я предъ нимъ склоняюсь.

глава совѣта.

Если срокъ
Трехъ дней вамъ показался слишкомъ крат-
кимъ—
Его мы увеличимъ до восьми,
Въ знакъ преданности къ вамъ и уваженія.

до ж ъ .

Не нужно мнѣ восьми часовъ и даже
Восьми минутъ! Вотъ—діадема дожа!
(Снимаетъ шапку дожа и кольцо).
А вотъ кольцо! Теперь Адриатика
Свободна снова выбрать жениха.

глава совѣта.

Отъ васъ совсѣмъ не требуютъ такой
Поспѣшности.

до ж ъ .

Я старъ, синьоръ, и если
Мнѣ надобно пускаться въ путь, хотъ даже
Короткій и нетрудный, то полезнѣй
Не мѣшкать понапрасну. Между вами,
Однако вижу я одно лицо,
Совсѣмъ мнѣ неизвѣстное. Позвольте
Узнать, синьоръ, кто вы, хотъ по платью
Я вижу, что должны вы быть главой
Совѣта Сорока.

меммо.

Синьоръ, предъ вами
Сынъ Марко Меммо.

до ж ъ .

О! отецъ вашъ, значить,
Былъ другомъ мнѣ! Но дѣти—не отцы!
А гдѣ моя прислуга?

одинъ изъ свиты.

Что угодно,
Достойный герцогъ?

до ж ъ .

Герцога нѣтъ больше!
(Указывая на депутацію).

Вотъ герцоги надъ герцогомъ!

(Прислугъ).

Готовьтесь

Немедленно къ отъѣзду.

глава совѣта.

Для чего же
Вамъ такъ спѣшить? Вы вызовете этимъ
Одинъ соблазнъ въ народѣ.

до ж ъ .

За него
Въ отвѣтъ вы: вы здѣсь теперь владыки.
(Прислугъ).

Сбирайтесь тотчасъ въ путь. Въ числѣ
вещей,
Какія понесете вы, прошу васъ
Съ особеннымъ вниманьемъ обращаться
Съ однимъ предметомъ. Хотъ теперь никто
ужъ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ВАЙРОНА.

Не сдѣлаетъ вреда ему, но я
Пойду за вами самъ.

БАРБАРИГО.

Онъ говоритъ

О мертвомъ тѣлѣ сына.

дожъ.

Позовите

Мнѣ дочь мою Марину.

Входитъ марина.

дожъ.

Собирайся!

Пришлось съ тобой намъ ѣхать горевать
Въ другое мѣсто.

МАРИНА.

Горе будетъ намъ

Вездѣ удѣломъ.

дожъ

Ты права; но тамъ

Печалиться мы будемъ на свободѣ,
Безъ этихъ злыхъ шпионовъ, чья толпа
Бѣжитъ всегда во слѣдъ за сильнымъ міра.
Вы можете уйти теперь, синьоры:
Вамъ нечего здѣсь дѣлать. Иль вы
Бойтесь, чтобы мы не унесли
Съ собой дворецъ? Рядъ этихъ старыхъ

стѣнъ,

Старѣйшихъ въ десять разъ, чѣмъ я—а я
Старъ, очень старъ—служилъ не разъ вамъ

такъ же,

Какъ я служилъ! О, если бъ эти стѣны
Могли сказать, что видѣли! Но я
Не стану призывать ихъ, чтобъ онѣ
Обрушились на васъ; иначе стѣны
Исполнили бъ призывъ мой точно такъ же,
Какъ нѣкогда обрушились столбы
Святыни Дагона и покрыли
Подъ массою обломковъ филистимлянъ,
Самсоновыхъ враговъ. Я убѣжденъ,
Что слово моего проклятья было бъ
Достаточно для этого, тѣмъ больше,
Когда проклятье вызвано такими
Людьми, какъ вы. Но я васъ не клянусь.
Прощайте же, синьоры! Отъ души
Желаю я, чтобъ новый дожъ былъ лучше
Чѣмъ настоящій.

ЛОРЕДАНО.

Настоящій дожъ

Паскаль Мальпьеро.

дожъ.

Какъ, ужъ избранъ? раньше,
Чѣмъ я успѣлъ переступить порогъ
Жилища этого?

ЛОРЕДАНО.

Съ вершины Марка

Раздастся мѣдный голосъ, возвѣщая
Его избраніе.

дожъ.

О, адъ и небо!

Ужель въ живыхъ застанетъ онъ меня?
И я его услышу? Значить, мнѣ
Придется первымъ дожемъ быть, который
Услышитъ звонъ, раздавшійся во славу
Его преемника! Какъ счастливъ былъ
Преступный мой предшественникъ Фальеро!
Его не обрекли, по крайней мѣрѣ,
На это униженіе!

ЛОРЕДАНО.

Или вы

Жалѣете измѣнника?

дожъ.

Нѣтъ! я

Завидую лишь мертвымъ.

ГЛАВА СОВѢТА.

Если вы

Желаете во что бы то ни стало
Покинуть такъ дворецъ—по крайней мѣрѣ
Сойдите тайнымъ выходомъ, ведущимъ
На пристань близъ канала.

дожъ.

Нѣтъ, я гордо

Сойду по тѣмъ ступенямъ, по которымъ
Взошелъ занять властительскій престолъ:
По лѣстницѣ Гигантовъ, гдѣ былъ вами
Одѣтъ въ порфиру власти я. Заслуги
Взвели меня туда, а злость враговъ
Низвергла снова. Тридцать слишкомъ лѣтъ
Прошло съ тѣхъ поръ, какъ въ первый
разъ прошелъ

По этимъ заламъ я, откуда думалъ
Быть вынесеннымъ только мертвымъ тру-

помъ

И трупомъ, можетъ быть, сраженнымъ въ
битвѣ

За родину; но ужъ никакъ не думалъ
Быть выгнаннымъ толпой своихъ же гра-

жданъ!

Идемте прочь! Я выйду вмѣстѣ съ сыномъ:
Онъ, чтобъ найти себѣ могилу—я же,
Чтобъ вымолить ее себѣ скорѣй!

ГЛАВА СОВѢТА.

И это все публично!

дожъ.

Я публично

Былъ выбранъ вами дожемъ—и хочу
Публично быть низложеннымъ. Готова ль,
Марина, въ путь ты?

Д В О Е Ф О С К А Р И .



Дождь... Нѣтъ я гордо
Сойду по тѣмъ ступенямъ, по которымъ
Взошелъ занять властительскій престолъ
По лѣстницѣ Гигантовъ.

*Рис. Стоиартъ (T. Stothard, R. A.), грав. Портбери
(E. I. Portbury).*

МАРИНА.

Вотъ моя рука.

дождь.

Вотъ мой костыль. Я выйду, опираясь
Лишь на него.

глава совѣта.

Мы этого не можемъ
Дозволить вамъ: народъ замѣтитъ это.

дождь.

Народъ! Здѣсь нѣтъ народа — это вамъ
Извѣстно хорошо; иначе вы
Не смѣли бъ обращаться такъ позорно
Съ народомъ и со мной. Здѣсь только чернь,
Которая когда-нибудь заставитъ
Васъ тайно покраснѣть, но никогда
Не хватить ей ни силъ, ни воли прямо
Возстать на васъ или поразить васъ клят-
вой.

глава совѣта.

Горячность ослѣпляетъ васъ; иначе...

дождь.

Да, правы вы! Я насказалъ вамъ больше,
Чѣмъ слѣдуетъ, и больше, чѣмъ привыкъ
Въ рѣчахъ обыкновенно; эта слабость
Была мнѣ неизвѣстна. Впрочемъ, вы
Найдете въ этомъ извиненье вашимъ
Теперешнимъ поступкамъ; вѣрно я,
Дѣйствительно, состарился, коль скоро
Горячность можетъ такъ меня увлечь.
Но вашъ поступокъ все же беззаконенъ.
Прощайте всѣ.

БАРБАРИГО.

Вы не уйдете такъ,
Безъ слѣдующей вамъ по сану свиты.
Мы всѣ пойдемъ за вами, чтобъ достойно
Сопроводить властительнаго дожа
Въ его жилище. Такъ или нѣтъ, друзья?

МНОГІЕ ГОЛОСА.

Да, да, конечно.

дождь.

Нѣтъ, вы не пойдете,

По крайней мѣрѣ я не допущу
Васъ быть моею свитой. Я явился
Сюда, какъ государь, а выхожу
Хотя чрезъ ту же дверь, но гражданиномъ,
Попрежнему. Торжественность здѣсь будетъ
Лишь новою обидой для души,
И безъ того истерзанной печалью.
Ядъ не даютъ противоядья яду.
Торжественность прилична государямъ,
А я не государь! Иль, впрочемъ, нѣтъ,
Мой санъ еще не снятъ, пока не вышель
Я въ эту дверь! А!..

(Раздается звонъ большого колокола Святого
Марка).

ЛОРЕДАНО.

Слышите?

БАРБАРИГО.

Звонъ съ башни!

ГЛАВА СОВѢТА.

Онъ возвѣщаетъ выборъ Малипьеро.

ДОЖЪ.

Я узнаю его, хотъ слышалъ въ жизни
Одинъ лишь разъ, — лѣтъ тридцать пять на-
задъ;
Но и тогда уже я не былъ молодъ.

БАРБАРИГО.

Синьоръ, вамъ дурно, сядьте!

ДОЖЪ.

Этотъ звонъ
Гудитъ надъ гробомъ моего дитяти!
О! какъ мнѣ тяжело!

БАРБАРИГО.

Прошу васъ, сядьте!

ДОЖЪ.

Не сяду я: мнѣ стуломъ былъ доселѣ
Тронъ герцога! Идемъ, Марина.

МАРИНА.

Да!

Скорѣй, скорѣй!

ДОЖЪ

(пройдя нѣсколько шаговъ и начиная ша-
таться).

Я чувствую, что силы
Мои слабѣютъ. Дайте кто-нибудь,
Прошу, стаканъ воды.

БАРБАРИГО (подавая).

Вотъ!

МАРИНА.

Вотъ!

ЛОРЕДАНО.

Берите.

дожъ (взявъ стаканъ изъ рукъ Лоредано).

Я предпочту услугу Лоредано:

Его рукъ приличнѣе всего

Подать теперь питье мнѣ.

ЛОРЕДАНО.

Почему же?

ДОЖЪ.

Повѣрье есть, что будто бы хрусталь
Венеціи не медля разобьется,
Когда въ него налить бываетъ ядъ.
Мнѣ подаль этотъ кубокъ Лоредано,
И кубокъ не разбился.

ЛОРЕДАНО.

Что же дальше?

ДОЖЪ.

Повѣрье значитъ ложно, иль, напротивъ,
Невиненъ Лоредано! Я равно
Не вѣрю ни тому и ни другому;
Но, впрочемъ, это глупая легенда.

МАРИНА.

Вы говорите странные слова.
Вамъ лучше сѣсть; и уѣзжать покуда
Вамъ невозможно. Ахъ, какъ вы теперь
На мужа моего похожи взглядомъ!

БАРБАРИГО.

Онъ совершенно ослабѣлъ. Подвиньте
Скорѣе стулъ да помогите мнѣ
Его держать.

ДОЖЪ.

Все звонъ гудитъ! Уйдемъ
Скорѣе прочь! Я чувствую, что мозгъ мой
Охваченъ, какъ огнемъ.

БАРБАРИГО.

Я опереться

Прошу васъ на меня.

ДОЖЪ.

Нѣтъ, государь
Обязанъ жизнь свою окончить стоя
(Маринъ).

Несчастное дитя мое!

(Къ Барбаригу).

Прочь руки!

Ахъ! Этотъ звонъ!

(Падаетъ и умираетъ)

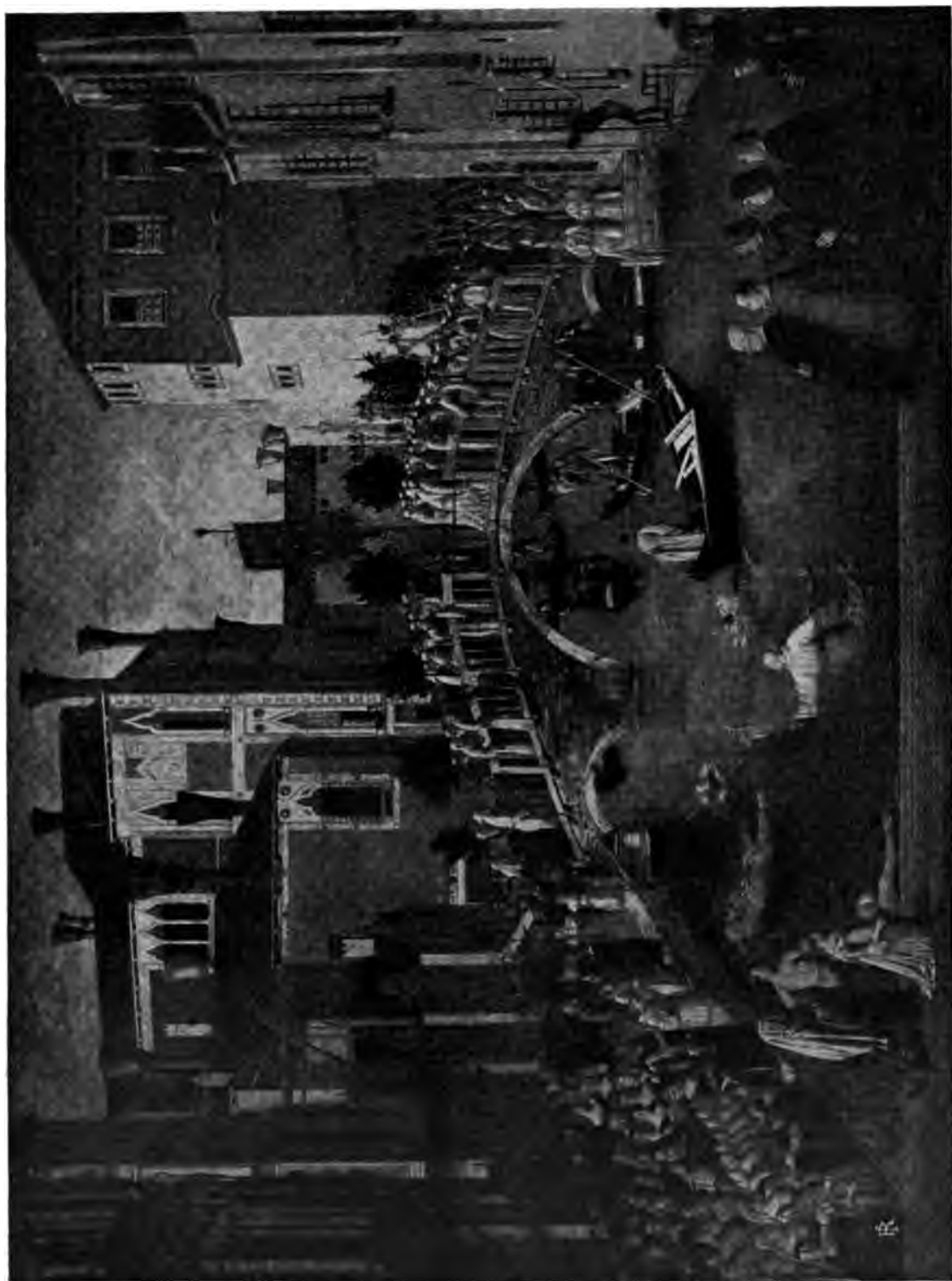
МАРИНА.

О, Господи!

БАРБАРИГО (Лоредано).

Смотри —

Твой подвигъ совершенъ!



ВЕНЕЦІЯ XV ВѢКА.
Изъ цикла картинъ Джентиле Беллини, посвященныхъ легендѣ о Честномъ Дровѣ. *Gentile Bellini—Miracolo del legno della Santa-Croce.*

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ БАЙРОНА.

ГЛАВА СОВѢТА.

Ужель нельзя
Ему помочь? Пошлите за врачомъ.

одинъ изъ свиты.

Все кончено!

глава совѣта.

Коль скоро такъ, то мы
Почтимъ его достойнымъ погребеньемъ,
Какъ требуетъ Венеція и санъ,
Который онъ носилъ съ такимъ похваль-
нымъ

Усердіемъ, насколько позволяли
Преклонные года его. Не правда ль,
Достойные товарищи?

ВАРВАРИГО.

Судьба

Избавила его отъ униженья
Скончаться бѣднымъ подданнымъ въ странѣ,
Гдѣ былъ онъ государемъ; потому
Его мы скоронить должны какъ дожа.

глава совѣта.

Мы, значить, всѣ согласны въ этомъ?

всѣ (*кромя Лордано*).

Да!

глава совѣта.

Да будетъ миръ надъ нимъ.

МАРИНА.

Простите мнѣ,
Достойные синьоры. Право, я
Все думаю, что это лишь насмѣшка.
Оставьте въ мирѣ этотъ бѣдный прахъ;
Прошло не больше часа съ той поры
Какъ жилъ еще несчастный этотъ старецъ.
При жизни онъ раздвинулъ вашу власть
И слилъ съ своею славой вашу славу.
И что жъ? его вы выгнали позорно
Изъ собственнаго дома, а теперь,
Едва скончался онъ и ужъ не въ силахъ
Почувствовать тѣхъ почестей, которыхъ
Не принялъ бы при жизни, вы хотите
Почтить его невиданнымъ почетомъ,
Хотите возвеличить послѣ смерти
Того, кто дерзко поправъ былъ при жизни!
Почетъ несчастный этотъ, вѣрьте, будетъ
Укоромъ вамъ, а не прибавкой славы
Къ его заслугамъ прежнимъ.

глава совѣта.

Мы, синьора,
Не такъ легко привыкли измѣнять,
Что разъ постановили.

МАРИНА.

Это мнѣ
Извѣстно хорошо. Вы особливо
Настойчивы на строгомъ исполненіи
Кровавыхъ приговоровъ надъ живыми,
Но вы могли бѣ, мнѣ кажется, оставить
Въ покоѣ хотъ умершихъ. Вѣдь изъ нихъ
И безъ того не малое число
По смерти попадетъ во власть существъ,
Чья должность очень схожа съ вашей
здѣшней.

Оставьте тѣло мнѣ, какъ обѣщали
Оставить мнѣ несчастнаго при жизни,
Которую успѣли сократить
Вы такъ добросердечно. Схоронить
Его—мой будетъ долгъ. Быть можетъ, я
Найду себѣ минуту утѣшенія,
Занявшись этимъ дѣломъ; вѣдь печаль
Причудлива: ей милъ покой гробницъ
И обстановка горестной могилы.

глава совѣта.

Вы точно предлагаете принять
Издержки похоронъ на ваши средства?

МАРИНА.

Вполнѣ, синьоръ. Имущество Фоскари
Давно ужъ имъ истрачено на службѣ
Отечеству, но у меня осталось
Приданое,—его употреблю
Теперь для погребенья я отца,
А вмѣстѣ и...

(*Слезы мѣшаютъ ей продолжать*).

глава совѣта.

Вамъ лучше бы сберечь
Приданое въ наслѣдство вашимъ дѣтямъ.

МАРИНА.

Да! бѣдные малютки-сироты:
Отецъ ихъ отнять вами!

глава совѣта.

Мы не можемъ
Исполнить вашу просьбу. Прахъ Фоскари,
Съ приличной сану почестью, поставятъ
Сначала во дворцѣ; при погребеньи жъ
За нимъ пойдетъ его преемникъ, въ платьѣ
Не дожа, а сенатора.

МАРИНА.

Я часто
Слыхала, что убійцы погребали
Убитыхъ ими жертвъ, но никогда
Не приводилось—признаюсь—мнѣ видѣть.



ФРАНЧЕСКО ФОСКАРИ, ДОЖЪ ВЕНЕЦИИ.
(Francesco Foscari).

Картина Беллини (Gentile Bellini).

Д В О Е Ф О С К А Р И.

Чтобъ лицемѣрье окружало рядомъ
Такихъ высокихъ почестей того,
Кто былъ имъ умерщвленъ. Слыхала я
О скорби бѣдныхъ вдовъ—теперь ее
Узнала я сама стараньемъ вашимъ;
Видала я наслѣдниковъ, одѣтыхъ
Въ глубокой скорбный трауръ—вы лишили
Умершаго наслѣдниковъ и сами
Играете ихъ роль. Ну что жъ—пускай!
Будь такъ, какъ вы хотите! Близокъ день,
Когда свершится точно такъ же судъ
Небесный и надъ вами.

глава совѣта.

Вы забыли,
Предъ кѣмъ вы говорите и чему
Рискуете подвергнуться.

МАРИНА.

О! васъ
Я знаю лучше, можетъ быть, чѣмъ сами
Себя вы знаете; чему жъ себя
Могу подвергнуть я,—извѣстно мнѣ
Не меньше, чѣмъ и вамъ. Я презираю
Какъ то, такъ и другое! Нужны ль вамъ
Еще другія рѣчи къ погребенью?

ВАРВАРИГО.

Простите ей, синьоры: положенье,
Въ какомъ она находится, ей можетъ
Служить защитою.

глава совѣта.

О! мы отнюдь
Не придаемъ малѣйшаго значенья
Ея словамъ.

ВАРВАРИГО (*къ Лоредано, который пишетъ
что-то въ записной книжкѣ*).

Что пишешь ты съ такимъ
Серьезнымъ, важнымъ видомъ?

ЛОРЕДАНО (*указывая на тѣло дожа*)
То, что онъ

Мнѣ заплатилъ.

глава совѣта.

А что онъ былъ вамъ долженъ?

ЛОРЕДАНО.
Старинный долгъ и долгъ природный—
смерти!
(*Занавѣсъ падаетъ*).

А. Соколовскій.





СИНІЕ ЧУЛКИ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЭКЛОГА.

ЭКЛОГА ПЕРВАЯ.

Лондонъ. Передъ входомъ въ залу для чтеній.

(трэси и инкель вступаютъ).

инкель.

Ужъ поздно.

трэси.

Что, кончили?

инкель.

Въ часъ не успѣютъ;

Но стулья, какъ яркій цвѣтникъ, ужъ пе-
стрѣютъ.

Рѣшили вѣдь дамы, со страстью всѣхъ
чувствъ,

Наукамъ предаться, взаимну искусствъ,
А нѣжнымъ созданьямъ должны въ уго-
ждение

Засѣсть и мужчины за строгое чтенье.

трэси.

Охъ, знаю! Пришлось вѣдь и мнѣ угождать;
Засѣлъ я новѣйшія книги читать;
И Вампа, и Скампа прочелъ, и Вордсворта;
Чтобъ всѣмъ имъ...

инкель.

Тссъ, тише! изъ ихъ же вѣдь сорта
Вашъ слушатель!

трэси.

Знаю: вы тоже поэтъ;

Въ издательскихъ лавкахъ извѣстенъ вашъ
слѣдъ.

инкель.

Такъ можно ль представить, чтобъ сталъ я
съ терпѣньемъ

Такимъ голословнымъ внимать обвиненьямъ
На музъ лучезарныхъ?

трэси.

Не думалъ винить

Я девять сестеръ; но вѣдь музами быть
Отъ многихъ претензію смѣло я слышалъ.

Но, впрочемъ, довольно. — Я только что
вышелъ

Изъ книжной самъ лавки, изъ той, что стоитъ
Близъ лавки пирожника. Случай даритъ
Читателямъ, жаждущимъ новостей, средство
Двѣ пользы извлечь изъ такого сосѣдства:
Коль новостей нѣтъ въ заведенъи одномъ,
Навѣрное ихъ вы найдете въ другомъ.

Прелестною критикой тамъ я занялся;
Скажу вамъ, что авторъ насквозъ пропи-
тался

Весь греческой солью; вашъ другъ дорогой
Отдѣланъ имъ ловко—извѣстно какой.

Въ статьѣ „освѣжающихъ“ много мѣстечекъ;
Вотъ мѣткое слово изъ новыхъ словечекъ!

инкель.

Да, это дѣйствительно надо признать;
Но слишкомъ ужъ стали имъ всѣ щеголять;
Найдете его вы ужъ даже въ газетахъ.
Такъ другъ мой въ освистанныхъ, значитъ,
позтахъ?

трэси.

Совсѣмъ уничтоженъ; въ опалу попалъ
За все, что и прежде и нынче писалъ;
Все названо глупымъ, нестоющимъ вздоромъ
И націи цѣлой онъ признанъ позоромъ.

инкель.

Жаль очень: вѣдь дружба! — легко намъ
понять;

Хоть долженъ онъ, впрочемъ, былъ этого
ждать.

Открыто на наглыхъ враговъ негодуя,
Статеекъ подобныхъ читать не люблю я;
Не съ вами ли, впрочемъ, въ карманѣ ли-
стокъ?

трэси.

Нѣтъ, жаль, захватить я съ собою не могъ,
Въ рукахъ тамъ остался у цѣлой онъ клики
Писакъ и поэтовъ. Шумъ поднять великій...
Нельзя же: собратъ вѣдь попался въ про-
сакъ;

Конца не дождутся статейки никакъ.

инкель.

Пойдемте туда же.

трэси.

А лекція наша?

инкель.

Едва ль проберемся; не можетъ быть чаша
Полнѣе, чѣмъ зала; безплотная тѣнь
Не сыщеть тамъ мѣста въ сегодняшній день.
А также сознаться въ томъ надо, что чтенье
Почтеннаго Скампа—урокъ для терпѣнья.

трэси.

Какъ можете знать вы, не слышавъ его?

инкель.

Чтобъ высказать мнѣнье, довольно того,
Что слышалъ я прежде, и вамъ по секрету
Скажу, что покинулъ я лекцію эту,
Сказавъ, что терпѣть не могу духоты;
По правдѣ жъ—я чтенья не снесъ пустоты.

трэси.

Такъ, значить, не слышать потери немного?

инкель.

Потери не слышать той дичи убогой?...
Мой Богъ! испугался бы менѣе я,
Узнавъ, что жена заразилась моя
Слюною взбѣсившейся, гадкой собаки,
Чѣмъ склонностью слушать подобныя враки.
Часами вѣдь этотъ глупѣйшій актеръ
Несетъ передъ вами напыщенный вздоръ.
Довольно, прошу васъ; меня не вводите
Въ грѣхъ тяжкій злословья.

трэси.

Что жъ я тутъ, скажите?

инкель.

Что вы тутъ? я скромно и мирно молчалъ,
И правду, лишь встрѣтившись съ *вами*, ска-
залъ.

трэси.

Я встрѣчей васъ, значить, навелъ на зло-
словье?

инкель.

Чтобъ Скампа бранить, откликаюсь на

зовъ я

Охотно, конечно; но слѣдую въ томъ
Примѣру другихъ лишь, а самъ ни при чемъ.
Онъ сплетникъ, обманщикъ и гаеръ...

трэси.

Однако,

Мы видимъ, что публика ломится съ дракой
На чтенье; признали всѣ, значить, себя
Глупѣй, чѣмъ поэтъ вашъ. Ни вы и ни я
Туда не пойдемъ?

инкель.

Удалимтесь скорѣе.

трэси.

Но все же...

инкель.

Приманка нужна тутъ сильнѣе,
Чѣмъ Скампа жидовская лира, чей звукъ
Никакъ ужъ наградой не можетъ быть мукъ,
Какія отъ жара мы вытерпимъ въ залѣ.

трэси.

Вы правду, почтеннѣйшій другъ мой, сказали.
Вотъ если бъ красotka...

инкель.

Дѣвица?

трэси.

Ну, да!

Миссъ Лила...

инкель.

Чулкомъ была синимъ всегда;
Но, впрочемъ, богата.

трэси.

И ангелъ съ тѣмъ вмѣстѣ.

инкель.

О, полноте, другъ мой; объ этой невѣстѣ
Вамъ нечего думать. Вѣдь демонъ она;
Навѣки васъ сгубить такая жена!
И химикъ она, и поэтъ, и ботаникъ.

трэси.

И ангелъ.

инкель.

Подобной особы избранникъ
Не будетъ, повѣрьте, счастливъ никогда;
Домашняя сгубить обоихъ вражда;
Чулокъ она синій, синѣе зѣира.

трэси.

Но гдѣ жъ тутъ причина, чтобъ не было
мира?

инкель.

Примѣра ни разу не видано мной,
Чтобъ мужъ былъ счастливымъ съ ученой
женой.

Весь день занимаясь одною наукой,
Вамъ жизнь отравить она вѣчною мукой,
И вы...

трэси.

Что?

инкель.

Быть можетъ мнѣ лучше смолчать;
Но тысячи тоже должны вамъ сказать,
Что въ глупость вы лѣзете.

трэси.

Вспомните, милый,

Что Креза богаче прелестная Лила.

инкель.

Такъ, значить, мамыши тугой кошелекъ
Не меньше красотики вамъ сердце привлечъ?

трэси.

Сказать вамъ по правдѣ: и то, и другое.

С И Н И Е Ч У Л К И.

инкель.
 Намѣренье, значитъ, избрали благое
 Вы ладить съ мамашей супруги своей?
 Но только, смотрите: она здоровѣй,
 Чѣмъ вы и чѣмъ я; ждать вамъ долго
 придется
 Получки наслѣдства.
 трэси.
 Пускай ей живется,
 Пока пожелаетъ; рука мнѣ одна
 Съ любовью красавицы дочки нужна.
 инкель.
 Въ чернильницѣ сердце ея поселилось,
 А ручка съ перомъ цѣлый вѣкъ свой во-
 зилась.
 трэси.
 Я, кстати, хотѣлъ васъ, мой милый, спросить:
 Мнѣ пѣсенки двѣ или три сочинить.
 инкель.
 Зачѣмъ вамъ?
 трэси.
 Мой другъ, вамъ, конечно, извѣстно,
 Что въ прозѣ пишу я и бойко и честно;
 Въ стихахъ же...
 инкель.
 Я знаю, что вы не поэтъ.
 трэси.
 Вотъ то-то жъ! извѣстно, однако, что нѣтъ
 И не было средства на свѣтъ вѣрнѣе,
 Чтобъ женское сердце сдалось намъ скорѣе,
 Какъ впору прочесть мадригалъ иль сти-
 шокъ;
 А такъ какъ въ поэзіи я недалекъ,
 То васъ я, какъ друга, прошу, помогите.
 инкель.
 Такъ выдать стихи за свои вы хотите?
 трэси.
 Да, да, непременно; спишу я ихъ самъ
 И Лилѣ на раутѣ первомъ отдамъ.
 инкель.
 Но развѣ вы близки настолько ужъ съ нею?
 трэси.
 А что же? иль думали вы, что не смѣю,
 Напуганный строгостью синихъ чулокъ,
 Прочесть ей стихами, что смѣло я могъ
 Читать прежде прозой, не меньше прекрас-
 ной?
 инкель.
 Не меньше *прекрасной*? Такъ къ музѣ на-
 прасно
 Вамъ, кажется, было бъ моей прибѣгать.
 трэси.
 Чулокъ я вѣдь синій хочу занимать.
 инкель.
 „*Прекрасной*“? Такъ лучше вы вашею прозой
 Ее и займите; поэзіи жъ грезы

Вамъ лучше оставить. Покорнымъ слугой
 Позвольте быть вашимъ. Прощайте!
 трэси.
 Богъ мой!...
 Что жъ вы разсердились? Прошу васъ, про-
 стите,
 И пѣсенокъ пару мнѣ все жъ сочините.
 инкель.
 „*Прекрасной*“!
 трэси.
 Обмолвился я невзначай.
 инкель.
 Хватили неловкостью вы черезъ край.
 трэси.
 Я каюсь; смиритеесь моимъ извиненьемъ!
 Чего же вамъ больше?
 инкель.
 Вы съ злымъ умысленьемъ
 Унизить задумали музу мою,
 Чтобъ пользу извлечь изъ нея же свою.
 трэси.
 Я, значитъ, ее уважаю примѣрно.
 инкель.
 Да, это, пожалуй, дѣйствительно вѣрно.
 трэси.
 Я взвѣшивать точно умѣю слова,
 А васъ вѣдь давно ужъ признала молва
 Настолько жъ любезнымъ всегда чело-
 комъ,
 Насколько поэтомъ, увѣнчаннымъ вѣкомъ;
 Такъ могъ ли умышленно дерзость сказать
 Тому я, въ комъ друга привыкъ уважать
 И генія вмѣстѣ?
 инкель.
 Конечно, должны вы
 Считать, что дѣйствительно дружбой сча-
 стливы
 Такого... но, впрочемъ, что тутъ толковать!
 Позвольте вамъ руку сердечно пожать.
 трэси.
 Вы знали и знаете, какъ аккуратно
 Я все покупаю, что только печатно
 Придетъ вамъ фантазія выпустить въ свѣтъ
 инкель.
 До книгъ напечатанныхъ дѣла мнѣ нѣтъ.
 Издателей дѣло возится съ продажей.
 Извѣстно давно вѣдь, что лучшія даже
 Творенья въ продажѣ не скоро идутъ.
 Примѣромъ вамъ можетъ быть публики судъ
 Надъ Ботерби драмой; талантъ Ренегада
 Не признанъ вѣдь также; то жъ самое надо
 Сказать о романѣ послѣднемъ моемъ.
 трэси.
 Былъ отзывъ недавно хвалебный о немъ
 Въ журналѣ: „Дѣвицъ пожилыхъ обозрѣнье“.
 инкель.
 Въ какомъ?

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ВАЙРОНА.

Трэси.
Тамъ свои помѣщаетъ творенья
Ханжей доморощенныхъ нашихъ кружокъ.
Извѣстенъ онъ вамъ?

инкель.
Нѣтъ, покамѣстъ не могъ
Заняться я имъ.

Трэси.
Такъ спѣшите заняться.
инкель.

А что?

Трэси.
Слухъ о немъ сталъ упорно держаться,
Что скоро испуститъ послѣдній онъ вздохъ.

инкель.
Такъ, значить, не вовсе еще онъ изсохъ?
Трэси.

Конечно. Вы нынче на раутъ идете
Къ графинѣ Фидлькомъ?

инкель.
Безъ сомнѣнья вы ждете,
Что буду я тамъ? Приглашеніе есть;
Но вечеръ обязанъ иначе провести
Я нынче: далъ слово, что чуть вдохновен-

ный
Нашъ Скампъ возвратится съ луны, гдѣ,
блаженный,
Искалъ онъ запаса новѣйшихъ остротъ,
И чтеніемъ у лэди Блюботль всѣхъ займетъ.
То буду и я непремѣнно при этомъ,
Чтобъ слушать, а также холоднымъ кот-

летамъ
Отдать чтобъ на ужинѣ должную честь.
Вѣдь Скампа нерѣдко зовутъ, чтобъ про-

вестъ
Предлогъ былъ лишь время въ блестящемъ
собраньи.

За чтенье жъ готовы ему въ воздаянъе
И ужинъ холодный и ворохъ похвалъ.
На этихъ собраньяхъ я часто бывалъ
И даже безъ скуки. Пойдемте; миссъ Лила
Навѣрно тамъ будетъ.

Трэси.
Мгновенною силой
Меня вы влечете.

инкель.
А гдѣ тотъ магнитъ?
Въ карманѣ мамыши?

Трэси.
Какъ зло говорить
Порою языкъ вашъ! Любви одобренъя
Отъ васъ ожидалъ я, а встрѣтилъ сомнѣнье.
Но время идти намъ; ужъ въ залѣ шумятъ
И значить...

инкель.
Вы правы; а то налетятъ
Толпою на насъ вѣдь всѣ барыни мигомъ

И имъ вы извольте отвѣтъ, какъ по книгамъ,
На всѣ ихъ вопросы не медля давать.
Извѣстно, что синимъ чулкамъ угождать
Умѣетъ не всякій!... Чу! вотъ вся ватага.
Ботерби я голосъ узналъ; онъ съ отвагой
Валторны сильнѣе гудить вѣдь всегда.
Вотъ, вотъ онъ! Ну, бѣдному Скампу бѣда!...
Пусть прячется живо; иначе поэта
Ждетъ горькая плата его же монетой.

Трэси.
Урокъ за урокъ въ этомъ будетъ.

инкель.
Пусть такъ.
Но Господа ради уйдемте, въ просякъ
Чтобъ съ нимъ не попасться.

(Уходитъ).

Трэси.
И я вслѣдъ за вами.
Бѣда надвигается прочно надъ нами.
А „*sic me servavit Apollo*“ сказать
Намъ некому. Всю эту славную рать
Мы тотчасъ увидимъ: всѣхъ вдовушекъ,
франтовъ,
Писакъ неумѣлыхъ, поэтовъ-педантовъ,
Приемъ имъ и ужинъ съ мадерой готовъ
У лэди, первѣйшей изъ синихъ чулковъ.

(Уходитъ).

ЭКЛОГА ВТОРАЯ.

Комната въ домѣ лэди Блюботль. Накрытый столъ.

Сэръ Ричардъ Блюботль (одинъ).

Бывалъ ли хоть кто-нибудь въ бракѣ своемъ
Несчастливъ, какъ я? Былъ дуракъ дуракомъ!
Въ часъ глупый и скверный, когда я женился!
Навѣки покоя я въ жизни лишился.
А времячко было, когда безъ заботъ
Я жилъ припѣвая, не зная невзгодъ.
Теперь же двѣнадцать часовъ цѣлыхъ въ
сутки...

Какое двѣнадцать?—сказать я безъ шутки
Могу передъ всѣми, что часа найти,
Чтобъ мирно въ покоѣ его провести,
Мнѣ не дано въ сутки! Прогулки, ученъе,
Визиты, обѣды, приемы и чтенъе,
Искусство, педантство вездѣ и во всемъ!
Ну, просто мозги повернулись кругомъ!
Съ супругою врозь не пробудешь минуты;
Успѣла такъ ловко законныя пути
На шею супруга она возложить,
Что волей-неволей приходится быть

Съ ней плотью и кровью повсюду единой.
Ужъ я помирился бѣ съ рецензѣй длинной
Отчетовъ, какіе ей долженъ давать;
Но что мнѣ всю душу способно взорвать,
Такъ это орава всѣхъ этихъ поэтовъ,
Писакъ и ученыхъ различныхъ предметовъ,
Всѣхъ сплетниковъ этихъ, мутящихъ весь
міръ,

Что приняли домъ мой совсѣмъ за трактиръ,
Лишь съ тѣмъ, по несчастью, различьемъ,
что счеты

Платить на меня же ложатся заботы.
Ни срока, ни вздоха! день цѣлый сиди,
О разностяхъ разныхъ суди да ряди!
Выслушивай синихъ чулковъ разсужденья
О новостяхъ, въ глупомъ почерпнутыхъ
чтеньи;

Ну просто хотъ въ петлю!.. Но тсс... вотъ
они.

О если бы въ эти несчастные дни
Глухимъ становился я волей Господней!
Нѣмымъ постараюсь пробыть хотъ сегодня!
Входятъ лэди влюботль, миссъ лила,
лэди влюмонть, мистеръ ботерви,
инкель, миссъ мазарина и *другіе*.

скампъ, *только что читавшій*.

лэди влюботль (*сѣру Ричарду*).

Ахъ, здравствуй, мой милый! друзей доро-
гихъ

Къ тебѣ привела я.

сѣръ ричардъ (*поклонясь, въ сторону*).

Чтобъ чортъ побралъ ихъ!

лэди влюботль.

Прошу не чиниться; закуска готова.
Вы, Скампъ, утомились; безъ дальняго слова
Прошу васъ, садитесь поближе ко мнѣ.

(*Всѣ садятся*).

сѣръ ричардъ (*въ сторону*).

Теперь-то устанетъ несчастный вдвойнѣ.

лэди влюботль.

Васъ, Трэси, а также прелестная Лила,
Прошу васъ, садитесь;—я васъ ужъ просила
Объ этомъ Ботерви.

БОТЕРВИ.

Послушенъ я вамъ.

лэди влюботль.

А вамъ, мистеръ Инкель, я выговоръ дамъ:
Вы не были, кажется, въ залѣ на чтеньи?

ИНКЕЛЬ.

Простите, я въ нервное былъ возбужденъ
Введенъ жаромъ залы и вышелъ какъ разъ
Въ минуту, какъ сталъ интереснымъ раз-
сказъ.

лэди влюботль.

Жаръ точно былъ силенъ, но вы потеряли
Премного ушедши; поэты читали
Все лучшее.

БОТЕРВИ.

Врядъ ли услышимъ впередъ
Такое мы чтенье.

Трэси.

Вѣдь счастье насъ ждетъ
Два цѣлыхъ сеанса услышать—такъ мнѣ
Сказали вы рано.

БОТЕРВИ.

Ему въ подтвержденъ
Скажу я, что зала гремѣла кругомъ
Отъ криковъ восторга.

ИНКЕЛЬ.

Ну, если лишь въ томъ
Успѣхъ вы увидѣли—надо сознаться,
Что Скампу дѣйствительно врядъ ли удастся
Успѣхъ столь завидный еще заслужить.
Позвольте, миссъ Лила, мнѣ вамъ предло-
жить

Кусочекъ фазана.

МИССЪ ЛИЛА.

Довольно. Кто хотеть
Читать нынче лекціи лѣтомъ?

БОТЕРВИ.

Хлопочеть

Объ этомъ Дикъ Дондеръ.

ИНКЕЛЬ.

О, онъ доживетъ

До этого вѣрно.

МИССЪ ЛИЛА.

А кто же впередъ
Сказать это можетъ?

ИНКЕЛЬ.

Онъ можетъ, конечно:
Онъ глупъ вѣдь, а глупые всѣ долговѣчны.
Мадеры налить мнѣ позвольте стаканъ.
лэди влюмонть.

Охотно.

ИНКЕЛЬ.

Что первый поэтъ здѣшнихъ странъ,
Скажите, Вордсвортъ, Виндермера Опора,
Все такъ же ль, какъ прежде, поетъ онъ
„Озера“?

Ихъ рыбъ и пѣвковъ? Онъ вѣренъ себѣ,
Какъ вѣренъ Гомеръ былъ Троянской борьбѣ.

лэди влюботль.

Онъ мѣсто имѣетъ.

ИНКЕЛЬ.

Лакея?

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ ВАЙРОНА.

лэди влюботль.

Стыдитесь,
И славнаго барда корить воздержитесь.

инкель.

Не думалъ я, право, обидѣть его.
Мнѣ жалко, напротивъ, лишь стало того,
Въ чью нынче ливрѣю поэтъ нарядился.
Разнощиковъ пѣлъ онъ всегда и глумился
Надъ столькимъ различнымъ, что шкуру
мѣнять

Пришлась ему нынче не первая стать.

лэди влюмонтъ.

Фи, полноте! если бъ злорѣчье такое
Услышалъ сэръ Джорджъ?

лэди влюботль.

Не тревожьтесь, пустое,
Вѣдь Инкель не можетъ иначе болтать.

сэръ ричардъ.

Но кѣмъ же сталъ Вордсвортъ?

инкель.

Быть можетъ, читать
Онъ лекціи началъ, какъ Скампъ?

лэди влюмонтъ.

Нѣтъ, гербовый
Доходъ онъ собираетъ.

трэси.

Ужели?

сэръ ричардъ.

Вотъ ново!

миссъ лила.

Какъ, какъ вы сказали?

инкель.

Онъ шляпы клеймомъ
Теперь украшаетъ и этимъ трудомъ
Прославленъ.

лэди влюмонтъ.

Прославленъ и такъ онъ до Ганга.

инкель.

А больше всего у пирожника Гранга.

лэди влюботль.

О, фи!

миссъ лила.

Постыдитесь.

лэди влюмонтъ.

Вы дерзки.

ботерби.

Такъ что жъ?

лэди влюмонтъ.

Какъ что?

лэди влюботль.

Успокойтесь; съ него что возьмешь?
Ботерби привыкъ такъ всегда выражаться.

лэди влюмонтъ.

Но это ужъ дерзко.

лэди влюботль.

Чему жъ удивляться?
Онъ колкости вовсе не думалъ сказать;
Спросите.

лэди влюмонтъ.

Нельзя ли отъ васъ намъ узнать,
Буквально ль должны мы понять ваше
мнѣнье?

инкель.

О! взвѣшивать онъ не привыкъ выраженья
И брякнетъ, что первое въ мысли взбре-
детъ.

ботерби.

Какъ, сэръ?

инкель.

Успокойтесь; вѣдь всякій возьметъ,
Что должно; а васъ я хотѣлъ лишь про-
славить
И васъ защититъ.

ботерби.

Не угодно ль оставить
Заботу объ этомъ; я все это самъ
Съумѣю исполнить.

инкель.

Отъ этого вамъ
Вѣдь лучше не будетъ. Повѣрьте, мой ми-
лый,

Не должно поэту до самой могилы
Ни слова въ защиту себѣ говорить.
Другъ лучше съумѣетъ его защититъ.
А кстати: придетъ ли конецъ ожиданьямъ
И вашимъ тяжелымъ, усерднымъ стараньямъ,

Чтобъ вашу піесу сыграли?

ботерби.

Сказать
„Конецъ“ вы изволили?

инкель.

Долго вѣдь ждать
Пришлось вамъ! Упорные слухи все ходятъ
Что будто-бы васъ... въ комитетъ... изво-
дятъ....

Что дѣлать! актеры бѣдовый народъ
И вкусъ ихъ такъ страненъ.

С И Н И Е Ч У Л К И.

БОТЕРБИ.

Молва вѣчно лжетъ:
Піеса одобрена всѣми и всюду.

ИНКЕЛЬ.

Конечно! недаромъ дивятся, какъ чуду,
Піесамъ вѣдь вашимъ. Вселяется страхъ
При чтеньи ихъ въ душу и ясность въ
умахъ,

Какъ греки бѣ навѣрно объ этомъ сказали.
Какъ вы, драматурга найдемъ мы едва ли.

БОТЕРБИ.

Я кончилъ въ піесѣ прекрасный прологъ;
А васъ бы просилъ написать эпилогъ.

ИНКЕЛЬ.

На это отыщется въ будущемъ время.
Вы роздали роли?

БОТЕРБИ.

Тяжелое бремя
Раздать ихъ: вступаютъ въ отчаянный
споръ

За роли актеры; а каждый актеръ
Надутъ самолюбьемъ. На сценѣ вѣдь это
Извѣстный порокъ.

ЛЭДИ ВЛЮБОТЛЬ.

Не забудьте билеты
На первое намъ представленье достать.

ТРЕСИ (Инкелю).

А будете ль вы эпилогомъ блистать?

ИНКЕЛЬ.

Не знаю; Ботерби готовъ одолженье,
Конечно, я сдѣлать; но даромъ лишь рвенье
Боюсь я потратить при этомъ.

ТРЕСИ.

А что жъ?

ИНКЕЛЬ.

Боюсь, что не будетъ довольно хорошъ
Онъ съ прочимъ въ сравненьи.

БОТЕРБИ.

О, въ этомъ спокойнымъ
Могу я вполне быть. Подспорьемъ достой-
нымъ

Трудъ Инкеля будетъ вездѣ и всегда.

ИНКЕЛЬ.

О мнѣ не заботьтесь; не вышла бѣда
Съ раздачей ролей вамъ; вотъ гдѣ, полагаю,
Трудиться вамъ надо.

ЛЭДИ ВЛЮМОНТЬ.

Вѣдь вы, сколько знаю,
Извѣстны какъ легкаго жанра поэтъ?

ИНКЕЛЬ.

Дѣйствительно, это мой главный предметъ.
Но вмѣстѣ бываю легокъ зачастую
Я на ноги также. Заслышавъ любую
Поэму Вордсворта иль Моути, бѣгу
Я вонъ изъ собранья, какъ только могу.

ЛЭДИ ВЛЮМОНТЬ.

Въ васъ вкусъ, какъ я вижу, не развитъ;
настанетъ

Пора, что хвалебною славой грянетъ
Весь міръ, чтобъ поэтовъ подобныхъ по-
читать

И злость современныхъ зоиловъ смирить.

ИНКЕЛЬ.

Міръ можетъ поэтовъ, какъ хочетъ, про-
славить;

Но все же меня ихъ хвалить не заставить.

ЛЭДИ ВЛЮБОТЛЬ.

Поэты лишь должное славой берутъ.

ИНКЕЛЬ.

О, эти все, что вы хотите, возьмутъ,
Мѣста, пенсіоны, подарки и взятки,
Отъ куша гиней до дырявой заплатки.
Но, впрочемъ, довольно объ этомъ болтать.

ЛЭДИ ВЛЮМОНТЬ.

Докажетъ вамъ время.

ИНКЕЛЬ.

Вы, Скампъ, что сказать
Объ этомъ найдете? Вы съ вида сердиты.

СКАМПЪ.

Поэтамъ я вашимъ не буду защитой;
Но надо сказать, что хорошее въ нихъ
Есть точно; хотъ взглядовъ ихъ общихъ,
пустыхъ

Никто не одобритъ.

ИНКЕЛЬ.

Такъ что жъ вы молчали?
На чтеньяхъ порядкомъ бы ихъ отщелкали.

СКАМПЪ.

О прежнихъ читаю поэтахъ лишь я.

ЛЭДИ ВЛЮБОТЛЬ.

Ну, полноте дуться; а что до меня,
Скажу вамъ, что правдой природы плѣ-
няюсь

Одной я; манерности жъ всякой чуждаюсь.
Да здравствуетъ геній природы—Шекспиръ!

БОТЕРБИ.

И вонъ Аристотеля!

ЛЭДИ ВЛЮМОНТЬ.

Тотъ же кумиръ

И Джорджа приводитъ всегда въ восхищеніе.
Онъ съ лэди Блюботль одинакаго мнѣнья.
А важный нашъ лордъ, въ комъ великій пѣвецъ

Нашель Мецената! О немъ, какъ отецъ,
Всегда онъ заботился: къ мѣсту пристроилъ
И барда вниманьемъ своимъ удостоилъ.
Разносчиковъ могъ на свободѣ воспѣть
Поэтъ нашъ и мирно къ Парнасу летѣть.

трэси.

Что скажете, Скампъ, вы?

скампъ.

Въ большемъ затрудненіи
Насчетъ я отвѣта.

инкель.

О! Скампова мнѣнья
Ждать будетъ напрасно. Вѣкъ цѣлый про-
велъ
Вѣдь онъ надъ разборомъ значенія всѣхъ
школъ,
Старинныхъ и новыхъ, и даже болтали,
Что школы, какія нигдѣ не бывали,
Равно досконально извѣстны ему.

трэси.

Прійти мы должны къ заключенію тому,
Что глупы противники тѣ иль другіе;
Но только которые?

инкель.

Знать бы, какіе
Не *глупы* изъ тѣхъ и другихъ, я хотѣлъ.
Кто эту задачу рѣшить бы умѣлъ,
Отъ многихъ насъ могъ бы догадокъ изба-
вить.

лэди влюботль.

Прошу васъ злословіе, Инкель, оставить.
Смущать не хочу я нашъ „праздникъ ума“.
Не правда ль, Ботерби? Скажу, что сама
Я чувствую нынче себя такъ довольной,
Что рада въ эвиръ бы умчаться приволь-
ный!

инкель.

Эй, Трэси! окошко скорѣ открой!

трэси.

За лэди я радуюсь всею душой.

ботерби.

О, лэди Блюботль! не давайте остынуть
Такому волненію и душу покинуть
Подобнымъ мечтамъ! Гѣдко жребій земной
Дарить слабыхъ смертныхъ минутой такой!
Насъ въ высшія сферы она увлекаетъ
И душу надъ бренной землей возвышаетъ!
За чувства такія герой Прометей

Прикованъ къ скалѣ былъ ужасной своей!
Такія мгновенья къ сознанью приводятъ
Прекраснаго душу! На землю низводятъ
Къ намъ небо въ тотъ сладкій торжествен-
ный день!

Души нашей душу мы видимъ въ нихъ!
Тѣнь

Прекраснаго въ нихъ получаетъ реальность!
Небесную видимъ мы въ нихъ идеальность!..

инкель.

Позвольте стаканчикъ вина вамъ налить.

ботерби.

О, нѣтъ, до обѣда не буду я пить.

инкель.

Вы къ сэру вѣдь Гомфри обѣдать пойдете?

трэси.

Иль къ *герцогу* Гомфри? Вы лучшій найдете
Пріемъ тамъ.

инкель.

Промчался временъ тѣхъ и слѣдъ;
Помѣщика сытный, хорошій обѣдъ
Милѣ поэту теперь, чѣмъ всѣ эти
Обѣды у знатныхъ въ блистающемъ свѣтѣ.
Поэтъ нынче къ взгляду иному пришелъ
И, кромѣ издателя, сядетъ за столъ
Со всякимъ. Но время: я въ паркѣ съ
друзьями
Далъ слово быть въ пятомъ часу.

трэси.

Вмѣстѣ съ вами
И я погуляю до сумерекъ тамъ.
Вы, Скампъ, не пойдете ль?

скампъ.

Нѣтъ, долженъ я вамъ
Признаться, что къ лекціи будущей надо
Готовить свои мнѣ замѣтки.

инкель.

Для взгляда
На столь деликатный и нѣжный предметъ,
Конечно, готовиться долженъ поэтъ.

лэди влюботль.

Такъ кончить мы можемъ теперь засѣданье.
Вамъ всѣмъ говорю, господа: до свиданья!
На ужинъ миссъ Диддель звала нынче насъ.

инкель.

Сойдемся въ глубокой, полуночный часъ
Мы, значитъ, всѣ снова; наукъ окажемъ
Шампанскимъ какъ слѣдуетъ честь.

С И Н І Е Ч У Л К И.

трэси.

Салатъ изъ омаровъ.

ботерви.

Я ужинъ люблю;
Я быстро за нимъ вдохновенье ловлю.

инкель.

Питаеть дѣйствительно онъ вдохновенье;
Жаль только желудка плохого варенье
Исправить не можетъ.

лэди влювотль.

О, въ этомъ большой
Бѣды я не вижу; за мигъ золотой

И закажемъ

Мечты поэтической пожертвовать рада
Я всѣмъ, чѣмъ хотите.

инкель.

Скрыть часто намъ надо
Послѣдствія ужина вмѣстѣ съ мечтой
И ихъ про себя лишь таить предъ толпой.
Вотъ ваша карета.

сэръ ричардъ (*въ сторону*).

О, если бъ хоть часть я
Меня посѣтившаго злого несчастья
На плечи всей этой оравъ взвалилъ,
Узнали бъ, какъ счастливъ въ женитьбѣ
я былъ!

А. Соколовскій.





КАИНЪ.

Въ 1817 г. появился „Манфредъ“, а 9 сентября 1821 г. Байронъ окончилъ въ Равеннѣ драматическій pendant къ этой великой поэмѣ—своего „Каина“.

Какъ ни силенъ былъ шумъ, подымавшійся въ двухъ противоположныхъ „лагеряхъ“ при появленіи каждаго новаго произведенія Байрона (особенно послѣ его отъѣзда изъ Англіи), но ни одно изъ нихъ не вызвало такого взрыва, какимъ сопровождалось созданіе „Каина“,—взрыва восторговъ, благоговѣйнаго изумленія съ одной стороны и негодованія, даже формальныхъ проклятій—съ другой. Между тѣмъ какъ благороднѣйшіе и возвышеннѣйшіе умы Англіи и Европы—въ томъ числѣ и Гете, всегда признававшій автора „Манфреда“ величайшимъ поэтомъ своего времени—между тѣмъ какъ они привѣтствовали „мистерію“ (какъ озаглавилъ Байронъ своего „Каина“) какъ одинъ изъ геніальнѣйшихъ продуктовъ геніальнаго творчества,—въ станѣ тѣхъ, которые давно уже видѣли въ Байронѣ исчадіе ада и главу „сатанинской школы“, происходило неистовое волненіе другого рода. „Эта мистерія, — писало издателю „Каина“, Мёррею, одно высокопоставленное духовное лицо, — которою вы нанесли всѣмъ намъ оскорбленіе, есть не что иное, какъ отрывокъ изъ повѣстей Вольтера и самыя непозволительныя статьи изъ „Словаря“ Бейля, преподаенныя въ неуклюжихъ десятисложныхъ кусочкахъ, чтобъ этимъ придать имъ видъ поэзіи“. Еще гораздо рѣзче отозвался о „Каинѣ“ авторъ брошюры, которая была въ то же время и его проповѣдью въ церкви—подъ заглавіемъ „Сочиненія Байрона, разсмотрѣнная по соотношенію ихъ съ христіанствомъ и обязанностями общественной жизни“. Здѣсь поэтъ (и это уже далеко не въ первый разъ!) изображался какъ „противоестественное существо, которое, исчерпавъ всѣ виды чувственныхъ наслажденій

и испивъ чашу грѣха до ея горьчайшихъ капель, рѣшился теперь показать, что онъ уже не человѣкъ—даже въ своихъ слабостяхъ, а холодный, ко всему равнодушный дьяволъ“. Подобныхъ обвиненій—и въ печати, и съ церковныхъ кафедръ—было не мало; „наши священники—писалъ Байронъ Т. Муру—проповѣдуютъ объ этомъ отъ Оксфорда до Пизы—эти негодяи и проповѣдники, которые вредятъ религіи больше, чѣмъ всѣ невѣрные, забывшіе все, что они учили въ своихъ катехизисахъ“. Враждебная оппозиція обнаружилась и въ правительственныхъ сферахъ. Король Георгъ IV публично выразилъ свое неудовольствіе по поводу „богохульства и развращенности въ сочиненіяхъ Байрона“. Когда, скоро послѣ напечатанія „Каина“, нѣкто Бенбоу сдѣлалъ противозаконную перепечатку этого произведенія, издатель Мёррей обратился къ лорду-канцлеру съ просьбой объ охранѣ его права собственности запрещеніемъ перепечатки и для характеристики „Каина“ съ нравственной и религіозной стороны сослался на „Потерянный Рай“ Мильтона. Но судъ, въ лицѣ лорда-канцлера и жюри, нашелъ эту ссылку неосновательной, такъ какъ „великая цѣль поэмы Мильтона состояла въ содѣйствіи преуспѣянію христіанства, уваженію къ нему“, а цѣль Байрона „была далеко не такая невинная“. И Мёррею было отказано въ его ходатайствѣ... Что касается до одобреній въ другомъ лагерѣ, то достаточно указать: на Гете, сказавшаго (правда, уже значительно позже), что „красота этого произведенія такая, какой не увидѣтъ міру во второй разъ“; на замѣчаніе Т. Мура, что „Каинъ“ Байрона „глубоко западаетъ въ міровое сердце, и если многіе дрогнуть отъ его кажущагося богохуленія, то всѣ падутъ ницъ передъ его величіемъ“; на слова Шелли: „Каинъ апокалиптиченъ; эта драма — откровеніе,

какое до сихъ поръ никогда еще не было сдѣлано людямъ"; на письмо къ Мёррею В. Скотта (которому Байронъ посвятилъ „Каина“), въ которомъ эта драма признается „очень великой и ужасающей“, произведеніемъ, гдѣ „Муза совершаетъ такой полетъ, какой не удавался ей ни въ одномъ изъ своихъ прежнихъ воспареній“, и гдѣ Байронъ является побѣдителемъ Мильтона.

Почувствовалъ ли себя Байронъ задѣтымъ и оскорбленнымъ нападками ханжей и цѣломудренныхъ блюстителей нравственности, или—что вѣрнѣе предположить—въ цѣляхъ болѣе матеріальнаго свойства, но онъ сталъ оправдываться отъ взводимыхъ на него обвиненій. „Такіе же вопли—писалъ онъ къ одному изъ своихъ друзей—подымались противъ Пристля, Юма, Гиббона, Вольтера и всѣхъ державшихъ касаться этихъ вопросовъ... Если „Каинъ“ богохуленъ, то богохуленъ и „Потерянный Рай“; слова „Зло, будь моимъ добромъ“ находятся вѣдь въ этой поэмѣ и произносятся Сатаной; а развѣ говорить что нибудь больше Люциферъ въ моей мистеріи?..—„Относительно религіи—говоритъ онъ въ другомъ письмѣ—неужели же я не могу убѣдить васъ, что у меня нѣтъ тѣхъ воззрѣній, которыя вложены въ уста моихъ дѣйствующихъ лицъ и, повидимому, привели въ ужасъ всѣхъ! что они всетаки ничто въ сравненіи съ выраженіями въ „Фаустѣ“ Гете (которыя въдесятеро рѣзче) и отнюдь не сильнѣе рѣчей Сатаны Мильтона?.. Подобно всѣмъ людямъ воображенія (imaginative men), я неизбѣжно воплощаюсь въ данный характеръ въ то время, когда изображаю его, но ни на одну минуту послѣ того, какъ положилъ перо. Я отнюдь не врагъ религіи—напротивъ. Доказательство въ томъ, что свою дочь я воспитывалъ какъ строгую католичку въ одномъ изъ монастырей, ибо я думаю, что у людей никогда не можетъ быть достаточно религіи, если ужъ необходимо имъ имѣть религію вообще. Собственно я очень склоненъ къ доктринамъ католическимъ; но если я пишу драму, то долженъ заставлять говорить то, что по моему замыслу слѣдуетъ говорить...“

О томъ, насколько были искренни эти заявленія религіознаго или, вѣрнѣе, католическаго характера, насколько они совмѣстимы съ тѣмъ, что составляетъ коренную сущность „Каина“—будетъ рѣчь ниже.

Фундаментъ, на которомъ построена эта потрясающая трагедія человѣческой жизни—извѣстный рассказъ Библии о грѣхопадении. Библия съ раннихъ лѣтъ, даже съ дѣтства Байрона составляла (какъ и у Гете) одну изъ его любимыхъ книгъ, привлекая его конечно прежде всего своею поэтической стороною. Въ сжатомъ и сухомъ повѣствованіи первой книги Моисея о прегрѣшеніи первыхъ людей и его послѣдствіяхъ нашелъ онъ богатый матеріалъ для выраженія поэтической рѣчью тѣхъ вопросовъ, которые волновали его уже въ юношескіе годы и затѣмъ все сильнѣе и сильнѣе овладѣвали его умомъ и сердцемъ. Добро и зло, тайна смерти, обреченіе человѣчества на вѣчное страданіе—все это давало такую обильную и благодарную пищу тому, кто уже по органическимъ свойствамъ своей натуры былъ поэтомъ „мировой скорби“ въ ея высшемъ проявленіи, кто уже въ 1806 г., т. е. когда ему было всего восемнадцать лѣтъ, въ своемъ чисто-деистическомъ, даже пантеистическомъ стихотвореніи „Молитва Природы“, размышлялъ о смерти всѣхъ людей за грѣхъ одного (т. е. о томъ, что мучило его Каина) и относился враждебно къ догматической сторонѣ религіи... Собственно фактическую часть авторъ „Каина“ заимствовалъ изъ рассказа Библии только во второй его половинѣ—послѣ изгнанія Адама и Евы изъ рая, измѣнивъ эту часть въ нѣкоторыхъ подробностяхъ: Каинъ убиваетъ Авеля не въ полѣ, нѣсколько времени спустя послѣ жертвоприношенія (какъ въ Библии), а во время жертвоприношенія; Каинъ, по Библии дѣлающійся отцомъ семейства уже послѣ убіенія Авеля и ухода въ изгнаніе, у Байрона сожительствуетъ со своею сестрою Адой и имѣетъ отъ нея дѣтей до совершенія преступленія; разговоръ съ Каиномъ—убійцею ведетъ и клеймо проклятія налагаетъ на него не Богъ, какъ въ Библии, а посланный для этого Богомъ ангелъ; страшное проклятіе Евы въ Библии не находится, оно—сочиненіе Байрона.

Судя по тому, что „Каинъ“ названъ „мистеріей“ и что авторъ въ предисловіи ставитъ такое заглавіе „въ соотвѣтствіе съ старыми заглавіями, которыя давались пьесамъ на подобные сюжеты, называвшимся Mysteries или Moralities“—можно бы предположить, что эти древнія произведенія въ драматической формѣ служили для Байрона также источникомъ, по крайней мѣрѣ относительно содержанія, фабулы. Но о зна-

комствъ автора „Каина“ съ мистеріями (большею частью средневѣковыми) въ подлинникъ или переводъ нѣтъ свѣдѣній ни у одного изъ біографовъ поэта равно какъ и въ его собственныхъ письмахъ, дневникахъ и т. п., тѣмъ болѣе, что одинъ изъ главныхъ сборниковъ мистерій на эту тему (Towneley Mysteries) былъ впервые напечатанъ уже послѣ смерти поэта; онъ могъ узнать о нихъ изъ разныхъ, посвященныхъ этому предмету сочиненій, каковыми одни изслѣдователи называютъ Dodsley Slays, другіе „Исторію англійской поэзіи“ Вартона и т. д. А что общій характеръ ихъ былъ ему извѣстенъ, это видно изъ словъ предисловія къ „Каину“: „отноудъ не позволилъ себѣ я тѣхъ вольностей съ сюжетомъ, которыя обыкновенно допускались въ прежнее время въ этихъ весьма свѣтскихъ по характеру произведеніяхъ въ Англіи, Франціи, Италіи, Испаніи“, или изъ его письма къ Мѣррею, гдѣ читаемъ: „я старательно избѣгалъ вывести на сцену самого Бога, на что были такъ щедры древнія мистеріи“. Но еслибы эти послѣднія и были знакомы Байрону во всѣхъ ихъ подробностяхъ, то о вліяніи ихъ на внутренній смыслъ „мистеріи“ поэта не можетъ быть и рѣчи, точно такъ же какъ осталась безъ всякаго вліянія въ этомъ отношеніи на „Фауста“ Гете „Кукольная комедія о Фаустѣ“, откуда онъ заимствовалъ часть своего сюжета. Во-первыхъ, въ тѣхъ представленіяхъ этого рода, гдѣ выводится на сцену Каинъ, главное, почти исключительное, мѣсто занимаетъ только братоубійство. Во-вторыхъ, дѣйствіе въ нихъ имѣетъ чисто внѣшній характеръ и психологическая сторона совершенно отсутствуетъ. Въ третьихъ, тѣ „вольности“, о которыхъ говоритъ Байронъ въ своемъ предисловіи, въ высшей степени грубы и находятся въ полномъ соотвѣтствіи съ низменными вкусами той публики, которая составляла главный контингентъ зрителей на этихъ спектакляхъ. Извѣстно, что средневѣковая мистерія, въ началѣ своего существованія представлявшая собою не что иное, какъ пересказъ въ діалогической формѣ библейскихъ и евангельскихъ повѣствованій, безъ какихъ бы то ни было добавленій и измѣненій, съ теченіемъ времени восприняла въ себя, въ видѣ вставокъ и интермедій и т. п., грубо комическій, часто даже балаганный элементъ, вторгавшійся даже въ такія произведенія, какъ мистеріи о страданіяхъ и смерти Спасителя; этотъ

же народный или, вѣрнѣе, простонародный комизмъ—иногда, правда, очень здоровый и мѣткій (припомнимъ здѣсь аналогическія комедіи Плавта)—даетъ себѣ полный просторъ во многихъ мистеріяхъ о грѣхопадении и его послѣдствіяхъ. Каинъ въ нихъ простой мужикъ, скупой, завистливый, грубый, непочтительно обращающійся даже съ самимъ Господомъ Богомъ *); послѣ убіенія Авеля онъ не идетъ блуждать по свѣту съ клеймомъ проклятья на челѣ, а объявляетъ почтеннѣйшей публикѣ, что отправляется поневолѣ къ дьяволу въ лапы. При такой постановкѣ характера Каина въ мистеріи и при внѣшнемъ сюжетѣ ея представляется странною и праздною даже попытка дѣлать сравненіе ея съ трагедіей Байрона—не только съ художественной точки зрѣнія, но и со стороны чисто историко-литературной.

Въ предисловіи къ „Каину“ поэтъ упоминаетъ еще о поэмѣ Геснера „Смерть Авеля“, которую онъ читалъ еще восьми-лѣтнимъ ребенкомъ и изъ которой помнилъ только то, что она ему очень нравилась, а изъ подробностей—что у Геснера жена Каина звалась Магала, жена Авеля—Тирза. „Нравилась“ она ему однако довольно странно, потому что много лѣтъ спустя онъ рассказывалъ своему пріятелю Медвину: „Поэма Геснера „Авелъ“ была одна изъ первыхъ книгъ, которыя читалъ со мной мой нѣмецкій учитель; и между тѣмъ какъ онъ проливалъ горькія слезы надъ каждой страницей, мнѣ приходило на мысль, что всякому другому, кромѣ Каина, едва ли можно было бы вмѣнить въ преступленіе, если бы онъ избавилъ міръ отъ такого скучнаго малаго, какимъ сдѣлалъ Геснеръ его брата Авеля“. Дѣйствительно, скучнѣе этой сентиментально-идиллической и богословски-назидательной поэмы трудно представить себѣ что нибудь; центръ тяжести лежитъ въ богобоязненномъ, пасторски добродѣтельномъ Авелѣ, а Каинъ—дюжинная грубая натура, отличительное свойство которой—зависть къ Авелю по побужденіямъ чисто матеріальнаго свойства. Выведенъ здѣсь на сцену и демонъ-соблазнитель; но этотъ Анамелехъ—тоже созданіе совсѣмъ дюжинное, грубо-лукавое, трусливое, побуждающее Каина убить брата только для того, чтобы самому прославиться въ аду между своими собратьями-дьяволами ка-

*) Cp. Lord Byron's Cain und seine Quellen, von Alfred Schaffner, Strassburg, 1880.

кимъ нибудь особенно гнуснымъ дѣломъ *). Само собой разумѣется, что для Байрона при созданіи „Каина“ сочиненіе нѣмецкаго моралиста не имѣло ровно никакого значенія.

Ссылается также Байронъ въ томъ же предисловіи на „Потерянный Рай“ Мильтона, говоря, что не читалъ его съ двадцатилѣтняго возраста (а „Каинъ“ написанъ въ то время, когда автору было 33 года); „но—прибавляетъ онъ—я до этого читалъ его такъ часто, что это все равно“. Соприкосновеніе и нѣкоторая близость этихъ двухъ произведеній заключаются главнымъ образомъ въ изображеніи тамъ и тутъ падашаго духа—у Байрона Люцифера, у Мильтона Сатаны—и затѣмъ въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, каковы разговоръ Каина и Люцифера въ аду и бесѣда (у Мильтона) между архангеломъ и Адамомъ при изгнаніи прародителей изъ рая, и воздушные полеты Люцифера и Сатаны. О сходствѣ между этими двумя „бунтовщиками“ противъ управляющей міромъ Высшей Силы мы будемъ говорить ниже, при характеристикѣ Байроновскаго „Каина“; но какъ бы то ни было, допуская даже нѣкоторое вліяніе творца „Потеряннаго Рая“ на создателя „Каина“, этимъ ни мало не умаляется полная самостоятельность „Мистеріи“ Байрона, тѣмъ болѣе, что Мильтоновскій Сатана, при всемъ его величіи, блѣднѣетъ и принижается при сопоставленіи его съ Байроновскимъ Люциферомъ.

Упоминается наконецъ въ предисловіи о „трамелогедіи“ Альфіери „Авель“, которой однако Байронъ, по его словамъ, никогда не читалъ; тѣ же, которые знакомы съ этимъ, довольно слабымъ произведеніемъ знаменитаго итальянскаго поэта, могутъ засвидѣтельствовать, что между „Авелемъ“ Альфіери и Байроновскимъ „Каиномъ“ нѣтъ ровно никакого сходства.

Фундаментъ „Каина“—какъ уже сказано нами—составляетъ рассказъ Библии о грѣхопадении. Философскій характеръ трагедіи совсѣмъ не вяжется съ тѣмъ, что поэтъ, повидимому, принимаетъ передаваемое въ библейскомъ рассказѣ за положительный фактъ, а не за поэтическую легенду, влагая въ уста своего Каина воззрѣ-

ніе на страданіе человѣчества, какъ на послѣдствіе грѣха, совершеннаго его родителями. Но Байронъ писалъ не философскую диссертацию; мыслитель-поэтъ заслонялъ въ немъ философа въ общепринятомъ значеніи этого слова, и библейское повѣствованіе (на строгомъ слѣдованіи которому онъ однако почему-то не особенно настаивалъ) служило для него только, такъ сказать, одеждою, въ которую онъ облакалъ свои поэтически-философскія мысли. Гете усматривалъ въ исходной точкѣ мыслей Каина (т. е. самого Байрона) о вѣчномъ страданіи человѣчества полемическую сторону: возстаніе сына перваго человѣка противъ догматизма Библии, ставившаго первородный грѣхъ причиною и источникомъ этого страданія; но врядъ ли такое чисто религиозное соображеніе руководило поэтомъ въ данномъ случаѣ.

Въ библейской легендѣ Байронъ нашель тѣ мотивы, которые какъ нельзя больше подходили къ его собственнымъ пессимистическимъ воззрѣніямъ на человѣческую жизнь и между ними, прежде всего—указаніе на смерть, какъ на неизбѣжную, таинственно страшную развязку человѣческаго существованія. Мысль о смерти, о превращеніи человѣка въ ничто наиболѣе угнетаетъ Каина, хотя онъ, до встрѣчи съ Люциферомъ, не видѣлъ ея и только по словамъ отца, да слезамъ матери знаетъ, что это—нѣчто ужасное. На вопросъ Адама: „Развѣ ты не живешь?“ (за что, по его мнѣнію, надо благодарить Бога), Каинъ отвѣчаетъ: „А развѣ я не долженъ умереть?“—Онъ „живетъ, чтобъ умереть“—и сознаніе это тѣмъ ужаснѣе, что въ немъ непоколебимо живетъ „подлый, но непобѣдимый инстинктъ жизни“, котораго онъ, несмотря на отвращеніе къ нему, не можетъ преодолѣть. И однако, въ виду этой неизбѣжной развязки жизни—необходимость работать, чтобъ жить. Но почему же онъ осужденъ трудиться? Это новый „проклятый вопросъ“, тяжело лежащій на его душѣ. Окружающіе говорятъ ему, что это воля Творца вселенной, который „благъ“,—воля, которой, слѣдовательно, должно покоряться. Но ему ли, олицетворенію титанической гордости и независимости, удовлетворяться мыслью о необходимости подчиненія волѣ кого бы то ни было, даже этой Высшей Силы, управляющей міромъ. Если онъ несетъ на себѣ это незаслуженное иго, если насильственно не сбрасываетъ его, то только потому, что лишенъ физической возможности совершить

*) Cp. L. Byron's mystery «Cain» and its relation to Milton's «Paradise Lost», and Gessner's «Death of Abel» von Fr. Blumenthal. Oldenburg, 1891.

это самоосвобождение; покорность его только вынужденная, она ничто иное, какъ „уступка проклятью“. Если не за что ему быть благодарнымъ, то еще больше не за что быть покорнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, за что покоряться?

..... За борьбу
Съ стихіями, враждующими съ нами?
За этотъ горькій хлѣбъ, что мы ѣдимъ?

Это мрачное воззрѣніе усиливается мыслью, что такая жизнь—вѣчный удѣлъ человѣчества. То, о чемъ всегда размышляло мыслящее человѣчество, что высказывалось еще древнѣйшими поэтами, что резюмировалось изреченіемъ „лучше не родиться, чѣмъ жить, чтобъ мучиться и въ концѣ концовъ умереть“, терзаетъ и байроновскаго Каина. При взглядѣ его на своего безмятежно спящаго ребенка, при рождающейся въ немъ при этомъ мысли, что въ этомъ маленькомъ существѣ „таится сѣмя мириадъ на вѣчныя страданія обреченныхъ“, онъ приходитъ къ заключенію, что младенецъ „былъ бы счастливымъ, еслибъ я вотъ взялъ его, средь сна его теперь, и раздробилъ о камни, чѣмъ остаться жить... жить для тѣхъ мученій, которыя онъ долженъ переносить и—(что больше всего приводитъ въ ужасъ Каина)—завѣщать“—завѣщать всѣмъ его потомкамъ до скончанія вѣковъ...

Естественно, что все это заставляетъ неустанно работать его мысль, непрерывно чувствовать „гнетъ мышленія“, анализа, т. е. того, на чемъ зиждется вся поэзія міровой скорби. Какъ душа близнеца Каина, Манфреда, есть душа „мучимая терзаніемъ мысли безконечной, ничѣмъ неотразимой“,—какъ нѣсколько времени спустя, Леопарди, одного изъ самыхъ крупныхъ поэтовъ этой же категоріи, „дѣлало, по его словамъ, несчастнымъ державшее его въ своей власти мышленіе“—такъ и для Байроновскаго Каина мышленіе—главный источникъ его внутреннихъ терзаній, соединенный съ такою же мучительной жаждой знанія, или, вѣрнѣе говоря, вызывающей ее. Этотъ гнетъ тѣмъ болѣе невыносимъ для него, что онъ (опять какъ Манфредъ, какъ вообще всѣ герои Байрона) одинокъ; онъ „мыслить въ тиши и молча, и эту муку несетъ одинъ“, не встрѣчая ни въ одномъ изъ окружающихъ его, т. е. въ своей семьѣ, „созданья, которое сочувствовало бы ему“; даже Ада, которую онъ нѣжно любитъ и которая отвѣчаетъ ему тѣмъ же, не можетъ быть его товарищемъ въ его

внутреннемъ мірѣ, потому что она способна только любить и... вѣрить... И ему, подобно тому, какъ это было съ Манфредомъ и Фаустомъ, остается только вступить въ сообщество съ духами. Въ этомъ-то настроеніи онъ встрѣчается съ Люциферомъ.

Люциферъ, какъ мятежный духъ, возставшій противъ сотворившей міръ Высшей Силы—лицо, уже съ древнѣйшихъ временъ, подъ разными наименованіями, служившее предметомъ творчества поэтовъ. Первообразомъ, прототипомъ этихъ „бунтовщиковъ“ явился Эсхилловскій Прометей въ его титанической борьбѣ съ Зевсомъ; за нимъ пошли—(мы называемъ только самыя выдающіяся созданія въ этомъ родѣ)—Абадонна Клопштока, Сатана Мильтона, Прометей Шелли, Люциферъ Байрона; даже добродѣтельнаго Геснера сблизилъ этотъ типъ, представленный имъ въ образѣ Анамелеха; и въ новѣйшее время, уже послѣ Байрона, мы встрѣчаемся съ нимъ—въ „Трагедіи Человѣчества“ венгерскаго поэта Мадача и въ знаменитой „Fin de Satan“ В. Гюго. Передъ Байрономъ, въ созданіи его Люцифера, несомнѣнно виталъ образъ Эсхилловскаго „Прометея“, съ которымъ онъ познакомился еще въ дѣтствѣ и который уже тогда какъ нельзя болѣе гармонировалъ съ его органическимъ внутреннимъ настроеніемъ. Въ лирическомъ отрывкѣ „Прометей“ это вліяніе отразилось въ нѣсколькихъ общихъ чертахъ; въ „Каинѣ“ оно вылилось въ совершенно опредѣленную, титанически-грандіозную форму. Не споримъ, что и Сатана Мильтона далъ нѣкоторый матеріалъ Байрону, какъ стараются напримѣръ доказать Шафнеръ въ вышеупомянутомъ изслѣдованіи объ источникахъ „Каина“; но Байроновскій Люциферъ—созданіе до такой степени самостоятельное, до такой степени въ своей коренной сущности отличное отъ своихъ предшественниковъ, что если можетъ быть здѣсь рѣчь о вліяніи, то развѣ о вліяніи самаго образа, типа, а ужъ никакъ не поэтовъ, этотъ типъ обрабатывавшихъ. Начать съ того, что и Эсхиль со своимъ Прометеемъ, и Мильтонъ со своимъ Сатаной стоятъ на религіозной почвѣ (мы имѣемъ въ виду только эти два созданія, оставляя въ сторонѣ Клопштоковскаго Абадонну, слезно раскаявающегося въ своихъ прегрѣшеніяхъ и жаждущаго вернуться на путь добродѣтели, а тѣмъ болѣе—Геснеровскаго Анамелеха, трусливаго и подленькаго дьявола самаго низменнаго сорта). У Эсхила Про-

метей кончаетъ тѣмъ, что смиряется передъ Зевсомъ; у Мильтона сквозь независимость и широкую либеральность воззрѣній очень явственно пробивается по временамъ церковность строгаго пуританина и, какъ удачно замѣчаетъ одинъ критикъ, „догматизмъ то тутъ, то тамъ внезапно наноситъ ему ударъ въ затылокъ и внушаетъ ему мысль, что онъ, пожалуй, сказалъ ужъ черезъ-чуръ много *in majorem diaboli gloriam* и долженъ поскорѣе заглазить этотъ промахъ“. Ничего подобнаго нѣтъ у Байрона.

Подобно Фаусту и Мефистофелю Гете Люциферъ и Каинъ составляютъ какъ бы двѣ ипостаси одного и того же лица. То, что отчасти смутно, въ видѣ вопроса, шевелится въ умѣ и сердцѣ Каина, пока онъ остается только Каиномъ, находитъ себѣ опредѣленное, ясное выраженіе, когда онъ становится Каиномъ-Люциферомъ, т. е. во второмъ, послѣднемъ періодѣ своего развитія; изъ соединенія этихъ двухъ мировоззрѣній образуется, если можно такъ выразиться, та теорія пессимизма, поэтическимъ изложеніемъ которой является вся мистерія. Величавое олицетвореніе безгранично-свободной мысли, ея „апостоль“, прямо и свободно борющійся со своимъ божественнымъ противникомъ, Люциферъ поэтому и считаетъ себя родственнымъ съ этимъ свободомыслящимъ и презирающимъ покорность Каиномъ; что Каинъ между людьми, то онъ, по его же словамъ (въ знаменитомъ монологѣ о его божественномъ противникѣ), между духами. Для него, стремящагося къ созиданію (это видно изъ того, что онъ насмѣшливо называетъ Бога „разрушителемъ“) важнѣе всего истина; только ею онъ готовъ „соблазнять людей“, ибо всякій другой соблазнъ представляется ему мелкимъ, недостаточнымъ—оттого Байронъ, находя себѣ оправданіе въ библейскомъ разсказѣ, особенно настаиваетъ на томъ, что искушителемъ Адама и Евы явился змѣй, настоящій змѣй, а не падшій духъ. Люциферъ „знаетъ все и не страшится ни передъ чѣмъ“—и въ этомъ, по его словамъ, заключается истинное знаніе. Исходя изъ такого взгляда, великое значеніе придаетъ онъ разуму, т. е. тому, что сдѣлалось альфой и омегой, единственнымъ законодателемъ 18-го вѣка, прямымъ сыномъ котораго былъ Байронъ, а съ нимъ и главныя дѣйствующія лица его мистеріи. Разумъ признаетъ Люциферъ „единственнымъ добрымъ даромъ, полученнымъ человѣкомъ

отъ роковаго яблока“—и этотъ даръ необходимо хранить, такъ сказать культивировать; необходимо тщательно блюсти, чтобъ этотъ разумъ „не подчинялся господству тираническихъ угрозъ и не принималъ вѣроувереній, противорѣчащихъ внѣшнимъ чувствамъ и внутреннему убѣжденію... Умѣйте—говоритъ свободный духъ людямъ въ лицѣ Каина—умѣйте мыслить и страдать и создавайте себѣ въ вашей душѣ внутренній міръ, когда міръ внѣшній не удовлетворяетъ васъ; такимъ путемъ вы приблизитесь къ природѣ духовной и будете побѣдоносно бороться съ вашей собственной“.

Къ нему, какъ къ духу, обращается Каинъ за разрѣшеніемъ тѣхъ сомнѣній, на которыя нѣтъ отвѣта для него у людей; онъ проситъ „открыть ему тайну его существованья“; онъ готовъ исчерпать область знанія, готовъ взглянуть въ лицо смерти, готовъ на все, лишь бы получить какой нибудь опредѣлительный отвѣтъ на волнующіе его вопросы. И летятъ они въ тѣ міры, которые несравненно громаднѣе того, гдѣ живетъ Каинъ. Поэтически примѣняя теорію Кюппе о нѣсколькихъ переворотахъ міра, совершившихся до сотворенія человѣка, поэтъ заставляетъ Люцифера показать своему спутнику существовавшихъ до этого не только чисто стихійныхъ и животныхъ созданий, но и интеллектуальныхъ и нравственныхъ; цѣль Люцифера въ этомъ обзорѣ—дать Каину увидѣть „судьбу міровъ минувшихъ, настоящихъ и будущихъ, которымъ нѣтъ числа“. Для достиженія этой цѣли онъ пролетаетъ съ Каиномъ по тѣмъ высочайшимъ пространствамъ, откуда земля кажется ничтожнымъ шарикомъ, онъ вводитъ его и въ жилище смерти—адъ... Каинъ видитъ здѣсь воочию то, о чемъ говорилъ ему духъ—что все это, какъ и ничтожный человѣкъ (т. е. тотъ же Каинъ), „живетъ, бѣдствуетъ, обречено на смерть“; что одинъ изъ законовъ существованія, какъ плодъ запрещеннаго древа познанія добра и зла—„война со всѣми тварями, смерть тварямъ, и до послѣдней твари всѣмъ печаль, болѣзни, слезы, гнетъ“; что все бывшее стало прахомъ и что такъ будетъ всегда, въ будущемъ..

Какой же результатъ этого путешествія? Съ чѣмъ вернется Каинъ въ тотъ міръ, гдѣ, по словамъ Люцифера, ему предстоитъ умножать родъ Адама, ѣсть, пить, терпѣть, работать, трепетать, смѣяться, плакать, спать—и умереть? Результатъ печальный, безотрадно мрачный: изъ созерцанія всего

видѣннаго сынъ земли выносить убѣжденіе, что онъ—ничто, убѣжденіе, которое и хотѣлъ поселить въ немъ Люциферъ, убѣжденіе, къ которому, по воззрѣнію этого послѣдняго, въ концѣ концовъ должно приводить все знаніе человѣческое; и эту „науку“ просвѣтитель Каина совѣтуетъ ему завѣщать своимъ дѣтямъ, „для избавленія ихъ отъ многихъ золъ“. Естественно, что онъ возвращается еще болѣе озлобленнымъ, чѣмъ прежде, съ полнымъ отчаяніемъ въ возможности утолить живущую въ немъ жажду добра, съ гуманнымъ отчаяніемъ не столько за себя, сколько за грядущія поколѣнія... И въ этомъ настроеніи застаётъ его Авель, и тутъ происходитъ та „превосходно мотивированная“ (по замѣчанію Гете) сцена жертвоприношенія, которая дѣлаетъ первымъ убійцею того, кому мысль о смерти всегда внушала такой непреодолимый ужасъ. „Да будетъ миръ съ нимъ“ (съ Авелемъ)—говоритъ Ада; „но будетъ ли онъ со мною“, восклицаетъ Каинъ—и въ этихъ трехъ заключительныхъ словахъ трагедіи (but with me!), по словамъ Гете, передающему въ этомъ случаѣ замѣчаніе одной „умной женщины“, которое онъ вполнѣ раздѣляетъ—въ этихъ трехъ словахъ „содержится все, что могло бы быть сказано въ мірѣ религиозно и нравственно“. Проклятый Богомъ и родною матерью, Каинъ уходитъ въ изгнаніе, выразивъ въ своемъ

раскаяніи всю свою безпредѣльную любовь къ человѣчеству въ лицѣ погибшаго отъ его руки брата.

Ни въ одномъ изъ произведеній Байрона міровая скорбь не нашла себѣ такого полного, всесторонняго и потрясающаго выраженія, какое далъ ей поэтъ въ „Каинѣ“. И это міровая скорбь—специфически Байроновская (которую, впрочемъ, мы находимъ въ большей или меньшей степени у другихъ выдающихся поэтовъ этой категоріи—Леопарди, Гейне), это міровая скорбь, въ которой самый мрачный, самый безнадежный пессимизмъ, самое сильное озлобленіе идутъ рядомъ съ глубочайшимъ сочувствіемъ ко всѣмъ людямъ, съ неутолимою жаждою добра, съ гуманностью въ самомъ всеобъемлющемъ значеніи этого понятія. Каинъ и Люциферъ, или, вѣрнѣе, Каинъ-Люциферъ—такіе выразители этой двойственности, какіе могли быть созданы только гениемъ Байрона, и если къ ихъ міровоззрѣнію присоединить ту изумительно поэтическую форму, въ которую оно облечено, то нисколько не преувеличеннымъ покажется уже приведенное нами замѣчаніе Т. Мура, что „Каинъ глубоко западетъ въ глубь міроваго сердца, и если многіе дрогнутъ отъ его кажушагося богохуленія, то всѣ падутъ ницъ предъ его величіемъ...“

Петръ Вейнбергъ.





Сэру Вальтеру Скотту, Баронету

ЭТА МИСТЕРІЯ О КАИНѢ
ПОСВЯЩЕНА

его преданнымъ другомъ
и покорнымъ слугой.

Авторъ.

Нижеслѣдующія сцены названы „мистерій“, потому что въ старину драмы на подобные сюжеты носили названіе „мистерій“ или „моралитѣ“. Авторъ однако вовсе не такъ свободно обращался со своимъ сюжетомъ, какъ это принято было прежде, въ чемъ читатель можетъ убѣдиться, ознакомившись съ такого рода драмами—очень свѣтскаго характера—на англійскомъ, французскомъ, итальянскомъ и испанскомъ языкахъ. Авторъ старался, чтобы каждое дѣйствующее лицо мистеріи говорило соответствующимъ ему языкомъ, и когда онъ бралъ что нибудь изъ Священнаго Писанія—очень рѣдко, впрочемъ,—то сохранялъ, насколько это позволялъ стихъ, подлинныя слова библейскаго текста.

Читатель навѣрное помнитъ, что въ книгѣ Бытія не сказано, что Еву соблазнилъ дьяволъ, а говорится о змѣѣ, и то потому, что она „самая хитрая изъ полевыхъ тварей“. Какое бы толкованіе ни давали этому равнины и отцы церкви, я беру эти слова въ ихъ непосредственномъ смыслѣ, и отвѣчаю, какъ епископъ Ватсонъ въ подобныхъ случаяхъ: когда онъ былъ экзаменаторомъ въ кэмбриджскихъ школахъ и ему возражали, приводя отцовъ церкви, онъ говорилъ: —Посмотрите, вотъ Книга! и показывалъ Библію. Такъ поступаю и я.

Нужно также помнить, что мой сюжетъ

не имѣетъ ничего общаго съ Новымъ Заветомъ, и всякій намекъ на него былъ бы въ данномъ случаѣ анахронизмомъ. Поэмъ на эти сюжеты я въ послѣднее время не видалъ. Мильтона я не читалъ съ двадцатилѣтняго возраста, но тогда я такъ часто его перечитывалъ, что вполне его помню и теперь. Гесснеровскую „Смерть Авеля“ я читалъ въ восемь лѣтъ, въ Эбердинѣ, и помню только, что былъ въ восторгѣ отъ нея. Относительно содержанія у меня осталось только въ памяти, что жену Каина звали Магалой, а жену Авеля Тирсой. У меня онѣ названы Адой и Зиллой—это самыя раннія женскія имена, встрѣчающіяся въ книгѣ Бытія; такъ звали женъ Ламеха. Имена женъ Каина и Авеля не приводятся. Въ виду общности сюжета можетъ быть есть и сходство въ изложеніи моей мистеріи и поэмы Гесснера; я этого не знаю и это меня мало интересуетъ.

Прошу читателя помнить (объ этомъ часто забываютъ), что ни въ одной изъ книгъ Моисея, также какъ во всемъ Ветхомъ Заветѣ, нѣтъ никакихъ намековъ на грядущую судьбу міра. О причинахъ этого страннаго упущенія читатель можетъ справиться въ „Divine Legasy“ Варбуртона. Удовлетворительно ли его объясненіе или нѣтъ, но лучшаго до сихъ поръ не было дано. Я поэтому представилъ его новымъ для

Каина, чѣмъ, полагаю, не исказилъ смысла Священнаго Писанія.

Что касается языка Люцифера, то, конечно, онъ говоритъ не какъ пасторъ о подобныхъ сюжетахъ, но я сдѣлалъ все, что могъ, чтобы удержать его въ границахъ духовной вѣжливости.

Если онъ отрекается отъ того, что соблазнялъ Еву въ образѣ змѣи, то только потому, что въ книгѣ Бытія нѣтъ ни малѣйшаго намека на что либо подобное, и въ ней говорится только о змѣѣ съ ея змѣиными свойствами.

примѣчаніе. Читатель замѣтитъ, что авторъ отчасти слѣдуетъ теоріи Кювье, предполагавшаго, что міръ былъ нѣсколько разъ разрушенъ до сотворенія людей. Эта гипотеза основана на томъ, что найдены останки огромныхъ и невѣдомыхъ животныхъ въ разныхъ геологическихъ пластахъ, и мнѣніе это не противорѣчитъ ученію

Моисея, а даже скорѣе—подтверждаетъ его. Въ этихъ пластахъ не найдено человѣческихъ останковъ, но есть рядомъ съ невѣдомыми животными также извѣстныя намъ. Слова Люцифера о томъ, что предшествовавшій Адаму міръ былъ населенъ разумными существами, превосходившими умомъ людей и по своей мощи пропорціональными мамонту, и т. д., конечно, поэтический вымыселъ, имѣющій цѣлью помочь ему доказать свою правоту.

Я долженъ также прибавить, что существуетъ „tramelogedia“ Альфьери подъ заглавіемъ „Abele“. Я никогда ея не читалъ, также какъ не читалъ ничего изъ посмертныхъ произведеній этого писателя, за исключеніемъ его біографіи.

Равенна, 20 сентября 1821.



КАИНЪ.

МИСТЕРІЯ.

Змѣй былъ хитрѣе всѣхъ змѣрей полевыхъ, которыхъ создалъ Господь.

Быт. III, 1.

Дѣйствующія лица:

Адамъ.

Каинъ.

Авель.

Духи:

Ангель Господень.

Люциферъ.

Женщины:

Ева.

Ада.

Зилла.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ПЕРВАЯ СЦЕНА.

Мѣсто—земля близъ рая. Время—восходъ солнца.

АДАМЪ, ЕВА, КАИНЪ, АВЕЛЬ, АДА И
ЗИЛЛА.

Всѣ, кромѣ Каина, совершаютъ молитву.

АДАМЪ.

Премудрый! Вѣчный! Безконечный! Богъ!
Ты, Кто изъ тьмы, носившейся надъ бездной,
Свѣтъ создалъ надъ водами,—Егова!
Хвала тебѣ, при возвращеніи свѣта!

ЕВА.

Егова! Кто далъ названье дню,
Волну съ волною разлучилъ, и утро
Отъ ночи отдѣлилъ, и назвалъ твердью
Часть своего творенія—хвала!

АВЕЛЬ.

Егова! Кто повелѣлъ стихіямъ
Быть воздухомъ, огнемъ, водой, землей,
И вмѣстѣ съ днемъ, и ночью, и мірами,
Доступными ихъ свѣту и ихъ мглѣ,
Создалъ еще и существа, что могутъ
Любить ихъ и любить Тебя—хвала!

АДА.

Егова! Отецъ и Богъ всѣхъ тварей,
Кто создалъ вотъ и эти существа
Прекраснѣй всѣхъ, чтобъ болѣе всего,
Кромѣ Тебя, они любимы были —
Дозволь мнѣ ихъ любить,—хвала! хвала!

ЗИЛЛА.

О, Боже! Ты, Кто, все благословляя
И все любя, позволилъ, между тѣмъ,
И змѣю пресмыкаться на землѣ,
И моего отца изгнать изъ рая;
Не посылай намъ золь другихъ—хвала!

АДАМЪ (*къ Каину*).

Ты, первенецъ мой Каинъ, что молчишь?

КАИНЪ.

Зачѣмъ мнѣ говорить?

АДАМЪ.

Чтобы молиться.

КАИНЪ.

Вы развѣ не молились?

АДАМЪ.

Да, молились,

И пламенно.

КАИНЪ.

И громко—я васъ слышалъ.

АДАМЪ.

Какъ и Господь, надѣюсь я.

АВЕЛЬ.

Аминь.

АДАМЪ.

Но ты, мой первородный, все молчишь.

КАИНЪ.

Я такъ молчать и долженъ.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ВАЙРОНА.

А Д А МЪ.
Почему?
К А И НЪ.
Не нахожу, о чемъ бы могъ просить я.
А Д А МЪ.
Или за что благодарить бы?
К А И НЪ.
Да.
А Д А МЪ.
Но ты живешь.
К А И НЪ.
Но я умру.
Е В А.
Увы!
Плодъ дерева запрещеннаго созрѣлъ
И падаетъ.
А Д А МЪ.
И мы должны еще разъ
Вкусить его. Зачѣмъ ты насадилъ,
О, Боже, древо знанья!
К А И НЪ.
А зачѣмъ
Вамъ было не вкусить отъ дерева жизни?
Тогда бы вы предъ Нимъ не повергались.
А Д А МЪ.
Мой сынъ, не богохульствуй: это рѣчи
Изгнавшаго насъ змія.
К А И НЪ.
Змій сказалъ
Вамъ истину: то было древо жизни,
А это—древо знанья; жизнь есть благо,
И знанье—благо. Могутъ-ли они
Быть вмѣстѣ зломъ?
Е В А.
Мой сынъ, ты говоришь,
Какъ говорила я въ моемъ паденьи,
До твоего рожденія: не дай,
Не дай мнѣ увидать возобновленнымъ
Мой грѣхъ въ твоемъ. Онъ былъ оплаканъ
мною.
Ужели я дитя свое увижу
Внѣ райскихъ стѣнъ въ тѣ сѣти уловлен-
нымъ,
Что и въ раю опутали его
Родителей? Мирися съ тѣмъ, что есть.
Ахъ, если бъ мы мирились съ тѣмъ, что было,
Ты не былъ бы лишенъ покоя, сынъ мой!
А Д А МЪ.
Молитва наша кончена; идемте
Къ своей работѣ каждый; это трудъ
Не тягостный, хотя необходимый:
Земля такъ молода и такъ любовно
Свои плоды даетъ намъ.

Е В А.
Сынъ мой Каинъ,
Смотри, какъ твердъ и радостенъ отецъ твой.
Таковъ же будь и ты.
(Адамъ и Ева уходятъ).
З И Л Л А.
Иль ты не хочешь?
А В Е Л Ъ.
Къ чему такъ омрачать свое чело?
Вѣдь это принести не можетъ блага,
А только гнѣвъ небесный привлечетъ.
А Д А.
Мой милый Каинъ, неужели такъ-же
И на меня ты хмуришься?
К А И НЪ.
Нѣтъ, Ада!
Мнѣ нужно одному побыть немного.
Мнѣ грустно, Авель, но печаль пройдетъ;
Иди же, братъ, впередъ; я не замедлю.
И вы идите, сестры: я боюсь
Не оцѣнить достойно вашу нѣжность,
И вслѣдъ за вами буду.
А Д А.
Если-жъ нѣтъ,
То я вернусь, чтобъ звать тебя отсюда.
(Авель, Зилла и Ада уходятъ).
К А И НЪ (одина).
И это жизнь? Трудись, но почему же
Я осужденъ трудиться?—Потому,
Что мой отецъ не сохранилъ Эдема?
Моя ли въ томъ вина?—Я не родился;
Я не искалъ того, чтобы родиться;
Я это состоянье не люблю,
Къ которому рожденіемъ приведенъ.
Зачѣмъ онъ уступилъ женѣ и змію?
Иль если уступилъ, за что страдать?
Какое въ этомъ зло? Вѣдь древо было
Насаждено. Зачѣмъ не для него?
А коль не для него, зачѣмъ росло
Оно прекраснѣй всѣхъ, и въ серединѣ рая,
Вблизи отца?—Они мнѣ говорятъ
На всѣ мои вопросы: „это воля
Его была, и Онъ есть благъ“.—Какъ знать
Объ этомъ мнѣ? Онъ всемогущъ; отсюда
Должно ли вытекать, что Онъ и благъ?
Я только по плодамъ сужу, а тѣ,
Которыми я осужденъ питаться,
За грѣхъ чужой,—они горьки.—Кого
Я вижу тамъ? По виду, это ангелъ.
Но, кажется, мрачнѣе и печальнѣй,
Чѣмъ прочіе... Но отчего дрожу я?
Чѣмъ онъ страшнѣй духовъ, что каждый день
Я вижу потрясающихъ своими
Палящими мечами, при вратахъ,

Гдѣ въ сумерки брожу я, чтобы мелькомъ
Взглянуть въ сады, наслѣдіе мое...
Брожу, пока не ляжетъ тьма надъ этой
Оградой, херувимами хранимой,
Съ безсмертными деревьями. Но если
Я не бѣгу отъ огненныхъ мечей
Тѣхъ ангеловъ, зачѣмъ я передъ этимъ
Робѣть бы сталъ? Однако, онъ гораздо
Мнѣ кажется, сильнѣе, чѣмъ они,
И столько же прекрасенъ; но какъ будто
Не такъ еще прекрасенъ, какъ онъ былъ
Иль могъ бы быть. Печаль, какъ будто, вхо-
дитъ,
Какъ часть, въ его безсмертье.—Неужель?—
Кромѣ людей, кто можетъ знать печали?
Онъ близко—вотъ онъ.

люциферъ (входитъ).

люциферъ.

Смертный!

каинъ.

Духъ! кто ты?

люциферъ.

Властитель надъ духами.

каинъ.

Если такъ,

Какъ могъ ты ихъ оставить, чтобы съ прахомъ
Здѣсь встрѣтиться?

люциферъ.

Я знаю мысли праха:

Я сострадаю праху.

каинъ.

Какъ! ты въ мысли

Мои проникъ?

люциферъ.

Да; это мысли всѣхъ,

Кто ихъ имѣть достоинъ; это голосъ
Твоей души безсмертной говорить
Внутри тебя.

каинъ.

Какой души безсмертной?

Объ этомъ откровеніе молчить;
Отецъ мой не вкусилъ отъ древа жизни;
А мать моя спѣшила лишь сорвать
Плодъ знанія; плодъ этотъ—смерть!

люциферъ.

Они

Ввели тебя въ обманъ; ты будешь жить.

каинъ.

Я и живу; но я затѣмъ живу,
Чтобъ умереть; живу,—и самъ не вижу,
Чѣмъ смерть страшна, хотъ чувствую не-
вольно

Врожденное, противное, но все же
Неодолимое стремленіе къ жизни,

Которую я такъ же ненавижу,
Какъ презираю самого себя,
И превозмочь его не въ силахъ. Вотъ,
Какъ я живу. Ахъ, еслибъ не родиться!

люциферъ.

Ты долженъ жить, и будешь жить вѣки.
Не думай, что земля, которой ты
На время облеченъ, есть бытіе.
Она преидетъ, и ты не меньше будешь,
Чѣмъ ты теперъ.

каинъ.

Не меньше! Но не больше?

люциферъ.

Ты будешь, можетъ быть, какъ мы.

каинъ.

А вы?

люциферъ.

Мы вѣчны.

каинъ.

Вы счастливы?

люциферъ.

Мы могучи.

каинъ.

Но вы счастливы?

люциферъ.

Нѣтъ; а ты?

каинъ.

А я?

Ты можешь видѣть.

люциферъ.

Бѣдный прахъ! и ты

Считать себя несчастнымъ можешь! Ты!

каинъ.

Ужели нѣтъ? Но ты со всѣмъ твоимъ
Могуществомъ, ты кто?

люциферъ.

Я тотъ, кто мыслилъ

Сравниться съ Тѣмъ, что сотворилъ тебя;
И я тебя такимъ не сотворилъ бы.

каинъ.

Ахъ, ты глядишь почти что Богомъ, но...

люциферъ.

Но я не Богъ; и не имѣвъ удачи
Имъ сдѣлаться, я не хотѣлъ бы быть
Ничѣмъ другимъ, какъ лишь самимъ собою.
Онъ побѣдилъ, пусть царствуетъ.

каинъ.

Кто—Онъ?

люциферъ.

Творецъ земли.

каинъ.

И неба, и всего,

Что есть на нихъ, о Немъ такъ серафимы

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ВАЙРОНА.

Его поютъ; такъ говорить о Немъ
И мой отецъ.

люциферъ.

Они такъ говорить
И пѣтъ о Немъ осуждены—подъ страхомъ
Быть тѣмъ, что я и ты: я межъ духами,
Ты межъ людьми.

каинъ.

Но что же это?

люциферъ.

Души,
Что смѣютъ сознать свое безсмертье,
Что смѣютъ всемогущему тирану
Глядѣть въ лицо безсмертное Его
И говорить, что зло его—не благо.
Онъ говорить, что Онъ создатель нашъ:
Я этого не знаю и не вѣрю,
Чтобъ это было истинно; но если
Онъ создалъ насъ, то никогда уже
Не въ силахъ уничтожить: мы безсмертны!...
И болѣе: мы нужны для него
Безсмертными, чтобъ не было конца
Мученьямъ нашимъ. Пусть, Онъ побѣдилъ!
Но Онъ своей побѣдою счастливъ
Не болѣе, чѣмъ мы противоборствомъ.
Нѣтъ, Благость зла не можетъ сотворить
И не могла. А сотворилъ ли Онъ
Другое что? Но пусть теперь сидитъ
Онъ на своемъ престолѣ одинокомъ,
Творя міры, чтобъ облегчить себѣ
Ни съ кѣмъ нераздѣляемую вѣчность
И бытіе безсмертное свое!
Пусть громоздитъ планеты на планеты;
Тиранъ неразрушимый, безконечный,
Онъ одинокъ! Когда бъ Онъ истребилъ
Могъ самого себя, то это было бъ лучшимъ
Изъ всѣхъ даровъ могущества Его.
Но предоставимъ царствовать Ему
И увеличивать свои несчастья!
Мы, духи, съ вами смертными другъ другу
Сочувствуемъ, по крайней мѣрѣ; мы,
Равно терпя безчисленныя муки,
Хоть частью уменьшаемъ горечь ихъ
Сочувствіемъ подобнымъ всѣхъ со всѣми.
Но Онъ! столь жалкій въ высотѣ своей,
Столь мучимый бесплодностью творенья,
Онъ осужденъ творить и вновь творить!
И, можетъ быть, когда-нибудь создастъ
Въ самомъ себѣ онъ Сына,—точно такъ же,
Какъ далъ онъ вамъ отца... Но если это
И совершится,—Сынъ погибнетъ жертвой!

каинъ.

Ты говоришь мнѣ о вещахъ, что смутно
Давно уже тревожатъ мысль мою:
Я тщетно примирить старался то,
Что видѣлъ, съ тѣмъ, что слышалъ. Мой
отецъ

И мать моя мнѣ говорятъ о зміяхъ,
О деревьяхъ и о плодахъ; я вижу
Врата того, что было раемъ ихъ,
Стрегомыя палящимъ херувимомъ,
Изгнавшимъ ихъ,—а съ ними и меня;
Я чувствую томительность труда
И безотвязныхъ мыслей; я смотрю
Кругомъ себя, на этотъ міръ, гдѣ я
Кажусь ничѣмъ, но гдѣ такія мысли
Встаютъ во мнѣ, что передъ ними все
Должно бы покориться. Но я мыслю
Втиши и молча. Эту муку я
Несу одинъ. Отецъ мой покорился
И мать моя уже забыла духъ,
Который въ жадѣ знанья не страшился
И вѣчнаго проклятiя; мой братъ—
Простой пастухъ, лишь приносящій жертвы
Изъ первенцевъ отъ стадъ своихъ Тому,
Кто приказалъ землѣ не уступать
Намъ ничего безъ пота; наша Зилла
Птицъ утреннихъ спѣшить опередить
Своей хвалебной пѣсней, и Ада—
Моя голубка Ада,—и она
Не больше понимаетъ эти мысли,
Чтò такъ меня волнуютъ. Никогда
До сей поры я не встрѣчалъ созданья,
Которое сочувствовало бъ мнѣ.
Я радъ вступить въ сообщество съ духами.

люциферъ.

Когда бы ты не обладалъ душой,
Достоиную сообщества такого,
Я не стоялъ теперь бы предъ тобой,
Какъ я стою; довольно было бъ змія
Васъ искушать, какъ прежде.

каинъ.

Ахъ, не ты ли
Былъ соблазнитель матери моей?

люциферъ.

Я никого не соблазняю, развѣ
Лишь истиной: то не было ли древо
Познанiя? И развѣ не расло
Плодовъ на древѣ жизни? Запрещалъ ли
Я рвать отъ нихъ? И я ли насадилъ
Запретный плодъ въ виду и подъ рукою
Невинныхъ двухъ творенiй, любопытныхъ
По самой ихъ невинности? Хотѣлъ я,
Богами сдѣлать васъ; и даже Тотъ,
Кто васъ изгналъ, затѣмъ васъ и изгналъ,
„Чтобъ вы отъ древа жизни не вкусили
„И не были, какъ боги“. Это были
Его слова?

каинъ.

Его, какъ я о нихъ
Слыхалъ отъ тѣхъ, кто слышалъ ихъ изъ
грома.



КАИНЪ И АВЕЛЬ ВЪ ИСКУССТВѢ.
(Деталь бронзовыхъ дверей въ баптистеріи Санъ-Джованни во Флоренціи, работы Г'юберти). (*La porta del Battistero di S.-Giovanni, Ghiberti Lorenzo, 1378—1455*).

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ВАЙРОНА.

люциферъ.

Такъ кто же былъ вашъ демонъ? Тотъ,
кто васъ
Не допустилъ вкусить отъ древа жизни,
Иль тотъ, кто вамъ желалъ бы вѣчно жить
Въ могуществѣ и радости познанья?

каинъ.

Ахъ, отчего обоихъ бы плодовъ
Имъ не вкусить, или ни одного?

люциферъ.

Но вы уже владѣете однимъ;
Другого помогайтесь.

каинъ.

Какъ?

люциферъ.

Стремясь

Собою быть въ своемъ сопротивленьи.
Ничто не можетъ одолѣть души,
Когда она захочетъ быть собою
И центромъ окружающаго міра,
Гдѣ суждено ей властвовать.

каинъ.

Но ты...

Ты ль искусилъ родителей моихъ?

люциферъ.

Я? Бѣдный прахъ! Зачѣмъ бы было мнѣ
Васъ искушать? И какъ?

каинъ.

Но говорятъ,

Что змій былъ духъ.

люциферъ.

Кто это говорить?

Не писано такъ было свыше. Гордый
Надъ гордыми не могъ лукавить такъ,
Хоть жалкому тщеславію челоуѣка
И лестно на духовъ свалить свое
Презрѣнное паденье. Змій былъ змій—
Такой же прахъ, не больше и не меньше,
Чѣмъ сами тѣ, кого онъ искусилъ.
Подобно имъ, бывъ по природѣ прахомъ,
Онъ мудростью былъ выше, такъ какъ онъ
Ихъ превозмогъ и въ жалкомъ ихъ Эдемѣ
Познанье роковое имъ открылъ.
Ужель ты думаешь, что я могу
Взять на себя подобье смертной твари?

каинъ.

Но тварь имѣла демона въ себѣ.

люциферъ.

Она его лишь разбудила въ тѣхъ,
Съ кѣмъ говорилъ языкъ ея змѣинный.
Я говорю тебѣ, что змій былъ просто
И только змій; спроси у херувима,
Что древо искушенья сторожить.
Когда пройдутъ несчетные года
Надъ прахомъ вашихъ чадъ и ихъ потомковъ,

Тогда паденье ваше объяснять
Научатся такой нескладной басней
И мнѣ присвоятъ видъ, который я
Могу лишь презирать, какъ презираю
Все то, что преклоняется предъ Нимъ
И создано за тѣмъ, чтобы повергаться
Передъ ужасной вѣчностью Его.
Но мы, что видимъ истину, не можемъ
Молчать о ней. Родители твои
Словами пресмыкающейся твари
Соблазнены. Зачѣмъ бы духи стали
Ихъ искушать? Въ оградѣ тѣсной рая
Что зависть возбудить могло бы въ тѣхъ,
Кому предѣлъ не положенъ въ простран-
ствѣ?...

Но я съ тобою говорю о томъ,
Чего ты, несмотря на древо знанья,
Не можешь знать.

каинъ.

Ты ничего сказать

Не можешь мнѣ о знаніи, чего бы
Я не хотѣлъ, не жаждалъ, иль не могъ,
Иль не имѣлъ отваги знать.

люциферъ.

А видѣть—

Имѣлъ ли бы ты смѣлость?

каинъ.

Испытай.

люциферъ.

Дерзнешь ли ты взглянуть на смерть?

каинъ.

Она

Досель была незрима.

люциферъ.

Но должна

Испытана быть вами.

каинъ.

Мой отецъ

О ней не говоритъ безъ содроганья;
Мать плачетъ при одномъ ея названьи;
Братъ Авель поднимаетъ къ небесамъ
Глаза свои, а Зилла потупляетъ
Свои къ землѣ, шепча молитву; Ада
Молчитъ и на меня глядитъ.

люциферъ.

А ты?

каинъ.

Волненья несказанныя толпой
Грудь осаждаютъ мнѣ, когда я слышу
Объ этой всемогущей и, какъ видно,
Неотвратимой смерти. Если бъ я
Могъ побороться съ нею! Въ дѣтствѣ я
Со львомъ боролся въ играхъ, и въ моихъ
Сжимающихъ объятыхъ онъ рычалъ
И убѣгалъ.

люциферъ.

Смерть не имѣетъ вида;
Но все, что носить видъ земныхъ созданий,
Ея добычей будетъ.

каинъ.

Ахъ, я думалъ,
Что это существо. Кто жъ, какъ не тварь,
Быть можетъ столь ужаснымъ зломъ для
тварей?

люциферъ.

Спроси у Разрушителя.

каинъ.

Какого?

люциферъ.

Иль у Творца—ты можешь дать ему
Какое хочешь имя: Онъ творить,
Чтобъ разрушать.

каинъ.

Я этого не зналъ,
Но это представлялось мнѣ, какъ только
Я услышалъ о смерти. И хоть я
Не знаю ничего о ней,—она
Мнѣ кажется ужасной. Сколько разъ
Я взоръ вперялъ въ пустыню темной ночи,
Ища ее! Когда же въ темнотѣ,
Палящими мечами херувимовъ
Внезапно озаренной, замѣчалъ
Стоящія вдоль стѣнъ эдемскихъ тѣни,—
Мнѣ слышались шаги ея; я думалъ
Съ боязнью и томленьемъ встрѣтить то,
Чего мы трепетали; но никто—
Не проходилъ—и снова, въ тишинѣ,
Отъ стѣнъ родныхъ, но запрещенныхъ, рая
Усталый взоръ я поднималъ туда,
Въ ту синеву, къ мерцающимъ свѣтиламъ,
Что такъ прекрасны въ высотѣ своей.
Ужели и они умрутъ?

люциферъ.

Быть можетъ;
Но тысячью вѣковъ переживутъ
Тебя и всѣхъ твоихъ.

каинъ.

Я радъ за нихъ;
Я вѣчно бы желалъ имъ жить такими
Прекрасными. Но что такое смерть?
Я трепещу, я чувствую къ ней ужасъ,
Но какъ ее представить? Намъ она,
Равно и согрѣшившимъ, и безгрѣшнымъ,
Въ раю была объявлена, какъ зло.
Какое зло?

люциферъ.

Быть обращеннымъ въ землю.

каинъ.

Я буду ль это знать?

люциферъ.

Я не могу
Сказать тебѣ: вѣдь я не знаю смерти.

каинъ.

Спокойнымъ, какъ земля, быть—я бы въ
этомъ
Не видѣлъ зла. О, если бы я не былъ
Ничѣмъ другимъ!

люциферъ.

Презрѣнное желанье,
Какого не имѣлъ и твой отецъ,
Который знать стремился.

каинъ.

Но не жить;
Иначе, почему бы не вкусить
Ему отъ древа жизни?

люциферъ.

Онъ былъ изгнанъ.

каинъ.

Смертельная ошибка! этотъ плодъ
Ему вкусить бы первымъ! Но пока
Онъ не отвѣдалъ знанья, онъ не вѣдалъ
О смерти ничего. Увы! я самъ
О ней не больше знаю и, однако,
Страшусь ея; страшусь—чего не знаю.

люциферъ.

А я,—я знаю все, и не страшусь
Ни передъ чѣмъ: вотъ истинное знанье.

каинъ.

А научить меня всему ты можешь?

люциферъ.

Да, подъ однимъ условіемъ.

каинъ.

Какимъ?

люциферъ.

Ты долженъ пасть и поклониться мнѣ,
Какъ Господу.

каинъ.

Но ты—не тотъ Господь,
Предъ кѣмъ отецъ мой припадаетъ?
люциферъ.

Нѣтъ.

каинъ.

Ты равенъ съ Нимъ?

люциферъ.

Межъ нами ничего
Нѣтъ общаго, и никогда не будетъ.
Мнѣ все равно—быть выше, или ниже,
Быть всячески, но только бы не быть
Участникомъ или рабомъ Его
Могущества. Нѣтъ, я живу особо.
Но я великъ: поклонники мои
Безчисленны; но мнѣ гораздо больше
Поклонятся. Будь первый между ними.

каинъ.

Я никогда еще не преклонялся
Предъ Богомъ моего отца, хоть Авель
И часто умоляетъ, чтобы я

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ ВАЙРОНА.

Участвовалъ съ нимъ вмѣстѣ въ при-
ношеньяхъ.
Зачѣмъ я преклонюсь передъ тобой?
люциферъ.
Ты никогда предъ Нимъ не преклонялся?
каинъ.
Я развѣ не сказалъ тебѣ? Иль нужно
Еще сказать? И развѣ ты не могъ
Знать этого съ твоимъ могучимъ знаньемъ?
люциферъ.
Кто никогда ему не поклонялся,
Тотъ поклонился мнѣ.
каинъ.
Я не хочу
Ни передъ тѣмъ, ни предъ другимъ сги-
баться.
люциферъ.
Ты мой поклонникъ, несмотря на то:
Одно непоклоненіе Ему
Тебя моимъ ужъ дѣлаетъ.
каинъ.
Какъ это?
люциферъ.
Узнаешь тамъ, и здѣсь еще.
каинъ.
Открой
Мнѣ тайну моего существованья.
люциферъ.
Иди за мной, куда я поведу.
каинъ.
Но я еще копать обязанъ землю,
Да и къ тому же общалъ я...
люциферъ.
Что?
каинъ.
Нарвать плодовъ немного.
люциферъ.
Для чего?
каинъ.
Чтобъ съ Авелемъ принести ихъ на алтарь.
люциферъ.
Не ты ль сказалъ, что предъ Творцомъ сво-
имъ
Ты никогда не преклонялся?
каинъ.
Да,
Но Авель умолялъ меня, и жертва
Скорѣй ему принадлежитъ, чѣмъ мнѣ...
И Ада съ нимъ...
люциферъ.
Чего жъ ты такъ смутился?
каинъ.
Она моя сестра; мы рождены
Въ одинъ и тотъ же день, одной утробой;

Она меня въ слезахъ просила дать
Ей это обѣщаніе; а я
Изъ-за того, чтобы не дать ей плакать,
Все, кажется, готовъ перенести
И передъ чѣмъ бы ни было склониться.
люциферъ.
Тогда иди за мною.
каинъ.
Я пойду.
(Входитъ Ада).
ада.
Мой братъ, я за тобою; это нашъ
Часъ отдыха и радости; идемъ
Дѣлать его! Ты не трудился нынѣ,
Но я твой трудъ исправила; плоды,
Что ждутъ тебя, такъ зрѣлы и прозрачны,
Какъ этотъ свѣтъ, который ихъ взростилъ.
Идемъ скорѣй.
каинъ.
Иль ты не видишь?
ада.
Видю—
Ты съ ангеломъ; мы видѣли ихъ много.
Не хочешь ли онъ съ нами раздѣлить
Часъ отдыха?
каинъ.
Онъ не похожъ на ангеловъ, какихъ
Мы видимъ.
ада.
А развѣ есть другіе?
Но все равно, онъ будетъ добрымъ гостемъ,
Какъ были тѣ. А тѣ благоволили
Быть нашими гостями; хочешь онъ
Идти за нами?
каинъ.
Хочешь?
люциферъ.
Я хочу,
Чтобъ ты моимъ былъ.
каинъ.
Я иду за нимъ.
ада.
Покинувъ насъ?
каинъ.
Покинувъ.
ада.
И меня?
каинъ.
Возлюбленная Ада!
ада.
Я хочу
Идти съ тобою.



КАИНЪ И АВЕЛЬ ВЪ ИСКУССТВѢ.

Картина Тиціана (Tiziano Vecellio) въ церкви Madonna della Salute въ Венеціи.

ЛЮЦИФЕРЪ.

Нѣтъ, она не можетъ.

АДА.

Кто ты, чтобъ становиться такъ межъ серд-

цемъ

И сердцемъ? Кто?

КАИНЪ.

Онъ Богъ.

АДА.

Ты почему

Такъ думаешь?

КАИНЪ.

Онъ говоритъ, какъ Богъ.

АДА.

Такъ говорилъ и змій, а онъ солгалъ.

ЛЮЦИФЕРЪ.

Ты, Ада, въ заблужденьи: развѣ древо

Не древо знанья было?

ада.

Да, но это

На горе намъ.

люциферъ.

Пускай, но это горе

Есть знаніе. Такъ онъ вамъ не солгалъ;
Онъ вамъ открылъ лишь истину, не больше;
А истина, по существу ея,
Быть можетъ только благомъ.

ада.

Но о ней

Мы знаемъ только то, что накопило
Намъ зло на зло: изгнанье изъ пріюта
Родимаго, труды, усталость, потъ,
Печаль о томъ, что было, и надежды
На то, что не придетъ. За этимъ духомъ
Не слѣдуй, Каинъ. Покорись своей
Судьбѣ, меня люби, какъ прежде;—я
Люблю тебя.

люциферъ.

Сильнѣе, чѣмъ отца

И мать свою!

ада.

Сильнѣй! Ужель и это

Есть тоже грѣхъ?

люциферъ.

Нѣтъ, нѣтъ, пока; но будетъ,
Современемъ, среди твоихъ дѣтей.

ада.

Какъ! дочь моя ужель любить не будетъ
Еноха—брата своего?

люциферъ.

Не такъ,

Какъ ты вотъ любишь Каина.

ада.

О, Боже!

Ужель они не будутъ ни любить,
Ни жизнь давать созданьямъ, что могли бы
Опять любить? И не кормлю ли я
Одной и той же грудью ихъ обоихъ?
А ихъ отецъ—онъ развѣ не рожденъ
Въ одинъ со мною часъ одной утробой?
Но развѣ не любили мы другъ друга?
И умножая наше бытіе,
Ужель мы не умножили созданій,
Назначенныхъ любить другъ друга—такъ,
Какъ мы самихъ ихъ любимъ и какъ я
Люблю тебя, мой Каинъ! Не ходи
За этимъ ангеломъ; онъ не изъ нашихъ.

люциферъ.

Я говорю вамъ о грѣхѣ, но онъ
Не есть мое созданье, и не будетъ

Грѣхомъ для васъ, какой бы ни внушалъ
Онъ ужасъ тѣмъ, что придутъ вамъ на смѣну.

ада.

Какъ можетъ быть грѣхомъ, что не грѣшно
Само въ себѣ? Добро и зло ужели
Случайности? Но если такъ, то мы
Рабы...

люциферъ.

И существа, что выше васъ,
Рабы, вѣдь, также; да и тѣ, что выше
И ихъ, и васъ, рабами стать могли бы,
Не предпочти они свободу мукъ
Томленію хвалебныхъ пѣснопѣній,
Молитвъ корыстныхъ передъ Всемогу-

щимъ—

И только потому, что Всемогушъ Онъ,
Не изъ любви, а изъ надеждъ и страха

ада.

Кто всемогушъ, тотъ долженъ быть весь—
благодать.

люциферъ.

Но былъ ли Онъ такимъ въ Эдемѣ?

ада.

Врагъ!

Не искушай меня ты красотою.
Ты болѣе прекрасенъ, чѣмъ былъ змій,
И также лживъ.

люциферъ.

Скажи: правдивъ. Спросите
У Евы, вашей матери: познанье
Добра и зла дано ей или нѣтъ?

ада.

О, мать моя! ты сорвала свой плодъ
Не на свою погибель, а на нашу.
Ты провела хоть молодость свою
Среди садовъ эдемскихъ и въ общеніи
Съ блаженными духами; насъ же, насъ,
Твоихъ дѣтей, не знающихъ Эдема,
Насъ окружаютъ демоны, что намъ
Словами Бога говорятъ и наши
Невольныя сомнѣнья стерегутъ,
Алкая соблазнить насъ, какъ тебя
Змій соблазнилъ—безвредной, непорочной,
Блаженною нескромностью твоей.
Я этому безсмертному созданью
Не въ силахъ дать отвѣта, не могу
Проклясть его; я на него смотрю
Съ таинственной боязнью, и однако,
Я не бѣгу: его безсмертный взоръ
Влеченьемъ непонятнымъ пригвождаетъ
Мои глаза плѣненные къ нему.
Онъ страшенъ мнѣ, но онъ меня такъ сильно
Влечетъ къ себѣ, все ближе, ближе! Каинъ!
Спаси меня, мой Каинъ, отъ него!

КАИНЪ.
Но это развѣ демонъ? Не робѣй,
Возлюбленная Ада.

АДА.
Онъ не Богъ,
Ни божій херувимъ иль серафимъ,
Какими я встрѣчала ихъ доселѣ.

КАИНЪ.
Но есть вѣдь духи высшіе еще—
Архангелы.

ЛЮЦИФЕРЪ.
И высшіе самихъ
Архангеловъ.

АДА.
Но тѣ не изъ блаженныхъ.
ЛЮЦИФЕРЪ.
Когда блаженство въ рабствѣ состоитъ,
То ты права.

АДА.
Мы знаемъ отъ отца,
Что любящіе много—серафимы,
А знающіе много—херувимы.
Ты херувимъ, должно быть: ты не любишь.

ЛЮЦИФЕРЪ.
Но если знать опасно для любви,
То кѣмъ быть долженъ тотъ, кого любить
Вы не могли бѣ, когда бѣ его узнали?
И если херувимы при своемъ
Всезнаніи не любятъ, то любовь
Ихъ братій серафимовъ будетъ только
Невѣдѣнье. Дерзайте выбирать
Межъ знаньемъ и любовью; другого
Нѣтъ выбора; отецъ вашъ уже выбралъ:
Его богопочтеніе—только страхъ.

АДА.
Ахъ, Каинъ, избери любовь!

КАИНЪ.
Любовь?
Что до тебя, возлюбленная Ада,—
Я съ ней рожденъ. Но больше—ничего
Я не люблю.

АДА.
А нашу мать, отца?
КАИНЪ.
А насъ они любили ли, когда
Срывали плодъ, изгнавшій насъ изъ рая?

АДА.
Мы не были въ то время рождены:
А если бы и были, неужели
Мы не должны родителей любить,
Или дѣтей?

КАИНЪ.
Малютку моего
Еноха и лепечущую крошку

Сестру его! Ахъ, будь увѣренъ я
Въ ихъ счастіи, я могъ бы вполонину
Забывать... Но нѣтъ,—забвенья быть не-
можетъ,

И тысячи грядущихъ поколѣній
Любить не станутъ память человека,
Что сѣмя человечества и зла
Могъ насадить въ одно и то же время.
Они сорвали плодъ, что сдѣлалъ ихъ
Несчастными, и въ состояннн этомъ
Еще родили насъ—тебя, меня
И остальныхъ, пока еще немногихъ,
И множества несмѣтныхъ всѣхъ тѣхъ—
Милліоновъ, мириадъ, что народятся
Наслѣдовать громаду нашихъ золь,
Вѣками увеличенныхъ! И я,
Я долженъ быть отцомъ такихъ созданий!
Твоя любовь и красота твоя,
Возлюбленная мною, восхищеніе
Мое тобой, и свѣтлые часы
Забвенія, все—все, что только любимъ
Другъ въ другъ мы и въ дѣтяхъ,—все ведетъ
И ихъ, и насъ, путемъ грѣха и муки,
Черезъ мгновенья радости непрочной,
Къ невѣдомой лишь смерти!... Древо знанья
Невѣрно обѣщанью своему,
Мнѣ кажется: оно, по крайней мѣрѣ,
Должно бы дать имъ полное познанье
Всего, что можно знать,—и самой смерти.
А что открылъ имъ грѣхъ ихъ? Что они
Несчастные лишь грѣшники. Что нужды
Въ плодахъ и змїяхъ было, для того
Чтобъ научить насъ этому?

АДА.
Я, Каинъ,
Не жалуюсь, и если бѣ ты былъ счастливъ.

КАИНЪ.
Нѣтъ, будь уже счастливою одна!
Что дѣлать мнѣ со счастьемъ, что меня
И всѣхъ моихъ должно лишь унижать?

АДА.
Одна и не могу, и не хочу
Счастливой быть; но посреди своихъ,
Я думаю, могла бы, презирая
Смерть самую, которой не страшусь,
Какъ вещи неизвѣстной мнѣ, хотъ это
Быть долженъ страшный призракъ, какъ сужу
Я по тому, что слышала доселѣ.

ЛЮЦИФЕРЪ.
Такъ ты одна не можешь быть счастливой,
Ты говоришь?

АДА.
Одна! о, Богъ мой! Кто
Одинъ бы могъ счастливимъ быть иль доб-
рымъ!
Что до меня, то мнѣ уединеніе

Казалось бы грѣхомъ, когда бы я
Не думала, что скоро встрѣчу брата,
Родителей, дѣтей и всѣхъ своихъ.

люциферъ.

Твой Богъ, межъ тѣмъ, одинъ; счастливъ ли
Онъ?
Онъ одинокъ; такъ благъ ли Онъ?

ада.

Нѣтъ, нѣтъ!

Онъ ангеловъ имѣетъ и людей,
Чтобъ дѣлать ихъ счастливыми; и тѣмъ
Блаженъ и самъ, что разливаетъ радость.
Въ чемъ состоятъ еще блаженство можетъ,
Когда не въ томъ, чтобъ расточать его?

люциферъ.

Спроси объ этомъ своего отца,
Недавняго изгнанника изъ рая,
Иль сына первороднаго его,
Иль собственную грудь свою: она
Полна тревогъ.

ада.

Увы! ты правъ; но ты—
Вѣдь ты небесный?

люциферъ.

Нѣтъ; а почему—

Спроси опять виновника блаженства,
Тобою всюду зримаго, Его—
Всещедраго создателя всѣхъ тварей
И добраго отца ихъ: эта тайна
Принадлежитъ Ему. Намъ суждено—
Однимъ страдать, другимъ сопротивляться;
И все вотще, какъ ангелы Его
Намъ говорятъ Но это испытать—
Достойный трудъ; тѣмъ больше, что сча-
стливѣй

Мы, все равно, не будемъ никогда.
Въ безсмертномъ нашемъ разумѣ есть муд-
рость,

Чтобъ правый путь указывать ему,
Какъ въ темной синевѣ ночныхъ небесъ
Есть свѣтлая звѣзда, чтобъ ваше утро
Привѣтствовать.

ада.

Прекрасная звѣзда,
Которой красоту я такъ люблю!

люциферъ.

Тогда зачѣмъ не обожать ея?

ада.

Отецъ нашъ обожаетъ одного
Невидимаго только.

люциферъ.

Но что есть
Плѣнительнаго въ видимомъ для васъ,
То символомъ Невидимаго служить;

А та звѣзда прекрасная идетъ
Въ главѣ небесныхъ воинствъ.

ада.

Нашъ отецъ
Въ Эдемѣ видѣлъ Бога самого,
Который сотворилъ его.

люциферъ.

А ты—

Ты видѣла?

ада.

Въ его твореньяхъ—да.

люциферъ.

А въ существѣ?

ада.

Нѣтъ,—развѣ лишь въ отцѣ,
Который есть подобіе его,
Иль въ ангелахъ, что на тебя похожи,
Лишь болѣе свѣтлы, хотя не такъ,
Мнѣ кажется, могучи и прекрасны.
Какъ ясный день въ полуденную тишь,
Ихъ существо все состоитъ изъ свѣта;
Межъ тѣмъ, какъ ты напоминаешь ночь
Прозрачную, когда вверху, надъ нею,
Виситъ покровъ изъ бѣлыхъ облаковъ,
И сквозь него безчисленныя звѣзды
Съ своихъ небесъ таинственныхъ глядятъ...
Несчетныя, прекрасныя въ своемъ
Мерцаніи, глядящія такъ тихо,
Но такъ къ себѣ влекущія. Онѣ
Глаза мои слезами наполняютъ,
Какъ ты теперь. Ты кажешься несчастнымъ;
Не дѣлай насъ такими же, и я
Поплачу о тебѣ.

люциферъ.

О, эти слезы!

Какіе океаны ихъ прольются,
Когда бъ ты знала только!

ада.

Мною?

люциферъ.

Всѣми.

ада.

Кто эти всѣ?

люциферъ.

Милльоны милліоновъ,
Весь этотъ міръ, несмѣтно населенный,
Весь этотъ міръ, опустошенный вновь,
И имъ загроможденная геенна,
Которой сѣмя носишь ты пока
Въ груди своей.

ада.

Ахъ, Каинъ, этотъ духъ
Насъ проклинаятъ!...

К А И Н Ъ.



К А И Н Ъ.

Статуя Дюпре (Giovanni Dupré, 1817 - 1882).

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ БАЙРОНА.

каинъ.

Не мѣшай ему;

Я самъ за нимъ послѣдую.

ада.

Куда?

люциферъ.

Въ мѣста, гдѣ онъ пробудетъ только часъ,
Но гдѣ дѣла несчетныхъ дней увидить,
За этотъ часъ.

ада.

Какъ это можетъ быть?

люциферъ.

Не создалъ ли Творецъ вашъ изъ обломковъ
Другихъ міровъ старѣйшихъ этотъ міръ
Въ немного дней? Такъ не могу ли я,
Который помогаль Ему въ твореньи,
Въ часъ показать, что онъ творилъ такъ
долго

И скоро разрушалъ?

каинъ.

Веди меня.

ада.

Но точно ль онъ вернется черезъ часъ?

люциферъ.

Не болѣе; для насъ дѣла изъяты
Отъ времени; мы вѣчность умѣстить
Способны въ часъ, и часъ продолжить въ
вѣчность.

Мы измѣряемъ жизнь свою не такъ,
Какъ смертные. Но это—наша тайна.
Иди за мною, Каинъ.

ада.

Онъ придетъ

Ко мнѣ опять?

люциферъ.

Да, женщина, одинъ

Изъ всѣхъ людей (и первый, и послѣдній,
Кромѣ еще лишь Одного)—онъ вновь
Придетъ къ тебѣ, чтобъ тотъ печальный міръ,
Что ждетъ его, вы такъ же населили,

Какъ населите этотъ: онъ теперь
Почти безъ обитателей.

ада.

Но гдѣ

Ты самъ живешь?

люциферъ.

Я вездѣсущъ. И гдѣ же
Я жить бы могъ? Гдѣ Богъ твой или боги
Находятся—тамъ нахожусь и я.
Я на-двое всѣ вещи раздѣляю;
Пространство, время, вѣчность, жизнь и
смерть,

И небо, и земля, и что не есть
Ни небо, ни земля, но населится
Твореньями, что населяли ихъ,
Иль населить должны лишь,—вотъ мои
Владѣнія. И вотъ какъ раздѣляю
Я на-двое Его, владѣя царствомъ
Не отъ Него. Не будь я такъ могучъ,
Какъ говорю, какъ могъ бы я стоять
Предъ вами здѣсь? Вѣдь ангелы его
У васъ въ виду.

ада.

Они такъ точно были,
Когда и змій прекрасный соблазнялъ
Въ Эдемѣ нашу мать.

люциферъ.

Ты слышалъ, Каинъ!

Когда ты жаждешь знанья, я могу
Пресытить эту жажду; и при томъ
Не требую, чтобъ ты не ѣлъ плодовъ,
Иль былъ лишенъ единственного блага,
Что побѣдитель не взялъ у тебя.
Иди за мною.

каинъ.

Духъ! я говорю,

Что я пойду.

(Люциферъ и Каинъ уходятъ).

ада (идя за ними).

Мой Каинъ! братъ мой Каинъ...

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ПЕРВАЯ СЦЕНА.

Бездна пространства.

ЛЮЦИФЕРЪ И КАИНЪ.

КАИНЪ.

Я попираю воздухъ, и межъ тѣмъ
Не падаю; но я боюсь упасть.

ЛЮЦИФЕРЪ.

Довѣрься мнѣ и продолжай итти
По воздуху, которымъ я владѣю.

КАИНЪ.

Могу ль я это дѣлать, не грѣша?

ЛЮЦИФЕРЪ.

Иль вѣруй и иди, иль сомнѣвайся
И погибай! Таковъ законъ Другого,
Кто называетъ демономъ меня,
Чьи ангелы, звукъ этотъ повторяя,
Клевещутъ на меня несчастнымъ тварямъ;
И эти твари, ничего не зная,
Что выше чувства призрачнаго ихъ,
Склоняются предъ словомъ, поразившимъ
Ихъ слухъ,—и то считаютъ зломъ иль

благомъ,

Что имъ велятъ. Но мой законъ иной:
Дерзай иль трепещи, но ты увидишь,
Что есть міры за гранью твоего
Ничтожнѣйшаго міра, и что ты
Не будешь преданъ мукамъ за твои
Сомнѣнія. Настанетъ часъ, когда
По хляби водъ идущій Человѣкъ
Другому скажетъ: вѣруй и иди
За мною по водамъ.—И тотъ пойдетъ
По хляби водъ и будетъ невредимъ.
Я не поставлю вѣры для тебя
Условіемъ спасенія. Не вѣруй,
Лети со мной надъ бездною пространства
Какъ равный мнѣ. Я покажу тебѣ,
Чего ты не посмѣешь отрицать:
Судьбу міровъ—минувшихъ, настоящихъ
И будущихъ, которымъ нѣтъ числа.

КАИНЪ.

О, богъ иль демонъ, кто бы ни былъ ты,
Ужели то виднѣется земля?

ЛЮЦИФЕРЪ.

Ужели ты узнать не можешь праха,

Что послужилъ къ созданью твоего
Родителя?

КАИНЪ.

Возможно ль? это тотъ
Синѣющій кружочекъ небольшой,
Съ другимъ вблизи него, какъ будто тѣмъ,
Что освѣщаетъ ночь земную нашу?
И тамъ нашъ рай? Гдѣ стѣны вокругъ него?
И тѣ, что стерегутъ ихъ?

ЛЮЦИФЕРЪ.

Укажи

Мнѣ положенье рая на землѣ.

КАИНЪ.

Какъ я могу? Все далѣе впередъ
Несемся мы, какъ лучъ блестящій солнца;
Она мнѣ представляется все меньше;
Вокругъ нея свѣтящійся кружокъ
Сбिरается—подобіе сіянья,
Которымъ любовался я въ звѣздахъ,
Бродя въ ночи, подъ сѣнью и вблизи
Эдемскихъ стѣнъ. Мнѣ кажется, она
Сливаться начинаетъ ужъ съ звѣздами
Несчетными, что окружаютъ насъ
И вновь встаютъ мирьядами, по мѣрѣ
Какъ мы летимъ.

ЛЮЦИФЕРЪ.

Но если бѣ ты узналъ,
Что это все міры, и все громаднѣй,
Чѣмъ твой родной; что тамъ живутъ со-
зданья

Громаднѣе, чѣмъ ваши; что они
Безчисленнѣй всѣхъ маленькихъ песчинокъ
Твоей земли, умноженныхъ на всѣ
Ея одушевленные пылинки,
И всѣ живутъ, всѣ бѣдствуютъ, и всѣ
Обречены на смерть, тогда—что ты
Подумалъ бы?

КАИНЪ.

Я былъ бы гордъ умомъ
И мыслию, познавшею все это.

ЛЮЦИФЕРЪ.

Но если бѣ мысль столь гордая была
Пригвождена къ тяжелой, грубой плоти,
И если бы, стремясь къ такимъ вещамъ,
Иль зная ихъ, и все еще алкая
Знать высшія, она была должна
Рабою быть презрѣнныхъ, низкихъ, смрад-
ныхъ
И мерзкихъ нуждъ; и если бѣ, наконецъ,

Блаженнѣйшей отрадою твоею
Чарующая скверна лишь была,
Мечта—обманъ—грѣховная приманка
Къ созданью новыхъ душъ и новыхъ тѣлъ,
Заранѣ несчастью обреченныхъ
И тлѣнію?

КАИНЪ.

Духъ, я о смерти знаю
Не болѣе того, что это вещь
Ужасная! и что наслѣдствомъ этимъ,
Не менѣе, чѣмъ жизнью, одарилъ
Меня отецъ: несчастное наслѣдство,
Насколько понимаю я. Но, духъ!
Коль скоро такъ должно быть (это я
Пророческою мукою въ груди
Предчувствую)—дай умереть мнѣ здѣсь:
Вѣдь жизнь давать твореньямъ, что не мо-
гутъ

Не умереть, проживши годы мукъ,
Не значить ли—давать плодиться смерти
И умножать убійство?

ЛЮЦИФЕРЪ.

Ты не можешь
Весь умереть: въ тебѣ есть то, чему
Жить суждено.

КАИНЪ.

Отецъ мой не слыхалъ
Объ этомъ отъ Другого, что изъ рая
Изгналъ его со смертию на челѣ.
Но пусть во мнѣ умереть по крайней мѣрѣ
Хоть смертное, чтобъ въ остальномъ мнѣ
быть,
Какъ ангелы.

ЛЮЦИФЕРЪ.

Я ангельской природы:
Хотѣлъ ли бы ты быть такимъ, какъ я?

КАИНЪ.

Я о тебѣ не знаю—кто ты, что ты,
Я вижу лишь могущество твое
И то, что ты даешь мнѣ видѣть вещи,
Что выше всѣхъ моихъ природныхъ силъ,
Хоть ниже всеобъемлющихъ желаній
И думъ моихъ.

ЛЮЦИФЕРЪ.

Что значать эти думы,
Съ ихъ гордостью, когда онѣ живутъ
Въ одеждѣ червяковъ и съ червяками
Жилища раздѣляютъ!

КАИНЪ.

Что такое
Ты значишь самъ? Ты, что гордишься такъ
Духовнымъ существомъ своимъ и можешь
Повелѣвать природой, а межъ тѣмъ,
Такъ кажешься несчастнымъ?

ЛЮЦИФЕРЪ.

Я кажусь
Такимъ, какой я есть; я потому
И домогаюсь знать: хотѣлъ бы ты
Безсмертнымъ быть?

КАИНЪ.

Ты говоришь, я долженъ
Безсмертнымъ быть, хочу иль не хочу.
Я этого не зналъ; но если это
Должно такъ быть, позволь мнѣ предвкусить,
Счастливымъ ли, несчастнымъ ли, мое
Безсмертіе.

ЛЮЦИФЕРЪ.

Ты предвкусилъ его,
Еще меня не зная.

КАИНЪ.

Какъ?

ЛЮЦИФЕРЪ.

Страдая.

КАИНЪ.

Но эта мука неужель должна
Быть вѣчною?

ЛЮЦИФЕРЪ.

Мы и сыны твои—
Мы это испытываемъ. Но теперь
Гляди! Не славно ли все это?

КАИНЪ.

О!

Эфиръ неописуемый, прекрасный!
И вы, громады звѣздъ, что предо мной
Все множитесь! что вы такое? что
Лазурная пустыня эта, гдѣ
Вы катитесь въ пространствѣ безгранич-
номъ,

Какъ листья, что видалъ я на землѣ,
Несомые потоками эдема?
Измѣрены ль пути для васъ? Иль вы
Сквозь эту голубую безконечность,
Сжимающую душу мнѣ, въ своемъ
Неутомимомъ пиршествѣ несетесь,
Насыщенные вѣчною своею?
О богъ! о боги! чѣмъ бы вы ни были,—
Какъ дивны и прекрасны вы! Какъ ваши
Дѣла—или случайности—иль я
Не знаю что—но какъ они прекрасны!
О дайте умереть мнѣ—умереть,
Какъ умираютъ атомы (коль должно
Имъ умирать), или дозвоьте вашимъ
Могуществомъ, познаньемъ вашихъ тайнъ
Упитаться мнѣ! О, вѣрьте,—мысль моя
Не недостойна въ этотъ часъ того,
Что вижу я, хоть прахъ мой недостойнъ.
Дай умереть мнѣ, духъ! иль покажи
Мнѣ ближе ихъ.



КАИНЪ И АВЕЛЬ ВЪ ИСКУССТВѢ. УБИТЫЙ АВЕЛЬ.
Бронза Джузе (Giovanni Stanetti). 1817--1882).

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ВАЙРОНА.

люциферъ.
Ты развѣ къ нимъ не ближе?
Взгляни назадъ, на землю.
каинъ.
Гдѣ она?
Я ничего не вижу, кромѣ бездны
И бездны звѣздъ.
люциферъ.
Гляди сюда.
каинъ.
Нѣтъ, я
Ея не различаю.
люциферъ.
А межъ тѣмъ,
Еще блестить: взглядишь.
каинъ.
Какъ, та вонъ?
люциферъ.
Да!
каинъ.
Что говоришь ты это? Мнѣ видать
Случалось мухъ и червяковъ свѣтящихъ,
Въ часъ сумерекъ, во мракъ нашихъ рощъ,
Свѣтлѣй, чѣмъ этотъ міръ, что ихъ питаетъ.
люциферъ.
Такъ ты видалъ міры и червяковъ.
Одни другихъ свѣтлѣе. Что о нихъ
Ты думаешь?
каинъ.
Что въ собственныхъ предѣлахъ
Они равно прекрасны, и въ ночи,
Дающей красоту имъ, какъ та муха
Свѣтящая въ жужжаніи своемъ,
Такъ и звѣзда, въ ея безсмертномъ бѣгѣ,
Равно должны руководимы быть.
люциферъ.
Но кѣмъ иль чѣмъ?
каинъ.
Открой и покажи мнѣ.
люциферъ.
И ты взглянуть дерзнулъ бы?
каинъ.
Какъ мнѣ знать,
На что взглянуть дерзнулъ бы я? Ты мнѣ
Не показалъ такого ничего,
Чтобъ большаго я не дерзалъ увидѣть.
люциферъ.
Ты смертныхъ ли хотѣлъ бы видѣть тварей
Или безсмертныхъ?
каинъ.
Какъ? Что значить тварь?

люциферъ.
То и другое частью.
Къ которымъ сердце у тебя лежитъ?
каинъ.
Ко всѣмъ, которыхъ вижу.
люциферъ.
Но что ближе
Всего къ нему?
каинъ.
Чего еще не видѣлъ,
И видѣть бы не долженъ—тайны смерти.
люциферъ.
Что, если бы тебѣ отжившихъ тварей
Я показалъ, какъ показалъ такихъ,
Что умереть не могутъ?
каинъ.
Покажи.
люциферъ.
Тогда взмахнемъ могучими крылами.
каинъ.
О, какъ лазурь мы разсѣкаемъ! Звѣзды
Скрываются изъ глазъ моихъ. Земля!
О, гдѣ моя земля? Позволь взглянуть
Мнѣ на нее; я изъ нея вѣдь созданъ.
люциферъ.
Она теперь невидима тебѣ,
И меньше означаетъ во вселенной,
Чѣмъ ты на ней. Однако, не мечтай
Избѣгнуть навсегда ея; ты скоро
Вернешься къ ней, чтобы вращаться съ
прахомъ.
Таковъ удѣлъ безсмертья твоего—
И моего.
каинъ.
Куда же ты теперь
Ведешь меня?
люциферъ.
Къ тому, что до тебя
Задолго было: къ привидѣнью міра,
Котораго теперешній твой міръ
Осколокъ лишь.
каинъ.
Какъ, развѣ онъ не новый?
люциферъ.
Не болѣе, чѣмъ жизнь; а вѣдь она
Еще древнѣй, чѣмъ ты, и даже я,
Древнѣй того, что кажется громаднѣй,
Чѣмъ ты и я. Есть твари, что конца
Не будутъ знать; но тѣ, что никакого
Начала не хотѣли бы имѣть,
Такое же презрѣнное имѣли,
Какъ и твое. Могучіе міры
Такимъ ничтожнымъ мѣсто уступали.
Какъ мы не представляемъ, ибо все

Мѣняется, и только лишь пространство
И время не должны знать перемѣны
Но вѣчность измѣненій только праху
Приноситъ смерть. Ты прахъ, и ты не дол-
женъ

Знать болѣе, чѣмъ можешь: то, что ты
Увидишь, было прахомъ.

каинъ.

Прахомъ!—духъ!

Но я посмѣлъ бы видѣть все, что хочешь.

люциферъ.

Впередъ—быстрѣй.

каинъ.

Я звѣздъ почти не вижу;

А мнѣ онѣ казались, какъ міры,
Громадными.

люциферъ.

Онѣ и есть міры.

каинъ.

И тамъ свои эдемы?

люциферъ.

Можетъ быть.

каинъ.

И люди также?

люциферъ.

Да, иль существа

Гораздо выше ихъ.

каинъ.

Ужель? и змѣи?

люциферъ.

А какъ же имъ не быть, когда есть люди?
Чѣмъ змѣи недостойнѣе людей?
Ходячей иль ползучей тварью быть—
Не все ль равно быть тварью?

каинъ.

Что за даль

Отъ тѣхъ свѣтилъ, мерцающихъ за нами!
Куда летимъ мы?

люциферъ.

Къ міру привидѣній,

Что были существами, или быть
Должны еще.

каинъ.

Но все темнѣй, темнѣй

Становится, всѣ звѣзды ужъ погасли.

люциферъ.

Но ты, однако, видишь.

каинъ.

Что за свѣтъ!

Ни солнца, ни луны, ни звѣздъ несчетныхъ.
Багровый сводъ какъ будто полутьмой

Какихъ-то странныхъ сумерекъ мерцаетъ.
На немъ громады мрачныя стоятъ;
Но это не міры, что мы встрѣчали,
Сіяньемъ окруженные и жизнью
Кипѣвшіе, какъ думалъ я, когда
Летѣлъ сквозь ихъ атмосферу и видѣлъ
Неровность очертаній ихъ, съ грядями
Высокихъ горъ и глубиной долинъ,—
Иные извергавшими столбы
Огня и искръ, иные съ непонятной
Громадностью струящихся равнинъ:
Иные—съ свѣтоносной опояской
Вокругъ себя, съ толпою блѣдныхъ лунъ,
Что имъ черты прекрасныя давало
Моей земли. Взамѣнъ того, здѣсь все
Ужаснымъ представляется и мрачнымъ.

люциферъ.

Но явственнымъ. Ты ищешь видѣть Смерть?

каинъ.

Я не ищу, но какъ она ужъ есть,
И какъ, за грѣхъ родителей моихъ,
Они, и я, и всѣ мы стали смертны,
То я бѣ хотѣлъ заранѣ видѣть то,
Что все равно увижу противъ воли
Когда-нибудь.

люциферъ.

Смотри.

каинъ.

Но это тьма.

люциферъ.

И тьмой должна остаться вѣчно; но—
Я отворю врата ея.

каинъ.

Оттуда

Дымится паръ громадными клубами,
Что значитъ онъ?

люциферъ.

Входи.

каинъ.

Но ты позволишь

Вернуться мнѣ?

люциферъ.

Вернуться! будь увѣренъ:

Иначе кто мнѣ населилъ бы Смерть?
Ея предѣлы нынѣшніе тѣсны
Вмѣстить все то, что принесешь ей ты
И всѣ твои.

каинъ.

Пары все шире-шире

Расходятся и обвиваютъ насъ
Своими непомѣрными кругами.

люциферъ.

Впередъ!

каинъ.

И ты!

ЛЮЦИФЕРЪ.

Не бойся, безъ меня
Ты никогда бы не былъ здѣсь. Впередь!
(Исчезаютъ въ клубящихся облакахъ).

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Адъ.

ЛЮЦИФЕРЪ И КАИНЪ.

КАИНЪ.

Какъ эти необъятные міры
(Вѣдь ихъ здѣсь не одинъ) безмолвны,
мрачны!

А между тѣмъ,—населены тѣсныѣ,
Чѣмъ самыя громадныя свѣтила
Изъ тѣхъ, что тамъ, надъ этой тьмой неслись
Толпой неисчислимой, и такъ тѣсно,
Что я скорѣй ихъ свѣтлымъ населеньемъ
Невѣдомаго неба признавалъ,
Чѣмъ мѣстомъ обитанія, и только
Вблизи ихъ разсмотрѣвъ, я убѣдился;
Что предо мной—матерія для жизни,
Не жизнь сама. А здѣсь кругомъ такъ
мрачно.

Все полутьмой подернуто вечерней,
Все говорить о томъ, что здѣсь былъ день—
И онъ погасъ.

ЛЮЦИФЕРЪ.

Здѣсь царство Смерти; хочешь
Съ ней встрѣтиться?

КАИНЪ.

Что я могу отвѣтить,
Пока не знаю существа ея?
Но если это то, о чемъ отецъ мой
Такъ часто говоритъ въ своихъ бесѣдахъ,
Я думать трепещу о ней, о, Боже!
Будь проклятъ тотъ, кто создалъ жизнь—
для смерти!

Будь проклять прахъ, что жизнь свою не
 в силахъ
 Былъ удержать и посягнулъ еще
 Отнять и у невинныхъ.

ЛЮЦИФЕРЪ.

Ты дерзнул
Проклясть отца?

КАИНЪ.

А развѣ онъ меня
Не проклиналъ, давая мнѣ рожденье?
Не проклиналъ задолго до рожденья,
Когда срывалъ запретный плодъ?

ЛЮЦИФЕРЪ.

Ты правъ:
Проклятіе взаимно между вами—

Тобою и родителемъ твоимъ.
Но дѣти, братъ твой—что о нихъ ты скажешь?

КАИНЪ.

Пускай они со мной его раздѣляютъ,
Какъ съ братомъ и родителемъ своимъ.
Вѣдь это все, что мнѣ дано въ наслѣдство
И что я передать могу.—О, вы
Угрюмая, безмѣрная пространства
Громадныхъ, ужасающихъ тѣней
И образовъ—то явственныхъ, то смутныхъ,
Но вѣющихъ печалью, кто вы?
Живете ль вы? или жили ли когда?

ЛЮЦИФЕРЪ.

Имъ свойственно одно, какъ и другое.

КАИНЪ.

Тогда, что значит смерть?

ЛЮЦИФЕРЪ.

Но развѣ Тотъ.

Кто создалъ васъ, вамъ не сказалъ, что это Другая жизнь?

КАИНЪ.

Нѣтъ, Онъ сказалъ намъ - только,
Что мы умремъ.

ЛЮЦИФЕРЪ.

Придѣть, быть можетъ, день,
Когда Онъ вамъ откроетъ эту тайну.

КАИНЪ.

Блаженный день!

ЛЮЦИФЕРЪ.

Блаженный—да! когда

Открытая въ мученьяхъ несказанныхъ,
Она еще залогомъ вѣчныхъ мукъ
Послужить нерожденнымъ мірадамъ
Пылинокъ безсознательныхъ — пока
Лишь для того назначенныхъ родиться!...

КАИНЪ.

Что это за могучія созданья,
 Что носятся вокругъ меня? Они
 По виду не похожи на безплотныхъ,
 Что стерегутъ запретный нашъ эдемъ,
 И не имѣютъ вида челоуѣка,
 Какимъ его въ Адамъ знаю я
 Иль въ Авелъ, или въ моей сестрѣ
 Возлюбленной, въ самомъ себѣ и въ дѣтяхъ;
 А между тѣмъ, не сродныя ни людямъ,
 Ни ангеламъ, мнѣ кажется, они
 Хоть съ духами, быть можетъ, не равнялись,
 Но много возвышались надъ людьми.
 Надменные, прекрасныя, такую
 Проникнутыя силой, и съ такимъ
 Строеньемъ непонятнымъ, что доселѣ
 Я не встрѣчалъ подобнаго ему...
 Ни крыль, какъ у безплотныхъ, ни лица,
 Какъ у людей, ни образа сильнѣйшихъ

КАИНЪ.



КАИНЪ И АВЕЛЬ ВЪ ИСКУССТВЪ.
Група Генея (Ernst Julius Hähnel, 1811—1891).

Звѣрей земныхъ, ни сходства съ чѣмъ
другимъ,
Что населяетъ землю, я не вижу
У этихъ привидѣній. Такъ прекрасны,
Такъ полны силъ, какъ только могутъ быть
Сильнѣйшія изъ всѣхъ живущихъ тварей,
И такъ не сходны съ ними, что я въ нихъ
Едва могу признать живыхъ созданій.

люциферъ.

Они, однако, жили.

каинъ.

Гдѣ?

люциферъ.

Гдѣ ты

Живешь теперь.

каинъ.

Когда?

люциферъ.

Тотъ міръ, что нынѣ
Землею сталъ, былъ обитаемъ ими.

каинъ.

На немъ Адамъ былъ первый.

люциферъ.

Изъ твоихъ,—

Дѣйствительно; но изъ такихъ, какъ эти,
Онъ былъ бы недостойнъ быть послѣднимъ.

каинъ.

Но что они такое?

люциферъ.

То, чѣмъ будешь

Современемъ и ты.

каинъ.

Но чѣмъ они

Могли быть или были?

люциферъ.

Существами

Прекрасными, высокими, живыми,
Разумными и добрыми, настолько
Во всемъ превосходившими твоихъ
Родителей, когда они еще
Въ эдемѣ жили, какъ ничтожнѣй будетъ
Тебя въ своемъ паденіи потомокъ
Шестидесяти тысячъ поколѣній.
А что до ихъ безсилія теперь,
Ты самъ имѣешь плоть, суди по ней.

каинъ.

Увы! увь! ужель они погибли?

люциферъ.

Да, на своей землѣ, какъ на своей
Погибнешъ ты.

каинъ.

Моя земля ужели

Была и ихъ?

люциферъ.

Была.

каинъ.

Но не такой,

Какою стала нынѣ. Чтобъ такихъ
Существъ питать, она мала и слишкомъ,
Мнѣ кажется, ничтожна.

люциферъ.

Да, она

Была славнѣй.

каинъ.

Зачѣмъ же нужно было

Ей пасть?

люциферъ.

Спроси Того, Кто низвергаетъ.

каинъ.

Какъ низвергаетъ Онъ?

люциферъ.

Неумолимымъ

Смѣшенъемъ разрушающихъ стихій,
Которымъ Онъ міры въ хаосъ приводитъ
И изъ хаоса можетъ вызвать міръ.
Во времени такія вещи рѣдки,
Но въ вѣчности имъ нѣтъ числа. Впередъ!
Ты долженъ видѣть ихъ.

каинъ.

Ужасный видъ!

люциферъ.

Но истинный. Взгляни на эти тѣни;
Онъ когда-то были, какъ и ты,
Тѣлесными.

каинъ.

Ужель я тоже буду

Подобенъ имъ?

люциферъ.

На это пусть отвѣтитъ

Создавшій васъ. Я говорю, что это
Предшественники ваши: вотъ они
Чѣмъ сдѣлались, а что такое были—
Ты чувствуешь, хотя и въ низшей мѣрѣ,
По степени твоихъ ничтожныхъ чувствъ,
Какъ существо съ гораздо меньшей долей
Безсмертныхъ свойствъ, какъ и тѣлесныхъ
силъ.

Что общаго имѣете вы съ тѣмъ,
Что и они имѣли—это жизнь,
А что еще имѣть должны—то смерть.
Все остальное, свойственное вамъ,
Принадлежитъ всѣмъ гадамъ, порожден-
нымъ

Изъ пѣнистыхъ осадковъ бытія,
Сгустившихся въ планету, чтобъ служить
Жилищемъ бѣдныхъ тварей, обреченныхъ
Въ невѣдѣніи блаженство находить
И видѣть ядъ въ познани. Но гляди

На эти существа могучія; или, если
Ты огорченъ ихъ видомъ,—возвратись
Копать родную землю: я тебя
Доставлю невредимымъ.

каинъ.

Нѣтъ, дай мнѣ

Остаться здѣсь.

люциферъ.

Надолго?

каинъ.

Навсегда!

Коль скоро мнѣ не миновать вернуться
Опять сюда, я лучше остаюсь.
Видъ праха опостылѣлъ мнѣ: позволь
Мнѣ жить съ тѣнями.

люциферъ.

Это невозможно.

Ты какъ на сонъ глядишь теперь на эту
Дѣйствительность. Чтобъ раздѣлять ее
Съ созданьями, которыя ты видишь,
Ты долженъ, какъ они, пройти сюда
Вратами смерти.

каинъ.

А какими мы

Теперь пришли вратами?

люциферъ.

То мои.

Ты долженъ возвратиться. Я своимъ
Дыханіемъ ношу тебя въ пространствѣ.
Гдѣ бездыханно все, кромѣ тебя.
Витай по немъ, но навсегда остаться
Не помышляй, пока не прійдетъ часъ.

каинъ.

А эти существа: они на землю
Ужъ не вернутся снова?

люциферъ.

Ихъ земля

Прошла и миновала до того,
Что видъ ея, крушеньемъ измѣненный,
Съ ея корой едва застывшей, имъ
Теперь бы въ каждомъ атомѣ казался
Другимъ, неузнаваемымъ: то былъ—
Какой прекрасный міръ то былъ!

каинъ.

И есть!

Я не землей—хотя я осужденъ
Копать ее—я возмущенъ не ею,
Но тѣмъ, что все прекрасное на ней
Я достаю лишь въ потѣ, что безсиленъ
Отъ тысячи сомнѣній убѣжать,
Отъ тысячи боязней жизни, смерти...

люциферъ.

Ты видишь, какова твоя земля,
Но ты вообразить не въ состоянъ
И тѣнь того, какой она была.

каинъ.

А эти привидѣнья—эти твари
Громадныя, но низшія существъ,
Которыхъ миновали мы, онѣ—
Похожія на жителей свирѣпыхъ
Земныхъ непроницаемыхъ лѣсовъ,
На тѣхъ, чей ревъ въ ночи смущаетъ землю,
Но въ десять разъ ужаснѣй и громаднѣй,
Что кажутся мнѣ выше стѣнъ эдемскихъ,
Со взорами, подобными мечамъ,
Пылающимъ въ десницахъ херувимовъ,
Съ клыками, что деревья, безъ коры
И безъ вѣтвей,—онѣ что означаютъ?

люциферъ.

Что мамонты теперешней земли;
Они теперь мирьядами лежатъ
Погребены подъ нею.

каинъ.

А на ней

Ни одного такого?

люциферъ.

Нѣтъ; иначе

Вашъ слабый родъ, воюя противъ нихъ,
Могъ сдѣлать бы висящее надъ нимъ
Проклятье бесполезнымъ: такъ вы скоро
Погибли бы.

каинъ.

Но для чего война?

люциферъ.

А для чего забылъ ты приговоръ,
Изгнавшій изъ эдема ваше племя?
Война со всѣми тварями, смерть тварямъ,
И до послѣдней твари всѣмъ печаль,
Болѣзни, слезы, гнетъ: таковъ
Плодъ древа запрещеннаго.

каинъ.

Но твари

Вкусили ли отъ этого плода?
Зачѣмъ же умирать онѣ должны?

люциферъ.

Создавшій васъ сказалъ вамъ, что онѣ
Сотворены для васъ, какъ васъ самихъ
Онъ создалъ для Себя. И неужель
Вы можете хотѣть для нихъ судьбы,
Превосходящей вашу? Не пади
Родитель твой—онѣ бъ не умирали.

каинъ.

О, твари безнадежныя! вы тоже
Грѣхъ моего отца должны дѣлать,
Подобно сыновьямъ его, и такъ же,
Подобно имъ, отъ древа не вкусивъ,
Подобно имъ, не получивъ въ удѣлъ
Такой цѣною купленнаго знанья.
Но древо было лживымъ, такъ какъ мы
Не знаемъ ничего. Оно сулило

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ВАЙРОНА.

Намъ знаніе,—хотя цѣною смерти,
Но знаніе,—что жъ знаетъ человѣкъ?

люциферъ.

Но, можетъ быть, вамъ высшее познанье
Откроетъ Смерть; и будучи одна
Изъ всѣхъ вещей извѣстною вамъ вещью,
Она въ себѣ и знаніе таитъ
Точнѣйшее. Такъ древо было право,
Хотя смертельно.

каинъ.

Вы—нѣмая царства!

Я вижу васъ, не понимая васъ.

люциферъ.

Не мудрено: твой часъ еще далекъ;
А вещество понять не можетъ духа.
Но значитъ что-нибудь уже—познать,
Что есть такія царства.

каинъ.

Но о томъ,

Я зналъ уже, что существуетъ смерть.

люциферъ.

Но не о томъ, что есть еще за нею.

каинъ.

Я этого не знаю и теперь.

люциферъ.

Но ты узналъ, что кромѣ твоего
Есть роды бытія—совсѣмъ иного.
А этого ты часъ назадъ не зналъ.

каинъ.

Но это все темно такъ...

люциферъ.

Будь доволенъ.

Все это разъяснится твоему
Безсмертію.

каинъ.

А это голубое,

Безмѣрное, текучее пространство,
Плывущее подъ нами? Я бы могъ
Сравнить его съ эдемскими рѣками
И ихъ водой, когда бъ не этотъ цвѣтъ
Прозрачнаго ээира и не эта
Безбрежность, безграничность... Что оно?

люциферъ.

И этому осталось на землѣ
Подобіе, хотя и въ слабой мѣрѣ,
И близъ него жилища оснуютъ
Сыны твои,—то призракъ океана.

каинъ.

Громадный, какъ вселенная, и чистый,
Какъ водяное солнце. На его
Поверхности блистаютъ чешуею
Чудовищныя твари,—это что?

люциферъ.

Погибнувшей земли левіааваны.

каинъ.

А этотъ змѣй съ струящеюся гривой,
Что голову надъ бездною протянулъ
Надменнѣе и выше въ десять разъ
Могучихъ самыхъ кедровъ,—этотъ змѣй,
Готовый, какъ мнѣ кажется, обвиться
Вокругъ міровъ, мной видѣнныхъ сей-
часъ,—

Онъ не того ли рода, что въ эдемѣ
Любилъ лежать подъ древомъ роковымъ?

люциферъ.

Видъ змѣя-искусителя всѣхъ лучше
Извѣстенъ Евѣ—матери твоей.

каинъ.

Нѣтъ, этотъ слишкомъ страшенъ, тотъ,
конечно,

Красивѣй былъ.

люциферъ.

Ты никогда его

Не видывалъ?

каинъ.

Изъ одного съ нимъ рода—
Во множествѣ, но именно того,
Что предложилъ ей яблоко,—ни разу.

люциферъ.

И твой отецъ не видѣлъ тоже?

каинъ.

Нѣтъ;

Онъ искушенъ былъ матерью моею,
А змѣй прельстилъ ее лишь.

люциферъ.

Человѣкъ!

Такъ впредь,—когда жена твоя, иль жены
Сыновъ твоихъ васъ будутъ искушать—
Тебя иль ихъ—приманкою какою,
Берите трудъ вѣрнѣе узнавать,
Кто былъ ихъ искуситель.

каинъ.

Твой совѣтъ

Приходитъ слишкомъ поздно: змѣямъ больше
Женъ искушать ужъ нечѣмъ.

люциферъ.

Но за то

Есть кое-что еще, чѣмъ ваши жены,
Способны васъ—и вы ихъ—искушать,
Пускай твои сыны имѣютъ это
Всегда въ виду! Совѣтъ мой благъ, тѣмъ
больше,

Что мною онъ на мой же счетъ дается,
Хоть правда, что вы слѣдовать ему
Не будете и я не потеряю.

каинъ.

Мнѣ это непонятно.

КАИНЪ.

люциферъ.

О счастливцевъ!

Твой міръ и ты такъ юны! Ты себя
Преступнымъ и несчастнымъ разумѣешь—
Не правда ли?

каинъ.

Преступнымъ—я не знаю;
Но что до мукъ, я столько ихъ терплю!

люциферъ.

Сынъ первородный перваго отца!
Зачать ты во грѣхѣ—и ты преступенъ;
Ты порожденъ въ печали—и ты страждешь;
Но это все блаженнѣйшій эдемъ
Во всей его невинности, въ сравненіи
Съ тѣмъ, что тебѣ такъ скоро предстоитъ
Узнать еще. И то, что ты узнаешь,
Все будетъ рай предъ тѣмъ, что сыновья
Сыновъ твоихъ и ихъ сыны, умножась,
Какъ прахъ земной, и умножая прахъ,
Обречены терпѣть и дѣлать. Но
Тебѣ пора на землю.

каинъ.

И ты вель

Сюда меня за тѣмъ лишь, чтобы это
Мнѣ показать?

люциферъ.

Ты развѣ не искалъ
Познанія?

каинъ.

Да, какъ пути ко счастью.

люциферъ.

Будь счастье въ истинѣ—ты былъ бы
счастливъ.

каинъ.

Такъ Богъ моихъ родителей былъ правъ,
Что запретилъ губительное древо.

люциферъ.

А если бы не насадилъ его,
Еще бы былъ правѣе. Но отъ зла—
Невѣдѣніе зла не охраняетъ..
Оно должно расти и заражать
Всѣ вещи и всѣхъ тварей.

каинъ.

Нѣтъ, не всѣхъ—

Я не могу тебѣ повѣрить въ этомъ:
Я жажду лишь добра.

люциферъ.

А кто иль что
Того жъ не жаждетъ? Кто же станетъ зла
Искать изъ-за любви къ его отравѣ?
Никто! ничто! И это есть законъ
И дышащихъ созданій, и бездушныхъ.

каинъ.

Но въ тѣ міры прекрасные, что мнѣ,

Ихъ славой пораженному, встрѣчались,
Пока мы не вступили въ этотъ мракъ,
Зло не прійдетъ: они всѣ такъ прекрасны.

люциферъ.

Ты видѣлъ ихъ лишь издали.

каинъ.

Такъ чтоже?

Даль уменьшать лишь можетъ красоту;
Вблизи они должны быть несказанны.

люциферъ.

Ты подойди къ прелестнѣйшимъ изъ тварей
Земли твоей—и размотри вблизи
Ихъ красоту.

каинъ.

Я дѣлалъ это часто.

Твореніе, что болѣе всего
Влечетъ меня, вблизи еще милѣе.

люциферъ.

Тутъ долженъ быть обманъ. Скажи, что это
За существо, что кажется вблизи
Прекраснѣе прекраснѣйшихъ твореній
Въ далекомъ разстояніи?

каинъ.

Я разумѣю Аду,

Сестру мою. Всѣ міриады звѣздъ,
Глубокая лазурь ночного неба,
Съ ея свѣтиломъ, что глядитъ, какъ духъ,
Иль міръ духовъ, восходъ блаженный
солнца,

Закатъ неописуемый его,—
Когда, слѣдя за нимъ, я тихо плачу
И чувствую, какъ будто бы и самъ
Съ нимъ въ облакахъ вечернихъ утопаю,
Шатры земныхъ таинственныхъ лѣсовъ,
Съ ихъ тѣнью и прохладой, голосъ птицы,
Вечерней этой птицы, что поетъ,
Какъ будто про любовь, и, провожая
День, гаснуцій внутри эдемскихъ стѣнъ,
Сливается съ хвалою херувима,
Все это, все—ничтожество предъ тѣмъ,
Что говоритъ глазамъ моимъ и сердцу
Лицо любезной Ады; видъ его
Мнѣ радостнѣй всего, что есть на небѣ
И на землѣ.

люциферъ.

Въ немъ столько красоты,

Какъ первые родители земные,
Прекрасные, хотъ смертные, въ пылу
Своихъ объятій первыхъ и во цвѣтѣ
Ихъ смертности, могли дать своему
Рожденію. Но это все жъ обманъ.

каинъ.

Когда бъ ты былъ ей братомъ, ты иначе
Объ этомъ говорилъ бы.

люциферъ.

Смертный! я
Братаюсь, но только съ тѣми существами,
Кому дѣтей несвойственно имѣть.

каинъ.

Поэтому ты съ нами никакого
Сообщества не можешь составлять.

люциферъ.

Быть можетъ, вы назначены его
Составить мнѣ. Но если ты владѣешь
Созданіемъ столь дивной красоты
Въ глазахъ твоихъ, зачѣмъ ты такъ не-
счастенъ?

каинъ.

Зачѣмъ я существую? Ты зачѣмъ
Несчастенъ самъ? Зачѣмъ всѣ въ мірѣ твари
Несчастны такъ? Самъ тотъ, Кто создалъ
насъ,

Не долженъ ли — Творецъ несчастныхъ
тварей—

Такимъ же быть? Творить, чтобъ разрушать,
Конечно,—трудъ, въ которомъ нѣтъ от-
рады.

Отецъ мой говоритъ: Онъ всемогущъ,
Онъ весь добро.—Зачѣмъ же зло есть въ
мірѣ?

Я спрашивалъ родителя.—Онъ мнѣ
Даетъ отвѣтъ, что это зло лишь служить
Путемъ къ добру. Но странное добро,
Что возникать должно изъ столь смертельной
Съ нимъ разницы. Я видѣлъ въ эти дни
Ужаленнаго гадиной ягненка:

Бѣдняжка протянулся на землѣ
И корчился, межъ тѣмъ какъ самка въ
страхѣ

Лишь жалобно блеяла. Мой отецъ
Сорвалъ траву и положилъ на рану,
И понемногу бѣдненькая тварь,
Вернувшись вновь къ своей безпечной жизни,
Уже сосала радостную мать,
И та, кругомъ облизывая крошку,
Стояла, трепеща надъ ней. Смотри, —
Сказалъ отецъ: — какъ зло къ добру при-
водитъ.

люциферъ.

Что жъ ты ему отвѣтилъ?

каинъ.

Ничего:—
Вѣдь онъ отецъ мой; я подумалъ только,
Что лучше бы животному не быть
Ужаленнымъ, чѣмъ испытать мученья,
Чтобъ маленькую жизнь свою вернуть
Посредствомъ травъ.

люциферъ.

Но такъ какъ ты сказалъ,
Что ты изъ всѣхъ тобой любимыхъ тварей

Ты возлюбилъ всѣхъ больше, что съ тобой
Питалась той же грудью и своею
Дѣтей твоихъ питаетъ...

каинъ.

Это вѣрно!
Что безъ нея я былъ бы?

люциферъ.

А что я?

каинъ.

Ты ничего не любишь?

люциферъ.

А твой Богъ—

Онъ любить что?

каинъ.

Всѣхъ тварей, какъ отецъ
Мой говорить; но этого въ судьбѣ ихъ
Я, признаюсь, не вижу.

люциферъ.

Такъ ты видѣть

Поэтому не можешь и того,
Люблю ли я отдѣльныя созданья
Иль за собой влеку ихъ въ общій планъ,
Какъ снѣжный вихрь ничтожныя пылинки.

каинъ.

Какъ снѣжный вихрь? что это?

люциферъ.

Будь блаженъ
Невѣдѣниемъ того, что отдаленнымъ
Сынамъ твоимъ придется знать. Живи
Въ странѣ тепла, не знающей зимы.

каинъ.

Но ты, быть можетъ, любишь что-нибудь
Такое же, какъ самъ ты?

люциферъ.

А ты самъ—

Ты любишь самого себя?

каинъ.

Конечно;

Но я люблю еще сильнѣе ту,
Что дѣлаетъ печаль мою сноснѣе,
И мнѣ дороже самого себя
Затѣмъ, что я люблю ее.

люциферъ.

Ты любишь

Въ ней красоту, которая была
И въ яблокѣ, что погубило Еву.
Но красота минуетъ, и твоя
Любовь пройдетъ, какъ всякое желанье.

каинъ.

Какъ красота минуетъ? Отчего?

люциферъ.

Отъ времени.

каинъ.

Но время проходило,

А между тѣмъ Адамъ и мать моя
Досель прекрасны оба, хотъ прекрасны
Не такъ, какъ Ада или серафимъ;
Однакоже прекрасны.

люциферъ.

Это все—

И въ нихъ, и въ ней—современемъ прой-
детъ.

каинъ.

Я этимъ огорченъ; но чтобъ моя
Любовь къ ней измѣнилась—я не вѣрю,
И если красота ея пройдетъ,
То въ гибели подобнаго творенья,
Мнѣ кажется, создатель красоты
Утратить долженъ болѣе, чѣмъ я.

люциферъ.

Мнѣ жаль тебя, котораго любви
Погибнуть суждено.

каинъ.

А мнѣ тебя,

Который вовсе ничего не любитъ.

люциферъ.

А любишь ли ты брата своего?

каинъ.

Но почему мнѣ не любить его?

люциферъ.

Его отецъ твой любить и твой Богъ --
Не менѣе.

каинъ.

И я подобно имъ.

люциферъ.

Я это одобряю: въ этомъ видно
Смирение.

каинъ.

Смиренье!

люциферъ.

Да, вѣдь онъ

Рожденъ вторымъ... и онъ любимецъ Евы.

каинъ.

Мнѣ все равно: ея любимцемъ змій
Изъ первыхъ былъ.

люциферъ.

А то, что онъ твоимъ
Отцомъ любимъ?

каинъ.

Что въ этомъ для меня?

Иль я уже того любить не долженъ,
Что любятъ всѣ?

люциферъ.

Но Егова, Господь,

О васъ благоволящій, насадитель
Блаженнаго эдема и его
Стѣною заградившій,—Онъ вѣдь также
Съ улыбкою на Авеля взираетъ.

каинъ.

Я никогда не видѣлъ Еговы,
И улыбается ли онъ,—не знаю.

люциферъ.

Такъ ангеловъ Его ты видѣлъ.

каинъ.

Рѣдко.

люциферъ.

Не такъ, однако, рѣдко, чтобъ не знать,
Какъ имъ любезенъ братъ твой и какъ
жертвы

Его пріятны Богу.

каинъ.

Что же мнѣ

До этихъ жертвъ? Зачѣмъ ты говоришь
Объ этомъ мнѣ?

люциферъ.

Зачѣмъ, что ты объ этомъ
Ужъ помышлялъ.

каинъ.

А еслибъ помышлялъ,
Зачѣмъ напоминать мнѣ это?

*(Останавливается и потомъ продолжаетъ
въ сильномъ волненіи).*

Духъ!

Ты ввелъ меня въ свой міръ: не говори
Мнѣ о моемъ. Ты показалъ мнѣ эти
Могучія созданья, до Адама
Топтавшія ту землю, что теперь
Досталась намъ въ одномъ ея осколкѣ;
Ты показалъ мнѣ тысячи міровъ
Свѣтящихся, которымъ нашъ, ничтожный,
Въ пространствѣ безъ границъ и безъ
конца,

Ничтожнымъ служить спутникомъ; ты тѣни
Иного бытія мнѣ показалъ,
Которому отецъ нашъ сдѣлалъ насъ
Причастными, предавши всѣхъ насъ смерти;
Ты показалъ мнѣ много, но не все:
Дай мнѣ взглянуть, гдѣ Егова живетъ
Въ Его раю, иль ты въ своемъ? гдѣ это?

люциферъ.

Здѣсь и во всемъ пространствѣ.

каинъ.

Но вѣдь вы
Должны имѣть жилища, какъ всѣ твари
Имѣютъ ихъ: у праха есть земля,
И у міровъ свое есть населенье,
У всякаго дыханія своя
Особая стихія; даже тѣни
И призраки, какъ ты мнѣ показалъ,
Въ подобіи чего-то обитаютъ...
Гдѣ обитаешь ты иль Егова?
Иль оба вы живете вмѣстѣ?

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ БАЙРОНА.

люциферъ.

Нѣтъ;
Мы царствуемъ лишь вмѣстѣ, но живемъ
Особенно.

каинъ.

О, если бы изъ васъ
Одинъ лишь былъ! Тогда единство цѣли,
Быть можетъ, къ единенію стихій
Могло вести, теперь такъ межъ собою
Враждующихъ. Что раздѣлить могло
Обоихъ васъ—премудрыхъ, безконечныхъ?
Не братья ль вы по сущности своей
И вѣчности?

люциферъ.

Тебѣ не братъ ли Авель?

каинъ.

Мы братья съ нимъ, и братьями и будемъ;
Но будь иначе даже, развѣ духъ
Похожъ на плоть? Какъ можетъ враждовать
Безсмертье съ безконечностью, порядокъ
Вселенной возмущая—для чего?

люциферъ.

Чтобъ царствовать.

каинъ.

Ты не сказалъ ли мнѣ,
Что вы съ Нимъ оба вѣчны?

люциферъ.

Да.

каинъ.

А та

Безмѣрность голубая, что я видѣлъ,
Не есть ли безконечна?

люциферъ.

Да.

каинъ.

И вы

Не можете въ ней царствовать вдвоемъ?
Иль тѣсно вамъ? Зачѣмъ вамъ раздѣляться?

люциферъ.

Мы царствуемъ съ Нимъ оба.

каинъ.

Но изъ васъ

Зло дѣлаетъ одинъ?

люциферъ.

Который?

каинъ.

Ты:

Мнѣ кажется, ты можешь человѣку
Помочь еще; зачѣмъ ты не поможешь?

люциферъ.

Зачѣмъ же я? Я васъ не создавалъ,
И вы Его, а не мои вѣдь твари.

каинъ.

Такъ и оставь насъ тварями Его.
Когда ты разумѣешь насъ такими;
Но покажи Его жилище мнѣ
Или твое.

люциферъ.

Я могъ тебѣ бы оба
Ихъ показать, но часъ придетъ, когда
Одно изъ нихъ ты навсегда увидишь.

каинъ.

Зачѣмъ же не теперь?

люциферъ.

Твой смертный умъ

Едва обнять способенъ даже малость,
Которую я показалъ тебѣ,
И ты мечтать о таинствѣ дерзаешь
Великомъ и сугубомъ—двухъ Началь;
Ты видѣть ихъ на самыхъ ихъ престолахъ
Таинственныхъ хотѣлъ бы... Прахъ! умѣрь
Надменные желанья: ты не можешь
Ихъ видѣть безъ того, чтобъ не погибнуть.

каинъ.

Такъ пусть я и погибну, только дай
Увидѣть ихъ!

люциферъ.

Я узнаю въ тебѣ

Рожденье той, что потеряла рай свой
За яблоко. Но чтобы видѣть ихъ,
Погибнуть прежде надо: этотъ видъ
Иному состоянью свойственъ.

каинъ.

Смерти!

люциферъ.

Она къ тому преддверье.

каинъ.

Такъ теперь

Я менѣ боюсь ея, коль скоро
Она мнѣ общается что-нибудь
Извѣстное.

люциферъ.

А я теперь хочу

Перенести въ твой міръ тебя, гдѣ долженъ
Ты будешь родъ Адамовъ умножать,
Ѣсть, пить, терпѣть, работать, трепетать,
Смѣяться, плакать, спать—и умереть.

каинъ.

Къ чему же мнѣ служить должно все это,
Что видѣлъ я?

люциферъ.

Не домогался ль ты
Познанія? А то, что ты увидѣлъ
Черезъ меня, не учить ли тебя
Познать себя?

КАИНЪ.



КАИНЪ И АВЕЛЪ ВЪ ИСКУССТВЪ.

Картина Фальгьера (Jean Alexandre Joseph Falguière, р. 1831—1900).

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ВАЙРОНА.

каинъ.

Увы! я полагаю,
Что я ничто.

люциферъ.

И это будетъ разумъ
Всѣхъ знаній человѣческихъ—предѣлъ
Всей мудрости, доступной вамъ: познать,
Что вы ничто съ своей природой смертной.
Ты завѣщай науку эту дѣтямъ,
И это ихъ спасетъ отъ многихъ золъ.

каинъ.

Надменный духъ! ты говоришь такъ гордо;
Но какъ ни гордъ ты, надъ тобой самимъ
Есть высшій.

люциферъ.

Нѣтъ, клянуся небесами,
Гдѣ царствуетъ лишь Онъ! клянуся бездной
И всею безконечностью міровъ,
Гдѣ царствуемъ мы оба,—нѣтъ! Онъ мой,
То правда, побѣдитель, но не высшій;
Все чтить Его,—не чту Его лишь я!
Моя борьба противъ Него все та же,
Какъ въ небесахъ небесъ была. За все,
Что въ вѣчности таинственной сокрыто,
Въ пространствѣ, не имѣющемъ конца,
Во мракѣ безднъ неизмѣримыхъ ада,
За далью безпредѣльною вѣковъ—
За все, за все я съ нимъ бороться буду!
За міромъ міръ и за звѣздой звѣзда,
За новою вселенною другая
Трястися на вѣсахъ должны, пока
Конецъ борьбы великой не наступитъ,
Съ конечнымъ истребленіемъ Его
Или моимъ. Иначе наступитъ
Не можетъ Онъ. Но можно ль истребиться
Безсмертію? Возможенъ ли предѣлъ
Неистребимой ненависти нашей?

Какъ побѣдитель Онъ объявитъ Зломъ
Того, кто побѣжденъ Имъ; но Добро,
Котораго Онъ долженъ быть податель,
Въ чемъ состоитъ? Будь побѣдитель я,
Какимъ бы зломъ дѣла Его считались!
И вы, едва рожденные созданья!
Какіе Онъ дары уже излилъ
На васъ и бѣдный міръ вашъ?

каинъ.

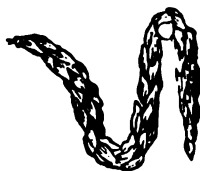
Онъ намъ далъ
Немного ихъ, и большей частью горькихъ.

люциферъ.

Такъ вслѣдъ за мной на землю—и испробуй
Его дары небесные до дна.
Добро и зло лежатъ въ самой природѣ
Творенія, и тотъ, кто ихъ даетъ,
Не создалъ ихъ. Но если все благое
Даетъ вамъ Онъ—пусть онъ благимъ у
васъ

Считается. За то не называйте
И зло моимъ, когда оно на васъ
Обрушится, пока его причина
Темна для васъ. Старайтесь разсуждать
Не по словамъ, хотя бѣ словамъ духовъ,
Но по плодамъ, которые вы сами
Вкушаете. Есть нѣкоторый даръ,
Что яблоко дало вамъ роковое,
Единый добрый даръ его—вашъ разумъ.
Пусть никогда не будетъ онъ рабомъ
Подъ гнетомъ тираннической угрозы,
Чтобъ вѣровать наперекоръ всѣхъ чувствъ
Тому, что отвергаетъ очевидность.
Упорствовать и мыслить—вотъ, чѣмъ вы
Особый міръ создать въ себѣ способны,
Міръ внутренній, гдѣ бѣ внѣшній исчезалъ;
Вотъ способъ вашъ приблизиться къ природѣ
Духовныхъ силъ и побѣдить свою.

(Исчезаютъ).



ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Земля близъ Эдема, какъ въ дѣйствиі первомъ.

Каинъ и Ада (*входятъ*).

АДА.

Чу! тише, Каинъ, тише.

КАИНЪ.

Хорошо;

Но почему?

АДА.

Малютка нашъ Енохъ
Въ своей постелькѣ лиственной здѣсь спитъ
Подъ этимъ кипарисомъ.

КАИНЪ.

Кипарисъ!

Онъ дерево угрюмое; онъ смотритъ,
Какъ будто бы оплакиваетъ то,
Что осѣняетъ; почему его
Ты выбрала навѣсомъ для-малютки?

АДА.

Въ его тѣни темно почти какъ ночью;
Къ нему идетъ поэтому вполнѣ
Сонъ осѣнять.

КАИНЪ.

Да, да, послѣдній... вѣчный.
Но все равно, веди меня къ нему.

(*Подходятъ къ ребенку*).

Какъ онъ хорошъ! румянецъ этихъ щекъ
Живѣ розъ, что служатъ для него
Постелькою.

АДА.

А эти лепестки
Раскрытыхъ устъ—не красота ли это?
Нѣтъ, не цѣлуй его; по крайней мѣрѣ
Будь терпѣливъ, онъ самъ проснется скоро:
Часъ отдыха полдневнаго его
Кончается; но разбудить его
Мнѣ было бѣ жаль.

КАИНЪ.

Ты правду говоришь.
Я удержу на время это сердце.
Онъ спитъ и улыбается! Спи, спи
И улыбайся, крошечный жилецъ

Младенческаго міра! Ты покуда
То и другое можешь, по твоей
Невинности. Спи, спи и улыбайся!
Ты не срывалъ запретнаго плода,
Не знаешь, что ты нагъ! Настанетъ время,
Когда за грѣхъ, невѣдомый тебѣ,
Не совершенный мной, съ тебя отвѣта
Потребуютъ. Но спи, покуда, спи!
На радостномъ лицѣ его румянецъ
Еще ярчѣ вспыхнулъ; онъ дрожитъ;
Сверкающія вѣки шевелятся
Надъ длинными рѣсницами его,
Дрожащими и темными, какъ этотъ
Колеблемый надъ ними кипарисъ;
И изъ-подъ нихъ смѣющіеся глазки
Какъ будто бы взглянуть хотятъ; онъ гре-
зится....

О чемъ?—о раѣ?—Да! мечтай о немъ,
Мой безнаслѣдный сынъ! Онъ только греза.
Да, никогда ужъ больше ни тебѣ,
Ни дѣтямъ, ни отцамъ твоимъ не грезить
Въ блаженномъ этомъ мѣстѣ—на яву.

АДА.

О, не шепчи, мой милый Каинъ, этихъ
Печальныхъ сожалѣній о быломъ
Надъ нашимъ спящимъ сыномъ. И зачѣмъ
Все этотъ рай оплакивать? Мы развѣ
Другой создать не можемъ?

КАИНЪ.

Гдѣ?

АДА.

Вездѣ,

Гдѣ только пожелаешь; я съ тобою
Гдѣ бѣ ни былъ ты, могла бы позабыть
Объ этомъ раѣ, столькими слезами
Оплаканномъ: нѣтъ развѣ у меня
Тебя и нашего ребенка, брата,
Сестры, отца и матери родной,
Которой мы обязаны столь много
Кромѣ рожденья?

КАИНЪ.

Да, и смерть: этимъ
Мы также ей обязаны.

АДА.

Ахъ, Каинъ!

Тотъ гордый духъ, что вдругъ увелъ тебя
Отсюда, лишь сильнѣй тебя озлобилъ.
Я думала, что чудныя видѣнья
Иныхъ міровъ, показанныхъ тебѣ,
Какъ говоришь ты, бывшихъ и живущихъ,
Должны бы дать душѣ твоей покой
Познанія; а между тѣмъ, я вижу,
Несчастный духъ тебѣ лишь сдѣлалъ зло.
Но все-таки ему я благодарна,
И все простить могу ему за то,
Что онъ тебя намъ возвратилъ такъ скоро.

каинъ.

Такъ скоро?

ада.

Да, съ тѣхъ поръ какъ мы раз-
стались,

Едва прошло, быть можетъ, два часа;
Два длинныхъ для меня часа, но только
Лишь два часа, по солнцу.

каинъ.

А межъ тѣмъ

На это солнце я смотрѣлъ вблизи,
Видалъ міры, гдѣ нѣкогда свѣтило,
Но никогда свѣтитъ уже оно
Не будетъ впредь; міры, гдѣ никогда
Оно и не свѣтило; мнѣ казалось,
Съ тѣхъ поръ прошли года.

ада.

Едва часы.

каинъ.

Такъ, значитъ, умъ переживаетъ время
Не по часамъ, но мѣряетъ его
Отрадой или горечью, величьемъ
Иль малостью того, на что глядитъ.
Я видѣлъ безначальныя дѣянья
Начала не имѣющихъ существъ;
Носился надъ погасшими мірами
И, созерцая вѣчность, я и самъ,
Казалось мнѣ, какъ будто бы вѣками
Участвовалъ въ безмѣрности ея.
Но я теперь почувствовалъ всю бренность
Мою опять. Духъ правду мнѣ сказалъ,
Что я—ничто.

ада.

Зачѣмъ сказалъ онъ это?
Намъ Егова не говоритъ такъ.

каинъ.

Нѣтъ.

Съ Него довольно, что Онъ создалъ насъ
Ничтожествомъ и что, польстивши праху
Безсмертіемъ и раемъ, Онъ его
Вновь осуждаетъ прахомъ быть—за что?

ада.

Ты знаешь самъ—за ослушанье нашихъ
Родителей.

каинъ.

Для насъ оно что значить?

Грѣхъ этотъ ихъ, они пусть и умрутъ.

ада.

Худыя рѣчи, Каинъ! эту мысль
Внушилъ тебѣ все тотъ же мрачный духъ.
Ахъ, какъ бы умереть желала я,
Чтобы они не умирали только!

каинъ.

И я бъ желалъ, когда бы этой жертвой
Чудовище насытиться могло,
И если бъ нашъ младенецъ неповинный
Могъ никогда ни самъ не испытать
Отцовскихъ мукъ и смерти, ни въ наслѣдство
Ихъ передать всѣмъ тѣмъ, что отъ него
Произойдутъ.

ада.

Какъ знать, что искупленье

Не будетъ намъ дано когда-нибудь
Подобной жертвой.

каинъ.

Жертвоприношеньемъ

Невиннаго за грѣшныхъ? Какъ понять
Такое искупленье? Да и въ чемъ
Виновны мы? Что сдѣлалъ я, чтобъ мнѣ
Быть жертвою того, что совершилось
До моего рожденія? Иль чтобъ я
Нуждался въ искупленіи за этотъ
Таинственный и безымянный грѣхъ...
Какъ будто грѣхъ—познанія искать?

ада.

Увы! ты согрѣшаешь, милый Каинъ!
Твои слова нечестіемъ звучать
Въ моихъ ушахъ.

каинъ.

Тогда оставь меня.

ада.

Ахъ, никогда, хотя бъ тебя оставилъ
Твой Богъ.

каинъ.

Скажи, что это передъ нами?

ада.

Два алтаря: братъ Авель ихъ поставилъ,
Чтобъ сдѣлать приношеніе на нихъ
Съ тобою вмѣстѣ.

каинъ.

Почему онъ знаетъ,

Что я готовъ сжигать съ нимъ приношенья,
Какъ онъ ихъ сожигаетъ каждый день,
Съ челомъ, отмѣченнымъ боязнью рабской,
Притворствуя передъ самимъ Творцомъ.

ада.

Конечно, Авель сдѣлалъ хорошо.



КАИНЪ И АВЕЛЬ ВЪ ИСКУССТВѢ. ПЕРВАЯ СКОРБЬ НА ЗЕМЛѢ.
Группа Барриаса (Louis Ernest Barrias, p. 1841).

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ ВАЙРОНА.

каинъ.

Двухъ алтарей не надо: у меня
Нѣтъ ничего для этихъ приношеній.

ада.

Плоды земли, созрѣвшіе изъ первыхъ,
Ея цвѣты, чистѣйшіе другихъ,
Всѣ лучшія ея произрастанья:—
Вотъ Господу пріятные дары,
Когда они приносятся съ покорнымъ
И сокрушеннымъ духомъ.

каинъ.

Покоряясь

Проклятію, я землю рылъ, трудился
И былъ въ поту. Ужель все это мало?
За что мнѣ быть покорнымъ? За борьбу
Съ стихіями, что такъ враждуютъ съ нами?
За этотъ горькій хлѣбъ, что мы ѣдимъ?
За что мнѣ благодарнымъ быть? За то ли,
Что я лишь прахъ и пресмыкаюсь въ прахъ,
Пока опять не возвращуся въ прахъ?
Нѣтъ, если я ничто, то ни за что
Не буду лицемѣръ по крайней мѣрѣ;
Не покажу, что мука мнѣ легка.
За что бы могъ я сокрушаться духомъ?
За грѣхъ отца, который ужъ такъ горько
Искупленъ тѣмъ, что мы перенесли,
И будетъ искупаемъ нашимъ родомъ
Вѣками мукъ, предсказанныхъ ему?
Цвѣтушій нашъ малютка и не знаетъ,
Что въ немъ таится сѣмя міріады,
На вѣчныя страданья обреченныхъ!
Какъ былъ бы онъ счастливѣй, если бъ я
Вотъ взялъ его, средь сна его теперъ,
И разrazilъ о камни, чѣмъ остаться
Жить для того...

ада.

Мой Богъ! не тронь дитя...
Мое дитя!... твоё дитя!... О, Каинъ!

каинъ.

Не бойся, нѣтъ! за всѣ свѣтила неба
И власть, что управляетъ ими, я
Не прикоснусь иначе къ этой крошкѣ,
Какъ только съ поцѣлуями отца.

ада.

Тогда зачѣмъ ужасныя слова?

каинъ.

Я говорю, что лучше, если бъ онъ
Жить пересталъ, чѣмъ жить для тѣхъ му-
ченій,

Которыя онъ долженъ перенести
И завѣщать; но такъ какъ эта рѣчь
Не нравится тебѣ, то скажемъ только,
Что лучше не родиться бы ему.

ада.

Ахъ, нѣтъ, не говори такъ. Гдѣ тогда

Была бы радость матери—любить,
Кормить, стеречь и охранять его?
Постой—онъ просыпается. Малютка!

(Идетъ къ ребенку).

Взгляни же, Каинъ, на него—поди;
Смотри, какъ весь онъ полонъ жизни, силы,
Цвѣтушъ, прекрасенъ, веселъ и здоровъ!
Какъ на меня, какъ на тебя похожъ,
Когда ты не взволнованъ; мы похожи
Вѣдь всѣ тогда; не такъ ли, Каинъ? Мать,
Отецъ и сынъ — мы узнаемъ другъ въ
другъ

Свои черты въ томъ видѣ, какъ онъ
Намъ кажутся въ водѣ прозрачной, если
Она тиха, и ты спокоенъ духомъ.
Люби же насъ, мой Каинъ! и люби
Себя для насъ: мы такъ тебя вѣдь любимъ!
Смотри, какъ онъ смѣется, тянетъ ручки
И голубыми глазками глядитъ
Въ глаза тебѣ, а маленькое тѣлице
Отъ радости трепещетъ между тѣмъ,
Какъ машущая крылышками птичка;
Онъ этимъ выражаетъ вѣдь привѣтъ
Родителю. Не говори жъ о мукахъ!
Твоимъ отцовскимъ радостямъ, конечно,
Завидуетъ бездѣтный херувимъ.
Благослови его! И такъ какъ онъ
Малъ для того, чтобъ высказать словами
Тебѣ благодаренье, то его
Тебѣ онъ скажетъ сердцемъ.

каинъ.

Сынъ мой, будь
Благословенъ! когда тебѣ лишь можетъ
Благословенье смертнаго помочь
Отъ змѣева проклятья.

ада.

О, конечно!
Твое благословеніе отца
Способно отвратить лукавство змѣя.

каинъ.

Я въ этомъ сомнѣваюсь; тѣмъ не меньше
Его благословляю.

ада.

Вотъ нашъ братъ
Сюда идетъ.

каинъ.

Я вижу: братъ твой Авель.
(Входитъ Авель).

авель.

Миръ Каину. Духъ Божій надъ тобой
Да будетъ, братъ.

каинъ.

И надъ тобою, Авель.



АДА И СПЯЩІЙ ЕНОХЪ.

Рис. Вудъ (E. Wood), грав. Мотъ (W. J. Mote).

АВЕЛЬ.

Сестра мнѣ говорила, что тебя
Какой-то духъ блуждать водилъ съ собою
Далеко за черту окрестныхъ мѣстъ.
Изъ тѣхъ ли онъ духовъ, что водятъ съ
нами

Сообщество, и образомъ своимъ
Похожъ ли на Адама?

КАИНЪ.

Нѣтъ.

АВЕЛЬ.

Тогда
Зачѣмъ тебѣ сближаться съ нимъ? Быть
можетъ,

Онъ врагъ Всевышняго.

КАИНЪ.

И другъ людей.
А былъ ли имъ Всевышній?—если ты
Его такъ называешь.

АВЕЛЬ.

Называю!

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ВАЙРОНА.

Твои слова сегодня, братъ мой, странны.
Ты, Ада насъ оставь на время. Мы
Здѣсь жертву принесемъ.

ада.

Прощай, мой Каинъ;
Но прежде сына поцѣлуй. Пусть миръ
Души его и умиленіе брата
Передъ святымъ служеньемъ возвратятъ
Тебѣ твой миръ и ясность!

(Ада съ ребенкомъ уходитъ).

авель.

Гдѣ ты былъ?

каинъ.

Не знаю.

авель.

Что жъ ты видѣлъ?

каинъ.

Видѣлъ тайны—
Безсмертныя, безмѣрныя, живыя
И мертвыя воздушнаго пространства,
Безчисленныя множества міровъ,
Живущихъ, отживающихъ, умершихъ,
И ураганъ такихъ непостижимыхъ
Вещей и дѣлъ—солнцъ, мѣсяцевъ, земель,
На ихъ гудящихъ пѣніемъ громовымъ
И необъятныхъ сферахъ, что теперь
Я не гоюсь къ общенію съ прахомъ.

Авель,

Оставь меня; я долженъ быть одинъ.

авель.

Твои глаза сіяютъ страннымъ блескомъ,
Твое лицо пылаетъ страннымъ гнѣвомъ,
Твой голосъ поражаетъ страннымъ зву-
комъ...

Что можетъ это значить?

каинъ.

Это значить...

Но я прошу, оставь меня.

авель.

Нѣтъ, я

Хочу съ тобой молиться вмѣстѣ.

каинъ.

Авель,

Прошу тебя, молись одинъ; ты очень
Угоденъ Еговѣ.

авель.

И ты, надѣюсь.

каинъ.

Но ты гораздо больше; я на это
Не жалуюсь; ты болѣе, чѣмъ я,
Пригоденъ для служенія Ему.
Такъ чти Его, но чти уже одинъ,
Иль безъ меня по крайней мѣрѣ.

авель.

Братъ,

Я не былъ бы достойный сынъ Адама,
Когда бы не уважилъ твоего
Старѣйшинства и, въ этомъ преклоненіи
Не предложилъ бы предстоять тебѣ—
Перворожденному—на первомъ мѣстѣ.

каинъ.

Я никогда о немъ не ревновалъ.

авель.

Тѣмъ болѣе прискорбно для меня.
Прошу тебя—воспользуйся имъ нынѣ.
Душа твоя, мнѣ кажется, въ борьбѣ
Съ опаснымъ навожденіемъ: это ей
Покой бы возвратило.

каинъ.

Нѣтъ, ничто

Не можетъ дать ей болѣе покоя.

Покоя—говорю я? Никогда

Въ моей душѣ онъ не былъ, хоть я ви-
дѣлъ

Затишье межъ стихіями. Братъ Авель,
Оставь меня, иль мнѣ позволь оставить
Тебя въ твоемъ намѣреніи святомъ.

авель.

Нѣтъ, мы должны служенье это вмѣстѣ
Исполнить...Братъ! не презирай меня.

каинъ.

Когда нельзя иначе—я готовъ.

Но что я долженъ дѣлать?

авель.

Вотъ, избрать

Одинъ изъ этихъ алтарей.

каинъ.

Ты самъ

Мнѣ изберешь; по мнѣ, они равны:

Лишь дернъ и камень.

авель.

Нѣтъ, ты долженъ выбрать.

каинъ (указывая на одинъ изъ алтарей).
Я выбираю этотъ.

авель.

Да, онъ выше

И болѣе достоинъ быть твоимъ.

Теперь ты приготовишь приношенья

Для алтаря.

каинъ.

А гдѣ твои?

авель.

Взгляни—

Вотъ первенцы отъ стада: ихъ нѣжный
пухъ



КАИНЪ И АВЕЛЬ ВЪ ИСКУССТВѢ.
Скульптура Адольфа Гильдебранда (Adolf Ernst Hildebrand, р. 1847).

Послужить приношеніемъ смиреннымъ
Отъ пастыря.

каинъ.

Я не имѣю стада;
Я земледѣль и дать могу лишь то,
Что моему труду даетъ земля:
Ея плоды.

(Набираетъ плоды).

Взгляни на нихъ во всей
Ихъ зрѣлости и блескѣ ихъ цвѣтовъ.
(Оба убираютъ свои алтари и зажигаютъ ихъ).

авель.

Какъ первенецъ, ты, братъ мой, принесешь
Свои благодаренья и молитвы
Надъ всесоженъемъ первый.

каинъ.

Нѣтъ, я въ этомъ
Неопытенъ: ты покажи мнѣ путь,
Я буду подражать, какъ я могу.

авель *(преклоняя колѣна).*

О, Боже, Ты, Который создалъ насъ
И въ ноздри намъ дыханье жизни вдунулъ,
Благословилъ нашъ родъ и не далъ намъ—
Сынамъ грѣха—погибнуть безвозвратно,
Какъ мы могли, когда бѣ твой правый гнѣвъ
Не умягченъ былъ благодатью Твоею,
Создавшей намъ, внѣ Рая, новый рай,
Намъ, грѣшникамъ, прощенья недостойнымъ!
О, Боже свѣтовъ, славы и добра,
Изъ зла творящій благо и ко благу
Все въ мірѣ направляющій своей
Непостижимой, тайной, сокровенной,
Но непреложной мудростью!—Прими
Отъ перваго изъ пастырей смиренныхъ
Первороденный плодъ отъ первыхъ стадъ,
Пасомыхъ имъ.—Не ради этой жертвы
Прими ее. Чѣмъ можетъ быть она
Для Господа? Но ради умиленья
Того, кто предъ лицомъ твоихъ небесъ
Съ челомъ, приникшимъ къ праху, изъ него же
Онъ сотворенъ, о имени твоёмъ
Творить хвалу—хвалу вѣки.

каинъ *(оставаясь на нѣтъ).*

Духъ!

Кто или что ты ни былъ бы—всесильный,
(Что можетъ быть) благой, чего, однако,
Изъ дѣлъ твоихъ не видно! Егова
На сей землѣ! Господь на небесахъ!
И, можетъ быть, извѣстный подъ другими
Названьями, такъ какъ всѣхъ свойствъ
Твоихъ

Мы такъ же, какъ и дѣлъ Твоихъ, не знаемъ!
Кто бѣ ни былъ Ты, но если ублажать

Тебя должно молитвами—прими ихъ!
Иль если Ты быть долженъ алтарями
И жертвами смягчаемъ—вотъ они!
Предъ ними и Тобою предстоятъ здѣсь
Два существа. Когда Ты любишь кровь,—
Пастухъ на алтарь своемъ, горящемъ
Направо отъ меня, пролилъ ее
Изъ первенцевъ пасомаго имъ стада,
И курево кровавое ихъ мясъ,
Клубясь, восходить къ небу Твоему.
Иль если Ты румяные плоды,
Созрѣвшіе на этой луговинѣ,
Подъ теплотой живительныхъ лучей
Широкаго свѣтила, не находишь,
На взгляды Твой, неугодными, хотя
Они не претерпѣли ни закланья,
Ни растерзанья членовъ, и скорѣй
Должны бы дѣлъ Твоихъ быть образцами,
Чѣмъ жертвою за наши; если этотъ
Алтарь—я говорю—необгаженный
Закланной жертвы кровью, можетъ быть
Угоденъ предъ Тобою,—удостой
Принять его! Что до того, кто эти
Плоды принесъ, то онъ таковъ, какъ Ты
Создалъ его, и ничего не ищетъ
Онъ у Тебя колѣнопреклоненъемъ.
Когда онъ золъ, то порази его!
Ты всемогущъ и властенъ—какъ онъ можетъ
Тебѣ противостать?.. Когда онъ добръ,
Спаси иль порази его, какъ хочешь!
Все это, вѣдь, зависитъ отъ Тебя;
Все по Твоей лишь волѣ происходитъ:
Добро и зло. И что такое зло,
И что добро—я этого не знаю.
Вѣдь я не всемогущій и не создатель
Судить о всемогуществѣ, а только
Лишь выносить велѣнія его,
Которыя и выношу по мѣрѣ
Всѣхъ силъ моихъ.

*(Огонь на алтарь Авеля образуетъ столбъ,
блестящаго пламени, восходящій къ небу,
между тѣмъ какъ вихрь разметываетъ ал-
тарь Каина и далеко разстигаетъ по землѣ
принесенные плоды).*

авель *(преклоняя колѣна).*

О, братъ, молись! молись!
Гнѣвъ Божій надъ тобою.

каинъ.

Почему?

авель.

Твои плоды, ты видишь, по землѣ
Разсѣяны.

каинъ.

Земля ихъ породила,
Земля пусть ихъ и приметъ; сѣмя ихъ

КАИНЪ.

Дастъ новые плоды за это лѣто.
Ты приношеньемъ мяса угодилъ
Гораздо больше небу; видишь, какъ
Оно глотаеъ дымъ, когда онъ съ кровью.

авель.

Не думай объ угодности моей
Смиренной жертвы, но, пока не поздно,
Готовъ скорѣй другую отъ себя.

каинъ.

Я алтарей не буду строить больше,
Я даже ихъ терпѣть не буду...

авель (*вставляя съ колынь*).

Каинъ!

Что думаешь ты сдѣлать?

каинъ.

Уничтожить

Вотъ этого лъстеца твоихъ небесъ,
Курителя молитвъ твоихъ презрѣнныхъ,
Обрызганнаго кровію ягнятъ,
Отъ матерей ихъ огнятыхъ,—алтарь твой.

авель.

Не подходи! не прибавляй къ безбожнымъ
Словамъ безбожныхъ дѣлъ; оставь алтарь,
Какъ онъ стоитъ; онъ освященъ теперь
Безсмертною утѣхой Егovy,
И лишь Ему принадлежить.

каинъ

Ему!

Его утѣхой! Такъ его утѣха
Въ дымящейся крови отъ этихъ мясъ?
Въ бляеяни матерей, что въ этотъ мигъ
Дрожать еще за ихъ убитыхъ дѣтищъ?
Иль въ мукахъ жертвъ, дрожавшихъ подъ
твоимъ

Ножомъ благочестивымъ?.. Отойди!
Кровавый этотъ памятникъ не будетъ
Стоять подъ этимъ солнцемъ, на позоръ
Творенію.

авель.

Братъ, братъ, остановись!
Ты не подымаешь рукъ на мой алтарь
Съ насиліемъ; но если ты желаешь
Для новой жертвы взять его—онъ твой.

каинъ.

Для новой жертвы! прочь! Или иначе
Я этой жертвой сдѣлаю... прочь! прочь!

[авель.

Что хочешь ты сказать!

каинъ.

Посторонись!

Твой Богъ такъ любитъ кровь! такъ берегись,

Пока ея не получилъ Онъ больше.
Посторонись.

авель.

Я именемъ Его
Стою здѣсь межъ тобой и алтаремъ,
Ему принадлежащимъ.

каинъ.

Если ты
Себя не ненавидишь—отойди,
Пока я этотъ дернъ не разнесу
Весь по его родному лугу, или...

авель.

Я жизнь мою не такъ люблю, какъ Бога.
каинъ (*поражая его въ високъ головою, ко-
торую схватываетъ съ алтаря*).

Такъ пусть твой Богъ возьметъ ее: Онъ
любитъ
Ихъ поглощать.

авель (*падая*).

Братъ, что ты сдѣлалъ?

каинъ.

Братъ!

авель.

Прими, о, Боже! твоего раба
И отпусти его убійцѣ,—онъ
Не вѣдалъ, что творилъ... Дай, Каинъ,
руку—

Подай свою мнѣ руку и скажи
Моей несчастной Зиллѣ, чтобъ она...

каинъ (*послѣ паузы*).

Моя рука!—она красна! и—въ чемъ?

(*Длинная пауза. Онъ осматривается
кругомъ*).

Гдѣ я?—Одинъ!—Гдѣ Авель? Каинъ гдѣ?
Возможно ли, чтобъ онъ былъ я? Мой братъ,
Проснись, встань! Зачѣмъ лежать ты будешь
Такъ на землѣ? Пора для сна придетъ.
И отчего такъ блѣденъ? Что съ тобою?
Ты жизнь кипѣлъ сегодня утромъ.
Прошу тебя, не смѣйся надо мною.
Я сильно поразилъ тебя, то правда,
Но вѣдь не слишкомъ. Ахъ, зачѣмъ ты шелъ
Противъ меня! Но это только шутка;
Ты хочешь напугать меня: то былъ
Простой ударъ, ударъ—не больше. Двинься!
Поворотись!.. вотъ, хорошо—ты дышишь!
Дохни, братъ, на меня! О, Боже! Боже!

авель (*едва слышно*).

Кто говорить о Богѣ?

каинъ.

Твой убійца.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ БАЙРОНА.

авель.

Такъ пусть же Богъ проститъ ему. Братъ
Каинъ,

Не позабудь о Зиллѣ: у нея
Въ тебѣ одномъ теперь остался братъ.

(Умираетъ).

каинъ.

А у меня—ни въ комъ. Кто отнялъ брата
У Каина?—Его глаза глядятъ—
Такъ онъ неумеръ, нѣтъ! Я слышалъ, смерть
Подобна сну, а сонъ смыкаетъ вѣки.
Вотъ и уста открыты у него—
Онъ долженъ бы дышать!.. Но я не слышу
Дыханія. Ахъ, къ сердцу,—къ сердцу надо
Прислушаться: не бьется ли оно?
Мнѣ кажется—нѣтъ! нѣтъ!.. Но это все
Не наяву! Иль я вдругъ очутился
Въ другомъ и худшемъ мірѣ? Предо мной
Кружится все... Что это? будто влага...

(Проводитъ рукою по лбу и потомъ раз-
сматриваетъ ее).

Но не роса, однако. Это кровь—
Кровь брата моего—и пролита
Моей рукою! Такъ что же больше дѣлать
Мнѣ съ жизнію, когда я отнялъ жизнь
У столь родной мнѣ плоти? Нѣтъ,
Не умеръ онъ! Молчанье развѣ смерть?
Нѣтъ,—нѣтъ, онъ долженъ встать, и я его
Постерегу. Жизнь развѣ можетъ быть
Столь слабою, чтобъ такъ легко погаснуть?
Притомъ,—онъ говорилъ съ тѣхъ поръ. Что

мнѣ
Сказать ему? Мой братъ!.. Нѣтъ, онъ не
дастъ
На этотъ зовъ отвѣта мнѣ: вѣдь братья
Не могутъ такъ другъ друга поражать.
Но все жъ заговори! еще хотъ слово
Произнесетъ пусть этотъ милый голосъ,
Чтобъ выносить и собственный я могъ!

(Входитъ Зилла).

зилла.

Отсюда раздавался громкій шумъ;
Что означать онъ могъ бы?.. Это Каинъ
И стережетъ супруга моего.
Что здѣсь такое, братъ? Онъ спитъ? О,

небо!..
Что значить эта блѣдность и вотъ тѣ
Струи на немъ? Нѣтъ, нѣтъ! конечно, это
Не кровь его! Вѣдь кровь его пролить
Кто могъ бы здѣсь? Что жъ это значить?

Авель!..

Кто сдѣлалъ это съ нимъ? Онъ неподви-
женъ...

Уста его не дышать... и рука,

Какъ камень, выпадаетъ изъ моей.
Жестокій Каинъ! какъ не подоспѣлъ
Ты во-время, чтобы помочь ему
Въ борьбѣ его? Вѣдь съ кѣмъ онъ ни бо-
ролся,—

Ты былъ сильнѣй, и долженъ былъ бы
стать

Межъ нимъ и нападающимъ. Отецъ,
Иди сюда! Идите, Ева, Ада!
Смерть въ мірѣ пришла.

(Уходитъ, громко призывая отца и мать).

каинъ (одинъ).

А кто привелъ ее?

Я—я, что ненавижу имя Смерти
Такъ глубоко, что прежде, чѣмъ узналъ
Лицо ея, мнѣ мысль о ней являлась
Отравой! Я въ мірѣ привелъ ее,
Привелъ затѣмъ, чтобъ брата моего
Отдать въ ея холодныя объятія,
Какъ будто безъ меня ей было трудно
Войти въ права ужасныя свои!
Я, наконецъ, проснулся. Мрачный сонъ,
Меня безумнымъ сдѣлавшій, проходить;
Но Авель не проснется никогда!

Входятъ адамъ, ева, ада и зилла.

адамъ.

Я прихожу на плачъ и стоны Зиллы.
Что вижу я? Такъ это правда? Сынъ мой!
Жена, взгляни на это дѣло змія
И на твое!

ева.

Не говори теперь
Мнѣ этого: мнѣ зубы змія въ сердце
Вонзаются. О, Авель!.. сынъ мой!.. Авель!
Но это наказанье, Егова,
Превысило грѣхъ матери:—отнять
Его у ней!

адамъ.

Кто умертвилъ его?

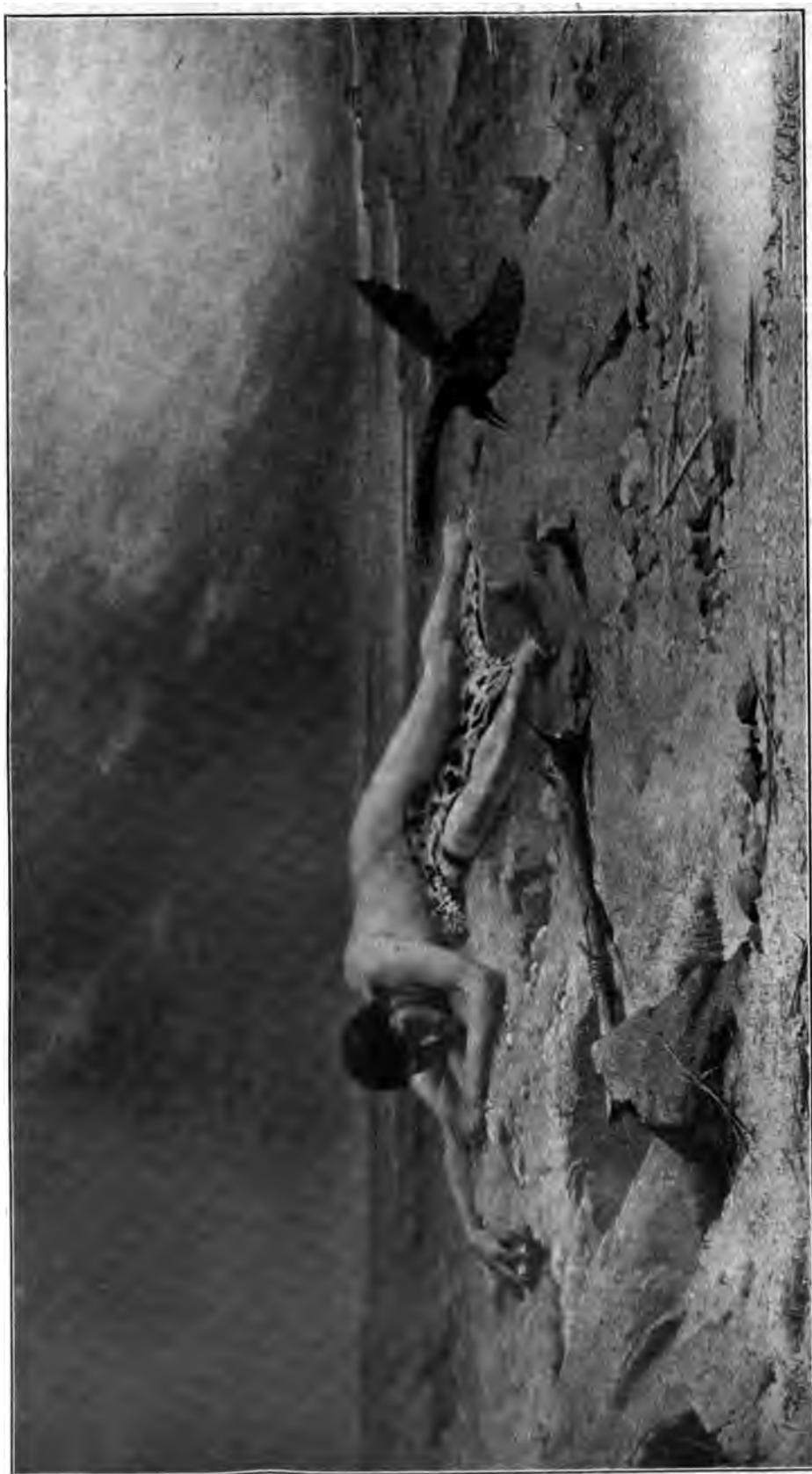
Ты, Каинъ, былъ съ нимъ вмѣстѣ. Говори:
То былъ ли духъ, враждебный намъ, изъ
тѣхъ,
Что Господомъ отвергнуты, иль звѣрь
Какой лѣсной?

ева.

Ахъ, мнѣ зловѣщій свѣтъ,
Какъ молнія, все дѣло озаряетъ.
Та головня! Кѣмъ съ алтаря она
Была взята,—вся черная отъ дыма
И вся въ крови?

адамъ.

О, сынъ мой, говори—
Увѣрь же насъ, что если мы несчастны,
То все жъ не такъ, по крайней мѣрѣ.



КАИНЪ И АВЕЛЬ ВЪ ИСКУССТВѢ.
Картина Лиски (Emanuel K. Liska, p. 1853).

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ВАЙРОНА.

АДА.

Каинъ,

Скажи, скажи, что это былъ не ты!

ЕВА.

Онъ, это онъ. Теперь я это вижу.
Онъ головой преступною поникъ,
Кровавыми руками закрываетъ
Свирѣпый взоръ.

АДА.

Не оскорбляй его
Напрасно, мать! Очисти себя, мой Каинъ,
Отъ этого кроваваго навѣта,
Что только скорбь родителей твоихъ
Внушаетъ имъ.

ЕВА.

Внемли мнѣ, Егова!
Будь вѣчное проклятіе съ нимъ змія!
Вѣдь онъ скорѣй его, чѣмъ нашимъ былъ
Рожденіемъ. Всѣ дни его да будутъ
Печальными, какъ этотъ. Будь онъ...

АДА.

Мать!

Не проклинай его: вѣдь онъ твой сынъ;
Не проклинай: вѣдь онъ супругъ и братъ
мой.

ЕВА.

Онъ сдѣлалъ то, что у тебя нѣтъ брата,
У Зиллы нѣтъ супруга, у меня
Нѣтъ сына больше. И за все за это
Будь проклятъ онъ и изгнанъ навсегда
Изъ глазъ моихъ. Всѣ связи между нами
Будь порваны, какъ самъ онъ разорвалъ ихъ
Между собой и этимъ... Смерть! О, Смерть!
Зачѣмъ ты не меня взяла? Зачѣмъ
Щадишь теперь? Вѣдь я тебѣ навстрѣчу
Шла первая.

АДАМЪ.

Жена, остерегись!
Понятная печаль твоя—грѣховна.
Тяжелый нашъ удѣлъ заранѣ былъ
Предсказанъ намъ: и вотъ, онъ насъ по-
стигнулъ.

Такъ будемъ же нести его теперь
Предъ Господомъ, какъ подобаешь вѣрнымъ
Рабамъ его, что признаютъ во всемъ
Его святую волю.

ЕВА (указывая на Каина).

Вотъ чью волю!
Того хотѣлъ вотъ этотъ демонъ смерти,
Рожденный мной на землю, чтобъ ее
Усѣять мертвецами. Будь надъ нимъ
Всѣ, всѣ проклятія жизни! Чтобы онъ
Въ своей тоскѣ бѣжалъ отъ насъ въ пу-
стыню,
Пока бы тамъ отъ собственныхъ дѣтей

Не испыталъ того, что сдѣлалъ брату!
Чтобы мечи и крылья херувимовъ
И день и ночь тамъ гнали бѣглеца!
Чтобы путь его усѣяны были змѣями!
Плоды земли чтобъ обращались въ пепелъ
Въ его устахъ! Листва, гдѣ онъ свою
Приклонить голову, чтобъ скорпіоновъ
Была полна! Чтобы въ снахъ своихъ онъ
видѣлъ

Убитую имъ жертву! наяву
Чтобы былъ объятъ боязнью убійцы!
Чтобы свѣтлые ручьи, когда онъ къ нимъ
Свирѣпая уста наклонить, кровью
Вдругъ потекли! Чтобы онъ во всѣхъ сти-
хяхъ

Обманъ или измѣну находилъ!
Чтобы жизнь ему была той самой мукой,
Съ какой мы умереть должны, а смерть—
Еще ужаснѣй смерти—для него,
Кто первый съ ней знакомитъ человѣка!
Прочь, прочь, братоубійца!—это слово
Отнынѣ значить Каинъ!—Каинъ, Каинъ!
На всѣ вѣка, для цѣлыхъ міріадъ,
Которыя тебя возненавидятъ,
Хоть ты отцомъ ихъ будешь! Пусть трава
Тамъ вянетъ, гдѣ ты ступишь! Пусть лѣса
Тебѣ откажутъ въ тѣни ихъ, земля—
Въ жилищномъ кровѣ, прахъ—въ могилѣ,
солнце—

Въ сіяніи и небеса—въ ихъ Богъ!

(Уходитъ).

АДАМЪ.

Иди отъ насъ. Мы болѣе не можемъ
Съ тобою жить. Спѣши избрать свой путь.
Мертвецъ со мной останется; отнынѣ
Я одинокъ: мы больше никогда
Не встрѣтимся.

АДА.

Отецъ! разстанься съ нимъ
Какъ надлежитъ отцу: не прибавляй
Тяжелаго проклятія своего
На голову его къ проклятію Евы.

АДАМЪ.

Я не клянусь его: его проклятіе
Въ его душѣ. Идемъ отсюда, Зилла.

ЗИЛЛА.

Я здѣсь должна при тѣлѣ моего
Супруга быть.

АДАМЪ.

Мы будемъ здѣсь опять;
Пускай уйдетъ лишь тотъ, кто намъ доста-
вилъ

Заботу эту страшную. Идемъ.

ЗИЛЛА.

Дай мнѣ поцѣловать еще разъ этотъ

Остывшій прахъ и эти вотъ уста,
Когда-то столь горячія. О, сердце!...
О, грудь моя!

(Адамъ и Зилла уходятъ).

ада.

Ты слышалъ, Каинъ,—мы
Должны уйти отсюда. Я готова
И скоро приготовлю и дѣтей.
Я понесу Еноха; ты возьмешь
Сестру его. Уйдемъ, пока закатъ
Не наступилъ, чтобъ ночью не идти
Пустынею. Но—говори со мной...

каинъ.

Оставь меня!

ада.

Увы! не всё ль тебя
Оставили?

каинъ.

А ты что медлишь? Развѣ
Ты можешь жить съ такимъ, кто это сдѣлалъ?

ада.

Я все стерплю, тебя же не покину,
Какой бы страхъ мнѣ ни внушало дѣло,
Лишившее насъ брата. Я ль должна
Судить и говорить о немъ? оно
Между тобой и Богомъ.

голосъ.

Каинъ! Каинъ!

ада.

Ты слышишь этотъ голосъ?

голосъ.

Каинъ! Каинъ!

ада.

То голосъ ангела.

(Входитъ Ангелъ Господень).

ангелъ господень.

Гдѣ братъ твой Авель?

каинъ.

Я развѣ сторожъ брату моему?

ангелъ.

Что сдѣлалъ ты? Кровь брата твоего
Изъ нѣдръ земли до неба вопіетъ.
Отъ сей поры ты проклятъ сталъ землею,
Открывшею уста свои—принять
Кровь брата твоего отъ рукъ твоихъ.
Когда ее воздѣлывать ты будешь,
Она теперь тебѣ не станетъ силы
Своей давать. Ты будешь на землѣ
Изгнанникомъ отнынѣ и скитальцемъ.

ада.

Но это наказаніе сильнѣй,
Чѣмъ вынести онъ можетъ. Вѣдь теперь
Ты отъ лица земли его изгналъ,
И скроется онъ отъ лица Господня,
Изгнанникъ и скиталецъ на землѣ.
Не всякій ли тогда, кого онъ встрѣтитъ,
Убьетъ его?

каинъ.

Ахъ, если бы! Но кто
Убьетъ меня? Кто на землѣ пустынной
Мнѣ встрѣтится?

ангелъ.

Ты былъ убійцей брата,
Кто можетъ защитить тебя отъ сына?

ада.

О, ангелъ свѣта! будь къ намъ милосердъ!
Не говори, что эта грудь, такъ много
Терпящая, въ младенцѣ этомъ кормитъ
Убійцу своего отца.

ангелъ.

Тогда

Онъ былъ бы тѣмъ, чѣмъ былъ его отецъ.
Грудь Евы не питала ли того,
Кого въ крови ты видишь предъ собою?
Братоубійца можетъ народить
Отцеубійцъ. Но этого не будетъ.
Господь велитъ мнѣ наложить печать
На Каина, чтобъ онъ въ своемъ скитаньи
Былъ невредимъ. Тому въ семь разъ от-
мстится,

Кто Каина убьетъ. Поди сюда.

каинъ,

Чего ты хочешь отъ меня?

ангелъ.

Печать

Поставить на челѣ твоёмъ, чтобъ ты
Не испыталъ того, что сдѣлалъ самъ.

каинъ.

Нѣтъ, дай мнѣ умереть.

Ангелъ.

Господь иначе

Судилъ тебя.

(Ангелъ прикладываетъ ко лбу Каина пе-
чатку).

каинъ.

Мой лобъ горитъ; но это
Ничто предъ тѣмъ, что тамъ, внутри его.
Что далѣе? ты видишь—я покорень.

ангелъ.

Отъ чрева былъ строптивъ ты и упрямъ,
Какъ та земля, которую отнынѣ
Ты осужденъ воздѣлывать; но тотъ,

Кого убилъ ты,—онъ былъ безобиденъ,
Какъ тѣ стада, которыя онъ пасъ.

каинъ.

Я зачатъ былъ къ паденью очень близко,
Когда еще духъ матери моей
Не помирился съ змѣемъ, а отецъ
Оплакивалъ Эдемъ свой. Я таковъ,
Каковъ я есть. Я не своею волей
На свѣтъ рожденъ и не самимъ собой
Былъ сотворенъ; но если бъ я изъ праха
Поднять его моею смертью могъ!..
И отчего бы нѣтъ? Пускай онъ къ свѣту
Вернется вновь, а я пусть мертвецомъ
Повергнусь здѣсь! Для Бога вѣдь легко
Такъ оживить того, кого любилъ онъ,
И умертвить того, кто лишь съ трудомъ
Жизнь выносилъ.

ангелъ.

Кто исцѣлитъ убійство?
Что сдѣлано, то сдѣлано.—Иди!
Исполни дни твои, и пусть дѣла
Твои впередъ не будутъ сходны съ этимъ.
(Ангелъ исчезаетъ).

ада.

Вотъ, онъ исчезъ. Пора и намъ въ свой
Путь!
Мнѣ слышится, малютка нашъ Енохъ
Подъ нашей кущей плачетъ.

каинъ.

Ахъ, онъ плачетъ,
Не понимая самъ, о чемъ. А я,
Пролившій кровь, я не могу лить слезы.
На четыремя рѣками не омыть
Свою мнѣ душу. Думаешь ли ты,
Что сынъ нашъ можетъ выносить мой видъ?

ада.

Когда бъ я думала, что онъ не можетъ..
каинъ (прерывая ее).
Нѣтъ, нѣтъ, оставь угрозы; мы такъ много
Ихъ слышали. Иди же къ дѣтямъ; я—
Вслѣдъ за тобой.

ада.

Я не могу тебя
Оставить одного здѣсь съ мертвецомъ.
Мы вмѣстѣ съ нимъ разстанемся.

каинъ.

Мертвецъ,
Но вѣчный обличитель! Ты, чья кровь
Мнѣ небеса и землю застилаетъ!
Что ты теперь такое—я не знаю,
Но что такое я—о, если это
Не недоступно взору твоему,
То ты простишь, я думаю, тому,
Кто никогда прощенъ не будетъ Богомъ,

Ни собственной душой своей!... Прощай.
Я не могу, не смѣю прикоснуться
Къ тому, что изъ тебя я сдѣлалъ. Я,
Что былъ рожденъ одной съ тобой утробой,
Сосалъ съ тобою грудь одну и часто
Къ своей тебя по-братски прижималъ
Въ дни юности,—я больше никогда
Тебя уже не встрѣчу. Я не смѣю
Исполнить даже для тебя того,
Что ты былъ долженъ сдѣлать мнѣ—сло-
жить

Твой прахъ въ могилу, первую могилу,
Что вырыта для смертнаго. И кто
Могилу эту вырылъ? О! земля!
Земля!... Увы! за всѣ твои дары,
Что ты давала мнѣ, я возвращаю
Вотъ что тебѣ... Теперь идемъ въ пустыню.
ада (припадая и цѣлуя тѣло Авеля).

Печальный и безвременный конецъ,
Мой братъ, твоимъ удѣломъ былъ. Изъ
всѣхъ,

Пронзенныхъ скорбью о тебѣ, не плачу
И плакать не должна одна лишь я.
Мой долгъ не проливать отнынѣ слезы,
А только осушать ихъ. Но изъ всѣхъ,
Пронзенныхъ скорбью, не пронзенъ никто
Сильнѣй, чѣмъ я—не о тебѣ лишь, братъ
мой,

Но и о томъ, кто умертвилъ тебя.
Съ тобой дѣлить судьбу я стану, Каинъ.

каинъ.

Путь выберемъ мы на востокъ отъ рая:
Онъ болѣе пустыненъ и пристойнѣе
Стопамъ моимъ.

ада.

Веди! Будь мнѣ вождемъ,
А нашъ Господь твоимъ вождемъ пусть
будетъ!

Идемъ, возьмемъ дѣтей.

каинъ.

А тотъ, кто здѣсь
Останется лежать—онъ былъ бездѣтенъ.
Я изсушилъ источникъ поколѣнья,
Что ложу новобрачному его
Даровано могло быть,—поколѣнья
Беззлобнаго, что, можетъ быть, могло бъ
Умѣрить кровь жестокою въ моемъ,
Союзами дѣтей его съ моими.
О, Авель, Авель!

ада.

Миръ ему!

каинъ.

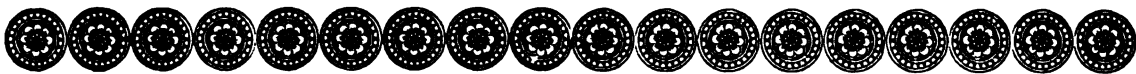
А мнѣ?

(Уходятъ).

Е. Заринъ.



ПЕРВАЯ СМЕРТЬ НА ЗЕМЛѢ.
Картина Бюро (Boignietan, 1888).



Примѣчанія ко II-му тому.

ШИЛЬОНСКИЙ УЗНИКЪ.

Стр. 13. *Не страхъ внезапный въ ночь одну
До срока долгъ мнѣ сѣдину.*

«Лодовико Сфорца и др. То же утверждаютъ и относительно Марин-Антуанетты, супруги Людовика XVI, хотя съ нею это случилось не въ столь короткое время. Говорятъ, что горе пронаводитъ такое же дѣйствіе; и то, что произошло съ королевой, объясняется именно горемъ, а не страхомъ». (Прим. Байрона).

Кельсингъ и др. комментаторы приводятъ, для сравненія, слова Фалист фа изъ «Генриха IV». ч. I, д. 2, сц. 4: «У отца твоего борода посѣдѣла отъ этихъ новостей» — и слѣдующее мѣсто изъ поэмы Вальтеръ-Скотта «Мармיוвъ», хорошо известной Байрону: «Опасность, долгія скитанія, нужда или горе быстро измѣняютъ знакомыя намъ черты; смертельный страхъ можетъ предупредить время и сразу сдѣлать волосы сѣдыми; тяжкій трудъ можетъ сдѣлать черты лица грубыми, а нужда можетъ погасить блескъ очей, и старость не проводитъ морщинъ болѣе глубокихъ, нежели отчаяніе». Въ научныхъ сочиненіяхъ приводится довольно много примѣровъ внезапной сѣдины, какъ слѣдствія сильнаго душевнаго потрясенія. Между прочимъ, о знаменитомъ авторѣ «Утопін» Томасъ Морусъ, рассказываютъ, что онъ посѣдѣлъ въ одну ночь, когда ему былъ объявленъ смертный приговоръ.

Насъ было шесть,—пяти ужъ нтъ.

Въ подлинникѣ: «Насъ было семеро,—теперь остался только одинъ; шестеро юношей и одинъ старецъ кончили тѣмъ, чѣмъ начали, гордясь яростью гоненія. Одинъ—на кострѣ, а двое на полѣ битвы запечатали кровью свою вѣру и умерли, какъ умеръ отецъ; трое были брошены въ тюрьму,—и изъ нихъ остался послѣдній обломокъ». Непонятно, почему Жуковский вмѣсто «семѣ» поставилъ «шесть». У историческаго Бонниваръ было только два брата, но они не были заключены съ нимъ вмѣстѣ въ Шильонскую тюрьму, и описаніе ихъ смерти принадлежитъ всецѣло фантазіи Байрона.

На лонъ водъ стоитъ Шильонъ.

Въ письмѣ въ Муррею изъ Венеціи, отъ 9 апрѣля 1817 г., Байронъ, между прочимъ, сообщаетъ: «Шильонскій Узникъ былъ прочитанъ одному 90-лѣтнему швейцарцу, г. де-Люку, и понравился ему,—такъ пишетъ мнѣ сестра. Онъ сказалъ, что онъ былъ въ Шильонѣ вмѣстѣ съ Руссо и что мое описаніе совершенно вѣрно. Но этого еще мало: мнѣ вспомнилось его имя, и я отыскалъ въ «Исповѣди» Руссо слѣдующее мѣсто:

«Изъ всѣхъ этихъ развлеченій въ особенности понравилась мнѣ прогулка вокругъ озера, которую

я совершилъ въ лодкѣ вмѣстѣ съ г. де-Люкомъ старшимъ, его невѣсткою, ея двумя сыновьями и моею Терезой. Эта поѣздка продолжалась всего семь дней, при прекраснѣйшей погодѣ. Я сохранилъ живую память о картинахъ, поразившихъ меня на берегахъ озера и описанныхъ мною, нѣсколько лѣтъ спустя, въ *Новой Элоизѣ*».

Этотъ 90-лѣтній старикъ, де-Люкъ, былъ, конечно, однимъ изъ *двухъ сыновей*. Онъ живетъ въ Англіи, слабый, но еще способный къ труду. Замѣчательно, что онъ прожилъ такъ долго, да не менее замѣчательно и то, что онъ участвовалъ въ поѣздкѣ Руссо, а потомъ, черезъ столько лѣтъ, прочелъ поэму, написанную англичаниномъ, который совершилъ точно такую же поѣздку и описалъ тотъ же самый пейзажъ».

Колонна каждая съ кольцомъ.

Авторъ новѣйшаго (1846) «Путеводителя» по Шильону, Нафъ, замѣчаетъ, что это описаніе не исполнило точно: У третьей колонны, повидимому, никогда не было кольца; но слѣды колецъ очень замѣтны на двухъ первыхъ отъ входа колоннахъ, а на трехъ послѣднихъ мы видимъ и самыя кольца, вдѣланные съ темной стороны столбовъ, обращенной къ стѣнѣ, такъ что прикованные къ нимъ несчастные узники были лишены свѣта. Пятая отъ входа колонна считается тою, къ которой былъ прикованъ Бонниваръ. На южной сторонѣ третьей колонны Байронъ и Шелли вырѣзали свои имена.

Стр. 14. *Печальный сводъ, который намъ*

Могилой заживо служилъ,

Изрытъ въ скаль подводной былъ.

«Шильонскій замокъ находится между Клараномъ и Виллсвотомъ, расположеннымъ на одномъ изъ концовъ Женевского озера. Слѣва отъ него находятся устья Роны, а на противоположной сторонѣ озера—высоты Мейери и рядъ Альповъ надъ Буврѣ и сень-Женго. Близъ замка, на лежащемъ позади него холмѣ, имѣется водопадъ; глубина озера въ томъ мѣстѣ, гдѣ оно омываетъ стѣны Шильона, равняется 800 французскимъ футамъ; въ замкѣ находится рядъ тюремъ, куда нѣкогда заключали реформаторовъ, а впоследствии — государственныхъ преступниковъ. Подъ однимъ изъ сводовъ лежитъ почернѣвшая отъ времени плаха, на которой, какъ говорятъ, въ прежнее время казнили осужденныхъ. Въ подземельѣ семь колоннъ, или, вѣрнѣе, восемь, такъ какъ одна изъ нихъ наполовину вдѣлана въ стѣну; на нѣкоторыхъ изъ нихъ есть кольца для цѣпей; на полу остались слѣды шаговъ Бонниваръ. Онъ былъ заключенъ въ эту тюрьму въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. У стѣны этого замка разыгрывается развязка «Элоизы» Руссо: Юлія спасаетъ ся утопающаго ребенка; потрясеніе, вызван-

ное этимъ событіемъ, и болѣзнь, какъ слѣдствіе того, что она бросилась въ воду, являются причиною ея смерти. Замокъ обширенъ и виденъ съ озера на далекомъ разстояніи. Стѣны его бѣлыя. (Прим. Байрона).

«Шильонскій замокъ находится въ самомъ озерѣ, на утесѣ, образующемъ полуостровъ, вокругъ котораго глубину озера измѣряли до 800 футовъ, не доставая дна. Внутри этого утеса вырыты погреба и кухни ниже уровня воды, которую, по желанію, можно вводить туда, открывая краны Тамъ-то и былъ заключенъ въ продолженіе шести лѣтъ Франсуа Бонниваръ... человекъ, одаренный рѣдкими достоинствами, непоколебимою прямою и твердостью, другъ свободы, хотя и савояръ, и вѣротерпимый, несмотря на свое духовное званіе». (Руссо, «Новая Элоиза», ч. VI, п. 8, прим. 1).

Преданіе о томъ, будто тюрьма Боннивара была ниже уровня воды, идетъ отъ самого узника, который въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ, что комендантъ посадилъ его «въ одинъ изъ погребовъ, гдѣ полъ былъ ниже озера, на которомъ построенъ Шильонъ». Въ дѣйствительности полъ подземелья на три метра выше уровня воды.

Стр. 18. *И я примѣтилъ островокъ...*

«Между устьями Роны и Вильневомъ, недалеко отъ Шильона, есть маленькій островокъ (Île de Raix), единственный, замѣченный мною на озерѣ, которое я извѣдывалъ вдоль и поперекъ. На этомъ островкѣ есть нѣсколько деревьевъ (кажется, не больше трехъ); своимъ одиночествомъ и миниатюрностью онъ производитъ своеобразный эффектъ». (Прим. Байрона).

Островокъ, о которомъ идетъ рѣчь, насыпанъ искусственно, по желанію одной путешественницы, въ концѣ XVIII столѣтія; такимъ образомъ, Шильонскій узникъ не могъ его видѣть.

Я о тюрьмѣ своей вздохнулъ.

«Байронъ не имѣлъ въ виду обрисовать характеръ собственно Боннивара; цѣль поэмы состояла въ томъ, чтобы, подобно знаменитому описанію узника у Стерна, изобразить вообще тюремное заключеніе и указать, какъ оно постепенно притупляетъ и замораживаетъ физическія и умственные силы человека до тѣхъ поръ, пока несчастная жертва не становится какъ бы частью своей тюрьмы, однимъ изъ звеньевъ своей цѣпи. Такое изображеніе, какъ намъ кажется, имѣетъ дѣйствительную основу: по крайней мѣрѣ, подобные примѣры можно наблюдать въ Голландіи, гдѣ смертная казнь замѣнена пожизненнымъ заключеніемъ. Въ извѣстные дни въ году эти злополучныя жертвы правосудія, именующаго себя гуманнымъ, выставляются публично на эшафотъ, воздвигаемомъ на площади, вѣроятно, затѣмъ, чтобы ихъ виновность и наказаніе не забывались. Едва ли найдется зрѣлище, болѣе унизительное для человѣчества, чѣмъ эта выставка. Эти несчастные люди, со спутанными волосами, дикимъ взоромъ и тупымъ выраженіемъ лица, ослѣпленные непривычнымъ солнечнымъ свѣтомъ, оглушенные внезапнымъ переходомъ отъ тюремнаго безмолвія къ суетливому шуму толпы, кажутся скорѣе какими-то идолами, грубо сфабрикованными на подобіе человѣческихъ фигуръ, нежели дѣйствительно живыми и мыслящими существами. Съ теченіемъ времени, какъ нисъ увѣряли, они обыкновенно или сходятъ съ ума, или становятся идиотами, смотря по тому, духъ или матерія получатъ перевѣсъ въ ту минуту, когда таинственное равновѣсіе между ними будетъ нарушено.

Легко понятно, почему эта замѣчательная поэма не столько доставляетъ эстетическое удовольствіе,

сколько производитъ сильное впечатлѣніе. Тюрьма Боннивара, подобно тюрьмѣ Уголино, — предметъ слишкомъ мрачный для художника и поэта; ея впечатлѣніе особенно тяжело потому, что не оставляетъ намъ уже никакой надежды, изображая страдальца, человека, одареннаго талантами и добродѣтелями, бездѣльнымъ и безсильнымъ подъ гнетомъ все болѣе и болѣе удручающихъ его страданій. Но какъ чистохудожественная картина, эта поэма, не взирая на ея мрачный колоритъ, смѣло можетъ выдержать сравненіе со всѣми прочими произведеніями Байрона. Ее невозможно читать безъ замиранія сердца, отвѣчающаго ощущеніемъ изображаемаго поэтомъ страдальца. (Вальтеръ Скоттъ)

С О Н Ъ.

Эта небольшая поэма, написанная въ виллѣ Дюдати, близъ Женевы, въ концѣ іюля 1816 г., имѣетъ серьезное автобіографическое значеніе. Она состоитъ изъ вступленія, въ которомъ говорится вообще о психологическомъ характерѣ свидѣній, и ряда отдѣльных эпизодовъ, какъ бы туманныхъ картинъ, изъ собственной жизни поэта, изображаемыхъ здѣсь подъ видомъ «юноши». Второй и третій отдѣлы поэмы посвящены описанію парка и замка Аннесли и изображенію двухъ событій изъ исторіи юношеской страсти Байрона къ его сосѣдкѣ и дальней родственницѣ, миссъ Мери-Аннѣ Чэворсѣ. Первое изъ этихъ событій происходитъ на вершинѣ «холма діадемы», находящагося въ разстояніи около полу-мили къ юго-востоку отъ замка. Время дѣйствія — конецъ лѣта или начало осени 1803 г. Лицо любимой дѣвушки еще сіяетъ передъ юношей, но онъ уже начинаетъ убѣждаться, что ея вздохи относятся не къ нему и что она для него — только недостижимая мечта. Второе событіе относится къ слѣдующему, 1804 году; мѣстомъ дѣйствія здѣсь является «старинная часовня», небольшая комната надъ главными воротами замка. Это послѣднее свиданіе Байрона съ предметомъ своей любви. «Юноша» уже знаетъ свой безповоротный приговоръ. Первымъ его движеніемъ было — набросать нѣсколько страстныхъ словъ прощанія и упрека... Но, увидѣвъ «владычицу своей души» съ свѣтлой улыбкой на устахъ, онъ овладѣваетъ собою — и прощается съ нею также съ улыбкой на устахъ, хотя и съ отчаяніемъ въ сердцѣ.

Въ четвертомъ отдѣлѣ рисуется картина изъ путешествія Байрона по Востоку — отдыхъ у фонтана на дорогѣ между Смирной и Эфесомъ, 11 марта 1810 г.

Пятый отдѣлъ опять посвященъ судьбѣ Мери-Анны: она вышла замужъ за молодого красавца Мостерса, но въ этомъ бракѣ не нашла счастья; избавившись ея сердца оказался недостойнымъ ея; онъ искалъ только приданаго, чтобы расплатиться со своими долгами, и на семейную жизнь любимой поэтомъ женщины легла тяжелая печаль, приведшая ее, въ концѣ концовъ, къ потерѣ разсудка..

Въ шестомъ отдѣлѣ Байронъ описываетъ собственную свадьбу съ миссъ Мильбанкъ, — свадьбу, также послужившую для него источникомъ тяжелыхъ душевныхъ страданій. Призракъ минувшаго, какъ бы пророчествуя о мрачномъ будущемъ, пронесется передъ его внутреннимъ взоромъ въ торжественную минуту вѣнчанія и заслоняетъ отъ него свѣтъ солнца. По авторитетному свидѣтельству Мура, описаніе этой сцены вполнѣ совпадаетъ съ соб-

ПРИМѢЧАНІЯ КО ВТОРОМУ ТОМУ.

ственными признаніями Байрона, а Джеффресонъ, въ своей книгѣ: «The Real Lord Byron» (L. 1883, I, 136), высказываетъ даже мнѣніе, что рѣшеніе поэта напечатать свой «Сонъ» было внушено желаніемъ отомстить покинувшей его женѣ, узвѣить ея самолюбіе: «Читатель долженъ имѣть въ виду, что эта поэма была написана въ Женевѣ какъ разъ полтора года спустя послѣ свадьбы Байрона и около полугода послѣ того, какъ леди Байронъ навсегда разсталась съ своимъ супругомъ. Она писала въ такую пору, когда поэтъ желалъ убѣдить самъ себя, что онъ никогда не чувствовалъ особенной привязанности къ этой женщинѣ, такъ безцеремонно его оттолкнувшей; въ такомъ настроеніи онъ могъ бросить ей въ лицо стихи, въ которыхъ онъ открыто заявлялъ и ей и всему міру, что за много лѣтъ передъ тѣмъ и въ самый моментъ свадьбы и во все время супружества его сердце принадлежало другой женщинѣ. «Сонъ» — несравненное художественное произведеніе; сочиненіе этой поэмы было дѣломъ искусства, но ея напечатаніе было дѣломъ мести... И эта месть пала на голову самого мстителя: Байронъ всѣхъ увѣрилъ въ томъ, что онъ никогда не любилъ своей жены и, такимъ образомъ, подтвердилъ общее мнѣніе объ его дурномъ обращеніи съ нею».

Въ седьмомъ отдѣлѣ поэмы говорится о душевной болѣзни миссисъ Мостерсъ, постигшей ее скорѣ послѣ развода съ мужемъ. Ея безумію поэтъ противопоставляетъ, въ восьмомъ отдѣлѣ, собственную тяжелую тоску. Онъ ищетъ исцѣленія отъ ранъ, нанесенныхъ ему безжалостнымъ свѣтомъ, въ обращеніи къ природѣ, въ общеніи съ «вольнымъ гениемъ вселенной», уединяясь, подобно своему Манфреду, на недоступныя людямъ горныя вершины. Но и это средство оказывается не всегда действительнымъ. Въ концѣ своего швейцарскаго дневника Байронъ говоритъ: «Я люблю природу, я поклонникъ кассоты. Я въ состояніи выносить усталость и мириться съ лишеніями, лишь бы видѣть прекраснѣйшія картины мірозданія. Но и среди этой природы я находилъ подъ гнетомъ горькихъ воспоминаній, особенно — воспоминаній о недавнихъ и домашнихъ горестяхъ, которыя всю жизнь неразлучны будутъ со мною; и ни музыка альпійскихъ пастуховъ, ни паденіе лавинъ, ни водопады, ни горы, ни ледники, ни лѣса, ни тучи ни на минуту не облегчили тяжести, которая лежитъ у меня на сердцѣ, и не заставили меня забыть мою жалкую личность передъ звѣщимъ того величія, могущества и славы, которыя я созерцалъ вокругъ себя, надъ собою и подъ собою». Оттого-то его сонъ и «не смѣнился новымъ»...

Муръ, называя эту поэму Байрона «столь же мрачной, какъ и живописной исторіей страннической жизни», — исторіей, «вылившейся изъ сердца», прибавляетъ, что она стоила поэту «много слезъ».

Стр. 21. *Славныхъ предковъ*

Послѣдній отпрыскъ, выросшій безъ братьевъ.

Миссъ Чавортъ, какъ единственная наследница, имѣла право на титулъ лордовъ Аннесли.

И болѣе за порою старинный этотъ

Не преступилъ обратно никогда.

Фактически это не вѣрно, такъ какъ Байронъ еще разъ былъ въ замкѣ Аннесли, по приглашенію г. Мостерса, осенью 1808 г. Къ этому посѣщенію относятся стихотворенія: «Ты счастлива» и «Къ одной дамѣ».

Онъ сомнѣлся и самъ не тѣмъ, чѣмъ былъ.

«Самыя раннія мои мечты отличались, какъ и у большинства мальчиковъ, воинственнымъ характеромъ», — говоритъ Байронъ въ «Отрывкахъ мыслей», —

«но вслѣдъ затѣмъ всѣ онѣ обратились къ любви и уединенію, съ тѣхъ поръ, какъ, въ ранніе годы второго десятка моей жизни, возникла и стала продолжаться заботливо скрываемая безнадежная привязанность моя къ Мери Чавортъ, и еще нѣкоторое время послѣ. Это опять выбросило меня одинокимъ въ широкое, широкое море...»

Стр. 22.

... отъ полуденнаго зноя

Онъ отдыхалъ среди колоннъ упавшихъ, и пр.

«Все это вполнѣ выдержано — и передній планъ этой прекрасной восточной картины, и перспектива, и небо, и ни одна подробность не выдвинута настолько, чтобы заслонять собою главную фигуру. Рука художника часто даетъ себя знать подобными мелкими, чуть замѣтными чертами; часто одна искра его фантазіи оставляетъ долгій и яркій слѣдъ въ воображеніи читателя». (Вальтеръ Скоттъ)

И я видѣлъ

Его предъ алтаремъ, съ невестой рядомъ, и пр.

«Эта трогательная картина во многомъ близко совпадаетъ съ собственнымъ разсказомъ Байрона, въ его «Воспоминаніяхъ» о своей свадьбѣ: онъ говоритъ, что въ этотъ день онъ проснулся въ самомъ печальномъ душевномъ настроеніи и, взглянувъ на лежавшее передъ нимъ свадебное платье, предался самымъ грустнымъ размышленіямъ. Съ такими же мыслями онъ вышелъ въ поле и гулялъ одинъ до тѣхъ поръ, пока его не позвали на церемонію. Онъ встрѣтилъ свою невесту и ея родныхъ, становился на колѣни, повторялъ слова священника... но передъ глазами у него былъ туманъ, его мысли были далеко, и онъ пришелъ въ себя только тогда, когда поздравленія присутствующихъ показали, что онъ — уже женатъ». (Муръ).

Стр. 23.

какъ древній царь Понтійскій,

Онъ въ пищу сталъ употреблять отравы.

Понтійскій царь Митридатъ Эвпаторъ (120—63 до Р. Хр.) вступилъ на престолъ всего 11-ти лѣтъ отъ роду и, чтобы обезопасить себя отъ вражескихъ покушеній, постоянно принималъ противоядія. Къ старости онъ до такой степени пріучилъ къ нимъ свой организмъ, что когда, наконецъ, самъ захотѣлъ отравиться, то не въ состояніи былъ это сдѣлать, ибо никакой ядъ на него уже не дѣйствовалъ.

*Со звѣздами, съ вольнымъ гениемъ вселенной
Онъ велъ бесѣду...*

Ср. «Манфредъ», д. I, сц. 1 (стр. 49):

Вы, таинственныя силы!
Вы, духи безграничности вселенной!
Я васъ искалъ...

д. II, сц. 2 (стр. 57):

Я пріучилъ
Глаза свои смотрѣть на вѣчность...

д. III, сц. 1 (стр. 63):

Молва идетъ, что ты вступилъ въ сношенія
Съ таинственнымъ и запрещеннымъ міромъ
И съ обитателями темной бездны...

Тамъ же, сц. 4 (стр. 69):

Власть свою я приобрѣлъ

Смѣлостью, наукой, покаяньемъ,
Ночными бдѣньями и силой духа.

Т Ъ М А.

Эта небольшая поэма, написанная въ Дюдати, въ іюлѣ 1816 г., была впервые напечатана въ одной книжкѣ съ «Шильонскимъ Узникомъ». По мнѣнію Вальтеръ Скотта, Байронъ здѣсь «отступилъ отъ

свойственной ему манеры указывать читателю, куда клонятся его намерения, и удовольствовался тѣмъ, что представилъ безпорядочное нагроможденіе сильныхъ мыслей, нелегко поддающихся истолкованію. Передъ нами—рядъ ужасныхъ картинъ, смѣняющихся и перебивающихся одна другою, какъ въ лихорадочномъ снѣ больного человѣка,—рядъ страшныхъ химерическихъ образовъ, въ существованіе которыхъ умъ отказывается вѣрить; они смущаютъ и утомляютъ обыкновеннаго читателя и сбиваютъ съ толку даже человѣка, привычнаго къ причудамъ поэтической музы. Предметомъ поэмы служитъ постепенное распространіе послѣдней тѣмы, которая, наконецъ, становится, по выраженію Шекспира, «могильщикомъ мертвецовъ»; нагроможденіе страшныхъ идей, представленныхъ намъ поэтомъ, не вызываетъ въ насъ ужаса вслѣдствіе странности усвоеннаго имъ плана. Говоря откровенно, измышленіе подобныхъ фантазмагорій — занятіе, опасное для такого экзальтированнаго и богатаго воображенія, какимъ обладаетъ Байронъ, Пегасъ котораго всегда болѣе нуждается въ уздѣ, нежели въ шпорахъ. Безграничное пространство, куда подобныя темы увлекаютъ поэта, обуславливаетъ невниманіе къ опредѣленности; такіе сюжеты относятся къ поэзіи такъ же, какъ мистицизмъ — къ религіи. Идея поэта, залетая за тучи, становится только тѣнью мысли и, ускользая отъ разумнаго читателя, въ концѣ концовъ оказывается непонятною и для самого автора. Сила поэтическаго замысла и красота стиха, потраченные на подобнаго рода попытки, пропадаютъ напрасно, какъ краски—для живописца, задумавшаго изобразить туманъ или облако дыма». Поэзія этого рода напомнила В. Скотту «дикую, необузданную фантазію» Кольриджа, хотя на самомъ дѣлѣ это сравненіе можетъ имѣть лишь общій характеръ. Можетъ быть, В. Скотту вспомнились слѣдующія строки изъ «Религіозныхъ размышленій», гдѣ окончательное разрушеніе міра олицетворяется въ видѣ «красноглазого врага».

Кто, отъ жены рожденный, могъ помыслить
О часѣ томъ, какъ солнце потускнѣетъ
И мраченъ станетъ полдень? Кто изъ смертныхъ
Представитъ въ силахъ мыслию своей,
Какъ блѣдноты, красноглазый врагъ
Простертый подлѣ слабѣющей пятою
Природы, сонъ прерветъ стenanъемъ?..

(Переводъ для настоящаго изд. П. О. Морозова).

Поиски другихъ источниковъ вдохновенія Байрона привели комментаторовъ къ нынѣ совершенно забытому, но въ свое время довольно известному роману, изданному безъ имени автора въ 1806 г., подъ заглавіемъ: «Послѣдній человѣкъ, или Омегаръ и Сидерія, романъ будущаго». Кельбингъ приводитъ изъ этого произведенія многочисленныя цитаты, дѣйствительно, представляющія сходство съ основною мыслью «Тѣмы» и съ нѣкоторыми ея деталями, напр.: «Земля потеряла луну, свою хранительницу, и ея паденіе стало совершаться быстрѣе... Одни, въ припадкѣ безумія, уничтожали земледѣльческія орудія, другіе, въ глубокомъ отчаяніи, призывали избавительницу смерть. Люди стали смотрѣть другъ на друга враждебнымъ взоромъ... Солнце являло признаки упадка: оно поблѣднѣло, и лучи его охладѣли. Сѣверные народы стали бояться гибели отъ постоянно усиливавшагося холода... и побѣжали въ жаркій поясъ, чтобы тамъ встрѣтить благотѣльные лучи солнца... Царство Времени окончилось, началось царство Вѣчности; въ ту же минуту Адъ яростно воскликнулъ, и солнце со звѣздами погасло. Міръ облекся въ мрачную ночь хаоса, жалобные крики слышались съ горъ, утесовъ и изъ пещеръ.

Вся природа плакала, и въ воздухѣ носился скорбный голосъ: «Нѣтъ больше человѣческаго рода!»

«Трудно повѣрить»,—замѣчаетъ новѣйшій издатель Байрона, Э. Т. Кольриджъ,—«чтобы поэтъ не читалъ этого романа и не воспользовался болѣе или менѣе сознательно его картинами; но нѣтъ надобности прибавлять, что это не даетъ никакого основанія видѣть въ поэмѣ прямое заимствованіе. Благодаря впечатлительному слуху и прекрасной памяти Байрона, въ его стихахъ нерѣдко слышатся отзвуки чужихъ мелодій; но что касается собственно «Тѣмы», то зависимость нашего поэта отъ Кольриджа или отъ «Омегара и Сидерія» настолько же можетъ считаться доказанною, какъ и зависимость его отъ древне-еврейскихъ пророковъ, на которую обратилъ вниманіе одинъ изъ критиковъ еще въ 1828 г.»

Въ упомянутой Кольриджемъ статьѣ 1828 г. приведены слѣдующія мѣста изъ пророковъ:

Иезекіиля XXXI, 7: «И покрыю небо, егда угасеши, и помрачу звѣзды его, солнце во облацѣхъ сокрою, и луна не явитъ свѣта своего; вся свѣтила небесная помрачу на ты и дамъ тьму на землю твою, глаголетъ Адонай-Господь».

Іереміи IV, 23—28: «Воззрѣхъ на землю, и се—ничтоже, и на небо—и не бѣ свѣта его. Видѣхъ горы—и трепетаху, и вси холми возмущишася. Воззрѣхъ, и се—не бѣ человѣка, и вся птицы небесныя ужасхуся. Видѣхъ, и се—Кармилъ пустъ, и вси гради сожжени огнемъ отъ лица Господня, и отъ лица гнѣва ярости Его погибша. Сіа глаголетъ Господь: пуста будетъ вся земля, скончанія же не сотворю».

Іоилия II, 31: «Солнце обратится во тьму и луна въ кровь, прежде неже прійти дню Господню».

Другіе современные Байрону критики отнеслись къ его поэмѣ болѣе снисходительно, чѣмъ Вальтеръ Скоттъ. Такъ, Джеффри высказалъ, что «Тѣма»—«величественный и мрачный очеркъ предполагаемыхъ послѣдствій угасанія солнца и другихъ небесныхъ свѣтилъ, исполненный съ несомнѣнною огромною и страшною силою, но и съ нѣсколькими германскимъ преувеличеніемъ и фантастическою развязкой. Идея этого воображаемаго бѣдствія своимъ ужасомъ превосходитъ всякія описанія бѣдствій; она слишкомъ угнетаетъ наше воображеніе и оттого не можетъ доставить эстетическаго удовольствія, даже отражаясь въ поэтическомъ произведеніи». Другой, неизвѣстный критикъ, авторъ статьи о поэтическомъ стилѣ Байрона въ лондонской «Литературной Газетѣ» 1817 г., удивляется, что никому еще не приходило въ голову сравнить Байрона съ Данте: «Замѣчательный отрывокъ, озаглавленный «Тѣма», болѣе всякаго другого произведенія Байрона можетъ служить доказательствомъ родства между обоими поэтами. Этотъ отрывокъ смѣло можетъ быть поставленъ на ряду со многими мѣстами «Ада», по страшной силѣ воображенія и по способности извлекать поэтическіе результаты изъ философскихъ предпосылокъ. При всѣхъ его недостаткахъ я считаю его прекраснѣйшимъ изъ появившихся доселѣ образцовъ поэзіи Байрона».

Переводъ Тургенева очень близко передаетъ подлинникъ, но въ этомъ переводѣ почему-то сдѣлано два пропуска, отмѣченные на стр. 24 точками. Возстановляемъ пропуски ихъ по оригиналу:

Гдѣ было много собрано вещей
Святыхъ—къ употребленію не святому.

Отъ ужаса взаимнаго внезапно
Упали мертвыми, не узнавая,
На чьемъ чѣлѣ поставилъ жадный Голодъ
Клеймо «ты врагъ мой»...

Могила Черчилля.

Написано въ Діодати и напечатано впервые вмѣстѣ съ *«Шильонскимъ Узникомъ»* въ 1816 г. На подлинной рукописи этому стихотворенію предпослана слѣдующая замѣтка Байрона:

«Стихотвореніе это (по крайней мѣрѣ, такъ я старался написать его) основано на фактѣ; эта подробность является попыткой серьезнаго подражанія стилю великаго поэта,—какъ его достоинствамъ, такъ и недостаткамъ. Я говорю,—стилю, потому что мысли считаю своими собственными. Если въ этомъ отношеніи здѣсь что-нибудь покажется смѣшнымъ, то пусть это припишутъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, настолько же, насколько и г. Вордсворту, у котораго немного найдется поклонниковъ болѣе меня искреннихъ. Я былъ ослѣпленъ тѣмъ, что я считаю достоинствами, а также и недостатками его стиля; а не слѣдуетъ упускать изъ виду, что въ подобныхъ случаяхъ какъ похвала, такъ и порицаніе всегда заключаютъ въ себѣ то, что называется комплиментомъ, хотя бы этотъ комплиментъ и былъ не намѣренный».

Чарльзъ Черчилль, въ свое время очень популярный, а нынѣ совершенно забытый поэтъ сатирикъ, род. въ февралѣ 1731, ум. въ Булони 4 ноября 1764 г. Его тѣло было перевезено въ Дувръ и погребено на кладбищѣ близъ разрушенной церкви Св. Мартина. На надгробной плитѣ находится надпись: «1764. Здѣсь покоятся останки знаменитаго Ч. Черчилля. Здѣсь, жизнью насладившись, Черчилль спитъ».

Байронъ былъ въ Дуврѣ 25 апрѣля 1816 г. «Могила Черчилля», говоритъ Вальтеръ Скоттъ, «должна была бы вызвать у поэта болѣе глубокое чувство, ибо, хотя оба они и не были похожи другъ на друга по своему характеру и дарованію, однако въ ихъ жизни было нѣчто общее. Сатира Черчилля изливалась болѣе широкимъ, хотя и не столь горькимъ потокомъ; съ другой стороны, по нѣжности чувства и силѣ воображенія его, конечно, нельзя сравнивать съ Байрономъ. Но оба поэта стояли выше мнѣній свѣтской толпы, и удѣломъ обоимъ была слава и популярность, которую они вовсе не дорожили. Въ сочиненіяхъ того и другого обнаруживается врожденное, хотя иногда и невѣрно направляемое, благородство ума и тотъ духъ гордой независимости, который нерѣдко доводилъ ихъ до крайности. Оба они ненавидѣли лицемеріе, нерѣдко переходя въ обнаруженіи этой ненависти за предѣлы благоразумія, и въ своихъ сатирическихъ выходкахъ часто допускали крайнюю вольность. Наконецъ, оба умерли въ цвѣтѣ лѣтъ и на чужой сторонѣ». Можетъ быть, и самъ Байронъ также находилъ извѣстное сходство между собою и этимъ поэтомъ, умершимъ за 150 лѣтъ передъ тѣмъ,—и мысль объ этомъ сходствѣ отразилась въ его стихотвореніи, которое, несмотря на аффектацію стиля, проникнуто все-таки глубокимъ чувствомъ.

Стр. 25.

И это—все!...

Ср. наст. изд. т. I, стр. 345 и 572, эпитафія изъ Ювенала къ «Одѣ Наполеону» и примѣчаніе къ нему переводчика Ювенала, Джиффорда.

Строитель

Всего, что попираемъ мы пятой...

Т. е. могильщикъ.

Прометей.

Написано въ Діодати, въ іюлѣ 1816 г., и напечатано вмѣстѣ съ *«Шильонскимъ Узникомъ»*. Бай-

ронъ еще въ ранней юности былъ поклонникомъ Прометея. Его первымъ англійскимъ сочиненіемъ въ Гарроуской коллегіи было переложеніе одного хора изъ «Скованнаго Прометея» Эсхила. Кромѣ того, онъ участвовалъ и въ представленіи этой трагедіи на греческомъ яз., устроенномъ въ коллегіи. Въ письмѣ къ Муррею, отъ 12 окт. 1817, по поводу одной критической статьи о *«Манфредѣ»*, поэтъ говоритъ: «Прометей не входилъ въ мой планъ (при сочиненіи *«Манфреда»*), но онъ всегда такъ занималъ мои мысли, что я легко могу допустить, что его вліяніе отразилось на всемъ, мною написанномъ». Въ самомъ дѣлѣ, имя страдальца-титана часто упоминается Байрономъ во многихъ произведеніяхъ; ср., напр., «Чайльдъ-Гарольдъ», IV, 163 (наст. изд. т. I, стр. 175), «На смерть Шеридана» (т. II, стр. 37), «Пророчество Данте», «Донъ-Жуанъ» 1, 127 и 11, 75 и др.

Въ подлинникѣ стихотвореніе распадается на три отдѣла; второй отдѣлъ начинается стихами:

Борьбу страданія и воли,

Титанъ, извѣдалъ ты до дна!

а третій—стихами:

Твое святое преступленіе—

Въ томъ, что ты былъ добра пророкъ.

Отрывокъ.

Написано въ Діодати въ іюлѣ 1816 г., но напечатано только въ 1830 г. въ собраніи писемъ и записокъ Байрона. По настроенію близко подходитъ къ *«Могила Черчилля»*: это—все тотъ же вопросъ о значеніи смерти и безсмертія, къ которому не разъ обращался Байронъ и въ своихъ стихотвореніяхъ, и въ дружеской перепискѣ. Смерть похотѣла на изгнаніе: какъ Черчилль лежитъ въ своей забытой могилѣ въ Дуврѣ, однимъ изъ «милліоновъ, распавшихся въ прахъ», такъ и изгнанникъ мертвъ для тѣхъ людей, отъ которыхъ онъ удаленъ, и они, въ свою очередь, мертвы для него. Но что такое мертвые? Собраніе ничтожной персти или множество отдѣльныхъ атомовъ, не имѣющихъ между собою ничего общаго? Только смерть можетъ разгадать загадку смерти...

Сонетъ къ Женевскому озеру.

Написанъ въ Діодати, въ іюлѣ 1816 г., и напечатанъ вмѣстѣ съ *«Шильонскимъ Узникомъ»*. Къ первому стиху Байрономъ сдѣлано примѣчаніе, указывающее мѣстности на берегахъ озера, прославленныя упомянутыми здѣсь лицами: «Женева, Фернэ, Коппэ, Лозанна». Къ каждому изъ четырехъ великихъ людей, прославившихъ Женевское озеро, Байронъ относился съ величайшимъ вниманіемъ и сочувствіемъ. Первое мѣсто между ними занимаетъ Руссо, о которомъ поэтъ также прежде всѣхъ упоминаетъ и въ соотвѣтствующей строфѣ «*Чайльдъ-Гарольда*», посвященной берегамъ Лемана (п. III, строфы 99 и сл., наст. изд. т. I, стр. 114—116, ср. примѣч., стр. 503—512). О *Вольтерѣ* говорится въ той же пѣснѣ III, строфѣ 106 (т. I, стр. 116 и 512). Байронъ, живя въ Женевѣ, усердно читалъ Вольтера, въ особенности—его «Философскій Словарь». Медвинъ, въ своей книгѣ: «The Angles in Wales» (Л. 1834, v. II), проводитъ интересную параллель между Байрономъ и Вольтеромъ: «Его (Байрона) разговоры въ эту пору (около 1820 г.) были какъ бы вторымъ его собственнымъ писемъ: они были полны пересмѣлки и обнаруживали большую силу

юмора. Онъ всегда напоминалъ мнѣ Вольтера, сравненіе съ которымъ было для него наилучшимъ комплиментомъ. Если существовалъ писатель, которому Байронъ болѣе, чѣмъ кому-либо другому, поклонялся и, можетъ быть, даже завидовалъ, то это былъ—авторъ «Кандида». Подобно Вольтеру, онъ никогда не пускался въ разсужденія и споры, считая разговоръ развлеченіемъ, а не умственнымъ трудомъ; а можетъ быть онъ думалъ, что разсужденія охлаждаютъ фантазію и дѣлаютъ воображеніе менѣе живымъ и воспримчивымъ. У обоихъ былъ одинъ и тотъ же умозрительный, можно даже сказать—скептический складъ мысли, одинаковая способность произвольно переходить отъ серьезнаго къ забавному, одинаковое искусство въ области высокаго и патетическаго и въ сферѣ комизма. Впрочемъ, въ одномъ отношеніи Байронъ отличался отъ Вольтера: онъ никогда не издѣвался надъ религіей.

Гиббону посвящена 107-я строфа III-й пѣсни «Чайльдъ Гарольда» (см. т. I, стр. 116 и 512). «Паденіе Римской Имперіи» было одною изъ настоящихъ книгъ Байрона. Извѣстно, что «Паризина» основана на одномъ изъ примѣчаній Гиббона въ его «Древностяхъ Брауншвейгскаго дома» (наст. изд. т. I, стр. 447); изъ Гиббона же заимствованы и второй эпиграфъ къ «Одѣ Наполеону» (1, 345).

Вскорѣ послѣ смерти Байрона, въ одномъ изъ англійскихъ журналовъ—«The Monthly Repository» (1825) напечатана была характерная для англійскаго святотества статья подъ заглавіемъ: «Д-ръ Эвансъ о невѣріи лорда Байрона», авторъ которой сравниваетъ Байрона съ Гиббономъ. «Нѣсколько лѣтъ тому назадъ», говоритъ онъ, «я напечаталъ статью о невѣріи г. Гиббона. Перечитывая ее теперь, я съ удивленіемъ увидѣлъ, что указанная въ ней обстоятельство вполне примѣнима и къ объясненію невѣрія лорда Байрона. Между историкомъ и поэтомъ во многихъ отношеніяхъ замѣчается сходство. Оба они въ раннемъ возрастѣ лишились родителей, оба имѣли столкновенія съ фанатизмомъ и оба, проведя большую часть своей жизни на европейскомъ материкѣ, были свидѣтелями отвратительнаго лицемерія духовенства. Слѣдуетъ къ этому присоединить также и жажду славы, которая была у нихъ положительно ненасытна. Она поглащала въ нихъ всѣ прочія страсти; возстававшая противъ того, что они считали религіозными предрассудками цивилизованнаго общества, они тѣмъ самымъ вѣрнѣ всего распространяли славу своего имени по всѣмъ концамъ свѣта. Справедливость требуетъ, впрочемъ, замѣтить, что у Байрона была еще одна черта, несвойственная Гиббону, именно—страсть къ расточительности. Историкъ былъ ученымъ отшельникомъ, между тѣмъ какъ поэтъ постоянно былъ погруженъ въ разсыпанную жизнь большого свѣта»...

О своей первой встрѣчѣ съ г-жей Сталь въ Лондонѣ Байронъ оставилъ особые воспоминанія, напечатанныя Мурреемъ въ 1837 г. Тамъ онъ, между прочимъ, говоритъ: «Я вовсе не обязанъ быть поклонникомъ г-жи Сталь: она всегда относилась ко мнѣ гораздо любезнѣе въ глаза, чѣмъ за глаза. Нашъ милый покойный другъ, Монкъ Льюисъ, который былъ слишкомъ скучнымъ человѣкомъ для того, чтобы говорить неправду, увѣрялъ меня своимъ скучнѣйшимъ честнымъ словомъ, что во Флоренціи сказанная г-жа Сталь откровенничала противъ меня; а въ Швейцаріи, когда ее спросили, почему она измѣнила свое мнѣніе обо мнѣ, она съ похвальною искренностью отвѣчала, что я помянулъ ее въ сонетѣ вмѣстѣ съ Вольтеромъ, Руссо и пр., и что ей теперь неловко».

Въ нѣкоторыхъ лондонскихъ кругахъ сонетъ Байрона вызвалъ негодованіе, какъ произведеніе нечестивое, посвященное восхваленію «величайшихъ злодѣевъ человѣчества». Именно, такое выраженіе находится въ предисловіи къ напечатанному въ «Gentleman's Magazine» 1818 г. плохому стихотворенію, въ которомъ прославляется Темза и покоящаяся на ея берегахъ великіе представители англійскаго духовенства.

Стансы къ Августѣ.

Написано въ Дюдати, въ іюлѣ 1816 г., и напечатано вмѣстѣ съ «Шильонскимъ Узникомъ». Относится, какъ и слѣдующее посланіе, къ сводной сестрѣ поэта Августѣ Ли. Ср. I, 467, 506.

Стр. 29.

*Пусть же шлетъ, улыбаясь пріятно,
Мать-природа свои мнѣ дары.*

Ср. Чайльдъ-Гарольдъ, п. II, стр. 37 (т. I, стр. 60):

Природа-мать, что можетъ быть чудеснѣй
Твоихъ роскошныхъ видовъ и картинъ?
Тобою полна, тебя встрѣчаетъ пѣсней
Твой преданный, хоть не любимый сынъ.

Посланіе къ Августѣ.

Написано одновременно со «Стансами» и послано Муррею для напечатанія не иначе, какъ съ согласія г-жи Ли. Она не согласилась и «Посланіе» явилось въ печати только въ 1830 г., въ собраніи писемъ и дневниковъ Байрона. «Моя сестра рѣшила, что эти стихи не слѣдуетъ печатать», писалъ Байронъ Муррею 5 окт. 1816: «ея желаніе должно быть исполнено. Но такъ какъ у меня не осталось копій, пожалуйста, сохраните мою рукопись: вѣдь я никогда не могу припомнить ни одной строчки изъ того, что было мною написано. Господи помилуй! Если я стану продолжать такъ писать, то къ тридцати годамъ развѣняю на мелочь все свое дарованіе; но въ настоящее время поэзія служить мнѣ дѣйствительнымъ утѣшеніемъ»...

Стр. 31.

*Какъ днѣ мой—въ морѣ, такъ, наоборотъ,
На сушѣ я попалъ въ водоворотъ.*

«Адмиралъ Байронъ былъ замѣчательнѣе тѣмъ, что всѣ его плаванія постоянно сопровождались бурями. Моряки въ шутку прозвали его: *Джекъ Скверная Погода*.

Но, хоть въ буряхъ онъ скитался,
Все-жъ корабль его держался.

Онъ вернулся домой цѣлымъ и невредимымъ послѣ крушенія «Заклада» (путешествіе Ансона) и нѣсколько лѣтъ спустя обошелъ кругомъ свѣта, командуя подобной же экспедиціей» (Мур).

Адмиралъ Джонъ Байронъ (1723—1786), младшій братъ Вильяма, пятаго лорда Байрона, напечаталъ въ 1768 г. разсказъ о крушеніи «Заклада», а въ 1767 г.—Путешествіе вокругъ свѣта на «Дельфинѣ».

Стр. 32.

*Но болѣе всего меня привлекаетъ
Видъ озера: оно—роднои краше,
Но менѣе мнѣ дорого, чѣмъ наше.*

Ньюстэдское озеро, описанное Байрономъ въ 57-й строфѣ XIII-й пѣсни «Донъ-Жуана».

На болѣзни лэди Байронъ.

«Это стихотвореніе, начальныя строки котораго приведены въ «Замѣткахъ» Мура (1830), было написано вслѣдъ за перерывомъ переговоровъ между супругами, послѣ внимательства г-жи Сталь, которая уговорила Байрона написать въ Англію, къ одному изъ его друзей, что онъ все еще не прочь примириться съ лэди Байронъ. Стихотвореніе не назначалось для печати» (*Джонъ Райтъ*).

Стихотвореніе написано въ сентябрѣ 1816 г.,—уже въ иномъ душевномъ настроеніи, чѣмъ «Сонъ», написанный въ іюлѣ, гдѣ Байронъ еще очень мягко относился къ своей женѣ, чье «лицо плѣняло красотой». Это мягкое отношеніе теперь уступаетъ мѣсто взрыву оскорбленнаго чувства. Слухи о клеветническихъ обвиненіяхъ (см. наст. изд. т. I, стр. 506) привели Байрона въ ярость и вызвали у него желчныя проклятія «Заклинанія», напечатаннаго сначала вмѣстѣ съ «Шилловскимъ Умникомъ», а впоследствии включеннаго въ составъ «Манфреда» (см. ниже, стр. 51—52). Вслѣдъ за «Заклинаніемъ» поэтъ написалъ и эти стихи, ближайшимъ поводомъ къ сочиненію которыхъ послужила газетная замѣтка о болѣзни лэди Байронъ.

Стр. 34.

*Какъ Клитемнестра, мужа налечемъ
Духовно ты была...*

«Мнѣ кажется», говоритъ Байронъ въ письмѣ къ Муру изъ Венеціи отъ 10 марта 1817 г., «что мнѣ уже никогда не удастся очиститься въ мнѣніи публики, особенно съ тѣхъ поръ, какъ моя нравственная Клитемнестра разбила мою репутацію»...

Какъ ты со мной не поступилъ бы я.

«Байронъ имѣлъ право сказать это о себѣ хотя бы и потому, что не онъ первый сдѣлалъ своимъ семейные раздоры предметомъ общаго обсужденія. Напротивъ, онъ убѣдился, что раньше, чѣмъ какіе-либо факты изъ его домашней жизни получили извѣстность, его повсюду уже ославляли негодею за то, что онъ развѣхался съ женой. Онъ былъ чрезвычайно впечатлительнъ; онъ былъ пораженъ одновременно тысячею стрѣлъ, пущенныхъ съ такимъ коварствомъ и искусною злобою, что изъ всѣхъ, на него нападавшихъ, ни одинъ не зналъ дѣйствительной подкладки всей этой исторіи. Былъ ли онъ, однако, правъ, печатавъ свои саркастическія тирады? Конечно, нѣтъ: было бы гораздо лучше, благороднѣе и благоразумнѣе, если бы онъ отнесся къ нападкамъ подобныхъ враговъ съ полнымъ презрѣніемъ и не обращалъ на нихъ никакого вниманія. Но если этотъ горячій, молодой, гордый аристократъ, въ порывѣ оскорбленнаго чувства, надъ которымъ онъ былъ не властенъ, не избралъ наиболѣе достойнаго и благоразумнаго изъ всѣхъ возможныхъ способовъ дѣйствія, то помѣмъ ли мы, имѣть ли общество право произносить надъ нимъ обвинительный приговоръ? Развѣ намъ извѣстно все, что онъ выстрадалъ? Развѣ наше воображеніе въ состояніи представить себѣ во всей полнотѣ, какъ страдалъ онъ отъ окружавшихъ его условий? Если бы мы сами оказались среди подобныхъ условий,—развѣ мы могли бы нечувствительно относиться ко всѣмъ ударамъ и спокойно держать оружіе въ рукѣхъ, дрожащей отъ негодованія за оскорбленную честь и чувство? Подумайте только, чего вы требуете, настаивая на томъ, что поэтъ съ темпераментомъ Байрона долженъ былъ въ своихъ произведеніяхъ воздерживаться отъ выраженія всякихъ личныхъ чувствъ по поводу фактовъ, непосредственно касавшихся его личной жизни! Мы привыкли повторять

на всѣ лады, что главная и великая заслуга его поэзіи заключается именно въ той искренности, съ какою въ ней выражаются его собственныя чувства. Мы всячески поощряемъ его анатомизировать собственное сердце ради нашего удовольствія; мы стараемся какъ можно сильнѣе подѣйствовать на этого молодого и одареннаго пылкимъ воображеніемъ человека, чтобы побудить его погружаться въ самыя сокровенныя глубины самопознанія, мучить свой мозгъ постояннымъ самоанализомъ, находить гордость и удовольствіе въ томъ, что для другихъ людей является пыткой,—мы сами толкаемъ его на путь этихъ опасныхъ экспериментовъ, пока они не захватываютъ его и не приводятъ на край безумія; мы внушаемъ ему, что онъ долженъ видѣть въ этомъ опасномъ занятіи главную цѣль своего существованія, главную пищу своего самолюбія, сущность своей поэтической славы... и въ ту минуту, когда онъ, поддаваясь нашему же постоянному поощренію и нашимъ постояннымъ увѣреніямъ, дѣлаетъ одинъ только шагъ за предѣлы одобряемаго нами пути,—мы всѣ съ желчной досадой обращаемся противъ него и начинаемъ упрекать его въ томъ, что онъ поступаетъ недостойно, передавая на судъ публики тѣ чувства, какія вызваны были у него разводомъ съ женой. Вотъ поведеніе, достойное доброй и великодушной публики! По нашему мнѣнію, Байронъ, въ тѣхъ условіяхъ, въ какія онъ былъ поставленъ, съ одной стороны поддаваясь окружавшимъ его искушеніямъ, съ другой—постоянно терзаемый и оскорбляемый, вполне естественно долженъ былъ написать то, что написалъ. Его такъ же мало можно винить въ этомъ поступкѣ, какъ и всякаго другого человека, который, находясь въ подобныхъ же обстоятельствахъ, излилъ бы свою душу въ интимной бесѣдѣ съ другомъ у камина. Общество само развилось въ немъ привычку обращаться къ публикѣ,—и само же приняло его признанія съ чувствомъ досады и неудовольствія!» (*Локартъ*).

Монодія на смерть Р. Б. Шеридана.

Знаменитый драматургъ, авторъ «Соперниковъ» и «Школы злословія», одинъ изъ руководителей Дрюри-Лэнскаго театра—Ричардъ Бринсли Шериданъ род. въ Дублинѣ, 30 сент. 1751 г., учился въ Гарроуской коллегіи и завершилъ свое юридическое образованіе въ Лондонѣ. Въ 1780 г. онъ былъ избранъ въ парламентъ, примкнувъ къ оппозиціи, руководимой Фоксомъ, и въ министерствѣ послѣдняго занялъ должность товарища «секретаря казначейства», т. е. министра финансовъ. Въ министерство Питта Шериданъ, отличавшійся блестящимъ ораторскимъ талантомъ, былъ однимъ изъ главныхъ представителей оппозиціи.

Когда Муръ занялся составленіемъ біографіи Шеридана, Байронъ далъ ему нѣсколько совѣтовъ. «Не обращай вниманія», писалъ онъ 19 сент. 1818 г., «на сплетни раздосадованныхъ шарлатановъ—выговѣ. Вспомни, что Шериданъ былъ ирландецъ и славный малый, и что мы провели съ нимъ много пріятныхъ дней. Не забудь, что онъ былъ въ школѣ въ Гарроу, гдѣ, въ мое время, мы съ гордостью показывали на стѣнѣ его имя—«Р. Б. Шериданъ 1768».

Повидимому, Байронъ еще не былъ знакомъ съ Шериданомъ, когда написалъ свой «Адресъ» на открытіе Дрюри-Лэнскаго театра, прочитанный 10 октября 1812 г. (см. наст. изд. т. I, стр. 202). Въ первый разъ они встрѣтились на обѣдѣ, который былъ данъ Роджерсомъ въ честь Байрона и Мура, около 1 июня 1813 г. Затѣмъ, до самаго своего отъѣзда изъ Англіи, Байронъ часто проводилъ время съ

Шериданомъ, «сидя за виномъ до поздней ночи», — конечно, не по-приятельски (Шеридану было въ ту пору уже за шестьдесятъ лѣтъ), но все-таки въ интимной бесѣдѣ. Судя по тону цитированнаго выше письма къ Муру и по многочисленнымъ замѣткамъ въ дневникѣ, писаннымъ какъ при жизни Шеридана, такъ и послѣ его смерти, Байронъ огорчился невозможностью высказать свое мнѣніе о Шериданѣ, котораго онъ очень любилъ и искренно сожалѣлъ, чувствуя, что не имѣетъ права смѣяться надъ его недостатками. Байронъ и физически, и душевно былъ человѣкъ совсѣмъ иного склада, чѣмъ Шериданъ.

Шериданъ умеръ 7 іюля 1816 г. *Монодія* написана была на виллѣ Дюдати, 17 іюля, по просьбѣ Дугласа Киннарда. «Я сдѣлалъ, что могъ», говоритъ Байронъ въ письмѣ къ Муррею отъ 29 сент. 1816, «но тамъ, гдѣ я пишу не по собственному выбору, а ни за что не отвѣчаю». Однако, впоследствии онъ говорилъ лэди Блессингтонъ, что «его чувства никогда не были такъ возбуждены, какъ въ то время, когда онъ писалъ это стихотвореніе, въ которомъ всякое слово шло прямо изъ сердца».

Въ рукописи стихотвореніе озаглавлено: «Написанная по просьбѣ г. Дугласа Киннарда *Монодія* на Р. В. Шеридана. Предназначена къ прочтенію въ Дрюри-Лэнскомъ театрѣ. Дюдати, на Женевскомъ озерѣ, 18 іюля 1816. Байронъ». *Монодія* дѣйствительно была прочитана со сцены г-жей Дэвисонъ, 7 сентября, а 9 сентября напечатана отдѣльнымъ изданіемъ, которое вскорѣ было повторено.

Со сцены того же театра была прочитана г-жей Лэтьсъ, въ мартѣ 1779 г., *монодія* самого Шеридана на смерть Гаррика. «Однажды», говоритъ Байронъ, «я былъ свидѣтелемъ, какъ онъ нашелъ у себя эту *монодію*. Замѣтивъ посвященіе вдовствующей лэди Спенсеръ, онъ пришелъ въ ярость и сталъ увѣрять, что это подлогъ, что онъ никогда и ничего не думалъ посвящать этимъ проклятымъ ханжамъ, и т. д. и т. д. Цѣлые полчаса онъ горячился по поводу этого посвященія или, вѣрнѣе, по поводу его предмета. Забавно было бы, если бы всѣ писатели были такъ же искренни». (*Дневникъ* 1821 г.).

Стр. 36.

*...когда до нашихъ странъ
Домчалъ свѣтъ явилъ обиды Индостанъ.*

Фоксъ, Боркъ и Питтъ отнеслись съ похвалами къ рѣчи Шеридана по поводу обвиненій, предъявленныхъ въ палатѣ общины противъ Гастингса. Питтъ просилъ палату отсрочить засѣданіе, чтобы дать время обдумать вопросъ болѣе спокойно, чѣмъ это могло быть сдѣлано подлѣ непосредственнымъ впечатлѣніемъ рѣчи Шеридана. «Ранѣе моего отвѣда изъ Англіи», говоритъ Гиббонъ, «я былъ очевидцемъ величественнаго зрѣлища—процесса Гастингса въ Вестминстеръ-Голлѣ. Не мое дѣло оправдывать или обвинять губернатора Индіи; но краснорѣчіе г. Шеридана не могло не вызвать съ моей стороны одобренія; я не могъ безъ волненія слышать похвалъ, обращенныхъ имъ лично ко мнѣ въ присутствіи британской націи. Это торжество генія продолжалось четыре дня сряду». На вопросъ одного вига, по окончаніи рѣчи, какъ это Шеридану пришло въ голову назвать Гиббона *luminous* (свѣтлымъ), тотъ прошепталъ ему на ухо: «Я сказалъ—*voluminous*» (многоотомный).

Хвалу ему воздалъ сенатъ могучій.

Первая рѣчь Шеридана по дѣлу Удскихъ принцевъ была произнесена 7 февраля 1787 г. Онъ говорилъ 4 часа 40 минутъ и окончилъ рѣчь среди

громкихъ возгласовъ похвалы и рукоплесканій, въ которыхъ лорды принимали участіе наравнѣ съ посторонней публикой. Дебаты по дѣлу Уоррена Гастингса происходили 3, 6, 10 и 13 іюня 1788 г.

«Я слышалъ Шеридана только одинъ разъ, и въ теченіе короткаго времени», говоритъ Байронъ въ своемъ дневникѣ 1821 г. «Я любилъ его голосъ, его манеру говорить, его остроуміе. Это былъ единственный ораторъ, котораго мнѣ хотѣлось бы слушать долѣе».

Его души веселыя созданія.

«Соперники», «Хитрый поручикъ» и «Дуэнья» были представлены въ первый разъ на Ковентъ-Гарденскомъ театрѣ, 17 января, 2 мая и 21 ноября 1775 г.; «Побѣдка въ Скарборо» и «Школа Злословія» были играны на Дрюри-Лэнскомъ театрѣ, 24 февраля и 8 мая 1777 г.; «Критикъ»—29 октября 1779 г. и «Пизарро»—24 мая 1799 г.

Стр. 37.

*...Быть можетъ, намъ придется
Увидѣть въ томъ, что въ насъ плазаетъ—
порокъ,*

Одно лишь только горе!

«Однажды», говоритъ Байронъ въ дневникѣ 1821 г., «я видѣлъ, какъ Шериданъ, послѣ великолѣпнаго обѣда, заплакалъ. Я имѣлъ честь сидѣть рядомъ съ нимъ. Поводомъ къ его слезамъ послужило чье-то замѣчаніе о той рѣшительности, съ которою виги охраняютъ свои принципы и отказываются отъ государственной службы. Шериданъ обернулся: «Сэръ,—для лорда Б. или графа Д. или маркиза В., съ тысячами фунтовъ годового дохода, частью происходящаго, частью унаслѣдованнаго отъ синекуры или отъ полученій изъ казенныхъ средствъ, легко хвастаться своимъ патриотизмомъ и держаться въ сторонѣ отъ искушенія; но они не знаютъ, отъ какого сильнаго искушенія воздерживаются тѣ, кто гордъ не меньше ихъ и притомъ обладаетъ по крайней мѣрѣ одинаковыми съ ними способностями и столь же развитыми страстями, но въ теченіе всей своей жизни не вѣдаетъ того, что значить имѣть хотя бы одинъ собственный шиллингъ!» Сказавъ это, Шериданъ заплакалъ. Мнѣ не разъ приходилось слышать, какъ онъ говорилъ, что у него никогда не было собственного шиллинга. Правда, онъ обладалъ умѣньемъ извлекать значительныя количества шиллинговъ изъ другихъ людей. Въ 1815 г. я встрѣтился съ нимъ у адвоката. Они скоро распрощались, и Шериданъ ушелъ. Прежде, чѣмъ объяснить адвокату свое дѣло, я не могъ удержаться, чтобы не освѣдомиться о дѣлѣ Шеридана. «О,—сказалъ адвокатъ,—дѣло самое обыкновенное: просьба объ отсрочкѣ взысканія.—Какъ же вы намѣрены поступить? спросилъ я.—Да никакъ, отвѣчалъ онъ: развѣ можно что-нибудь взыскать съ нашего стараго Шерри?» Тутъ онъ засмѣялся и сталъ говорить о блестящихъ способностяхъ Шеридана и объ его умѣньи вести разговоръ. Таковъ былъ Шериданъ: онъ могъ смягчить сердце даже безстрашнаго адвоката! Ничего подобнаго не бывало со временъ Орфея».

Стр. 37.

*...нищету терпя и разоренье,
Забудетъ гордый духъ свое наречье.*

Это не выдумка. Всего за нѣсколько дней до своей смерти Шериданъ писалъ Роджорсу: «Я совсѣмъ разоренъ и сердце мое разбито. Они хотятъ снять съ оконъ занавѣски, ворваться въ комнату моей жены и заарестовать меня. Сумма въ 150 фунтовъ устранила бы всѣ затрудненія. Ради Бога, по-

ПРИМѢЧАНІЯ КО ВТОРОМУ ТОМУ.

выдайтесь со мною». Муръ тотчасъ же отнесъ ему требуемую сумму. Это было писано 15 мая, а 14 іюля останки Шеридана были торжественно погребены въ Вестминстерскомъ аббатствѣ, причѣмъ гробъ его несли: герцогъ Бедфордъ, графъ Лодердаль, графъ Мульгрэвъ, лордъ-епископъ лондонскій, лордъ Голландъ и графъ Спенсеръ... По этому поводу Муръ, въ своемъ стихотвореніи на смерть Шеридана, говоритъ: «Какъ торжественно выступали они въ похоронной процессіи чловѣка, отъ котораго отвернулись во время его болѣзни и нужды! Еще вчера судебныя пристава готовы были стащить съ него послѣднее одѣяло, а сегодня вельможи несутъ на рукахъ его гробъ!.. Такова была участь этого высоко-одареннаго чловѣка, бывшаго гордостію двора, общества и парламента—оратора, драматурга, поэта, съ одинаковымъ талантомъ владѣвшаго всѣми видами поэзіи!...»

Стр. 38.

*Великимъ Тремъ онъ разенъ былъ по силѣ.
«Фоксъ, Питтъ, Боркъ». (Прим. Байрона).*

«Когда у Фокса спросили, какую рѣчь онъ считаетъ лучшею изъ всѣхъ, когда-либо имъ слышанныхъ, онъ отвѣчалъ: «Рѣчь Шеридана по дѣлу Уоррена Гастингса въ палатѣ общины». Фоксъ соизволялъ Шеридану повторить ту же самую рѣчь и въ Вестминстеръ — Голлѣ, такъ какъ ничего лучшаго, по его мнѣнію, уже нельзя было сказать. Но Шериданъ произнесъ новую рѣчь, отличавшуюся отъ прежней, — и, по мнѣнію лучшихъ цѣнителей, эта вторая рѣчь была гораздо хуже первой, несмотря на похвалы Борка, восклицавшаго во время ея произнесенія: «Вотъ это—настоящій ораторскій стиль, это—нѣчто среднее между поэзіей и прозой, и лучше той и другой!» (Дневникъ Байрона 1821 г.)

Стр. 38.

*Вы, остроумцы, общества отряды, —
Онъ былъ вашъ братъ: почитите прахъ его!*

«Я часто встрѣчалъ Шеридана въ обществѣ. Онъ былъ великолѣпенъ, Я видѣлъ, какъ онъ сѣлъ за Уитбрѣда, поставилъ втупикъ г-жу Сталь, уничтожилъ Кольмана и съ немощнымъ успѣхомъ отдѣлывалъ многихъ другихъ людей, очень способныхъ и имѣвшихъ прекрасную репутацію. Я встрѣчалъ его во всякихъ мѣстахъ и во всякой компаніи—въ Уайтголлѣ съ Мельбурнами, у маркиза Тэвистока, въ аукціонной залѣ Робинса, у сэра Гемфри Дави, у Самуэля Роджерса, словомъ—въ самомъ разнообразномъ обществѣ, и всегда находилъ его пріятнымъ и веселымъ» (Дневникъ Байрона 1821 г.).

Угасла сила высшю разряда!

«Лордъ Голландъ передалъ мнѣ любопытный фактъ относительно сентиментальности Шеридана. Однажды, въ обществѣ, мы высказывали различныя сужденія о Шериданѣ и о другихъ выдающихся людяхъ. Мое мнѣніе было таково: «все, что сдѣлано Шериданомъ, въ своемъ родѣ превосходно. Онъ написалъ самую лучшую нашу комедію («Школа зловсловія»), самую лучшую драму, самый лучшій фарсъ («Критикъ»: для фарса эта пьеса даже слишкомъ хороша) и самый лучшій адресъ (монологъ на смерть Гаррика), а въ довершеніе всего—произнесъ самую лучшую рѣчь, какая когда-либо произносилась въ нашей странѣ». На другой день кто-то передалъ эти слова Шеридану, — и онъ залился слезами! Бѣдный Бринсли! Если это были слезы радости, то я болѣе доволенъ тѣмъ, что сказалъ эти немногія, но вполнѣ искреннія слова, чѣмъ если бы написалъ Илиаду или сочинилъ его собственную знаменитую филиппику.

Даже его знаменитая комедія не доставила мнѣ такого удовольствія, какъ извѣстіе о томъ, что онъ выказалъ такую благодарность за мою похвалу!» (Дневникъ Байрона, 17 декабря 1813 г.).

*Лишь одного такого чловѣка
Дала Природа, свой разбить чеканъ,
Когда былъ ею созданъ Шериданъ.*

Эта метафора заимствована изъ «Неистоваго Орланда» Аріосто п. X, строфа 84, гдѣ говорится о Цорбино, сынѣ Шотландскаго короля:

*Non è vu si bello in tante altre persone:
Natura il fece e poi ruppe la tsampa.*

МАНФРЕДЪ.

Байронъ провелъ въ Швейцаріи четыре мѣсяца и три недѣли: онъ пріѣхалъ въ Сешеронъ 25 мая, а уѣхалъ изъ виллы Дюдати въ Италію 6 октября 1816 г. Въ теченіе этого періода имъ была написана значительная часть III-й пѣсни «Чайльд-Гарольда», «Шильонскій Узникъ» съ семью стихотвореніями, которыя были напечатаны вмѣстѣ съ этой поэмой, и «Монодія» на смерть Шеридана. Въ это же время были начаты и «Манфредъ».

Въ примѣчаніи къ «Заклинанію», напечатанному впервые вмѣстѣ съ «Шильонскимъ Узникомъ» (5 декабря 1816), поэтъ упоминаетъ о своей «неоконченной волшебной драмѣ». Въ письмѣ къ Муррею изъ Венеціи, отъ 15 февраля 1817 г., онъ говоритъ: «Я забылъ вамъ сказать, что нѣчто вродѣ драматической поэмы (бѣлыми стихами) или драмы, начатое мною прошлымъ лѣтомъ въ Швейцаріи, теперь окончено. Это—вещь въ трехъ актахъ, но довольно дикая, метафизическая и непонятная. Почти всѣ дѣйствующія лица, кромѣ двухъ или трехъ,—духи земные, воздушные или водяные; дѣйствіе происходитъ въ Альпахъ; герой—нѣчто вродѣ волшебника; онъ страдаетъ отъ угрызений совѣсти, причина которыхъ остается наполовину невыясненною. Онъ страствуетъ и вызываетъ этихъ духовъ; они являются къ нему, но онъ ими не пользуется; наконецъ, онъ доходитъ до самаго послѣдняго воплощенія Злого начала, in propria persona, затѣмъ, чтобы вызвать призрака, который появляется и даетъ ему двусмысленный и непріятный отвѣтъ; а въ третьемъ дѣйствіи слуги находятъ его умирающимъ въ башнѣ, гдѣ онъ изучалъ свое искусство. Изъ этого очорка вы можете видѣть, что я самъ невысокаго мнѣнія объ этой фантастической пьесѣ; но по крайней мѣрѣ я постарался сдѣлать ее совершенно невозможною для сцены, къ которой, послѣ моихъ сношеній съ Дрюри-Лэнгомъ, я чувствую величайшее презрѣніе. Я еще не переписалъ этой пьесы,—мнѣ лѣнь за это приниматься,—но когда перепису, приплю ее вамъ, а вы можете или бросить ее въ печь, или поступить, какъ угодно».

Къ этому письму Байронъ, все-таки, приложилъ нѣсколько «извлеченій» изъ «Манфреда»: 28 февраля онъ послалъ Муррею переписанный I-й актъ, а 9 марта—окончаніе своей «драматической поэмы» (такъ названо въ письмѣ это произведеніе), съ тѣмъ, чтобы Муррей не печаталъ ея, не предвѣдомивъ объ этомъ автора. «Я въ самомъ дѣлѣ не знаю, хороша она или дурна», писалъ Байронъ: «а такъ какъ подобной неувѣренности у меня не было относительно прежнихъ главныхъ моихъ сочиненій, то я склоненъ цѣнить эту вещь не особенно высоко. Покажите ее г. Джиффорду и еще кому-нибудь, кому

вадуается. Что касается гонорара (если она будет напечатана), то я не знаю, не покажется ли вам сумма в триста гиней слишком большою; в таком случае можете ее уменьшить; я не цѣню этой пьесы дороже; изъ этого вы можете видѣть, что я дѣлаю разницу между нею и другими моими сочиненіями» *).

Джиффордъ нашелъ I-й актъ «удивительно поэтичнымъ» и «заслуживающимъ напечатанія»; но, какъ и предвидѣлъ Байронъ, III-й актъ ему не понравился. «Третій актъ, разумѣется, чертовски плохъ», писалъ Байронъ Муррею 15 апрѣля 1817 г.: «въ немъ остались слѣды лихорадки, мучившей меня въ то время, когда я его писалъ. Его ни въ какомъ случаѣ нельзя печатать въ настоящемъ его видѣ. Я постараюсь его передѣлать или по крайней мѣрѣ переписать; но прежняго вдохновенія уже нѣтъ, и я не надѣюсь сдѣлать что-нибудь лучше. Какъ бы то ни было, въ настоящемъ видѣ его печатать нельзя. Рѣчь Манфреда къ солнцу—единственное мѣсто въ этомъ актѣ, которое мнѣ нравится; все остальное изъ рукъ вонъ плохо, и я удивляюсь, какой дьяволъ тогда вселился въ меня»...

Лихорадка, которую Байронъ схватилъ въ Венеціи отъ нездороваго климата и жизни въ сырмомъ палаццо, опять вернулась къ нему въ Римѣ, куда онъ перѣѣхалъ весной 1817 г. Только 5 мая онъ послалъ Муррею заново передѣланный III-й актъ. «Большую часть я переписалъ заново, а то, что оставлено безъ перемѣнъ, отиѣчено на присланной вами корректурѣ. Аббатъ обратился въ добраго человѣка, духи представлены въ минуту смерти Манфреда. Надѣюсь, вы найдете въ этомъ новомъ актѣ нѣсколько поэтическихъ мѣстъ; если такъ, то печатайте его, не посылая мнѣ дальнѣйшихъ корректуръ, но съ поправками г. Джиффорда, если онъ возьметъ на себя трудъ его просмотрѣть».

«Манфредъ» былъ изданъ отдѣльной книжкой 16 июня 1817 г. Главныя критическія статьи о немъ были написаны Джеффри въ «Edinburgh Review» и Вильсономъ въ «Edinburgh Monthly Magazine». О первой изъ этихъ статей Байронъ отзывался, что она «очень мила», а о второй—что въ ея авторѣ «видѣть поэта». Приводимъ наиболѣе существенныя мѣста изъ этихъ двухъ статей.

«Въ *«Манфредѣ»* мы сразу узнаемъ ту мрачную и могучую душу, которая горѣла, волновалась и мучилась въ *«Гай-ольдѣ»*, *«Конрадѣ»* и *«Ларѣ»* и теперь снова появляется передъ нами въ этой пьесѣ не столько гнѣвною, сколько печальною, можетъ быть, болѣе надменною и болѣе ужасною, чѣмъ когда-либо, хотя самыя выдающіяся мизантропическія черты ея уже заглушаются глубокимъ отчаяніемъ. Манфредъ не ищетъ, подобно Конраду и Ларѣ, забвенія своихъ сердечныхъ мукъ въ опасностяхъ отчаянной хищнической войны; онъ не старается заглушать свои горькія думы въ шумѣ постоянныхъ битвъ; онъ не носится, подобно Гарольду, по разнымъ странамъ, съ чувствомъ презрѣнія и отвращенія, наблюдая людскія занятія и удовольствія, какъ предметъ для насмѣшки и сарказма, какъ развлеченіе въ своей непомерной тоскѣ. Гений поэта переноситъ его въ величественное уединеніе центральныхъ Альповъ; онъ жилъ тамъ съ юныхъ лѣтъ, въ гордомъ и спокойномъ удаленіи отъ людей, бесѣдуя только съ окружающими его величественными формами и явлениями природы и съ стихійными духами, надъ которыми онъ получилъ господство, благодаря своимъ занятіямъ волшебствомъ и магіей. Отворачиваясь

отъ людей, онъ презираетъ низшую и суетную человеческую натуру; но онъ не чувствуетъ къ слабому человеческому племени ни гнѣва, ни вражды. Людскія тревоженія ему не интересны, ихъ заботы не вызываютъ въ немъ сочувствія, ихъ радостямъ онъ не завидуетъ. Ему скучно и досадно встрѣчаться съ людьми въ своихъ меланхолическихъ блужданіяхъ, но онъ все-таки относится къ людямъ ласково и жалостливо, и, за исключеніемъ случаевъ слишкомъ безцеремоннаго вмѣшательства въ его личную жизнь, онъ любезно заботится объ удобствахъ всѣхъ его окружающихъ. Пьеса совершенно правильно названа драматической поэмой, потому что она представляетъ произведеніе, главнымъ образомъ, поэтическое, а вовсе не драму или театральную пьесу въ современномъ значеніи этого слова. Въ ней нѣтъ ни дѣйствія, ни интриги, ни характеровъ; отъ начала до конца одинъ только Манфредъ размышляетъ и страдаетъ. Его страданія и въ началѣ и въ концѣ совершенно одинаковы; ихъ характеръ все время остается неизмѣннымъ. Въ числѣ дѣйствующихъ лицъ находятся охотникъ, священникъ и нѣсколько слугъ, но они не имѣютъ никакого отношенія къ тѣмъ страстямъ и душевнымъ мукамъ, на которыхъ основывается главный интересъ пьесы, и Манфредъ все время остается совершенно одинокимъ. Всѣ его личныя отношенія ограничиваются воспоминаніями о любимомъ существѣ да вызываніемъ безсмертныхъ духовъ, которыхъ онъ упрекаетъ за свое несчастье и за ихъ неспособность ему помочь. Эти неземныя существа ближе подходятъ къ характеру дѣйствующихъ лицъ драмы; но они служатъ только хоромъ въ общемъ дѣйствіи, и Манфредъ является на самомъ дѣлѣ единственнымъ въ пьесѣ дѣйствующимъ лицомъ. Вся цѣль поэмы только въ томъ и состоитъ, чтобы очертить его характеръ и сдѣлать его чувства доступными нашему пониманію; въ этомъ отношеніи какъ замыселъ пьесы, такъ и ея исполненіе одинаково превосходны. Это—величественное и «страшное зрѣлище существа, одареннаго сверхчеловѣческими силами для того только, чтобы выносить сверхчеловѣческія страданія, сохраняя при этомъ всю мощь и гордость духа. Указывать на нецѣлостность вымысла вначалѣ бы—обнаружить непониманіе замысла и цѣли автора. Мы полагаемъ, что онъ вовсе и не думалъ о правдоподобіи: его цѣлью было—произвести извѣстный эффектъ, возвеличить и развить извѣстный характеръ, которымъ онъ желалъ заинтересовать и поразить насъ и облегчить намъ разумѣніе этого характера, пользуясь величественными картинами природы и суетнымъ ужасомъ. Такимъ образомъ вполне достаточно, если мы будемъ въ состояніи представить себѣ ту обстановку, въ какой поэтъ помѣстилъ своего героя, и если мысль объ его дѣйствительномъ существованіи будетъ дѣйствовать на наше чувство и воображеніе,—такъ какъ одного только Манфреда мы можемъ страшиться или сожалѣть, одному только ему можемъ сочувствовать. Если мы будемъ въ состояніи представить себѣ его лицомъ реально существующимъ, усвоить всю высоту его гордости и всю глубину его страданій, то намъ уже безразлично, какими средствами поэтъ произвелъ на насъ такое впечатлѣніе и далъ намъ возможность дойти до такого пониманія его героя». (Джеффри).

«Въ этой весьма оригинальной поэмѣ Байронъ шелъ тѣмъ же путемъ и обратилъ свое дарованіе на тотъ же предметъ, какъ и въ третей пьесѣ *«Чайльд-Гарольда»*. Дѣйствіе происходитъ среди Альповъ; всѣ дѣйствующія лица болѣе или менѣе созданы или обусловлены окружающимъ ихъ величественнымъ пейзажемъ; каждая страница поэмы

*) Муррей заплатилъ требуемую сумму.

проникнута пыломъ воображенія и страсти, хотя въ то же время мысль поэта нерѣдко смѣщается силою и новизною своихъ собственныхъ представлений, и въ этомъ отношеніи все сочиненіе, въ цѣломъ, вызываетъ немало довольно сильныхъ возраженій. Но въ этой замѣчательной драмѣ гораздо болѣе вниманія заслуживаетъ новое примѣненіе способностей Байрона. Здѣсь онъ проникъ въ міръ духовъ, и въ томъ упоеніи, какое дали ему стихіи природы, онъ сдѣлалъ попытку дать имъ извѣстное воплощеніе и вызвать передъ нами ихъ дѣятельныя силы, располагаясь этими олицетвореніями съ тою же свободою, съ какою раньше онъ распоряжался человѣческими чувствами и страстями. Мы не рѣшимся сказать, что эта смѣлая попытка въполнѣ удалась ему: мы склонны думать, что замыселъ его драмы и характеръ главнаго дѣйствующаго лица, имъ обрисованный, требовали бы болѣе полного развитія. Такимъ образомъ, во все время чтенія поэмы чувствуется что-то смутное, незаконченное, какают неполнота, происходящая или отъ какой-нибудь ошибки самого поэта, или отъ присущей сюжету поэмы таинственности. Но хотя съ этой точки зрѣнія и трудно ясно понять цѣль произведенія, все же нельзя не отмѣтить въ немъ цѣлаго ряда прекрасныхъ картинъ горной природы, выразительныхъ и ужасныхъ моментовъ страсти и потрясающихъ видѣній». (Проф. Вильсонъ).

Но среди похвалъ критики проскользнуло одно замѣчаніе, которымъ Байронъ былъ глубоко огорченъ: въ одной изъ посвященныхъ *«Манфреду»* статей было замѣчено, что общій планъ пьесы и ея лучшія сцены заимствованы изъ «Трагической исторіи доктора Фауста» Марло. Противъ этого предположенія рѣшительно возсталъ Джеффри. *«Манфредъ»* — писалъ онъ, — безъ сомнѣнія, произведеніе крупнаго таланта и въполнѣ оригинальное. Самый важный его недостатокъ заключается, можетъ быть, только въ томъ, что онъ слишкомъ утомляетъ и страшитъ насъ торжественнымъ однообразіемъ своего ужаса. Другой недостатокъ состоитъ въ мучительномъ и болѣзненномъ характерѣ того обстоятельства, на которомъ основаны страданія героя. Лирическія пѣснопѣнія духовъ слишкомъ длинны и не всѣ хороши. Кое-гдѣ въ нихъ замѣтны черты педантизма; да и самъ Манфредъ слишкомъ часто обращается къ классическимъ намекамъ. Если видѣть въ этомъ произведеніи настоящую драму или въполнѣ законченную поэму, то пришлось бы сказать, что она слишкомъ неопредѣленна и потому неудовлетворительна. Но мы должны смотрѣть на нее съ точки зрѣнія замысла и цѣли автора. Онъ имѣлъ въ виду дать лишь туманный очеркъ сюжета, который по существу своему не допускалъ болѣе опредѣленныхъ очертаній и болѣе яркой окраски. Его неясность обусловлена его величіемъ; прикрывающая его темнота и туманная даль, въ которой онъ теряется, — все это рассчитано на то, чтобы произвести болѣе сильный эффектъ, возбудить наше любопытство и внушить намъ болѣе глубокий ужасъ. Въ остроумной статьѣ, напечатанной въ послѣдней книжкѣ «Эдинбургскаго Журнала», высказывается предположеніе, что общій замыселъ этой пьесы и многія изъ превосходныхъ отдѣльныхъ ея сценъ заимствованы изъ *«Фауста»* Марло; въ статьѣ приведенъ рядъ цитатъ, которыя, по мнѣнію автора, сходны съ соответствующими мѣстами лежащей передъ нами поэмы, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже лучше ихъ. Съ этимъ заключеніемъ вообще мы согласиться не можемъ, но въ которое сходство, несомнѣнно, замѣчается какъ въ приведенныхъ отрывкахъ, такъ и въ складѣ стиха и выраженія.

Такъ, напр., стихійные духи, для того, чтобы побудить Фауста продолжать его безбожныя занятія магіей, говорятъ, что они будутъ служить ему

Какъ женщины, или иногда какъ дѣвы
Съ челомъ воздушнымъ дивной красоты,
Прекраснѣй, чѣмъ сама любви богиня.

Въ другомъ мѣстѣ, гдѣ влюбленный волшебникъ приказываетъ троянской Еленѣ воскреснуть и сдѣлаться его любовницей, онъ при первомъ ея появленіи обращается къ ней съ такими словами:

Вотъ ликъ, сгубившій сотни кораблей,
Разрушившій твердыни Иліона!
О милая Елена! Поцѣлуемъ
Дай мнѣ безсмертье! Выпила устами
Мою ты душу — прочь бѣжишь — покой!
Приди ко мнѣ, отдай назадъ мнѣ душу!
Здѣсь, на устахъ твоихъ, позналъ я небо.
Все, что не ты, — все прахъ и суета!
О! Ты прекраснѣе зари вечерней,
Облекшейся въ свой плащъ тысячезвѣздный!
Ты для меня любезнѣе, чѣмъ солнце
Въ объятіяхъ лазурныхъ Аретузы.

Катастрофа также изображена стихами очень изысканными, полными классической красоты. Но всѣ эти прекрасные стихи любопытной старой драмы ни въ какомъ случаѣ не могутъ служить доводомъ противъ оригинальности *«Манфреда»*, такъ какъ въ нихъ нѣтъ и слѣда той гордости, того удаленія отъ всего матеріальнаго и того глубокаго страданія, которымъ отличается произведеніе Байрона. Фаустъ — не больше, какъ заурядный колдунъ, продающій свою душу дьяволу за обычные чувственные наслажденія, за земную власть и славу; онъ ужасается и дрожитъ въ агоніи, когда приходитъ часъ расплаты. Самый стиль Марло, несмотря на его напыщенность и ученость, является дѣтски-слабымъ въ сравненіи съ глубиною и силою байроновскаго стиля, а непріятное шутство и низкаго сорта фарсы, изъ которыхъ главнымъ образомъ состоитъ его драма, даютъ поводъ скорѣе для контраста, чѣмъ для сравненія съ пьесой его благороднаго преемника. По тону и складу композиціи, а также и по характеру выраженія въ наиболѣе торжественныхъ частяхъ *«Манфреда»*, эта пьеса скорѣе напоминаетъ эсхилловскаго *«Прометея»*, чѣмъ какую-либо современную драму. Ужасающее одиночество главнаго дѣйствующаго лица, сверхъестественныя существа, съ которыми онъ только и находится въ сношеніяхъ, его виновность, твердость духа, страданія, — все это пункты соприкосновенія, въ которыхъ сила поэтическаго творчества выражается наиболѣе разительными эффектами. Главное различіе заключается въ томъ, что предметъ греческой трагедіи былъ освященъ традиціонною вѣрою народа и что ея ужасъ нигдѣ не смягчается тою нѣжностью, какою проникнуты многія мѣста въ пьесѣ его англійскаго соперника».

Прочитавъ эту статью, Байронъ, въ письмѣ къ Муррею отъ 12 октября 1817 г., далъ очеркъ происхожденія своей поэмы и въполнѣ опредѣленно высказался насчетъ ея литературныхъ источниковъ. «Я никогда не читалъ и не знаю даже, видѣлъ ли когда-нибудь *«Фауста»* Марло», говоритъ онъ: «у меня не было и нѣтъ съ собой никакихъ драматическихъ сочиненій на англійскомъ языкѣ, кромѣ нѣсколькихъ новѣйшихъ пьесъ, нами присланныхъ; но прошлымъ лѣтомъ я слышалъ, какъ г. Льюисъ переводилъ словесно нѣсколько сценъ изъ *«Фауста»* Гете (нѣкоторыя изъ нихъ хороши, а нѣкоторыя плохи): вотъ и все, что мнѣ извѣстно объ исторіи

этой магической личности. Что касается зачатков *«Манфреда»*, то их можно найти в Дневникѣ, посланномъ мною г-жѣ Ли (часть котораго вы видѣли) въ ту пору, когда я впервые переправился черезъ Dent de Jaman, а затѣмъ черезъ Венгерскіе Альпы и Шейдеггъ и сдѣлалъ туръ вокругъ Юнгфрау, Шрекгорна и пр., незадолго до моего отъѣзда изъ Швейцаріи. Вся картина *«Манфреда»* стоитъ передо мной, словно я ее видѣлъ только вчера, и я могу точно обозначить въ ней всякое мѣсто, горы, водопады и пр. Эсхиловскаго *«Прометея»* я страстно любилъ въ дѣтствѣ (это была одна изъ греческихъ трагедій, которыя три раза въ годъ декламировались въ Гарроу); эта трагедія, да еще *«Медя»*, да *«Семеро противъ Оизъ»* были единственными, которыя мнѣ всегда очень нравились. Что касается марловскаго *«Фауста»*, то я его никогда не читалъ, никогда не видалъ, никогда даже не слышалъ о немъ или, по крайней мѣрѣ, никогда о немъ не думалъ...

«Одинъ американецъ, пріѣхавшій недавно изъ Германіи (читаемъ въ письмѣ къ Муррею отъ 23 октября 1817 г.), сказалъ Гобгоузу, что *«Манфредъ»* взятъ изъ *«Фауста»* Гете. Чортъ бы побралъ обоихъ Фаустовъ, и нѣмецкаго и англійскаго,—а я не бралъ ни того, ни другого».

Три года спустя, въ іюнѣ 1820 г., Байронъ прислалъ Муррею письмо «со вложеніемъ», которое должно было его заинтересовать, «а именно: съ мнѣніемъ величайшаго человѣка въ Германіи, а можетъ быть и во всей Европѣ, объ одномъ изъ великихъ людей, о которыхъ говорится въ вашихъ объявленіяхъ. Однимъ словомъ, это — критика Гете на *«Манфреда»*. Въ посылкѣ находятъ: подлинникъ, переводъ англійскій и переводъ итальянскій. Сохраните это все въ своемъ архивѣ, такъ какъ мнѣніе такого человѣка, какъ Гете, все равно, справедливо ли оно, или нѣтъ, всегда интересно, а данное мнѣніе въ особенности интересно, потому что оно благосклонно. Я никогда не читалъ его *«Фауста»*, ибо не знаю по-нѣмецки, но въ 1816 г., въ Колинъ, Мэттью Монкъ Льюисъ перевелъ мнѣ изустно большую его часть, и я, разумеется, былъ имъ очень пораженъ, хотя написать *«Манфреда»* заставилъ меня не Фаустъ, а Штейнбахъ и Юнгфрау и еще что-то другое. Впрочемъ, первая сцена *«Манфреда»* очень сходна съ первою сценою *«Фауста»*.

Къ этому письму было приложено слѣдующее извлеченіе изъ статьи Гете подъ общимъ заглавіемъ: «Искусство и Древность».

«Трагедія Байрона *«Манфредъ»* явилась для меня удивительнымъ феноменомъ, который близко меня заинтересовалъ. Этотъ поэтъ, одаренный столь оригинальнымъ умомъ, усвоилъ моего *«Фауста»* и нашелъ въ немъ самую подходящую пищу для своего ипохондрическаго настроенія. Онъ своеобразно пользовался для своей цѣли руководящими принципами моей трагедіи, такъ что ни одинъ изъ нихъ не сохранилъ первоначальнаго своего значенія, и въ этомъ отношеніи я не могу достаточно надивиться его дарованію. У него все до такой степени переработано наново, что для критика представлялась бы любопытная задача — отмѣтить не только сдѣланныя имъ измѣненія, но и степень ихъ сходства или различія съ оригиналомъ. Мрачныя изліянія безграничнаго и чрезмернаго отчаянія производятъ, въ концѣ концовъ, удручающее впечатлѣніе; но это чувство всегда соединяется съ чувствомъ уваженія и удивленія къ автору.

«Такимъ образомъ, мы находимъ въ этой трагедіи квинтъ-эссенцію изумительнѣйшаго таланта, рожденнаго для того, чтобы быть собственнымъ му-

чителемъ. Общій характеръ жизни и поэзіи лорда Байрона едва ли допускаетъ справедливую и безпристрастную оцѣнку. Онъ самъ очень часто указывалъ на источникъ своихъ страданій и часто изображалъ эти страданія; но едва ли кто-нибудь можетъ сочувствовать этимъ невыносимымъ мукамъ, къ которымъ поэтъ постоянно и упорно возвращался въ своихъ произведеніяхъ. Дѣло идетъ, собственно говоря, о двухъ женщинахъ, тѣни которыхъ постоянно его преслѣдуютъ и которыя въ данной пьесѣ также играютъ главную роль,—одна подъ именемъ Астарты, а другая безъ какой-либо опредѣленной формы, только въ видѣ голоса. Объ ужасной судьбѣ, постигшей первую, передаютъ слѣдующее: будучи смѣлымъ и предприимчивымъ юношей, поэтъ вступилъ въ связь съ одной флорентинскою дамой. Мужъ послѣдней, узнавъ объ измѣнѣ жены, убилъ ее, но и самъ въ ту же ночь былъ найденъ мертвымъ на улицѣ. Подозрѣнія въ убійствѣ ни на кого не было заявлено. Лордъ Байронъ тогда же выѣхалъ изъ Флоренціи, и съ тѣхъ поръ на всю жизнь осталось у него мрачное воспоминаніе о случившемся *).

«Многочисленные намеки, разсыянные въ различныхъ произведеніяхъ Байрона, дѣлаютъ это романтическое происшествіе весьма вѣроятнымъ. Такъ, наприимѣръ, предаваясь грустнымъ размышленіямъ о своей судьбѣ, онъ прижмаетъ къ себѣ роковую исторію спартанскаго царя. Исторія эта—слѣдующая: спартанскій полководецъ Павзаній прославился важною побѣдою при Платей, но затѣмъ утратилъ довѣріе своихъ согражданъ вслѣдствіе своей заносчивости, упорства и тайныхъ интригъ съ врагами своего отечества. На этого человѣка падаетъ тяжкая вина въ пролитіи неповинной крови, и сознаніе этой вины мучитъ его до конца жизни. Дѣло въ томъ, что, начальствуя надъ соединеннымъ греческимъ флотомъ на Черномъ морѣ, онъ страстно влюбился въ одну византійскую дѣвушку. Послѣ продолжительныхъ переговоровъ онъ, наконецъ, получилъ согласіе ея родителей на бракъ съ нею. Ее приводятъ къ нему ночью; изъ скромности, она тушитъ свѣтъ и, пробравшись въ темнотѣ,

*) «Серьезная увѣренность, [съ какою почтенный критикъ превращаетъ фантазіи своего брата-поэта въ реальныя лица и событія, не затрудняясь въ подтвержденіе своей теоріи, ссылаться даже на двойное убійство во Флоренціи, представляетъ забавный примѣръ очень распространенной въ то время въ европейскомъ обществѣ склонности изображать Байрона человѣкомъ чудеснымъ и таинственнымъ какъ въ поэзіи, такъ и въ жизни. Многочисленныя розсканіи объ его романтическихъ похожденияхъ и удивительныхъ приключеніяхъ въ мѣстахъ, гдѣ онъ на самомъ дѣлѣ никогда не бывалъ, и съ лицами, никогда не существовавшими, безъ сомнѣнія, въ значительной мѣрѣ способствовали распространенію о немъ подобныхъ преувеличенныхъ и ложныхъ мнѣній. Ходячія представленія объ его жизни и характерѣ такъ далеки отъ дѣйствительности, что неудивительно, если настоящій, изъ «плоти и крови» созданный, герой этихъ страницъ, общительный, одаренный практическимъ умомъ и, при всѣхъ своихъ недостаткахъ и эксцентричностяхъ, все-таки кровный англичанинъ, лордъ Байронъ можетъ представиться чрезмерно возбужденному воображенію большинства его иноземныхъ поклонниковъ личностью слишкомъ заурадною, лишенною всякаго романческаго ореола и совершенно прозаическою» (Муръ).



ЖУКОВСКІЙ въ 1820-г.

когда онъ переводилъ «Шильонскаго Узника». (Литографія Эстерейха).

опрокидываетъ свѣтильникъ. Проснувшійся Павзаній, думая, что къ нему крадется убійца, схватываетъ мечъ и убиваетъ свою жену. Это ужасное зрѣлище съ тѣхъ поръ всегда стоитъ передъ его глазами. Тѣнь убитой постоянно его преслѣдуетъ, и онъ тщетно молитъ о помощи боговъ и жрецовъ-заклинателей.

«Растерзанное сердце поэта усвоило эту древнюю легенду, примѣнило ее къ себѣ и еще болѣе омрачило ею трагическій образъ Манфреда. Это объясненіе дѣлаетъ понятнымъ мрачный, проникнутый тоскою монологъ, который мы рекомендуемъ, какъ упражненіе, всѣмъ любителямъ декламации. Здѣсь знаменитый монологъ Гамлета является въ улучшенномъ видѣ» *).

Несмотря на то, что Байронъ, по его собственнымъ словамъ, старался сдѣлать свою драма-

тическую поэму совершенно неудобною для представленія на сценѣ, «Манфредъ» (трагедія въ трехъ дѣйствіяхъ, съ хорами), все-таки былъ поставленъ, 29 октября 1848 г., на Ковентъ-Гарденскомъ театрѣ, затѣмъ, въ 1863—64 гг., на Дрюри-Лэнскомъ и въ теченіе 60-хъ и 70-хъ гг. шелъ нѣсколько разъ на разныхъ сценахъ въ Лондонѣ и въ провинціи. Шла она и въ Мюнхенѣ и портретъ-картина одной изъ исполнительницъ, кисти знаменитаго Габріэля Макса, приложенъ къ настоящему тому Музыка къ «Манфреду» (увертюра, хоры и аккомпанементъ) написана Шуманомъ (1850); въ 1897 г. сэръ Александръ Камблѣ Меккензи, по просьбѣ Эрвинга, сочинилъ аккомпанементъ къ нѣсколькимъ сценамъ драмы. Наконецъ, существуетъ еще симфонія Чайковскаго (четыре картины, 1885).

Стр. 49. Стихъ 6-й напечатанъ ошибочно. Слѣдуетъ читать:

Есть вѣчный стражъ; смыкаются глаза...

Стр. 50.

*) Гете имѣетъ въ виду монологъ Манфреда: «Мы всѣ—игрушки времени и страха» (стр. 58).

И тѣмъ проклятіемъ, что на души моей.
Ср. «Чайльд-Гарольда», п. I, строфа 83 (наст. изд. т. I, стр. 44):

Гарольдъ, скорбя, не вѣдалъ упоенья:
Проклятіе Кайна онъ на челѣ носилъ.

Стр. 51. «Заклинаніе» было впервые напечатано вмѣстѣ съ «Шильонскимъ Узникомъ», въ 1816 г., съ примѣчаніемъ: «Это стихотвореніе составляло хоръ въ ненапечатанной волшебной драмѣ, начатой нѣсколько лѣтъ тому назадъ». Высказываемое различными комментаторами предположеніе, что строфы этого заклинанія направлены противъ лэди Байронъ, подтверждается близкимъ сходствомъ нѣкоторыхъ изъ этихъ строфъ съ заключительною частью «Очерка» (см. наст. изд. т. I, стр. 466—7).

Стр. 53.
*Звучатъ здѣсь въ вольномъ воздухѣ напѣвъ
Подъ звонъ бубенчиковъ бродящихъ стадъ.*

Первые очерки этой и многихъ другихъ швейцарскихъ картинъ въ «Манфредѣ» находятся, какъ указалъ и самъ Байронъ, въ дневникѣ его путешествія по Швейцаріи, пересланномъ имъ сестрѣ. Вотъ нѣсколько примѣровъ:

«Сент. 19, 1816.—Подѣхали къ озеру, находящемуся на самой груди горы; оставили своихъ четвероногихъ на попоченіи пастуха и стали подниматься выше; подошли къ снѣгу, лежавшему клокками, на которые потъ съ моего лба падалъ росой, оставляя слѣды точно мелкаго сита. Отъ снѣжной метели и вѣтра у меня закружилась голова, но я продолжалъ карабкаться все выше и выше. Гобгоузъ добрался до самой верхушки... Весь этотъ горный пейзажъ превосходенъ. На крутомъ и высокомъ утѣсѣ пастухъ заигралъ на рожкѣ; это сошмъ не похоже на Аркадію, гдѣ я видалъ пастуховъ съ длиннымъ мушкетомъ вмѣсто посоха и съ пистолетами за поясомъ... Звонъ бубенчиковъ на шеѣ у коровъ (здѣсь все богатство, какъ у патриарховъ, заключается въ стадахъ) на пастбищахъ, высота которыхъ часто больше любой англійской горы, восклицанія пастуховъ на утесахъ, звуки свирѣли на скалахъ, казавшихся совершенно неприступными, и вообще вся окружающая меня картина явились воплощеніемъ всего того, что я когдалибо слышалъ или воображалъ себѣ о пастушеской жизни,—воплощеніемъ, гораздо болѣе полнымъ, нежели въ Греціи или Малой Азіи, гдѣ слишкомъ много сабей и мушкетовъ, и если у пастуха въ одной рукѣ палка, то въ другой ужъ навѣрное ружье; здѣсь же впечатлѣніе было свободно отъ всякой посторонней примѣси—дику и вполне патриархально... Когда мы подошли, они стали играть *Ranz des vaches* и другія пѣсни, въ видѣ привѣтствія. Я напѣвалъ свой умъ природой...»

*Такъ отъ тоски съдѣтъ, какъ эти сосны,
Зимы нагѣ, жалкіе остатки...*

«Я проходилъ черезъ цѣлые лѣса изсохшихъ, сошмъ изсохшихъ сосенъ: стволы, лишенные коры, безжизненные вѣтви,—все это дѣло одной зимы... Ихъ видъ напомнилъ мнѣ меня самого и мою семью...»

Несите, чтобъ меня теперь засыпать...

«Поднялся на Венгернъ-Альпъ; оставилъ лошадей, снялъ пальто и пошелъ на вершину. Съ одной стороны взорамъ открывалась Юнгфрау со всѣми своими глетчерами; за нею блистала, подобно истинѣ, Зильбергорнъ; дальше—Малый и Большой Шейдеггъ и, наконецъ, Веттергорнъ. Юнгфрау возвышается на 1300 футовъ надъ уровнемъ моря и на 1100 футовъ надъ долиной. Слышалъ паденіе лавинъ почти черезъ каждыя пять минутъ...»

Стр. 53. *То плещетъ океанъ глубокій ада.*

«Облака поднимались изъ противоположной долины, извиваясь перпендикулярно надъ пропастями, словно цѣна адскаго океана въ пору прилива; они были бѣлые, съ оттѣнкомъ сѣры, и на видъ неизмѣримо глубокіе. Склонъ, по которому мы поднимались, былъ, разумѣется, не особенно крутъ; но, добравшись до вершины и взглянувъ черезъ кипящее облачное море внизъ, на противоположную сторону, мы увидѣли, что утесы, на которыхъ мы стояли, съ другой стороны падали совершенно отвѣсно...» (Дневникъ Байрона).

Ты это сдѣлалъ въ старину, Монъ-Розъ.

Ошибка переводчика. Въ подлинникѣ: «гора Розенбергъ», т. е. «Россбергъ», близъ Гольдау, на ю.-в. Цугскаго озера (между тѣмъ какъ Монъ-Розъ или Монте-Роза находится въ итальянской Швейцаріи). Россбергъ обрушился 2 сентября 1806 г. Огромная масса утеса, въ тысячу футовъ ширины и сто футовъ толщины, оторвалась отъ горы и скатилась въ лежащую у подножія ея долину, на деревни Гольдау, Бузингенъ и Ротенъ, захвативъ также часть Ловерца. При этомъ погибло болѣе 450 человѣкъ, и цѣлая стада скота были уничтожены въ какія-нибудь пять минутъ.

Стр. 55, ст. 17 напечатанъ ошибочно; слѣдуетъ читать:

Ты человекъ западныхъ рѣчей.

Стр. 55. ... и любили мы
Другъ друга, какъ нельзя было любить.

Большинство критиковъ прошло молчаніемъ этотъ намекъ на кровосмѣсительную связь Манфреда съ Астартой, но многіе напали за это на Байрона. Шелли, въ письмѣ къ г-жѣ Джисборнъ отъ 16 ноября 1819 г., говоря о трагедіи Кальдерона «Волосы Авессаломъ», между прочимъ, говоритъ: «Кровосмѣшеніе, подобно многимъ другимъ некорректнымъ поступкамъ, есть обстоятельство весьма поэтическое. Оно можетъ быть или гордымъ вызовомъ всему окружающему и облекаться въ славу высокаго героизма, или цинической похотью, которая, смѣшивая понятія о добрѣ и злѣ, пренебрегаетъ ими ради эгонистическихъ побужденій».

Стр. 56.

Сцена II.

«Эта сцена—одна изъ самыхъ поэтическихъ и наиболѣе удачно написанныхъ во всей поэмі. Спокойное уединеніе мѣста дѣйствія проникнуто тихимъ и чарующимъ волшебствомъ, и съ этой очаровательной картиной вполне гармонируетъ появленіе среди нея существа, одареннаго небесною красотой». (Джеффри).

Лучи косые солнца

*Блестящей радугой надъ водопадомъ
Стоять.*

«Эта радуга образуется солнечными лучами въ нижней части альпійскихъ водопадовъ. Она совершенно сходна съ небесной радугой,—какъ будто бы эта послѣдняя спустилась на землю,—и находится такъ близко, что вы можете пройти подъ нею. Это зрѣлище длится до полудня». (Прим. Байрона).

«Прежде, чѣмъ подниматься на гору, пошелъ къ водопаду. Солнце, поднявшись надъ нимъ, образовало въ нижней его части радугу всѣхъ цвѣтовъ, особенно же—краснаго и золотого; эта радуга движется по мѣрѣ того, какъ вы сами двигаетесь. Я никогда не видалъ ничего подобнаго». (Дневникъ Байрона).

*Колѣблясь, будто хвостъ того коня,
На немъ же въ день послѣдній смерть возседетъ.*

«Дошли до подножія горы Юнгфрау (т. е. Дѣвы); ледники; водопады; видимое паденіе одного

изъ этихъ водопадовъ—900 футовъ вышины... Слышалъ паденіе лавины, подобное грому; видѣлъ ледникъ—огромный. Началась буря, съ громомъ, молніею и градомъ; все было великолѣпно. Водопадъ вѣетъ по скалѣ, словно хвостъ бѣлой лошади, развѣивающійся по вѣтру; такимъ можно себя представить хвостъ «блѣднаго коня», на которомъ несется Смерть въ Апокалипсисѣ. Это—и не туманъ, и не вода, а что-то среднее между ними. Высота его огромна... Въ одномъ мѣстѣ онъ кажется волною, въ другомъ—потокомъ, въ третьемъ—облакомъ; зрѣлище удивительное и неописуемое. (*Дневникъ Байрона*).

*Передъ твоею красотою блѣднѣетъ
И радуя, что блещетъ надъ тобой.*

«Во всѣхъ герояхъ Байрона мы узнаемъ, хотя и въ безконечно разнообразныхъ измѣненіяхъ, черты все одного и того же величественнаго характера: высокое и смѣлое мнѣніе объ умственной силѣ, напряженную чувствительность страсти, почти безграничную способность къ бурнымъ волненіямъ, преклоненіе предъ величіемъ свободной силы и въ особенности—наслажденіе красотой, составляющее кровную, душевную потребность. «*Паризина*» имъ переполнена; имъ проникнута почти каждая страница *Шильонскаго Узника*; новъ *Манфредъ* это чувство красоты такъ и рвется наружу, и кипитъ среди потоковъ, водопадовъ, утесовъ, горъ и облаковъ. Байронъ вложилъ въ характеръ Манфреда гораздо больше собственной своей личности, нежели въ прочія свои созданія. Здѣсь онъ съ удивительною мощью сзываетъ придать реальныя формы метафизическимъ понятіямъ, и мы не знаемъ другого поэтическаго произведенія, въ которомъ картина внѣшней природы была бы такъ ярко освѣщена столь прекраснымъ, торжественнымъ и величественнымъ чувствомъ. Эту поэмѣ, вмѣстѣ съ *Чайльдъ-Гарольдомъ*, мы прежде всего рекомендуемъ прочесть иностранцу, желающему составить себѣ вѣрное понятіе о Байронѣ. Шекспиръ умѣлъ придавать возникающимъ въ нашемъ умѣ отвлеченнымъ идеямъ формы столь же опредѣленныя, ясныя и блистательныя, въ какихъ онъ изображалъ идеализированныя явленія внѣшней природы. Прекрасное существо Аріеля рисуетъ передъ нами въ собственныхъ его словахъ. Въ *Манфредѣ* мы видимъ превосходныя, хотя еще и не совсѣмъ зрѣлыя, проявленія подобной же творческой силы. Здѣсь поэтъ съ наслажденіемъ воплощаетъ собственныя мысли, чувства и фантазіи въ видимые образы, которые мы можемъ, такъ сказать, осязать и представлять себѣ живыми существами. Прекрасная фея Альповъ является какъ бы дыханіемъ лучезарнаго водопада,—какъ будто бы очи поэта, не насытившіеся созерцаніемъ бездушноты красоты природы, вызвали передъ собою этотъ милый призракъ для того, чтобы удовлетворить чистое стремленіе души къ прекрасному». (*Вильсонъ*).

Смотрѣть на красоту твою — и только.

«Во всей этой сценѣ есть нѣчто исключительно прекрасное. Какъ появленіе феи, такъ и разговоръ съ нею Манфреда написаны такимъ образомъ, что ихъ невѣроятность забывается, благодаря ихъ красотѣ, и не вѣря, конечно, въ существованіе подобныхъ призраковъ, мы все-таки испытываемъ такое чувство, какъ будто бы эти призраки дѣйствительно стояли передъ нами». (*Джеффри*).

*Изъ вида череповъ, костей и праха
Запретное я сдѣлалъ заключеніе.*

Ср. «*Чайльдъ-Гарольда*», п. II, строфы 5—10 (наст. изд. т. I, стр. 51—52).

Стр. 57.

*Что заклинаньями умѣли вызвать
И Эросъ, и Антэросъ у Гадары.*

«Философъ Ямвлихъ. Исторія о вызываніи Эроса и Антэроса находится въ его жизнеописаніи, составленномъ Эвнapiемъ. Она рассказана хорошо». (*Прим. Байрона*).

«Рассказываютъ о немъ»,—говоритъ Эвнapiй,—«что когда онъ съ своими учениками купался въ теплыхъ источникахъ Гадары, въ Сиріи, между ними начался разговоръ объ этихъ источникахъ, и Ямвлихъ, улыбаясь, приказалъ ученикамъ спросить у мѣстныхъ жителей, какъ называются два меньшихъ ключа, которые были красивѣе остальныхъ. Тѣ отвѣчали, что одинъ ключъ зовется «Любовью» (Эросъ), а другой—«Противо-любовью» (Антэросъ), а почему они такъ называются, неизвѣстно. Тогда Ямвлихъ, сидѣвшій въ это время на берегу источника, у самой воды, положилъ руку на воду и, произнеся нѣсколько словъ, вызвалъ изъ глубины источника красиваго мальчика, невысокаго роста, съ золотистыми кудрями, падавшими на грудь и спину; затѣмъ подойдя къ другому источнику и сдѣлавъ то же самое, онъ вызвалъ оттуда другого такого же мальчика, у котораго кудри казались то черными то золотистыми. Оба эти Купидона прижались къ Ямвлиху и стали бѣгать вокругъ него, словно его собственныя дѣти. Послѣ этого ученики уже не задавали ему никакихъ вопросовъ».

Стр. 58.

Царь спартанскій

Узналъ судьбу отъ византійской дѣвы.

«Исторія спартанскаго царя Павзанія (который началъ воевать надъ греками въ битвѣ при Платей и въ послѣдствіи погибъ за попытку измѣнить спартацамъ) и Клеоники рассказана Плутархомъ въ биографіи Римона и софистомъ Павзаніемъ въ его описаніи Греціи. (*Прим. Байрона*).

Ср. выше (стр. XII) въ выдержкахъ изъ Гете.

Стр. 59.

*По двѣственнымъ коврамъ серебрянаго снѣга
Мы движемся...*

Ср. «*Чайльдъ-Гарольда*», п. IV, стр. 73 (наст. изд. т. I, стр. 145).

Юнгфрау тамъ царитъ

И вверхъ стремится чистыми снѣгами.

Байронъ или не зналъ, или не обратилъ вниманія на то, что восхожденіе на Юнгфрау было уже совершено въ 1811 г. братьями Мейеръ изъ Аарау.

Гдѣ кажутся зубчатыя вершины

*Валами тризными съ блестящей пѣной,
Которые замерзли вдругъ.*

«Пріѣхали въ Гриндельвальдъ; обѣдали, опять сѣли на лошадей и поѣхали къ верхнему глетчеру. Въ полусвѣтѣ онъ виденъ ясно: очень красивый глетчеръ, словно замерзшій ураганъ».

(*Дневникъ Байрона*).

И казни будутъ для него забавой.

Въ подлинникѣ: «За свой побѣгъ и позоръ онъ заплатитъ разрушеніемъ націй». *Голосъ* пророчествуетъ, что св. Елена будетъ для Наполеона второй Эльбой, и что онъ опять появится въ мірѣ, какъ демонъ разрушенія.

На сушѣ предатель, а въ морѣ пиратъ.

Байронъ, вѣроятно, имѣлъ въ виду Томаса Кохрена (1755—1860), оказавшаго Англіи существенныя услуги, командуя послѣдовательно разными кораблями и флотиліей брандеровъ въ Бискайскомъ заливѣ въ 1809 г. Въ своемъ дневникѣ онъ называетъ Кохрена «жѣнлою-обманщикомъ».

Стр. 59.

Разбитые я утверждала троны, и проч.

«Эта строфа, по нашему мнѣнію, не у мѣста,

или даже вовсе не соответствует характеру произведения. Авторъ хочет намъ сказать, что чело-вѣческія бѣдствія являются для служителей мести предметомъ посмѣянія; но мы не убѣждаемся въ томъ, что его сатирическіе и политическіе намеки вполне согласуются съ тѣми чувствами и тѣмъ настроеніемъ, которое онъ желалъ здѣсь вызвать).

(Джеффри).

Сценарій IV-й сцены у переводчика не ясенъ. «Слѣдуетъ Ариманъ на своемъ престолѣ — огненномъ шарѣ, окруженный духами». Ариманъ (древне-персидское «Ангра-Майнйу» — «тотъ, кто весь смерть») — воплощеніе злого начала, изображается сидящимъ на огненномъ шарѣ. Этотъ образъ Байронъ могъ заимствовать изъ восточной сказки Бекфорда «Ватекъ», которую онъ очень цѣнилъ (см. наст. изд. т. I, стр. 471); тамъ на огненномъ шарѣ представленъ мусульманскій демонъ Эблисъ.

Стр. 60.

Что знаніе — не счастье, а наука —

Обманъ невѣдннхъ...

Ср. «Чайльд-Гарольда», п. II, стр. 7 (наст. изд. т. I, стр. 52):

Ты правъ, Сократъ, сказавъ: «Мы только знаемъ,
Что смертнымъ недоступенъ знанья свѣтъ».

Стр. 61.

Зови Астарту.

Здѣсь это имя не имѣетъ ничего общаго съ мифической Астартой (у иудеевъ — Ашторетъ), главной богиней древнихъ семитовъ-язычниковъ, которая почиталась также подъ именемъ царицы неба. Астарту у Байрона — только имя женщины, которую Манфредъ любилъ и погубилъ своей любовью. «Нравственное чувство виситъ надъ этой изыщной драмой, словно мрачная грозная туча. Никакая иная вина, кромѣ той, которая является здѣсь въ столь мрачномъ изображеніи, не могла бы послужить болѣе ужаснымъ примѣромъ гнусныхъ извращеній чело-вѣческой природы, какъ бы ни была она сама по себѣ благородна и величественна, — въ тѣхъ случаяхъ, когда она становится добычею собственныхъ желаній, страстей и фантазій. Красота, въ-когда столь невинно обожима, дѣлается тогда предметомъ оскверненія, профанціи и насилія. Привязанность, любовь, преступленіе, ужасъ, угрозы, совѣсти и смерть идутъ другъ за другомъ въ ужасной послѣдовательности, обнаруживая между собою мрачную связь. Мы представляемъ себѣ Астарту юною, прекрасною, невинною, — виновною, падшею, убитою, похороненною, судимою и прощеною; но когда ей дозволено вновь появиться на землѣ, она все-таки говоритъ лишь сдержанно, блѣдно и голо-сомъ, полнымъ скорби. Мы только на одно мгнове-ніе видимъ ее въ ея красотѣ и невинности; затѣмъ она появляется передъ нами въ мертвомъ молчаніи призрака, съ неподвижными, окаменѣлыми и безстрастными очами, раскрывая тайну смерти, суда и вѣчности. Нравственною идеею дышитъ каждое ея слово: эта идея выражается въ скорби, въ бѣдствіи, въ безуміи, отчаяніи, смерти...» (Вилсонъ).

Стр. 63. Дѣйствіе третье.

22 сентября 1816 г. Байронъ поѣхалъ верхомъ изъ Нейгауза, на Тунскомъ озерѣ, къ Штауббаху. По дорогѣ, между Маттеномъ и Мюллиненомъ, недалеко отъ деревни Виддершвилъ, онъ проѣзжалъ мимо баронскаго замка Умшпунена, бывшаго, по преданію, замкомъ Манфреда, и отиѣтилъ въ своемъ дневникѣ, что это — «не больше, какъ четверо-угольная башня, окруженная круглыми башенками и живописно возвышающаяся посреди густаго ку-старника». Въ тотъ же день и неподалеку отъ того же мѣста онъ «проѣзжалъ мимо утеса; надпись: братъ убилъ брата; мѣсто какъ разъ подходящее».

Здѣсь-то, по свидѣтельству графини Гвичіоли, и зародилась первая мысль «Манфреда». Вскорѣ послѣ напечатанія байроновской драмы, въ «Эдинбургскомъ Ежемѣсячномъ Журналѣ» 1817 г. появилась статья подъ заглавіемъ: «Преданіе, рассказанное однимъ швейцарскимъ монахомъ». Авторъ этой статьи говоритъ, что онъ слышалъ передаваемое имъ преданіе осенью 1816 г. отъ одного изъ отцовъ капуцинскаго ордена, близъ Альторфа. Это — исторія любви двухъ братьевъ къ одной женщинѣ, подругѣ ихъ дѣтства. Она выходитъ замужъ за старшаго брата, а впослѣдствіи внушаетъ младшему сильную страсть, съ которою тотъ не въ состояніи бороться. Судьба старшаго брата покрыта мракомъ. Женщина куда-то исчезаетъ, а младшаго брата находятъ мертвымъ въ томъ самомъ горномъ проходѣ, гдѣ онъ встрѣчался съ своей невѣсткой. Авторъ доба-вляетъ, что рѣшился пересказать это преданіе въ виду его «поразительнаго сходства» съ драмой Байрона.

Вотъ ключъ, а вотъ шкатулка.

Эта шкатулка дальше уже не упоминается. О ней была рѣчь въ первоначальной редакціи III акта, см. ниже.

Что я нашелъ искомое «калонъ».

Байронъ, вѣроятно, имѣлъ въ виду слѣдующее мѣсто изъ письма Кассія къ Цицерону: «Трудно убѣдить людей въ томъ, что добро желательно ради самаго добра (τὸ καλὸν δι' αὐτὸ αἰρετόν); а между тѣмъ, вѣдь, справедливо и можетъ быть доказано, что удовольствіе и спокойствіе пріобрѣтаются до-бродѣтелью и правдою, словомъ — путемъ добра».

Абатъ изъ Сенъ-Мориса.

Сенъ-Морисъ находится въ долинѣ Роны, въ 60-ти миляхъ отъ Вильнева. Аббатство, теперь за-нимаемое монахами августинскаго ордена, было основано въ IV вѣкѣ; Сигизмундъ, король бургунд-скій, надѣлилъ его имѣніемъ.

Стр. 64.

... если противъ васъ

Грѣшилъ. — наказывай, но докажи.

Въ первоначальной редакціи эта сцена окан-чивалась иначе. Именно, послѣ приведеннаго стиха слѣдовало:

А батъ.

Внимай и трепещи! Упрямой твари,
Облекшейся въ броню отваги дерзкой,
Чтобы сражаться за свои грѣхи, —
Мученье въ жизни временной и вѣчной!

Манфредъ.

Отецъ почтенный! Слово милосердыя
Устамъ твоимъ приличнѣе угрозы.
Я къ милости тебя призвать желалъ бы.
Скажи: чего ты хочешь отъ меня?

А батъ.

Я воздержусь отъ клятвы невозвратной
И буду ждать до завтра: поразмысли
И поканьемъ грѣхъ свой искупи.
Но если ты не покорился церкви
И не отдашь своихъ владѣній всѣхъ
На монастырь...

Манфредъ.

Теперь я понимаю.

А батъ.

Не жди пошадъ. Ты предупрежденъ.

(Хочетъ уйти).

Манфредъ.

Постой, — въ шкатулкѣ есть тебѣ подарокъ.

(Открываетъ шкатулку, выскочаетъ огонь и за-жигаетъ благовонную смолу).

Эй, Аштаротъ!



ПЕТРЪ ИСАЕВИЧЪ ВЕЙНБЕРГЪ.

Перевелъ «Сарданапала», «Тьму», отрывки изъ «Неба и Земли» и «Пророчества Данте».

Демонъ Аштаротъ появляется и поетъ:
На вороній камень *)
Воронъ прилетаетъ,
Черными крылами
Средь костей мелькаетъ.
На скелетъ бѣломъ,
По вѣтру качаясь,
Воронъ одинокій
Хлопаетъ крыломъ.

Звенятъ кандалы, и каркаетъ птица:
Вотъ музыка,—вѣдьмы спѣшать веселиться;
Живѣй, живѣй,—быстрѣй, веселѣй
Кружатся безстыжія въ пляскѣ своей,
И въ саванахъ трупы, и адскій кагалъ
Слетаются въ тучахъ на дьявольскій балъ!

Аббатъ.

Я не боюсь тебя,—прочь, прочь отсюда!
Сгинь, духъ нечистый! Провалися въ адъ!

Манфредъ.

Снеси его на Шрекгорна вершину,—
На самую высокую; держи
Тамъ до восхода солнца,—пусть увидитъ,
Что никогда онъ ближе не былъ къ небу.
Не обижай его, и пусть съ разсвѣтомъ
Въ свою вернется келью невредимо.
Ступай.

*) Буквальный переводъ нѣмецкаго слова Rabenstein, означающаго вистѣлицу, такъ какъ она въ Германіи и Швейцаріи строится изъ камня, на долгое время. (Прим. Байрона).

Аштаротъ.

Но надо ль также захватить
И остальную братью—для компаньи?

Манфредъ.

Нѣтъ,—одного довольно. Убирайтесь.

Аштаротъ.

Ну, отче,—въ путь! Молись и не робѣй,
И полетимъ съ тобою поскорѣй.

(Поетъ).

Сынъ съ изгнѣномъ, невѣста съ брюшкою,
Да вдовушка съ новымъ женишкою,
Да распутный монахъ, да черница въ родахъ—
Вотъ что всегда и у всѣхъ на глазахъ.

(Исчезаетъ съ аббатомъ).

Манфредъ (одинъ).

Зачѣмъ пришелъ сюда старикъ безумный?
Чтобъ вынудить меня на злую шутку?
Я не искалъ его...

Тоской несносной

Полно все сердце,—камнемъ на душѣ
Тяжелое предчувствіе ложится...
Но я спокоенъ. Такъ спокойно море,
Когда надъ нимъ пронесся ураганъ
И вѣтеръ стихъ, но, высоко вздымаясь,
Холодные еще гуляютъ волны,
Грози бѣдой. Такая тишина
Покой не даетъ. Вся жизнь моя
Была сраженіемъ, раной—каждый помыслъ,

И ранами тяжелыми покрыта
Безсмертная душа моя. Что жь дальше? *)
Стр. 64. *Когда погибъ шестой властитель Рима.*

«Отонъ, потерпѣвъ поражение въ сраженіи при Брикселлѣ, закололся. Плутархъ говоритъ, что хотя онъ жилъ такъ же дурно, какъ и Неронъ, однако, окончилъ свою жизнь какъ философъ. Онъ утѣшалъ своихъ солдатъ, которые сожалѣли объ его участи, и выказалъ заботливость объ ихъ безопасности, когда они пожелали остаться при немъ до конца. Марциалъ говоритъ:

Sic Cato, dum vivit, sane vel Caesare major,
Dum moritur, numquid major Othone fuit?»
(Прим. Байрона).

*Спускаясь внизъ туманными столбами
И облакомъ взлетая снова къ небу.*

Облака мелкихъ водяныхъ брызгъ, окружающія водопадъ Штауббахъ, представляются издали поднимающимися вверхъ.

Стр. 65. *Отъ этого недуга гибнетъ больше,
Чѣмъ значитъ по списку роковому.*

Эти слова Манфреда часто приводятся въ біографіяхъ Байрона. Гораздо раньше созданія этой поэмы, будучи всего 23-хъ лѣтъ, поэтъ говорилъ о себѣ: «Мнѣ, кажется, суждено въ юности испытать величайшія огорченія старости. Друзья падаютъ вокругъ меня, и скоро я останусь одинокимъ, сохнувшимъ деревомъ. Другіе люди могутъ находить утѣшенье въ семьѣ,—у меня нѣтъ другого утѣшителя, кромѣ собственныхъ думъ, а въ нихъ нѣтъ ничего утѣшительнаго, кромѣ эгоистическаго удовлетворенія тѣмъ, что я переживаю людей, которые лучше меня. Я поистинѣ очень несчастенъ. Дни мои бездѣльны, а ночи безсонны. Мнѣ рѣдко приходится бывать въ обществѣ, а когда это случается,—я отъ него бѣгу. Можетъ быть, я кончу сумасшествіемъ...» (Письмо къ Далласу отъ 11 окт. 1811).

Стр. 65. *... кончаю
Теперь нашъ разговоръ, итакъ—прощай.*

«Относительно безсмертія души, мнѣ кажется, не можетъ быть сомнѣній, если мы обратимъ вниманіе на дѣятельность нашего ума. Умъ нашъ находится въ постоянно дѣятельномъ состояніи. Прежде я въ этомъ сомнѣвался, но опытъ убѣдилъ меня. Насколько наша будущая жизнь будетъ индивидуальна—или, лучше сказать, насколько она будетъ похожа на настоящее наше существованіе, это вопросъ иной; но что умъ нашъ вѣченъ,—это представляется мнѣ такъ же вѣрнымъ, какъ и то, что наше тѣло не вѣчно». (*Дневникъ Байрона 1821 г.*). «Я не желаю отвергать христіанства безъ разсужденія; наоборотъ, мнѣ очень хочется вѣрить, такъ какъ мои нынѣшнія безпорядочныя представленія о религіи вовсе меня не удовлетворяютъ» (*Разговоры Байрона съ Кеннеди, 1823 г.*).

Стр. 65. *Онъ могъ бы существомъ быть благороднымъ.*

«Изъ всѣхъ великихъ поэтовъ нашего времени только трое изобразили, въ полной мѣрѣ и силѣ, тѣ страданія, какія испытываютъ великіе мыслящіе умы, при современномъ состояніи всемірной исторіи, вслѣдствіе постоянныхъ приливовъ глубокаго скептицизма и неудовлетворенности жизнью. Но только одинъ поэтъ дерзнулъ представить самого себя жертвою этихъ страданій, которая не поддается точному опредѣленію. Гете воплотилъ свои сомнѣнія

*) Переведено для настоящаго изданія П. О. Морозовымъ.

и невѣднію въ страшномъ образѣ таинственнаго Фауста. Шиллеръ, съ еще болѣею смѣлостью, поселилъ то же скорбное чувство въ безпокойномъ, высокомѣрномъ и геройскомъ сердцѣ Валленштейна. Байронъ не искалъ внѣшняго образа для воплощенія своего душевнаго безпокойства. Миръ и все въ немъ находящееся служатъ ему сценой и публикой—и онъ обнаруживаетъ себя передъ ними, въ непрестанной и тщетной борьбѣ съ терзающимъ его демономъ. Иногда въ его скептицизмѣ замѣчается что-то мрачное и подавляющее; но чаще онъ отличается возвышеннымъ и торжественнымъ характеромъ, приближаясь къ искренней вѣрѣ. Какъ бы ни были собственныя вѣрованія поэта,—мы, его читатели, чувствуемъ себя выше и благороднѣе, раздѣляя его меланхолическое настроеніе, такъ какъ его сомнѣнія, выражаемыя въ столь величественной формѣ, укрѣпляютъ нашу собственную вѣру. Его скептицизмъ, приближаясь къ вѣрѣ, въ своемъ величіи заключаетъ собственное опроверженіе. Въ его рѣзкихъ и горькихъ упрекахъ нѣтъ ни философіи, ни религіи; но тѣ призраки, которые тревожатъ его воображеніе, нѣкогда тревожили и насъ самихъ. Мракъ его мысли часто озаряется яркими молніями просвѣтленія, и возвышенная скорбь, наполняющая его сердце при созерцаніи таинствъ нашей жизни, соединяется съ стремленіемъ къ безсмертію и выражается такимъ языкомъ, который нельзя не признать божественнымъ».

(Вильсонъ).

Стр. 66. *Дѣти великановъ,
Родившихся отъ духовъ и красавицъ.*

«Видѣвши же сынове Божіи дщери челоѣчи, яко добры суть, поаша себѣ жены отъ всѣхъ, яже избраша... Исполни же бяху на землѣ во дни оны; и потомъ, егда вхождаху сынове Божіи къ дщерею челоѣческимъ, и раждаху себѣ; тѣи бяху исполнини, иже отъ вѣка, челоѣцы именити» (*Бытія гл. VI, 2, 4*).

И грѣхъ сердца халдейскихъ пастуховъ.
Ср. «*Чайльдъ-Гарольда*», п. III, стр. 14 (наст. изд. I, 90):

Какъ нѣкогда халдеи, звѣздъ теченье
Онъ созерцалъ и въ нихъ мечты своей
Онъ поселялъ волшебныя видѣнья...

Тамъ же, стр. 91 (наст. изд. I, 112):

Персъ древній не напрасно алтарямъ
Избралъ мѣста на высотѣхъ нагорной,
Царящей надъ землей...

Стр. 67. *И облака багровыя стояли
Надъ Эйхорномъ все такъ же.*

Опечатка, — слѣдуетъ читать: надъ Эйгеромъ. Большой Эйгеръ находится въ пяти миляхъ къ югу отъ замка Умшпуннена.

Съ графиней Астартою его...

Въ рукописи сохранилось слѣдующее первоначальное окончаніе III акта Манфреда (переведено для настоящаго изданія П. О. Морозовымъ):

Германъ.

Смотрите, смотрите — башня
Вся въ пламени... О Боже! Что за громъ?
Какой ужасный громъ!

(Громъ, подобный грому).

Мануилъ.

Скорѣй, скорѣй

На помощь графу виѣсть всѣ бѣгуте!

(*Слуги, вассалы и крестьяне подходятъ, пораженные ужасомъ*).

ПРИМѢЧАНІЯ КО ВТОРОМУ ТОМУ.

Коль есть межъ вами человѣкъ, который
Готовъ помочь несчастному въ бѣдѣ,—
Не медлите, спѣшите всѣ за мною,—
Дверь открыта. (Уходитъ).

Германъ.

Идите,—кто за нимъ?
Что жъ вы? Бонтесть? Негодяи! Прочь
Отсюда всѣ,—одинъ за старикомъ
Пойду, куда зоветъ меня мой долгъ,
Безъ помощи его я не оставлю. (Уходитъ).

Вассалъ.

Чу! Слышите?.. Нѣтъ,—ничего не слышно,
Теперь не видно даже и огня.
Что тамъ такое? Ну войдемъ!

Крестыаннинъ.

Нѣтъ, нѣтъ,
Я не пойду. Ступайте двое-трое,
А я побуду здѣсь: зачѣмъ туда
Соваться мнѣ?

Вассалъ.

Ну, что же стали всѣ?
Идеть ли кто?

Мануилъ (изнутри).

Теперь ужъ не поможешь:
Онъ умеръ.

Германъ (тоже).

Нѣтъ, мнѣ кажется,—онъ живъ.
Но здѣсь темно,—снесемъ его на свѣтъ.
Тихонько, осторожнѣе спускайся
По лѣстницѣ, чтобъ головы ему
Не повредить... Какъ онъ похолодѣлъ!
(Мануилъ и Германъ выносятъ Манфреда на
рукахъ).

Мануилъ.

Скорѣй бѣгите въ замокъ, позовите
На помощь всѣхъ, да оскѣдлите лошадь,
Скачите въ городъ за врачомъ! Воды
Сюда мнѣ принесите поскорѣе!

Германъ.

Какъ поблѣднѣлъ! Но сердце все-же бьется...
Подайте-ка воды!
(Опрыскиваютъ Манфреда водой; послѣ нѣкоторой
паузы онъ подаетъ признаки жизни).

Мануилъ.

Какъ будто хочетъ
Сказать онъ что-то,—двигаетъ губами...
Ты можешь разобрать? Я старъ и глухъ,
Не слышу тихой рѣчи...

Германъ (наклоняется и прислушивается).

Онъ сказалъ

Всего одно лишь слово или два;
Но я не понялъ. Что жъ теперь намъ дѣлать?
Перенесемъ его тихонько въ замокъ?
(Манфредъ дѣлаетъ рукою движеніе, чтобы его
не трогали).

Мануилъ.

Не хочетъ онъ,—да это и напрасно:
Онъ умираетъ...

Германъ.

Да, всему конецъ!

Мануилъ.

О, что за смерти! А я еще живу,
Сѣдую голову свою склоняя
Къ подножію послѣдняго потомка

Изъ дома Сигизмунда... Что за смерти!
Одинъ безъ покаянья безъ охраны—
При страшномъ взрывѣ; страшно подумать!..
Но отъ него я все жъ не отойду!

Манфредъ (медленно, слабымъ голосомъ).

Старикъ! Совсѣмъ не трудно умирать!
(Умираетъ).

Германъ.

Все кончено—въ глазахъ его нѣтъ жизни!

Мануилъ.

Закрой ихъ,—у меня дрожитъ рука...
Ушелъ отъ насъ—куда? Боюсь подумать...
Но онъ отъ насъ ушелъ—и навсегда!

Конецъ III акта и поэмы.

Стр. 67. Сцена IV.

«Начало этой сцены—можетъ быть, лучшее
мѣсто во всей драмѣ. Его торжественный, спокой-
ный и возвышенный тонъ придаетъ величественный
характеръ катастрофѣ, которая при пныхъ усло-
віяхъ могла бы, пожалуй, показаться слишкомъ не-
лѣпой и чересчуръ впадающей въ манеру исторіи
о дьяволѣ и Фаустѣ». (Вильсонъ).

Я, странствуя, зашелъ въ такую ночь
Въ разрушенныя стѣны Колизея.

«Бздилъ въ полночь смотрѣть Колизей при
лунномъ свѣтѣ. Но что могу я сказать о Колизеѣ?
Его надо *видѣть*; описывать же его я считалъ бы
невозможнымъ, если бы я не читалъ «Манфреда».
Дѣйствительно, Колизей надо осматривать «при
блѣдномъ сіяніи луны». Тишина ночи, таинствен-
ный шопотъ эха, рѣзкія тѣни отъ луннаго свѣта и
жуткое величіе нависшей надъ вами громады раз-
валинъ составляютъ грандіозный романтическій пей-
зажъ, впечатлѣніе котораго могъ достойно передать
только Байронъ. Его описаніе—сама истина; да и
чего не могъ бы онъ сдѣлать съ такимъ сюжетомъ,
властя перомъ, подобнымъ жезлу Моисея, прикос-
новеніе котораго источаетъ живую воду даже изъ
каменной скалы?» (Мэтьюзъ). Ср. «Чайльдъ-Га-
рольда», п. IV, стр. 128—131 (наст. изд. I, 164).

ЖАЛОБА ТАССА.

«Въ минуту недовольства самимъ собою или
подвліяніемъ меланхолическаго настроенія, чувствуя
въ душѣ ничтожество славы и похвалъ, Байронъ
заявилъ во всеуслышаніе *), что его муза надолго
замкнется въ уединеніи, и всѣ искренніе поклон-
ники его гениа сожалѣли о томъ, что не будутъ
слышать возвышенной музыки его стиховъ. Но въ
его душѣ живы были стремленія, присущія самой
его природѣ и не подвластныя человѣческой волѣ.
Говоря, что онъ будетъ молчать, онъ, можетъ быть,
всматривался въ глубь своей души и видѣлъ тамъ
только мрачную, суровую и безмолвную пустыню,
подобную песчаному морскому берегу; но приливъ
страсти въ свое время снова вернулся и преобра-
зилъ эту дикую пустыню въ картину, полную прежней
красоты и блеска. Духъ великаго поэта не можетъ
подчиняться даже тѣмъ оковамъ, какія онъ самъ
на себя налагаетъ: въ то самое время, когда онъ
чувствуетъ себя особенно связаннымъ, онъ, можетъ
быть, ближе всего къ моменту самой полной сво-

*) См. наст. изд. т. I, стр. 571, прим. къ «Одѣ
Наполеону».

боды, и одного внезапного проблеска довольно для того, чтобы сразу поднять его из мрачного и угнетенного состояния на высоту ничем не смущаемой вѣры въ себя. И въ самомъ дѣлѣ, не нужно быть глубокимъ знатокомъ человеческой природы для того, чтобы быть увѣреннымъ въ невозможности для Байрона строго соблюдать положенное имъ на себя обязательство молчанія: нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что могучій духъ поэта только презрительной усмѣшкой отзывался бы на всякую попытку обуздать его вдохновенные порывы.

Такимъ образомъ, Байронъ вскорѣ снова почувствовалъ свою силу и снова приобрѣлъ надъ ними ту власть, какая по праву принадлежитъ его благородному таланту, не нуждающемуся ни въ какихъ ограниченіяхъ. Хотя всѣ его герои принадлежатъ къ одной семьѣ, какъ кровные братья, однако, отдѣльные представители этой благородной семьи вполне определенно отличаются другъ отъ друга особенностями ихъ личнаго характера. Каждое изъ этихъ дѣйствующихъ лицъ, появляясь передъ нами, напоминаетъ намъ кого-то другого, чьи чувства, мысли, рѣчи и поступки приводили насъ въ смущеніе своимъ дикимъ и бурнымъ величіемъ. Но при всей однородности этихъ лицъ, они въ то же время страннымъ образомъ не похожи другъ на друга. Каждого изъ нихъ мы встрѣчаемъ съ еще болѣе глубокимъ сочувствіемъ: мы переживаемъ при встрѣчѣ съ ними удивленіе, ужасъ и скорбь, присутствуя при безконечно разнообразныхъ перипетіяхъ ихъ борьбы, при различныхъ проявленіяхъ могучей страсти, обнаруживающихъ передъ нами всѣ сокровенные извѣны человеческой души, мрачной или озаренной свѣтомъ, возвышающейся или поверженной въ прахъ.

Отъ этихъ бурныхъ и ужасныхъ изображеній страсти приятно обращаться къ тѣмъ изъ произведеній Байрона, въ которыхъ онъ явился выразителемъ чувствъ болѣе мягкихъ и болѣе обычныхъ. Его сердце дало намъ много прекрасныхъ и патетическихъ изліяній, нѣжность которыхъ такъ же трогаетъ нашу душу, насколько величіе другихъ его произведеній волнуетъ и возвышаетъ ее. Читатели, глубоко внимающіе въ поэзію Байрона, никогда не находили въ ней недостатка въ пафосѣ, но пафосъ тѣхъ произведеній, о которыхъ теперь идетъ рѣчь, отличается такою глубиной и такъ покоряетъ себѣ, что самъ поэтъ словно пугается его, или, вѣрнѣе, ему какъ будто становится стыдно того, что онъ поддался такому чувству, противъ котораго оказалась безсильною мрачная гордость его ума; онъ старается изгнать эту слабость изъ своего сердца и скрыть отъ посторонняго взора намернувшуюся слезу, подобно человѣку, внезапно охваченному такими чувствами, которыхъ онъ не желаетъ обнаруживать, потому что они, будучи вполне согласными съ его натурой, противорѣчатъ тому внѣшнему характеру, какой эта таинственная натура вынуждена была усвоить въ цѣляхъ самозащиты.

Есть, однако, одна поэма, въ которой Байронъ почти совсѣмъ отрѣшился отъ воспоминанія о мрачныхъ и бурныхъ страстяхъ: здѣсь и его настроеніе, и общій тонъ совершенно измѣнились, и поэтъ, котораго прежде считали способнымъ изображать одну только смертельную тоску, угрызения совѣсти, отчаяніе, безуміе и смерть въ ихъ наиболѣе разительныхъ проявленіяхъ, показалъ, что онъ способенъ также раздѣлять и самыя чистыя человеческія чувства и глубоко понимать горе и скорбь менѣе исключительныхъ натуръ. «Шильонскій Узникъ» — вотъ произведеніе, надъ которымъ дѣти проливали свои первыя слезы таинственного сочувствія скорби,

чуждой ихъ счастливому невинному возрасту. — произведеніе, вызывавшее въ благородной, чистой и вѣрующей женской душѣ невыразимо-грустный приливъ любви и нѣжности и заставлявшее старцевъ, почти уже отрѣшенныхъ отъ міра, съ восторгомъ привѣтствовать красоту и силу простодушной братской любви, лучемъ которой озарена и согрѣта эта поэма. Въ «Жалобѣ Тассо» мы находимъ такую же нѣжность и такой же пафосъ, какъ и въ «Шильонскомъ Узникѣ». Байронъ не поддавался искушенію изобразить дикую, страшную фигуру заключеннаго въ тюрьму Тассо, не рѣшился представить съ бѣшеною страстью всѣ ужасы этой тюрьмы и описать съ тѣми потрясающими подробностями, которыя были для него такъ привычны, крайнюю степень тоски и отчаянія несчастнаго поэта; онъ изобразилъ Тассо сидящимъ въ своей кельѣ и поющимъ протяжную, грустную, рыдающую жалобу, въ которой, правда, иногда прорываются аккорды безысходной скорби, но гораздо чаще эта скорбь, переходящая въ мрачную покорность судьбѣ, утѣряется пріятными воспоминаніями и смягчается доверчивой надеждой на безсмертную славу. Эта скорбь, накоплявшаяся въ теченіе многихъ лѣтъ, до такой степени овладѣла душою поэта, что онъ какъ бы до извѣстной степени утратилъ сознаніе остроты своего бѣдствія. Мы можемъ по-вѣрить, что онъ произносилъ, наединѣ самъ съ собою, этотъ жалобный монологъ и утромъ, и въ полдень, и ночью, когда, прислушиваясь къ голосу своего сердца, онъ въ то же время обращался къ природѣ, отъ которой онъ былъ насильственно оторванъ, но постоянное присутствіе которой онъ ощущалъ въ своемъ воображеніи». (Вильсонъ).

Въ рукописи поэма помѣчена: «Апеннины, 20 апрѣля 1817». Поводомъ къ ея написанію послужило посѣщеніе Байрономъ Феррары, гдѣ онъ пробылъ одинъ день, на пути во Флоренцію. Въ письмѣ къ Муррею изъ Рима онъ говоритъ объ этой поэмѣ: «Мнѣ думается, что тутъ есть хорошіе «стишки», какъ говорилъ Попу отецъ, когда тотъ былъ мальчикомъ...»

Стр. 77.

Кто бѣ могъ васъ вынести и кто бѣ не изнемогъ?

Въ письмѣ къ своему другу Циципону Гонзагъ (Di prizione in Sant'Anna, questo mese di mezzo l'anno 1579) Тассо восклицаетъ: «Ахъ, я несчастный! Я задумалъ написать, кромѣ двухъ эпическихъ поэмъ весьма благороднаго содержанія, четыре трагедіи и уже составилъ для нихъ планъ. Я задумалъ также нѣсколько сочиненій въ прозѣ о предметахъ возвышенныхъ и весьма полезныхъ для человеческой жизни. Я намѣревался соединить философію съ краснорѣчіемъ въ такихъ произведеніяхъ, которыми я могъ бы оставить по себѣ въ мірѣ вѣчную память. Увы! Я ожидаю, что моя жизнь закончится со славою и съ похвалами, а теперь, угнетаемый тягостью столь великихъ бѣдствій, я потерялъ уже всякую надежду на восстановленіе своей чести и репутаціи. Боязню, что мое заключеніе никогда не окончится, увеличиваетъ мою печаль, которая еще болѣе усиливается вслѣдствіе того недостойнаго обращенія, какое мнѣ приходится выносить; неоприятное состояніе моей бороды, волосъ и платья и окружающая меня нечистота крайне мнѣ досаждаютъ. Я увѣренъ, что если бы *та*, которая такъ мало отвѣчала на мою привязанность, увидѣла меня въ такомъ жалкомъ состояніи и въ такомъ горѣ, — она почувствовала бы ко мнѣ состраданіе».

мощь этого благородного духа, который, не взывая на все испытанія, не изменяет предмету своего поклонения». (Вильсон).

Стр. 82.

*И все жъ я чувствую день ото дня, не-
волью*

Слабѣть разумъ мой...

«Я не жалуясь на то», писалъ Тассо вскорѣ послѣ своего заключенія, — что мое сердце всегда полно скорби, что голова моя всегда тяжела и часто болитъ, что зрѣніе и слухъ у меня ослабѣваютъ, и что весь мой организмъ истощается. Но, кратко сказавъ обо всемъ этомъ, я не могу не сожалѣть объ ослабленіи моихъ умственныхъ способностей... Мой умъ спитъ, а не мыслитъ; мое воображеніе холодно и не рисуетъ никакихъ картинъ; мои внѣшнія чувства бездѣтельны и не даютъ мнѣ никакихъ впечатлѣній; рука моя пишетъ неловко, и перо словно отказывается служить мнѣ... Я чувствую, что я словно скованъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ; меня точно одолѣла какая-то необычная тупость и гнетущая неподвижность...»

Я вижу иногда какой-то чудный свѣтъ

И духа страннаго, что дѣлаетъ мнѣ больно.

Объ этомъ духѣ Тассо рассказываетъ въ письмѣ къ Мауринціо Катанео отъ 25 декабря 1585 г., называя его «folletto»: «Этотъ воришка утащилъ у меня нѣсколько кроновъ... Онъ раскидываетъ всѣ мои книги, открываетъ мой сундукъ и воруетъ у меня ключи, такъ что я ничего не могу спрятать...» Въ другомъ письмѣ, отъ 30 декабря, поэтъ говоритъ о своихъ галлюцинаціяхъ: «Вдобавокъ ко всѣмъ продолкамъ folletto расскажу, что я часто по ночамъ испытываю тревогу. Даже когда я не сплю, мнѣ кажется, что я вижу въ воздухѣ маленькіе язычки пламени, а иногда въ глазахъ у меня такъ сіяетъ, что я боюсь лишиться зрѣнія... Я вижу, какъ изъ глазъ у меня летятъ искры...»

Стр. 84.

*На вѣкъ останется святынею одна
Тюрма, идѣ я томлюсь.*

«Люди, вѣрующіе въ земное возмездіе злу, обратятъ вниманіе на то, что жестокость Альфонса не осталась безъ наказанія. Онъ потерялъ уваженіе своихъ подданныхъ и вассаловъ, которые покинули его незадолго до его смерти; даже и похоронили его безъ царскихъ почестей. Его послѣдняя воля осталась неисполненной, его завѣщаніе признано недействительнымъ. Недолгое время спустя, Феррара навсегда была утрачена домою Эсте...» (Гобюуз).

*Тогда я раздѣлю съ тобой тѣхъ лавровъ
славу,*

Что осыплетъ мой гробъ.

Въ іюлѣ 1586 г. Тассо былъ освобожденъ изъ заключенія, продолжавшагося болѣе семи лѣтъ. Вскорѣ затѣмъ, желая получить наслѣдство, оставшееся послѣ его матери, и увидѣть свою сестру Корнелию, онъ пріѣхалъ въ Неаполь, гдѣ былъ встрѣченъ съ большимъ почетомъ. Между прочимъ, извѣстный атаманъ бандитовъ, Марко ди Шарра, узнавъ о мѣстопребываніи великаго поэта, прислалъ ему привѣтствіе и общалъ ему не только свободный проѣздъ, но и свое покровительство въ пути, предоставляя всю свою шайку въ его распоряженіе. Незадолго до своей смерти, Тассо дѣйствительно былъ увѣнчанъ лаврами въ Капптоліи, несмотря на противодѣйствіе со стороны академіи Crusca.

«Радости воображенія» много разъ описывались и въ стихахъ, и въ прозѣ; но въ дѣйствительной жизни бывають такіе минуты, когда нужда и скорби

уничтожаютъ эти радости. Впрочемъ, исторія чело-вѣчества показываетъ, что сила воображенія не парализуется ни физическими страданіями, ни другими неблагоприятными условіями, дѣйствующими на нашу матеріальную природу. Исторія Тассо служитъ, можетъ быть, наиболѣе возвышеннымъ и трогательнымъ доказательствомъ этой истины, которая неизгладимыми чертами напечатлѣется въ сердцѣ каждаго, кто только увидитъ мрачную, ужасную тюремную келью, гдѣ поэтъ томился болѣе семи лѣтъ. Въ этой сводчатой камерѣ, одинъ видъ которой заставлялъ сердце сжиматься отъ ужаса, Тассо оканчивалъ и исправлялъ свою безсмертную поэму. Въ этомъ отношеніи «Жалоба Тассо» Байрона представляетъ возвышенный и глубокий нравственный урокъ. По изображенію самыхъ сокровенныхъ чувствъ чело-вѣческой души это — самое краснорѣчивое, самое патетическое, самое сильное и самое высокое изъ всѣхъ произведеній нашего поэта. Какое сердце не тронется этой поэтической «Жалобой», — какое воображеніе не воспламенится ею, въ какомъ умѣ она не вызоветъ высокихъ мыслей? Если бы Байронъ ничего не написалъ, кромѣ этой одной поэмы, то и въ такомъ случаѣ оспаривать у него право называться великимъ поэтомъ — было бы дѣломъ вопіющей несправедливости или грубаго тупоумія». (Бриджесъ).

БЕ ППО.

Стр. 89.

*У насъ «Piazza» — слово безъ значенья.
Одно я знаю только исключенье.*

Въ старину Ковентъ-Гарденская площадь въ Лондонѣ называлась «Piazza».

Стр. 90.

Венеры Тиціана по осанкѣ.

«Во Флоренціи я остался только на одинъ день, потому что торопился въ Римъ», писалъ Байронъ въ 1817 г. «Все-таки, я успѣлъ осмотрѣть двѣ галереи, изъ которыхъ вернулся, опьяненный красотой. Болѣе всего поразили меня: портретъ любовницы Рафаэля, портретъ любовницы Тиціана, — Венера Тиціана въ галерей Модичи; знаменитая Венера, Венера Кановы и пр.»

Напоминають, стоя на балконѣ,
Красу Мадоннъ картинъ Джорджіоне.

«Я мало понимаю въ живописи и мало ею интересуюсь; но для меня нѣтъ картинъ лучше венеціанскихъ, и особенно — Джорджіоне. Я хорошо помню его Соломоновъ судъ въ галерей Марискальки въ Болоньѣ. Настоящая мать — прекрасна, удивительно прекрасна». («Письма» 1820 г.).

Одно его творенье

Блеститъ во дворцѣ Манфрини.

«Я побывалъ также во дворцѣ Манфрини, знаменитомъ своими картинами. Въ числѣ ихъ портретъ Аріосто, писанный Тиціаномъ, превзошелъ всѣ мои представленія о силѣ экспрессіи въ живописи: это — портретная поэзія или поэтический портретъ. Тамъ есть также портретъ какой-то ученой дамы, жившей за много столѣтій тому назадъ; я забылъ ея имя, но всегда буду помнить черты ея лица. Я никогда не видѣлъ такой красоты, граціи и ума; это лицо можетъ свести съ ума, — зачѣмъ оно не выходитъ изъ рамы... Но что всего болѣе поразило меня во всей этой коллекціи, — это чрезвычайное сходство общаго типа женскихъ лицъ на множествѣ портретовъ особъ, жившихъ много столѣтій и много

поколѣній тому назадъ, съ лицами, которыя каждый день встрѣчаются среди нынѣшнихъ итальянцевъ. Королева Кипрская и жена Джорджіоне, особенно послѣдняя—чистѣйшія венеціанки, которыхъ я словно только вчера видѣлъ: тѣ же глаза, то же выраженіе лица, красивѣе котораго, по моему мнѣнію, нѣтъ на свѣтѣ». (*Письмо къ Муррею* 14 апр. 1817).

Картина, такъ поразившая Байрона,—т. наз. «Семейство Джорджіоне». Она находится теперь въ палаццо Джованелли и представляетъ почти совсѣмъ обнаженную женщину, вѣроятно—цыганку, которая сидитъ, держа на колѣняхъ ребенка; на нее, стоя, смотритъ воинъ. Пейзажъ изображаетъ бурю. По сообщеніямъ Вазари и другихъ біографовъ, Джорджіоне (Джорджіо Барбарелли, 1178—1511) никогда не былъ женатъ. Картина приложена къ настоящему тому.

*Плеяды тѣ, которыя свѣтъ уиасъ.
«Quae septem dici, sex tamen esse solent.»*
(Ovid.).

(Прим. Байрона).

*Невинна Дездемона! Къ сожалѣнью,
Статися не могла отъ злыхъ клеветъ.*

Въ подлинникѣ эти стихи читаются: Шекспиръ, въ лицѣ Дездемоны, изобразилъ венеціанокъ прекрасными, но не свободными отъ подозрѣнія. Въ примѣчаніи Байронъ сдѣлалъ ссылку на «Отелло», д. III, сц. 3 (см. изд. подъ ред. С. А. Венгерова, III, 325):

Мнѣ знакомы

Характеры венеціанскихъ женъ:
Лишь небеса мѣ рѣшаются онѣ
Тѣ открывать продѣлки, о которыхъ
Мужьямъ своимъ не смѣютъ разсказать,
И совѣсть ихъ—не въ томъ, чтобъ воздер-
жаться,

А въ томъ одномъ, чтобъ скрыть свои дѣла.
Стр. 91.

*Онъ съ женщиною сходится другой,
Плѣняясь иногда чуждой женой.*

«Ревность теперь не въ обычаѣ въ Венеціи, и кинжалы вышли изъ моды, а дуэли изъ-за любовныхъ приключеній совсѣмъ невѣдомы,—по крайней мѣрѣ мужьямъ». (*Письма Байрона*).

Гондолы вдоль Ріальто все снуютъ...

«Ріальто—названіе не моста, а острова, на который ведетъ мостъ; венеціанцы говорятъ: il ponte di Rialto. На островѣ находится биржа. Я часто прогуливался тамъ, на классической почвѣ. Сансовино писалъ въ 1580 г., что «въ аркадахъ ежедневно собираются купцы флорентинскіе, генуэзскіе, миланскіе, испанскіе, турецкіе и другихъ многоразличныхъ національностей, и сходятся тамъ въ такомъ множествѣ, что эта площадь считается одною изъ первыхъ во всемъ свѣтѣ». Здѣсь христіане вели свои диспуты съ евреями; объ этой площади говоритъ Шейлокъ:

Синьоръ Антоніо, припомните, какъ часто
Въ Ріальто вы ругались надо мной...

«Пойдемъ на Ріальто», «часть Ріальто»—обычныя выраженія венеціанцевъ и въ наше время, какъ мы видимъ изъ комедій Гольдони.

(Роджерсъ).

Стр. 92.

*Хотя его красивая супруга
Святошей не казалась, но она
Была по слухамъ долгу предана.*

«Общія условія нравственности здѣсь, по большей части, такія же, какъ и во времена дожей; по общепринятому кодексу, добродѣтельно признается

та женщина, которая довольствуется своимъ мужемъ и однимъ любовникомъ; тѣ, у которыхъ есть два, три или больше любовниковъ, считаются уже немножко «дикими»; но только тѣ, которыя уже слишкомъ неразборчивы и заводятъ связи съ людьми низшаго происхожденія (вродѣ нашей принцессы Уэльской, которая живетъ съ курьеромъ), считаются нарушающими супружескія приличія... Здѣсь женщина вполне убѣждена въ томъ, что она не совершаетъ ни малѣйшаго отступленія отъ пути добродѣтели, если у нея есть одинъ любовникъ; грѣхомъ считается это скрывать, или имѣть больше одного—за исключеніемъ, впрочемъ, тѣхъ случаевъ, когда это дѣлается съ вѣдома и согласія перваго любовника». (*Письмо къ Муррею отъ 2 янв. 1817*).

*Успѣха не имѣла партитура,
Когда его звучало: «seccatura».*

Seccatura—скука. «Чертовски хорошее слово!» какъ говоритъ Байронъ въ письмѣ къ Муру отъ 6 ноября 1816 г.

Стр. 93.

Что и слухъ казаться могъ герою.

Извѣстная фраза: «Нѣтъ героя для своего лакея» приписывается маршалу Катина (1637—1712).

Стр. 94.

Другъ дома назывался чичисбеємъ.

Кортехо и въ Испаніи почетъ.

Происхожденіе слова «чичисбей» не выяснено. По словарю флорентинской академіи, ciccibeo—перестановка словъ: bel sese «красивый горошекъ». Согласно съ этимъ, и Паскалино, цитируемый Динцемъ, сближаетъ это слово съ французскимъ chiche beau.

«Словомъ кортехо обозначается положеніе, для котораго въ англійскомъ языкѣ въ настоящее время еще не существуетъ особаго наименованія, хотя на практикѣ оно встрѣчается въ Англіи не рѣже, чѣмъ въ любой за-альпійской странѣ». (Прим. Байрона).

Я итальянской рѣчью вдохновленъ.

Ср. «Чайльдъ-Гарольда», п. IV, строфа 58 (наст. изд. I, 140):

Кто создалъ рѣчь тосканскую, въ устахъ
Звучащую, какъ пѣніе сирены,
Какъ музыка?

Люблю я также женщинъ, и пр.

«Въ этой строфѣ авторъ отступаетъ отъ обычнаго въ данномъ сочиненіи тона и предается своего рода восторженному и глубокому чувству, которое близко къ общему свѣтлому и фантастическому стилю его поэзіи. Этотъ неожиданный переходъ достигаетъ высшей силы въ слѣдующей строфѣ. Надо, впрочемъ, прибавить, что эти строфы единственные во всей поэмѣ, въ которыхъ авторъ обнаруживаетъ тайну своего генія и свою внутреннюю близость къ поэтамъ высшей категоріи, нежели тѣ, которыхъ ему угодно было здѣсь взять себѣ въ образецъ». (Джеффри).

*О, красота! Ты съ силой вдохновенья
Сравнила Рафаэля; онъ тобой
Погубленъ былъ.*

«О причинахъ смерти Рафаэля см. въ его біографіяхъ». (Прим. Байрона).

По словамъ старинныхъ біографовъ Рафаэль, живя большею частью въ Римѣ, «утѣшался мимолетными связями и отъ одной изъ нихъ получилъ болѣзнь, отъ которой и умеръ» (6 апр. 1520); новѣйшіе біографы считаютъ причиною его смерти «деликатное сло-

женіе, переутомленіе и малярійную лихорадку, которой онъ заразился среди развалинъ древняго Рима».

Когда рѣзцомъ дивитъ Канова міръ.
Къ этой строфѣ Байронъ сдѣлалъ выноску:
Здѣсь авторъ, разсуждая спеціально
О женщинахъ, былъ долженъ пояснить.
Что лишь какъ зритель, — неофициально
Онъ судитъ ихъ, стараясь скромнымъ быть;
Притомъ, конечно, и принципиально
Ихъ, какъ поэтъ, боится оскорбить:
Извѣстно, что поэзія безъ дамъ
Подобна неотдѣланнмъ чешшамъ *).

(Примѣчаніе наборщика).

Стр. 96.

Сирийскій или греческій разсказъ.
Намекъ на «Ильдеримъ», сирийскую сказку Галли Найта.

Стр. 98.

Въ Ридотто, идъ танцуютъ и кутятъ.
Ridotto — отъ латинскаго *reductus*, собств. «убѣжище», мѣсто встрѣчъ, гдѣ собирается публика для развлеченія; залъ для концертовъ и маскарадовъ.

Въ тѣ дни царили дэнди.

«Выраженія: *синій чулокъ* и *дэнди* могутъ когда-нибудь послужить предметомъ ученаго изслѣдованія; въ настоящее же время они понятны для каждаго англійскаго читателя. Нашинытѣннѣе дэнди — родные братья старинныхъ «макарони». Первое изъ приведенныхъ выраженій сдѣлалось классическимъ, благодаря поэмѣ миссисъ Ганны Моръ: «*Bas-Bleu*», а второе — благодаря тому, что его употребилъ, въ одной изъ своихъ поэмъ, лордъ Байронъ». (Лордъ Гленберви).

«Я люблю дэнди», говоритъ Байронъ въ своемъ Дневникѣ: — они всегда были со мной очень любезны, хотя вообще они не долюбиваютъ литераторовъ... Правда, въ ранней юности я и самъ увлекался дэндизмомъ, и хотя рано бросилъ его, но вѣроятно, во мнѣ еще осталось его настолько, что его великіе представители могутъ со мною мириться».

И въ власть ея едва ль утрачу оуру.

«Подобно Судлѣ, я всегда вѣрилъ, что все зависитъ отъ Фортуны и ничего отъ насъ самихъ. Я не знаю ни одной мысли, ни одного поступка, которые заслуживали бы названіе хорошихъ для меня или для другихъ и не могли бы быть приписаны вліянію доброй богини — Фортуны!» (Дневникъ Байрона, 1821 г.)

Туда пойду я завтра же.

Здѣсь на поляхъ рукописи Байронъ отмѣтилъ: «Января 19-го, 1818. Завтра будетъ воскресенье, и ридотто полно».

Стр. 99.

Обрѣсть успѣхъ онъ можетъ только въ немъ.

«Я не знаю ничего удачнѣе этой язвительной небольшой діатрибы, такъ кстати включенной въ разсказъ о жизни турецкихъ дамъ въ ихъ гаремахъ». (Джеффри).

.....и математикъ гаремъ

Благодаренье Богу! — чуждъ совѣтъ.

Лэди Байронъ, какъ извѣстно, увлекалась изученіемъ математики.

*) Переведено для наст. изданія П. О. Морозовымъ.

Ода къ Венеціи.

Ода была окончена до 10 іюля 1818 г., но напечатана только въ 1819 г., вмѣстѣ съ «Мазепой» и «Отрывкомъ». Основной ея мотивъ — сѣтованіе на упадокъ «царицы морей» — является какъ бы отголоскомъ вступительныхъ строфъ IV-й пѣсни «*Чайльдъ-Гарольда*» (см. наст. изд. I, стр. 122—127), отъ которыхъ это произведеніе отличается реалистическимъ изображеніемъ смертнаго часа и восторженною похвалою Соединеннымъ Штатамъ. За эту похвалу Байрона упрекнули въ недостаточномъ патріотизмѣ, и онъ писалъ Муррею, 21 февр. 1821 г.: «Впредь я буду обращаться съ привѣтствіями только къ Канадѣ и высказывать желаніе десертировать къ англичанамъ».

Стр. 107.

Плугъ до-красна давно ужъ раскаленный тотъ,
Что, спотыкаяся, въ тащите устало.

Въ своемъ дневникѣ, сравнивая Шеридана съ Брумомъ, Байронъ говоритъ о «до красна раскаленномъ плугѣ общественной дѣятельности».

Стр. 109.

И «королевство» врагъ ей даровалъ названье.

Въ 1814 г. итальянскія владѣнія австрійскаго императора были обращены въ отдѣльное государство, подъ наименованіемъ Ломбардо-Венеціанскаго королевства».

Голландія взята,

И въ ней царятъ теперь и скипетръ, и порфира.

Принцъ Оранскій былъ провозглашенъ 1 декабря 1813 г., владѣтельнымъ княземъ Нидерландскимъ, а въ слѣдующемъ году, 13 августа, получилъ титулъ короля Нидерландскаго, съ условіемъ, что его королевство войдетъ въ составъ Германскаго Союза.

МАЗЕПА.

Стр. 118.

Но грянулъ часъ и худшихъ бѣдъ.

Эти стихи, до конца строфы, взяты Пушкинымъ въ эпиграфъ къ «Полтавѣ». Отступленіе Наполеона изъ Москвы началось 3 октября 1812 г. Затѣмъ онъ былъ разбитъ подъ Витебскомъ 2 ноября, подъ Краснымъ 4—6 ноября и при переправѣ черезъ Березину 13—17 ноября 1812 г.

Стр. 119.

Лежитъ подъ деревомъ король.

Мѣсто этой первой постановки Карла во время его бѣгства послѣ Полтавскаго боя (27 іюня 1709) находилось, вѣроятно, между Полтавой и впаденіемъ Ворсклы въ Днѣпръ.

Стр. 120. Характеристика Яна-Казимира заимствована главнымъ образомъ изъ сочиненія Вольтера: Вѣкъ Людовика XIV».

Стр. 120.

...графъ старикъ,

Какъ соляная копь богатый.

«Сравненіе съ соляною копью, кажется, допустимо въ устахъ поляка, такъ какъ главное богатство Польши заключается въ соляныхъ копяхъ». (Прим. Байрона).

Стр. 124—127. Въ описаніи украинскаго ландшафта Байронъ, какъ замѣчено во введеніи, руководился «Исторіей Карла XII» Вольтера. Надпись



A. Sokolovskiy

АЛЕКСАНДРЪ ЛУКЪЯНОВИЧЪ СОКОЛОВСКІЙ.

Перевелъ «Сардананапа», «Двое Фоскари», «Синіе Чулки», «Преображеннаго Урода», «Проклятіе Минервы».

на одной изъ выбитыхъ Карломъ медалей: *Silvae paludes aggeres hostes victi* — могла дать поэту, такъ сказать, общую программу этого описанія; отдѣльныя частности несомнѣнно внушены Вольтеромъ, который также не одинъ разъ упоминаетъ о болотахъ, пустыняхъ и лѣсахъ. Приводимъ нѣсколько примѣровъ:

«Отъ Гродна до самаго Борисоена на востокъ идутъ болота, пустыни, огромные лѣса... «необходимо было пройти черезъ лѣсъ, росшій на болотѣ, на протяженіи 50-ти лье»... «Пустыня, въ которой не видно было ни хижинъ, ни палатокъ, ни людей, ни животныхъ, ни дорогъ, въ которой не было ничего, — даже воды»... «Южная часть Украины — одна изъ самыхъ плодородныхъ и въ то же время самыхъ пустынныхъ странъ въ мірѣ: дурное правительство уничтожало тамъ все, что природа щедро давала человѣку. Жители Малой Татаріи не сѣяли и не

собирали жатвы, потому что ихъ нивы опустошались татарами», и пр.

ПРОРОЧЕСТВО ДАНТА.

Стр. 131.

*Въ своей красѣ и юности лишь слово
Ты молвила...*

Ср. письмо Байрона къ графинѣ Гвиччіоли, отъ 25 авг. 1819 г.: «Въ этомъ словѣ, прекрасномъ на всѣхъ языкахъ, но въ особенности на вашемъ — *Ashog mio* — заключена вся моя жизнь, до гроба и за гробомъ». Ср. также «*Бенно*», строфу 44 (см. выше, стр. 9:).

Стр. 135.

Я имѣлъ въ виду Кассандру Ликофрона...

«Кассандра» Ликофрона, одного из представителей поэтической «Плеяды», украшавшей двор царя Птолемея Филадельфа (III в. до Р. X.), ямбический монолог в 1474 стиха, в котором Кассандра пророчествует о падении Трои и о разных других исторических событиях до царствования Александра Великого включительно. Байронъ, вѣроятно, читалъ эту поэму въ переводѣ Филиппа Йорка, виконта Бойстона, изд. въ Кембриджѣ въ 1806 г.

Я имѣлъ счастье видѣть 4-ю пѣснь «Чайльд-Гарольда» переведенную на итальянскій языкъ.

Переводчикомъ былъ Микеле Леони, который перевелъ также и «Жалобу Тасса (1818—1819). «Padre Alighier».

У Альфieri есть советъ на могилу Данте, начинающийся стихомъ:

O gran Alighier, se dal ciel miri.

«До сихъ поръ не установлено, что собственно означаетъ аллегорія первой пѣсни Inferno».

На пустынномъ холмѣ поэтъ встрѣчаетъ пантеру, льва и волчицу. Эти образы, внушенные, по всей вѣроятности, словами пророка Іереміи (V, 6): «Сего ради порази ихъ левъ отъ дубравы, и волкъ даже до домовъ погуби ихъ, и рысь блуждала надъ градами ихъ, — съ давняго времени толковались символически: пантера — какъ изображеніе похоти, левъ гордости, волчица скупости, соответственно тремъ возрастамъ: юности, зрѣлости и старости. Позднѣйшими комментаторами указывалось также политическое значеніе этихъ трехъ символовъ: пантера могла означать Флоренцію, съ ея партіями «бѣлыхъ» и «черныхъ», левъ — Францію, а волчица — партію гвельфовъ. Графъ Джіованни Маркетти делли Анджелини, въ своемъ «Разсужденіи о первой и главной аллегоріи въ поэмѣ Данте» (Болонья, 1819 - 1821), признаетъ въ этихъ образахъ двойной символизмъ Маркетти былъ лично знакомъ съ Байрономъ.

Стр. 136.

Лѣтъ десяти

*Я былъ, когда ты сутью помыслил
И жизни стала.*

«По словамъ Боккачіо, Данте былъ влюбленнымъ гораздо раньше, чѣмъ сдѣлался воиномъ, и его страсть къ Гатриче, которую онъ обезсмертилъ въ своихъ стихахъ, началась въ ту пору, когда ему шелъ всего девятый, а ей — восьмой годъ отъ роду. Говорятъ, что они въ первый разъ встрѣтились на праздникѣ въ домѣ ея отца, Фолько Портинари. Впечатлѣніе, произведенное ею на воспримчивое сердце поэта, нисколько не ослабло съ ея смертью, случившейся 16 лѣтъ спустя».

(Кэри).

Стр. 137.

Флоренція! О, если бъ я узрѣлъ

Свободною тебя, вѣнчанной славой!

«Ср. советъ Данте: «Изгнаніе свое считаю я за честь, гдѣ онъ говоритъ, что Справедливость, Геликодушіе и Умѣренность изгнаны изъ среды людей и ищутъ себѣ пріюта у Любви, которая обитаетъ въ его сердцѣ».

*Имущество отнявъ, ты обрела
Мой празъ огню.*

«Ut si quis praedictorum ulle tempore in fortiam dicti communis pervenerit, talis perveniens igne comburatur, sic quod moriatur», — второй приговоръ Флоренціи противъ Данте и 14-ти лицъ, осужденныхъ вмѣстѣ съ нимъ. Латынь достойна этого приговора, (27 января 1302 г. Данте былъ приговоренъ къ штрафу въ восемь тысячъ ляръ и къ двухлѣтнему изгнанію; въ случаѣ неуплаты штрафа, его

имущество должно было подвергнуться конфискаціи. 11 марта того же года онъ былъ снова приговоренъ къ наказанію, которому подвергались только самые отчаянные злодѣи Декретъ о томъ, что Данте и его товарищи по изгнанію должны быть сожжены, если попадутся въ руки своихъ враговъ, открыть только въ 1772 г. графомъ Лодовико Савіоли. См. Тирабоски, гдѣ этотъ документъ приведенъ вполнѣ».

(Прим. Байрона).

Стр. 140. . . къ предѣламъ той столицы
Неумолимой, идъ съ дѣтьми она
Осталася, чѣй злобѣ нѣтъ границы, —
Мнѣ гибель въ даръ принесла жена.

«Эта дама, по имени Джемма, происходила отъ одной изъ самыхъ могущественныхъ гвельфскихъ фамилій, Донати. Корсо Донати былъ главнымъ противникомъ гвельфиновъ. Джіанноццо Манетти говорить о ней, что она была «слишкомъ угрюма, подобно тому, какъ пишутъ о Ксантиппѣ, супругѣ философа Сократа». Но Ліонардо Аретино выражаетъ неудовольствіе на Боккачіо за то, что онъ въ своей біографіи Данте сказалъ, что литературнымъ дѣятелямъ не слѣдовало бы жениться. «Боккачіо, говоритъ онъ, въ данномъ случаѣ теряетъ терпѣніе и увѣряетъ, что женитьба несовмѣстима съ научными занятіями; онъ забываетъ, что Сократъ, одинъ изъ благороднѣйшихъ философовъ, когда-либо жившихъ, имѣлъ жену и дѣтей и занималъ официальные должности въ своей родной республикѣ; что Аристотель, который, и пр. и пр. имѣлъ въ разное время двухъ женъ и нѣсколько сыновей и былъ очень богатъ... Маркъ Туллій и Катонъ, и Варронъ, и Сенека также были женаты, и пр. (Le Vite di Dante, etc. Fig. 1677, pp. 22, 23). Замѣчательно, что всѣ примѣры, такъ добросовѣстно приводимые у Ліонардо, за исключеніемъ одного только Сенеки, да еще, можетъ быть, Аристотеля, выбраны не особенно удачно. Теренція, жена Туллія, и Ксантиппа, жена Сократа, вовсе не содѣйствовали благополучію своихъ мужей и развитію ихъ философіи; Катонъ развелся съ женою; о женѣ Варрона мы ничего не знаемъ, а о женѣ Сенеки знаемъ только, что она готова была вмѣстѣ съ нимъ умереть, но не исполнила этого намѣренія и пережила мужа на много лѣтъ. Но Ліонардо говорить, что чловѣкъ, по мнѣнію всѣхъ философовъ, есть животное *гражданственное* (animale civile) и отсюда заключаетъ, что важнѣйшимъ доказательствомъ «гражданственности» этого животнаго является «супружество, служащее къ умноженію отечественнаго населенія».

(Прим. Байрона).

«Ни въ Божественной Комедіи, ни въ другихъ сочиненіяхъ Данте нѣтъ ничего, что подтверждало бы общее мнѣніе о несчастливомъ бракѣ поэта. Предполагали, что онъ намекалъ на свою жену въ § 36 «Новой Жизни», гдѣ онъ говоритъ о молодой и прекрасной дамѣ, смотрѣвшей на него изъ окна взоромъ, полнымъ состраданія, и въ «Пирѣ» (II, 2, 7), гдѣ онъ вспоминаетъ о своей благородной дамѣ, которой онъ готовъ былъ служить болѣе ради ея любезной доброты, нежели по собственному выбору; но съ этими предположеніями трудно согласиться. Равнымъ образомъ, нѣтъ ни малѣйшаго основанія утверждать, что въ словахъ, вложенныхъ поэтомъ въ уста Якопо Рустикуччи: «меня стѣбала злобная жена (Адъ, XVI, 45), заключается намекъ на личныя обстоятельства самого Данте. Но для Байрона, какъ и для Боккачіо, «желаніе было отцомъ мысли», и оба были очень довольны возможностью указать на Данте, какъ на жертву неудачнаго брака».

(Кольриджъ).

Стр. 142.

Падетъ и принцъ-предатель предъ дружиной.

Карлъ IV, коннетабль Бурбонскій, графъ Монпансье, былъ убитъ при взятіи Рима, 6 мая 1527 г. «Его смерть, не погасивъ пыла нападающихъ, напротивъ, еще болѣе ихъ воспламенила, и они, потерявъ около тысячи человекъ, все-таки ворвались въ городъ и опустошили его. Произведенный солдатами разгромъ былъ ужасенъ, а захваченная ими добыча просто невѣроятна»...

Пустыни океанъ

Камбиза полюбилъ съ его дружиной.

«Камбизъ, второй царь персидскій, царствовавшій отъ 529 до 522 г. до Р. Х., послалъ войско противъ аммонитянъ—и оно погибло въ пескахъ пустыни».

(Прим. Байрона).

Стр. 143.

Смысли твоимъ лишь нужно единенье.

«Пророчество Данта» было начато и окончено раньше, чѣмъ Байронъ увлекся дѣломъ освобожденія Италіи и окончательно примкнулъ къ движенію карбонаріевъ; но его дружба съ семействомъ Гамба, начавшаяся со времени его переселенія въ Равенну, въ 1819 г., должна была мало по малу втянуть его въ атмосферу политическаго недовольства и возмущенія. Годъ спустя, 16 апрѣля 1820, онъ писалъ Муррею: «У меня есть еще и другая причина желать, чтобы вы поторопились: это—то броженіе въ Италіи, которое скоро, вѣроятно, прекратитъ всякую безопасность сообщеній... Если итальянцы позволяютъ, такъ я останусь здѣсь посмотреть, что изъ этого выйдетъ... Я думаю, будетъ очень интересно видѣть, какъ итальянцы погонять варваровъ всѣхъ національностей назадъ, въ тѣ берлоги, откуда они пришли. Я долго жилъ съ ними и чувствую къ нимъ болѣе привязанности, чѣмъ къ какой-либо иной націи въ мірѣ; но имъ не хватаетъ единенія и руководящаго начала, почему я и сомнѣваюсь въ ихъ успѣхѣ».

Стр. 145.

Кто страны покорилъ себя чужія.

«Александръ Пармскій, Спинола, Пескара, Евгенийъ Савойскій, Монтекукколи».

(Прим. Байрона).

Александръ Фарнезе, герцогъ Пармскій (1546—1592) отвоевалъ южные Нидерланды для Испаніи, заставилъ Генриха IV снять осаду Парижа и пр. Амброджіо, маркизъ ди Спинола (1569—1630), родомъ мальтійецъ, въ 1602 г. поступилъ на испанскую службу, въ 1604 взялъ Остенде, и пр. Фернандо Франческо далъи Авалось, маркизъ Пескара (1496—1525), въ 1521 г. взялъ Миланъ, сражался при Лоди и пр., былъ раненъ въ битвѣ при Падуѣ. Онъ былъ мужемъ Витторіи Колонны и, находясь въ плѣну въ Равеннѣ, написалъ нѣсколько стихотвореній въ ея честь. Франсуа-Евгеній, принцъ Савойскій (1663—1737), нанесъ пораженія французамъ при Туринѣ въ 1706 г. и при Мальплакѣ (вмѣстѣ съ Марльбро) въ 1709 г., побѣдилъ турокъ при Петервардейнѣ, въ 1716 г., и пр. Раймондо Монтекукколи, родомъ изъ Модены (1608—1680), разбилъ турокъ при Сентъ-Готардѣ въ 1664 г., а въ 1675—76 гг. командовалъ на Рейнѣ и превзошелъ Тюренна и Конде.

Кто иля міру новому даетъ.

«Колумбъ, Америко Веспуччи, Себастьянъ Каботъ».

(Прим. Байрона).

Венеціанецъ Себастьянъ Каботто (1477—1557) въ іюнѣ 1497 г. открылъ берега Лабрадора.

Стр. 145.

Къ тирану гостемъ кто оступилъ въ чертогъ,

Тотъ цинъ надълъ.

«Стихи изъ греческой трагедіи, которые произнесъ Помпей, прощаясь съ Корнеліей (дочерью Метелла, цѣпюна и вдовою П. Красса), когда онъ сѣдился въ лодку, въ которой онъ былъ затѣмъ убитъ».

(Прим. Байрона).

Стихи эти принадлежатъ Софоклу и приводятся Плутархомъ, въ его жизнеописаніи Помпея:

Стр. 146.

Появится одинъ поэтъ, мнѣ равный.

Петрарка [Данте умеръ 14 сентября 1321 г. когда Петрарка (род. 20 іюля 1304) шелъ 18-й г.].

Письмъ перваго откроетъ міръ чудесъ.

«Историческія событія можно съ извѣстною увѣренностью облекать въ форму пророчества, но критическія мнѣнія «пророка» совсѣмъ иное дѣло. Живи Байронъ полу-столѣтіемъ позже, онъ не поставилъ бы Тассо и Аріосто выше Петрарки».

(Кольриджъ).

Стр. 147.

Мельчайшаго изъ жившихъ до сихъ поръ Правителей.

Альфонсо д'Эсте II, герцогъ Феррарскій. См. выше, введеніе и примѣчанія къ «Жалобѣ Тассо».

Конца такого ль ждать имъ подобаетъ?

«Для чего слѣдовать возмутительному и слишкомъ общному пріему оцѣнки превосходныхъ талантовъ Тассо и Аріосто, противопоставляя ихъ другъ другу? Читатель! Если вы уже имѣли удовольствіе прочесть послѣднее произведеніе музы лорда Байрона, то какъ должны были вы восхищаться тѣмъ удивительно прекраснымъ и трогательнымъ изображеніемъ двухъ безупречныхъ поэтовъ, которое находится въ концѣ третьей пѣсни «Пророчества Данте! Здѣсь они сравниваются между собою безъ этого возмутительнаго противопоставленія или превознесенія одного на счетъ другого, и характеризуются съ такою истинно дантовскою силою стиха, выраженій и чувства, не смотря на все несходство нашего языка и привычнаго способа мыслить и выражаться,—что кажется, будто эта характеристика внушена гениемъ самого недостижимаго Данте».

(Лордъ Гленберви).

Стр. 149.

Въ прагъ не падаетъ

*Тамъ Пантеонъ, стоящій горделиво,
Какъ здѣсь главу храмъ новый вознесетъ,
Его подобье.*

«Куполь св. Петра». (Прим. Байрона).

Микель-Анджело на 72-мъ году своей жизни былъ назначенъ, по повелѣнію папы Павла III, строителемъ собора св. Петра. Онъ отступилъ отъ плана прежняго строителя, Браманте, и заявилъ, что воздвигнетъ «Пантеонъ въ воздухѣ». Окружность этого Пантеона была построена еще при его жизни, но куполь оставался незаконченнымъ болѣе 24 лѣтъ послѣ его смерти, и только въ 1550 г., при папѣ Сикстѣ V, соборъ былъ вполне достроенъ. Шаръ съ крестомъ на вершинѣ купола поставлены въ 1593 г.

Стр. 150.

Вождя ли онъ еврейскаго народа

*Изъ камня изсѣчетъ, или въ краскахъ ада
Онъ Страшный Судъ напишетъ...*

Статуя Моисея въ монументѣ Юлія II, въ цер-

кви св. Петра въ узищѣ, и «Страшный судъ» въ сикстинской капеллѣ.

... я одинъ

Источникомъ явлюсь тѣхъ вдохновеній.

«Я читалъ гдѣ-то (а можетъ быть, я ошибаюсь потому что не могу припомнить, гдѣ именно я читалъ), что Микель-Анджело такъ любилъ Данте, что иллюстрировалъ всю «Божественную Комедію»; но книга, въ которой находились эти рисунки, погибла во время кораблекрушенія».

(Прим. Байрона).

Дуппа, въ своемъ жизнеописаніи Микель-Анджело, говоритъ, что у художника было изданіе «Божественной Комедіи» въ листъ, съ комментаріями Ландино, и что на широкихъ поляхъ этой книги онъ нарисовалъ, перомъ и карандашомъ, разныя сцены изъ поэмы. Эта книга перешла въ послѣдствіи къ Антонио Монтанти, флорентинскому архитектору и скульптору, который, будучи назначенъ строителемъ собора св. Петра, поѣхалъ въ Римъ, а свои вещи отправилъ на корабль въ Чивита-Веккья. Во время этого переезда корабль съ багажемъ Монтанти, среди котораго была и упомянутая книга, потерпѣлъ крушеніе и погибъ со всемъ своимъ грузомъ.

*И обезсмертитъ тѣхъ существованье,
Кто имъ лишь забавлялся, какъ тиранъ.*

«Вспомните отношенія къ Микель-Анджело папы Юлія II и невниманіе, оказанное ему Львомъ X. (Прим. Байрона).

«Юлія II, вступивъ на престолъ, тотчасъ же окружилъ себя гениальными людьми, и Микель-Анджело былъ въ числѣ первыхъ, кого онъ призвалъ къ своему двору. Папа былъ къ нему лично весьма расположенъ и съ дружескою простотою бесѣдовалъ съ нимъ обо всемъ, а не только о скульптурѣ; для того, чтобы художникъ могъ часто и безъ всякихъ неудобствъ приходиться къ нему, онъ приказалъ построить крытый мостъ между Ватиканомъ и студіей Микель-Анджело, такъ что послѣдній могъ проходить во дворецъ, не будучи никѣмъ замѣченнымъ. Но вотъ, однажды, придя туда утромъ, Микель-Анджело былъ грубо остановленъ часовымъ, который сказалъ ему: «Мнѣ приказано васъ не пускать». Возмущенный этою ничѣмъ не вызванною немилостью, Микель-Анджело велѣлъ передать папѣ, что на будущее время, если онъ понадобится его свѣтѣйшеству, то пусть пошлутъ его въ другомъ мѣстѣ». Придя къ себѣ домой, онъ приказалъ слугамъ сейчасъ же продать все имущество и слѣдовать за нимъ во Флоренцію, а самъ въ тотъ же вечеръ уѣхалъ и не останавливался до тѣхъ поръ, пока не прибылъ въ Тоскану. Папа послалъ въ погоню за нимъ пятерыхъ курьеровъ, но они настигли его только уже за предѣлами папскихъ владѣній. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, онъ, однако же, помнилъ съ папой въ Болоньѣ. Когда Микель-Анджело вошелъ въ комнату, гдѣ назначена была аудіенція, папа сперва посмотрѣлъ на него недружелюбно и привѣтствовалъ его только послѣ нѣкотораго молчанія. «Вмѣсто того, чтобы придти къ намъ», сказалъ онъ, — «ты, кажется, ждалъ, пока мы придемъ къ тебѣ». Микель-Анджело отвѣчалъ почтительно, что онъ слишкомъ живо почувствовалъ обиду, нанесенную ему незаслуженнымъ невниманіемъ, и теперь надѣется, что его свѣтѣйшество проститъ ему то, что между ними произошло. Тогда папа преподѣлъ ему свое благословеніе и возвратилъ ему свое расписание. Все царствованіе Льва X было пробѣломъ въ жизни Микель-Анджело». (Дуппа).

Стр. 151.

Изгнаніе—худшій плѣнь.

Съ своимъ «Пирѣ» Данте въ очень трогательныхъ выраженіяхъ говоритъ о своемъ изгнаніи и о сопровождавшихъ его лишеніяхъ и скорбяхъ. «О, если бы Создателю угодно было, чтобы я никогда не нуждался въ этомъ оправданіи, чтобы ни другіе люди не приписали мнѣ зла, ни я самъ не подвергался незаслуженному наказанію,— я разумно наказаніе изгнаніемъ и нищетою. Гражданамъ прекраснѣйшей и знаменитѣйшей дочери Рима, Флоренціи, угодно было изгнать меня изъ ея любезнѣйшаго лона, гдѣ я родился и воспитался и провелъ половину своей жизни и гдѣ я всемъ сердцемъ желалъ бы успокоить свой возмущенный духъ и окончить свои дни. Такимъ образомъ, я скитался почти по всемъ мѣстамъ, гдѣ звучитъ наша рѣчь,—скитался чужимъ, почти нищимъ, противъ своей воли выставяя напоказъ раны, нанесенныя мнѣ судьбою, которая слишкомъ часто вѣнялась въ вину страждущему. Я повстинѣ былъ кораблемъ безъ кормила и паруса, который носился по разнымъ пристанямъ и къ разнымъ берегамъ по волѣ жестокаго вѣтра печальной бѣдности; оттого-то я и казался низкимъ въ глазахъ многихъ людей, которые, при нѣсколькихъ лучшихъ обстоятельствахъ, можетъ быть, составили бы обо мнѣ иное мнѣніе»...

... прагъ далекій

Въ тебѣ замѣняютъ урною пустой,

Ср. «Чайльд-Гарольда» п. IV, стр. 57 (наст. изд. т. I, стр. 140):

Флоренція, стыдись!...

Спитъ Данте въ отдаленіи, и пр.

Что сошла съ тебѣ, народъ жестокой?

«Много разъ писалъ онъ, говоритъ Леоардо Аретино, не только къ отдѣльнымъ гражданамъ республики, но и ко всему народу, и, между прочимъ, одно довольно длинное посланіе, начинающееся словами: «Popule mi quid feci tibi?»

Около 1316 г. друзьямъ Данте удалось добиться разрѣшенія ему вернуться во Флоренцію и получить обратно свое конфискованное имущество, подъ условіемъ, что онъ уплатитъ нѣкоторую сумму денегъ и, войдя въ церковь, признаетъ свою виновность и будетъ просить у республики прощенія. Въ отвѣтъ на это Данте написалъ одному монаху, своему родственнику, слѣдующее: «Изъ письма вашего, полученнаго мною съ должнымъ уваженіемъ и признательностью, я усматриваю, какъ мною вы заботитесь о моемъ возвращеніи на родину. Я тѣмъ болѣе вамъ благодаренъ, что изгнанники рѣдко находятъ друзей. Но, по зрѣломъ обсужденіи, я долженъ обмануть ожиданія малодушныхъ людей и увѣренъ, что ваше безпристрастіе и разсудительность одобритъ мое рѣшеніе. Племянникъ мой и вашъ написалъ мнѣ, что подтверждается также и нѣкоторыми другими моими друзьями, что въ силу декрета касательно изгнанниковъ мнѣ разрѣшается возвратиться во Флоренцію при условіи, что я уплачу извѣстную сумму денегъ и подчинюсь униженію просить и получить прощеніе; въ этомъ условіи, отецъ мой, я усматриваю два предложенія смѣшныхъ и дерзкихъ. Я говорю, конечно, о дерзости тѣхъ людей, которые мнѣ это предлагаютъ, ибо въ вашемъ письмѣ, внушенномъ благоразуміемъ и осторожностью, ничего подобнаго нѣтъ. Развѣ такое приглашеніе возвратиться на родину можетъ считаться почетнымъ для Данте, послѣ того, какъ онъ претерпѣлъ въ изгнаніи почти пятнадцать лѣтъ? Этими ли желаютъ вознаградить его за невинность, извѣстную всему міру, за всѣ труды и тягости непрерывныхъ лите-

ратурныхъ занятій? Человѣкъ, близко знакомый съ философіею, не можетъ обнаружить душевной нищеты, свойственной ничтожнымъ невѣждамъ, и покрыть себя позоромъ, предавая себя чужой волѣ какъ бы закованнымъ въ цѣпи. Человѣкъ, громко вопіющій о справедливости, не можетъ вступать въ подобныя соглашенія съ своими преслѣдователями. Нѣтъ, отецъ мой, не этотъ путь долженъ привести меня къ возвращенію на родину. Но я вернусь немедленно, если только вы или кто иной откроете мнѣ путь, не предосудительный для славы и чести Данте. Если же такимъ путемъ мнѣ нельзя будетъ вернуться во Флоренцію, то я никогда туда не вернусь. Что же? Развѣ я не могу повсюду наслаждаться зрѣлищемъ солнца и звѣздъ? Развѣ я лишёнъ возможности въ любомъ уголкѣ поднебесной искать и созерцать утѣшительныя и прекрасныя истины, не дѣлая себя обезславленнымъ или даже опозореннымъ въ глазахъ флорентинскаго народа и республики? Въ кускѣ хлѣба, надѣюсь, нуждаться я не стану».

Но изгнанникъ еще долго терпѣлъ суровую нужду. Онъ умеръ въ 1321 г., въ Равеннѣ, въ домѣ своего покровителя, Гвидо Новелло да Полента, который засвидѣтельствовалъ свое уваженіе къ поэту великодушными похоронами и приказалъ воздвигнуть ему памятникъ. Флорентинцы слишкомъ поздно сознали свою вину передъ Данте. Въ началѣ XV столѣтія они стали добиваться возвращенія во Флоренцію останковъ поэта; но жители Равенны не соглашались на ихъ ходатайства. Безуспѣшны были также и всѣ позднѣйшіе переговоры объ этомъ предметѣ, веденные флорентинцами подъ покровительствомъ папы Льва X и при дѣятельномъ посредничествѣ Микель-Анджело.

МАРИНО ФАЛЬЕРО.

На рукописи этой трагедіи, посланной Муррею изъ Равенны, Байронъ написалъ: «Начата 4 апрѣля 1820, дополнена 16 іюля 1820, кончена перепиской 16—17 августа 1820; эта переписка отняла въ десять разъ больше труда, чѣмъ самое сочиненіе, если принять въ расчетъ погоду—убо въ тѣни—и мои домашнія обязанности». Сначала поэтъ хотѣлъ оставить трагедію у себя и не печатать ее лѣтъ шесть, но рѣшенія этого рода рѣдко исполняются. Пьеса была издана въ концѣ того же 1820 года—и, къ величайшему неудовольствію автора, несмотря на его энергичныя и не разъ повторенныя протесты, была представлена на сценѣ Дрюп-Ленскаго театра въ началѣ 1821 г.

Съ другой стороны, къ большому удовольствію Байрона выдающийся знатокъ итальянской и классической литературы, Уго Фосколо, привѣтствовалъ трагедію въ весьма сочувственной статьѣ, указывая на ея вѣрность венеціанской исторіи и нравамъ и на античную строгость ея конструкціи и языка. Джиффордъ призналъ Марино Фальеро «настоящей англійской трагедіей». Но вообще отзывы современныхъ поэту критиковъ были не особенно благоприятны. Только одинъ изъ нихъ нашелъ, что эта трагедія вполне достойна репутаціи своего автора. «Давно уже ничто не доставляло намъ такого удовольствія», писалъ этотъ критикъ, «какъ богатые задатки драматическаго совершенства, обнаруженные лордомъ Байрономъ въ этомъ произведеніи. Положительно, на англійскомъ языкѣ не появлялось трагедіи, подобной «Марино Фальеро», со времени образцовой пьесы Отвѣя, также вдохновившагося

венеціанской исторіей и венеціанскимъ заговоромъ. Та исторія, которую овладѣлъ Байронъ, по нашему мнѣнію, лучше отвѣевской; мы говоримъ: «овладѣлъ», потому что мы увѣрены въ томъ, что поэтъ передалъ событія съ почти буквальною точностью». Инымъ характеромъ отличались отзывы критиковъ «Edinburgh» и «Quarterly Review»,—Джеффри и епископа Гибера. Первый изъ названныхъ критиковъ писалъ:

Марино Фальеро, безъ сомнѣнія, отличается большими достоинствами, какъ драматическими, такъ и вообще поэтическими, и могъ бы доставить полный успѣхъ юному искателю славы; но имя Байрона возбуждаетъ такія ожиданія, которымъ не такъ легко удовлетворить. Сравнивая это произведеніе съ тѣми высокими образцами, которые имъ же самимъ установлены, мы должны признать его неудачнымъ и какъ созданіе поэзіи, и какъ драму. Отчасти это, можетъ быть, объясняется трудностью достигнуть одинаковаго совершенства въ обоихъ указанныхъ отношеніяхъ, трудностью заключить смѣлый и непокорный поэтический геній въ строгіе и тѣсныя предѣлы правильной трагедіи и подчинить пылкое и животворное вдохновеніе практической необходимости въ разработкѣ всѣхъ деталей театральнаго представленія. Впрочемъ, съ этими затрудненіями съ давняго времени приходилось бороться всѣмъ драматическимъ писателямъ, и хотя они всего болѣе тягостны для самыхъ сильныхъ талантовъ, однако мы не имѣемъ основаній сомнѣваться въ томъ, что геній Байрона могъ бы надъ ними восторжествовать. А потому мы и полагаемъ, что истинной причиной постигшей его въ настоящемъ случаѣ неудачи былъ несоотвѣтственный выборъ сюжета: онъ выбралъ для своей пьесы такую исторію, которая не только не даетъ простора отличительнымъ особенностямъ его генія, но развивается въ постоянномъ противорѣчій съ основнымъ направленіемъ его творческой фантазіи. Главными чертами его таланта являются изысканная нѣжность и демоническое величіе, способность вызывать тѣ очаровательныя видѣнія любви и красоты, чистоты и состраданія, которыя наполняютъ наше сердце трепетомъ нѣжности, и въ то же время—способность владѣть тѣмъ адскимъ огнемъ, причудливые и мрачныя отблески котораго окружаютъ всѣ предметы какими-то особеннымъ ореоломъ гнѣва, злобы и мести. Сознывая въ себѣ эти великія силы—и какъ бы наперекоръ ихъ развитію и дѣйствію, поэтъ взялъ предметомъ своей трагедіи событіе, исключающее возможность ихъ проявленія, и сталъ развивать этотъ сюжетъ, какъ бы намѣренно ограждая его отъ вторженія названныхъ силъ. Въ этой исторіи нѣтъ ни любви, ни ненависти, ни мизантропіи, ни состраданія, нѣтъ ничего сладострастнаго и ничего ужасающаго; здѣсь все зависитъ отъ досады раздражительнаго старика, и вся привлекательность дѣйствія сводится къ тщательному изображенію супружескаго достоинства и семейной чести, къ сухому и строгому торжеству холоднаго и ничѣмъ не искушаемаго цѣломудрія и благородныхъ качествъ чистаго и строго дисциплинированнаго ума. Такой сюжетъ, по нашему мнѣнію, очень мало пригоденъ для драматическаго писателя, который долженъ возбуждать сильныя чувства; въ любой обработкѣ онъ не въ состояніи устранить упрека въ недостаткѣ движенія, интереса и страсти. А лорду Байрону выбрать такой сюжетъ для крупнаго драматическаго произведенія—это все равно, что быстроному скакуну связать ноги передъ самымъ началомъ скачки или храброму рыцарю выйти на арену турнира безъ оружія. Никакіе человѣческіе таланты не въ силахъ справиться съ этимъ неудоб-

нимъ положеніемъ. Исторія, послужившая предметомъ настоящей драмы, въ высшей степени невѣроятна, хотя, подобно большинству другихъ, также весьма невѣроятныхъ исторій, почерпнута изъ достовернаго источника. Главное достоинство заключается въ ея оригинальности, хотя въ то же время она является въ сущности лишь повтореніемъ *«Спасенной Венеціи»*. Отвѣя и постоянно вызываетъ въ памяти сцены изъ этой пьесы. Тамъ Джаффиръ присоединяется къ заговорщикамъ подъ вліяніемъ естественныхъ побужденій любви и бѣдности, здѣсь дожъ вступаетъ въ заговоръ подъ вліяніемъ злого чувства, которое исключаетъ всякую симпатію къ нему; въ старой драмѣ обнаруженіе заговора представлено результатомъ любви, въ новой результатомъ дружбы; но въ обоихъ пьесахъ общій характеръ дѣйствія и развязки почти одинъ и тотъ же, въ отношеніи же стили и конструкціи слѣдуетъ замѣтить, что если у Байрона мы находимъ больше послѣдовательности и энергіи, то у Отвѣя, несомнѣнно, больше страсти и паѳоса; байроновскіе заговорщики являются болѣе блестящими и болѣе сильными ораторами, чѣмъ Пьеръ и Рено у Отвѣя, зато вѣжливость Бельвидеры гораздо болѣе трогательна и болѣе естественна, нежели стоическая и самодовольная супружеская вѣрность Анджіолины.

Епископъ Гибберъ, послѣ пространнаго разсужденія о драматическихъ единствахъ, заключаетъ свою статью слѣдующими словами:

«Однимъ изъ самыхъ поучительныхъ примѣровъ отуманивающаго дѣйствія теоретической системы на самые проникательные умы является тотъ фактъ, что въ пьесѣ, предназначенной исполнѣ сознательно и исключительно для чтенія, авторъ старается соблюдать тѣ правила, которыя, каково бы ни было ихъ сценическое достоинство, ни въ сценѣ, очевидно, не имѣютъ никакого значенія. Вѣдь единственной цѣлью соблюденія «единствъ» можетъ быть только сохраненіе сценической иллюзіи; для читателя же эти единства явно бесполезны. Въ чтеніи не только устраняются ихъ предполагаемыя выгоды, но, съ другой стороны, въ значительной степени ослабляется и невыгодное ихъ вліяніе на конструкцію драмы; справедливо также и то, что высокая поэзія блескомъ своего совершенства заслоняетъ отъ насъ тѣ неудобства, какія проистекаютъ отъ соблюденія этихъ единствъ какъ въ чтеніи, такъ и на сценѣ. Но даже и въ этомъ случаѣ не слѣдуетъ безъ всякой нужды усложнять свою задачу излишними затрудненіями; хотя сила и ловкость сражающагося рыцаря и составляетъ насъ забывать о громоздкой срубѣ, въ которую онъ нарядился для того, чтобы отличиться отъ другихъ, но вѣдь эти тяжелые педантическіе доспѣхи не только затрудняютъ его успѣхъ, но и дѣлаютъ его возможное паденіе еще болѣе замѣтнымъ и смѣшнымъ.

«Паденіе *«Маріно Фальеро»*, какъ мы полагаемъ, уже въ достаточной степени подтверждено общимъ мнѣніемъ публики, и у насъ нѣтъ основаній настаивать на пересмотрѣ этого рѣшительнаго приговора. Въ пьесѣ, несомнѣнно, найдутся мѣста, отличающіяся высокимъ краснорѣчіемъ и неподдѣльной поэзіей; въ особенности тѣ сцены, въ которыхъ лордъ Байронъ не слѣдовалъ нѣмъ правиламъ минимоклассическихъ писателей, задуманы и выполнены съ большою трагическою силою и искусствомъ. Но сюжетъ трагедіи выбранъ рѣшительно неудачно. Въ основномъ развитіи замысла и во всѣхъ главныхъ и наиболѣе интересныхъ подробностяхъ пьесы она является въ сущности не болѣе, какъ только повтореніемъ *«Спасенной Венеціи»*, такъ что автору пришлось бо-

ротиться — и далеко не всегда успѣшно — съ нашими воспоминаніями о старой и въ свое время пользовавшейся заслуженною популярностью драмѣ на тотъ же сюжетъ. Единственное отличіе новой пьесы заключается въ томъ, что «Джаффиръ» лорда Байрона присоединяется къ заговорщикамъ не въ силу естественныхъ и легко понятныхъ побужденій бѣдности, усиленной страданіями любимой жены, и глубокой, исполнѣ основательнымъ негодованіемъ на притѣснителей, а единственно вслѣдствіе досады на причиненное ему частное и не весьма жестокое оскорбленіе. Венеціанскій дожъ, желая наказать пошлую выходку глупаго мальчишки, пытается испровергнуть ту республику, которой онъ долженъ быть первымъ и самымъ вѣрнымъ слугою, и перебить всѣхъ своихъ прежнихъ друзей и товарищей по оружію, правительственныхъ лицъ и знатнѣйшихъ гражданъ. Кто же можетъ сочувствовать этой мести, изображенной къ тому же въ видѣ единичнаго случая, и кто, кромѣ лорда Байрона, могъ ожидать, что подобная исторія въ состояніи вызвать сочувствіе? Намъ недостаточно знать, что все это исторически вѣрно. Событіе можетъ быть и вѣрно, и въ то же время невѣроятно; случай, столь необычный, какъ внезапная и ничѣмъ не сдерживаемая вспышка мести, такъ же мало удобенъ для поэта, какъ и животное съ двумя головами — для живописца.

«Конечно, если этому предшествовалъ длинный рядъ взаимныхъ столкновеній, если дожъ постепенно былъ приведенъ къ тому, чтобы возненавидѣть олигархію, которая его окружала и надъ нимъ властвовала, и могъ чувствовать или подозрѣвать въ каждомъ поступкѣ сената заранѣе обдуманное намѣреніе оскорбить и унизить его, — то самое ничтожное новое оскорбленіе могло бы переполнить чашу его гнѣва, и недостаточно суровое наказаніе Стено (хотя большинству это наказаніе едва ли покажется слабымъ по сравненію съ вѣной) могло бы сорвать послѣднюю преграду передъ тѣмъ бурнымъ потокомъ, который такъ долго усиливался безчисленными мелкими оскорбленіями и нападками.

«Возможно также, что старикъ, страстно влюбленный въ молодую и красивую жену, но въ то же время сознававшій и смѣшную сторону своего неравнаго брака, цѣлыми мѣсяцами, цѣлыми годами мучилъ себя подозрѣніями ревности; хотя и убѣжденный въ вѣрности своей жены, онъ тѣмъ не менѣе жестоко страдалъ отъ мысли, что другіе люди, можетъ быть, не раздѣляютъ этого убѣжденія, и потому придавъ особенное значеніе дерзкой выходкѣ Стено, въ которой онъ увидѣлъ обнаруженіе тайной мысли, можетъ быть, раздѣляемой половиною венеціанскаго общества.

«Мы можемъ быть увѣрены въ томъ, что если бы исторія Фальеро (какъ ни мало общается она драматургу) попала въ руки варвара Шекспира, то начало драмы было бы отнесено къ значительно болѣе раннему времени, и что гораздо больше мѣста отведено было бы постепенному развитію тѣхъ особенностей характера героя, отъ которыхъ зависить его судьба, и дѣйствію того тонкаго, но не мгновеннаго яда, который разрушаетъ душевный миръ, ожесточаетъ чувства и отуманиваетъ умъ храбраго и великодушнаго, но гордаго и раздражительнаго старца.

«Но, къ несчастію (и это несчастіе, насколько мы понимаемъ, должно быть приписано увлеченію лорда Байрона теоріей драматическихъ единствъ), вѣсто того, чтобы представить передъ нашими взорами это постепенное нарастаніе скорбныхъ чувствъ, авторъ весьма мало знакомитъ насъ съ нимъ даже по слуху. Мы не видимъ никакихъ предваритель-

ныхъ попытокъ захвата власти дожа олигархами; мы даже и слышимъ объ этомъ очень мало, и то лишь въ общихъ выраженіяхъ и въ самомъ концѣ пьесы, въ видѣ зашпы образа дѣйствій дожа, а не въ формѣ того постоянного и жгучаго чувства, которое мы должны были бы раздѣлять съ нимъ съ первой же минуты, если авторъ хотѣлъ возбудить въ насъ сочувствіе къ нему и надежду на успѣхъ его замысла. Точно такъ же и опасеніе, что супруга дожа можетъ возбудить подозрѣнія въ обществѣ, высказывается лишь въ видѣ едва уловимаго намека, — и для этого опасенія приводится только одно основаніе, именно то, которое само по себѣ вовсе не могло бы возбудить его, — пасквиль, написанный на спинкѣ трона. Такимъ образомъ, въ теченіе всей трагедіи мы испытываемъ скорѣе удивленіе, чѣмъ жалость или состраданіе, являясь свидѣтелями важныхъ событій, объясняемыхъ совсѣмъ неподходящими причинами. Мы видимъ, какъ человѣкъ становится измѣнникомъ безъ всякаго иного повода (хотя на иные поводы и есть нѣкоторые намеки), кромѣ одного только пошлаго оскорбленія, которое должно бы скорѣе упасть на самого оскорбителя, нежели нанести чувствительный ударъ оскорбленному; и мы не можемъ чувствовать состраданія къ человѣку, гибнущему изъ-за такой причины.

Собственный взглядъ Байрона на свою трагедію высказанъ имъ въ одномъ изъ январскихъ писемъ 1821 г. къ Муррею. Повторяя надежду на то, что ни одна дирекція театра не будетъ имѣть настолько наглости, чтобы вопреки волѣ автора поставить эту пьесу на сцену, Байронъ говоритъ:

Она слишкомъ правильна: время—24 часа, мало перемѣнъ мѣста, ничего мело-драматическаго, никакихъ сюрпризовъ, ни внезапныхъ появленій, ни потайныхъ дѣсей, никакихъ удобныхъ случаевъ для того, чтобы «трясти головой и топтать каблучками», — и никакой любви, этого главнаго ингредиента новейшей драмы. Я убѣжденъ, что великой трагедіи нельзя написать, слѣдуя старымъ драматургамъ, которые преисполнены величайшихъ ошибокъ, простительныхъ только ради красоты ихъ языка; но ее можно создать, если писать естественно и *правильно*, подобно грекамъ, но не подражая имъ, а только усвоивъ ихъ общую манеру и примѣняя ее къ нашему времени и нашимъ условіямъ. Само собою разумѣется, что *гора* не должно быть. Вы, конечно, засмѣетесь и спросите, отчего же я самъ такъ не сдѣлаю? Какъ видите, я попытался дать легкій очеркъ въ «*Марино Фальеро*»; но многіе думаютъ, что мой талантъ *недраматиченъ по существу*, и я не вполне увѣренъ въ томъ, что они неправы. Если «*Марино Фальеро*» не провалится—въ чтеніи—то, можетъ быть, я сдѣлаю и еще попытку (только не для сцены); и такъ какъ я думаю, что *любовь* не есть основная страсть для трагедіи (хотя большая часть нашихъ трагедій именно на ней основана), то я и не рассчитываю стать популярнымъ драматургомъ. Предметомъ трагедіи любовь можетъ быть только въ томъ случаѣ, когда она яростна, преступна и несчастна. Когда же она трогательна и слезлива, тогда она, конечно, *бываетъ* предметомъ трагедіи, но не *должна* имъ быть, или это будетъ трагедія для галерей и дешевыхъ ложъ. Если вы хотите имѣть понятіе о томъ, что мнѣ хотѣлось бы сдѣлать, возьмите *переводъ* какой-нибудь греческой трагедіи. Я не говорю: возьмите оригиналъ,—это было бы съ моей стороны слишкомъ большимъ самовищніемъ; но переводы настолько ниже подлинниковъ, что мнѣ кажется, я могу рискнуть. Тогда судите о «простотѣ замысла», но не сравнивайте меня съ вашими сумашедшими старыми драматургами: они точно хва-

тили черезъ край травника и затѣмъ извергаютъ его фонтаномъ. А я, все-таки полагаю что вы не считаете спирта элементомъ болѣе благороднымъ, нежели чистый источникъ, сверкающій на солнцѣ. Въ этомъ, по-моему, и заключается разница между греками и этими грязными балаганщиками,—исключая, впрочемъ, Бенъ-Джонсона, который былъ ученымъ и классикомъ. Или—возьмите переводъ Альфиери и попытайтесь представить себѣ, что эти мои новыя погудки на старый ладъ сдѣланы *имъ*, на англійскомъ языкѣ, а потомъ выскажите мнѣ откровенно свое мнѣніе. Но не мѣняйте меня *своими собственными* аршиномъ,—ни старымъ, ни новымъ. Ничего нѣтъ легче, какъ напутать въ сюжетъ пьесы всякаго вздора. Г-жа Сентливръ въ своихъ комедіяхъ ш.м.итъ и суетится въ десять разъ больше Конгрива; но развѣ ихъ можно сравнивать между собою? А между тѣмъ она, вѣдь, вытѣснила Конгрива со сцены?!

Въ другомъ письмѣ, отъ 16 февраля 1821 г. Байронъ говоритъ:

Вы говорите,—дождь не будетъ популяренъ. Да развѣ я когда-нибудь писалъ ради популярности? Укажите какое-нибудь мое сочиненіе (кромѣ одного или двухъ рассказовъ), написанное въ популярномъ стилѣ или тонѣ. По моему мнѣнію, драматическая форма даетъ просторъ для различныхъ пріемовъ сочиненія; вовсе нѣтъ надобности слѣдовать нашимъ стариннымъ драматургамъ,—это было бы и грубой ошибкой; но не надо также быть и *слишкомъ* французомъ. Каковы были у насъ преемники старинныхъ драматурговъ. Мнѣ думается, что хорошій англійскій стиль и болѣе строгое соблюденіе драматическихъ правилъ могутъ дать результатъ, не предосудительный для нашей литературы. Я попытался написать драму безъ любви; въ ней нѣтъ также ни колебъ, ни ошибокъ, ни сюрпризовъ, ни отвратительныхъ притворщиковъ-злодѣевъ и никакой мело-драмы. Все это повредитъ ея популярности, но не убѣдитъ меня въ томъ, что она именно по этой причинѣ нигде не годится. Ея недостатки происходятъ отъ несовершенства въ исполненіи, а не отъ ея замысла, простого и строгаго.

Стр. 159.

Лѣстница Гигантовъ, идѣ онъ былъ коронованъ, развѣнчанъ и обезглавленъ.

Такъ рассказываютъ обыкновенно венеціанскіе гиды; въ дѣйствительности же нынѣшняя Лѣстница Гигантовъ, ведущая изъ двора дожовъ во дворъ его, была построена только въ 1483 г. архитекторомъ Антоніо Ричцо, который передѣлалъ весь фасадъ дворца.

Саркофагъ въ стѣнѣ съ неразборчивой надписью.

На сѣверной сторонѣ площади противъ церкви Санъ Джованни э Паоло находится школа Санъ Марко. Къ ней примыкаетъ часовня Санъ Маріа дельа Паче, въ которой и былъ открытъ, въ 1815 г., саркофагъ съ костями Марино Фальеро.

Стр. 160.

Я никогда не пытался писать для театра, и не буду пытаться и впредь.

«Когда я былъ членомъ подкоммисіи Дрюрп-Ланскаго театра, я могу поручиться за своихъ товарищей и, надѣюсь, также и за себя, въ томъ, что мы прилагали всѣ старанія, чтобы возвратить на сцену правильную драму. Я дѣлалъ все возможное, чтобы возобновить «*Монфора*», но мнѣ это не удалось, какъ не удалось добиться постановки и «*Иолы*» Сосби,—пьесы, которая, по нашему мнѣнію, полна дѣйствія; я старался также побудить г. Кольриджа написать для насъ трагедію. Лица непосвященные въ

театральныя дѣла едва ли повѣрять, что «*Школа Жюльовъ*» Шеридана дала *наименьшій сборъ* по сравненію съ общимъ количествомъ ея представленій со времени ея написанія; но такъ увѣрялъ меня нашъ администраторъ Дибдинъ. О томъ, что проходило въ театрѣ послѣ постановки «*Бертрана*» Матюрана *), мнѣ ничего неизвѣстно, такъ что я могу пропустить, по невѣдѣнію, нѣсколькихъ превосходныхъ новѣйшихъ писателей, и въ такомъ случаѣ прошу у нихъ извиненія. Я не былъ въ Англіи скоро уже пять лѣтъ и до послѣдняго года, съ самаго своего отъѣзда, вовсе не читалъ англійскихъ газетъ, да и теперь имѣю свѣдѣнія о театральныя дѣлахъ только изъ «*Парижской Газеты*» Галланини и только за послѣдніе 12 мѣсяцевъ. Такимъ образомъ у меня не могло и быть намѣренія чѣмъ-нибудь обидѣть трагическихъ или комическихъ писателей, которымъ я желаю всяческихъ благъ, но о которыхъ я ничего не знаю. Впрочемъ, давнишнія жалобы на состояніе нашего драматическаго театра вызываются вовсе не недостаткомъ у насъ хорошихъ исполнителей. Я не могу представить себѣ артиста лучше Кембля, Кука или Кина въ ихъ весьма разнообразныхъ роляхъ, или лучше г. Эллістона въ комедіи «*Джентльменъ*» и въ нѣкоторыхъ трагедіяхъ. Миссъ О'Нейлъ я никогда не видалъ, твердо рѣшившись не смотрѣть ни одной артистки, которая могла бы ослабить или затмить своей игрой мои воспоминанія о Сиддонсѣ. Сиддонсъ и Кембль были идеалами трагической игры; я никогда не видѣлъ ничего имъ подобнаго, даже повнѣшности; и по этой причинѣ я уже никогда больше не увижу ни «*Коріолана*», ни «*Макбета*». Если Кина упрекаютъ за недостатокъ достоинства, то надо помнить, что это качество дается природою, а не искусствомъ, и что его нельзя пріобрѣсти изученіемъ. Во всѣхъ не сверхъ-естественныхъ роляхъ Кинъ превосходенъ; даже его недостатки принадлежатъ, или кажутся принадлежащими, не столько ему, сколько самимъ ролямъ и дѣлаютъ его игру еще болѣе вѣрною природѣ. А о Кемблѣ мы можемъ сказать въ отношеніи его игры, то же, что кардиналъ Петцъ сказалъ о маркизѣ Монрозѣ,—что это былъ единственный человекъ, когда-либо имъ встреченный, который напомнилъ ему героевъ Платарха».

(Прим. Байрона).

Байронъ намѣревался первоначально посвятить свою трагедію одному изъ своихъ друзей, Дугласу Киннэду; но это посвященіе осталось въ рукописи и было напечатано только въ 1832 г. Оно написано въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«*Почтенному Дугласу Киннэду.*

Любезный Дугласъ. Посвящаю тебѣ эту трагедію потому, что ты высказалъ о ней хорошее мнѣніе, а не потому, чтобы я самъ считалъ ее достойною такого посвященія. Но если бы ея достоинства были даже въ десять разъ выше тѣхъ, какія въ ней можно найти, это приношеніе все-таки явилось бы лишь весьма недостаточнымъ знакомъ признательности за ту постоянную и дѣятельную дружбу, которой ты удостоивалъ въ теченіе многихъ лѣтъ своего преданнаго и любящаго друга *Байрона*».

Въ маѣ 1820 г. Байронъ получилъ рецензію *Гете* на «*Манфреда*», напечатанную въ сборникѣ «*Kunst und Alterthum*», (см. примѣчанія къ «*Манфреду*» и въ письмѣ къ Муррею отъ 17 октября сообщилъ о своемъ намѣреніи посвятить «*Маріно Фальеро*» германскому поэту. Къ письму было при-

ложено и самое посвященіе, котораго Муррей, однако, не напечаталъ, можетъ быть, считая его только остроумной выходкой, предназначенной для тѣснаго литературнаго кружка. Оно было представлено Гете въ рукописи только въ 1831 г. Джономъ Мурреемъ III, а напечатано съ пропусками и искаженіями, Муромъ, въ его біографіи Байрона. Въ полномъ видѣ оно явилось только въ 1901 г., въ изданіи Кольриджа-Протеро. Вотъ это посвященіе.

«Посвященіе барону Гете, и пр. и пр. и пр.

«Милостивый государь.—Въ прибавленіи къ одному англійскому сочиненію, недавно переведенному на нѣмецкій языкъ и изданному въ Лейпцигѣ, приводится слѣдующее мнѣніе ваше объ англійской поэзіи: «Въ англійской поэзіи можно найти великую геніальность, всеобъемлющую силу, глубину чувства и достаточный запасъ вѣжности и энергіи; но все-таки эти качества не дѣлаютъ поэтовъ», и пр.

«Мнѣ жалъ видѣть, что великій человекъ впалъ въ великую ошибку. Это ваше мнѣніе доказываетъ только, что «Словарь десяти тысячъ живущихъ англійскихъ писателей» *) не переведенъ на нѣмецкій языкъ. Вы, конечно, читали, въ переводѣ нашего друга Шлегеля, діалогъ въ «*Макбетѣ*»: **)

— Тамъ десять тысячъ!

— Да, гусей, конечно!

— Писателей, мой государь!

Такъ вотъ, изъ этихъ «десяти тысячъ писателей» въ настоящее время обрѣтается въ живыхъ 1987 поэтовъ, сочиненія которыхъ хорошо извѣстны ихъ издателямъ; и въ числѣ этихъ поэтовъ многіе пользуются славою гораздо выше моей, хотя значительно ниже вашей. Вслѣдствіе упомянутой небрежности вашихъ нѣмецкихъ переводчиковъ вы ничего не знаете о произведеніяхъ Вилльяма Вордсворта, у котораго въ Лондонѣ есть собственный баронетъ, рисующій ему фронтисписы и сопровождающій его на обѣды и въ театры, а въ провинціи—собственный лордъ, который доставилъ ему мѣсто въ акцизномъ вѣдомствѣ и подарилъ скатерть на столъ. ***) Вы, можетъ быть, даже не знаете, что этотъ господинъ есть величайшій изъ всѣхъ поэтовъ прошедшихъ, настоящихъ и будущихъ, не говоря уже о томъ, что онъ написалъ *Opus Magnum* въ прозѣ во время послѣднихъ выборовъ въ Вестморлендѣ ****). Главное его сочиненіе называется «*Питеръ Белль*», и онъ скрывалъ его отъ публики въ продолженіе двадцати одного года,—новознаградимая потеря для всѣхъ, кто успѣлъ за это время умереть и не будетъ имѣть возможности прочесть это сочиненіе ранѣе воскресенія мертвыхъ. У насъ есть также и другой писатель, по имени Соутъ, который болѣе, чѣмъ поэтъ, потому что теперь онъ сталъ поэтомъ-лауреатомъ,—поэтъ, соответствующій тому, что въ Италіи называется Поета Сесагеро, а у васъ, въ Германіи,—не знаю какъ; но такъ какъ у васъ есть «*Цезарь*», то, по всей вѣроятности, имѣется и соответствующее наименованіе. Въ Англіи «*Цезаря*» нѣтъ,—а поэтъ есть

*) A Biographical Dictionary of living authors of Great Britain and Ireland etc., Lond. 1816.

**) Ср. «*Макбетъ*», д. V, явл. 3:

(Соч. Шекспира, подъ ред. С. А. Венгерова, III, 496).

— Тамъ десять тысячъ!

— Да, гусей, конечно!

-- Солдатъ, мой государь!

***). Говорится о сэрѣ Джорджѣ Бьюмонтѣ и лордѣ Лонсдэлѣ.

****). Два адреса къ землевладѣльцамъ Вестморленда.

*) 9 мая 1816 г.



ДЖОНЪ ФРИРЪ (John Hookham Frere).

Его пародіи на легенды о королѣ Артурѣ подражалъ Байронъ въ «Бенно».

«Я упоминаю объ этихъ поэтахъ только для примѣра, чтобы Васъ просвѣтить. Это—только два кирпича нашей Вавилонской башни (кстати сказать: *Виндзорскіе* кирпичи), но они могутъ служить образцомъ всей постройки».

Далѣе въ приведенномъ отзывѣ говорится, что «преобладающею характерною особенностью всей современной англійской поэзіи является *отращеніе отъ жизни и презрѣніе къ ней*». Но мнѣ кажется, что *Вы* сами, однимъ своимъ произведеніемъ въ прозу, возбудили гораздо больше презрѣнія къ жизни, чѣмъ всѣ томы англійской поэзіи, доселѣ написанные. Г-жа Сталь говоритъ, что «*Вертеръ* вызвалъ больше самоубійствъ, чѣмъ самая красивая женщина», и я въ самомъ дѣлѣ полагаю, что онъ переселилъ въ лучший міръ больше людей, чѣмъ самъ Наполеонъ,—если оставить въ сторонѣ профессиональную дѣятельность послѣдняго. Быть можетъ, милостивый государь, язвительный отзывъ знаменитаго сѣвернаго журнала *) о пѣмцахъ вообще и о Васъ—въ особенности внушилъ вамъ неблагоприятное отношеніе къ англійской поэзіи и критикѣ. Но вамъ не слѣдовало бы обращать вниманія на нашихъ кри-

*) Edinburgh Review.

тиковъ, которые, въ сущности, очень добродушные ребята, особенно если имѣть въ виду ихъ двойственную профессію: подхватывать сужденія при дворѣ и отбрасывать ихъ внѣ двора. Никто болѣе меня не сожалѣетъ объ ихъ поспѣшномъ и несправедливомъ приговорѣ относительно Васъ; я лично заявлялъ объ этомъ Вашему другу Шлегелю въ 1816 г. въ Коппе.

«Ради моихъ «десяти тысячъ» живущихъ собратьевъ и ради себя самого, я не могъ не обратить вниманія на мнѣніе, высказанное объ англійской поэзіи, которое тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что оно принадлежитъ *Вамъ*».

«Главною цѣлью моего обращенія къ вамъ было—засвидѣтельствовать мое искреннее почтеніе и удивленіе человѣку, который въ теченіе цѣлаго полустолѣтія стоялъ во главѣ литературы великаго народа и перейдетъ въ потомство, какъ первый представитель литературы своего вѣка».

«*Вы* были счастливы, милостивый государь, не только въ сочиненіяхъ, прославившихъ ваше имя, но и въ самомъ этомъ имени, которое достаточно музыкально для того, чтобы сохраниться въ памяти потомства. Въ этомъ—Ваше преимущество передъ

нѣкоторыми изъ Вашихъ соотечественниковъ, имена коихъ, можетъ быть, также будутъ безсмертны,—если только кто-нибудь сможетъ ихъ произнести.

«Этотъ, повидному, легкомысленный тонъ можетъ, пожалуй, подать поводъ къ предположенію, что я отношусь къ Вамъ съ недостаточною почтительностью; но такое предположеніе было бы ошибочно, такъ какъ я въ прозѣ всегда дерзокъ. Дѣйствительно и вполнѣ искренно признавая Васъ, какъ это признаютъ всѣ Ваши соотечественники и большинство другихъ націй несомнѣнно самымъ выдающимся изъ литературныхъ дѣятелей, появившихся въ Европѣ послѣ смерти Вольтера, я чувствовалъ и продолжаю чувствовать желаніе посвятить Вамъ прилагаемое произведеніе—не потому, чтобы оно было трагедіей или поэмой (ибо я не могу самъ рѣшить, принадлежитъ ли оно къ тому или другому виду поэзіи, или ни къ тому, ни къ другому), а единственно какъ свидѣтельство уваженія и поклоненія иностранца—человѣку, котораго въ Германіи провозгласили «великимъ Гете».

«Имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ Вашимъ покорнѣйшимъ слугою. Байронъ».

Равенна, 14 октября 1820.

«P. S. Я замѣчаю, что въ Германіи, такъ же, какъ въ Италіи, идетъ сильная полемика относительно такъ называемыхъ «классицизма» и «романтизма»,—термины, которыхъ еще не знали въ Англіи, когда я покинулъ ее, года четыре или пять тому назадъ. Правда, нѣкоторые изъ англійскихъ писателей злоупотребляли Попомъ и Свифтомъ, но причина этого заключалась въ томъ, что они сами не умѣли писать ни прозой, ни стихами; притомъ, никто не считалъ этихъ господъ заслуживающими того, чтобы выдѣлять ихъ въ особый разрядъ. Можетъ быть, въ самое послѣднее время опять появилось кое-что въ томъ же родѣ, но я объ этомъ не слыхалъ, и это было бы признакомъ столь дурного вкуса, что мнѣ было бы весьма прискорбно объ этомъ узнать».

Стр. 162. *Но синьорія все еще сидитъ.*

«Малый Совѣтъ» (Consiglio Minor), состоявшій первоначально изъ дожа и шестерыхъ его совѣтниковъ, впоследствии былъ увеличенъ введеніемъ въ его составъ трехъ Саві уголовнаго Совѣта Сорока (Quarantia Criminale) и получилъ наименованіе Illustriissima Signoria.

*Не то ли,
Что оказали мнѣ Авогатори.*

Авогатори—«адвокаты», числомъ трое, возбудили преслѣдованія отъ имени республики; ни одинъ изъ совѣтскихъ актовъ не имѣлъ законной силы, если не былъ составленъ въ присутствіи по крайней мѣрѣ одного изъ нихъ; но они вовсе не составляли, какъ, повидному, полагаютъ Байронъ, суда первой инстанціи. Упрекъ въ томъ, что они передали дѣло въ Совѣтъ Сорока, членомъ котораго, будто бы, былъ обвиняемый Микаэль Стено, основанъ на ошибкѣ Санудо: въ то время, когда Фальеро сталъ дожемъ, Стено было всего 20 лѣтъ, а въ члены Сорока избирались люди не моложе 30-лѣтняго возраста.

Стр. 166. *Старикъ Дандоло
Отъ всѣхъ королей вселенной отказался.*

Точнѣе: «Отъ Цезарей короны отказался»: въ 1204 г. ему предложена была крестовосцами корона Византийской имперіи.

Стр. 168. *Когда въ моментъ горячности ударилъ
Епископа Тревизо.*

«Историческій фактъ. См. *Жизнеописанія дожей Мартино Санудо*. (Прим. Байрона).

Стр. 170. *Я по службѣ
Начальникъ арсенала.*

«Число постоянныхъ рабочихъ въ арсеналѣ составляло 1200, и всѣ эти искусные ремесленники находились подъ начальствомъ особаго офицера, называемаго *адмираломъ* (Amiraglio), который командуетъ и «Бупентавромъ» въ день Вознесенія, когда дожъ совершаетъ свое торжественное обрученіе съ моремъ. И здѣсь мы должны отмѣтить смѣха достойный обычай, въ силу котораго этотъ адмиралъ несетъ отвѣтственность передъ Сенатомъ за спокойное состояніе моря и ручается своею жизнью, что въ этотъ день не будетъ бури. Этотъ же адмиралъ, вмѣстѣ съ своимъ *arsenalotti*, оберегаетъ дворецъ дожовъ и соборъ св. Марка во время междуцарствія. Онъ несетъ красное знамя передъ дожемъ, когда тотъ вступаетъ въ должность, и въ знакъ своего достоинства, носить особую епанчу и два серебряныхъ ящика, изъ которыхъ дожъ сыплетъ деньги народу». (Исторія Венеціанскаго правительства, написанная въ 1675 г. съоромъ Amelot de la Houssaye и изданная въ Лондонѣ, 1677).

По болѣе раннему и, вѣроятно, исторически болѣе вѣрному разсказу Лоренцо де Моначи, Бертуccio Изарелло не былъ начальникомъ арсенала, а только имѣлъ собственный корабль и потому пользовался извѣстностью и вліяніемъ среди матросовъ и арсенальныхъ рабочихъ; патрицій же, который его побѣдилъ, звался не Варбаро, а Джіованни Дандоло, и былъ въ ту пору *sopracomite e consigliere del capitano da mar*.

Стр. 172.

Съ вершины Марка крикнетъ этотъ часъ.

«Звонить въ набатъ на колокольнѣ св. Марка можно было только по приказанію дожа. Однимъ изъ поводовъ къ такому набату было извѣщеніе о появленіи на лагунѣ генуэзскаго флота». (Прим. Байрона).

Стр. 173. *Колодцы, китки*

Историкъ моетъ кровь мою изъ жилъ.

О государственной тюрьмѣ въ Венеціи см. наст. изд. т. I, стр. 529.

Стр. 174.

Онъ въ Сапіенцы смерть свою нашелъ.

Островъ Сапіенца лежитъ милью въ девяти къ сѣверо-западу отъ Капо-Галло, въ Морѣ Сраженіе, въ которомъ венеціанцы, подъ начальствомъ Никколо Пизани, были разбиты генуэзцами, которыми предводительствовалъ Паганино Доріа, происходило 4 ноября 1354 г.

Стр. 175.

*Сегодня ровно въ полночь будъ у церкви,
Гдѣ проба моихъ отцовъ.*

«Всѣ дожи ранне Фальеро погребались въ соборѣ св. Марка; замѣчательно, что когда умеръ его предшественникъ, Андреа Дандоло, Совѣтъ Десяти издалъ законъ, чтобы всѣ будущіе дожи погребались вмѣстѣ съ своими семьями, въ принадлежавшихъ имъ церквахъ: можно подуматъ, что тутъ было своего рода предчувствіе. Такимъ образомъ, все, что говоритъ Фальеро о своихъ предкахъ-дожахъ, будто бы похороненныхъ въ церкви свв. Іоанна и Павла не вѣрно исторически, такъ какъ они похоронены у св. Марка. Сдѣлайте изъ этого примѣчаніе и подишите подъ нимъ: *Издатель*. Имѣя подобныя притязанія на аккуратность, я не хотѣлъ бы, чтобы меня бранили даже изъ-за такихъ пустяковъ. О пьесѣ

ПРИМѢЧАНІЯ КО ВТОРОМУ ТОМУ.

пусть говорятъ, что угодно, но нравы и дѣйствующія лица у меня вполне реальны». (*Письмо къ Муррею отъ 12 окт. 1820*).

Гондола будетъ ждать съ однимъ гребцомъ.

Гондола не похожа на обыкновенную лодку, она такъ же легко управляется однимъ весломъ какъ и двумя (хотя, разумѣется, идетъ не такъ скоро); часто берутъ только одного гребца ради меньшей огласки, а со времени паденія Венеціи—просто ради экономіи». (*Прим. Байрона*).

Попытку я обязанъ предпринять.

«То, что говоритъ Джиффордъ о первомъ актѣ очень утѣшительно. Это—«произведеніе англійское подлинное, настоящее англійское»: таково ваше за вѣтное желаніе, и я очень радъ, что мнѣ удалось его удовлетворить, хотя Богъ знаетъ, какимъ чудомъ это случилось; вѣдь я не слышу ни одного англійскаго слова ни отъ кого, кромѣ моего лакея, а онъ—изъ Ноттинггемшира; я не вижу ничего англійскаго, кромѣ вашихъ новѣйшихъ изданій, но въ нихъ нѣтъ англійскаго языка, а только жаргонъ. Джиффордъ нашелъ у меня хорошую, подлинную, настоящую англійскую рѣчь, а Фосколо говоритъ, что характеры въ пьесѣ подлинно венеціанскіе» (*Письма къ Муррею, 11 сент. и 8 окт. 1820*).

Стр. 176.

Ослабленнаго жизнью старика.

Годъ рожденія Маріно Фальсери не установленъ съ точностью, но полагають, что въ эпоху заговора ему было уже болѣе 75 лѣтъ.

Стр. 177.

Сказалъ же славный римлянинъ предъ смертью:

«То было лишь, вѣдь, имени!».

Діонъ Кассій сообщаетъ, что Брутъ, умирая воскликнулъ: «О, брѣнная доблесть! Ты—не больше, какъ слово, и же считалъ тебя дѣломъ—и жестоко обманулъ!»

Стр. 180.

*Пришелъ къ вамъ съ важной вѣстью
И прямо изъ сената.*

«Эта сцена, можетъ быть, самая лучшая во всей пьесѣ. Въ ней превосходно обрисовывается спокойный характеръ и душевная чистота Анджіолины и живо чувствуется огромная разница ея темперамента съ надменнымъ вравомъ ея супруга, но вмѣстѣ съ тѣмъ не менѣе живо проявляется и та тѣсная связь, какая соединяетъ эти двѣ натуры, одинаково полныя благородства. Въ мысляхъ старика нѣтъ и тѣни ревности; онъ и не предполагаетъ, и не находитъ въ своей женѣ порывовъ молодой страсти; онъ видитъ въ ней существо, полное довѣрія,—существо глубоко невинное, которое, именно по этой причинѣ, едва вѣритъ въ возможность виновности. Онъ находитъ въ ней все то очарованіе, какимъ проникнута задушевнѣйшая рѣчь любящей, скромной и добродѣтельной женщины,—рѣчь, внушаемая благодарностью, уваженіемъ и заботливой привязанностью. Анджіолина очень встревожена поведеніемъ своего мужа со времени обнаруженія виновности Стено и дѣлаетъ все возможное, чтобы успокоить его гордое негодованіе. Въ сознаніи своей невинности, она равнодушно относится къ нанесенному ей оскорбленію, и неспорченный инстинктъ ея благороднаго сердца побуждаетъ ее убѣждать своего мужа въ томъ, въ чемъ она убѣждена сама,—что Стено, каковъ бы ни былъ приговоръ судой, долженъ понести гораздо болѣе тяжелое наказаніе въ сознаніи соб-

ственной виновности и нозорности своего поступка».

(*Локартъ*).

Стр. 187.

Пора, мой другъ! Идемъ, дѣла не ждутъ.

«Сцена между дожемъ и Анджіолиной, хотя и неопозволительно длинная, отличается большой энергіей и красотой. Жена старается успокоить яростный гнѣвъ своего стараго мужа, а онъ настаиваетъ на томъ, что нанесенная ему обида могла бы быть искуплена только смертью оскорбителя. Рѣчь дожа представляетъ тщательно обдуманную, но, въ концѣ концовъ, все-таки тщетную попытку съ помощью риторическихъ приѣмовъ до нѣкоторой степени оправдать ту безумную и ни съ чѣмъ не соразмѣрную месть, которая составляетъ основу пьесы».

(*Джеффри*).

Стр. 190.

Какъ скоро предки наши отступили

Предъ полчищемъ Аттилы.

Граждане Аквилеи и Падуи во время нашествія Аттилы бѣжали на островъ Градо и на Rivus Altus (Ріальто), гдѣ и положили основаніе Венеціи.

Стр. 190.

Кичливыя шелковичныя червячочки.

«Mal bigatto» — скверный шелковичный червякъ—презрительное выраженіе, означающее недостойнаго человѣка.

Стр. 195. *Братался съ низкой чернью.*

«Въ душѣ высокороднаго и надменнаго дожа происходитъ сильнѣйшая борьба между жаждою мести, которая его мучитъ, и отвращеніемъ къ низкимъ плебеймъ, съ которыми онъ вступаетъ въ союзъ. Самъ по себѣ онъ вовсе не честолюбивъ; но передъ нами—суровый и гордый венеціанскій патрицій, который не можетъ вырваться изъ своего сердца презрѣнія ко всему плебейскому; это презрѣніе пустило въ немъ слишкомъ глубокіе корни, благодаря происхожденію, воспитанію и долгой жизни властителя. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ его взволнованномъ умѣ время отъ времени проносятся и другія мысли, болѣе мягкаго характера. Онъ помнитъ,—онъ не въ силахъ забыть долгихъ дней и ночей товарищества, издавна соединявшаго его съ тѣми людьми, которыми теперь онъ готовъ произнести смертный приговоръ. Онъ самъ горячо высказывается противъ «безумной милости» и горячо настаиваетъ на необходимости полного истребленія этихъ людей, находясь въ собраніи заговорщиковъ; но поэтъ, глубоко понимающій человѣческое сердце, заставляетъ его содрогаться, когда эта ярость приводитъ и его самого, и его слушателей къ крайнимъ рѣшеніямъ. Онъ не въ силахъ помириться съ этимъ кровавымъ приговоромъ, хотя самъ же былъ главнымъ его виновникомъ».

(*Локартъ*).

Стр. 196.

*Въ полнѣйшемъ убѣжденіи, что все дѣло
Затѣяно самой же Синьоріей.*

«Историческій фактъ. См. Приложенія, примѣч. А.»

(*Прим. Байрона*).

Стр. 200.

Преслѣдовать, что можетъ

Не нравиться Совѣту Десяти.

Члены Совѣта Десяти избирались Великимъ Совѣтомъ только на одинъ годъ и не могли быть избирасмы вновь ранѣе, чѣмъ черезъ годъ по оставленіи ими своей должности. Совѣтъ Десяти ежегодно избиралъ изъ своей среды трехъ *Capri* или главныхъ членовъ Совѣта. Судъ состоялъ, кромѣ Десяти, изъ дожа и шести совѣтниковъ, имѣя такимъ

образомъ 17 членовъ, причѣмъ для законности засѣданія необходимо было присутствіе 12-ти изъ нихъ. Одинъ изъ «адвокатовъ республики» (*Avogadori di Comiti*) также всегда присутствовалъ въ засѣданіяхъ, но безъ права голоса, исполняя лишь обязанности секретаря, давая заключенія относительно законовъ и наблюдая за правильностью дѣлопроизводства. Впослѣдствіи, въ важныхъ случаяхъ, къ Совѣту присоединялось еще 20 членовъ, избираемыхъ Великимъ Совѣтомъ и составлявшихъ т. наз. «зонту» или «юнту».

Стр. 201.

*Титуломъ же воеждя меня почтили
Родосъ и Кипръ*

Въ хроникахъ ничего не говорится о какихъ-либо сношеніяхъ Венеціи съ Родосомъ или Кипромъ, въ которыхъ участвовалъ бы Марино Фальеро. Кипръ перешелъ подъ власть Венеціи только въ 1489 г., а Родосъ до 1522 г. принадлежалъ рыцарямъ св. Іоанна Іерусалимскаго.

Стр. 204.

Такъ пусть же мѣсть свершится надо всеми.

«Внутренняя борьба, которую переживаетъ дожъ, присоединяясь къ заговорщикамъ, представляетъ поразительный контрастъ съ свирѣпою кровожадностью его сообщниковъ, но не производитъ надлежащаго эффекта: мы не можемъ представить себѣ, чтобы человѣкъ, проникнутый подобными чувствами, рѣшился выполнить свой преступный планъ, не будучи побуждаемъ къ этому оскорбленіями болѣе серьезными и тяжкими, нежели тѣ, о которыхъ читатель узнаетъ изъ трагедіи. (*Гибель*).

Стр. 205.

Погибнуть всѣ! Въ устьяхъ нѣтъ сомнѣній.

Главный недостатокъ «*Марино Фальеро*» заключается въ томъ, что сущность и характеръ заговора не возбуждаютъ интереса читателя. То, что Байронъ былъ въ этомъ отношеніи вѣренъ исторіи, не имѣетъ особеннаго значенія. Подобно Альфіери, съ которымъ его гѣній имѣетъ большое сходство, онъ вдохновился исключительнымъ событіемъ, имѣющимъ очень мало общаго съ обще-человѣческими инстинктами и чувствами. При всей возвышенности рѣчей, при всей яркости колорита, въ трагедіи чувствуется недостатокъ моральной истины, — недостатокъ того очарованія, трудно поддающагося опредѣленію, но легко ощущаемаго, которое вызываетъ въ благородныхъ сердцахъ высокій энтузіазмъ къ великимъ стремленіямъ человѣчества. Въ этомъ-то очарованіи и заключается поэтическая прелесть исторіи. Оно живо чувствуется въ «*Вильгельмъ Телль*» Шиллера и въ страшномъ заговорѣ Іеруса, такъ какъ сущность и цѣль ихъ замысловъ заключалась въ томъ, чтобы избавить свою родину отъ оскорбленій и угнетенія. Между тѣмъ въ заговорѣ Марино Фальеро противъ республики мы не можемъ видѣть ничего иного, кромѣ замысла кровожаднаго злодѣя, который хочетъ захватить въ свои руки неограниченную власть и, по обычаю всѣхъ узурпаторовъ, пользуется общимъ неудовольствіемъ и общими страданіями только какъ предлогомъ для достиженія своей цѣли. Подстрекаемый воображаемою обидою, онъ берется за такое предпріятіе, которое, въ случаѣ удачи, залило бы Венецію кровью лучшихъ ея сыновъ. Можно ли назвать это возвышеннымъ зрѣлищемъ, которое, по правиламъ Аристотеля, имѣло бы цѣлью произвести очищающее дѣйствіе на нашу душу, возбуждая въ ней чувства страха и состраданія?» (*«Eclectic Review»*).

Стр. 206.

*Могу ли обидѣть теперь я руки
Въ крови всѣхъ этихъ близкихъ мнѣ людей?*

«Въ рѣчахъ дожа постоянно обнаруживаются эгоистическія побужденія, заставившія его примкнуть къ заговору. Онъ вполне естественно поддается чувству раскаянія; но страшная цѣльность его характера нарушается этими колебаніями, которыя заставляютъ его въ ужасѣ отступать передъ убійствомъ и разгромомъ. Въ этомъ вихрѣ могучихъ страстей, который предшествуетъ созданію ужаснаго заговора, совершенно неумѣстно было впадать въ уста дожа сентиментальныя изліянія любви и жалости къ его друзьямъ; эти слишкомъ запоздалыя доказательства его сострадательности производятъ впечатлѣніе только лицемернаго сожалѣнія. Чувства-то хороши, но высказываются они вовсе не во-время и не у мѣста, напоминая замѣчаніе Скаррона по поводу нравоучительныхъ разсужденій Флегіаса въ адѣ:

*Cette sentence est vraie et belle
Mais dans l'enfer à quoi sert-elle?*

«Впрочемъ эта сцена, совершенно неумѣстная съ точки зрѣнія драматической послѣдовательности, отличается все-таки большою поэтической силою.» (*«Eclectic Review»*).

Стр. 2 8. *Дѣйствіе четвертое.*

«Четвертое дѣйствіе начинается чрезвычайно поэтической и блестяще написанной сценой, — хотя она и представляетъ не болѣе, какъ монологъ, ничѣмъ не связанный съ ходомъ самой пьесы. Молодой патрицій Ліони возвращается домой съ блестящаго праздника; но ему вовсе не весело; открывъ окно своего палаццо, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ, онъ пораженъ контрастомъ ночной тишины съ лихорадочнымъ весельемъ и блестящимъ шумомъ только что покинутого имъ собранія. Картина эта нарисована во всѣхъ отношеніяхъ прекрасно, съ правдивостью и изяществомъ въ описаніи праздника, обличающими руку мастера, — и можетъ служить высокимъ образцомъ поэтической живописи; душный свѣтъ, озаряющій сонную Венецію, приводитъ намъ на память великолѣпныя и очаровательныя картины въ «*Манфредѣ*», которыя произвели на наше воображеніе гораздо болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ лежащая передъ нами трагедія, хотя и болѣе тщательно обработанная.» (*Джеффри*).

«Монологъ Ліони — прекрасный моментъ отдыха отъ ужасовъ драмы и отъ того мрачнаго предчувствія неизбежнаго зла, которое такъ часто изображается Шекспиромъ, прибѣгающимъ въ подобныхъ случаяхъ къ аналогичному приему. Но этотъ великолѣпный монологъ, поставленный зѣ съ связи съ общимъ строеніемъ пьесы, является случайнымъ и, очевидно, служитъ выраженіемъ собственнаго настроенія автора. Здѣсь мы видимъ обычный, свойственный Байрону, строй мысли, съ отгѣнкомъ мизантропіи, который совсѣмъ не согласуется съ положеніемъ и чувствами дѣйствующихъ лицъ пьесы. Это — холодная созерцанія ума, возвышающагося надъ тревоженіями человѣческой жизни и ея страстей и равнодушно взвѣщающаго съ своей неприступной высоты на борьбу, въ которой онъ не удостоиваетъ принять участіе.» (*«Eclectic Review»*).

Байронъ говорилъ Медвину, что монологъ Ліони онъ написалъ ночью, возвратившись съ бала у гр. Бендзони. Ср. его слова въ письмѣ къ Муру отъ 28 февраля 1817 г.: «Въ настоящее время я нахожусь на положеніи инвалида. Карнавалъ, т. е. послѣднія его половина, и сидѣнье далеко за полночь немножко меня испортили... Переодѣванія, закончившіяся маскарадомъ въ театрѣ Фениче, гдѣ я былъ точно такъ же, какъ и въ большей части ридотто, и пр., и пр., порядочно меня утомили, и хотя и въ общемъ не особенно много утомили, однако

ПРИМѢЧАНІЯ КО ВТОРОМУ ТОМУ.

чувствую, что «мечъ перетираетъ ножны»; а вѣдь я только что обогнулъ уголъ 29-ти лѣтъ. Итакъ, мы уже не станемъ больше бродить до поздней ночи, хотя сердце все еще способно любить, и луна свѣтитъ попрежнему ярко. Мечъ перетираетъ ножны, а душа изнашиваетъ тѣло, и сердце должно перестать биться, и сама Любовь должна успокоиться. И вотъ, хоть ночь и создана для любви, и день возвращается слишкомъ скоро, но мы уже не станемъ больше бродить по ночамъ, при лунномъ свѣтѣ». (Ср. стр. 271).

Стр. 217.

*Набатъ,
Какъ Божій громъ, раздастся съ
башни Марка.*

«Наконецъ, наступаетъ минута набатнаго колокола, котораго нетерпѣливо ожидаетъ вся толпа заговорщиковъ. Племянникъ и наследникъ дожа (Марино бездѣтенъ) оставляетъ его во дворцѣ и самъ идетъ ударить въ роковой колоколъ. Дождъ остается одинъ—и мы полагаемъ, что во всей англійской поэзіи немного найдется сценъ, которыя могли бы быть поставлены выше слѣдующей». (Локартъ).

Стр. 218.

Входитъ офицеръ со стражей.

Члены «Ночной Стражи» (I Signori di Notte) занимали важное положеніе въ старой венеціанской республикѣ. (Прим. Байрона).

Стр. 221. *Дѣйствіе пятое.*

«Въ примѣчаніяхъ къ «Марино Фальеро» надо бы сказать, что *Бенинтенде* не былъ членомъ Совѣта Десяти, а былъ только «Великимъ Канцлеромъ»,—должность совѣтъ особая, хотя и важная. Я намѣренно отступилъ здѣсь отъ исторіи». (Письмо къ Муррею отъ 12 окт. 1820).

Поправка Байрона основана на одной хроникѣ, цитируемой у Санудо. На самомъ дѣлѣ Бенинтенде де Равиньяни во время суда надъ дожемъ находился не въ Венеціи, а въ Миланѣ. «Коллегія», судившая Марино Фальеро, состояла изъ «совѣтника» Джіованни Мочениго, председателя Совѣта Десяти Джіованни Марчелло, «инквизитора» Луки да Лецце и «авогадора» Оріо Пасквалиго.

Стр. 221.

Ты пораженъ

Въ своихъ словахъ.

Здѣсь опечатка. Слѣдуетъ читать: «Ты *коротокъ*»...

Стр. 223. *Календаро плюетъ на Бертрама.*

«Я знаю, что говорить Фосколо о плевокѣ Календаро на Бертрама: это національно. Итальянцы и французы плюются постоянно и куда попадетъ, чуть вамъ не въ лицо, а потому находятъ, что плевокъ на сценѣ—вещь неподходящая по своей заурядности. Но для насъ, никогда не плюющихъ (развѣ только въ лицо человеку, когда мы разъяримся), плевокъ имѣетъ другое значеніе. Вспомните у Мэссинджеръ: «Я плюю на тебя и на совѣтъ твой!» или у Шекспира: «Плевали вы на мой кафтанъ жидовскій». Впрочемъ, Календаро плюетъ не въ лицо Бертраму, а только по направленію къ нему, какъ мусульмане въ минуту гнѣва плюютъ на землю,—что я самъ видалъ. Съ другой стороны, онъ не чувствуетъ къ Бертраму презрѣнія, хотя и старается выказать его, какъ поступаемъ и всѣ мы, сердясь на человека, котораго мы считаемъ ниже себя. Ему досадно, что ему не удалось умереть такъ, какъ хотѣлось; притомъ, онъ вспоминаетъ, что съ самаго начала подозрѣвалъ и ненавидѣлъ Бертрама. Израэль Бергучіо хладнокровнѣе и сосредоточеннѣе; онъ дѣйствуетъ по *принципу* и подъ вліяніемъ побужденія, а Календаро—подъ вліяніемъ *нубужденія*

и чужого примѣра. Вотъ вамъ и аргументъ. Дождъ *повторяется*,—это правда, но это происходитъ отъ усиленія страсти и оттого, что онъ видитъ передъ собою *разныхъ* лицъ, а стало быть, долженъ постоянно возвращаться къ причинѣ своего поступка. «Его рѣчи длинны»,—и это правда; но я писалъ для *чтенія*, а не для сцены, и по образцамъ скорѣе итальянскимъ и французскимъ, чѣмъ по вашимъ, о которыхъ я не особенно высокаго мнѣнія; да и всѣ ваши старинные драматурги также очень длинны: загляните въ любого изъ нихъ. (Письмо къ Муррею отъ 8 окт. 1820).

Стр. 225.

*Я самъ тогда сравниться бы могъ
съ Геллономъ
Или славнымъ Тразибулломъ.*

Гелонъ, тираннъ Сиракузскій V в. до Р. Х., уважался въ потомствѣ за свои доблести и благодѣянія народу. Тразибулъ, сынъ Лика, афинскій полководецъ IV в. до Р. Х., былъ постояннымъ и успѣшнымъ поборникомъ демократіи.

Стр. 227. *Входитъ Анджіолина.*

«Эта драма, отличающаяся тѣмъ необычнымъ для современныхъ пьесъ качествомъ, что въ ней вовсе нѣтъ эпизодическихъ отступленій, быстро идетъ къ развязкѣ. Суровое рѣшеніе деспотической аристократіи не терпитъ отлагательства. На милость нѣтъ никакой надежды,—да никто и не проситъ ея, и не помышляетъ о ней. Даже плебеи-заговорщики являются здѣсь гордыми венеціанцами: они не боятся приближенія смерти и не трепещутъ при наступленіи своей послѣдней минуты. Что касается самого дожа, то онъ держитъ себя такъ, какъ прилично старому воителю и глубоко оскорбленному государю. И вотъ, въ минуту, непосредственно предшествующую произнесенію приговора, въ судъ является лицо, отъ котораго всего менѣе можно было бы ожидать спартанской твердости духа. Это—Анджіолина. Она, правда, обращается къ непреклонному сенату съ горячей мольбой о пощаду ея мужа, но тотчасъ же, увидѣвъ, что всѣ мольбы напрасны, овладѣваетъ собою и, обращаясь къ дожу, спокойно стоящему у судейскаго стола, говоритъ ему слова, достойныя его и себя. Совершенно неожиданнымъ и прекраснымъ эффектомъ является обращеніе молодого патриція, прерывающаго ихъ разговоръ». (Локартъ).

Стр. 229.

*Видь люди есть презрѣнныя червей,
Клубящихся въ могилахъ.*

«Догаресса ведетъ себя формально и холодно, не обнаруживая даже и такой любви къ своему старому мужу, какую ребенокъ можетъ питать къ родителю или питомецъ—къ своему воспитателю. Даже въ этой своей рѣчи, самой длинной и самой лучшей, въ наиболѣе трогательный моментъ катастрофы, она въ состояніи читать нравоученія, съ педантизмомъ, особенно неестественнымъ въ женщинѣ при подобныхъ обстоятельствахъ,—разсуждать о львѣ и комарѣ, объ Ахиллѣ, Еленѣ, Лукреціи, объ осадѣ Клузія, о Каллигулѣ и Персеполисѣ! Стихи эти сами по себѣ очень хороши, но лучше было бы, если бы ихъ произнесъ Бенинтенде въ видѣ надгробной рѣчи надъ тѣломъ дожа, а еще лучше было бы, если бы они были сказаны судомъ во время преній: тамъ они были бы совершенно на своемъ мѣстѣ. Но женщина едва ли можетъ произносить подобныя длинныя рѣчи въ минуту тяжкаго горя, да и вообще человекъ глубоко огорченный едва ли въ состояніи такъ краснорѣчиво излагать философскія

возвращенія, подкрѣпляя ихъ старательно приписываемыми примѣрами изъ древней и новой исторіи...»
(Гибберъ).

Стр. 236.

— Ты дрожишь,
Марино ди Фалгеро?
— Да, дрожу,
Но это—лишь отъ старости.

«Такъ отвѣчалъ парижскій мэръ Байльи французу, обратившемуся къ нему съ такимъ же вопросомъ, когда его везли на казнь, въ началѣ революціи. Теперь послѣ окончанія моей трагедіи, перечитывая въ первый разъ послѣ шестилѣтняго промежутка «Спасенную Венецію», я нахожу тамъ подобный же отвѣтъ Рено, хотя при другихъ обстоятельствахъ, и нѣкоторыя другія совпаденія, объясняемые сходствомъ сюжетовъ. Едва ли нужно пояснять благосклонному читателю, что подобныя совпаденія—дѣло случая, тѣмъ болѣе, что ихъ такъ легко указать, говоря о пьесѣ, столь популярной и въ чтеніи, и на сценѣ, какъ прекрасное произведеніе Отвѣя».

(Прим. Байрона).

Стр. 237. Склонитъ низко
Покорную главу передъ дружицъ
Антилой, незаконнымъ.

«Отвѣчая посланникамъ венеціанскаго сената, въ апрѣлѣ 1797 г., Наполеонъ грозилъ «поступить съ Венеціей, какъ Аттила». «Если вы не можете обезоружить ваше населеніе,—сказалъ онъ,—такъ и сдѣлаю это вмѣсто васъ. Ваше правительство обѣщало, его надо разбить въ куски». См. Вальтеръ Скотта, Жизнь Наполеона Бонапартѣ (1828)».

Продается низко
Венеція, и будутъ всѣ за это
Ее же презирать.

«Если эта драматическая картина покажется слишкомъ рѣзкой, то пусть читатель заглянетъ въ исторію того періода, о которомъ идетъ рѣчь въ этомъ пророчествѣ, или, лучше,—въ исторію нѣсколькихъ лѣтъ, предшествовавшихъ этому періоду. Вольтеръ, основываясь на источникахъ, которыхъ я не знаю, опредѣлялъ число венеціанскихъ «bene merite meretrici» въ 12.000 регулярныхъ, не считая добровольныхъ и мѣстной милиціи; можетъ быть, это — единственная часть населенія, которая не уменьшилась. Нѣкогда въ Венеціи было 200 тысячъ жителей; теперь ихъ считается около 90 тысячъ,—и что это за народъ! Немногіе могутъ представить себѣ и никто не можетъ описать того состоянія, въ какое этотъ злополучный городъ приведенъ адской тираніей австрійцевъ. Впрочемъ, посреди нынѣшняго упадка и вырожденія Венеціи подъ властью варваровъ можно отмѣтить нѣсколько единичныхъ исключеній, внушающихъ уваженіе. Такъ, у нихъ есть Пасквалино,—последній и—увы! посмертный сынъ отъ брака дожей съ Адриатикой: въ достопамятномъ сраженіи при Лиссѣ онъ съ своимъ фрегатомъ сражался несравненно храбрѣе своихъ союзниковъ-французовъ. Я вернулся въ Англію на военномъ кораблѣ съ призами въ 1811 году и помню, какъ сэръ Вильямъ Гостъ и другіе офицеры, участвовавшіе въ этой славной битвѣ, съ величайшимъ уваженіемъ отзывались о поведеніи Пасквалино. Затѣмъ, у нихъ есть аббатъ Морелли, есть Альвизи Кверини, который, послѣ долгой и славной дипломатической службы, находитъ среди бѣдствій своей родины нѣкоторое утѣшеніе въ литературныхъ занятіяхъ, вмѣстѣ съ своимъ племянникомъ, Витторе Бендзономъ, сыномъ знаменитой красавицы,

героини повѣсти «La Biondina in Gondoletta». Есть патрицій-поэтъ Морозини и другой поэтъ—Ламберти, авторъ «Biondina», и еще нѣсколько другихъ не менѣе уважаемыхъ именъ; со стороны англичанъ въ особенности заслуживаетъ уваженія г-жа Микелли, переводчица Шекспира. Затѣмъ можно назвать молодого Давдоло, импровизатора Каррера и Джузеппе Альбрицци, прекраснаго сына прекрасной матери. Наконецъ, у нихъ есть еще Альетти, и если бы даже никого не было, то все-таки остается безсмертный Канова. Я не считаю такихъ именъ, какъ Чиконьяра, Мустоксити, Букаччи и пр., потому что одинъ—грекъ, а другіе родились по крайней мѣрѣ за сотню миль отъ Венеціи, что повсюду въ Италіи означаетъ если не иностранца, то по крайней мѣрѣ «чужанина» (forestiere)». (Прим. Байрона).

Стр. 238.

Гуны будутъ
Хозяиничать въ стѣнахъ, жида—въ палатахъ.

«Главные дворцы Бренты принадлежать въ настоящее время евреямъ, которымъ въ старое время республики дозволялось жить только въ Местре, а въ Венецію ихъ совсѣмъ не пускали. Вся торговля находилась въ рукахъ евреевъ и грековъ, а гуны составляютъ гарнизонъ». (Прим. Байрона). «Гунами» Байронъ называетъ венгерцевъ.

Заискивать и ползать передъ грубымъ
Намѣстникомъ-солдатомъ.

Наполеонъ былъ коронованъ, какъ король Италіи, 3 мая 1805 г. Венеція была уступлена Австріи 26 декабря 1805 г., и вскорѣ послѣ того Евгений Богарнэ былъ назначенъ вице-королемъ Италіи, съ титуломъ принца Венеціанскаго. Въ подлинникѣ Байронъ называетъ намѣстника—«вице-управляющимъ вице-короля» (Vice-King's Vice-gerent), считая, такимъ образомъ, Наполеона только подобіемъ настоящихъ королей; притомъ здѣсь есть и игра словъ, такъ какъ подъ наименованіемъ «Vice» («Порокъ») въ старинныхъ англійскихъ мистеріяхъ выступалъ Отецъ Грѣха, дьяволъ.

... развратъ
Наружнаго лишь блеска, грѣхъ безъ вида
Хотя бы даже въ мнѣніи любви...

См. Приложение, прим. В.
... сознанье
Ничтожество, безъ силъ его исправить.

«Если пророчество дожа покажется замѣчательнымъ, обратите вниманіе на слѣдующее предсказаніе, сдѣланное Аламани 270 лѣтъ тому назадъ: «Есть одно очень замѣчательное пророчество относительно Венеціи. «Если ты не переимѣнишь своего нрава», гласитъ оно, обращаясь къ этой гордой республикѣ, «то твоя свобода, которая уже и теперь на отлетѣ, не просуществуетъ больше сотни лѣтъ послѣ тысячнаго года». Если мы станемъ считать за начало венеціанской свободы установленіе того правительства, при которомъ республика достигла процвѣтанія, то мы найдемъ, что первый дожъ былъ избранъ въ 697 г.; прибавивъ къ этому году 1100 лѣтъ, увидимъ, что пророчество имѣетъ буквально слѣдующій смыслъ: «Твоя свобода не просуществуетъ далѣе 1797 года». Припомните теперь, что Венеція перестала быть свободною въ 1796 г., въ пятый годъ Французской республики,—и вы увидите, что ни одно предсказаніе съ такою точностью не было оправдано событіями. Такимъ образомъ, эти три строчки Аламани, обращенныя къ Венеціи, являются очень замѣчательными; однако, до сихъ поръ на нихъ еще никто не обратилъ вниманія.

ПРИМѢЧАНІЯ КО ВТОРОМУ ТОМУ.

Se non cangi pensier', l'un secol solo
Non conterà sopra l'millesimo anno
Tua libertà, che va fuggendo a volo. (*Sat.*, XII,
ed. 1531).

Многія пророчества принимались какъ тако-
выя, и многіе люди пріобрѣтали славу пророковъ за
вещи, гораздо менѣе знаменательныя. *P. L. Gin-
guenè*, *Hist. Litt. d'Italie*, IX, 144 (Р. 1819).» *Прим.
Байрона*).

*Вертепъ тирановъ,
Упившихся невинной кровью дожей.*

«Изъ числа первыхъ пятидесяти дожей *пять*
отрелись отъ своей власти, *пять* были ослѣплены
и изгнаны, *пять* убиты и *десять* низложены; та-
кимъ образомъ 19 изъ 50-ти были насильственно
лишены престола, не считая двоихъ, павшихъ въ
сраженіяхъ. Все это случилось задолго до царство-
ванія Марино Фальеро. Одинъ изъ ближайшихъ его
продшественниковъ, Андреа Дандоло, умеръ съ горя.
Самъ Марино Фальеро погибъ, какъ изложено въ
песнѣ. Одинъ изъ его преемниковъ, Фоскари, былъ
свидѣтелемъ того, какъ его сынъ былъ нѣсколько
разъ подвергнутъ пыткамъ и затѣмъ изгнанъ; онъ былъ
низложенъ и умеръ, перерѣзавъ себя жилю, когда
услышалъ звонъ колоколовъ св. Марка, возвѣщав-
шій объ избраніи новаго дожа. Мороззни былъ пре-
данъ суду за утрату Кандіи; но это произошло ранѣе
его избранія въ дожи; а во время своего управ-
ленія онъ завоевалъ Морею и получилъ наимено-
ваніе «Целопопнезскаго». Фальеро имѣлъ право на-
звать Венецію «вертепомъ тирановъ, упившихся
кровью дожей». (*Прим. Байрона*).

*Тебя
Я предаю, со всѣмъ твоимъ отродьемъ,
Проклятью адскихъ силъ!*

«Надо признать, что дожъ переноситъ свои зло-
ключенія съ терпѣніемъ, которое можно было бы
назвать еще болѣе геройскимъ, если бы онъ былъ
менѣе многословенъ. Возможно, что осужденный
могъ припомнить свою ссору съ епископомъ Тре-
визскимъ и дурное предзнаменованіе при своей вы-
садкѣ въ Венецію. Но не много найдется такихъ
осужденныхъ, которые въ послѣдніи и короткія ми-
нуты свиданія съ любимой женой стали бы тратить
такъ много времени на разсказываніе анекдотовъ о
самихъ себѣ; а всего менѣе можно было ожидать
этого отъ такого человѣка, горделивый характеръ
котораго побуждаетъ его ускорить развязку. То же
самое замѣчаніе примѣнимо и къ его пророчеству
о грядущей судьбѣ Венеціи. Правда, языкъ и образы
этого пророчества чрезвычайно энергичны и про-
изводятъ сильное впечатлѣніе; но мы не можемъ
видѣть въ немъ ничего драматическаго и ничего
характернаго. Подобныя предсказанія *post factum*
вообще являются очень дешевымъ поэтическимъ
эффектомъ; а при изображаемыхъ въ трагедіи обстоя-
тельствахъ присутствующихъ едва ли могли выслуши-
вать терпѣливо и безъ раздраженія такую длинную
рѣчь...» (*Гибберъ*).

Стр. 239. *Вонъ голова въ крови
Скатилась внизъ по Лѣстницѣ Гигантовъ.*

«Въ «*Марино Фальеро*» нѣтъ привлекательнаго
изображенія страстей, нѣтъ правдоподобія, нѣтъ
глубины и разнообразія; она возмущаетъ насъ край-
нею несоразмѣрностью полученнаго дожемъ оскорбле-
нія съ его кроваватою местию. Какъ поэтическое
произведеніе, эта пьеса хотя и заключаетъ въ себѣ
отдѣльныя мѣста очень сильныя и высокія, но въ
общемъ страдаетъ недостаткомъ изящества и лег-
кости. Декламация въ ней нерѣдко тяжела и запу-

тана, стихамъ недостаетъ пріятности и эластично-
сти. Вообще, она слишкомъ многословна, а иногда
и крайне темна. Она производитъ впечатлѣніе вещи,
написанной какъ бы нехотя, а не вылившейся, въ
порывѣ вдохновенія, отъ полноты сердца или воз-
бужденной фантазіи; это—претенціозное произве-
деніе могучаго ума, обременившаго себя неподхо-
дящей задачей, а не свободное изліаніе сильнаго
поэтическаго таланта. Все здѣсь является плодомъ
видимаго и намѣреннаго усилія; авторъ часто вдается
въ преувелченія и замѣняетъ краснорѣчіе обы-
чными риторическими приемами декламации. Байронъ,
безъ сомнѣнія, поэтъ первостепенный, и его талантъ
можетъ достигнуть въ драмѣ высокой степени со-
вершенства. Но ему не слѣдуетъ пренебрегать лю-
бовью, честолюбіемъ и ревностью, какъ драматиче-
скими мотивами, не слѣдуетъ вмѣсто того, что пред-
ставляется вполне естественнымъ и интереснымъ,
выбирать странное и необычное, и ожидать, что ему
удастся путемъ всевозможныхъ преувелченій при-
влечь наше сочувствіе къ безсмысленной раздражи-
тельности старика и къ жеманству неприступной
женщины. Должно было дѣйствовать на наше во-
ображеніе картиною сильныхъ и естественныхъ
страстей, которыя въ болѣе или менѣе сте-
пени свойственны всѣмъ людямъ и съ помощью ко-
торыхъ драматическая муза до сихъ поръ только и
могла творить чудеса». (*Джеффри*).

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Примѣчаніе А.

Слѣдующимъ переводомъ изъ старинной хро-
ники я обязанъ г. Фр. Когену *, и надѣюсь, что
читатель поблагодаритъ его за переводъ, который
я самъ, несмотря на нѣсколько лѣтъ, проведен-
ныхъ въ обществѣ итальянцевъ, не могъ бы выпол-
нить съ такою точностью и изяществомъ.

Исторія Марино Фальеро, XLIX дожа. 1354.

Въ одиннадцатый день сентября, лѣта отъ ро-
жденія Спасителя 1354, Марино Фальеро былъ из-
бранъ и поставленъ дожемъ Венеціанской респуб-
лики. Онъ былъ графомъ Вальдемаринскимъ, мар-
кизомъ Тревизскимъ и рыцаремъ, а сверхъ того — и
богатымъ человѣкомъ. Какъ только состоялось из-
браніе, Великимъ Совѣтомъ тотчасъ же было рѣ-
шено отправить депутацію изъ двѣнадцати человѣкъ
къ дожу Марино Фальеро, находившемуся въ ту
пору на пути въ Римъ, такъ какъ во время своего
избранія онъ былъ посломъ при дворѣ Святѣйшаго
Отца въ Римѣ, а самъ Святѣйшій Отецъ съ своимъ
дворомъ находился въ Авиньонѣ. Когда мессеръ
Марино Фальеро дожъ приближался уже къ Венеціи,
въ 5-й день октября 1354 года, воздухъ былъ омра-
ченъ густымъ туманомъ, такъ что ему пришлось при-
стать и высадиться на площади св. Марка, между
двумя колоннами, на томъ мѣстѣ, гдѣ казнили зло-
дѣевъ; и это было всѣмъ принято за весьма дурное
предзнаменованіе. Не забуду также записать здѣсь,
что я вычиталъ въ одной хроникѣ. Когда мессеръ
Марино Фальеро былъ подестою и Тревизскимъ
правителемъ, однажды, во время крестнаго хода,
епископъ замѣшкался выйти съ св. Дарамъ Тогда

*) Френсисъ Когенъ, впоследствии — сэръ Френ-
сисъ Пальгрэвъ (1788—1861), авторъ сочиненій:
«Происхожденіе и развитіе англійской конституціи»,
«Исторія англо-саксовъ», и пр.

сказанный Марино Фальеро объявился столь надменным и яростным, что ударил епископа и чуть не свалил его на землю. Потому-то Небо и попустило, чтобы Марино Фальеро потерял свой здравый ум и сам привел себя къ злой кончинѣ.

Этотъ дожъ, исполняя свою должность въ теченіе девяти мѣсяцевъ и шести дней, и будучи злымъ и честолюбивымъ, задумалъ сдѣлаться властителемъ Венеціи,—слѣдующимъ образомъ, какъ я прочелъ въ старинной хроникѣ. Когда наступилъ четвергъ, въ который назначенъ былъ бой быковъ, оный бой быковъ совершился, какъ обыкновенно; и, по обычаю того времени, по окончаніи боя быковъ всѣ пошли во дворецъ дожа и собрались тамъ въ одной изъ залъ, и стали развлекаться женщинами, и до перваго удара въ колоколъ танцовали, а затѣмъ былъ накрытъ столъ. Дожъ заплатилъ всѣ расходы по устройству этого банкета, такъ какъ у него была супруга. А послѣ банкета всѣ разошлись по своимъ домамъ.

На этотъ праздникъ явился вѣкій господинъ Микеле Стено, дворянинъ бѣднаго состоянія и весьма молодой, но ловкій и отважный, который былъ влюбленъ въ одну изъ придворныхъ дамъ догарессы. Сэръ Микеле стоялъ съ дамами на балконѣ и велъ себя непристойно, такъ что дожъ приказалъ столкнуть его съ балкона, что и было исполнено его тѣлохранителями. Сэръ Микеле не могъ перенести такого оскорбленія, и когда празднество окончилось, и всѣ ушли изъ дворца, онъ, терзаемый злобой, пробрался въ залу аудіенцій и написалъ нѣсколько безстыдныхъ словъ касательно дожа и догарессы на креслѣ, на которое дожъ обыкновенно садился, або въ ту пору дожъ не покрывалъ своего трона пурпуромъ, а сидѣлъ на деревянномъ креслѣ. На этомъ-то креслѣ сэръ Микеле написалъ: «Марино Фальеръ, мужъ красавицы-жены; другіе ее цѣлуютъ, а онъ ее держитъ» *). На утро эти слова были замѣчены, и дѣло признано было весьма позорнымъ, такъ что сенатъ приказалъ адвокатамъ республики приступить къ слѣдствію съ величайшимъ усердіемъ стараться узнать, кѣмъ написаны были эти слова, и, наконецъ, допытались, что ихъ написалъ Микеле Стено. Въ Совѣтѣ Сорока рѣшено было его арестовать, и тогда онъ сознался, что дѣйствительно написалъ эти слова, съ досады и злобы, причиненныхъ ему тѣмъ, что его столкнули съ балкона въ присутствіи его возлюбленной. И Совѣтъ принялъ въ соображеніе его молодость и его любовь, и потому приговорилъ его къ содержанію въ тюрьмѣ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, а затѣмъ къ изгнанію изъ Венеціи и изъ венеціанскихъ владѣній въ теченіе одного года. Столь милостивый приговоръ чрезвычайно разгнѣвалъ дожа: ему показалось, что Совѣтъ поступилъ не такъ, какъ бы слѣдовало поступить изъ уваженія къ достоинству дожа; онъ говорилъ, что сэра Микеле надлежало бы присудить къ повѣшенію за шею или по крайней мѣрѣ къ вѣчному изгнанію.

Судьбѣ угодно было, чтобы дожъ Марино сложилъ свою голову на плахѣ. А такъ какъ произведенію всякаго дѣйствія необходимо должно предшествовать обнаруженіе его причины, то и случилось, что въ тотъ самый день, когда былъ произнесенъ приговоръ надъ сэромъ Микеле Стено,—а это былъ первый день Великаго Поста,—одинъ дворянинъ изъ дома Барбаро, очень вспыльчивый господинъ, явился въ арсеналъ и сталъ чего-то требовать у ко-

рабельныхъ мастеровъ. Это произошло въ присутствіи арсенальнаго адмирала, а тотъ, услыша требованіе, отвѣчалъ: «Нѣтъ, этого сдѣлать нельзя». Между дворяниномъ и адмираломъ произошла ссора и дворянинъ ударилъ его кулакомъ прямо надъ глазомъ; а такъ какъ на пальцѣ у него было кольцо, то кольцо это оцарапало адмирала до крови. Побитый и окровавленный адмиралъ побѣжалъ прямо къ дожу жаловаться и просилъ его строго наказать этого дворянина изъ дома Барбаро. «Что же я могу для тебя сдѣлать?» отвѣчалъ ему дожъ: «подумай о той позорной надписи, которая была написана обо мнѣ, да подумай о томъ, какъ за это наказали написавшаго ее мерзавца Микеле Стено,—и ты увидишь, насколько Совѣтъ Сорока уважаетъ мою особу». На сіе адмиралъ отвѣтилъ: «Свѣтлѣйшій дожъ, если бы вы пожелали сдѣлаться государемъ и изрубить всѣхъ этихъ рогоносцевъ-дворянъ въ куски,—я готовъ, если вы только мнѣ поможете, сдѣлать вастъ властителемъ всего этого государства, и тогда вы со всѣми ними расправитесь». Услышавъ сіе, дожъ сказалъ: «Какъ же можно это сдѣлать?»—и они стали разсуждать объ этомъ предметѣ.

Дожъ позвалъ своего племянника, сэра Бертуچیо Фальеро, жившаго съ нимъ во дворцѣ, и они начали сговариваться между собою. Не сходя съ мѣста, они послали за Филиппомъ Казендаро, весьма извѣстнымъ морякомъ, и за Бертуچیо Израззо, человекомъ весьма хитрымъ и коварнымъ. Затѣмъ, посоветовавшись другъ съ другомъ, они согласились присоединить къ дѣлу еще нѣсколько другихъ людей; и такимъ образомъ въ теченіе нѣсколькихъ ночей подрядъ сходились у дожа, въ его дворцѣ. Сюда призывались поодиночкѣ слѣдующія лица: Никколо Фаджуоло, Джованни да Корфу, Стефано Фаджоно, Никколо далле Бенде, Никколо Бюондо и Стефано Тривизано. Было рѣшено, что 16 или 17 руководителей будутъ находиться въ разныхъ частяхъ города, каждый—во главѣ отряда въ 40 человекъ, вооруженныхъ и вполне готовыхъ; но эти отряды не должны были знать своего назначенія. Въ назначенный день здѣсь и тамъ должно было произойти нѣсколько вооруженныхъ стычекъ, для того, чтобы дать дожу поводъ зазвонить въ колокола св. Марка,—ибо въ эти колокола звонили только по приказу дожа. При звонѣ этихъ колоколовъ сказанные 16 или 17 руководителей, съ своими отрядами, должны были придти на площадь св. Марка, по ведущимъ на нее улицамъ. А когда на ту же площадь соберутся и нобили, и знатнѣйшіе граждане, чтобы узнать о причинѣ набата, тогда заговорщики должны были изрубить ихъ въ куски и, покончивъ съ этимъ дѣломъ, провозгласить господина Марино Фальеро государемъ Венеціи. Согласившись обо всемъ этомъ между собою, они порѣшили исполнить свое намѣреніе въ пятницу, въ 15-й день апрѣля, въ 1355 году. Заговоръ сей они составили столь сокровенно, что никто и не догадывался объ ихъ замыслахъ.

Но Господь, всегда помогавшій нашему славному городу и, возлюбивъ его за справедливость и святость, никогда о немъ не забывавшій, внушилъ нѣкоему Бельтрамо Бергамаско явиться причиною раскрытія сего заговора, а именно слѣдующимъ образомъ. Сей Бельтрамо, бывший слугою сэра Никколо Лиони изъ Санто-Стефано, случайно услышалъ нѣсколько словъ о томъ, что должно случиться, и, въ вышеупомянутомъ апрѣлѣ мѣсяцѣ, пришелъ въ домъ сказаннаго Никколо Лиони и разсказалъ ему обо всѣхъ подробностяхъ заговора. Сэръ Никколо, услышавъ обо всемъ этомъ, былъ пораженъ смертельнымъ ужасомъ. Онъ узналъ всѣ подробности, и Бельтрамо просилъ его держать все это въ

*) Въ дѣйствительности надпись была короче: «Becco Marin Falier dalla bella muger».

тайнѣ, такъ какъ разсказалъ ему только для того, чтобы онъ, сэръ Никколо, въ ночь на 15-е апрѣля оставался дома и такимъ образомъ спасъ свою жизнь. Но когда Бельтрамо собрался уходить, сэръ Никколо приказалъ своимъ слугамъ схватить его и запретить на ключъ, а самъ отправился въ домъ мессера Джіованни Градениго Назони, того самаго, что въ послѣдствіи сдѣлался дожемъ, а въ ту пору жилъ также въ приходѣ Санта-Стефано, — и разсказалъ ему все. Это дѣло показалось ему чрезвычайно важнымъ, каково оно и было въ дѣйствительности; тогда они вдвоемъ отправились въ домъ сэра Марко Корнаро, жившаго въ приходѣ Санъ-Фелпче, и, переговоривъ съ нимъ, порѣшили всѣ троимъ вернуться назадъ, въ домъ сэра Никколо Ліони, чтобы разспросить сказаннаго Бельтрамо. Допросивъ его и выслушавъ все, что онъ могъ имъ сообщить, они оставили его въ заключеніи, а сами, все трое, пошли въ церковь Санъ-Сальваторе и оттуда послали своихъ людей позвать сенаторовъ, адвокатовъ и главныхъ членовъ Совѣта Десяти и Великаго Совѣта.

Когда всѣ собрались, имъ разсказали всю исторію. Всѣ были смертельно поражены ужасомъ. Рѣшили послать за Бельтрамо. Онъ былъ къ нимъ приведенъ. Они его допросили и убѣдились, что онъ показалъ правду, а потому, хотя и были крайне встревожены, но тотчасъ же рѣшили принять свои мѣры. Они послали за главными членами Совѣта Сорока, за начальниками городской полиціи и стражи и приказали имъ, собравъ надежныхъ людей, пойти въ дома руководителей заговора и захватить ихъ. Они захватили также и начальника арсенала, чтобы лишить заговорщиковъ возможности сдѣлать какую-нибудь попытку. Съ наступленіемъ ночи всѣ они собрались во дворецъ. Собравшись во дворцѣ, они приказали запретить всѣ ворота, послали къ звонарю колокольні и запретили ему звонить въ колокола. Все сказанное было исполнено. Вышеупомянутые заговорщики были схвачены и приведены во дворецъ, а Совѣтъ Десяти, увидѣвъ, что дожъ также принимаетъ участіе въ заговорѣ, рѣшилъ усилить свой составъ двадцатью важнѣйшими въ государствѣ лицами, предоставивъ имъ право совѣтательнаго голоса, но безъ участія въ баллотировкѣ.

Такими совѣтниками явились слѣдующія лица: сэръ Джіованни Мочениго, изъ округа Санъ-Марко; сэръ Альморо Венеріо, изъ Санта-Марини; въ округѣ Кастелло; сэръ Томасо Віадро, изъ Канареджіо; сэръ Джіованни Санудо, изъ Санта-Кроче; сэръ Піетро Травизано, изъ Санъ-Паоло; сэръ Панталіоне Варбо Большой, изъ Оссодура. Адвокатами республики были Цуфредо Морозини и сэръ Оріо Паскаллиго; эти не принимали участія въ баллотировкѣ. Членами Совѣта Десяти были: сэръ Джіованни Марчелло, сэръ Томасо Санудо и сэръ Микелетто Дельфино, стоявшіе во главѣ сказаннаго Совѣта Десяти, сэръ Лука да Ледже и сэръ Піетро да Мосто, инквизиторы сказаннаго Совѣта, а также сэръ Марко Полани, сэръ Маринно Венеріо, сэръ Ландо Ломбардо и сэръ Николетто Тривизано, изъ прихода Санъ-Анджело.

Поздно ночью, передъ самымъ разсвѣтомъ, они избрали Юнту изъ двадцати мудрѣйшихъ, достойнѣйшихъ и старѣйшихъ венеціанскихъ дворянъ. Эти дворяне должны были участвовать въ совѣщаніи, но не въ голосованіи. И это рѣшеніе образовало Юнту. Двадцати было всѣми похваляемо. Членами этой Юнты были слѣдующія лица (*слѣдуютъ имена*).

Эти двадцать человѣкъ были призваны въ засѣданіе Совѣта Десяти. Тогда послано было за господиномъ дожемъ Маринно Фальеро; а господинъ Ма-

рино въ ту пору находился во дворцѣ вмѣстѣ со многими придворными господами, дворянами и прочими знатными людьми, изъ которыхъ никто еще ничего не зналъ.

Въ это же самое время Бертуччіо Израэлло, стоявшій во главѣ заговорщиковъ въ приходѣ Санта-Кроче, былъ схваченъ, связанъ и приведенъ въ Совѣтъ. Были схвачены также Дзанелло дель-Бринъ, Николетто ди Роза, Николетто Альберто и Гвардіага, вмѣстѣ съ нѣсколькими матросами и людьми разнаго званія. Они были допрошены, и существованіе заговора удостовѣрено.

Изъ 16-й донъ апрѣля Совѣтъ Десяти приговорилъ Филиппо Календаро и Бертуччіо Израэлло къ повѣшенію на красныхъ перлахъ дворцоваго балкона, съ котораго дожъ обыкновенно смотрѣлъ на бой быковъ; и они были повѣшены съ заткнутыми рта.

На слѣдующій день были осуждены: Никколо Цуккуоло, Николетто Блондо, Николетто Доро, Марко Джіуда, Якомелло Даголино, Николетто Фиделе, сынъ Филиппо Календаро, Марко Торелло, по прозвищу Израэлло, Стефано Тривизано, мѣняла въ приходѣ Санта Маргерита, и Антоніо далле Бенде. Всѣ они были захвачены въ Кіудже, такъ какъ пытались бѣжать. Въ послѣдствіи, въ силу произнесеннаго надъ ними Совѣтомъ Десяти приговора, они были повѣшены одинъ за другимъ, — кто въ одиночку, а кто по-парно, — на колоннахъ дворца, начпная отъ красныхъ перилъ и дальше къ каналу. Другіе же арестованные были освобождены отъ наказанія, такъ какъ хотя они и были вовлечены въ заговоръ, но не приняли въ немъ участія, ибо руководители увѣрали ихъ, что имъ должно вооружиться для надобностей службы государственной, чтобы захватить нѣкоторыхъ преступниковъ; а болѣе того они ничего не знали. Николетто Альберто, Гвардіага, Бартоломео Чириколо съ сыномъ и нѣсколько другихъ, признанныхъ невинными, были освобождены.

Въ пятницу же, въ 16-й день апрѣля, въ выше-сказанномъ Совѣтѣ Десяти произнесенъ былъ приговоръ, что господиномъ дожъ Маринно Фальеро долженъ быть обезглавленъ, и что эта казнь должна быть совершена на верхней площадкѣ каменной лѣстницы, съ которой дожъ приносятъ присягу при первомъ своемъ вступленіи во дворецъ. На слѣдующій день, 17 апрѣля, ворота дворца были заперты, и дожу отрубили голову, около полудня. А государственная шапка была снята у него съ головы прежде казни. Говорятъ, когда казнь была совершена, одинъ изъ Совѣта Десяти подошелъ къ дворцовымъ колоннамъ у площади св. Марка и показалъ народу окровавленный мечъ, воскликнувъ громкимъ голосомъ: «Страшный приговоръ палъ на измѣнника!» Ворота были растворены, и народъ бросился во дворъ, чтобы посмотреть на тѣло обезглавленнаго дожа.

Слѣдуетъ знать, что сэръ Джіованни Санудо, членъ Совѣта, не присутствовалъ во время произнесенія вышеупомянутаго приговора, ибо былъ нездоровъ и оставался дома. Такимъ образомъ, въ голосованіи участвовало только 14 человѣкъ, а именно — пять совѣтательныхъ членовъ и девять изъ Совѣта Десяти. Постановлено было также, что всѣ земли и владѣнія дожа и прочихъ измѣнниковъ были конфискованы и обращены въ собственность республики. Въ видъ особой милости, Совѣтъ Десяти дозволилъ дожу распорядиться двумя тысячами дукатовъ изъ личнаго его имуществва. Затѣмъ было постановлено, что всѣ совѣтники и всѣ адвокаты республики, а равно члены Совѣта Десяти и Юнты, принимавшіе

участіе въ судѣ надъ дожемъ и прочими измѣнниками, имѣютъ право днемъ и ночью носить оружіе, какъ въ самой Венеціи, такъ и на пространствахъ отъ Градо до Кавандере. Каждому изъ нихъ дозволено было также имѣть двухъ вооруженныхъ телохранителей, которые должны были жить у нихъ въ домахъ и получать отъ нихъ содержаніе. Тотъ же, кто самъ не пожелаетъ держать таковыхъ телохранителей, могъ передать свое право своимъ сыновьямъ или братьямъ,—но только двумъ лицамъ. Дозволеніе носить оружіе было даровано также и четыремъ секретарямъ канцеляріи, то есть Верховнаго Суда, составившимъ протоколы допросовъ (слѣдуютъ имена).

Послѣ повѣшенія измѣнниковъ и обезглавленія дожа въ государствѣ водворились полный миръ и спокойствіе. Какъ я читалъ въ одной хроникѣ, тело дожа отвезено было на баркѣ, съ восемью факелами, въ церковь Санъ Джованни о Паоло и тамъ погребено. Въ настоящее время его могила находится въ среднемъ придѣлѣ небольшой церкви Санта Марія делло-Паче, выстроенной епископомъ Бергамскимъ Габріелемъ. Это—каменная гробница, съ высѣченною на ней надписью: «*Heic jacet Dominus Marinus Faletro Dux*».

Они не дозволили также выставить его портретъ въ залѣ Великаго Совѣта; на томъ мѣстѣ, гдѣ долженъ былъ быть этотъ портретъ, вы читаете лишь слова: «*Hic est locus Marini Faletri, decapitati pro criminibus*». Домъ его, какъ полагаютъ, былъ отданъ церкви св. Апостола; это былъ большой домъ возлѣ моста. Но это едва ли такъ было, или же семья Фальеро опять купила этотъ домъ у церкви,—ибо онъ и до сихъ поръ принадлежитъ этой семьѣ. Я долженъ также прибавить, что нѣкоторые желали, чтобы на томъ мѣстѣ, гдѣ долженъ былъ находиться его портретъ, написаны были слѣдующія слова: «*Marinus Faletro Dux. Temeritas me cepit. Poenas lui, decapitatus pro criminibus*». А другіе сочинили стихи, достойные написанія на его гробницѣ: *Dux Venetum jacet heic, patriam qui prodere tentans, Sceptra, decus, censum perdidit, atque caput.*

Примѣчаніе Б.

Петрарка о заговорѣ Марино Фальеро.

«Молодому дожу Андреа Дандоло наслѣдовалъ старикъ, который поздно всталъ у кормила республики, что не принесло пользы ни ему самому, ни его роднѣ; это былъ Марино Фальеро, человѣкъ, извѣстный мнѣ по старой дружбѣ. Многіе судили о немъ несправедливо, хотя онъ дѣйствительно отличался болѣе мужествомъ, нежели благоразуміемъ. Не довольствуясь положеніемъ перваго лица въ государствѣ, онъ лѣвой ногой вступилъ во дворецъ дожей; вслѣдствіе сего этотъ венеціанскій дожъ, личность котораго во всѣ времена была священна и который издревле былъ почитаемъ какъ нѣкое божество названнаго города, вдругъ оказался обезглавленнымъ въ преддверіи дворца. Я могъ бы многое сказать о причинахъ подобнаго событія, если бы слухи о нихъ не были такъ разнообразны и двусмысленны; впрочемъ, никто его не оправдываетъ, а всѣ утверждаютъ, что онъ желалъ что-то измѣнить въ государственномъ строѣ республики, власть надъ которою онъ получилъ отъ своихъ предшественниковъ. Чего же онъ собственно хотѣлъ? Я полагаю, что онъ уже и такъ получилъ все то,

чего никогда не давали никому другому: вѣдь когда онъ былъ посломъ при папѣ и на берегахъ Роны заключилъ договоръ о мирѣ, который я ранѣе тщетно пытался заключить, ему было предложено званіе дожа, котораго онъ не просилъ и не ожидалъ. Возвратившись въ отечество, онъ сталъ помышлять о томъ, о чемъ ранѣе никогда не помышлялъ,—и пострадалъ такъ, какъ никто прежде него не страдалъ: въ этомъ знаменитѣйшемъ, славнѣйшемъ и прекраснѣйшемъ изъ всѣхъ видѣнныхъ мною городовъ, гдѣ его предки удостоивались величайшихъ почестей и триумфовъ, онъ былъ схваченъ, какъ рабъ, лишенъ знаковъ своего достоинства, обезглавленъ и своею кровью обогрѣлъ преддверіе дворца и мраморныя ступени, такъ часто блиставшія во время торжественныхъ празднествъ или побѣдъ надъ непріятелемъ. Я указалъ мѣсто,—укажу теперь и время: это произошло въ годъ отъ Рождества Христова 1355, апрѣля 18-го дня. Имѣя въ виду законы и обычаи названнаго города и сообразивъ, какая важная перемѣна была предотвращена смертью одного человека (впрочемъ, какъ говорить, еще и нѣкоторые другіе, бывшіе его сообщниками, уже подверглись той же участи, или ожидаютъ ея), мы должны признать, что во всей Италіи въ наше время не произошло событія болѣе важнаго. Можетъ быть, ты ожидаешь моего приговора о немъ? Я оправдываю народъ, если только дать вѣру слухамъ, хотя онъ и могъ бы наказать дожа менѣе сурово и съ болѣею снисходительностью отплатить ему за свое оскорбленіе; но не такъ-то легко укротить справедливое негодованіе, особенно сильно проявляющееся среди многочисленнаго народа, быстро поддающагося гнѣву подъ вліяніемъ тревожныхъ и смутныхъ слуховъ. Я сожалѣю и вмѣстѣ съ тѣмъ негодую на этого злополучнаго человѣка, который, будучи удостоенъ необычныхъ почестей, не знаю чего захотѣлъ подъ конецъ своей жизни; его злополучіе представляется еще болѣе печальнымъ, ибо изъ произнесеннаго надъ нимъ приговора явствуетъ, что онъ былъ не только несчастенъ, но и безуменъ, и что онъ напрасно пользовался въ теченіе столькихъ лѣтъ репутаціей человѣка благоразсудительнаго. Я желаю бы, чтобы дожи, которые будутъ его преемниками, постоянно имѣли этотъ примѣръ передъ глазами, какъ зеркало, въ которомъ они должны видѣть, что они—не государи, а только «дуки», т. е. вожди, и даже не столько вожди, сколько удостоенные почестей слуги республики. Будь здоровъ—и, какъ быни протекали дѣла государственныхъ, постараемся наилучшимъ образомъ устраивать свои частныя дѣла». (*Viaggi di Francesco Petrarca, descritti dal professore Ambrogio Levati, Milano 1820, IV, 323—325*).

Эта выписка изъ латинскаго посланія Петрарки доказываетъ, во-первыхъ, что Марино Фальеро былъ его личнымъ другомъ: поэтъ говоритъ о «старой дружбѣ» съ нимъ; во-вторыхъ,—что Марино Фальеро отличался болѣе мужествомъ, нежели благоразуміемъ; въ-третьихъ,—что Петрарка до нѣкоторой степени ему завидовалъ, такъ какъ онъ говоритъ, что Марино Фальеро заключилъ договоръ, который самъ Петрарка «тщетно старался заключить»; въ-четвертыхъ, что званіе дожа было предложено тогда, когда онъ о немъ «не просилъ и не помышлялъ»; такимъ образомъ, онъ получилъ «то, чего никогда не давали никому другому»,—доказательство того высокаго уваженія, какимъ онъ пользовался; въ-пятыхъ, что Марино имѣлъ репутацію человѣка благоразумнаго, которая была скомпрометирована только его послѣднимъ предпріятіемъ. Трудно, однако, допустить, чтобы такую репутацію онъ пользовался въ продолженіи всей своей жизни

«напрасно»; люди, обыкновенно, успѣваютъ обнару-
жить всѣ свои качества равнѣ достиженія 80-лѣт-
няго возраста, особенно же—въ республикахъ. Изъ
этихъ и другихъ собранныхъ мною историческихъ
примѣчаній можно заключить, что Марино Фальеро
обладалъ многими качествами героя, за исключе-
ніемъ только удачи, и что онъ отличался слишкомъ
пылкими страстями. Жалкое и невѣжественное
мнѣніе д-ра Мура оказывается лишеннымъ всякаго
основанія. Петрарка говоритъ, что въ его время въ
Италіи не случилось болѣе важнаго событія. Онъ
расходится также съ другими историками, говоря,
что Фальеро былъ «на берегахъ Роны», а не въ
Римѣ, въ то время, когда его избрали дожемъ; дру-
гіе же говорятъ, что депутація отъ венеціанскаго
сената встрѣтила его въ Равеннѣ. Не мое дѣло
рѣшать, какъ это произошло въ дѣйствительности,
да это и не важно. Если бы его попытка удалась,
онъ измѣнилъ бы политическій строй Венеціи, а
можетъ быть—и всей Италіи. А каковъ этотъ строй
въ настоящее время?

Примѣчаніе В.

Венеціанское общество и его нравы.

... развратъ
Наружнаго лишь блеска, грѣхъ безъ вида
Хотя бы даже внѣшняго любви и пр.
(стр. 238).

«Къ этимъ нападкамъ, которыя такъ часто по-
вторяются правительствомъ противъ духовенства,—
къ постоянной борьбѣ между различными обществен-
ными группами,—къ попыткамъ массы дворянства
дѣйствовать противъ лицъ, облеченныхъ властью,—
ко всѣмъ этимъ проектамъ нововведеній, которыя
всегда означивались побѣдою государственной по-
лиціи, мы должны присоединить еще одно обстоя-
тельство, которое побуждаетъ насъ съ неодобреніемъ
относиться къ ученіямъ стараго времени, а именно—
слишкомъ сильную распушенность нравовъ.

«Та свобода отношеній, въ которой издавна ви-
дѣли главную прелесть венеціанскаго общества,
обратилась въ скандальную развращенность; узмы
брака въ этой католической странѣ стали считаться
менѣе священными, нежели у народовъ, законы и
религія которыхъ допускаютъ расторженіе этихъ узъ.
Не будучи въ состояніи нарушить брачный договоръ,
они начали вести себя такъ, какъ будто этого до-
говора вовсе не существовало, и подобное отпича-
ніе брака, нескромно заявляемое самими супругами,
легко допускалось столь же развращенными судьями
и священниками. Эти разводы, подъ другимъ на-
именованіемъ, сдѣлались столь обычными, что лишь
въ исключительныхъ случаяхъ являлись поводомъ
къ судебной отвѣтственности и полиція считала
своею обязанностью устранять публичный скандалъ,
вызываемый подобнымъ поведеніемъ. Въ 1782 г.
Совѣтъ Десяти постановилъ, что всякая женщина,
возбуждая искъ о расторженіи своего брака, должна
быть въ ожиданіи судебного рѣшенія заключаема въ
монастырь, по назначенію суда *). И скорѣе затѣмъ
тотъ же Совѣтъ подчинилъ всѣ дѣла этого рода
своей юрисдикціи **). Такое нарушеніе правъ цер-
ковнаго суда вызвало протестъ со стороны Рима;

*) Переписка французскаго повѣреннаго въ дѣ-
лахъ. г. Шлика. Депеша отъ 24 августа 1782 г.

**) Тамъ же. Депеша отъ 31 августа.

тогда Совѣтъ сохранилъ за собою только право от-
каза въ прошеніяхъ лицъ, находящихся въ супру-
жествѣ и согласился передавать этого рода дѣла на
уваженіе Святѣйшаго Престола, какъ бы не разрѣ-
шенные по существу *).

«Настало время, когда разореніе частныхъ лицъ,
упадокъ нравственности среди молодежи, семейные
раздоры, вызываемые подобными злоупотребленіями,
наконецъ, побудили правительство отступить отъ из-
давна усвоенныхъ принциповъ, въ силу которыхъ
подданнымъ дозволялась свобода личнаго поведенія.
Всѣ непотребныя женщины были изгнаны изъ Ве-
неціи; но ихъ изгнаніе не вернуло къ добрымъ нра-
вамъ народъ, уже погрязшій въ позорѣйшемъ раз-
вратѣ. Этотъ развратъ проникъ въ нѣдра частныхъ
семей и даже въ монастыри, венеціанцы увидѣли
себя вынужденными призвать обратно и даже воз-
наградить за убытки **), тѣхъ женщинъ, которыя
иногда становились обладательницами важныхъ тайнъ
и которыми можно было съ выгодой пользоваться
для разоренія людей, чье богатство могло оказаться
политически опаснымъ. Съ тѣхъ поръ развратъ сталъ
еще болѣе усиливаться, и мы видѣли матерей, ко-
торыя не только торговали невинностью своихъ до-
черей, но продавали эту невинность по фомаль-
ному договору, засвидѣтельствованному государ-
ственнымъ чиновникомъ, слѣдовательно,—подъ по-
кровительствомъ законовъ ***).

«Пріемныя аристократическихъ женскихъ мо-
настырей и дома непотребныхъ женщинъ сдѣлались
для венеціанскаго общества единственными мѣстами
собраній, несмотря на то, что полиція заботливо
окутывала эти мѣста шпионами; въ этихъ мѣстахъ,
которыя, повидимому, должны были рѣзко отличаться
другъ отъ друга, господствовала одинаковая свобода
обращенія. Музыка, угощенія, любовныя ухаживанія
такъ же мало запрещались въ монастырскихъ прие-
мныхъ, какъ и въ казино. Последнія существовали
во множествѣ и служили главнымъ образомъ для
игры. Странно было видѣть здѣсь особъ обоого пола,
въ маскахъ или въ важномъ судейскомъ облаченіи,
сидящими вокругъ игорнаго стола, гоняясь за фор-
туной и безмолвно выражая то глубокое отчаяніе
при неудачѣ, то радость и надежду при удачѣ.

«У богатыхъ людей были свои собственныя ка-
зино, посѣщаемыя ими инкогнито; а ихъ жены, по-
кидаемыя въ одиночествѣ, находили себѣ утѣху въ
той свободѣ, которою онѣ безпрепятственно могли
пользоваться. Распушенность нравовъ лишила этихъ
знатныхъ людей всякой власти. Мы пересмотрѣли
всю исторію Венеціи—и ни разу не замѣтили, чтобы
эти люди оказали на нее хоть малѣйшее вліяніе». *Daru, Histoire de la République de Venise, P. 1821. V, 328—332.*

Авторъ «Описательныхъ очерковъ Италіи» (1820)
и пр.—одного изъ сотни изданныхъ въ послѣднее
время путешествій,—крайне озабоченъ тѣмъ, чтобы

*) Тамъ же. Депеша отъ 3 сентября 1785 г.

**) Декретъ объ ихъ возвращеніи называетъ ихъ
nostre beneficente meretrici. Имъ былъ ассигнованъ
особый фондъ и нѣсколько домовъ, называвшихся
Case gampane; отсюда происходитъ позорная кличка
Gampane.

(Позднѣйшіе писатели опровергаютъ это пока-
заніе Дарю и приводятъ рядъ постановленій вене-
ціанскаго правительства противъ разврата).

***). Мейеръ, Описаніе Венеціи, т. II, и Архен-
гольцъ, Картина Италіи, т. I, отд. 2, стр. 65—66.

его не обвинили въ плагиатъ изъ *«Чайльд-Гарольда»* и *«Бенно»* (см. т. IV, стр. 159). Онъ прибавляетъ, что совпаденія мнѣній еще менѣе могутъ быть объясняемы «разговоромъ со мною», ибо онъ «нѣсколько разъ уклонялся отъ знакомства со мною, будучи въ Италіи».

Я не знаю, кто этотъ господинъ *), но, должно быть, онъ былъ обманутъ тѣми, кто нѣсколько разъ предлагалъ познакомить его со мною, такъ какъ я неизмѣнно отказывался принимать кого бы то ни было изъ англичанъ, если онъ не былъ знакомъ со мною раньше, хотя бы даже у него и были письма ко мнѣ изъ Англіи. Если слова автора не выдумка, то я прошу его не успокаивать себя мыслью, что онъ могъ со мною познакомиться, ибо я ничего не избѣгалъ такъ заботливо, какъ всякаго рода сношеній съ его соотечественниками, кромѣ весьма немногихъ, долгое время жившихъ въ Венеціи, или тѣхъ, которые были знакомы со мною раньше. Тотъ, кто дѣлалъ ему подобное предложеніе, обладалъ безстыдствомъ, равнымъ тому, какое надо имѣть, чтобы увѣрять въ томъ, чего не бывало. Дѣло въ томъ, что я прихожу въ ужасъ отъ всякаго соприкосновенія съ путешествующими англичанами, что могли бы вполне подтвердить, если бы дѣло того стоило, мой другъ, генеральный консулъ Гоппнеръ, и графиня Бендзонн (салонъ которой въ особенности ими посѣщается). Эти туристы преслѣдовали меня даже въ моихъ поѣздкахъ верхомъ на Лидо и заставляли меня дѣлать самые непріятные объѣзды, только чтобы избѣжать встрѣчи съ ними. Когда г-жа Бендзонн предлагала мнѣ знакомства съ ними, я постоянно отказывался; изъ тысячи подобныхъ предложеній, которыя мнѣ навязывались, я принималъ только два,—и оба относились къ ирландскимъ дамамъ.

Я едва ли снизошелъ бы до печатнаго отвѣта на подобный вздоръ, если бы наглость автора «Очерковъ» не вынудила меня къ опроверженію его нелюбыхъ и нахальныхъ увѣреній,—нахальныхъ потому, что какое дѣло читателю до сообщенія автора, что онъ «постоянно отклонялъ знакомство», даже если бы это была и правда, чего, по причинамъ, выше мною приведеннымъ, и быть не могло. За исключеніемъ лордовъ Лэнсдоуна, Джерси и Лодердала, гг. Скотта, Гаммонда, сэра Гемфри Дэви, покойнаго г. Люиса, В. Банкса, г. Гоппнера, Томаса Мура, лорда Киннэрда, его брата, г. Джоя и г. Робгоуза, я не помню, чтобы я сказалъ хоть одно слово съ какимъ-нибудь англичаниномъ съ тѣхъ поръ, какъ я покинулъ ихъ страну; притомъ почти всѣ названныя лица были знакомы со мною раньше. Съ другими,—а Богу извѣстно, сколько сотенъ было такихъ, которые ходили ко мнѣ съ письмами или

*) Въ письмѣ къ Муррею отъ 11 сент. 1820 г. Байронъ писалъ: «Съ послѣдней почтой я послалъ вамъ примѣчаніе, гордое, какъ самъ Фальеро, въ отвѣтъ ничтожному туристу, который увѣрять, что онъ могъ со мною познакомиться». Но въ концѣ мѣсяца, 20 сентября, онъ взялъ свои слова назадъ: «Распечатываю письмо, чтобы прибавить, что, прочитавъ большую часть 4-хъ томовъ объ Италіи (*Sketches descriptive of Italy in the years 1816, 1817, etc., by Miss Jane Waldie*), я замѣтилъ (*hogresco referens!*), что они написаны женщиною! Въ виду этого, вы должны вычеркнуть мое примѣчаніе и отвѣтъ... Я могу только сказать, что мнѣ жалъ, что дама могла наговорить такихъ вещей. Что я сказалъ бы представителю другого пола, вы уже знаете».—Примѣчаніе, однако, явилось въ 1-мъ изд., вышедшемъ 21 апрѣля 1821 г.

съ визитами,—я отказывался отъ всякихъ сношеній, и буду радъ и счастливъ, если это чувство окажется взаимнымъ.

ВИДѢНІЕ СУДА.

Стр. 245. Въ предисловіи Байрона, по недоразумѣнію, неправильно переданы тексты «2-го вопроса». Его слѣдуетъ читать такъ:

«Во 2-хъ, получилъ ли онъ отъ верховнаго суда излюбленной имъ Англіи отказъ въ законномъ удовлетвореніи за незаконное напечатаніе богоулыбительнаго и возмутительнаго сочиненія?»

Дѣло идетъ о поэмѣ Соути «Уотъ Тэйлоръ». Она была написана въ то время, когда ея автору было всего 19 лѣтъ, и онъ былъ еще республиканцемъ. Два книгопродавца обѣщали издать ее, но все не отдавали въ печать и не возвращали рукописи автору. Наконецъ, 22 года спустя, въ 1817 г., поэма неожиданно была издана третьимъ книгопродавцемъ, безъ вѣдома и къ великому неудовольствію Соути, уже успѣвшаго совершенно пережѣнить прежнія свои убѣжденія. Въ короткое время «Уотъ Тэйлоръ» былъ распроданъ въ количествѣ 60.000 экземпляровъ. Тогда Соути обратился къ суду съ ходатайствомъ объ удовлетвореніи за убытки, понесенные имъ вслѣдствіе этой контрафакціи; но лордъ-канцлеръ отказалъ въ этомъ искѣ, основываясь на томъ, что «вознагражденіе не можетъ быть присуждено за сочиненіе, по содержанію своему вредное для общества».

Стихи о цареубійцѣ Мартинѣ—одно изъ юношескихъ стихотвореній Соути, подъ заглавіемъ: «Надпись на дверяхъ комнаты въ Чепстоу-Кэстлѣ, гдѣ тридцать лѣтъ былъ заключенъ цареубійца Генри Мартинъ».

Стр. 246. Ральтеръ Саведжъ Ландоръ (1775—1864), авторъ трагедіи «Графъ Юліанъ», «Воображаемыхъ разговоровъ съ писателями и государственными людьми» и пр., былъ другомъ Соути, несмотря на различіе въ ихъ политическихъ убѣжденіяхъ. Въ 1808 г. онъ на свой счетъ составилъ легионъ добровольцевъ и отправился съ ними въ Испанію сражаться съ Наполеономъ. Послѣ заключенія мира, недовольный политикой Англіи, переселился въ Италію, гдѣ и жилъ до самой смерти.

Стр. 248.

Что онъ вождей обоимъ въ адъ отправилъ.

Наполеонъ умеръ 5 мая 1821 г., двумя днями раньше, чѣмъ Байронъ началъ свое «Видѣніе»; но въ то время поэтъ еще не зналъ объ этомъ событіи.

Былъ первый годъ второй зари свободы.

Георгъ III умеръ 29 января 1820 г., въ ту пору, когда на югѣ Европы почти повсемѣстно началось революціонное движеніе.

Совсѣмъ слѣпой въ безумьи жизнь влачила.

Соути, въ своемъ «Видѣніи суда», говоритъ: *)

Вотъ теперь ты свободенъ! Душа изъ оковъ улетѣла!

Жившій такъ долго во мракѣ душевномъ и мракѣ тѣлесномъ,

Ты воспарилъ въ небеса, въ царство вѣчнаго свѣта и славы!

Столько денегъ съ иніюю зарывалось.

*) Орывки изъ Соути переведены для настоящаго изданія П. О. Морозовымъ.



ГРОБНИЦА ДАНТЕ ВЪ РАВЕННѢ.

У Соути:

Силамъ небеснымъ послушный, взоры поднявъ,
я увидѣлъ
Въ низкомъ и тѣсномъ склепѣ себя, въ усы-
пальницѣ мертвыхъ,
Конихъ повсюду стояли вокругъ съ гербами гроб-
ницы.
Пурпуръ тирійскій блисталъ, не утративъ ярко-
сти красокъ,
И золотые щиты, и шитье потускнѣвъ еще не
успѣли...

Стр. 251.

«Георгій Третій умеръ!» — «Такъ! Ты все же
Скажи мнѣ толкомъ, кто же онъ такой?»

У Соути:

Близъ адамантовыхъ вратъ стоялъ на стражѣ
архангелъ.
«Се—возгласилъ—грядетъ на судъ повелитель
британскій,
Третій Георгій! Внимайте всѣ вы, ангелы неба,
Души грѣшныхъ и праведныхъ! Адъ, выслай
обвиненія!»
Такъ онъ воскликнулъ, и вѣтры вѣщій гласъ
подхватили

И понесли на небо и въ адъ...

Поди, и самъ святой Вареоломей...

Апостолъ Вареоломей проповѣдывалъ сначала
въ Ликаоніи потомъ въ Афинахъ. Тамъ съ него
содрали кожу, а затѣмъ отрубили ему голову.

Стр. 252.

*И съ ней старикъ незрячій и съдой
Съ душою столь же дряхлой и слѣпой.*

У Соути:

Здѣсь я узрѣлъ короля. Стоя на облакѣ легкою,
Къ небу онъ царственный ликъ обратилъ и
къ свѣтлому небу
Очи свои онъ возвелъ и къ небу простеръ свои
длани.

Не просто потъ, а свѣтлый игоръ былъ.

Игоръ—жидкость, замѣняющая кровь въ жилахъ
боговъ.

Стр. 253.

Былъ виденъ Пэрри въ Мельвилльскихъ водахъ.

См. Путешествіе капитана сэра Эдуарда Пэрри,
въ 1819—1820 гг., для отысканія сѣверо-западнаго
прохода.

Бредъ Боба Соути, яркій безъ сомнѣнья.
Ср., напр., у Соути:

Тамъ, на холмѣ возвышаясь, небесный градъ
лучезарный
Яркимъ блистаньемъ далеко сіялъ, и въ воздухѣ
чистомъ
Куполы храмовъ и башни золотомъ дивно го-
рѣли;
Весь онъ былъ окруженъ словно облакомъ нѣжно-
прозрачнымъ;
Облако все трепетало, какъ пламя, тихимъ
сіяньемъ,
И въ переливахъ алмазныхъ лучи цвѣтные
играли...

Стр. 254.

*Гдѣ богословъ берется доказатъ,
Что Іовъ—фактъ.*

См. буквальный переводъ «Книги Іова» съ еврейскаго, Джона Мэсона Гуда. изд. въ Лондонѣ, 1812. Во введеніи къ своему труду авторъ старается доказать, что эта книга имѣетъ біографическій и историческій характеръ, и въ подтвержденіе своего мнѣнія приводитъ множество цитатъ на еврейскомъ и арабскомъ языкахъ.

*У агода въ рай смолкала ихъ вѣчный споръ,
Какъ на судъ восточномъ—у порога.*

«Въ восточныхъ городахъ ворота обыкновенно слу-
жать мѣстомъ публичныхъ правительственныхъ дѣй-
ствій, судебного разбирательства, аудіенцій для
приема иностранныхъ царей или посланниковъ и пр.
Ср. «Второзаконіе», гл. 16, ст. 18: «Судія и внигочіи
поставили себѣ во вѣхъ вратѣхъ твоихъ, да судятъ
людемъ судъ праведный». Отсюда вошло въ упо-
требленіе слово *Порта* для обозначенія констан-
тинопольскаго правительства». (*Кольриджъ*).

Стр. 259.

... тучей стало

Свидѣтелей.

У Соути:

И на порогѣ лазурномъ этого страшнаго круга
Духъ короля одиноко стоялъ. Передъ нимъ—
Вездѣсущій,
Облакомъ свѣтлымъ одѣянъ; за нимъ же былъ
мракъ непроглядный.
Громко труба прозвучала, и ангелъ громко вос-
кликнулъ;
«Со, король явился на судъ! Выходи, обвини-
тель!»
И изъ чернаго облака Демонъ явился на вызовъ.
То былъ духъ-возмутитель его справедливаго
царства,
Видомъ подобный тѣмъ отвратительнымъ по-
ламъ, коихъ
Индія, съ давнихъ временъ посмѣяньемъ слу-
жащая аду,
Чтитъ челоукоубійствомъ и гнусной, жестокою
пыткой.
Врагъ многоглавый, чудовищный, съ множе-
ствомъ лицъ и гортаней,
Ложью наполненныхъ, словно колчаны стрѣлъ
ядовитыхъ.
Онъ появился—и вотъ, раздался мятежные
крики,
Стоны, проклятія, звѣриный вой и змѣя ши-
пѣнье,
И средь безсмысленныхъ звуковъ послышались
возгласы партій:
«Право!» «Свобода!» «Продажность!» «Налог!»
«Война!» «Угнетенье!»

Громко со всѣхъ сторонъ поднялись безумные
вопли ..

Стр. 261.

*Я нахожу наиболее лѣстичнымъ
Избрать двоихъ.*

У Соути:

... Изъ душъ, сокрытыхъ во мракѣ.
Выбралъ онъ двоихъ—зачинщиковъ первыхъ и
главныхъ крамолы,
Имъ повелѣвъ доказать свою вѣрность любя-
мому дѣлу.
Души несчастныя, души преступныя,—гдѣ ваша
дерзость?
Гдѣ вашъ наглый языкъ, гдѣ злобныя, лживыя
рѣчи,
Шутки, насмѣшки, угрозы и ядъ клеветы без-
пощадной?
Гдѣ ваша мнимая преданность «къ дѣлу свя-
тому свободы»?
Души несчастныя, души преступныя! Лотъ, вы
стоите
Здѣсь предъ лицомъ государя, въ сознаніи вины
своей жалкой,
Сами себя осуждая, безмолвно, покрыты позо-
ромъ...

Веселый призракъ, странный и смѣшной.

Въ одной каррикатурѣ Гогарта Уильксъ изобра-
женъ косоглазымъ «болѣе, нежели это дозволяется
джентельмену». Онъ одѣтъ въ длинный сюртукъ, съ
жилетомъ, застегнутымъ до самой шеи, панталоны
до колѣнъ и чулки. Выраженіе лица—насмѣшливое.
Соути описываетъ его такъ:

... Взглянувъ на перваго, сразу
Въ немъ я узналъ безразсудной толпы косо-
го кумира,
Главнаго смуть подстрекателя. Здѣсь же инымъ
предстоялъ онъ.
Онъ, никогда ни стыда, ни страха не вѣдавшій,
нынѣ
Долу склонился челою, и очп, въ коняхъ зло-
раство
Вмѣстѣ съ насмѣшкою наглою сверкало, въ сму-
щеніи поникли.
Нѣтъ оправданія въ томъ, что безъ умысла
злому онъ дѣлу
Вѣрнымъ и ровностнымъ былъ слугою и рабомъ
добровольнымъ,
Духомъ гордыни объять, роковыхъ не предвидя
послѣдствій!
Можетъ ли онъ приводить въ извиненіе одну
свою низость?
Можетъ ли скрыть преступленья свои, въ на-
деждѣ заглядѣть
Язвы гнусной крамолы, на родинѣ имъ возбуж-
денной?
Зло мятежа, недовольства, коварства, что дерзко
онъ сѣялъ
Въ почву родную, какъ зубы лютѣйшаго древлѣ
дракона,
Въ жатву созрѣло—и за моремъ вспыхнули ди-
кія страсти
Адскимъ огнемъ разрушенія священныхъ основъ
государства;
Франція вся всколыхнулась и, бунта кровавое
знамя
Дерзко подъявъ злодѣйствомъ носыланнмъ
міръ осквернила.
Гдѣ жъ тотъ пожаръ остановится?...

Стр. 262.

*Видѣ я его правленье
И ось его парламенты разбилъ.*

ПРИМѢЧАНІЯ КО ВТОРОМУ ТОМУ.

Въ третій разъ избранный въ палату общинъ въ 1774 г., Уильксъ безпрепятственно занялъ свое мѣсто въ парламентѣ и тотчасъ же сталъ добиваться отмены принятыхъ палатою за десять лѣтъ передъ тѣмъ резолюцій, въ которыхъ онъ былъ провозглашенъ нечестивымъ и развратнымъ человекомъ и изгнанъ изъ парламента. Въ маѣ 1782 г. ему удалось привлечь на свою сторону большинство, и предосудительныя для него постановленія были отменены.

Ставъ на землѣ полу-придворнымъ...

Въ 1774 г. Уильксъ былъ избранъ лондонскимъ лордомъ-шеромъ.

Чтобъ зналъ онъ цѣну биллю своему.

Вслѣдствіе покушенія Кида Уэка на короля, въ 1795 г. издано было два закона, извѣстные подъ названіемъ «билля объ измѣнѣ» и «билля о мятежѣ». Первый изъ этихъ биллей былъ попыткой уничтожить свободу печати, а второй—ограничить свободу рѣчи.

Стр. 263.

Звать Юнія!

«Письма Юнія» приписывались не менѣ какъ пятидесяти авторамъ, въ числѣ которыхъ считались: герцогъ Портлендскій, лордъ Джорджъ Сэквилль, сэръ Филиппъ Фрэнсисъ, Эдмундъ Боркъ, Джонъ Доннингъ, лордъ Ашбортонъ, Джонъ Горнъ Тукъ, Югъ Бойдъ, Джорджъ Чамерсъ и др. (см. выше, стр. 242). «Не знаю, что и подумать», писалъ Байронъ въ своемъ дневникѣ 1813 г.: «почему надо думать, что Юнію умеръ? Неужели онъ, пораженный внезапнымъ ударомъ, такъ и не успѣлъ шепнуть потомству своего имени? Вотъ, молъ,—Юнію былъ г. такой-то, похороненъ въ такомъ-то приходѣ; гробокопатели, почините его памятникъ! книгопродавцы, выпустите новое изданіе его писемъ! Да нѣтъ, это невозможно: онъ долженъ быть живъ, и не умереть, не раскрывъ себя. Я его люблю: онъ былъ хорошій ненавистникъ!» Соути такъ изображаетъ Юнія:

Кто же другой сотваришь его по винѣ и мученьямъ,
Такъ же, какъ онъ, приведенный на судъ и такъ же смущенный?
Жилъ пасквилянтъ безымянный, стрѣлы пуская во мракъ,
И безымяннымъ сошелъ онъ во гробъ, на землѣ лишь оставивъ
Язвы зловредныхъ писаній, заразу дурного при-
мѣра.
Маску носилъ онъ при жизни—и нынѣ сталь-
ное забрало
Ликъ его грѣшный навѣкъ отъ очей любопыт-
ныхъ сокрыло.
Молча стоялъ возмутитель и взоръ отвратилъ отъ монарха,
Прямо не смѣя взглянуть, въ сознаньи вины
своей гнусной...

Стр. 265.

Сказалъ онъ Umbra Nominis.

Эпиграфомъ къ «Письмамъ Юнія» поставлены слова: «Stat nominis umbra».

Исчезъ какъ дымъ небесный или звукъ.

У Соути:

«Что жъ вы молчите, негодные?» въ ярости Демонъ воскликнулъ:
«Мните ль стыдомъ сократить безпредѣльныя ваши мученья?
Прочь отсюда, въ зловонный вертепъ!» И, мощ-
ною дланью
Грозно злодѣевъ схвативъ, высоко ихъ поднялъ
и сильнымъ

Взмахомъ швырнулъ далеко въ безысходную сѣрную бездну.

Потъ вамъ урокъ, возмутители! Помните,—ждетъ васъ по смерти

Грозный судъ и расплата за ваши злыя дѣянья!
... лечу надъ Скиддо...

Загородный домъ Соути, на берегу Дорвента близъ горы Скиддо.

Стр. 266.

Non Di, non homines,—продолжи самъ!

... Mediocribus esse poetis

Non homines, non Di, non concessere columnas.
(Horat. Ars Poetica, 372, 373).

Стр. 266.

Здѣсь Пай? Здѣсь Пай? Ведите—уведите!

Король Георгъ III имѣлъ привычку повторять свои слова. Генри Джемсъ Пай (1745—1813) занималъ должность «поэта-лауреата» съ 1790 до своей смерти и былъ въ этомъ званіи предшественникомъ Соути. Ему принадлежатъ поэмы: «Фаррингдонскій холмъ» и «Успѣхи утонченности», а также переводъ извѣстной баллады Бюргера «Ленора». Байронъ упоминаетъ о немъ въ своихъ «Англійскихъ Бардахъ»

Стр. 268.

Я все постигъ... какъ царь Альфонсъ.

«Король Кастильскій Альфонсъ X (1221—1284) усердно занимался астрономіей и, говоря о системѣ Птолемея, замѣтилъ, что если бы Творецъ посоветовался съ нимъ, создавая міръ, то онъ устранилъ бы въ мірозданіи нѣкоторыя нелѣпости» (Прим. Байрона).

Стр. 269.

*Нырнувъ ко дну—въ томъ участъ книгъ его—
Онъ всмѣлъ—какъ самъ.*

«Утопленникъ лежитъ на днѣ, пока не станетъ разгадаться, а затѣмъ всплываетъ, какъ всѣмъ извѣстно». (Прим. Байрона).

«Замѣтка для памяти. Эта поэма была начата 7 мая 1821 г., но въ тотъ же день брошена; вновь начата около 20 сентября того же года и окончена 4 октября». (Байронъ).

Въ изданіи соч. Байрона подъ ред. Э. Г. Кольриджа (IV, 479) напечатанъ слѣдующій отрывокъ изъ дневника Г. С. Робинсона, веденнаго въ Веймарѣ, въ 1829 г.:

«15 августа.—Читалъ Гете «Видѣніе Суда». Онъ смѣялся, какъ ребенокъ; но критическія его замѣчанія ограничивались почти одними только восклицаніями: «Toll! Ganz grob! Himmlisch! Unüber-troffen!» и т. п. Вообще, ему больше всего понравились самыя рѣзкія мѣста. Онъ похвалилъ 9-й куплетъ за ясную, отчетливую картину; 10-й куплетъ онъ даже повторилъ; куплеты 13-й, 14-й и 15-й мнѣ самому очень нравятся, и Гете согласился съ моимъ мнѣніемъ. Куплетъ 24-й онъ призналъ «высокимъ». Характерныя рѣчи Уилькса и Юніуса также очень ему понравились. Байронъ, сказалъ онъ,—самъ многое преувеличилъ; но введеніе, гдѣ говорится о Соути, заставило его смѣяться отъ всего сердца».

«Онъ напѣвалъ несломъ, должно быть, сотый 16 августа.—Лордъ Байронъ, по словамъ Гете, не подражаетъ. Самъ Аріосто не былъ до такой степени дерзокъ (Kess), какъ Байронъ въ «Видѣніи Суда».

СТИХОТВОРЕНИЯ 1816—1823 ГГ.

На бюсть Елены, Кановы.

Напечатано в собрании писем Байрона, 1830 г., а в рукописи помечено: «25 ноября 1816». В письме к Муррею, написанном в тот же день Байрон говорит: «Елена Кановы (бюсть, находящийся в доме графини Альбрици, с которой я знаком), по моему мнению, безусловно—самое совершенное по красоте из всех человеческих произведений; она далеко оставляет за собою все мои понятия о силе человеческого творчества». Бюсть этот был исполнен Кановою в 1814 г. и подарен графиней Альбрици.

Венеция.

Написано 6 декабря 1816 г. Напечатано только в изд. Кольриджа, 1901 г. (IV, 537).

Нѣтъ, бродить ужь какъ бывало...

Находится в письме к Муру от 28 февраля 1817 г. Напечатано в собрании писем, 1830 г.

На Сэма Роджерса.

Написано в 1818 г., а напечатано в журнале «Fraser's Magazine» 1833 г., янв.

Лэди Блессингтон говорила Крэббу Робинсону, что напечатание этого стихотворения «убьет Роджерса». Происхождение его объясняется следующим образом: Муръ или Меррей сказали Байрону, что Роджерс не знает, следует ли ему хвалить или порицать его в своей поэме «Человеческая жизнь», которую он теперь заканчивает; с другой стороны, Байрон слышал, что Роджерс был виновником или распространителем скандальных слухов, которые ходили о поэте в «перешептывающемся обществе». Поэт имел основание верить, что о нем все толкуют, и искал случая «поймать и наказать» одного из выдающихся сплетников. В этом смысле он и написал Муррею, 20 февраля 1818 г.: «То, что вы сообщаете мне о Роджерсе, на него похоже. Он не может отрицать, что я был ему искренним другом до тех пор, пока черная желчь не стала слишком замѣтно просачиваться из его печени. Теперь, если я его поймал на какой-нибудь штуке со мной или с близкими мне людьми,—пусть бережется, потому что если я его пошажу, так вы можете записать меня в несправимые добряки; чѣм больше я в нем разочаровался, чѣм больше я когда-то был к нему близок,—я говорю не об его ничтожной дружбе (на что мне она?), а об его добром расположении, которое я действительно старался заслужить, считая его тогда славным малым,—тѣм сильнее я отплачу ему; так вот, если он дорожит своим покоем,—пусть побережется: в три мѣсяца я могу отправить его из натакомбы». В ту пору стихи на Роджерса, по всей вѣроятности, были уже написаны, или по крайней мѣре задуманы. Но, написав их, Байрон излил всю свою досаду, и когда Роджерс, осенью 1821 г., прѣехал в Италию, он встретился с ним в Болоньи, проѣхав вместе с ним во Флоренцию и приглашал его остановиться в Пизе на сколько угодно времени. Роджерс и в самом дѣлѣ прѣехал туда въ ноябрѣ 1821 г. и прожил нѣсколько дней в палаццо Ланфранки. В своем стихотворении «Италия» он так вспоминает о «юношѣ», перешептывшем из Сестоса в Абидосъ *):

*) Переведено для настоящего издания П. О. Морозовым.

... Если, поддаваясь
Невѣрнымъ впечатлѣннѣмъ, совершалъ ты
Раскаянья достойные поступки,
То многимъ, да и мнѣ, извѣстно также,
Что ты легко привязывался къ людямъ
Изъ чувства благодарности. Коль въ жизни
Ты вовсе не былъ счастливъ, то теперь,
По смерти, вѣрно, счастье ты нашелъ:
Исполнились завѣтныя желанья...

Онъ—трупъ ли, токомъ оживленный?

«De mortuis nil nisi bonum! В числѣ карикатуръ Мэклайза есть, между прочимъ, Сэмъ Роджерс, до-смерти похожий, нарисованный въ видѣ жертвеца! Портретъ сопровождается цѣлымъ рядомъ шутокъ насчетъ внѣшности Роджерса. (Кольриджъ).

Стр. 272.

Считаетъ онъ себя опаснымъ
Для женщинъ...

В ряду смѣхотворныхъ пародій на примѣчания Муррея къ новому изданію сочиненій Байрона въ 17-ти томахъ есть одно примѣчание, подписанное Бриджесомъ, гдѣ перечисляется цѣлый рядъ богатыхъ наслѣдницъ, красавицъ и ученыхъ женщинъ, за которыхъ Роджерсъ безуспѣшно сватался. Въ ихъ числѣ находятся также миссисъ Коуттъ, «отбитая» у Роджерса герцогомъ Сентъ-Альбанскимъ, и принцесса Оливія Кумберландская. «Мы слышали также, говорить составитель примѣчания, что онъ сдѣлалъ предложеніе герцогинѣ Кливлендъ, которая предпочла ему красавца Фильдингга; впрочемъ, мы полагаемъ, что это произошло еще за нѣкоторое время до его рожденія».

Лишь въ осужденіи людей
Живую радость обрѣтаетъ.

«Если бы эта особа не вызвала меня на это своими мелочными и грязными качествами, то я бы промолчалъ, несмотря на то, что наблюдалъ за ними. Вотъ вамъ варианты:

Онъ въ осужденіи людей
Такую радость обрѣтаетъ,
Что и въ день Страшнаго Суда,
Когда ему бы дали волю
Избрать себѣ любую долю,—
Идти туда или сюда,—
То онъ, безъ всякаго сомнѣнья,
Отдалъ бы аду предпочтенье.

Можете это показывать, кому вамъ заблагоразсудится». (Письмо къ Муррею отъ 9 ноября 1820 г.)

Поединокъ.

Написано в Венеціи, 29 декабря 1818 г., а напечатано, съ автографа, только в изд. Кольриджа 1901 г. (IV, 542).

В этомъ стихотвореніи Байронъ обращается къ миссъ Чавортъ, вспоминая о поединкѣ между ихъ дѣдами. Байронъ и миссъ Чавортъ были четвероюродными родственниками, такъ какъ оба происходили въ пятомъ колѣнѣ отъ виконта Джорджа Чаворта, дочь котораго, Елизавета, вышла за третьяго лорда Байрона (ум. 1695), пра-прадѣда поэта. Поединокъ, о которомъ идетъ рѣчь, происходилъ между Виллямомъ, пятымъ лордомъ айрономъ, и Виллямомъ Чавортомъ, землевладѣльцемъ изъ Аннсли, въ девятомъ часу вечера, въ субботу, 26 января 1765 г., въ тавернѣ «Звѣзды и Подвязки» въ Полль-Молль. Въ судѣ первой инстанціи присяжные признали лорда Байрона виновнымъ въ умышенномъ убійствѣ; тогда онъ обратился къ палатѣ лордовъ съ просьбою, чтобы его предали «суду

Божію и равныхъ ему людей», и былъ заключенъ въ Тоуэръ. Дѣло разсматривалось одними свѣтскими лордами, такъ какъ духовные уклонились отъ разбирательства, и послѣ защитительной рѣчи обвиняемаго 119 лордовъ вынесли вердиктъ, по которому онъ былъ признанъ невиновнымъ въ умышленномъ убійствѣ.

И видѣлъ этотъ мечъ, которымъ срубленъ онъ.

Въ протоколѣ судебного слѣдователя этотъ мечъ описывается, какъ «шпага изъ стали и желѣза, стоимостью въ пять шиллинговъ». Байронъ говоритъ, что его дѣдъ, «не чувствуя никакихъ угрозъ совѣсти за то, что убилъ Чаворта, который этого стоилъ, всегда держалъ эту шпагу въ своей спальнѣ, гдѣ она и была найдена послѣ его смерти».

Намъ земли даровалъ Завоеватель первый.

Рольфъ де Бороу (Boron) получилъ отъ Вильгельма Завоевателя Горстэнъ-Кэстль и другія помѣстья. Мать Байрона происходила отъ короля Іакова I Шотландскаго.

Стансы къ По.

Написано въ іюнѣ 1819 г. и напечатано у Медвина, въ книгѣ: «Бесѣды съ лордомъ Байрономъ», 1824 г. По свидѣтельству графини Гвиччиоли, написаны въ то время, когда поэтъ переплывалъ черезъ По, на пути изъ Венеціи въ Равенну, гдѣ тогда жила графиня.

Сонетъ на бракосочетаніе Маркиза Антоніо Кавали.

Написанъ въ Равеннѣ, 31 іюля 1819 г., а напечатанъ впервые только въ изд. Кольриджа, 1901 г. (IV, 547). «Я написалъ этотъ сонетъ, говоритъ Байронъ, взаимно разорваннаго другого, по усиленной просьбѣ графини Гвиччиоли». Это было въ домѣ ея дяди, маркиза Кавали, гдѣ Байронъ впервые появился въ обществѣ въ роли всѣми признаннаго «чичисбея» графини.

Сонетъ Принцу Регенту.

Написанъ въ Болоньѣ, 12 августа 1819 г. Напечатанъ въ собраніи писемъ 1830 г. Лордъ Эдуардъ Фитцджеральдъ, пятый сынъ перваго герцога Лейнстерскаго, умеръ въ 1798 г. отъ раны, полученной имъ во время вооруженнаго сопротивленія при арестѣ его за государственное преступленіе. Конфискація его имущества была отменена въ 1819 г. По этому поводу Байронъ писалъ Муррею (12 авг.):

«Итакъ, принцъ отменилъ конфискацію имущества лорда Фитцджеральда? Ессо un Sonetto! Вотъ вамъ, собаки! вотъ сонетъ для васъ! Отъ г. Фитцджеральда вы такого не получите. Можете его напечатать, если угодно, съ моимъ именемъ. Принцъ заслуживаетъ всякой похвалы, и худой, и хорошей; это былъ благородный, царственный поступокъ».

Стансы.

Написаны 1 декабря 1819 г. Напеч. въ журналѣ «New Monthly Magazine», 1832 г., т. 35.

«Одинъ изъ друзей лорда Байрона, бывшій съ нимъ въ Равеннѣ въ то время, когда онъ написалъ эти стансы, говорить, что они были сочинены, подобно многимъ другимъ его произведеніямъ, вовсе не для печати, а единственно для того, чтобы облегчить себя въ минуту печали. Байронъ былъ глубоко огорченъ нѣкоторыми обстоятельствами, которыя, повидимому, вынуждали его немедленно покинуть Італію, и написалъ эти стихи какъ бы въ лихорадочномъ припадкѣ». Это сообщеніе, изд. 1040 г. по словамъ Кольриджа въ изд. 1764 г., не

вполнѣ точно: 1 декабря когда написаны были эти стансы, Байронъ находился не въ Равеннѣ, а въ Венеціи, откуда онъ и послалъ ихъ Киннерду.

Ода къ дамѣ, возлюбленной которой былъ убитъ.

Напечатана впервые, по рукописи, въ изд. Кольриджа, 1901 г.

Ирландская аватара.

Написано 16 сентября 1821 г. и на другой же день послано Томасу Муру, жившему тогда въ Парижѣ. Незадолго передъ тѣмъ Байронъ писалъ Муррею: «Если я когда-нибудь вернусь въ Англію, я напишу такую поэму, въ сравненіи съ которою «Англійскіе Барды и пр.» покажутся молочкомъ. Вашъ нынѣшній шарлатанскій литературный міръ нуждается въ такой аватарѣ». Отсюда происходитъ и нѣсколько двусмысленное названіе поэмы. Слово «аватара», въ индійской мѣологіи означающее воплощеніе боговъ въ человѣческомъ образѣ на землѣ, примѣняется не только въ пролическомъ смыслѣ къ Георгу IV, какъ «Мессіи королевской власти», но метафорически переносится и на самую поэму, которая должна явиться «воплощеннымъ предостереженіемъ». Гнѣвъ Байрона былъ вызванъ отчасти неблагородными нападками на Мура въ журналѣ «Джонъ Буллъ», отчасти же — холопствомъ ирландцевъ, которые восторженно приветствовали Георга IV, когда онъ торжественно вѣхалъ въ Дублинъ, десять дней спустя послѣ смерти королевы Каролины. Въ газетѣ «Morning Chronicle» (8/18 авг.) печатались длинныя передовыя статьи въ черныхъ рамкахъ, о болѣзни, смерти и похоронахъ королевы, а рядомъ съ ними, мелкимъ шрифтомъ, сообщенія подъ заглавіемъ: «Король въ Дублинѣ». Сатира Байрона является живымъ комментариемъ къ этимъ статьямъ газеты. Байронъ поручилъ Муру напечатать частнымъ образомъ 20 экземпляровъ «Аватары». Одинъ изъ этихъ экземпляровъ данъ былъ поэтомъ Медвину, который и напечаталъ стихотвореніе въ 1824 г., опустивъ однако 12 самыхъ рѣзкихъ куплетовъ. Въ полномъ видѣ поэма была напечатана въ Англіи только въ 1831 г., уже послѣ смерти «Георга Презираемаго». Крѣбъ Робинсонъ въ своемъ дневникѣ сообщаетъ, что Гете находилъ въ этихъ стихахъ образецъ «возвышенной ненависти».

Георгъ женился на принцессѣ Каролинѣ Брауншвейгской по приказанію своего отца, короля Георга III, который за это заплатилъ его огромные долги; но черезъ десять мѣсяцевъ онъ уже разошелся съ женой и вновь повелъ прежнюю жизнь беззаботнаго гуляки, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе возбуждая отвращеніе друзей своимъ вѣроломствомъ и отталкивая народъ открытымъ распутствомъ. Вступивъ на престолъ въ 1820 г., онъ возбудилъ формальный процессъ противъ королевы, обвиняя ее въ невѣрности и желая добиться развода; но общественное мнѣніе было противъ короля и министерство должно было прекратить это скандальное дѣло.

Не въ землѣ еще дочь Брауншвейга лежитъ.

Королева скончалась 7 августа 1821 г., король вѣхалъ въ Дублинъ 17 августа, а корабль съ останками королевы отплылъ изъ Гарвича 18 августа утромъ.

Такъ встрѣчайте жъ толпой поваровъ и рабовъ.

«Въ замокъ прибыло семь закрытыхъ фургоновъ съ посудой. Болѣе сорока поваровъ будутъ заняты своимъ дѣломъ». («Морн. Chron.», 8 авг.).

Стр. 281.

*Но не такъ твой Граттанъ въ величавой
красѣ
Пострычалъ бы тирана теперь своею.*

Генри Граттанъ (1746—1820) одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ англійскихъ ораторовъ и государственныхъ дѣятелей, въ концѣ XVIII в. стоялъ во главѣ движенія, направленнаго къ обезпеченію полной независимости ирландскаго парламента отъ англійскаго, а впоследствии былъ рѣшительнымъ противникомъ объединенія Ирландіи съ Англіею, которое, несмотря на всѣ его усилія, было вотировано въ 1800 г. Сдѣлавшись членомъ англійскаго парламента, онъ горячо отстаивалъ эмансипацію католиковъ.

Стр. 282.

Облачись же скорѣе въ лирею, Фингалъ!

«Графъ Фингалъ, руководящій представитель католическаго дворянства, получаетъ орденъ св. Патрика». («Morn. Chron.», 18 авг.).

*Что жъ! Пусть деньги скорѣе ирландцы дадутъ,
Чтобъ на славу палаты воздвигнуть ему!*

«Поднять былъ вопросъ о національномъ подаркѣ королю. О'Коннелъ предложилъ построить дворецъ, въ сооруженіи котораго приняли бы участіе не только лица, ближайшія къ государю, но каждый крестьянинъ могъ бы прислать свою скромную лепту изъ своей хижины». (Тамъ же).

За убійства платя ему хоромъ похваля.

Маркизъ Лондондерри (Генри-Робертъ Стюартъ) знаменитый подъ именемъ виконта Кэстлери, которое онъ носилъ до 1821 г., особенно способствовалъ объединенію Ирландіи съ Англіею и вообще былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ приверженцевъ всякихъ репрессивныхъ мѣропріятій. «Маркиза Лондондерри привѣтствовали въ Кэстлери», писалъ корреспондентъ «Morning Chronicle». «Онъ былъ орудіемъ униженія Ирландіи, онъ подавилъ ея духъ и уничтожилъ, — я опасаясь, что навсегда, — ея независимость. И видѣть, какъ виновника этихъ мѣропріятій привѣтствуютъ на томъ самомъ мѣстѣ», и пр. (Тамъ же).

Стр. 283.

Я мой голосъ, хоть и слабый, не разъ поднималъ

За свободу твою...

Байронъ произнесъ въ палатѣ лордовъ рѣчь и подаль свой голосъ за предложеніе графа Доновора объ учрежденіи комитета для разсмотрѣнія требованій католиковъ, 21 апрѣля 1812 г.

Стансы, написанные на дорогѣ между Флоренціей и Пизой.

Помѣта въ рукописи: «Пиза, 6 ноября 1821». Напеч. въ собраніи писемъ, 1830 г.

Стансы на индусскую мелодію.

Напеч. въ изд. соч. Байрона 1832 г., съ замѣткою, что эти стихи написаны незадолго передъ отъѣздомъ поэта въ Грецію, на мотивъ индусской пѣсни, которую любила пѣть графиня Гвиччиоли.

Къ —

Напеч. въ журналѣ «New Monthly Magazine», 1833, т. 37. Относится, какъ полагаютъ, къ леди Блессингтонъ, которая сама приводитъ это стихотвореніе въ своей книгѣ о Байронѣ.

Графиня Блессингтонъ.

Напеч. въ собраніи писемъ, 1830 г.

О графинѣ Блессингтонъ см. въ біографіи Байрона.

Аристоментъ.

Написано въ Кефалоніи, 10 сентября 1823 г., а напечатано только въ 1901 г., въ изд. Кольриджа (IV, 566).

Аристоментъ, воспѣтый александрійскимъ поэтомъ Ріаномъ, — легендарный герой второй Мессенской войны (685—668 г. до Р. Х.). Его имя читалось въ Греціи еще долгое время спустя послѣ того, какъ «умеръ великій Панъ». Въ концѣ втораго столѣтія по Р. Х. Павзаній упоминаетъ о гимназахъ мессенскихъ дѣвушекъ въ честь побѣдъ Аристомена надъ спартанцами.

САРДАНАПАЛЪ.

На подлинной рукописи трагедіи Байронъ сдѣлалъ слѣдующую помѣтку:

«Равенна, 27 мая 1821. Я началъ эту драму 13 января 1821 и писалъ первые два акта очень лѣнливо, съ промежутками. Три послѣдніе акта были написаны за время съ 13 мая 1821 до настоящаго дня, т. е. въ теченіе двухъ недѣль».

Приводимъ относящіяся къ этому произведенію отрывки изъ дневника и писемъ Байрона:

«Января 13, 1821. — Набросалъ планъ и списокъ дѣйствующихъ лицъ для предполагаемой трагедіи о Сарданапалѣ, которую задумалъ нѣсколько времени тому назадъ. Имена взялъ у Діодора Сицилійскаго (я знаю исторію Сарданапала, и зналъ ее, когда мнѣ было еще 12 лѣтъ) и прочелъ одно мѣсто въ IX томѣ «Греціи» Митфорда, гдѣ онъ склоненъ оправдывать память этого послѣдняго ассиріянина. Принесъ Терезѣ итальянскій переводъ «Сафо» Грильпарцера. Она стала со мной спорить, такъ какъ я сказалъ, что любовь не составляетъ самаго высокаго сюжета для трагедіи; пользуясь преимуществами своего родного языка и прирожденнаго женскаго краснорѣчія, она опровергла мои немногочисленные доказательства. Мнѣ кажется, что она права. Надо будетъ въ «Сарданапалѣ» дать любви больше мѣста, чѣмъ я предполагалъ».

«Мая 25. — Закончилъ четыре дѣйствія. Я сдѣлалъ Сарданапала храбрымъ (хотя и сладострастнымъ, какъ его изображаетъ исторія) и настолько привлекательнымъ, насколько это позволяли мои слабыя силы. До сихъ поръ я строго соблюдалъ всѣ единства и постараюсь соблюсти ихъ, по возможности, и въ пятомъ дѣйствіи; но не для сцены».

«Мая 30. — Посылаю вамъ трагедію по почтѣ. Вы увидите, что въ ней строго соблюдены всѣ единства. Дѣйствіе происходитъ все время въ одной и той же затѣ; время — лѣтняя ночь — обнимаетъ около девяти часовъ, или даже меньше, хотя начинается до заката и оканчивается послѣ восхода солнца. Эта пьеса — не для сцены, точно такъ же, какъ и другая моя трагедія; и на этотъ разъ я лучше позабочусь о томъ, чтобы она не попала на подмостки».

«Іюля 14. — Я увѣренъ, что «Сарданапала» не сочтутъ политической трагедіей: я былъ совсѣмъ далекъ отъ подобнаго намѣренія и не думалъ ни о чемъ, кромѣ азійской исторіи. Я имѣлъ дѣльно воспроизвести въ драматической формѣ, подобно греческимъ трагикамъ (скромная фраза!), нѣсколько поразившихъ меня рассказовъ изъ исторіи и мифологіи. Вы найдете, что все это очень непохоже на Шекспира; это, съ одной стороны, и лучше,

такъ какъ я считаю Шекспира самымъ худшимъ изъ образцовъ, хотя и самымъ необыкновеннымъ писателемъ. Я намѣревался быть такимъ же простымъ и строгимъ, какъ Альфіери, и, насколько могъ, старался приблизить поэтическую рѣчь къ обыкновенному разговору. Бѣда въ томъ, что въ наше время нельзя сказать слова о царяхъ или парищахъ, не возбуждая подозрѣнія въ политическихъ намекахъ или въ личностяхъ. Ни того, ни другого у меня и въ мысляхъ не было.

1-го июля 22.—Печатайте и выпускайте Я думаю, теперь они должны будутъ признать, что у меня не одинъ только стиль, а нѣсколько. «Сарданапалъ», пожалуй, можетъ показаться характеромъ почти комическимъ; но, вѣдь, таковъ же и Ричардъ III. Не забудьте о *единствѣ*, которая служитъ предметомъ моего усерднаго изученія. Радуюсь, что трагедія понравилась Джиффрду; что же касается публики, то я, какъ видите, старался принимать во вниманіе все, что угодно, кромѣ только нынѣшней моды на необыкновенные театральные эффекты.

Трагедія была напечатана въ декабрѣ 1821 г.

Въ предисловіи къ этой трагедіи (говоритъ *Джеффри*) лордъ Байронъ снова подтверждаетъ, что его пьесы были написаны «безъ отдаленнѣйшей мысли о сценѣ», и въ то же время высказывается за соблюденіе единствъ, считая ихъ необходимымъ условіемъ драматическаго сочиненія и заявляя, что онъ «держится мнѣнія, которое еще не особенно давно признавалось закономъ во всемъ мірѣ и до сихъ поръ считается таковымъ въ наиболѣе цивилизованныхъ странахъ». Оба эти заявленія представляются намъ не особенно убѣдительными, и мы полагаемъ, что ни то, ни другое не встрѣтитъ сочувствія въ публикѣ, именно потому, что они исходятъ отъ писателя, одареннаго дѣйствительнымъ драматическимъ гениемъ. Скорѣе можно допустить, что ораторъ въ состояніи сочинить рѣчь, совершенно не предназначенную для произнесенія. Вѣдь драма есть не только діалогъ, но и *дѣйствіе*, и по существу своему предполагаетъ нѣчто, происходящее передъ глазами собравшихся зрителей. Этими объясняются всѣ отличительныя особенности драмы, какъ литературнаго произведенія. Языкъ ея долженъ служить поясненіемъ дѣйствія, вызывать извѣстныя эмоціи и поддерживать вниманіе зрителей. Если авторъ не думаетъ объ этомъ во все время своей работы, если онъ пишетъ, не воображая себѣ присутствія разнообразной и жадной на зрѣлища публики, то онъ можетъ, пожалуй, быть и великимъ поэтомъ, но, конечно, никогда не будетъ драматургомъ. Если лордъ Байронъ въ самомъ дѣлѣ не желаетъ придавать своимъ тщательно разработаннымъ сценамъ характера живой драмы, если онъ не ищетъ сценическихъ эффектовъ, если онъ не чувствуетъ какъ бы видимаго присутствія созданныхъ имъ дѣйствующихъ лицъ, если, создавая сильный монологъ, онъ не представляетъ себѣ того, какъ этотъ монологъ можетъ быть произнесенъ Киномъ и какія онъ вызоветъ рукоплесканія, — то онъ можетъ быть увѣренъ, что ни его чувства, ни его поэтическое дарованіе совершенно непригодны для сцены. Но для чего же, въ такомъ случаѣ, избираетъ онъ форму трагедіи, отказываясь отъ того, что составляетъ ея истинную силу? Вѣдь поучительныя разсужденія и краснорѣчивыя описанія въ пьесѣ не вознаграждаютъ за недостатокъ драматическаго изобрѣтенія и движенія, — не говоря уже о томъ, что настоящее чувство и настоящая поэзія должны выражаться непосредственно, не принимая на себя обманчивой наружности дѣйствующихъ лицъ драмы. Что касается мнѣнія лорда Байрона

о томъ, будто «единства» въ настоящее время признаются закономъ въ литературахъ почти всего міра, то оно представляется не больше, какъ только капризомъ и противорѣчіемъ поэта самому себѣ. Вѣдь именно лордъ Байронъ — болѣе всякаго другого человека — служитъ *самъ себѣ закономъ*, какъ «отъявленный вольнодумецъ»; и вотъ, теперь, утомившись этой ничѣмъ не сдерживаемой вольностью, онъ хочетъ наложить на себя эпитимію въ видѣ единствъ! Англійская драматическая поэзія, какъ и вообще воображеніе, стоитъ выше единствъ. Единственное основаніе настаивать на ихъ соблюденіи заключается въ томъ, будто мы признаемъ сцену въ самомъ дѣлѣ тѣмъ мѣстомъ, на которомъ въ дѣйствительности происходитъ данное дѣйствіе; при такомъ условіи мѣсто дѣйствія, конечно, не можетъ мѣняться. Но, вѣдь, это предположеніе очевидно противорѣчитъ истинѣ и нашему собственному опыту» («Edinb. Review»).

Тотъ же критикъ, разсуждая о «Сарданапалѣ», говоритъ:

«Эта трагедія, безъ всякаго сомнѣнія, — произведеніе большой красоты и силы; и хотя ея героиня имѣетъ много общаго съ Медорами и Гюльнарами прежнихъ, не-драматическихъ произведеній Байрона, зато въ герояхъ нельзя не видѣть совсѣмъ новаго характера. Правда, онъ обладаетъ тѣмъ же презрѣніемъ къ войнѣ, къ славѣ, къ власти жрецовъ и къ обычной морали, какими отличаются и прочіе любимцы Байрона; но при этомъ у него вовсе нѣтъ мизантропіи и очень мало гордости; вообще онъ представляется однимъ изъ самыхъ добродушныхъ, привлекательныхъ и симпатичныхъ сладостлюбцевъ, какихъ мы когда-либо встрѣчали. Въ такомъ истолкованіи этого характера авторъ весьма благоразумно слѣдовалъ болѣе природѣ и фантазіи, нежели исторіи. Его Сарданапалъ вовсе не изнѣженный, истасканный развратникъ, съ разстроенными нервами и притупленными чувствами, рабъ лѣности и порочныхъ привычекъ; это — пылкій искатель наслажденій, царственный эпикуреецъ, избалованный, упивающийся, пока можетъ, безграничнымъ сладострастіемъ, но душа котораго уже до того привыкла къ удовольствіямъ, до того насытилась всѣми наслажденіями, что неожиданно нагрянувшія горе и опасность не тревожатъ и не пугаютъ его; онъ идетъ съ пира на битву, словно на пляску, увлекаемый граціями, юностью, радостью и любовью. Онъ забавляется съ Беллоной, какъ женихъ съ невѣстой, ради удовольствія и препровожденія времени; къ его рукамъ одинаково плутъ и копьѣ, и щеръ, и щитъ, и зеркало. Онъ наслаждается жизнью и торжествуетъ въ смерти; и душа его, какъ въ счастіи, такъ и въ несчастіи, смѣется надъ зломъ, потому что стоитъ выше его».

«Сарданапалъ лорда Байрона (говоритъ епископъ *Гилеръ*) близко подходитъ къ тому представленію, какое мы составили себѣ о Сарданапалѣ историческомъ Молодой, беззаботный, избалованный лѣстью и безграничнымъ самовластіемъ, но по природѣ привлекательный, одаренный высокими качествами, онъ намѣренно умаляетъ значеніе боевыхъ подвиговъ своихъ предковъ для того, чтобы оправдать свое невниманіе къ самымъ необходимымъ обязанностямъ своего сана, и утѣшаетъ себя тѣмъ, что, предаваясь бездѣйствію, онъ дѣлаетъ свой народъ счастливымъ. Но даже въ самой страстной его любви къ наслажденіямъ обнаруживается его любовь къ противорѣчіямъ. Преобладающею чертою въ его изображеніи является эгоизмъ, — и этотъ эгоизмъ представленъ поистинѣ удивительно: онъ объясняется всевозможными смягчающими обстоятель-

ствами воспитанія и привычекъ и рисуется въ самыхъ яркихъ краскахъ юности, дарованій и привлекательности. Но, въ концѣ концовъ, это все-таки не болѣе, какъ эгоизмъ, и мы едва ли могли бы одобрить то искусство, съ какимъ пороки и развращенность представляются намъ въ столь привлекательномъ видѣ, если бы самъ поэтъ въ то же время и съ такимъ же искусствомъ не отмѣтилъ той горечи и томленія духа, какія неизбежно присущи подобному характеру, и если бы онъ не далъ намъ превосходнаго контраста къ этому изображенію въ фигурахъ Мирры и Салемена.

Стр. 296. *И подданный слуша своихъ рабовъ.*

«Салеменъ прямая противоположность эгоизму. Этотъ характеръ, хотя лишь слегка обрисованный, отличается гораздо меньшею даровитостью, нежели Сарданпалъ. Это—суровый, вѣрный и откровенный солдатъ и подданный; онъ разуменъ, справедливъ и честенъ въ своихъ сужденіяхъ, хотя и не отличается особенною разборчивостью въ средствахъ; да такой разборчивости такъ же нельзя было бы требовать отъ почтеннаго сатрапа древней Ниневіи, какъ и отъ почтеннаго визиря современной Турецкой имперіи. Несмотря на личное неудовольствіе и семейныя непріятности, онъ исполнъ и упорно преданъ своему царю и сохраняетъ въ отношеніи къ нему самую строгую вѣрность. По отношенію къ противникамъ царя онъ готовъ быть суровымъ, кровожаднымъ и даже коварнымъ; впрочемъ, это—такой недостатокъ въ его характерѣ, избѣжать котораго въ его положеніи было бы, пожалуй, естественно и который является весьма искусно подчеркнутымъ въ противоположность тому инстинктивному чувству доблести и чести, которое еще сильнѣе отмѣняется слабостью его повелителя. И хорошія, и дурныя качества этого сатрапа являются какъ бы результатомъ его безкорыстной вѣрности и патриотизма. Ради своей страны и своего царя онъ терпѣливо сноситъ оскорбленія; ради нихъ онъ и храбръ, и жестокъ. У него нѣтъ стремленія къ личной власти, нѣтъ жажды личной славы. Въ бою и въ побѣдѣ его единственный кличъ: «Ассирія!» Отсылая царицу и царевичей, онъ заботится не столько о безопасности своей сестры и племянниковъ, сколько о сохраненіи потомства Немрода; и въ послѣднія минуты своей жизни онъ мучится только заботой о бѣгствѣ своего царя». (Гибберъ).

*Для пиршества въ Евфратскомъ павильонѣ
Устроить все пышнѣе.*

«Въ трагедіи встрѣчаются слова: *государыня и павильонъ*, но въ нихъ нѣтъ никакого намека на Его Британское Величество, какъ вамъ могло бы со страху показаться. Вы скоро въ этомъ убѣдитесь (я уже кончаю трагедію) и увидите также, что и сдѣлалъ Сарданпалъ *храбрымъ и... привлекательнымъ*... такъ что тутъ не можетъ быть ни правды, ни сатиры на кого-либо изъ живущихъ государей» (Письмо къ Муррею 25 мая 1821 г.).

Байронъ дѣлалъ видъ, а можетъ быть, — и въ самомъ дѣлѣ думалъ, что фразы вроде: «Онъ мучитъ государыню» могутъ быть понятны, какъ намекъ на процессъ королевы Каролины (см. прим. къ «Видѣнію Судя»), на исключеніе ея имени изъ государственнаго молитвенника и пр. Если бы трагедія была поставлена въ то время на сцену, то партѣры и галлерей, безъ сомнѣнія, своими рукоплесканіями выразили бы общественное неудовольствіе этимъ процессомъ. Надо еще прибавить, что въ 1821 г. существовалъ только одинъ «павильонъ» — и вовсе не на берегу Евфрата, а въ Брайтонѣ. Байронъ

иногда не прочь былъ «схитрить» съ читателями двусмысленною игрою словъ. (Кольриджъ).

Стр. 297. *Юношка возлюбленная, Мирра.*

«Названіе *юношка* было наиболѣе понятнымъ и употребительнымъ, такъ какъ оно обнимало и ахейцевъ, и беотянъ, которые, вмѣстѣ съ іонянами, составляли почти весь греческій народъ; на Востокѣ грековъ всегда называли *іонянами*. Митфордъ, Греція». (Прим. Байрона).

«Главною прелестью и животворнымъ ангеломъ пьесы является *Мирра*, гречанка, рабыня Сарданпала. Это прекрасное, героическое, преданное и эфирное существо любитъ великодушнаго и ослѣпленнаго царя, въ то же время стыдась своей любви къ варвару, и пользуется всѣмъ своимъ вліяніемъ для того, чтобы его облагородить, украсить его существованіе и заставить его бороться и искать выхода изъ своего ужаснаго положенія. Ея любовь идетъ отъ сердца, а героизмъ — отъ привязанности къ царю. Если въ ея рѣчахъ слышится иногда слѣшкомъ рабская покорность, несомѣстимая съ возвышенною смѣлостью ея характера, то именно подобныхъ рѣчей и можно было ожидать отъ греческой рабыни, милой іонійской дѣвушки, въ душѣ которой любовь къ свободѣ и презрѣніе къ смерти умѣряются сознаніемъ того, что она считаетъ униженіемъ для себя страстью, а также и сознаніемъ своего зависимаго положенія» (Джеффри).

«*Мирра*, это — Салеменъ въ женскомъ образѣ: въ ней вѣрность храбраго солдата царскому роду замѣняется личною привязанностью къ Сарданпалу. Энергія ея сѣтованій на судьбу, ея высокія дарованія, мужество и гордость гречанки уступаютъ мѣсто покорной и привлекательной нѣжности вслѣдствіе постояннаго тягостнаго сознанія своего униженнаго положенія — рабыни въ царскомъ гаремѣ, а еще болѣе — вслѣдствіе того, что предметъ ея любви представляется ей несравненно болѣе высокимъ. Ея характеръ изображенъ въ высшей степени естественно, и не много найдется въ литературѣ образовъ болѣе трогательныхъ и привлекательныхъ». (Гибберъ).

Стр. 300. *Дать три его колонны...*

«Страбонъ нѣсколько сомнѣвается въ существованіи этихъ колоннъ, полагая, что это были, вѣроятно, островки или «столпообразныя» скалы. По Плутарху, Александръ воздвигъ на берегахъ Ганга большіе алтари, къ которымъ собирались туземные цари для приношенія жертвъ «по греческому обряду». Отсюда, можетъ быть, и произошла легенда о колоннахъ, воздвигнутыхъ Діонисомъ». (Прим. Байрона).

Стр. 301. *Что оскорбилъ царицу я...*

«Удивительно, что во многихъ мѣстахъ этой пьесы Байронъ, какъ будто, имѣетъ въ виду проступокъ христіанина, у котораго только одна жена, а не восточнаго монарха, подобнаго Сарданпалу, который имѣлъ триста женъ и семьсотъ любовницъ». (Гоуъ).

Стр. 302.

*Бѣшь, пей, люби,—все прочее не стоитъ
Щелчка.*

«Ръ эту экспедицію онъ *) взялъ съ собой только небольшой избранный отрядъ гвардіи, но зато — всѣ легко-вооруженныя войска. Въ первый же день похода онъ дошелъ до Анхіала, города, основаннаго, какъ говорятъ, ассирійскимъ царемъ Сар-

*) Александръ Македонскій.

данапаломъ. Обширные и внушительныя укрѣпленія этого города даже и во времена Арріана отличались тою величественностью, которая особенно нравилась ассиріянамъ въ этого рода сооружеііяхъ. Тамъ былъ найденъ памятникъ, изображавшій Сарданапала, съ надписью ассирійскими письменами и, конечно, на древне-ассирійскомъ языкѣ, которую греки,—хорошо или худо,—перевели слѣдующимъ образомъ (*слѣдуетъ надпись*). Предполагая, что этотъ переводъ приблизительно вѣренъ (такъ какъ и Арріанъ говоритъ, что онъ былъ не вполне точенъ), можно, однако же, высказать мнѣніе, что цѣлью подобной надписи было не прославленіе необузданнаго самоуслажденія, а скорѣе—призывъ къ спокойной гражданской жизни, обращенный къ народу, слышномъ склонному къ мятежамъ. Иначе непонятно, съ какою цѣлью ассирійскій царь могъ основать такіе города въ мѣстности, столь отдаленной отъ его столицы и отдѣленной отъ нея песчаными пустынями и высокими горами, а еще болѣе непонятно, какимъ образомъ жители этихъ городовъ могли предаваться тѣмъ необузданнымъ наслажденіямъ, какія, будто бы, рекомендовалъ имъ ихъ повелитель. Заслуживаетъ вниманія также то обстоятельство, что на южномъ побережьи Малой Азіи развалины городовъ, упоминаемыхъ въ исторіи, до сихъ поръ привлекаютъ путешественника своимъ величіемъ и красотою посреди того печальнаго опустошенія, которое, подъ властью варварскаго правительства, въ теченіе многихъ вѣковъ распространялось все дальше и дальше въ прекраснѣйшихъ областяхъ земного шара. Вѣдь всѣ эти города должны были находиться въ самомъ цвѣтущемъ состояніи—благодаря благоприятнымъ условіямъ природы и климата, а можетъ быть, еще болѣе,—благодаря цвѣтущему положенію торговли. Отсюда можно заключить, что Сарданапалъ руководствовался болѣе возвышенными цѣлями, нежели тѣ, какія ему обыкновенно приписываются. Но такъ какъ этотъ царь былъ послѣднимъ представителемъ династіи, низвергнутой революціею, то поношеніе его памяти могло быть политическимъ приемомъ его преемниковъ и ихъ сторонниковъ. Несостоятельность преданій о Сарданапалѣ поражаетъ въ разсказахъ о немъ Діодора Сицилійскаго. *Митфордъ*, Греція. (*Прим. Байрона*).

Исторія о памятникѣ Сарданапала съ циническою надписью основана на разсказѣ Аристовула, служившаго при Александрѣ Македонскомъ и оставившаго свои записи. Его цитируютъ Страбонъ и Атеней, говоря, что, по свидѣтельству Аристовула, невдалекѣ отъ Анхіала найденъ былъ памятникъ съ изображеніемъ царя, у котораго пальцы правой руки были сложены какъ бы для щелчка, а надпись гласила: Ышь, пей и веселись; все остальное не стоитъ даже вотъ этого», т. е. щелчка. Кэннонъ Роулинсонъ высказываетъ предположеніе, что этотъ «памятникъ» былъ въ дѣйствительности колонной, на которой изображенъ былъ царь Сеннахерибъ въ обычной монументальной позѣ,—правая рука поднята надъ лѣвою и съ хвалебною надписью (которой толмачи Македонскаго царя не сумѣли перевести).

Стр. 302. *Червякъ вотъ богъ!*

Ср. «Гамлетъ» д. IV, сц. 3 (изд. подъ ред. С. А. Венгеровъ, т. III, стр. 122): «А что касается съѣстного—такъ этакій червячишка—единственный монархъ. Мы откармливаемъ животныхъ, чтобы откормить себя, а себя—для червей. Жирный король и тощій бѣднякъ—только различныя кушанья, два блюда съ одного стола. Этимъ все кончается».

Стр. 304. *Да черную неблагодарность кто жъ не чувствуетъ?*

«Зимній вѣтеръ иногда злѣе самой неблагодарности, говоритъ Шекспиръ. По крайней мѣрѣ, я гораздо болѣе привыкъ встрѣчаться съ неблагодарностью, чѣмъ съ сѣвернымъ вѣтромъ, а потому и думаю, что изъ двухъ золъ вѣтеръ—худшее. Я встрѣтился съ тѣмъ и другимъ на протяженіи 24-хъ часовъ, такъ что могу судить правильно».

(*Дневникъ*, 19 января 1821 г.).

Стр. 308.

Речь твоя

Какъ музыка звучитъ, какъ горь трагедій...

«Упомянувъ о «трагедіяхъ», какъ «любимой забавѣ» грековъ, за двѣсти лѣтъ до перваго греческаго трагика Эсхила, конечно, анахронизмъ. Точно такъ же Мирра не могла, въ тотъ ранній періодъ греческой исторіи, говорить о національной ненависти грековъ къ царямъ и о томъ презрѣніи къ «варварамъ», какое развилось въ Греціи только въ позднѣйшее время». (*Гиберъ*).

Стр. 312

Иду слѣдить за миломъ.

«У Байрона есть двѣ характерныя особенности, никогда не покидающія его въ самыхъ фантастическихъ его произведеніяхъ и введенныя имъ также и въ эту новую для него область классической трагедіи. Первая изъ этихъ особенностей состоитъ въ интенсивномъ чувствѣ привлекательности женщины и въ умѣнн не только ярко изображать индивидуальныя фигуры, но, такъ сказать, пропитывать всю окружающую ихъ атмосферу духомъ красоты и любви. Онъ окруженъ какимъ-то розовымъ сіяніемъ, которое словно льется въ душу читателя. Другая изъ упомянутыхъ нами особенностей заключается въ сочувствіи поэта къ самымъ грандіознымъ явленіямъ матеріальнаго міра. Во всѣхъ его сочиненіяхъ едва ли можно найти описаніе отдѣльных картинъ, безъ самыхъ возвышенныхъ обращеній къ величію неба и земли. Онъ «не поклоняется ничему, кромѣ стихій». Луна, звѣзды, океанъ, горныя выси, пустыни—все у него является одареннымъ «новою рѣчью, новымъ языкомъ», и все посылаетъ нашей душѣ свой могучій голосъ. Онъ въ состояніи служить посредникомъ между нами и небомъ и заставлять насъ переживать всѣ чувства, возбуждаемыя вѣчнымъ одиночествомъ». (*Изъ статей современнаго Байрону анонимнаго критика*).

Стр. 322.

Салемень,

Иди за мной.

«Второе дѣйствіе, по нашему мнѣнію, неудачно. Заговорщики ведутъ между собою скучный разговоръ, прерываемый появленіемъ Салемена со стражею. За Салеменомъ слѣдуетъ царь, который отмѣняетъ всѣ его распоряженія, прощаетъ Арбака, не вѣря въ его виновность, и Белезиса, желая избавиться отъ его длинныхъ разсужденій о національной религіи. Одинъ только этотъ эпизодъ и написанъ хорошо». (*Гиберъ*).

Стр. 326.

Да, выбора для насъ

Не можетъ быть.

Арбакъ—самый заурядный солдатъ; а Белезисъ, надъ изображеніемъ котораго, какъ мы подозрѣваемъ, Байронъ особенно потрудился, очень обыкновенный и неинтересный негодяй. Правда, и Сарданапалъ, и Салемень говорятъ объ этомъ подломъ халдейцѣ, какъ о главномъ зачинщикѣ заговора, какъ о политикѣ, въ рукахъ котораго Арбакъ является только послушнымъ орудіемъ; и Діодоръ Сицилійскій также представляетъ его первымъ подстрекателемъ Арбака на измѣну и говоритъ, что онъ, пользуясь своимъ званіемъ жреца и предполагаемымъ умѣньемъ предсказывать будущее, старался воспламенить его честолюбіе, руководить его дѣй-

ствами, поддерживать въ немъ надежды и упрекать за его нерѣшительность. Но ничего этого мы не видимъ въ трагедіи. Байронъ такъ постарался выразить свое собственное презрѣніе къ жрецу, что даже не отгѣнилъ того коварнаго и злого вліянія, какое было необходимо указать соотвѣтственно характеру отведенной ему роли. вмѣсто того, чтобы явиться самостоятельнымъ, неутомимымъ и всегда готовымъ на смѣлыя и рѣшительныя мѣры, онъ съ самаго же начала отступаетъ отъ своего предпріятія и колеблетъ энергію Арбака перочисленіемъ тѣхъ дѣйствительныхъ или предполагаемыхъ препятствій, которыя могутъ помѣшать достиженію намѣченной цѣли. вмѣсто того, чтобы пользоваться тѣмъ вліяніемъ на своего товарища, какое святоша обманщикъ можетъ имѣть и на людей гораздо болѣе доблестныхъ и великодушныхъ, чѣмъ Арбакъ, Белезисъ пускается въ предсказанія, къ которымъ его товарищъ относится далеко не доврчиво; Арбакъ въ своихъ религиозныхъ вѣрованіяхъ является эпикурейцемъ еще въ большей степени, чѣмъ самъ Сарданапалъ. Мы ожидаемъ, что онъ съ надеждой и почтеніемъ взглянетъ на ту звѣзду, о которой халдейскій жрецъ говоритъ ему, что онъ подлѣ нею родился,—а онъ указываетъ на свой мечъ, какъ на единственную свою опору, и вмѣсто того, чтобы являться слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ жреца, относится къ нему совсѣмъ не уважительно. Хотя Белезисъ представленъ человѣкомъ набожнымъ и ревностнымъ поклонникомъ солнца, однако онъ нигдѣ не высказываетъ, хотя бы притворно, того профессиональнаго негодованія, какое естественно должно бы вызывать въ немъ открытое пренебреженіе Сарданапала къ его богамъ, и во всей пьесѣ мы не усматриваемъ никакихъ основаній, почему Арбакъ долженъ, противъ своей воли и убѣжденій, слѣдовать совѣтамъ такого человѣка, о которомъ онъ говоритъ съ неудовольствіемъ и отвращеніемъ, издѣваясь надъ его претензіями на вдохновеніе и святость» (Гибберъ).

«Второй актъ, заключающій въ себѣ подробности заговора Арбака, раскрытіе его бдительностью Саламена и слишкомъ необдуманное и поспѣшное прощеніе мятежниковъ царемъ,—въ цѣломъ тяжелъ и неинтересенъ». (Джеффри).

Стр. 332.

Входитъ Памія съ обнаженнымъ мечомъ.

«Въ самомъ началѣ третьяго дѣйствія царскій пиръ прерванъ внезапной вѣстью о заговорѣ. Тогда сладострастный царь превращается въ героя и греческая кровь Мирры даетъ себя знать» (Джеффри).

Стр. 334. *Дай зеркало мнѣ.*

«Въ третьемъ дѣйствіи, когда Сарданапалъ приказываетъ принести зеркало, чтобы посмотреть на себя въ вооруженіи, не забудьте указать на мѣсто изъ Ювенала объ Оттонѣ (подобный же типъ, и дѣлалъ то же самое; Джиффордъ поможетъ вамъ отыскать эту цитату). Эта черта, можетъ быть, слишкомъ фамплярна, но она вѣрна исторически (по крайней мѣрѣ—относительно Оттона) и вполне естественна для изнѣженного сластолюбца». (Письмо къ Муррею 30 мая 18.1). Цитата изъ Ювенала, однако, не была приведена ни въ первомъ изданіи трагедіи, ни въ слѣдующихъ, и появилась только въ примѣчаніяхъ 1832 г. Байронъ имѣлъ въ виду слѣдующее мѣсто изъ 2-й сатиры: «А тотъ держитъ зеркало,—предметъ похвалы распутнаго Оттона, въ которое онъ глядѣлся вооруженнымъ, уже отдавъ приказаніе выносить знамена. Вотъ предметъ, достойный упоминанія въ новыхъ лѣтописяхъ и въ исторіи недавняго времени,—зеркало въ числѣ доспѣховъ междоусобной войны!»

Стр. 339. *Я здѣсь, мой братъ!*

«Сраженіе съ мятежниками, если мы не станемъ придираться къ нелѣпости одного изъ его эпизодовъ, въ которомъ войска нападаютъ другъ на друга въ пиршественной залѣ, представлено чрезвычайно хорошо, и Сарданапалъ выказываетъ здѣсь ту своеобразную смѣсь изнѣженности и мужества, легкомыслія и даровитости, которою отличается его характеръ». (Гибберъ).

«Царь своимъ личнымъ мужествомъ рѣшаетъ судьбу сраженія и со всей своей свитой возвращается во дворецъ. слѣдующая за этимъ сцена написана мастерски и чрезвычайно характерна». (Джеффри).

Стр. 343. *Дѣйствіе четвертое.*

«Четвертое дѣйствіе открывается монологомъ Мирры, охраняющей сонъ Сарданапала. Царь просыпается и рассказываетъ свое ужасное сновидѣніе, которое намъ не очень понравилось, за исключеніемъ той части, гдѣ описывается воинственная прародительница Сарданапала, Семирамида, также бывшая въ числѣ участниковъ приснивагоса царю пира привидѣній. Мирра (что вполне согласно съ нравами ея времени и народа и съ ея собственнымъ, хотя и возвышеннымъ, но все-таки женскимъ умомъ) представлена набожною почитательницею своихъ родныхъ боговъ. Она съ достоинствомъ возмущается и нечестивою лестью ассирійскихъ придворныхъ, и вольнодумными выходками царя. Приготовляясь къ смерти, она не забываетъ совершить возліаніе, которое было всегда послѣднимъ и самымъ торжественнымъ актомъ греческой набожности; кромѣ того, она вполне опредѣленно выражаетъ свою вѣру въ загробную жизнь. Но та же самая Мирра, видя, что Сарданапалъ встревоженъ зловѣщимъ сномъ, который, можетъ быть, пророчитъ ему смерть, старается утѣшать его въ духѣ его собственной эпикурейской философіи, говоря, что смерть въ сущности ничего не значить, и что все, остающееся отъ умершихъ,—только «прахъ, что топчемъ мы ногами». Мы не желаемъ спрашивать и не станемъ высказывать догадокъ о томъ, чьи мысли выражаются въ этихъ словахъ,—но, конечно, такія мысли не могли придти въ голову древнегреческой женщины. Не такимъ чувствамъ должна была научиться Мирра отъ героевъ своей родины и изъ тѣхъ поэтическихъ произведеній, откуда эти герои почерпали свой героизмъ, презрѣніе къ смерти и «любовь къ доблести». Мирра скорѣе стала бы рассказывать своему возлюбленному о тѣхъ «островахъ блаженныхъ», гдѣ добрые и храбрые люди обрѣтаютъ успокоеніе отъ всѣхъ трудовъ и опасностей своей земной жизни,—объ этомъ почтенномъ сонмѣ усопшихъ воителей и мудрецовъ, къ которому могъ бы присоединиться и онъ, если бы отказался отъ своего бездѣйствія и сталъ жить для своего народа и для славы; она стала бы говорить ему о той радости, съ какою его воинственные предки, посреди своихъ цвѣтущихъ полей, встрѣтили бы извѣстіе о подвигахъ своего потомка; ея рѣчи были бы подобны тѣмъ позднѣйшимъ греческимъ пѣснямъ, въ которыхъ говорилось, что «не умеръ Гармодій», хотя и ушелъ изъ смертнаго міра,—говорилось о тѣхъ садахъ, наполненныхъ розами и золотыми плодами, гдѣ тѣни усопшихъ воителей, при свѣтѣ заходящаго солнца, управляютъ своими прозрачными колесницами или звенятъ своими арфами посреди благоухающихъ алтарей... Таковы были тѣ ученія, которыя естественно вели людей къ пренебреженію жизнью и къ жадности славы; сомнѣнія же возникли только въ болѣе позднія времена,—въ эпоху тѣхъ софистовъ, подлѣ вліяніемъ

которыхъ Греція скоро утратила свою былую свободу, мужество и доблесть»... (Гибера).

стр. 348. *Готова и галера,
Чтобъ за Евфратъ ить переправить.*

«Совершенно непонятно, почему Байронъ, въ другихъ отношеніяхъ вовсе не безусловно довѣряющійся Діодору Сицилійскому, повторяетъ вслѣдъ за нимъ явную географическую ошибку, помѣщая Ниневію на *Евфратъ* вмѣсто *Тигра*, вопреки не только установившемуся на Востокѣ общему мнѣнію, но и вполне опредѣленнымъ показаніямъ Геродота, Плинія и Птолемея». (Гибера).

Стр. 348.

Имя супруги Сарданапала—*Зарина*—есть, собственно, нарицательное: «царица», т. е. царица.

«Байронъ, вѣроятно, часто воображалъ себѣ возможность неожиданной встрѣчи съ своей женой. Въ извѣстномъ настроеніи духа онъ даже писалъ къ ней письма, которыя, впрочемъ или вовсе не посылались, или никогда не доходили до нея. Сцена Сарданапала съ Зариной отражаетъ въ себѣ чувства, высказанныя въ одномъ изъ этихъ писемъ». (Кольриджъ).

Стр. 351. *Хорошая, несчастная Зарина!*

«Въ сознаніи Мирроу своего унижительнаго положенія въ царскомъ гаремѣ, въ гнѣвѣ Салемена на Сарданапала за нарушеніе послѣднимъ супружеской вѣрности и, наконецъ, въ сожалѣніи послѣдняго о своихъ поступкахъ, поэтъ, кажется, значительно отступилъ отъ нравовъ изображаемой имъ эпохи. Какъ ни мало извѣстна намъ домашняя жизнь ассирійцевъ, но, судя по нравамъ современныхъ восточныхъ народовъ и вообще—по обычаямъ, господствовавшимъ на Востокѣ во всѣ времена, мы все-таки имѣемъ основаніе заключать, что многоженство не считалось само по себѣ предосудительнымъ и не могло служить для главной жены поводомъ къ жалобамъ на мужа. Даже и въ Греціи, въ ту эпоху, къ которой относится Мирра, положеніе плѣнницы, находящейся въ полномъ распоряженіи своего владетеля, считалось несчастіемъ, но не заключало въ себѣ ничего позорнаго. Но кто изъ критиковъ рѣшится осуждать поэта за такую непослѣдовательность, если она дала поводъ къ прекрасному поэтическому выраженію прекрасныхъ чувствъ?» (Гибера).

Стр. 353. *Салемень уноситъ Зарину.*

«Критики *«Эдинбургскаго Обозрѣнія»*, не зная почему, нашли эту сцену «излишней», «нестественной» и «скучной». Я долженъ откровенно сознаться, что читалъ ее съ волненіемъ. Здѣсь Сарданапалъ изображенъ съ большимъ поэтическимъ искусствомъ и вполне правдиво, какъ человѣкъ, который при всемъ состраданіи къ Заринѣ, думаетъ больше всего о самомъ себѣ и о своемъ собственномъ горѣ и сейчасъ же стремится высказать Миррѣ тѣ тягостныя чувства, какия самъ же онъ вызвалъ въ себѣ своими упреками». (Гибера).

Стр. 366. *Друзья мои, повѣсье возводите...*

«Тогда царь повелѣлъ сложить во дворѣ дворца высокой костеръ, и взошелъ на него вмѣстѣ со всемъ своимъ золотомъ, серебромъ и царскими одѣянными, а затѣмъ, заключивъ внутри костра своихъ евнуховъ и наложницъ, приказалъ поджечь его, и сжегъ себя вмѣстѣ со всеми ними». (Діодоръ Сицилійскій).

«На погребальномъ кострѣ онъ построилъ изъ дерева палату въ сто локтей длиною, гдѣ были поставлены лежа, на которыхъ онъ и возлегъ со своею женою и наложницами. Кровля этой палаты была сдѣлана изъ широкихъ и толстыхъ брусевъ, а стѣны—изъ множества толстыхъ досокъ, такъ что выбраться изъ нея не было никакой возможности...

И онъ повелѣлъ рабамъ поджечь костеръ, и костеръ горѣлъ пятнадцать дней. Видѣвши дымъ удивлялись и думали, что царь совершаетъ большое жертвоприношеніе, такъ какъ одни только евнухи знали о томъ, что на самомъ дѣлѣ совершается. Такимъ образомъ Сарданапалъ, проведшій всю свою жизнь въ крайней изнѣженности, умеръ такъ мужественно, насколько это возможно» (Атенеи).

Послѣдній царь ассирійскій, Саракъ, когда на него напалъ Кіаксаръ вмѣстѣ съ предателемъ—полководцемъ Набополассаромъ, «не будучи въ состояніи имъ сопротивляться, принялъ отчаянное рѣшеніе и, когда ему не осталось уже никакой надежды, сжегъ себя въ своемъ дворцѣ». Такой же способъ самоубійства избранъ былъ и Израильскимъ царемъ Завриемъ (Зимри), который «егда увидѣ, яко предвзять бысть градъ его, и вниде во внутренній домъ царскій, и зажегъ надъ собою домъ царевъ огнемъ, и умре» (III кн. Царствъ, гл. XVI, ст. 18). Такъ же поступилъ и персидскій правитель Богесъ, который сжегъ себя, съ женой и дѣтьми въ Эйлонѣ (Геродотъ, VII, 107). (Прим. Байрона).

«Въ *Сарданапалѣ* лорду Байрону послѣдовало гораздо больше, чѣмъ въ *«Маринѣ Фалерѣ»*, — тѣмъ болѣе, что и сюжетъ, имъ выбранный, чрезвычайно удобенъ не только для трагедіи вообще, но и для того особаго вида трагедіи, который нашъ поэтъ старается ввести въ литературу. Исторія послѣдняго ассирійскаго владыки, съ одной стороны, достаточно извѣстна для того, чтобы возбуждать интересъ, вообще вызываемый славными именами и историческими воспоминаніями, а съ другой стороны—настолько отдаленна и темна, что допускаетъ всякія пзмѣненія въ изображеніи событій и характеровъ, какия поэтъ признаетъ нужнымъ сдѣлать. Все, что мы знаемъ о Ниневіи и ея государяхъ, величественно, туманно и таинственно. Мы читаемъ объ обширномъ и цивилизованномъ царствѣ, возникшемъ въ эпоху, непосредственно слѣдовавшую за всемірнымъ потопомъ, и существующемъ во всей своей силѣ и могуществѣ въ такую пору, когда берега Греціи и Италіи не были еще населены никѣмъ, кромѣ бродячихъ дикарей. Мы читаемъ объ имперіи, власть которой простиралась отъ Самарканда до Трои и отъ горъ Іудеи до Кавказа, объ имперіи, которою въ теченіе тринадцати вѣковъ правила династія въ гридцѣхъ колѣній, и которая рушилась въ невѣроятно краткій промежутокъ времени не столько вслѣдствіе возстанія двухъ провинцій, сколько вслѣдствіе гнѣва небеснаго и предсказаннаго ей яростнаго возмущенія стихій. Вліяніе, повидимому, оказанное какъ завоеваніями, такъ и бѣдствіями Ассиріи на судьбу народа, который, по причинамъ религіознаго характера, интересуется насъ болѣе всѣхъ прочихъ народовъ древняго міра, окружаетъ ореоломъ какого-то священнаго величія всѣ подвиги и злодѣянія потомковъ Немврода, внушая намъ какое-то особое уваженіе къ этимъ странницамъ исторіи. И въ то же время все, что мы знаемъ, такъ кратко, неопредѣленно и разрозненно, что мы можемъ быть почти совершенно свободными отъ тѣхъ предвзятыхъ понятій объ изображаемыхъ лицахъ и событіяхъ, которыя въ классическихъ драмахъ, при строгой вѣрности исторіи, значительно ослабляютъ интересъ читателя, а при несоблюденіи этой вѣрности оскорбляютъ его предразсудки. Здѣсь данъ величественный общій контуръ,—но одинъ лишь контуръ, который поэтъ властенъ навознить, чѣмъ ему будетъ угодно; и лордъ Байронъ, изображая, въ угоду излюбленнымъ своимъ единствамъ, паденіе Ассирійской монархіи дѣломъ одной только

ночи, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности оно было слѣдствіемъ многолѣтней войны, въ сущности не противорѣчитъ нашимъ историческимъ свѣдѣніямъ и не совершаетъ ничего особенно невѣроятнаго. Хотя развитіе характера Сарданапала имѣетъ въ общемъ планѣ драмы лишь второстепенное значеніе и хотя соблюденіе единства вынуждало поэта ограничиваться несравненно болѣе тѣсными предѣлами, чѣмъ тѣ, какіе могли бы быть допущены при другихъ условіяхъ, тѣмъ не менѣе характеръ этотъ изображенъ превосходно; среди портретовъ, нарисованныхъ рукою этого великаго мастера, едва ли найдется другой, который могъ бы послужить лучшимъ образцомъ его таланта, силы воображенія, тонкости и энергіи рисунка, богатства и гармоническаго сочетанія красокъ. Правда, въ изображеніи этого послѣдняго и самаго несчастнаго потомка династіи Бела поэтъ не имѣлъ передъ собою неблагоприятныхъ источниковъ—даже и въ немногочисленныхъ намекахъ древнихъ историковъ. Справедливо или нѣтъ, торжествующіе враги Сарданапала обвиняли его въ самыхъ возмутительныхъ порокахъ и въ такой изнѣженности, которой нельзя было бы ожидать даже и отъ самыхъ послѣднихъ подонковъ азіатскаго деспотизма; но въ то же время мы видимъ, что Сарданапалъ съ приближеніемъ опасности предводительствуетъ своими войсками съ мужествомъ, искусствомъ и по крайней мѣрѣ, въ началѣ—съ успѣхомъ не менѣе того, какой выпадалъ на долю наиболѣе воинственныхъ его предковъ. Мы видимъ, что ему до конца остаются вѣрными его преданные слуги, ближайшіе родственники и немалое количество наиболѣе храбрыхъ его подданныхъ. Мы видимъ, что онъ заботится о безопасности своей жены, дѣтей, своей столицы—со всѣмъ спокойствіемъ и предусмотрительностью опытнаго полководца. Наконецъ, мы видимъ его побѣжденнымъ—не людьми, а Небомъ и стихіями, и идущимъ на добровольную смерть съ такимъ мужествомъ и жестокостью, которая мало согласуется съ нашими обычными представленіями о человѣкѣ слабохарактерномъ и крайне развращенномъ. И даже странная легенда, рассказываемая на разные лады и безъ подробныхъ объясненій непонятная, которая изображаетъ его основывающимъ (или, можетъ быть, только укрѣпляющимъ?) въ одинъ день цѣлыхъ два города и затѣмъ унижающимъ себя циническимъ памятникомъ и надписью, повидимому, указываетъ на соединеніе энергіи съ безумнымъ причудами, весьма возможное при безграничномъ произволѣ деспотической власти, и, можетъ быть, заставляетъ насъ объяснять его паденіе не столько его слабостью, сколько слишкомъ откровеннымъ и оскорбительнымъ презрѣніемъ его къ человѣческимъ предразсудкамъ. Такой характеръ, соединяющій въ себѣ черты энергіи, сластолюбія и мизантропіи, безъ сомнѣнія, представляетъ немалую выгоду для поэтическаго изображенія; притомъ, онъ принадлежитъ къ числу такихъ характеровъ, которые лордъ Байронъ всегда изображалъ съ особенной любовью и наиболѣе удачно» (*Гибертъ*).

«Я припоминаю, что Байронъ говорилъ мнѣ, что онъ думалъ объ исторіи Сарданапала еще за семь лѣтъ передъ тѣмъ, какъ написалъ свою трагедію» (*Триггъ*).

ДВОЕ ФОСКАРИ.

«Посылаю вамъ, писалъ Байронъ Муррею 14 іюля 1821 г., трагедію въ пяти дѣйствіяхъ «Двое Фоскари», содержаніе которой можетъ вамъ объяснить Фосколо или Гобзоузъ; вы найдете его также въ «Исторіи Венеціи» Дарю или въ болѣе краткомъ видѣ въ «Исторіи итальянскихъ республикъ» Сямонди. Имя образуетъ дактиль: Фоскари... Въ развитіи дѣйствія я строго слѣдовалъ исторіи. Мнѣ очень досадно, что Джиффордъ пренебрегаетъ моими новыми драмами. Конечно, онъ представляетъ совершенную противоположность англійской драмѣ, но мнѣ все-таки кажется, что современемъ, когда онъ будетъ понятъ, онъ будетъ благосклонно принятъ читателемъ (хотя не на сценѣ). Простота дѣйствія—намѣренная, точно такъ же, какъ и стараніе избѣгать всякой напыщенности въ рѣчахъ и ограничивать ихъ самыми строгими предѣлами. Я скорѣе тарахля показатъ въ пьесѣ сдержанныя страсти, снежили высокопарное ихъ выраженіе, которое теперь въ модѣ. По этой части «Я разглаговлювать умѣю, какъ и ты» *) и это было бы вовсе нетрудно, какъ я и доказалъ въ моихъ юношескихъ сочиненіяхъ, конечно, не драматическихъ...».

Въ первомъ изданіи трагедіи къ ней было приложено слѣдующее историческое примѣчаніе:

«Наилучшій англійскій рассказъ о событіяхъ, на которыхъ основана эта пьеса, находится во второмъ томѣ «Очерковъ изъ Венеціанской Исторіи» достопочтеннаго г. Смедлея. Приводимъ этотъ рассказъ:

«Правленіе Франческо Фоскари обнимаетъ необычно продолжительный періодъ въ тридцать четыре года. Эти годы отмѣчены почти непрерывною войною, въ теченіе которой мужество, твердость и мудрость знаменитаго дожа доставили его родинѣ четыре богатыхъ провинціи и содѣйствовали какъ расширенію ея владѣній, такъ и увеличенію ея славы. Пылкій, предприимчивый, честолюбивый и полный завоевательныхъ стремленій, Фоскари получилъ санъ дожа не безъ сильнаго сопротивленія, и вскорѣ убѣдился въ томъ, что престолъ, къ которому онъ съ такою настойчивостью стремился, вовсе не былъ мѣстомъ успокоенія. Вслѣдствіе этого, по заключеніи Феррарскаго мира, которыми закончились въ 1433 г., бѣдствія войны, предвидя приближеніе новыхъ и еще болѣе сильныхъ замѣшательствъ и утомленный борьбою партій, которая во всѣхъ нестроеніяхъ обвиняли только государя, онъ представилъ сенату свое отреченіе отъ престола; но сенатъ отказался принять это отреченіе. Эту же просьбу онъ повторилъ и девять лѣтъ спустя, когда его первоначальное убѣжденіе подтвердилось дальнѣйшимъ опытомъ; но сенатъ и на этотъ разъ—не въ силу какой-либо приверженности къ личности дожа, а болѣе ради охраненія существующихъ традицій, отказалъ ему и потребовалъ присяги, что онъ сохранитъ свой тягостный санъ до конца жизни. Увы! Слишкомъ скоро обнаружилось, что жизнь при такихъ условіяхъ была для дожа невыносимымъ бременемъ. Трое изъ четверыхъ его сыновей уже умерли; на оставшагося въ живыхъ, Джакомо, онъ полагался, какъ на наслѣдника своего имени и на опору въ своемъ преклонномъ возрастѣ; бракъ этого сына, вступившаго

*) («Гамлетъ», д. V, ст. 1, изд. Брокгаузъ-Ефронъ, т. III, стр. 137).

въ родство съ знаменитымъ домоу Контарини, отпразднованный всенароднымъ торжествомъ, казался дожу залогомъ будущаго благополучія. Однако, не прошло и четырехъ лѣтъ со времени этого радостнаго событія, какъ начался цѣлый рядъ бѣдствій, отъ которыхъ одна только смерть могла избавить несчастнаго сына и еще болѣе злополучнаго отца. Въ 1445 г. Совѣту Десяти сдѣланъ былъ доносъ на Джакомо Фоскари, что онъ принимаетъ подарки отъ иноземныхъ владѣтелей, въ особенности же—отъ Филиппо Висконти. По закону, это являлось однимъ изъ самыхъ гнусныхъ преступленій, какія только могъ совершить венеціанскій дворянинъ. Притомъ, даже если бы Джакомо и не нарушалъ этого закона, ему все-таки было бы не легко доказать свою невиновность передъ венеціанскимъ судомъ. Обвиняемый былъ подвергнутъ пыткамъ на глазахъ у отца, который долженъ былъ председательствовать на судебномъ слѣдствіи, и отцомъ же былъ объявленъ ему приговоръ, навсегда изгонявшій его изъ Венеціи въ Навплию. По дорогѣ въ изгнаніе онъ вынужденъ былъ, вслѣдствіе тяжелой болѣзни, остановиться въ Триестѣ, и, по усиленной просьбѣ дожа, ему позволено было жить въ одной изъ менѣе отдаленныхъ провинцій, а именно—въ Тревизо, куда вмѣстѣ съ нимъ отправилась также и его жена.

«Въ началѣ зимы 1450 г., когда Джакомо Фоскари жилъ сравнительно спокойно въ указанномъ ему мѣстѣ ссылки, на улицахъ Венеціи совершено было убійство. Предсѣдатель Совѣта Десяти, Эрмолао Донато, возвращаясь изъ засѣданія Совѣта, былъ убитъ неизвѣстными людьми у дверей собственнаго дома. Важность этого преступленія и оскорбленіе, нанесенное высокому достоинству Совѣта Десяти, требовали искупительной жертвы, и товарищи убитаго сановника съ жадностью хватались за самые малѣйшіе признаки подозрѣнія. Наканунѣ убійства, въ Венеціи видѣли одного изъ слугъ Джакомо Фоскари, а на слѣдующее утро одинъ изъ членовъ Совѣта Десяти, встрѣтивъ этого же человѣка въ Местре на лодкѣ, спросилъ его: «Что новаго?»—и тотъ подробно рассказалъ ему объ убійствѣ, нѣсколько часовъ раньше, чѣмъ оно стало вообще извѣстно въ городѣ. Такая откровенность уже сама по себѣ должна была бы служить доказательствомъ полной непричастности его къ преступленію, такъ какъ для соучастника было бы совсѣмъ неумѣстно преждевременно раскрывать подробности происшествія. Но Совѣтъ Десяти держался другого мнѣнія, и обстоятельство, которая въ глазахъ другихъ людей послужила бы доказательствомъ невиновности, для него явилась, наоборотъ, признакомъ виновности. Слуга былъ арестованъ и подвергнутъ допросу и жестокой пыткѣ; но даже и на восьмидесятомъ ударѣ отъ него нельзя было добиться ни одного слова, которое могло бы служить оправданіемъ его осужденія. Сужденія Совѣта были таковы: Джакомо Фоскари испыталъ на себѣ строгость суда Десяти; ревнивая подозрительность Совѣта ежедневно налагала на власть стараго Фоскари какія-нибудь новыя ограниченія; слѣдовательно, Совѣтъ долженъ былъ быть предметомъ жесточайшей ненависти для обоихъ Фоскари. Кто же скорѣе всего могъ вооружить убійцу главы Совѣта, какъ не человѣкъ, понесшій отъ этого Совѣта наказаніе? Въ силу этого несправедливаго и ни на чемъ неоснованнаго предположенія, молодой Фоскари былъ вызванъ изъ Тревизо, поднять на дыбу, съ которой только что сняли его слугу, снова преданъ пыткамъ на глазахъ отца и не освобожденъ, несмотря на то, что до конца рѣшительно отрицалъ свою виновность.

«Зло, причиненное молодому Фоскари, все-таки не заглушило въ немъ страстной любви къ своей неблагоприятной родинѣ. Онъ былъ совершенно разлученъ съ своей семьей, съ любимой женою и дѣтьми, и не имѣлъ надежды увидѣться когда-либо съ тѣми изъ своихъ родныхъ, которые достигли уже преклоннаго возраста, всѣ его помыслы сосредоточивались на единственномъ желаніи—возвратиться на родину, и никакой другой цѣли въ жизни онъ уже не видѣлъ; напротивъ, ради осуществленія этой своей мечты онъ готовъ былъ отдать и самую жизнь. Измученный тоскою по родинѣ, послѣ шестилѣтнихъ напрасныхъ ходатайствъ о смягченіи наказанія, онъ написалъ лѣтомъ 1453 г. письмо къ герцогу Миланскому, умоляя его о добромъ заступничествѣ передъ венеціанскимъ сенатомъ. Это письмо напередъ оставлено было незапечатаннымъ въ мѣстѣ, доступномъ для шпионовъ, которыми Джакомо былъ окруженъ даже въ ссылкѣ, а затѣмъ—такъ же намѣренно—было передано въ предательскія руки для доставленія герцогу Сфорцѣ. Конечно, оно было отослано, какъ и предполагалъ Джакомо, въ Совѣтъ Десяти, и ожидаемый результатъ не замедлилъ явиться: Джакомо былъ спѣшно вызванъ въ Венецію для отвѣта по обвиненію въ тяжкомъ преступленіи—въ томъ, что онъ обратился къ чужеземному вмѣшательству съ цѣлью воздѣйствія на правительство своей родины.

«Въ третій разъ Франческо Фоскари пришлось присутствовать при судебномъ допросѣ своего сына, и въ первый разъ онъ услышалъ, что сынъ вполне признаетъ взведенное на него обвиненіе, спокойно удостоверяя, что «преступленіе» (если его поступокъ дѣйствительно былъ преступнымъ) совершено имъ намѣренно и предумышленно, съ единственною цѣлью добиться того, чтобы его привезли опять въ Венецію, хотя бы въ качествѣ подсудимаго. Однако, это добровольное признаніе показалось его подозрительнымъ судьямъ недостаточнымъ: они нашли, что слишкомъ легкое признаніе вины равносильно слишкомъ упорному ея отрицанію, и потому заключили, что необходимо заставить самообвинителя отказаться отъ этого показанія—тѣмъ же способомъ, какой въ прежнее время принимался ими для вынужденнаго признанія подсудимаго въ своей виновности. И вотъ опять отцу пришлось видѣть, какъ его сына поднимали на дыбу не менѣе тридцати разъ, чтобы заставить его, подъ вліяніемъ этой пытки, провозгласить себя невиновнымъ. Но эта жестокость оказалась напрасною—и по окончаніи пытки страдалецъ былъ перенесенъ въ покои дождя, истерзаный, окровавленный, въ безчувственномъ состояніи, но не отказавшійся отъ первоначальнаго своего заявленія. Съ другой стороны, и его гонители также остались при своемъ: они опять приговорили его къ ссылкѣ, съ добавленіемъ, что первый годъ ея онъ долженъ провести въ тюрьмѣ. Прежде отправления въ ссылку ему было разрѣшено свиданіе съ его семействомъ. Сануто, можетъ быть, и самъ не сознавая всей трогательности своего разсказа, повѣствуетъ, что дождь Фальеро былъ дряхлый старецъ, ходившій, опираясь на клюку; придя въ ту комнату, гдѣ находился его сынъ, онъ обратился къ нему съ такою твердостью, что можно было подумать, что онъ говоритъ съ постороннимъ, а между тѣмъ, вѣдь это былъ единственный его сынъ! «Ступай, Джакомо», отвѣтилъ дождь на послѣднюю просьбу сына еще разъ ходатайствовать о помилованіи: «ступай и подчинись волѣ нашей родины, не думая искать ничего иного». Это проявленіе самообладанія было выше силъ немощнаго духа стараго дождя, но его дряхлаго

тѣла: выйдя изъ комнаты, онъ упалъ безъ чувствъ на руки своей свиты. Джакомо былъ отправленъ въ Кандію, заключенъ въ тюрьму и вскорѣ освобожденъ оттуда смертію.

«Франческо Фоскари, еще болѣе несчастный вслѣдствіе утраты сына, продолжалъ жить, но горе и слабость здоровья лишили его возможности съ должнымъ вниманіемъ относиться къ высокимъ обязанностямъ своего сана: онъ уединился въ своихъ покояхъ, нигде не выходилъ и даже пересталъ присутствовать въ засѣданіяхъ Совѣта. Отъ этого недостатка дѣятельности со стороны высшаго сановника въ государствѣ не могло произойти на практикѣ никакихъ неудобствъ, такъ какъ венеціанская конституція въ достаточной степени предусматривала временное прекращеніе личныхъ занятій дожа, а замѣстителемъ его какъ въ Совѣтѣ, такъ и въ различныхъ официальныхъ случаяхъ, являлось особо уполномоченное для этого лицо. Наконецъ, преклонный возрастъ дожа и постигшее его тяжкое горе требовали, казалось бы, снисходительнаго отношенія къ его слабости, тѣмъ болѣе, что этою снисходительностью ему все равно недолго пришлось бы пользоваться. Но на старика обрушились еще и дальнѣйшія бѣдствія. Въ 1467 г. однимъ изъ трехъ главныхъ членовъ Совѣта Десяти былъ назначенъ Джакомо Лоредано, принадлежавшій къ фамиліи, которая долгое время находилась въ наслѣдственной враждѣ съ домомъ Фоскари. Его дядя Пьетро, получивъ на дѣйствительной службѣ высокій санъ венеціанскаго адмирала, по возвращеніи своемъ въ Венецію сталъ во главѣ политической партіи, явно враждебной дожу; онъ вызывалъ рукоплесканія своими рѣчами въ Совѣтахъ и достигъ такого вліятельнаго положенія, что большинство нерѣдко оказывалось на его сторонѣ. Однажды, въ минуту досады, у Фоскари вырвалось, въ засѣданіи Сената, рѣзкое выраженіе, что онъ никогда не будетъ считать себя на самомъ дѣлѣ дожемъ, пока живъ Пьетро Лоредано. Вскорѣ послѣ этого, адмиралъ, которому было поручено командованіе одною изъ армій, мобилизованныхъ противъ Висконти, скоропостижно умеръ на военномъ банкетѣ, устроенномъ во время краткаго перемирія, — и эту смерть поставили въ связь съ угрожавшими ему словами Фоскари. Замѣчено было также, что и братъ его, Марко Лоредано, занимавшій должность адвоката (см. примѣч. къ «*Марино Фальеро*»), умеръ подобнымъ же образомъ въ то время, когда онъ готовился выступить обвинителемъ одного зятя Фальеро въ расхищеніи государственной собственности. Глухіе слухи, вызванные этими несчастными совпаденіями (конечно, это были не болѣе, какъ только совпаденія), показались мало правдоподобными и были отвергнуты или забыты всѣми, кромѣ лишь одного человека. Джакомо, сынъ одного и племянникъ другого изъ умершихъ Лоредано, вполне повѣрилъ этому обвиненію, написалъ на гробницѣ своего отца въ монастырѣ св. Елены, что онъ умеръ отъ отравы, далъ торжественную клятву неутомимо добиваться возмездія и, въ концѣ концовъ, эту клятву исполнилъ.

«Еще при жизни Пьетро Лоредано, Фоскари, желая положить конецъ враждѣ заключеніемъ семейнаго союза, предложилъ одному изъ сыновей своего соперника руку своей дочери. Молодой человекъ, увидѣвъ предложенную ему невесту, открыто высказалъ, что она ему не нравится, и крайне неохотно отказался отъ брака съ нею, такъ что вмѣсто примиренія произошла новая ссора, въ которой Фоскари могъ считать себя наиболѣе оскорбленной стороной. Но Джакомо Лоредано былъ иного мнѣнія. Годъ за годомъ онъ злобно выжидалъ удобнаго вре-

мени для своей мести; наконецъ, это время настало, когда онъ занялъ вліятельное положеніе въ Совѣтѣ Десяти. Опираясь на авторитетъ своего высокаго сана, онъ внесъ предложеніе о низверженіи стараго дожа, которое, впрочемъ, сначала принято было холодно: люди, дважды не допустившіе дожа до добровольнаго сложенія своего сана, не могли не видѣть, что требованіе отреченія противорѣчило бы ихъ собственнымъ словамъ и дѣйствіямъ. Для обсуждения этого предложенія была избрана юнта, въ числѣ членовъ которой, назначенныхъ Великимъ Совѣтомъ, находился братъ самого дожа, прокураторъ св. Марка, Марко Фоскари, совершенно даже и не подозревавшій о той цѣли, съ какою юнта была созвана. Совѣтъ полагалъ, что устранить его отъ этого дѣла значило бы — возбудить подозрѣнія, между тѣмъ какъ участіе его могло бы придать всему процессу характеръ безпристрастія. Потому-то онъ и былъ включенъ въ составъ юнты; но его не допустили къ участію въ преніяхъ, удалили въ отдѣльную комнату и потребовали клятвы, что онъ сохранитъ всѣ эти обстоятельства въ тайнѣ; въ то же время онъ долженъ былъ подписать окончательное постановленіе, въ обсужденіи котораго онъ не участвовалъ. Засѣданіе Совѣта длилось восемь дней и почти столько же ночей; результатомъ этого продолжительнаго совѣщанія было назначеніе особой депутаціи, которая должна была потребовать отъ дожа отреченія. Старецъ принялъ депутацію съ удивленіемъ, но твердо, и отвѣчалъ имъ, что онъ поклялся не отречься и, слѣдовательно, долженъ исполнить свою клятву. Такимъ образомъ, добровольное отреченіе представляется для него невозможнымъ; но если мудрый Совѣтъ признаетъ необходимымъ, то онъ можетъ сдѣлать соотвѣтствующее предложеніе Великому Совѣту объ отрѣшеніи дожа отъ должности. Между тѣмъ, Совѣтъ Десяти вовсе не желалъ передавать это дѣло на обсужденіе болѣе многочисленнаго законодательнаго собранія; потому, принявъ на себя самовластно прерогативы, не предоставленныя ему уложеніемъ, Совѣтъ разрѣшилъ Фоскари отъ данной имъ клятвы, объяснивъ, что должность дожа вакантна, назначилъ ему пенсію въ двѣ тысячи дукатовъ и обязалъ его въ теченіе трехъ дней выѣхать изъ дворца, подъ угрозой конфискаціи всего его имущества. Лоредано, бывшій въ ту пору очереднымъ предсѣдателемъ Совѣта, имѣлъ жестокое удовольствіе лично представить это постановленіе дожу. «А вы кто такой, синьоръ?» спросилъ дождь у другого члена Совѣта, явившагоса вмѣстѣ съ Лоредано и сразу имъ не узнаннаго. — «Я — сынъ Марко Меммо», отвѣчалъ тотъ. — Ахъ, да, — вѣсть отецъ — мой другъ, — сказалъ Фоскари. Затѣмъ дождь заявилъ, что онъ охотно исполнитъ волю свѣтлѣйшаго Совѣта, и, сложивъ съ себя головной уборъ и облаченіе дожа, отдалъ депутатамъ свое кольцо, которое тутъ же было сломано. На слѣдующее утро, когда онъ собирался выѣхать изъ дворца, ему было предложено удалиться по боковой лѣстницѣ, чтобы не встрѣчаться съ толпою, собравшеюся на дворцовомъ дворѣ. Фоскари спокойно и съ достоинствомъ отказался исполнить это требованіе и заявилъ, что онъ сойдетъ по тѣмъ же самымъ ступенямъ, по которымъ вззошелъ тридцать лѣтъ тому назадъ. И въ самомъ дѣлѣ, онъ, съ помощью своего брата, медленно спустился по Лѣстницѣ Гигантовъ. Дойдя до послѣдней ступени, онъ отложилъ свой жезлъ и, обернувшись къ дворцу, произнесъ слѣдующія прощальныя слова: «Мои заслуги водворили меня въ твоихъ стѣнахъ; злоба враговъ моихъ изгоняетъ меня изъ этихъ стѣнъ!»

«Фоскари былъ непріятель только для олигар-

ПРИМѢЧАНІЯ КО ВТОРОМУ ТОМУ.

ховъ; народъ всегда любилъ его и, конечно, и въ эту послѣднюю минуту исполнѣ ему сочувствовалъ. Но венеціанскіе тираны постарались заглушить даже народное чувство: въ тайнѣ люди могли сколько угодно жалѣть о своемъ оскорбленномъ и униженномъ государѣ, но всякое явное выраженіе этого сожалѣнія было строго запрещено Совѣтомъ, который подъ страхомъ смертной казни запретилъ даже произносить имя Фоскари. На пятый день по низложеніи Фоскари, долженъ былъ быть избранъ Паскале Малипьері. Низложенный дожъ узналъ объ избраніи своего преемника по звону колоколовъ св. Марка. Онъ старался подавить свое возмущеніе; но отъ сильнаго огорченія у него лопнулъ кровеносный сосудъ, и черезъ нѣсколько часовъ онъ скончался».

Относительно общаго характера этой трагедіи, въ связи съ усвоенными Байрономъ приемами драматической техники, *Джеффри* замѣтилъ, что она представляетъ разительный примѣръ неудобства, или, сказать прямо,—нелѣпости—жертвовать высшими цѣлями драмы ради соблюденія формальнаго условія единства. Весь интересъ пьесы сосредоточивается на молодомъ Фоскари, который, несмотря на запрещеніе закона, рѣшился самовольно вернуться изъ изгнанія, побуждаемый неодолимою тоскою по родинѣ. Единственный способъ обнаружить передъ нами всю силу этого чувства, ради котораго человекъ не утратилъ ужаснѣйшихъ страданій,—состоялъ въ томъ, чтобы представить молодого Фоскари изнывающимъ въ ссылкѣ и показать, какъ онъ приходитъ вдали отъ родины къ рѣшенію вернуться,—или какъ пмъ овладѣваетъ сомнѣніе и мучительное колебаніе въ виду родныхъ береговъ. Тогда только передъ нами до нѣкоторой степени раскрылись бы его побужденія и сущность его необыкновеннаго характера. Но такъ какъ это находилось бы въ противорѣчій съ требованіемъ одного изъ единствъ, то мы впервые встрѣчаемся съ молодымъ Фоскари, когда его ведутъ съ допроса; затѣмъ мы видимъ его перенесеннымъ во дворецъ дожа, припадающимъ къ стѣнамъ тюрьмы въ своемъ родномъ городѣ—и умирающимъ отъ страха, что ему приходится разстаться съ этими стѣнами. Такимъ образомъ, мы не столько сочувствуемъ ему, сколько изумляемся, когда намъ говорить, что эта агонія является слѣдствіемъ не вины или преступленія, а единственно горячей любви молодого Фоскари къ своей родинѣ»...

Стр. 380. «*Лоредано*—прекрасно задуманный и истинно трагическій характеръ. Глубокая и неутолимая ненависть, побуждающая его совершать самыя ужасныя жестокости, можетъ съ перваго взгляда показаться неестественной и преувеличенной. Но она представлена совершенно согласно съ исторіей. Притомъ, если принять во вниманіе причину этой ненависти—предполагаемое участіе Фоскари въ убійствѣ его отца и дяди, жестокія понятія итальянцевъ о мести и то обычное пренебреженіе ко всякимъ проявленіямъ душевной мягкости, которыми славились венеціанскіе патриціи, то мы поймемъ, что именно такая ненависть должна была наполнять душу гордаго венеціанца, считавшаго весь родъ Фоскари врагами не только своей фамиліи, но и своей родины». (*Геберъ*).

... На отдыхъ отъ пытки.

«Сомнительно, чтобы Джакомо Фоскари во время третьяго своего процесса былъ подвергнутъ пыткѣ. Въ подлинномъ документѣ Совѣта Десяти, отъ 23 Іюля 1456 г., сказано: «Si videtur vobis per

ea quae dicta et lecta sunt, quod *procedatur* contra Ser Jac. Foscari», и историки доказываютъ (см. F. Berlan, I due Foscari, etc., 1852, стр. 57), 1) что слово *procedatur* не есть эвфемизмъ и что его слѣдуетъ переводить просто: «долженъ быть преданъ суду»; 2) что если бы Совѣтъ постановилъ подвергнуть его пыткѣ, то это было бы прямо сказано, и 3) что въ двусмысленныхъ выраженіяхъ не представлялось надобности, такъ какъ постановленія Совѣта Десяти не соглашались. Это мнѣніе раздѣляютъ С. Романини (*Storia documentata*, 1853) и Р. Зенгеръ (*Die beiden Foscari*, 1878). Съ другой стороны, миссъ Уиль (*Wiel, Two Doges of Venice*, 1891) указываетъ, что, по словамъ «Хроники Дольфина», которую Берданъ оставилъ безъ вниманія, Джакомо, по окончаніи суда, оказался «изувѣченнымъ», и ему позволено было проститься съ женой и дѣтьми въ тюрьмѣ. Гете, въ своихъ бесѣдахъ съ Эккерманомъ, не удивлялся тому, что Байронъ можетъ такъ долго останавливаться на столь мучительномъ предметѣ.—«Онъ всегда былъ мучителемъ самого себя,—замѣтилъ Гете,—и подобно сюжету были для него самыми любимыми темами». (*Кольриджъ*).

... Въдѣ судить онъ

Послѣднѣю единственнаго сына.

«Совершенно невѣроятно, чтобы Франческо Фоскари лично присутствовалъ на третьемъ процессѣ своего сына, или на двухъ предшествующихъ. Изъ одного постановленія Совѣта Десяти, относящагося къ первому изъ этихъ процессовъ, видно, что въ законѣ было указано совсѣмъ обратное: «Въ присутствіи самого дожа не надлежитъ разсуждать, говорить или совѣщаться о предметахъ, касающихся его самого или его сыновей; равнымъ образомъ, дожъ не присутствуетъ при сужденіяхъ о предметахъ, касающихся лицъ его свиты». Поводомъ къ преданію о томъ, что старый дожъ, подобно древнему римлянину, самъ судилъ и осудилъ своего сына, послужило, вѣроятно, помѣщеніе во главѣ декрета о ссылкѣ обычной формулы: «Мы, Франческо Фоскари, и пр. (*Кольриджъ*)».

Стр. 381.

Что будто бы они отравлены.

«*Per insidias hostium veneno sublati*». Гробница эта находится въ монастырѣ св. Елены, на Isola Santa Lena.

Барбариго. Идти съ тобой!...

«*Лоредано* всегда является въ сопровожденіи одного сенатора, по имени Барбариго. Это нѣчто вроде наперсника или хора, который выводитъ, какъ будто, съ единственною цѣлью упрекать *Лоредано* и высказывать ему свои сомнѣнія, а затѣмъ все-таки поддерживать его своимъ авторитетомъ и пособничествомъ». (*Джеффри*).

«*Лоредано* единственное дѣйствующее лицо, возвышающееся надъ уровнемъ посредственности. Всѣ прочіе характеры или неестественны, или слабы. Барбариго—самый незначительный изъ всѣхъ наперсниковъ, какіе когда-либо сопровождали героя на парижской сценѣ». (*Геберъ*).

Стр. 382.

Я—одинъ изъ членовъ «Десяти».

«Этотъ эпизодъ изъ частной жизни дома Фоскари имѣетъ особенную цѣнность потому, что онъ бросаетъ лучъ свѣта на внутреннюю исторію Вене-

ція. Здѣсь мы находимся въ совершенно особой атмосферѣ. Совѣтъ Десяти всемогущъ; онъ присвоиваетъ себѣ даже и такія права, которыя на основаніи конституціи вовсе ему не принадлежать. Воздухъ насыщенъ заговорами, подозрѣніями, убійствами, доносами, шпіонствомъ, словомъ, всѣми элементами, подтверждающими народныя легенды объ ужасахъ «Десяти». (Гораций Ф. Кроунъ, Venice, 1893).

Стр. 383.

... Я былъ тогда ребенкомъ.

«Рѣчь Джакомо у окна, въ которой онъ говорить о своихъ юношескихъ забавахъ, написана съ большимъ чувствомъ и съ любовью къ тому, что въ ней изображается». (Геберъ).

*Когда чудилъ, бывало, подъ окномъ
Моей тюрьмы онъ въ Кандіи...*

«Климатъ Крита вообще мягокъ и здоровъ; но городъ Кандія открытъ для вѣтровъ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ». (Прим. Байрона).

«Что же представляетъ собою самъ герой этой пьесы? Если дѣйствительно когда-либо могъ произойти такой случай, что человѣкъ серьезно предпочелъ тюрьму и пытку у себя на родинѣ — временному пребыванію на прекрасномъ островѣ, въ благопріятномъ климатѣ и на разстояніи всего трехъ дней паруснаго плаванія отъ родного города, то мало найдется людей, которые этому повѣрятъ, и еще меньше такихъ, которые будутъ этому сочувствовать; такимъ образомъ, здѣсь передъ нами — тема, не особенно благодарная для драматическаго произведенія. Что касается лично насъ, то мы почти не сомнѣваемся въ томъ, что Фоскари написалъ свое роковое письмо именно съ тою цѣлью, какая подозрѣвалась его обвинителями. желая добиться, съ помощью чужеземнаго вліянія, почетнаго возвращенія изъ ссылки; объясненіе же, какое имъ дано было этому дѣлу, когда оно обнаружилось, представляется намъ только попыткой утопающаго ухватиться за что-нибудь, хотя бы за соломинку. Но если Байронъ дѣйствительно считалъ такое объясненіе поступка Фоскари реальнымъ, то онъ долженъ былъ, по крайней мѣрѣ, ясно представить намъ всю невыносимость его разлуки съ родиной, изнурительную тоску по ней, постепенное помраченіе умственныхъ силъ и безплодную надежду на милость враговъ: вѣдь только такимъ образомъ и можно было сдѣлать вѣроятнымъ поступокъ, который долженъ былъ привести Фоскари снова на пытку и въ тюрьму. Поэту слѣдовало прежде всего показать намъ Фоскари осужденнымъ на ссылку и покидающимъ Венецію, затѣмъ изобразить его томленіе въ Кандіи, его попытки вступить въ переговоры съ агентами правительства; только при этихъ условіяхъ, а не иначе, мы были бы подготовлены къ терпѣливому выслушиванію его жалобъ и могли бы съ интересомъ и ужасомъ слѣдить за его страданіями». (Геберъ).

Стр. 384. Марина Фоскари была изъ рода Контарини; въ дѣйствительности ее звали Лукреціей.

Стр. 388.

*Что Альморо Донато былъ убитъ
Николо Эризо изъ личной мести.*

«Необыкновенный приговоръ, произнесенный надъ Джакомо Фоскари и еще сохраняющійся въ венеціанскихъ архивахъ, гласитъ слѣдующее: «Дж. Фоскари, обвиненный въ убійствѣ Эрмолао Донато, былъ арестованъ и допрошенъ. Изъ свидѣтельскихъ

показаній и предъявленныхъ суду документовъ съ очевидностью выясняется, что онъ виновенъ въ упомянутомъ преступленіи; тѣмъ не менѣе, въ виду его упорства и вслѣдствіе чаръ и заклинаній, которыми онъ владѣетъ и которыя ясно обнаруживались, невозможно было извлечь изъ него истину, подтверждаемую устными и письменными показаніями; ибо въ то время, какъ онъ висѣлъ на дыбѣ, онъ не произносилъ ни слова и не стоналъ, а только бормоталъ что-то неясно и сквозь зубы. Потому, и такъ какъ этого требуетъ достоинство государства, онъ и приговаривается къ дальнѣйшей ссылкѣ въ Кандію». Можно ли повѣрить тому, что очевидное доказательство его невинности — обнаруженіе настоящаго убійцы — ни въ чемъ не измѣнило этого несправедливаго и жестокаго приговора?» (Прим. Байрона).

Стр. 395.

*Два раза я хотѣлъ
Сложитъ мой санъ.*

Дождь заявлялъ о своемъ желаніи отказаться отъ власти въ іюнѣ 1433 г., въ іюнѣ 1442 г. и затѣмъ снова въ 1446 г.

«Весь интересъ этой пьесы основывается на чувствахъ столь необычныхъ и преувеличенныхъ, что они не вызываютъ съ нашей стороны сочувствія, и все дѣйствіе состоитъ изъ такихъ событій, которыя мало занимательны и неестественны. Молодой Фоскари дважды подвергается пыткѣ (одинъ разъ публика должна слышать его стоны) только изъ-за того, что онъ притворился преступникомъ, желая, чтобы его вернули изъ незаслуженной ссылки, и, наконецъ, умираетъ въ тоскѣ и безуміи; а старый Фоскари въ глубокомъ и неподвижномъ молчаніи допускаетъ такое явно несправедливое обращеніе съ своимъ сыномъ, ибо въ противномъ случаѣ, обнаруживъ сочувствіе его несчастію, онъ былъ бы обвиненъ въ сообщничествѣ, несмотря на то, что за нимъ и не признается никакой вины. Въ то время, когда происходятъ всѣ эти ужасы, дождь боится пошевелиться, боится взглянуть или сказать слово: его страшитъ вражда Лоредано, который верховодитъ въ Совѣтѣ Десяти неизвѣстно какъ и почему и который, наконецъ, запутываетъ и отца и сына въ свои сѣти, не взирая на ихъ пассивное подчиненіе и непротивленіе его замысламъ. Оба Фоскари — не болѣе, какъ глупыя мухи, предназначенныя на то, чтобы погибнуть въ тенетахъ этого паука и насытить его старинную вражду». (Джеффри).

Стр. 401.

*Какія это буквы
Изъсѣчены на камнѣ?*

О венеціанскихъ тюрьмахъ и надписяхъ въ нихъ см. примѣчаніе Гобгоуза въ I томѣ наст. изд., стр. 529—530. Въ этой трагедіи Байронъ вообще старался не отступать отъ исторической истины; слѣдуетъ, однако, въ интересахъ точности замѣтить, что Джакомо послѣ пытки былъ перенесенъ во дворецъ дожа, а не въ тюрьму; что онъ умеръ не въ Венеціи, а въ Канѣ; что между его послѣднимъ осужденіемъ и низложеніемъ Франческо прошло 15 мѣсяцевъ и что дождь скончался не во дворцѣ, а у себя въ домѣ.

Стр. 404.

*Мнѣ ужасна мысль
Объ одиночествѣ.*

ПРИМѢЧАНІЯ КО ВТОРОМУ ТОМУ.

Говорятъ, что люди, осужденные на одиночное заключеніе, обыкновенно или сходятъ съ ума, или становятся идиотами, смотря по тому, что въ нихъ преобладаетъ — духъ или матерія, — когда нарушается таинственное равновѣсіе между этими двумя элементами. Впрочемъ, подвергающіеся этому страшному наказанію, подобно большинству закоренѣлыхъ преступниковъ, обыкновенно не обладаютъ сильными душевными ресурсами. Извѣстно, съ другой стороны, что люди талантливые, какъ напр. Тренкъ, даже и въ самомъ строгомъ заключеніи и безусловно-номъ одиночествѣ находили въ себѣ достаточно силы для борьбы съ жестокой меланхоліей и, проведя въ тюрьмѣ много лѣтъ, выходили изъ нея не ослабѣвшими умственно. Тѣ, кто страдаетъ за родину или за вѣру, имѣютъ для этой внутренней борьбы твердую опору и могутъ воскликнуть, подобно Отелло, хотя и въ другомъ смыслѣ: «Причина есть, причина есть, о сердце! Причина есть!»
(Вальтеръ (коттъ)).

Стр. 405.

*Они создаютъ умъли средь лагунъ
Приморскій новый Римъ.*

«Въ безстрашномъ и прекрасномъ сочиненіи объ Италіи лэди Морганъ я встрѣтилъ въ примѣненіи къ Венеціи выраженіе: «Римъ океана». То же самое выраженіе встрѣчается и въ трагедіи «Двое Фоскари». Мой издатель можетъ засвидѣтельствовать, что эта трагедія была написана и отослана въ Англію раньше, чѣмъ я увидѣлъ книгу лэди Морганъ, полученную мною только 16 августа. Какъ бы то ни было, я спѣшу отмѣтить это совпаденіе, уступая право на первенство писательницѣ, которая раньше дала эту фразу публикѣ. Я тѣмъ болѣе считаю себя обязаннымъ это сдѣлать, что, какъ мнѣ сообщаютъ (самъ я видѣлъ очень мало примѣровъ, да и то лишь случайно), противъ меня недавно высказаны были обвиненія въ плагиатѣ». (Прим. Байрона).

Байронъ называетъ книгу лэди Морганъ «безстрашной» за то, что она осуждаетъ образъ дѣйствій Англіи въ Генуѣ въ 1814 г.

Стр. 405.

Родной напитокъ гористыхъ странъ, раздавшихъ

Въ ушахъ изнанника...

«Воспоминаніе о швейцарскихъ мелодіяхъ». (Прим. Байрона).

Байронъ, конечно, имѣетъ въ виду такъ наз. *Ranz des vaches*, — пѣсню, которую играютъ на волынкѣ молодые альпійскіе пастухи. Эта пѣсня, по словамъ Руссо, такъ дорога сердцу каждого швейцарца, что ее запрещено было, подъ страхомъ смертной казни, играть въ войскахъ на чужой сторонѣ, такъ какъ ея звуки вызывали у солдатъ слезы и заставляли ихъ дезертировать или изнывать въ тоскѣ по родинѣ: такое неодолимое желаніе вернуться въ родныя горы возбуждала въ нихъ эта мелодія.

Стр. 409.

*Лишь онъ одинъ
Достоинъ быть жильцомъ подобной кельи.*

«Если оба Фоскари ничего не предпринимаютъ противъ махинацій своего безсовѣстнаго врага, то по крайней мѣрѣ Марина, жена младшаго изъ нихъ, срываетъ на немъ свой гнѣвъ, обливая ненавистнаго гонителя желчью упрековъ и презрѣнія

свыше всякой мѣры и съ такою силою, которая напоминаетъ королеву Маргариту въ *Ричардъ III*. (Джеффри).

Стр. 414.

Какой законъ? У насъ законъ — Советъ.

По закону, предложеніе дождю отречься отъ власти должно было исходить отъ шестерыхъ его совѣтниковъ совмѣстно съ большинствомъ Великаго Совѣта. Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ Советъ Десяти незаконно присвоилъ себѣ власть, ему не принадлежавшую.

Стр. 415.

*Мой сынъ, ты долженъ
Послушенъ быть законамъ государства.*

Романинъ, въ своей «Исторіи Венеціи», приводитъ слѣдующій рассказъ изъ «Хроники Дольфина»: «Посреди слезъ и рыданій, которыми сопровождался послѣдній прощальный объятіе, Джакомо, болѣе чѣмъ когда-либо чувствуя скорбь разлуки, сказалъ: «Отецъ, прошу тебя, постарайся, чтобы мнѣ позволили вернуться домой!» Дождь отвѣчалъ ему: «Увѣжай, Джакомо, повинуйся волѣ твоей родины и не ищи ничего другого». Но когда несчастный сынъ удалился, старецъ уже не въ силахъ былъ бороться со своею скорбью, — рыдая, упалъ онъ на кресло и воскликнулъ: «О, Боже милостивый!».

Стр. 418.

Онъ умеръ.

Какъ уже замѣчено выше, Джакомо Фоскари умеръ только въ февралѣ 1457 г., въ Кандін. Смерть его въ Венеціи, вслѣдъ за объявленіемъ приговора о ссылкѣ, введена Байрономъ ради соблюденія «единства».

Стр. 421.

*Смерть Карманьолы
Рѣшилась этимъ утромъ.*

«Историческій фактъ. См. Дарю, который ссылается на Сабеллика и Пьетро Джустиніани». (Прим. Байрона).

Стр. 423.

*Вамъ даются сутки
На то, чтобы приготовить вашъ отвѣтъ.*

Въ постановленіи Совѣта Десяти отъ 21 октября 1457 г. о низложеніи дождя сказано, что ему дается на размышленіе время «до третьяго часа слѣдующаго дня». Это ограниченіе срока имѣло цѣлю предупредить созваніе дождемъ Великаго Совѣта, которому, по закону, принадлежало исключительное право низлагать дожей.

Стр. 432.

Почтимъ его достойнымъ погребеньемъ.

По постановленію Совѣта, знаки высшей власти, которые дождь сложилъ съ себя при жизни, были возвращены ему послѣ смерти: онъ былъ погребенъ съ царскимъ великолѣпіемъ въ церкви Миноритовъ. На этой церемоніи присутствовалъ и вновь избранный дождь.

Стр. 433.

Онъ мнѣ заплатилъ.

«L'ha pagata». — Историческій фактъ. См. Дарю, «Исторія Венеціи».

(Прим. Байрона).

Въ рукописи трагедія оканчивалась этими словами. Но на поляхъ Байрономъ сдѣлана была при-

писки: «Если бы послѣдняя строчка показалась неясною тѣмъ изъ читателей, которые забудутъ историческій фактъ, отмѣченный въ первомъ дѣйствіи.— что Лоредано записалъ въ свою долговую книгу дожа Фоскари, какъ должника за смерть отца и дяди, то, пожалуй, прибавьте въ заключеніе еще пару строкъ:

Глава Совеѣта. За что?

Лоредано. За смерть отца

И дяди—смертью собственной и сына.

Спросите объ этомъ у Джиффорда».

«Мы должны сознаться, что «Сардананалъ» и «Двое Фоскари», какъ поэтическія произведенія, представляются намъ тяжеловѣсными, многословными и лишенными изящества. Въ нихъ нѣтъ той страстности и силы, какою отличаются прочія произведенія Байрона, и въ особенности чувствуется недостатокъ того богатства фантазіи, оригинальности мыслей и привлекательности стиха, которыми нашъ поэтъ всегда отличался. Большею частью эти пьесы слишкомъ торжественны, вѣлѣрѣчивы и напыщенны; дѣйствіе развивается въ нихъ медленно вслѣдствіе продолжительныхъ приготовленій къ катастрофѣ, которая никакъ не можетъ наступить; поэтъ просто мучитъ насъ блестящими высшаго дарованія, скупо разбросанными по тяжелымъ страницамъ высокопарной декламации. вмѣстѣ съ энергичнымъ пафосомъ и сильными чувствами, составлявшими характерную особенность прежнихъ его произведеній, авторъ,—непознано, почему,—оставляетъ и свою прежнюю мелодичную версификацію. Правда, въ обоихъ пьесахъ попадаются стихи очень удачные и сильные; но въ общемъ стихи здѣсь далеко не отличаются легкостью и музыкальностью. Это—не крылатые строчки, сильные и легкія, которыя дрожатъ въ устахъ дѣйствующихъ лицъ, какъ конья въ рукахъ бросающихъ ихъ воиновъ, а летать, какъ тяжелыя дубины въ безкровной схваткѣ. вмѣсто изящной и мелодичной фамиллярности Шекспира мы часто встрѣчаемъ неуклюжую прозу тамъ, гдѣ поэтъ приближается къ разговорной рѣчи, и во многихъ мѣстахъ слишкомъ обычные образы и ходячія выраженія плохо гармонируютъ съ общою торжественностью слога». (*Джеффри*).

СИНИЕ ЧУЛКИ.

Эта шутка, которую самъ Байронъ называлъ «фарсомъ», никогда не назначавшимся для печати, была написана въ 1820 г. и появилась первоначально въ газетѣ «Либераль». Въ ней разсѣяно множество личныхъ намековъ, въ настоящее время большею частью уже непонятныхъ. Около 1781 г. многія лондонскія дамы ввели въ моду вечернія собранія, на которыхъ представительницы прекраснаго пола могли бы встрѣчаться съ литераторами и вообще выдающимися людьми. Эти собранія были прозваны «клубами синихъ чулковъ». Дѣло въ томъ, что однимъ изъ наиболѣе замѣтныхъ посѣтителей этихъ собраній былъ мистеръ Стиппингфилтъ, всегда отличавшійся строгостью своего костюма и, между прочимъ, обыкновенно носившій синіе чулки. Его бесѣды такъ всѣмъ нравились, что его отсутствіе въ какомъ-либо изъ собраній всегда вызывало сожалѣнія; въ такихъ случаяхъ обыкновенно говорили: «Мы ничего не можемъ подѣлать безъ синихъ чулковъ». И вотъ, мало по малу, установился этотъ терминъ. Сэръ Вильямъ Форбсъ, въ своей біографіи

д-ра Биттля, рассказываетъ, что одинъ знатный иностранецъ, услышавъ это выраженіе, перевелъ его буквально: Bas-Bleu, и это названіе стало при мѣнять къ собраніямъ въ дамскихъ салонахъ. Миссъ Анна Моръ, сама бывшая членомъ этихъ собраній, написала поэму подъ заглавіемъ Bas-Bleu, намекая на забавную ошибку иностранца, и въ этой поэмѣ дала характеристику наиболѣе выдающихся посѣтителей «дамскихъ клубовъ».

Стр. 435.

Въ статьѣ «освѣжающихъ» мною мѣстечекъ.

Это выраженіе впервые было употреблено въ «Эдинбургскомъ Обозрѣніи»—по всей вѣроятности, въ статьѣ Джеффри.

Стр. 437.

Примѣромъ вамъ можетъ быть публики судъ

Надъ Ботерби драмой; талантъ Ренегада...

«Ботерби»—Сотеби; «Ренегадо» т. е. «ренегата»,—прозвище Соути, см. выше, прим. къ «Видѣнію Суда».

«Двѣицъ пожилыхъ обозрѣніе»—журналъ «Британское Обозрѣніе», который Байронъ называлъ журналомъ своей бабушки.

Стр. 438.

Sic me servavit Apollo (стихъ Горация).

«Сотеби—хорошій человекъ и пишетъ хорошіе (если не всегда умные) стихи; но онъ скученъ до крайности. Онъ хватается васъ за пуговицы. Однажды вечеромъ, на раутѣ у мистера Гопа, онъ схватилъ меня и началъ говорить что-то объ Агамемнонѣ, или Орестѣ, или о какой-то другой своей трагедіи, не взирая на то, что я обнаруживалъ явные признаки неудовольствія (я былъ въ ту пору влюбленъ и только что улучилъ минутку, когда около моего тогдашняго кумира не было ни маменекъ, ни тетенокъ, ни соперниковъ, ни сплетниковъ, и она стояла, какъ прекрасная статуя, въ галлерей, въ которой мы тогда находились). Такъ вотъ, Сотеби схватилъ меня за пуговицу и сталъ безпощадно заговаривать. Вильямъ Спенсеръ, который любитъ пошутить, увидѣвъ, въ какомъ я печальномъ положеніи, и, подойдя ко мнѣ, патетически взялъ меня за руку и попросился со мною. «Вижу, сказалъ онъ, что для васъ уже все кончено». Тогда Сотеби вдругъ отошелъ. Sic me servavit Apollo». (*Дневникъ Байрона*, 1821 г.).

Стр. 440.

Лэди Блюмонтъ... гербовый

Доходъ онъ собираетъ.

Вордсвортъ былъ сборщикомъ гербовыхъ пошлинъ въ Кумберландѣ и Вестморландѣ.

Никель. А больше всего у пирожника Гранга.

Грантъ (собств. Грэнджъ) былъ знаменитый въ свое время торговецъ паштетами и фруктами на улицѣ Пиккадилли.

Никель. Упорные слухи все ходятъ,

Что будто бы васъ въ комитетѣ изводятъ.

«Когда я былъ членомъ комитета Дрюри-Лэнскаго театра, у насъ накопилось болѣе пятисотъ пьесъ. Мистеръ Сотеби любезно предложилъ въ

ПРИМѢЧАНІЯ КО ВТОРОМУ ТОМУ.

наше распоряженіе *въ* свои трагедіи; я ихъ отстаивалъ и, несмотря на разногласіе съ нѣкоторыми членами комитета, добился того, что «Иванъ» былъ принятъ, прочитанъ, и роли распределены. Но, вотъ, въ самомъ разгарѣ дѣла, вслѣдствіе пары «теплыхъ» словъ Кина или горячности автора, пьеса была вдругъ снята съ репертуара.

(*Дневникъ Байрона 1821 г.*)

Стр. 441—442.

Леди Блюмонтъ. ... Тотъ же кумпръ И Джорджа приводитъ всегда въ восхищеніе.

Покойный сэръ Джорджъ Блюмонтъ былъ всегдашнимъ другомъ Вордсворта.

А важный нашъ лордъ...

Въ подлинникѣ: «лордъ Семьдесятъ-Четыре». Это былъ Джемсъ, первый лордъ Лондэль, который въ концѣ американской войны предлагалъ на свой счетъ построить, вооружить и снабдить экипажемъ 74-пушечный корабль Откуда и его прозвище.

Стр. 442.

Инкель. Вы къ сэру вѣдь Гомфри обѣдать пойдете?

Сэръ Гомфри Дэви, президентъ Королевскаго Общества.

Леди Блюботтъ. На ужинъ миссъ Диддель звала нынче насъ.

Миссъ Лидія Уайтъ, эксцентричная дама, въ домѣ которой всѣ артисты и писатели пользовались широкимъ гостепріимствомъ. Имя «Диддель» отчасти, по сходству звуковъ, намекаетъ на Лидію.

КАИНЪ.

Стр. 451. На посвященіе Байрона Вальтеръ Скоттъ отвѣчалъ слѣдующимъ письмомъ на имя Муррея:

«М. Г. Съ чувствомъ величайшей признательности принимаю предложеніе лорда Байрона поставить мое имя на первомъ листѣ его поистинѣ великой и ужасающей драмы «Каинъ». Можетъ быть, я отношусь къ автору съ нѣкоторымъ пристрастіемъ, которое вы легко можете себѣ объяснить; но въ этомъ произведеніи его муза совершаетъ такой полетъ, какой еще ни разу не удавался ей въ прежнихъ ея воспареніяхъ. Онъ, безъ сомнѣнія, сравнялся съ Мильтономъ на его собственной почвѣ. Кое-гдѣ его языкъ отличается смѣлостью, которая можетъ вызвать неудовольствіе среди извѣстнаго круга читателей; другіе будутъ также высказываться противъ него ради лицемѣрія или изъ зависти. Но въ такомъ случаѣ, оставаясь послѣдовательными, они должны будутъ осудить также и «Потерянный Рай». Враждебныя выходки и дерзкое богохульство врага рода человѣческаго и его ученика приводять именно къ тому, чего и слѣдовало отъ нихъ ожидать,—къ совершенію перваго убійства и къ полному отчаянію преступника.

«Я не понимаю, какъ можно обвинять автора въ манихействѣ. Конечно, дьяволъ говоритъ языкомъ манихейской секты, потому что, не имѣя возможности отрицать существованіе Добраго Начала, онъ старается возвысить себя самого—Злое Начало—до кажущагося равенства съ Добрымъ; но

всѣ такіе доводы въ его устахъ могутъ служить лишь орудіемъ искушенія и обмана. Лордъ Байронъ могъ бы сдѣлать это болѣе очевиднымъ, вложивъ въ уста Адама, или какого-нибудь добраго духа-покровителя, доказательства того, что существованіе нравственнаго зла совмѣстимо съ Божественною благодію. Лучшимъ ключомъ къ уразумѣнію этой мистеріи является, можетъ быть, несовершенство человѣческихъ способностей, которыя даютъ намъ возможность видѣть и сильно чувствовать только удручающее насъ частное зло, оставляя насъ въ невѣдѣніи относительно общаго порядка вселенной и относительно того, какъ согласовать существованіе этихъ частныхъ золъ съ общою благодію Творца.

«Размышленіе о подобныхъ предметахъ можетъ подать поводъ какому-нибудь сильному уму, вроде лорда Байрона, снискать и возмутить воду у васъ въ Лондонѣ, такъ какъ—за исключеніемъ «Джона Булля» *)—вы, кажется, совсѣмъ застоялись. Примите и пр.»

Стр. 451.

Я этого не знаю, и это меня мало интересуетъ.

Далѣе въ рукописи слѣдовало: «Я знаю, что меня могутъ обвинить въ манихействѣ или въ какомъ-нибудь иномъ измѣ, который представляется столь ужаснымъ на видъ и страшнымъ для ушей читателей, такъ щедро расточающихъ подобныя благочестивыя эпитеты, но гораздо рѣже отдающихъ себѣ отчетъ въ ихъ значеніи. Противъ такихъ обвинителей я сумѣю защититься, а если понадобится, то сумѣю и самъ напасть на нихъ».

Во всемъ Ветхомъ Завѣтѣ нѣтъ никакихъ намековъ на грядущую судьбу міра.

«Въ разныхъ мѣстахъ Ветхаго Завѣта разсѣяно много такихъ мыслей, которыя являются болѣе, чѣмъ только «намёками» на грядущую судьбу міра. Въ частности, Ветхій Завѣтъ содержитъ въ себѣ много мѣстъ, въ которыхъ говорится о безсмертіи души и которыя безъ такого истолкованія были бы или незначительны, или даже вовсе непонятны. Напримѣръ: «И возвратится персть въ землю, якоже бѣ, и духъ возвратится къ Богу, иже даде его». *Экклезиастъ*, XII, 7.—«И мнози отъ спящихъ въ земнѣй персти возстанутъ, сіи въ жизнь вѣчную, а онѣи во укоризну и въ стыдѣніе вѣчное». *Даніилъ*, XII, 2.—«Вѣмъ бо, яко приносущенъ есть, иже имать искупити мя и на земли воскресити пожу мою, терпящую сія». *Іовъ*, XIX, 25, 26. (*British Review*).

Стр. 454.

Ева. Плодъ древа запрещеннаго созрѣлъ И падаетъ.

«Эти слова служатъ ключомъ къ уразумѣнію характера и направленія мыслей Каина. Онъ съ пренебреженіемъ смотритъ на то ограниченное существованіе, какое дано ему въ удѣлъ; онъ чувствуетъ ужасъ передъ смертію, но и ожидаетъ ее съ свойственнымъ ему сильнымъ любопытствомъ; въ то же время онъ питаетъ скрытое неудовольствіе на своихъ родителей, объясняя свое униженное положеніе ихъ проступкомъ. Вдобавокъ, онъ мучится ненасытною жаждою знанія сверхъ указанныхъ человѣку предѣловъ. Эта часть мистеріи

*) Воскресный сатирическій листокъ, который началъ выходить незадолго до того и вызвалъ небывалую до тѣхъ поръ въ исторіи печати сенсацию.

имѣть большое сходство съ «Манфредомъ», съ которымъ Кайнъ во многихъ отношеніяхъ сходится. (Кэмбелль).

*По виду, это—ангелъ.
Но кажется мрачнѣе и печальнѣе,
Чѣмъ прочіе...*

«Описаніе Кайномъ приближающагося Люцифера какъ будто взято изъ «Потеряннаго Рая». Есть нѣчто духовно-прекрасное въ этомъ изображеніи ужаса отъ предчувствія грядущаго зла». (Джеффри).

Стр. «Потерянный Рай» (въ перев. О. Н. Чюминой):

И не вполне свой блескъ первоначальный
Утратилъ онъ: въ паденіи своемъ
Остался онъ архангеломъ. Порою
Такъ безъ лучей проглядываетъ солнце,
Взошедшее сквозь утренній туманъ...

«Въ Люциферѣ, какъ изобразилъ его лордъ Байронъ, мы не видимъ совершенно ничего дурного; напротивъ, съ перваго своего появленія онъ производитъ на насъ впечатлѣніе весьма благопріятное. Онъ не только одаренъ красотою, мудростью и необходимомъ смѣлостью, какими надѣлилъ его Милтъонъ и которыя можно дѣйствительно считать принадлежностью его возвышенной природы, но онъ представленъ несчастнымъ безъ вины и сожалѣющимъ о нашемъ несчастіи. Еще раньше его появленія мы уже подготовлены (насколько поэтъ могъ это сдѣлать) къ выраженію сочувствія всякому духовному существу, которое противопоставило бы себя власти Іеговы. Послѣдующіе разговоры и объясненія всѣ ведутъ къ одному заключенію именно—что все существующее есть зло, и что если бы дьяволъ былъ творцомъ міра, то онъ сдѣлалъ бы свое созданіе болѣе счастливымъ. Затѣмъ, всѣ его доводы и обвиненія остаются безъ всякаго противорѣчія, или же отвѣтомъ на нихъ служатъ только сила и наказаніе, налагаемое не на его самого, а на его ученика. Намѣреніе автора не становится менѣе яснымъ и ядъ его рѣчей не дѣлается болѣе грубымъ оттого, что въ этихъ рѣчахъ нѣтъ неприличія и что обвинитель Всемогушаго не унижается до грубой дерзости или шутовскаго издѣательства». (Геберъ).

«Сатана Милтъона вовсе не представляетъ собою полу-человѣка, полу-дьявола, въ которомъ достаточно земного для того, чтобы быть злокозненнымъ скептикомъ, и достаточно небеснаго для того, чтобы даже самую свою злокозненность облекать въ тѣнь величія. Люциферъ Байрона—ни благородный, ни подлый врагъ; онъ не дѣлаетъ ничего и представляется ничѣмъ; ни въ его характерѣ, ни въ его описаніи нѣтъ никакой поэзіи; это—жалкій, пресмыкающийся и болтающій дьяволъ, ничтожнѣйшій метафизикъ, лишенный даже той доли остроумія, которая могла бы спасти его отъ осужденія критики; въ его рѣчахъ нѣтъ ни поэзіи, ни здраваго смысла. Тома Аквинскій выскъ бы его не столько за его безвѣріе, сколько за его плоскую логику, а св. Дунканъ поймалъ бы его за носъ прежде, чѣмъ онъ успѣлъ бы опомниться». (Журналъ «Blackwood» 1822).

«Нечестивый характеръ, который можно поставить въ вину этой мистеріи, заключается главнымъ образомъ въ томъ, что безцѣльные и бездоказательныя богохульства, вложенныя въ уста Люцифера и Кайна, остаются безъ всякаго опроверженія, какъ будто бы самъ авторъ имѣлъ намѣреніе высказать такіа именно или подобныя мысли. По крайней мѣрѣ, онъ не дѣлаетъ никакой попытки преду-

предить то сильное впечатлѣніе, какое онѣ оставляютъ въ умѣ читателя. Наоборотъ, всѣ доводы (если можно такъ назвать ихъ), приводимые противъ премудрости и благодати Творца, выдвигаются на первый планъ съ большимъ искусствомъ. При этомъ поэтъ старался какъ можно болѣе смягчить характеры Злого Духа и перваго убійцы: дьяволъ представленъ изящнымъ, поэтическимъ, философствующимъ сентименталистомъ, чѣмъ-то вроде Манфреда, а Кайнъ—невѣжественнымъ, надменнымъ и своевольнымъ мальчишкой. вмѣстѣ съ тѣмъ, Люциферъ отрицаетъ всякое свое участіе въ искушеніи Евы, сваливая всю вину на змѣю, которая была-де не больше, какъ только змѣей,—и авторъ поясняетъ, что онъ допустилъ это единственно потому, что въ Книгѣ Бытія не содержится ни малѣйшаго намека на что-либо иное, а обращаться къ Новому Завѣту было бы анахронизмомъ». (Eclectic Reviewer 1822).

«Искуситель, въ длинномъ разговорѣ, сообщаетъ Кайну (который, слѣдовательно, предполагается незнающимъ этого), что душа безсмертна, и что души, что смѣютъ сознавать свое безсмертіе, осуждены на вѣчныя мученія. Эта мысль, являющаяся основною моралью (если можно употребить здѣсь это выраженіе) всей пьесы, развивается въ дальнѣйшихъ словахъ Люцифера. (Геберъ).

«Въ «Кайнѣ», сколько помню, нѣтъ ничего противъ безсмертія души. Я подобныхъ мнѣній не придерживаюсь. Но въ драмѣ первый возмутитель и первый убійца должны были говорить соответственно ихъ характерамъ». (Байронъ).

Стр. 469.

*Кайнъ. . . . Ахъ я думалъ,
Что это существо.*

Къ этимъ словамъ само собою напрашивается хотя и прозаическое, но достаточно очевидное замѣчаніе, что, вѣдь, первая человѣческая семья уже давно должна была освоиться съ смертностью животныхъ, которыхъ Авель убивалъ для жертвоприношеній, а потому представляется совершенно непонятнымъ, что они высказываютъ разныя предположенія и догадки о томъ, что такое смерть». (Джеффри).

Стр. 468.

*Люциферъ. . . . црѣховная приманка
Къ созданью новыхъ душъ и новыѣ тѣлѣ,
Заранѣе несчастно обреченныхъ.*

«Нелѣпо было бы ожидать отъ Люцифера, что онъ будетъ говорить тономъ вѣрующаго проповѣдника и что въ разговорѣ перваго возмутителя и перваго убійцы не будетъ ничего необыкновеннаго; равнымъ образомъ, нѣтъ надобности ссылаться, въ оправданіе подобныхъ рѣчей, на авторитетъ Милтъона или на сочинителей старинныхъ мистерій. Дѣло въ томъ, что здѣсь вся рѣчь, и притомъ—рѣчь, очень тщательно обработанная и правдоподобная, направлена противъ благодати и всемогущества Божія, и не дѣлается никакихъ возраженій на эти оскорбительныя мнѣнія, изложенныя съ особенной энергіей. Дьяволъ и его ученикъ вполне предоставлены самимъ себѣ и встрѣчаютъ лишь самыя слабыя протесты или не разсуждающіе страхи. И эта богохульная аргументація является вовсе не случайнымъ искаженіемъ; напротивъ, она составляетъ основу всей пьесы и занимаетъ, кажется, не менѣе двухъ третей ея, такъ что дѣйствительно трудно повѣрить, чтобы драма была написана съ какою-нибудь иною цѣлью, а не для того, чтобы внушить читателямъ эти идеи или по крайней мѣрѣ

заставить ихъ размышлять надъ тѣми вопросами, которые здѣсь затрогиваются. Мы, конечно, не возражаемъ противъ того, чтобы лордъ Байронъ написалъ разсужденіе о происхожденіи зла и разсмотрѣлъ этотъ обширный и сложный предметъ съ тою силою и свободою сужденія, какія вполне уместны въ философскомъ изслѣдованіи; но мы не считаемъ удобнымъ разсуждать объ этомъ вопросѣ односторонне и сопатоге, отъ имени Каина и Люцифера, не принимая на себя никакой отвѣтственности или обязанности возражать имъ, какъ это дѣлается на философскихъ диспутахъ, и притомъ—пзбирая для этихъ разсужденій такую форму, которая дѣлаетъ ихъ вдвойнѣ опасными и почти исключаетъ для оппонентовъ возможность возраженія». (*Джеффри*).

«Что подразумѣвалъ Джеффри подъ словомъ: «тщательно обработанная рѣчь»? Все это было писано урывками, когда только я могъ взять въ руки перо, посреди всякихъ эволюцій, революцій, преслѣдованій и высылкокъ всѣхъ людей, интересовавшихся меня въ Италіи...» (*Байронъ*).

Стр. 472. *Адъ*.

«Нелегко понять, съ какою собственно цѣлью дьяволъ носитъ своего ученика черезъ бездну пространства и показываетъ ему тѣ мѣста, о которыхъ мы въ дѣтствѣ слыхали, что тамъ «вѣшаютъ на просушку старые мѣсяцы». Доказывать, что жизнь есть и за гробомъ, конечно, не могло входить въ его намѣренія, если онъ желалъ возбудить негодованіе въ человѣкѣ, возмущенномъ необходимостью умереть. Хотя адъ, въ изображеніи Байрона, является мѣстомъ страданій, однако Люциферъ самъ говорить, что эти страданія даны въ удѣлъ тѣмъ духамъ, которые вмѣстѣ съ нимъ возстали противъ Іеговы; можно ли стало быть допустить, что болѣе близкое знакомство съ ними Каина побудитъ его еще сильнѣе стремиться къ союзу съ дьяволомъ и что онъ не задумается надъ вопросомъ о томъ, не ожидаетъ ли лучшая доля приверженцевъ торжествующей стороны? Во всякомъ случаѣ созерцаніе множества разрушенныхъ міровъ скорѣе могло бы внушить смертному ужасъ и покорность, нежели побудить его къ безнадежной борьбѣ; но даже и тогда, когда это созерцаніе сдѣлало бы Каина ненавистникомъ Божества, все таки для него нѣтъ основанія стать ненавистникомъ своего брата, который является его товарищемъ по страданію». (*Гибберъ*).

Стр. 472. *Каинъ. Что это за могучія созданья, что носятя вокругъ меня?*

«Люциферъ показываетъ Каину *раціональныхъ* пре-адамитовъ, существъ, одаренныхъ по сравненію съ людьми высшею разумностью, но совершенно несходныхъ съ людьми по вѣншему своему виду и обладающихъ гораздо большею силою умственною и физическою. Нетрудно догадаться, что небольшой діалогъ Каина съ Люциферомъ объ этомъ предметѣ не вполне канониченъ по своему содержанію». (*Изъ письма къ Муру отъ 19 сент. 1821*).

Стр. 474. *Люциферъ. Они, однако, жили.*

«Если бы, слѣдуя извѣстнымъ разсужденіямъ, вы могли доказать, что міръ на много тысячъ лѣтъ старше хронологіи Моисея, или если бы вы могли устранить Адама и Еву, и яблоко, и змѣя, то все-таки, что же бы вы поставили на ихъ мѣсто? И какъ устранить всѣ затрудненія? Вѣдь всѣ вещи должны были когда-нибудь имѣть начало,—и не все ли равно, когда или *какимъ образомъ*? Мнѣ иногда думается, что человѣкъ можетъ быть обломкомъ какого-нибудь

болѣе совершеннаго матеріала, потерпѣвшаго крушеніе въ болѣе раннемъ мірѣ, обломкомъ, выродившійся въ тяжелой борьбѣ, посреди хаоса, подобнымъ же образомъ, какъ, напр., нынѣшніе лапландцы, эскимосы и т. п. низшія племена въ сравненіи съ высшими. Но даже и въ этомъ случаѣ, эти высшія до-адамовскія существа должны же были имѣть свое начало п Творца; ибо представленіе о Творцѣ является болѣе естественнымъ, чѣмъ идея случайнаго соединенія атомовъ...» (*Дневникъ 1821 г.*).

Стр. 475.

Люциферъ. Какой прекрасный міръ то былъ!

Джиффордъ, черезъ Муррея, просилъ разрѣшенія выпустить часть этого разговора. Байронъ отвѣчалъ: «Указанныхъ мѣстъ нельзя переимѣнить, не заставляя Люцифера говорить на манеръ Линкольнскаго епископа, что не соответствовало бы характеру этого духа. Идея о ранѣе существовавшихъ мірахъ взята у Кьюве. Если въ словахъ Люцифера есть *безсмыслица*, тѣмъ лучше, потому что это никому не повредитъ; чѣмъ глупѣе выйдетъ Сатана, тѣмъ онъ безопаснѣе. Что касается «тревоги», то неужели вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что подобныя вещи въ состояніи кого-нибудь встревожить? Развѣ мои дѣйствующія лица нечестивѣе Сатаны Милтона или Прометея Эсхила, или даже саддукеевъ, выведенныхъ набожнымъ Милманомъ въ «Паденіи Іерусалима», и проч.? Развѣ Адамъ, Ева, Ада и Авель у меня не такъ же благочестивы, какъ въ катехизисѣ? Джиффордъ—человѣкъ очень умный, и не можетъ думать, что подобныя вещи могутъ произвести серьезное впечатлѣніе: кто же когда-нибудь приходилъ въ соблазнъ отъ поэтическаго произведенія? Прошу позволенія замѣтить, что во всѣхъ этихъ рѣчахъ вовсе не выражается мое личное мнѣніе или мои гипотезы; но я долженъ былъ заставить Каина и Люцифера разсуждать соответственно ихъ характерамъ, а подобный пріемъ, конечно, всегда допускался въ поэтическихъ произведеніяхъ. Каинъ—человѣкъ гордый; общая ему царства и проч., Люциферъ заставлялъ бы его еще болѣе возгордиться, цѣль демона заключается въ томъ, чтобы представить Каина въ его собственныхъ глазахъ еще болѣе угнетеннымъ, чѣмъ онъ казался себѣ ранѣе, выставя передъ нимъ безконечность вселенной и его собственное ничтожество. Такимъ образомъ Каинъ приходитъ въ то настроеніе, которое ведетъ къ катастрофѣ, исключительно вслѣдствіе внутренняго раздраженія, а не предумышленно и не изъ зависти къ Авелю (что сдѣлало бы его презрѣннымъ), вслѣдствіе ярости, овладѣвающей имъ при сознаніи несоответствія своего положенія съ своими идеями; эта ярость и раздражается не столько противъ даннаго живого существа, сколько вообще противъ самой жизни п ея Создателя. Слѣдующія затѣмъ угрозенія совѣсти являются естественнымъ результатомъ неожиданности его поступка для него самого. Если бы это дѣяніе было предумышленнымъ, раскаяніе наступило бы гораздо позже». (3 ноября 1821).

«Адъ въ описаніи Байрона является совсѣмъ непохожимъ на наши обычные представленія о немъ. Поэтъ предполагаетъ, что созданію міра, теперь нами обитаемаго, предшествовалъ цѣлый рядъ послѣдовательно смѣнявшихся другъ друга міровъ, которые создавались и разрушались и обитатели которыхъ изображаются имъ (по основаніямъ, для поэзіи, конечно, вполне достаточнымъ) соответствующими, какъ въ физическомъ, такъ и въ умственномъ отношеніи, тѣмъ колоссальнымъ животнымъ, остатки которыхъ такъ поражаютъ воображеніе

натуралистовъ. Поэтъ помѣщаетъ въ аду не только этихъ колоссальныхъ пре-адамитовъ, но и призраки ихъ современниковъ-мамонтовъ и мегатеріевъ, а кромѣ того, — даже призраки тѣхъ міровъ, въ которыхъ обитали эти существа, со всѣми горами, океанами и лѣсами, — и все это въ мрачномъ и печальномъ освѣщеніи и, какъ можно догадываться, въ состояніи вѣчной муки. Мы полагаемъ, что такіа изображенія относятся къ тому виду высокаго, отъ котораго меньше одного шага до смѣшнаго».

(Гибберъ).

Стр. 482.
Люциферъ. Вотъ способъ вашъ приблизиться
къ природѣ
Духовныхъ силъ—и побѣдить свою.

«Что касается вопроса о происхожденіи зла, то лордъ Байронъ не далъ этому вопросу новаго освѣщенія, но и не затѣмнилъ тѣхъ понятій, которыми мы уже обладали раньше. Такимъ образомъ, этотъ вопросъ остается для насъ попрежнему окруженнымъ непроницаемой тайной. Правда, лордъ Байронъ повторилъ нѣкоторые аргументы въ болѣе опредѣленной и смѣлой формѣ, нежели это сдѣлано было старыми схоластами или отцами церкви; но результатъ отъ этого нисколько не измѣнился. Въ метафизикѣ ни къ чему нельзя придти путемъ поэзіи. Впрочемъ, въ одномъ отношеніи нашъ поэтъ поступилъ хорошо: онъ представилъ искушеніе Кайна Сатаной въ полномъ соотвѣтствіи съ тѣмъ мрачнымъ и недовольнымъ настроеніемъ, въ какомъ уже съ самаго начала находится Кайнъ, такъ что Люциферъ въ сущности является не болѣе, какъ олицетвореніемъ собственнаго воображенія Кайна; вслѣдствіе этого и всѣ дальнѣйшіе безумные и преступные поступки послѣдняго являются не случайными, но протекающими изъ той внутренней ярости, изъ того близкаго къ безумію душевнаго состоянія, которое обуславливается глубокимъ недовольствомъ его самимъ собою и всѣмъ на свѣтѣ и поддерживается ненасытнымъ стремленіемъ его къ знанію — даже больше, чѣмъ къ счастію; отсюда же является и его роковая наклонность стать на сторону злого начала скорѣе, чѣмъ на сторону добраго. Мы видимъ здѣсь поразительный примѣръ страшныхъ послѣдствій неспособности человѣка обуздать въ себѣ эту наклонность (грѣхъ, чаще всего овладѣвающий людьми), и съ этой точки зрѣнія полагаемъ, что нравственный урокъ, получаемый отъ мистеріи Байрона, имѣетъ большую цѣнность».

(Джеффри).

Стр. 491.
Авель. И жизнь мою не такъ люблю, какъ
Бога.

Байронъ, видимо, очень основательно изучилъ свой предметъ; хотя онъ и позволилъ себѣ нѣкоторые незначительныя отступленія отъ Библии, въ которой эта сцена отличается большою точностью разсказа, но за то онъ глубоко проникъ въ душу обоихъ братьевъ. Если бы позволительно было приписывать автору драматическаго произведенія мысли и чувства кого-либо изъ его дѣйствующихъ лицъ, то мы затруднились бы рѣшить, съ кѣмъ въ такомъ случаѣ можно было отождествить Байрона, — съ Кайномъ или съ Авелемъ: такъ онъ сумѣлъ усвоить характеръ cadaго изъ нихъ».

(Грантъ).

Стр. 492. Авель умираетъ.

«Въ общемъ, вся эта сцена построена тяжело-вѣсно и неудачно. Нельзя не удивляться тому, что событіе, служащее развязкой драмы, представлено

вопреки исторіи, совершенно случайнымъ и неожиданнымъ, внѣ всякой связи съ тѣмъ, что ему предшествуетъ. Кайнъ, изображаемый въ Священномъ Писаніи неизмѣнно злымъ и завистливымъ, въ пьесѣ Байрона никогда даже и не споритъ съ своимъ братомъ и ничѣмъ не обнаруживаетъ своей зависти къ нему, кромѣ развѣ одного только слова. Цѣлыхъ два акта и половина третьяго проходятъ безъ всякой подготовки къ кровавой развязкѣ, — и Авель падаетъ отъ удара, полученнаго имъ въ борьбѣ не за свою жизнь, а за алтарь Іеговы, которому Кайнъ угрожаетъ разрушеніемъ. Такимъ образомъ, для воображаемаго зрителя этой драмы ея развязка должна показаться не менѣе изумительной, какъ если бы Авель внезапно скончался отъ апоплексическаго удара, или если бы Кайнъ вдругъ умеръ съ горя надъ его бездыханнымъ тѣломъ».

(Гибберъ).

Томасъ Муръ писалъ Байрону: «Я прочелъ «Фоскари» и «Кайна». Первая изъ этихъ пьесъ не такъ понравилась мнѣ, какъ «Сарданапалъ». Она отличается недостаткомъ, общимъ для всѣхъ этихъ мрачныхъ венеціанскихъ исторій, — неестественностью и невѣроятностью, и, несмотря на всѣ ваши старанія, вызываетъ у читателя только очень отдаленное сочувствіе. Но «Кайнъ» удивителенъ, ужасенъ, — его никогда нельзя забыть. Если я не ошибаюсь, онъ долженъ произвести на всѣхъ очень сильное и глубокое впечатлѣніе; многіе ужаснутся его богохульству, но всѣ должны будутъ преклониться передъ его величіемъ. Говорятъ объ Эсхилѣ и его Прометѣѣ; вотъ гдѣ настоящій геній поэта — и дьявола!»

Отвѣчая Муру, Байронъ между прочимъ писалъ: «Что касается религіознаго вопроса, то неужели мнѣ такъ и не удастся убѣдить васъ въ томъ, что я не раздѣляю тѣхъ убѣжденій, которыя высказываются дѣйствующими лицами этой драмы и которыя многихъ такъ напугали? По моимъ понятіямъ объ изображеніи характеровъ, я — какъ, впрочемъ, и вообще всѣ люди, одаренные воображеніемъ, — считаю необходимымъ воплощаться въ данное лицо въ то время, когда я его изображаю; но это воплощеніе прекращается, какъ только я отнимаю перо отъ бумаги».

Критикъ «Эдинбургскаго Обозрѣнія», Джеффри, выдержки изъ статей котораго уже приведены выше, въ окончательномъ своемъ заключеніи о «Кайнѣ» говоритъ:

«Хотя въ этой пьесѣ находится много прекрасныхъ отдѣльныхъ мѣстъ и авторъ обнаруживаетъ въ ней, можетъ быть, гораздо больше энергіи, нежели во всѣхъ прочихъ своихъ драматическихъ произведеніяхъ, тѣмъ не менѣе мы должны выразить сожалѣніе о томъ, что она появилась въ печати. Лордъ Байронъ, конечно, не можетъ встрѣтить съ нашей стороны ни церковническаго лицемерія, ни церковническихъ упрековъ; мы не станемъ называть его ученикомъ или апостоломъ Люцифера, и не станемъ говорить объ его поэзіи, какъ о гнусной смѣси богохульства и сквернословія. Напротивъ, мы вполне готовы повѣрить, что онъ желаетъ только блага человѣчеству, и съ удовольствіемъ свидѣтельствуемъ, что его произведенія изобилуютъ изображеніями высокихъ и нѣжныхъ чувствъ и заключаютъ въ себѣ множество истинно возвышенныхъ и прекрасныхъ мѣстъ... Философія и поэзія — обѣ хороши на своемъ мѣстѣ; но мы не думаемъ, чтобы онъ удачно могли соединяться одна съ другою. Одна только жалкая и педантическая поэзія въ состояніи заниматься метафизическими

тонкостями и отвлеченными разсужденіями, и очень подозрительна та философія, которая стремится обосновать свои доктрины, дѣйствуя на страсти и на воображеніе. Но хотя подобная аргументація имѣетъ мало значенія въ школѣ, однако изъ этого вовсе еще не слѣдуетъ, чтобы она не производила извѣстнаго эффекта въ обществѣ. Наоборотъ, вредъ всѣхъ поэтическихъ парадоксовъ именно въ томъ и заключается, что они, выходя за предѣлы поэзіи и удаляясь отъ ея цѣли, не могутъ выдержать серьезной логической пробы. Намекъ на сомнительнаго качества мысль часто принимается за окончательное заключеніе, а будучи облеченъ въ красивую поэтическую форму, можетъ произвести самое вредное дѣйствіе. Поэтому мы и полагаемъ, что стихотворцамъ слѣдовало бы строго ограничиваться предѣлами общепринятыхъ вѣрованій и морали или *дѣйствительныхъ* страстей и чувствованій человѣчества, и что поэтические мечтатели и софисты, стремящіеся создавать *теоріи* соответственно собственному фантастическому бреду, не опираясь на какой-либо авторитетъ или доводы разума, должны быть удалены изъ области литературы. Въ дѣлѣ нравственнаго суда поэты являются неустанными свидѣтелями и могутъ давать свои показанія или ссылаться на факты какъ хорошіе, такъ и дурные; но мы сомнѣваемся въ ихъ правѣ постановлять произвольные приговоры, основанные только на ихъ прихоти; они являются въ нашихъ глазахъ подозрительными судьями, а нерѣдко — и ненадежными адвокатами, когда дѣло касается важныхъ вопросовъ или общихъ принциповъ».

Критикъ «Quarterly Review», епископъ Гибберъ, заключаетъ свою статью слѣдующими словами

«Ни въ одномъ изъ дѣйствующихъ лицъ мистеріи лорда Байрона мы не видимъ ни особенной силы, ни поэтическаго достоинства. Ева только въ одномъ случаѣ выражается энергично, но даже и въ этомъ случаѣ не обнаруживаетъ той глубины материнскаго чувства, какой можно было бы ожидать отъ женщины, потрясенной смертью любимого сына. Адамъ читаетъ правоученія безъ всякаго достоинства. Авель настолько же не уменъ, насколько Каинъ. Люциферъ, хотя первое его появленіе задумано хорошо, своими сентенціями и саркастическими выходками напоминаетъ шотландскаго метафизика; аргументы, путемъ которыхъ Каинъ приходитъ къ нечестивымъ мыслямъ, — необходимость труда и страхъ смерти, — могутъ произвести подобное дѣйствіе лишь на слабый и неразвитой умъ. Притомъ, въ счастливѣйшемъ климатѣ земного шара и посреди роскошной и могучей природы нелѣпо было бы описывать (да лордъ Байронъ этого и не дѣлаетъ) тѣ тяжкіе труды, которыхъ для Каина не существовало. Онъ представленъ, кромѣ того, такимъ счастливымъ въ любви, такъ обожающимъ свою жену и ребенка, что у него вовсе не должно было бы быть наклонности къ тѣмъ мрачнымъ мыслямъ, которыя свойственны только не удовлетворенному самолюбію и порочной распушенности. Затѣмъ, хотя въ этой драмѣ и встрѣчаются отдѣльные мѣста, отличающіяся недюжиннымъ дарованіемъ, однако общій ея характеръ не настолько высокъ, чтобы сдѣлать незамѣтнымъ указанныя недостатки. Діалогъ отличается холодностью и принужденностью, описанія похожи на какія-то тѣни или на фантазмагорію: они слишкомъ искусственны и несны. За исключеніемъ Ады, во всей пьесѣ нѣтъ ни одного лица, въ судьбѣ котораго мы были бы заинтересованы. Закрывая книгу, мы не удерживаемъ въ памяти ни одного выдающагося мѣста и сохраняемъ только общее впечатлѣ-

ніе, что Люциферъ наговорилъ много и сдѣлалъ мало, и что Каинъ былъ несчастенъ безъ всякой причины и злѣ безъ всякаго повода. Но если «Каинъ», какъ поэтическое произведеніе, ничего не прибавляетъ къ литературной славѣ лорда Байрона, то, съ другой стороны, мы вынуждены замѣтить, что его поэтическія несовершенства представляютъ лишь наименьшее изъ золъ. Конечно, въ этомъ произведеніи нѣтъ тѣхъ прямыхъ нападокъ на Священное Писаніе и на авторитетъ Моисея, о которыхъ говорятъ нѣкоторые изъ поклонниковъ и недоброжелателей поэта. Выраженія Каина и Люцифера являются оскорбительными для благочестиваго слуха лишь настолько, насколько подобныя рѣчи вообще должны быть такими и насколько Мильтоновъ позволялъ себѣ вложить ихъ въ уста подобныхъ же лицъ, въ соответствующихъ положеніяхъ. И хотя для насъ вполне ясны намѣренія атеистовъ и якобинцевъ нашей столицы, старающихся путемъ дешеваго изданія распространить эти рѣчи въ широкомъ кругу населенія, однако мы все-таки не думаемъ, чтобы оно могло принести дѣйствительно значительный вредъ, или что найдется много людей, способныхъ поддаваться этого рода внушеніямъ, не ведущимъ ни къ какому практическому результату».

Съ этимъ заключеніемъ интересно сопоставить слѣдующій отрывокъ изъ частнаго письма епископа, написаннаго около того же времени:

«По моему возвращеніи я былъ очень занятъ разборомъ драматическихъ произведеній лорда Байрона. Конечно, мнѣ представился случай указать въ нихъ значительное количество недостатковъ, но я не думаю, что я отнесся къ нему несправедливо. «*Peccant qui ante nos nostra dixerunt*». Мнѣ пріятно было увидѣть, что я во многихъ отношеніяхъ сошелся съ Джеффри; но такъ какъ повтореніе доводовъ, уже высказанныхъ другими, ни къ чему бы не привело, то мнѣ пришлось перемѣнить фронтъ и повести атаку на другую сторону крѣposti, менѣе удобную и притомъ бороться съ противникомъ, ведущимъ свои нападенія съ удивительнымъ вкусомъ и ловкостью».

Критикъ журнала «Campbell's Magazine» писалъ: «Каинъ» гораздо выше «Сардананала» и «Фоскари». Впрочемъ, Байронъ все-таки не оправдалъ нашихъ ожиданій котосальнымъ изображеніемъ перваго убійцы, ибо катастрофа является результатомъ не страсти, а внезапнаго взрыва ярости, и самъ Каинъ служитъ почти только орудіемъ сверхъестественной силы. Въ сущности вся пьеса представляетъ лишь рамку для поразительныхъ размышленій о смерти и жизни, о вѣчности и времени, для обширныхъ, но тусклыхъ описаній безднъ пространства и для смѣлыхъ споровъ о великомъ вопросѣ происхожденія зла. Большая часть этихъ разсужденій о важныхъ предметахъ состоитъ изъ общихъ мѣстъ; но они изложены величественнымъ языкомъ и развиваются съ страшною смѣлостью. Въ частности, прямые нападки на божественную благодѣтельность не сильнѣе многихъ однородныхъ мѣстъ у Мильтона; но онѣ производятъ совершенно иное впечатлѣніе, потому что, читая «Потерянный Рай», мы видимъ въ изображеніяхъ Бога и Сатаны только двѣ великія и противоположныя другъ другу силы, созданныя воображеніемъ поэта. Личныя свойства, придаваемые Мильтономъ этимъ духовнымъ существамъ, — опредѣленное для нихъ мѣстопребываніе, матеріальная красота, въ которую онѣ облакаются, все это устраняетъ изъ ихъ пререканій всякое нечистое представленіе. Но о Люциферѣ Байрона мы не знаемъ ничего, кромѣ его рѣчей; онъ выдуманъ только для того, чтобы произносить эти рѣчи, которыя являются

ПРИМѢЧАНІЯ КО ВТОРОМУ ТОМУ.

отвлеченными разсужденіями, совершенно посторонними для драматическаго собственно дѣйствія. Поэтъ и не пытался подражать пластическому искусству Мильтона,—тому искусству, съ какимъ авторъ «Потеряннаго Рая» создалъ свое небо и адъ и настоящую бездну пространства, какъ нѣчто вполне реальное, доступное нашему воображенію, и обрисовалъ фигуры своихъ ангеловъ съ точностью скульптора. Люциферъ въ *Каинѣ*—скорѣе безтѣлесная абстракція, какая-то тѣнь догмата; и вся сфера его дѣйствія тускла, неопредѣленна, является лишь въ общихъ и неясныхъ очертаніяхъ. Безъ сомнѣнія

далеко не дюжинное дарованіе обнаруживается даже и въ этомъ туманномъ очеркѣ воздушнаго полета духа и его жертвы и въ обширной картинѣ того фантастическаго міра, въ который онъ попадаютъ; но все это совсѣмъ не похоже на массивное величіе созданій Мильтона. Мы далеки отъ мысли обвинять лорда Байрона въ преднамѣренно нечестивыхъ цѣляхъ и хотя нѣкоторыя выраженія въ пьесѣ и производятъ непріятное впечатлѣніе, однако мы вовсе не думаемъ, чтобы чтеніе этого произведенія могло имѣть какія-нибудь опасныя послѣдствія».

Русскіе переводы Байрона.

(Начало см. т. I, стр. 582).

II.

Дѣвушка изъ Кадикса.

(The Girl of Cadiz).

Л. Мей, въ «Сынѣ Отечества» 1860, № 11 и въ Сочиненіяхъ. Воспроизведено въ настоящемъ изданіи.

III.

Въ Альбомѣ.

(Lines written in an Album at Malta).

1. Иванъ Козловъ, въ «Новостяхъ Литературы» 1822, № 12 и тамъ же въ исправленномъ видѣ (1823, № 11), а также въ «Невскомъ Альманахѣ» 1828. Стихотвореніе появилось подъ заглавіемъ «Къ С—ѣ» и безъ упоминанія имени Байрона (теперь входитъ въ соч. Козлова подъ заглавіемъ «Въ Альбомѣ *** (Изъ Байрона)», что довольно правильно, потому что переводъ вдвое больше и только отдаленно напоминаетъ подлинникъ.

Когда надъ сонною рѣкой
Въ туманѣ мѣсяцъ красный всходитъ,
И путникъ робкою стопой
По сельскому кладбищу бродитъ,—
И если тамъ случайно онъ
Знакомца камень повстрѣчаетъ,
То, въ думу тихо погруженъ,
Бывалое воспоминаетъ.

Ахъ! такъ и ты, другъ милый мой,
Въ тотъ часъ, какъ грусть тебя коснется,
И взору полному тоской
Мое здѣсь имя попадется,—
Ты мертвымъ ужъ считаешь меня.
Чѣмъ жизнь цвѣтеть, мнѣ миновалось;
Лишь вѣрь тому, что у тебя
Мое здѣсь сердце все осталось.

2. Кн. П. А. Вяземскій помѣстилъ въ «Дамскомъ Журналѣ» 1823, № 1 «Въ Альбомѣ. Изъ Байрона» (перепеч. въ «Новостяхъ Литературы» 1824, кн. VII). Это скорѣе подражаніе, чѣмъ переводъ.

Какъ надпись хладная на камнѣ гробовомъ
Вниманье путника невольно пробуждаетъ,
Пусть въ твоихъ листахъ объ имени моемъ
Мой сѣдующій стихъ тебѣ напоминаетъ;
Пусть скажетъ брошенный на произволъ судьбы,
Подъ дальнимъ небомъ зрѣть онъ чуждое свѣ-
тило,

Но все, что жизнью сердца было,
И сердце самое оставилъ при тебѣ.

3. Ал. Бистромъ. «Москов. Телеграфъ» 1825 ч IV, № 15. Перепечатано въ «Литер. Прибавл. къ Русскому Инвалиду» (1835. № 7, стр. 54).

Въ альбомѣ А. Л. Мо...на К. Р. П. Н. К-вой.

Какъ имя скрытаго подъ гробовой доской
Прохожаго на мнѣ вниманье привлекаетъ;
Такъ остановится задумчивый взоръ твой,
Коль на пустынной сей страницѣ повстрѣчаетъ
Мое, забытое тобой!

* *

Прочтешь и мысленно меня вспомянешь ты,
Какъ воспоминають тѣхъ, которыхъ ужъ не стало;
Такъ здѣсь я схоронилъ заветныя мечты
И сердце все свое... оно давно увяло
Среди надеждъ тщеты

4. Ө. Тютчевъ. (Въ альбомѣ друзьямъ, изъ Байрона) «Сѣверная Лира», 1827, стр. 441. Перепеч. въ «Современникѣ» (1854, т. 45; № 5, отд. I, стр. 6) и «Стихотвореніяхъ Ө. Тютчева» (1854 и позднѣйшихъ). Тютчевъ значительно измѣнилъ общій характеръ стихотворенія. У Байрона оно главнымъ образомъ, все-таки, любовное признаніе, что совершенно исчезло у Тютчева

Въ альбомѣ друзьямъ.
(Изъ Байрона).

Какъ медлить путника вниманье
На хладныхъ камняхъ гробовыхъ,
Такъ привлечетъ друзей моихъ
Руки знакомой начертанье!..
Черезъ много, много лѣтъ оно
Напомнитъ имъ о прежнемъ другѣ:
«Его ужъ нѣту въ нашемъ кругѣ,
Но сердце здѣсь погребено!..»

5. М. Сухановъ въ «Дамскомъ Журналѣ» 1828, № 14. «Подражаніе Байрону», довольно отдаленное.

6. П. Шкляревскій. «Стихотворенія П. Шкляревскаго», 1831, стр. I.

Какъ имя на камнѣ, прикрывшемъ гробницу,
Знакомаго странника къ холму манитъ;
Пусть такъ мое имя твой взоръ обратитъ,
Лишь только ты взглянешь на эту страницу.
И если прочтешь ты его, и слезою
Задумчивый взоръ твой тогда заблеститъ,

ПРИМѢЧАНІЯ КО ВТОРОМУ ТОМУ.

То думай, что вѣтъ меня здѣсь подѣ луною,
И что мое сердце въ строкахъ сихъ лежитъ!..

7. М. Лермонтовъ. Въ альбомѣ, изъ Байрона, «Отечеств. Записки», 1839, т. IV, № 6, отд. III, стр. 81 и въ изд. соч. Лермонтова Воспроизведено въ настоящемъ изданіи.

8. В. Межевичъ. «Изъ Байрона», «Литературная Газета», 1840, № 12, стр. 273.

Какъ взоръ прохожаго надгробіемъ простымъ
Порой влечетъ къ себѣ забытая могила,
О, еслибъ такъ и ты надъ именемъ моимъ
Задумчиво свой взоръ остановила!..
И, можетъ быть, чрезъ много лѣтъ оно
Напомнитъ, другъ, тебѣ о прежнемъ другѣ..
И скажешь ты: его вѣтъ въ нашемъ кругѣ,
Но сердце здѣсь навѣкъ погребено.

9. В. П. Гаевскій въ «Сынѣ Отеч.» 1843, № 5.

Какъ на себя невольно обратятъ
Вниманье странника холодныя гробницы,
Случайно привлекутъ задумчивый твой взглядъ
Стиховъ моихъ печальныя страницы.
Промчится много лѣтъ,—забудешь ты поэта,
И если вспомнишь ты, какъ онъ тебя любилъ,
Подумай, что угасъ онъ вдалекѣ отъ свѣта,—
И сердце здѣсь свое похоронилъ.

10. А. Бржескій, въ «Иллюстраціи», 1847, т. IV, № 5, стр. 79.

Какъ надпись на камнѣ холодномъ гробницы
Вниманье родитъ въ пришлецѣ,
Пусть такъ эти строки печальной страницы
Напомнятъ тебѣ о пѣвцѣ.

Когда жъ мое имя забытымъ встрѣчая,
Помыслишь: свой путь онъ свершилъ,
То вспомни, что странникъ, въ дали угасая,
Здѣсь сердце свое схоронилъ.

11. Анонимъ въ «Москвитянинѣ», 1849, ч. V, № 20, отд. I, стр. 338. Переводъ очень плохъ.

IV.

Къ Флоренці.

(To Florence).

1. Н. Гербель, въ «Рус. Вѣстн.» 1882, № 1 и въ соч. Байрона изд. Гербелемъ.

2. В. Лихачовъ. Переведено для настоящаго изданія.

V.

Стансы, сочиненные во время грозы.

(Stanzas composed during a thunderstorm).

Впервые на рус. яз. переведены для настоящаго изд. Н. А. Холодковскимъ.

VI.

Стансы, написанные, когда авторъ проѣзжалъ по Амвразійскому заливу.

(Stanzas written in passing the Ambracian gulf).

Впервые переведены для настоящаго изданія Н. А. Холодковскимъ.

VII.

Волшебство исчезло.

(The Spell is broken, the Charm is flown).

1. М. Е. Салтыковъ-Щедринъ, когда былъ лицеистомъ, не на шутку считалъ себя преемникомъ Пушкина. Въ числѣ его поэтическихъ опытовъ, о которыхъ онъ впоследствии не могъ слышать равнодушно, были и переводы изъ Байрона. Переводъ настоящаго стихотворенія Салтыковъ напечат. въ «Современникѣ» 1844, т. 35 подъ заглавіемъ «Изъ Байрона».

Разбитъ мой талисманъ, пчезло упоенье!
Такъ! вѣчно должно намъ здѣсь плакать и страдать;
Мы жизнь свою влечимъ въ нѣмомъ самозабвеніи!
И улыбаемся, когда бъ должно рыдать...

И всякій свѣтлый мигъ покажетъ, что страданье,
Одно страданіе насъ въ жизни нашей ждетъ
И тотъ, кто здѣсь живетъ, далекъ земныхъ желаній
Какъ мученикъ живетъ!

2. Д. Л. Михаловскій, въ изд. Гербеля 1894 г., Воспроизведено въ настоящемъ изданіи.

VIII.

Афинской дѣвушкѣ.

(Maid of Athens e'er we part).

1. В. Яковлевъ. «Романсы. Слова В. Яковлева музыка А. Дерфельда» 1849. Намъ не удалось видѣть это нотное изданіе.

2. Н. Щербина. «Отечественныя Записки», 1851, 75, № 3 отд. I, стр. 110.
(Льву Ивановичу Арнольди).

Зоя милая, прощай!
Я иду въ далекій край..
Зоя, милая, прощай,
Только сердце мнѣ отдай,
Прежде, чѣмъ разстанусь я.
Нѣтъ, возьми всего меня
Я хочу быть вѣкъ съ тобой,
Зои му, сось агапò!

И за локоны завитокъ,
Что эгейскій вѣтерокъ
Такъ лелѣялъ, колыхалъ,
И съ любовью цѣловалъ,
За огонь твоихъ очей,
За мелодію рѣчей,
И за губки, и за все,
Зои му, сось агапò!

За румянецъ на щекахъ,
За цвѣточки на грудяхъ,
Что со мною говорятъ
То, о чемъ уста молчатъ,
И за то, что я грустилъ,
И за то, что веселъ былъ,
И за всю мою любовь,
Зои му, сось агапò!

Роза Аттики, прости,
Ворочусь я, не грусти,
Вспоминай, не забывай:
Я иду въ далекій край.

Въ Истамболѣ буду я:
Будеть здѣсь душа моя,
Гдѣ отрадно быть съ тобою,
Зоя му, сосъ агапѣ!

З. Л. Мей. (Аѳинской дѣвушкѣ, изъ Байрона)
«Русское Слово», 1861, № 5, и въ соч. Мей. Вос-
произведено въ настоящемъ изданіи.

IX.

**Стихотвореніе, написанное послѣ того, какъ
авторъ переплылъ изъ Сестоса въ Абидосъ.**

(Written after swimming from Sestos to Abydos).
Впервые на рус. яз. переведено для настоящаго
изданія Н. А. Холодковскимъ.

X.

**Стихи въ книгѣ путешественниковъ въ Орхо-
менѣ.**

(Lines in the travellers book at Orchomenus).
Впервые на рус. яз. переведено для настоящаго
изданія Н. А. Холодковскимъ.

XI.

Стривокъ изъ «Аѳонскаго Монаха».

(Fragment from the «Monk of Athos».)
Впервые на рус. яз. переведено для настоящаго
изданія Н. А. Брянскимъ.

XII.

Стихи подъ портретомъ.

(Lines written beneath a picture).

Впервые на рус. яз. переведены для настоящаго
изданія В. А. Мазуркевичемъ.

XIII.

Новогреческая пѣснь.

(Romaic Song).

Впервые на рус. яз. переведена для настоящаго
изданія В. Мазуркевичемъ.

XIV.

При разставаньи.

(On parting).

Впервые переведено на рус. яз. для настоящаго
изданія В. А. Мазуркевичемъ.

XV.

Прощаніе съ Мальтой.

(Farewell to Malta).

Впервые переведено на рус. яз. для настоящаго
изданія Н. А. Холодковскимъ.

XVI.

Ньюстэдское Аббатство.

(Newstead Abbey).

Впервые переведено на рус. яз. для настоящаго
изданія Н. А. Брянскимъ.

XVII.

**Посланіе къ другу въ отвѣтъ на стихи, увѣ-
щавшіе автора быть веселымъ.**

(Epistle to a friend, in answer to some lines exhorting
the author to be cheerful, and to banish care).

1. На мотивы этого стихотворенія Лермонтовъ
написалъ «Подражаніе Байрону» (впервые напеч.
въ «Сѣверн. Вѣстн.» 1889, № 2).

Не смѣйся, другъ, надъ жертвою страстей,
Вѣнецъ терновый я сужденъ влечить:
Не быть ей вѣчно у груди моей,
И что-жъ? я не могу другой любить!
Какъ цѣпь гремитъ за узникомъ, за мной
Такъ мысль о будущемъ, и нѣтъ иной.
Я вижу длинный рядъ тяжелыхъ лѣтъ,
А тамъ людьми презрѣнный гробъ,—онъ ждетъ,
И до него надежды нѣтъ, и нѣтъ
За нимъ того, что ожидаетъ тотъ,
Кто жилъ одной любовью, погубилъ
Все въ жизни для нея и все любилъ.
И вынести могъ сей взоръ ледяной я,
И могъ тогда ей тѣмъ-же отвѣчать!..
Увижу на рукахъ ея дѣтя
И стану я при ней его ласкать,
И въ каждой ласкѣ мать узнаетъ вновь,
Что время не могло унести любовь.

2. Цѣлкомъ это стихотвореніе впервые пере-
ведено на рус. яз. для настоящаго изданія В. А. Ма-
зуркевичемъ.

XVIII.

Къ Тирзѣ.

(To Thyrsa).

Д. Михаловскій, въ прилож. къ «Нивѣ» 1894,
№ 2. Воспроизведено въ настоящемъ изданіи.

XIX.

О пусть умолкнуть скорби звуки.

(Away, away, ye notes of woe).

1. Д. Михаловскій въ приложеніяхъ къ «Нивѣ»
1893. Воспроизведено въ настоящемъ изданіи.

2. О. Н. Чюмина, въ «Сѣверѣ» 1897 (№ 17).
«Пѣзъ пѣсенъ къ Тирзѣ»:

I.

Замолкни, о пѣсня печали,
Замри, рокотанье струны!
Отрадой вы прежде звучали,
Теперь-же—тоскою полны.

Той пѣснѣ душою я всею
Пѣзъ устъ ея нѣжныхъ внимать,
Я вспомнить не въ силахъ, не смѣю,
Чѣмъ былъ я, чѣмъ нынѣ я сталъ,

ПРИМѢЧАНІЯ КО ВТОРОМУ ТОМУ.

Гдѣ голосъ ея незабвенный?
Замолкъ онъ подѣ мраморомъ плыть,
И прежній напѣвъ вдохновенный—
Какъ реквиѣмъ скорбный звучить.

Тобою, какъ прежде, онъ дышать,
О Тирса, о прахъ дорогой!
Но ухо въ немъ больше не слышитъ
Гармоніи звуковъ былой.

Все стихло,—но чуть уловимый
Въ душѣ отдается мой,
Мнѣ слышится голосъ любимый,
Какъ эхо исчезнувшихъ дней.

Онъ чудится мнѣ въ сновидѣньи
И грезу мою—на яву
Напрасно я въ мигъ пробужденія
Душой потрясенной зову.

О, другъ мой, такъ рано почившій!
Ты свѣтлою стала мечтой,
Свой лучъ отъ земли отклонившей—
Волшебно прекрасной звѣздой.

И путникъ подѣ небомъ холоднымъ,
Ео тѣмъ осужденный брести,
Скорбить о лучѣ путеводномъ,
Свѣтившемъ ему на пути.

XX.

Рѣшусь, пора освободиться.

(One struggle more, and I am free).

1. Иванъ Козловъ. «Къ Тирзѣ, подражаніе Бай-
рону». Впервые въ «Стихотвореніяхъ Ивана Коз-
лова» (СПб. 1828). Воспроизведено въ настоящемъ
изданіи. Переводъ хорошо передаетъ общій тонъ,
но не особенно точенъ.

2. Н. Мейстеръ (псевдонимъ А. Мейснера) въ
Лит. Приб. къ «Русск. Инв.» 1838, № 11. Къ Тирзѣ.
Переводъ точнѣе Козловскаго, но дубовый.

О. Н. Чюмина въ «Мирѣ Божьемъ» 1897, № 4
«Изъ пѣсенъ къ Тирзѣ».

Послѣдній вздохъ, исторгнутый утратой,
Любви моей—последнее прости,—
И одинокъ, какимъ я былъ когда-то,
Пойду я вновь по трудному пути.

Пускай борьбы извѣдаю я сладость
И горечь всю я осушу до дна;
Когда навѣкъ исчезла въ жизни радость—
Печали тѣнь въ грядущемъ не страшна.

Вокругъ меня - безумный чадъ похмелья,
Быть одному—нѣтъ мужества и силъ,
Я буду тѣмъ, кто раздѣлялъ веселье
И кто ни съ кѣмъ печали не дѣлилъ.

Ты не такимъ меня когда-то знала
Въ дни свѣтлые блаженства моего,
Но съ той поры, когда тебя не стало,
Какъ ты мертва—и все кругомъ мертво!

На легкій ладъ я тщетно лиру строю,
Улыбкою не скрыть незримыхъ слезъ,
Какъ насыпи могильной не прикрою
Я ворохомъ полуразцвѣвшихъ розъ.

На пиршествѣ, дая на мигъ забвенью,
Пускай кипитъ и пѣнится струя,
И жадно пью изъ чаши наслажденія,
Но одинокъ, какъ прежде, сердцемъ я.

Любуясь прѣстоломъ, озареннымъ
Сіяніемъ серебряныхъ лучей,
Ихъ отблескъ дивный вижу отраженнымъ
Я въ глубинѣ задумчивыхъ очей.

Я созерцаю полночное свѣтило,
И блескъ его въ волнахъ Эгейскихъ гасъ;
Увы! оно лишь надъ твоей могилой,
Не для тебя мерцало въ этотъ часъ.

Когда, безъ сна простертаго на ложѣ,
Томилъ меня мучительный недугъ—
Я говорилъ:—какое счастье, Боже!
Что взоръ ея не видитъ этихъ мукъ!—

И какъ порой возвращена свобода
Безсильному и дряхлому рабу—
Такъ жизнь мою вернула мнѣ природа,
Межъ тѣмъ какъ ты поконился въ гробу!

У времени нѣтъ надъ любовью власти,
Утратою душа просвѣтлена:
Что значить пылъ земной, ничтожной страсти
Тамъ, гдѣ любовь безсмертная властна.

XXI.

Eutanasia.

1. Гольцъ-Миллеръ, въ «Вѣст. Евр.» 1871, № 6.
Воспроизведено въ настоящемъ изданіи.

2. Кн. Д. И. Церетелевъ въ «Рус. Вѣст.» 1887, № 1.

Когда во мнѣ угаснутъ жизни силы
И сонъ безъ сновъ пошлуетъ года,
У ложа моего, какъ призракъ милый,
Крыломъ своимъ повѣй тогда.

Пусть надо мной не будутъ собираться
Наслѣдники мои, друзья,
И пусть никто не будетъ притворяться,—
Не жду ни слезъ, ни вздоховъ я.

Безмолвно лягу въ вѣчную постель я,
Не надо траура кругомъ,—
Ни часу не хочу смутить веселья
Друзей моихъ моимъ концомъ.

Но если можетъ, на краю могилы
Любовь пускай еще придетъ,
Пускай послѣднія пробудитъ силы
И въ томъ, что живъ, и кто умереть.

Какъ сладко было бы, моя психея,
Мнѣ видѣть дивныя черты.
Борьба минувшая идетъ, блѣднѣя,
Отрады муки тамъ, гдѣ мы.

Увы, къ чему напрасныя желанья?
Что красота мнѣ принесетъ?
Она и при концѣ смутитъ сознанье,
Какъ въ жизни лишь обманъ даетъ,

Пусть часъ послѣдній встрѣчу одиноко
Прожитыхъ не жалѣя дней,
Промчалось много бѣдъ средь ихъ потока
Я тысячи избѣгъ смертей

Пусть такъ, но умереть, исчезнуть горе
И потонуть средь вѣчной тьмы
Въ волнахъ того невѣдомаго моря,
Гдѣ были до рожденья мы,

Сочти всѣ радости, сочти печали,
Что долженъ былъ ты пережить.
И что-бы дни твои тебѣ ни дали,
Признай, что лучшее не быть.

XXII.

И ты мертва.

(And thou art dead, as young and fair)

1. Н. Гербель въ «Рус. Вѣст.» 1882, № 1, и въ Гербелевскомъ изд. Байрона.

2. Т. Л. Щепкина-Куперникъ. Переведено для настоящаго изданія.

XXIII.

Плачущей дѣвушкѣ

(Lines to a lady weeping).

Впервые на рус. яз. переведено для настоящаго изданія Г. А. Галиной.

XXIV.

О если иногда.

(If sometimes in the haunts of men).

1. В. Любичъ-Романовичъ въ своихъ «Стихотвореніяхъ» (СПб. 1832). См. о Любичѣ-Романовичѣ при указаніи переводовъ «Донъ-Жуана».

2. Н. Грековъ. Первоначально въ «Отеч. Зап.» 1854, № 1, затѣмъ въ «Стихотвореніяхъ» Н. П. Грехова» (1860). Воспроизведено въ настоящемъ изданіи.

3. В. Половъ. Переводъ указанъ въ библиограф. примѣч. изд. Гербеля, но не знаемъ, гдѣ онъ появился.

XXV.

Разбитое сердоликовое сердечко.

(On a cornelian heart which has broken).

Впервые на рус. яз. переведено для настоящаго изданія Г. А. Галиной.

XXVI.

Принесъ я цѣпь.

(The Chain I gave).

1. Вѣра Н. въ «Рус. Вѣст.» 1888, № 2. Подъ заглавіемъ «Талисманъ». Легкій 4-стопный стихъ подлинника переданъ крайне тяжелымъ размѣромъ:

Цѣпь я свою дорогую тебѣ подарилъ въ часъ
разлуки,
Далъ тебѣ арфу волшебную, клятву быть вѣчно
твоимъ;
Но всѣ сокровища эти достались въ невѣрныя
руки,
Пренебрегла ты, красавица, даромъ моимъ до-
рогимъ и т. д.

2. Байронъ въ переводѣ Алеко (А. П. Стронина):
О переводахъ Алеко см. при указаніи переводовъ
«Евр. Мелодій».

3. Н. Холодковский. Переведено для настоящаго изданія.

XXVII.

**Стихи, написанные на озабоченномъ листѣ
альбома «Радостей памяти».**

(Lines written on a blank leaf of the Pleasure of Memory).

Впервые переведено на рус. яз. для настоящаго изданія Н. А. Холодковскимъ.

XXVIII.

**Адресъ, читанный на открытіи Дрюри-Лэнскаго
театра.**

(Address spoken at the opening of the Drury-Lane Theatre).

Впервые переведено на русскій яз. для настоящаго изданія Н. А. Холодковскимъ.

XXIX.

Адресъ со скобками, доктора Плагіатора.

(Parenthetical Address, by Dr. Plagiary).

Впервые на рус. яз. переведено для настоящаго изданія Н. А. Холодковскимъ.

XXX.

**Стихи, найденные въ бесѣдѣ, въ Хельсѣ
Оуэнъ.**

(Verses found in a Summer-house at Hales-Owen)

Впервые переведено на рус. яз. для настоящаго изданія Н. А. Холодковскимъ.

XXXI.

Чтобъ помнить, помниль я тебя.

(Remember thee! Remember thee!)

Впервые переведено на рус. яз. для настоящаго изданія Н. А. Холодковскимъ.

XXXII.

Къ времени.

(To time).

1. Н. Гербель въ «Рус. Вѣст.» 1882, № 1 и въ его изд. соч. Байрона.

2. Н. Холодковский. Переведено для настоящаго изданія.

XXXIII.

Не лжива ты, но невѣрна.

(Thou art not false, but thou art fickle).

Впервые переведено на рус. яз. для настоящаго изданія Н. А. Холодковскимъ.

ПРИМѢЧАНІЯ КО ВТОРОМУ ТОМУ.

XXXIV.

На вопросъ о началѣ любви.

(On being asked what was the origin of love).

Впервые переведено на рус. яз. для настоящаго изданія Н. А. Холодковскимъ.

XXXV.

По поводу цитаты.

(On the quotation).

Впервые переведено на рус. яз. для настоящаго изданія Н. А. Холодковскимъ.

XXXVI.

О, помни, другъ, того, кто страстью.

(Remember him whom passions power).

Впервые переведено на рус. яз. для настоящаго изданія Н. А. Холодковскимъ.

XXXVII.

Сонеты къ Дженеврѣ.

(Sonnets to Geneva).

Впервые переведены для настоящаго изданія Н. А. Холодковскимъ.

XXXVIII.

Экспромптъ въ отвѣтъ другу.

(Impromptu, in reply to a friend).

1. С. Дуровъ. «Изъ Байрона» «Литературная Газета», 1843, № 43. Перепечатано въ «Иллюстраціи». (1846, № 39, стр. 626). Вошло въ настоящее изданіе.

2. Н. Васильковичева въ «Молодикъ» 1843 г. ч. I, стр. 249.

3. М. Е. Салтыковъ-Щедринъ въ «Современникъ» 1845, т. 39.

Изъ Байрона.

Когда печаль моя, какъ мрачное видѣнье,
Глубокой думою чело мнѣ осянеть,
Прольетъ мнѣ на душу тяжелое сомнѣнье
И очи ясныя слезою омрачить—
О, не жалѣй меня: печаль моя ужъ знаетъ
Темницу грустную и мрачную свою,
Она вселяется обратно въ грудь мою,
И тамъ въ томлении изнываетъ...

4. Де-Ротула въ «Москвитянинъ» 1852, т. IV, № 13.

Изъ Байрона.

Когда мое чело нахмурится тоскою,
И слезы вѣдкія въ очахъ моихъ блеснутъ,
Другъ, не тревожься тѣмъ: печаль сама собою,
Покинувши чело, вернется въ свой пріютъ,
И будетъ тамъ въ груди моей глубоко,
Вновь узницей томиться одинокой.

XXXIX.

Подражаніе Португальскому.

(From the Portuguese).

1. Кн. П. А. Вяземскій. (Португальская пѣсня).

«Сынъ Отеч.» 1820, ч. 60, № 12 и въ соч. Вяземскаго.

Когда мнѣ прижавъ къ груди рукою рабской,
Ты нѣжнымъ шопотомъ мнѣ шепчешь: «Жизнь моя!»
Мнѣ улыбается любовь твоей улыбкой,
И голосомъ твоимъ любовь зоветъ меня.
Но, милый другъ, и жизнь измѣнить, улета!
Не жизнью ты меня — душой своей зови!
Тверди: «моя душа!» Душа, не умирая,
Внѣ жизни будетъ жить безсмертіемъ любви.

2. Иванъ Козловъ. «Стихотворенія Ив. Козлова» 1828 и позднѣе. Вошло въ настоящее изданіе.

3. Л.—вѣ. (Изъ Байрона). «Репертуаръ» 1861, т. I, № 3. Намъ не удалось видѣть этотъ переводъ.

4. М. Михайловъ. (Подражаніе Португальскому) изъ Байрона. «Иллюстрація», 1847, т. IV, № 4, стр. 62.

Въ часъ упительный блаженства и любви,
Когда люблюсь я тобою, другъ прекрасный.
«О, жизнь моя!» уста прелестныя твои
Мнѣ шепчутъ сладостно съ улыбкой нѣги страстной,
Хоть милыя слова гармоніей живой,
Звуча въ моей душѣ отрадно отдаются—
Однако вспомню, другъ, что жизнь какъ сонъ

пустой.

И въ жизни дни какъ сонъ мгновенно пронесутся...
Что смерть, не пощади прекрасныхъ, юныхъ лѣтъ.
Неумолимо все сразить своей рукою—
И въ мірѣ челоуѣкъ исчезнетъ будто слѣдъ
Забутый на песокъ и вымытый волною
И лишь душа одна за гробомъ не умретъ...
Моя-жъ любовь къ тебѣ срослась съ душой моею
Она, какъ и душа: вѣка переживетъ—
Такъ лучше назови меня душой своею.

XL.

Гауръ.

(The Giaour)

I. Полные переводы.

1. М. Каченовскій: Джауръ. Отрывки изъ одной турецкой повѣсти. Соч. лорда Байрона.

«Вѣстникъ Европы», 1821, ч. ч. 119 и 120, №№ 15, 16 и 17, стр. 165—180, 249—269 и 3—20. Перепечатанъ въ «Выборѣ изъ соч. лорда Байрона» изданномъ Каченовскимъ въ томъ же 1821 г.

Переводъ прозаическій. О переводахъ Каченовскаго изъ Байрона см. дальше «Абидосскую повѣсть».

2. Н. Р. Джауръ. Отрывки турецкой повѣсти изъ сочиненій лорда Байрона. Въ стихахъ. Переводъ Н. Р. Москва. Переводъ (мѣстами сокращенный) въ достаточной степени тяжеловѣсенъ.

Вдали шумятъ валы пѣнисты океана
И разбиваются о каменный утѣсъ;
Изъ влажныхъ моря нѣдръ, какъ будто изъ тумана,
Катится въ высоту съ лазоревыхъ небесъ
Царь дня—и памятникъ, отчизной вознесенный
Спасителя Аѳинъ, низвергну Персовъ въ прахъ,
Хранимый временемъ, стоитъ уединенный.
Родится ль вновь Герой-спаситель, гордымъ страхъ?
Спаситель Греціи! съ вершины Колоненъ
Задумчивый вдали внимаю ропотъ водъ,—
И вижу Грецію дряхлѣющей трофеи.
Какъ свѣтель, ясенъ чистъ, небесный тихій сводъ
Надъ зыбкой бездной зрю тамъ острова щастливы
Гдѣ года времена обильною рукою

Дары плодовъ и жатвъ на тучны сыплють нивы;
Источники журчатъ, и чистою струей
Сады и тихія дубрава орошаютъ;
Зефиры на водахъ лазуревыхъ играютъ,
Благоуханіе на крыліяхъ несутъ,
И въ сердце тихое уныніе ліють,
Пещеры по брегамъ прохладны и укромны
Зовутъ любовниковъ подъ молчаливу сѣнь;
Для трепетной любви вездѣ пріюты скромны
Въ полдневные часы, манятъ къ себѣ подъ тѣнь и т. д.

3. А. Воейковъ. Гауръ. Не указано, что это переводъ изъ Байрона «Новости Литературы», 1826, кн. XVII, сентябрь и октябрь, стр. 114—151. Переводъ прозаическій.

4. А. А. Студитскій. Гауръ, отрывокъ изъ турецкой повѣсти лорда Байрона Въ «Москвитинѣ», 1844, т. II, № 3 и въ изданіи Гербеля

Переводъ сдѣланъ неровно, но въ общемъ принадлежитъ къ лучшимъ передачамъ Байроновской поэмы.

5. Е. Мишель. Гауръ. Байрона. Перевелъ Евгений Мишель. СПб. 1832. Переводъ прозаическій.

6. В. Петровъ. Гауръ, отрывки изъ турецкой повѣсти. Лорда Байрона. Перевелъ разномѣромъ послѣдника В. П. Петровъ. СПб., 1873. Въ 8-ю д. л. стр. 1—84.

Переводъ счень плохъ.

Отрывки изъ Гаура.

1. П. Шереметьевскій. Отрывокъ изъ повѣсти лорда Байрона «Гауръ». «Зимцерла», 1829, отд. II, стр. 30. 42. Строфы I, II, III, IV, V, VIII, IX, XV, XVI, XVII, XXI, XXIII, XXIV, XXV, XXVIII, XXIX и XXX.

Переводъ довольно гладкій. Приводимъ для образца строфу XXI.

Какъ красоту молодой Лены
Волшебной кистью описать?
Ее ни съ кѣмъ нельзя сравнить:
Какой то томностью унылой;
Съ любовью страстной и живой,
Очаровательныя очи,
Какъ лучезарный вѣсеперъ ночи,
Сіяли гордой красотой.
Какъ блескъ Бенгальскаго алмаза,
Рубиномъ рѣдкимъ Шебираза
Сіяли свѣтлые они
Отрады въ счастливые дни.
Сѣвозъ потупленныя рѣсницы,
Какъ свѣтъ родившейся денницы
Алѣетъ въ небѣ голубомъ,
Такъ на лицѣ ея живомъ
Румянецъ нѣжный разливался,
И блѣдной розой отгнѣялся
Къ красѣ лилейной близны—
Какъ утро майское весны.

2. Трилуний. Отрывокъ изъ поэмы лорда Байрона «Гауръ», «Галатея», 1029, ч. IV, № 19, стр. 175 — 181. Это начало поэмы. Переводъ довольно гладкій. Приводимъ для образца описаніе Греціи:

Востока дивная страна!
Всегда цвѣтущая весна
Съ улыбкой дань тебѣ несетъ.
Когда несчастный грекъ, съ высотъ
Колонны, грустный взоръ простретъ,

На неподвижный хороводъ
Твоихъ прекрасныхъ острововъ,
На горы выше облаковъ,—
Въ мечтахъ волшебныхъ погрузитъ
Онъ будетъ мыслью занесенъ...
Но тѣ вѣка съ лица земли
Ужъ невозвратно утекли.

III.

Здѣсь море синее вдаль
Съ закатомъ неба голубымъ
Слилось; какая тишь надъ нимъ!
Оставя гротъ, самъ Океанъ,
Одѣтый въ утренній туманъ,
Любуется зеркаломъ водъ:
Нигдѣ волны не колыхнутся!
Лишь отразился черный боръ,
Съ вершиной бѣлоснѣжныхъ горъ;
Онъ вѣнчаютъ острова.
Лишь иногда кристалъ едва
Пестритъ завитый вѣтерокъ;
Но онъ отдѣлитъ ли цвѣтокъ,
И въ тотъ-же мигъ на крыльяхъ самъ,
По нѣжно бархатнымъ лугамъ,
Его разноситъ ароматъ и т. д.

3. В. Трубниковъ. (Изъ Ряжска, какъ подписано подъ переводомъ). Небольшой отрывокъ изъ «Гаура» поэмы лорда Байрона) «Литерат. Прибавл. къ Русскому Инвалиду», 1832, № 52, стр. 415 и 416.

Утесъ огромный надъ водою
Унылый, мрачный кажетъ видъ;
И надъ поверхностью морскою
Далеко тѣнь его лежитъ.
Ладьею опаснаго Майнота.
Онъ представляется въ дали;
И рыбака отъ сей земли
Влечетъ пугливая забота.
Довольный ловлей и собою
На брегъ Леонскій онъ плыветъ
И пѣсню счастья поетъ:
Любуясь полною луною
Ночей восточныхъ красотою и т. д.

4. Иванъ Козловъ. «Литературн. Прибавленія къ «Русскому Инвалиду», 1838, № 24, стр. 466.

Изъ Джіаура.

(Подражательный переводъ).

Блестя на пурпурныхъ крылахъ,
Въ зеленыхъ Индіи поляхъ,
Дыша восточною весной,
Царевной воздуха живой,
Подруга мотылька летитъ,
Младенца за собой манитъ,
Предъ нимъ порхаетъ на цвѣтахъ.
И, вдругъ теряясь въ облакахъ,
Мелькая вьется; утомленъ,
Почти въ слезахъ вздыхаетъ онъ.
Такъ юношу краса манитъ,
И такъ легка и такъ блеститъ;
Надежду въ немъ тревожитъ страхъ,
Безумье кончитъ онъ въ слезахъ.
Удастся-ль,—горе и тоска
Ждутъ и красу, и мотылька:
Покою, счастья лишены,
Они бѣдамъ обречены:
Одинъ—младенческой игрой,
А та—любовью роковой.

ПРИМѢЧАНІЯ КО ВТОРОМУ ТОМУ.

Едва желанное сбылось,
И рьяной волѣ удалось
Достать плѣнительный предметъ,—
Ужъ въ немъ очарованья нѣтъ:
Прикосновеньемъ каждымъ онъ
Сіянья прежняго лишенъ,
И цвѣтъ и прелесть потерялъ,
Забытъ и брошенъ—и увялъ.
Везъ крыльевъ и томясь тоской,
Двумъ жертвамъ гдѣ найти покой?
Ахъ, мотылекъ ужъ не блеститъ,
Съ тюльпана къ розѣ не летитъ!
Красѣ, которой нѣжный цвѣтъ
Увянетъ вмигъ,—блаженства нѣтъ.
Гдѣ мотылекъ полу-живой?
Не вьется ихъ веселый рой;
И тѣ, кто ихъ милѣй,—и тѣ
Безъ чувствъ къ виновной красотѣ;
И, всякой тронуты бѣдой,—
Подругѣ не простятъ одной.

Б. В. Буренинъ. «Вѣстникъ Европы», 1871, т. I,
№ 2, отд. I, стр. 622—626. Превосходный переводъ
начала поэмы:

Греція.

Чуть вѣетъ вѣтеръ... Чередой
Волна катится за волной
Вокругъ скалы, гдѣ спитъ вѣка
Герой Аѳинъ, издавека
Его блѣдетъ курганъ,
И парусамъ, изъ чуждыхъ странъ
Вѣгущимъ къ берегу, поклонъ
Привѣтный посылаетъ онъ...

Волшебный край! Тамъ круглый годъ
Свою улыбку солнце шлетъ
Цвѣтущимъ пышно островамъ,
И голубое море тамъ
Простерло свѣтлыхъ волнъ кристалъ
Къ подножью разноцвѣтныхъ скалъ,
И дремлютъ сонныя онѣ,
Глядясь въ лазурной глубинѣ.
Тамъ перелетный вѣтерокъ,
Чуть сморщивъ водъ прозрачный токъ,
Въ долины мчится съ высоты
И будитъ сонные цвѣты,
И, преклонясь, они дрожатъ
Отъ ласкъ его и ароматъ
Въ нагрѣтомъ воздухѣ струять.
Тамъ пѣсню чудною своей
Звенитъ любовникъ—соловей
Невѣстѣ юной—розѣ горь;
Одѣта въ свадебный уборъ,
Полна стыдливой красотой,
Она внимаетъ пѣснѣ той;
Надъ ней не вѣютъ никогда
Зимы суровой холода,
И солнца вѣчно-ясный свѣтъ
Ее цѣлуетъ и привѣтъ
Ей шепчетъ вѣтерка полетъ,
И смотреть въ синій неба сводъ
Она съ улыбкою и шлетъ,
За красоту свою въ возвратъ,
На небо вздохомъ ароматъ...
Тамъ дернъ блеститъ какъ изумрудъ,
Тамъ сѣнь деревъ любви пріютъ,
Тамъ гроты къ отдыху зовутъ,
Но лишь пиратъ береговой
Къ нимъ челнъ причаливаетъ свой
И сторожить, таясь, когда

Взойдетъ вечерняя звѣзда
И бѣлый парусъ на волнѣ
Мелькнетъ и въ сонной тишинѣ
Гитары разнесется авонтъ;
Тогда весломъ беззвучнымъ онъ
Направитъ челнъ изъ-подъ скалы
Къ добычѣ вѣрной: среди мглы
Къ пловцу прокрадется—и въ мигъ
Пѣснь превратится въ смертный крикъ...

Но странно-ль—этотъ дивный край,
Гдѣ боги создали свой рай,
Гдѣ прелести природы всѣ
Блестятъ въ невиданной красѣ,—
Взялъ человекъ себя, чтобъ въ немъ
Жить разрушеніемъ и зломъ,
Чтобъ превратить эдемъ земли
Въ пустыню Пышно разцвѣли
Предъ нимъ цвѣты; его рука
Не украшала ихъ вѣнка;
Но тщетно взоръ его очей
Они влекутъ красой своей:
Какъ дикій звѣрь, ожесточенъ,
Безжалостно ихъ топчетъ онъ...
Не странно-ль—гдѣ въ тиши нѣмой
Цвѣтетъ природа, тамъ грозой
Бушуютъ страсти, тамъ развратъ
И преступленіе жизнь мрачатъ;
Тамъ надъ обломками руинъ
Тиранство—мрачный властелинъ -
Воздвигло свой высокій тронъ,
Чтобъ возмущать ихъ вѣчный сонъ;
Какъ демонъ, ада мрачный царь,
Похитившій небесъ алтарь,
Оно простерло власть свою
Въ странѣ любви; въ земномъ раю,
И мрачно налегло на все
Проклятія роковымъ клеймомъ!

Видали-ль вы черты лица
У мертвой въ первый день конца,
Въ послѣдній день земныхъ тревогъ,
Когда стереть еще не могъ
Перстъ разрушенія роковой
Блескъ красоты ея земной?
Восторгъ таинственный проникъ
Недвижно-помертвѣлый ликъ.
На блѣдность матовую щекъ,
Какъ будто чудный отблескъ легъ.
Сомкнуты вѣки впалыхъ глазъ;
Увы, въ нихъ жизни свѣтъ погасъ,
И въ часъ веселья, скорби часъ
Гдѣ ихъ не блеснетъ слеза свѣтло!
Какъ мраморъ холодно чело
И, мнится, замерла на немъ
Мысль о покоѣ гробовомъ;
Его недвижно-блѣдный видъ
Взоръ привлекаетъ и страшитъ:
Какъ будто тайнъ могильныхъ тьму
Раскрыта готова смерть ему..
И еслибъ не былъ такъ уму
Ужасенъ призракъ роковой
Оцѣпенѣлости нѣмой,
То въ мертвой жизни признать, порой,
Могла бы тайная мечта:
Столь чуднымъ блескомъ обята
Ея нѣмая красота,
Столь безмятежна и ясна
Лежитъ въ гробу своемъ она.
Такъ эта дивная страна,
Такъ эта Греція мертва,
Лежитъ вѣка и такова
Она въ могильномъ снѣ: блѣдна,

Тиха, прекрасна, холодна!
 Невольной скорбью томить
 Ея печальной смерти видъ;
 Въ ней свѣтъ и трепетъ жизни стихъ,
 Но отблескъ прелестей былыхъ
 Въ чертахъ усопшей не угасъ.
 Послѣднихъ думъ, въ послѣдній часъ
 Въ душѣ мелькавшихъ, тайный слѣдъ
 Легъ на лицѣ и, будто свѣтъ
 Небесный, вкругъ чела обвелъ
 Позолоченный ореолъ.
 Увы, тотъ пламень неземной
 Блеститъ, но прежней теплотой
 Его лучи ужъ не зажгутъ
 Земли покинутый пріютъ,
 Который долго такъ они
 Телѣли въ былые дни!..

Земля героевъ, чьи дѣла
 Безсмертны! Каждая скала,
 Долина каждая была
 Здѣсь храмомъ вольности святой,
 Могилой славы вѣковой!
 И что-жъ, ужели тамъ, гдѣ встарь
 Стоялъ могущества алтарь,
 Теперь остался прахъ одинъ
 Печальныхъ и нѣмыхъ руинъ?
 —О рабъ трусливый! Подойди:
 Не термояпыль здѣсь? Гляди,
 Какое море льется тамъ
 Волной лазурной къ берегамъ?
 Вкругъ Саламинскихъ гордыхъ скалъ
 Простерся этихъ водъ кристалъ!
 Свободы выродокъ! слыхаль
 Ты что-нибудь о славѣ ихъ?
 Возстанъ за вольность дней былыхъ!
 Изъ пещи славнаго гробовъ
 Твоихъ схороненныхъ отцовъ
 Добудь священный пламень тотъ,
 Что ихъ живилъ, и рабства гнетъ
 Отбрось, или пади въ борьбѣ
 Съ тиранствомъ! Память о тебѣ
 Къ твоимъ потомкамъ перейдетъ
 И гордый сынъ скорѣй умретъ.
 Но славу честную отца
 Не постыдитъ онъ до конца!
 Когда любовь къ свободѣ разъ
 Въ сердцахъ проснувшихся зажглась—
 Ея огонь неугасимъ.
 О Греція! будь вѣковымъ
 Свидѣтелемъ, что тѣмъ время
 Не можетъ омрачить именъ,
 Которыхъ славою озаренъ
 Здѣсь каждый холмъ. Давно забыть
 Блескъ власти тѣхъ, чей прахъ зарытъ
 Подъ грудой гордыхъ пирамидъ,
 Воздвигнутыхъ рукой рабовъ.
 Затѣмъ, чтобъ въ памяти вѣковъ
 О ихъ властителяхъ молва
 Была нетлѣнна и жива;
 Но тутъ, хотъ памятниковъ рядъ
 Разрушенъ временемъ, хранятъ
 Преданья подвиговъ былыхъ
 Высоты скалъ береговыхъ—
 Нерукотворный мавзольей
 Безсмертной славы прежнихъ дней!
 Передъ могилами людей,
 Чья память вѣчно будетъ жить,
 Напрасно было бъ говорить
 О томъ, какъ славная страна
 Унизилась, какъ шла она
 Къ гибели за шагомъ шагъ:
 Оружьемъ чужеземный врагъ

Не могъ убить ея, но духъ
 Святой свободы въ ней потухъ
 И рабъ-народъ отдался самъ
 Во власть тиранству и цѣпямъ!..
 Теперь, несчастная страна,
 Безмолвемъ смерти ты полна!
 Нѣтъ для тебя легендъ былыхъ,
 Нѣтъ славныхъ дѣлъ, чтобъ муза ихъ
 Воспѣтъ такъ пламенно могла,
 Какъ въ оны дни, когда жила
 Ты славою! Гдѣ твои сыны,
 Чьи души были зажжены
 Огнемъ свободы, чьи сердца
 Къ своей отчизнѣ до конца
 Хранили жаркую любовь?
 Увы, имъ не воскреснуть вновь!
 А ихъ потомковъ жалкій родъ
 Лежитъ во прахѣ и несетъ
 Покорно тяжкій гнетъ оковъ;
 Рабы—нѣтъ, узники рабовъ—
 Они въ бездушии вѣмомъ
 Влечать позоръ свой день за днемъ
 И въ преступленіи одномъ
 Находятъ жизни; на нихъ порокъ
 Клеймомъ неизгладимымъ легъ;
 Они безсмысленный звѣрей,
 И даже доблесть дикарей
 Въ ихъ низкихъ душахъ и сердцахъ
 Не можетъ жить! лишь гнусный страхъ
 Да хитрость древнюю они
 Являютъ міру въ наши дни!..

XLI.

Абидосская невѣста.

(The Bride of Abydos).

1. М. Каченовскій. (Абидосская невѣста. Турецкая повесть. Соч. лорда Байрона). «Вѣстникъ Европы», 1821, ч. 1:0, №№ 18, 19 и 20, стр. 81 105, 16.—179 и 241—258. То же въ изданномъ Каченовскимъ «Выборѣ изъ сочиненій лорда Байрона» Переводъ прозаическій.

Несмотря на относительную легкость задачи, такъ и чувствуешь въ этомъ переводѣ представителя литературнаго старовѣрства, возставшаго противъ волшебника русской рѣчи—молодого Пушкина. Сразу обдаешь архаизмомъ:

«Извѣстна ли вамъ страна, гдѣ кипарисъ и миртъ
 Бываютъ эмблемами ежедневныхъ происшествій?
 Тамъ слышны звуки горлицы уныло воркующей, и
 тамъ же хищный коршунъ терзаетъ свою добычу.
 Всегда покрытая новыми цвѣтами, всегда освѣ-
 щается солнцемъ безоблачнаго неба, земля сія про-
 изводитъ и лозы винограда и величественные кедръ.
 Благонное дыханіе зефировъ нѣжитъ алая розы
 садовъ ея; днемъ и ночью соловей поетъ въ ея ро-
 щахъ, гдѣ дозрѣваютъ драгоценные плоды маслич-
 наго дерева и лимоннаго. Пестрота разнообразной
 почвы спорить о преимуществѣ съ роскошными
 цвѣтами неба и съ лазурью океана»

Красавицы страны сея нѣжны, подобно цвѣтамъ,
 изъ которыхъ плетутъ онѣ душистыя вѣзи; наконецъ
 все восхитительно въ ней, кромѣ нравовъ мушьянъ,
 тамъ живущихъ. Говорю о прекрасномъ климатѣ
 Востока, о землѣ солнца; но, ахъ, можетъ ли оно
 улыбаться, видя поступки виновныхъ сыновъ своихъ!

Сердца въ нихъ свирѣпы; ихъ повѣсти мрачны, какъ
 послѣднее прощаніе любовника съ любовницей, и т. д.

2. Иванъ Козловъ. Невѣста Абидосская. Турецкая повѣсть лорда Байрона СПБ., 1826. 2-ое изд. Спб. 1831. Воспроизведено въ настоящемъ изданіи.

3. М. Политковская Абидосская невѣста Турецкая повѣсть. Передѣлана съ англійской поэмы лорда Байрона. Москва. 1839. «Передѣлка» весьма плохая

I.

Вы знаете ль страну, гдѣ кипарисъ и мирты,
Эмблема подвиговъ и дѣлъ свершенныхъ въ ней?
Любовь, пороки, страсти болѣе развиты,
Хищны коршуны и голубки нѣжны?
Страну, гдѣ гордый кедръ и виноградъ растутъ,
Гдѣ солнца лучъ горячъ, цвѣты всегда цвѣтутъ:
Въ садахъ порхаютъ, пышныхъ и пространныхъ,
Зефиръ, на крылахъ благоуханныхъ.
Оливка и лимонъ, прекраснѣйшій тамъ фруктъ
И вѣчно соловьи пѣть не перестаютъ.
Гдѣ колоритъ земли, сводъ неба голубой,
Хоть цвѣта разнаго, но красоты одной,
И пурпуромъ блеститъ тамъ океанъ сѣдой.
Гдѣ дѣвы страстныя вѣнка изъ розъ свѣжѣй,
И все божественно, лишь человекъ тамъ злѣй.
Восточный климатъ гдѣ, и солнца край любимый,
Оно смѣясь глядитъ, какъ тамъ судьбой гонимый,
Съ отчаяньемъ прости любовникъ говоритъ.
О! мрачны тамъ сердца, и ихъ рассказы страшны.

XII.

Корсаръ.

(The Corsair).

1. А. Воейковъ. Корсаръ. Изъ сочиненій лорда Байрона. «Новости Литературы», 1825, кн. XIV, Октябрь, стр. 42—63, Ноябрь, стр. 89—111 и 18.6, книжка XV. Январь, стр. 1—28. Переводъ прозаическій.

2. В. Олинъ. Корсаръ. Романическ. трагедія въ 3-хъ дѣйств., съ хоромъ, романсомъ и двумя пѣснями, турецкою и арабійскою, заимствованная изъ англ. поэмы лорда Байрона, подъ названіемъ «The Corsair». Сочиненіе В. Н. Олина. СПБ., 1827.

Уже заглавіе достаточно характеризуетъ безобразную передѣлку. Олинъ былъ бездарный стихотворецъ и мелкій литературный промышленникъ, въ данномъ случаѣ рассчитывавшій привлечь покупателей модными литературными именами. Поэма самымъ механическимъ образомъ переложена въ діалоги, разбавленные разными амплификаціями, придающими всѣмъ дѣйствующимъ лицамъ совершенно лубочный оттѣнокъ. Конецъ совершенно сочиненъ: Конрадъ закалывается. Въ общемъ это грубая балаганная профанация.

3. Н. Гербель. «Морской разбойникъ». Въ Гербелевскомъ изданіи соч. Байрона.

4. А. М. Федоровъ. Переводъ для настоящаго изданія.

Отрывки изъ „Карсара“.

1. Иванъ Козловъ въ «Альманахѣ на 1838 г.».

Стансы

(Изъ «Морского разбойника», лорда Байрона).

Глубоко въ тишинѣ, предавъ навѣкъ безмолвью,
Я тайну нѣжную храню въ груди моей,
И сердце томное, къ тебѣ дрожа любовью,
Вѣтряетъ лишь ее одной любви твоей.

Подъ сводомъ тихая лампада гробовая
Бросаетъ вѣчный свой нѣмъ незримый свѣтъ.
Не тмишь ее тоска, во мракѣ унывая,

Хотя напрасенъ блескъ, какъ будто вовсе нѣтъ.

О, не забудь меня и близъ моей могилы!
Увы, когда пройдешь, то вспомни милый прахъ;
Одинъ ударъ убьетъ мои душевные силы,
Забвенія твоего ужасенъ сердцу страхъ.

Будь тронутъ пламенной, нѣжнѣйшею мольбою:
О тѣхъ, кого ужъ нѣтъ, печаль есть долгъ святой;
Обрадуй тѣнь мою сердечною слезою—
Наградой за любовь, послѣднею, одной.

2. Д. Свѣжскій (Д. Д. Минаевъ) въ «Дѣлѣ», 1871, № 12, стр. 41.

Пѣсня пиратовъ.

Скользимъ мы по морю, по снпмъ волнамъ,
Земная неволя невѣдома намъ;
Гдѣ волны встаютъ надъ морской глубиной,
Тамъ наши владѣнья, тамъ край нашъ родной,
Тамъ нашему царству конца не найти,
Тамъ все передъ нами бѣжитъ на пути.
Свободу и радости жизни морской
Оцѣнить-ли рабъ истомленный какой,
Который съ душею робкой своей
Смутится при видѣ безбрежныхъ зыбей?
Пойметъ-ли вельможа, который съ плененъ
И крѣпкаго сна и веселья лишентъ?
Завидовать намъ въ состоянн лишь тотъ,
Кто съ дѣтства сжилъ съ вѣчнымъ ропотомъ водъ,
Кто къ грозной стихіи съ дной раннихъ привыкъ
И бури морской понимаетъ языкъ...
Засады иль битвы ждаты съ часу на часъ,
Опасность встрѣчать, какъ награду, не разъ,
И тамъ гдѣ трусь жалкій отъ страха замреть,
Съ безумной отвагой бросаться впередъ—
Вотъ жизнь, для которой мы всѣ рождены,
«себя отдавая капризу волны.
Въ круженіи жизни намъ смерть не страшна,
Когда же подкрадется быстро она,
Косой заманется, чтобъ насъ испугать,
Не все-ли равно: на войнѣ умирать,
Иль въ мягкой постели отъ драхлости лѣтъ.
Пусть ветхій старикъ, обращенный въ скелетъ,
Которому хлная старость мила,
Поднять, угасая, не можетъ чела,
И тихо кончаетъ свой жизненный путь;
Мы дней безполезныхъ не ставемъ тянуть,
Мгновенно испустимъ послѣдній свой вздохъ
И смерть не застанетъ нигдѣ насъ врасплохъ.

XIII.

Ода къ Наполеону Бонапарту.

(Ode to Napoleon Buonaparte).

1. «Байронъ въ переводахъ Алеко». О переводахъ Алеко см. въ примѣчъ къ «Евр. Мелодіямъ». Какъ и всѣ его переводы и переводъ «Оды» заключаетъ въ себѣ множество вульгарностей и неудачныхъ прибавокъ:

*Вчера еще король, король надъ королями
Вооруженъ до пяти вѣнчанными главами!*

и т. п.

2. Галерій Брюсовъ. Переведено для настоящаго изданія.

LXIV.

Лара.

(Lara).

1. Я. Лара. Изъ лорда Байрона. «Новости Литературы», 1826, книга XV и XVI, стр. 19—38. Переводъ прозаическій.

2. А. Носковъ. Лара. Повѣсть въ стихахъ. Соч. лорда Байрона. Переводъ Александра Носкова. Москва 1829.

Переводъ, въ общемъ, довольно посредственный, но не совсѣмъ лишенъ литературныхъ достоинствъ. Къ числу лучшихъ мѣстъ принадлежить X глава I части.

Спустилась ночь—ни вѣтерка
Надъ темно-синими струями,
И сводъ небесный и рѣка
Блстаютъ свѣтлыми звѣздами.
Вода чуть движется волной,
Но непримѣтно утекаетъ,
Какъ радость жизни молодой!
Коверъ зеленый разстилаетъ
Свой влажный шелкъ по берегамъ,
И къ тихимъ наклоняся водамъ
Подъземель къ небу дубъ мастистый,
Во мракѣ ночи, мракъ вѣтвей..
И нѣжная краса полей
Цвѣтетъ при немъ цвѣтокъ душистый;
И тихо все въ прозрачной мглѣ
И въ небесахъ и на землѣ,
«Здѣсь добрый можетъ наслаждаться!»
Подумалъ Лара и навадь
Пошелъ, потупивъ мрачный взглядъ.
Ему нельзя тамъ оставаться..
Природа ночь не для него
Красою дивною одѣла,
Ахъ! ослибъ буря заревѣла
И пала на главу его..

3. Н. Гербель въ «Вѣстникѣ Европы», 1876, № 4
и въ Гербелевскомъ изданіи Соч. Байрона.

Отрывки изъ «Лары»:

1. Иванъ Козловъ въ «Славянинѣ», 1827, № 14.

Ночь въ замкѣ «Лары»

(Изъ Байрона).

Настала ночь. Небесный сводъ въ звѣздахъ
Изображенъ въ серебряныхъ волнахъ;
Едва струясь, прозрачныя бѣгутъ,
И навсегда, какъ радость, утекутъ.
Безсмертные огни съ родныхъ высотъ
Красуются въ стеклѣ волшебныхъ водъ.
Приманчивъ видъ тѣнистыхъ береговъ,
И нѣтъ для пчелъ прелестнѣе цвѣтовъ:
Могла-бъ въ вѣнкѣ Діана ихъ носить,
Могла-бъ любви невинность подарить.
Межъ нихъ рѣки пргивая струя
Бѣжитъ, блеститъ и вьется, какъ змѣя.
Все такъ свѣтло, такая тишина:
Хоть духъ явись—съ нимъ встрѣча не страшна.
Какъ быть вреду? Бродить не станеть Злой
Въ такихъ садахъ, въ такой красѣ ночной;
Подобный часъ для добрыхъ сотворень.
Такъ Лара мыслъ, и въ замокъ молча онъ
Идетъ скорѣй: ему прекрасный видъ

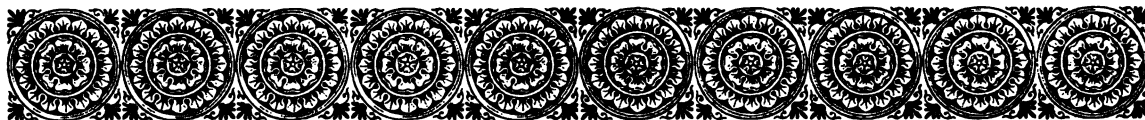
О прежнихъ дняхъ невольно говорить,
О той странѣ, гдѣ сводъ небесъ ясенъ,
Свѣтлѣй луна, ночь тихая милѣй,
О тѣхъ сердцахъ.. Нѣтъ, нѣтъ: шуми надъ нимъ,
Бушуй, гроза! Онъ, дерзкій, нещадимъ,
Душою твердъ; но, свѣтлая красой,
Такая ночь смѣется надъ душой.

Вступилъ онъ въ залъ весь полный тишины;
Тѣнь длинная мелькнула вдоль стѣны;
И этотъ взглядъ, замѣтный часто въ немъ,
Оцѣпенѣлъ въ покоѣ роковомъ.
Очнулся; вотъ.. онъ дышитъ, говорить,
Краснѣй уста; онъ взоръ кругомъ водилъ
И тусклъ, и дикъ, и съ дрожью приходилъ
Опять въ себя. Но онъ не на своемъ
Заговорилъ нарѣчій родномъ;
Звукъ словъ мудренъ: одно понять могли,
Что звуки тѣ—языкъ чужой земли.
И было такъ; но та, съ кѣмъ говорить..
Ахъ, нѣтъ ея,—къ ней рѣчь не долетитъ!

Подходить пажъ; онъ страшный смыслъ рѣчей
Какъ будто зналъ, но изъ его очей,
Изъ блѣдныхъ щекъ не трудно угадать,
Что тайну словъ одинъ не могъ сказать,
Другой открыть. Казалось, будто онъ
Тѣмъ, что сбилось, почти не удивленъ;
Склоняся къ нему, на языкъ чужомъ
Онъ отвѣчалъ—быть-можетъ на своемъ
А тотъ внималъ, какъ нѣжно пажъ молодой
Гналъ мракъ съ души, встревоженной мечтой.
Но былъ ли онъ грозой поверженъ въ страхъ?
Ему-ль бѣда страшна въ однихъ мечтахъ!
Въ бреду-ль онъ былъ, иль вправду, что узрѣлъ,
Забывъ или нѣтъ, но тайну онъ умѣлъ
На сердце взять; и съ новою зарей
Опять онъ бодръ и тѣломъ и душой;
Духовника не позвалъ, ни врачей,
Не пзмѣнилъ осанки и рѣчей;
Въ урочный часъ, какъ прежде, все пошло;
Не веселѣй, не пасмурнѣй чело,—
Все тотъ же онъ; и если разлюбилъ
Ночную тѣнь, равно онъ утаилъ
То отъ рабовъ, которыхъ трепеть, взглядъ
О дняхъ ихъ, объ ужасѣ твердятъ;
Они съ тѣхъ поръ блѣднѣе, и вдвоемъ,
Минуя залъ, проходить черозъ домъ:
Зыбучій флагъ, ползучный скрипъ дверей,
Обоевъ шумъ и вѣтра въ тѣмъ ночей
Унывный вой, и мышъ ли пролетитъ,
Густая-ль тѣнь липъ темныхъ задрожитъ—
Все страшно имъ, когда печальной мглой
Вдоль дикихъ стѣнъ обляжетъ мракъ ночной.

2. Н. Маркевичъ. Элегія, изъ Байрона. «Стихотворенія Н. Маркевича», (Спб. 1829) (Пѣснь II, трофа I). О переводахъ Маркевича см. т. I, стр. 385.

Дальнѣйшія указанія переводовъ см. въ III т.



РИСУНКИ.

I.

Рисунки въ текстѣ.

	Стр.
202) Видъ Шильонскаго замка—рисунокъ, приложенный къ I-му изданію перевода Жуковскаго.	2
203) Заглавная страница перваго изданія перевода Жуковскаго	3
204) Тюрьма Бонниваръ въ настоящее время.	12
205) Шильонскій замокъ въ 1820-хъ годахъ. (The castle of Chillon). Рис. Гардинъ (J. D. Harding), грав. Э. Финденъ (Edw. Finden).	13
206) Прокрадывался лучъ дневной Въ стѣнную скважину ко мнѣ. Рис. Уорренъ (H. Warren), грав. Э. Финденъ (Edw. Finden)	15
207) Бонниваръ и умирающій младшій братъ его (Bonnivard and his brother). Рис. Стэнфильдъ (C. Stanfield. R. A.), грав. Э. Финденъ (Edw. Finden).	17
208) Тѣ двое—дѣва съ юношей—глядѣли, Она на мѣръ, простерты передъ нею, Цвѣтущій, какъ она сама, а онъ— Лишь на нее. Рис. Корбу (Edw. Corbould), грав. Гудйеръ (J. Goodyear)	19
209) Мадамъ де-Сталь (M-me de Stael). Съ портрета Жерара (Gerard), грав. Э. Финденъ (Edw. Finden)	28
210) Сводная сестра Байрона—Августа Ли (The Hon. Augusta Leigh). Съ эскиза сэра Джорджа Гейтера (From a drawing by Sir George Hayter)	30
211, Шериданъ (Richard Brinsley Sheridan). Съ портрета Рейнольдса (Sir Joshua Reynolds, R. R. A)	33
212) Манфредъ и фея альпъ (Manfred and the witch of the Alps). Рис. Мидоусъ (K. Meadows), грав. Л. Стоксъ (L. Stocks)	54
213) Манфредъ и фея альпъ (Manfred and the witch of the Alps). Рис. Говардъ (H. Howard, R. A.), грав. Бэконъ (F. Bacon).	57
214) Манфредъ и Астарта (Manfred and Astarte). Рис. Гербертъ (J. Herbert), грав. Стоксъ (L. Stocks)	61
215) Манфредъ и Астарта (Manfred and Astarte). Рис. Корбу (H. Corbould), грав. Ромней (J. Romney)	65

Стр.

216) враги, долой. Я руку смерти чую, а не вашу. Рис. Вестолъ (Rich. Westall, R. A.), грав. Гизъ (Charles Heath)	69
217) Торквато Тассо (Torquato Tasso). Портретъ кисти Алори (Alessandro Allori, 1533—1607), во Флоренціи (Firenze, Galleria Uffizi).	71
218) Такъ называемая келья Тасса въ госпит. Св. Анны въ Феррарѣ (The prison called Tasso's Cell in the hospital of Sant Anna)	73
219) Элеонора д'Эсте (Eleonora d'Este). Рис. Стоунъ (F. Stone), грав. Райолъ (H. T. Ryall)	81
220) Тассо среди сумасшедшихъ (Le Tasse dans la maison des fous). Рис. карандашемъ Еженя Делакруа (Eugène Delacroix)	83
221) Венеціанки на балконѣ (Venetian women seen from a balcony). Рис. Дэвисъ (J. F. Davis), грав. Гудйеръ (Goodyear)	91
222) Лаура (Laura). Рис. Рихтеръ (H. Richter), грав. Райолъ (Ryall)	93
223) Лаура (Laura) Рис. Джекинсъ (J. J. Jenkins), грав. Мотъ (W. H. Mote)	95
224) Лаура (Laura). Съ карт. Боксола (W. Boxall), грав. Эдкокъ (J. Adcock)	97
225) Встрѣча Лауры съ мужемъ. Рис. Гербертъ (J. Herbert), грав. Ролсъ (C. Rolls)	101
226) Встрѣча Лауры съ мужемъ. Рис. Рихтеръ (H. Richter), грав. Смитъ (S. S. Smith)	103
227) Заглохшая Венеція. Рис. Кармишель (Carmichel), грав. Вильморъ (Willmore)	105
228) Карлъ XII (Karl XII). Съ современнаго портрета Крафта (David Krafft 1655—1724)	118
229) Янъ Казимиръ (Jan Kazimierz). Рис. Яна Матейки (Jan Matejko, 1891)	121
230) И я замѣтилъ—не игрою Она была увлечена Рис. Рихтеръ (H. Richter), грав. Стэнсъ (R. Staines)	123
231) Тереза (Theresa). Рис. Вудъ (E. Wood) грав. Мотъ (W. H. Mote)	125
232) Воронъ злой Кружить надъ сумракомъ равнины. Рис. Вестолъ (Rich. Westall, R. A.), грав. Гизъ (Ch. Heath)	129
233) Старая Венеція (XIII—XIV вѣковъ) Дождь. Изъ Caesare Vecellio, <i>Habiti Antichi e Moderni</i> , 1589	165
234) Старая Венеція (XIII—V вѣковъ)	

Стр	Стр.
Догаресса. Изъ Caesare Vecellio, <i>Habiti Antichie Moderni</i> , 1589	169
235) Старая Венеція (XIII—XIV вѣковъ) Сенаторъ. Изъ Caesare Vecellio, <i>Habiti Antichie Moderni</i> , 1589	173
236) Старая Венеція (XIII—XIV вѣковъ) Горожанинъ, купецъ. Изъ Caesare Vecellio, <i>Habiti Antichie Moderni</i> , 1589	177
237) Старая Венеція (XIII—XIV вѣковъ) Сановникъ, посланникъ, консулъ. Изъ Caesare Vecellio, <i>Habiti Antichie Moderni</i> , 1589	179
238) Старая Венеція (XIII—XIV вѣковъ) Знатная дама. Изъ Caesare Vecellio, <i>Habiti Antichie Moderni</i> , 1589	183
239) Старая Венеція (XIII—XIV вѣковъ) Знатная дама. Изъ Caesare Vecellio, <i>Habiti Antichie Moderni</i> , 1589	185
240) Старая Венеція (XIII—XIV вѣковъ) Знатный юноша. Изъ Caesare Vecello, <i>Habiti Antichie Moderni</i> , 1589	187
241) Старая Венеція (XIII—XIV вѣковъ) Молодая дѣвушка. Изъ Caesare Vecellio, <i>Habiti Antichie Moderni</i> , 1589	189
242) Старая Венеція (XIII—XIV вѣковъ) Молодая дѣвушка. Изъ Caesare Vecellio, <i>Habiti Antichie Moderni</i> , 1589	191
243) Церковь Сан-Джованни е Паоло въ Венеціи. (Chiesa dei S.S. Giovanni e Paolo, Venezia).	193
244) Памятникъ Генералу Коллеони на площади у церкви С.-Джованни е Паоло (Monumento al generale Colleoni).	197
245) Старая Венеція (XIII—XIV вѣковъ) Воинъ. Изъ Caesare Vecellio, <i>Habiti Antichie Moderni</i> , 1589	201
246) Старая Венеція (XIII—XIV вѣковъ) Воинъ. Изъ Caesare Vecellio, <i>Habiti Antichie Moderni</i> , 1589	205
247) Старая Венеція (XIII—XIV вѣковъ) Знатный юноша въ плащѣ. Изъ Caesare Vecellio, <i>Habiti Antichie Moderni</i> , 1589	207
248) Битва съ венграми (гуннами) подъ Зарой въ 1346 г. Картина <i>Тинторетто</i> (Tintoretto, 1519—1594) во дворцѣ дожей въ Венеціи	209
249) Позорящая надпись вмѣсто портрета Марино Фальеро въ портретной галлерей венеціанскихъ дожей. Слева портретъ предшественника Фальеро Андреа Дандоло; переводъ латинской надписи: «Это мѣсто Марино Фальерія, обезглавленнаго за преступленія»	231
250) Лѣстница гигантовъ (La Scala dei giganti. Venezia, Palazzo Ducalo)	233
251) Прощаніе Фальеро съ женой. Рис. <i>Гербертъ</i> (J. Herbert), грав. <i>Ролсъ</i> (C. Rolls)	235
252) Прощаніе Фальеро съ женой. (съ картины <i>Вестоля</i> (Richard Westall, R. A.) грав. <i>В. Финденъ</i> (W. Finden)	237
253) Ослѣпшій Георгъ III (George III). Съ портрета мецотинто <i>Чарльза Тёрнера</i> (Charles Turner R. A., 1773—1837)	249
254) Робертъ Соутъ (Robert Southey). Портретъ <i>Доунмана</i> (John Downman, A. R. A., 1750—1824)	257
255) Принцъ-регентъ, впоследствии Король Георгъ IV (1762—1830). Съ портрета <i>Лауренса</i> (Sir Thomas Lawrence, P. R. A.)	277
256) Графиня Блессингтонъ (Countess of Blessington). Съ портрета <i>Лауренса</i> (Sir Thomas Lawrence, P. R. A.)	285
257) Остатки древне-ассирійской культуры. Колосальный крылатый быкъ съ человѣческой головой и крылатая фигура у входа въ дворцовыя ворота въ Куюнджикъ. (Изъ «Monuments of Nineveh». Лэйарда)	295
258) Историческій Сарданапалъ (Ассуръ-банипалъ) въ памятникахъ древне-ассирійскаго искусства. Сарданапалъ на охотѣ. (Барельефъ въ Британскомъ музеѣ. Съ фотографіи Mansell & Co въ Лондонѣ.	301
259) Дворецъ ассирійскихъ царей въ Ниневіи. Реставрація Лэйарда (Layard, Monuments of Nineveh)	305
260) Изображеніе Сарданапала въ формѣ подставки чаши. Британскій музей. Съ фотогр. Mansell & Co, Лондонъ	309
261) Древне-ассирійское искусство (Гира)	312
262) Голова лошади, везущей колесницу Сарданапала. Барельефъ. Британскій музей	313
263) Борьба Сарданапала съ Эламитскимъ царемъ Туманомъ Барельефъ. Съ фотогр. Mansell & Co, Лондонъ	317
264) Сарданапалъ убиваетъ льва (изъ Куюнджикскихъ барельефовъ въ Британскомъ музеѣ).	321
265) Сарданапалъ на львиной охотѣ. Барельефъ. Съ фотографіи Mansell & Co, Лондонъ	325
266) Войско приветствуетъ Сарданапала послѣ битвы. Барельефъ. Съ фотографіи Mansell & Co, Лондонъ	329
267) Колосальный левъ у входа во дворецъ ассирійскихъ царей въ Нимрудѣ (Layard, Monuments of Nineveh)	330
268) Разрушеніе крѣпости во времена Сарданапала. Барельефъ въ Британскомъ музеѣ. Съ фотографіи W. A. Mansell & Co, Лондонъ	333
269) Пиръ Сарданапала	337
270) Пиръ Сарданапала	341
271) Развалины въ Нимрудѣ. Барельефы у входа въ храмъ. (Layard, Monuments of Nineveh)	343
272) Мирра (Myrrha). Рис. <i>Стонъ</i> (F. Stone), грав. <i>Артлетъ</i> (R. A. Artlett)	345
273) Ассирійская прическа. (Барельефъ)	349
274) Древне-ассирійскій орнаментъ. (Наружная стѣна гарема царя Саргона въ Хорсабадѣ)	357
275) Пиръ Сарданапала (дѣйств. III, сп. I; входитъ Пана). Съ картины <i>Парриса</i> (E. T. Parris), грав. <i>Пиріамъ</i> (G. A. Periam)	361
276) Мирра (Myrrha).	
Смотри!	
Вотъ факель я зажгла, чтобъ путь нашъ къ звѣздамъ	
Онъ освѣщаль.	
Рис. <i>Медоусъ</i> (K. Meadows), грав. <i>Мотъ</i> (H. Mote)	363
277) Смерть Сарданапала (по разсказу Діодора Сицилійскаго). Картина <i>Лиски</i> (Liska)	369
278) Смерть Сарданапала (по разсказу Діодора Сицилійскаго). Картина <i>Чалона</i> (Chalon)	371
279) Палаццо Фоскари въ Венеціи (Palazzo Foscari)	385
280) Венеція XV вѣка въ картинахъ <i>Карпаччіо</i> (Vittore Carpaccio) род. около 1460. Король Теонато отпускаетъ пословъ (Il Re Teonato congeda gli ambasciatori)	393
281) Дождь и Марина. Рис. <i>Гербертъ</i> (J. Herbert), грав. <i>Ролсъ</i> (C. Rolls)	397

	Стр.
282) Свиданіе Марины съ мужемъ. Рис. <i>Мадокса Броуна</i> (Ford Madox Brown)	403
283) Венеція XV вѣка въ картинахъ <i>Карпаччіо</i> (Vittore Carpaccio). (Изъ цикла легенды о Честномъ Древѣ <i>Miracolo del Santo legno della Croce</i>)	407
284) Джакомо Фоскари оставляетъ темницу. Рис. <i>Джонсъ</i> (S. I. E. Jones), грав. <i>Портбери</i> (E. J. Portbury)	411
285) Венеція XV вѣка. (Внутренность церкви— <i>Interno di una chiesa</i>). Картина <i>Джентиле Беллини</i> (Gentile Bellini, 1427—1516)	417
286) Дождь.. Нѣтъ я гордо Сойду по тѣмъ ступенямъ, по которымъ Взошелъ занять властительскій престолъ По лѣстницѣ гигантовъ. Рис. <i>Стохардъ</i> (T. Stothard, R. A.), грав. <i>Портбери</i> (E. J. Portbury)	429
287) Венеція XV вѣка. Изъ цикла картинъ <i>Джентиле Беллини</i> , посвященныхъ легендѣ о Честномъ Древѣ. (<i>Gentile Bellini—Miracolo del legno della Santa-Croce</i>)	431
288) Каннъ и Авель въ искусствѣ: деталь бронзовыхъ дверей въ баптистеріи Сан-Джованни во Флоренціи, работы <i>Гиберти</i> (La porta del Battistero di S.-Giovanni, Ghiberti. Lorenzo 1378—1455)	457
289) Каннъ убиваетъ Авеля. Картина <i>Тизіана</i> (Tiziano Vecellio) въ церкви Мадонна della Salute въ Венеціи	461
290) Каннъ. Статуя <i>Дюпре</i> (Giovanni Dupré, 1817—1882)	465
291) Убитый Авель. Бронза <i>Дюпре</i> (Giovanni Dupré, 1817—1882)	469
292) Группа <i>Генели</i> (Ernst Julius Hähnel, 1811—1891)	473
293) Каннъ и Авель, картина <i>Фальера</i> (Falgüère)	481
294) Первая скорбь на землѣ. Группа <i>Барриаса</i> (L. E. Baryas, p. 1841)	485
295) Ада и спящій Енохъ. Рис. <i>Вудъ</i> (E. Wood), грав. <i>Мотъ</i> (W. J. Mote)	487
296) Каннъ и Авель. Группа <i>Гильдебранди</i> (A. E. Hildebrand, p. 184)	489
297) Каннъ. Картина <i>Лиски</i>	493
298) Первая смерть на землѣ. Картина <i>Вуиро</i> (Vouguereau)	497
299) Жуковский въ 1820 г.	XIII
300) П. Н. Вейнбергъ	XVII
301) А. Л. Соколовскій	XXV
302) Джонъ Фривъ	XXXIII
303) Гробница Данте въ Ревеннѣ	XLV

II.

Автописи на отдѣльныхъ листахъ.

27) Сонъ (Lord Byron's Dream). Картина <i>Истляка</i> (Sir Charles Lock Eastlake, 1793—1865)	21
28) Астарта (Astarte). Рис. <i>Корбу</i> (H. Corbould), грав. <i>Райолъ</i> (H. T. Ryall)	65
29) Манфредъ и Астарта (Manfred and Astarte). Картина <i>К. Лиски</i> (K. Liska)	66
30) Въ картинѣ, гдѣ съ женою виденъ онъ Земной любви имъ образъ воплощенъ («Беппо», строфа XII) Картина <i>Джорджіоне</i> (Georgione) Palazzo Giovanelli	99

Стр.

31) Мазепа въ старости (Mazepa aetatis 70). Съ офорта <i>Норблена</i> (Norblain de la Gourdain, 1745—1830)	117
32) Лошадь, къ которой привязанъ Мазепа, переплываетъ рѣку. Рис. <i>Мадокса Броуна</i> (Ford Madox Brown)	130
33) Мазепа, окруженный табуномъ дикихъ лошадей. Карт. <i>Ораса Верне</i> (Horace Vernet)	130
34) Графиня Гвиччіоли (Countess Guiccioli). Съ миниатюры. Рис. <i>Вудъ</i> (E. C. Wood), грав. <i>Динъ</i> (T. A. Dean)	134
35) Древнѣйшій портретъ Данте. Фреска <i>Джотто</i> . Флоренція, Museo Nazionale. Firenze. Ritratto di Dante Alighieri, Giotto, 1266—1337	186
36) Данте. Портретъ кисти <i>Андреа дель Кастагньо</i> . въ монастырѣ Санта Антонія во Флоренціи (Ex convento di Sant' Apollonia, Firenze, Ritratto di Dante Alighieri, Andrea di Castagno, 1390—1457)	142
37) Данте и его поэма. Карт. живописца XV в. <i>Доменико ди Франческо</i> , по прозванью <i>ди Микелино</i> , въ Флорентинск. каедральномъ соборѣ (Firenze. Cattedrale, Dante o il suo poema. Domenico di Francesco, detto di Michelino)	144
38) Данте. Изъ «Парнаса» Рафаэля въ Ватиканѣ. (Dante. Dettaglio del Parnasso, Raffaele, Vaticano)	148
39) Анджіолина (Angiolina). Съ карт. <i>Стона</i> (Frank Stone), грав. <i>В. Финденъ</i> (W. Finden)	180
40) Венеція XV вѣка въ карт. <i>Карпаччіо</i> (Vittore Carpaccio, род. около 1460)	400
41) Венеція XV вѣка въ карт. <i>Карпаччіо</i> (Vittore Carpaccio)	404
42) Венеція XV вѣка въ карт. <i>Карпаччіо</i> (Vittore Carpaccio)	414
43) Процессія на площади Св. Марка (Processione in Piazza S. Marco). Карт. <i>Джентиле Беллини</i> (Gentile Bellini, 1427—1507)	424

III.

Гелиографуры и хромолитографіи.

9) Шильонскій узникъ. Картина <i>Делакруа</i> (Le prisonnier de Chillon, par Eugène Delacroix)	19
10) Иоганна Мейеръ въ роли Астарты (Johanna Meyer als Astarte). Карт. <i>Габріэля Макса</i> (Gabriel Max)	64
11) Астарта (Astarte). Карт. <i>Габріэля Макса</i> (Gabriel Max)	64
12) Тассъ въ темницѣ (Le Tasse dans le prison des fous) Картина <i>Делакруа</i>	84
13) Мазепа, преслѣдуемый волками (Mazepa aux loups) Карт. <i>Ораса Верне</i> (Horace Vernet)	130
14) Смерть Марино Фальера (La mort de Marino Faliero). Карт. <i>Делакруа</i> (Eugène Delacroix)	238
15) Заглавный листъ (уменьшенный въ 4 раза) монументальнаго изданія Лэйарда «Monuments of Niniveh»	286
16) Чертогъ во дворцѣ ассирійскихъ царей. (Реставрація Лэйарда)	352
17) Смерть Сарданапала. Картина <i>Делакруа</i>	373
18) Двое Фоскари Картина <i>Делакруа</i>	388
19) Франческо Фоскари. Портретъ <i>Беллини</i>	433

Оглавление II-го тома.

Стихотворенія, предъ которыми поставлена звѣздочка (*) впервые переведены на русскій яз. въ настоящемъ изданіи.

		стр.
I.	Шильонскій Узникъ, перев. В. Жуковского, съ предисловіемъ академика Александра Веселовскаго	1
II.	*Сонетъ къ Шильону, новый перев. Н. Минскаго	10
III.	Сонъ, перев. Н. Минскаго	19
IV.	Тьма, перев. И. Тургенева	24
V.	*Могила Черчилля, новый перев. О. Чюминой	25
VI.	Прометей, перев. Василя Маркова	29
VII.	*Отрывокъ, новый перев. О. Чюминой	27
VIII.	*Сонетъ къ Женевскому озеру, новый перев. Н. Минскаго.	28
IX.	Стансы къ Августъ, перев. А. Дружинина	29
X.	*Посланіе къ Августъ, новый перев. О. Чюминой	30
XI.	*На болѣзнь лэди Байронъ, новый перев. О. Чюминой	33
XII.	*Монодія на смерть Р. Б. Шеридана, новый перев. Н. Холодковскаго.	35
XIII.	Манфредъ, перев. кн. Д. Цертелева, съ предисловіемъ проф. Н. А. Котляревскаго.	39
XIV.	*Жалоба Тасса, новый перев. Т. Щепкиной Куперникъ, съ предисловіемъ прив.-доц. М. Н. Розанова	71
XV.	Беппо, переводъ Павла Козлова съ предисл. П. С. Когана	85
XVI.	*Ода къ Венеціи, новый перев. Т. Щепкиной-Куперникъ	105
XVII.	*Мазепа, новый перев. В. Мазуркевича, съ предисл. П. О. Морозова	111
XVIII.	*Пророчество Данте, новый переводъ О. Чюминой съ предисловіемъ проф. Л. Ю. Шепелевича	131
XIX.	Марино Фаліеро, исправл. перев. А. Соколовскаго, съ предисл. почетнаго академика К. К. Арсеньева	153
XX.	*Видѣніе Суда, новый перев. Ю. Балтрушайтиса съ предисл. прив.-доц. Евг. Тарле	240
XXI.	*На бюстъ „Елена“ Кановы, новый перев. С. Ильина	270
XXII.	*Венеція (отрывокъ), новый перев. С. Ильина	270
XXIII.	*Нѣтъ, бродить ужъ, какъ бывало, новый перев. В. Лихачова	271
XXIV.	*На Сэма Роджерса, новый перев. С. Ильина	271
XXV.	*Поединокъ, новый перев. В. Мазуркевича	272
XXVI.	*Стансы къ По, новый перев. О. Чюминой	274
XXVII.	*Сонетъ на бракосочетаніе маркиза Антоніо Кавали съ графиней Клеліей Распони изъ Равенны, новый пер. И. Гриневской.	275
XXVIII.	*Сонетъ принцу-регенту, по поводу отмѣны конфискаціи имущества лорда Эдуарда Фитцджеральда, новый перев. И. Гриневской	275
XXIX.	*Стансы, новый перев. В. Мазуркевича	276
XXX.	*Ода къ дамѣ, возлюбленный которой былъ убитъ пулей, раздробившей въ то же время портретъ на его сердцѣ, новый переводъ Пл. Краснова	278
XXXI.	*Ирландская аватара, новый перев. Н. Брянскаго	280
XXXII.	Стансы, написанные на дорогѣ между Флоренціей и Пизой, перев. В. Полова.	284
XXXIII.	*Стансы на индусскую мелодію, новый перев. В. Мазуркевича	284
XXXIV.	*Къ — , перев. И. Гриневской.	284
XXXV.	*Графиня Блессингтонъ, новый перев. Пл. Краснова	285
XXXVI.	*Аристомень, новый перев. Пл. Краснова.	286
XXXVII.	Сарданапалъ, исправленный и дополненный V актомъ перев. почетнаго академика П. Вейнберга, съ предислов. проф. Л. Ю. Шепелевича	293
XXXIII.	Двое Фоскари, исправленный перев. А. Соколовскаго, съ предислов. проф. Ѳ. А. Броуна	373
XXXIX.	Синіе чулки, перев. А. Соколовскаго.	435
XL.	Каинъ, перев. Е. Зарина, съ предисл. почет. академика Петра Вейнберга	444
XLI.	Примѣчанія ко II-му тому П. О. Морозова и С. А. Венгерова. . I—LXXXII	